

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ
РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

Серия «Русский Путь: pro et contra»
основана в 1993 году

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

АЛЕКСАНДР III: PRO ET CONTRA

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2013

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

Д. К. Бурлака (председатель), *В. Е. Багно*, *С. А. Гончаров*,
А. А. Ермичев, митрополит *Иларион (Алфеев)*,
К. Г. Исупов (ученый секретарь), *А. А. Корольков*,
Р. В. Светлов, *В. Ф. Федоров*, *С. С. Хоружий*

Ответственный редактор тома

Д. К. Бурлака

Составители:

И. Е. Барыкина, *В. Г. Чернуха*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект 13-03-00241а «Романовы: pro et contra. Образы Романовых
в общественном сознании российского, советского,
постсоветского времени»*

Александр III: pro et contra, антология / Сост. *И. Е. Барыкиной*,
В. Г. Чернухи; вступ. статья *В. Г. Чернухи*; коммент. *И. Е. Барыкиной*. — СПб.: РХГА, 2013. — 894 с. — (Русский Путь).

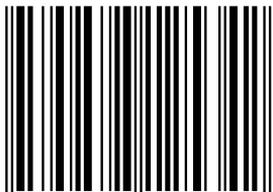
ISBN 978-5-88812-534-2

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей и биографикой.

Очередной том в серии «Русский Путь» представляет тексты, воссоздающие историю царствования, которое совсем недалеко отстоит от переломных событий 1917 года. Центральная идея антологии, посвященной императору Александру III, заключается в том, чтобы показать два плана этой исторической фигуры, противоречивое сочетание в личности самодержца побуждений частного лица и устремлений правителя огромной империи. Сборник охватывает широкий круг источников: фрагменты дневников и воспоминаний современников, письма, законодательные акты, оценки историков.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей и может быть полезна для преподавателей и студентов вузов, а также для учащихся других учебных заведений.

ISBN 978-5-88812-534-2

9 785888 125342

- © В. Г. Чернуха, составление, вступ. статья, 2013
- © И. Е. Барыкина, составление, комментарии, 2013
- © Русская христианская гуманитарная академия, 2013
- © «Русский Путь», название серии, 1994

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы держите в руках очередное издание «Русского Пути» — «Александр III: pro et contra».

Позволим себе напомнить читателю замысел и историю реализации «Русского Пути», более известного широкой публике по подзаголовку «pro et contra».

Изначальный замысел проекта состоял в стремлении представить российскую культуру в системе сущностных суждений о самой себе, отражающих динамику ее развития во всей ее противоречивости. В качестве феноменов, символизирующих духовную динамику в развитии нашей страны, могли бы фигурировать события (войны, революции), идеи или мифологемы (свобода, власть), социокультурные формообразования и течения (монархия, западничество). Этот тематический слой уже включен в разработку. Однако мы начали реализацию проекта наиболее простым и, в том смысле, в котором начало вообще образует простое в составе целого, пошли правильным путем.

На первом этапе развития проекта «Русский Путь» в качестве символов национального культуротворчества были избраны выдающиеся люди России. «Русский Путь» открылся в 1994 году антологией «Николай Бердяев: pro et contra. Личность и творчество Н. А. Бердяева в оценке отечественных мыслителей и исследователей». Последующие книги были посвящены творчеству и судьбам видных деятелей российской истории и культуры. Состав каждой из них формировался как сборник исследований и воспоминаний, компактных по размеру и емких по содержанию, оценивающих жизнь и творчество этих представителей нашей культуры со стороны других видных ее деятелей — сторонников и продолжателей либо критиков и оппонентов. Тексты антологий снабжались комментариями, помогающими современному читателю осознать исторические обстоятельства возникновения той или иной оценки, мнения.

За девятнадцать лет серия выросла и ныне представляет собой нечто подобное дереву, корень которого составляет сам замысел духовного осмысления культурно-исторических реалий, ствол образует история культуры

в ее тематическом единстве, а ветви суть различные аспекты цивилизационного развития — литература и поэзия, философия и теология, политика. В литературно-поэтической подсерии «Русского Пути» были опубликованы антологии о А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, Н. В. Гоголе, Ф. И. Тютчеве, Л. Н. Толстом, А. П. Чехове, М. Горьком, В. В. Набокове, И. Бунине, Н. Гумилеве, А. Ахматовой, А. Блоке, А. Белом, В. Маяковском, З. Гиппиус, Н. Заболоцком. Философско-теологическая подсерия представлена С. Булгаковым, Вл. Соловьевым, П. А. Флоренским, В. В. Розановым, а также, помимо других российских философов, западными мыслителями в русской рецепции — Платоном, Бл. Августином, Н. Макиавелли, Ж.-Ж. Руссо, И. Кантом, Ф. Шеллингом, Ф. Ницше. Научная и политическая ветви проекта представлены антологиями о Павлове и Вернадском, а также книгами, посвященными Петру I, Екатерине II, Александру I, Александру II, К. П. Победоносцеву. Этот круг, мы надеемся, будет в ближайшее время расширен. Следует отметить и таких фигурантов «Русского Пути», деятельность которых не поддается однозначной тематической рубрикации. В их числе Н. Карамзин, Н. Чернышевский, Д. Андреев. При всем различии их деятельности указанные личности являются субъектами именно нашей — российской — культуры.

Академии удалось привлечь к сотрудничеству в «Русском Пути» замечательных ученых, деятельность которых получила и продолжает получать поддержку Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), придавшего качественно иной импульс развитию проекта. В результате «Русский Путь» расширяется структурно и содержательно. Итогом этого процесса может стать «Энциклопедия самосознания русской культуры». Антологию, посвященную императору Александру III, можно рассматривать в качестве одного из шагов на пути реализации этого замысла.

В. Г. Чернуха
АЛЕКСАНДР III
(1845–1894)

Сохранилось много описаний внешности предпоследнего российского самодержца, набросанных рукой почитателей и критиков, лицемеров и людей искренних. Есть в них, разумеется, и общее, но в отношении и оценках они рознятся. Дадим же слово человеку беспристрастному, к тому же наделенному острым взглядом художника, — А. Н. Бенуа. «И тут я впервые увидел Александра III совершенно близко, — вспоминает он о 1889 году. — Меня поразила его «громоздкость», его тяжеловесность и — как-никак — величие. До тех пор мне очень не нравилось что-то «мужицкое», что было в наружности государя, знакомой мне по его официальным портретам... И прямо безобразною казалась мне на этих портретах одежда (мундир) государя, — особенно в сравнении с элегантным видом его отца и деда... Но вот в натуре обо всем этом забывалось, до того самое лицо государя поражало своей значительностью. Особенно поразил меня взгляд его светлых (серых? голубых?) глаз. Проходя под тем местом, где я находился, он на секунду поднял голову, и я точно сейчас испытываю то, что я тогда почувствовал от встречи наших взоров. Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то грозное и тревожное, производил впечатление удара. Царский взгляд! Взгляд человека, стоящего *выше всех*, но который несет чудовищное бремя и который ежесекундно должен опасаться за свою жизнь и за жизнь самых близких! В последующие годы мне доводилось несколько раз быть вблизи императора, отвечать на задаваемые им вопросы, слышать его речь и шутки, и тогда я не испытывал ни малейшей робости. В более обыденной обстановке (при посещении наших выставок) Александр III мог быть и мил, и прост, и даже... «уютен». Но вот в тот вечер в Мариинском театре

впечатление от него было иное, — я бы даже сказал, — *странное и грозное*»¹.

Поразительно перекликается этот словесный портрет с другим, созданным иными средствами, — конной статуей Александра работы Паоло Трубецкого. «Грозная и тревожная» фигура гиганта, при встрече могущая вызвать лишь страх и желание посторониться. Так его воспринимали подданные, таким он казался иностранцам, таким он был для многих, даже самых близких, членов царствующей фамилии, которую, по выражению С. Ю. Витте, умел «держат в решпекте». А между тем в Александре III было много очень симпатичных черт, отступавших на задний план, когда он исполнял свои царские обязанности. Происходило это потому, что он, добропорядочный обыватель и прекрасный семьянин, нес чужую (в буквальном смысле!) ношу, бремя единовластного правителя, не обладая нужными для этого качествами, кроме крупной, импозантной фигуры, что, кстати, позже столь контрастировало с обликом его сына и преемника. Александр был достаточно самокритичен, чтобы ощущать это внутреннее несоответствие, так что предпоследний самодержец — трагическая фигура русской истории. Трагичны и последствия его тринадцатилетнего царствования. Самое горькое, что история могла, кажется, пойти несколько иначе, и удар революции, видимо, уже неизбежный, все же мог быть смягчен более гибкой и прогрессивной политикой. Ведь не он должен был стать императором, а его брат. Но будто злой рок тяготел над Россией: в XIX веке она занималась тем, что теряла время, отпущенное для преобразований, и происходило это — в авторитарном государстве за все отвечает автократ — по вине ее монархов. Внес свой вклад в дело затягивания неразвязываемых узлов и Александр III, причем с самыми лучшими намерениями, считая, что упрочивает будущее собственной семьи, династии, России и даже Европы.

Будущий российский император рос в семье многочисленной и многодетной. Только сыновей у Александра II было шестеро: Николай, Александр, Владимир и Алексей родились с перерывом в полтора — два года. Затем, уже после значительной паузы, Сергей и Павел.

Старший из братьев, Николай, названный в честь деда, родился в сентябре 1843 года и был вторым ребенком в семье наследника престола (первым была девочка, Александра). Так что в этой семье не было острой проблемы престолонаследия, как у Александра I или Николая II. Хотя официально великий князь Николай Александрович стал наследником не сразу, а лишь после смерти деда в феврале 1855 года, однако принцип преемственности власти по старшинству сулил царствование ему, и внимание родителей сосредоточилось,

¹ Бенца А. Мои воспоминания: В 5 кн. Кн. I–III. М., 1980. С. 591.

прежде всего, на нем. В раннем детстве воспитание детей было сходным: все они были на попечении нянюшек-англичанок и целой армии кадровых военных, их опекавших. На этом настаивал дед-император, да и отец придерживался такой же точки зрения. Двух старших братьев, Николая и Александра, одновременно начали учить и грамоте, и военному делу. Наставница, В. Н. Скрипицына, давала им первые уроки чтения и письма, арифметики и священной истории, а военные воспитатели, руководимые генерал-майором Н. В. Зиновьевым и полковником Г. Ф. Гогелем, обучали их фронту, маршировке, ружейным приемам, смене караула. И для этого были серьезные основания. Дело в том, что по законам и обычаям все великие князья уже с момента рождения (точнее, в день крещения), зачислялись в привилегированные гвардейские полки и тогда же назначались шефами других. Но это было только начало их воинской службы. В дальнейшем многочисленные государственные и семейные праздники служили поводом для получения новых шефств и новых зачислений в полки, а также продвижения по службе, производства в офицерские чины. Александр, например, получил чин прапорщика в свое семилетие, пожалован в подпоручики десятилетним, восемнадцати лет произведен в полковники. Номинальная армейская служба давала право ношения нарядных полковых мундиров, а военная выучка — возможность малышами стоять на часах в дни каких-нибудь торжеств, создавая трогательное зрелище. Только самое начальное обучение оба старших брата проходили вместе: скоро стала сказываться разница в возрасте, да и задачи перед ними стояли разные. Обучению наследников престола в XIX веке уже придавалось большое значение.

Насмотревшиеся на многочисленные всплески деспотизма, которым слишком часто оборачивалась абсолютная власть, европейские, да и русские мыслители уже в XVIII веке упорно искали правовых гарантий от крайностей неограниченной власти. Шла разработка теории конституционного права. Это обстоятельство, подкрепленное аргументами многочисленных европейских революций, заставляло самодержавие приспособливаться, демонстрировать свою дееспособность. В русле этих попыток приспособиться лежит и забота о воспитании и образовании наследника престола. Уже Екатерина II понимала это и пыталась серьезно подготовить к государственной деятельности своего внука. Николай I поручил руководство воспитанием наследника, будущего Александра II, В. А. Жуковскому, который придавал своей миссии наставника цесаревича не меньше значения, нежели своим поэтическим занятиям. Основательной была и подготовка Николая Александровича (сына Александра II), хотя путь к ней был непрост.

Смена в 1855 году императоров с особой серьезностью поставила задачу обучения Николая, ставшего наследником де юре. К тому же он вступал в отрочество, и обучение должно было переводиться на следующую ступень. Родители были этим озабочены, но интересно, что императрица Мария Александровна оказалась тогда гораздо более восприимчивой к новым веяниям, связанным с общественным подъемом того замечательного времени, нежели царь. Между супругами во второй половине 50-х годов бывали частые размолвки по поводу направления обучения и выбора учителей. Мария Александровна очень любила сына, между ними существовали самые нежные отношения, и хотела, чтобы тот оказался на высоте будущих обязанностей. Поэтому она взяла на себя поиски программы и наставников для сына. Разговаривая как-то с новым министром иностранных дел князем А. М. Горчаковым, известным лицеистом первого выпуска, на эту тему и выяснив, что их взгляды совпадают, она попросила министра составить для нее записку с изложением его идей воспитания и обучения наследника. Что он и сделал в апреле 1856 года. Его «Программа» — замечательный документ либеральной идеологии той эпохи и звено борьбы тогдашних интеллектуалов за модернизацию страны и государственной системы. Суть ее состояла в следующем: надо переориентировать образование с военного на светское, демократизировать его, сделать наследника человеком европейских понятий, хорошо осведомленным о прошлом России и ее настоящем положении. «Призванный царствовать над Россиею, — писал Горчаков, — наследник должен с русским сердцем соединять ум европейский. Чем более он любит свое отечество, тем менее должен он закрывать глаза на его недостатки, на сильные и слабые стороны сравнительно с друзьями и недругами. Пусть в нем созреет убеждение, что Россия, несмотря на свою обширность и на свойственные ей особенности, не составляет исключения, но заключает в себе все, что есть хорошего или дурного во всем мире. Она подвержена тем же основным природным законам»². Принцип осторожности, постепенности в политике, взвешенности каждого решения — вот что должен усвоить наследник в итоге обучения. «Программа» предусматривала трехэтапное обучение, примерно соответствовавшее курсам: гимназическому (до 16 лет), университетскому (до 19 лет) и практическому (до 21 года). Это напоминало в принципе схему Жуковского. Но были в «Программе» и новации, призванные подготовить наследника как гражданина новой России. Министр рекомендовал прохождение усеченного университетского курса на университетской скамье, среди

² Татищев С. С. Император Александр III. Его жизнь и царствование. (Рукопись). РГИА. Ф. 878. Оп. I. Д. 4. Л. 83.

студентов, а на стадии практики — службу в должности генерал-губернатора, что искони считалось самой хорошей подготовкой для поста в центральной и высшей администрации. При этом «управление какой-либо административной отраслью» не влекло за собой «исполнительной ответственности». Но даже и при таких условиях это был шаг вперед во взглядах на долг наследника и императора. Он переносил акцент с прав императора на его обязанности, осуществление которых невозможно без основательной и современной подготовки.

Под давлением императрицы план этот как будто начал осуществляться. В качестве главного наставника, по рекомендации Горчакова, был выбран дипломат В. П. Титов, имевший репутацию человека и умного, и образованного. Последний пригласил к наследнику в качестве учителя К. Д. Кавелина, и все это вопреки желанию императора. Такая концентрация вокруг наследника либералов и людей штатских, оттеснение людей военных вызвали недовольство прежнего учительско-воспитательского штата — жалобы, интриги, соперничество, всегда, впрочем, в придворной среде существовавшие. Новым было то, что, благодаря бытовавшим в это время элементам публичности, все это вышло наружу. М. П. Погодин, человек, близкий к славянофилам, да к тому же и сам претендовавший на роль наставника, разразился назидательным письмом к Титову, которое ходило по рукам, а потом было напечатано за границей, что вызвало гнев императора и расследование обстоятельств «утечки информации». Кавелин, высочайшее неприятие которого выявилось в том, что император не пожелал познакомиться с учителем сына, был немедленно отставлен после напечатания в «Современнике» его статьи об отмене крепостного права. Титов под давлением обстоятельств, да и оказавшись не на своем месте, ушел, и причина всех этих перестановок отчетливо прояснена письмом Александра II к жене: «Я должен признаться, что разделяю во многих отношениях точку зрения Зиновьева, а не Титова, в котором сквозь честного человека постоянно проглядывает идеолог с современными принципами, не совпадающими с моими»³. Торжество военных наставников, приглашение из-за границы Ф. А. Гримма вместо Титова вызвало тревогу в кругах «шестидесятников», внимательно следивших за сшибкой нового со старым, и эта тревога была выражена А. И. Герценом в его письме императрице, опубликованном в «Колоколе». В горячем и, как всегда, страстном послании, продиктованном болью за судьбу России, великий эмигрант писал: «По несчастью, очень многое в судьбах самодержавных монархий зависит от личности царя... Вы можете увеличить счастливые

³ Там же. Л. 127.

шансы — в пользу ближайшего будущего России... Вы сделали опыт спасти Вашего сына, будущего царя, от худшего воспитания на свете, от воспитания великокняжеского, т. е. солдатского, окруженного военной дисциплиной и немецким клиентизмом». И далее, убеждая Марию Александровну не допустить возврата к старому шаблону, он взывал: «Звание русского царя не есть военный чин. Пора оставить дикую мысль завоеваний, кровавых трофеев, городов, взятых приступом, разоренных деревень, потоптанных жатв... Все, что требует Россия, — основано на мире... Войско — разорение, насилие, притеснение; его основание — безмолвная дисциплина»⁴.

То ли письмо Герцена произвело впечатление (а императрица его читала и показывала Гримму⁵), то ли повлияло наступление совершеннолетия наследника, но в спорах в конце концов была поставлена точка и обучение решено было организовать на европейский лад.

Российские наследники престола имели два совершеннолетия: юридическое, в 16 лет, и фактическое, в 21 год. Юридическое было связано с торжественным введением великого князя в ранг наследника, когда тот приносил в кругу близких и официальных лиц две присяги, гражданскую и военную, на верность царю и отечеству. Николай Александрович был приведен к присяге, отделен от братьев (до этого все они жили вместе), получив отдельные апартаменты в одном из помещений Зимнего дворца. В качестве некоего гувернера к нему приставили полковника О. Б. Рихтера, который постоянно жил возле него. Сам наследник, вступивший в юношеский возраст, осознавший свою ответственность и одновременно ощутивший всю недостаточность своего образования, оказался внутренне подготовлен к серьезной учебе. Матушка занялась его светским воспитанием, приглашая его на вечера в свою гостиную, где он встречался с государственными людьми и придворными, усваивал обычаи двора, умение вести разговор и держаться в обществе. Местом знакомств со светской молодежью зимой служил каток Таврического сада, куда великие князья приходили кататься, летом — пригородные военные лагеря. Что же касается образования, то поставить его на высокий уровень был призван (вместо Гримма) граф С. Г. Строганов, более всего известный по службе в качестве попечителя Московского учебного округа. Строганов, как когда-то Жуковский, занялся обдумыванием учебного плана высшего образования, для чего, пойдя на компромисс, составил некую компиляцию из военного и гражданского курсов. В эту программу входили отдельные предметы юридического и филологического факультетов и некоторых дисциплин, преподававшихся

⁴ Колокол. 1858. 1 ноября. С. 217–218.

⁵ *Оол Ф. А.* Воспоминания (1826–1865). М., 1896. С. 110.

в Академии Генерального штаба⁶. К наследнику были приглашены лучшие университетские преподаватели, читавшие ему право, политическую экономию, историю, словесность. С ним занимались И. Е. Андреевский, Ф. И. Буслаев, И. К. Бабст, С. М. Соловьев, М. М. Стасюлевич, Б. Н. Чичерин. Все они восторженно отзывались о своем питомце. Строгий на похвалы Б. Н. Чичерин говорил, что государственная практика и жизненный опыт могли превратить наследника в гения. Воспоминания людей, его знавших, рисуют очень привлекательный портрет красивого, стройного, учтвого юноши, любознательного, прекрасно учившегося, легко схватывавшего предмет, судившего обо всем широко и здраво. Однако такого императора получить России не было дано.

Завершающим аккордом в образовании наследника считалась неременная длительная поездка по Западной Европе (по России такое путешествие было предпринято Николаем летом 1863 года), где он знакомился со странами и их деятелями, постигал разные государственные системы, а заодно наносил визиты многочисленным родственникам, одновременно присматривая себе невесту по сердцу, но и по рангу. В 1864 году цесаревич, с блеском, как считалось, окончив курс наук, отправился в долгое заграничное путешествие. Оно имело и побочную цель: лечебные морские купания, ибо он начал страдать болями в спине. Ничто не предвещало трагедии. Он был любимцем семьи, достойнейшим преемником отца в обновлении России, готовым подхватить его дело. Он был, по словам его дяди, великого князя Константина Николаевича, «чуть не совершенство». Среди мест, которые он посетил, была и Дания, где в сентябре он сделал предложение принцессе Дагмаре. Оно было принято. «Хорошие я пережил минуты, — признавался он в письме в Петербург, — и искренне благодарю Бога, что нашел то, чего так желал, о чем так долго мечтал: любить и быть любиму! Лишь бы по плечу пришлось счастье!»⁷ После поездки по Северной Европе он побывал в Италии, зиму провел в Ницце, куда приехала императрица, ибо состояние его не улучшалось, однако этому не было придано значения вплоть до начала апреля 1865 года, когда он заболел столь тяжело, что к нему были вызваны родные. Первым прибыл Александр Александрович, вслед за ним Александр II с младшими сыновьями. Приехала и принцесса Дагмара с матерью. Они пробыли с наследником всего два-три дня, когда он то приходил в себя, то терял сознание. Организм его уже не принимал лекарств, и агония развивалась быстро. Все это время у его постели были мать, брат Александр и невеста. Врачи

⁶ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 329–330.

⁷ Литвинов Н. П. Из дневника // Исторический вестник. 1907. № 1. С. 43.

договаривались о каком-то общем диагнозе и сошлись на том, что это цереброспинальный менингит. Цесаревич успел причаститься, проститься с родными и скончался 12 апреля 1865 года. Колесо российской истории повернулось, и опять в неблагоприятную сторону: в этот день согласно закону о престолонаследии цесаревичем стал великий князь Александр. Трудно гадать о том, каким монархом был бы тот, подававший большие надежды, юноша, но министр внутренних дел, наслушавшись рассказов врача о последних днях жизни наследника, его предсмертном бреде, в котором он держал речь перед депутатами, с горечью констатировал: «Вообще смерть показала, сколько обещала его жизнь»⁸. Но, как бы то ни было, наследование перешло от сильного кандидата к слабому.

Александр Александрович (семейное прозвище — «бульдожка») считался в семье человеком, которому государственная деятельность откровенно не по плечу. Тетушка императора великая княгиня Елена Павловна в то время «громко говорила, что управление государством должно перейти к Владимиру Александровичу»⁹. И это при том, что и Владимир не блистал какими-либо талантами. Великий князь Константин Николаевич признавал полную неподготовленность Александра к престолу (уже после его воцарения), заявляя, что и он, и Владимир «в детстве и юношестве были предоставлены почти исключительно самим себе»¹⁰. А. И. Чивилев, учитель Александра, «ужаснулся» от перспективы его воцарения, а Б. Н. Чичерин от встреч с ним приходил в «полное отчаяние», не слыша от него «ни одной живой мысли, ни одного дельного вопроса»¹¹.

Все это — горькая правда. Ничто в Александре не давало оснований считать его способным управлять государством. В его официальной биографии, которую принялся было составлять С. С. Татищев по образцу своего сочинения об Александре II, но не завершил, содержится такая, максимально подретушированная, характеристика: «По свойствам своего ума и нрава Александр Александрович представлял полную противоположность старшему брату. По отзыву Грота, в нем не замечалось внешнего блеска, быстрого понимания и усвоения; зато он обладал светлым и ясным здравым смыслом, составляющим особенность русского человека, и замечательной сообразительностью, которую он сам называл “смекалкой”. Учение давалось ему, особенно на первых порах, нелегко и требовало

⁸ *Валуев П. А.* Дневник министра внутренних дел. В 2 т. Т. II. М., 1961. С. 41.

⁹ *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. В 2 т. Т. II. М., 1966. С. 426.

¹⁰ *Перетц Е. А.* Дневник (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 46.

¹¹ *Чичерин Б. Н.* Воспоминания: Земство и Московская дума. М., 1934. С. 109.

серьезных с его стороны усилий... Александр Александрович отличался в классе внимательностью и сосредоточенностью, прилежанием и усидчивостью. Он любил учиться, на уроках допытывался... до корня, усваивал, хоть и не без труда, но обстоятельно и прочно. Труднее всего давалась ему теория языков; любимым же занятием его было чтение, преимущественно рассказов и путешествий»¹². Итак, даже этот благостный и апологетический рассказ о детстве «обожаемого монарха» рисует человека заурядного, тугодума, с трудом карабкающегося по ступенькам знаний. Александр был проще, земнее, предпочитал занимательное чтение и военное дело. Словом, это был обыкновенный мальчик, не очень любивший учиться и норовивший побольше поиграть. Для этого к великим князьям приводили детей придворных, и они предавались всегдашним детским забавам: играли в лошадки, охоту, войну, для чего использовалась игрушечная крепость, построенная в Царском Селе для их военных упражнений. Так было в детстве, так осталось и в последние годы обучения. Тот же Татищев, противореча себе, приводит выдержки из писем наставника Александра, графа Б. А. Перовского, относящиеся к 1862–1863 годам. Он постоянно жаловался императору на своего подопечного, что никак не может «заставить его понять, что учение не должно состоять в просиживании определенного числа часов», и всячески пытается добиться, чтобы тот «понял», что «даже и с употреблением весьма усиленных трудов и стараний едва ли можно, в его положении, достигнуть той точки образования, которое обыкновенно имеют молодые люди его лет; чтобы он понял, что во всех предметах мы вынуждены заниматься такими вещами, которые преподаются только детям и, следовательно, упускаем время». «Однако, — заключал Перовский, — к сожалению, до сих пор он смотрит на это с самой ребяческой точки зрения»¹³.

До апреля 1865 года такое положение было терпимо: Александр был всего лишь одним из великих князей, которые всю жизнь больше числились на военной службе, чем служили, и которым знание истории и литературы, экономики и права было ни к чему. Наследничество буквально свалилось на него, никогда о том не помышлявшего. Он был огорчен смертью брата, которого очень любил, ошеломлен переменой в собственной судьбе. Однако традиции и заботы об устойчивости власти требовали определенности в деле престолонаследия. И, несмотря на горе всей семьи, несостоявшиеся еще похороны (тело покойного долгим путем, морем, было отправлено в Петербург для погребения), Александр приступил к исполнению разного рода це-

¹² Татищев С. С. Указ. соч. Л. 55.

¹³ Там же. Л. 327.

ремоний приемов и представлений, связанных с его новым статусом. Ему пришлось приносить в церкви Зимнего дворца присягу, быть представленным депутациям и в Петербурге, и в Москве, участвовать в празднествах по этому поводу.

К апрелю 1865 года Александр был полковником и флигель-адъютантом, наследничество принесло ему производство в чин генерал-майора с зачислением в свиту императора и назначение атаманом всех казачьих войск. В это время он был уже сложившимся человеком, не подготовленным к новым обязанностям и лишенным задатков государственного деятеля. Последнее исправлению не поддавалось, подготовку же (равную на тот момент слабой гимназической) можно было восполнить. Нового наследника принялись усиленно просвещать историки, правоведы, экономисты. Ему читали К. П. Победоносцев, С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, И. К. Бабст, Ф. Г. Тернер. В наследнике как частном человеке было много привлекательных черт. Он был прям, честен, искренен, нечестолюбив, добр, благожелателен к близким. И одновременно неловок, застенчив, неуклюж. К тому же обладал большим чувством ответственности. Это последнее и было в полной мере мобилизовано им во время наследничества и в период царствования. Но еще одно обстоятельство: на тот момент взгляды Александра уже определились. В. П. Мецкерский оставил интересную характеристику его особенностей в этом возрасте. И здесь мемуарист, как и другие, не мог отрешиться от сопоставлений. «В старшем брате, — отмечает Мецкерский, — не было никаких элементов философии; напротив, своим чутким и восприимчивым ко всем оттенкам окружающего его мира, своим тонким и пронизательным умом... он всецело воспринимал и влияния на себя жизни, или считался с нею и признавал ее силу; младший брат... наоборот, он не подчинялся, так сказать, силе окружающей его жизни, не моделировал себя по ней»¹⁴. Многие называли это упрямством, в действительности это статичность мышления; черты будущего императора уже видны в двадцатилетнем Александре.

Чтение курсов разных наук, дав Александру некоторые знания, мало что могло изменить в этом сложившемся характере. К тому же и возможности для занятий были у него теперь резко ограничены. Его положение требовало присутствия на многочисленных официальных встречах и приемах, свадьбах и похоронах, балах и военных смотрах, дипломатических приемах и всякого рода заседаниях. К тому же вскоре, в октябре 1866 года, он женился на невесте покойного брата, принявшей при крещении имя Мария Федоровна. Для того чтобы решиться на это, ему пришлось переступить через свое чувство к пре-

¹⁴ Мецкерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 2. (1865–1881 гг.) Б/м, 1898. С. 4.

лестной молодой фрейлине княжне Марии Элимовне Мещерской. Привязанность к ней была столь велика, что он готов был отречься от престола. Может быть, поэтому родители не стали далеко искать невесту и тянуть со свадьбой. Брак этот был «альянсом», ибо оба признались друг другу в своих чувствах к третьим лицам (Дагмара — в любви к покойному цесаревичу Николаю), но неожиданно оказался счастливым. Все единодушно отмечают уютность их семьи, теплоту отношений. Вскоре новый наследник стал не только молодоженом, человеком семейным, но и отцом. Александр любил семью и детей. «Рождение детей, — пишет он Победоносцеву в связи с появлением на свет дочери, — есть самая радостная минута жизни и описать ее невозможно, потому что это совершенно особое чувство»¹⁵.

Поэтому подготовка наследника к царствованию происходила скорее в сфере государственной практики, в процессе его участия в текущей политике и продолжалась полтора десятка лет. Александр II сразу же, в целях приобщения наследника к политике, вознамерился принимать доклады министров только в его присутствии, но такое обыкновение в первое время было скорее исключением, чем правилом. Зато в 1868 году наследник был введен в состав высших государственных учреждений — Комитета и Совета министров, Государственного совета. Правда, следов активного участия его в обсуждении дел крайне мало, он больше слушал, чем говорил. Наследники вообще не играли решающей роли в политике в XIX веке. Что заставляло Александра помалкивать — собственная ли застенчивость, некомпетентность или властная позиция отца, сказать трудно. Но когда в декабре 1873 года на заседании Совета министров, обсуждавшего вопрос о контроле предводителей дворянства за деятельностью народных школ, император обратился к наследнику, спрашивая его мнение, военный министр несказанно удивился этому и записал в дневник: «Никогда еще не случалось в прежних заседаниях Совета, чтобы государь спрашивал его мнение»¹⁶.

Если окидывать взглядом весь период наследничества Александра, пытаясь понять его место в политической жизни этого периода, то напрашивается вывод, что он представлял оппозицию справа, причем не оппозицию так называемой «аристократической партии», деятели которой заглядывались на английские образцы решения и социальных, и государственных вопросов, а оппозицию сугубо националистического толка. Оппозиция наследника была скорее идеологическая, чем действенная, однако его оппонирование политике отца в это время

¹⁵ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 2-й. М.; Пг., 1923. С. 1008.

¹⁶ Миллютин Д. А. Дневник. Т. I. М., 1947. С. 116.

бесспорно. Наследник был не в таких отношениях с отцом, чтобы публично с ним спорить или тем более открыто противодействовать, но уж слишком часто они оказывались в противоположных лагерях политиков, и не только потому, что взгляды их сильно различались (это-то бесспорно!), но еще и оттого, что Александр II, обладавший качествами государственного деятеля, часто поступал вопреки своим желаниям и взглядам, по государственному расчету, соображаясь с потребностями государства. Отец и сын по-разному смотрели на национальную политику. И если царь смотрел на чрезвычайные меры, принимаемые в Царстве Польском и западных губерниях, как на временные, в Финляндии и Прибалтике пытался вести компромиссную линию, стараясь не вызывать обострения неприязни к России, то наследник был сторонником жестких мер. Для Александра II «приличие» политических мер, мнение Европы имели большое значение, наследник был склонен их игнорировать. Когда в конце 60-х годов усилиями нескольких министров из западных губерний были отозваны губернаторы П. Н. Батюшков и И. А. Шестаков, чтобы отойти от русификаторской политики в отношении землевладения и церкви, имевшей место в условиях чрезвычайных мер, то для наследника это было дело «возмутительное». «Теперь такое время, что никто не может быть уверен, что завтра его не прогонят с должности», — сетовал он¹⁷. Александр II, пользуясь в тяжелые минуты услугами М. Н. Муравьева («Вешателя»), не любил его и в спокойные времена старался держать в стороне от государственных дел, для наследника же Михаил Николаевич был лучшим авторитетом¹⁸. В период подготовки военной реформы император поддерживает демократический проект своего военного министра, составленный в духе времени, наследник стоит в рядах «партии действия». Царь-реформатор внутренне отрешился от крепостнического прошлого России, наследник ищет в нем положительные черты. Отец проводит судебную реформу, числящуюся среди лучших его деяний, сын уже в наследничестве замышляет планы ее пересмотра. Деятельность Морского министерства пользуется одобрением Александра II, цесаревич не находит слов, чтобы ее обругать. С течением времени значение такой охранительной позиции наследника возрастает, ибо, помимо того что вокруг него группируются единомышленники, на него оглядываются и люди иного направления, видя за ним будущее. Словом, ситуация была не из простых. Участвуя в обсуждении и осуществлении внутренней и внешней политики конца 60-х — 70-х годов, способствуя разным ее мерам или сдерживая их, великий князь Александр Александрович проходит свою наследниче-

¹⁷ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 2-й. С. 1009.

¹⁸ Страница и новизна. Кн. 2. СПб., 1898. С. 265–266.

скую «стажировку», в какие-то моменты становясь во главе важных дел, оставивших добрый след в истории того времени.

На рубеже 1867–1868 годов правительство впервые после крестьянской реформы столкнулось с тяжелым неурожаем примерно в двух десятках губерний. Отмена крепостного права сняла с помещиков заботу о помощи крестьянам и, стало быть, переложила ее на государство. Министерство внутренних дел, которое, естественно, попыталось не привлекать к этому внимания, занялось сбором сведений о положении с хлебом, одновременно не пуская в печать сведений о неурожае. Разумеется, в обществе начались разговоры о голоде, критика властей. «Беспокойство от слухов о неурожае, — передает эти настроения В. Ф. Одоевский 3 октября 1867 года. — Сетуют на дозволение вывозить хлеб за границу, на пустоту хлебных магазинов и на непринятие мер для продовольствия». И еще, чуть позже: «Голод! Голод даже в Рыбинске, в Орловской губернии, когда в Курской не знают, куда девать хлеб.

Общее негодование на отсутствие распоряжений Министерства внутренних дел»¹⁹.

Наследник, человек сострадательный, очень жалел крестьян, оставшихся с пустыми закромами, и жаждал как-то помочь им. Это был и удобный случай для императора, чтобы в первый раз связать имя наследника с благородной акцией, которая не могла не снискать всеобщего сочувствия. Без какой бы то ни было консультации с Министерством внутренних дел, что явно выражало недовольство его бездействием, 23 января 1868 года был опубликован рескрипт на имя цесаревича о создании комиссии для сбора пожертвований на покупку хлеба и его распределения. Там говорилось об инициативной роли наследника в этом предприятии: «Поручая Вашему императорскому высочеству почетное председательство в оной, — нам отрадно видеть в искренности и теплоте принимаемого Вами сердечного участия залог успешного достижения предполагаемой благотворительной цели». Рескрипт был опубликован в газетах, на Аничковом дворце повешен ящик для пожертвований, сформирована комиссия, куда вошли, как мы бы сейчас сказали, деловые люди. Собравшаяся комиссия на первом же заседании выработала стратегию, отказавшись от идеи даровой раздачи хлеба как деморализующей, и пришла к решению о его закупке крупными партиями с целью обеспечить стабильность цен на хлеб в неурожайных губерниях. Для этого срочно потребовались деньги (хотя добровольные пожертвования поступали), и цесаревич «выпросил» на это у отца миллион рублей.

¹⁹ *Одоевский В. Ф.* Текущая хроника и особые происшествя: Дневник // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 235, 240.

Тайну ассигнования денег и покупки большой партии хлеба удалось сохранить, и хлеб был отправлен на места. Действиями комиссии, наследника, нарождавшегося земства и местных властей удалось в итоге снять остроту нехватки хлеба и предотвратить наметившееся в связи с неурожаем крестьянское переселенческое движение. (Через два десятка лет история повторилась, и такую же комиссию возглавил наследник Николай Александрович, только масштабы голода и продовольственной помощи оказались несоизмеримы.) Министр внутренних дел П. А. Валуев, оскорбленный и считающий события вокруг продовольственной помощи сильно раздутыми, ушел в отставку. Отсюда, из этих времен, идет взаимная неприязнь его и Александра III.

Большим событием в жизни Александра-наследника была русско-турецкая война 1877–1878 годов, роль его в это время очень существенна. На первых порах, когда на Балканах вспыхнуло освободительное движение славян против Османской империи, в России на него живо отозвались военные и все общество. Движение в поддержку славян не было однородным, и очень многие, не отвергая мысль о помощи, были против военного вмешательства России в эту борьбу, считая, что война ляжет огромной нагрузкой на экономику и финансы, не говоря уже о людских потерях. Против войны были министры внутренних дел, военный, финансов. Последний даже просил отставки, не соглашаясь своими руками разрушить нестойкое бюджетное равновесие, которого он добивался более десяти лет. Александр II тоже поначалу не хотел ввергать Россию в серьезную войну. Зато наследник и императрица полагали, что Россия не должна оставить плохо вооруженных единоверцев на расправу турецкой армии. Император и министр внутренних дел А. Е. Тимашев долго пытались принудить российскую прессу не обсуждать балканскую политику России и не подталкивать страну к вступлению в войну. Одним из трубадуров славянской идеи и освободительной миссии России стал человек, близкий к наследнику, — В. П. Мещерский. Идеюную позицию его журнала-газеты «Гражданин», которой не сочувствовал император и которая не раз в это время подвергалась административным карам, разделял наследник.

В Ливадии осенью 1876 года шли непрерывные совещания Александра II с причастными к внешней политике министрами. Их неизменным участником был наследник. Царь в одном из совещаний, сетуя на затруднительность положения, нарушив приличия, прямо упрекнул присутствовавшего цесаревича в том, что он и Мария Александровна идут против его воли²⁰. А сам наследник в это время

²⁰ Милютин Д. А. Дневник. Т. 2. М., 1949. С. 101.

писал из Ливадии Победоносцеву: «Да, бывали здесь тяжелые минуты нерешительности и неизвестности и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь: все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь все вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избежать войны, потому что чувствует, что многое прорвется наружу. К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатьева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что, наконец, пришли к какому-нибудь плану действий»²¹. В итоге перевесили аргументы в пользу военного вмешательства, и Россия вступила в войну.

В район военных действий отправились многие члены императорской фамилии, во главе с царем и цесаревичем. Александр Александрович провел на фронте всю кампанию, почти год, возглавляя так называемый Руцукский отряд (один из трех, составлявших Дунайскую армию). Под его началом было два корпуса (около 75 тыс. чел.). Его начальником штаба оказался П. С. Ванновский (впоследствии, в его царствование, — военный министр). Кавалерией командовал И. И. Воронцов-Дашков (бессменный министр императорского двора у Александра III). Отряд наследника находился на относительно спокойном участке фронта (по сравнению с Шипкой и Плевной, где решалась судьба войны), но и здесь был весь набор боевых действий: атаки и отступления, рекогносцировки и контратаки. Считается, что Руцукский отряд выполнил свою боевую задачу успешно, не дав турецким войскам прорвать фронт и выйти к переправам. Именно группа войск наследника, оказав отпор турецким отрядам, заставила их перейти к обороне. «Не думали мы, что так затянется война, а начало так нам удалось и так хорошо все шло и обещало скорый и блестящий конец, и вдруг эта несчастная Плевна! Этот кошмар войны!» — пишет он в письме от 8 сентября 1877 года²², и это восклицание прекрасно передает постижение им военного опыта. Настроение радостного ожидания сменилось трезвыми рассуждениями, ибо он увидел не показную, а реальную картину войны, хотя, разумеется, и не самую ужасную, осознал ее неразбериху, убедился в недалекости командования (а главнокомандующим был его дядя, великий князь Николай Николаевич), корысти интендантов, увидел смерть близких. Руководимая им рекогносцировка 12 октября 1877 года унесла — на его глазах — жизнь его двоюродного брата Сергея Максимилиановича Лейхтенбергского.

Вел себя наследник на войне достойно, в дела главного командования не вмешивался, был очень привязан к «своему» отряду и не за-

²¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 2-й. С. 1016.

²² Там же. С. 1019.

хотел расставаться с ним, когда прибыли на фронт войска гвардии, к которым он принадлежал. Он был прост и демократичен в кругу своей свиты и штабных офицеров. По рассказам участников событий, его шатер был центром, куда собиралось к завтраку и обеду до сорока человек, коротая время в непринужденной беседе. Это было настоящее боевое товарищество. Свободное время (а оно на этом участке фронта было) наследник отдавал любительским археологическим раскопкам. Его участие в войне было отмечено тремя наградами: в сентябре 1877 года он получил орден Св. Владимира с мечами, в конце ноября пожалован кавалером ордена Св. Георгия 2-й степени, а в феврале (уже в Петербурге, куда он в это время вернулся) — украшенной бриллиантами золотой саблей с надписью «За отличное командование».

Немедленно по возвращении с войны Александр занялся весьма серьезным делом — созданием Добровольного флота. Ближайшим его сподвижником в этом деле явился Победоносцев. Создание Добровольного флота, дожившего до 1917 года, было вызвано резким недовольством наследника действиями Морского министерства в области судостроения. «Морское министерство не желает обращать внимание на хорошие суда, а исключительно занялось погаными поповками и сорит на них русские миллионы десятками», — замечает он в одном из писем²³. А генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич пользовался полным доверием монарха. Поэтому единственно возможным выходом было создание частной торгово-мореходной организации на базе добровольных пожертвований. Общество могло бы закупить за границей уже построенные суда или заказать их и использовать в качестве транспортных средств в мирное время, а в военное — переоборудуя их в боевые корабли. Решено было закупить быстроходные океанские суда крейсерского типа. Наследник принял на себя покровительство над Добровольным флотом, и дело пошло очень успешно. Уже в 1878 году было собрано 3 млн. руб. и куплены первые три парохода. Но это было только начало. Доходы от перевозок шли на пополнение флота, команда набиралась из военных моряков. Наследник отдавал этому предприятию много внимания и сил, следил за прессой, контролировал перемещения судов, встречался с моряками, плававшими на этих пароходах. Став императором, Александр передаст управление Добровольным флотом Морскому министерству и будет субсидировать его, но в начальном периоде его существования этот флот держался энтузиазмом жертвователей и усилиями цесаревича.

Александр Александрович заслуживает и доброго слова историков, ибо в значительной мере ему они обязаны созданием Русского

²³ Там же. С. 1041.

исторического общества, которое выпустило полторы сотни томов исторических документов и до сих пор непревзойденный «Русский биографический словарь». Уже упоминалось, что император любил историю (в ее облегченном виде) и с удовольствием читал о жизни и деяниях людей далеких эпох. В XIX веке исторические знания стремительно нарастали, а с тем вместе росло и понимание значения источника, необходимости его обнаружения по хранилищам, сохранения, описания и научной публикации. И важнейшим предприятием такого рода явилось создание Археографической комиссии, которая начала прокладывать путь к научному изданию древних источников.

Создание любых научных обществ было делом непростым, ибо, как всякое учреждение, требовало хотя бы маленького штата и расходов на деятельность, а любительских средств на это часто не хватало. И когда государство отказывалось финансировать деятельность такого общества, любителям же было трудно вытянуть расходы на него, то существовал испытанный способ решения этой задачи: ввести в его состав высокопоставленного покровителя, чье имя стимулировало бы и вступление в него, и доброхотные даяния. Почетное председательство отнюдь не гарантировало автоматического процветания общественной организации, но создавало предпосылки для ее выживания. К этому приему и прибегли в середине 60-х годов, когда среди людей, близких к наследнику, возникла мысль об учреждении профессионально-любительского Исторического общества, тем более что Экономическое, Географическое юридически уже существовали. Историческое общество должно было и поддержать интерес к российской истории, и продвинуть ее изучение. В марте 1866 года двенадцать членов-учредителей (среди них К. Н. Бестужев-Рюмин, князь П. А. Вяземский, А. Ф. Бычков, М. И. Богданович, М. А. Корф, Д. А. Толстой, Е. М. Феоктистов) собрались, чтобы договориться об основах организации и деятельности общества. Первоначально опекуном общества выступило Министерство иностранных дел (во всяком случае, именно оно внесло в Комитет министров представление об учреждении общества), которое было готово оказать свое содействие. Но Комитет министров высказался за то, чтобы Историческое общество состояло в ведении Министерства народного просвещения (министром в это время был А. В. Головин, вскоре замененный Д. А. Толстым). В уставе Исторического общества говорилось: «Кроме председателя, Общество может иметь почетного председателя, если кто-либо из членов императорской фамилии удостоит Общество принятием на себя этого звания»²⁴. Общество должно было поддерживаться единовременными и ежегодными взносами и пожертвованиями.

²⁴ Императорское русское историческое общество. 1866–1916. Пг., 1916. С. 7.

Почетное председательство взял на себя наследник. Историческое общество с самого начала решило специализироваться на изучении послепетровского времени, преимущественно же XVIII века. Русское историческое общество называлось «общеобразовательным» и «научным», т. е. носило широкий характер. Члены общества, число которых не было ограничено, собирались на заседания: «обыкновенные, чрезвычайные и годовые». Александр, и в бытность наследником, и после воцарения, с удовольствием принимал участие в заседаниях, помогая, чем мог, собирая у себя, в Аничковом дворце членов Исторического общества; его председательство и членство не были номинальными, как то не раз бывало в подобных случаях. Держался при этом Александр приветливо и радушно, получая, надо полагать, отдохновение от дел обязательных и неприятных. Когда подрос великий князь Николай Александрович, на заседания Общества стали приглашать и его, а он с удовольствием слушал разговоры о российской истории. Первым председателем Общества был П. А. Вяземский, а секретарем А. А. Половцов (позже сменивший Вяземского на посту председателя), самый богатый и щедрый, да и деятельный член этого объединения любителей истории.

Раз уж зашла речь о науке и культуре, то здесь стоит упомянуть и еще одно маленькое увлечение Александра в молодости, также принесшее видимые результаты. Он явился одним из организаторов оркестра, дотоле в дворцовых залах не звучавшего, — духового. Было это так. Родители его добросовестно пытались сделать своих детей людьми, любящими музыку, и музыкальное образование входило в перечень обязательных предметов обучения. И Александра, и Николая, и Владимира начинали учить игре на фортепьяно. Двум последним это оказалось не по душе. Уроки музыки стали самыми ненавистными и были прекращены. Однако Александру, в котором сильна была военная жилка, нравилась военная музыка, и вскоре он переходит к попыткам и самому играть на духовых инструментах. Вокруг него складывается первоначально медный духовой септет, в котором цесаревич играл на корнет-а-пистоне. В септете было 3 корнета, 2 альтгорна и бас-геликон. Позже он разросся до девяти участников, а затем и до целого духового оркестра²⁵.

В конце 70-х годов обязанности наследника множатся. Во время отъезда императора из Петербурга на наследника перекладывается прием докладов, дела текущей политики. И это в период начавшегося глубокого внутреннего кризиса, когда экономическая, социальная и политическая обстановка резко ухудшается. «Грустное и страшное тяжелое положение», — такова его оценка ситуации в декабре

²⁵ Старина и новизна. Кн. 3. СПб., 1900. С. 314–338.

1879 года²⁶. В самом деле, в конце 70-х годов вся Россия находилась в состоянии недовольства и ожидания. Расходы на войну привели к дефицитному бюджету, лишавшему правительство свободы финансового маневра. Война и не развивавшаяся далее аграрная реформа ухудшили положение в деревне. Нищее российское крестьянство, не видевшее в массе возможности своими силами решить проблему малоземелья, начинает питать иллюзии относительно расширения своего надела за счет господского. Так возникают слухи о «черном переделе» — даровом получении земли, грозящие опасностью массового взрыва. Народовольцы, не имея нормальных политических средств борьбы, отчаявшись, переходят к террористическим действиям. Ко всему этому прибавляется оппозиция социальных «верхов», часть которых требовала принятия мер к упрочению дворянского землевладения и предоставления политических прав, а другая была сторонницей быстрого продвижения по пути буржуазно-демократических реформ. Главной среди них была реформа государственного устройства, создание той или иной формы общегосударственного представительства. Начавшаяся в 1879 году серия покушений на императора сильно нервировала правящие круги и заставляла их в годы внутреннего кризиса непрерывно обсуждать меры стабилизации положения, шарахаясь от предложений о применении широких репрессий до значительных уступок общественному движению во имя «успокоения».

Смятенное состояние царской семьи, да и вообще всех придворных и правительственных кругов, осложнялось длительным романом императора с Е. М. Долгоруковой, наличием у него второй семьи, с течением времени становившейся фактором правительственной политики. Стареющий монарх все более привязывался к женщине, бывшей на тридцать лет его моложе, и детям; старался как можно больше бывать в этой побочной семье. В императоре, уже большом человеке, желания и страсти частного лица все более теснили государственного деятеля. В своих попытках упростить свое общение с гражданской семьей он тайно перевел ее в Зимний дворец. Императрица Мария Александровна, давно знавшая о связи мужа, была оскорблена до глубины души и замкнулась в себе, стараясь не говорить на эту тему. К тому же у нее была последняя стадия чахотки. В мае 1880 года она умерла в Зимнем дворце в полном одиночестве, причем Александра II даже не было в городе, он уехал в Царское Село, где тогда жила Долгорукова. Все судачили по поводу этой широко известной связи, многие осуждали императора за «старческую слабость», часть сановников вынуждена была лавировать, а некоторые

²⁶ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 2-й. С. 1035.

из них пытались использовать ситуацию в своих интересах, действуя через Долгорукову, имевшую огромное влияние на царя.

Любивший мать и придерживавшийся очень строгих взглядов на семейные узы наследник был в негодовании. Оно еще более усилилось, когда Александр II, сразу же после «сороковин», тайно обвенчался с Долгоруковой, признав официально детей и дав всей семье титул «светлейших» и номинацию князей Юрьевских. Несмотря на секретность брака и всяческое подчеркивание монархом, что это женитьба частного человека, о событии стало известно, тем более что Александр II стал публично появляться с княгиней Юрьевской и знакомить с нею наиболее близкий к нему круг людей. Возникла угроза ее коронования, окончательной легитимации детей. В семье сложились тяжелые отношения. Император увез новую семью в Крым, в Ливадию, оставив в Петербурге вместо себя наследника, хотя продолжал регулярно заниматься наиболее важными делами и в Крыму: к нему поступали бумаги, приезжали министры. Отношения с мачехой у цесаревича не налаживались, и монарх в надежде примирить их вызвал старшего сына в Ливадию. Прибывшего туда наследника ждал еще один удар — новая жена отца заняла во дворце комнаты покойной матери. Примирения не состоялось, наследник избегал встреч с мачехой, и императору пришлось решать задачу с многими «несовместимыми». Существует рассказ А. Н. Куломзина, замещавшего в то время министра государственных имуществ и в таком качестве представлявшегося царю в Ливадии. «В это время, — вспоминает он, — я застал следующие обстоятельства. Император Александр II водворил княгиню Юрьевскую, жившую прежде на особой даче около Ялты, в свой Дворец, т. е. в комнаты, ранее занимаемые императрицей Марией Александровною, ибо других комнат не было; наследник, которого государь вызвал в Ливадию, не хотел ехать, и граф Лорис-Меликов, исполняя желание государя примирить их, завлек Александра Александровича, лживо удостоверив его высочество, что княгиня во дворце не живет. Однако, раз прибыв — обратно ехать невозможно. Водворился следующий порядок. Государь имел обыкновение каждое воскресенье приглашать к столу приезжавших в Ялту министров и другого звания высших чинов, причем в одно воскресенье по правую руку государя место занимала цесаревна Мария Федоровна, а по левую руку государя наследник, а в следующее воскресенье цесаревич с супругою уезжали на охоту или вообще в горы, а за столом обедала княгиня Юрьевская и прибывшие были ей представляемы»²⁷. Вернувшаяся из поездки в Крым Мария Федоровна «с жаром» сетовала жене И. И. Воронцова-

²⁷ Куломзин А. Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. I. Д. 189. Л. 32. Об. 33.

Дашкова на это «неловкое положение» и в отчаянии восклицала: «Можете кому хотите об этом рассказывать»²⁸.

Все это происходило в условиях кризисных, де-юре оформленных в феврале 1880 года созданием Верховной распорядительной комиссии во главе с М. Т. Лорис-Меликовым, после взрыва в Зимнем дворце. Характерно, что царь не хотел прибегать к чрезвычайным мерам, но сделал это по настоянию наследника, склонного действовать силовыми приемами. Великий князь Александр возлагал большие надежды на Лорис-Меликова, боевого генерала, считая, что тот сумеет твердой рукой навести порядок. Лорис-Меликов поначалу как будто и оправдывал эти надежды, что продемонстрировала, например, скоропалительная казнь Ипполита Млодецкого, покушавшегося на диктатора. Однако репрессивные меры не были единственной тактикой фактического российского премьера. Очень скоро он воспринял общее для либеральной бюрократии и либеральной общественности убеждение, что главным в тех обстоятельствах является предоставление обществу, уже двадцать лет живущему в посткрепостнических условиях, некоторых политических прав, в том числе и права на участие в центральных представительных органах. Осознав это, Лорис-Меликов стал постепенно продвигать идею привлечения земских и городских представителей к законосовещательному процессу. Идея эта была не нова и обсуждалась в правительственных кругах по крайней мере четырежды: в 1863, 1866, 1874 и 1879–1880 годах, но была отвергнута: обстановка не казалась Александру II такой однозначной, и он откладывал решение вопроса. А в начале 1881 года положение изменилось, конституционная идея собрала вокруг себя уже много сторонников, и под их давлением император решил отступить, использовать это последнее средство установления социального мира. Особая комиссия, куда входил и наследник, еще недавно считавший, что «ничего» делать в этом смысле не надо, смогла выработать общее предложение о создании депутатских и редакционных комиссий, участвующих в качестве первой инстанции в обсуждении законопроектов, существо которых будет подсказано организованными Лорис-Меликовым сенаторскими ревизиями. К этому времени Лорис-Меликов уже возглавил Министерство внутренних дел. По мере того как Лорис-Меликов обнаруживал свои конституционные намерения (само слово «конституция», естественно, не произносилось), отношения его с наследником, на первых порах очень близкие, обострялись, хотя наследник, оставшись в одиночестве, снял свои возражения против проекта Лорис-Меликова.

К 1 марта 1881 года обстановка в правящих кругах достигла пика напряжения. С одной стороны, брак Александра II, все более раскалы-

²⁸ Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М.; Л., 1924. С. 38.

вавший и императорскую фамилию, и сановников, с другой — проект представительных учреждений, давным-давно подготавливаемый, но еще не утвержденный. Его принятие означало крупный поворот в политике, вступление России на конституционный путь. Ожидания одних были связаны с наследником, будущим монархом, ожидания других — с теперешним, который намерен направить Россию на новый путь. Перед страной открывалась возможность попытаться идти цивилизованным путем, без конфронтации власти и общества.

Но как будто злой рок толкал руку российской истории. 1 марта 1881 года Александр II, одобрив журнал комиссии Лорис-Меликова, назначил на 4 марта заседание Совета министров под своим председательством, с тем чтобы на нем окончательно договориться о редакции объявления о созыве депутатских комиссий. И отправился в Манеж. Он вернулся уже смертельно раненный бомбой народовольцев, чтобы через час умереть от кровопотери на руках жены и сына-наследника. Одна трагедия была развязана, другая — надвинулась на страну. Смерть Александра II многими из его окружения была воспринята как трагичная, но все же развязка семейной и государственной драмы. Существует несколько однотипных свидетельств людей, воспринявших царевубийство именно таким образом. Одно из них принадлежит министру двора А. В. Адлербергу: «Мученическая кончина государя, быть может <...> спасла блестящее царствование от бесславного и унижительного финала»²⁹. Но одновременно под угрозой оказалась судьба Лорис-Меликова, а с тем вместе и перспектива неторопливого конституционного развития России.

Немедленно опубликованный манифест о воцарении Александра III в очень обтекаемой форме говорил о правительственном курсе. Никаких обязательств продолжить дело отца новый император не давал. Он лишь провозглашал намерение пецись о России «по завету наших предков», среди которых, как известно, были люди разные. И Россия, и весь мир гадали, каким будет новый император, чего ждать от него? Высказывались разные предположения, вплоть до объявления его сторонником конституции. В этих пересудах и спорах наличествовало и рациональное зерно, были в них и явные нелепости. Но один человек в те дни безошибочно препарировал характер нового императора и пророчески предсказал направление его политики. Это был Иван Сергеевич Тургенев. Писатель, много времени проводивший за границей, европеец по политическим симпатиям, не потерявший, однако, ни грана россияинства, он мечтал о европеизации России, о конституционной монархии, октроированной сверху, о подлинной свободе, о достойном развитии страны. Летом 1879 года

²⁹ Милютин Д. А. Дневник. Т. 4. М., 1950. С. 79.

Тургенев в Париже встретился с наследником и с проницательностью великого психолога хорошо понял эту простую душу. Хотя, разумеется, он пользовался и рассказами, например, российского посла в Париже Н. А. Орлова. Статья Тургенева «Александр III», подписанная псевдонимом, появилась в еженедельнике «Ля ревю политик э литтерэр» 26 марта 1881 года и, стало быть, была написана в первые две недели нового правления. Статья предназначалась для французов и имела своей целью создать максимально благоприятный образ молодого императора. Концентрируя внимание читателей на самых, безусловно, положительных качествах Александра III — молодости, здоровье, искренности, честности и т. п., — Тургенев нигде не погрешил против истины и не впал в восхваление отсутствующих у царя черт. И сумел (очень деликатно!) сказать о том, что тот слабо подготовлен, получил преимущественно военную подготовку. «Этот царь кажется рожденным с несомненными способностями к власти», — написал Тургенев, и тут же оговорился, что на «великого государя» Россия все же рассчитывать не может. Осторожно, но недвусмысленно было сказано о его национализме: о «симпатии» к одним и антипатии к другим нациям: «Все, что о нем можно сказать, это то, что он русский и только русский». Было сказано и о том, что император будет играть роль народного царя. Еще не зная о судьбе лорис-меликовского проекта, Тургенев уже развеял либеральные ожидания. «Те, кто ожидают от нового царя парламентской конституции, скоро утратят свои иллюзии, — предупреждал писатель. — <...> Его весьма близкие отношения с ультранациональной партией, напротив, указывают на известное недоверие по отношению к конституционалистам. Общепринятые в Европе идеи об ограничении власти, предоставляемой монархам, были и останутся еще долго чуждыми России. Императорская власть предпочтет проводить важные реформы, жалуя их сверху путем указов, чтобы мало-помалу добиться заметного улучшения участи подданных, в особенности крестьян». И добавлял вполне резонно: «Эти реформы, впрочем, необходимы, давно разрабатывались и вполне подготовлены»³⁰. Поразительно, но можно подумать, что Александр III строил свои планы, сообразуясь со статьей Тургенева.

Первые месяцы правления для нового царя были временем, когда ему приходилось заниматься невероятным количеством текущих дел, отодвигавших крупные мероприятия на второй план. Ему нужно было пережить ритуал похорон отца, процедуру вступления на престол, обеспечить интенсивные поиски революционеров и скорую расправу с участниками покушения. К цареубийцам он был безжалостен.

³⁰ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 10. М., 1982. С. 288–289.

Вл. С. Соловьев попробовал в лучших традициях российской интеллигенции воззвать к его русской душе и сердцу христианина, в своей публичной лекции заявив, что христианская мораль требует отказа от смертной казни, помилования заговорщиков. Но в новом монархе заговорило не христианское смирение, а жесткость автократа. «Будьте покойны, — заявил он, — с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь»³¹. И действительно, и в 1881 году, и в последующее время средства гонения на радикальные элементы общества были самыми крутыми. В круг текущих государственных дел Александра III входила и проблема устройства судьбы Юрьевских, он мечтал о скорейшем выдворении их из Петербурга и поручил Лорис-Меликову заняться переговорами с мачехой. К предоставлению ей ежегодного содержания и обеспечению приличествующего ее сану положения принуждал его не только ее официальный статус морганатической супруги отца, но и трогательное письмо Александра II, написанное в конце 1880 года, в котором он поручал сыну заботу об этой семье после своей смерти. Не сразу, но вскоре Юрьевская уехала за границу, где и жила, время от времени привлекая к себе внимание семьи Романовых и Министерства иностранных дел.

При всей своей занятости повседневными делами, новый император в первые же дни сумел сначала для ближайшего окружения, а затем и для всех подданных высказаться о направлении в политике, которому он намерен следовать. Вообще в то время у России имелось только два пути, и для грамотных политиков они были очевидны. Германский посол в России Г.-Л. Швейниц так их обрисовал: «Действительно, сегодня выбор может проходить между двумя путями: или реформа в европейском смысле из Петербурга, или самодержавное царствование в Москве. Газеты северной столицы требуют — за немногими исключениями — либеральные реформы и с гневом отметают раздающиеся из уст Каткова и Аксакова призывы перевести правительство в Кремль. Что в последнем предложении есть здоровое зерно, я согласен, что оно будет принято, я не верю; это было бы слишком неудобно. Однако же интересно, что для нас (Германии) лучше было бы: конституционная монархия на берегах Невы или самодержавное царство в Кремле»³². Александр III, как показывает его политика, выбрал второй путь, в известном смысле не отказываясь от первого. Он постарался стать великим князем московским в Петербурге, в условиях империи и развивающегося капитализма.

³¹ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 1-й. М.; Пг., 1923. С. 46–47.

³² Schweinitz /Н.-Л./ Denkwürdigkeiten des Botschafters. B. 2. Berlin, [1927]. S. 157.

Принципиальный вопрос: укатанная ли европейская дорога или древняя российская, с рытвинами и ухабами, но зато с самодержавным царем-батюшкой и бедным крестьянством, огражденным от безземелья неотторгаемым наделом общинной земли, — для Александра III к этому времени был уже решен. Об этом свидетельствуют его действия на заседании Совета министров 8 марта. Он не стал надолго откладывать назначенное еще отцом заседание Совета, собрав его с трехдневным опозданием в Зимнем дворце. Неожиданное приглашение на заседание К. П. Победоносцева и С. Г. Строганова, прежде в обсуждении дела не участвовавших, свидетельствовало, что император укрепляет оппозицию проекту Лорис-Меликова. Казалось бы, сыновний долг, предрешенность дела обязывали нового императора отнестись к обсуждению как к простой формальности, автоматическому скреплению подписью политического завещания отца. Ничуть не бывало. Александр III предупредил членов Совета, что они должны исходить из того, что судьба проекта не решена, а стало быть, речь пошла не о редакции документа, а о существовании дела. Роль «центральных нападающих» взяли на себя Строганов и Победоносцев. Аргументы их были традиционны: предложения Лорис-Меликова чужды российским обычаям, несвоевременны, колеблют самодержавие. Последний аргумент — узурпация абсолютных прав монарха — всегда был убийственным. Это было обвинение в политической неблагонадежности, смертельный удар для карьеры государственного деятеля. Недаром все авторы проектов правительственного конституционализма всегда начинали с деклараций о лояльности и заботе об упрочении самодержавного принципа.

Новый монарх провел заседание как умелый председатель министерской коллегии, знающий точно, чего хочет. Опираясь на категоричность оппозиции одних, осторожность других, он, вопреки поддержке проекта большинством, предложил перенести обсуждение на неопределенное время. Справедливости ради отметим, что участвовавшие в обсуждении сторонники проекта, несмотря на известную им неприязнь Александра к конституционным мерам, открыто, рискуя карьерой, высказались и за своевременность и за необходимость изменения выработки законов бюрократическим способом. Их убеждение в том, что пришел решающий, давно пропущенный срок осуществления политической реформы, принудил их бороться до последнего и не подать в отставку немедленно, а попытаться все же использовать слабую надежду на успех повторного обсуждения. С этим связаны последние попытки Лорис-Меликова и поддерживавших его Абазы и Милютинина сначала добиться от императора согласия на создание эрзац-кабинета министров, который будет заседать без императора, принимать решения большинством и представлять

на рассмотрение императора решение большинства. Таким образом они пытались парализовать влияние тогда еще находившегося в правительственных кругах в одиночестве Победоносцева. На совещании в Гатчине (куда император переехал в конце марта) 21 апреля 1881 года такое разрешение было им дано. Но пока они надеялись на цивилизованную деятельность неформального кабинета, самодержавие показало либеральным министрам, что оно не намерено возвращать правовое государство, а вполне способно действовать допотопными методами. Император решил в конце концов громко сказать городу и миру (а к этому его вынуждали и заявления либеральной печати, и ультиматумы народовольцев), что он не уступит, и стал готовить заявление об этом. В записке брату Владимиру он предельно ясно объяснил содержание будущего манифеста 29 апреля: там должно быть провозглашено, что он «никогда не допустит ограничения самодержавной власти»³³. Та же мысль звучала в его записке Победоносцеву 21 апреля, и не стоило бы ее цитировать, если бы там не было простодушно сказано, что он собирается вести Россию иным путем, но вовсе не отцовским. «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление, — писал Александр, показывая, что не обманулся насчет задач “кабинета”. — Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу»³⁴. Когда Бисмарк, исходя из немецких интересов, высказался за «русский путь» развития, за сохранение самодержавия, Александр III начертал на донесении об этом российского посла: «Дай Бог, чтобы всякий русский, и в особенности министры наши, поняли наше положение, как его понимает кн. Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом»³⁵. Конечно, после этого «паршивые либералы» из числа министров пачками должны были посыпаться из правительственной корзины.

Решающим ударом по всему корпусу министров Александра II была почти одновременная отставка министров внутренних дел, военного и финансов сразу после манифеста 29 апреля, провозгласившего намерение императора обойтись без сотрудничества с обществом, охраняя единовластие. И каждый из них был крупным деятелем либерального толка.

³³ Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Берлин, 1904. С. 75.

³⁴ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 1-й. С. 49.

³⁵ Красный архив. 1927. № 3. С. 250.

Конечно, Лорис-Меликов был случайной фигурой в среде российских реформаторов, но он сумел доказать свою способность быть восприимчивым к велениям времени и умение концентрировать вокруг себя активных деятелей, что чрезвычайно важно для человека государственного. (Заметим вскользь, что генерал оказался на всю оставшуюся жизнь отравлен кратковременной большой властью и, не находя себе применения, живя преимущественно за границей, впервые стал читать серьезные сочинения по политике и экономике, пытаясь уяснить себе искусство управления и надеясь на возвращение к деятельности.)

Милютин был один из превосходных министров Александра II, прошедший с монархом почти весь путь его царствования, человек, изо дня в день двадцать лет спокойно занимавшийся делом преобразования российской армии. А такая повседневная рутинная деятельность, подчиненная единому разработанному плану преобразований, не каждому из министров была по плечу. Отставка такого министра, замененного П. С. Ванновским, человеком гораздо менее образованным и более заурядным, была безусловной потерей для России. Уход из Министерства финансов А. А. Абазы, только в 1880 году туда назначенного, и перемещение товарища министра Н. Х. Бунге в министерское кресло, тоже. Бунге, один из преподавателей Александра, человек ученый, здраво судивший о задачах финансовой политики, «шестидесятник», оказался чужаком в министерской среде вообще и в новой компании министров в частности. Они с Абазой составили бы превосходный тандем, где товарищ министра мог бы разрабатывать программы и проекты, а министр Абаза, со свойственными ему умом и энергией, осуществлять их, умело отстаивая в Государственном совете и Комитете министров. Интеллигентному Бунге, лишенному бойцовских качеств, пришлось на посту министра финансов очень трудно, тем более что он вскоре стал объектом нападков прессы, вернее, М. Н. Каткова, который справедливо усматривал в нем нечто чужеродное новому курсу, — так сказать, обломок либерализма предшествовавшего времени. (Чем плох либерализм, его противники обычно не объясняли, достаточно было назвать это идеологическое направление «лжелиберализмом» и становилось ясно, что оно недостойно серьезного рассмотрения.)

Процесс замены деятелей предыдущего царствования был очень быстрым, сопровождавшимся выдвижением «истинно русских людей», по терминологии самого императора, ибо к таковым именно он, чистокровный немец по происхождению, причислял и себя. Сохранилось трогательное его заявление об этом. Иногда получалось так, что среди «истинно русских» встречались люди, еще более русские, чем император, которые начинали критиковать его. И однажды в такой момент у него вырвалась жалоба: «Есть господа, которые думают,

что они русские, и никто более. Уж не воображают ли они, что я немец или чухонец? Легко им с их балаганным патриотизмом, когда они ни за что не отвечают»³⁶. Тогда же был отрешен от должности, вернее, должностей, и многочисленных, великий князь Константин Николаевич, генерал-адмирал, председатель Государственного совета и Главного комитета об устройстве сельского состояния. Ему в категорической форме, правда, через посредников (Александр не хотел его даже видеть), было предложено уйти в отставку со всех постов. Константин Николаевич был один из немногих выдающихся членов императорской фамилии, чья государственная деятельность отмечена масштабностью, умом и постоянством. С 1865 года он возглавлял высшее законосовещательное учреждение страны — Государственный совет, через который шли все важнейшие законы и, отчасти благодаря своему положению брата императора, умел поддерживать достойное положение и престиж этой формы власти. Как у председательствующего, у него были недостатки, отчасти связанные с тем же великокняжеским саном: резкость, несдержанность, высокомерие. И все же замена его в качестве председателя великим князем Михаилом Николаевичем (другим дядей императора) означала приход к руководству Государственным советом человека несведущего, не подготовленного к роли председателя коллегии, не интересующегося законодательством, предпочитающего военное поприще и сферу придворной жизни. Роль главы российского флота перешла к великому князю Алексею Александровичу, и это было проявлением начавшейся смены поколений у кормила государственной власти.

При Александре III самым близким к нему человеком из императорской фамилии оказался его брат великий князь Владимир Александрович. Дядья Александра, кроме Михаила Николаевича, с которым племянник тоже мало считался, были отодвинуты от власти и даже выдворены из Петербурга. Это означало, как и многое другое, неприятие политики, к которой те были причастны, и намерение ее трансформировать. Старшее поколение Романовых заметило и оценило это намерение довольно рано, и весьма интересно объяснило его для себя. Осенью 1882 года, собравшись как-то в Крыму, великие князья Константин и Михаил Николаевичи принялись рассуждать о «настоящем ненормальном положении дел», о «ломке» всего сделанного Александром II и в поисках причин этого, казавшегося им странным, явления пришли к выводу о чисто эмоциональных, в детстве коренящихся причинах: обидах Александра на свою обиденность родительским вниманием; «отсюда безотчетное желание переиначивать все существующее, хотя бы только для того, чтобы

³⁶ Русский архив. 1906. № 4. С. 624.

возвратиться к существовавшему когда-то и уже забытому»³⁷. И первыми естественными шагами к этому была перетасовка в рядах высшей бюрократии. Вслед за Константином Николаевичем не подошел под понятие «истинно русского» председатель Комитета министров П. А. Валувев, человек из стариннейшей русской фамилии, но зато западник по убеждениям и программе. В обидной для него форме получил отставку министр двора граф А. В. Адлерберг, замененный И. И. Воронцовым-Дашковым, с которым царь был на «ты». Начальником охраны монарха стал генерал П. А. Черевин, большой любитель выпить, что с точки зрения Александра III было несомненным достоинством, ибо он в лице своего главного охранника имел еще и прекрасного изобретательного собутыльника, поставлявшего своему государю сапоги, в которые входила большая фляжка с коньяком.

Процесс замещения министров и лиц министерского ранга был непростым и негладким, обнаруживая, что оппозиция и управление требуют от человека разных качеств. Назначенный одним из первых после воцарения Александра III петербургским градоначальником Н. М. Баранов, человек очень симпатичный императору по своей предшествующей борьбе с Морским министерством и великим князем Константином Николаевичем, оказался никуда не годным администратором и вскоре был убран подальше от Петербурга. Еще один «истинно русский» — Н. П. Игнатъев, проложивший путь к сердцу Александра в 1876 году своими панславистскими призывами, был прогнан с поста министра внутренних дел, как только обнаружил свое намерение созвать — в полном соответствии со славянской доктриной — Земский собор. Но в конце концов на протяжении 1881–1882 годов новый монарх сформировал ядро своих ближайших сотрудников. Это были К. П. Победоносцев, обер-прокурор Синода, игравший — небывалый случай в истории России петербургского периода — роль премьер-министра, Д. А. Толстой, демонстративно возвращенный Александром к государственной деятельности, М. Н. Островский и И. Д. Делянов — не пользовавшиеся уважением своих коллег за пределами их круга. Об обстановке, сложившейся в это время, стоит сказать словами человека, которого не так часто цитируют, — служащего книжной лавки, где абонировалась и судачила о политике чиновная верхушка столицы, начавшая было во времена Лорис-Меликова выписывать из-за границы книги по конституционному праву. «События, последовавшие после царевубийства 1 марта 1881 года, и реакционное направление, которое взяло верх в русской государственной жизни в царствование Александра III, — писал С. Ф. Либрович, — заметно отразились на беседах высоких сановни-

³⁷ Милютин Д. А. Дневник. Т. 4. С. 155.

ков, бывавших в магазине Вольфа. Большинство из сановников — клиентов Вольфа — очутились не у дел; одни уехали, кто за границу, кто в деревню; другие, — оставаясь в Петербурге в каком-нибудь почетном звании, перестали играть роль в государственной машине, а те, которые и при новом курсе сумели удержаться на посту, стали сдержаннее в своих разговорах. Вообще после оживленной поры бесед на политические темы, в первые же месяцы после вступления на престол Александра III наступила пора какого-то уныния, молчания, страха. Даже высокопоставленные лица опасались сказать лишнее слово»³⁸.

Унынием, страхом, чувством безнадежности в обществе было отмечено начало правления этого императора, в зрелом возрасте восприявшего престол после длительного опыта активного наследничества. Что можно сказать о нем, единолично повелевавшем судьбами огромной страны, которая стояла на распутье? Бесспорно, и характер страны, и особенность времени требовали от нового царя не просто качеств государственного мужа, но выдающегося деятеля, умеющего соразмерять желаемое и возможное, нужное и достижимое, видеть цели близкие и долгосрочные, выбирать людей для их исполнения, сообразуясь с задачами, а не с личными симпатиями. Всего этого в Александре III было крайне мало. Зато как человек он был, безусловно, ярким характером, цельной личностью, носителем твердых принципов и убеждений. В частной обстановке у него было много искренних друзей, ибо почти все или многие его человеческие качества вызывали симпатии. Его внешность — огромный ясноглазый человек с прямым и твердым взглядом — как нельзя точнее соответствовала его прямому и открытому характеру, который поэтому легко угадывался. Личность его явно доминировала в нем над государственным человеком и ярко проявлялась в политике царя, сквозь которую так и просвечивает его характер. В той мере, в какой его человеческие качества и убеждения совпадали с целями правительственной политики и были для них достаточны, — его политика была успешной. Но там, где требовалась дальновидность, разносторонность, компромиссность, она была обречена на провал, в том числе и на провал по большому счету, в исторической перспективе.

Российский император был человеком простым, искренним, верным слову. Лучше всего он чувствовал себя в среде военных и в кругу семьи, своих и чужих детей. А должен был проводить большую часть времени за чтением нудных и малопонятных ему казенных бумаг: докладов, журналов, меморий, представлений, справок. Сопоставление разных точек зрения, выявление их мотивов было ему тяже-

³⁸ Либрович С. Ф. На книжном посту: Воспоминания. Записки. Документы. Пг., 1916. С. 298–299.

ло, — для этого у него было недостаточно ни знаний, ни способностей, а готовности довериться профессионалам, специально отобранным, почти не было. Отсюда поиски людей, которым можно было бы довериться абсолютно, а потому и принять их предложения. Отсюда его нежелание созывать созданный отцом Совет министров, где в его присутствии шла сшибка мнений; этим же объясняется и падение значения в его царствование Государственного совета. Его взгляд на эту законосовещательную коллегия был прост: Государственный совет помогает ему осуществить его намерения, поддерживая проекты, о которых он уже договорился со своим министром с глаз на глаз. И он очень сердился, когда такой проект встречал в Совете критику, иногда сильную, серьезное и продолжительное обсуждение, означавшее отсрочку принятия закона. Так было при прохождении законопроектов о земских начальниках или судебной контрреформе, которые он всячески форсировал. Лояльные седовласые сановники бывали просто в негодовании, когда император недрогнувшей рукой подписывал в качестве закона мнение меньшинства, игнорируя точку зрения госсовещательного большинства. Поэтому в его царствование на первый план в качестве законодательного органа (если точно, то законосовещательного) выходит Комитет министров, где провести законопроект было легче вследствие упрощенной процедуры обсуждения и более узкого круга участников.

Совершенно та же картина была и при Николае I, на которого Александр III был очень похож, при всем внешнем различии: один — типичный прусский офицер, другой — типичный русский мужик. У них была общая психология — психология хозяина большого поместья, единолично им владеющего и единолично же за все ответственного. В этом чувстве хозяина были положительные стороны.

Во-первых, Александр III был работяга, он буквально тянул государственный воз, вникая во все внешне- и внутривластные дела. Он всегда был завален неотложными делами, а потому страшно не любил праздных светских развлечений: балов, приемов, на которых должен был присутствовать, и норовил, показавшись, незаметно уйти. Во-вторых, император был по-хозяински бережлив. История с его штопаными-перештопаными штанами, которые чинил слуга, хорошо известна. Министр иностранных дел Н. К. Гирс был прямо-таки шокирован, когда увидел на рейтузах нагнувшегося царя «большую заплатку»³⁹. И это на фоне всеобщего желания попользоваться ничейными, государственными средствами. Н. Х. Бунге как-то жаловался Победоносцеву в конце 1885 года: «Все требуют денег <...> из государственного казначейства <...> и для государственных нужд,

³⁹ Ламздорф В. Н. Дневник. 1891–1892. М.; Л., 1934. С. 274.

и для промышленных предприятий, и для собственного благополучия <...> Если мы берем <...> с населения более чем оно может дать, то понятно, что мы увеличиваем только число просящих милостыню <...> Рвутся за деньгами и те, которым хочется весело пожить за счет казначейства»⁴⁰. И Александр III, как истинный хозяин, пытался на себе экономить за всех: за бюрократию и помещиков, великих князей и предпринимателей. Он тяготился разросшейся свитой, расточительностью двора, повседневной раздачей орденов за выслугу лет и в связи с юбилеями и пытался с этим бороться, безжалостно вычеркивая из списков фамилии представленных министрами к награде лиц. Он пытался бороться и с расточительностью быстро увеличивающейся императорской фамилии, ни в малейшей степени не желавшей действовать по законам времени и продолжавшей считать себя элитой высшего общества. А. А. Половцов, человек по своему положению государственного секретаря близкий к великому князю Михаилу Николаевичу, рассказывает, что великий князь Михаил Михайлович, достигший совершеннолетия, решил обзавестись собственным домом, для чего построить новый дворец, ссылаясь при этом на пример отца, имеющего дворец на Дворцовой набережной. Государственный секретарь, наглядевшийся на праздное и претенциозное общество великокняжеских особняков и понимавший все чудовищное несоответствие образа жизни российских верхов и современной жизни, попробовал образумить молодого великого князя, сказав: «Ваш отец по своему положению принадлежит к XVI столетию, а вы к XX, коли не хуже, потому что невозможно предугадать, что Вам готовит будущее и какое положение великих князей будет весьма скоро»⁴¹.

Александр III, озабоченный разрастанием императорской фамилии, решил пойти на изменение утвержденного еще при Павле I закона, сократив число возможных «высочеств».

Толчком к такому решению было увеличение расходов удельного ведомства на содержание императорской фамилии, а император и на казну, и на доходы уделов смотрел как на собственный кошелек. Им двигали не отвлеченные государственные соображения, а боязнь пустить по миру собственную семью. К этому прибавлялось и нежелание состоять в официальном родстве с некоторыми членами императорской фамилии. Словом, династический характер политики здесь был особенно виден. Проект нового закона готовился в большом секрете в кругу особо доверенных лиц — брата Владимира, Половцова, Воронцова-Дашкова, Адлерберга, — многократно обсуждался с императором. Почти три года ушло на разработку и принятие зако-

⁴⁰ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, п/т. 2-й. С. 542.

⁴¹ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. I. М., 1966. С. 243.

на, по которому титул великих князей сохранялся только за детьми и внуками императора, правнуки же становились «князьями императорской крови» с сокращением выплат и привилегий. Принятию закона предшествовал указ, оповестивший о готовящемся законе, в котором все было уже детально разработано. Указ вызвал (как и закон) глухое недовольство в великокняжеских кругах, не переходящее, впрочем, в открытые стычки с императором. Зато в петербургских титулованных кругах меру Александра III явно одобряли: на свет вышла трехсотлетняя неприязнь древних Рюриковичей к худородным Романовым. Михаил Николаевич жаловался: «Это все петербургский высший свет, который радуется этой мере, говоря, что они — Рюриковичи, а мы — немцы-голландцы, в коих и романовской крови не осталось; а что сказали бы Долгорукие или Оболенские, если бы у их потомства отняли принадлежащий им титул, и притом без суда, без совершения преступления»⁴². Кстати, это один из законов Александра III, показывающий, что политику его царствования нельзя оценивать как серию только реакционных мероприятий. Понижение выкупных платежей и переход к обязательному выкупу, законы о переселениях крестьян, учреждение государственных ипотечных банков, поэтапная отмена подушной подати — все эти меры являлись не только развитием реформ 60-х годов, но и осуществлением проектов, в те годы уже в той или иной степени рассматривавшихся. Но зато тем большим контрастом выглядят законы, консервировавшие общину, вводившие опеку над крестьянством земского начальника, которая как бы возрождала дореформенную систему отношений, только несколько модифицированную. Были и такие реформы и контрреформы, осуществить которые Александру просто не удалось: неудачей кончилась его попытка преобразовать систему винопроизводства; члены учрежденной им в 1881 году комиссии генерала П. Е. Коцебу не решились ломать организацию армии, столь долго строившуюся и явно целесообразную. Словом, это была довольно эклектичная политика, составляющая смесь того, что хотел сделать император, и того, что было возможно осуществить⁴³.

Если задаться вопросом, какие личные убеждения более всего сказались на политике Александра III, то на первое место тут при-

⁴² Там же. С. 287–288.

⁴³ Картины этой политики воспроизведены в двух очень хороших работах — в обобщенном очерке С. Н. Валка и в конкретном исследовании П. А. Зайончковского. *Валк С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-х — начале 90-х годов // История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856–1894)*. Ч. I. М., 1951. С. 910–994; *Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов)*. М., 1970. С. 446.

дется поставить яростную веру в необходимость сохранения самодержавия. Власть воспринималась им как собственность, а люди, разговаривающие о народовластии, — как воры, покушающиеся на его нательную рубаху. Демократизм в поведении и чудовищное высокомерие носителя верховной власти в нем сочетались и проявлялись иногда в поразительной форме. Чего стоит одно заявление: «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?», сделанное им еще в 1881 году⁴⁴. И с этой позиции он не сдвинулся ни на йоту. С большим сожалением относился он к монархам, идущим по конституционному пути. Узнав из донесения, что японский премьер произнес похвальное слово новой конституции, император написал: «Несчастные, наивные дураки»⁴⁵. Он закрывал пред Россией возможности конституционного развития и оценивал реформы, проведенные его отцом, с точки зрения их совместимости с абсолютной властью. На судебной контрреформе он настаивал именно потому, что в его глазах это было детище конституционалистов, начавших с ограничения судебной власти царя. Другой бьющей в глаза идеей Александра была идея национальная, сказывавшаяся и в его внешней политике, и в политике по отношению к национальным окраинам, у которых он начал отбирать остатки автономии, и в отборе приближенных сановников. Сильно отразился на его политике и сословный принцип, им исповедуемый. Этот принцип пришел на смену бессословному подходу предыдущего царствования и особенно сильно сказался на дворянской политике Александра III, поставившего своей целью поддержать и возродить поместное дворянство в России, отвергая все доводы о бесперспективности такой цели.

Несмотря на твердость и настойчивость Александра III, решимость обеспечить своей семье и стране покой и процветание, его политика складывалась тяжело и медленно. Он постоянно испытывал недовольство и ходом дел, и нерасторопными, неспособными министрами. Отдохновение он находил в семье, которая обычно жила либо в Гатчине, либо в Аничковом дворце. Чиновный и придворный Петербург он не любил, уединялся от него летом с семьей на яхте в финских шхерах. Всю жизнь он прожил в обстановке усиленной охраны, расставленной во дворцах и пригородных парках, хотя, в отличие от отца, и не испытал ужаса от череды покушений. Единственный раз, в 1887 году — такое покушение готовилось, но не удалось. Жестоким уроком для него, по-видимому, стал голод 1891 года. Ведь он начал царствование с того, что поставил своей задачей улучшить

⁴⁴ Суворин А. С. *Дневник*. М.; Пг., 1923. С. 166.

⁴⁵ Ламздорф В. Н. *Дневник* (1886–1890). М.; Л., 1926. С. 159.

положение крестьянства, и через десять лет оказался перед лицом чудовищного всероссийского бедствия. Другим бедствием, им не осознанным, оказался конфликт установленной им системы с российской интеллигенцией. Реформы 60-х годов потому и стали «великими», что как только Александр II и его правительство обнаружили намерение проводить прогрессивные преобразования, вся интеллектуальная Россия сочла своим долгом принять в этом участие. Александр III своей политикой загнал в оппозицию весь интеллект страны. Студенты становились в оппозицию не потому, что требовали созыва парламента, а потому, что им отказывали в праве на столовые, библиотеки, научные общества. Лояльная, не принимающая революционных методов профессура оказалась гонимой и униженной своим бесправием. Неверие в наличие у самодержавия здравого смысла овладело всей интеллигенцией. И последствия этого в полной мере сказались в царствование Николая II.

Большинство российских самодержцев вошло в историю с особыми прозваниями, прочно к ним приставшими. В российских анналах Александр III значится: «царь-миротворец». Восприятие современников чутко отозвалось на редчайшую особенность данного царствования — отсутствие войн, жизнь в условиях мира. Между тем время это было далеко не безоблачным и спокойным. В 80-е годы у Александра был большой соблазн ввязаться в балканские события. Ведь он, лично отстаивавший на фронте свободу и государственность Болгарии, должен был снести обиду на Александра Баттенбергского и его преемников, которые предпочли обострить отношения с Россией ради сближения с Австрией. В 1885 году Россия буквально балансировала на грани опаснейшей афганской войны, чреватой столкновением с Англией. И хотя среди военных всегда находились люди, предпочитавшие говорить языком пушек, император внял доводам рассудка и предпочел язык дипломатии.

Внешняя политика Александра столь же отчетливо несла на себе отпечаток личности монарха, как и внутренняя. Он сам повседневно занимался межгосударственными отношениями, и на них сказывались его откровенность, доходящая до грубости, прямолинейность, нерасчетливость, неприязнь к лавированию и дипломатическому протоколу. Недаром российский МИД и его верхушка только постоянно ойкали от неловкой прямоты царя и старались подальше припрятать документы с его резолюциями, грозящими вызвать международный скандал. Поистине, это был медведь, действующий среди хрупких стеклянных предметов. На многое из происходящего на европейской арене он смотрел с чисто семейной точки зрения. Чего стоит одно его заявление в марте 1889 года министру иностранных дел во время очередного обострения отношений в Европе: «Императрица очень

беспокоится, и нам надобно ее успокоить»⁴⁶. Но в качестве противовесов этим опасным в политике качествам выступали его здравый смысл и отвращение к войне, знание ее истинной кровавой цены.

Сказывалась на иностранной политике и его широко известная германофобия. С нею (но лишь отчасти) связан и решительный поворот России в союзнических отношениях. Отход России от традиционного союза с Германией и Австрией был процессом долгим, мучительным и объективным. Объективную его основу составляли крепнущая мощь и агрессивность Германии, усиление поэтому в ее внешней политике силовых приемов по отношению к России, враждебная таможенная политика, стремление обставить выдачу кредитов политическими условиями. В этих обстоятельствах России все чаще приходилось рассматривать Францию в качестве возможного союзника, на чем давно настаивал самый почитаемый царем идеолог М. Н. Катков. Быстроте переориентации препятствовали непрерывные маневры германского канцлера. Схлестнулись две дипломатии: прямолинейная, своеобразно честная Александра и лукавая, изощренная его оппонента Бисмарка. Прямодушный самодержец только и мог, что восклицать: «Обер-скот!» Поэтому и оформление франко-русского союза произошло только в 1891–1893 годах, с уходом Бисмарка с политической авансцены. Император успел подписать франко-русскую военную конвенцию в декабре 1893 года, в канун своей смертельной болезни, как бы поставив точку в важнейшем деле своей жизни. Он обезопасил Россию от растущей агрессивности Германии, но одновременно сделал шаг к будущей небывалой войне, проведя линию фронта.

С. Ю. Витте, горячий почитатель Александра, видевший в нем ту твердую руку, которая позволит ему мобилизовать экономические возможности страны для проведения крупных преобразований, высказал предположение, что император в конце жизни пришел бы все-таки к мысли о необходимости либеральных реформ. Вряд ли. Но, во всяком случае, жизнь ему времени на вторую половину царствования, лучшую половину, не отпустила. Судьба была безжалостна к Александру. В начале 1894 года сидевшая в нем болезнь (нефрит, толчком для возникновения которого считаются ушибы, полученные во время крушения императорского поезда на ст. Борки) начала быстро прогрессировать. Этот огромный сильный человек, наводивший страх, исхудал и истаял, виски впали, уши стали торчать. От слабости он впадал в забытие, даже во время разговора, жил между отчаянием и надеждой, периодически начиная уповать на какие-то простейшие средства лечения. И, не дожив до пятидесятилетия, скончался в Крыму в октябре 1894 года, оставив огромную страну старшему

⁴⁶ Там же. С. 162.

сыну, которого считал мальчиком, к государственной деятельности явно не готовым.

Взгляд современников на государственного деятеля и видение его потомками и — среди них — историками очень сильно разнятся. Последующие поколения умозрительно оценивают итоги его деяний, принимая их или не принимая; как правило, отвлекаясь от мелочей, не испытывая на себе ни обаяния, ни недостатков личности, не ощущая разлитых в тогдашнем обществе пристрастий или предубеждений. Всякое же историческое исследование является большим или меньшим отстранением от частных, обобщением, систематизацией и известной схематизацией материала, сохранившихся свидетельств. Но ведь история как наука и рождалась от стремления потомков узнать о прежних временах и людях не в общем, а в их конкретике: как было и какими они были. Этот вопрос задает себе всякое поколение, оборачиваясь назад, и удовлетворить эту потребность могут только «живые», необработанные записи современников. Приступая к формированию корпуса документов, рассказывающих об императоре Александре III, составители задались целью показать императора с разных точек зрения, глазами непохожих людей и на протяжении всей его пятидесятилетней жизни. Антология собрана из разнообразных документов (воспоминаний, дневников, писем, зарисовок, очерков и пр.) разного объема и разной удаленности их авторов от предмета наших интересов.

Для этого составителями были привлечены источники различного происхождения. Царствование императора Александра III совсем недалеко отстоит от переломных событий 1917 года. До революции люди, близко его знавшие, не успели опубликовать свои воспоминания и записки: ведь существовала цензура Министерства императорского двора, тщательно просеивавшая все документы касательно особ царствующей династии, а для исторического материала определившая правило 50-летней давности. После революции такие воспоминания, если они были оставлены, оказались невостребованными, ибо новая власть нуждалась в новых идеалах и исторических источниках — о героях борьбы с самодержавием, о движении классов. За границей же эмиграция, естественным образом, принялась за осмысление последних событий и личности последнего монарха, Николая II. Таким образом, еще в конце XX века круг опубликованных воспоминаний об Александре III был не слишком велик. В недавнее время стали появляться публикации мемуаров и дневники, долго ждавшие своего часа. В книгу включены фрагменты этих документов, а также неопубликованные источники.

Центральная идея антологии, посвященной императору Александру III, заключается в том, чтобы показать два плана этой истории

ческой фигуры, противоречивое сочетание в личности самодержца побуждений частного лица и устремлений правителя огромной империи. Это противоречие отразилось не только на особенностях политического курса его царствования, но и на культурном фоне всей эпохи, ставшей апогеем «русского стиля».

Каждый император встречался не только с министрами и генералами. Он был еще и человеком своего времени, своих понятий и пристрастий в литературе, живописи, музыке, а если он их и не имел, то деятели культуры ему о себе непременно напоминали. Поэтому в антологию попали и краткие свидетельства о встречах с императором художников, писателей, музыкантов. И наконец, читатель найдет в книге документы, вышедшие из лагеря, который противостоял самодержавию, — народовольцев, деятелей, демократически настроенных. Они помогают понять существо, причины тех или иных поступков императора и мотивы его политики.

Завершают антологию «резюме» историков, принадлежащих к разным эпохам и научным школам. Вот уже в течение столетия ученые и политики пытаются найти в царствовании предпоследнего российского самодержца рецепт политической стабильности и причину краха царской России. Палитра их мнений, являясь своеобразным подведением итогов царствования, ставит перед читателем еще одну проблему — каким должен быть идеальный правитель? — поиск решения которой уже выходит за рамки этой книги.

I
ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО.
ЮНОСТЬ

А. В. НИКИТЕНКО

Дневник

<Фрагмент>

<...>

30 декабря 1860 года, пятница

Еще были у меня в этот вечер Ребиндер, Гончаров и Чивилев. Кстати и Чивилев. Он назначен воспитателем великих князей на место Гримма. Он нашел маленьких князей ужасно запущенными в умственном отношении. О развитии их и приучении к умственному труду до сих пор вовсе не думали. Между тем в императрице Чивилев нашел прекрасную женщину с добрым, любящим сердцем и возвышенными понятиями. Как это могло случиться, что воспитание князей было ведено так небрежно? Вина не Гримма, но и не тех, которые его выбрали и так долго терпели. Чивилев советовался со мною насчет некоторых преподавателей. Я советовал ему пригласить для русского языка Ореста Миллера.

<...>

Н. П. ЛИТВИНОВ

<Дневник. 1861–1862 годы>

<Фрагменты>

1861 год

13 марта (понедельник).

Сегодня на гимнастике я заметил признак пробуждения в Александре Александровиче, в первый раз ему пришла фантазия добиться порядочно сделать довольно трудную штуку, и действительно, он ее сделал, хотя с грехом пополам. Жаль, если это была только фантазия!

Натура добрая, но шероховатая, впрочем, есть надежда ее обтесать. Он очень мил со мною, очень послушен, но ужасно любит фамильярничать, и я решительно недоумеваю, как мне избавиться от этой короткости. Его любимое обращение ко мне: «Ты дитя, поручик», если промолчишь и угрюмо отвернешься, он сейчас заметит это и скажет: «Ну вот и рассердился», если же при повторении той же выходки попросишь его перестать, он торопливо заговорит: «Ну не буду больше, г-н поручик», и в самом деле перестает до первого удобного случая. Я еще не успел заметить, когда наступают эти удобные случаи, если замечу, постараюсь их избегать. За обедом он и Владимир Александрович вели себя еще не совсем прилично, хотя и лучше; Александр Александрович ни разу не фыркнул, но оба с шумом хлебали с ложки, а им в этом аккомпанировал и я, по этому случаю граф Перовский заметил, что и я тоже имею скверную привычку хлебать, на это я ответил, что и мне еще не поздно исправиться. С пяти до семи оба прилежно приготовляли уроки. Александр Александрович все жалуется на немецкую географию. После чаю, придя от Императрицы, по собственному побуждению сели заниматься и оба порядочно выучили английские стихи, которые мне рассказали.

14 марта (вторник).

...Вечером Александр Александрович употребил более получаса на музыку, опять-таки по одному собственному побуждению. По-

смотрим, будет ли знать ее завтра. Вечером были у Дмитрия Борисовича (Д. Б. Рихтер), в первый раз мне случилось видеть великих князей в обществе; Владимир Александрович ведет себя, нисколько не стесняясь, так же как дома, а Александр Александрович видимо старается вести себя порядочнее, хотя это ему и не совсем удалось, какие-то странные отрывистые жесты и помахивания рукою ужасно били в глаза. Я предупредил обоих князей, что пойду домой в десять с четвертью часов, и уже не упоминал об этом; ровно в назначенный час Александр Александрович подошел ко мне и сказал, что пора отправляться.

15 марта (среда).

Несмотря на то, что легли поздно, утром поднялись без затруднения, и Александр Александрович отвечал свои уроки хорошо. В классы заходила Императрица, проходя в церковь (среда на второй неделе Поста), но на уроках не останавливалась. У нас обедал учитель английского языка Метчин. Александр Александрович вел себя за обедом не совсем добропорядочно, так что я должен был ему сказать, что при посторонних вести себя так уж потому нехорошо, что их неумение держать себя может быть известно во всем городе потому, что публика интересуется больше всего их воспитанием. Это замечание имело, кажется, свое действие. Урок музыки, как и следовало ожидать, очень хорош. Вечером читал с Владимиром Александровичем из «Сида»¹. Никак не могу добиться какого-нибудь чтения от Александра Александровича, он его боится как огня.

18 марта (суббота).

Говорят, я хорошо сделал, что начал журнал со времени моего поступления, а не начал его позже, потому будто бы, что со временем я так бы мог втянуться в привычки и недостатки великих князей, что мне все казалось бы так, как оно должно быть... Уж не успел ли я втянуться... Боже упаси, между тем нет еще месяца, как занял свою должность, а Александр Александрович, мне кажется, уже во многом успел, сделался прилежным и толковым, заметно наблюдение за собою и вообще много утешительного. За уроком естественной истории (читано в один раз) был чрезвычайно внимателен и вел себя как следует; остальные уроки были так же хороши. За обедом он держал себя так необыкновенно прилично, что я не выдержал и заметил это, за что он меня тотчас же наказал, сильно фыркнувши. <...>

20 марта (понедельник).

Сегодня уроки Александра Александровича шли очень хорошо, не понимаю, когда он успел их приготовить.

21 марта (вторник).

Александр Александрович все еще не отучился буфонтствовать², по-прежнему вдруг ни с того ни с сего покажет язык или сделает глупую гримасу... В два часа отправились в красильную и сукновальную фабрику на Гутуевский остров; оба были внимательны и вежливы. Хорошо, что все это было сделано без особых приготовлений, на фабрике нас совсем не ждали, и хотя хозяин и был несколько как будто растерян, зато его помощники вели себя молодцами и нисколько не унижаясь, что весьма полезно для князей, а особенно для Владимира Александровича.

<...>

13 августа (воскресенье).

Встали в семь часов. После чаю Александр Александрович пошел со мною в сад, где мы занимались спусканием корабликов в воду, что нас очень забавляло. В половине одиннадцатого часа пошли к обедне. Завтракали у нас баронесса Софья Петровна Фредерикс и генерал Гогель с супругой и сыном. Александр Александрович чувствовал себя сегодня очень развязным и так расшалился, что при встрече с Александром Ивановичем Чивилевым придал ему такой эпитет, который мне показался слишком нелепым и дерзким; я его не хочу повторять, боясь ошибиться, но если то, что мне послышалось, еще раз повторится, то нужно будет принять такие меры, чтобы обуздать развязность и разгул Александра Александровича. Владимир Александрович читал с [А. И. Чивилевым] «Вокруг света», а Александр Александрович историю Стеньки Разина. <...>

<...>

16 августа (среда).

...Потом читали, Владимир Александрович — Богдана Хмельницкого³, а Александр Александрович взял роман Загоскина «Искуситель». Так как это одно из бесцветных произведений Загоскина, то Александр Иванович [Чивилев] присоветовал Александру Александровичу лучше послушать «Богдана Хмельницкого», но это очень не понравилось великому князю, и он объявил, что Костомаров для него очень скучен... После обеда Александр Александрович пошел с нами играть в кегли; он был очень мил, любезен, и почти ни разу мне не пришлось делать ему замечаний, что бывает очень редко. По возвращении домой Александр Александрович продолжал работать над утренним переводом. Дай Бог не сглазить, а великие князья садятся за занятия не только без принуждения, но, как кажется, даже с полной охотой. Александр Александрович, например, очень совестливо трудился над переводом, беспрестанно роясь в лексиконе, чего он терпеть не может. После чаю m-r Remy⁴ прочел вслух главу из Шатобриана «Les Martyrs»⁵; Владимир

Александрович был в полном восхищении и делал весьма дельные замечания о стиле этого писателя; Александр Александрович, который далеко не так горячо принимает подобные сочинения, тоже отозвался о нем очень хорошо, и даже был не прочь продолжать чтение.

17 августа (четверг).

Г-н Реми давал урок Александру Александровичу до десяти с половиной часов. За уроком Александр Александрович был довольно внимателен, но заданное вчера почти совсем не приготовил. Я сделал ему за это выговор, но Александр Александрович до сих пор своего положения не понимает, и теперь, как всегда, он отвечал мне разными ребяческими отговорками, как, например, что ему не было времени, и проч. В половине второго часа я поехал с Александром Александровичем на скачки. На скачках было совсем пусто и скучно, но, несмотря на это, Александр Александрович ими очень занимался и был доволен своей судьбою. В шесть часов я напомнил Александру Александровичу, что если он сегодня не займется приготовлением урока к завтраму, то и завтра он не заслужит похвал, как сегодня. Он охотно пошел домой и сел за работу.

<...>

20 августа (воскресенье)⁶.

После чая Александр Александрович пригласил m-r Рему, Дмитрия Федоровича и меня осматривать новый дворец⁷ и Грановитую палату. В половине третьего часа Александр Александрович отправился с нами осматривать терем; он с особенным удовольствием смотрит на то, что носит отпечаток старины; видно, что оно делает на него впечатление; он особенно жалел о том, что так многое возобновлено и, следовательно, утратило всю прелесть старины. После обеда великие князья поехали на Воробьевы горы. Александр Александрович отправился с графом Борисом Алексеевичем Перовским в двухместной коляске, а Владимир Александрович в четырехместной с Дмитрием Федоровичем Обломьевским, m-r Рему и со мною. Мы долго любовались прелестной панорамой Москвы и ее окрестностей. В это время успели нас окружить несколько крестьянок из соседней деревни; они предложили вишен великим князьям. Владимир Александрович держит себя с ними очень мило и много разговаривал, но Александр Александрович чувствует себя очень неловко при этом и потому кажется мало любезным.

Сегодня великие князья разорились на покупку разных коробочек и папиросниц фабрики Лукутина. Для Владимира Александровича это не удивительно, но от Александра Александровича я не ожидал решимости истратить на это 24 рубля; правда, что он выбирал такие вещи, которые подешевле, и потому он их купил очень много числом.

21 августа (понедельник).

После чаю Александр Александрович пошел с m-r Рему, А. И. Чивилевым и Д. Ф. Обломьевским еще раз осматривать терема, которые ему очень нравятся. В одиннадцатом часу к великим князьям приехал митрополит Филарет, просидел с ними полчаса и благословил каждого образом. После завтрака мы отправились в Архангельский собор; там нас ожидал священник, назначенный митрополитом для объяснения всех достопримечательностей. Великие князья давно уже не были в Москве, так что если все, что они увидели, не было им совершенно неизвестно, то по крайней мере все должно было им показаться в другом свете. Александр Александрович с видом истинного знатока восхищался стариною и наивною живописью на внутренних стенах храма, т. е., значит, тем, что именно составляет характеристическую особенность древнего византийского стиля. Особенно интересно было для великих князей видеть одежду и другие принадлежности Царевича Дмитрия. Часа в два к нам приехал Иван Михайлович Снегирев, и мы с ним отправились в дом Романовых на Варварке⁸. Внутреннее расположение комнат, убранство их, мебель — все мельчайшие подробности в высшей степени интересовали великих князей, и они с жадностью слушали объяснения Ивана Михайловича, под руководством которого и было реставрировано это здание. Мы приехали домой около половины четвертого, и граф Борис Алексеевич Перовский пригласил остаться обедать Ивана Михайловича Снегирева. Все время за обедом и долго после обеда г-н Снегирев занимал великих князей самыми интересными подробностями о русской старине, и великие князья долго бы, вероятно, остались слушать его, если б время не было так дорого. В 5 часов мы пошли в Оружейную палату, где ожидал нас майор Яковлев; он большой знаток древностей вообще, а по части оружия в особенности. Великие князья все время не отходили от него и слушали его с большим вниманием и видимым удовольствием. Когда нужно было уходить, я напомнил великим князьям, что они должны хорошенько поблагодарить майора и дать ему руку, что они часто забывают делать.

22 августа (вторник).

Сегодня назначено было ехать в Воскресенский монастырь⁹. Для этого граф Борис Алексеевич (Перовский) пригласил ехать с нами генерала Исакова, который мог нам объяснить многое, потому что сам был в старом Иерусалиме, по плану которого выстроен Воскресенский монастырь. Мы выехали по экстренному поезду в половине десятого часа. В святой обители нас совершенно не ожидали, так что мы успели осмотреть часть храма, прежде нежели успели собраться игумен¹⁰ и священнослужители для совершения молебствия. Старичок игумен начал было нам показывать храм и ризницу¹¹, но,

желая его избавить от труда всюду ходить за нами, великий князь Александр Александрович откланялся ему, и мы докончили осмотр храма под руководством одного генерала Исакова. Рассказ его был очень интересен; так как наружный вид церкви и внутреннее ее расположение скопировано с Иерусалимского храма, то великие князья наглядно видели, где расположены приделы разных исповеданий¹². Мы ходили и осматривали все более двух часов, очень устали и очень проголодались. Обед заказан был в гостинице, находящейся недалеко от монастыря. Простые щи, каша и жаркое показались великим князьям очень вкусными, а всего более понравилось то, что запросили с нас за все это не более 6 рублей 50 копеек. Это показалось нам очень скромным, особенно сравнительно с теми 360 рублями, которые запросили с нас на Московской железной дороге за один обед. Обратное поехали в 4 часа и через полтора часа были на железной дороге.

По прибытии домой великие князья отправились прямо к наследнику¹³, прибывшему без нас в Москву. У нас была большая компания за чаем; приглашен был генерал Исаков, а потом пришел великий князь наследник с Дмитрием Борисовичем Рихтером и Иваном Васильевичем Рождественским. После чаю Александр Александрович пошел со мною на половину наследника и вернулся домой в половине десятого.

23 августа (среда).

После завтрака все пошли осматривать Патриаршие ризницы; монах, который был нашим чичероне¹⁴, отлично знал свое дело; великие князья с удовольствием слушали о древних книгах, хранящихся в ризнице. После обеда великие князья отправились навестить великого князя наследника, который чувствовал себя не совсем хорошо.

24 августа (четверг).

После чаю великие князья сходили к великому князю наследнику, часов в десять приехал к нам Иван Михайлович Снегирев и пошел с Александром Александровичем в церковь Спаса на Бору, что стоит на дворцовом дворе; а потом граф Борис Алексеевич Перовский поехал с Александром Александровичем и Михайлом Ивановичем¹⁵ в монастыри Донской и Спасский. В восемь часов пришел к нам наследник и, пробыв с полчаса, пригласил нас идти с ним на его половину. За чаем Александр Александрович вел себя очень прилично, что было очень кстати, потому что народу у великого князя наследника было много; между прочим, граф Строганов с сыном и генерал Казнаков.

25 августа (пятница).

После чаю Александр Александрович отправился к великому князю наследнику: в десять часов Александр Александрович отправился

с графом Борисом Алексеевичем к литургии¹⁶ в Симонов монастырь. Они очень желали не быть никем узванными; это им удалось только вполонину. С час времени простоял великий князь Александр Александрович в церкви, не возбуждая ничьего внимания; потом вдруг заметили, что в народе возникло подозрение, что все с любопытством стали на него поглядывать, а духовенство — обращаться преимущественно в их сторону. Это заставило их выйти несколько ранее окончания службы. Однако настоятель успел проводить великого князя Александра Александровича. После обеда поданы были два экипажа, запряженных четвериками, и мы отправились за город в следующем порядке: Александр Александрович с графом Борисом Алексеевичем в двухместной коляске, а Владимир Александрович с г. Рему и со мною в четырехместной. Поездка наша была очень интересна; мы видели знаменитое село Коломенское, где жил Петр Великий со своей матерью, когда ему было 11 лет; там же, по преданию, Шелковитый хотел убить его¹⁷. Мы не имели достаточно времени, чтобы осмотреть все место подробнее; входили во дворец, который не имеет ничего замечательного, кроме своего местоположения; видели челобитный столб перед тем местом, где стоял старый дворец, и, наконец, зашли в церковь, построенную при царе Алексее Михайловиче¹⁸, где нас встретил священник с крестом и в облачении. Вернулись в восьмом часу. Александр Александрович с графом Борисом Алексеевичем прошел в Успенский собор, желая застать всенощную¹⁹, но, во-первых, они были тотчас узнаны народом, который помешал им молиться, а во-вторых, застали только конец службы, так что скоро вернулись домой. К чаю пришел великий князь наследник.

26 августа (суббота).

Александр Александрович отправился поздравить наследника цесаревича в десять часов и уже оттуда вместе с ним пошел в Успенский собор. Александр Александрович пришел с литургии очень поздно; завтракал в час, а потом поехал с графом Борисом Алексеевичем к генерал-губернатору и Николаю Геннадиевичу Казнакову; затем отправился на большой обед. К чаю пришел великий князь Николай Александрович; остаток вечера мы провели очень приятно, потому что Дмитрий Борисович (Рихтер) читал нам журнал путешествия великого князя наследника. Великие князья разошлись спать раньше обыкновенного, потому что на другой день встают в пять часов утра.

27 августа (воскресенье).

В семь с четвертью мы выехали из Кремлевского дворца, заехали к Иверской Божьей Матери²⁰ и уже оттуда на железную дорогу. Все время дороги великие князья были очень веселы, хотя и уверяли что им жаль так скоро оставить Москву. <...>

29 августа (вторник).

После чаю я гулял с Александром Александровичем и рассказывал ему подробности последних минут королевы Марии Антуанет. Любопытство его было в высшей степени возбуждено, но все его вопросы касались более житейских мелочей, чем нравственных начал.

31 августа (четверг).

...Потом я вслух читал великим князьям немецкие стихи различных авторов. Владимир Александрович слушал с большим вниманием, но Александр Александрович недолго выдержал, встал и ушел к себе.

За чаем великие князья держали себя недурно, но уже после чая Александр Александрович такую выкинул штуку, что я боюсь, не отлазил ли его Альфонс Карлович. Он вдруг вошел в такой неумемный восторг и, подойдя к Альфонсу Карловичу и ко мне, начал повторять свои старые шуточки, кривляясь и заигрывая; я попросил его перестать и объяснил, что это вовсе не идет; надо было видеть, какие гримасы начал он строить; подобные выходки даже не в состоянии рассердить человека, но они так болезненно отдаются в сердце, что в подобные минуты хочется заплакать, глядя на бедного Александра Александровича.

1 сентября (пятница).

Встали в шесть с четвертью часов, т. е. как обыкновенно бывает во время классных занятий... Сегодня граф Борис Алексеевич [Перовский] принужден был сделать сильную распечку Александру Александровичу за то, что он не послушался его и переменял час, назначенный для ванны. Александр Александрович был очень огорчен этим, не хотел согласиться в том, что виноват, и все уверял, что хотя, может быть, граф и говорил при нем Замятину, но он этого не слышал; правда, Александр Александрович так рассеян и невнимателен, что даже и это на него похоже. После чаю Александр Александрович читал со мною из всеобщей истории Вебера о восточных народах, т. е. сегодняшний урок, все время был довольно внимателен и даже сам все искал по историческому атласу.

2 сентября (суббота).

...Я потребовал от великих князей их расходные книжки; счета по видимости ведены были чисто и аккуратно, но по проверке оказалось противное: Александр Александрович недосчитался по счетам 11 р. серебром, а Владимир Александрович 8 р. серебром, у первого осталось от месяца рублей 6, а у Владимира Александровича ничего.

4 сентября (понедельник).

Александр Александрович был сегодня утром что-то не в духе; не этому ли нужно приписать его последующие неудачи в утренних классах; а впрочем, может быть, и наоборот, т. е. он чувствовал, что он плохо знает уроки. М-г Remy был сначала очень недоволен им, потому что он очень плохо приготовил перевод и худо знал урок; но зато последние полчаса были так хороши, что ничего не оставляли желать лучшего. М-г Remy сказал, что если б он был уверен, что Александр Александрович будет всегда так внимателен и понятлив, то, наверное, мог бы сказать, что в шесть месяцев Александр Александрович может догнать свои лета. В классе древней истории Александр Александрович тоже много говорил вздору, хотя урок был так мал, что его без затруднения мог бы выучить семилетний ребенок. Впрочем, я нахожу, что такие короткие уроки, как, например, заданы были к сегодня и завтра, такие уроки действительно трудно отвечать такому некрасноречивому человеку, как Александр Александрович. В десять часов Александр Александрович пошел на гимнастику и исполнял свое дело довольно добросовестно. После завтрака Александр Александрович отправился играть на фортепиано, но по случаю приезда великого князя наследника и по случаю завтрака в той комнате, где стоял фортепиано, — урок состоялся только вполчину. Играл порядочно, потому что Михаил Викторович (Половцов) заставил Александра Александровича повторять старые пьесы. Александр Александрович очень порядочно писал под диктовку на английском языке и сдал порядочно урок Эдуарду Федоровичу Эвальду. Александр Александрович начал готовить французский урок с помощью м-г Remy. При этом случае он блистательно заявил свое ребячество. М-г Remy спросил его спрягать глагол, при этом он сделал ошибку, которую м-г Remy хотел ему объяснить. Для этого он заставил Александра Александровича написать *temps primitifs u les modes*²¹. Александр Александрович так восстал против такого, по его мнению, несвоевременного требования, что большого труда стоило нам его успокоить; я обещал послать за графом Борисом Алексеевичем, если он тотчас же не напишет, что у него спрашивали, и, кроме того, сказал Александру Александровичу, чтобы он не надеялся отделаться после семи часов от занятий, если он не кончит урок. Александр Александрович при этом случае много плакал и наконец, когда м-г Remy добился того, чего требовал, то Александр Александрович начал просить избавить его от учения наизусть стихов. В семь часов пришел граф Борис Алексеевич [Перовский], он заставил Александра Александровича не оставлять комнаты, пока весь урок не будет готов, и действительно, к восьми часам Александр Александрович знал все, что от него требовалось. Граф Борис Алексеевич предложил Александру Александровичу прогуляться с ним по саду, вероятно, для того, чтобы смягчить немного

строгость обхождения. Они пошли на озеро и еще застали там целую компанию. Владимир Александрович лег спать в девять часов, а Александр Александрович вернулся с катанья в половине десятого, пошел к наследнику, посидел там с четверть часа и пошел спать.

5 сентября (вторник).

Встали в шесть с четвертью часов. Александр Александрович был как-то особенно в духе с самого утра, что он выражал, испуская дикие горловые звуки. Впрочем, он прилежно приготовлял уроки до восьми часов. Утром были классы французского языка и математики; как в том, так и в другом Александр Александрович был очень хорош. Ф. Ф. Эвальд сказал даже, что он за счастье считал бы, если бы все ученики были бы так внимательны и понятливы.

После классов Александр Александрович взял урок фехтования; потом великие князья завтракали и в одиннадцать с четвертью сели заниматься. У Александра Александровича был г-н Лагузен; в двенадцать часов пришел г. Шперер; урок Александр Александрович знал порядочно, а слушал новый урок с редким вниманием. Ему сегодня объясняли вертикальное разветвление Франции; сначала он было начал жаловаться на слишком большое число незнакомых имен, но скоро примирился с этим и охотно стал отыскивать все по карте.

В семь часов пили чай, и потом Александр Александрович с Николаем Александровичем и Алексеем Александровичем пошли на озеро. Я остался дома с Владимиром Александровичем, который сел писать письмо Императрице. Александр Александрович еще до чаю написал свое письмо Государю.

6 сентября (среда).

Встали в обыкновенное время, помолились, читали Евангелие, напились чаю и сели за занятия в семь часов. Александр Александрович был не в духе с самого утра, капризничал и заспорил с Владимиром Александровичем о том, кому очередь читать вслух Священное Писание. Вероятно, потому урок от 8–9 из русского был так нехорош, что учитель почти в взбешенном состоянии вышел от него.

От 9–10 у великих князей был Иван Васильевич (Рождественский), и он жаловался на ветреную голову Александра Александровича. На уроке музыки Александр Александрович был лучше обыкновенного и играл со вниманием. От 12 до 1 часу у Александра Александровича был урок из немецкого; он получил три и заслужил их. В два часа Александр Александрович с Николаем Александровичем поехали на место скачки; немного позже поехал туда и Владимир Александрович. Николай Александрович и Александр Александрович сели верхом и скакали два раза на различных лошадях, каждый раз по одной версте.

7 сентября (четверг).

Встали в шесть часов по просьбе Владимира Александровича; это не помешало, однако, прокопаться с чаем до семи часов. Александр Александрович был сегодня утром в очень милом расположении духа. Занятия шли очень прилежно. Первые часы у Александра Александровича были история; он отвечал посредственно; видно было, что он стеснялся недостаточно положительных исторических фактов, а распространиться о разлитии Нила он не сумел, настолько у него не хватает ни красноречия, ни воображения. Во всяком случае, он сделал для этого урока все, что мог, остается только желать, чтобы преподаватель по мере сил увеличил эту возможность. Федор Федорович Эвальд третий раз остался очень доволен Александром Александровичем; он хорошо знал урок и был очень внимателен. В десять часов был Александру Александровичу урок фехтования; в этом он сделал большие успехи и занимается очень охотно. Пунктуальность Александра Александровича удивительна; так как нынче положено заниматься приготовлением тех предметов, которые были читаны в этот день, то Александр Александрович от одиннадцати до двенадцати часов готовил математику, читанную утром, а не уроки английского и немецкого языков, которые должны были быть от двенадцати до двух часов. Последние два урока были у обоих великих князей порядочны, у Александра Александровича даже за внимание поставил m-r Schau «четыре» балла. После классов Александр Александрович пошел с наследником, Алексеем Александровичем и г-ном Шау кататься на озере.

Около половины седьмого я предложил Александру Александровичу идти ко всеобщей; я никак не ожидал сопротивления с его стороны; он уверял, что у него много занятий и между прочим сказал: «И кто это выдумал вести сегодня нас ко всеобщей, нас никогда прежде не водили в церковь накануне Никсина рождения»²². Однако он пошел потом без всякого неудовольствия. В восемь часов мы пили чай. А потом Александр Александрович пошел с наследником, Алексеем Александровичем и Николаем Густавовичем²³ на озеро, где оставался до четверти десятого часа; пил чай у наследника, лег спать в десять часов. <...>

9 сентября (суббота).

Александр Александрович приготовил урок Федора Федоровича Эвальда; ни одна задача не была решена верно; впрочем, внимание при чтении лекции было совершенно удовлетворительно. Немецкий язык был еще хуже математики; Александр Александрович не только не знал урока, но и стал прибегать к своим обыкновенным ребяческим замашкам; капризам и детским жалобам не было конца;

он все это делал как будто бы с намерением выиграть время. После завтрака был урок Закона Божьего; оба великих князя знали свое дело порядочно. От часу до двух была естественная история. Александр Александрович знал свой урок не совсем хорошо и был мало внимателен в классе. У обоих великих князей была в это же время и музыка. Александр Александрович играл на трубе довольно порядочно и довольно усидчиво. В два часа Александр Александрович пошел с Константином Николаевичем, Николаем Густавовичем и Алексеем Александровичем на озеро, а Владимир Александрович со мною поехал кататься по парку. На обратном пути мы заехали на озеро посмотреть, что делают моряки. Александр Александрович и Алексей Александрович катались на веслах с матросами, а Константин Николаевич и Николай Густавович на парусах. Ветер был такой сильный и порывистый, что со стороны страшно было смотреть на лодки с парусами, и я внутренне порадовался, что у Александра Александровича при такой погоде не достаёт смелости идти под парусами. С нами обедали граф Сергей Григорьевич Строганов и Иван Васильевич Рождественский. <...>

11 сентября (понедельник).

От 8–9 у Александра Александровича был урок французского. Он знал свой урок, но был рассеян и невнимателен, как, к сожалению, с редкими исключениями, почти всегда. Его натура при явно практическом направлении способностей не поддается теоретическим умствованиям А. И. Чивилева. Продолжая таким образом, теряем только дорогое время; ученого из Александра Александровича никогда не удадем. Зато из него можно бы сделать практически развитого человека, и человека в его положении полезного со временем для общества; но для этого нельзя, как в монастыре, жить уединенно от людей, как мы живем в Царском Селе. Для этого непременно надо удалиться из Петербурга и его окрестностей.

<...> При всяком удобном случае, когда разговариваем с Александром Александровичем, мы стараемся навести разговор на его равнодушные к делу своего образования. Он иногда высказывает при этом претрашные мысли. Так, например, на мое замечание, что у него идет все худо оттого, что он занимается только положенное время от пяти до семи часов, а занятия сверх положенного считает лишними. На это Александр Александрович сказал, что он занимается не так худо и что ему редко ставят менее «трех» за урок, и что вся беда только оттого, что в журнале прибавили совершенно лишнюю и, по его мнению, несправедливую графу о внимании. Такое рассуждение показывает, во-первых, полную его незрелость и, во-вторых, то, что неопределенный балл «три» ставится слишком снисходительно. <...>

21 сентября (четверг).

<...>

Около половины одиннадцатого пошли к обедне по случаю дня рождения великого князя Павла Александровича... После обеда пошли играть в крокет; великие князья ужасно неприлично ведут себя во время игры; они решительно не могут играть спокойно и мирно и беспрестанно ругаются... После чаю великие князья отправились к Дмитрию Борисовичу [Рихтеру]. Великие князья там очень мало стеснялись, болтали вздор. Александр Александрович кривлялся и, наконец, кончил тем, что очень грубо толкнул Владимира Александровича за то, что он довольно грубо подсмеялся над ним. Граф Борис Алексеевич [Перовский] решился их позвать к себе, что для них очень полезно, потому что вне дома они всегда не больше стесняются, чем для них необходимо. <...>

24 сентября (воскресенье).

Пили чай с Алексеем Александровичем; после чаю Александр Александрович отравился па озеро с Николаем Густавовичем [Шиллингом]. За чаем зашел разговор о вчерашней выходке Александра Александровича с г-ном Кирхнером. Александр Александрович никак не понимал, как можно было обидеться, и утверждал, что Кирхнеру что-нибудь послышалось похуже; с трудом можно было ему объяснить, что подобные обиды он делает на каждом шагу, но что окружающие его мало-помалу привыкли видеть во всем этом не желание обидеть, а только, как шалость, детскую забаву; и что г-н Кирхнер только потому и обиделся, что нигде не привык видеть выходок, допускаемых у нас. В девять часов пришел граф Строганов и Василий Борисович Бажанов; я тотчас же послал за Александром Александровичем и Алексеем Александровичем. К половине одиннадцатого пошли к обедне. После обедни к нам зашли великая княгиня Мария Николаевна и княжны Мария Максимилиановна и Евгения Максимилиановна. После завтрака Александр Александрович пошел на озеро с Николаем Густавовичем [Шиллингом].

Александр Александрович поехал в два часа с Николаем Александровичем, Дмитрием Борисовичем (Рихтером) и Мариєю Максимилиановною верхом и вернулся домой уже после четырех часов, когда мы сидели за обедом. После обеда я остался с Владимиром Александровичем дома, а Александр Александрович оставался в саду до шести часов. В это время ко мне пришел великий князь наследник и жаловался на Александра Александровича, что во время игры он больше ничего не делал, как ругался. Я вызвал Александра Александровича в особую комнату и при Николае Александровиче же довольно долго распекал его за это, обещая, что его другой раз не допустят до игры за подобное невежество. Он отговаривался, как и всегда делает, что

ничего особенного не говорил и что, напротив, к нему приставали больше, нежели он к другим. Около половины седьмого пришел граф Алексей Борисович (сын графа Перовского); тут великие князья вели [себя] довольно сносно, хотя и приходилось беспрестанно останавливать их от разных выходов. После чаю около четверти девятого часа мы поехали к великой княгине Марии Николаевне; тут великие князья вели себя очень порядочно; даже Александр Александрович был лучше Владимира Александровича, потому что он, видимо, старался не сделать чего-нибудь неприличного. Мы играли там в составление слов из букв, иногда французских, иногда русских; Владимир Александрович удачно отгадывал французские слова, а Александр Александрович большею частью очень неудачно, что заставляло его даже краснеть. Великая княгиня Мария Николаевна просила великих князей быть у ней на этих днях, причем просила меня обратиться к графу Борису Алексеевичу с просьбой отпустить Александра Александровича с Владимиром Александровичем, если можно, в среду после занятий.

<...>

26 сентября (вторник).

...В два часа Александр Александрович с Николаем Александровичем и с г-ном [...] поехали верхами. Обедали с нами Иван Васильевич и г-н [...], за обедом зашла речь о беспорядках в Петербургском университете. Николай Александрович рассказал Ивану Васильевичу [Рождественскому] подробности вчерашнего случая и весьма справедливо карал студентов за их неприличное поведение, но вместе с тем не оправдывал и начальство, которое, не предупредив ни профессоров, ни студентов, как бы тайком закрыло двери университета. Это умное суждение Николая Александровича не понравилось Александру Александровичу, который только и твердил, что следовало «высечь их всех», т. е. студентов. На чье-то возражение, что так говорили и лавочники в Петербурге, Александр Александрович сказал, что лавочники самые умные люди!! Эти слова лучше всяких баллов показывают — на какой низкой степени развития стоит наш добрый Александр Александрович.

29 сентября (пятница).

Александр Александрович сравнительно порядочно знал урок, по-прежнему говорит иногда ужасный вздор; так, например, вместо того, что Пелопоннес получил свое имя от Пелопса, пришедшего из Малой Азии, он сказал, что Геллес пришел из Египта и по его имени назван Геллеспонт, а когда Александру Александровичу заметили ошибку, то оказалось, что он не помнит, когда ее сделал, т. е. он ее сделал без своего ведома, одним только языком. В десять часов Алек-

сандр Александрович пошел на гимнастику, с ним был граф Борис Алексеевич [Перовский], и он был очень доволен успехами Александра Александровича. От двенадцати до двух были уроки русского языка и географии. Я с наслаждением слушал сегодня ответ Александра Александровича из географии; он выучил на память очень много трудных имен собственных, и кажется без особого усилия, тогда как в истории он не может запомнить каких-нибудь двух-трех имен в один раз без того, чтобы не сделать ошибки. В русском языке он тоже был порядочен... Александр Александрович занялся повторением старого урока истории, именно — разделение Греции; в половине девятого часа он попросил [Владислава Федоровича Эвальда] спросить этот урок и при мне ответил очень удовлетворительно, после чего попросился идти с Николаем Густавовичем [Шиллингом] на озеро. <...>

<...>

2 октября (понедельник).

День у Александра Александровича начался весьма хорошо и г-н Реми был им доволен во всех отношениях. Урок истории он знал хорошо, но делал странные рассуждения, или, лучше сказать, не рассуждая совсем, сколько В. Ф. Эвальд ни старался навести его на то, чтобы вызвать его собственное мнение. Так, например, он никак не мог добиться, чтобы Александр Александрович сказал ему, к чему служат предания там, где нет исторических фактов, или о таких эпохах, когда еще истории не существовало, а место ее занимали предания. Александр Александрович кончил тем, что сказал, что эти времена были так давно, что даже не интересно и знать, что тогда происходило. В одиннадцать часов завтракали, после чего Александр Александрович брал урок музыки, по обыкновению нехорошо.

<...>

7 октября (суббота).

...Александр Александрович, по-видимому, более интересуется игрою на корнет-à-pistons, нежели прежде. В два часа мы поехали верхом. Хотя Александр Александрович очень не хотел кататься, жалуясь на то, что он не любит ездить с берейторами, однако все время прогулки он вел себя хорошо и больше неудовольствия не выказывал... После обеда пошли играть в крокет; тут случилось несчастье: Александр Александрович, несмотря на неоднократные напоминания Николая Густавовича [Шиллинга], суетился, горячился, бранился и, наконец, сделал такую грубую выходку относительно Николая Александровича, что Николай Густавович принужден был просить его выйти из игры; Александр Александрович не послушался и потому игру совсем прекратили. Николай Густавович приходит ко мне

с жалобой и просит не позволять более Александру Александровичу играть с братьями в крокет. Я сказал Александру Александровичу, чтобы он больше не принимал участия в этой игре, пока не получит на то разрешения, и, кроме того, обещал не пускать его к графу Борису Алексеевичу [Перовскому], пока не извинится перед Николаем Густавовичем. От пяти до семи великие князья занимались очень прилежно. В семь часов пошли ко всеобщей; выходя из церкви, Александр Александрович подошел к Николаю Густавовичу и при всех попросил извинения; видно было, что извинение было искреннее. В половине восьмого поехали все к графу Борису Алексеевичу. Александр Александрович был значительно лучше, нежели прошлый раз.

<...>

13 октября (четверг).

У Александра Александровича первые часы была история; ему был задан урок такого рода, перед которым он становится всегда в тупик; вчера была ему объяснена разница между республиканскими правлениями, аристократическими и демократическими и какая главная причина их различия и происхождения. Нужно было знакомить со слов самого учителя, потому что в руководстве Вебера хотя об этом и говорится, но разбросанно, а потому для Александра Александровича неуловимо. К тому же, так как лекции Владислава Федоровича [Эвальда] носят характер бесед, то в них целое также не совсем уловимо для Александра Александровича; поэтому он урок свой знал плохо, да еще к тому же уверял, что ему вовсе не было задано то, что его спрашивали; ему поставили «два» балла. <...>

<...>

23 октября (понедельник).

<...>

В два часа мы пошли гулять. Я и [...] также, мы оба заметили, что Александр Александрович был очень расстроен первое время прогулки; вероятно, Государь дал ему опять маленький нагоняй. Александр Александрович долго шел молча, несколько в стороне, но моська как-то смешно перевернулась. Александр Александрович расхохотался и уж потом все время был в прекрасном расположении духа. <...>

<...>

27 октября (пятница).

<...>

Когда великие князья пришли назад, я заметил им обоим, что [...] останется у нас до десяти часов именно для того, чтобы проводить с ними время либо в разговорах, либо в чтении. Владимир Алексан-

дрович молча выслушал меня, а Александр Александрович принял на себя труд объясниться со мною и, признаться сказать, очень огорчил меня недостатком деликатности, хотя и ничего не было сказано им умышленного. На возражение мое, не оставаться же [...] до десяти часов без всякого дела, Александр Александрович сказал: «Ну так пусть уезжает». Я сказал Александру Александровичу, что об этом его не спросят, но просто заставят заниматься с [...] до девяти часов; на это Александр Александрович с явной досадой и самым убедительным тоном воскликнул: «Ну уж меня-то ничем не заставят заниматься сверх положенного времени!» Я никак не могу винить Александра Александровича в грубости его выражений; никакие выговоры, ни наказание не могут его исправить от того, чего он не совсем понимает. От этого его можно исправить только исподволь, не пропуская ни малейшего его шага, сделанного угловато. По моему мнению, скорее можно, если не должно, пропустить грубость в минуту досады, нежели невинную, но шероховатую шутку во время обыкновенного разговора; или явное невнимание к говорящему; ведь часто случается, что Александр Александрович, не дослушав, что ему говорят, отвернется и уходит, нисколько не обращая внимания на то, что речь еще и наполовину не кончена.

<...>

29 октября (воскресенье).

<...>

После чаю великие князья пошатались еще из угла в угол, и, наконец, я уговорил Александра Александровича вместо того, чтобы ничего не делать, просмотреть — какие статьи входят в последнюю книжку «Отечественных записок». Он нашел, что они большею частью глупы и ему не по вкусу. По крайней мере я поговорил с ним несколько времени о непостижимом для меня равнодушии Александра Александровича ко всему, что пишется, и каким образом можно извлечь пользу из чтения. Он уверял, что очень любит читать, только времени не имеет. <...>

31 октября (вторник).

От восьми до десяти часов был у Александра Александровича урок математики и французского языка. Становится страшно за Александра Александровича, когда подумаешь, что переставление запятой в десятичных дробях представляет ему до сих пор еще трудности непреодолимые. Он не мог одолеть сегодня самого пустого примера десятичных дробей, уверяя, что это для него слишком трудно. Слово *трудно* играет в соображении Александра Александровича весьма важную роль. Он находится в каком-то странном заблуждении, что если заявить трудность предмета, то непременно последует за этим облегчение со сторо-

ны преподавателя. Надобно всеми силами стараться, чтобы он откинул подобные мысли и более не употреблял бы слово *трудно*. Он получил из математики опять «два» за задачи и «три» за внимание. От 12–2 была география; он получил за этот предмет «четыре» и «три». В два часа мы пошли гулять по саду, около озера. Александр Александрович непременно хотел идти гулять в парк по дорогам, т. е. по глубокому снегу, но так как ни у меня, ни у [...] не были надеты непромокаемые сапоги, то мы пошли по садовым дорожкам сада. При этом вот какой был разговор. Когда мы надевали шинели, Александр Александрович, обращаясь к Владимиру Александровичу, сказал: «бедный [...], он непременно промочит себе ноги», потом, обращаясь ко мне, сказал: «И вы тоже». Я ему ответил на это, что не нахожу никакой надобности мочить ноги, потому что по всему нижнему саду проделаны дорожки и посыпаны песком. На это Александр Александрович стал уверять меня с полною уверенностью, что мы идем не туда, а в парк, где снег по колено, и потом был крайне удивлен, что мы пошли не туда, куда он хотел, а где можно было ходить [...] и мне. Во время прогулки он сначала немного надулся, но потом успокоился и вел себя все время хорошо. После обеда великие князья ходили к Императрице... Сегодня Александр Александрович жаловался на то, что его не будут больше учить на фортепиано. Я ему сказал, что в этом он сам виноват, что тот, кто в течение нескольких лет сидит на экзерсисах и еще не умеет разбирать нот, тот не может подавать надежды на успехи. Что нужно требовать строго, либо совсем оставить музыку. <...>

9 ноября (четверг).

В два часа мы поехали кататься верхом; тут я был не совсем доволен великими князьями. Видно было, что прогулка эта им не по вкусу; они прямо объявили, что сейчас приедут назад, чтобы кататься на коньках. На это я им заметил, что нужно спросить, буду ли я на это согласен. Гулять вообще было хорошо, жаль только, что у Александра Александровича очень вкоренилась привычка, от которой трудно его отучить иначе, как строгим требованием, а именно никогда не ходить и не ездить рядом с другими, а непременно первым. Это неудобно в том отношении, что выбор дорог принадлежит ему, чему легко подчиниться, особенно когда задумаешься. Так было и сегодня: желая выиграть время, Александр Александрович выбрал кратчайший путь по дороге малоезженной и покрытой глубоким снегом; я заметил это только тогда, когда моя лошадь начала вязнуть в снегу. Это принудило меня заставить великих князей ехать шагом, и, следовательно, вместо того, чтобы выиграть время, они потеряли его. Однако мы все-таки успели быть на катке и провести время очень весело. После обеда Александр Александрович играл со мною в шахматы; за этой игрой

он очень успокаивается и принужден задумываться, а это для него здорово... Перед тем как сесть за чтение, я просил великих князей не вскакивать с места, когда будет бить девять часов, а предоставить кончить чтение тому, кто читает; я прибавил при этом, что поступать так, как они поступают в этом случае, крайне невежливо. Сегодня они прослушали целых две главы, тогда как обыкновенно не приходится читать более одной. После этого они пошли к родителям.<...>

<...>

20 ноября (понедельник).

...В два часа пошли копать снег лопатами и потом гуляли все с Государем и Императрицею. Я всегда удивляюсь, смотря на Александра Александровича, и думаю, как юношу почти в 17 лет могут занимать детские игры, как, например, перекидывание снега лопатой.

21 ноября (вторник).

Так как по случаю праздника великие князья должны были идти к обедне к десяти часам, то, чтоб выиграть время, Александр Александрович занялся с [...] от семи с половиной до восьми. От 8–9 часов у Александра Александровича была математика; Федор Федорович [Эвальд] остался им доволен. Пошли в церковь. Великие князья сели рано позавтракать, так что в 5 минут 12-го сели заниматься. За завтраком Александр Александрович порадовал меня своею любезностью следующим образом: Владимир Александрович с обычною своею неуклюжестью потянулся на стол за каким-то кушаньем и уронил на пол вилку; [...], сидевший подле него, поднял ее, а Владимир Александрович, нисколько не обращая на это внимания, продолжал накладывать себе на тарелку, даже не поблагодарив [...]. Александр Александрович приведен был в такое негодование невежливостью Владимира Александровича и так его распустил, что мне оставалось только подтвердить его слова и запретить Владимиру Александровичу грубо возражать брату, который был в этом случае совершенно справедлив. В два часа пошли кататься на коньках. За обедом было очень много гостей. Александр Александрович разыгрывал роль хозяина, приглашал всех к закуске, и вообще во все время обеда он держал себя очень мило. Зато потом, когда все пошли к Дмитрию Борисовичу [Рихтеру], он совсем было испортил все дело тем, что, играя в шахматы с [...], начал так дурачиться и пицать, что я принужден был напомнить ему, что он не один и что, если он хочет продолжать делать то же самое, так лучше бы уходил вон и оставил бы всех в покое. Александр Александрович немного обиделся, однако перестал шуметь. В четверть девятого великие князья пришли от Императрицы и сели читать с [...], они оба читали по очереди, Александр Александрович

читал особенно охотно и довольно хорошо; только я заметил, что когда кто-нибудь из них читает, то другой не слушает. В девять часов пошли к Императрице и оставались там почти до десяти часов, читая с нею по-французски. Поведение Александра Александровича было почти очень хорошо, но Владимир Александрович хотя и ничего не делал такого, что было бы особенно заметно как неуместное, но уже самое это «ничегонеделание» никуда не годится, потому что не делать ни худого ни хорошего в его лета хуже, нежели делать что-нибудь худое; он впал в какую-то болезненную грубость и малодушие. Хотя все это временное и непременно пройдет, но нужно ускорить исцеление. <...>

<...>

28 ноября (вторник).

От 8–10 были уроки математики и французского языка. Александр Александрович получил из математики «три» и «два»; он был мало внимателен и жаловался на трудность предмета. Класс французского языка он начал тоже очень плохо, но в половине класса пришел Государь, спросил, как идет, и, получив от m-r Remy очень неудовлетворительный ответ, сделал Александру Александровичу строгий выговор, так что он заплакал, а потом укорял m-r Remy в том, что он на него жаловался. Зато конец класса был несравненно лучше... Из географии Александра Александровича не спрашивали, потому что г-н Шперер думал, что вчера великие князья были в театре и урок приготовить не успели, но Александр Александрович с большим вниманием слушал лекцию, которая действительно была очень интересна. Г-н Шперер, рассказывая об Италии, приводил в пример ее природы и внутренней жизни отрывки из лучших наших поэтов, писавших об Италии.

<...>

30 ноября (четверг).

...Федор Федорович [Эвальд] был сегодня очень доволен Александром Александровичем; он приготовил задачи без ошибок и со вниманием слушал его. Сегодня Федор Федорович выразил мне опасение, что не слишком ли мы строги к Александру Александровичу; ему кажется, что Александр Александрович делает все, что может, а что если иногда у него не удастся, то он не так виноват, как мы думаем... Александр Александрович пошел со мною гулять; мы сделали очень большую прогулку, прошли по всей Литейной и по набережной почти до дворца, а потом немного прокатились. Несмотря, однако, на продолжительность прогулок, мне не удалось еще иметь с Александром Александровичем какой-нибудь разговор. У нас обедал [...], разговор был на английском языке; один только Александр Александрович нуждался в напоминаниях.

1 декабря (пятница).

В два часа Александр Александрович отправился со мною на освящение дворца Николая Николаевича. Мы вернулись домой к половине четвертого. С нами обедали [...] и Эдуард Федорович Эвальд. Г-н Эвальд предложил за обедом подписку в пользу одного бедного семейства умершего учителя. Все охотно предложили свои услуги; обратились с тем же и к нашим великим князьям. Владимир Александрович прехладнокровно ответил: «Да, я-то почему знаю сколько!» И когда на него напали за его равнодушие, он отговорился тем, что он ничего не может положить без согласия Бориса Алексеевича [Перовского]. Оно, может быть, и совершенно справедливо, но это все-таки не должно было бы мешать им принимать более горячее участие в подобных подписках.

2 декабря (суббота).

Александр Александрович очень хорошо приготовил урок математики и был внимателен в классе, так что Александр Иванович сказал, что он заслужил «четыре», но Федор Федорович [Эвальд] поставил ему «три», потому что находит необходимым возвысить цену баллов, тем более что «три» — хорошая отметка. От двенадцати до двух была естественная история. Г-н Гофман, по обыкновению, остался более доволен Александром Александровичем, нежели Владимиром Александровичем. В два часа мы поехали к Николаю Васильевичу Зиновьеву. Великие князья вели себя там довольно порядочно. Николай Васильевич и супруга его беспрестанно заговаривали с великими князьями по-французски; Владимир Александрович пускался в довольно подробные ответы, смело и без особенных ошибок; Александр Александрович искусно обходил трудные места и сам не сворачивал на русский разговор; он, видимо, был в затруднительном положении и очень был рад, когда мы стали раскланиваться.

В семь часов пошли ко всенощной, а в начале девятого часа поехали со мною к великой княгине Марии Николаевне. Скоро туда приехала и Императрица. Там читали «Старые годы» Кохановской. Владимир Александрович слушал с большим вниманием, его очень интересовало это, а Александр Александрович, я думаю, слишком занят своими рисунками, да к тому же я не слыхал от него никакого отзыва. Они вели себя довольно порядочно, говоря, конечно, относительно; Александр Александрович, например, подошел во время чтения к Владимиру Александровичу и как-то помешал ему слушать, на что последний, несмотря на глубокую тишину, довольно громко сказал ему: «Отстань». Мне кажется очень странным отношение великих князей к девицам, в обществе которых они находятся; они почти с ними никогда не говорят, а если случится перемолвить слово, то совершенно так же, как

с каким-нибудь товарищем, как с Гришей Гогелем, например, разве что немного покороче, чтобы скорее отделаться. Мы выехали оттуда довольно поздно. Императрица взяла с собою Александра Александровича, а Владимир Александрович поехал со мною. <...>

18 декабря (понедельник).

Так как у меня сильно болела голова, то я лег спать вчера в десять часов, а великие князья вернулись домой без четверти одиннадцать, и я слышал только, как они ложились под одеяло. Утром сегодня я узнал, что они раздевались в соседней комнате, чтобы меня не разбудить. Это очень мило с их стороны, очень трогательно и даже, смею сказать, для меня неожиданно.

После обеда великие князья пошли к Императрице. От 6–7 Александр Александрович занимался с [...], видно было, что сон и лень одолевали Александра Александровича, но видно также было, что он, сколько мог, боролся с недугом; он даже переломал несколько перьев с досады, что у него глаза слипались. Потом он оправился; остальной час прилежно занимался.

<...>

24 декабря (воскресенье).

Граф Борис Алексеевич [Перовский] сделал Владимиру Александровичу строгий выговор за вчерашние выходки. В одиннадцать часов пошли к литургии. Завтракали с родителями. В половине второго великие князья поехали со мною в сюртуках поздравить Евгению Максимилиановну. Оттуда мы заехали домой, переоделись и поехали в Таврический сад. Там, на катке, было много посетителей. Александр Александрович значительно изменил свою манеру здороваться. Подойдя к князю Мещерскому, он поспешно снял перчатку, чтобы дать ему руку, и поклонился не прикладываясь, а сняв фуражку, так что даже немножко пересолил. <...>

<...>

29 декабря (пятница).

Встали ровно в шесть с четвертью. Все было как следует, но я заметил только, что обливаются великие князья, в особенности Александр Александрович, небрежно, что случилось и прежде и на что надо обратить внимание. Тем более что Александр Александрович на замечания мои отвечал, по обыкновению, что это скучно, что это ничему не поможет и пр. Прочитав главу из Евангелия, напились чаю и от 7–8 часов повторяли уроки. От 8–10 были уроки истории и французского языка. В. Ф. Эвальд опять был недоволен Александром Александровичем и поставил ему «два» и «два».

В два часа мы поехали по книжным магазинам. Были у [...] и Шмицдорфа; великие князья выбирали книги для лотерей по приказанию Императрицы, потом мы заехали в Английский магазин, где Александр Александрович купил сигар для Николая Александровича. Мороз был такой сильный, что мы не решились гулять пешком, а только ограничились магазинами. За обедом разговор все время был на французском языке. Александр Александрович был сегодня в духе шалить и паясничать, я насилу его усмирил.

В семь часов великие князья пошли к Императрице и скоро вернулись оттуда, чтобы ехать в театр. В ложе были Императрица, великий князь Константин Николаевич и фрейлина Тютчева. Великие князья вели себя некоторое время довольно порядочно; раз только Александр Александрович выразился не довольно удачно и был остановлен мною. Следует только заметить, что великие князья не совсем понимают, как невежливо перебивать разговор на одном языке, когда он ведется на другом. <...>

1862 год

1 января (понедельник).

Встали в семь часов. В восемь часов пошли на половину великого князя наследника пить чай. К половине десятого великие князья собрались в приемной у Государя в полной парадной форме и с Андреевскими цепями. Александр Александрович и Владимир Александрович были в Преображенских мундирах; Государь приказал Владимиру Александровичу надеть к обеду драгунский мундир. Поздравив Государя и Императрицу, поехали со мною делать визиты. Около половины одиннадцатого приехали домой и стали одеваться в церковь. Обедня и выход кончились в час. Великие князья, позавтракав у родителей, вернулись домой и потом поехали делать визиты. Они заезжали ко всем членам царской фамилии и, кроме того, к военному министру, генерал-губернатору, генералу Плаутину, графу Строганову и графу Перовскому. Домой вернулись в три часа. Остальное время до обеда великие князья читали. Обедали у родителей, а в шесть часов пришли к себе и сели читать. В семь часов великие князья переоделись, чтоб ехать в Большой театр. Они сидели в верхней ложе с великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами и с великим князем наследником; я был с ними. Домой приехали в исходе одиннадцатого часа. Еще Александр Александрович не успел снять с себя курточки, как к нам пришел Государь. Он прошел к великому князю Алексею Александровичу, поздравил его с наступающим днем рождения, а потом поговорил с Владимиром и Александром Александровичами. Великие князья совершенно улеглись в половине двенадцатого.

2 января (вторник).

Встали в четверть седьмого. Прилежно занимались до восьми часов. В восемь часов мы пошли поздравить Алексея Александровича с днем рождения; великие князья остались с ним минут 20 и пили у него кофе. 20 минут 9-го начались классы... [...] сказал мне, что Александр Александрович очень ребячился во время урока; Александр Александрович уверял, что не может писать под диктовку, если [...] не стоит подле него, и разные тому подобные вещи. После классов я подошел к нему и сказал, что [...] жаловался на него. Александр Александрович с удивительным равнодушием спросил меня — за что; а когда я ему сказал причину, он наотрез сказал, что это неправда. Александр Александрович имеет эту грубейшую манеру беззастенчиво и упрямо отрицать то, в чем его только что уличили; когда он напускает на себя эту непроницаемую личину, тогда говорить с ним также полезно, как бить горохом об стену. <...>

<...>

8 января (понедельник).

За завтраком Александр Александрович отличился. Он попросил [...] положить ему котлетку и при этом показал какую именно, ткнув пальцем в эту котлетку. Когда я стал ему выговаривать за его манеры, то он с самым дерзким видом начал презрительно пофыркивать, прикидываясь, что не понимает, за что к нему я привязываюсь. Я, признаться сказать, очень рассердился и сильно на него прикрикнул, и если бы он еще высказал какое-нибудь возражение, я бы его выслал из стола и оставил бы без завтрака. Надо употребить все возможные средства, чтобы отучить его от грубых манер.

От 12–2 у Александра Александровича были уроки русской словесности и английского языка. Он из обоих предметов получил по четыре балла. Дай Бог не сглазить, он последнее время ведет себя очень хорошо; он серьезен, как следует быть в его лета, и внимателен ко всему тому, что ему говорят. <...>

<...>

20 января (суббота).

Александр Александрович из математики получил «три» и «три» и из немецкого тоже. Г-н Кирхнер мне говорил, что он не совсем доволен последнее время Александром Александровичем, что с ним что-то делается не совсем понятное, которое г-н Кирхнер объясняет возрастом.

Видно, что великие князья вовсе не боятся экзаменов; они несколько не дорожат временем, и как только пробьет урочный час, ту же минуту закрывают книги. В семь часов пошли ко всеобщей. В восемь часов мы поехали к великой княжне Марии Николаевне. Александр Александрович

вич отправился с наследником. Не могу сказать, чтобы я остался доволен вечером; великие князья вели себя относительно довольно хорошо и прятки не было; но зато там выдумали костюмироваться, и великие князья, нисколько не стесняясь присутствием дам, надевали при них штаны, снимали и выворачивали куртки и т. п. Также мне сказали, что когда великих князей просили не играть в прятки, то между ними образовалась оппозиция, которая прибегла было к помощи великой княгини. Кто из великих князей более настаивал на прятках — неизвестно. Александр Александрович уверяет, что он совсем не участвовал в оппозиции, хотя и был из числа недовольных.

21 января (воскресенье).

После чаю великие князья принялись клеить домики. Я было думал, что они сами вспомнят об экзаменах; однако мне самому пришлось напомнить им о них. Александр Александрович со вздохом бросил картинки и принялся за русскую грамматику. В четверть десятого великие князья пошли к Государю; вернулись к себе в половине одиннадцатого, переоделись и пошли к обедне. После обедни оба великих князя поехали с графом Борисом Алексеевичем [Перовским] на развод, а оттуда заезжали к великой княгине Елене Павловне. Вернулись домой около половины третьего, переоделись и отправились в Таврический сад. Туда приезжал Государь с Великой Княжной Марией Александровной, великий князь Константин Николаевич, и было много других посетителей. Великие князья очень весело провели время и с сожалением расстались с горами в четыре часа. Великие князья обедали у родителей. В шесть часов они пришли домой и тотчас же сели заниматься. Я просил Федора Карловича Дитерихса увести домой Евгения Максимилиановича, потому что у великих князей много занятий. В четверть восьмого великие князья пошли к Императрице. Александр Александрович вернулся в половине девятого, оделся и в начале десятого поехал на бал к великому князю Михаилу Николаевичу вместе с графом Борисом Алексеевичем [Перовским].

22 января (понедельник).

Сегодня был экзамен из Закона Божьего и русской словесности. Начался в двенадцать часов; присутствовали Государь и Императрица, Александр Александрович отвечал изрядно, но все — большею частью с помощью экзаменатора, который как будто бы настолько вытягивал из него каждый ответ. Утешительно было видеть то, что Александр Александрович с видимым напряжением следил за каждым вопросом и осторожно обдумывал ответы; от этого большая часть ответов у него была логична, тогда как прежде без вздора и галиматьи

не обходилось. По мнению Ивана Васильевича [Рождественского] Александр Александрович даже лучше знал свое дело, нежели Владимир Александрович. Из русского языка Александр Александрович был слабоват, по крайней мере гораздо хуже, нежели последнее время во время классных занятий. Но все-таки нельзя не заметить успех в правописании сравнительно с прошлыми экзаменами; он сделал в семи или восьми строчках две ошибки. Сам Александр Александрович, видимо, остался недоволен сегодняшним экзаменом.

23 января (вторник).

С семи до девяти часов великие князья сидели не сходя с места; потом немножко прошлись по комнатам и опять сели за занятия до десяти часов. Александр Александрович был очень не уверен в самом себе и, видимо, беспокоился за экзамен. Императрица пришла ровно к двенадцати часам. Александр Александрович очень порядочно отвечал на вопросы, делал мало ошибок, обдумывал каждый ответ, и в них было много логики. Императрица и Государь, который застал только конец ответа, были очень довольны Александром Александровичем. Сам Александр Александрович был в восторге; нет награды, которая могла бы его так вознаградить, как те чувства, которыми он был переполнен в первые минуты после экзамена. Нужно только заметить, что ему мало задавали вопросов из хронологии; этому, может быть, и нужно приписать главный его успех.

Экзамен французского языка был менее удачен. Александр Александрович наделал 18 ошибок в восьми строках, и довольно грубых. Все это, правда, очень слабо, особенно по летам, но что есть успехи после летнего экзамена — в этом нет сомнения.

В семь часов великие князья пошли к Императрице и оттуда дали знать, что Императрица желает остаться с ними весь вечер. Пришел через несколько времени Александр Александрович и объявил мне, что Императрица желает, чтобы завтра был экзамен из естественной истории и английского языка. Я ходил к графу Борису Алексеевичу [Перовскому], чтобы доложить ему об этом; граф отказал на том основании, что великие князья слишком легко смотрят на экзамены и готовы выходить на них хоть без приготовления.

24 января (среда).

В десять часов пошли к Императрице. Великие князья скоро вернулись от нее, и Александр Александрович пошел к Дмитрию Борисовичу [Рихтеру], чтобы не пропустить урока музыки на трубе, он как-то стал дорожить этим.

Граф Борис Алексеевич [Перовский] распек немного великих князей за вчерашние проделки насчет перемены экзамена. Каждая

распечка благотельно действует на них, и великие князья очень усердно занимались до двух часов.

В десять часов легли спать, не успев повидаться с Государем, который приехал с охоты в половине одиннадцатого часа.

25 января (четверг).

Утром великие князья занимались довольно прилежно часов до девяти. Видно было, что они не особенно боялись предстоящего экзамена. Естественную историю они знают хорошо, а что касается до английского экзамена, то великие князья как-то особенно снисходительно смотрят на свое незнание в языках. Экзамен начался в двенадцать часов без Императрицы. Оба великих князя отвечали хорошо. Александр Александрович ограничивался короткими но ясными ответами, обнаруживающими довольно твердое знание дела. Экзамен английского языка был ниже всякой критики.

Перед экзаменом Александр Александрович навлек на себя неудовольствие графа Бориса Алексеевича [Перовского] своим недостатком такта. В комнате было много учителей, а Александр Александрович, нисколько не стесняясь, стал перед всеми выкидывать фарсы.

<...>

27 января (суббота).

Сегодня должен быть последний экзамен. Оба великих князя ждут его, по-видимому, равнодушно, Александр Александрович не поддается сильным ощущениям. Экзамен назначен был в половине первого в присутствии Государя. Ответы Александра Александровича были бы все очень хороши, если бы он усвоил себе математический язык и если бы выражался более точно; он не может также сам, без посторонней помощи вытянуть всю нить рассуждений по поводу какого-нибудь вопроса. Видно было, например, что он знает, как доказать правило умножения дроби на дробь, и даже по довольно тонкому намеку понял, что хотел от него экзаменатор, но при самом доказательстве он путался. Видно было, что он не достиг той степени прочности в своих выводах, которая требуется в хороших ответах, но нужно заметить, что и та степень, которой он достиг, превзошла меру ожиданий, по крайней мере моих. Конференция единодушно присудила Александру Александровичу три балла, что вовсе для него не много.

<...>

28 января (воскресенье).

...Великие князья вернулись от Императрицы в конце шестого часа и сели читать — Александр Александрович «Письма Ботки-

на», а Владимир Александрович «Письма Яковлева». В семь часов я вошел с Владимиром Александровичем в комнату Александра Александровича и застал его спящим крепким сном, облокотившись на руку: должно быть, Боткин не слишком заинтересовал его. <...>

<...>

4 февраля (воскресенье).

<...>

В девять часов Александр Александрович пошел на половину великого князя наследника, чтобы идти с ним на бал в павильон Эрмитажа. Александр Александрович танцевал очень много. Граф Борис Алексеевич предоставил его собственному благоразумию оставаться на балу до самого конца или идти спать раньше. Александр Александрович остался до самого конца, пришел домой в начале четвертого часа и просил меня не будить его раньше восьми часов. Я ему предоставил спать до восьми часов, но не согласился не будить Владимира Александровича слишком поздно.

<...>

21 февраля (среда).

Когда великие князья кончили читать Евангелие, я сказал Александру Александровичу, что не худо бы было во время говенья читать его по дням; нужно было видеть, какая поднялась буря возражений, с примесью, конечно, слов, не совсем идущих к делу. Александр Александрович дошел до того, что сказал, что это вздор. Тогда я ему напомнил только, что так делается в церкви за литургиею. На что, конечно, ему нечего было ответить. <...>

<...>

5 марта (понедельник).

...Александр Александрович довольно порядочно понимает логику и не пугается ее.

После восьми часов Александр Александрович читал с [...] очерки Англии [...], что очень нравится обоим великим князьям.

Сегодня Александр Александрович был в страшно веселом расположении духа, а это, как известно, совсем не весело отзывается на лицах, его окружающих; но к чести его будет сказано, он легко успокаивается, если скажешь ему тихо, что пора перестать делать глупости; а я, например, погорячился, и хотя восторг Александра Александровича немножко улегся, но конец был все-таки немного шероховат. <...>

<...>

11 марта (воскресенье).

После чаю Александр Александрович с большим рвением принялся за перегонку вина по рецепту, данному ему г-ном Гофманом. Опыт не удался; колба лопнула и перегоняемая жидкость разлилась по столу.

После обедни Александр Александрович поехал с наследником на развод, а оттуда к великой княгине Елене Павловне.

...Вернувшись от родителей в девять часов, Александр Александрович хотел очень ехать к великому князю Михаилу Николаевичу, но так как он не спрашивал об этом графа Бориса Алексеевича [Перовского], а потому и ехать не мог; это его так разгорячило, что он лег спать без четверти десять.

12 марта (понедельник).

Обыкновенные занятия.

В два часа мы поехали с [...] в Таврический дворец. Погода была не особенно хороша, а лед и горы совершенно были занесены снегом; но Александру Александровичу это-то именно и понравилось. Он сначала покатался на коньках, а потом вооружился лопатой и деятельно стал помогать людям очищать каток и горы. <...>

<...>

27 марта (вторник).

Обыкновенные занятия.

За обедом великие князья вели себя порядочно и говорили по-французски. После обеда Александр Александрович и Владимир Александрович поссорились друг с другом. Владимир Александрович спрятался в камердинерскую и боялся оттуда выходить, потому что Александр Александрович не на шутку угрожал ему. Я велел Владимиру Александровичу выйти из засады и обещал, что никто его не тронет, а Александру Александровичу сказал, что если он только дотронется до него, то не пойдет вечером к великому князю Константину Николаевичу. Этим средством я обоих успокоил, но Владимиру Александровичу досталось от меня, потому что он был главным виновником беспорядка.

От Императрицы пришли в четверть девятого, почитали немного с [...] и к девяти часам поехали к великому князю Константину Николаевичу.

<...>

5 апреля (четверг).

<...>

Мы прошли пешком по Дворцовой набережной и встретились с великим князем наследником, гулявшим с Дмитрием Борисовичем

[Рихтером]. При этом не могу пройти молчаливым вниманием Александра Александровича. Нас сошлось, таким образом, пять человек, а в ряд можно было идти только четвером; так как я умышленно не поторопился занять место, то и оказался один назади. Александр Александрович заметил это и предложил разделить так, чтобы я шел не один. Казалось бы, смешно упоминать об этом, но, к несчастью, случаи такого внимания так редки, что они поневоле бросаются в глаза, по крайней мере мне. <...>

6 апреля (пятница).

<...>

Когда великие князья собираются вместе, чтобы провести время за каким-нибудь удовольствием, то редко обходится без того, чтобы не покричать на них. Сколько они говорят и делают вздору, какие неуместные выходки и шутки не по летам! А всех больше всегда отличается Александр Александрович. <...>

<...>

10 апреля (вторник).

Встали в семь часов. Великие князья пришли поздравить Владимира Александровича с днем его рождения и пили у нас чай. Владимир Александрович получил в подарок от Государя позволение носить сюртук; но с утра он ни за что не хотел его надевать. Когда в девять часов великие князья пошли к Государю, то Владимир Александрович посоветился пройти мимо караула и прошел через запасную половину; хотя причина была понятна, я все-таки заметил ему, чтобы он этого в другой раз не делал. В одиннадцать часов пошли в церковь.

В два часа все великие князья отравились в балаган Берга смотреть пантомину²⁴. По окончании Александр Александрович поехал с великим князем наследником верхом, а Владимир Александрович отправился со мною гулять; сначала мы захали купить сотню сигар для Государя.

Вернулись от родителей в начале девятого, чтобы приготовить к балу. Александр Александрович сегодня первый раз завился по приказанию Государя, и, кажется, ему это очень нравится. Великие князья много танцевали и вообще провели время очень весело.

<...>

12 апреля (четверг).

Встали в четверть седьмого. Великие князья очень торопились, чтобы успеть заняться. По суетливости заметно было, что они не совсем доверяют своим знаниям. Это оправдалось. От 8–10 были уроки

истории и математики. Александр Александрович ничего не знал из истории, а по наружному спокойствию и какому-то особенному равнодушию видно было, что Александр Александрович твердо решил быть ленивым. Он не только ничего не знал, но даже ничего не хотел слушать внимательно, и снова вспомнил старые времена, с прежними «скучно», «не могу», «трудно» и т. п. Он получил «единицу» и «два». От половины одиннадцатого до половины двенадцатого была верховая езда. Александр Александрович был не особенно внимателен и старателен.

В два часа мы согласились идти на Александровскую колонну, конечно, и Александр Александрович с нами пошел [...]. Когда мы сели в коляску, Александр Александрович скомандовал кучеру ехать на Васильевский остров; я восстал против этого на том основании, что после прогулки пешком опасно входить на верх колонны, где, вероятно, холодно. Александр Александрович раскапризничался и объявил, что он не хочет идти на колонну; но так как желающих было трое против одного, то Александр Александрович принужден был идти. После того мы прогулялись, и нерасположение духа Александра Александровича прошло очень скоро. <...>

13 апреля (пятница).

<...>

Необходимо наблюдать за тем, чтобы великие князья соблюдали раз заведенный порядок. Так, в учебных комнатах, где им приказано не иметь ничего, кроме учебных предметов, время от времени набирается разного хлама; а в маленьких шкафиках, заведенных для того, чтобы там были только необходимые учебные книги, находятся теперь разные и другие, более из таких, которые им нравятся за переплет. Сперва я очистил от всех этих вещей комнату Владимира Александровича, который добровольно подался на это требование, но Александр Александрович спорил, и я должен был настоятельно потребовать от него исполнения заведенного порядка. <...>

<...>

16 апреля (понедельник).

<...>

Сюрпризы для Государя назначены были к восьми часам. Наши великие князья тоже приготовили сюрпризы. Владимир Александрович очень плохо сыграл свою пьесу из «Жизни за Царя» «Слався». После этого Александр Александрович играл две пьесы на трубе с аккомпанементом Владимира Александровича, может быть, без этого аккомпанеента и было бы лучше, но это все-таки было недурно. После этого великие князья провели весь остаток вечера у родителей. <...>

26 апреля (четверг).

<...>

В половине восьмого великий князь наследник просил меня отпустить с ним в Павловск Александра Александровича; я сказал, что если они едут одни без Дмитрия Борисовича [Рихтера], то я отпустить не могу. Тогда великий князь Николай Александрович сказал, что он попросит об этом Императрицу, которая, конечно, позволила. В Павловске великие князья заехали к великому князю Константину Николаевичу. <...>

28 апреля (суббота).

После классов великие князья пошли к родителям, а потом Александр Александрович пошел с Константином Николаевичем [Посъетом] и Алексеем Александровичем кругом озера. Обедали сегодня у родителей. Возвращаясь от обеда, великие князья Александр Александрович и Николай Александрович начали приставать к маленькому брату Алексею Александровичу; дело началось шуткой, а кончилось очень неприятно для старших братьев. Алексея Александровича так облили водой и измучили, что он пожаловался Императрице и Государю. Всех старших братьев Государь позвал к себе и сделал им строгий выговор.

Граф Борис Алексеевич [Перовский], узнав об этом, призывал Александра Александровича и, сделав ему тоже строгий выговор, запретил ему впредь до приказания ездить гулять с великим князем наследником. <...>

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ

<Воскресные собрания у великих князей в Петербурге>

В воскресенье около 3 часов обыкновенно приезжал придворный лакей с приглашением на вечер к великим князьям, к 5½ часам. С каким нетерпением ожидалось это приглашение! Целую неделю, бывало, ждешь и не дождешься, как бы выбраться из дому, где я постоянно находился в совершенном одиночестве. Сколько предположений, планов составлялось на воскресенье! И вот наступал заветный час, меня облекали в гусарскую курточку (гусарские курточки были изобретены Императором Николаем, и так как великие князья постоянно их носили, то и нам дано было позволение их надевать во всякое время, меня забавляло всегда, что по фуражке солдаты на улице, а иногда и офицеры принимали меня за великого князя и отдавали честь (в сущности, это было не что иное, как ливрея), закутывали, сажали в закрытую карету и отвозили во дворец.

Великие князья Николай, Александр и Владимир занимали тогда ту половину дворца, окна которой отчасти глядят на большую площадь, отчасти на Большую Миллионную, а потому приезжали мы всегда по Комендантскому подъезду. Ровно в 5½ вся молодежь была уже собрана и ожидали появления великих князей. Нас было довольно количество, и народ довольно буйный. Тут были Козлов, два Мейендорфа, Олсуфьев, два Адлерберга, двое Бярятинских (сыновья кн[язя] Анатолия Ивановича), Опочинин, Юрьевский, Ламберт, Толстой, Бярятинский (сын кн[язя] Владимира), двое Дадянов. Я здесь называю решительно всех, но в первые годы нас было гораздо меньше. Из великих князей присутствовали постоянно трое старших, только впоследствии стали показываться Алексей и Николай Константинович, также оба Лейхтенбергских и Ольденбургские Николай и Александр.

В 6 часов ровно приходили великие князья от царского стола и начиналась потеха... В 9 часов сановитые «наставники», генералы Гогель и Казнаков, заявляли о прекращении игр, причем употреблялась лаконическая по выразительности фраза: «Прощайтесь с гостями». Волей-неволей расходились. Князья отправлялись к Государю, мы же оставались еще некоторое время в ожидании своих «менторов», причем обыкновенно происходили жаркие прения и рассуждения о впечатлениях вечера. С большим трудом нас разнимали и отвозили каждого восвояси.

Вечера эти начались в царствование Императора Николая Павловича, во время Крымской войны, и продолжались при нынешнем Государе почти до года¹. Уже цесаревич Николай Александрович был совершенно отделен от братьев и жил в так называемом Шепелевском дворце². Вечера еще продолжались, причем, конечно, все группировалось около Александра Александровича. Только с назначением новых воспитателей, а именно графа Перовского, игры были прекращены и стали ходить по городу слухи, что это вследствие дурного влияния, которое имела молодежь на великих князей. Но об этом после.

Первоначально, т. е. еще при покойном Государе³, все находилось под сильнейшим влиянием войны⁴. Под впечатлением первых побед (слухи о которых доходили и до нас) молодежь находилась в самом воинственном настроении духа. Государь весьма часто приходил к великим князьям и принимал иногда деятельное участие в играх, присутствовал при смене караулов, играл вместе в мяч и т. п. Это его, видимо, забавляло. Могу сказать, что в эти первые годы приезжать к великим князьям доставляло истинное удовольствие. Мы были детьми, и каждый веселился, как умел, не очень стесняясь приличиями света и без малейшего желания быть выскочкою. С годами вечера у великих князей приняли несколько иной характер. Сделавшись несколько старше, некоторые личности стали выдаваться, приобретать влияние на молодых князей и делались распорядителями и руководителями в играх. Для сего нужна была не столько ловкость, сколько сила. Кто был постарше, одарен достаточною физическою силою, тот брал над всеми перевес, держал в руках Николая Александровича, а за ним и остальных, командовал и распоряжался довольно самовластно. Таким был постоянно Козлов, а отчасти Мейендорф и Олсуфьев. Что касается меня, то я постоянно держался в стороне от сильных мира сего, будучи годами моложе и нрава не предприимчивого; от великих князей держал себя довольно в стороне и не всегда принимал участие в воинственных играх. Только во время так называемого бомбардирования, когда все разделялись на два враждебных лагеря, из которых один занимал деревянное укрепление (сделанное в комнате — бруствер), другой же осаждал

его, т. е. бросал крепкие резиновые мячики (из-за бруствера отвечали тем же, и это было истинное побоище). Тогда только воинственный жар овладевал мною, и [я] становился на свою позицию. Позиция эта была чрезвычайно выгодна: заслоненный большою деревянною горою, из-за которой меня решительно не было видно, я постоянно был усердным помощником осаждающих. Шары мои хорошо попадали в цель, сам же я находился вне опасности. Вообще, чувство самосохранения уже и тогда было во мне очень развито. Я нисколько не желал, чтобы резиновый шар, сделавшись от частого употребления подобным камню, попал бы мне в висок или в глаз. А между бойцами были такие богатыри, которые с удивительною силою и меткостью принаравливались, как бы кого выбить из строя в истинном смысле слова. Достаточно показать примером молодого Ламберта, которому великий князь Николай Николаевич (случайно принимавший участие в побоище) сломал нос!.. Не поздоровилось и самому генералу Гогелю: мячик попал ему в живот, пока он о чем-то очень дельно рассуждал. Поморщился генерал, но как мяч был брошен высочайшею рукой, то он остался непоколеблен.

Все это служит оправданием моей осторожности, а стоя спокойно за горой, я причинял немалый вред противнику, и этим оправдал правило тактики, что следует пользоваться всяким прикрытием при выборе позиции. Игра эта под названием бомбардирование держалась несколько лет; только в последние годы ее заменили игрою в разбойники, весьма неудачною. Разделялись на две неровные партии. Все старшие и силачи, имея во главе Александра Александровича, были солдатами и преследовали повсюду человек пять-шесть «разбойников», главою которых был всегда Владимир Александрович. Последние, т. е. разбойники, к которым всегда принадлежал и я, бродили по всем комнатам, укрываясь от преследования, словом, вели чисто партизанскую войну, когда всякий делал что хотел по вдохновению, не было повиновения одному лицу. Полная совершенная независимость была очень для меня заманчива, тем более что, когда мне надоедало бегать, я делал что хотел.

Все, что я говорю теперь, относится до последнего году вечеров, это время упадка их. Наследник Николай Александрович, совершенно отделенный, не принимал никакого участия в играх, даже редко приходил. Присутствие его несколько удерживало тех, кто желал играть первенствующую роль, его остерегались, хотя и тут были молодцы не промах! Когда же стал распорядителем Александр Александрович, то сделалась совершенная анархия. Выдвинулся Никс Адлерберг и взял в руки великого князя. Он всем начал распорядяться, что было многим неприятно, мне же в особенности. Я никогда не имел особенного сердечного влечения к Адлербергу,

и у нас были довольно частые столкновения. Однажды, стоя на игре, он ни с того ни с сего ударил меня ногой в живот, и довольно сильно. Это было сигналом к разрыву. Будучи слабее Адлерберга, я не мог противиться ему открыто: рукопашного боя я избегал и держался осторожно. Адлерберг составил против меня целую партию, я с своей стороны нашел хороших союзников, и со мною ничего не могли сделать. Все это было ребячество, но время шло, дурное впечатление оставалось, и вот Адлерберг делается полным властителем, и все склоняется перед ним! (Старшего Мейендорфа, Козлова, Олсуфьева уже тогда не было, они все готовились уже на службу.) Это начало меня тяготить, я по-прежнему избегал его и не преклонялся ни перед кем. Я стал в исключительное положение, ни в чем не принимал более участия и очень скучал. Вечера у великих князей наконец просто стали невыносимы. Обстоятельства пришли мне на выручку. Новые воспитатели стали смотреть на эти собрания с невыгодной точки зрения. Стали подозревать кое-кого в дурном влиянии на великих князей. Основательно ли подобное предположение или нет, не берусь решить. Одним словом, собрания были окончательно прекращены, все разбрелось и каждый пошел своей дорогой. Я прекратил всякие сношения с великими князьями, только приходил их поздравить с праздниками и в особенности цесаревича Николая, которого всегда любил и уважал. С товарищами также совершенно разошелся, да и слава Богу. Был у меня дом, который заменил все...

Н. Н. ФИРСОВ

**Воспоминания
о цесаревиче Николае Александровиче
и императоре Александре III в юности**

<Фрагмент>

<...>

Император Александр III в юности (1857–1861 гг.). — Два брата. — Неразговорчивость и застенчивость. — Трудно привыкать к величеству (1882 г.). — Настойчивость и преподаватели. — Примеры внимательности к чужому мнению. — Комиссия о голодающих и земское училище. — Адъютант его высочества П. А. Козлов

Его императорскому высочеству великому князю Александру Александровичу (впоследствии императору) я был впервые представлен тоже зимой 1857–1858 года во время одного из моих посещений его августейшего брата¹. Окончив курс Михайловской артиллерийской академии, я поступил в 1-ю легкую Его Императорского Величества батарею, в которой числился и великий князь Александр Александрович. Позднее, в шестидесятых годах и начале семидесятых, когда он был уже наследником престола, я не раз во время моих приездов в Петербург являлся к нему по некоторым обстоятельствам, связанным с моими обязанностями предводителя дворянства, а потом председателя губернской управы.

В 1874 году я был командирован министерством финансов в Лондон, в качестве комиссара русского правительства на частичной международной выставке. Президентом общей выставочной комиссии в Англии был принц Уэльский (ныне король Эдуард VII), а почетным председателем русского отдела числился его императорское высочество Александр Александрович. Летом того же года он приезжал в Англию вместе с императрицей Марией Александровной, навестившей только что вышедшую замуж за герцога Эдинбургского великую княгиню Марию Александровну. Императрица совместно с цесаревичем удо-

стоила русский отдел выставки своим посещением, и на меня выпала обязанность быть путеводителем августейших гостей. Постараюсь вкратце передать мои впечатления и воспоминания, относящиеся до намеченных эпизодов. Оговариваюсь, что они чужды политики.

Почти каждый раз, когда я еще фельдфебелем Михайловского артиллерийского училища бывал призываем (1857–1868 гг.) к цесаревичу Николаю Александровичу, я видал у него великого князя Александра Александровича, которому тогда было около 16 лет. Невозможно было не подметить существование большой между ними дружбы. Александр Александрович, обыкновенно очень равнодушный к речам собеседников вообще, всегда внимательно прислушивался к тому, что говорил его старший брат, и, бывало, при этом они обменивались любящими, добрыми братскими взглядами. Только цесаревичу удавалось иногда втянуть его в общий разговор, тем не менее по внешности и манерам они так сильно между собой различались, что невольно приходило на мысль сравнение. Николай Александрович был худощав, строен, грациозно гибок. Продолговатое лицо его с античными и тонкими чертами было замечательно красиво. Окруженный лицами, ему знакомыми и располагающими к себе, он был оживленно разговорчив, часто очень весел, охотно шутил, разговор его временами делался весьма интересным, проступала некоторая начитанность, вдумчивость, иногда, впрочем, впадавшая в односторонность, которая, надо полагать, обуславливалась неизбежной односторонностью дворцового воспитания. Впрочем, это не мешало ему внимательно относиться к мнениям, противоречащим его взглядам. Случалось, что, увлеченный разговором, он словно вовсе позабудет о своем высоком положении. Насколько искренно он так поступал, не знаю, но выходило так, что окружающие чувствовали искренность и были совершенно *à leur aise*². В его интимном кружке, вообще когда в данной обстановке отсутствовали элементы официальности, он желал, чтобы его называли просто Николай Александрович, без всякого титула. Так это было и во время его поездки по России, которой я уже коснулся выше.

Однако достаточно было, чтобы ему доложили о каком-нибудь официальном посетителе, чтоб он преобразился. Его на редкость красивые, выразительные глаза и лицо (тогда еще не истомленное болезнью) становились мгновенно бесстрастны, серьезны, хотя, за весьма редким исключением, холодно-вежливы. Он обыкновенно вставал (чтобы он разговаривал иначе, как стоя, со случайными официальными посетителями, я не помню) и, слегка склонившись вперед своим тонким туловищем, выслушивал данное лицо. Как только такой посетитель удалялся, великий князь обращался опять в симпатичного собеседника.

Великий князь Александр Александрович был тогда еще отроком*. Но все, что я слышал и читал о нем как императоре, все его портреты заставляли вспоминать английскую поговорку: *the child is the father of the man***.

В придворных кружках было известно, что его бабушка, вдовствующая императрица Александра Федоровна (в то время она еще была жива), прозвала его «*mein Baurchen*»³. Тогда еще он не достиг своего полного роста, но был уже широкоплеч, широкогруд, мускулист, очень округл и лицом и телом. Прост в обращении до того, например, что за завтраком у брата пододвигал гостям фрукты, воды. Однажды я видел, как он налил воды своему *vis-à-vis*⁴. И все это делал молча. Вообще разговаривать не любил; и нередко не то конфузился, не то стеснялся.

Те, кто более или менее знавали Александра III императором, говорили, что некоторая застенчивость с людьми мало ему знакомыми сохранялась и тогда. Я знаю, например, достоверно следующий характерный факт. Будучи проездом в одном из университетских городов, вскоре после своего вступления на престол, Александр III принимал между прочим ученый персонал. Одного из профессоров, бывшего когда-то его преподавателем, государь задержал у себя в кабинете. Когда они остались с глазу на глаз, государь усадил старого учителя; садясь сам, вздохнул, как будто освобождаясь от конфузливости, которая тяготила его во время официального приема, и разговорился так охотно и просто, что профессор на вопрос царя:

— Как вы находите, много я переменялся с тех пор, как мы не виделись? — совершенно искренно возразил:

— Напротив, государь, я дивлюсь, что вы остались совсем таким же, как прежде, невзирая на ваше положение.

— Э, батюшка, — отвечал Александр Александрович, улыбаясь и дружески трепля профессора по плечу, — ведь к величеству-то не очень легко привыкать...

Я подметил между прочим, что он очень не любил, и юношей и взрослым, чтобы лица, ему представленные, у него целовали руку или плечо. Он ограждался от этого, смотря по положению данного лица, либо демонстративно, отступая назад, либо преувеличенно крепко пожимая руку представлявшегося ему и в то же время упруго вытягивая свою мускулистую, сильную руку, дабы удержать посетителя подальше от своего плеча. Таким знавал я великого князя около 60-х годов, когда он появлялся изредка между офицерами

* Меня в начале 80-х годов поразила неизлечимая болезнь, вынуждающая жить на чужом юге, и я не видал Александра III после его вступления на престол.

** Малое дитя — отец взрослого человека.

нашей батареи, к которой принадлежал в качестве, так сказать, почетного товарища. Конечно, его молчаливость, стесненный вид, привычка не то рассеянно, не то нетерпеливо барабанить слегка пальцами по ближайшему предмету, каске, стулу, и проч., стесняли окружающих. Зато беспритязательность не только искупала все, но возбуждала невольную к нему симпатию.

Возможно, как полагали некоторые, великий князь Александр Александрович сознавал недостаточность своей подготовки и не хотел этого выказывать. А раз поставив себя так в ранней юности, он и не хотел, или даже не мог, впоследствии измениться. Настойчивость же была ему прирождена. Я знал от достоверных лиц, что его преподавателям было не легко исполнять свои обязанности. Как они рассказывают, он обыкновенно изрядно понимал объясняемый ему предмет; в общем усваивал пройденное. Но часто неверно, небрежно выражался, отвечая урок, искажая его смысл, а уж если он раз употребил какую-нибудь неправильность, то не отступал от нее и повторял ошибку, невзирая на все усилия и толкования учителя.

Что же касается слухов, что он вообще не терпел противоречий и сердился за них, то я (конечно, в очень скромной сфере, не имевшей касательства к государственным делам) имел не один случай убедиться в противном; по крайней мере относительно его молодости эти слухи были не основательны.

Несколько раз в кружке цесаревича, когда случалось, хотя изредка, что Александр Александрович выражал свое мнение и ему возражали, не стесняясь, он спокойно, правда, весьма лаконично, еще раз повторял свои слова и затем смолкал. Правда, хмурился иногда, но не гневался. Помню также, во время посещения им лондонской международной выставки он заинтересовался в английском отделе восточными коврами и называл их турецкими. Они же были на самом деле персидскими, как я досконально знал. И я это ему сказал. Он не соглашался, я доказывал, он выслушивал и наконец согласился, правда, как будто неохотно, но во всяком случае добродушно. В следующей же зале между нами произошел подобный же разговор по поводу выставленных английских седел. Но, однако, ни тогда, ни после и следов неудовольствия его высочества я не мог подметить. А так как великий князь Александр Александрович был человек прямого нрава, чуждый всякой излишней любезности, то полагаю, что и в самом деле противоречиями не раздражался. На профессоров, о которых я сейчас упомянул, хотя и безуспешно, но повторительно поправлявших ошибки в его уроках, он тоже, как я знаю, не гневался, хотя оставался при своем понимании преподаваемого ему урока.

Я могу привести еще более веские доказательства того, что цесаревич Александр Александрович при всей своей прирожденной настойчивости был доступен к практическому восприятию убеждений, противоречивших его собственным.

Во время голода, поразившего наш край и значительную часть севера России в 60-х годах, он председательствовал в особой комиссии, учрежденной по высочайшему повелению. Комиссия эта, вследствие препон со стороны бюрократии (упорно отрицавшей самый факт голодания нескольких миллионов людей), была назначена гораздо позднее, чем бы следовало, она работала, так сказать, против течения, идущего сверху, ибо высшей администрации удалось заразить недоверием к местным органам земского самоуправления высшие сферы, не исключая и монарха. Цесаревич, приступая к работам комиссии, в некоторой степени тоже имел предубеждение. Между тем мне лично (как предводителю дворянства в одном из наиболее пострадавших от голода уездов, а вскоре председателю новгородской губернской земской управы), а тем более моему предместнику Н. А. Качалову, который по приглашению великого князя принимал деятельное участие в работах комиссии о голодающих, хорошо известно, что ее августейший председатель весьма внимательно относился к мнениям и указаниям нас, земских людей, идущим иногда вразрез его соображениям; что комиссия пользовалась ими и применяла их с пользой.

Размеры и план моих настоящих очерков не позволяют мне вдаваться в подробности. Об этом предмете, о голодах на севере и отношении к ним тогдашней администрации, я имею в виду написать особо, по приведении в порядок соответствующих материалов*.

Однако к сказанному я должен прибавить, что доступность цесаревича к мнениям лиц, ближе его знакомых с данным делом, обрисовалась и по другому, значительной важности, вопросу: учреждению новгородским земством училища для приготовления сельских учителей. Это была одна из первых попыток сего рода в России. Министерства внутренних дел и народного просвещения очень враждебно к ней относились и сумели враждебно настроить высшие влиятельные сферы. Наследник цесаревич также не без скептицизма сначала относился к такому новшеству. Однако земцам, нашедшим доступ лично к его высочеству, удалось настолько убедить его в пользе учительских школ, что он настойчиво содействовал тому, чтобы подлежащие министерства разрешили ее открытие. И дабы упредить существование

* В 1882 г. напечатан мой очерк об отношении тогдашней администрации к голоду. Факты исторически верны, но иначе, как в беллетристической форме, в то время нельзя было напечатать о них; и самое заглавие по цензурным причинам до невозможности скромное.

учреждения, принял его под свое покровительство. Нельзя не упомянуть при этом благодарным словом Павла Александровича Козлова. Он был в то время адъютантом государя наследника, пользовался его доверием и помогал немало земским людям.

Неподготовленность. — Избрание или назначение? — Простота и добродушие. — Представление у государыни цесаревны Марии Федоровны. — Императрица Мария Александровна и цесаревич на лондонской выставке (1874 г.). — Государыня и русский язык. — Александр II, наследник цесаревич и капитан (война 1877 г.)

Тем не менее я не могу не сознаться, что, на мой взгляд, великий князь Александр Александрович в некотором отношении к тому положению, которое выпало на его долю после кончины его старшего брата, был недостаточно подготовлен. Мне это неоднократно случалось замечать. Вот один из примеров. Когда я дослуживал третье трехлетие в звании уездного предводителя дворянства⁵, то Н. А. Качалов, лично известный наследнику цесаревичу, был назначен архангельским губернатором, а губернское земское собрание избрало меня на его место⁶. Его высочество был, как я сказал уже, почетным покровителем нашей губернской земской учительской семинарии. Земство ежегодно представляло его высочеству отчет по этому учреждению. Обязанность эта возлагалась на председателя губернской земской управы; таким образом, через несколько месяцев после моего избрания мне надо было по этому случаю представляться в Петербурге цесаревичу. Приняв меня со своей обыкновенной беспритязательностью и сделав мне несколько вопросов, касающихся семинарии и врученного мною отчета о ней, Александр Александрович сказал:

— Так вас назначили вместо Качалова?

— Да, ваше высочество, земское собрание выбрало меня на его место, — отвечал я.

Он продолжал разговор, не заметив моей поправки; или, как говорили мне потом некоторые лица, знавшие его гораздо лучше меня, потому, что не придавал никакого значения различию службы по выборам и по назначению (хотя, как я знаю, около того же времени он в интимном кружке избранных высказал однажды, что его родитель дал России такой длинный ряд либеральных реформ, что ему, цесаревичу, ничего не останется, как даровать конституцию, когда наступит время царствовать). Как бы то ни было, на мою смелую поправку он совершенно никакого неудовольствия не выказал и даже очень милостиво, просто спросил меня, представлялся ли я государыне цесаревне, и на мой отрицательный ответ он как бы мимоходом заметил, что ее высочество принимает (насколько я помню)

по вторникам. Через два года, когда я, вновь избранный губернским земским собранием, приехал в Петербург и представлялся с обычным отчетом цесаревичу, он сказал:

— Поздравляю, вы опять назначены председателем земства.

Кстати замечу, что прием у ее высочества Марии Федоровны происходил необыкновенно просто и беспритязательно. Конечно, как водится, желающий представляться должен был предварительно записаться во дворце в особой книге. Эту формальность я исполнил в первое посещение тотчас по выходе от цесаревича. Если записавшееся лицо удостоивается приема, то дня через два получает извещение от гофмаршала о дне и часе приема.

В день моего первого представления прием был назначен, помнится, в два часа. В аванзале⁷, из которой дверь, охраняемая камерлакеем⁸, вела во внутренние покои великой княгини, было немногочисленно: всего шесть человек, из которых с двумя (кн. П. А. Васильчиковым*, тогда советником венского посольства, и кн. Черкасским) я был знаком. Симпатичный гофмаршал ген. Зиновьев присутствовал все время, занимая гостей разговором. Ему, как всегда, помогал в этом отношении П. А. Козлов, адъютант наследника, очень умный, образованный и красивый, оживленный, шутливый, но очень нервный молодой человек. Грустно вспоминать, что он так рано и внезапно покончил свою карьеру трагическим сумасшествием.

По приглашению гофмаршала⁹, следившего за очередью, представляющиеся входили в покой цесаревны; но в сущности их никто не представлял; она следила, не знаю, по памяти или по записке, которой, однако, я около не мог заметить. Когда один возвращался в залу, то Зиновьев мягким движением руки и улыбкой приглашал идти следующего; дверь бесшумно распахивалась и запахивалась за ним камерлакеем. Когда очередь дошла до меня, то я нашел цесаревну в просторной квадратной приемной. Она стояла впереди круглого дивана, на который опустилась, приняв мой поклон и самопредставление. Затем заговорила по-английски (после датского это был ее излюбленный язык) о нашей земской учительской семинарии, с отчетом которой несколькими днями раньше я представлялся ее сужругу.

Меня не удивили ни английское обращение к незнакомому русскому земцу, ни ее речь о земском деле. Я знал, что многим высокопоставленным особам лица им приближенные сообщают заранее некоторые сведения о тех, которых они имеют в виду принять. Весьма вероятно, что цесаревна не особенно интересовалась земством. Да и понятие о нем имела весьма слабое, как было видно из ее немногих, слабых

* См. «Ист. вест.» мою ст. «Первый земский съезд».

вопросов. Но тем не менее подобные мелочи являются часто приятным знаком внимания для представляющегося, скорее иллюзией.

Кстати, вспоминаю случай, подтвердивший мое мнение, что высокопоставленные лица далеко не так строги, как обыкновенно говорят, к промахам против придворного этикета людей не придворных.

Я уже упоминал, что в 1874 году министерство финансов командировало меня в Лондон, в качестве комиссара русского правительства на международную выставку при South Kensington'ском музее...¹⁰ Этот музей, основанный в память принца Альберта, супруга королевы Виктории, имеет целью содействовать развитию и усовершенствованию с технической и художественной стороны промышленности, ремесл, искусств и пр. Выставка при музее имела то же назначение. Они устраивались в начале 70-х годов ежегодно, были международны, по предметам однако, не общие, а только частичные, т. е. как Англия, так и приглашенные ею государства устраивали свои отделы по трем-четырем отраслям искусств и промышленности. Сравнительное изучение отделов было доступно специалистам, ученым, техникам, а также и рабочим. South Kensington'ский музей приобретал и от иностранных экспонентов наиболее полезные для английской промышленности коллекции и выставлял их потом поочередно в различных частях Лондона, ради пущей доступности населению. Вообще дело было удачно задумано. Но, к сожалению, просуществовали эти выставки всего четыре года. Как утверждали лица, заинтересованные делом, оно было задушено благонамеренностью бюрократов. Я разделяю это мнение. Не в одной России бюрократия ложно понимает свое истинное назначение. Еще Диккенс ознакомил нас с «департаментом кругом да около» и дорого стоящими нации бесполезными «Powder and Pomatum office»*. Но, впрочем, это постороннее.

Когда императрица прибыла в Лондон, мы с товарищем, также комиссаром русским, полковником Греком, почти постоянно проживавшим в туманной столице Альбиона, решили просить ее высокочество удостоить русский отдел выставки посещением.

Она приехала с цесаревичем. Представляясь ему, я воспользовался случаем и дал понять, что посещение им и его августейшей родительницей русского отдела выставки значительно повысило бы в иностранцах интерес к русским произведениям.

Александр Александрович с этим согласился. Через несколько дней мы получили известие о дне и часе, когда пожалуют высокие посетители. Английская выставочная администрация озаботилась, чтобы государыня, без особого для себя труда, могла видеть великобританский и другие отделы. Между прочим, ввиду ее слабого здо-

* Департаментом Пудро-Помадным.

ровья, были приготовлены катальные кресла и служащие в ливреях для передвижения их. Однако государыня, прибыв с цесаревичем и герцогом Эдинбургским в Albert Hall¹¹, отказалась от кресел и носилок. В этот день она хорошо себя чувствовала, и весь русский отдел и часть английского она обошла без посторонней помощи и очень бодро. Я был ей представлен состоявшим при ней князем Барятинским, и она выразила желание, чтобы я сопровождал ее и дальше и давал ей объяснения. Мне пришлось идти все время с нею рядом с левой стороны. С правой же шел герцог Эдинбургский, молодой супруг великой княгини Марии Александровны. Государыня с интересом относилась ко всему, что встречалось выдающегося. Довольно долго оставалась она в образцовой учебной кухне при выставке. Мне более часа пришлось сопровождать и разговаривать с нею, она делала много вопросов, выражала попутно свои мысли. Заговорила она со мной сразу по-русски свободно и чисто. Герцог же Эдинбургский разговаривал с ней только по-немецки и, очевидно, не понимал по-русски. Мне казалось, что ему немного досадно это, и поэтому я позволил себе одно из объяснений сделать по-немецки. Мария Александровна внимательно выслушала, но тотчас же, как бы демонстративно, опять заговорила со мной по-русски. Потом мне говорили, что я совершил чуть ли не *leze majeste*¹², заговорив по-немецки, когда императрица обращалась ко мне неизменно по-русски.

Однако никто из ее окружающих не был этим шокирован. И сама императрица очень благосклонно отнеслась ко мне, когда я откланивался ей перед ее отъездом. В заключение привожу факт, едва ли кому известный не как личное воспоминание, а как материал для истории того времени... Он интересен, ибо как бы подчеркивает некоторые характерные черты, свойственные цесаревичу Александру Александровичу и отчасти императору Александру II.

Я знаю об этом факте от артиллерийского капитана О. В. Малиновского, которому всегда можно было верить. Он кончил курс в артиллерийском училище около 1848 года. После Севастопольской кампании, в которой участвовал и был ранен, вышел в отставку. Без малого двадцать лет спустя, в 1877 году, когда Россия объявила войну Турции, он вновь поступил в военную службу и поехал в действующую забалканскую армию. Чин его был тогда штабс-капитанский. Ему пришлось служить под начальством не только своих бывших одноклассников, уже генералов, но и однокашников гораздо его младших. Офицер он был храбрый, на расторопность которого начальство полагалось.

К сожалению, я запамятовал наименования, встречающиеся в его рассказе, местностей. Это, впрочем, не умаляет интереса самих фактов, подробности которых отчетливо сохранились в моей памяти.

Однажды начальник Малиновского отправил его с важными депешами к военному министру генерал-адъютанту Милютину, находившемуся в главной императорской квартире. Кроме того, ему поручено было передать какие-то документы начальнику другой части действующей армии, расположенной далее. Всего пути в одну сторону было добрых половина дня. Ехал или, вернее, скакал капитан Малиновский верхом.

Добравшись до императорской квартиры ранее полудня, Малиновский поспешил явиться, как ему приказано было, к военному министру, но узнал, что генерал-адъютант Милютин находится у государя и должен с ним куда-то немедленно ехать. Экипаж был уже подан. Малиновский решил выждать министра в стороне на верхних ступенях перрона дома, который занимал император. Ждать пришлось недолго. Александр II спускался с лестницы; в нескольких шагах за ним следовал Милютин. Капитан приблизился к последнему, чтобы передать депешу. Государь это заметил прежде, чем сесть в коляску, позвал к себе запыленного, забрызганного дорожной грязью гонца и задал ему несколько вопросов. Осведомясь о том, куда лежит его дальнейший путь, царь спросил его:

— Значит, ты будешь проезжать через квартиру цесаревича?..

Капитан утвердительно поклонился.

— В таком случае представься цесаревичу. Скажи ему от меня, что я сию минуту получил донесение о последнем деле, в котором принимал участие отряд его корпуса. И скажи его высочеству, что я прошу беречь моих солдат.

Последние слова государь как бы подчеркнул. В деле, о котором он упоминал (как было уже слышно в армии), действительно оказалось с нашей стороны, судя по результатам, много убитых и раненых.

Государь последовал к экипажу. Капитан же (как он мне говорил) остался ни жив, ни мертв, хотя вообще человек он был не робкий. Поручение было более чем щекотливое, почти опасное. Государь, вероятно, дал его под влиянием впечатления, произведенного на него только что полученной горькой вестью. Малиновский, подойдя к Милютину, спросил, слышал ли последний слова его величества. Получив же утвердительный ответ, он попросил позволения записать эти слова в присутствии самого министра, чтобы не вышло какого-нибудь неприятного недоразумения.

Затем, напоив своего коня, он поскакал далее и прибыл в место пребывания наследника к раннему обеду. Приближенные цесаревича, узнав, что капитан имеет поручение от императора, провели гонца немедленно к большому продолговатому шатру, парусина которого с боков была подобрана. В центре же шатра стоял убранный для трапезы стол, за которым еще никто не сидел. Александр Алексан-

дрович в коротенькой тужурке, глубоко в карманы засунув руки, сидел в стороне с несколькими офицерами своей свиты. Когда ему доложили о прибытии офицера с поручением от его величества, он встал и, медленно, грузно приблизясь к стоявшему у входа Малиновскому, спросил, что ему нужно?

Капитан не совсем твердым голосом передал слова императора, которые дорогой заучил наизусть по записке, одобренной министром. Цесаревич выслушал бесстрастно. С полминуты, бровью не дрогнув, пристально и безмолвно поглядел в лицо посланца, слегка вздохнул и, повернувшись к нему спиной, не вынимая из карманов глубоко запущенных туда рук, удалился к обеденному столу.

Малиновский стоял недвижим, не зная: *soll ich gehen, soll ich stehen*¹³. Какой-то адъютант сжалился над ним и сообщил, что он может отправляться. Этот рассказ напомнил мне пятнадцатилетнего великого князя и английскую поговорку: «the child is the father of the man».

В. П. МЕЩЕРСКИЙ

Письма великому князю Александру Александровичу. 1865–1867 годы

<Фрагменты>

<...>

№ 17

[12 апреля 1865¹]

Ваше высочество
дорогой Александр Александрович!

Не дерзаю в такую минуту думать Вас утешать. Несчастье слишком велико, горе слишком безутешно! Повинуюсь лишь движению разбитого горем сердца, под влиянием которого плачу и молюсь с теми, которые любили всею душою дорогого Николая Александровича. Твердо верю, что душа его, столь много страдавшая здесь, теперь на небесах. Молю Бога, чтобы Он дал Вам тихую покорность Его неисповедимой воле и сберег бы в душе Вашей на всю жизнь неизгладимую чистую и священную память Вашего Первого и Лучшего друга. Пусть будет она таинственным руководителем Вашей жизни: вечная память друга есть тот же верный друг!

Позвольте крепко от всей души обнять Вас и просить Вас верить моей смиренной и глубокой преданности

К. В. Мещерский²

<...>

№ 19

*Начато в С.-Петербурге
28 апреля 1865 года, окончено
в г. Луге на ст[анции]
жел[езной] дор[оги]*

Ваше Высочество!

Дорогой и возлюбленный Александр Александрович!

Встречая Вас на родной земле, приветствую Вас, увы! с скорбною душою, потрясенною безутешным горем! <...>³

Теперь и здесь неуместно говорить о многом, о чем хочется, любя Вас, говорить много и долго! Если Вы сохраните мне дружбу и дадите мне Ваше доверие, то я тем и другим буду пользоваться, чтобы любить Вас не на словах, а на деле! Наши отношения, доселе дружеские и интимные, должны уступить место другим, не менее, надеюсь, дружеским, но другого свойства, основанным на благоговении к Вашему положению!⁴ Если суждено им быть неприкосновенными, то, кажется мне, мы пойдем друг друга, ибо над нами и между нами будет всегда присуща возлюбленная и дорогая память Вашего брата, который сказал мне однажды: «Будьте другом моему Саше». Да, дорогой Александр Александрович, я буду счастлив, если Вы поверите моей дружбе и моему желанию быть Вам, насколько могу, полезным! Но, кончая эти строки, умоляю Вас именем всего, что Вам дорого и свято, во имя памяти Вашего брата, не будьте как были доселе вполне скрытым для всех. <...> Вам преданный душою и глубоко уважающий Вас

К. В. М.

<...>

№ 28

[24 июня 1865⁵]

Милый и дорогой Александр Александрович!

Милый Сф[инкс]⁶,

Вы видите, что я недолго высидел в своем уединении без беседы с Вами: не сердитесь за эту торопливость: она в порядке вещей и лучше всякого слова служит ответом на Ваш вчерашний вопрос: «Вам жаль со мною расстаться?» А Вы, милый сф[инкс], жалели ли Вы хоть немного расстаться со мною: отвечайте только в том случае, если ответ будет «да»!

Увы! не хватает духу Вас приветствовать с новосельем: вчера вечером, гуляя одиноко крутом озера, вспомнил о Вас около 9 часов вечера и подумал, как тяжело было Вам свидеться с Вашим новым жилищем, с милою избою, покинутою хозяином, где так недавно он

и Вы были так счастливы и так беззаботны. Здесь, как и везде, Ваша доля вступать на его место, встречать на каждом шагу воспоминания незаменяемой утраты и безвозвратного прошедшего, тяжелая доля, признаюсь, в Вашей жизни!

О себе сказать Вам нечего: вчера целый вечер сидел у себя в одиночестве, писал письма и много думал и вспоминал про наше житье-бытье, про Ваш роман, про тайны Вашего сердца⁷, про молодцовский Ваш подвиг⁸ и, наконец, про наше полуночное прелестное катание на озере!⁹ По этому поводу скажу Вам: «А все-таки Вы странный человек!» Ничего или по крайней мере весьма мало разберу в Вашем духовном мире. Знаете ли, что меня всего более тревожит: это опасение за Вашу решимость не рассуждать ни о чем и быть вполне философом во всем, что до Вас касается. Но прежде чем говорить об этом, вот вам вопрос для ответа в письме. Насколько Ваша философия будет простираться или, другими словами, во всем ли без исключения Вы решились отказаться от инициативы? Набросайте, прошу Вас, несколько мыслей об этом предмете.

Ел[изавета] Вас[ильевна] Ребиндер меня успокоила: никаких особенных обвинений против Вас не было: с души слегло тяжелое время!

Благодарю Вас от всей души за то, что Вы в эти дни были со мной *ласковы, милы и любезны*: не знаю, чему приписать эту благотворную в Вас перемену: моей ли просьбе или тому настроению души, в котором Вы были все эти дни до и после разлуки с М. Э. [Мещерской]. Вообще скажу Вам: Вы переменялись к лучшему и сделали большой шаг вперед. Если еще пока Вы не открываетесь, то по крайней мере проговариваетесь. И за это спасибо: как голодный, хватаюсь за все, что может Вас открыть, Вас сблизить со мною, и не унываю!

<...>

№ 30

Царское Село, 28 июня [1865¹⁰]

Милейший и дорогой
Александр Александрович!

Прибыл в Царское сегодня в 5 часов после трехдневной с ним разлуки: приехали мы с Н[иколаем] М[аксимилиановичем] Лейхтенбергским], который провожает К. Гр. [Ребиндера] на Варш[авскую] жел[езную] дорогу и оттуда катит на перекладной прямо в Сергиевку. Пусто здесь и очень пусто, грустно здесь и очень грустно. Многого нет, к чему привык и от чего отвыкать не хочется. В этом многом и Вы, милый Сф[инкс], играете немаловажную роль. Разгул, увы! лишь одному воображению среди этой мертвой тишины: созидаю

себе образы, оживляю воспоминания и беседую с ними. Но это все Schwärmerei¹¹ (по-немецки), а по-русски вздор (любимое когда-то Ваше слово). Будемте лучше говорить о действительности, тем более что Вы не из таких, которым в жизни *нужны химеры, чтобы быть счастливыми!*¹² Итак, к делу! Вчерашний день, проведенный отчасти с Вами, оставил во мне много приятных воспоминаний: если бы не левая рука, имевшая печальную участь быть в руке Геркулеса в кубе Лари Воронц[ова-Дашкова], не напоминала бы о себе болью¹³, то все было бы сладко и приятно как воспоминание! О вечернем нашем свидании, т. е. о чтении журнала, поговорю подробно в своем журнале, а дотеле набросаю несколько мыслей. Мысли, подчеркнутые красным карандашом¹⁴, просят ответа: убедительно прошу Вас отвечать тотчас после чтения, пока свежо впечатление: к тому же на душе у Вас еще долг — ответ на 2 вопроса моего первого письма. Но успокойтесь — мучить Вас бесконечностью в форме посланий не буду. (Излагать буду мысли в виде афоризмов, оно легче! Так делал друг [Д. С.] Арсеньева — Кузьма Прутков!¹⁵) Нет! лучше без афоризмов!

Мне жаль было увидеть из Вашего журнала, что свидания в Павл[овске] с М. Э. [Мещерской] не были последними в смысле временной разлуки, Петергоф их возобновляет¹⁶. Дело не в свидании, а во впечатлениях: последнее в Павл[овске] имело важное и таинственное значение *победы рассудка над чувством*. Возобновлять искушения не следует: они ослабляют духовную силу, *растрavляют воображение и чувственность*, а главное, отвлекают Вас от главного, священного дела, к которому Вы готовитесь, от дела присяги! Прекрасные строки были те, где Вы говорите о том, о чем молитесь Бога, Вы просите у Него счастья, но прежде всего будьте его достойны. *Часто ли Вы и долго ли Вы обдумываете то, что Вам предстоит?*¹⁷ Много говорили мы с Вами, но ни разу еще Вы не промолвили даже слова о том, что испытала и испытывает душа Ваша при мысли о перемене в Вашей жизни и с тем вместе в жизни Русского Государства. Последнее придает этому событию столь громадную и священную важность! *Отчего это упорное молчание? Неужели оно выражает молчание Вашей души о всем, что теперь озабочивает каждого русского?* Тяжело любить Вас и не находить ни полужвука отголоска на все, чем полна душа! Вы скажете: до поры до времени; но когда же настанет время, чем дальше, тем все более и более Вы будете *привыкать к этой неподвижности, к этому равнодушию, к этому упорному молчанию!* Более чем когда-либо, журнал Ваш может быть полезен: *хоть ему посвящайте Ваши думы*. 8 маленьких страниц, написанных Вами в роковой день 12 апр[еля], доказывают, как глубоко Вы чувствуете и как нетрудно Вам выражать то, что чувствуете

в минуты, потрясающие жизнь, в минуты важные и торжественные! Нынешние минуты не менее торжественны, не менее страшны по ответственности, которая на Вас будет возложена. В *Вашей воле* будут заключаться в будущем радости и счастье или горе и несчастье 60 мил. русских! Если захотите вникнуть в Ваше положение, понять его и пробудить в себе *жизнь*, то Вы примитесь уже теперь работать для блага нашего бедного отечества. Если теперь ничего в Вас не изменится и Вы не захотите переродиться, т. е. перестать быть философом школы равнодушных, то Вы сознательно приготавливаете печальную будущность России. *Так или нет? Согласны или не согласны? Если согласны, то тогда только будемте толковать о том, что значит перестать быть философом и пробудить в себе жизнь!*¹⁸ Тогда увидите, дорогой Ал[ександр] Алекс[андрович], что Вы во главе тех людей, которые, *смотря на жизнь, не могут, увы! сказать про нее «такая пустая и глупая шутка»!*¹⁹ Вот почему решаюсь прежде всего во имя дружбы умолять Вас о следующем. Когда Ваш день присяги будет решительно назначен, то за 4 дня до этого приступите к говению и к причащению Св. Тайн. Бог один может дать Вам нужную Вам силу для вступления на новое поприще жизни, на котором так мало радостей, так много затруднений! Вы скажете на это: «это никогда не делалось»; я отвечу Вам: никогда доселе наследник русского престола не присягал над свежую могилу 20-летнего брата, никогда это трудное служенье не достигало его так внезапно и неожиданно! Нет сомнения, что это желание Ваше будет принято с сочувствием теми, от которых Вы зависите. Нет сомнения, что в эти минуты приготовления к присяге много, много русских сердец будут молиться за Вас. *Трудно решиться Вам высказать это желание, но решитесь! В эти 4 дня Вы много обдумаете и много низойдет на Вас вдохновения свыше.*

Этим заключаю первое послание. Простите мне его: оно написано от души, полною любви к Вам, полною забот о Вас. С нетерпением буду ждать ответа, только с условием писать как придется и как вздумается, и если можно, тотчас, предполагая, что Вы его прочтете вечером в час нашего журнального чтения! Написав его, отправьте с *Вашею*²⁰ почтою в Петербург с адресом моим городским. Прочитайте и первое мое письмо, если можете! Засим позвольте обнять Вас крепко и нежно! Да хранит Вас Бог. Вам преданный всею душою и Вас глубоко уважающий

К. В. М.

Царское Село, 28 июня

Поздравляю Вас с именинником, поздравляю и себя со своим отцом²¹.

Р. С. Соседка моя похорошела. Муж ее приобрел новую пару лошадей. Кн. Е. Кочубей *in statu quo!*²² *А я? находите ли Вы, что я исправляюсь?*²³

№ 31

*Царское Село, 4 июля 1865 года*²⁴

Милейший и дорогой Александр Александрович!

Я ожидал целый вчерашний день Вашей депеши, согласно уговору, но, весьма вероятно, в силу поговорки «Loin des yeux, loin du coeur»²⁵ Вы не удостоили даже вспомнить о мне и оставляете меня в полнейшем неведении насчет сегодняшнего дня. Вследствие сего по привычке предполагать для себя *худшее*, заключил о Вашем нежелании меня видеть, что весьма естественно после 2½ часов свидания, в течение к[ото]рых успел и надоесть*! Вот почему заставляю себя сидеть сегодня в Царском, но пишу Вам, в ответ на Ваше письмо, в надежде, что, за невозможностью Вас видеть, успею на этой неделе написать Вам 2 раза и оба раза получить от Вас ответ! Умоляю Вас, отвечайте мне тотчас, ибо Вы представить себе не можете, какое удовольствие доставляют мне Ваши письма, вроде последнего! Будьте пай, милый и добрейший Сфинкс! Итак, начну с Вашего письма. Оно полнейшее опровержение того, чем Вы кажетесь для всех знающих Вас людей: вот почему для меня оно так ценно и дорого. Вы в нем растворили как бы окошечко в Ваш внутренний мир и рассуждаете о нем, хотя видно, как много оно Вам стоит, ибо не хватило терпения дать мне ответы на все мои вопросы, и перо выпало из рук, когда беседа была не окончена под предлогом, что некогда писать. Смею надеяться, что чем далее, тем более Вы будете разгуливаться в письмах и будете писать без утомления! Все же спасибо, от души спасибо за первый опыт душевного обмена мыслей.

Вы говорите: *ими* (т. е. чувствами любви к М[арии] Э[лимовне Мещерской]) *я только и подкрепляю себя в эти трудные минуты моей жизни*. Это понятно, ибо в чувстве любви есть много подкрепляющей и поощряющей силы: но оно далеко не единственная сила, которая должна Вас подкреплять духом в минуты уныния. Есть 2 чувства выше всех других чувств: первое — чувство веры в Бога, второе — любовь к России. Боюсь, чтобы первое²⁷, вследствие Вашего затвора, Вашей привычки философствовать и сживаться с душною и неподвижною атмосферою, в которой Вы находитесь, *не ослабло бы и осталось в Вас лишь как мысль, но не чувство*. О втором не знаю ровно ничего: *верю и знаю, что Вы религиозны: но не знаю,*

* Cela n'est pas sérieux²⁶.

насколько Вы твердо верите, не знаю, часто ли в эти трудные минуты, близкие к отчаянию, обращаетесь всею душою к Богу и молитесь Ему быть с Вами, подкрепить Вас, утешить и не вводить в искушение.

Далее Вы говорите, что о Вашем теперешнем положении Вы мало говорите, потому что Вам тяжело об нем думать и *постоянно говорить о нем может привести Вас в отчаяние*. О! дорогой Александр Александрович! Здесь Вы очень ошибаетесь, уверяю Вас в этом перед Богом и своею совестью. Чем более Вы будете о нем говорить, тем далее Вы будете от отчаяния, напротив, чем более Вы будете об этом только думать про себя и рассуждать только с собою, тем скорее Вами овладеет отчаяние и равнодушие, к которым теперь уже Вы так близки. Верьте мне, не менее Вас об этом думаю я, думает Б. А. [Перовский]: не менее Вас каждый из любящих Вас, т. е. Вашу душу, страдает за Вас, мучится за Вас, придумывает средства Вам облегчить Ваше приготовление к будущему! Если всего этого Вы не хотите знать, всего этого Вам не нужно, то не есть ли это признак того, как мало Вы любите любящих Вас, как мало Вы цените искреннюю дружбу; если Вы решитесь идти по этой дороге, то Вас ожидает гораздо худшее, чем Ваше собственное отчаяние (к которому Вы никогда не придете, ибо в Вашей сфере так легко жить без забот и находить тысячи развлечений — закрывающих от Вас мир действительной жизни): это худшее есть отчаяние за Вас тех, к[ото]рые теперь мучаются заботами о Вас и мучаются с любовью, ибо привязаны к Вашей душе. Если эти люди махнут рукою, то тогда что будет? Более чем когда-либо Вы будете преданы самому себе, и никто не осмелится подступиться к Вам с правдою и с душевным советом: Вас утешать станут лестью, похвалами, клеветою на честных людей, и Вы никогда не узнаете, что за этою стеною неискренних друзей — много людей Вас строго судят, Вас осуждают и Вас не любят за то, что Вы проявляете полнейшее равнодушие к всему, что заставляет русское сердце и русский ум чувствовать и мыслить!

Напротив, если Вы станете говорить о Вашем положении, станете расспрашивать, интересоваться всем, Вам тотчас же станет легче, Вы тотчас увидите яснее, тысячи благородных сердец откликнутся на Ваш искренний голос, везде Вы найдете честную услугу, всякий, кто будет с Вами говорить, будет гореть охотою Вам сообщить все, что знает, будет говорить с Вами и о Вас с любовью, с восторгом, и мало-помалу не будут уже ждать Вашего вопроса, а будут предупреждать всякое возможное Вас встретить затруднение или недоразумение. Словом, жить Вам будет легче, в миллион раз легче. Когда, Бог даст, Вы

женитесь и будете самостоятельны в своем доме, Вы будете тогда в состоянии учиться не по книгам и тетрадам (что скучно и бесполезно), а учиться в книге жизни в разговорах с людьми, к[ото]рые, встречая в Вас сочувствие ко всему доброму, будут твердыми охранами Вам от всего злого, но в то же время будут постоянно вносить в Вашу жизнь свежесть, правду и знание, основанное не на лжи, но на добросовестном изучении России и просветляемое любовью к отечеству. Тогда смело, с благословением Бога, с опорой в честных людях Вы будете подвигаться к будущему, и в день, когда Богу будет угодно вверить Вам судьбу России, Вы встретите не опасения, не рабское повиновение, но надежды людей, проникнутые любовью и доверием. Эта картина, эти слова не вымысел, дорогой Александр Александрович: говорю не я, но говорят те люди, к[ото]рых Вы не видите, но к[ото]рых я вижу и которые говорят о Вас с живым участием. Их много, но знайте, что много также таких, к[ото]рые говорят иначе, которые ссылаются, увы, на Вас, чтобы подтверждать те осуждения и нападки, которые против Вас они произносят, эти люди говорят: «Чего нам ждать от нынешнего наследника, и можно ли любить его, когда он знать никого не хочет, ничем не интересуется и т. п.». Как часто после таких отзывов я приходил к себе, плакал о Вас, молился Богу, брал перо в руки, чтобы Вам писать, но Ваша неподвижность, Ваша скрытность, как холодные тени, становились предо мною, и перо выпадало из рук, и мне становилось еще грустнее, и еще крепче я любил Вас в эти тяжелые минуты.

Если же Вы решительно не хотите перемениться и [хотите] все держать про себя, то, увы! дорогой Александр Александрович, все останется по-прежнему: от людей, Вас окружающих, Вы помощи не дождетесь, ибо не будет между Вами и ими других отношений как холодное почитание Вашего сана с обменом безжизненного разговора: профессора и люди, с к[ото]рыми Вы будете встречаться тогда, будут, как теперь, выходить от Вас с грустным впечатлением и убеждением, что Вы не нуждаетесь в помощи, ибо относитесь к ним с полнейшим пренебрежением, отнимая у них всякую охоту говорить с душою, и, увы! эти впечатления, эти убеждения расходятся весьма скоро и повторяются тысячи и тысячи раз. *Тогда, увы! Вами может овладеть отчаяние!*

Но теперь, пока еще есть время, пока Вы не произнесли перед лицом всей России обета служить ей верно в ожидании престола²⁸, Вы отчаиваться не должны. Все как бы ждут, глядя на Вас, Вашего последнего слова, к[ото]рое должно решить Вашу участь и участь России.

№ 33

Царское, 1865, 11 июля 11½ ч. ночи

Милый, дорогой и милейший
Александр Александрович!

Как сказано, так и сделано: беру перо в руки с целью беседовать с Вами, имея в виду, что письмо к Вам придет завтра вечером и с избытком заместит Вам мою дряблую персону, которая подчас Вам не по вкусу.

Знаете что, милый сфинкс, прочитав вновь Ваши последние два милые письма, я невольно из нек[ото]рых слов Ваших вывел заключение, что Вам не только неприятно говорить с кем-либо о Вашем положении, но неприятно то упорство, с к[ото]рым любящие Вас наблюдают за Вашими наружными проявлениями и пытаются Вам от времени до времени напоминать всю важность Вашего нового положения. Нисколько не осуждаю Вас за это, но, сколько мне кажется, Вы не так смотрите на это постоянное обращение к Вашему сокрытому внутреннему миру. Неужели Вы думаете, что, говоря Вам об этом в письмах, я имею в виду уговаривать Вас бросить 20-летние удовольствия, забавы, заботы и т. п. и исключительно быть занятым мыслию о том, что Вам предстоит в будущем. Было бы с чего не только прийти в отчаяние, но просто с ума сойти. Напротив, между нами буде сказано, никто так не чувствует больно и крепко, до какой степени Ваша атмосфера Вас душит и мешает Вам пользоваться, т. е. наслаждаться, 20 годами жизни, которые, увы, не повторяются ни на единое мгновение после; как бы хотелось Вас видеть на свежем воздухе, в кругу сверстников, достойных Вас, за чашею жизни сладкою и на время беззаботное; как Вам было бы гораздо легче знакомиться с жизнью и людьми в обыкновенной обстановке 20-летнего юноши! Но все это мечты, разлетающиеся в пыль от глубокого вздоха, вырывающегося из груди при встрече с действительностью! Как Вы говорите, ждать Вам счастья только от семейной жизни, а до этого терпеть, если терпенья хватит!

Если так часто в нынешние дни я обращаюсь к Вам с этими напоминаниями, то делаю это именно с целью Вас убедить выйти из себя и отдаться наружному миру с полным доверием, ибо я убежден, что, раз что Вы на это решитесь, Вам будет несравненно легче жить и выступать вперед по тому пути, который предстоит пред Вами. Когда я вижу Вас и бываю с Вами, Вы представить себе не можете, как мне больно и тяжело за Вас, тяжело разделять с Вами бремя Ваших забот и мыслей, о к[ото]рых узнаю не из разговора с Вами, но потому, что, зная Вас и любя Вас, могу многое в Вас отгадывать. Я убежден, что если бы Вы решились говорить о том, что думаете, то Вам гораздо менее пришлось бы думать об этом и мучиться этим

наедине. Вы бы могли учиться за веселым ужином точно так же, как в кабинете за письменным столом, имея перед собою холодную теорию профессора. Стоит Вам только попытаться заговорить с кем-либо *первым*, и Вы бы увидели, что не много труда было бы Вам продолжать.

<...>

№ 40

11 февраля 1866

Чем выше положение, тем более обязанностей, а чем более обязанностей, тем более способов грешить, ибо тем чаще приходится эти обязанности нарушать!

Мужику, посвящающему весь свой день на заработку тяжелым трудом насущного хлеба, необразованному ни религиозно, ни умственно, ни нравственно, — нельзя вменять во грех равнодушие к всему, что до него лично не касается, или эгоизм, или увлечение страстью, или вообще все то, что составляет множество обязанностей нравственных, разложенных между людьми пропорционально их общественному положению и степени образования.

Если от этого скромного по ответственности перед Богом и людьми положения человека перенестись через бездну, отделяющую мужика от высшего положения в обществе, и стать на ту высоту, где стоите Вы, то становится страшно при встрече с Вашею ответственностью перед Богом и людьми. Здесь каждая минута, отнятая у долга, есть нарушение какой-либо самой важной и священной обязанности; здесь то, что каждому человеку принадлежит по природе — думать о самом себе, получает значение греха, ибо, думая о себе, Вы нарушаете главнейшую Вашу обязанность — жить *исключительно для других*. Затем, когда подумаешь, что эти другие — изображают числом 60 м[ил]. душ и целую будущность государства, тогда невольно придешь к заключению, что мало тех часов, которые Вы проводите без сна для того, чтобы вдоволь надуматься о страшной и беспредельной Вашей ответственности перед Богом.

Такое положение приводить в отчаяние не должно, ибо в мире нет обязанности, которая была бы неисполнима. Напротив, оно должно наполнять Вас каким-то особенным желанием жить, ибо если, с одной стороны, нет положения, в котором было бы столь много случаев грешить, как в Вашем, с другой стороны, никому из людей в мире так нелегко творить добро и исполнять свой долг, как Вам. Каждый из нас стремится к добру, хочет делать добро, но у каждого из нас есть границы, далее которых он идти не может, есть события частной жизни, служащие препятствиями, есть, на-

конец, вечное столкновение своей воли с волями других; у Вас нет частной жизни, нет препятствий, нет воли, которая могла бы служить помехою Вашей воле: все, что живет, все то под Вами, все, что живет, нуждается в Вашей жизни; никто и ничто Вас материально обязывать не может. Но зато перед Вами беспредельный мир для добра, которого не исчерпаешь в целую долгую жизнь, исключительно на то посвященную. Зато, если никто Вас из людей обязывать не может, никого, кроме Вас, так строго и так неумолимо не обязывает Бог и Ваша совесть.

Согласны ли Вы с этим?²⁹

Если согласны, то перейдем к краткому обзору тех нарушений и, следовательно, тех грехов, которые чаще других бросались в глаза в последнее время!

Увы, первый из них часто был предметом наших бесед. Как нередко в разговорах при людях слышал я от Вас слова, в которых высказывалось неуважение к Церкви и к ее обрядам. Это неуважение, вызванное часто необдуманностью, смущало многих, и не только смущало, но служило дурным примером! Между тем — сколько мне кажется, в Вашем положении смущать других не только грех, но и преступление перед Богом! Помните, что Церковь за Вас ежедневно молится, помните, что на уважении к Церкви основано Государство, помните, что Церковь Ваша главная сила, ибо через нее нисходит на Вас благодать Божия, помните, наконец, и то, что если пример неуважения к Церкви будет исходить от Вас, то Вы расшатаете главную основу ожидающего Вас престола.

Случалось ли Вам строго поверять себя и спрашивать: достаточно ли Вы отдаете себе отчет в Вашем нынешнем положении? Помните ли Вы не раз сказанные Вами слова: «Я все был бы готов сделать, чтобы меня сослали бы куда-нибудь, только чтобы избавиться бы мне от моего нынешнего положения». Как согласовать это с тем, что Вы часто будто думаете о Вашем положении, веруете в Бога и любите Россию? Где же результат этих дум; где же вера, где любовь? Уже почти на другой день Вашей присяги России как насл[едника] прест[ола] Вы с ужасом думаете о всем, что Вас ожидает, Вы ненавидите Ваше положение, Вы сживаетесь с ним насильно, и чем дальше, тем все машинальнее Вы обходитесь с Вашими обязанностями! Вы заняты только мыслию о себе и о всем, чем Ваша жизнь стала тяжелее и зботнее прежнего, а Россия для Вас не существует как живое лицо, достойное беспредельной любви и ежеминутного участия. Если бы Вы думали о ней, а не о себе, то Вы бы в отчаяние не приходили бы, ибо некогда было бы отчаиваться — так много пришлось бы любить и изучать с любовью. На вопрос Ваш «как формулируется это явление Вашей жизни в разряде грехов» ответчу: *уныние и отчаяние*,

происходящие от отсутствия всякого живого интереса и участия к России.

С этим, увы, тесно связаны два важные греха Вашей жизни: *эгоизм и равнодушие к людям*. И то и другое в Вас доходят иногда до ужасающих размеров. Оттенки бесконечно разнообразны. Главная Ваша забота теперь — устройство штата и конюшни. Перед нею забота о России — мыльный пузырь, — один вид эгоизма. Много причин побуждало Вас на нынешней масленице не предаваться безграничному веселью, начиная от грустного одиночества Вашей матери и кончая необходимостью Вам каждую минуту посвящать занятиям — все это Вы принесли в жертву — желанию позабавиться, — другой вид эгоизма. Подумать о ком-либо, т. е. войти сердцем в его положение и вследствие этого предпринять что-либо под влиянием движения сердца, для Вас потому невозможно, что Вы не умеете подумать о других: еще и самый тяжкий вид эгоизма. Что же касается равнодушия, то, увы! доселе Вы равнодушны к всему, что до Вас не касается. После присяги первые слова Ваши были: «Слава Богу, что все кончилось, так надоело», в этих словах выразилось все: прошедшее, настоящее и, увы! будущее! Они будут повторяться всякий раз, что Вы по необходимости будете лицом к лицу с Россией и посвящать ей станете какую-либо заботу. Но за этим будущим есть другая будущность — ее предчувствовал даже язычник древнего мира³⁰, — если там спросится ответ у того, кто не думал и не любил одного или нескольких людей, от него зависевших, то какова будет ответственность того, кто, обязанный думать о 60 м[ил]. целого государства, думал только о себе самом?

Недалеко от этих грехов до любви Вашей к М. Э. [Мещерской]. И эта любовь — грустное проявление эгоизма! Не Вы ли говорили: что мне честь женщины, если бы можно было, я бы сейчас и т. д. Не Вы ли писали: если бы не нынешняя осень, я бы никогда не мог примириться с своим положением: она меня укрепила и утешила. В первом случае встречаешь в Ваших словах самое ужасное проявление эгоизма, которому Вы готовы принести в жертву то, что выше всего на свете, — честь женщины, нарушение которой равносильно самым тяжким преступлениям! Эгоизм на это идет если не на деле, то в мыслях. Во втором случае натыкаешься на следующее явление в Вашей жизни: ни испытанное горе, ни святость моего положения, ни любовь к России, ни нравственный мир с его обязанностями, ни духовный мир с его уделом надежды и веры, ничто меня настолько [не] затрагивает, чтобы побудить меня исполнить свой долг и дать мне опору и утешение: одна осень в Царск[ом] Селе с ее таинственными встречами в аллеях парка, с ее прогулками, беспечностью и любовными волнениями — вот что было для меня исключительным утешением

и счастьем. И это тогда, когда вся Россия ждет от Вас горячих усилий, чтобы узнать ее, полюбить ее и приготовляться к ожидающему Вас престолу. Но затем и здесь в чем же грех?

В том, что Вы любите или любили без уважения к той, которой Вы много повредили, не щадя ни молвы о ней, ни обязанностей Вашего положения; в том, что Вы не сдерживали Ваше чувство, но, напротив, все делали, чтобы давать ему пищу. Грех в том, что любовь эта была и есть главною заботою Вашей жизни, перед которою все остальные бледнели.

Гордость и самолюбие: две эти черты вместе не позволяют Вам принимать советов, слушать упреки, признаваться в незнании чего-либо.

Затем пора и кончить! В этих главных чертах вся Ваша ежедневная жизнь с ее уделами горя, забот, оскорблений и слез для других — Вас любящих более, гораздо более, чем Вы любите кого бы то ни было. Подходя к Богу в эти минуты, просите его дать Вам Любовь, упражняйте Вашу душу в любви к другим и в заботах о других и поверьте, все остальное приложится к Вам.

Если же любить Вам невозможно, любить Россию всею душою и в любви находить себе силу, то тогда к чему налагать на себя такую ужасную ответственность?

Что же касается меня лично, то хотя много, много было Вашим эгоизмом и равнодушием причинено мне горя, но я слишком люблю Вас, чтобы вымолвить в эту минуту что-нибудь, кроме слов:

Благодарю, за все благодарю!

№ 43

[Не ранее 11 июня и не позднее 24 июня 1866³¹]

Ваше Высочество,
дорогой Александр Александрович!

Прежде всего извините, что пишу Вам, но в настроении души, в котором нахожусь, не могу не попытаться побеседовать с Вами и не хочу верить, чтобы Вы с насмешкою в нынешние минуты отбросили и это письмо, не прочитав его. Я был в городе и, повинувшись сердцу, отправился в домик Петра В[еликого], где отслужил молебен за Вас и за Вашу невесту, и затем под влиянием весьма понятного чувства поехал в крепость молиться над могилою Вашего брата. Не смейтесь надо мною; но лишенный всякого известия о Вас от Вас самих и отрезанный от всякого сношения с Вами, мне остается одно только отрадное: много и часто молиться за Вас. Пока Ваша немилость ко мне остается для меня догадкою и не сделалась очевидною, я решаюсь писать Вам. Итак, Вы женитесь, Вы счастливы, Вы влюблены! Ваши

письма «respirent le bonheur»³², писала Императрица к А. Н. [Мальцовой]. Когда это знаешь, можно ли не благодарить Бога от всей души и затем, бросившись в Ваши объятия, поздравить Вас с этим великим событием Вашей жизни. Впрочем, признаюсь Вам, не знаю сам, что я испытываю, когда обдумываю это событие в связи с прошедшим и с будущим. Радуюсь тому, что событие это самым красноречивым образом обличило всю несостоятельность Ваших воззрений на жизнь, которые так часто меня приводили в отчаяние. Надеюсь и убежден даже, что мысли о *fatum*³³, о презрении к людям и свету, о недоверии и замкнутости как принципы и пр. и пр. разлетелись в пыль и прах от этой первой встречи с счастьем на земле. Согласитесь, что Вы как нельзя лучше выказали себя хозяином весьма самостоятельным Ваших чувств и Вашей жизни: с прошедшим покончили, с новой эпохой Вашего земного странствования начинаете знакомиться.

Правда, что весь этот переворот произошел так быстро, что опомниться даже трудно, но все же верно то, что Вы счастливы и влюблены. Этот факт для меня так же несомненен, как тот, что, кроме ее, Вашей невесты, Вы никого не любите, ибо даже в минуты столь полного счастья находите возможным, без всякой причины, проявлять к людям близким не только равнодушие, но даже неприязнь, — ибо согласитесь, что после тех отношений, в которых мы были, не только не написать словечка, но даже не отвечать на телеграмму более чем неприязненно. <...>

<...>

№ 67

[28 марта 1867³⁴]

<...>

Умоляю Вас, дорогой Александр Александрович, избегайте всего, что может служить поводом Вас обвинять в слишком резком проявлении Вашего образа мыслей политического и Ваших воззрений на современное, как бы грустно оно ни было! Умоляю Вас не смотреть на все слишком мрачно, а для этого видеть и слышать надо побольше людей. Поверьте, Россия не зависит от того, что думает или делает [П. А.] Валуев или [М. Х.] Рейтерн!³⁵ Не выражайте при посторонних ваших суждений, ибо помните, что Вы наследник престола и на Вас обращены все взоры. От такой резкости в суждениях, которая неизбежно доходит до Г[осударя], мало-помалу в отношениях будет холодность и неискренность, и Вы потеряете возможность в важные и трудные минуты возвышать голос у царского престола в защиту правды! Даже здесь я слышал отголоски, приписывающие Вам значение главы оппозиции. Сохрани Бог, чтобы это было. На Вас станут

возлагать надежды, Вы не будете в состоянии их теперь осуществлять, и Вы уроните себя в общественном мнении и ослабите к себе доверие и надежды, прежде чем даже быть призванным иметь голос в государств[енном] управлении. <...>

<...>

№ 95

Москва, 3 декабря 1867³⁶

<...>

Прежде всего начну с повторения того, что уже не раз говорил Вам: во что бы то ни стало Вы должны избегать всего того, что может в общественном мнении возбуждать толки и приписывать Вам какое-то оппозиционное настроение; этим может быть с самого начала испорчена вся Ваша деятельность, и вместо того, чтобы быть полезными, Вы сделаетесь бессильными. Совершенно соглашаюсь с Вами: борьба с препятствиями, от Вас не зависящими, невозможна; воля, которая выше Вашей воли, как воля отца и воля Государя, требует безусловного подчинения; она абсолютно обязательна, и если она выражается в известном случае препятствием Вашему намерению, то, разумеется, это препятствие непреодолимо. Как поставленный ближе всех к престолу, как старший Вашей семьи после Государя и, наконец, как поставленный выше всех подданных в государстве, Вы обязаны служить непоколебимым примером уважения воли родительской и царской. Но эта близость к престолу, это исключительное Ваше положение обязывают Вас в то же время и к другому. Вы можете говорить Государю как сын, и всякая высказанная им воля может быть предметом душевной беседы не перед людьми (Боже сохрани), но между им и Вами; и только тогда воля для Вас Государя становится безусловно обязательною, когда, несмотря на все высказанное Вами почтительно, кротко и нежно, она остается непоколебимою. Если на наших министрах так часто ложится тяжелая ответственность за их малодушие и узкое понимание своих обязанностей и интересов верховной власти, то тем более на Вас самим Богом возложена обязанность не щадить своих личных интересов во имя пользы и правды. Всякое убеждение в Вас должно быть свято, раз что оно стало убеждением, и если это убеждение встречает в осуществлении своем препятствие в воле Государя, то более чем пред кем-либо Вы призваны перед ним свое убеждение отстаивать и затем уже слагать оружие с покорностью и, что главное, со спокойною совестью. Затем, раз что Вы поставлены в необходимость исполнять эту волю, не следует, сколько мне кажется, перед окружающими Вас давать чувствовать, насколько Вам эта необходимость не по вкусу. Иначе

пойдут толки, которые тем или другим путем всегда отражаться будут на Ваших отношениях с Г[осударем] и вредить взаимному доверию. Но всего опаснее то, чтобы мало-помалу, встречая по временам отпор Вашим благим стремлениям, Вы бы не свыклись с этою зависимостью и не сделались апатичны ко всякой инициативе. Если это будет, то все пропало для настоящего и для будущего. Например, встретивши два, три препятствия к осуществлению хороших намерений, Вы можете махнуть рукою и сказать себе: «Не стоит желать этого и просить об этом, наверное откажут». Напротив, вспомните, что Вы воин жизни, призванный к борьбе до последней ее минуты. Чем более препятствий, тем неутомимей должна быть Ваша деятельность.

Подчиняясь воле Государевой, Вы в то же время призваны к большей еще самостоятельности там, где эта воля дает Вам независимое и просторное поле деятельности. Вы скажете: где оно? На это я отвечу Вам: везде, на каждом шагу; а чтобы этот ответ не казался общою фразою, с обычною откровенностью скажу Вам следующее, дорогой Александр Александрович, не в виде упрёка, но для объяснения моей мысли. Окинем взглядом нынешнее лето, и, подвергнув его строгому разбору, не найдете ли в нем много времени, отданного в полное Ваше распоряжение, которым Вы насладились уже чересчур. Если бы Вы хотели, кто бы мог помешать Вам или вернуться в Россию пораньше, или, оставив Вашу супругу в Дании, поехать одному на месяц или полтора куда-нибудь в России. В первом случае, вернувшись домой пораньше, Вы бы могли в уединении Царского Села заняться любым предметом и видеться с кем бы Вам хотелось; во втором случае поездка куда-нибудь, хотя, например, в Архангельск, была бы весела и полезна. Что Вы этого не сделали, беда невелика, хорошо и то, что Вы запаслись покоем и силами; но я указываю лишь на то, что есть и немало у Вас случаев, в которых нет препятствий к осуществлению Вашей воли.

Далее обратимся к Вашей домашней жизни. Я уже писал Вам о средствах, Вам вполне доступных, знакомиться с Россиею даже в Петербурге, остается на них сослаться вновь с горячею надеждою, что Вы не отбросите их: 1) Иметь два раза в неделю за обедом всех приезжающих в Петербург губернаторов, предводителей, председателей земских управ, *полковых командиров армейских полков*, знаменитых фабрикантов и т. п. 2) Устраивать у себя 1 раз в неделю вечера, хотя бы музыкальные, но маленькие, постоянно изменяя списки приглашаемых разных категорий. 3) Устраивать миниатюрные вечера из нашей компании для споров и душевной болтовни; например, пригласив И. К. В[абста] и [Ф. Г.] Тернера, заставить их друг с другом сцепиться. 4) Раз или два в неделю на 1 час времени пригласить

того же И. К. [Бабста] для объяснения всего, что к вопросу о тарифе относится; это богатый мир для оживленной беседы!

Затем все утро и все дообеденное время остается в Вашем полном распоряжении: в нынешнем году, под влиянием любви к Вам, позволяю себе на этом настаивать avec leloquence du devouement³⁷, как сказано в моей депеше, и уверен, что Вы за это не рассердитесь: ибо пора, именуемая lune de miel³⁸, уже минула, и Россия с ее надеждами на Вас, с ее общественными неизмеримыми нуждами — стоит пред Вами и требует от Вас начала деятельности, а откладывать решительно невозможно. Еще более безотлагательна необходимость относительно цесаревны: последние 7 месяцев ее совершенно отдалили от русского мира: продолжать это отдаление невозможно, ибо тогда она будет всем чужою; вот почему, если Бог даст ей встать на ноги, на ней лежит обязанность самого деятельного сближения с Россиею и русскими. Она должна во что бы то ни стало разделять с Вами все вышепоименованные средства сближения с русским миром. Оттого так хочется и хотелось с нею увидеться нынешнею осенью, ибо говорить удобнее, чем писать, оттого так глубоко грустно было встречать постоянный отказ в этом желании ее видеть! Если Вы верите твердо, что не из личных интересов хочу с Вами видеться, то вероятно, и супруга Ваша этому поверить может!

Итак, заключаю: вот основные мысли, которые выработал, думая о Вашем положении нынешнего года: 1. *Безусловное повиновение.* 2. Твердая решимость *всякое Ваше желание отстаивать до последней силы* аргументацией мысли и сердца в свиданиях глаз на глаз с Госуд[арем]. 3. Неуклонная решимость не упадать духом и *заботу знать Россию ставить выше всего.* 4. *К осуществлению этой заботы не щадить никаких усилий* и делать все то, что может даже малою долею способствовать к сближению с Россиею и людьми. 5. Самым деятельным образом стремиться к тому, чтобы цесаревна ни в чем не отделялась от Вас в заботах знакомиться с Россиею и осуществлении этих забот. Верьте мне, дорогой Александр Александрович, если мир цесаревны будет отдельный от России мир, то Вам несравненно будет труднее исполнять на Вас лежащие обязанности.

<...>

Р. С. УОРТМАН

Формирование русского царя

<Фрагменты>

<...>

Великий князь Александр Александрович мало подходил для роли утонченного чувствительного наследника в сценарии своего отца. В 1850-х и 1860-х он казался чужаком — неприветливый, неловкий, с грубыми манерами, часто приводивший родителей в замешательство. Его едва ли можно было назвать красивым молодым царевичем, завоевывающим сердца лицезревших его подданных. Мать, императрица, не скрывала своего отвращения к нему. Особенно ее беспокоило сходство сына с императором Павлом I. В одном из писем 1854 года, когда Александру было девять лет, она упомянула о его «отвратительном» («hässlich») сходстве с Павлом, бросавшемся в глаза людям старшего поколения¹. Фрейлина Марии Александровны, Александра Толстая, писала, что из всех детей императрицы будущий Александр III был ей менее всех близок².

Пока ему не исполнилось тринадцать лет, Александр Александрович воспитывался вместе со своим старшим братом, получая, однако, гораздо меньше внимания. К. Головин, познакомившийся с великими князьями в 1859 году, был поражен, что только Николай Александрович жил в строгой дисциплине и получал наставления по этикету³. И Александр, и Владимир Александрович чувствовали, что родители пренебрегают ими, отдавая всю свою любовь первенцу Николаю и младшим сыновьям, Алексею и Сергею. В отличие от первенца, Александр и Владимир не чувствовали родительского внимания, в отличие от младших — не знали родительской ласки. Позже они вспоминали безразличие родителей и более скудную пищу, которую им подавали, — все то, что Александр Александрович называл «отвратительными воспоминаниями» детства («un dégo tant souvenir»)⁴.

Александр производил на знавших его впечатление человека не из придворного круга. Огромный и неповоротливый, он как бы напрашивался на анималистические метафоры. Отец называл его *бычком*, и позже слово *бык* буквально приклеилось к нему. Графиня М. Клейнмихель, видевшая его в 1862 году, сравнивала его с крестьянином и с калмыком, и писала, что в нем не было ничего от красоты его братьев. О нем всегда говорили, используя выражения, подчеркивавшие несоблюдение им норм дворянского поведения⁵. Вряд ли подобные отзывы оставались ему неизвестными, и он с детства относился к благовоспитанному придворному обществу с подозрением и опаской.

Когда случались важные общественные события, великим князьям полагалось появляться на публике — либо вместе с родителями, либо в качестве представителей семьи. Великий князь Александр не любил попадать в центр внимания. Позже он часто начинал свои дневниковые записи за 26 февраля (день его рождения) с подчеркнутых восклицаний: «мое несчастное рождение» или «мое несносное рождение»⁶. Ему не нравились обычные социальные знаки придворной учтивости, такие, как приветствия и объятия, и он чувствовал себя крайне неудобно, когда был вынужден терпеть их. На церемониях он не проявлял самообладания, которое было свойственно его отцу и старшему брату. Когда в 1862 году Гвардейский Финский батальон прибыл приветствовать Александра Александровича по случаю его дня рождения, то он заговорил только с генералом и лишь поклонился офицерам. Генерал Б. А. Перовский, занимавшийся воспитанием великого князя, попросил его сказать какие-нибудь добрые слова, но Александр отказался, утверждая, что он не знаком с этими офицерами и не знает, что им нужно говорить⁷. На публичных церемониях неловкость царевича часто приводила окружающих в замешательство. Его встреча с лифляндским дворянством в 1862 году оставила плохое впечатление, в отличие от аналогичного визита, сделанного за год до этого его братом. Население приветствовало его верноподданническими восклицаниями, однако, как пишет помощник Перовского, адъютант и компаньон Александра Н. П. Литвинов, «великий князь Александр Александрович совсем не умел ласково приветствовать народ, но по крайней мере то хорошо, что это происходит, по-видимому, от застенчивости, а не от недостатка доброй воли»⁸.

Интеллект Александра также не вызывал восторга. Мать, наставники и гувернеры в один голос говорили о его плохих способностях к учебе. Николай изучал предметы на удивление быстро, а Саша с трудом, заметила Мария Александровна в 1853 году, когда Александру Александровичу было восемь лет. Действительно, на уроках Закона Божьего шестилетний Владимир Александрович добивался

больших успехов, чем Саша, который был «несколько вяловат» («etwas träge»), как пишет Мария Александровна. С самого начала чтение и письмо давались Александру с чрезвычайным трудом. Он не мог справиться с грамматикой, пунктуацией, а его дневниковые записи и письма зрелых лет часто цитируются как свидетельство его ограниченных умственных способностей⁹.

В 1864 году Александр и Владимир приступили к изучению университетских предметов под руководством группы выдающихся университетских профессоров, часть из которых также были наставниками наследника. Однако младшим великим князьям нередко приходилось давать более элементарный материал. А И. Чивилев читал упрощенный курс политической экономии. У Александра были трудности с изучением немецкого и французского. С другой стороны, лекции К. Н. Бестужева-Рюмина по российской истории вызвали у Александра интерес, и он начал усерднее готовиться к урокам истории¹⁰. В последующие годы политическую экономию читали И. К. Бабст и Ф. Г. Тернер, историю — С. М. Соловьев, юриспруденцию — К. П. Победоносцев. Так же как и в случае с Николаем Александровичем, в учебном плане Александра особое место было уделено экономике, но она преподавалась с меньшим философским содержанием и меньшим вниманием к европейским делам.

Александр с трудом овладевал абстрактными понятиями. Его компаньон Литвинов записал в дневнике в 1862 году: «Натура Александра Александровича, при явном практическом направлении способностей, не поддается теоретическим умствованиям Александра Ивановича Чивилева, — зато из него можно сделать практически развитого человека, полезного для общества»¹¹. С ранних лет в нем развилось уважительное отношение к практической деятельности и недоверие к «умствованиям», которые нравились его старшему брату. Эта неприязнь к приукрашиванию, идеализации и абстракциям импонировала всем тем, кто не питал доверия к изощренности образованного европейского общества, считая ее чуждой русской природе. Естественный, неподдельный характер Александра нередко обозначали словом ясный. Так, его наставник Я. К. Грот считал, что у Александра «светлый и ясный здравый смысл чисто русского человека»¹².

Именно это интуитивная хватка вкупе с готовностью упрямо противостоять общепринятым взглядам вызывали расположение к Александру Александровичу у его наставников. Как и в случае с Николаем Александровичем, преподаватели заполняли лауну, образовавшуюся из-за удаленности родителей наследника. Грот, Перовский и другие воспитатели, преподававшие ему в конце 1850-х и в начале 1860-х годов, отмечали и другие личные качества, искупающие его недостатки, но не вызывавшие в это время особого

восхищения при дворе. Невысокие интеллектуальные способности Александр компенсировал необычайным усердием и целеустремленностью — характерный для второго ребенка способ конкурировать с первенцем. В двухлетнем возрасте он уже поражал адъютанта Юрьевича настойчивостью и прилежанием. Великий князь Александр, пишет Юрьевич, потратил больше часа, строя песочную горку, в то время как его брат Николай, которому было тогда четыре года, не мог заняться чем-нибудь одним. Генералы Н. В. Зиновьев и Г. Ф. Гогель характеризовали его отношение к учебе: *серьезно, старательно и прилежно*¹³.

К военным занятиям Александр также проявлял прилежное отношение. В мундире он выглядел неловко и стесненно и не имел склонности к такого рода демонстрациям и браваде. Но он с охотой принимал участие в военных упражнениях. Летом 1864 года Александр и Владимир находились в «действительной» службе на ежегодных летних учениях в Красном Селе и жили вместе с кадровыми офицерами. Александр командовал образцовым пехотным полком и был восхищен маневрами и упражнениями, продолжавшимися с четырех или пяти утра до полудня. 23 июля он писал матери: «Я очень доволен, что мог служить в лагере, потому что здесь настоящая служба, которая всегда приятна, если ее хорошо исполняют». 8 августа он писал: «Вообще весь лагерь и в особенности время, которое мы провели с нашим батальоном, оставило нам самое лучшее воспоминание». Из всех братьев он первым был награжден орденом Св. Владимира четвертой степени¹⁴.

Если отношения Николая Александровича с воспитателями остались интеллектуальными по своему характеру и отличались сдержанностью с его стороны, то Александр, напротив, открыто выказывал свои эмоции, как положительные, так и отрицательные. Он обнимал своих наставников и плакал, когда они уходили, — проявления чувств, не вызывавшие одобрения строгих военных гувернеров. Его отношения с Гротом и Перовским с самого начала дали образец привязанности к сильному наставнику и зависимости от него — отношения, которые в более поздний период установились у него с Победоносцевым¹⁵. Его чувства к старшему брату были очень теплыми и искренними, но в их отношениях была и оборотная сторона. Пока они были детьми и росли вместе, младший брат идеализировал старшего и повиновался ему¹⁶. В 1850 году, когда Николаю предоставили отдельные апартаменты, и в 1859 году, когда он начал заниматься по специальному учебному режиму, Александра охватило чувство утраты, и он отчаянно плакал. В записной книжке 1861 года он нарисовал несколько планов своей комнаты и комнаты своего брата в Царском Селе¹⁷.

После помолвки Николая Александровича в 1865 году Александр чувствовал себя обманутым и покинутым. В октябре 1864 года он писал матери: «Теперь он <Николай> меня окончательно забудет, потому что у него только и на уме, что Dagma<a>r»¹⁸. Через месяц он писал брату: «Грустно, что это время счастливое для меня прошло, а тебе много приятного и много удовольствий. Я не завидую тебе, что ты скоро женишься, а завидую, что ты кончил это дело». Он вспоминал славные дни, которые они проводили вместе, и рассказывал, как тяжело ему смотреть на эти сцены — тихое чаепитие в Царском Селе осенью, поездки на санях к Таврическому саду, катание с ледяных горок, — когда с ним нет старшего брата. С комнатами тоже были связаны интимные, личные ассоциации, они несли на себе знаки утраты. Он с грустью рассматривал стол, за которым они сидели вместе, и их общую приемную. «Все так живо напоминало наше милое время, когда мы были вместе». Эта привязанность к комнатам как носителям личных чувств осталась у него на всю жизнь. Частные апартаменты служили убежищем от придворной суматохи и фальши¹⁹.

Кульминацией уходов и разочарований стала смерть Николая Александровича 12 апреля 1865 года. До этого Александр не виделся со своим братом почти год и очень страдал от разлуки, чувствуя себя обиженным. Приехав в Ниццу, Александр был допущен в комнату брата лишь в последний момент, когда Николай Александрович уже не мог поговорить с ним. «Я не видел моего милого брата почти целый год и даже не имел того утешения, чтобы видеться в последние дни с душкою Никсой», — писал он матери. Все жалели отца и мать. «Но они лишились только сына, правда любимого матерью больше всех». Александр ощущал безразличное отношение окружающих к его страданиям и отверженности. «Я лишился брата, друга, и что всего ужаснее, это его наследство, которое он мне передал»²⁰. В 1868 году он вспоминал, что переживал происходящее так болезненно «потому, что я не мог себе представить, что я могу сделаться наследником и заменить моего милого друга Никсу»²¹.

<...>

Смерть Николая Александровича столкнула двадцатилетнего великого князя Александра с необходимостью выполнять тягостные обязанности наследника российского престола. Б. А. Перовский убеждал его возродить в себе дух умершего брата. Он убеждал его, по древнерусскому речению, «совлечься старого человека». Александр был должен завоевать общественную любовь и уважение, которыми пользовался его брат. «Для этого много надо трудиться, много работать над собою». Он просил его помнить, что не одна Россия, но вся Европа следит за каждым его шагом. «С той минуты, как закрылись

глаза покойного цесаревича, Вы уже принадлежите не себе, а истории». Как цесаревич, он должен быть прежде всего «посредником правды, добра и милости между народом и Государем». Перовский сравнивал его с Александром I и Александром II. Он убеждал его получать знания, читая серьезную литературу, и быть ласковым со всеми, чтобы завоевать любовь своих подданных. «Она <Россия> лежала у его <Николая Александровича> ног именно вследствие той ласковой приветливости и предупредительности, которую каждый в нем находил»²².

Перовский, следуя примеру предыдущих воспитателей наследников престола, побуждал наследника преодолеть смертную ограниченность и принять на себя «персону» русского государя. Однако Александр Александрович не мог подняться над самим собой. В обществе он по-прежнему чувствовал себя стесненно и неловко. Его приводило в замешательство заискивающее отношение окружающих, которое он внезапно начал ощущать, когда Николай Александрович уже был на смертном одре. Александр писал своему наставнику Я. К. Гроту: «Нет. Я уж вижу, что нет надежды, все придворные странно переменили свое обращение со мной и начали за мной ухаживать». Летом 1865 года он сказал своему другу Владимиру Мещерскому: «Я знаю, что есть и хорошие, и честные люди, но и немало дурных, а как разобратся, и как я с своим временем управлюсь?»²³

С первых своих выходов в качестве наследника Александр Александрович ясно дал понять, что он не намерен расположить к себе Россию «ласковой приветливостью и предупредительностью». Он столкнулся с очевидными трудностями на церемонии своего совершеннолетия, которая состоялась 20 июля 1865 года, через три месяца после смерти Николая Александровича²⁴. Он запнулся, произнося слова присяги. Так же, как и на предыдущих церемониях совершеннолетия, император, императрица и великий князь обнялись в слезах. «Тягостная минута, — писал репортер из “Journal de St. Petersbourg”, — и вместе с тем умирительная. Всеми присутствующими овладело волнение; у всех на глазах слезы, и все сердца устремляют к Богу теплую молитву, дабы Он ниспослал Свое благословение на того, который в эту минуту принимал благословение от своих августейших родителей, и на самих родителей, дабы избавил Он их от новых испытаний»²⁵. На приеме Александра «заставили сказать несколько слов» членам Государственного совета, Сената и некоторым офицерам. «Тяжелая задача без надлежащей подготовки», — заметил П. А. Валуев²⁶. После присяги императрица писала своей невестке Елизабет: «Я потеряла веру в будущее. Все было совсем иначе, когда Никса в шестнадцать лет принимал ту же самую присягу. Сможет ли *этот* брат действительно заменить его, или же исполнится пророчество Никсы?»²⁷

Поездки Александра по стране в течение нескольких месяцев после церемонии совершеннолетия прошли без блеска. Он приезжал в Москву в августе 1865 года и год спустя — в августе 1866-го. Обеды и приемы для дворянского и купеческого сословий были для него тягостны. Александр использовал любую возможность, чтобы избежать таких встреч. В Твери он не принял приглашения на бал от местной знати и купечества. В Нижнем Новгороде он отказался появиться на роскошном приеме и предложил жертвователям использовать эти деньги для общественных нужд²⁸.

Другая обязанность, с которой он столкнулся, став наследником, был брак, — и его родители, ничтоже сумняшеся, предложили ему взять в жены невесту брата, датскую принцессу Дагмару. Однако, потеряв брата, Александр обрел утешение в романе с княжной Марией Мещерской, кузиной его друга Владимира Мещерского. Подобно его отцу и другим великим князьям, Александр Александрович разрывался между влечением к русской женщине и императивом, требующим от него жениться на иностранке королевской крови.

В дневнике за 1865 год Александр с наивной честностью описывает поднявшийся шум. Он думал только о Мещерской и о том, как можно встретиться с ней, хотя и знал, что видеться им нельзя. В июне 1865 года он сообщил ей, что они должны прекратить видеться, но в последующие месяцы его безрассудная страсть лишь возросла. Сообщения о его романе с Мещерской появились во французских и датских газетах и вызвали испуг при датском дворе. Император с императрицей вначале не говорили ни слова, может быть потому, что они вообще обращали мало внимания на его личную жизнь. Тем временем Александр решил не ехать в Данию, бросить все, отказаться от трона и жениться на Мещерской²⁹.

И тут повторился тот же самый конфликт, который возник двадцать восемь лет назад, когда Александр II испытал отцовский гнев из-за его связи с Ольгой Калиновской³⁰. 18 мая 1866 года Александр II указал сыну, что история обсуждается в датских газетах и что король выражает беспокойство. Александр Александрович подтвердил слухи и сказал отцу, что не намерен ехать в Данию и не желает жениться. На следующий день он не смог сдержаться и заявил, что не способен полюбить Дагмару и что он решил отказаться от трона. Александр не стал читать своему сыну нравуочения (он был чужд морализаторства), но утверждал, тем не менее, что его сын, видимо, сошел с ума. Он сказал, что императором становятся «не по своей охоте» и что великий князь должен действовать в соответствии со своим «призванием». Затем он приказал Александру Александровичу ехать в Данию, угрожая изгнать Мещерскую с царского двора³¹.

Последние слова ошеломили Александра Александровича. Он не мог видеть, как его возлюбленную заставляют страдать. В последние дни он проклинал свою судьбу и плакал, но в конце концов согласился ехать в Данию. Его отец, сочувствуя ему, рассказал о собственном увлечении юности, которое также чуть не заставило его отказаться от трона. Однако, сказал император, «все вышло к лучшему». Великий князь распрощался с Мещерской в пустой комнате в здании бывшего лицея в Царском Селе: «Она бросилась ко мне на шею и долго целовались мы с нею прямо в губы и крепко обняв друг друга». На той же неделе он отплыл в Копенгаген³².

Подобно отцу, Александр Александрович подчинился родительскому давлению и обязанностям своего служения. Но в своем отказе он следовал иному героическому нарративу. Его отец оставил Калиновскую, но в течение всей своей жизни продолжал лелеять сентиментальную мечту, бунтуя против ограничений и поддаваясь романтическим порывам. Александр Александрович уступил свою возлюбленную, чтобы взять на себя священные моральные обязательства по отношению к семье. В Копенгагене он попросил у короля руки принцессы Дагмары, пообещав любить ее и нести ответственность за ее будущее. Он не мог продолжать индивидуальный бунт во имя возлюбленной женщины — теперь он стал членом семьи, хранящим духовное наследие своего умершего брата. Когда 11 июня 1866 года он сделал брачное предложение, Дагмара бросилась в его объятия. Она сказала, что не любила «никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала». Он сказал ей, что «милый Никс много помог нам в этом деле и что теперь, конечно, он горячо молится о нашем счастье. Говорили много о брате, о его кончине и о последних днях его жизни в Ницце». Королева и король вошли к ним в комнату и обняли их; другие члены семьи их поздравили. «Никогда еще так я себя не чувствовал легко и отрадно, как в эти минуты»³³. Александр гордился своим подвигом самоотречения. Он писал Мещерскому в 1867 году, что он «остановился на самой пропасти, не попадая в нее, как следовало, и чем я горжусь и счастлив»³⁴. <...>

Н. А. КАЧАЛОВ

Из «Записок»

<Фрагменты>

<...> Приступаю к описанию важнейшего в моей жизни обстоятельства — к знакомству с цесаревичем, ныне благополучно царствующим государем императором Александром III. В декабре 1867 года состоялось очередное губернское земское собрание, и во время его заседаний я получил из Петербурга письмо от князя В. П. Мещерского, в котором он спрашивал меня, когда я буду в Петербурге, и просил его посетить. Я отвечал, что полагаю быть в Петербурге в начале января и непременно у него буду. Кажется, я приехал в Петербург 4 января 1868 года и в тот же день был у Мещерского, жившего в доме своего родственника Карамзина в Большой Морской¹, в очень скромной квартире. Князь принял меня очень любезно и просил приехать к нему вечером совершенно запросто.

В 8 часов вечера я был у князя, нашел квартиру парадно освещенную, приготовленный парадный чай, но гостей не было. Вскоре раздался звонок и вошел цесаревич совершенно один. Мещерский меня представил, и цесаревич сказал мне следующие замечательные слова, сколько я припомню, следующего содержания, ежели не буквально, то верно по смыслу:

— Я не готовился к той роли, которую мне дала неожиданная смерть моего старшего брата, и я вполне бы счел себя счастливым быть первым слугой моего отца, а потом брата. Я сознаю, что я не приготовлен к моим будущим обязанностям; садиться на учебную скамейку уже поздно, и потому мне приходится дополнять свое воспитание практическими сведениями, и первоначально, конечно, необходимо познакомиться подробно с экономическим положением наших провинций. Я просил князя Владимира Петровича объехать Россию и передать мне собранные им сведения, но князь нашел,

что собранные им сведения недостаточны, и рекомендовал вас, как знатока земского дела.

Можно вообразить, как я был поражен таким предложением. Этот замечательный вечер прошел в разъяснении разных земских вопросов², и затем много вечеров я провел у цесаревича в Аничковом дворце; в собраниях этих участвовали: К. П. Победоносцев, профессор Бабст и кн[язь] Мещерский; кажется, я по этому делу пробыл в Петербурге 2 недели.

1868 год <...> был год голодный во всех северных губерниях, и в особенности в Архангельской. Газеты подняли этот вопрос, все сведения из голодающих местностей описывали бедствие простого народа, и государь приказал принять решительные меры для оказания пособия голодающим и немедленно открыть комитет или комиссию для сбора добровольных пожертвований и вообще для пособия голодающим. Не знаю, кому принадлежала счастливая мысль назначить председателем комиссии цесаревича. Имя его привлекло пожертвования, и он приобрел много практических сведений. Наследник был еще молод, подобными делами не занимался, и, для осторожности, ответственным председателем комиссии назначили генер[ал]-адъютанта Николая Васильевича Зиновьева, а наследника почетным председателем. Первые заседания действительно вел Зиновьев, но скоро цесаревич вошел в дела и был настоящим председателем комиссии. Сколько я помню, состав комиссии был следующий: председатель Зиновьев, члены: петербургский губ[ернский] предводитель двор[янского] граф Орлов-Давыдов; от Министер[ства вн[утренних] дел тайный советник Шумахер; от путей сообщения генерал барон Дельвиг; от уделов тайный советник Никол[ай] Тютчев; от Мин[истерства] госуд[арственных] имущ[еств] ст[атский] сов[етник] Боровков, он же делопроизводитель комиссии; от Петерб[ургского] Биржев[ого] комит[ета] Брант и Быков; от московского купечества Кокорев; рыбинского — И. А. Милютин. Остальных не помню; приглашалось в комиссию много экспертов из голодающих местностей³. От земства, по личному желанию цесаревича, был назначен я один.

Мин[истр] вн[утренних] дел Валуев был оскорблен открытием этой комиссии, как доказательством, что министерство не может справиться с делом, составляющим главнейшую его обязанность; при этом все официальные сведения губернаторов доказывали, что голода нет и существует только недостаток продовольствия, который искусственно раздули в голод. Ежели бы комиссия не находилась под председательством цесаревича, то ее бы закрыли по настоянию Валуева, но все сведения получались прямо цесаревичем, передавались непосредственно государю, и комиссия устояла.

Первые заседания комиссии были заняты чтением официальных сведений, где утверждалось, что голода нет, но потом читались сведения земства и достойных доверия частных лиц, по которым оказывалось, что существующий голод требует немедленной помощи. Вследствие такого решения миссии признаны официальные сведения неверными, и Валуев оставил министерство, и вместо него назначен ген[ерал-] ад[ъютант] Тимашев. <...>

Комиссия собиралась 2 раза в неделю и помещалась в Аничковом дворце, в библиотеке цесаревича. Я на каждое заседание приезжал из Новгорода. Первоначально от имени цесаревича были разосланы приглашения на подписку, которая пошла очень бойко и доставила комиссии до 2 мил[лионов] рубл[ей]. Как обыкновенно бывает, в нашей комиссии образовалось 2 партии: первая — Зиновьева, официальная, поддерживающая правительственные сведения и взгляды, и вторая — земская, практическая. Покойный Николай Васильевич Зиновьев был, безусловно, честнейший и благороднейший человек, но всю жизнь проведенный в застегнутом мундире и поклонник легальности и формы, хотя бы в ущерб действительности; при этом скопидом и с большим трудом соглашался выдавать собранные деньги, когда эта выдача не была обставлена всевозможными справками и формальностями. К партии принадлежали: Шумахер, Тютчев, барон Дельви́г, Брант. Затем, вторую партию составляли мы все остальные члены и Боровков. К нашей партии присоединились все приглашаемые в комиссию эксперты и, наконец, к нам присоединился и цесаревич, бывший сначала только внимательным слушателем прений. В таком составе наша партия имела на своей стороне большинство голосов. Гр[аф] Орлов-Давыдов был нейтральным членом, но мало говорившим. Заседания комиссии продолжались без выдающихся обстоятельств до конца февраля, когда случилось необыкновенное дело. В феврале 1868 года только что по разосланным объявлениям пожертвования поступали слабо и к концу февраля поступило в кассу комиссии с небольшим около 100 000 рубл[ей], между тем выяснились следующие обстоятельства по хлебной торговле. Главная забота правительства и существеннейшее пособие во время бедствия от голода заключается в том, *чтобы на рынках было достаточно продажного хлеба по возможно дешевым ценам.* Впрочем, об этом следует заботиться и без существования голода, так как при недостатке продажного хлеба будут голодать не только люди недостаточные, но и достаточные. Главные запасы продажного хлеба для северных губерний собираются на пристанях реки Волги, к которым подвозится хлеб на подводах в течение существования зимнего санного пути. Главные покупатели, конечно, купцы, но во время подвоза хлеба каждый может купить с возов, и это, с одной стороны, не по-

звolyет купцам понижать цены хлеба, а с другой стороны, держит доступные цены для постороннего покупателя.

Подобное положение прекращается с падением зимнего пути и с прекращением подвоза к пристаням хлеба гужом. Немедленно делается известным, сколько на каждой пристани собрано хлеба, и купцы, до тонкости знающие, в какой местности и сколько необходимо для покупки хлеба, сейчас и определяют пропорцию запасов с потребностями и, в случае превышения последних, цены на хлеб поднимаются иногда до 3 руб[лей] на куль. Ввиду этого комиссия сознавала выгодность покупки хлеба в настоящее время и постановила ассигновать на эту покупку все находящиеся в ее распоряжении деньги. Покупка эта была поручена Ивану Андреевичу Милютину. Затем, комиссия сознавала незначительность покупаемой партии хлеба, была уверена, что дальнейшая подписка доставит значительные средства комиссии, и была высказана мысль, что комиссии было бы выгодно получить заимообразно из казны крупную сумму, употребить ее на покупку хлеба и уплатить из последующих сборов. При этом было высказано, что операцию эту следует сделать быстро и секретно, чтобы при такой крупной покупке не подняли цены купцы, у которых были собраны запасы. Цесаревич при этих обсуждениях не принимал никакого участия и, казалось, не обратил на это дело особого внимания.

По закрытии заседаний комиссии цесаревич уходил раньше, в мы оставались еще некоторое время для личных разговоров. Так и в этот день мы оставались в библиотеке несколько времени. Подле библиотеки расположена столовая, из которой противуположная дверь [ведет] в гардеробную и кабинет цесаревича, а налево — дверь на лестницу, по которой мы расходились по домам. В столовой постоянно находился камердинер цесаревича. По проходе мною столовой, камердинер тихо передал мне, что цесаревич просит зайти к нему в кабинет. Я нашел цесаревича в большой ажитации, и он начал с того, что настоящие выяснения комиссии произвели на него сильное впечатление, что он хочет просить у государя заимообразно миллион и, в случае успеха, просит меня принять на себя покупку хлеба на этот миллион. Можно вообразить, как я был удивлен подобным предложением. Одумавшись немного, я счел своим долгом отвечать следующее: что я хотя и долго занимался сельским хозяйством, но, как помещик, умею производить хлеб, но торговля им составляет особую серьезную специальность, требующую знания этого дела и особой смьшленности и ловкости, и для этого дела я положительно не гожусь, но что в комиссии находится Ив[ан] Ан[дреевич] Милютин, вполне подходящий к этому делу; это человек умный, знающий до тонкости дело, честный и, польщенный доверием его высочества, исполнит это поручение хорошо. Цесаревичу

невозможно вести лично это дело, входить во все расчеты, и я предложил себя, как бы поверенного цесаревича по всем сношениям с Милютиным, оставляя его единственно ответственным, но при этом самостоятельным. На это согласился цесаревич. Затем я счел своею обязанностью доложить цесаревичу результат подобной небывалой операции: ни один из членов царской фамилии не занимался подобными операциями, и цесаревич, которого еще мало знает Россия, превосходно отрекомендуется такой человеколюбивой, общенародной мерой. Кроме того, операция эта даст много сведений и приохотит к общению с народом и заботливости о его нуждах. С этой стороны предположение цесаревича я признаю Божиим благословением; но медаль имеет 2 стороны, и я считаю долгом объяснить и эту сторону. Дело это не может оставаться долго в тайне, и когда откроется, то произойдет следующее: все окружающие и близкие люди цесаревича будут обижены, что он начал это дело секретно от них и поручил постороннему лицу, подарив его доверием, на которое они имеют более прав. Затем, большинство даже хороших людей найдут, и не без основания, что цесаревичу не прилично заниматься торговыми делами и тем ронять свое достоинство, и, конечно, будут убеждены, что я ввел вас в такое неудобное положение. Обращаясь к экономической стороне этой операции, необходимо предвидеть следующее: цель покупки *теперь* хлеба основана на *предположении*, что летом цена хлеба поднимется, купленный теперь хлеб продается по дешевой цене земству, занятый миллион возвратится в Госуд[арственное] казначейство и народ получит пособие в виде разницы дешевых настоящих и возвышенных летних цен. Предположение это основано на теории вероятностей, но торговля часто встречает сюрпризы, и очень может случиться, что летом цены понизятся против настоящих и занятый миллион не возвратится полностью в Госуд[арственное] казначейство. По моему мнению, потеря 100 или 200000 р[ублей] не составляет особой беды ввиду основательных предположений существенно пособить голодающим, но этого не простят все противники этой операции. На основании этого факта они будут иметь повод говорить, что подобный результат можно было предвидеть, толки эти могут повлиять на государя и затормозят надолго практическую деятельность цесаревича. Про меня же и Милютина все скажут, что мы украли деньги. Цесаревич все это внимательно выслушал и сделал один вопрос:

— Вы за себя не боитесь?

И я, взволнованный, отвечал: «Не боюсь, ваше высочество, и вот почему: Господь сподобил меня помогать наследнику русского престола войти в народную деятельность, последствия которой неисчислимы, а при этом, что значат тысячи Качаловых, хотя бы и погибших»⁴. На это цесаревич объявил, что и он не боится и при-

мется писать письмо к государю, которое представит лично завтра утром, и меня просит перед комиссией зайти в кабинет узнать результат. На другой день цесаревич мне объявил, что государь мило принял его ходатайство, обещал поговорить с министром финансов⁵ и скоро дать ответ.

Заседания комиссии в библиотеке продолжились в этот день без перерыва, обыкновенным порядком и окончились в обыкновенное время около 4 часов. При проходе через столовую, камердинер пригласил меня зайти в кабинет, где встретил радостный цесаревич и показал свое письмо к государю, поданное утром, на котором была сделана государем надпись, что он приказал министру финансов передать в распоряжение цесаревича миллион рублей. С этого же дня было приступлено к покупке хлеба на этот миллион. И. А. Милютин с полной готовностью принял на себя это поручение и в тот же день выехал из Петербурга для исполнения. Я написал Милютину инструкцию, которую подписал цесаревич, и я полагаю, что Иван Андреевич хранит этот документ как семейную драгоценность.

Передача миллиона потребовала несколько дней, а между тем Милютин торопился с отъездом и ему была необходима на задатки солидная сумма. Цесаревич из своих сумм приказал конторе выдать около 120000 рубл[ей] Милютину, не объясняя на какой предмет, и, когда будут возвращены эти суммы, контора не знала. Сумма, выданная Милютину, составляла наличность всех сметных сумм на содержание двора и дворца цесаревича. Члены царской фамилии никогда не распоряжаются своими средствами, а тем более в очень молодых летах, в которых находился цесаревич. Поэтому можно вообразить переполох конторы, у которой цесаревич отобрал все наличные средства, не объяснив их пополнение. Переполох этот еще увеличился, когда через несколько дней цесаревич приказал конторе принять из Госуд[арственного] казначейства миллион, из которого возвратить, кажется, 120000 руб[лей], взятых из конторы, а остальную сумму разассигновать по моему указанию, опять не объясняя на какой предмет. Милютин сам, через брата⁶ и приказчиков, одновременно открыл покупку хлеба в 12-ти местах по Волге на пристанях и в 2 недели купил, кажется, около 160000 кулей ржаной муки с небольшим по 6 р[ублей] куль с доставкой в Рыбинск. Цена эта была очень сходная, во-первых, потому, что Милютин платил сполна чистые деньги, а во-вторых, потому, что купцы не знали размера партии, покупаемой Милютиним, и по чьему распоряжению покупка производится.

Все распоряжения комиссии печатались в газетах⁷, и купцам было известно, что Милютину поручено комиссией купить около 12000 кулей, и на каждом пункте продажи полагали, что Милютин только это количество и покупает. В это время деньги каждому купцу нужны

для приготовления к навигации, и потому они охотно уступали дешево для оборота незначительную часть своих запасов. Сведения о ходе хлебной торговли на пристанях получаются купцами чрезвычайно быстро, и когда купцы узнали, что Милютин купил хлеба на миллион, полученный от цесаревича, то просто ошалели, и этот переполох сделал операцию цесаревича чрезвычайно удачной. До милютинской покупки запасы хлеба на пристанях были не особенно значительные и едва соответствовали потребностям местной, внутренней надобности и заграничному отпуску, и потому цены на хлеб должны были подняться. Узнав о миллионной покупке цесаревича, купцы полагали, что за первым миллионом ассигнуются и следующие, бросились покупать хлеб и увеличивать свои запасы, на что употребили и полученный от Милютина миллион и много прибавили своих средств. Этому много помогла погода; стояли морозы, поддержали зимний путь и способствовали к подвозу хлеба к пристаням, и запасы превысили потребность.

В Новгородской губернии <...> употреблялись значительные меры к удешевлению продажного хлеба, и земство могло понижать цену только до 9 рублей за куль. В течение лета сборы начали поступать усиленно, занятый миллион возвращен, и комиссия оказывала пособие и деньгами и потом помогла 160000 кулей хлебом, большею частью даром, а частью продажей по 6 р[ублей]. Во всяком случае, каждый куль дал пособия по 3 рубля, следовательно, употребленный миллион в 6 месяцев принес 50% и много способствовал к противодействию возвышения цен.

Счастливые результаты этой операции сознали все члены комиссии, но сознали только в августе, когда она окончилась, но до этого я должен был вынести пропасть неприятностей, обвинений и даже клеветы. Один цесаревич ни одним словом не усомнился в моей и Милютина честности и не лишал нас полного доверия. Гонения на меня и толки, что по моей милости у цесаревича происходит что-то неладное, начались со времени передачи Милютину задатка из дворцовых сумм и усилились по появлении миллиона разассигнованного по моему указанию неизвестным конторе лицам и неизвестно на какое употребление. По плану Милютина покупка производилась одновременно в 12-ти пунктах и на наличные деньги, и потому на эти пункты, на имя Милютина и его поверенных, необходимо было ассигновать назначенные им суммы, и лица эти конторе не были известны, и контора видела только одно, что миллион по моему указанию моментально улетучился.

Когда, наконец, открылась операция цесаревича, то поднялась целая буря. Более всех был оскорблен почтенный Николай Васильевич Зиновьев недоверием к нему цесаревича, как к бывшему его воспита-

телю и действительно почтенному человеку. Еще более Зиновьев был перепуган тем, что я втянул цесаревича в спекулятивную операцию, которая может провалиться и высокое лицо наследника русского престола может подвергнуться общему и справедливому нареканию. Эта последняя мысль тревожила почтенного старика более укола собственного самолюбия. Я старался успокоить Николая Васильевича, но безуспешно, и он не без основания говорил: «Помилуйте, я старик, крупный помещик, до старости сам направляю крупное хозяйство и должен иметь опытность, но я никогда не решился бы советовать цесаревичу, молодому и неопытному, подобную рискованную операцию, которая, по мнению всех опытных коммерческих людей, непременно провалится». Этот опытный коммерческий человек был член комиссии, председатель Петербургского биржевого комитета Брант, разжиревший на банковских кунштюках немец и поэтому чванливый, но в деле, порученном Милютину, ничего не понимающий, и, конечно, не мог бы исполнить этого так, как Милютин. Брант был также оскорблен, что его обошел цесаревич, и потому он постоянно, сколько мог, вредил мне, распуская неблагоприятные слухи. Цесаревич любил и уважал Зиновьева и, я полагаю, потому не обратился к нему, что ожидал, что он будет отговаривать его от этой операции, на что цесаревич твердо решился.

Милютин наконец окончил свое поручение и представил цесаревичу отчет. Поставка хлеба в Рыбинск должна была быть исполнена по открытии навигации, и дело это требовало наблюдения и управления. Само собою разумеется, что цесаревич не мог сам заниматься этим делом, и оно было передано в комиссию. Когда Милютин представил в комиссию свои отчеты, то Зиновьев пришел в ужас. Из отчета для него было ясно одно, что миллион издержан, но что на этот миллион сделано? Представленные Милютиным доказательства Зиновьев признавал положительно неудовлетворительными. Зиновьев в продолжение 50-летней своей службы привык считать казенный порядок при всякого рода покупках безукоризненным. По его мнению, были положительно необходимы публикации, торги, справочные цены, контракты и залогов, а у Милютина ничего этого не сделано, и все документы состоят в расписках купцов в получении денег и в обязательстве представить в Рыбинск известное количество кулей муки. Зиновьев сознавал, что хлеб куплен дешево и что расписки даны купцами солидными, но небрежность документов его возмущала и пугала. В особенности его поражала расписка богатого нижегородского купца Блинова⁸, который на листе серой бумаги огромными буквами криво написал, что обязуется поставить 50000 кулей и 300000 рубл[ей] получил. Эта расписка не давала Зиновьеву покоя. Много раз эту злосчастную расписку выклады-

вал передо мною Николай Васильевич и с ужасом восклицал: и это расписка на 300000 р[ублей]! Желая сколько-нибудь успокоиться, Зиновьев спрашивал меня, где сложен купленный Милютиным хлеб и нельзя ли послать его осмотреть, на что я должен был отвечать, что складов собственно этого хлеба не существует, что они находятся в общих складах купцов и они сами не знают, какие именно кули поступят на исполнение заключенного Милютиным обязательства. С открытием навигации и наступлением срока поставки каждый купец остановит в Рыбинске ту партию, которая ему будет удобна, а найдутся и такие, которые найдут выгоднее, при наступлении срока поставки, купить хлеб в Рыбинске. Все это для почтенного старика было непонятно, и он успокоился только тогда, когда, при наступлении навигации, весь хлеб был доставлен ценностью на 3 рубл[я] на куль дешевле существующих цен. Комиссия распорядилась продажей земству по своим ценам или выдавала безвозмездно, и те и другие подучали хлеб прямо от купцов, и комиссия не употребила ни копейки на прием и хранение хлеба. До успокоения почтенного Николая Васильевича и опровержения распускаемой клеветы прошло много тяжелых месяцев, тем более что и в управе шла горячая работа по случаю громадной хлебной операции, заваренной по случаю голода. Вспоминая это время, я не могу удивиться особой милости Божией и своей смелости и энергии взять на себя громадную ответственность, как по операции хлебной управской, так и цесаревича; повторяю, велика милость Господня.

Последнее заседание комиссии было в августе в Александрии⁹, во дворце цесаревича, где между прочим была выяснена вся польза от операции цесаревича и что миллион был возвращен полностью в Государственное казначейство. Цесаревич искренно благодарил меня и Милютина, и все члены встали и выразили нам свои поздравления. Нет никакого сомнения, что Брант и подобные ему члены благодарили не искренно, но наша партия действительно была рада счастливому результату этой операции. Затем почтенный Н. В. Зиновьев совершенно успокоился, остался доволен мною и Милютиным и до самой смерти сохранил доброе ко мне расположение. Вскоре комиссия была закрыта, и мы откланялись цесаревичу и цесаревне. При этом цесаревич, пригласив меня в кабинет, сказал, что он хочет просить государя дать всем членам награды и спрашивает меня, какую я желаю награду? На это я взял смелость отвечать, что, избрав земскую деятельность, служебные награды для меня не имеют значения, а напротив, земство смотрит на награды своих выборных недружелюбно, и я бы счел высшей наградой рескрипт его высоч[ества] с выражением его благоволения. На это цесаревич отвечал, что он не может сказать этого государю, а также не может

меня пропустить при представлении всех членов комиссии, и я отвечал, что предоставляю этот вопрос усмотрению его высочества.

Дело это было передано Н. В. Зиновьеву, и, по его предположению, решено было просить мне крупной награды, производства из отставных капитан-лейтенантов в действит[ельные] стат[ские] советники, прочие члены представлялись также в соответствующие награды, но, конечно, все вне правил. Это предположение цесаревича сделалось известно мин[истру] вн[утренних] дел Тимашеву. В это время государь был за границей и при возвращении останавливался в Варшаве, куда выехали все министры. Тимашев при докладе государю доложил о предположении цесаревича представить к крупным наградам членов комиссии, причем дополнил, что устройство комиссии был крупный факт недоверия к Мин[истерству] вн[утренних] дел, и ежели будут утверждены такие награды, то подтвердится, что недоверие к Министерству было справедливо. Под таким впечатлением государь возвратился в Петербург. Цесаревич представил государю свое представление, и его величество, под впечатлением доклада Тимашева, препроводил это представление на рассмотрение Комитета министров, чем произвел страшный переполох. Обязанность Комитета министров при рассмотрении наградных представлений заключается в том, чтобы утверждать только награды, которые следуют на буквальном законном основании. Все награды, представляемые цесаревичем, были вне правил и Комитетом, безусловно, должны были быть отказаны, и перед таким скандалом Комитет остановился.

Это обстоятельство было доложено цесаревичу, чрезвычайно оскорбило его и Зиновьева, и представление это цесаревич взял назад, не допустив до его рассмотрения Комитетом; казалось, награды наши окончательно похоронены. Досада цесаревича увеличилась еще тем, что чиновники, командированные министерствами в канцелярию комиссии, все получили награды по представлению своих министров, тогда как представление цесаревича не уважено. Не помню, в сентябре или октябре этого года я утром приехал в Царское Село, где жил государь и вся царская фамилия и где также жили Посьет и Зиновьев. Заехав к последнему, я нашел его в полном мундире и сильно взволнованного. На вопрос мой, что его так беспокоит, почтенный старик отвечал, что его убивает отношение государя к цесаревичу, который взрослый и даже женатый человек, а между тем не имеет никакой самостоятельности, что глубоко оскорбляет молодого человека, жаждущего дела. На основании этого Николай Васильевич испросил у государя аудиенцию, на которой с полной откровенностью выскажет все, что накопилось на душе, и через час просил к нему заехать, чтобы узнать о результатах этого замечательного свидания. Зиновьев отправился во дворец, а я, сделав несколько

визитов, приехал к К. Н. Посьегу, которого нашел только что возвратившимся от государя. Конст[антин] Никол[аевич] передал мне, что он вошел в приемную государя в то время, когда в кабинете у него был Н. В. Зиновьев и был слышен горячий разговор, наконец, поцелуи, и оба вышли с заплаканными глазами. Я объяснил Посьегу, что знал от Зиновьева, и уговорил сейчас же ехать к Николаю Васильевичу, чтобы узнать подробности. Мы нашли почтенного старика в радостном настроении духа, и он передал следующее: Николай Васильевич подробно объяснил тяжелое положение цесаревича, который, быв первым помощником своего отца и государя, не имеет десятой доли доверия и самостоятельности, предоставленной каждому министру, и, как разительный пример, представил, что мелкие чиновники канцелярии комиссии по представлению министров награждены, а действительные деятели, члены комиссии, по представлению цесаревича, оставлены без награды. На эту тему Николай Васильевич высказался с полной откровенностью. Объяснение это произвело на государя сильное впечатление, его поразило действительно тяжелое положение цесаревича, и государь объяснил, что у него не было мысли оскорбить наследника недоверием, но он стеснялся утверждать его представления, как сына и молодого еще человека, и желал пропустить их установленным порядком, чтобы не упрекали его в потворстве сыну. Конец, как сказано было выше, были поцелуи и слезы, но Николай Васильевич потребовал утверждения наших наград с правом объявить их цесаревичу не через министров, а непосредственно от своего имени. Отправлен был нарочный за представлением, которое было утверждено государем без изменения. В моих бумагах находится милостивый рескрипт цесаревича, полученный мною в это время.

<...>

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

<Письма К. П. Победоносцеву>

<Фрагменты>

<...>

984

Любезный Константин Петрович.

Мне хочется начать снова с Вами мои занятия. Предлагаю Вам следующие часы и дни: в *понедельник* от $\frac{1}{2}10$ — $\frac{1}{2}11$, во *вторник* от $\frac{1}{2}12$ — $\frac{1}{2}1$ и в *субботу* от $\frac{1}{2}12$ — $\frac{1}{2}1$. Удобны ли Вам эти часы; если нет, то прошу Вас написать мне, когда Вам удобнее. Во всяком случае, если Вы согласны на эти часы, то напишите мне, что хорошо: я должен и других преподавателей уведомить. Сегодня еще я не могу начать, потому что буду провожать пр. Датского. — Итак, до свидания в субботу.

Искренно любящий Вас

Александр.

Петербург, 1866 г.

22 ноября.

985

Цесаревич Александр.

26 ноября 1866.

Любезный Константин Петрович.

Я совершенно забыл, что сегодня будет выход по случаю георгиевского праздника¹, и поэтому, к несчастью, должен пропустить с Вами сегодняшнюю лекцию. Итак, до понедельника, и надеюсь, что в этот раз ничего не помешает. Только что вернулся с несноснейшего бала и пишу Вам в $\frac{1}{2}4$ ночи.

Искренно любящий Вас

Александр.

<...>

992

Царское Село.

1869 года 3 июня.

От души благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваше милое и доброе письмо, которое меня тронуло. Жена поручила мне Вас тоже очень благодарить за поздравление и за отвезенное Вами письмо к ее сестре. Слава Богу, у нас все обошлось так благополучно, как только можно было желать, и жена поправляется быстро и совершенно хорошо себя чувствует, так что завтра, я надеюсь, она даже встанет на несколько часов. Маленький Александр большой и здоровый ребенок и тоже совершенно здоров².

В понедельник 9-го числа, надеемся, будут крестины, после чего государь и императрица отправляются в Ильинское³, где императрица хочет пробыть до 15 июля, а государь только 10 дней. Погода у нас, наконец, поправилась, и теперь чудо как хорошо и тепло, но я почти что не пользуюсь ей, потому что все время остаюсь у жены и гуляю только в своем садике раз в день. Я Вам завидую сильно, — быть на берегу моря, купаться и наслаждаться тишиной и уединением, чего здесь в Царском не найдешь.

Жена очень интересуется, как понравилась Вам ее сестра, принцесса Валлийская, и как Вы познакомились с ней. Видели ли Вы ее детей и самого принца?

Сегодня был у меня И. К. Бабст, и мы с ним говорили о путешествии, и он согласен ехать с нами до Ростова⁴; он очень занят своим банком, и, правда, у него достаточно работы.

Владимир теперь уже в лагере и командует Преображенским полком, а Алексей отправляется туда 15 июня⁵.

Мы еще окончательно не решили наш отъезд, но предполагаем выехать из Царского около 10 июля, на днях все должно решиться окончательно.

Козлова я отправил в Копенгаген с счастливым известием и с письмами к королю и королеве и жду его скоро обратно сюда.

Еще раз благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваше милое письмо и память. Эти оба дня рождений моих двух сыновей я никогда не забуду и постоянно благодарю и буду благодарить Господа за эту его милость к нам, которая, конечно, есть высшая из всех. Рождение детей есть самая радостная минута жизни, и описать ее невозможно, потому что это совершенно особое чувство, которое не похоже ни на какое другое.

Мой искренний поклон Вашей супруге.

Любящий и уважающий Вас

Александр.

До свидания.

993

Любезный Константин Петрович.

У нас завтра генеральная репетиция нашего домашнего театра. Жена поручила мне пригласить Вас и Вашу супругу на эту репетицию, если Вы желаете и свободны.

Дамы будут в обыкновенных утренних платьях, а мужчины как хотят.

До свидания.

Любящий и уважающий Вас

Александр.

15 февраля.

<...>

1015

Ливадия, 1876 г.

23 октября.

Благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваши письма; последнее получил сегодня утром. Я Вам очень, очень благодарен за них, и что мне сделало удовольствие, это, что мы сходимся во многом с вашим взглядом на теперешние события. Об многом до получения Вашего первого письма я говорил с императрицей, и тоже меня постоянно мучило, что государь в настоящую минуту не в Петербурге, а так далеко на окраине, и еще татарской, и в двух шагах от турецкой границы⁶.

Да, бывали здесь тяжелые минуты нерешительности и неизвестности, и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь; все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь все вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избежать войны, потому что чувствует, что многое прорвется наружу.

К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатьева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что, наконец, пришли к какому-нибудь плану действий, и он уяснил свое собственное положение перед возвращением в Константинополь и получил положительные инструкции, как действовать, а то хотели его послать к его посту без ничего, а Горчаков только и желал скорее выгнать его из Ливадии.

Как я ни старался убедить императрицу возвратиться в Петербург, ничего не помогло, даже А. В. Адлерберг и тот понял, до чего неприлично оставаться здесь, и тоже просил императрицу переговорить об этом с государем; она тоже разделяла наше мнение, но не решалась говорить, так как для здоровья государя, чем более

он остается в теплом климате, тем лучше, и на этом, конечно, все и останавливалось.

Государь сам полагает, что без войны мы ничего не добьемся, и решился на войну, и желал бы как можно скорее развязки, но как ее добиться, вот в чем вопрос, потому что дипломатия так все запутала, что без положительного повода войну нельзя объявить Турции. Думали заставить ее отказать нам в 2-дневном сроке, чтобы заключить перемирие и окончить совершенно военные действия, она немедленно согласилась, что Вы могли видеть из телеграмм в «Правит. Вест.», и так опять предлог объявить войну не удался, а теперь не знаем, за что взятыся.

Как Вам, вероятно, известно, мы решились наконец ехать отсюда во вторник, 26 окт., и проездом остановиться в Москве дня на 3, и там будет объявлена мобилизация войска, чтобы не терять времени и быть готовыми на всякие случайности.

Как-то пройдет нынешняя зима? Что принесет она? Столько времени потеряно напрасно, вот что грустно.

Сегодня был у меня Беклемишев и привез Вашу записку. Много о чем хотелось бы переговорить, да в письме неловко.

Я вполне разделяю Ваше мнение о том, что пора было бы правительству взять в свои руки все славянские комитеты, жертвования и все это народное движение, а не то Бог знает что из этого выйдет и чем оно может кончиться.

Я воображаю, что за сумятица в Петербурге да и вообще во всей России из-за того, что ничего неизвестно и все так неопределенно, когда даже здесь, откуда исходят все приказания и решения, бывают дни, когда никто ничего не понимает и не знает. Да, признаться надо, я буду очень счастлив, когда, наконец, мы будем на месте и когда узнаем, что окончательно нас ожидает.

Собственно про Крым мне писать нечего. Вы знаете, что я его не особенно жалею, а уж нынешний год в особенности, а вдобавок погода весь октябрь месяц была отвратительная, и почти постоянно дожди и туман и солнце редко видать. Я опять поймал лихорадку на 2-й день моего приезда и до сих пор не могу отделаться от нее. Все это вместе делает наше пребывание здесь весьма печальным и не отрадным.

Простите мне, Константин Петрович, за это нескладное письмо, но оно служит отражением моего нескладного ума от всех теперешних событий, беспокойств, неопределенности и постоянного напряженного состояния.

Еще раз благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, от всей души за Ваши письма, которые я с большим удовольствием читаю и рад их получать. Мой усердный поклон Вашей супруге. Жму Вам крепко руку.

Искренно любящий и уважающий Вас

Александр.

<...>

1025

Я желал бы очень Вас видеть, когда Вам возможно будет приехать сюда, чтобы переговорить и передать Вам мои мысли по поводу судов Добровольного флота⁷.

А.

<...>

1031

8 ноября 1878 г.

Ц. С.

Очень рад, что военное министерство хорошо расположено к нашим судам и что Анненков хлопочет за нас.

Я воображаю, как Черноморское общество⁸ бесится на наши пароходы; тем лучше.

Посмотрим, какой ответ получим от генер.-адмир⁹. на нашу записку.

А.

1032

24 ноября 1878 г.

Действительно, чертежи очень хороши. Интересно знать, что говорят специалисты про эти чертежи?

Я все-таки рассчитываю на днях собраться у меня, но, может быть, не раньше будущей недели, так как теперь вечера провожу с женой, так как почти весь день провожу вне дома.

А.

<...>

1036

15 декабря 1878 г.

Благодарите, пожалуйста, от меня адмирала Завойко за его жертвование.

Радуюсь, что, наконец, «Нижний Новгород» будет скоро готов, но надо признаться, что мы сделали большой промах, отдав все исправления по механизму этому поганому Черноморскому обществу. <...>

А.

<...>

1040

20 января 1879 г.

Прочел эти бумаги с интересом.

Что Вы мне писали о просьбе Римского-Корсакова, я уже имел в виду и обещал им, через В. В. Зиновьева, приехать на один из концертов.

Это правда, я давно у них не был на концертах, но постоянно что-нибудь мешало, и потом они давали концерты в зале думы, где весьма неудобно сидеть.

А.

<...>

1052

Его высокопревосходительству
Константину Петровичу Победоносцеву.

От А. А.

Нельзя ли будет собрать наш Добровольного флота комитет завтра вечером у меня? Потом я уеду в Петергоф, и трудно будет назначить время.

Я хотел бы знать, что Вы предполагаете делать в этом последнем заседании? Не лучше ли просто пригласить ко мне всех членов и поблагодарить их за труды, впрочем, я не прочь и от комитета.

Дайте мне, пожалуйста, знать, можно ли собрать комитет завтра в 9 ч. вечера.

А.

<...>

1056

Бернсторф, 11/23 сентября.
1879 г.

Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваши два последних письма.

<...>

Я очень сожалею, что морское министерство отсылает от нас офицеров и команды, это весьма грустно и неприятно.

Решительно не понимаю их расчета, так как у них постоянно остаются на берегу лишние люди, которые ничего морского и не видят во всю свою службу. С подобным бестолковым и неприязненным министерством ничего не поделаешь. Лесовский — старый колпак¹⁰, а генер.-адмир. делает, что ему другие вбивают в голову. Просто злость берет иметь дело с подобными людьми.

Получивши Ваше последнее письмо от 4 сентября только вчера, я уже не мог писать в. к. Михаилу Николаевичу, а прямо ему телеграфировал насчет перевозки войск на «России». — Сегодня получил следующий ответ от наместника¹¹: «Malheureusement contrat avec société navigation Mere Noire déjà signè leur prix étant plus avantageux que ceux de Rossia»¹². Вот как обделывают свои дела люди честные! — Ищите после этого правды?!!! Просто противно, как надувают бедного Михаила Николаевича!

Но довольно о делах, а то слишком портишь себе кровь.

Погода стоит у нас очень приятная, бывают чудные дни, и воздух летний. — Гуляем много пешком, катаемся в море на яхтах и вообще ведем довольно спокойную жизнь.

Итак, до свидания, любезный Константин Петрович, крепко жму Вам руку.

Ваш Александр.

<...>

1062

Константину Петровичу Победоносцеву.

От А. А.

Любезный Константин Петрович, пожалуйста, заезжайте ко мне сегодня в 2½ часа. Мне хотелось бы с Вами переговорить об нашей крейсерской комиссии перед тем, чтобы принять остальных членов, которым я назначил быть ко мне завтра в 2 часа.

А.

<...>

1072

6 марта 1880 г.

Аничков дворец.

Я уже отправил к государю нашу записку и при первом случае в присутствии Милютина переговорю с государем и узнаю его взгляд на эти предположения.

Только бы удалось приостановить постройку этих поганых броненосцев, если действительно морское министерство собирается их снова строить.¹³

Надо будет поговорить с Милютиным о подводной лодке; не понимаю, за чем дело стало.

Я смотрел рисунки флага и обмундирования и одобряю совершенно.

А.

<...>

1078

Гапсаль¹⁴. 1880 г.

10 июля.

Любезный Константин Петрович, посылаю Вам письмо и чертежи, полученные мною от г-на Tames Long из Лондона с предложением купить для Добровольного флота два парохода. Я вовсе не знаю г-на Long и не знаю даже, кто он такой; посылаю Вам все это для того, что нужно будет ему отвечать от общества.

Мы снова в милом и тихом Гапсале, где положительно можно свободно вздохнуть после петербургской суеты и тамошней моей жизни.

Меня весьма обрадовало назначение Бунге товарищем мин. финансов, лишь бы это принесло положительно пользу и Грейг не слишком самодурствовал бы. Жду с нетерпением известий о нашем крейсере «Ярославль», как он удался и какой ход развила машина. Очень жаль, что не увижу его в нынешнем году, так как вряд ли попаду в Ливадию, потому что государь желает, чтобы я остался в Петербурге во время его отсутствия, и все текущие дела должны снова идти ко мне.

У нас гостил три дня кн. Суворов, который приехал из Ревеля, где живет его сестра.

Нового в Гапсале ничего нет, мы много гуляем, катаемся и читаем и проводим время по-дачному. Дети процветают и старшие купаются в море; я еще должен продолжать теплые ванны с грязью, так что в море еще не начинал купаться.

Желаю Вам приятно и благополучно совершить Ваши поездки по России.

До свидания, любезный Константин Петрович, жму Вам крепко руку.

Если будет что интересного, пожалуйста, пишете.

Ваш Александр.

1079

Петергоф, 1880 г.

20 августа.

Я прочел с большим интересом и удовольствием письма Валицкого и радуюсь, что «Ярославль» удался, а еще более, что мне удастся видеть этот крейсер, и очень надеюсь на нем поплавать и из Севастополя перейти в Ялту. Я полагаю, что это будет в начале октября.

Радуюсь тоже благополучному приходу «России» во Владивосток. Да, жаль, что морское министерство не желает обращать внимание на хорошие суда, а исключительно занялось погаными поповками и сорит на них русские миллионы десятками.

Теперь отправляется в плавание на новой «Ливадии»¹⁵ генерал-адмирал, и если это плавание будет удачно, то, конечно, вопрос о поповках будет окончательно решен и бесповоротно. Дай Бог, чтобы плавание было неблагоприятно. Я думаю, многие так же желают и ждут с нетерпением.

<...>

Погода — просто прелесть, и мы наслаждаемся ею в милой Александрии, но все же это не то, что тихий и скромный Гапсаль.

Ваш от души Александр.

<...>

1082

27 сентября 1880 г.

Петергоф.

Я очень буду рад, если Вы поедете с нами в поезде до Севастополя, места у нас довольно, и никакого стеснения нет. С большим нетерпением жду увидеть «Ярославль» и радуюсь, что можно будет на нем пройтись.

<...>

Что-то ничего не слышно про яхту «Ливадия», а интересно знать, что с ней?

Вы мне говорили про записку, составленную Барановым, о нашем Добровольном флоте, где она и передал ли Вам он ее?¹⁶

Вчера Бунге привез мне свою записку, составленную по приказанию государя; записка весьма интересная и много дельного, но какой ход дадут теперь этой записке и как посмотрит на нее сам Грейг?

До свидания.

Ваш Александр.

1083

Петергоф, 1880 г.

30 сентября.

Весьма грустное и тяжелое впечатление сделала на меня эта записка Баранова, но я не отчаиваюсь, и надо во что бы то ни стало добиться субсидии правительства для поддержания Добровольного флота. Если же правительство не найдет возможным дать субсидию или найдет бесполезным существование этого общества, то, мне кажется, ни в каком случае не отдавать даром суда общества морскому министерству. Если же морское министерство не пожелает купить суда общества, то продать их частным лицам, а вырученный

за продажу капитал употребить на народные нужды или хранить его на случай войны и покупки новых крейсеров.

Во всяком случае попробуем добиться правительственной субсидии, и только если решительно ничего мы не добьемся, тогда приступить к продаже судов и прекращению существования Добровольного общества; как бы это тяжело и грустно ни было, но другого исхода положительно нет.

Вот мой взгляд на это дело; не знаю, разделяете ли Вы мои мысли, или у Вас есть другое предложение.

Я просил вчера графа Лориса-Меликова передать сенаторам, что я могу принять их в четверг, 2 числа, в 12 часов в Петергофе.

Ваш Александр.

II
ВОЕННАЯ СЛУЖБА
ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА III

М. К. СОКОЛОВСКИЙ

Военная служба императора Александра III (26 февраля 1845 — 2 марта 1881 года)

В день своего рождения, 26 февраля 1845 года, Император Александр III, тогда еще великий князь, был назначен шефом Астраханского Кабардинского полка, с зачислением в списки л.-гв. Гусарского, Преображенского и Павловского полков. Его отец, цесаревич Александр Николаевич, встретив в этот день караул от л.-гв. Павловского полка, сказал начальнику караула прапорщику Гершельману: «Сегодня Бог дал мне сына, и Государь повелел зачислить его к вам в полк; когда придешь в казармы, передай полковому командиру об этой новой милости его величества для объявления по полку». В том же году, 7 июня, новорожденный назначен шефом л.-гв. Финляндского стрелкового батальона, а 28 января 1848 года, в день пятидесятилетнего юбилея генерал-фельдцейгмейстера великого князя Михаила Павловича, Александр Александрович назначен состоять по гвардейской конной артиллерии.

В 1851 году Александр Александрович нес впервые служебные обязанности: 1 августа, одетый в форму рядового л.-гв. Павловского полка, он стоял на часах у открывавшегося в Гатчине памятника Императору Павлу Первому.

26 февраля 1852 года, в день семилетия со дня рождения, Александр Александрович, державною волею императора Николая I, пожалован в прапорщики, а равно через год — в подпоручики. 22 июля 1855 года он зачислен в стрелковый полк императорской фамилии, а 24 декабря того же года «за успехи в науках, оказанные на экзамене в присутствии их величеств, произведен в поручики». 26 февраля 1856 года он зачислен в л.-гв. Конный полк, а 17 апреля назначен шефом Переяславского драгунского полка, 26 февраля 1859 года произведен в штабс-капитаны, 26 февраля 1862 года — в капитаны,

30 августа 1862 года назначен флигель-адъютантом к его императорскому величеству и 6 сентября 1863 года произведен в полковники.

В 1864 году Александр Александрович впервые отбывал лагерный сбор при Красном Селе, командуя стрелковою ротой учебного пехотного батальона. В этом же году, 6 августа, он получил первый орден за личную свою службу, Св. Владимира 4 ст.

За кончиною своего старшего брата, манифестом 12 апреля 1865 года Александр Александрович объявлен наследником престола. 29 мая того же года он назначен атаманом всех казачьих войск и шефом л.-гв. Атаманского казачьего и 3-го уланского Смоленского полков и поселенного 9-го Выборгского стрелкового батальона и зачислен в л.-гв. Кавказские казачьи эскадроны собственного его величества конвоя, в л.-гв. Уральский казачий дивизион и в л.-гв. Донскую казачью батарею. В день принятия присяги, 20 июля, цесаревич Александр зачислен в полки Кавалергардский, л.-гв. Семеновский, Кирасирский его величества, Измайловский, Гатчинский, Уланский его величества и Гренадерский, в батальоны л.-гв. Стрелковый и Саперный, в л.-гв. 1-ю артиллерийскую бригаду и в гвардейский экипаж.

С 22 июля по 7 августа 1865 года, цесаревич Александр находился вторично в лагерном сборе, командуя 1-м батальоном л.-гв. Преображенского полка, а 30 августа того же года произведен в генерал-майоры, с назначением в свиту его величества.

В лагерном сборе 1866 года цесаревич Александр командовал л.-гв. Преображенским полком; 28 октября того же года он назначен вторым шефом всех полков и частей гвардии, шефом которых состоял император Александр II; 6 октября 1867 года он назначен состоять при войсках гвардии, 18 апреля 1868 года — генерал-адъютантом к его императорскому величеству; с 22 апреля по 19 мая 1868 года временно командовал 2-ю гвардейскою пехотною дивизиею, с 3 июня по 19 июля бригадою из л.-гв. Уланского и Гусарского его величества полков и 24 сентября произведен в генерал-лейтенанты.

23 февраля 1870 года цесаревич Александр назначен командовать 1-ю гвардейскою пехотною дивизиею, 23 апреля назначен шефом 145 пехотного Новочеркасского полка; 30 июля пожалован орденом Св. Владимира 2 ст. и 25 ноября зачислен вторым шефом 1-й его величества батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады, 22 августа 1871 года назначен вторым шефом 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского его величества полка, 30 сентября — таковым же шефом 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка, 26 апреля 1872 года назначен начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии, 11 августа — шефом л.-гв. Донской конно-артиллерийской батареи. 6 мая 1873 года зачислен в списки л.-гв. резервного пехотного полка. 26 февраля 1874 года назначен

вторым шефом полков его величества: 68-го лейб-пехотного Бородинского, 1-го лейб-драгунского Московского, 2-го лейб-уланского Курляндского и 2-го лейб-гусарского Павлоградского, а также 1-го Павловского и 3-го Александровского военных училищ, 30 августа 1874 года произведен в генералы от инфантерии и генералы от кавалерии, с назначением командиром гвардейского корпуса.

21 июля 1875 года цесаревич Александр зачислен в полки л.-гв. Литовский и Гродненский гусарский, а 26 июля 1877 года, на основании приказа главнокомандующего действующею армиею от 22 июля, вступил в командование Руцукским отрядом. Во время командования этим отрядом Александр Александрович участвовал: 12 октября — в усиленной рекогносцировке неприятельского расположения и 30 ноября — в сражении у Трестеника и Мечки. 15 сентября он пожалован кавалером ордена Св. Владимира 1 ст. с мечами при рескрипте, в котором, между прочим, было изложено: «Благоразумные распоряжения Вашего императорского высочества во время командования отдельным значительным отрядом в действующей армии, вполне соответствующие видам главнокомандующего и общему плану кампании, дают Вам право на особенную нашу признательность; предводительствуемые Вами храбрые наши войска неоднократно отражали все нападения превосходившего их численностью неприятеля и выказали притом свои превосходные качества». 30 ноября цесаревич пожалован кавалером ордена Св. Георгия 2 ст. В данном по этому случаю рескрипте было, между прочим, приведено: «Рядом доблестных подвигов, совершенных храбрыми войсками вверенного Вам отряда блистательно выполнена трудная задача, возложенная на Вас в общем плане военных действий; все усилия значительно превосходившего численностью неприятеля прорвать избранные Вами позиции, в течение пяти месяцев, оставались безуспешными, и, наконец, 30 ноября сего года отчаянные атаки на Мечку мужественно отбиты под личным Вашим предводительством». 3 декабря он назначен шефом 2-го пехотного Софийского полка, с 10 по 13 января 1878 года участвовал в наступлении войск Северного отряда под личным своим начальством и преследовании турецкой армии от Коло-Лам к кр. Шумле, а 26 февраля того же года ему пожалована золотая, бриллиантами украшенная, сабля с надписью: «За отличное командование Руцукским отрядом».

Цесаревич Александр, принимая видное участие в последней Русско-турецкой войне и получив за нее три боевых награды, возвратился в Петербург 6 февраля 1878 года, пробыв в отсутствии без двух дней десять месяцев (он выехал в Кишинев совместно с Императором Александром II 8 апреля 1877 г.).

1 марта 1879 года Александр Александрович назначен вторым шефом 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка, 30 августа — таковым же шефом 16-го стрелкового его величества батальона, с 4 по 25 мая 1880 года временно командовал войсками гвардии и Петербургского военного округа, 22 июля — зачислен в л.-гв. Кирасирский ее величества полк, 17 августа — назначен командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, а 2 марта 1881 года вступил на Всероссийский престол.

С. МАНАССЕИН

В Рущукском отряде (Воспоминания И. И. Венедиктова)

<Фрагменты>

<...> В штабе прошел слух, что нашему корпусу предстоит войти в состав особого отряда для осады Рущука, причем командиром отряда будет наследник цесаревич, начальником корпуса — великий князь Владимир Александрович, а начальником штаба отряда — генерал-лейтенант Ванновский.

23 июня рано утром мы двинулись к переправе. Погода пасмурная; все небо заволокло тучами; ветер так и ревет; темно-серые волны перелетают через жиденький понтонный мост, весь трясущийся и качающийся из стороны в сторону; якоря то и дело вырываются; выкидывается красный флаг — знак приостановки переправы для необходимой починки моста. Много понтонов¹ разбито и заменено другими. Весь мост длиной примерно в 600 саж. состоит из трех частей: первая часть самая длинная, потом остров, за ним маленький мост, снова остров и, наконец, последняя часть моста, ведущая на турецкий берег. Начальник переправы генерал Рихтер советовал приостановиться переправой и переждать бурю, но мы обязаны были перейти к назначенному сроку и начали переправу; сзади нас следовали повозки. Весь мост ходит, то опускаясь, то поднимаясь, под ногами; волны с шумом заплескивают понтоны, обливая нас с головы до ног; два раза мы остановились среди реки, пока шла починка моста, и, наконец, все мокрые, озябшие, усталые вступили на почти отвесный турецкий берег у Систова. Дивиться надо, как могли при переправе наши солдатики, осыпаемые градом неприятельских пуль, взобраться на эти крутизны. Там и сям разбросаны вновь воздвигнутые батареи; свеженькие кресты и курганы обозначают могилы героев-русских, павших здесь при первой переправе 15-го числа.

Не останавливаясь в Систове, мы передохнули в полуразрушенном городке Царевце, где все напоминало поспешное бегство турок и разрушающую

руку победителей, и остановились в д. Павло. Кругом полное разрушение, выбитые оконные рамы, разломанные печи, разбросанная по улицам мебель и издающие страшное зловоние трупы домашних животных.

Слухи о формировании особого Руцукского отряда оказались справедливыми. 25 июня мы выехали встречать нашего нового начальника — наследника цесаревича, прибывшего в Павло во главе блестящей свиты, а следом за ним подошел обоз с палатками, провизией и пр. Среди луга, где стояли наши палатки, был разбит большой серый шатер для столовой. Выбрали хату почище, поставили столы, табуреты и разложили отрядную канцелярию, а литографские станки², писарей и четверку прекрасных лошадей исключительно для канцелярии нам выслал полевой штаб*.

28 июня утром начальник штаба П. С. Ванновский в столовой-шатре представлял нас, штабных, его императорскому высочеству наследнику цесаревичу, предложившему всем нам ежедневно являться к нему в столовую в 12 часов дня и в 7 часов вечера завтракать и обедать за общий стол. Всех приглашенных к постоянному столу было человек 30, в числе которых свита его высочества, врачи и наш небольшой штаб. К трапезам этим нас постоянно сзывала труба горниста, и всем этим распоряжался генерал-майор Зарубаев.

<...>

Недолго мы простояли в Павло; перешли в город Белу, где пробыли тоже несколько дней, и чрез Домогилу, Тростеник и Кацелево переко-

* 27 июня был отдан следующий приказ по войскам Руцукского отряда: «Главная квартира, бивак в дер. Павло (в Болгарии).

- 1) Предписываю с сего числа вступить в должность начальника штаба вверенного мне отряда генерал-лейтенанту Ванновскому.
 - 2) Помощником начальника штаба назначается генерального штаба полковник Дохтуров.
 - 3) Штаб-офицером для поручений при мне генерального штаба полковник Левицкий.
 - 4) Штаб-офицером над вожатыми и заведующим топографическою частью генерального штаба подполковник Зандер.
 - 5) Старшим адъютантом по строевой части причисленный к генеральному штабу л.-гв. Кирасирского его величества полка штаб-ротмистр Стеганов.
 - 6) Помощником старшего адъютанта строевой части кол. рег. Андреев.
 - 7) Старшим адъютантом инспекторской части 131-го пехотного Тираспольского полка штабс-капитан Карачев.
 - 8) И. д. старшего адъютанта по хозяйственной части 46-го пехотного Днепро-ского полка прапорщик Венедиктов.
 - 9) Комендантом — генерал-майор Зарубаев.
- Всем означенным чинам вступить в должность с сего числа.
Подписал: командир Руцукского отряда
генерал-адъютант Александр».

чевали в дер. Широко (по штабной карте «Строко»), где предполагалось остановиться наиболее продолжительное время.

И вот сидим мы в живописно расположенном на каменистом обрыве Широко и чего-то ждем; настроение у всех какое-то тревожное, унылое, разочарованное.

Из Широко мне удалось съездить на один день в Бухарест.

Мы подъехали к слободзейской батарее около 10 часов вечера; было лунное затмение и темнота смертная. Вдруг началась страшная канонада между Журжевом, Слободзеей и Руцуком; мой румын соскочил с козел и залез под фиакр, и мне стоило больших усилий уговорить его ехать дальше. То там, то здесь падали неприятельские снаряды и разрывались со страшным треском. Город был почти пуст. Хозяин «Петербургской гостиницы», которого я едва отыскал, на мою просьбу указать мне номер и дать чего-нибудь поужинать, махнув безнадежно рукою, отвечал:

— Занимайте какой хотите номер, а покушать поищите себе чего-нибудь в погребе.

На вершине ночевал инженерный офицер, с которым мы и пошли в погреб, где застали всех обитателей и прислугу отеля, спасавшихся от беспрестанно разрывавшихся снарядов, один из которых уже попал в угловой номер, а страшный треск разрывов свидетельствовал о разрушении соседних домов. Остаться в комнате было опаснее, и мы вышли на улицу, направляясь к берегу, откуда со страхом и любопытством стали следить за полетом громадных снарядов, посылаемых осадными орудиями и производивших бесчисленные разрушения. Все, что было живого в Журжеве, находилось в паническом, безотчетном страхе. Бомбардировка прекратилась уже на рассвете, и в Бухарест довелось выехать только вечером, так как утренний поезд идти не мог. Возвратившись в Широко, я уже не застал там нашего штаба, который спешно перебравшись сначала в Синанкиой, потом в Хеджикиой и, наконец, в Копровицу.

Оказалось, что турки отбили у нас позицию при Карасанкиое и, таким образом, очистили себе дорогу на нашу стоянку. Приказано было все спешно укладывать и скорее отступать на Белу, так как ожидалось нападение.

Нет ничего хуже этих ночных отступлений: лошади пугаются, повозки, задевая друг за друга, поминутно ломаются, в темноте ничего не разыщешь, и беспорядок страшный.

После сражения 24 августа под Аблавой мы 2 сентября тронулись вперед к Руцуку и остановились у самого шоссе в с. Дольнем Монастыре. 29 сентября мы перешли на зимние квартиры в д. Брестовец, еще не разрушенную, с маленькою деревянною церковью и очень живописным местоположением, избранную как удобную для зимней стоянки самим начальником отряда во время одной из его прогулок. Его высочество по-

местился в небольшом болгарском домике, состоявшем всего из одной комнаты, которую обили простынями, повесили коврами и устроили здесь и кабинет, и спальню наследника, поставивши походную кровать, небольшой стол и несколько складных стульев и табуреток. Для столовой выбрали просторную овчарню, которая после надлежащей очистки оказалась совсем удобным помещением, если б только не недостаток света, пробивавшегося в единственное небольшое окно, так что мы постоянно обедали с огнем. И вот, бывало, только раздастся призывный звук трубы, все свитские и штабные в самых разнообразных костюмах, кто в полушубке с погонями, кто в румынской кофте, с фонарями в руках спешат на сборный пункт в столовую; его высочество всегда был в теплой тужурке и в высоких сапогах.

Мы с Андреевым, помощником старшего адъютанта по строевой части, нашли себе небольшую хатку в две комнатки неподалеку от квартиры начальника штаба отряда. Тихо и однообразно шла здесь наша жизнь; почта приходила редко и неаккуратно; по вечерам к нам приходил старший адъютант Карачев, и мы занимались пением всевозможных знакомых нам романсов и русских песен, с грустью вспоминая далекую, милую родину. Как-то раз услышал наше завыванье Сергей Максимилианович герцог Лейхтенбергский, зашел в нашу хату и стал нам подтягивать; подошли еще другие офицеры, и у нас составился хор. С этих пор мы почти каждый вечер устраивали у себя при участии герцога концерты и так коротали длинные, скучные осенние вечера.

Но вот на 12 октября назначена рекогносцировка под руководством наследника с целью заставить турок показать численность своих войск, расположенных по линии р. Лома; причем приказано было его высочеству Сергию Максимилиановичу с подполковником генерального штаба Зандером, при которых я назначен был состоять, заставить неприятеля показать свои силы у Иован-Чифтлика, но не втягиваться в бой, если бы неприятель стал наступать. В распоряжении великого князя был Херсонский полк, 12 орудий и несколько казаков.

Вечером 11-го мы отправили вперед своих верховых лошадей с тремя казаками, приказав им ожидать нас на шоссе около с. Тростеник. Чтoб наутро быть пободрее, я рано лег спать, но долго не мог заснуть.

Воспоминания одно за другим проносились в голове, и образы родных и близких сплошною стеной охватывали воображение и мелькали у меня в глазах. Заснул только под утро, а в 5 часов затрещал будильник, и я, быстро одевшись, поспешил к подполковнику Зандеру и с ним вместе отправились к его высочеству Сергию Максимилиановичу, которого застали еще в халате перед затопленным камином. Пока мы пили кофе, пришел генерал Ванновский, еще раз разъяснил цель предстоящей рекогносцировки. Коляска, запряженная четверкой, уже ожидала у дверей; я поместился на козлах, и мы тронулись сначала по узкой,

изрытой ямами дороге от Брестовца, а потом выбрались на ровное гладкое шоссе по направлению к Рущуку. Ехали мы часа полтора, начали обгонять тянувшиеся по направлению к Рущуку войска, а часов в 8 нас встретили казаки, уже ожидавшие с верховыми лошадьми. Утро было ясное, свежее; роса обильно покрывала дорогу, а в воздухе чувствовалось что-то веселое, бодрящее. Мы немного позавтракали захваченной с собой великим князем провизией, сели на лошадей и в сопровождении двух казаков и конвойца его высочества отправились далее. Сергей Максимилианович был очень весел, разговаривал без умолку, передавая нам свои впечатления об Аблавском сражении 24 августа, в котором он участвовал и получил золотое оружие с надписью «за храбрость».

— Если сегодня будет хорошее дело, я бы желал получить Георгиевский крест! — говорил он, не подозревая, какой крест и как скоро ожидает его.

Но вот послышались выстрелы вдаль, и дотоле ярко-розовый горизонт стал затягиваться пороховым дымом. Немного погодя мы подъехали к небольшому холму, на котором застали начальника штаба 12-го армейского корпуса генерал-майора Косича и корреспондента «Нового Времени» Немировича-Данченко, помещавшего свои корреспонденции под псевдонимом «Шесть». Узнавши от них, куда прошел Херсонский полк, мы поспешили догнать его и, продвинувшись с версту вперед, очутились на линии огня нашей артиллерии, где воздух ежеминутно оглашался ружейными и орудийными выстрелами. Подполковник Зандер предложил его высочеству не ездить далее, а остановиться на этом месте, как удобном для наблюдения за неприятелем, который уже начал показываться из-за прилегающих возвышенностей.

— А посмотрите вот там впереди, какой соблазнительный холмик! — сказал Сергей Максимилианович, и мы все въехали на него.

Он, закурив папиросу, крикнул своему конвойцу подать бинокль, но не успел поднять его до глаз, как бинокль выпал у него из рук. Мы слышали только какой-то свист, мгновенно прекратившийся затем какой-то тупой звук, точно что-то впилося во что-то мягкое.

— Ах! — крикнул герцог и всем телом стал медленно склоняться влево, на шею лошади.

Моментально Зандер и я спешили и успели подхватить на руки падающего с лошади Сергея Максимилиановича.

— Скачите к начальнику отряда и доложите, что великий князь ранен! — крикнул мне дрогнувшим голосом Зандер, а сам склонился к лицу положенного уже на землю его высочества.

Пока я с помощью казака успел поймать мою лошадь, печальная действительность сделалась очевидною: на лбу великого князя выше правого глаза краснелось маленькое отверстие, откуда лилась кровь, смешанная с мозгом, которою облило и Зандера и меня. Стало

ясно, что герцог Лейхтенбергский, веселый, жизнерадостный, за пять минут до этого шутивший с нами, надеявшийся получить сегодня Георгиевский крест, был мертв, и смерть, очевидно, последовала мгновенно.

Я поскакал с докладом, не зная, где в то время находился наследник, и долго скакал по полю из одной стороны в другую, а между тем чувствовал, что по лицу у меня бегут жгучие, безотрадные слезы о миллом, добром, незабвенном великом князе, который своим простым, любезным обхождением с нами успел в короткое время приобрести общие симпатии.

Блуждая по полю, я, наконец, у селения Кошево увидел значок начальника отряда. В это время меня обогнал казак, скакавший с этим же известием от начальника корпуса и, благодаря своей свежей лошади, опередил меня. Когда я подъехал к цесаревичу, его высочество со свитой, спешившись, с молитвою поминал вновь преставленного раба Божия Сергия. У всех на глазах были слезы, а близко знавшие покойного буквально рыдали.

Рассказал я, как мог, наследнику, ибо слезы положительно душили меня, о последних минутах жизни великого князя, а потом по приказанию П. С. Ванновского опять поехал к Херсонскому полку.

Подполковник Зандер положил с помощью казаков тело убитого князя на носилки и в коляске повез его в Брестовец.

Цепь Херсонского полка, засевшая в ложементы, из которых только что был выбит неприятель, осыпала турок редко перемежающимся ружейным огнем. Я старался пробраться ближе к р. Лому, за которой находился неприятель, имея в виду, что чем ближе находишься к туркам, тем меньше опасность от ружейной стрельбы, так как они имеют привычку стрелять почти не целясь и поднимая ружье чуть не кверху. Кругом раздирающие душу картины, целая масса убитых турок и наших, стоны и проклятия раненых, стоны страшные, заставляющие останавливаться и схватываться за голову. А помочь?... чем тут можно помочь?...

В Брестовец я возвратился уже вечером, а в 9 часов все собрались к домику, где жил Сергей Максимилианович и где мы сегодня еще утром так весело с ним беседовали. Одетый в парадную кавалергардскую форму, он лежал на лазаретных носилках, покрытый офицерским пальто. При стройном пении офицеров конвойного батальона, при гусклом мерцании факелов, среди беспроглядной тьмы осенней болгарской ночи тело почившего перенесли в уютную сельскую церковь и тут же отслужили панихиду. И вот здесь, когда раздавались заунывные мотивы хора, певшего «надгробное рыдание» и вечную память, разносившиеся далеко-далеко по селению через раскрытые двери церкви, невольно тоскливо сжималось сердце и слезы капали из глаз.

Ночью штабные врачи бальзамировали тело покойного и вынули засевшую в голове пулю. Рано утром, на другой день позвал меня к себе П. С. Ванновский и приказал немедленно ехать с донесением о случившемся к государю и главнокомандующему в Горный Студень. Перед отъездом наследник дал мне словесную инструкцию, два письма, государю и великому князю Николаю Николаевичу³, рапорт о команде и злосчастную пулю, которою был убит Сергей Максимилианович. Доехав до Белы верхом, я разыскал почтовых лошадей и, переменяв их в Павло, к ночи доскакал до линии охраны в Горный Студень, где находилась императорская квартира, комендантом которой состоял генерал Рылеев.

Было уже поздно, и меня не пропустили в селение; казаки охранной цепи грелись у разведенных костров, и я, лежа на холодной земле, прокоротал с ними всю ночь, а на заре меня провели к Рылееву, помещавшемуся в подвальном этаже того домика, где жил государь. Генерал любезно принял меня, напоил горячим чаем и часа через два, когда ему доложили, что император проснулся, повел меня на верх в очень простенькую приемную, из которой дверь выходила прямо в кабинет государя, куда вскоре прошел лейб-медик Боткин, комендант, лица свиты и военный министр, который, расспросивши меня, сказал, что меня ожидали еще вчера вечером.

— Я прибыл вечером, — отвечал я, — но меня не пропустили в охранной цепи...

Дверь кабинета притворилась, и вслед за этим вышел государь; кивнув мне головой, он сказал:

— А это ты! Ты был в этом деле?

— Так точно, ваше величество.

— Иди за мной!

Государь шел на обычную перед чаем прогулку и, выйдя во двор, поздоровался с караулом и свитой, ожидавшей здесь его выхода.

— Расскажи все как было! — обратился ко мне государь.

Я подал его величеству данную мне пулю, которую он подробно осмотрел и передал военному министру⁴ и другим свитским. Как умел, я рассказывал о кончине великого князя, а государь все время плакал; я окончил свой рассказ словами:

— Его высочество после Аблавского сражения неоднократно говорил, что по его мнению лучшая смерть — пуля в сражении.

— Правда, — сказал задумчиво государь, — лучшей смерти и не может желать русский солдат.

К вечеру я возвратился в Брестовец, явился наследнику и П. С. Ванновскому с докладом об исполненном поручении, причем его высочество поблагодарил меня, а пулю за обедом я передал великому князю Евгению Максимилиановичу, которому меня представил генерал Зарубаев.

18 октября тело почившего князя уложили в привезенный из Бухареста металлический гроб, поставили его на лафет⁵ конно-артиллерийского орудия и закрыли черным сукном. Наследник во главе всего штаба шел за гробом пешком до самого берега Дуная, где была переправа у с. Батино. Позади двигался л.-гв. Атаманский полк с хором музыки и несколько орудий.

Здесь мы простились с дорогими останками. Паровой катер перевез гроб на румынский берег; сопровождать гроб отправились великий князь Евгений Максимилианович и адъютант наследника князь Бяратинский. Генерал Зарубаев передал мне от Евгения Максимилиановича на память о его покойном брате бриллиантовый перстень и два его фотографических портрета...

Так окончилась рекогносцировка⁶, и в нашем отряде опять все замерло, заснуло, и потянулась монотонная, однообразная жизнь в Брестовце, где у нас был и свой Невский проспект, и свой Толмазов переулочек⁷. Начальник штаба послал меня экстренно в Бухарест, куда я доехал вполне благополучно и с комфортом, случайно познакомившись по дороге в Петрошеани с губернатором Добруджинского санджака⁸ Белоцерковцем. Весело провел я три дня в столице Румынии и возвратился только к 28 ноября, когда получено было донесение, что турки в громадном числе наступают на 12-й корпус; начальник штаба немедленно послал меня в Тростеник к начальнику 12-й пехотной дивизии барону Фирксу, очень встревоженному наступлением турок, вследствие чего адъютант наследника граф Олсуфьев, прибывший сюда вместе со мною, уехал сейчас же обратно просить для этой позиции новых войск, а я остался в Тростенике, где в 10 часов вечера была получена из нашего штаба радостная телеграмма о взятии Плевны и Османа-паши со всею его армией. Верховые скакали по войскам, объявляя везде эту счастливую весть о победе, и через несколько минут среди ночной тишины по всему лагерю прокатилось дружное и громкое «ура!».

3 декабря проездом в Петербург заехал в Брестовец государь; мы все встречали его на шоссе. Его величество, выйдя из коляски, обнял, поцеловал наследника и собственноручно пожаловал его высочеству Георгия 2-ой степени. По этому случаю по Руцукскому отряду был отдан следующий приказ:

«Государь император в 3-й день сего декабря всемилостивейше пожаловал мне орден Св. Георгия 2-ой степени. Его величество, награждая меня, вместе с тем желал выразить свое удовольствие молодецким войскам, мне вверенным, и я, гордясь полученною наградою, не менее горжусь иметь под своим начальством храбрые и доблестные войска, состоящие в отряде, — войска, которые самоотвержением и беззаветною храбростью вполне заслуженно носят название российского победоносного воинства.

Да поможет нам Бог благополучно довести до конца борьбу, начатую за братьев христиан!»

Государь завтракал и обедал в нашей столовой и пробыл в Брестовце целый день.

24 декабря в рождественский сочельник цесаревич устроил нам елку с лотереей. Еще за несколько дней до Рождества всем предложено было дать для лотереи каких-нибудь безделушек, у кого что было, и мы натащили всевозможных вещей состоявшему при его высочестве полковнику Васильковскому. Вечером в сочельник среди нашей столовой, иллюминированной фонарями, была поставлена откуда-то, чуть ли не из России, добытая елка, которую гоф-фурьер⁹ очень оригинально и красиво убрал всевозможными съедобными препаратами, рябчиками, котлетами, мелкой рыбой, разной птицей, и все это освещалось восковыми свечами; по бокам на столах были разложены подарки, из которых большую часть составляли вещи, пожертвованные самим цесаревичем, и стояла серебряная суповая чаша с положенными в нее лотерейными билетиками; при входе поставили несколько человек музыкантов. Все мы выстроились; его высочество, встав на правый фланг, скомандовал подходить по одному к чаше и брать билеты. Вечер прошел шумно и оживленно, оставив по себе самое приятное воспоминание. Я выиграл курьерскую сумку, портсигар и французскую книгу.

1 января наш отряд был переименован в «Восточный», и в состав его, кроме 12-го и 13-го корпусов, вошли еще часть 11-го корпуса, болгарское ополчение и еще несколько дивизий, так что в общем отряд состоял из 100 батальонов пехоты, около 400 орудий и 60 эскадронов кавалерии.

В двадцатых числах января предположено было наступление по всей линии расположения неприятеля и бомбардирование Руцук впрямь до его сдачи, но утром 22-го наследник получил телеграмму, что 19-го числа подписаны между нами и турками предварительные условия мира, и объявлено перемирие. 1 февраля августейший главнокомандующий Руцукского отряда, сдав командование войсками генерал-адъютанту Тотлебену, между прочим писал в приказе:

«Расставаясь с войсками, которыми я имел честь командовать в течение шести с лишком месяцев, выражаю сердечную мою благодарность всем чинам отряда от генерала до солдата, свято и честно исполнившим свой долг в самое тяжелое время боевой службы.

Были поставлены на страже успехов всей русской армии. На огромном пространстве вы сдерживали значительно превосходную числом и благоустроенную неприятельскую армию, опиравшуюся на грозные крепости. Все усилия отчаянного нападавшего врага сломались о вашу доблестную стойкость и непоколебимое мужество. Задача отряда,

по милостивому выражению государя императора, выполнена “блистательнейшим образом”.

Но, кроме неприятельской армии, вы вынуждены были неустанно бороться с невзгодами, знойным жаром, холодом, ненастьем, бездождием, — борьба невидная и не имеющая блеска боевых подвигов, но выйти из нее с честью могут только войска сильные духом, и вы сильны, вы это доказали. Никогда не забуду, что высокочтимую воинскую наградою я обязан славной боевой службе войск Рущукского отряда, с которыми я делил труды и успехи и о которых на всю жизнь сохраню самое отрадное воспоминание».

В 9 часов утра все офицерство выстроилось на дворе у хатки, в которой жил наследник. Его высочество вышел совсем готовый к отъезду, поблагодарил нас за службу, каждому подал на прощанье руку, пожелал всего хорошего, обещал выслать всем свои фотографические портреты и, сев в коляску с генералом Тотлебенем, уехал к Дунаю. Мы все верхом провожали его до переправы у Батина, где после завтрака цесаревич еще раз простился с нами.

Генерал Тотлебен произнес нам длинную речь и выразил пожелание, чтоб мы служили так же исправно в будущем, как служили прежде, ибо, сказал генерал, его высочество, отъезжая, отозвался о вас весьма лестно.

Тотлебен скоро был вызван в Петербург, а отряд приказано было принять генерал-адъютанту Дундукову-Корсакову.

<...>

Из Рущука мы перекочевали в Силистрию, где и простояли до конца августа.

Вскоре П. С. Ванновский разослал нам при официальных письмах полученные им от его императорского высочества медали за войну. Наследник на каждом конверте собственноручно надписал, кому медаль должна быть выдана. В письмах генерала приведены были подлинные слова рескрипта цесаревича: «передайте всему моему бывшему дорогому Рущукскому отряду мой усерднейший и душевный поклон. Скажите всем, что я их не забываю, да и никогда их не забуду во всю мою жизнь, и думаю часто о моих славных, храбрых и дорогих товарищах!»

<...>

<Без подписи>

Из Руцукского отряда

<Фрагмент>

<...>

12 октября чуть забрезжилось серое неприветливое утро, я был уже на ногах. Батарея готова была к выступлению, ожидали только приказа. Наконец, около семи часов отряд выступил. Пройдя деревню Трстеник, которая лежит в ложине, мы прошли еще одну балку и поднялись на гору. Казаки завязали перестрелку, а вскоре рассыпалась стрелковая рота шедшего в голове колонны 3-го батальона Херсонского пехотного полка; турецкую цепь потеснили. Нам предстояло перейти еще одну балку, чтобы выехать на позицию, откуда мы могли бы уже открыть огонь по первой линии турецких укреплений, построенных впереди Иован-Чифтлика. Батарея двигалась непосредственно за цепью. Шальные пули изредка уже посвистывали, производя очень неприятное впечатление: нет ничего хуже мысли, что можешь быть убитым или раненым, не сделав со своей стороны ни одного выстрела. Другое дело, когда батарея уже на месте и открыла огонь. Неприятельские пули и гранаты теряют свое значение: одна мысль руководит вами, одно только желание овладевает всем существом — это желание нанести возможно больший вред избранной цели.

Снявшись с передков, батарея открыла сильный огонь картечными гранатами по передовым турецким укреплениям. Поражаемые пулями и осколками, теснимые херсонцами турки оставили передовые ложементы¹ и отступили в большой люнет², лежавший несколько позади первой линии. Батарея переехала ближе и снова стала поражать засевших в люнете. С криком «ура» дружно бросились херсонцы на люнет, выбили неприятеля и, следуя за ним по пятам, заняли Иован-Чифтлик, передовой турецкий лагерь, и погнались за Лом.

Между тем на возвышенностях противоположного берега реки было заметно большое движение: из главного турецкого лагеря то и дело выходили большие колонны пехоты, которые рассыпались тотчас же, как только входили в сферу артиллерийского огня. Турецкие батареи, каждая по два орудия, которых я насчитал четыре, вместе с двумя, вновь выехавшими и ставшими в центре турецкого расположения, шестью орудийными батареями с полным усердием осыпали нашу батарею гранатами. Временами некоторые из них замолкали, вероятно, по недостатку снарядов, а после некоторого более или менее продолжительного промежутка времени возобновляли огонь.

При движении турецких цепей особенно странным показалось мне следующее обстоятельство: на некотором расстоянии позади каждой из наступающих цепей двигалась редкая кавалерийская цепь. Проводив пехоту на известное расстояние, всадники быстро скрывались затем, чтобы опять появиться за новой пехотной цепью. Мое личное предположение, что назначением этих всадников было следить за тем, чтобы не было отставших. Очень может быть, что я ошибаюсь, но чем же другим объяснить это весьма любопытное обстоятельство?

Турецкая артиллерия стреляет очень метко, но не любит близких расстояний: мне случалось видеть турецкую батарею ближе трех верст. Вследствие этого траектория снаряда при падении очень крута, и почти все осколки летят вверх, причиняя весьма малый вред. В подтверждение сказанного я привожу факт, свидетелем которого был 12 октября. Именно, когда занята была деревня и шел внизу у реки рукопашный бой, наша батарея, не имея в виду выгодной цели, стреляла лишь изредка по кучкам, собиравшимся на противоположных высотах; прислуга одного из орудий³, дожидаясь очереди, полукругом уселась у хобота орудия⁴. В это время граната падает посреди сидевших и разрывается; я был вполне уверен, что из шести человек, составлявших полукруг, по крайней мере три или четыре ранено. Каково же было мое удивление, когда я, подойдя, увидел одного только лежащего, остальных же совершенно невредимыми. Кстати, не могу не вспомнить о том терпении, доходящем до героизма, которое выказал несчастный пострадавший в данном случае: бедняге оторвало осколком левое плечо, обнажив легкое, но ни стоны, ни крика не было слышно. Безмолвно дожидаясь носилок, раненый, которого звали Семен Байдужный, только крестился оставшейся правой рукой, а когда носилки были принесены, он поднялся без посторонней помощи и лег в них с тем, чтобы уж более не вставать. Часа через два он умер в забытии на перевязочном пункте.

Часа в два пополудни мимо батареи провели человек семь пленных турок. Около этого же времени к нам подъехал ординарец начальника

дивизии, присланный справиться о потерях батареи. Он же сообщил нам печальную весть о том, что его высочество герцог Сергей Максимилианович Лейхтенбергский убит.

Часов около четырех батарее нашей и Херсонскому полку велено было отступить под прикрытием Бендерского полка и 2-й батареи. В сумерки мы вернулись на бивуак.

Скучная бивуачная жизнь снова вошла в свою обычную колею. Мало радостных известий доходило к нам также и из прочих мест театра военных действий. Только в конце октября и начале ноября Кавказ порадовал нас двумя крупными успехами — полным поражением армии Мухтара-паши при Аладжи-даге и взятием Карса. Весть о взятии Карса дошла до нас 7 ноября, и по поводу этого радостного события велено было после благодарственного молебствия салютовать холостыми зарядами из всех орудий. Въехав немного вперед против своего бивуака, артиллерия тотчас же по окончании молебствия начала пальбу поорудийно; к тому же времени открыла огонь и 12-я бригада, расположенная частью у Мечки, частью же впереди Трстеника.

Очередь обошла все орудия, — салют окончен; но что же это у Мечки до сих пор стреляют? И стрельба что-то не похожа на мерную стрельбу салюта. Донесшаяся вскоре ружейная перестрелка рассеяла все сомнения: турки нападали на позиции у Пиргоса; видно было, что неприятель делает лишь рекогносцировку, ибо атака велась вяло и, очевидно, с небольшими силами. Однако деревню Пиргос турки заняли и зажгли, а часам к двум перестрелка завязалась и перед Трстеником, но продолжалась, правда, очень короткое время. Говорю, впрочем, только про ту перестрелку, которая видна была с нашего бивуака. Часам к четырем турки отступили снова за Лом.

<...>

Не помню уже, которого числа, но кажется 10 или 11 ноября, нашу и 4-ую батарею вместе с Тираспольским полком перевели в деревню Обетеник, лежащую верстах в восьми от Трстеника. Здесь мы разместились у болгар по домам и думали, что хоть недельку поблаженствуем в теплых комнатах. Но мечте нашей не суждено было осуществиться. 14 ноября утром мы услышали в стороне Трстеника сильную канонаду, а взойдя на курган перед деревней, я увидел, что бой уж завязался по всей линии Мечко-Трстеницкой позиции.

Около полудня пришло приказание Тираспольскому полку и батареям выступить тотчас же к Трстенику, что и было тотчас исполнено. Подойдя к Трстенику, мы остановились позади его на шоссе в резерве и ожидали дальнейших приказаний. День был холодный с мелким осенним дождем. Густые темные тучи, обволакивая небо, усиливали

наступающие сумерки, и на темном фоне небосклона ярко выделялась пробегавшая по горизонту длинная огненная змейка ружейных выстрелов. Это отступавшие турки переходили уже последний видимый для нас гребень. Первая попытка Сулеймана прорваться к Беле окончилась полным поражением турок.

Наступила темная ночь, такая темная, что в двух шагах не видно было человека — дождь лил ливнем. Велено было переночевать на тех местах, где мы стояли до ухода, в Обретеник. Непостижимым до сих пор остается мне, каким образом при той темноте мы нашли эти места, но, тем не менее, мы их нашли и кое-как устроились на прежнем пепелище в полуразрушенных землянках. С этих уже пор Трстеник стал постоянным нашим местопребыванием, откуда мы ушли только 20 января следующего года.

Дело 14 ноября, бесспорно, одно из весьма замечательных дел Руцукского отряда. Сулейман-паша, приобретший уже известность своей упрямой и даже безрассудной настойчивостью при атаке Шибкинских позиций, решил теперь во что бы то ни стало прорваться к Беле, где он предполагал большие запасы, а также занять мост у Батина. Атака велась ожесточенно, и было, говорят, время, когда успех клонился на сторону турок: один ряд наших ложементов перед Трстеником был уже в руках неприятеля. Но спасибо Украинскому и Бессарабскому полкам, которым выпала в этот день честь решить участь боя, — молодцами опрокинули они неприятеля и погнали его перед собою, вовлекая и другие части в наступление. Дорого обошлось туркам 14 ноября. От трех до четырех сотен тел оставлено турками на поле, в плен взято около восьмидесяти человек с тремя офицерами. По донесению самого Сулеймана потери турок в деле 14 ноября простираются до тысячи двухсот человек.

Весь следующий день прошел в уборке тел, а затем все снова пошло обычным чередом. Палаток уже не было, все обзавелись землянками, которые были самой разнообразной архитектуры: каждый старался построить себе жилище по возможности удобнее, хотя все это, конечно, сводилось к постройке сырого, мрачного погреба. Бумага, пропитанная маслом, заменяла стекло, а внутри землянку обивали полотнищами палаток, отчего становилось гораздо светлее, и земля, осыпавшаяся сквозь тростник, не грозила ежеминутно засыпать глаза. Полевые мыши приютились вместе с нами и доводили иной раз свою смелость до нахальства, забираясь ночью даже под одеяло к спящим. Громадные стаи собак бродили по полю около бивуака, и пешему человеку, в особенности ночью, одному было крайне рискованно отдаляться от бивуака. Впрочем, при первом же выстреле вся стая поворачивала назад, а иногда и разбегалась.

28 ноября турки значительными силами начали переправляться через Лом у селений Иован-Чифтлик и Красной, завязали перестрелку с нашими передовыми частями у Пиргоса и, не спеша подвигаться вперед, остались ночевать на нашем берегу. По-видимому, следовало ожидать назавтра дело, и мы действительно приготовились встретить неприятеля. На другой день с рассветом я услышал, что кто-то вошел ко мне в землянку. Убеждение мое в том, что сегодня будет сражение, было так велико, что я, предполагая в вошедшем денщика, обратился с вопросом, запрягают ли батарею. Но оказалось, что это писарь бригадного управления поспешил обрадовать телеграммой Государя Императора о взятии Плевны. Не успел я одеться и выйти из землянки, как уже радостная весть облетела весь лагерь. К тому же пришло донесение из аванпостов, что турки ночью переправились обратно за Лом.

Как несколько минут тому назад мы были убеждены в том, что будем атакованы неприятелем, так теперь, напротив, мы поспешили прийти к заключению, что уж отныне не туркам нас атаковать, а нашим делом будет перейти в наступление и выбить неприятеля из Кадыкойских укреплений. Как мы ошибались в первом случае, так ошиблись и во втором.

Утром 30 ноября мне по очереди приходилось идти со взводом в дежурную часть к Хан-Гюль-Чизин. Уже взвод был готов, и я дождался только батальона, с которым мне следовало выступить. Но не успели еще мы тронуться, как уже условные выстрелы с Парпанских батарей и у Хан-Гюль-Чизмы возвестили нам о наступлении неприятеля; дежурная часть отходила. Укрываясь пересеченной местностью, турки быстро подвигались к Мечке.

Войска наши на позиции у Мечки и Трстеника были расположены следующим образом. На правом фланге, впереди сел. Трстеник, 2-я бригада 12-й пехотной дивизии со 2-й, 3-й, 5-й и 6-й батареями 12-й артиллерийской бригады под общим начальством генерал-майора Фофанова. На левом фланге, у сел. Мечка, 1-я бригада 12-й дивизии с 1-ю и 4-ю батареями 12-й артиллерийской бригады под общим начальством генерал-майора Цитлядзева. Укрепления центра позиции не были вначале заняты. Позади их у трстеницкого виноградника стояла в резервном порядке 2-я бригада 33-й пехотной дивизии с 1-й, 3-й, 4-й и четырьмя орудиями 6-й батареи 33-й артиллерийской бригады под начальством генерал-майора Дохтурова. С прибытием же из Дамогилы Бессарабского пехотного полка и 2-й батареи, войска центра соединились под общим начальством начальника 33-й пехотной дивизии свиты его величества генерал-майора Тимофеева.

Для охранения правого фланга у селения Табачка было два батальона Херсонского пехотного полка и 5-я батарея 33-й артиллерийской бригады.

Как я уже сказал, неприятель был в большом числе и быстро подвигался по направлению к Мечке. Две роты Тираспольского пехотного полка и дивизион 6-й батареи получили приказание занять ложементы и батарею для обстреливания подступа к лощине, ведущей на Мечку. Рысью выехал дивизион и, разместив орудия в укреплении, открыл огонь шрапнелью. Вслед за тем приказано было нашей батарее занять ложементы, из которых можно было обстреливать фронтальным огнем скаты к Мечкинской лощине. Посадив прислугу на орудия, полной рысью, насколько это возможно было по пашне, батарея подъехала к ложементам и снялась с передков. Стрелять пока еще было незачем: реденькие пехотные цепи, быстро пробегавшие по скату на расстоянии, не допускавшем стрельбы шрапнелью, представляли собою незавидную для артиллериста цель. Обстоятельства переменились, лишь только 1-я батарея открыла огонь картечными гранатами вдоль по лощине. Ежеминутно разрывающиеся над лощиной гранаты, осыпая сидевших в ней градом пуль, останавливали в нерешимости бегущих по скату, которые вместе с новыми, все прибывающими цепями образовывали беспорядочные густые кучи. По этим кучам батарея открыла огонь обыкновенными гранатами. Часть же турецкой пехоты попыталась было взобраться на гребень и уже начала поражать нас пулями во фланг, но несколько удачно пущенных шрапнелей заставили ее снова скрыться в лощину. Роковой была эта лощина для турок, многие легли в ней, и недаром она названа «долиной смерти».

Между тем Тираспольский полк залег в ложементах, идущих почти по гребню Мечкинской лощины, и терпеливо выжидал приказания. Ни одного выстрела не было сделано тираспольцами до перехода в наступление.

Не то было у Мечки: там шел горячий бой; все атаки неприятеля разбивались о стойкость Азовского и Днепровского полков. Артиллерия левого фланга расстреляла уже почти все свои снаряды, и для поддержания артиллерийского огня была послана к Мечке 4-я батарея 33-й артиллерийской бригады. При въезде ее на позицию неприятельская граната ударила в один из зарядных ящиков и взорвала его на ходу. Все три лошади были убиты, та же участь постигла и ездового, у которого вся спина была исковеркана осколками. Однако, говорят, он успел еще простонать «ой, ратуйте!»*.

По счастливой случайности ящичный вожатый остался совершенно невредимым. Рассказывают, будто он как раз во время взрыва нагнулся, чтобы поднять какую-то из принадлежностей, свалившуюся с ящика, и это обстоятельство спасло его от неминуемой смерти.

* По-малороссийски: спасите, помогите.

Несмотря на то, что неприятель атаковал ожесточенно и, очевидно, громадными силами, между нами царило полное спокойствие и уверенность в успехе. Мы как будто выжидали только время, когда турки побегут, и скоро они оправдали наши ожидания.

После полудня, не помню уже в котором часу, батарею нашу посетил корпусный командир, его императорское высочество великий князь Владимир Александрович. Проходя мимо орудий моего дивизиона, его высочество заметил появившуюся на скате, почти в четырех верстах от батареи, группу всадников на белых конях и приказал мне пустить в них несколько гранат. Быстро наведено было первое орудие, раздался выстрел, и через несколько секунд облако пыли показало нам, что граната угодила в самую середину цели. Третье и четвертое орудия пустили туда же по удачной гранате, и как бы по сигналу по тем же всадникам открыла огонь одна из батарей, расположенных впереди Трстеника. Повернув назад, всадники вскачь пустились удирать за гребень. Его высочество приказал прекратить по ним стрельбу.

В это время 2-я бригада 33-й пехотной дивизии двигалась уже от Трстеника по Руцукскому шоссе, обходя левый фланг неприятеля. К этой же бригаде присоединился Украинский полк с 3-й и 6-й батареями 12-й артиллерийской бригады. С музыкой и песнями шли эти войска в атаку. Заметив опасность на своем левом фланге, турки ослабили атаки на Мечку. Когда же Бендерский и Тираспольский полки перешли тоже в наступление, турки, выбитые из лоцины, покрыли весь скат и открыли убийственный ружейный огонь. Как рой пчел жужжали над нашими головами пули. За батареей было гораздо опаснее стоять, чем на самой батарее. В это время, говорят, были тяжело ранены находившиеся при его высочестве командир корпуса, унтер-шталмейстер⁵ и переводчик.

Вся артиллерия сосредоточила теперь огонь свой на беспорядочно отступавшем неприятеле; для усиления огня в центре выехала и стала несколько впереди и правее нас 2-я батарея 33-й артиллерийской бригады. Когда же неприятель перешел первый гребень, батареи взялись на передки и тоже перешли в наступление. Лоцины, которые нам приходилось переходить, были усеяны телами убитых и раненых. В числе последних многие были положительно пьяны: у человека переломана нога, а на лице, между тем, играет какая-то бессмысленная, блаженная улыбка. Пропать оружия, патронов, различного рода обломков валялось по полю. Преследование прекратилось только с наступлением совершенной темноты. С песнями возвращались мы ночью на бивуак.

Потери турок, надо полагать, были громадные: более 800 трупов и более 300 раненых осталось на поле сражения. В числе пленных

находился, между прочим, один бим-баши (майор, начальник табора), который попался в плен исключительно благодаря его тучности. Под ним была убита при отступлении лошадь, а на своих собственных ногах он мог с трудом сделать только несколько шагов.

<...>

В ночь с 5 на 6 декабря выпал сильный снег и поднялась метель, которая замела все дороги и лощины. Этим уничтожилась всякая возможность нападения, ибо снег был так велик, что даже одиночным всадникам еле-еле можно было пробираться. Для нас кампания 1877 года была окончена.

<Переписка цесаревича Александра Александровича с великим князем Николаем Николаевичем. 1877–1878 годы>

*Цесаревич Александр —
великому князю Николаю Николаевичу*

Петербург. 15 мая 1877 г.

Милый дядя Низи, пишу тебе, чтобы объяснить: почему не удалось устроить Гвардейский отряд.

Военный министр¹ не хотел делать мобилизацию Гвардейского корпуса, говоря, что это будет стоить очень дорого и что по частям делать созыв отпускных весьма неудобно; хотя он, наверное, забывает, что все призывы до сих пор делались по частям; но для гвардии он находит, вероятно, лишним это. Без мобилизации невозможно было бы укомплектовать батальоны, которые пошли бы в действующую армию, потому что дома не осталось бы ничего. Папá особенно не настаивал; я, конечно, не считал себя вправе настаивать; и так это дело кануло в воду, как я тебе уже и телеграфировал.

Я еще тогда ничего не знал о намерении папá ехать самому на Дунай; для меня это был совершеннейший сюрприз². Папá меня берет с собой; вот все, что я знаю про себя; о том, желает ли он, чтобы я остался на все время при тебе, или я останусь в армии только то время, пока папá будет при ней, до сих пор я не знаю. Папá мне ничего не говорил об этом, и я остаюсь в совершенном неведении о моей судьбе. Сам я не желаю спрашивать у папá об этом, чтобы не навязываться. Желает ли папá, чтобы я чем-нибудь командовал или чтобы я просто был при нем в свите, я решительно не знаю; поэтому я своего собственного обоза не беру пока еще, чтобы напрасно не возить его, а послал только верховых лошадей, коляску и палатки.

Весьма неприятно и тяжело это нерешенное мое положение.

Рота конвоя Государя великолепная, тоже и полуэскадрон. Радость в полках была большая, а в особенности счастливы офицеры, которые попали в состав этого отряда; но зато все остальные ходят повеся нос и с ужасом смотрят на предстоящий лагерь в Красном Селе³.

Как мы все были вчера обрадованы известием из Браилова о взорвании второго броненосца на воздух⁴.

Молодцы наши моряки, и в особенности я рад за Дубасова⁵, потому что он старший офицер на моей яхте «Славянка».

Еду сейчас на церковный парад Измайловского полка, с праздником которого тебя поздравляю. Последние дни погода стояла опять холодная, и по вечерам постоянно морозило; сегодня теплее и солнце.

Сводный казачий полк представился перед отправлением в блестящем виде, по 18 рядов во взводе.

До свидания, милый дядя Низи, обнимаю тебя крепко, от души. Минни тебя целует. Твой племянник Саша.

*Цесаревич Александр —
великому князю Николаю Николаевичу*

3 июня 1877 г.

Спешу тебе передать, милый дядя Низи, что я с Адлербергом⁶ успели убедить папá не ехать на самую переправу Дуная в первый день. Папá почти уже согласен и хочет завтра переговорить с тобой об этом, и, кажется, согласен ехать прямо на Фратешти⁷.

Начало сделано, пожалуйста, завтра энергичнее поддержи нас. От души твой Саша.

*Цесаревич Александр —
великому князю Николаю Николаевичу*

Бивак у села Павло⁸. 5 июля 1877 г.

Любезный дядя Низи, пишу тебе с твоим адъютантом Поповым.

Завтра на рассвете мы отправляемся в Белу⁹, где я предполагаю ночевать, а 7 числа выступить с отрядом дальше и расположиться с моим штабом и главным резервом в местечке Обретенике¹⁰ или, приблизительно, около этого места, где будет лучше стоянка и больше воды. Все распоряжения сделаны для занятий позиций по реке Ломе¹¹, и подробное донесение об этом будет тебе прислано.

К сожалению, не могу взять всю 1-ю дивизию с собой, а должен был оставить здесь всю 2-ю бригаду с ее артиллерией, потому что главная квартира Государя остается еще здесь до прихода 4-го корпуса¹².

Какая нелепая тревога была у нас вчера ночью, просто ужас; Попов может тебе на словах передать подробности¹³. Все из-за того, что папá слишком рано переехал через Дунай и не выждал в Зимнице, пока все не будет обеспечено.

Вообще все в отчаянии, что Государь не уехал обратно в Россию. Все его уговаривали: Адлерберг, Милютин, Игнатъев¹⁴, и ничего не помогло. Просто досадно, что ничего не поделаешь с этим!

Все в главной квартире чувствуют свое неловкое положение, и везде она помехой всему. Так досадно, что просто высказать не могу, и, по-моему, как-то неприлично и неловко папá оставаться в подобном положении.

Крепко обнимаю тебя, милый дядя Низи, да поможет нам Господь, как до сих пор помогал везде. Твой Саша.

**Великий князь Николай Николаевич —
цесаревичу Александру**

Г. Тырново¹⁵. 6 июля 1877 г. 11 ч. вечера.

Любезный Саша, благодарю тебя очень за письмо; да благословит и да поможет тебе Господь благополучно исполнить возложенное мною на тебя поручение. Все твои распоряжения для занятия позиций на Ломе, я нахожу совершенно правильными, равно и все то, что мне словесно передал Попов от имени Деппа¹⁶. Опыт в Никополе¹⁷ показал как Турки хорошо дерутся в укрепленной позиции; поэтому одобряю совершенно, чтобы начать с того, чтобы Руцук хорошенько забросать снарядами и, если возможно, заставить покинуть крепость или, по крайней мере, ослабить и расстроить до того, чтобы нападение на крепость было бы до крайности облегчено. Насчет пребывания папá в армии нечего делать.

Его чувства и желания остаться совершенно я понимаю; но он нас, признаюсь, во многом связывает; о чем я ему в письме откровенно высказал, чем он остался мною очень недоволен. Не его личность нам помехою, но его сан и наша ответственность перед всей Россией. Ну, что же делать, он желает остаться, и баста! Будем стараться все честно работать для него. Я очень беспокоюсь, что не имею известий о Гурке¹⁸, что с ним. Взятие Никополя дело великое и большое мне облегчение. Прости, что плохо пишу; но устал, хочу спать.

Работы много. Крепко тебя обнимаю. Да поможет нам Господь. Твой дядя Николай.

Р. S. Поклон Ванновскому¹⁹.

*Цесаревич Александр —
великому князю Николаю Николаевичу.*

Бивак у Ходжекикиной (Индже-киой)²⁰. 18 августа 1877 г., четверг, 12 ч. ночи.

Милый дядя Низи, пишу тебе, чтобы объяснить наше теперешнее положение, после сегодняшнего отступления наших передовых частей от Карахасанкиной и с Хайдаркией²¹. Мы займем всем 13 корпусом Кавачицкую позицию, которая весьма сильна и удобна²². Хотя должен признаться, что весьма жаль было бросать наши передовые позиции, которыми мы держали всю линию Кара-Лома и которые были весьма сильны; что тому причина была? еще наверное не могу тебе сказать, потому что, кроме телеграмм, я ничего от Гана²³, Ильяшевича²⁴ и Дризена не получал. Моего Мартынова²⁵ я послал сегодня туда узнать: в чем дело?

Ночью отправляю туда полковника Дохтурова²⁶. Генерал Леонов²⁷ все время охранял Карахасанкиойскую позицию, уже почти месяц, и отлично распоряжался; но, видно, сегодня его не поддерживали вовремя; несмотря на то, что обращали внимание генерала Гана на этот пункт неоднократно. Вообще, я очень недоволен начальником штаба 13 корпуса полковником Ильяшевичем; постоянно спорит, не исполняет, что приказано, и, благодаря ему, мы потеряли 11 числа Аясларскую позицию²⁸, которую он не хотел укрепить, несмотря на приказания, а сегодня потеряли обе позиции в Карахасанкиой и Попкиой; и все из-за его упрямства²⁹. Вчера сам генерал Ванновский ездил нарочно туда, чтобы все устроить и обо всем переговорить; и все-таки не было исполнено то, что приказано.

Я решительно прошу, чтобы полковника Ильяшевича сменили; с подобными подчиненными дело не может идти. Кем его заместить, напишу, подумавши хорошенько с Ванновским об этом. Впрочем, я нахожу наше положение до сих пор вовсе не дурным; позиция Кавачицкая весьма сильна, и вряд ли турки решатся атаковать ее, а во всяком случае держаться на ней можно долго. Досадно одно, что из-за нераспорядительности или, лучше сказать, из-за нежелания исполнять то, что приказано, теперь мы отступим; что делает всегда неприятное впечатление. Но еще раз повторяю, что положение наше ухудшилось в настоящее время, хотя мы никаких сведений о численности неприятеля не имеем.

Все, что от меня зависит, можешь быть уверен, милый дядя, что я исполню до конца мою задачу, как только сумею. Любящий тебя племянник Саша.

**Цесаревич Александр —
великому князю Николаю Николаевичу.**

Бивак у Дольного Монастыря³⁰. 20 сентября 1877 г.

Любезный дядя Низи, прости, что пишу тебе и беспокою моими письмами; но мне необходимо окончательно выяснить мое положение.

Папа, прощаясь тот раз со мной в Горном Студне³¹, спросил меня: что намерен я теперь делать? Меня очень удивил этот вопрос, и я спросил в свою очередь у папá окончательных приказаний, и сказал, что я полагал, сдавши мой отряд, принять мой Гвардейский корпус³².

Папа спросил у меня: где же я думаю расположиться с моим штабом? Я отвечал, что предполагаю выбрать деревню около Горного Студня и ждать там; а когда прикажут, двинуться со штабом, куда будет мне назначено.

На это папá снова спросил у меня: а ты не думаешь отправиться с 1 и 3 дивизиями под Плевно³³; ты не желал бы быть под Плевной? Меня опять этот вопрос совершенно поставил в тупик, и я не знал, как понять его, а поэтому сказал, что, где мне будет приказано быть, я там и буду; но желать того или другого я не имею права, так как я служу. Тогда папá решил так, чтобы я возвращался бы в мой отряд и ждал приезда князя Дондукова-Корсакова³⁴ и, сдавши ему начальство, вернулся бы в Горный Студень принять мой корпус. На этом и кончилось, и я отправился сюда.

Теперь я обращаюсь к тебе, милый дядя Низи, с большой просьбой, и ты один можешь мне помочь в этом и устроить, как пожелаешь.

Дело вот в чем; я решительно не знаю, что с собой делать?

Отправляться в мой штаб Гвардейского корпуса и ничего не делать в продолжении нескольких недель, пока все не кончится под Плевной, было бы мне крайне тяжело. Идти с 2 дивизиями под Плевно! Но что же буду я там делать? только часть корпуса идет туда; значит, командовать мне не приходится, а ездить так, просто без дела, мне было бы весьма тягостно. Если же папá все-таки захочет, чтобы я принял начальство над 2 дивизиями моими под Плевной, то прости мне, милый дядя, и посуди сам, прилично ли мне быть под начальством румынского принца³⁵, который назначен там начальником всего отряда, или армии? Не думай, ради Бога, милый дядя, что б я был так горд, что это меня оскорбляет; нет этого у меня, и в мысли нет; но как посмотрят на это в России; что будут говорить, да, наконец, захочет ли сам папá этого! Может быть, он об этом не подумал или забыл это обстоятельство. Мне самому крайне тяжело и неприятно писать об этом; но я решился прямо обратиться к тебе, как главнокомандующему, и не поручать никому этого дела, а чтобы оно осталось между нами обоими и решилось бы, как прикажет Государь.

Прикажут мне принять все-таки начальство над 1-ой и 3-ей Гвардейскими дивизиями под Плевной — я беспрекословно приму, и буду свято исполнять свой долг, как подобает всякому военному, и рассуждать не буду, в этом ты можешь быть уверен!

То же самое, если мне прикажут оставаться с моим штабом корпуса и остальными частями войск гвардии на месте в Горном Студне или где-либо в другом месте. Но, признаюсь откровенно, что охотнее принял бы последнее приказание.

Что было бы для меня самым приятным и, скажу более, лучшей наградой, это если бы разрешили мне остаться на том месте и сохранили бы мне то начальство, которое я получил с самого начала моего назначения в действующую армию. Я так привязался к моему Руцукскому отряду и мне так дороги интересы его, что, где бы я не был, меня постоянно бы тянуло сюда. Мне было бы более чем грустно и тяжело расстаться с дорогими для моего сердца 12 и 13 корпусами. Я бы не посмел просить об этом никогда, зная очень хорошо, что военному ни напрашиваться, ни отказываться не следует, и допускать этого нельзя; но вот что дает мне повод просить об этом в настоящую минуту. Было решено в последний раз, как только что покончим с Плевной, направить весь Гвардейский корпус сюда к нам; тогда, конечно, совершенно естественно я должен принять мой Гвардейский корпус, и, конечно, я буду счастлив принять снова начальство над этим идеальным корпусом; но теперь, пока он не будет еще в полном сборе, мне нечего будет там делать.

Не думаешь ли ты, что это возможно: остаться мне пока при моем месте, а потом совершенно естественно я приму начальство над моим Гвардейским корпусом, и таким образом не будет этого резкого перехода, и мне лично будет гораздо легче сдать мое теперешнее начальство.

Ты не можешь себе представить, до чего я привязался к моему дорогому отряду, с которым впервые привелось мне служить серьезно в военное и походное время, и разделять с ними и радости, и горе, и нести серьезную ответственность! Пожалуйста, не подумай, что я люблю за это время дорогую гвардию; этого и быть не может никогда; слишком связаны с нею все мои интересы и дорогие воспоминания.

Но теперь, пока она не будет вся в сборе и пока я не могу получить начальство над всем корпусом, собранным вместе, я решительно не знаю, что я буду там делать.

Владимир³⁶ прибудет, как только вся 1-я дивизия будет в сборе. Прости мне, милый дядя Низи, за это откровенное письмо и то, что будет решено тобою и папá, будь уверен, я свято исполню и беспрекословно.

От души обнимаю тебя. Твой племянник Саша.

**Цесаревич Александр —
великому князю Николаю Николаевичу.**

Село Брестовец³⁷. 9 декабря 1877 г.

Милый дядя Низи, прости, что беспокою тебя снова.

Ты знаешь, что папá, уезжая, сказал мне и Владимиру, что он желает, чтобы мы приехали на несколько дней в Петербург, к Рождеству или к новому году. Папá прибавил, чтобы мы приезжали, если ничего особенного здесь не будет³⁸.

Теперь мне пора сдать мой Руцукский отряд Тотлебену³⁹ и принять снова мой Гвардейский корпус, и поэтому, до сдачи окончательно моего отряда, мне бы очень хотелось знать, какие положительные приказания получит гвардия: идти ли вперед, оставаться ли пока на месте? От этого зависит мой отъезд в Петербург, потому что если что-нибудь предполагается делать теперь, сейчас же, то я вместо того, чтобы ехать в Петербург, отправлюсь немедленно к Гвардейскому корпусу. Между нами сказать, мне весьма тяжело ехать теперь в Петербург и оставлять армию, хоть на две недели только, и в тысячу раз предпочитаю оставаться здесь до конца кампании. Теперь, если только климатические условия позволяют, то кампания пойдет гораздо скорее и быстрее, а во время моего отсутствия могут произойти большие перемены, а может быть, и события, и мне весьма тяжело было бы прозевать их. Все это заставляет меня убедительно попросить тебя, милый дядя, прислать мне точные и положительные указания: что предполагаешь ты предпринять с Гвардейским корпусом? Отсюда, через 4 или 5 дней, я могу легко нагнать мой корпус, а если узнаю о твоих намерениях в Петербурге, то раньше 2 недель не нагоню гвардию.

Теперь я жду окончательного приказа твоего по действующей армии, чтобы сдать мое начальство Тотлебену, потому что весьма мне неловко перед ним, так как он уже приехал⁴⁰ и два начальника всегда неудобны, а вместе с тем, без твоего приказа, я не могу сдать мой отряд. Позволь мне еще раз поздравить тебя от души с получением Св. Георгия 1-й степени и с падением Плевны⁴¹.

Радость везде была большая, и этот день никто из нас не забудет во всю жизнь.

Крепко обнимаю тебя, милый дядя Низи. До свидания. Твой племянник Саша.

**Великий князь Николай Николаевич —
цесаревичу Александру.**

Адрианополь⁴². 20 января 1878 г.

Любезный Саша, слава Богу, перемирие заключено и подписано, на основании предложенных Государем условий мира,

беспрекословно Портою принятых, и мною, и уполномоченными турецкими 19 января подписанных⁴³. Восторг всей армии здесь огромный. Гвардия вся здесь; можешь легко себе представить, с какою радостью мы друг друга встретили?! Чудо, что за молодцы; но оборваны совершенно; большинство людей, и даже есть офицеры, без сапог.

Милый Саша! нет у меня достаточно слов, чтобы тебе выразить всю мою глубокую и душевную благодарность за все время кампании, в которую тебе выпало на долю столь трудное дело охранения моего левого фланга. Ты, поистине, выполнил эту нелегкую задачу вполне молодецки. Восточный отряд стоял непреодолимой стеной, и все попытки неприятеля ее пробить были тщетны. Твои войска, с тобою и Владимиром во главе, были несокрушимы.

Примите оба от старого и душевно вас любящего дяди большое спасибо и позвольте сказать, что вы чудо-молодцы в полном смысле слова. Сожалею, что не удалось мне вас обоих видеть и лично вам это выразить и вас крепко, от всей любящей души, обнять. Поэтому примите оба это мое письмо взамен поцелуя вашего верного дяди. Николай.

Р. S. Времени нет писать: хлопот много; прошу тебя передать мои слова молодцу Владимиру. Дай мне знать, когда займешь Руцук⁴⁴ и Разград⁴⁵ и долго ли намерены остаться еще при ваших командах?

*Цесаревич Александр —
великому князю Николаю Николаевичу.*

Село Брестовец. Болгария. 31 января 1878 г.

Благодарю тебя, любезный дядя Низи, за твое милое письмо, полученное мною с Мартыновым.

Я счастлив и рад, что Руцукский отряд исполнил долг свой и до конца довел свою задачу. Впрочем, Государь в своем прощальном приказе по армии высказал это в таких лестных для нас выражениях, что для меня, Владимира и всего нашего отряда лучшей награды и быть не могло⁴⁶.

Как я ни рад возвратиться на родину, домой, к жене и детям⁴⁷, мне все-таки грустно покидать мой отряд и дорогие моему сердцу войска, с которыми жил почти 8 месяцев.

Дай Бог теперь прочный и долгий мир для России, и чтобы войска скорее возвратились домой.

Владимир и я благодарим тебя, милый дядя Низи, за твои чувства и дружбу к нам и обнимаем тебя крепко. Не забывай любящего тебя племянника. Саша.

**Цесаревич Александр —
принцу А. П. Ольденбургскому⁴⁸.**

Село Брестовец. Болгария. 30 января 1878 г.

Любезный и добрый Алек, ты, может быть, весьма удивишься, получив мое письмо; но на днях я оставляю армию и, по приказанию Государя, возвращаюсь в Россию⁴⁹.

До последней минуты я не терял надежды еще увидеть гвардию и присоединиться к ней, но обстоятельства так сложились, что не только мне не удалось быть с моим дорогим корпусом в деле, но даже не удалось мне посмотреть на молодых гвардейцев⁵⁰.

Как мне тяжело было не быть с моим корпусом в эту кампанию, и говорить нечего, и ты поймешь это, наверное; но поймут ли это прочие? вот что меня мучает и не дает покоя. Я боюсь, что вся гвардия будет смотреть на меня косо, на своего настоящего командира, который не был с ними ни в одном деле и не терпел с ними все нужды, физические трудности и усталости!

Но, поверь мне, что если вы все страдали физически в эту кампанию, то я, наверное, перестрадал в тридцать раз более морально. Да, много мне пришлось выстрадать и перетерпеть в эти семь месяцев; но об этом переговорим, когда увидимся, Бог даст, в России.

Главное, почему я решился написать тебе это письмо, это, чтобы ты передал от меня всему гвардейскому начальству, офицерам и людям, чтобы не судили они меня строго и что не от меня зависело быть или не быть с ними; они могут быть уверены, что я по-прежнему люблю мой корпус всею душою; что страшно страдал и страдаю, что не удалось мне быть с ними; что силою обстоятельств я был отчужден от гвардии. Надеюсь только на одно, что они все убедятся, если не теперь, так позже, что не я виноват в том, что я, их корпусной командир, не был с ними. Эта мысль, что они могут так думать, меня преследует постоянно, мучает и терзает меня и не дает мне покоя.

Обращаюсь к тебе с этою просьбою потому, что иным путем, официальным, я не нахожу возможным это сделать. Ты, верно, мне не откажешь в моей горячей и сердечной просьбе. Каким образом ты это передашь, я не знаю; предоставляю это совершенно тебе; но, пожалуйста, чтобы это было, по возможности, келейно, а не официально. Может быть, самое лучшее было бы, чтобы ты прочел это письмо дивизионным, бригадным и полковым, а они уже на словах передадут офицерам и людям. Впрочем, предоставляю это совершенно твоему усмотрению: как передать, а главное для меня, чтобы оно было передано гвардии и чтобы оно было известно. Только тогда, когда гвардия узнает мои чувства и будет иначе судить обо мне, я совершенно успокоюсь, а то теперь с тяжелым чувством уезжаю я отсюда.

Дай Бог, чтобы все поняли меня и не разлюбили бы меня окончательно; впрочем, это может показаться претензией с моей стороны; может быть, меня никогда и не любили особенно! Ну, все равно, пусть всякий поймет, кто еще меня любит и уважает, что я с своей стороны продолжаю по-старому любить и уважать *дорогую, родную* гвардию, с которой я начал мою службу и которой теперь я имею великую честь командовать.

Судьбе угодно было дать мне незавидную роль в эту кампанию с моим братом Владимиром; но Господь не оставил нас обоих, и мы вышли с честью из этого незавидного, но тяжелого и трудного положения.

Государь отдал справедливость нашему Руцукскому отряду, и в этом отношении я счастлив и спокоен, и чего же мне больше? Теперь только одного желаю: это, чтобы гвардия не смотрела на меня как на чужого, не принадлежащего больше к ней, забывшего ее. Это для меня было бы слишком тяжело и, *ей Богу, я не заслужил это!*

Итак, милый и добрый Алек, надеюсь совершенно на тебя, что ты передашь мои слова, чувства и желания дорогой гвардии, моему родному, чудному Гвардейскому корпусу.

От души целую тебя крепко, дай Бог до скорого свидания. Искренно любящий и уважающий тебя Александр.

Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Федоровны

Плоешти. 30 мая 1877.

Моя милая душка Минни¹, с каким нетерпением жду я твоего первого письма, так скучно без писем и ждать так долго...

Сегодня я тебе телеграфировал, что остаюсь в армии дольше, чем предполагал, это не совсем верно, потому что мы решительно все не знали и не знаем до сих пор, сколько времени мы останемся здесь, но дело вот в чем. Вчера д. Низи² спросил меня, желал бы ли я получить какое-нибудь командование в действующей армии, я, конечно, отвечал ему, что я был бы так счастлив и что если папá разрешит мне, то я принимаю его предложение с восторгом. После этого дядя Низи говорил об этом с папá, и он сейчас же согласился и сказал мне об этом, и я его благодарил за доверие и позволение.

Командование, которое д. Низи предполагал мне дать, я могу получить только по переходе наших войск через Дунай и когда мы вступим уже в Болгарию. Там придется разделить армию пополам и идти по двум направлениям, тогда д. Низи желает дать мне командование 3 корпусами; больших подробностей не знаю, потому что теперь еще довольно трудно делать предположения. — Я уверен, что как ни грустно расставаться на неопределенное время, ты радуешься за меня — этому случаю идти в настоящее дело и доказать на деле государю и России мою готовность послужить им не на словах, а на деле.

Моя душка Минни, не грусти и не печалься и не забывай, что я не один в таком положении, а десятки тысяч нас, русских, покинувших свои семейства за честное, прямое и святое дело, по воле государя нашего и по благословию божьему. Господь да благословит нас всех, а ты молись за меня, и Господь, верно, не оставит нас, и молитвы твои и мои, если они будут искренни и от чистого сердца,

помогут нам, я в этом уверен, перенести спокойно нашу разлуку, и Господь благословит наше свидание. Да поможет нам Бог.

Скажи от меня Ники и Георгию³, чтобы и они молились за меня; молитва детей всегда приносит счастье родителям, и Господь услышит и примет ее, как Христос никогда не отталкивал от себя детей, а напротив того, ласкал их и говорил с ними и запретил прогонять от себя. Да будет воля Божья! По всему, что слышно и что до сих пор мы видим, не думаю, чтобы война будет продолжительна. Дай Бог!..

От души обнимаю, моя милая душка Минни, моя собственная маленькая жена. Крепко целую детей. Христос с вами, мои душки. До свидания!

Твой верный друг Саша.

Плоешти. 8 июня 1877.

Моя милая душка Минни, мы все еще здесь и не знаем, когда отправимся дальше. Сегодня вечером мы едем в Браилов, чтобы видеть войска, и, может быть, будут наводить мост для занятия того берега Дуная. Это еще увидим, буду продолжать это письмо, если успею в Браилове. Англия все работает, чтобы заставить Австрию объявить вместе нам войну. Сегодня получили об этом телеграмму от Шувалова из Лондона; посмотрим, как ответит Австрия! В случае, что правда Англия объявит нам войну, что, впрочем, по-моему, не может быть, если Австрия откажет, то, я думаю, придется мне вернуться в Петербург, потому что тогда весь Гвардейский корпус⁴ должен быть готов и мобилизован для охраны Петербурга, Кронштадта и Финского залива. Я думаю, и папá и братья не останутся здесь, а всем придется вернуться к своим местам. Дело тогда примет совершенно другой оборот, и что из этого выйдет, одному Богу известно. Я фаталист, и поэтому что ни случается, я уверен, что оно так и быть должно и что оно нужно, потому что во всем, что делается на земле, есть воля Божья, а Господь, конечно, ведет судьбы народов к лучшему, а не к худшему, если они, конечно, не заслужили полного гнева его. Поэтому да будет воля господня над Россией, что ей следует исполнить и что делать, будет указано самим Господом всемогущим! Аминь!

Вчера пришла наконец Преображенская музыка, но за обедом играть еще не могла, потому что всю дорогу инструменты были уложены и не приведены еще в порядок, зато сегодня мы наслаждались ею — Лоенгрин, Рапсоди Листа, Каляостро вальс, Kong Christian IX honneur marche⁵ и проч. Так и переносит в милые места на родине, и столько воспоминаний и впечатлений разных времен и мест. Чудная вещь эта музыка и какое подчас наслаждение...

Благодарю тебя, милая душка Минни, за оба твои письма с Алексеем и Фл. Ад. Толстым, которые приехали сюда вместе в одном по-

езде. Оба письма мне сделали огромное удовольствие. Обнимаю тебя, крепко целую, моя милая душка Минни.

Твой верный друг Саша.

Зимница на Дунае. 21 июня 1877. Вторник.

Моя милая душка Минни, сегодня ты отправляешься с детьми в Гапсаль⁶, и я мысленно с вами и буду ждать с нетерпением вашего приезда туда, так жаль, что ты поехала в Гапсаль именно в тот год, когда я не мог сопровождать вас, а я так люблю это милое место и теперь бог знает когда увижу его. Вчера мы ездили через мост на позицию дивизии князя Мирского, который живет в отличном доме одного богатого турка, конечно, бежавшего при появлении наших войск и так поспешно, что оставил все на месте, и в особенности приятная находка была — склад табаку до 15 пудов, который раздали офицерам и даже солдатам. Вообще, табаку сильно недоставало солдатам в Румынии, а теперь, в Турции, надеюсь, будет легче его доставать.

Пока мы были у Мирского, туда явился унтер-офицер Гвардейского экипажа⁷, который был с матросами для работы на одном острове, с известием, что они нашли раненого товарища, который был ранен во время переправы в ночь с 14 на 15 число и 20-го только отыскивали его в 12 верстах от места переправы с 2 ранами на руках, без одежды в одной рубашке, не евши 5 дней и, к его счастью, он был на берегу, так что сам ходил или, лучше сказать, ползал к воде пить и даже купаться. Что за счастье отыскать этого несчастного и совершенно нечаянно! В ранах уже завелись черви, и несмотря на это, он был в полной памяти; его в тот же вечер привезли сюда и поместили на перевязочном пункте Георгиевской общины⁸, где мы его видели на другой день и он рассказал все подробности. К сожалению, раны весьма серьезные, и у него началось гнойное воспаление. Боткин часто ходил навещать его и говорил, что он серьезно болен. Но Бог даст и поправится. На днях пришел большой обоз сюда с остальной свитой, и теперь нас так много, что за обедом были более 100 человек, и лагерь наш увеличился, и теперь целые улицы палаток.

Бивак, к сожалению, весьма неприятный потому, что пыль страшная целый день и ночь от войск, проходящих мимо по большой дороге. Палатки сделались совершенно грязные, и пыль забивается внутрь так, что все вещи покрыты слоем пыли, и вдобавок жара и духота страшная, невыносимая.

22 июня. Среда.

С утра жара страшная, и уже в постели я был совершенно мокрый и проснулся от духоты. В 1 час отправились все к переправе и оттуда на катерах поехали в Систов; и гребли так тяжело против течения, что

ехали около часу времени. Гребли матросы Гвардейского экипажа, все почти 1-ой роты с катеров папа́, чудный и великолепный народ. В Систове ездили верхом по городу, были на турецкой батарее, которую избили страшно наши снаряды; потом я заехал к Бярагинским в мечеть, которую турки наполнили порохом, зарядами и снарядами; я взял некоторые вещи оттуда и посылаю лист Корана, разорванный болгарами по занятии нашими войсками города. Вообще все мечети были разорены жителями христианами, кораны и прочие книги изорваны и валяются по улицам. Другая бумага, которую посылаю, я не знаю, что это такое, но нашел ее в мечети и завернул в нее патроны, взятые оттуда.

Сегодня мы хоронили бедного офицера гвардейской артиллерии Тюрберта, утонувшего на плоту, который был пробит турецкими выстрелами. Тело его нашли матросы на том же острове, где нашли бедного раненого Гвардейского экипажа. Бедный Тюрберт совершенно молодой мальчик и был послан с гвардейской ротой сюда. Его нашли совершенно одетым с саблей, в мундире и фуражке на нем, все вещи в кармане. Похоронили его в бедной маленькой церкви у самого бивака.

Благодарю тебя от души за милое и умное письмо, которое меня очень порадовало, а в особенности фотографии твои и детей, прелесть как хороши, и, наконец, я имею фотографии всех детей с тобой, и душка Ксенья⁹ так мила; я очень рад и благодарю тебя от души за этот чудный сюрприз. Жду с нетерпением телеграмму из Гапсала от тебя. Обнимаю тебя, моя душка, от всего сердца и милых душек детей. Христос с вами, мои душки.

Твой верный друг Саша.

Бивак у Широко. Болгария. 30 июля 1877.

Гвардия, к сожалению, так долго не придет сюда, что раньше сентября мы не можем рассчитывать на нее, так что почти 2 месяца приходится ждать, и только тогда мы можем снова предпринять что-либо решительное, а до этого стоять и скучать на месте в постоянной тревоге, что турки нападут на наш слабый отряд и придется нам отступать, пока не поддержат нас прочие войска. Дай бог, чтобы война кончилась скорее и чтобы турки сами просили мира, но будет ли это, вот в чем весь вопрос. Часто, часто вспоминаем мы родину и тихое житье домашнее.

Начало войны было столь блестящее, а теперь от одного несчастного дела под Плевной все так изменилось, и положительно ничего мы не можем делать. Но я твердо уверен, что господь поможет нам и не допустит неправде и лжи восторжествовать над правым и честным делом, за которое взялся государь и с ним вся Россия. Это был бы слишком тяжелый удар православному христианству

и на долгое время, если не совсем, уничтожило [бы] весь славянский мир. Но я вспоминаю слова Евангелия от Иоанна: «Да не слушается сердце ваше, веруйте в бога и в мя веруйте». И тогда я делаюсь совершенно спокоен, и эти дивные слова как бы пробуждают заснувшую веру, и снова человек оправляется и ободряется и смотрит спокойно на будущее и готов на все...

Бивак у Широко. Болгария. 4 августа 1877. Четверг.

Моя милая душка Минни, только что послал с фельдъегерем мое 22 письмо и сейчас же начинаю новое. Положительно не знаешь, о чем писать, так как ничего не слышно нового, а мы сами стоим на месте и скучаем страшно.

Сегодня опять была слышна пальба у Басарбова, где турки сделали нападение на наши аванпосты и более сильно атаковали, чем обыкновенно, так что пришлось послать подкрепление из пехоты и артиллерии. Чем кончилось дело, еще не знаю, и ждем донесения. Жары теперь не так сильны, и ночи очень светлые, так что я наслаждаюсь в палатке.

Только что получил твое маленькое-премаленькое письмо № 27, за которое все-таки благодарю, хоть грустно получать такие крошечные записки вместо длинных писем. Получил я тоже отчаянное письмо от К. П. Победоносцева, который пишет о печальном настроении умов в Петербурге после неудач под Плевной и тоже говорит, как все желают возвращения папá обратно в Россию и как это необходимо в настоящую минуту. Я совершенно с этим согласен, и как бы мы все радовались бы, если, наконец, папá решил бы вернуться в Россию, но об этом, к крайнему нашему сожалению, и думать нельзя. Папá так недоволен, когда ему об этом говорят, что мы более и не смеем пикнуть об этом¹⁰. Просто досадно видеть жизнь в главной квартире¹¹ папá; переходит с места на место, как цыганский табор, пользы от нее никакой, никому она не нужна, путает и вмешивается во все, а Милютин уже начинает играть роль главнокомандующего или, по крайней мере, роль Мольтке в войну 1870–71 года¹². Для бедного дяди Низи, я думаю, это очень неприятно, и вместо того, чтобы распоряжаться спокойно ходом всего дела, его суетят, требуют туда, сюда и предлагают свои планы или даже насильно навязывают их. Положительно не следует Государю быть при армии, если он не главнокомандующий: он только служит помехой, и роль, которую играет при армии, странная, если не сказать больше.

Теперь шансы менее чем когда-либо, чтобы Государь уехал, так как приходит сюда вся гвардия. Ах, дай господи, чтобы до прихода гвардии все бы было кончено благополучно и мир был бы заключен на тех основаниях, как мы, т. е. Россия, того желаем.

Самая ужасная вещь — неизвестность во всех случаях, а в военное время это самое ужасное положение и для начальников, и для солдат. У меня в отряде, начиная с меня, никто не унывает и все бодры и ждут с нетерпением, что будет приказано делать, и я уверен, что все исполнят свой долг честно и с убеждением.

Бивак у села Ходжекикиой. 15 августа 1877 г. Понедельник.

Моя милая душка Минни, все эти дни я не мог писать, потому что мы постоянно были в разъездах. 10 августа я получил еще на биваке в Широко довольно тревожные сведения из Понкиой от 13 корпуса о наступлении турок на нашу позицию у Яслара. Это было рано утром. Следующая депеша была, что турки заняли нашу позицию, но наши молодцы в 10 часов вечера с 10 на 11 число сделали ночную атаку и снова сбили турок с позиции на всех позициях, и турки отступили и прекратили бой, но потом было донесение, что неприятель получил значительные подкрепления и собирается снова атаковать. Я решил сам ехать туда налегке и вечером 11 августа в $\frac{1}{2}$ 6 часа отправился с частью моего штаба, оставив весь обоз и бивак в Широко, верхом в Абланово, где ночевал у генерала Дризена в отряде, приехавши туда в 8 часов с чудным лунным освещением.

У меня одного была моя маленькая вьючная палатка, все остальные были без палаток, и некоторые только взяли постели, а то просто спали под деревьями или стогами сена. Кухню и буфет взял тоже вьючные на 14 человек, а обедало всегда больше. Переночевав в Абланово, на следующее утро в 6 часов мы тронулись дальше верхом и около 9 часов приехали в село Гагово, где стоит отряд генерала Баранова, начальника 33 пехотной дивизии, там мы закусили и ждали известий из Понкиой. Но так как никаких известий не было, то мы отправились дальше и приехали в Понкиой около 12 часов.

Ночь прошла спокойно, турки не возобновляли атаку, и я нашел все войско в лагере в самой Понкиой, кроме частей, оставшихся на вчерашних позициях. Я объехал все войска и именем государя благодарил те части, которые участвовали во вчерашнем деле, т. е. Невский, Софийский и Волховский полки, и встреча была самая радушная, и я никогда не забуду этот день. Это совершенно особенное впечатление производит на вас видеть войска, только что участвовавшие в деле. К сожалению, раненых уже не застал, их всех увезли в госпиталь за 14 верст отсюда. Всех раненых было 250, а убитых от 60 до 70 человек, в том числе один офицер убит и один майор умер от солнечного удара. Жара в этот день была страшная, просто представить себе нельзя, что это за ужас, и войска оставались $1\frac{1}{2}$ суток без еды и воды. Солнечных ударов было несколько случаев между солдатами, одни умирали на месте, других принесли на перевязочный пункт, и они остались живы. Один офицер

до сих пор лежит в параличе от солнечного удара. Позиция была на крутой горе, покрытой густым кустарником, и можно себе представить, каково было лезть на эту гору во время боя и в такой жар. На солнце было до 42° и без малейшего ветра.

Я оставался в деревне Понкиной до ½6 вечера, потому что надо было сделать разные распоряжения и переговорить с начальством, а потом отправились обратно в Гагово, где и ночевали на биваке. Со мной, кроме моих казаков, все время ехал дивизион лубенских гусар, которые теперь у меня в конвое вместо Атаманских казаков. Атаманцев, как я тебе писал, я послал в передовую линию, и они уже участвовали в делах и 3 человека раненых у них. Переночевав в Гагове, в 7 часов утра отправились верхом в село Синанкиой, где я думал остаться и перевести мою главную квартиру из Широко, но оказалось неудобно. Мы ехали из Гагово до Синанкиой по чудным местам и лесам и сделали более 25 верст, не останавливаясь, и пришли на место в 12 часов, и было очень жарко.

В Синанкиой мы только переночевали, а на следующее утро перешли в село Ходжекикиой, где стоянка гораздо лучше и много фонтанов с чудной водой. Всего мы изъездили за эти три дня более 70 верст и почти все время по страшной жаре. Теперь я поставил мою кибитку на возвышенном месте под огромным ореховым деревом так, что у меня целый день тень. Вообще, здесь чудные ореховые деревья, и громадной величины, и орехов в изобилии. Ремен их чистит и приготавливает в соленой воде; тоже здесь много винограду, и он уже поспел, и мы едим его много; дынь, арбузов и кукурузы в громадном количестве. Но другой овощи никакой, кроме луку и чесноку, и то не везде. Зато вода идеальная, и мы стоим у самых фонтанов так, что пьем холодную воду как будто со льдом. Это главная вещь, что страшно недостает, — это лед, и все, что мы пьем, тепло, а иногда даже горячо, и если не холодная вода, то было бы плохо.

Бивак у села Ходжекикиой. 16 августа 1877. Вторник.

Сегодня, слава Богу, с утра маленький дождь и воздух немного освежился, но все еще тепло. Донесений еще не получали, кажется, у нас все тихо. Не знаем, что делается в Шипке¹³, вчера не получили ничего оттуда и ждем с нетерпением известий оттуда, потому что в настоящую минуту это самый главный пункт, и если турки прорвутся там, тогда нам всем придется отступить по всей линии. Армия, стоящая против нас, по-видимому, ждет исхода Шипкинского дела и раньше, чем там не кончится, не тронется в наступление. Чем покончат с Плевной¹⁴, мы не знаем, нам об этом не сообщают, и мы ничего не знаем. Говорят, что туда посланы большие крепостные и осадные орудия для бомбардировки, но, когда начнутся действия

против Плевны, мы не знаем. Иногда бывает очень тяжело, что ничего не сообщают, и хотя мы составляем часть той же армии, а отрезаны как будто на 100 верст. Когда-то Бог даст покончить окончательно с турками и со славой выйти из этой войны. Не думали мы, что так долго она продлится, а в особенности судя по началу военных действий. Не думали мы тоже, что до такой степени турки еще сильны и что войско их будет так хорошо драться, как оно дерется теперь, и постоянно у них войска прибавляются, и в настоящую минуту они численностью превышают нашу армию.

Конечно, нет сомнения, что дух нашего войска выше и сильнее, и он не унывает до сих пор.

Бивак у Дольного Монастыря. 4 сентября 1877. Воскресенье.

Моя милая душка Минни, благодарю тебя за твое милое и интересное письмо № 38 еще из Гапсала. Я воображаю, как тебе было грустно расстаться с милым Гапсалем и той спокойной и тихой жизнью, которую ты там вела...

Сегодня опять ужасно жарко и солнце печет страшно. В 11 часов отслужили перед войском обедню; а потом завтракали. Сегодня вернулись ко мне обратно атаманские казаки, а лубенские гусары отправились к своему полку и мне было жаль с ними расставаться, как с родными; они больше месяца были при мне и со мною всюду ездили, так что я привязался к этому полку, и народ славный... Атаманцев я очень люблю как вообще казаков, и в особенности как мой полк...

5 сентября. Понедельник.

Я только что получил твое милейшее письмо № 39 от 30 августа, которое меня очень тронуло, и благодарю тебя, что ты меня не забываешь и молишься за меня. Это для нас утешение видеть и слышать, как все горячо молятся за нашу молодецкую дорогую армию. А если бы ты знала, как мне бывает тяжело иногда, как часто я о тебе думаю и молюсь, как меня постоянно тянет к тебе, моя душка, и к милым ангелам-детям. Я не могу этого писать, я себе не позволяю слишком много думать об этом, потому что можно прийти в отчаяние, я почти никогда тебе не писал об этом, потому что не следует военному, в особенности в такое серьезное время, думать о возвращении домой, но сердце не камень. Иногда меня отчаяние берет, скоро ли мы увидимся, когда увидимся и увидимся ли еще... Скоро ли кончится эта ужасная война, и кончится ли она со славою для нашей дорогой России. Вся надежда и все упования на Бога, если он найдет нас достойными этой славы. Боже, как должен страдать бедный папá, когда мы все, не ответственные люди перед Россиею и Господом, мы

все морально страдаем за эти последние дни страшного испытания. Бог знает, последние ли это испытания? Что будет потом, что еще предстоит нам испытать, не будут ли еще сильнейшие испытания нам всем и дорогой родине? Боже, не остави нас, грешных и недостойных рабов твоих! Уж мы ли не усердно молимся ему и уповаем на его. Да будет, Боже, святая воля твоя, Аминь!

Не думай, моя душка Минни, чтоб я пришел в отчаяние, нет, далеко еще до этого, я слишком верю в Бога, чтобы приходить в отчаяние, не такая у меня натура — чем серьезнее обстоятельства, тем более во мне твердости и решимости, и не скоро я падаю духом. Только бы Господь не оставил нас, а то перенесем все с терпением и преклонимся только перед его святою волею.

Что невыносимо грустно и тяжело, это то, что мы опять потеряли такую массу людей, столько дорогой русской крови пролилось снова на этой ужасной турецкой земле! Грустно, что дело под Плевной затягивается на долгое время и вместе с этим затягивается и вся война...

6 сентября. Вторник.

Вчера с утра турки опять атаковали Шипку, но были отбиты с большими потерями...

У нас, слава Богу, пока спокойно, ждем постоянно общего наступления армии Мехмед Али на нас или на князя Шаховского и готовимся к принятию сильной атаки, так как по слухам от болгар против нас собирается большая армия — до 100000...

Под Плевной продолжают осадные работы и обстреливают их позиции; турки не отвечают. Говорят, что они расстреляли почти все патроны и снаряды так, что ждут только штурмов, чтобы встретить нас опять этим убийственным огнем. Теперь решили уже иначе: не штурмовать редуты и укрепления, а подходя к ним правильными осадными путями, и тогда той громадной убыли, слава Богу, не будет... До сих пор брали все прямо на штурм, от этого и была у нас эта страшная потеря, дошедшая за последнее время до ужасной цифры 16 000 человек убитыми и ранеными, а одних офицеров вышло под Плевной до 300 человек...

Бивак у Дольного Монастыря. Болгария. 18 сентября 1877. Воскресенье.

Моя милая душка Минни! Вчера в 10 часов утра, после кофе, проснулись мы с папá и отправились с Сергеем и проч. обратно к нам домой. К счастью, погода поправилась и на солнце приятно после этой холодной погоды. В ½2 вернулись через Бурунди и Бела к нам на бивак, сюда, и сели завтракать. Просто наслаждение здесь после

Горн. Студеня и чувствуешь себя дома, а там это положительно можно сойти с ума или, по крайней мере, заболеть от обстановки. Постоянная тревога, всего бояться и только один разговор: Плевна да Плевна, как будто весь вопрос и вся война заключается в Плевне, а про другие пункты и не заботятся, и все хотят обратить на несчастную Плевну, которая должна сама собой пасть, и вопрос только времени.

Это несчастье, и большое несчастье, что папá сам был под Плевной, потому что он, не выдавши никогда в жизни ни одного сражения, попал прямо на эту ужасную бойню, и это произвело на него такое страшное впечатление, что он только об этом и рассказывает и плачет, как ребенок. Не знаю, отдает ли он себе отчет, что эта громадная жертва была принесена напрасно и совершенно бесполезно, и что, собственно, не было никакой нужды штурмовать турецкую позицию, и что можно было, наверное, предвидеть этот исход. Мы все уверены, что эта кровавая драма 30 августа была результатом того, что хотели непременно покончить с Плевной с эффектом и поднести государю подарок в день его именин, ну и поднесли! Нечего сказать!?!? Непростительны и преступны со стороны главнокомандующего подобные необдуманные действия, и нет сомнения, что он должен будет ответить перед всей Россией и отдать отчет Господу Богу за эту отвратительную драму.

Положительно, дядя Низи потерял всю свою популярность в войске и всякое уважение к себе, а главное, нет у нас больше доверия к нему. До нас дошли слухи, что Москва хотела подать адрес государю с просьбой сменить главнокомандующего, но что Тимашев, конечно, остановил это. Я уверен, что это неправда и что все это выдумка, но вот доказательство, какое теперь настроение и в народе, и в войне. Это что-нибудь да значит, и пренебрегать этим не следует...

До свиданья, моя милая душка Минни, обнимаю тебя от всего сердца и жму крепко на моей груди. Целую мою собственную маленькую жену. Крепко целую милых душек детей. Христос с вами, мои душки.

Твой верный друг Саша.

Село Брестовец. Болгария. 29 сентября 1877. Четверг.

Моя милая душка Минни, что за скучные и однообразные дни проводим мы вот уже более недели! Постоянные дожди, сырость, туман, просто сплин находит, солнца не видали более 10 дней, и все это на юге и в самом начале осени, что же будет дальше. Никакого движения войск нельзя делать в подобные дни, дороги страшные, и даже верховые насилию доезжают к нам с донесениями с передовой линии. Сидим мы, как взаперти, в своих домишках и только раз в день выходим походить пешком, вооруженные большими палками, чтобы не растянуться в грязи, и все-таки часто бывают падения.

У меня в домике живут Сергей и Павел в одной маленькой комнате, в другой — я, а в третьей — люди и гардероб. Мы устроили отлично себе помещение и убрали комнаты каждый по-своему.

Я очень уютно разместился — и тепло и хорошо; печки топятяся очень хорошо, и на днях сделали себе рамы со стеклами так, что совершенно как дома, а до этого заклеивали окна бумагой и все-таки было холодно. Рядом со мной живут в другом домике Арсеньев, Литвинов и Васильковский. Все прочие кругом разбросаны по деревне попарно: Веновский в одном доме со Стюрлером и Мартыновым; Долгорукий с Барятинским; Олсуфьев взял к себе Баранова, пока он был у нас, а постоянный его сожитель Шлотгауер; доктор Гримм постоянно с гр. Шереметевым; Оболенский — с нашим драгоманом¹⁵ Максимовым. Чтобы собрать всю эту компанию к завтраку и обеде, за ¼ часа до еды выходит горнист с трубой и гуляет по улицам и трубит, тогда все выползают, как муравьи, со всех сторон с большими палками, как у пилигримов¹⁶ и, шлепая по грязи, тащатся к столовой.

К обеду та же церемония, но все вооружаются, кроме палок, фонарями. Столовая наша — большой, но низкий сарай с толстыми деревянными колоннами посередине, а вправо от входа — что-то вроде комнатки, но без стен и с перилами, лавками и большим камином. Общий вид столовой весьма интересный и напоминает средневековые таверны...

1 октября. Суббота.

Вчера целый день писал мамá и написал длинейшее письмо в 16 страниц и никак не мог кончить; надеюсь только, что мамá не надоест читать его. Сегодня с утра проглянуло солнышко и погода, наконец, разгулялась после 10 дней постоянного тумана, мрака и дождя. День великолепный, но уже настоящий осенний и свежо.

Теперь еще день или два — и дороги просохнут, и тогда надо ждать-таки турок. Мехмед Али был смнен за то, что на приказания из Константинополя атаковать наш отряд непременно он отвечает, что считает это наступление рискованным, так как его войска недостаточно подготовлены к решительным действиям; тогда спросили Сулеймана-пашу, возьмется ли он с армией Мехмеда Али атаковать русских, тот, конечно, взялся и теперь уже приехал в армию, а Мехмед Али отозван в Константинополь. Сулейман человек отчаянный и решается на все и доказал это на Шипке, где он лез напролом и возобновлял атаки до 13 раз сряду и уложил половину своей армии, т. е. до 20 тыс. человек вышло у него из строя убитыми и ранеными. Посмотрим, что он будет теперь делать и как поведет дело.

У нас войска готовы и жаждут встретиться с неприятелем. Вчера телеграфировал Алексею в Турн-Масурелли, где он теперь живет, чтобы быть при пробе двух блиндированных турецких канонерских лодок, отнятых у неприятеля при занятии Никополя, чтобы он приказал весь гвардейский экипаж перевезти из Слобедзеи и Петрошан на этот берег Дуная, в Батин, где он, в случае нужды, может принять участие в бою, чего им очень хочется, потому что до сих пор они занимаются все работами мостов и дорог, и сильно им это надоело, а главное, на том берегу страшно болеют люди лихорадками, а у Батина высокое и сухое место...

Опять хлеба и сухарей не присылают, и войска съедают свой 8-дневный запас, а некоторые полки уже съели. Вообще, интендантская часть¹⁷ отвратительная, и ничего не делают, чтобы поправить ее. Воровство и мошенничество страшное, и казну обкрадывают везде и в огромных размерах. Что ни поешь, что ни говоришь, ничего не помогает и никакого распоряжения нет; просто отвратительно и портишь себе кровь...

Ты просила передать Петлину, что отправлять транспорт один к нему, а другой — в Систов. Я не могу добиться до сих пор [не] только Петлина, но не знаю даже, где Воронцов; я ему телеграфировал 2 раза, и никакого ответа от него не получаю, просто наказание с нашими телеграфами; никак телеграммы не доходят до назначения, а если дойдут, то через 2 или 3 дня. Вообще, во всем и везде порядка мало, и большего сумбура и беспорядка, как здесь, трудно себе представить. Нет, уже Боже избави от подобных главнокомандующих и его начальника штаба всего полевого управления; это просто наказание и кара Божья. Терпим, терпим, но, наконец, и не выдержим, и всякое терпение лопнет. Решительно в тупике становишься, что делать.

Узнай, пожалуйста, получил ли К. П. Победоносцев мое письмо, и когда увидишь его, поблагодари его очень за интересное и душевное его последнее письмо: постараюсь, когда поспею, ему ответить...

До свидания, моя милая душка Минни, моя собственная маленькая жена. Обнимаю тебя от всего сердца. Целую крепко душек детей. Христос с вами, мои душки.

Твой верный друг Саша.

Село Брестовец. Болгария. 19 октября 1877. Среда.

Моя милая душка Минни, слава богу, за последнее время известия более утешительные. Сначала разбитые армии Мухтара-паши на Кавказе, затем взятие гвардией Дубняка и, наконец, последнее дело под Телшпами и сдача его с гарнизоном; все это дает немного вздохнуть посвободнее, а то просто отвратительно было жить последнее время...

Все вещи я разделяю пополам и половину тыкаю к Владимиру в 12-й корпус, а другую пошлю к князю Дондукову для 3-го корпуса, и, кроме того, надо дать часть вещей в Донскую бригаду и в бригаду 32 пехоты, дивизии, которая тоже временно у меня в отряде. Если будете еще присылать¹⁸, то, пожалуйста, побольше табаку, и именно махорки; это главное удовольствие бедных солдат, и даже более удовольствия им делает махорка, чем чай, который они получают иногда от казны, а табак никогда. Фуфайки очень полезны и хороши; набрюшников не стоит вовсе присылать; солдат не станет носить их и непременно сделает что-нибудь другое из них. Одеяла, чулки, колпаки и пр. — все это хорошие вещи и нужны. Папиросы для офицеров тоже нужны, здесь трудно достать и дороги...

21 октября. Пятница.

Сегодня утром я снова принялся за разбор ящиков с фуфайками, чулками и пр., и все разделено на 2 части, уложено и завтра посылается по назначению. Погода, к сожалению, опять дождливая и дни темные, грустные. Все чаще думаешь, когда же конец всему этому. Чаще вспоминаешь про милую родину и в особенности про тебя, моя милая душка Минни, и детей; ах как тяжело быть столько времени в разлуке; сегодня ровно 5 месяцев, что мы простились с тобой в Царском Селе. Это ужас, сколько времени уже прошло, почти полгода. Дай Господь, чтобы эта кампания теперь кончилась бы скоро и с полным успехом на нашей стороне. С честью и славой, чтобы наша дорогая Россия вышла из теперешнего тяжелого положения.

До свиданья, моя милая душка Минни, моя собственная маленькая жена, радость дней моих... Обнимаю тебя от всей души. Целую крепко милых душек детей. Как мне жаль моего милого доброго старика Миллера и что не удалось мне даже остаться с ним. Он был при мне более 20 лет. Христос с вами, мои душки.

Твой верный друг Саша.

Село Брестовец. Болгария. 31 октября 1877.

Моя милая душка Минни, сегодня уже 20 дней со дня смерти бедного Сережи¹⁹. Просто не верится, как летит время. Мы идем в 11 часов в ту же маленькую болгарскую церковь, где выставлено было его тело в продолжение 5 суток, и отслужили панихиду. Жду с напряжением твоего письма с подробностями похорон в Петербурге.

Под Плевной до сих пор, слава Богу, идет дело успешно, и наши с каждым днем подвигаются все ближе и ближе к городу и неприятельским позициям. Дай Бог поскорее кончить и продолжать военные действия на других пунктах и идти энергично вперед.

Одно, что страшит нас всех, — это продовольствие для армии и фураж для кавалерии, который с каждым днем становится дороже и его уже почти нет в Болгарии. Железная дорога румынская не успевает подвозить всего нужного для армии и, несмотря на все, что было сделано, и на самые энергичные меры генерала Дрентельна, который удвоил число поездов в сутки, эта дорога не успеет перевозить более половины всего нужного на армию.

1 ноября. Вторник.

Вот уже и ноябрь месяц, а о конце кампании и речи нет, да и невозможно предвидеть, когда приблизительно она может кончиться. Если после Плевны турки не будут просить мира, то, конечно, зимняя кампания неизбежна и будет совершенно зависеть от продовольствия армии и состояния дорог, и вряд ли тогда раньше мая или июня удастся покончить с турками. Но Бог милостив, может быть, и покончим раньше.

Только что приехал фельдъегерь²⁰ и привез твое милое 58 письмо, за которое благодарю от души. Я воображаю, как была торжественна и необыкновенна встреча тела бедного Сережи в Петербурге. Это великолепное и задушевное «ура», с которым народ встретил печальную церемонию. Оно понятно и может тронуть хоть кого. Но этот болван Трепов, который останавливает крики народа, да неужели никто не остановил его и не сказал ему, что это более чем глупо. Ты думаешь, что брат Сергей получил Георгиевский крест несправедливо; нет, он был в огне, и я его послал во время рекогносцировки в один из отрядов, с которым он и пошел в дело, но пехота не принимала участия, кроме небольшой перестрелки в цепи, но зато они стояли почти все время под артиллерийским огнем, и, как обыкновенно, наши 4-фунтовые орудия отвечать не могли, так как снаряды не долетают, а против них из Кадыкиной в них валяли из осадных орудий на 3 версты с лишком. Сергей стоял почти все время у нашей конной батареи, и при нем осколком гранаты взорвало на воздух передок с зарядным ящиком и убило 10 лошадей и 2 артиллеристов контузило. Конечно, он сам лично ничего особенного не сделал и слишком еще молод, чтобы можно ему было поручить какую-либо часть, но все-таки он стоял в огне, и очень хорошо и спокойно, чего же еще больше требовать от него. Я, впрочем, не представлял его ни к какой награде, это против моих принципов представлять о братьях, но д. Низи просил папá дать ему крест. Сергей так еще молод, ведь это еще дитя, самое лучшее было бы теперь отослать его к мамá; здесь он пробыл 5 месяцев и премило себя держал, был в маленьком деле, так что-же еще больше требовать от него, и положительно совершенно достаточно, так как нас еще три брата здесь²¹, а его отпустить бы к мамá, которая одна с Павлом...

2 ноября. Среда.

На днях приехал к нам Поленов и уже начал рисовать. Он сделал уже масляными красками этюд моего домика премило, болгарскую церковь и еще несколько маленьких групп, а теперь начал нашу столовую, которая, может, очень хорошо удастся и весьма оригинальна. Я непременно пришлю тебе некоторые рисунки, которые более будут окончены.

Если он возьмется сделать мою комнату, то закажу ему этот рисунок для тебя, но она так мила, что не знаю, возможно ли будет нарисовать ее; а комнатка так уютна, и я так хорошо в ней устроился, и мне хотелось бы, чтобы осталось воспоминание о ней...

На днях должен быть готов мост через Дунай для нашего ряда. Он идет из Петрошан на остров Батин; эта часть моста вся на понтонах, потом сделано шоссе по острову на 2 версты и выходит на второй мост, от острова Батина до болгарского берега недалеко от селения Батина. Вторая часть моста на сваях почти вся, кроме последнего куска, который опять на понтонах. Над этим мостом работал, кроме понтонеров, весь Гвардейский экипаж в продолжение более 2 месяцев, люди болели от постоянной работы в воде, и, кроме того, 2 роты жили постоянно на острове и все переболели лихорадками, зато теперь Гвардейский экипаж очень хорошо размещен в селе Петрошаны и больные поправляются. Пока мост не готов, перевозка тяжестей и провианта для войск идет на буксирном пароходе и большой барже, которая подымает зараз 22 повозки и 40 лошадей. Кроме того, постоянно ходят паромы на казачьей переправе.

Начальником моста и всей переправы назначен Д. З. Головачев, а его помощником капитан-лейтенант Новосильский, старший офицер с фрегата «Светлана», так что можно быть покойным, что эта часть будет всегда в полном порядке. Один из мониторов, взятых в Никополе, назначен к нам для защиты моста и пришел уже к Петрошанам.

Село Брестовец. Болгария. 4 ноября 1877. Пятница.

Вчера в 11 часов утра получил я посланные тобой вещи для офицеров и солдат. Первый транспорт уже роздан во все части, где в каждом полку устроена была лотерея и доставила большое удовольствие людям, и этим путем никто не был обижен, а иначе не знаешь, как раздавать вещи. Тюк с 20 пудами табаку, который по ошибке остался в Систове, я на днях получил и послал в части.

Погода за последнее время стоит замечательно хорошая для осени; свежо, но сухо, дождя почти не было в октябре, но в конце месяца часто бывали туманы, и очень сильные.

Как устроился Ники в своих новых комнатах в Аничкове? Они очень уютны и, надеюсь, что он их полюбит. Обедают ли они вместе

с Жоржи²² или Ники один с Григорием Григорьевичем? М. [...] писал Сергею, что Жоржи более послушен и ведет себя хорошо.

5 ноября. Суббота.

Вчера вечером приехал фельдъегерь, который привез массу бумаг, газет, а письма не было, потому что ты отдала его адъютантам моим, которые чёрт знает куда пропали. Пожалуйста, не давай письма никому, кроме фельдъегерей, потому что они едут, не останавливаясь, прямо к нам, а прочие едут не прямым путем и вдобавок останавливаются на дороге, и поэтому письма получаются старые и не вовремя, а это так скучно, когда между письмами такие большие промежутки.

Сегодня утром мы распределили присланные тобою вещи с Васильковским и Плотгауфом и отправили по назначению. Вчера я получил 4 тюка от Тамбовского женского института с разными вещами для больных и раненых, фуфайки, чулки, бинты, перевязки, корпию, полотно и наволочки. Это премило с их стороны, что они прислали в мой отряд. Сегодня я послал часть твоих вещей в отряд генерала Адлера, который стоит по ту сторону Дуная в Слободзеи и Журжеве, так как они причислены к нашему отряду и еще ничего не получили; там стоит бригада пехоты, бригада кавалерии и довольно много крепостной артиллерии, так что, надеюсь, они будут довольны, что и их не забыли, и это доставит им удовольствие. Этот раз я ничего не послал в 12-й корпус, так как Владимир писал мне, что на днях получил от жены большое количество разных вещей для своего корпуса. Вот что я прошу тебя сделать. Скажи В. В. Зиновьеву, чтобы он заказал на мои деньги 6 штук колоколов для здешних церквей, потому что у них совсем нет их, и они колотят в доски вместо колоколов. Колоколы должны быть все 6 одинаковой величины, не очень большие, немного более колоколов, которые обыкновенно висят на гауптвахтах, но с хорошим звоном. Если возможно купить готовые, было бы лучше и скорее прислать их ко мне. Пожалуйста, передай все это хорошенько В. В., чтобы не было путаницы.

...Слава Богу, Кавказская армия продолжает свое победоносное и торжественное шествие. Карс опять в наших руках. Там дело делают, а мы коптим небо, сидим да скучаем, не предпринимаем ничего и все смотрим на Плевно и ждем, когда угодно будет Осман-паше сдаться. Тянет меня домой, страшно тянет, а когда-то вернемся?! Если бы все шло хорошо, гладко, как теперь на Кавказе, то все можно перенести с радостью, а наша теперешняя жизнь ух как тяжела! До свиданья, моя милая душка Минни, моя собственная маленькая жена. Обнимаю и целую тебя от всего сердца везде-везде. Целую крепко душек детей. Христос с Вами, мои душки.

Твой верный друг Саша.

Село Брестовец. Болгария. 10 ноября 1877. Четверг.

Я был тронут очень твоим милым письмом из Царского Села и оконченом в милом Аничкине. Благодарю тебя, что ты не забыла меня при переезде в город и мысленно благословила меня, как мы всегда это делаем при переезде с одного места на другое. Я тоже мысленно благославляю тебя на новосельи. Ах, как хотелось бы быть дома и обнять тебя и детей. Да, я могу себе представить, что за пустота в доме, потому что сам часто оставался один без тебя, когда ты бывала в Дании...

Что ты пишешь про Барятинского, я совершенно разделяю. Гораздо хуже видеться со своими на такое короткое время, и если это зависит от меня, то я ни за что не поехал бы на короткое время домой для того, чтобы снова расставаться на неопределенное время. Я предпочитаю остаться все время здесь и больше, если нужно, но не возвращаться иначе домой, как когда все будет кончено и я буду знать, что теперь я могу оставаться дома спокойно и снова ехать никуда не нужно, а не то это гораздо хуже и тяжелее. Если бы даже мне предложили теперь ехать на несколько недель домой, я бы отказался, так ужасно подумать, что снова надо расставаться. Когда бог даст, мы покончим совершенно и хорошо покончим дело, тогда, о радость, о счастье, вернуться снова к себе домой; это другое дело... До свиданья, моя милая душка Минни, моя собственная маленькая жена; обнимаю тебя ото всей души и целую твое милое лицо, глаза... Когда же, правда, это будет! Христос с вами, мои душки!

Твой верный друг Саша.

Село Брестовец. Болгария. 11 ноября 1877. Пятница.

Моя милая душка Минни, вчера вечером к обеду вернулся сюда из Парадима Алексей с князем Шаховским, он ездил туда по приказанию главнокомандующего по делам службы. Алексей ночевал у меня в доме и остался до завтрака, к которому приехал тоже Владимир. Потом мы смотрели повозки для раненых, присланные Владимирским местным комитетом Красного Креста в наш отряд. Прислали 10 повозок, каждая на 10 раненых и 2 легкие на одну лошадь, вместе с ним пришли 42 лошади и человек 15 санитарной прислуги, все отлично устроено, люди отлично одеты и лошади славные...

Как ты знаешь, на днях румыны заняли Рахов, но ничего важного в этом событии нет.

13 ноября. Воскресенье.

Вчера цельный день писал письмо к мамá и поэтому не успел тебе писать. Завтра день твоего рождения. Поздравляю и обнимаю тебя, моя душка, собственная маленькая жена, от всего моего сердца. Да благословит тебя господь и да дарует нам в последний раз проводить этот день не вместе. Тяжело и страшно грустно, что я не дома в этот дорогой

день. Вспоминаю канун этого дня, т. е. именно сегодня, когда бывало после нашего милого вечера в Царском Селе, в угловой гостиной мы ужинали, а потом поздравляли тебя с бокалами шампанского в руках. Теперь все это тихое, милое, спокойное время дома кажется мне каким-то несбыточным сном, и бог знает, как все это было давно.

Не думал я, уезжая в мае месяце из Царского Села, что до этого дня не вернусь домой. Когда подумаешь, что через 8 дней будет уже $\frac{1}{2}$ года!! что мы не виделись с тобой, просто не верится, чтобы это было возможно! $\frac{1}{2}$ года! Да это полжизни!!!

С года нашей свадьбы, т. е. с 1866, мы никогда не проводили этот день в милом Аничкине, а почти всегда в милом Царском Селе, и раз только ты провела этот день в Крыму, а я в Париже с мамá и Алексеем. Я уверен, что все наши мысли и воспоминания сойдутся в этот день, и завтра мы горячо помолимся в церкви друг за друга. Еще раз обнимаю, целую и поздравляю тебя, моя душка. Господь, да благословит нас обоих и укрепит тебя!

Вчера я получил твое милейшее длинное и интересное письмо № 62, за которое благодарю от души; вот это письмо так письмо! Я читал его и наслаждался — как целая брошюра. Этот Муравьев, про которого ты мне пишешь, неглупый человек, но страшный хлыщ... Это правда, я с ним виделся каждый день, пока мы жили в Зимнице в июне месяце.

Скажи тете Саше, что я глубоко тронут ее памятью и вниманием к нашему Руцукскому отряду и радуюсь за нее приезду Николаши в Петербург, но боюсь, что она нашла большую перемену в своем сыне. Среда, в которой он жил при главной квартире отца своего, ничего не сделала, чтобы поправить молодого человека²³.

Я был очень тронут, что ты вспоминала меня, ехавши в Зимний дворец обедать, и, проезжая мимо «Екатерина Залеман», ты не забыла прочесть! Боже, даже эти глупости напоминают вам счастливые дни! Когда-то мы будем снова ехать мимо этой «Ек. Зал.» и ты снова будешь читать эту вывеску!

Это очень мило, ignoble²⁴ Коко, который продолжал ездить в театр все это время; да что же ждать другого от этой дряни: противная тварь! Я нахожу, вообще, не время теперь ездить по театрам в такое тяжелое, скорбное время для всей России. Если ты хочешь мне сделать огромное удовольствие и если тебе это не слишком тяжело, не ездь в театры, пока эта тяжелая кампания благополучно не кончится. Я уверен, что и мамá разделит мой взгляд, и все найдут это приличным и более достойным для моей жены. Прости мне, что я это пишу тебе, потому что уверен, что и ты без того этого не делала бы и что тебе и самой казалось это неприличным. Так ли это или я ошибаюсь?..

Теперь, к сожалению, пора кончать, уж трубят к обеду и фельдъегерь ждет письма. Обнимаю тебя, моя милая душка Минни, моя

собственная маленькая жена, радость дней моих. Целую тебя крепко и нежно... Целую душек детей крепко. Все наши тебя благодарят за поклонны и просят передать их почтение. Христос с Вами, мои душки.

Твой верный друг Саша.

Село Брестовец. Болгария. 28 декабря 1877. Среда.

Моя милая душка Минни, вот я опять принялся тебе писать, хотя только сегодня утром послал мое 6 письмо. Папá тебе, наверное, говорил, что я просил его по телеграфу назначить ко мне начальником штаба генерала Обручева в случае, если мне придется принять войска Западного отряда под мое начальство. Я остановился на Обручеве как на человеке весьма умном, энергичном и занимавшимся много вопросом о Турции. Главное, почему я в особенности настаиваю на его назначении, это потому, что я не имею ни малейшего доверия к д. Низи и его штабу и их распоряжениям, а принять начальство над Западным отрядом, имея генерала Гурко начальником штаба, как хочет, чтоб я сделал, д. Низи, я решительно не хочу, потому что Гурко будет фантазировать и делать то, что желает д. Низи, а не то, что я хочу.

Генерал Обручев весьма самостоятельная личность, и поэтому главнокомандующий и слышать не хочет об его назначении; кроме того, д. Низи хорошо знает мое мнение о всей кампании и его распоряжениях и боится, что я с Обручевым вдвоем будем ему помехой. Он уже мне несколько раз телеграфировал шифром, что ни за что не хочет, чтобы я брал Обручева и что никогда не согласится иметь Обручева здесь, в армии. Я ему телеграфировал, что без этого условия я принять начальство Западным отрядом не могу. Папá я телеграфировал то же самое, хотя от него я получил сейчас же разрешение на назначение Обручева.

Теперь я жду ответа от папá, чтобы знать, согласился ли он окончательно, несмотря на то, что д. Низи этого не желает, и ему телеграфировал с своей стороны. Итак, теперь у нас с д. Низи своего рода баталья, посмотрим, чья возьмет! Все зависит от решения папá. Я твердо решил, если папá согласится с просьбой д. Низи, проситься прочь из армии, потому что мое положение в отношении д. Низи становится невозможным и я здесь не нужен. Я говорил об этом с Владимиром, и он совершенно со мною согласен. Принять начальство Западной армии в тех условиях, как того желает д. Низи, я не могу; стало быть, что ж мне здесь делать? В Рушукский отряд уже назначен Тотлебен, так что я свободен. Если же, несмотря на все это, папá прикажет мне оставаться и принять начальство над Западным отрядом, имея Гурко начальником моего штаба, конечно, я подчинюсь и исполню долг свято, но не могу скрыть, что этим папá принесет в жертву своего сына!..

Село Брестовец, Болгария. 1 января 1878. Воскресенье.

Моя милая душка Минни, в первый раз приходится писать тебе письмо в самый новый год и обнять тебя только мысленно и пожелать от всей души нам обоим наше старое, милое, дорогое счастье; нового не нужно, а сохрани Господи нам то счастье, которым мы уже благодаря твоей великой милости пользуемся более 11 лет! Вот что я желаю и тебе и себе от души и уверен, что и ты большего счастья не желаешь, потому что его нет и не нужно.

Я все ждал, что ты мне пришлешь Георгиевский крест²⁵, как Михень²⁶ сослала Владимиру, но увы! Ошибся и теперь приходится самому себе заказать, потому что одного мало.

Шубку получил, но, к сожалению, она опять никуда не годится, мала, узка и не влезает, так что пришлось и ее подарить, чтобы не ваялась напрасно; отдал ее Барятинскому, который очень доволен, а сам я заказал себе полушубок казаку, который отлично сшил его, и, наконец, у меня хоть что-нибудь есть меховое, а то пришлось бы всю зиму остаться без меха, а мои вещи пропали и не едут.

3 января. Вторник.

Вчера получил наконец вещи, посланные тобой с Какарюким, и письмо № 14, за которое благодарю от души. Вещи в Чугуевский уланский полк надеюсь послать сегодня или завтра, приемщики из полка приехали, которых они вовсе не имели и очень нуждались в них. Эти полушубки я получил из Красного Креста вместе с другими вещами. Я жду еще из Москвы 200 полушубков от купца Морозова. Холод и мороз стоят сильные, и не думает делаться теплее, просто противно, а мы еще на Юге; хорош Юг, нечего сказать!

Я еще не благодарил тебя за твое милое письмо № 77, полученное 3 дня назад... Слава Богу, что папá поправился, так всегда неприятно и несносно, когда он простужается, и, кроме того, еще лихорадка.

3 января.

Папá тебе, вероятно, передал его решение насчет меня и Владимира. Я получил вчера вечером телеграмму папá с приказанием мне и Владимиру оставаться на наших местах впредь до приказаний. Решительно непонятно, зачем один день нас требуют в Петербург, потом приказывают ехать догонять гвардию, потом опять оставаться, опять ехать — и так в продолжение месяца, мы получили четыре разных приказаний, и ничего из этого не вышло. Замечательно, что ничего не могут решить окончательно и все так идет здесь. Папá пишет одно, дядя Низи другое. Папá хочет так, дядя хочет иначе, и опять ничего решенного нет. Ах, дай Бог, чтобы все это кончилось, наконец, пришло бы в нормальное положение.

Ах, я забыл тебя поздравить с назначением Onclе Hans²⁷ губернатором Булгарии, это прелесть! Другие газеты говорят, что это место предложено Waldemar, тоже недурно!

Читал в «Кронштадском вестнике», что В. В. Зиновьев телеграммой первый возвестил в Кронштадт о подвиге России! Это прелесть. Я уверен, что Коко страшно бесился и был недоволен. Матросы с «Церевны» и черноморские, которые у нас в отряде, на святках нарядились медведем, журавлем и в разные костюмы и ходили по деревне и так напугали болгар, которые вовсе этого не ожидали; собаки и мальчишки бегали за ними, и смеху было много. Вообще теперь мы живем совершенно деревенскою жизнью, так как никаких военных действий нашему отряду не предстоит, кроме аванпостной службы и небольших рекогносцировок, чтобы наблюдать за неприятием... Общество сделалось еще приятнее с приездом Тотлебена и князя Имеретинского, и вообще живется всем хорошо, потому что все в ладу [друг] с другом и все порядочные люди и ведут себя отлично. С Тотлебенoм я больше познакомился и сблизился, и замечательно здраво он судит о событиях; совершенно самостоятельный и прямой и честный человек, как я теперь вполне убедился. Князь Имеретинский — умный, способный офицер и весьма приятный собеседник; всегда в духе, интересуется всем и порядочный во всех отношениях человек.

Я боюсь только одно, что Тотлебену и Имеретинскому все-таки неприятно и неловко, потому что они оба приехали сюда заменить меня и Ванновского, а между тем уже целый месяц прошел, а я все тут же.

Село Брестовец. 4 января. Среда.

Этот раз посылаю вид нашего села уже зимой и не в столь привлекательном виде, как это было осенью; но надо отдать справедливость югу, что почти всегда солнце и ясно, но так как Поленов находит страшно трудным схватить солнечное освещение на снегу, то предпочел сделать вид и просидит несколько дней. Ты, наверно, слышала от папá, что король прусский прислал мне и Владимиру орден pour le merite²⁸ на шею и вместе с этим написал мне премилое письмо.

5 января. Четверг.

Сегодня получили известие, что сербы взяли Ниш с большим количеством орудий, ружей, патронов и всякого запаса. Наши войска тоже подвигаются все вперед и идут безостановочно. У нас здесь тихо, ничего нового и скука страшная; да, невесело оставаться таким образом на месте и знать, что мой гвардейский корпус там, за Балканами. Странная, правда, судьба, моя и Владимира, участвовать в войне и все время не при своих частях, а казалось бы, чего же проще, как принять

мне мой корпус, а Владимиру — свою дивизию. Здесь, слава Богу, мы исполнили свою задачу, свой долг, до конца довели возложенное на нас дело, ну так и нечего больше делать. А теперь вот уже больше месяца, что все обещают вернуть нас обоих к гвардии, а вместо того только и есть, что обещания да нерешительность и неопределенность нашего положения, как это было все время.

Если будет на днях заключено перемирие, то, конечно, нам не стоит ехать туда, но если будут продолжаться военные действия, то будет весьма трудно догнать и доехать до гвардии и легко можно опоздать.

Сегодня были у обедни и водосвятия²⁹, которое происходило в церкви. Была поставлена посередине большая бочка с водой, вместо Иордана³⁰, и потом все черпали воду и пили.

Я продолжаю ходить пешком и делаю большие прогулки по окрестностям, но теперь так скользко, что трудно много ходить, такая гололедица. Несчастные лошади страшно скользят, и в особенности которые везут тяжести и обоз. Кавалерия по дорогам должна идти пешком, а артиллерия ели-ели продвигается. По ту сторону Балкан там гораздо лучше, теплее и снегу почти нет.

Как идут уроки у Ники и доволен ли им Григорий Григорьевич, что делает Жоржи, с кем учится и послушен ли, чем прежде? Как меня интересует Ксенья, я уверен, что она меня не узнает; в ее возрасте 8 месяцев много значит, и она была так мала, когда я уехал, почти не говорила, а теперь я воображаю, как она болтает!

Ах, Боже мой, когда же, наконец, я Вас увижу всех снова?! Тяжелое и трудное испытание послал нам Господь в этой разлуке, и нелегко бывает подчас терпеть такую долгую разлуку, и единственное утешение — это то, что исполняешь свою обязанность и долг службы своему Государю и Отечеству! Слава Богу, послужила армия своему Государю и Отечеству и доказала на деле свою преданность ему и свято исполняла везде и во всем свой долг чести русского оружия! Это — громадное утешение и знаменательная вещь в настоящее время для России. Господь не оставил нас всех, армию и матушку Россию, и везде Его великая милость видна, во всех событиях нынешней кампании. Да благословит Он ее до конца.

6 января. Пятница. Крещение.

В 11 часов были у обедни, и был церковный парад и освящение знамен. Участвовали взводы от Атаманского полка, Волховского, 2-го Саперного батальона, 12-го Казачьего полка и команда моряков. Погода сегодня ужасная, холодно, страшный ветер с вьюгой, отвратительно.

Дунай окончательно замерз, и уже пешком можно ходить, надемся, что скоро можно будет перевозить и тяжести, а то очень трудно с продовольствием, потому что сколько уж дней почти подвоза не было

и перевозили только маленькую часть на катерах и понтонах, весьма медленно.

Кажется, что скоро придется нам снова начать военные действия и идти на Руцук и Разград; по крайней мере, дядя Низи очень настаивает на этом. Завтра собираются у меня корпусные командиры для обсуждения этого вопроса, и тогда решим, что можно будет предпринять для приведения сего плана в исполнение. Дай Бог, чтобы это не нужно было, потому что, может быть, перемирие будет закончено к этому времени, но на всякий случай надо быть готовыми, если прикажут идти.

Посылаю тебе сегодня еще целую коллекцию видов села Брестовец, сделанные одним саперным офицером любителем. Пожалуйста, собери все фотографии, которые я тебе прислал в два альбома; один для видов Румынии, а другой — для Болгарии. Жаль будет, если они растеряются, у меня нет вторых экземпляров, я все послал тебе, что мог достать, а для меня это останется приятным воспоминанием нашей боевой жизни. Пожалуйста, не забудь заказать сделать это. До свиданья, моя милая душка Минни, обнимаю тебя от всей души, радость дней моих... Целую крепко душек детей. Христос с вами, мои душки.

Твой верный друг Саша.

7 января 1878. Суббота.

Наконец казак Сергей приехал сегодня и привез мне твое милое 76 письмо, за которое благодарю от всей души, хотя оно уже было довольно старое, т. е. от 18 декабря.

8 января. Воскресенье.

Сегодня опять сильный мороз, и в комнате моей было всего 1° тепла, когда я встал; печка топится трудно, потому что дрова сырые, и не скоро нагревается, но зато потом тепло и хорошо, но дует от пола и от стен страшно. Приходится постоянно сидеть в теплых сапогах, а когда и это не помогает, то я влезаю ногами в меховой мешок, купленный в Бухаресте, но такой маленький, что обе ноги за раз не влезают, а приходится согреть сначала одну ногу, а потом другую.

9 января. Понедельник.

Вчера целый день прождал понапрасно известий из главной квартиры о ходе мирных переговоров, так-таки ничего и не получили, а все ждут с страшным нетерпением. Нам весьма важно знать, чем кончатся переговоры, потому что в случае, если турки не согласятся на наши требования, мне приказано с моим отрядом идти на Разград и, если возможно, овладеть им и потом сильным отрядом подойти к Руцuku и постараться заставить турок сдать нам эту крепость и город. Ведь

наши, конечно, рвутся вперед; если сегодня еще я ничего не получу, то завтра с утра войска начинают наступление. Авось, Господь не оставит нас и здесь и благословит наше оружие и поможет, как до сих пор помогал во всем! Но, конечно, дай Бог, чтобы это не нужно было; еще лучше было бы без боя покончить с этими городами, и опять дорогая русская кровь не была бы понапрасно пролита. Довольно мы ее проливали и часто совершенно напрасно!

Ты уже, конечно, знаешь от папá, что он приказал мне и Владимиру оставаться на своих местах и не ехать к гвардии. Теперь милый наш Руцукский отряд переименован в Восточный отряд и присоединены к нему еще войска Тырновского отряда; так что все пространство от Дуная до Балкан в моем распоряжении. Конечно, тут особенно лестного нет, и я уверен, что это сделано главнокомандующим только для того, чтобы меня не пускать за Балканы, где он не желает меня иметь, да и не особенно мне самому хочется ехать туда, потому что в этой обстановке, в которой находится теперь отряд генерала Гурко, не весело принимать отряд, уже сильно расстроенный и ослабленный!

...Что за беспорядок в тылу армии, это себе представить нельзя. Интендантство продолжает бездействовать. Товарищество жидов продолжает грабить казну самым безцеремонным образом, и несмотря на это, мы все-таки ничего не получаем и ничего к нам не подвозят.

Теперь дядя Низи и вся эта компания увлеклась забалканским походом, никаких распоряжений о продовольствии армии не делают, о сообщениях не заботятся, добиться толку до сих пор нельзя никакого от Полевого штаба; просто отвращение, что за администрация. С каждым днем все больше и больше приходишь к заключению, что дядя Низи — отвратительный главнокомандующий, мерзейший поляк, и весь штаб и главная квартира — подлейшая сволочь. Ропот на главнокомандующего и его штаб увеличивается с каждым днем, и никакие забалканские победы и успехи не изгладят в армии того впечатления, которое она вынесла из этой 8-месячной кампании; не главнокомандующему Россия обязана последними успехами, а молодецким, геройским и чудным нравственным духом русским войскам и честным начальникам.

Сам дядя Низи ничего не видит, ничего не понимает, ничего не знает, воображает, что все идет великолепно, что все его обожают и что он всему голова! Сильно же будет его разочарование, если когда-нибудь он увидит и узнает все, что было, и все, что происходит; но не думаю, что он когда-нибудь сознается, наконец, что он совершенно не способен быть главнокомандующим, недостаточно у него такта на это и недостаточно он умен, чтобы сознать это! Бог ему судья и Бог ему простит, не ведает, что творит! Но армия не простит, она не может, она не смеет ему простить! Слишком эта неспособная личность стоила России, армии и нам,

всем русским! Грешно было бы забыть все это и непростительно для потомства! Что за приказания получаем мы от главнокомандующего, просто смешно, до чего глупо! Все решительно смеются!

Например, 4 дня назад получаю я вдруг телеграмму от дяди Низи следующего содержания: «Немедленно пошли парламентарера в Руцук, потребовать сдачи его. Необходимо поддержать это требование наступлением войск, не ввязываясь в настоящий бой». Конечно, получивши эту телеграмму, все хохочут и становятся в тупик, что это — шутка или серьезно? Вот до чего глупость главнокомандующего может дойти!

11 января. Среда.

На днях получил приказание главнокомандующего отменить всякие движения вперед и войскам оставаться на прежних местах. Просто ничего не разберешь; один день немедленно сделать то, на другой день — не сметь предпринимать ничего, да что же это, наконец?

Да если бы я исполнял все приказания главнокомандующего, то черт знает что было бы с нами и моим отрядом. Слава Богу, я проучен и знаю цену этим приказаниям и поэтому не тороплюсь или вовсе не исполняю, если они слишком глупы, как высылка парламентарера к Руцuku; конечно, я никого не посылал, и через день получил приказание отнюдь не трогаться вперед. Хорош бы я был, если исполнил приказание. Посмешище перед всей армиею, перед Россией, да никто бы верить не хотел, что это приказание главнокомандующего, и, конечно, все бы пало на мою шею. Почему отменили наступление нашего отряда на Разград и Руцук, не знаю, но полагал, что оно в связи с мирными переговорами; но каково же было наше удивление: мы думаем что ввиду переговоров, которые идут хорошо, приказано было приостановить всякие движения вперед, но ничуть не бывало, все отряды идут вперед, не останавливаясь, одному нашему приказано ничего не предпринимать! Непонятно и досадно для войска.

Мое терпение совершенно лопнуло, я твердо решил просить у папá разрешение выехать из армии и чтобы он окончательно вызвал нас обратно домой.

Жду теперь только, чтобы узнать, чем кончатся переговоры о мире. Если хорошо кончатся, то, само собой разумеется, нам больше нечего здесь делать, если же затянутся и мы все-таки с Владимиром останемся в том же положении, как теперь, то мы решились проситься прочь отсюда. Невыносимо оставаться здесь и ничего не делать, ничего не знать, без известий, кроме дурацких и безграмотных телеграмм главнокомандующего. Он ни разу не потрудился мне сообщить, как идут переговоры и какие главные условия для заключения перемирия, я решительно ничего не знаю, совершенно как будто меня здесь

нет. Для чего я здесь, я сам не знаю! Что мне тут оставаться, к чему, кому я приношу пользу, решительно не понимаю. Остался я здесь, потому что папá желал, чтобы я принял мой Гвардейский корпус, но дядя Низи, видно, не желает, и мне приказано оставаться здесь.

Боже, что я претерпел морально здесь за это время, не желаю никому пройти через это испытание, и все время мое положение было ненормальное, самое незавидное, каким-то чернорабочим, а прочим предоставили уже пожинать лавры за Балканами, и именно тем, которые всего менее заслуживали это, как, например, Скобелев, Струков и Гурко! А например, молодец генерал Радецкий, герой Шипки, оставлен в резерве. Князь Мирский тоже. Все выдвигают самых низких и непорядочных людей. Правда, досадно и отвратительно.

Я не о себе хлопочу, мне ничего не надо, я ничего не желаю, слава Богу, Господь помог мне исполнить мой долг до конца с честью, чего же мне больше, но за прочих досадно. Гвардия, например, какими молодцами себя показала, а об ней почти ничего не говорится, всегда глухо выражаются; отряд генерала Гурко, и больше ничего.

13 января 1878.

Вчера приехал Рагуля и привез мне твое милое, хотя и маленькое письмо № 80, за которое очень благодарю. Но зато сегодня наконец приехал курьер и привез твое милейшее, интересное и длинное письмо № 78. Ты не можешь себе представить, какое счастье для меня получать такие письма, как я наслаждался и как мне грустно становится, как тянет домой.

Я даже плакал немного, потому что я себе не позволяю это удовольствие, часто и тяжело становится, как начнешь вспоминать про дом, про детей, а в особенности про тебя, моя душка! Прости, что пишу все это и еще больше тебя расстраиваю; знаю, что и тебе не весело, не легка эта разлука, но что же делать, Господу так угодно, и мы должны преклониться перед Его святою волею, и это ведет всегда к лучшему, к нашей же, наверняка, пользе, оно и быть иначе не может, и это громадное и единственное утешение.

Тяжело мне лично одно — это то, что я оставался здесь, по-видимому, понапрасну; вместо того чтобы быть за Балканами, как того желал сначала папá, я сижу здесь и хоть счастлив, что расстался с моим милым отрядом, да ему не дают ничего делать, и в настоящую минуту оно особенно тяжело и неприятно ввиду того, что все идут вперед, кроме меня и Владимира.

14 января. Суббота.

Сегодня утром я еще раз прочел твое милейшее письмо № 78 и наслаждался им, потому что чувствовал, что мы следили друг за дру-

гом во все дни праздников. Вам, конечно, было тяжелее и грустнее, чем нам, потому что здесь мы все одинаково проводили их, со всеми войсками, с которыми разделяем и радости и печали. Оставаться дома гораздо хуже в этих случаях, и в особенности одной; Слава Богу, дети при тебе, и это громадное утешение и благословение Божие.

Что делается в главной квартире дяди Низи, решительно ничего не знаем: вот уже 3-й день без телеграмм. Ужасно боюсь, чтобы там не заварили кашу, которую потом придется расхлебывать несчастной России, из-за неспособности главнокомандующего. Ты не можешь себе представить, до чего доходит недоверие к дяде Низи; несмотря на все эти блестящие дела за Балканами, которые, правда, шли великолепно по результатам, достигнутым нами, все еще боятся, чтобы он чего-нибудь не напутал, а теперь в особенности боимся, чтобы при мирных переговорах он не наделал бы глупостей с детским и наивным до глупости воззрением на настоящие события, от которых зависит все будущее для России.

Получил я сегодня в 3 часа твое милейшее письмо № 79 от 1 января: ты не можешь себе представить, до чего эти 2 последних письма сделали мне удовольствие, просто не знаю, как тебя благодарить за них. Я с таким вниманием, с такой жадностью читал их. Теперь мне немного стало ясно, почему папá решил нас оставить здесь, но не понимаю, как он мог не настоять на том, чтобы Обручев был бы наконец назначен; тогда еще было время, теперь уж поздно!

Ты пишешь, как грустно проводила праздники, да, невесело должно было быть вам! Твое объяснение с мамá, к сожалению, меня вовсе не удовлетворяет, я не могу поверить, чтобы это только была рассеянность, нет, тут было больше чем рассеянность, здесь должен быть умысел, потому что забыть телеграфировать по рассеянности 6 раз подряд невозможно. Мамá, может быть, не хочет тебя расстраивать и печалить, но здесь должно быть что-нибудь серьезнее!..

Посылаю тебе еще целую коллекцию фотографий, и ты можешь видеть меня на ней с бородой, в моем полушубке. Одну группу отдай Сергею, с надписью для него...

До свиданья, моя милая душка Минни, обнимаю тебя от всей души и целую мою собственную маленькую жену. Крепко целую душек детей. Христос с вами, мои душки.

Твой верный друг Саша.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

<Письма К. П. Победоносцеву>

<Фрагменты>

<...>

1017

*Бивак у деревни Дольный Монастырь в Болгарии.
8 сентября 1877 г.*

Простите мне, любезный Константин Петрович, что я так долго не отвечал на Ваше письмо, но я получил его в самое бойкое время для моего отряда и когда больше 2 или 3 дней я не оставался на месте.

Теперь, как Вам известно из телеграмм главнокомандующего, весь мой отряд отступил ближе к реке Янтре, где мы теперь гораздо более сосредоточены и относительно в гораздо выгоднейшем положении, чем то было недели 2 назад. Теперь мы с каждым днем ожидаем решительной атаки корпуса или, лучше сказать, целой армии, и очень значительной, Мехмеда-Али-паши. Весь вопрос теперь в том, выдержим ли мы эту атаку и удастся ли нам опрокинуть неприятеля.

Под Плевной дело затянулось, и весь вопрос времени; решено вести правильную осадную атаку, чтобы не терять больше такое громадное количество людей. Страшно подумать, что мы из-за этой Плевны потеряли войска. За все три атаки с 9 числа июля до настоящей минуты мы потеряли убитыми и ранеными с лишком 25 тысяч, кроме румын, которые потеряли более 3000 человек.

На Шипке наши выдержали еще одну упорную атаку на днях. У меня в отряде с самого начала до сих пор во всех делах я потерял не более 3000 человек, несмотря на весьма ожесточенные дела; это замечательное счастье, и можно было бы потерять гораздо более.

Что делается и говорится в Петербурге? Часто теперь вспоминаем милую родину. Не думали мы, что так затянется война, а начало так

нам удалось и так хорошо все шло и обещало скорый и блестящий конец, и вдруг эта несчастная Плевна! Этот кошмар войны!

Вы можете себе представить наше отчаяние, когда государь объявил, что остается: никакие просьбы, никакие доводы не могли изменить решение государя. Теперь я решительно не могу себе представить, что будет делать государь, если война затянется до зимы, а может быть, и до будущей весны, неужели он не вернется в Россию?¹

Я решительно ничего не знаю о намерениях государя и вообще, что творится в главной квартире его, потому что ничего мне не сообщают, кроме как о военных распоряжениях, до нас касающихся.

Пожалуйста, пишите мне иногда, потому что я решительно ничего не знаю, что делается у нас на родине. Мне никто не пишет из России, кроме жены и иногда императрица, но, конечно, они не могут знать и слышать, как Вы. Что с нами будет, одному Богу известно, и на него вся надежда наша. Одно могу сказать, что мы но унываем и духом не падаем. — До свидания, любезный Константин Петрович, жму Вам крепко руку.

Искренно любящий Вас *Александр*.

1018

Село Брестовец.

31 октября 1877 г.

Пол. 10 ноября.

Благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваши длинные и интересные письма, которые меня очень интересуют, так как, кроме газет, мы ничего не получаем из России, а в частных письмах не все решаются передавать правду.

То, что вы пишете по поводу политического процесса, который теперь, к несчастью, уже начат в Петербурге, просто возмутительно; и нужно же быть таким ослом, как Пален, чтобы поднять всю эту кашу теперь².

Я все еще надеюсь, что государь так или иначе, но прикажет остановить это дело.

Но Вас, конечно, более интересует знать, что делается у нас. Как вы знаете, одновременно с большими успехами на Кавказе были, хотя и не столь блестящие, маленькие успехи и под Плевной, и заняты были новые весьма важные для нас позиции. Теперь, кажется, можно надеяться на полный успех под Плевной, но когда она сдастся — это решительно невозможно сказать и зависит совершенно от количества продовольствия, которое турки имеют в городе. Прорваться они не могут, и во всяком случае, если даже и удалось бы им это сделать, то с громадной потерей, и немного бы их ушло оттуда.

Теперь главный вопрос, что успеем мы еще сделать в нынешнем году и до чего довести в этом году кампанию. Что всего более нас беспокоит — это продовольствие армии, которое до сих пор еще кое-как шло, но теперь с каждым днем становится все более и более затруднительным, а фуража для кавалерии уже нет более в Болгарии, и приходится закупать все в Румынии, откуда доставка весьма затруднительна. Вам, конечно, известно существование жидовского товарищества для продовольствия армии; это безобразное товарищество почти ничего не доставляло войскам, а теперь почти уже не существует, но имеет сильную поддержку в полевом штабе, и если хотите иметь точные сведения, то спросите об нем у Грейга, который только что вернулся отсюда и видел все это безобразие на месте.

Что касается моего отряда, то ничего нового, к сожалению, не могу Вам сообщить; стоим мы вот уже 6-й месяц на месте и ничего не можем предпринять до окончания дела под Плевной, и все наши резервы пошли в дело под Плевну, где теперь сосредоточена армия до 130 тысяч, вместе с румынами.

Большую часть мой отряд выстроил себе землянки, в которых и тепло, и сухо, и устроены печки, так как разместить по деревням нет никакой возможности: так мало помещений в здешних селах и дома очень малы. Больных, слава Богу, значительно уменьшилось, и вообще санитарное состояние армии еще относительно в очень хорошем виде, и жаловаться нельзя.

Хотя мы живем в Болгарии и принадлежим к действующей армии, а почти ничего не знаем, что делается в главной квартире, а если что узнаем, то совершенно случайно от приезжающих оттуда, и то очень мало. Кажется, тот же сумбур и отсутствие всяких распоряжений продолжают, как и вначале, да и не может быть иначе при тех же условиях и с теми же личностями.

Да, невесело будет здесь оставаться в случае отъезда государя в Россию, что почти решено, после падения Плевны. — Теперь еще все держалось только благодаря присутствию государя при армии, а не то бы наш главнокомандующий³ так бы напутал со своим милым штабом, что пришлось бы еще хуже нам. Мы все с ужасом смотрим на отъезд государя из армии при таких условиях, и что с нами будет, одному Богу известно. Грешно оставлять нашу чудную, дивную дорогую армию в таких руках, тем более что Николай Николаевич положительно потерял популярность в армии и всякое доверие к нему. Пора бы и очень пора переменить главнокомандующего, а не то мы опять попадем впросак. Надежды мало, но Бог даст и будет перемена в военачальнике. Какое впечатление произвела в Петербурге славная смерть бедного Сергея Максимилиановича?⁴

Как были похороны и заметно ли было сочувствие в публике?
Очень интересно было бы знать это.

Простите, добрейший Константин Петрович, мое нескладное письмо. — Мой усердный поклон Вашей супруге.

Дай Бог до скорого свидания.

Жму Вам крепко руку.

Искренно любящий Вас *Александр*.

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ

Мемуары

<Фрагменты>

<...>

Приемы бывали у цесаревича в известные дни. Иных он принимал в своем кабинете, других в общей приемной. Приносишь, бывало, ему список лиц, и он иной раз переспрашивал о неизвестных. Особенно раздражали его камер-юнкера, представлявшие то и дело. <...>

Совсем иная жизнь и иная обстановка бывала в Красном¹. Цесаревич не мог быть поклонником старой фрунтовой школы и здраво смотрел на многие устаревшие приемы, которыми еще дорожили при Александре II. До 1871 года он сильно мечтал о путешествии по России, и его тянуло на север, в Архангельск, к Белому морю. Об этой поездке уже начинали серьезно говорить. Еще во время пребывания в Гапсале в 1871 году планы этой поездки не покидались. Не забыть мне, как однажды в Гапсале стоял я около цесаревича у окна, когда прибыл из Петербурга фельдъегерь и передал ему письмо от Государя. Цесаревич прочел его и изменился в лице. Его назначили командующим первою гвардейскою пехотною дивизией с приказанием немедленно ехать в Красное и принять эту дивизию! Цесаревич не скрывал своего неудовольствия, громко высказываясь, что его приковывают к Красному как раз в то время, когда поездка по Северу России стала возможна и желательна. Позднее не раз приходилось мне слышать упреки цесаревичу, почему он так мало путешествовал по России? Я свидетель, что такое путешествие было когда-то его заветною мечтой, но оно не сходилось со взглядами Императора Александра II. <...>

Красное Село! Сколько лет пришлось прожить в нем почти безвыездно, начиная с того времени, как цесаревич принял первую дивизию. Время это как-то особенно запечатлелось в памяти, потому что цесаревич жил в одиночестве. На это время цесаревна через год уезжала в Данию, и по окончании лагеря он тотчас же отправлялся за нею. Он считал эти дни, которые приближали его к свиданию,

терпеливо, с удивительною выдержкою, добросовестно исполняя свои обязанности.

Иной раз случалось ездить с ним по праздникам в Петергоф. Особенно памятна мне одна поездка. День был чудный. По мере приближения к Петергофу из пыльного лагеря цесаревич становился разговорчивее. Вот показался залив, ярко освещенный солнцем. «Не правда ли, — сказал цесаревич, словно в раздумье, — есть что-то притягательное в море, оно манит вас к себе?» Я взглянул на него в эту минуту. Выражение было безмятежно спокойное, и мне вдруг стало особенно светло и радостно на душе. Однажды в так называемом cottage² (при Александре III слова «cottage» вывелись из употребления) Императрицы Александры Феодоровны, столь мне памятно с детства, он предложил мне ночевать на вышке. «Это комнаты Николая Павловича, — сказал он, и сам повел туда, — не правда ли, как хорош вид?» В другой раз предложил мне ехать с ним в купальню и выкупаться. Сам разделся и снял с себя образа. На цепочке висело множество образков, а посреди них крест. Я удивился множеству. «Оно неудобно», — сказал он и позднее ограничил их число. Плавать было трудно, потому что было мелко, но вода была прекрасная. Он был очень в духе и в воде разговаривал, смеялся и вернулся в благодушном настроении³. Гораздо позднее, когда по воскресным дням должен был он из лагеря ездить в Царское, обедать к Государю, что его несколько тяготило, он старался сократить время, являясь только к обеду. Едешь, бывало, с ним в коляске, чего не переговоришь! Иногда он дремал, но редко бывал молчалив и угрюм. «Поедьте в Павловск, подальше, где меньше народу!» — говорит он однажды. Поехали за розовый павильон, в глухую сторону парка, слезли и пошли пешком. С противоположного обычному конца города мы шли по улицам и по глухим переулкам. Он наслаждался, что его не узнают, и делал забавные замечания о встречных, о иных дачниках, любил заглядывать в закоулки и делать наблюдения. Где-то встретился знакомый мне хозяин музыкального магазина Юргенсон, добродушный немец, он узнал меня, не обращая внимания на спутника. «Ah, guten Tag, Herr Graf!»⁴ — удивленно поздоровался он с желанием остановиться и поговорить. Цесаревича очень забавляла эта встреча. В следующий раз, когда повторилась подобная прогулка по Павловску, он все справлялся, не встретим ли мы Юргенсона. <...>

<...>

Однажды, это было очень давно, цесаревич еще командовал дивизией, поехали мы в английском экипаже fourinhand⁵ из Царского в Красное. Он сам правил⁶. С ним был англичанин Гичанс (кучер), с которым он охотно вел разговор на английском языке, хотя и дале-

ко не правильном. Ехали великий князь Владимир Александрович, Козлов, Барятинский, Стюрлер и я. Дождя не было, и небо было довольно ясно. Дорогою показалась туча, и слышались раскаты грома, но воздух не был грозный. Туча медленно приближалась, но небо еще над нами было чисто. Вдруг странный удар мы почувствовали, словно кто-то ударил нас в спину, и невольно покачнулись вперед. Покачулся и цесаревич, лошади стали. В воздухе почувствовался запах гари, и дышать было трудно. Нас ошеломило, но дождя ни капли, только неподалеку от нас дымился куст! Мы невольно переглянулись и спросили, не молния ли? Один цесаревич остался невозмутим и, щелкнув, погнал лошадей по направлению к Красному.

День в лагере распределен был по часам. Утром смотры и учения; завтракали и обедали все вместе; до обеда кегли, вечером карты и к концу лагеря театр. В таких случаях бывал и ужин. Небольшая столовая с довольно скучными фотографиями, надоевшими всем нам беспредельно. На одной была изображена группа Собственного конвоя, и мне эта картина особенно опротивела. Рядом с столовой — кабинет с письменным столом у окна и диваном. Коричневый цвет преобладал. Затем очень небольшая спальня. Одно время цесаревич пристрастился к кегельной игре. Собирались мы все и делились на две партии. Иногда заходили и гости: принц А. П. Ольденбургский, великий князь Владимир Александрович, А. Перовский и адъютанты. Случайно мне стали удаваться удары. Цесаревич брал меня всегда в свою партию. Я играл неправильно, но был у меня фортель применительно к неправильной доске, который иногда удавался. Цесаревич всякий раз с живостью подхваливал или побранивал. Когда я брал шар, он говаривал: «Ну, увидим шереметевский удар»..., «вот он!»; когда валились «пять с попом» он ликовал, повторяя: «Вот он, шереметевский удар!» Вообще же, он был слишком горяч в игре и уж если кто играл плохо, то и не попадайся — проходу не давал. В карты я не играл и томительно скучал, когда играли другие. Цесаревич замечал иногда нетерпение и тогда, будто не видя, выдерживал еще дольше. Редко и только в крайности привлекали и меня. Играл я из рук вон плохо, но отделался скоро и неожиданным образом. Когда приходилось расплачиваться, я вынимал бумажки, которые словно нарочно оказывались до того засаленными, что цесаревич приходил в комическое негодование: «Нет, что за мерзость, откуда у Вас такие бумажки?» Раз даже вытащил я полуразорванную в бумажной рамке, явление небывалое за царскою партией и при дворе. «Что за мерзость, нет уж, это слишком, дайте мне ее!» — и тут же сжег на свечке. Большею частью меня обыгрывали, и цесаревич тогда говорил: «Играли на шереметевский счет». Но меня скоро освободили от этой обязанности, я отыгрался на кеглях.

В Красносельский театр цесаревич ездил неохотно. Еще свежи были предания о Числовой, процветавшей на этой сцене, где хозяином был великий князь Николай Николаевич с его свитой, особенно претившей цесаревичу. Но памятен мне один спектакль, когда играла приехавшая из Москвы актриса Ермолова. Она была еще молода и играла бесподобно. Она произвела на всех сильное впечатление, и долго потом за ужином у цесаревича говорили о ней, и он также ею восхищался. Позднее, когда я спрашивал его об ней, он выражал сожаление, что она попала под другое влияние⁷.

Каких не бывало разговоров за столом у цесаревича! Любил он сидеть долго по окончании трапезы, и тут-то в хорошие дни он переходил от одного разговора к другому и всегда поражал своим ясным здравым смыслом и меткостью суждений. Еще более памятливы и еще более непринужденны бывали эти разговоры в дороге, в вагоне или на море, в особенности во время плавания, когда он всегда был в духе, когда он чувствовал себя дома, среди любезной ему стихии. Мне пришлось не раз с ним плавать. На «Штандарте» ходили мы в Копенгаген, где я провел с ним около месяца. Он наслаждался морскими картинами, любовался, рассматривая в свой бинокль необъятные горизонты. Вся жизнь на судне была ему хорошо известна, и он входил во все подробности морской службы, во все нужды команды и каждого матроса. Плавание продолжалось трое суток. На последние сутки сильно за свежело, когда мы миновали о[стров] Борнгольм. К ночи качка стала невыносима. Здесь опять я обнаружил мой серьезный недостаток для придворного человека. Я не охотник был до морских треволнений, и качка мне была несносна, хотя я и не страдал обычною морскою болезнью, но у меня была постоянная бессонница, и нервное от того возбуждение достигало значительных размеров, особенно ночью. Все эти движения судна, скрипы, крики команды, движения и возгласы меня раздражали. Я только удивлялся невозмутимому настроению цесаревича, которого никогда не укачивало, и имевшего все качества морского офицера. Спал он отлично, аппетит был превосходный, настроение прекрасное, а тут вас ломает во все стороны, волны так и хлещут и тьма непроглядная! Однажды, сидя в общей каюте, заметили мы особую возню на палубе, и вдруг раздался пронзительный звонок. «Что такое?» — твердо, но спокойно спросил цесаревич. Командир бросился на палубу, но вскоре вернулся успокоенный — то была фальшивая тревога. Цесаревич все время был невозмутим. К утру показался маяк Falsterbo на шведском берегу; качка все та же невыносимая, душу выворачивающая, и вдруг судно круто меняет направление и мгновенно стихают волны! Нас покачивает, но уже совершенно иначе, перед нами берега с двух сторон: мы вступали в Зунд. Уже совсем рассвело, ветерок продувал живительно, лица

прояснились. Вот показалось навстречу судно — то королевская яхта «Danebrog», на ней развевается красный флаг с большим белым крестом — это королевский штандарт. От судна отделяется шлюпка, дружно гребут гребцы, мы узнаем цесаревну, и она машет платком. Цесаревич в мундире, в Датской ленте стоит на палубе и машет ей навстречу весь сияющий после долгой лагерной разлуки.

Мы прожили около месяца в загородном дворце Berndorf, и я узнал порядки датского двора, водворившись в небольшом домике среди парка, называемом Friangl. Со мною в одном доме жил В. В. Зиновьев, еще прибывший с цесаревной. Ему порядочно надоела эта жизнь, и он меня не ободрил своими рассказами. Действительно, я редко так скучал, как в этой чуждой для меня, неподходящей обстановке. Весело было, однако, смотреть на цесаревича. Он совершенно как у себя дома, и настроение самое радужное. С королем и королевой дружественно почтителен, но вполне непринужден, с прочими членами семьи без всяких церемоний. Он шутил, подтрунивал даже с братьями короля принцами Гансом и Вильгельмом. Он особенно сочувствовал последнему, большому чудаку, человеку необыкновенно застенчивому и скромному и в то же время отчаянному рубаке, простреленному и израненному на войне, на австрийской службе. Помню, однажды вечером цесаревич предложил прогулку пешком по окрестностям Берндорфа. Мы вышли в поле, довольно долго и далеко ходили проселочными дорогами, мимо жилья и пахаными полями. Цесаревич ходил скоро и неумоимо. Он любовался порядками и культурностью: всякий клочок обработан, ничто не пропадает даром. Он очень советовал осмотреть Копенгаген, потом подробно расспрашивал, где был и какие вынес впечатления. Тогда же, бывая у обедни в нашей домово́й посольской церкви, он высказывал желание, чтобы построен был открытый храм (ныне осуществившийся). Обратное плавание было не лучше первого. Сначала красивая ночь и заря с молитвою на палубе, все это торжественно и стройно. По отзывам моряков, переход обещал быть тревожным. Ветер все свежел и до того разыгрался, что мне показалось, что мы испытываем бурю. На вопрос мой, очень ли свежо, мне ответили: «10 баллов!» Еще два балла и шторм. До того качало «Штандарт», до того отстал конвоир, до того было темно и безысходно, что цесаревич решил бросить якорь неподалеку от Готланда с тем, чтобы в случае возможности шторма зайти в Висби. Между тем нам нужно было торопиться, потому что Государь вызывал цесаревича в Новочеркасск, и курс был на Либаву, где ожидал поезд. Не забуду я эту стоянку на якоре. Качка стала еще хуже. То и дело зажигали фальшфейера⁸ во избежание столкновений в непроглядную ночь. Когда же пошли поперек Балтийского моря, мучения казались бесконечными. К утру на меня нашло состояние

полного уныния. Цесаревич, глядя на меня, признался, что и он плохо спал и давно не помнит такого дурного перехода. Он старался меня ободрить шутками и после долго припоминал это утро. Но всему есть предел, вот и Либава с плоским берегом Курляндии, казалось и конец, но вдруг: «Стоп машина!» Что такое? Быстро находят белые водянистые пары, вот они обхватили нас со всех сторон и ничего не видно. «Туман», — слышался голос командира, нужно переждать, нельзя подойти к берегу. Зато какое блаженство испытывал я и не верил действительности, когда мы покатали чугункою к Смоленску. Здесь была остановка и прием, появились ящики с смоленскими конфетами, подносимыми цесаревичу. Еще немного, и цесаревич отпустил меня в Москву и в Остафьево, сам же с сменившим меня Барятинским направился в Новочеркасск.

<...>

Ездок он был плохой и вообще не охотник до верховой езды. Кавалерийской жилки у него не было, и это ставилось ему многими в упрек. Зато в море он был в своей стихии. Пехотную службу он знал и входил в подробности. Вообще же, не любил показной стороны, парадов, разводов, смотров, церемониальных маршей, на которых многие прежде собаку съели. Но его интересовали стрельба, оружие и довольство войск. Впрочем, Государь Александр II ездил неважно, постоянно шпоря лошадь, когда она стояла на месте, и не замечая того. Большею частью любил цесаревич небольших казацких лошадей кабардинцев с ходой. Как-то рассказал я ему, какой совет дал мне начальник гвардейской пехотной дивизии барон Родриг Бистром. Когда шел дождь, он советовал медленно поворачиваться, чтобы все стороны тела были бы одинаково подмочены. Цесаревич разразился хохотом и всегда потом припоминал совет Бистрома. <...>

Особенно памятны мне бивуаки⁹ в разное время и в разных местах, как хлопотал цесаревич об удобном размещении палаток, и здесь мне стало ясно, насколько он был сметлив и практичен. Замечательная была у него сноровка сравнительно с покойным Государем, который всегда суетился и горячился на маневрах. Цесаревич отличался противоположными свойствами. Не раз, не довольный какими-либо действиями, Государь вызывал к себе цесаревича для резких иногда объяснений. И тут не изменяло ему обычное хладнокровие. Бывало, как Государь сильно горячится, волнуется по мере того, что говорит, глаза становятся совсем круглыми, голос и без того картавый становился раздражительным и крикливым. Очень неприятно было видеть его в такие минуты, чувствовалось что-то не-сильное¹⁰ в этом раздражении, которое с годами все увеличивалось. Он не всегда держался меры, и многим приходилось от него выслушивать

неподходящие слова. Все это потом забывалось и говорилось сгоряча. Ничего подобного никогда не бывало с цесаревичем, он редко возвышал голос с войсками, но зато всякий оттенок действовал сильнее. Спокойствие, никогда его не покидавшее, передавалось подчиненным, и противоположность была очень резка. Он никогда и никому не говорил «ты». Николаевское поколение видело в этом что-то патриархальное и отеческое, но на самом деле оно¹¹ не всегда оправдывалось и только сбивало понятия. Этим нередко пользовались, и допущение фамильярности служило лишь одним из средств для многих проходимцев, устраивающих свои личные дела. Ни тени «фамильярности» никогда не допускал себе цесаревич. Он иногда трунил, подшучивал, но всегда забавно, с свойственным ему юмором и всегда в известных пределах. Говорят, что цесаревич был на «ты» с гр[афом] Воронцовым. Это весьма вероятно по действительной их близости, но никто никогда этого не слышал. Ручаюсь, что никому никогда не говорил он «ты», и потому все свидетельства, в которых будут изложены разговоры с ним без соблюдения этого оттенка, должны подвергнуться сильному сомнению. Не любил он также, когда его целовали в плечо, а руки он никогда не давал, и когда находились желающие, он порывисто и с явным неудовольствием устранял свою руку. Только в редких исключительных случаях я целовал его в плечо. Только один раз поцеловал он меня в голову — это было в Москве, после Борков; только один раз я поцеловал его руку — это было 1 марта 1881 года, когда он протянул мне ее перед телом Императора Александра II, тотчас после его кончины!

<...>

Кстати, о бивуачной жизни в походе 1877 года¹². Цесаревич особенно любил подмечать, как и кто по утрам вызывал к себе прислугу. В палатках все же, конечно, слышно и ежедневно повторялось одно и то же. Он любил следить за этим общим пробуждением свиты и представлял ее в лицах. «Сергей», — раздавался густой бас Оболенского. «Измаил», — нараспев и несколько гнусаво зывал Владимир Шереметев... Перечисляя других, цесаревич обыкновенно кончал мною и передразнивал, как я нетерпеливо звал своего «Ивана» (Маркова). Вообще, последний был лично известен цесаревичу и типом своим, кажется, ему нравился. Во время похода он иногда говорил с ним и не раз потом об нем спрашивался.

<...>

Живо помнится мне бивуак на маневрах под Осиновой рощей¹³. В большом Левашевском доме помещался Государь. Мы все жили в палатках у озера. После отбоя цесаревич поехал в город и сильно

проголодался. У него была с собою провизия, и он недоумевал, где бы остановиться и закусить. Проезжаем мимо дворца принца Ольденбургского. Его осенила мысль остановиться у «дяди Петра», которого в то время в Петербурге не было. В доме все было убрано по-летнему, везде чехлы и все завешено. Прошли в кабинет принца Петра и здесь расположились по-бивуачному. Появился Мебус (Möbus), старый, испытанный слуга дома Ольденбургских, второпях он начал устраивать. Цесаревич был в отличном расположении духа, шутил, и его забавляла мысль, что в степенный кабинет принца Петра Георгиевича вторгнулись прямо с улицы и произвели некоторый беспорядок.

<...>

Одним из выдающихся воспоминаний похода 1877 года была поездка моя по приказанию цесаревича в Горный Студень в главную квартиру Государя (18–20 августа 1877 г.). Когда мы стояли бивуаком в Ханжекиое, пришло известие о прибытии в нашу аванпостную цепь турецкого парламентаря. Он объявил, что имеет что-то лично передать главнокомандующему, но письмо Мехмета Али отдал, и оно было привезено в Ханжекиой. (Сюда входит поездка моя «парламентарем».) Я получил от цесаревича приказание с этим письмом ехать в Горный Студень. Выехал я из Ханжекиоя в 6 часов утра, в коляске четвернею, с ямщиком Яковом, взяв с собою Ивана и урядника на козлы. Дорога порядочная на Банницы, потом через Валанбулар в Белу. В двух местах только пришлось отпрячь пристяжных. В Горном Студне я тотчас же после главнокомандующего направился в главную квартиру Государя на берегу лоцины. Он жил в двухэтажном доме, вокруг которого расположены были палатки свиты и большой обоз. Я прошел к этим палаткам и тут же увидел другой деревянный дом с оригинальным балконом, на котором князь Черкасский играл в карты с Гамбургером. Тут же стоял Мезенцов и некоторые из свиты. О моем прибытии тотчас же доложили Государю. Прибежал камердинер и объявил, что Государь меня ждет. Я тотчас же пошел, и меня без доклада ввели в комнату Государя. Он встретил меня со словами: «Здравствуй, мой милый!» Государь сидел перед небольшим письменным столом, к которому прислонен был другой стол с бумагами. Тут же походная кровать и дорожный складень с иконами. Комната небольшая, узкая, всего в два окна. Вот все, что я мог заметить. Государь показался мне бледным, лицо грустное и усталое. Он спросил меня о причине приезда, о парламентаре, о наших позициях, и я должен был на карте показывать ему расположение наших войск и главной квартиры¹⁴. Потом начал он говорить о Шипкинском бое¹⁵, рассказывал подробности защиты и несколько раз взволнованным голосом повторял: «Это герои, это герои, это тот же Севастополь!» Я спросил его, не будет ли

приказания. Он сказал: «Я телеграфирую, что тебя задержал». Потом ласково улыбнулся и простился со словами: «Поди отдохни». Меня пригласили к обеду. В большой палатке накрыт был длинный стол. После обеда Государь пошел к своему балкону, подали кофе. Около него сидели великий князь Николай Николаевич, военный министр Милютин, князь Суворов, граф Адлерберг, гр[аф] Игнатъев. Государь меня подозвал, спросил о цесаревиче, продолжает ли он ежедневные свои прогулки пешком, и потом, улыбаясь, добавил: «Устает, а потом жалуетса, что аппетит пропадает». На следующий день еще до завтрака Государь меня подозвал и грустно сказал: «А у вас идет бой». И тут же приказал готовиться к отъезду с великим князем Сергеем Александровичем с тем, чтобы ночевать в Беле. Я уехал из Горного Студня под грустным впечатлением всего, что окружает Государя. Но сам он казался мне страдальцем и таким добрым, ласковым, что мне стало еще грустнее от мысли, [во] что его вовлекли недобрые люди.

<...>

Время, предшествовавшее войне 1877 года, было временем печальным, когда под дружный хор всей прессы правительство поддавалось искусственному течению и напрашивалось на войну. Многие увлекались тогда идеею освобождения болгар, и сложная интрига исподволь подготавливала почву для удовлетворения многих честолюбий. На моих глазах люди хорошие и благонамеренные поддавались опьянению. Интрига не дремала вокруг двора цесаревича, и военная партия преимущественно старалась привлечь к себе цесаревича. Лица, пользовавшиеся его сочувствием, — Черняев, Фадеев и пр., деятельно старались привлечь его к сочувствию готовящейся затее. Отчасти им удалось повлиять на графа Воронцова, а косвенно и на цесаревича, который принимал к сердцу готовящееся движение и по молодости лет и неопытности содействовал известному настроению¹⁶. Я помню радость иных, когда было разрешено вступать в сербские добровольцы. Этим решением, по мнению многих вполне справедливому, предreshалась война. Этому сочувствовали многие со включением графа Воронцова, но этому не могли сочувствовать мы, которые придерживались взгляда, выраженного кн[язем] П. А. Вяземским в одном из его знаменательных писем. В Александрии узнал я о разрешении, данном русским офицерам, [вступать] в ряды добровольцев в Сербию. Известие это сообщалось окружающим цесаревича с торжеством, как признак неизбежности войны. Но когда наступила война и цесаревич очутился на ответственном и рискованном посту, он сразу прозрел и понял роковую ошибку. Вообще, война 1877 года много содействовала его развитию: мысли его созрели, и он навсегда получил отвращение от войны. То положение, в которое он был поставлен

с слабыми силами против сильнейшего врага, было, на мой взгляд, почти изменой. Для многих провал цесаревича был желательным и входил в их расчет. Слабый Государь поддавался влияниям и не мог предвидеть результатов войны и всей системы. Но цесаревич быстро пришел в себя и осознал, куда ведут Государя люди глупые или недобросовестные. «Руцукский отряд» среди войны 1877 года выделяется своею изолированностью, но коварная цель не была достигнута. Сочувствия порядочных людей склонялись в сторону Руцукского отряда, и отсюда ожидали обновления в будущем. <...>

Ужины 30 ноября в память Мечки продолжались ежегодно после 1877 года и непрерывно до 1893 года. Сначала в манеже Аничкова дворца, в походной обстановке, потом на квартире В. В. Зиновьева и, наконец, в Гатчине, в особой комнате запасной половины, где висели портреты некоторых генералов 12-го года. Для перемены один ужин устроен был на ферме Гатчинской, другой в приорате. <...> Я обыкновенно оставался ночевать в Гатчине и на другой день у Государя завтракал. Всегда разговор шел о впечатлениях ужина. <...> Окончательно установились ужины на запасной половине. Государь принимал наше угощение, распорядителями почти всегда были Васильковский и Мартынов. Закуска была московская, обильная, повар Эрнест от «Медведя», protege Мартынова. Государь приходил часов в 10. Мы все встречали его, и начиналась игра в карты. Садились за столом, только я, по обычаю, не играл да еще князь Н. С. Долгорукий. Нам ставили по приказанию Государя шахматный стол. Когда очередь его была выходить из игры, он переходил в другую комнату и подсаживался к нам. Раз повел он меня показывать комнаты, устроенную им библиотеку из периодических изданий. Всякий раз готовились особые меню, которые присылались всего чаще художником Поленовым, бывшем в Руцукском отряде при цесаревиче. Государь ежегодно записывал, кто были участниками ужина, и эти меню с подписями его под стеклом и в рамках развешивались по стенам. В 12 часов все подходили к закусочному столу и затем садились ужинать. Государь занимал место во главе стола. Старшие около него Ванновский и Воронцов. Мне приходилось большею частию сидеть около Васильковского. Ужин продолжался долго, иногда до 3 часов. В последние годы кончались они скорее. Пили за здоровье начальника Руцукского отряда (гост провозгласит Ванновский). Государь вставал и благодарил за угощение. Разговор был непринужденный, но не общий, потому что слишком было нас много за столом. Несколько лет подряд являлся за этими ужинами генерал Зарубаев, считавший себя обязанным рассказать два-три забористых¹⁷ анекдота. Иногда разговор принимал серьезное направление и был интересен. В последние годы по мере убыли участников стало однообразнее.

Воронцов отличался необыкновенною молчаливостью. Ванновский не мог придать оживления. Великий князь Сергей Александрович все время боялся расплескаться. Литвинов был невменяем. Стюрлер, казалось, начинал впадать в детство. Арсеньев разглагольствовал, стараясь оживить разговор. В общем, элементы были слишком разнородны. В 1893 году был последний Руцукский ужин. Государь призывал повара и хвалил его. Он казался утомленным и удалился ранее обыкновенного. На следующий день, когда я завтракал у Государя, он сказал мне, что ужины его стали утомлять и что он думает заменить их обедами, причем будет сам всех нас приглашать к себе, чтобы раньше садиться за стол и раньше можно было бы разойтись. Я сказал себе тогда, что настал конец этим ужинам, но не думал я, конечно, что конец будет иной.

<...>

III ВОЦАРЕНИЕ

Б. В. АНАНЬИЧ, Р. Ш. ГАНЕЛИН

Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 года

События 1 марта 1881 года на Екатерининском канале в Петербурге предрешили поворот в государственной жизни России. Провозглашенный новым императором Александром III после вступления на престол националистически окрашенный правительственный курс был подготовлен еще в бытность его наследником и вызревал под бдительной опекой его наставника К. П. Победоносцева, без стеснения воспитывавшего своего ученика в атмосфере открыто враждебной политики царствовавшего отца¹.

Знакомство К. П. Победоносцева с будущим императором состоялось в 1861 году, когда К. П. Победоносцеву было поручено преподавать законоведение цесаревичу Николаю Александровичу и его братьям Александру и Владимиру. Однако доверительные и близкие отношения между великим князем Александром Александровичем и его наставником установились только после смерти цесаревича Николая в апреле 1865 г. Смерть старшего брата открыла великому князю Александру Александровичу дорогу к трону. К. П. Победоносцев свою любовь и привязанность, которыми прежде пользовался цесаревич Николай, отныне дарил новому наследнику престола. Обнаружилось и духовное родство ученика и наставника. «Душа у него поистине прямая и честная — к нему привязаться можно. Сердце у него русское», — писал о наследнике в 1867 году К. П. Победоносцев².

Он уловил у своего воспитанника близкие ему самому симпатии ко многим из славянофильских идей. По мнению Ю. В. Готье, «через К. П. Победоносцева и, вероятно, через близкую когда-то к придворным сферам Анну Федоровну Аксакову Александр вошел в соприкосновение с московскими славянофилами и очень ими заинтересовался»³.

Возраставшее влияние К. П. Победоносцева на наследника, видимо, раздражало Александра II, однако он не препятствовал этому сближению активно. Впрочем, в 1867 году царь запретил рекомендованную К. П. Победоносцевым поездку наследника в Москву на похороны митрополита Филарета. Императорскую семью там должен был представлять великий князь Владимир Александрович. «Ничего не помогло, ни мои просьбы, ни просьбы матери», — жаловался наследник своему наставнику 24 ноября 1867 года⁴.

Уже конец 1860-х годов отмечен ростом недоверия в отношениях между сыном и отцом. Стало очевидным, что письма наследника престола подвергались перлюстрации. К. П. Победоносцев чувствовал, что царь стал относиться к нему с подозрением. Однако это не отразилось на его связях с наследником, и он продолжал свою линию поведения, подогревая оппозиционные императору настроения у самого наследника и его окружения. Как убедительно показал Ю. В. Готье, К. П. Победоносцев не любил Александра II, враждебно относился к его преобразованиям и «еще в наследнике Николае... видел “надежду”, в нем искал он “другого полюса”, и когда тот умер, то начал по-своему политически воспитывать его пока бесформенного и грубоватого брата и преемника»⁵.

Вокруг наследника постепенно объединилась значительная группа противников реформаторского курса Александра II. В конце 1870-х годов входившие в эту группу генерал Р. А. Фадеев и генерал-адъютант И. И. Воронцов-Дашков подготовили по своему духу контрреформаторскую программу преобразований в виде книги «Письма о современном состоянии России. 11–20 апреля 1879 — 6 апреля 1880». В самом начале 1881 года авторам удалось получить разрешение Александра II на издание этой книги за границей. В «Письмах» в резкой форме подверглась критике идея западного конституционализма. Ему противопоставлялись «живое народное самодержавие», организованное земство, способное воплотить «идею единения царя с народом» и признающее «царя царем, а не главой исполнительной власти». В «Письмах» критиковался «непомерно громадный бюрократический механизм», зараженный нигилизмом, и содержался призыв к восстановлению допетровских государственных форм, в частности, земских соборов. Программа Р. А. Фадеева и И. И. Воронцова-Дашкова получила поддержку со стороны некоторых из славянофилов, и прежде всего И. С. Аксакова⁶.

Таким образом, в окружении наследника выработывалась политическая программа со славянофильским оттенком, альтернативная официальному курсу.

Между тем уже в конце 1860-х годов отношения между царем и наследником обострились на семейной почве. Причиной тому

стал роман Александра II с Екатериной Михайловной Долгорукой, впоследствии княгиней Юрьевской.

Выстрел Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 года у Летнего сада в Петербурге открыл серию последовавших затем покушений на императора. В конце августа 1879 года Исполнительный комитет Народной воли принял решение о том, чтобы направить все усилия на цареубийство. Революционный кризис никак не отразился на отношениях между наследником и его окружением, с одной стороны, и императором — с другой, скорее он совпал с их обострением, вызванным смертью императрицы и усилением влияния Долгорукой.

В начале 1879 года К. П. Победоносцев уже не просто, как это бывало прежде, жаловался своим корреспондентам на то, что ему «надоели преобразования» императора, но отзывался о нем как о человеке ничтожном и ни на что не способном⁷. «О самом владыке и говорить нечего, — писал К. П. Победоносцев 29 января Е. Ф. Тютчевой, — он жалкий и несчастный человек, и нет ему возвращения вспять. Бог поразил его: у него нет силы встать и управлять своими движениями, хотя и воображает себя живым и действующим и властным. Явно, что воля в нем исчезла: он не хочет слышать, не хочет видеть, не хочет действовать. Он хочет только бессмысленною волею чрева»⁸.

Среди заслуживающих доверия источников, позволяющих восстановить картину того, что происходило в Зимнем дворце в последние годы царствования Александра II, — воспоминания Александры Андреевны Толстой «Печальный эпизод из моей жизни при дворе. Записки фрейлины»⁹. Это сочинение было написано в 1899 году, т. е. в период царствования уже Николая II. Оно специально посвящено конфликту между Александром II и наследником и носит назидательный характер. Записки А. А. Толстой кончаются сентенцией, обращенной, очевидно, к последним Романовым: «Дорогие августейшие дети, живите в добре, чтобы в добре умереть. Не шутите с жизнью! Она серьезна, очень серьезна, потому что кончается вечностью»¹⁰.

А. А. Толстая была хорошо знакома с придворной жизнью. В 1846 году она была назначена фрейлиной великой княгини Марии Николаевны, дочери Николая I. Двадцать лет спустя, в 1866 году, А. А. Толстая переехала из Мариинского дворца в Зимний. Она получила шифр фрейлины императрицы и выполняла обязанности воспитательницы великой княжны Марии Александровны вплоть до ее замужества в 1847 году. На глазах А. А. Толстой в Зимнем дворце разворачивались драматические события в семье царя, а после смерти императрицы 22 мая 1880 года, она даже в какой-то степени стала участницей вспыхнувшего конфликта между наследником и царем.

А. А. Толстая была не просто сторонним наблюдателем, она принадлежала к партии императрицы, с ненавистью относилась к Екатерине Юрьевской и резко осуждала поведение Александра II¹¹. «Преступная связь императора, — писала она в своих воспоминаниях, — казалось, открыла эпоху покушений на его жизнь. Здесь широкое поле для размышлений несколько мистического толка, но они невольно закрадываются в душу»¹².

А. А. Толстая с беспокойством следила за развитием семейного конфликта, обострившегося в связи со смертью императрицы. После похорон вся царская семья переехала в Царское Село и только чета наследников, пробыв там короткое время, покинула его, чтобы провести лето в Гапсале. Царь был раздражен этим отъездом, «сухо и резко» отвечал он на расспросы о наследнике¹³.

Прошло не более полутора месяцев со дня кончины императрицы, и 6 июля 1880 года около полуночи Александр II тайно обвенчался с Долгорукой в походной церкви, размещенной в одном из залов Царскосельского дворца.

В связи с этим Александр II подписал акт в Сенате о своем вступлении в мorganатический брак с княжной Долгорукой и о предоставлении ей титула Светлости и имени княгини Юрьевской. То же имя и титул получили их дети: сын Георгий восьми лет и дочери — Ольга семи лет и Екатерина двух лет.

На церемонии венчания присутствовали только доверенные лица: свидетели императора — министр двора А. В. Адлерберг и генерал-адъютант Э. М. Баранов, свидетели Е. Долгорукой — генерал-адъютант А. М. Рылеев и близкая к ней Варвара Шебеко. Однако слух об этом событии довольно быстро распространился в придворных кругах. А. А. Толстая узнала о нем из первых рук — от своего друга А. В. Адлерберга, осуждавшего поступок Александра II, но вынужденного уступить настояниям императора и согласиться на роль свидетеля. Со слов придворного архиерея Никольского А. А. Толстой было известно, что император, отдавая приказание подготовить все к обряду венчания, произнес: «Я хочу умереть честным человеком и должен спешить, потому что меня преследуют убийцы»¹⁴.

Наследник узнал о случившемся далеко не первым, только 19 августа, когда приехал из Гапсаля, чтобы повидаться с отцом перед его отъездом в Крым. В середине сентября наследник с семьей также отправился в Крым. О том, что происходило в Ливадии, А. А. Толстой рассказала сама цесаревна Мария Федоровна. Царь обещал хранить в тайне свой брак с княгиней Юрьевской до истечения срока траура, но не сдержал слова. Княгиня Юрьевская поселилась не в своем «тайном доме», где она обычно останавливалась во время

пребывания царской семьи в Крыму, а в Ливадийском дворце. Император требовал от четы наследников постоянного общения с нею и стремился сблизить своих детей от Юрьевской и внуков. Попытки Марии Федоровны противостоять этому вызвали гнев императора. Он напомнил ей, что «она всего лишь его первая подданная»¹⁵.

В ноябре 1880 года царь вернулся в Петербург. Новое положение Юрьевской стало теперь широко известным и встретило оппозицию. Подала в отставку фрейлина императрицы Дарья Тютчева. Покидая Зимний дворец, она обратилась к А. А. Толстой со словами: «Запомните, Александрин, что я вам сейчас скажу: у меня верное предчувствие, что все переменится. Не знаю, что произойдет, но вы увидите, что через три-четыре месяца вся гадость будет выметена из Зимнего дворца»¹⁶. «Общественное мнение как во дворце, так и в городе было возбуждено, — утверждала А. А. Толстая. — То и дело возникали семейные скандалы...» Как сообщил А. А. Толстой М. Т. Лорис-Меликов, «однажды в порыве гнева государь даже заявил наследнику, что отправит его вместе с семьей в ссылку... Положение наследника становилось просто невыносимым, и он всерьез подумывал о том, чтобы удалиться “куда угодно... лишь бы не иметь больше ничего общего с этой кабалой”»¹⁷.

А. А. Толстой было «твердо известно», что Александр II «помышлял о коронации княгини Юрьевской», причем «образцом и прецедентом» должна была послужить коронация Екатерины I. «Были перерыты архивы» в поисках документов, относящихся к этому событию¹⁸. «Будущая императрица заказала в Париже мантию для своей коронации, и многие приближенные императора видели шифр для фрейлин Екатерины III, придуманный им самим»¹⁹.

«Положение было более чем трагическим, — оценивала А. А. Толстая ситуацию, сложившуюся в царской семье накануне 1 марта. Оно казалось безвыходным — впереди никакого выхода и спасения!..»²⁰

Туго затянутый узел семейного конфликта, грозившего перерасти в династический, был разрублен покушением на Екатерининском канале. «Как только случилась катастрофа 1 марта, было забыто и прощено все, кроме того, что наш государь был жестоко и несправедливо убит», — писала А. А. Толстая²¹.

Сообщаемые А. А. Толстой сведения о намерении Александра II короновать Юрьевскую и о вспышке семейного конфликта на этой почве подтверждают и другие источники, в частности воспоминания А. Н. Куломзина. Куломзин, занимавший с 1883 по 1902 год пост управляющего делами Комитета министров, писал, будто «наследник объявил императору, что, если состоится коронация Юрьевской, он с женой и детьми уедет в Данию, на что последовала со стороны

Александра II угроза в случае такого отъезда объявить наследником престола сына, рожденного до брака от Юрьевской — Георгия»²².

П. А. Зайончковский в своем исследовании «Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов» привел показания по этому же поводу Б. Н. Чичерина и великого князя Александра Михайловича. Б. Н. Чичерину было известно, что в Москву для поиска в архивах сведений о коронации императрицы Екатерины I был отправлен как специалист по церковным вопросам Третий Филиппов. Он нашел необходимые документы и уже возвращался с ними в Петербург, когда произошли события 1 марта. Александр Михайлович о предполагаемой коронации Юрьевской слышал еще от своих родителей, а сам был свидетелем того, как Александр II, обращаясь к Георгию, в полушутливой форме спросил его: «А не хочется ли, молодой человек, Вам сделаться великим князем?»²³

О том, насколько серьезную угрозу для себя видело в возможности коронации Юрьевской окружение наследника престола, легко себе представить из письма Р. А. Фадеева своему племяннику С. Ю. Витте 14 марта 1881 года. «Я спрашивал у людей, самых близких покойному государю, — писал Фадеев, — постигают ли они продление прошлого царствования на 10 лет и что из нас вышло бы в таком случае? Они ответили в один голос, что не постигают. Доходило до того, что люди, сросшиеся с покойным, — Адлерберг, Милютин и Вердер, — хотели отшатнуться, оставить места вследствие домашних интриг и новых людей, вылезавших из щелей женской половины Зимнего дворца. В августе было назначено ее коронование, и главное влияние утвердилось бы в совершенно невозможных руках. Об этом не нужно говорить, чтобы не ослабить сокрушающего впечатления, которое может в текущее время объединить и скрепить нравственно Россию. Но там, свше, где управляют участью землею, лучше знают, что и для чего делается»²⁴.

Это был отклик на событие 1 марта 1881 года по горячим следам. А много лет спустя был записан рассказ о связанных с этим событием обстоятельствах, принадлежавший А. И. Дмитриеву-Мамонову, генеалогу и автору книг «Начало печати в Сибири» (1900), «Декабристы в Западной Сибири» (1905), «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири» (1907), занимавшему в 1870–1890-х годах вице-губернаторские посты в Сибири. Записал этот рассказ состоявший при С. Ю. Витте — председателе Совета министров А. А. Спасский-Одынец. Он занимался ознакомлением Витте с пресой и организацией воздействия на нее. Аналогичные обязанности выполнял сын А. И. Дмитриева-Мамонова — В. А. Дмитриев-Мамонов, с которым Спасский-Одынец был в дружбе. По его утверждению, он записал рассказ отца своего друга «слово в слово». Суть

рассказа сводилась к тому, что А. И. Дмитриев-Мамонов перед 1 марта возглавлял охрану царя и его семьи, которая подчинялась не Министерству внутренних дел, а министру императорского двора графу А. В. Адлербергу. Только ему и Дмитриеву-Мамонову были известны маршруты поездок царя. Начальнику охраны в нужных случаях подчинялась петербургская полиция и жандармерия. Он и министр двора получали все сведения, имеющиеся в МВД. В сообщениях о готовящемся покушении, — рассказывал Дмитриев-Мамонов, — не было недостатка, но все они были анонимны.

Однако утром 1 марта было получено подписанное сообщение, в котором место и обстоятельства покушения были названы, как потом оказалось, совершенно правильно. Дмитриев-Мамонов, по его словам, отнес письмо Адлербергу и доложил о необходимости отменить обычный в этот день выезд или изменить маршрут. Адлерберг на это ответил: «Не далее как вчера после ужина и в присутствии наследника государь строгим голосом почти крикнул мне: “Слушай, Адлерберг! Я тебе уже не раз говорил и еще раз приказываю: не смей мне ничего докладывать о готовящихся на меня покушениях... оставьте меня в покое... принимайте меры, ты и Дворжицкий²⁵, какие признаете необходимыми, но я хочу остаток жизни по воле божьей прожить в покое!”²⁶ Вы понимаете, как я могу после такого, к тому же в такой резкой форме данного, приказа докладывать его величеству и настаивать еще на отмене выезда»²⁷.

Тогда А. И. Дмитриев-Мамонов предложил поставить в известность наследника, но того не оказалось в Петербурге и найти его не удалось.

«Почему же, спросил я у Дмитриева-Мамонова, — писал Спасский-Одынец, — Вы сами помимо министра не попытались доложить государю о смертельной опасности, которая ему угрожала, ведь Вы же знали существующую на этот случай статью закона?»

«Прежде всего потому, — ответил Дмитриев-Мамонов, — что Адлерберг был все время до момента этого рокового отъезда государя плечом к плечу с ним, как же я мог в присутствии министра докладывать государю?» «На третий день после покушения вступивший на престол Александр III меня допрашивал, — продолжал он, — и поставил вопрос: почему я не доложил государю, вопреки министру, как того требует закон от каждого верноподданного. Я вновь доложил все, что мне передал министр двора о запрещении покойного государя, отданном в присутствии вашего императорского величества, повторив дословно сказанное мне Адлербергом. При этих словах император строго взглянул в лицо министра и сказал: “Да, я был недалеко от Вас, граф, но того, что говорил мой мученик отец Вам и какое приказание он Вам дал,

я не слышал”»²⁸. В результате Дмитриев-Мамонов оказался Омским вице-губернатором. На этом посту он пробыл все царствование Александра III, считая себя сосланным.

По ряду причин мы не можем считать это сообщение безусловно достоверным, хотя надо отметить, что Лорис-Меликов просил Александра II воздержаться от поездки, ссылаясь на сведения о готовящемся покушении²⁹. Включив запись этого рассказа Дмитриева-Мамонова в свои воспоминания, Спасский-Одынец и сам уделит внимание теме 1 марта. Он исходил из некой преднамеренности действий Адлерберга. Объяснял он это его враждебными отношениями с княгиней Юрьевской, отвергая утверждения С. Ю. Витте о том, что Адлерберг благоприятствовал роману Александра II³⁰. Ссылаясь на воспоминания кн. В. В. Барятинского, напечатанные в 1930-х годах во французских изданиях (нам не известные), Спасский-Одынец доказывал, что княгиня Юрьевская считала Адлерберга своим злейшим врагом, и он не только не способствовал ее венчанию с Александром II, но, наоборот, пользуясь своей с ним дружбой, до конца сопротивлялся их браку. Когда же сопротивление его оказалось бесполезным, и он должен был стать как министр двора свидетелем при бракосочетании, то явился, к негодованию царя, во фраке, а не в генерал-адъютантском мундире, чтобы подчеркнуть свое неуважение к этому браку. И уволен Адлерберг Александром III был по словам Спасского-Одынца, «за непредотвращение покушения», а вовсе не по указанным Витте причинам, среди которых было благоприятствование роману Александра II.

Спасский-Одынец со слов осведомленных современниц, бывших подруг княгини Юрьевской по Смольному институту и свитских фрейлин Марии Александровны, подтвердил намерение Александра II не позднее осени 1881 года короновать свою жену императрицей.

Возвращаясь к оценке роли охраны в случившемся 1 марта 1881 года, отметим, что Воронцов-Дашков, ставший министром двора, и Фадеев создали по инициативе Витте добровольную аристократическую организацию для борьбы с революцией — «Святую дружину». Необходимость ее существования объяснялась тем, что официальная полиция неспособна выполнить свое предназначение — уберечь государя и его семью. При этом Александру III внушались фантастические версии случившегося. Одна из них, принадлежавшая Фадееву, представляла царю чуть ли не создателем «Народной воли», «человеком, который заведомо положил начало организации, убившей его отца», генерала Н. Н. Обручева³¹. Другая состояла в том, что убийство «вызвано еврейскими интригами, направленными на уничтожение всех монархов». Для подтвержд-

дения этого агенты Департамента полиции предприняли в Париже в начале 80-х годов сбор «документов». Делалось это, чтобы утешить царя, который, как считалось, был особенно огорчен тем, что «убийство его отца всецело было подготовлено и осуществлено русскими, и в частности русскими, принадлежащими к высшему классу общества»³². Но что на самом деле думал Александр III и в каком утешении он нуждался, остается не ясным.

Е. А. ПЕРЕТЦ

<Дневник государственного секретаря>

<Фрагмент>

1881 год

1 марта.

В два часа приехал ко мне статс-секретарь Государственного совета Н. М. Рембелинский, совершенно встревоженный, и сообщил мне, что до него дошел с двух различных сторон слух о новом и притом ужасном покушении на жизнь государя¹. Я немедленно поехал с ним в Зимний дворец. К несчастью, весть была справедлива. По улицам была заметна какая-то особенная суетливость; все спешили ко дворцу. Туда же шли быстрым шагом войска; около дворца разъезжали казачьи патрули. В темном коридоре дворца*, находящемся около покоев государя, застал я уже многих высших сановников и придворных, а также дам. О подробностях страшного покушения узнали мы от конвойных казаков, бывших в коридоре. Некоторые из них, несмотря на раны, наскоро перевязанные носовыми платками, не покидали своих мест. Надежды на спасение государя не было.

В кабинете государя, куда его величество был принесен на походной кровати, была только царская семья, граф Адлерберг и граф Лорис-Меликов. В три четверти четвертого пришли нам сказать, что государь скончался. Почти все плакали. Горе было неподдельное.

В шестом часу вышел из кабинета государя великий князь Константин Николаевич, бледный, как мертвец, но спокойный. Крепко пожав мне руку, великий князь сообщил мне прерывающимся голосом, что вид тела покойного ужасен. Нижняя часть туловища страшно обезображена: кости обнажены и раздроблены, мясо висит кусками... Его высочество не мог окончить того, что хотел сказать, закрыл себе

* В сущности, длинная-предлинная зала. Он называется темным, потому что не имеет окон; освещается и днем лампами.

лицо руками и зарыдал. Это происходило в конце коридора, вдали от собравшихся во дворце.

Когда великий князь несколько успокоился, я доложил ему о необходимости созвать членов Государственного совета в чрезвычайное заседание для принесения присяги новому императору. Вместе с тем я просил дозволения приехать к его высочеству, хотя бы поздно вечером, если бы оказалось необходимым сделать какое-либо экстренное распоряжение.

Великий князь разрешил мне это. Затем он мне объявил, что воцарившийся государь примет Государственный совет завтра, после выхода, в малахитовой зале. Между тем, еще до прихода великого князя, я поручил Рембелинскому немедленно вытребовать из архива дело о вступлении на престол императора Александра Николаевича для того, чтобы иметь под собою твердую почву в необходимых распоряжениях.

Когда великий князь уехал, я встретился в коридоре с Сольским, совершенно расстроенным. Он сообщил мне, что в кабинет его величества для поклонения праху были допущены министры. Вступивший на престол государь, присутствовавший при этом, был в ужасном волнении. Валув подошел к его величеству и напомнил о том, что надо издать манифест. Составление манифеста государь поручил Валуву и бывшему тут же министру юстиции. Они, со своей стороны, вышед затем в коридор, пригласили при мне для совещания князя Урусова и Сольского. Валув приосанился, воображая, что будет снова играть первую роль.

Встретился потом с Лорис-Меликовым в коридоре. Он ужасно бледен, но, по-видимому, спокоен.

Из темного коридора пошел я в государственную канцелярию. Так как в 7 часов дела еще не было, то я уехал домой. Вернулся в канцелярию в девятом часу. По случаю воскресения, необходимости разыскивать чиновников и общей суматохи, дело было привезено только в исходе десятого часа. Из него я увидел, что покойный государь, по вступлении на престол, принимая Совет в полном составе, произнес ему прекрасную и очень обстоятельную речь, записанную от слова до слова. Я поехал с этой речью к великому князю². Его высочество признал необходимым сегодня же, хотя бы ночью, передать ее графу Адлербергу для доклада императору. Я поехал к графу; не застав его дома, я отправился во дворец. Там узнал я, после долгих расспросов, что граф в кабинете покойного, где присутствует при бальзамировании тела.

Когда пошли доложить графу Адлербергу о моем приезде, в ту комнату, где я ждал, явилась дама в глубоком трауре и заплаканная. Это была княгиня Юрьевская³. Узнав, что тело бальзамируют, она удалилась. Граф Адлерберг вышел ко мне почти немедленно; было 12 часов. Граф был совершенно удручен горем. Он рассказал мне, что

сегодня еще утром, перед разводом, покойный государь сказал ему, что давно так хорошо себя не чувствовал.

Речь покойного граф Адлерберг взялся немедленно представить воцарившемуся императору.

2 марта.

Рано утром получил я манифест⁴. Он совершенно приличен, но, сущности, не говорит ничего.

Чрезвычайное заседание Государственного совета было назначено в 12 часов. В заседании этом, по прочтении мною манифеста, было положено принести присягу императору и его наследнику. Затем все мы отправились к выходу государя. Он и императрица вышли не только заплаканные, но, можно сказать, распухшие от слез. Несмотря на очевидное волнение, императорская чета весьма милостиво раскланивалась на обе стороны.

Перейдя через концертный зал, где были высшие государственные учреждения, и приблизясь к войскам, государь сказал им краткую речь, в которой выразил надежду, что они будут служить ему, как служили незабвенному его отцу, а в случае, если бы угрожала его величеству такая же участь, как покойному императору, перенесут преданность свою на наследника престола.

По произнесении государем этих слов, весь дворец огласился громким и продолжительным «ура!», смолкшим только тогда, когда императорская чета вступила в дворцовый собор, куда последовали за нею, кроме царской семьи, члены Государственного совета, сенаторы, статс-секретари и высшие придворные, военные власти.

В соборе, после прочтения министром юстиции манифеста, духовник их величеств Бажанов прочитал во всеуслышание присягу на верность подданства, которая повторялась вполголоса всеми присутствовавшими. По произнесении присяги Государственный совет удалился из церкви и собрался в назначенной государем для приема Совета малахитовой комнате.

Государь вышел в 2 часа. Прежде всего он подошел к стоявшему во главе Совета великому князю Константину Николаевичу и подал ему руку. Великий князь обнял государя, который тогда, в свою очередь, обнял его. Затем его величество произнес, с некоторою расстановкою и чрезвычайно взволнованным голосом, приблизительно следующее: «Господа!

Душевно сожалею, что я лишен возможности передать вам, по поручению самого покойного государя, его благодарность*. Смерть

* Речь императора Александра Николаевича начиналась с изъявления, по поручению отца, благодарности всем министрам и другим высшим сановникам.

постигла его так внезапно, что он не мог ничего сообщить мне перед кончиной. Но, зная его чувства к вам, я смело могу взять на себя выражение вам, от его имени, благодарности за честную и усердную службу, которую вы в продолжение стольких лет оправдали доверие незабвенного императора.

Я до сих пор не имел еще возможности заслужить любовь и доверие ваши; но надеюсь, что вы перенесете на меня те чувства, которые питали к моему родителю, что буду достоин их и, трудясь вместе с вами, принесу пользу России. Да поможет мне бог!

Еще раз благодарю вас всех от имени моего батюшки»⁵.

По произнесении этих слов, государь подошел к великому князю Михаилу Николаевичу, горячо обнял его, пожал руку принцу Ольденбургскому и некоторым другим старейшим членам Государственного совета, поклонился всем и ушел.

По удалении государя, Государственным советом подписаны были присяжные листы и журналы чрезвычайного собрания.

Когда большинство разъехалось, Урусов сообщил мне в двух словах, что для изложения манифеста они собрались вчера вечером у Валуева и что выручил их Сольский. Сам же Дмитрий Мартынович объяснил мне вслед за тем, что Валуев заготовил проект в том смысле, что задачи нового царствования заключаются в восстановлении порядка, в репрессии за совершенное преступление, одним словом, — в реакции. Кроме того, Валуев говорил в своем проекте не о русском народе, а о населяющих Россию народах. Против всего этого возражал Сольский, другие с ним согласились, и тогда, соединенными силами, наскоро набросали манифест в том виде, как он опубликован.

3 марта.

Тело покойного императора перенесено вечером торжественно в дворцовый собор. Гроб несли государь, великие князья и принцы. Княгиня Юрьевская шла вслед за гробом. После панихиды она прикладывалась к праху вслед за сыновьями и братьями усопшего.

<...>

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

Событие 1 марта и В. С. Соловьев

<Фрагменты>

Событие такой огромной важности, как акт 1 марта, не могло не привлечь самого серьезного и настойчивого внимания Владимира Сергеевича Соловьева. В ту пору он с блестящим успехом читал лекции по философии в Петербургском университете и на Высших женских курсах¹. Он развивал свою философскую систему, выдвигая вперед христианство, как элемент философский. Событие 1 марта заставило Соловьева продумать свое отношение к революции как принципу и как факту и осветить революционную проблему с религиозно-христианской точки зрения. В речи, произнесенной на Высших женских курсах 13 марта 1881 года, Соловьев формулировал свои взгляды на революцию*. Нельзя осуществить на земле правду путем насилий и убийств — вот основная точка зрения Соловьева. <...>

Высказав столь решительное осуждение насилию, назвав всякое внешнее воздействие чуждой человеку силы проявлением зверя в человеке, Соловьев, оставаясь вполне последовательным, должен был осудить и смертную казнь, как наказание по суду. Он должен был заявить о необходимости амнистии для обвинявшихся по делу 1 марта. Он так и сделал в лекции своей, прочитанной им в зале Кредитного общества², 28 марта — в тот день, когда заканчивался процесс в Особом присутствии Сената³. Мы имеем возможность напечатать содержание этой ненаписанной лекции, записанное одной из внимательных слушательниц и проверенное нами по другой современной записи и по рассказам слушателей⁴. Лекция Вл. Серг., прочитанная

* Содержание этой речи в 1881 году было распространено в гектографированных листках и напечатано в III томе «Собрания сочинений В. С. Соловьева». СПб. С. 383–387.

им 28 марта, была второй (первая была прочитана 26 марта) и носила заглавие «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса». Содержание отчетливо передает нить рассуждений автора и сохраняет даже буквально отдельные фразы. <...>

«<...> Настоящая минута представляет собой небывалый дотоле случай для государственной власти оправдать на деле свои притязания на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вероятно, будут осуждены убийцы царя на смерть. Царь может простить их, и если он действительно чувствует свою связь с народом, он должен простить. Народ русский не признает двух правд. Если он признает правду Божию за правду, то другой для него нет, а правда Божия говорит: “Не убий”. Если можно допускать смерть как уклонение от недостижимого идеала, убийство для самообороны, для защиты, то убийство холодное над безоружным претит душе народа. Вот великая минута самоосуждения и самооправдания. — Пусть царь и самодержец России заявит на деле, что он прежде всего христианин, а как вождь христианского народа он должен, он обязан быть христианином.

Не от нас зависит решение этого дела, не мы призваны судить. Всякий осуждается и оправдывается собственными своими решениями, но если государственная власть отрицается от христианского начала и вступает на кровавый путь, мы выйдем, отстранимся, отречемся от нее <...>».

Одна из бывших на лекции отчетливо и ярко рассказывает об этой лекции Соловьева*.

«Это не был митинг, — тогда еще митингов в Петербурге не знали, но переполненный зал кредитного общества ждал с нетерпением своего оратора.

Молодежи, как всегда, было много; в первых рядах кресел мелькали редкие гости на публичных чтениях — крупные сановники, конечно, из категории уцелевших еще либералов, и образованные аристократические дамы, между прочим, остроумная гр. Толстая, вдова Алексея Толстого, m-me⁵ Хитрово и т. п.

Никто не знал, как станет развивать свою тему в этот вечер Владимир Соловьев, но никто не сомневался, что все, что он скажет, будет необычайно и что то будет вечная красота.

А вот и он. Высокий, тонкий, еще бледнее обыкновенного. Его удивительные глаза светятся глубоким, внутренним светом и смотрят прямо в даль.

<...> Громко и звучно раздаются вещие слова:

— Завтра приговор. Теперь там, за белыми каменными стенами, идет совет о том, как убить безоружных. Ведь безоружны же все

* «Биржевые Ведомости» в ноябре 1905 года. Заметка г-жи Р-ды Бодуэн-де-Куртенэ «В марте 1881 года».

подсудимые узники... Но если это действительно свершится, если русский царь, вождь христианского народа, заповеди поправ, предаст их казни, если он вступит в кровавый круг, то русский народ, народ христианский, не может за ним идти. Русский народ от него отвернется и пойдет по своему отдельному пути...

Вдруг перед эстрадой вырастает какая-то плотная фигура, — рука, с поднятым указательным пальцем, вытягивается по направлению к оратору.

— Тебя первого казнить, изменник! Тебя первого вешать, злодей! — гремит грубый голос.

Соловьев, слегка наклонившись, старается, по-видимому, расслышать эти возгласы. Но это почти невозможно. Бурные человеческие волны хлынули уже со всех сторон к эстраде. Могучий крик восторга, внезапной радости, умиления, вырвался разом из тысячи немых, рабских грудей и наполнил собою все пространство.

— Ты наш вождь! Ты нас веди! — несется отовсюду.

Теперь уже десятки трепетных рук протягиваются к Соловьеву, и, минуто спустя, его одухотворенное лицо показывается высоко над окружающим его венцом старых и молодых лиц. А затем те же руки бережно несут свою ношу с эстрады в зал.

— Амнистия! Помилование! — на устах всех.

Выходные двери в вестибюль широко раскрыты, но напрасно Владимир Сергеевич старается в них проскользнуть. Все его усилия остаются тщетными. Ликующая толпа не хочет с ним расстаться и два или три раза обносит его кругом.

Лишь только кончились овации по адресу Соловьева, как на очередь встал вопрос об административной каре, ожидающей Соловьева. На лекции присутствовал между прочим и министр народного просвещения. Встретив Соловьева в вестибюле после оваций, министр посоветовал ему сейчас же ехать к Лорис-Меликову⁶ и поговорить с ним. Соловьев отказался ехать, заявив, что он не знаком с Лорис-Меликовым.

— «Это не частное дело, а общественное», — сказал министр, — «а то смотрите, придется Вам ехать в Колымск»⁷.

— Что же, философией можно заниматься и в Колымске, — отвечал Соловьев*.

На другой день слухи о лекции и об административной каре, ожидающей Соловьева, облетели весь город. Дело могло окончиться действительно высылкой, но было улажено благодаря хлопотам, в особенности К. Н. Бестужева-Рюмина и некоторых высокопоставленных лиц. Желая, быть может, парализовать действие слухов, Соловьев счел нужным обратиться с письмом к императору Александру III. Мы

* Этот факт сообщен нам г-жой Бодуэн-де-Куртенэ.

имеем возможность воспроизвести это письмо, до сих пор в печати не появлявшееся. В нем разъяснен второй из мотивов, выставленных Соловьевым против смертной казни. Соловьев писал Государю:

«Ваше императорское величество
всемилоостивый Государь!

До слуха Вашего, без сомнения, дошли сведения о речи, сказанной мною 28 марта, вероятно, в искаженном и во всяком случае в превеличенном виде. Поэтому считаю своим долгом передать вашему величеству дело, как оно было.

Верую, что только духовная сила Христовой истины может победить силу зла и разрушения, проявленную ныне в таких небывалых размерах, верую тоже, что народ русский в целостности своей живет и движется духом Христовым, верую, наконец, что царь России есть представитель и выразитель народного духа, носитель всех лучших сил народа, я решил с публичной кафедры исповедать эту свою веру.

Я сказал в конце своей речи, что настоящее тягостное время дает русскому царю небывалую силу христианского начала всепрощения и тем совершит величайший нравственный подвиг, который поднимет власть его на недостижимую высоту и на незыблемом основании утвердит его державу. Милуя врагов своей власти, вопреки всем естественным чувствам человеческого сердца, всем расчетам и соображениям земной мудрости, царь становится на высоту сверхчеловеческую и самым делом покажет, что в нем живет высшая духовная сила всего народа русского, потому что во всем этом народе не найдется ни одного человека, который мог бы совершить подвиг больше этого.

Вот в чем заключалась сущность моей речи и что, к крайнему моему прискорбию, было истолковано не только несогласно с моими намерениями, но в прямом противоречии с ними.

Имею счастье быть вашего императорского величества верно подданный

Владимир Соловьев».

Произвело ли впечатление это письмо, или подействовали хлопоты — не знаем, — но Соловьев не был выслан из столицы. Ему только было запрещено читать и произносить публично что бы то ни было, и, конечно, был усилен надзор за ним и за его произведениями. В университете Соловьев продолжал читать до весны 1882 года. Он состоял на службе еще в ученом комитете министерства народного просвещения⁸. 6 октября 1881 года Соловьев подал прошение об отчислении его от службы «по расстроенному здоровью», и 11 ноября того же года его просьба была удовлетворена⁹.

А. А. САВЕЛЬЕВ

<Восшествие на престол Александра III>

<Фрагменты>

<...>

В момент восшествия на престол Александра III я был мировым судьей¹ Нижегородского округа и исправлял должность председателя мирового съезда², ввиду отсутствия его. Смерть Александра II была неожиданной, а предшествовавшие ей события — покушения на его жизнь, репрессивные меры, вызванные этими покушениями, вместе с различными, неопределенного свойства, либеральными начинаниями правительства, держали все общество в особом напряжении. Во главе управления государством стоял граф Лорис-Меликов, знаменитый проводник, как тогда выражались (кажется по почину Каткова), «диктатуры сердца». Несмотря на его поползновение к либеральной политике, его и действительно называли диктатором, а те, подчас произвольные, меры, которыми он стремился подавлять покушения на жизнь государя и проявления недовольства и неудовлетворенности полумерами правительства, вызывали раздражение в обществе. Под маской либерализма, под конец царствования Александра II скрывалось много регресса и урезывания либеральных начал первой половины его царствования.

Ходивший в конце царствования Александра II слух о наследнике престола, впоследствии Александре III, был, наоборот, для него очень благоприятен: говорили о его прямоте, честности и доступности; в обществе прошел даже слух о его попытках будто бы сблизиться с писателем Салтыковым (Щедриным). Этот слух, если и не был верен, то характеризовал отношение интеллигентного общества к наследнику, его представление о нем.

В то время, когда пришла весть о смерти Александра II, я был в клубе. Было 11 часов вечера. В это время пришел туда же генерал Н. Н. Назаров и с волнением объявил, что государя убили, показывая

полученную им телеграмму. За первым столом от входа вместе с другими партнерами сидел председатель окружного суда³ А. К. Панов, человек прямой, честный и большой сторонник реформ Александра II, душой преданный новой судебной реформе. При известии, сообщенном Назаровым, он бросил карты, перекрестился и заявил, что в такую минуту продолжать игру не следует; его примеру последовали все другие. Большинство перешло в столовую, уселось за ужин и повело разговоры, что будет, чего ждать. Оживление было очень большое, затеялись разговоры о конституции, об устранении стеснений и пр.* В оживленной беседе засиделись довольно долго, и я сам приехал домой только к утру. Это оживление и ожидание перемен продолжалось и на другой день и в последующие дни, но скоро стало стихать; надежды сменились сомнениями, толки о конституции и облегчении существующего режима совсем прекратились. Все это закончилось известным апрельским манифестом с указанием на самодержавные права, а затем речью во время коронации, обращенной к крестьянам, и впоследствии введением института земских начальников, сокращением компетенции суда присяжных, ограничением прав земских учреждений и преобразованием их в сословное учреждение⁴. Правительство, видимо, старалось поднять значение дворянства, и материальное, и нравственное, дать ему первенствующее значение и поставить, в смысле административном, крестьянское сословие в подчиненное ему положение. Но вместе с тем страна замерла, молодые горячие головы присмирели, протесты, в той или иной форме, прекратились. Деятельность общественных сил направилась почти исключительно на преследование материальных интересов. С внешней стороны царил глубокий мир. На этом смерть застала Александра III, а на престол вступил его наследник, Николай II, так же неожиданно, как и его предшественник, ибо при могучем физическом организме его отца нельзя было и думать, что он кончит свою жизнь всего на 49 году.

<...>

* Не везде и далеко не у всех это событие, т. е. смерть Александра II, вызвало надежды на усиление свободы. Так, напр., доктор Кунцевич передавал мне, что в Сергачском уезде бывший член губернской управы, местный помещик К. И. Белокрыльцев, с отчаянием воскликнул при первой вести о смерти царя, что это событие отодвинет Россию на целое столетие. Крепостники (вроде Приклонского) были, напротив, довольны.

<Без подписи>

Речь депутата тверского дворянства, обращенная к Александру III

<Фрагменты>

<...> В знаменательные дни начала служения Вашего русскому народу земство Тверской губернии приветствует Вас приветом верноподданных.

Разделяя Вашу скорбь...<...> с благодарностью выслушал народ русский те знаменательные слова, которыми ваше величество возвестили о вступлении своем на всероссийский престол <...> Мы питаем надежду, что с высоты престола всегда будет услышан голос правды народной.

Мы уповаем, что счастье наше будет расти и крепнуть при неуклонном исполнении закона, как со стороны народа, так и представителей власти, ибо закон, представляющий в России выражение монаршей воли, должен стать выше случайных видов отдельных представителей этой власти.

Мы горячо веруем, что права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо охраняться.

Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам их касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выражение потребностей и мысли не только представителей администрации, но и народа русского.

Мы ждем, Государь, что в Ваше царствование Россия двинется вперед по пути мира и правды со всем развитием живых общественных сил.

Мы ждем, что с представителями всех сословий, равно преданных престолу и Отечеству, власть вашего величества найдет новый источник силы и залог успеха в исполнении великодушных предначертаний вашего императорского величества.

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ

<Письма императору Александру III>

<Фрагменты>

<...>

Бог велел нам переживать нынешний страшный день. Точно кара Божия обрушилась на несчастную Россию. Хотелось бы скрыть лицо свое, уйти под землю, чтобы не видеть, не чувствовать, не испытывать. Боже, помилуй нас.

Но для Вас этот день еще страшнее и, думая о Вас в эти минуты, что кровав порог, через который Богу угодно провести Вас в новую судьбу Вашу, вся душа моя трепещет за Вас страхом неизвестного грядущего по Вас и по России, страхом великого несказанного бремени, которое на Вас положено. Любя Вас как человека, хотелось бы как человека спасти Вас от тяготы в привольную жизнь; но нет на то силы человеческой, ибо так благоволил Бог.

Его была святая воля, чтобы Вы для этой цели родились на свет и чтобы брат Ваш возлюбленный, отходя к Нему, указал Вам на земле свое место.

Народ верит в эту волю Божию, — и по Его велению возносит надежду свою на Вас и на крепкую власть, Богом врученную Вам. Да благословит Вас Бог. Да ободрит Вас молитва народная, а вера народная да даст Вам силу и разум править крепкою рукою и твердой волей.

Вам достается Россия смятенная, расшатанная, сбита с толку, жаждущая, чтобы ее повели твердою рукою, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет и чего не хочет и не допустит никак. Все будут ждать в волнении, в чем Ваша воля обозначится. Многие захотят завладеть ею и направлять ее.

Ваше величество, позвольте мне сказать Вам в нынешний день: первые дни Вашего царствования будут особенно знаменательны и требуют особой обдуманности и осмотрительности.

Я не могу успокоиться от страшного потрясения. Не могу отогнать от себя гнетущей меня заботы о Вас и о Вашей безопасности. Простите, что в эти скорбные часы прихожу к Вам со своим словом: ради Бога в эти первые дни царствования, которые будут иметь для Вас решительное значение, не упускайте ни одного случая заявлять свою личную решительную волю, прямо от Вас исходящую, чтобы все слышали и знали: «Я так хочу», или «Я не хочу этого».

Никакая предосторожность не лишняя в эти минуты. Не я один тревожусь: эту тревогу разделяют все простые русские люди. Сегодня было уже у меня несколько простых людей, которые все говорят со страхом и ужасом о Мраморном дворце¹. Мысль эта вкоренилась в народ.

Заседание 21 марта² у вашего величества имело результатом покуда лишь сближение между лицами, на первый раз и это хорошо; я радуюсь, что со мною говорят без принуждения те, которые до сих пор избегали меня. С того дня я еще не видел никого из министров. Жду с нетерпением, когда мы соберемся для общего совещания. Великий князь Владимир Александрович заметил, что все бывшее доньше разногласие происходит лишь от недоразумений, но я боюсь, что эти недоразумения глубже, чем кажется, и должны обнаружиться всякий раз, когда придется не говорить только речи, а приступать к действиям и к распоряжениям. Нетрудно рассуждать, причем для избежания разногласий сглаживаются фразы, резкие оттенки взглядов и мнений; но когда надобно приступать к действию решительному, тут обнаруживается рознь — и сила действия парализуется.

В публике ходили на прошлой неделе и продолжают до сих пор самые странные слухи и ожидания по случаю этого совещания. Многие были уверены, что 15, потом 17, 19 числа произойдет и объявится нечто необычное. Поднялись опять толки о представительстве — авось-либо теперь они затихнут. Но смущение не успокоится, я убежден в том, покуда правительство не заявит себя такими действиями, которые ни в ком не оставляли бы сомнения или раздвоенной мысли.

Смею думать, ваше императорское величество, что для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени Вашего обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех благонамеренных прямых людей. Первый манифест был слишком краток и неопределен. Я попробую, если угодно будет, придумать соответственную редакцию и представить на Ваше усмотрение³.

Вместе с тем продолжаю думать, что вашему величеству необходимо появиться в Петербурге. Постоянное, безвыездное пребывание Ваше в Гатчине возбуждает в народе множество слухов самых невероятных, но тем не менее принимаемых на веру. Нынче из народа уже спрашивали, правда ли, что государя нет уже на свете и что это

скрывают. Распространение, усиление таких слухов может быть очень опасно в России, и люди злонамеренные, их ныне так много, пользуются ими, чтобы смущать народ. Много таких в России — все они ждут в волнении и страхе, в чем выскажется, куда направится настоящее правительство.

* * *

*Будьте спокойны, с подобными предложениями ко мне не по-
смет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это
я ручаюсь.*

А.

Ваше императорское величество. Простите, ради Бога, что так часто тревожу Вас и беспокою.

Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему величеству извращенные мысли и убедить Вас в помиловании преступников. Слух этот дошел до старика графа Строганова, который приехал ко мне сегодня в волнении.

Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет — этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется.

Если бы это могло случиться, верьте мне, государь, это будет принято за грех великий и поколеблет сердца всех Ваших подданных. Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради Бога, ваше величество, — да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

30 марта 1881 г.

Петербург.

<...>

* * *

На совещании сего 28 апреля министром внутренних дел будут доложены⁴:

1. Переданная его императорским величеством государем императором записка об устройстве особых следственных комиссий,

с центральной во главе, для исследования дел о государственных преступлениях.

2. Записка о предметах ведомства департамента государственной полиции, в связи с предположением о некоторых мероприятиях для устройства на прочных основаниях предупредительной полиции.

3. Соображения о предварительных распоряжениях по пересмотру некоторых частей Положений о земских и городских учреждениях, ввиду урегулирования деятельности сих учреждений.

4. Составленная в министерстве внутренних дел, в феврале сего года, записка по поводу разновременно поступивших заявлений земских собраний о мерах к устранению расстройств быта крестьян.

* * *

Рассуждали много, и все вертелось около учреждения — конституционного⁵. Великий князь Владимир в конце выразился, что надо отложить дело.

Когда вышли, Набоков заявил новость о манифесте и прочел. Взрыв негодования. Абаза, выходя из себя, кричал: надо остановить, надо требовать, чтобы государь взял назад это нарушение контракта, в который он вошел с нами...

Тут Лорис-Меликов остановил его.

Тут Абаза с азартом сказал: Кто это писал этот манифест?

Я выступил и сказал: я.

Минута драматическая. Я поспешил уехать.

Любопытно, что после этого многие отворачивались от меня и не подавали руки. Негодовал сильно Набоков.

Все это происходило на Фонтанке, в кабинете Лорис-Меликова.

<...>

<Высочайший манифест 29 апреля 1881 года>

О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою его императорскому величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России

Объявляем всем верным Нашим подданным:

Богу, в неисповидимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного Родителя Нашего мученической кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления.

Повинуясь воле Провидения и Закону наследия Государственного, Мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса, пред Лицом Всевышнего Бога, веруя, что предопределив Нам дело власти в столь тяжкое и многотрудное время, Он не оставит Нас Своею Всесильною помощью. Веруем также, что горячие молитвы благочестивого народа, во всем свете известного любовью и преданностью своим Государям, привлекут благословение Божие на Нас и на предлежащий Нам труд Правления.

В Бозе почивший Родитель Наш, прияв от Бога Самодержавную власть на благо вверенного Ему народа, пребыл верен до смерти принятому Им обету и кровию запечатлел великое Свое служение. Не столько строгими велениями власти, сколько благостью ее и кротостью совершил Он величайшее дело Своего Царствования — освобождение крепостных крестьян, успев привлечь к содействию в том и дворян-владельцев, всегда послушных гласу добра и чести; утвердил в Царстве Суд, и подданных Своих, коих всех без различия соделал навсегда свободными, призвал к распоряжению делами

местного управления и общественного хозяйства. Да будет память Его благословенна во веки!

Низкое и злодейское убийство Русского Государя, посреди верного народа, готового положить за Него жизнь свою, недостойными извергами из народа, — есть дело страшное, позорное, неслыханное в России, и омрачило всю землю нашу скорбию и ужасом.

Но посреди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысл, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений.

Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных наших подданных, всех любящих Отечество и преданных из рода в род Наследственной Царской Власти. Под сению Ее и в неразрывном с Нею союзе земля наша переживала не раз великие смуты и приходила в силу и в славу посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога устрояющего судьбы ее.

Посвящая Себя великому Нашему служению, Мы призываем всех верных подданных наших служить нам и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, — к утверждению веры и нравственности, — к доброму воспитанию детей, — к истреблению неправды и хищения, — к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем ее, Возлюбленным нашим Родителем.

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ

Мемуары

<Фрагменты>

<...>

В день коронации я заблаговременно пошел на Красное крыльцо. Меня обдало свежим воздухом. Эстрада наполнялась. На площади густая толпа народа. По широкому красному сукну между соборами сновали взад и вперед придворные и военные особы. Погода серая с редкими проблесками солнца. Я направился в Успенский собор. <...> В дверях я успел оглянуть всю внутреннюю обстановку. Собор еще был почти пуст. <...> Было еще довольно рано. Я обошел Ивана Великого и соборы Архангельский и Благовещенский¹ <...> Народ все прибывал. С Красного крыльца все спускались придворные.

Вот начинается шествие. По два в ряд двинулись из Грановитой палаты. Князь Владимир Дмитриевич Голицын в ленте Владимира I ст[ефени] «через мундир». Долго шли камер-фурьеры, камер-юнкера, камергеры и прочие чины. Красиво было видеть красную вереницу фрейлин. <...> Они шли и смеялись, а в это время гудит Иван Великий и вся Кремлевская площадь, переполненная народом, замирает в ожидании царя. Все взоры устремились на Красное крыльцо. Теснее выступают сановники, вот и Государственное знамя. Яркий луч солнца ударил на Красное крыльцо, облака быстро разошлись. В это мгновение в дверях Грановитой палаты показался Государь. Он весь освещен был солнцем. Что-то было невыразимое, когда при звоне всех колоколов раздались крики народа и все слилось в одно протяжное, непрерывающееся восторженное ура... За императрицей шла дежурная фрейлина. Я примкнул к шествию и пошел рядом с нею, то была Анна Алексеевна Шереметева. Молча обменялись мы впечатлениями. В дверях Успенского собора шествие остановилось. Встречал митрополит Иоанникий и говорил слово. В двух шагах ничего не было слышно. Государь вступил в собор. Колокола замолкли, служба началась. На площади стало тихо. Снова показали облака, закапал дождь, поднялись зонтики, и вся площадь приняла совершен-

но иной вид. Я вернулся к эстраде, где были дети, и встретил здесь немало знакомых. <...> Гром орудий и трезвон колоколов возвестили о возложении венца. До слуха долетали возгласы многолетия после провозглашения полного титула. Вижу: двери Архангельского собора широко открыты. Я поспешил туда <...> Служба прекрасная. <...>

Все заблаговременно вернулись на свои места. Я решил тут же остаться, чтобы видеть всю картину. <...> Вот кончилась обедня, опять погода стала разгуливаться, опять солнце. Загудел Иван Великий, и дрогнула вся площадь. Все сорок сороков слились в один удивительный дивный звон. Шествие двинулось из Успенского собора, обогнуло Ивана Великого. По движению народа могли мы следить за медленностью шествия под балдахином, но вот показалось оно из-за угла Архангельского собора. Все хлынуло в нашу сторону. Из западных дверей царской усыпальницы вышел Государь в порфире, со скипетром и с державою, на голове его блистала бриллиантовая корона. За ним шла Государыня, малая бриллиантовая корона хорошо была надета с наклоном вперед. Государь был бледен. Мгновение, и все опять скрылось в дверях Благовещенского собора <...> Видели мы потом, как медленно подвигалось шествие, подымаясь по Красному крыльцу. Все слилось и смешалось в пестроте нарядов и цветов, в глазах словно потемнело. Все взоры напряженно направлены в одно место — на площадку Красного крыльца. Среди пестрой смешанной толпы ярко заблестела корона. Государь остановился лицом к народу. Еще мгновение, и корона наклонилась три раза. То были три царских поклона в ответ на оглушительные крики восторга и торжества. Государь вступил в Грановитую палату, и, словно по мановению жезла, все разом утихло. <...>

IV

КОРРЕКТИРОВКА КУРСА

Н. Х. БУНГЕ

«Загробные заметки»

<Фрагменты>

Из истории истекших 14 лет можно заключить, что император Александр III имел в виду, между прочим, разрешить следующие задачи:

I. Освободить нашу внешнюю политику от опеки иностранных держав.

II. Удовлетворить народному чувству, по которому Россия должна принадлежать русским.

III. Упорядочить и скрепить внутренний строй управления, чего требовали пробелы в преобразованиях прошлого царствования.

IV. Развить духовные и материальные силы народа.

Разрешение этих задач было настоятельно необходимо; но все ли совершенное соответствовало задуманному императором Александром III? Для ответа на поставленный вопрос следует бросить хотя беглый взгляд на прошлое.

Император Александр III вступил на престол в смутное время. Общество было глубоко взволновано и ужасным преступлением, и кажущимся бессилием правительства в борьбе с тайным врагом. Многие не постигали и не понимают даже теперь, почему славные дела, совершенные царем-освободителем: упразднение крепостного права, дарование неподкупного гласного суда, большая свобода печати, отмена телесных наказаний, устройство самоуправления, начиная от сельской общины и города и оканчивая уездными и губернскими земскими учреждениями, при несомненной любви народа к своему государю, виновнику дарованных благ, не только не сопровождалось сочувственным увлечением молодых поколений, но, напротив, как бы служили поводом к появлению из среды всех сословий анархистов, террористов, врагов династии и общественного порядка. Конечно,

как хорошее, так и дурное нередко заносится извне*, но несомненно, что дурное семя, каково бы ни было его происхождение, падало у нас на подготовленную почву.

Спрашивается, когда и чем была подготовлена эта почва? Она была подготовлена в царствование императора Николая I. <...>

Император Александр II и ближайшие его сподвижники поняли причины 30-летнего застоя в период времени, предшествовавший Крымской войне, но, обращаясь к пробуждению общественной жизни, они впали в противоположную крайность. Им казалось, что все будет сделано, если обществу, не касаясь при том оснований государственного строя (самодержавной монархии), будет дана возможно большая степень самодеятельности и свободы.

Согласно с этим крестьянским сходам¹ предоставлено было бесконтрольно распоряжаться разделом и переделом земель, ссудосберегательными кассами, запасными хлебными магазинами, распределением налогов и повинностей и пр. Согласно с этим предоставлено было земствам² и городам самоуправление³, хотя и заключенное в достаточно тесные границы, но совершенно бесконтрольное. Самоуправление крестьянское сделано было ответственным перед сходами, городское — перед думами, земское — перед земскими собраниями. Правильно устроенного контроля со стороны государства и его административных органов установлено не было.

Поэтому крестьяне испытывали неурядицу в своем общественном быту и терпели от произвола собственных выборных. Еще на первых порах, пока действовали мировые посредники⁴, была власть, которая могла сколько-нибудь ограждать нарушенные права; с упразднением мировых посредников остались лишь неперменные члены уездных и губернских по крестьянским делам присутствий, власть, лишенная возможности действовать на местах, да мировые судьи, которые одни вопросы не имели права разрешать, а другие разбирали тогда, когда уже восстановление права оказывалось запоздалым.

Города, за исключением немногих более крупных и с более образованным населением, которые вообще повели свои дела успешно, мало выиграли вообще от преобразования городского управления, так как их хозяйство отдано было всецело в руки выборных, а за исполнением правил относительно составления бюджетов, отчетности правильного надзора не было. Поэтому жалобы на бездействие правительства, на равнодушие его к разного рода неустройствам были

* Несправедливо было бы во всем винить один Запад; достаточно назвать Бакунина, основателя учения разрушительной анархии, чтобы оценить вклад, сделанный в революционное время Европы, русским по происхождению, но, конечно, не по «духу».

часты, и, само собою разумеется, чем ниже был уровень интеллигенции, думы и управы, тем беднее были достигаемые самоуправлением результаты, тем сильнее было недовольство.

Земства, оказавшие также несомненные услуги России относительно устройства врачебной части, поднятия народного образования и разных отраслей местного хозяйства, равным образом не оправдали ожиданий: отчасти вследствие того, что в известных пределах они действовали бесконтрольно, — это вызывало жалобы на правительство и администрацию, ничего не предпринимающих для обуздания злоупотреблений; отчасти вследствие того, что бесконтрольность вызывала стремление переступить через границу, назначенную для деятельности земства. Эти обстоятельства вызывали раздражение в администрации, которая в иных случаях видела невозможность что-нибудь предпринять на основании закона для противодействия беспорядку, а в других — затруднялась провести границу между дозволенным и недозволенным. Действительно, некоторые земства были не прочь возбуждать общие государственные вопросы, вторгаться в область внутренней политики (явления эти были, впрочем, очень редки), и само собою разумеется, что подобные увлечения не могли быть терпимы, но были другие случаи, когда земствам нескольких губерний необходимо было действовать по известно установленному плану, например, относительно прекращения эпидемий и эпизоотий, собирания статистических сведений и пр., и когда, тем не менее, стремление к объединению деятельности за пределами одной губернии рассматривалось как нечто незаконное, как относящееся к ведению государства, а не местного самоуправления. С формальной точки зрения взгляд администрации был правилен, но по существу дело требовало решения, согласного с общественною пользою в смысле удовлетворения многих ходатайств.

К сожалению, спокойное, беспристрастное отношение администрации к самоуправлению составляло исключение. Сельское бесконтрольное самоуправление фактически, конечно, не было вне влияния административной власти, которая могла жаловаться скорее на недостаток органов для действия на местах, чем на недостаток власти, которая, однако, чувствовала себя стесненной судебной охраною дарованных населению прав. В городах администрации труднее было распоряжаться по произволу; но еще труднее было подчинить своему воздействию земства, в которых большинство деятелей и в собраниях, и в управах состояло из дворянства. Земства, как замечено было выше, под влиянием сознания своей бесконтрольности и настоятельности нарождающихся потребностей, находились часто в разладе с администрацией. Этот разлад поддерживался тем, что бюрократия, проникнутая духом прошлого времени, не могла примириться с новым своим положением и старалась воспользоваться каждым случаем, когда представлялся

малейший повод показать свою власть. Она была не прочь отказывать земствам в самых невинных заявлениях и желаниях, причем низшие инстанции находили поддержку в высших.

Таким образом администрация, а в особенности губернаторы, оказались поставленными относительно органов самоуправления в ненормальное положение. Преобразования финансовые и судебные еще более умалили их власть. Учреждение акцизного управления изъяло из ведения губернаторов доходные питейные сборы⁵. Введение Судебных уставов дало следствию и суду независимость⁶.

Наконец, общее стремление всех министерств освободить свои учреждения на местах от влияния губернаторов, подчиненных министру внутренних дел, привело к тому, что губернаторы увидели свою власть крайне умаленной, ограничивающеюся общей полицией, которая, в свою очередь, должна была исполнять требования двух других полиций — судебной и жандармской. Губернаторам нельзя было по-прежнему вмешиваться в производимые следствия по преступлениям, пересматривать судебные приговоры, принимать отеческие меры взыскания. Позднее, когда дальнейшие преобразования вызывали устройство особых губернских присутствий, преимущественно с коллегиальным характером, как-то: по крестьянским делам, по городским, по питейным и пр., — тогда губернаторы оказались лишь председателями, хотя и облеченными некоторыми полномочиями, но не полноправными начальниками, распорядителями, как они того часто желали.

В этом новом строе общественной жизни «начальники губерний» не всегда умели найтись; многие из них жаловались, что у них отнята власть, что им необходимо дать более широкие полномочия, не связывать их безусловно законом, а предоставить им право действовать, во имя общего блага, по своему усмотрению; одним словом, многие полагали, что разрешение отступать от постановлений, утвержденных верховной властью, требуется общественной пользой.

Конечно, такие права не были и не могли быть даны. Но вместо установления контроля за местным самоуправлением, вместо возложения на губернскую власть некоторых обязанностей по надзору, вместо упорядочения внутреннего губернского управления, предпочитали терпеть мотивированные обстоятельства отступления от действующих постановлений, чем, конечно, подрывались и авторитет закона, и авторитет утверждающей его власти.

Таким образом образовались как бы два течения: одно законное, так сказать, принципиальное — предоставление в известных границах бесконтрольных прав местному самоуправлению; другое, возникшее на деле, — стремление местной административной власти к восстановлению своего обаяния, хотя бы ценою нарушения закона. Одним из наиболее выдающихся примеров такого разлада может служить

торжественное провозглашение отмены телесных наказаний, а затем продолжение сечения вопреки закона.

Вот причина возникновения толков, что правительство одной рукою дает то, что другою отнимает; что оно не искренно, издавая законы, дарующие права, и дозволяя безнаказанное их нарушение. В умах, возбужденных и наэлектризованных духом совершенных преобразований, такие толки, порожденные очевидными недоразумениями и неверными суждениями, вызывали иногда только фрондерство, иногда же и враждебные чувства.

Таким образом, многие преобразования, за первой вспышкой восторга, приносили с собою долю разочарования. Освобожденные крестьяне, ценя и понимая все благо дарованной им свободы, не находили в самоуправлении прочного земельного устройства, достаточного ограждения от неправды, произвола общины и господствующих в ней кулаков и мироедов, а в некоторых случаях, хотя и более редких, чем прежде, — от самовласти местной администрации. Помещики, в свою очередь, хотя и были материально вознаграждены за отошедшую от них землю, но не находили вознаграждения за утраченную власть и чувствовали себя разьединенными с крестьянами, с которыми они имели столько общих интересов. Города и земства роптали, не видя в правительстве ни защиты против злоупотреблений собственного самоуправления, ни содействия к разрешению вопросов, не предусмотренных Положениями городовым и земским. Губернская власть чувствовала свою деятельность парализованною изъятием из ее ведения дел, возложенных на местное самоуправление, и предоставлением разным губернским ведомствам большей самостоятельности, вследствие непосредственного, прямого подчинения их центральной администрации. Свобода печати нарушалась запрещениями говорить о предметах, которые не имели никакого отношения ни к верховной власти, ни к религии, ни к нравственности (одно время нельзя было свободно рассуждать о классическом и реальном образовании⁷). Судебные уставы действовали наравне с проявлениями административного произвола; учебная реформа водворила ультраклассицизм, вопреки господствовавшему настроению общества, и поборники ее оскорбляли общественное мнение, утверждая, что лица, не получившие классического образования, не могут быть развитыми и способными к самостоятельной умственной работе.

Таковы были условия, при которых предстояло разрешать задачи, поставленные в бозе почившему государю в начале его царствования и которые были перечислены в начале настоящей записки. <...>

Е. А. ПЕРЕТЦ

<Дневник государственного секретаря. 1881–1883 годы>

<Фрагменты>

<...>

4 марта

Был в 2 часа у великого князя Константина Николаевича по вопросу, не терпевшему отлагательств.

Застал его высочество совершенно спокойным в кабинете за чтением. После объяснений по делу великий князь просил меня остаться и в разговоре сообщил мне следующее.

Положение его высочества в отношении к новому императору не выяснилось; поэтому он считает долгом, впредь до времени, ничего не предпринимать, не навязываться. Точно так же поступил он в 1855 году. Воцарившегося тогда, ныне покойного, государя все считали в семье человеком в высшей степени добрым и исполненным лучших намерений, а в то же время и способным, но при этом опасались, не будет ли он слаб и бесхарактерен. Более всех это озабочивало императрицу Марию Александровну и королеву вюртембергскую Ольгу Николаевну; обе они очень упрашивали великого князя стараться как можно более сблизиться с государем и быть ему советником по всем важнейшим вопросам. Будучи с братом в наилучших, вполне дружеских отношениях, великий князь не хотел, однако, навязываться и решил не подавать ни одного совета, пока сам император не спросит его мнения. Иногда его спрашивали, а очень часто и не спрашивали...

<...> «Что будет теперь, не знаю. Буду ждать. Кажется, мои акции плохи. Я слышал, что в совещание, бывшее вчера, приглашен был Валуев... а меня не пригласили...»*.

* Это действительно так. Между тем речь шла о порядке суда над злоумышленниками. В совещании этом необходимо было бы участие председателя Государственного совета, который по закону председательствует в верховном уголовном суде.

<...> я отвечал великому князю, что принятое им решение весьма мудрое, но что, при всем том, оставаться в совершенном бездействии едва ли возможно. Не следует себя обманывать: новый государь не имеет к великому князю тех чувств, которые питал к нему покойный император. Мало того, я почти уверен, что он предубежден против его высочества. Сколько я знаю, причина предубеждения и корень неудовольствия — морское ведомство. Государю, когда он был наследником престола, постоянно жаловались с разных сторон, между прочим, Баранов — вообще, а Победоносцев — по Добровольному флоту¹. Цесаревич верил им и даже сам выражался несочувственно о деятельности великого князя как генерал-адмирала. Но я никогда не слышал, чтобы нынешний государь когда-либо порицал деятельность его высочества по Государственному совету². Ввиду этого мне казалось бы наиболее благоразумным для великого князя самому отказаться от управления морским министерством. Таким образом, может быть, оказалось бы возможным сохранить за собою пост председателя Государственного совета, на котором его высочество почти незаменим и может принести еще много пользы.

Великий князь отвечал: «Тяжело было бы мне отказаться от флота, с которым я сроднился... Но, может быть, вы правы. Я подумаю... Знаете что? Попросите Сольского захватить ко мне. Хочу посоветоваться с ним».

От великого князя я поехал прямо к Сольскому. По его мнению, Лорис будет советовать государю оставить великого князя Константина Николаевича на должности председателя Государственного совета, — так как признает его чрезвычайные способности и не любит ни великого князя Михаила Николаевича, ни Валуева.

5 марта

М. С. Каханов сообщил мне некоторые интересные сведения.

Вслед за покушением 1 марта, Валуев написал Лорису, для доклада государю, длинное письмо, в котором давал советы, клонившиеся к реакции. Письмо это было представлено государю и «оценено им по достоинству».

В самый день покушения Лорис просил его величество подумать о преемнике ему. Государь ответил, что питает к нему доверие и просит не оставлять [?] «пока мы живы».

При докладе 2 марта Лорис выразил государю всю свою благодарность за милостивое доверие его величества, но вместе с тем снова просил об увольнении, говоря, что обстоятельства изменились. На престол взошел государь молодой, свежий, энергический, имеющий возможность сосредоточить непосредственно в своих руках все распоряжения по главным предметам государственного управления.

С другой стороны, увольнение его вызывается и тем, что он не оберег покойного императора. Хотя он служил ему всею душой и прилагал все заботы к предотвращению постигшего Россию ужасного зла, но, к несчастью своему, не достиг цели. «А другой разве предотвратил бы это несчастье? — возразил государь. — Оставьте же это и займитесь докладами».

<...>

6 марта

Абаза рассказал мне кое-что о первом своем докладе нынешнему государю. Он представил на благоусмотрение его величества одобренные уже покойным императором предположения о понижении выкупных платежей на 9 миллионов рублей в год. Государь вполне одобрил эту меру также и с своей стороны, выразив желание, чтобы дело могло быть рассмотрено в Государственном совете в нынешнюю же сессию. При этом докладе его величество поручил Абазе сообразить, нельзя ли упростить всеподданнейшие доклады по министерству финансов с тем, чтобы на высочайшее усмотрение представлялись лишь предметы серьезные, все остальные же разрешались собственно властью министра.

Подобного рода предположения не раз возникали при покойном императоре, но он всегда их отклонял. Между тем, по существующему порядку, государь обременен массою дел, по большей части пустых; например, его величеству докладывают просьбы об отпуске пажей и об определении или увольнении дворцовых гренадер.

<...>

Урусов рассказал мне, что записку Лориса о призыве в редакционную комиссию депутатов от земства и городов³ и журнал к ней особого совещания нынешний государь сообщил на предварительное рассмотрение Победоносцева.

7 марта

Церемония перенесения тела покойного императора в крепость устроена и исполнена была крайне небрежно. Стройности в шествии не было, многие из чиновников разговаривали и шли не попарно, как бы следовало, а кучками, даже курили. Несшие ордена обращались с ними иногда бесцеремонно, держа, например, подушку под мышкой. Между тем холода большого не было. Циркулярная депеша министра иностранных дел по случаю восшествия на престол императора Александра III чрезвычайно хороша. Встретясь сегодня с Н. К. Гирсом, я высказал ему это. Он очень скромно отвечал, что заслуга не его, а Жомини. Сам он только дал основную мысль о миролюбии России и о том, что она должна заняться преимущественно

внутренними делами. На эту тему Жюмини тут же написал депешу, почти без помарок, в какие-нибудь четверть часа. Государь остался депешей весьма доволен и сказал, что содержание ее вполне соответствует личным его убеждениям.

[8 марта]

На 8 марта в два часа пополудни назначено было заседание Совета министров. В повестке, полученной мною накануне, поздно вечером, не было назначено предмета совещания. Поэтому и так как государственный секретарь присутствует в заседаниях Совета министров собственно для представления объяснений по делам Государственного совета, то я просмотрел, насколько позволяло время, записки по всем нашим важнейшим делам. Заботы мои оказались напрасными, так как вопрос, подлежавший обсуждению, совершенно выходил из общего ряда. Приехав в Зимний дворец за четверть часа до назначенного времени, я застал в указанной для сбора малахитовой комнате многих министров, от которых узнал, что обсуждаться будет предположение графа Лорис-Меликова об учреждении редакционных комиссий с участием представителей от земства и городов.

Кроме министров, председателей департаментов Государственного совета, меня и заведывающего делами Совета статс-секретаря Н. П. Мансурова, прибыли великие князья Владимир Александрович, Константин Николаевич и Михаил Николаевич и граф С. Г. Строганов.

Ровно в два часа государь прислал спросить, все ли налицо, и когда ему было доложено, что не явился только великий князь Николай Николаевич по случаю болезни, его величество вышел в малахитовую комнату и, остановясь у дверей, попросил всех перейти в назначенную для заседания залу (через комнату от малахитовой). С каждым из проходивших государь приветливо здоровался, подавая руку, которой с чувством пожимал руку проходившего. В зале стоял большой продолговатый стол, накрытый малиновым сукном; вокруг стола было поставлено 25 кресел; перед каждым креслом лежала на столе бумага и карандаш. Посреди стола, спиною к окнам, обращенным на Неву, было место государя. Напротив его величества, подле заведывающего делами Совета, поместился министр внутренних дел, который должен был докладывать свои предположения; все же остальные разместились как случилось. <...>

Когда все заняли места, его величество, не без некоторого смущения, сказал:

«Господа! Я собрал вас сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тягостное время, для обсуждения одного вопроса, в высшей степени важного.

Граф Лорис-Меликов, озабочиваясь возможно всесторонним рассмотрением предположений, которые будут выработаны после окончания сенаторских ревизий, а также для удовлетворения общественного мнения, докладывал покойному государю о необходимости созвать представителей от земства и городов. Мысль эта в общих чертах была одобрена покойным моим отцом, который приказал обсудить ее подробно в особом совещании под председательством графа Валуева, при участии моем, великого князя Константина Николаевича и некоторых других лиц.

Журнал совещания, которое в сущности согласилось с проектом, был представлен его величеству и одобрен им. Покойный государь сделал, однако, некоторые замечки относительно частных. Нам предстоит теперь обсудить эти замечки. Но прошу вас быть вполне откровенными и говорить мне ваше мнение относительно всего дела, нисколько не стесняясь. Предваряю вас, что вопрос не следует считать предрешенным, так как и покойный батюшка хотел, прежде окончательного утверждения проекта, созвать для рассмотрения его Совет министров».

Затем, обратясь к графу Лорис-Меликову, государь поручил ему прочесть записку о предположениях и проект публикаций в «Правительственном Вестнике».

Записка, прочитанная Лорисом, была составлена еще до катастрофы 1 марта; в начале ее говорилось об успехах, достигнутых примирительною политикой последнего времени.

В этом месте государь прервал чтение словами: «Кажется, мы заблуждались».

Затем говорилось в записке о замеченных беспорядках в местном управлении и необходимости устройства его на лучших основаниях. Прежде всего, нужно было обстоятельно изучить существующее, узнать, в чем именно заключаются его недостатки, и зависят ли они от одних только злоупотреблений или же от несовершенства самого закона. С этою целью, по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, покойному государю благоугодно было назначить сенаторские ревизии, которыми собирается, а отчасти уже и собран, богатый материал, требующий разработки. Придется составить весьма важные законодательные проекты. Но для того, чтобы проекты эти действительно соответствовали ощущаемым потребностям, министр внутренних дел считает необходимым, чтобы они были составлены и обсуждены при участии людей практических, знающих условия губернской и уездной жизни. Поэтому граф Лорис-Меликов испрашивал соизволение в бозе почившего императора на учреждение особой редакционной комиссии, в которой, кроме должностных лиц правительственных

ведомств, участвовали бы представители земства (по два от каждой губернии) и городов (по одному от каждого губернского города и два от столиц). Комиссия должна подразделяться на отделы для первоначального обсуждения отдельных проектов, а затем соединиться в общее собрание под председательством лица, назначенного государем императором. Выработанные таким образом проекты должны быть внесены на рассмотрение Государственного совета, права которого остаются без всякого изменения.

В проекте публикации выражена была сущность изложенного в записке, причем сказано было, что предполагаемые меры были одобрены покойным государем и утверждены царствующим императором.

По прочтении графом Лорисом-Меликовым записки и проекта публикации, его величество, вновь обращаясь ко всем присутствующим, просил их, ввиду важности предлагаемой меры и тех последствий, к которым она может привести, высказывать совершенно откровенно мнение их, нисколько не стесняясь предварительным одобрением как покойного государя, так и его самого.

Засим государь обратился прежде всех к сидевшему рядом с ним графу С. Г. Строганову, спрашивая его, что думает он о предполагаемой мере.

Граф Строганов сказал приблизительно следующее:

«Ваше величество, предполагаемая вами мера, по моему мнению, не только не своевременная при нынешних обстоятельствах, требующих особой энергии со стороны правительства, но и вредная.

Мера эта вредна потому, что с принятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России безусловно необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде. В последнее время, и без предполагаемой новой меры, власть значительно ослабла, в журналах пишут бог знает что и проповедуют невозможные доктрины. Дошло до того, что, как я слышал, сам министр внутренних дел признал необходимым призвать к себе журналистов, чтобы потребовать от них некоторой умеренности (обращаясь к Лорису-Меликову). Не так ли?».

Граф Лорис-Меликов. «Ваше величество, граф Сергей Григорьевич не совсем прав. Я лично не видал редакторов повременных изданий с осени. В последнее же время, с разрешения вашего, я действительно объявил им, — но не сам, а через начальника главного управления по делам печати, — что если в каком-либо периодическом издании будет напечатана статья о необходимости конституции, то такое издание будет мною немедленно прекращено, притом не на основании закона 6 апреля 1865 года⁴, а в силу особого полномочия, дарованного мне вашим величеством. Угроза эта подействовала».

Граф Строганов. «И слава богу... Но, государь, подобная мера не будет уже возможна тогда, когда вы вступите на путь, вам предлагаемый.

Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России...».

Государь. «Я тоже опасаясь, что это — первый шаг к конституции». Затем, обратясь к графу Валугеву, его величество сказал: «Граф Петр Александрович, вы, как председатель комиссии, которая рассматривала проект, вероятно, пожелаете высказать ваш взгляд».

Граф Валугев. «Ваше императорское величество, я, с моей стороны, не могу разделять тех опасений, которые только что были высказаны глубокоуважаемым мною графом Сергеем Григорьевичем.

Предполагаемая мера очень далека от конституции. Она имеет целью справляться с мнением и взглядами людей, знающих более, чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и ее населения, до крайности разнообразного. В пределах необъятной империи, под скипетром, вам богом врученным, обитают многие племена, из которых каждое имеет неоспоримое право на то, чтобы верховной власти вашего величества были известны его нужды.

Вам, государь, небезызвестно, что я — давнишний автор, могу сказать, ветеран рассматриваемого предположения. Оно сделано было мною, в несколько иной только форме, в 1863 году, во время польского восстания и имело, между прочим, привлечь на сторону правительства всех благомыслящих людей. Покойный император, родитель вашего величества, изволил принять мое предложение милостиво, однако не признал своевременным дать ему тогда ход. Затем я возобновил свое ходатайство в 1866 году, но и на этот раз в бозе почивший государь не соизволил на осуществление предложенной мною меры. Наконец, в прошлом году я дозволил себе вновь представить покойному государю императору записку по настоящему предмету. Участь ее вашему величеству известна. Особым совещанием, состоявшимся под председательством его императорского высочества великого князя Константина Николаевича, признано было опять-таки несвоевременным издать к юбилейному торжеству 19 февраля 1880 г. какое-либо законоположение о призыве представителей земства⁵.

Из этого краткого очерка ваше императорское величество изволили усмотреть, что я постоянно держался одного и того же взгляда на настоящий вопрос. Я не изменю своих убеждений и теперь. Напротив того, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах предлагаемая нам мера оказывается в особенности настоятельно и необходимою. Граф Сергей Григорьевич совершенно справедливо указывает на то, что теперь в газетах пишут бог знает что. Такие злоупотребления печатным словом могут иметь губительные для государства послед-

ствия. Поэтому необходимо озаботиться, чтобы журналистам, этим самозванным представителям общественного мнения, был создан противовес настоящих, законных представителей общества, которое, без малейшего сомнения, и мыслит, и чувствует совершенно иначе, нежели авторы газетных статей.

Вот, ваше императорское величество, соображения и убеждения мои по существу дела. Что же касается затронутого графом Строгановым вопроса о своевременности издать теперь же проектированное нами положение, то в этом отношении я воздержусь от какого бы то ни было заявления. Ваше величество, будучи в сосредоточии дел и обстоятельств, без сомнения, будете сами наилучшим судьей того, следует и возможно ли в настоящую именно минуту предпринимать предлагаемую нам важную государственную меру. Разрешение этого вопроса должно зависеть исключительно от державной воли вашего величества».

После речи Валуева государь обратился к великим князьям, но все они пожелали высказать свое мнение после других, когда вопрос более выяснится. Тогда попросил слова военный министр.

Граф Д. А. Милютин. «Предлагаемая вашему величеству мера, — сказал он, — по моему мнению, совершенно необходима, и необходима именно теперь. В начале каждого царствования новый монарх, для пользы дела, должен заявить народу свои намерения и виды относительно будущего. По части внешней политики взгляды вашего величества нашли себе прекрасное выражение в циркулярной депеше министра иностранных дел. Как видно из известий, проходящих со всех концов Европы, депеша эта произвела всюду наилучшее впечатление. Но она касается собственно международных наших сношений, — из нее не видно, какой внутренней политики будет держаться император Александр III. Между тем вопрос этот естественно озабочивает всю Россию. Безотлагательное разрешение его представляется мне в высшей степени настоятельным.

Покойный государь, по вступлении на престол, предпринял целый ряд великих дел. Начатые им преобразования должны были обновить весь строй нашего отечества. К несчастью, выстрел Каракозова остановил исполнение многих благих предначертаний великодушного монарха. Кроме святого дела освобождения крестьян, которому покойный государь был предан всей душой, все остальные преобразования исполнялись вяло, с недоверием к пользе их, причем нередко принимались даже меры, несогласные с основной мыслью изданных новых законов. Понятно, что при таком образе действий нельзя было ожидать добрых плодов от наилучших даже предначертаний, в России все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало развиваться глухое неудовольствие... В самое последнее только время общество

ожило, всем стало легче дышать, действия правительства стали напоминать первые, лучшие годы минувшего царствования. Перед самой кончиной императора Александра Николаевича возникли предположения, рассматриваемые нами теперь. Слух о них проник в общество, и все благомыслящие люди им от души сочувствуют. Весть о предполагаемых новых мерах проникла и за границу...»

Государь. «Да, но император Вильгельм, до которого дошел слух о том, будто бы батюшка хочет дать России конституцию, умолял его в собственноручном письме не делать этого; на случай же, если бы дело зашло так далеко, что нельзя отступить и обойтись вовсе без народного представительства, император германский советовал устроить его как можно скромнее, дав представительству поменьше влияния и сохранив власть за правительством».

Граф Милютин. «Ваше величество, не о конституции идет у нас теперь речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильных основаниях только то, что было и прежде. Когда рассматривались проекты крестьянских положений и других важнейших законов, всякий раз, с соизволения покойного государя, приглашаемы были, для предварительного обсуждения этих проектов, люди практические, которые знают действительную жизнь, потому что живут не в столице, а в уездах и деревнях, где многие вопросы представляются в ином свете, нежели в нашей среде. Теперь предстоят важные законодательные труды по окончании сенаторских ревизий. Естественно, что для успеха дела необходимо сообразить их всесторонне, т. е. не с канцелярской только или бюрократической точки зрения. Ввиду этого, ваше величество, я позволяю себе горячо поддерживать предложение графа Лорис-Меликова».

Министр почт и телеграфов Л. С. Маков. «Ваше императорское величество, предложения графа Лорис-Меликова мне не были вовсе известны; я ознакомился с ними в первый раз в настоящем заседании и поэтому не могу сообразить их как бы следовало. Но сколько я мог понять из записки, прочитанной министром внутренних дел, основная его мысль — ограничение самодержавия. Доложу откровенно, что я, с моей стороны, всеми силами моей души и моего разумения, решительно отвергаю эту мысль. Осуществление ее привело бы Россию к гибели. Таков мой взгляд на этот вопрос вообще. Но кроме того, по долгу совести, я считаю себя обязанным высказать, что не в такие минуты, как те, которые, к несчастью, переживаем мы, возможно заниматься проектами об ослаблении власти и об изменении формы правления, благодетельной для отечества.

В смутное нынешнее время, по глубокому убеждению моему, нужно думать только о том, чтобы укрепить власть и искоренить крамолу.

Воля вашего императорского величества, без сомнения, священна. Если вам, государь, благоугодно будет утвердить одобренные в бозе почивающим императором предложения графа Лорис-Меликова, то все мы должны преклониться, и все возражения наши должны смолкнуть. Тем не менее я считаю священной обязанностью обратить всемиловитвейшее внимание вашего величества на то, что при обнародовании постановления по этому предмету нужно принять совершенно иную форму, нежели та, которая предлагается графом Лорис-Меликовым. Нельзя говорить о важной этой мере так, как будто она исходит от министра внутренних дел. Подобный правительственный акт может исходить исключительно от вас, по завету покойного государя и силою собственной державной воли вашего императорского величества, а не по мысли и представлению министра внутренних дел. О нем в публикации не должно быть и речи».

Министр финансов А. А. Абаза (с некоторою горячностью). «Ваше императорское величество, о министре внутренних дел речь идет вовсе не в публикации, приготовленной для “Правительственного Вестника”, а в докладной записке, которая может исходить только от министра.

Затем, что касается других возражений министра почт и телеграфов, то я попрошу разрешения остановиться прежде всего на указании его о невозможности принять предлагаемую меру в нынешние смутные времена. Я бы понял это возражение, если бы смута исходила из народа. Но мы видим совершенно противное. Смута производится горстью негодяев, не имеющих ничего общего с народом, исполненным любви и преданности своему государю. Против шайки злодеев, ненавидимых всем населением империи, необходимо принять самые решительные и строгие меры. Но для борьбы с ними нужны не недоверие к обществу и всему народу, не гнет населения, а совершенно иные средства, — нужно устроить сильную, деятельную и толковую полицию, не останавливаясь ни перед какими расходами. Государственное казначейство отпустит на столь важную государственную потребность не только сотни тысяч, но миллионы, даже многие миллионы рублей.

Наконец, по поводу возражений министра почт, я не могу не заметить, что в предложениях графа Лорис-Меликова, которые по воле покойного государя обсуждались в особой комиссии при участии вашего величества, нет и тени того, чего опасается статс-секретарь Маков. Если бы они клонились к ограничению самодержавия, которое более чем когда-либо необходимо в нынешнее время, то, конечно, никто из нас не предложил бы и не поддерживал бы этой меры.

Проектированные редакционные комиссии должны иметь значение учреждения только *совещательного*. Без совещания с представи-

телями общества обойтись невозможно, когда речь идет об издании важных законов. Только посредством такого совещания познаются действительные нужды страны. Трон не может опираться исключительно на миллион штыков и на армию чиновников. В царствование покойного государя не раз приглашаемы были и в различные комиссии, и даже в Государственный совет лица выборные, именно предводители дворянства, председатели земских управ, городские головы и т. п. Теперь предлагается поступить несколько иначе, т. е. приглашать не людей, избранных обществом для совершенно иной цели, а людей, которым население доверит его голос именно для рассмотрения законодательных проектов. Я, с моей стороны, считаю этот прием важным усовершенствованием, потому что очень хороший предводитель дворянства, городской голова или председатель земской управы могут быть очень плохими советниками по части законодательной.

Ваше императорское величество, предлагаемая графом Лорис-Меликовым мера представляется мне, как министру финансов, совершенно необходимою еще и потому, что, как вашему величеству известно, нам предстоит издать целый ряд законов о новых налогах. Подобного же рода вопросы не могут быть рассматриваемы путем исключительно кабинетным. Для справедливости и практического удобства налога, он непременно должен быть соображен при участии тех лиц, которым придется платить его».

Министр внутренних дел граф М. Т. Лорис-Меликов. «Ваше императорское величество, при обсуждении настоящих предположений было не раз упоминаемо, что в нынешние смутные времена нужны иные меры, нежели те, которые теперь предлагаются. В этих отзывах слышится косвенный укор мне за то, что я не сумел уберечь незабвенного покойного государя и общего благодетеля. Я не буду оправдываться. Я, действительно, виноват, как о том и докладывал вам, государь, тотчас же после ужасного события 1 марта. Но если я не мог уберечь покойного императора, то не по недостатку усердия. Я служил ему всеми силами, всею душою, и при всем том не мог предупредить катастрофы... Несмотря на убедительную просьбу мою, вашему величеству не угодно было уволить меня...».

Государь. «Нет. Я знал, что вы действительно сделали все, что могли».

Граф Лорис-Меликов. «В настоящее время я полагаю, что в отношении к злодеям нужно принять самые энергические меры; но вместе с тем я убежден, что относительно всего остального населения империи правительство не должно останавливаться на пути предпринятых реформ. По окончании сенаторских ревизий нам предстоит издание весьма важных законодательных мер. Необходимо, чтобы

меры эти соображены были как можно тщательнее для того, чтобы они оказались полезными в практическом применении.

Затем, не менее важно и то, чтобы на стороне правительства были все благомыслящие люди. Предлагаемая теперь мера может много этому способствовать. В настоящую минуту она вполне удовлетворит и успокоит общество; но если мы будем медлить, то упустим время, — через три месяца нынешние, в сущности весьма скромные, предположения наши окажутся, по всей вероятности, уже запоздалыми.

Обер-прокурор св. Синода К. П. Победоносцев (бледный, как полотно, и, очевидно, взволнованный). «Ваше величество, по долгу присяги и совести, я обязан высказать вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена перед гибелью Польши говорили: «Finis Poloniae»⁶, так теперь едва ли не приходится сказать и нам: «Finis Russiae»⁷. При соображении проекта, предлагаемого на утверждение ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью...

Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если б хотели сделать только это. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь. Нет, в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг. Примеров этому множество, и даже в настоящее именно время мы видим во Франции охватившую все государство борьбу, имеющую целью не действительное благо народа или усовершенствование законов, а изменение порядка выборов для доставления торжества честолюбцу Гамбетте, помышляющему сделаться диктатором государства. Вот к чему может вести конституция.

Нам говорят, что нужно справляться с мнением страны через посредство ее представителей. Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет. Они будут выражать только личное свое мнение и взгляды...».

Государь. «Я думаю то же. В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями действительных народных потребностей».

Победоносцев. «...И эту фальшь по иноземному образцу, для нас непригодную, хотят, к нашему несчастью, к нашей гибели, ввести и у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря

неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с народом есть неоцененное благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться. Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем правительство должно радеть о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. Вот удел, к достижению которого нужно стремиться, вот истинная задача нового царствования.

А вместо того предлагают устроить нам говорильню, вроде французских *états généraux*⁸. Мы и без того страдаем от говорилен, которые, под влиянием негодных, ничего нестоящих журналов, разжигают только народные страсти. Благодаря пустым болтунам, что сделалось с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, принявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян?.. К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки; бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастною жертвою целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков.

Затем, открыты были земские и городские общественные учреждения, — говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует, кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своим семейством, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту.

Потом открылись новые судебные учреждения, — новые говорильни, говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления, — несомненные убийства и другие тяжкие злодейства, — остаются безнаказанными⁹.

Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильни, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысяч верст, разносит хулу и порицание на власть, посеивает между людьми мирными, честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям.

И когда, государь, предлагают вам учредить, по иноземному образцу, новую *верховную* говорильню?.. Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния,

никогда не бывавшего на Руси, — когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребенный еще прах благодушного русского царя, который, среди белого дня, растерзан русскими же людьми. Я не буду говорить о вине злодеев, совершивших это ужасающее, беспримерное в истории преступление. Но и все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас; все мы виновны в том, что, несмотря на постоянно повторявшиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля, мы, в бездеятельности и апатии нашей, не сумели охранить праведника. На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!...»

Государь. «Сущая правда, все мы виновны. Я первый обвиняю себя».

Победоносцев. «В такое ужасное время, государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать!»

Речь эта произвела на многих, в особенности на государя, весьма сильное впечатление. Сознывая это, А. А. Абаза произнес взволнованным голосом, но при этом весьма решительно:

«Ваше величество, речь обер-прокурора св. Синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильны, — то вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас, принимавших участие в преобразованиях прошлого, — скажу смело, — *великого* царствования.

Смотреть на наше положение так мрачно, как смотрит Константин Петрович, может только тот, кто сомневается в будущем России, кто не уверен в ее жизненных силах. Я, с моей стороны, решительно встаю против таких взглядов и полагаю, что отечество наше призвано к великому еще будущему. Если при исполнении реформ, которыми покойный император вызвал Россию к новой жизни, и возникли некоторые явления неутешительные, то они не более как исключения, всегда и везде возможные и почти необходимые в положении переходном от полного застоя к разумной гражданской свободе. С благими реформами минувшего царствования нельзя связывать постигшее нас несчастье — совершившееся у нас царевубийство. Злодеяние это ужасно. Но разве оно есть плод, возросший исключительно на русской почве? Разве социализм не есть в настоящее время всеобщая язва, с которой борется вся Европа? Разве не стреляли недавно в германского императора, не покушались убить короля итальянского и других государей? Разве на днях не было сделано в Лондоне покушение взорвать на воздух поместье лорда-мэра?

Обер-прокурор св. Синода заявил нам, что вместо учреждения так называемой им “верховой говорильни” нужно главным образом заботиться и радеть о народе. Ваше величество, в этом последнем собственно отношении, т. е. относительно забот о возможном благе народа, взгляды наши совершенно сходятся. Несмотря на то, что всего в ноябре месяце отменен ненавистный всем соляной налог, причем народ освобожден от уплаты в год 15 миллионов рублей, я не более двух недель тому назад имел счастье докладывать покойному государю, в присутствии вашем, предложения министра финансов и внутренних дел о понижении выкупных крестьянских платежей, на сумму 9 миллионов рублей в год. При первом моем всеподданнейшем докладе вашему величеству я счел долгом вновь обстоятельно доложить это дело, испрашивая разрешения вашего внести его в самом безотлагательном времени в Государственный совет. Вашему величеству благоугодно было на это соизволить, выразив желание, чтобы дело было рассмотрено в нынешнюю же сессию Совета. Смею думать, что предложения подобного рода служат доказательством заботы нашей и радения нашего о народе. Но заботясь и радея о нем, не нужно забывать, что, кроме простого народа, в населении государства есть и образованные классы общества. Для пользы дела необходимо, по мере возможности, привлекать их к участию в управлении, выслушивать мнение их и не пренебрегать их советами, весьма часто очень разумными».

Государственный контролер Д. М. Сольский (совершенно спокойно). «Ваше императорское величество, обер-прокурором св. Синода было высказано много такого, с чем согласны все. Поэтому между нами нет такого коренного различия в убеждениях, как казалось бы с первого взгляда. Разногласие происходит главным образом от недоразумения. Ни министр внутренних дел, ни все те из нас, которые согласны с его предложением, вовсе не считают предлагаемую им меру — средством, ограждающим против преступлений социализма. И при действии ее преступления социалистов будут по-прежнему возможны. Для борьбы с социализмом нужно иметь прежде всего хорошую полицию, которой у нас нет.

С другой стороны, никто не помышляет о конституции или об ограничении самодержавия. В проекте министра внутренних дел, одобренном особым совещанием, в котором ваше величество изволили участвовать, прямо выражено, что редакционная комиссия с участием земства и городов имеет лишь голос *совещательный*; далее сказано также, что существующий порядок рассмотрения дел в Государственном совете остается без изменения. Ввиду этого о конституции нет и речи.

Если бы в проекте была хотя тень такой мысли, то каждый из присутствующих, без сомнения, отверг бы ее с негодованием.

Не конституция, не ограничение власти нужны нам теперь, — нам нужна, напротив того, власть сильная, энергическая, неограниченная, какую она была до сих пор на Руси. Одним словом, нам нужно самодержавие. Но вместе с тем необходимо, чтобы самодержавная власть могла действовать сознательно, основываясь на познании действительных народных нужд. Константин Петрович уподобил предлагаемую меру составу французских *états généraux*. Уподобление это совершенно неправильное. Всем известно, из кого состояли *états généraux* и какое их была значение. Разве предлагается что-либо подобное этому учреждению?.. Предлагается созвать около ста человек, избранных губернскими земскими собраниями и городскими думами губернских городов. Нельзя сомневаться в том, что избранные лица будут люди вообще умеренные. Они будут совещаться при участии правительственных деятелей и под председательством лица, назначенного высочайшею властью. Затем, если бы это собрание увлеклось, то нельзя думать, чтобы русское правительство, сильное, в некоторых отношениях всемогущее, не имело средств остановить подобное увлечение.

Опасения, и притом напрасные, у нас не новость. Когда покойным государем возбужден был вопрос об освобождении крестьян, тогда многие у нас боялись революции. Последующие события доказали, что опасения эти не имели ни малейшего основания. Когда введены были земские учреждения, многие предсказывали, что вводимый порядок будет постоянно расти, что земство будет стремиться к приобретению политического значения, что силою вещей правительство будет вынуждено уступить и что таким образом водворится в России правление конституционное. Но разве опасения эти были справедливы? Разве земство стало политической силою и вышло из тех пределов, которые были ему предуказаны законом? За исключением некоторых отдельных случаев не серьезного даже сопротивления, а скорей невинной болтовни, которые были тотчас же остановлены распоряжением правительственной власти, земство наше никогда не выходило из границ. Его можно обвинить скорее в бездеятельности, в апатии. Итак, неоднократно возникавшие у нас до сих пор опасения по случаю принимавшихся либеральных законодательных мер, как дознано неопровержимыми фактами, были напрасны, были несправедливы.

Ваше императорское величество, возвращаясь к первоначальному заявлению, я должен снова указать на то, что между нами нет коренного различия в убеждениях. Сам Константин Петрович не отвергает пользы соображения важных законодательных мер при участии людей практических. Но решительно то же самое предлагается и нами. Может быть, мы не сойдемся с Константином

Петровичем в подробностях, но подробности есть дело дальнейшего рассмотрения. Обсуждать проект вновь во всех мельчайших его постановлениях, ввиду важности дела, может быть только полезно. Теперь речь идет собственно об основной мысли, а относительно ее, по глубокому моему убеждению, нет различия во взглядах. Нынешний порядок администрации признан самим правительством во многих отношениях неудовлетворительным и требующим исправления. С этим согласен и Константин Петрович. По возвращении сенаторов, которым поручена ревизия многих губерний, и по рассмотрении их трудов, будут составлены предположения об изменениях в разных частях законодательства. Необходимо, чтобы изменения эти удовлетворяли действительным потребностям и не остались мертвою буквою. Для этого нужно содействие людей, знающих действительную жизнь.

Кроме общих проектов, касающихся порядка управления, нельзя оставлять без внимания крайней необходимости изменения нашей податной системы. Нынешнее податное обложение в высшей степени несправедливо и тягостно для некоторых классов населения. Но для того, чтобы облегчать одних, нужно обременить других, нужно ввести новые налоги, о чем упоминал еще сегодня министр финансов. Введение же новых налогов обыкновенно возбуждает ропот и увеличивает число недовольных. Почти ничто не ожесточает так людей, как то, если их бьют по карману. Поэтому правительство должно озаботиться не только о том, чтобы подати были справедливые и чтобы они распределялись, по возможности, равномерно, — в этом много помогли бы представители разных местностей и разных классов общества, — но также и тем, чтобы не нести *одному* всей ответственности в принятых мерах. Коль скоро меры эти будут предварительно обсуждены представителями страны, то ответственность будет разделяться ими, правительство найдет в них опору.

Ваше величество, в заключение я должен сказать, что речью своей Константин Петрович всех нас расстроил. При этом он представил в самых мрачных красках весь ужас нынешнего нашего положения. Но [далее?] этого он не пошел. Он раскритиковал все, но сам не предложил ничего. В конце своей речи Константин Петрович справедливо сказал, что во времена, подобные настоящим, нужно действовать. Нам предложен план действий. Если он не хорош, то нужно заменить его другим; но ограничиваться одною критикою и оставаться неподвижным — невозможно».

После Сольского попросил слова *министр путей сообщения К. Н. Посьет*. Довольно нескладно и темно он объяснил, что предполагаемые меры несвоевременны, тем более что они могут быть приняты за уступку требованиям и угрозам социалистов.

Почти в один голос *Лорис-Меликов, Абаза и Сольский* заявили, что этого бояться нечего, так как социалисты требуют совсем не того и что предлагаемая мера их, конечно, не удовлетворит.

Председатель департамента законов кн. С. Н. Урусов. «Ваше императорское величество, если предложение министра внутренних дел будет принято, то, по моему мнению, нужно рассмотреть его не как меру политическую, а как меру практически полезную.

Коль скоро правительство должно искать себе помощи в содействии представителей общества, то необходимо, чтобы эти представители были *лучшие люди* страны.

Но из рассматриваемого нельзя вынести убеждения, что представители земства и городов будут именно такие люди. Поэтому, ваше величество, я, с моей стороны, признавал бы полезным и необходимым пересмотреть проект предварительно в Комитете министров».

Управляющий министерством народного просвещения А. А. Сабуров. «Ваше императорское величество, проект министра внутренних дел признается здесь многими за меру слишком либеральную. Я не могу согласиться с таким мнением. Весьма основательно было возражение, что предложение графа Лорис-Меликова не есть что-либо совершенно новое и что, в сущности, оно есть лишь видоизменение и усовершенствование того, что делалось в прежние времена при рассмотрении важных законодательных проектов. При нынешних грустных обстоятельствах мера эта особенно необходима. Она вызывается неотложною потребностью опереться на здоровые силы страны. В настоящее время правительство опирается в своих действиях собственно на одних чиновников, т. е. на людей, хотя и образованных, но дышащих исключительно петербургским воздухом и усваивающих себе взгляды и убеждения газет, не всегда верные и не всегда соответствующие истинным потребностям государства. Нужно выслушать и людей другой среды. Мнения их во многом не согласны с газетными статьями. Люди земские, особенно за Москвою, думают совершенно иначе, чем петербургские деятели. Они несравненно более консервативны и самостоятельны, а потому представят, несомненно, более твердую опору для правительства».

Министр юстиции Д. Н. Набоков заявляет тихим голосом (в нашем конце стола его почти не слышно) и в довольно туманных выражениях полное свое сочувствие проекту министра внутренних дел.

Принц П. Г. Ольденбургский. «Ваше величество, я присоединяюсь вполне к предложению князя С. Н. Урусова о пересмотре проекта в Комитете министров. К этому я прибавляю, что для упрочнения порядка и благосостояния государства, по глубокому моему убеждению, нужны два условия: мир и поправление наших финансов, главным

образом, посредством бережливости в расходах. Если не будет этих двух условий, то ничто не поможет».

Очередь доходила теперь до меня. Я был в чрезвычайном затруднении: говорить мне или нет. С одной стороны, вопрос почти уже выяснился, с другой же, государственный секретарь не есть министр и присутствует в совете собственно для объяснений по делам Государственного совета. После некоторого размышления и, — не скрою — волнения, я решил так: если государь обратится прямо ко мне, то, высказав в кратких чертах сочувствие свое проекту, я приведу в виде практического аргумента в пользу предлагаемой меры то, что, как видно из многих наших дел, издаваемые у нас законы на деле часто не соответствуют благим намерениям правительства, главным образом потому, что они неудобоприменимы, что недостатком этим страдают, в особенности, те законы, при составлении которых вовсе не были выслушаны отзывы людей дела и практики, например: парциальное положение и закон, ограничивающий право городских и сельских обществ исключать из своей среды порочных людей. Как известно, оба эти узаконения вызвали массу справедливых жалоб, повлекших за собой пересмотр первого из них и приостановление действия второго в административном порядке. Засим, если бы его величество не обратился ко мне, я решился молчать.

По окончании принцем Ольденбургским коротенького своего заявления, государь посмотрел вопросительно в наш угол, т. е. на управляющего министерством государственных имуществ князя Ливена и меня. *Князь Ливен* попросил слова и затем, несколько кудряво, объяснил, что вполне сочувствует мысли опереться на здоровые силы страны, но полагает, однако, что им следует предоставить широкую долю участия в местном самоуправлении. Призывать же депутатов земства в Петербург для участия в делах управления, по мнению князя Ливена, во многих отношениях опасно.

Выслушав Ливена с несколько утомленным видом, государь обвел взглядом все собрание, как бы спрашивая: не желает ли еще кто-нибудь говорить? Я понял, что мне лучше воздержаться от прений.

Слова попросил *великий князь Константин Николаевич*.

«Ваше величество, — сказал он, — в начале наших суждений П. А. Валуев заявил, что он считает себя давнишним автором или ветераном рассматриваемых предложений, так как основная их мысль была им предложена покойному государю в 1863 году. Хотя и несколько позднее, именно в 1866 году, я счел также обязанностью, не зная ничего о предположениях Петра Александровича, представить покойному императору записку, в которой выражал убеждение свое в необходимости привлечения сил общественных к рассмотрению

важнейших законодательных дел. Государь не давал хода этой записке в течение 15 лет.

Только в январе прошлого года она подверглась обсуждению в особом совещании при участии вашего величества. Осуществление мыслей моих признано было тогда несвоевременным. Я, с моей стороны, покорился этому, сохранив за собой право возобновлять предложения мои впоследствии. Если бы министр внутренних дел не представил ныне своего проекта, во многом сходного с моим, то я считал бы обязанностью снова заявить о прежних, давнишних моих мыслях. Говорю об этом собственно для того, чтобы выразить, в какой степени я разделяю основную мысль обсуждаемого государственного дела.

Главный противник проекта — обер-прокурор св. Синода. Но и он, если вникнуть хорошенько в сказанное им, как правильно заметил государственный контролер, не отрицает пользы призыва к рассмотрению важных законодательных дел людей свежих, практических. Следовательно, и Константин Петрович признает полезным, чтобы существовало звено между государем и его народом. Такое звено я, с моей стороны, считаю безусловно необходимым. Благодаря такому звену, русский монарх мог бы узнавать как истинные потребности своего государства, так и недостатки законодательных предположений, составленных людьми кабинетными. Не подлежит сомнению, что в тысячу раз лучше убедиться в таких недостатках прежде, чем после утверждения закона. Какое именно должно быть это звено, из кого состоять и как должно действовать, в этом отношении возникают в нашей среде разные мнения. Ввиду этого, я присоединяюсь к предложению князя Урусова и принца Ольденбургского о дальнейшем еще пересмотре проекта. Покойный мой отец, дед вашего величества, неоднократно говорил мне, что любимую поговорку императора Александра I было: “Десять раз отмерь и один раз отрежь”. Мне кажется, что поговорка эта как нельзя более применима к настоящему предмету первостепенного государственного значения. Нужно несколько раз отмерить наши предположения, но в конце-концов нужно их отрезать».

Великий князь Михаил Николаевич не считает возможным высказаться, пока не ознакомится с окончательными по этому предмету предположениями.

Великий князь Владимир Александрович (с некоторым жаром). «Ваше величество, всеми сознается, что нынешнее положение наше — невозможное. Из него необходимо выйти. Нужно сделать или шаг вперед, или шаг назад. Я убежден, что назад идти нельзя, поэтому нужно сделать шаг вперед. На это нужно решиться. Если против меры, предположенной графом Лорис-Меликовым, и были возражения, то, как оказывается, возражения возникли собственно в отношении к под-

робностям, а не относительно основной мысли. Ввиду этого не позволите ли, ваше величество, признать полезным повелеть, чтобы проект был пересмотрен? Но отвергать его, по моему мнению, не следует».

Граф С. Г. Строганов. «Государь, я тоже не возражал бы против пересмотра проекта в Комитете министров».

Князь С. Н. Урусов. «Ваше величество, если вам благоугодно будет принять мысль о дальнейшем еще пересмотре проекта, то не лучше бы было обсудить его сначала не в Комитете министров, а в составе небольшой комиссии из лиц, назначенных вашим величеством?»

Государь. «Я не встречаю к тому препятствий. Цель моя заключается в том, чтобы столь важный вопрос не был разрешен слегка, но, напротив того, был соображен как можно основательнее и всестороннее. (Обращаясь к графу Строганову.) Граф, не примете ли вы на себя председательство в комиссии?»

Граф Строганов. «Я всегда и во всем готов служить вашему величеству. Но позвольте заметить, что 86-ти лет от роду нельзя быть председателем».

Государь. «Так не согласитесь ли, по крайней мере, быть членом комиссии?»

Гр. Строганов. «Охотно, государь».

Государь. «Благодарю вас. Я очень бы желал, чтобы вы участвовали в этом деле».

Граф Строганов, видимо довольный, молча поклонился.

Граф Валуев. «Ваше императорское величество, не изволите определить состав комиссии? Или, может быть, вашему величеству угодно будет определить его впоследствии?»

Государь: «Да (вставая). Мы можем окончить заседание. Благодарю вас, господа. (Обращаясь к Лорис-Меликову.) Граф Михаил Тариелович, я должен поговорить с вами. Пойдемте ко мне».

Заседание окончилось в 4 часа 45 минут. При разъезде Валуев подошел к Абазе со словами: «J'espère que vous êtes content de moi». — «Parfaitement. Mais je n'en dirai pas autant de votre élève (разумея Макова), c'est un laquais»¹⁰.

Возвратясь домой, я немедленно начертил себе план стола, означив имена сидевших и порядок, в котором говорились речи. Затем против каждого имени я тут же набросал сущность сказанного и отметил даже наиболее рельефные выражения.

После обеда, несмотря на усталость, я тотчас же принялся за подробное изложение (на особых листах) всего бывшего в заседании и не отрывался от этого дела до поздней ночи. Однако мне не удалось окончить все за один раз. Я употребил на это дело еще целых два вечера. В эту книжку я внес составленное таким образом изложение, по обычаю своему, летом.

В заседании я следил за всем с таким напряженным вниманием, что у меня осталось в памяти едва ли не каждое слово. Лыщу себя надеждою, что изложение мое почти фотографически верно.

9 марта

Великий князь Константин Николаевич доволен результатом вчерашнего заседания. Зато крайне недоволен назначением Баранова в градоначальники. Назначение это состоялось не по представлению Лориса, а по совету Победоносцева.

Относительно заседания я сказал великому князю, что был поражен, как выступил вчера великий князь Владимир Александрович, заявление которого много способствовало успеху дела. «А я этому нисколько не удивляюсь, — отвечал великий князь, — Владимир умный и хороший человек. Беда его в том, что он ленив и мало образован, даже в светском отношении. Все внимание покойного государя и императрицы было обращено на воспитание цесаревича Николая Александровича, который был чуть не совершенство. Нынешний же государь и Владимир Александрович в детстве и юношестве были предоставлены почти исключительно самим себе».

Как узнал я в Государственном совете, государь по окончании вчерашнего заседания сказал Лорис-Меликову, что председателем комиссии для пересмотра его предположений назначает великого князя Владимира Александровича.

Лорис очень недоволен исходом вчерашнего заседания. По-моему, он не прав: исход очень хороший, цель почти достигнута; конечно, дело не увенчалось тут же полным успехом, но разве такие серьезные вопросы когда-либо разрешаются в одно заседание?

Лорис избалован, — до сих пор все давалось ему слишком легко.

С другой стороны, Лориса многие винят в том, что он побудил государя в назначении заседания до погребения тела покойного императора. Дело вовсе не так спешно, а между тем недели через две или три речь Победоносцева не произвела бы такого впечатления, какое произвела она теперь.

12 марта

В церемониальной экспедиции, заведывающей погребением, страшный беспорядок. В случае сомнений, которых возникает много, там не добиться толку. К общему стыду нашему, должно сказать, что и дежурство при теле покойного императора неисправно, по крайней мере по ночам. В ночные часы нередко вовсе не являются некоторые из лиц, назначенных дежурными. Я приехал минут за двадцать до своего часа и нашел место свое пустым, — значит, предшественник мой не приехал.

Затем, по истечении назначенного для меня времени, я перестоял еще полчаса в ожидании смены, которая так и не явилась. Хорошо еще, что дежурят разом человек до 12 разных чинов; по крайней мере, вокруг гроба бывает все-таки человек до восьми или десяти.

И, при такой небрежности, позволяют себе говорить о преданности монарху. А при жизни его эти не являющиеся теперь — считали бы для себя величайшим счастьем побыть вблизи его хотя десятую часть времени, назначенного для дежурства; многие из них готовы были бы скакать для этого на край света.

Во время дежурства я имел утешение видеть, с каким благоговением поклонялся праху простой народ. Тут были и старики, и старухи, и люди в зрелом возрасте, и даже дети. Большею частью все приближавшиеся к гробу, — а их были тысячи, — набожно молились, клали земные поклоны, многие плакали, даже рыдали. Собственно любопытства я ни у кого не заметил.

<...>

15 марта

При погребении тела покойного императора, происходившем сегодня, можно было заметить на многих лицах истинное горе. К погребению было много иностранных принцев и в числе их наследник германского престола¹¹.

Говорят, что после неоднократных бесед с юным нашим государем он сказал: «Je suis heureux d'être venu. Pour moi l'empereur c'est une révélation»¹². Вероятно, слова эти относились к тому, что принц думал найти в государе ненавистника немцев, а между тем нашел его дружелюбным и благоразумным. При погребении присутствовал и Николай Максимиллианович Лихтенбергский. Сначала он не хотел приезжать из Рима, где он живет с Акинфиевой. Но государь, узнав об этом, поручил принцессе Евгении Максимиллиановне сообщить брату, что если он не приедет, то за такое неприличие будет исключен из русской службы. Дай бог государю и впредь столько же энергии! А. В. Головнин тоже советовал великому князю Константину Николаевичу отказаться от морского ведомства. Мы сочинили с ним вместе для великого князя проект письма к государю в том смысле, что взгляды императора на управление флотом и устройство его не согласны с воззрениями его высочества, быть может, и ошибочными. Ввиду этого великий князь считает долгом просить об увольнении от управления морским министерством. Засим о Государственном совете не было упомянуто вовсе.

При составлении проекта этого письма Александр Васильевич рассказал мне сегодня, что один из главных источников неудовольствия

против великого князя в прошлое время был отзыв М. Н. Муравьева в 1866 году о том, будто бы в деле расследования каракозовского заговора¹³ ему препятствовал Мраморный дворец¹⁴. Разумеется, это был суший вздор, но Муравьев ненавидел великого князя и хотел погубить его в общественном мнении.

Вот причина его ненависти. В Русском географическом обществе, состоящем под председательством великого князя, было с самого начала две партии: одна серьезная, работающая, во главе которой стоял Литке, и потому прославившаяся под названием «немецкой»; другая, ограничивавшаяся почти только критикой того, что делала первая, именовалась «русскою» и имела во главе М. Н. Муравьева. Вице-председателем общества избирался постоянно Литке огромным большинством голосов. И однажды, в конце пятидесятых годов, случилось, что в день выборов была свадьба одного из моряков, пользовавшегося среди товарищей большой популярностью. Поехав к нему на свадьбу, очень многие опоздали ко времени выборов, и вследствие того большинство оказалось на стороне Муравьева. Великий князь был чрезвычайно раздосадован низвержением Литке, и, к крайнему сожалению, не принял Муравьева, когда он приехал представиться в качестве помощника его высочества по Географическому обществу. Отсюда зачатая вражда со стороны Муравьева, которая нашла себе впоследствии новую пищу в разномыслиях с великим князем по крестьянскому делу и по управлению Царством Польским¹⁵.

16 марта

Лорис и Абаза, вследствие заседания 8 марта, не подают руки Макову и Победоносцеву и почти не говорят с ними. По моему мнению, они неправы. Нельзя считать политических противников прямыми врагами. Можно не сочувствовать их взглядам, даже не любить их, но необходимо соблюдать правила приличия и вежливости.

Абаза сообщил мне сегодня, что акции Лориса высоки, но что и Победоносцев не совсем без влияния. Много еще перемен будет. «Мы, — продолжал он, — обязаны были высказаться вполне и вступить в открытую борьбу, так как стояли на министерских постах. Но на вас не лежит этой обязанности; потому будьте осторожны и не сжигайте своих кораблей. Поберегите себя для будущего». И он крепко пожал мне руку.

Желал бы я знать, что значит это наставление. Искренно ли оно, или же только светская любезность, соединенная с некоторым расчетом на случай падения?

Последнее едва ли не вернее: мне невольно приходит в голову эпизод с Владимиром 1-й степени.

17 марта

Заготовленный Головинным и мною проект письма представлен великому князю. Его высочество одобрил проект, но не хочет до времени отправлять его. Между тем, как слышал я из верного источника, государь [отозвался] о великом князе Константине Николаевиче чрезвычайно неблагосклонно: «Я не могу его видеть; пусть уедет он, куда хочет», — сказал государь великому князю Владимиру Александровичу. Этот последний всячески старался успокоить брата, говоря, между прочим, что нельзя делать скандала и что семейные их раздоры не должны проникать в публику.

Слова Абазы о силе Лориса подтвердились. Министерство почт и телеграфов присоединяется к министерству внутренних дел, и Маков назначается членом Государственного совета. Повод к этому подал сам Маков. Через несколько дней после кончины покойного императора он представил государю доклад, в котором объяснил, что в ведении его состоит перлюстрация писем, которая производится на основании секретной инструкции, утвержденной скончавшимся императором. Маков испрашивал разрешения, как поступать ему впредь.

Государь оставил доклад у себя и спросил у Лориса его мнения. Лорис отвечал, что почтовым ведомством нередко делаются по этой части большие злоупотребления; что перлюстрация есть орудие чрезвычайно опасное, и пользоваться ею нужно лишь в крайних случаях, собственно по делам политическим; что, между тем, по этим-то именно делам не всегда можно иметь государственной полиции все необходимые сведения, так как перлюстрация состоит в ведении другого министерства. Ввиду всего Лорис полагал бы присоединить ведомство почт и телеграфов вновь к министерству внутренних дел, как было до прошлого года.

Государь согласился, выразив при этом свою волю, чтобы перлюстрацией писем злоупотреблений не было.

Маков и не подозревал о всем происшедшем. О присоединении его ведомства к министерству внутренних дел и о назначении своем членом Государственного совета он узнал только из доставленного ему мною указа.

19 марта

Всех поразило сообщение «Правительственного Вестника» о том, что при петербургском градоначальнике учреждается совет из членов, избираемых населением столицы, причем решения совета для градоначальника обязательны. Еще курьезнее то, что выборы должны были быть произведены в несколько часов, на основании правил

довольно неясных и сбивчивых. Нет сомнения, что это — просто фокус Баранова, ищущего популярности.

Как слышно с разных сторон, выборы в совет производились чрезвычайно бестолково и небрежно. Только к очень немногим приходила комиссия, как бы следовало по правилам; большею же частью голоса отбирались единолично околоточным надзирателем. В одних участках к подаче голоса, за отсутствием мужчин, допускались лица женского пола: в других — нет. Такое же разнообразие происходило и при разрешении вопроса о том, можно ли выбирать кандидата из лиц, живущих в другом участке. Одни околоточные предлагали, для облегчения избирателей, заготовленный заранее список нескольких кандидатов; другие, напротив того, требовали самостоятельного указания избираемого лица. Ко многим жильцам, в том числе и ко мне, не приходил никто. Одним словом, чепуха страшная. Несмотря на то, выборы состоялись. Очевидно, что все это была комедия, причем члены совета были заранее указаны градоначальником¹⁶.

20 марта

Великий князь Константин Николаевич объявил мне сегодня, что он, по долгом размышлении, решил не посылать государю просьбы об увольнении. Вместо того, он просил великого князя Владимира Александровича быть посредником между ним и его величеством: «*Je l'ai prié d'offrir et non de demander ma démission*¹⁷. Разделять морское ведомство от Государственного совета я не могу. Я слишком сроднился с флотом. Я не могу себе представить, что приеду в Кронштадт чуть не частным лицом. Если я не гожусь более в генерал-адмиралы, то не хочу оставаться и председателем Государственного совета. Признаюсь, лично для себя, я бы всего охотнее уехал: я бы чувствовал себя несравненно более спокойнее и счастливее вне Петербурга. В Крыму, в Орианде¹⁸, теперь прелесть. Но если я желал бы остаться здесь, — этого я не скрою, — то исключительно для пользы дела, для самого государя. Увольнение мое было бы для многих торжеством, я это знаю. Оно было бы даже вообще популярно. Но через короткое время в общественном мнении наступила бы реакция. Об уходе моем стали бы сожалеть... Это для государя было бы невыгодно».

В крепости была панихида. Виделся там, между прочим, с графом Шуваловым. Говоря о заседании 8 марта, о котором он имеет довольно верные сведения, граф высказал мне свой взгляд на дело. По его мнению, совещательное собрание не принесет истинной пользы. Нужно прямо приступить к конституционному устройству: учредить две палаты и предоставить им голос решительный. Если же этого сразу сделать нельзя, то нужно, по крайней мере, положить

такое основание, из которого впоследствии развилось бы настоящее представительное правление. Ему более нравится поэтому прежний валуевский проект. Я заявил графу несогласие мое с его взглядом; но разговор наш, происходивший в стороне от собравшегося двора, должен был прекратиться за приближением императорской фамилии и началом панихиды.

23 марта

Великий князь имел сегодня первый свой доклад у государя и вернулся очень довольный. И его величество, и великий князь были оба очень сдержаны. Несмотря на то, что речь шла о Попове и о «Ливадии», столкновения не произошло¹⁹.

В великом князе, всегда легко увлекающемся, возродилась надежда на возможность хороших отношений. Хотя и тяжело было разочаровывать его высочество, тем не менее я счел необходимым открыть глаза великому князю, объяснив, что сегодняшней доклад сошел благополучно просто потому, что он был первый после кончины императора, а главное потому, что обе стороны всячески сдерживались. Впоследствии этого не будет. При существующем издавна раздражении, при коренном различии взглядов и при некоторой горячности великого князя должно опасаться неоднократных столкновений.

«Бог весть, — отвечал его высочество. — До сих пор дурные наши отношения происходили главным образом оттого, что выслушивали только одну, враждебную мне, сторону. Если же будут выслушивать и другую, то отношения могут перемениться. Кроме Баранова, отъявленного негодяя, все обвинители мои были дилетанты, ничего не смыслящие в морском деле».

Затем великий князь сообщил мне, что Лорис очень жалуется на Баранова, который раза по три или по четыре в день является к государю и спрашивает разрешение на принятие тех или других мер.

По поводу Баранова я слышал сегодня же, что отличительная черта его — чрезвычайная ловкость. Покойный Краббе, очень хорошо понимавший людей, употреблял его в тех случаях, когда нужно было показать товар лицом. Так, например, если надобно было представить в исправном виде какое-нибудь негодное судно, то это поручалось Баранову, и дело всегда сходило с рук великолепно. С обычным своим цинизмом в выражениях Краббе говорил про Баранова, что он к кому угодно без мыла ... влезет.

Баранов представил государю чинов совета при градоначальнике. Перед тем он сказал им блестящую речь и тут же предложил немедленно принять для надзора за прибывающими в столицу две меры:

во-первых, устроить заставу на всех дорогах, ведущих в Петербург, и, во-вторых, установить, чтобы приезжающие по железным дорогам брали извозчиков через посредство полиции, с означением ею номеров экипажей и с внушением извозчикам запоминать адрес приезжающих. Обе эти меры были приняты без всяких рассуждений, *par acclamation*. Между тем многие из членов совета понимали, что меры эти не достигнут цели и что первая из них будет крайне тяжела для пригородного населения. Баранову нужны были не возражения и рассуждения, а только согласие совета. Хорош совет!

24 марта

Две важные перемены в министерском составе: по министерству просвещения Сабуров заменен бароном Николаи, а по министерству государственных имуществ князь Ливен — графом Игнатьевым.

Увольнение Сабурова и Ливена давно предусматривалось и, говорят, было решено в принципе еще покойным государем. Уходу их нельзя не радоваться. Сабуров много наобещал и ничего не сделал, только путал. Ливен же, человек хотя не глупый, но взбалмошный и притом подлый. Нет низости, которой бы он не сделал, чтобы понравиться и угодить сильным мира.

Обе перемены совершились под влиянием Лориса. Государь и императрица с детьми переехали совершенно внезапно на жительство в Гатчину, где несравненно легче установить надзор за прибывающими. Мера эта, весьма благоразумная, была приветствована Лорисом. Быть может, он желал достигнуть ею еще другой цели — удалить государя от влияния Баранова и Победоносцева, имевших здесь постоянный доступ к его величеству.

25 марта

Сольский имел вчера первый свой доклад у государя. Его величество был вполне спокоен, вникал во все существенное и не вдавался в мелочи.

Виделся с бароном Николаи. Назначением своим он доволен. Предложение сделано было ему через посредство Победоносцева. По изъяснении им согласия на принятие министерства, государь пригласил его к себе и, между прочим, выразил, что не охотник до новомодного и крутых переворотов. Его величество признает нужным постепенное развитие и усовершенствование существующего.

<...>

29 марта

Великий князь Владимир Александрович виделся с государем и переговорил о великом князе Константине Николаевиче. Его вели-

честву угодно, чтобы Константин Николаевич уехал весною; государь просит, однако, дождаться окончания сессии Государственного совета, так как желательно, чтобы под председательством великого князя рассмотрено было представление министра финансов об уменьшении выкупных платежей и обязательном выкупе. В капитальном этом вопросе, касающемся крестьянского быта, совершенно необходимы опытность его высочества и близкое знакомство его с крестьянским делом. Затем осенью великий князь может подать прошение об увольнении его от обеих этих должностей.

Сообщая мне это, великий князь был, видимо, доволен тем, что государь считает присутствие его необходимым для успешного разрешения предстоящего нам крупного дела. Чрезвычайно интересуясь, и с своей стороны, упомянутым вопросом, он тут же просил меня принять меры к тому, чтобы мемория²⁰ и положение по этому делу могли быть подписаны им же до отъезда*. «Вы понимаете, — сказал он, — что, потрудясь двадцать лет над крестьянским делом и вложив в него свою душу, я желаю связать имя свое с завершением этого дела.

Что же касается желания государя, чтобы я осенью просил об увольнении, то этого я не могу исполнить. Он волен меня уволить без прошения. Пусть так и сделает. Просить я его сам не буду. Покойный мой отец завещал мне служить скончавшемуся брату и его наследникам. Потом покойный брат доверил мне высший в империи пост председателя Государственного совета. В этой должности, равно как и в качестве генерала-адмирала, я намерен служить и новому государю со всем усердием и преданностью. Этим я исполню завет отца».

Я позволил себе заметить, что, конечно, стремление это заслуживает полного уважения, но что едва ли возможно служить кому-либо против его собственной воли, что...

Великий князь прервал меня словами: «Я знаю все, что вы мне скажете: что нельзя занимать моих должностей, не пользуясь полным доверием императора, что у нас будут с ним постоянные столкновения, что, отказываясь исполнить то, что желают, я жертвую собственным достоинством и т. д. Во всем этом есть много справедливого. Но я имею свои основания. Я много думал об этом вопросе и наконец остановился на решении, которое сообщил вам. Я его не изменю. Пусть меня увольняют!»

Как ни странно было для меня это решение, но возражать уже было нельзя. Высказав свой ультиматум, его высочество перешел

* Мемории и положения подписываются председателем Государственного совета; первые — совместно с государственным секретарем, а последние — им одним.

к другим предметам. Выразив полное сочувствие совершившимся переменам в составе министров, великий князь рассказал мне, что Игнатъев, представлявшийся ему на днях, сообщил ему интересный факт, до того времени ему неизвестный. По словам Игнатъева, покойный государь еще в декабре прошлого года призывал его к себе и предложил ему пост министра народного просвещения. Игнатъев должен был, к сожалению своему, отказаться, так как мало знаком с учебною частью.

Зная хвастливость Игнатъева, а в то же время честолюбие его и жажду деятельности, я усомнился в правдивости его слов.

Великий князь был поражен: «Вы слишком подозрительны, — сказал он. — Я тоже знаю, что Игнатъев хвастун, но так нагло лгать невозможно».

<...>

12 апреля

Я сообщил великому князю переданное мне Абазою сведение о том, что преемником его высочества по Государственному совету будет, по всей вероятности, великий князь Михаил Николаевич. «Я тоже слышал об этом, — сказал его высочество, — но не от брата... От души рад этому выбору. Брат Миша — честный и прекрасный человек. Председательствовать он будет хорошо, толково и беспристрастно. Во многих отношениях он будет лучше меня: спокойнее, обходительнее и внимательнее к каждому. Мне это никак не давалось. Уступит он мне, вероятно, в инициативе. Он будет менее возбуждать вопросов, не будет так принимать к сердцу дела, касающиеся свободы совести, земства, новых судебных учреждений и т. п.

Одним словом, он будет гораздо консервативнее меня. При всей нашей дружбе, это различие во взглядах обнаруживалось всегда. Оно зависит главным образом от нашего воспитания и от той среды, в которой мы вращались. Благодаря Федору Игнатъевичу [?] (Литке), я с молодых лет питал уважение к наукам и верил в необходимость поступательного движения человечества на пути просвещения. Брат был воспитан преимущественно с военной точки зрения. Затем, сделавшись самостоятельным, я старался сблизиться с людьми самых разнообразных слоев общества и потому узнал многое, о чем мы, великие князья, вообще не имеем понятия. Брат жил исключительно в высшем кругу, будучи окружен Барятинскими, Воронцовыми, Шуваловыми, Толстыми и т. п. Ввиду этого, вам будет совершенно понятно различие наших воззрений... Но, повторяю, председатель он будет отличный. В нем не будет моих недостатков, а отсутствие инициативы в председателе, быть может, даже хорошо».

<...>

20 апреля

И. И. Шамшин, приехавший в Петербург на краткое время, навещал меня и, просидев довольно долго, рассказал много интересного о производимой им ревизии. Общий вывод из всего сообщенного им тот, что в губернском и уездном управлении страшная неурядица, что лень и апатия — явление общее, и что реформы минувшего царствования, преимущественно земская и отчасти судебная, при всей их благодетельности, имеют большой недостаток — непрочность. Можно было бы совершить их несравненно удачнее, если бы государственные деятели наши были ближе знакомы с местными условиями и обстоятельствами.

По слухам, завтра должно быть в Гатчине совещание у государя по вопросу о единстве в управлении²¹.

22 апреля

Чтобы узнать о результате бывшего в Гатчине совещания, я поехал к Абазе и застал его в самом лучшем настроении. Я понял из этого, что результатом совещания он совершенно доволен. Без особой просьбы с моей стороны, Александр Аггеевич рассказал мне весь ход дела со всеми подробностями. Изложу их вкратце.

Ввиду постоянного противодействия со стороны Победоносцева, чуть не ежедневно являвшегося к государю, пока его величество был в Петербурге, а затем часто отправлявшего в Гатчину длинные записки по разным предметам, Лорис и Абаза пришли к убеждению о необходимости представить на благоусмотрение государя, что существующая рознь между министрами, из которых каждый имеет непосредственный всеподданнейший доклад, может привести к неблагоприятным последствиям. Необходимы непосредственная связь и единство. С этой целью предложено было, чтобы по всем важнейшим вопросам своего ведомства министры, прежде представления их на высочайшее воззрение, совещались между собою и давали ход только тем предположениям, которые одобрены большинством их товарищей, или же, по крайней мере, докладывали его величеству о встреченной ими оппозиции. Таким образом, мало помалу образовался бы кабинет, составленный из министров приблизительно одного и того же направления.

Государь отнесся к этой мысли сочувственно и признал необходимым обсудить ее в особом совещании, в связи с общим вопросом о нашем положении и о нынешних обстоятельствах. В совещание это приглашены были: великий князь Владимир Александрович, граф Лорис-Меликов, граф Милютин, А. А. Абаза, граф Игнатъев, барон Николаи, Д. Н. Набоков и К. П. Победоносцев. Замечательно, что к столь важным вопросам не были приглашены ни председатель

Государственного совета: великий князь Константин Николаевич, ни председатель Комитета министров граф Валувев. Заседание началось в 11 часов 5 минут. После нескольких вступительных слов его величества, объявившего собравшимся лицам о желании своем посоветоваться с ними о мерах к наиболее успешному исходу из затруднительных нынешних обстоятельств, — первым говорил Победоносцев, в обычном плаксивом тоне своем; он указывал на то, что все беды нашего времени происходят от страсти к легкой наживе, от недобросовестности чиновников, от недостатка нравственности и веры в высших слоях общества, от распущенности молодежи, от пьянства в простом народе, которое губит целые поколения, и, наконец, от общего неуважения к властям. Речь Константина Петровича была вообще эффектна, но в ней далеко не слышалось той уверенности и силы, которыми отличалась речь, произнесенная им в Совете министров 8 марта.

Доводы Победоносцева, не приводившие, как и всегда, ни к какому положительному заключению, кроме желательности строгости и бдительности со стороны правительства и необходимости водворения честности и правды, не произвели ни на кого серьезного впечатления. Константину Петровичу возражали поочередно все министры почти одним и тем же аргументом. Граф Лорис-Меликов заявил при этом о необходимости единства в управлении; в числе возражавших Константину Петровичу был и барон Николаи, состоящий с Победоносцевым, как известно, в хороших отношениях. Речь его, строго логическая, произнесенная с большим спокойствием и достоинством, была выслушана всеми, не исключая и государя, с большим вниманием и уважением. Между прочим, произвело впечатление то место, в котором барон Николаи выразил, что, как вообще, так и в особенности в применении к молодежи, несравненно важнее строгости — законность и справедливость, что потому к водворению их нужно стремиться всеми силами, и что, напротив того, нужно всячески избегать употребляемых иногда без разбора крутых мер и произвола, коими правительство только компрометирует себя, отчуждая от государя сердца подданных, и достигает цели, диаметрально противоположной той, которую желает достигнуть.

После барона Николаи, почти последним говорил сам Абаза. Он начал с того, что многие из указанных Победоносцевым больных мест нашего общественного быта действительно существуют. Но речь Константина Петровича — скорее произведение моралиста, чем программа государственного деятеля. Им совершенно верно указаны наши раны, однако не предложено при этом никакого серьезного средства к исцелению. Конечно, мораль и церковь должны делать

свое дело, но они одни не в силах победить зла. Никакое постановление, изданное в смысле предложений Константина Петровича, хотя бы даже оно было облечено в наиболее торжественную форму высочайшего манифеста его императорского величества, не окажет в трудных наших обстоятельствах действительной помощи.

Константин Петрович жалуется на упадок нравственности и на то, что администрация наша во многих отношениях бездействует и ослабляет дурным наклонностям. Упрек этот, отчасти справедливый, относится, однако, не к одним только светским властям, против которых восстает обер-прокурор св. Синода. Если действительно многие отрасли управления находятся в положении плачевном, то к числу их нужно отнести прежде всего ведомство духовное. В каком положении находится наше сельское духовенство? В самом отчаянном. Можно без преувеличения сказать, что оно само отчуждает прихожан от церкви. Вынуждая у них непосильную для бедных людей плату за крестины, за браки, даже за похороны, а в то же время далеко не подавая им примера христианской жизни, священники наши часто способствуют уклонению крестьян в раскол — штунда²² растет не по дням, а по часам — и даже просто к распространению безверия в народе. Пробуждение нашего духовенства к проведению евангельского учения не только словом, но и самим делом, — вот обильное поле для деятельности обер-прокурора св. Синода, который, между тем, постоянно упрекает других министров в распущенности вверенных им частей ведомства.

Да, действительно многое требует у нас исправления и улучшения. Для достижения желаемой цели нужно время и дружные энергичные усилия правительственных властей.

Справедливо указывает граф Лорис-Меликов и некоторые другие министры на то, что мы страдаем отсутствием единства в управлении. Каждое министерство считается у нас чуть ли не отдельным государством; весьма нередко один министр не знает, что предпринимает другой; не только не всегда можно рассчитывать на помощь своих сотоварищей, но в некоторых из них встречаешь противодействие. Вследствие этого выходит полный разлад; цель же, преследуемая правительством, не достигается. Такое положение правительства невозможно. Общество не имеет к нему необходимого доверия. Можно сказать более — общество не доверяет правительству. Главная причина такого недоверия в настоящее время заключается в том, что в общество проникают слухи о коренных разногласиях в составе высших правительственных лиц, о том, что в заседании 8 марта произнесена была одним из участвовавших в суждениях громовая речь против наиболее невинных по существу своему предложений в либеральном смысле, о том, что государю императору постоянно представляются записки в ретроградном направлении; наконец,

о том, что один министр сообщает в «Московские Ведомости» и «Русь» статьи в том же духе (опять намек на Победоносцева, состоящего с Катковым и Аксаковым в постоянных сношениях)...

Ввиду всех этих соображений, Александр Аггеевич, согласно с предложениями Лорис-Меликова, признал необходимым как вообще для пользы дела, так и для успокоения общества, чтобы его величеству докладывались министрами предположения о важных по их ведомству мерах не иначе, как по обсуждении этих предположений другими министрами. Тогда только будет единство в действиях и можно рассчитывать на успех принимаемых правительством мероприятий.

Победоносцев не возражал.

Государь выслушал речь Абазы спокойно и, когда она была окончена, объявил, что совершенно понимает необходимость в высшем управлении единства, которое не может вполне достигаться при существующем порядке. Поэтому его величество просит министров предложения их по предметам, имеющим существенное значение, вносить предварительно на обсуждение особого совещания из министров внутренних дел, финансов, военного, юстиции, народного просвещения, государственных имуществ и обер-прокурора св. Синода; в случае надобности, могут быть приглашены в заседание и другие министры, а также и государственный контролер. В совещании этом председательствовать будет великий князь Владимир Александрович. Никакого учреждения или положения для совещания издано не будет. Собираться они должны частным образом, по мере необходимости; чем менее будет формальностей, тем лучше. Затем, вероятно, опыт укажет на пользу каких-либо дополнений или изменений в этом устройстве, и тогда можно будет вновь собраться у государя для обсуждения возникших вопросов.

Заседание окончилось далеко за 1 час — время завтрака.

Абаза в восторге от успеха и от своей речи. Он считает Победоносцева уничтоженным, потому что записки свои он должен будет обращать не прямо к государю, а в совещание, которое не будет соглашаться с ним. Он будет, так сказать, поглощен мнением большинства.

На возвратном пути из Гатчины Победоносцев подошел к Лорису и Абазе, подал им руку и сказал, что чрезвычайно сожалеет о происшедших между ними недоразумениях; в заседании 8 марта он только выражал убеждения свои, нисколько не желая вредить им.

Примирение состоялось.

Вечером Абаза получил через кого-то известие из Гатчины, что государь, бывший постоянно в мрачном настроении, несколько повеселел после заседания.

Одним словом, Абаза считает, что наступило полное торжество Лориса и его. Я позволил себе заметить, что едва ли хорошо он дела-

ет, дав речи своей оборот прямого обвинения против Победоносцева. К чему его раздражать? Обстоятельства могут измениться. При этом я счел долгом рассказать, что, говоря о Лорисе, Победоносцев всего несколько дней тому назад выражался недоверчиво о его прочности и [считал] нужным поискать другого человека.

«Не беспокойтесь, — отвечал Абаза. — Это могло быть неделю тому назад, а теперь Победоносцев уничтожен, истерт в порошок».

По окончании беседы нашей Александр Аггеевич показал мне только что полученное письмо Валуева, который крайне обижен тем, что не был приглашен в совещание; между прочим, он спрашивал, когда его уволят, и выражал надежду, что это сделают прилично, т. е. с хорошим окладом. Абаза намерен сам заехать к нему и предложить свои услуги к испрошению ему, в случае отставления его от нынешней должности, прежнего содержания.

24 апреля

В городе только и разговоров, что о полном поражении Победоносцева. Все в неопisanном восторге.

Великий князь Константин Николаевич сказал мне, что ему особенно больно покидать деятельность тогда, когда правительство стало единомышленным и будет состоять из людей, вполне сочувствующих собственным его убеждениям.

С другой стороны до меня дошел слух (из дамского, впрочем, источника), будто граф Воронцов-Дашков, друг государя, трунит над Лорисом. По его словам, Лорис до такой степени ему теперь предал, что совершенно забыл о княгине Юрьевской.

27 апреля

Сегодня рассматривалось в общем собрании Государственного совета дело об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей²³. Когда я приехал от великого князя в Совет, я застал уже там некоторых членов, и в том числе графа Игнатьева и Островского, которые жаловались на слишком спешное обсуждение дела в соединенных департаментах и говорили, что лучше бы разрешить теперь вопрос только в принципе, поручив затем подлежащим министрам дальнейшую разработку дела, при участии экспертов. С этим предложением Игнатьев подошел к Абазе, который отвечал, что не считает дело незрелым, что если не были вызваны по этому вопросу эксперты, то в этом вина не его, а лиц, постоянно сопротивляющихся спросу земских людей, что подобного рода предложение Игнатьев мог заявить в соединенных департаментах, чего он, однако, не сделал, и наконец, что он, Абаза, ни на какую уступку по существу проекта не согласен.

В самом заседании общего собрания ни Игнатьев, ни Островский не говорили ни слова.

Только Тимашевым был возбужден вопрос о том, чтобы при обязательном выкупе крестьянских земель выплачиваема была помещикам вся сумма вознаграждения, а не за вычетом 20%, как определяется положением. Тимашеву возражал Абаза очень толково и убедительно; только, к сожалению, он примешал к делу личности, иронически напомнив Совету, что Александр Егорович всегда был врагом освобождения крестьян и наделения их землею. После Абазы говорил Рейтерн совершенно спокойно. Он возбудил вопрос, на чей собственно счет, в случае принятия предложения Тимашева, следует отнести сорок с лишком миллионов рублей премии в пользу помещиков, уклонявшихся от выкупа и, следовательно, не пожелавших способствовать осуществлению закона 19 февраля 1861 года, — на счет ли казны, находящейся в крайне затруднительном положении относительно удовлетворения необходимых даже ресурсов, или же на счет крестьян, положение которых таково, что всеми присутствующими, не исключая и самого Тимашева, признается необходимым понизить следуемые с них платежи.

После слов Рейтерна не было прений. Даже Тимашев отказался от разногласия и просил только, чтобы о возбужденном вопросе было занесено в журнал. Разумеется, ему хотелось очистить себя в глазах своих единомышленников-крепостников.

По поводу речи Рейтерна, К. К. Грот сообщил мне, что в былое время Н. А. Милютин называл его «замечательным здравомыслом».

Впрочем, этого эпитета он достаивал Рейтерна только тогда, когда они были одного мнения: если же Рейтерн возражал Милютину, то последний, будучи недоволен силою его аргументов, говорил: «Проклятый янки»²⁴. Лестное наименование это объясняется тем, что незадолго до трудов по крестьянскому делу Рейтерн пробыл довольно продолжительное время в Америке, где, благодаря командировке, доставленной ему великим князем Константином Николаевичем, изучал разные финансовые вопросы.

Вечером после заседания получил я записку К. П. Победоносцева, извещавшего меня, что не мог быть в Совете, так как неожиданно вызван был в Гатчину государем. К этому он прибавлял, что очень сожалеет о своей небытности, потому что имел довольно серьезное предложение.

28 апреля

Желая узнать, в чем состояло предложение Победоносцева, я зашел к нему перед обедом. Константин Петрович принял меня немедленно, вышел ко мне навстречу и снова высказал чрезвычайное сожаление

о том, что не мог быть в заседании. При этом, с видимым удовольствием он сообщил мне, что был вызван в Гатчину по весьма важному делу, не терпевшему отлагательства. Хотя Константин Петрович был со мною и сегодня, как и всегда, вообще внимателен и любезен, тем не менее во всем его существо было что-то такое, чего до сих пор я в нем не замечал, — некоторая важность и чувство собственного значения.

«Да, — сказал он, — я чрезвычайно сожалел, что не мог быть вчера. Дело рассматривалось серьезное. А, между тем, жаль, что на него не обращено того внимания, которого оно заслуживает. Его провели, как по барабану. Мое предложение заключалось бы в том, чтобы теперь утвердить обязательный выкуп и затем только главные начала понижения выкупных платежей, поручив дальнейшую разработку дела министрам при участии экспертов».

Я отвечал, что, за выслушанием дела в общем собрании, в настоящее время ничего уже нельзя сделать; что, впрочем, перед заседанием граф Игнатъев и Островский выражали подобный же взгляд, но в самом заседании они ничего не заявляли, вероятно, потому, что министр финансов, к которому Игнатъев предварительно обращался, выразил решительное несогласие на какие бы то ни было уступки.

«Странно, — продолжал Победоносцев. — Между тем было положительно условлено возбудить этот вопрос и, в случае надобности, остаться при особом мнении. Вот наши основания: о понижении выкупных платежей много писано в последнее время, причем образовалось два диаметрально противоположных взгляда. Одни считают выкупные платежи арендную платою за землю, другие, напротив того, находят, что платежи эти выражают собою и плату за землю, и, так сказать, плату за освобождение крестьянского труда. А. А. Абаза держится первого воззрения, а о втором в представлении его нет и речи. Желательно же выяснить этот смутный вопрос. К тому же, говорят, великий князь вел дело с обычным своим пристрастием и горячностью, не давая говорить в заседании. Кроме того, жалуются, что не было дано времени на изучение дела, так как оно было разослано всего за три дня до заседания, что, наконец, даже журнала не разослали по домам, и прочли наскоро его в Совете...».

Меня это возмуцало. Я отвечал: «Не берусь говорить об основном вопросе, возбуждающем разномыслие в литературе. В Совете его никто не возбуждал, и потому на нем не останавливались. Но, затем, все касающееся производства дела — неверно. Хотя оно и велось без малейшего промедления, — этого желал сам государь, ввиду распространяемых о нем в народе нелепых толков, — тем не менее никакого насилия членам не было. Памятные записки были разосланы в свое время; в заседании великий князь не стеснял никого, да и не было к тому повода, потому что никем из присутствующих не было сделано

заявлений, сколько-нибудь враждебных основной мысли рассматриваемого проекта; при всем том дело рассматривалось два дня, и оба заседания длились до шести часов. Наконец, рассылать журнал для предварительного рассмотрения по домам, мы вовсе не обязаны и делаем это иногда из любезности, когда позволяет время. В настоящее время не было никакой к тому возможности. Ознакомиться же с журналом члены очень могли, так как он читался в особом заседании, и читался с большими расстановками, причем были приняты во внимание многие замечания, предъявленные некоторыми из членов. Кроме того, членам разосланы были в корректурном виде самые проекты, исправленные по заключениям присутствия; на проекты эти были опять доставлены разные заметки, которые и были уважены. Одним словом, я считаю нужным повторить, что обвинения против великого князя и государственной канцелярии — совершенно несправедливы».

«Странное дело, — возразил Победоносцев, — а они ко мне постоянно бегали и жаловались».

Для меня стало ясно, что Игнатъев дезертировал из лагеря Лориса, которому он обязан своим назначением в министры и к взглядам которого совершенно подходит по своим убеждениям. К Игнатъеву пристал Островский, человек образованный, трудящийся и честный, но не особенно умный, а притом крайне самолюбивый и честолюбивый, — конечно, он также жаждет министерского портфеля.

Сказав в заключение Победоносцеву, что теперь дело уже конечно, я простился с ним и пошел домой. Дорогой я, однако, счел необходимым зайти к Абазе, чтобы предупредить его о новой коалиции, враждебной великому князю, Лорису и ему. Передав все случившееся Александру Аггеевичу, я напомнил ему слова Победоносцева о том, что на место Лориса нужно приискать человека. Не найден ли этот человек и не Игнатъев ли он?

«Не думаю, — отвечал Абаза. — Еще нет недели со времени совещания, о котором я вам подробно рассказывал. Тогда Победоносцев был разбит на голову, и если государь призывал его вчера к себе, то, конечно, не по какому-либо государственному вопросу».

Во всяком случае, увидим, и увидим скоро.

Сегодня вечером у нас заседание того совещания, которому поручено предварительное соображение министерских предположений, *кабинета*, как называют его в публике.

Если произошло что-либо особенное, то оно, конечно, обнаружится.

29 апреля

Особенное и неожиданное совершилось. Распубликован манифест, заявляющий о твердом намерении государя охранить самодержавие.

Манифест, очевидно, написан Победоносцевым. Государственных талантов он им не выказал: манифест дышит отчасти вызовом, угрозой, а в то же время не содержит в себе ничего утешительного ни для образованных классов, ни для простого народа. В обществе он произвел удручающее впечатление.

Лорис и Абаза узнали об этом громовом ударе только вчера вечером на совещании, куда Набоков привез корректуру манифеста. Разумеется, все напали на Победоносцева за такой образ действий — из-за угла. Он защищался тем, что был только исполнителем воли его величества.

30 апреля

Манифест писан Победоносцевым по соглашению с Игнатьевым и Островским. По совету Игнатьева, выписан был на помощь из Москвы Катков.

1 мая

Бывший у меня сегодня Валуев сообщил, что Лорисом получено уже согласие государя на его увольнение. Вслед за тем послал свое прошение Абаза. Милютин тоже собирается уходить. Валуев хотя и критикует до крайности изложение манифеста, но как будто приободрился и, по-видимому, отложил намерение покинуть свой пост.

2 мая

Сольский рассказал мне, что на прошедшей неделе был у него Лорис, чтобы сообщить о результатах совещания, происходившего в Гатчине, и вместе с тем объявить ему высочайшую волю о том, чтобы он был приглашаем в заседания кабинета, когда в том представится надобность.

Потом в разговоре Лорис сказал, что «считает себя твердым... если не случится чего-либо особого... А такое особенное может произойти, пожалуй, через пять дней».

И, странное дело, манифест был подписан ровно через пять дней после победы.

Был сегодня у Лориса и у Абазы, но ни тот, ни другой не принимали.

Великий князь Константин Николаевич также заезжал к обоим министрам. Он очень сожалеет о происшедшем. Сообщая мне о том, его высочество прибавил, однако: «*Au moins je m'en vais en bonne compagnie*»²⁵.

2 мая

Вчера вечером скончался принц П. Г. Ольденбургский. Я был сегодня на панихиде. Победоносцев там отличился. Тело покойного

принца поставлено в большой зале против открытых дверей в лютеранскую его церковь. Победоносцев нашел неприличным, чтобы православное духовенство служило панихиды в виду протестантского распятия — точно на нем изображен не Спаситель. Поэтому он потребовал, чтобы закрыли двери в церковь и поставили перед ними образ. Принц Александр Петрович подчинился требованиям Победоносцева.

Игнатьев назначен министром внутренних дел, а Островский на его место — министром государственных имуществ.

3 мая

На просьбу Абазы, написанную с большим достоинством, государь отвечал приблизительно следующее: «Чрезвычайно сожалею, что вы покидаете вашу должность. Понимаю, что должно быть единство в управлении, согласно одобренным мною предположениям; но сожалею, что граф Лорис и вы не могли найти другого повода к уходу, как издание моего манифеста».

Получил сегодня от Лориса записку, в которой он изъявляет сожаление, что не мог принять меня вчера. Я поехал к нему и застал его. Семейство его уже уехало за границу; он же остался пока здесь и намерен провести часть лета в Царском Селе. Мне кажется это большою ошибкою, а главное — недостатком чувства собственного достоинства. Лорис шутит и желает казаться веселым.

4 мая

В городе ходят различные слухи о причинах совершившейся министерской перемены. Так, С. А. Грейг рассказывал мне сегодня, что ему известно из достоверного будто бы источника, что государь не был вовсе расположен к Лорису и терпел его вначале только потому, что не знал, кем заменить его. Его величество был недоволен тем, что Лорис являлся в Гатчину вовсе не с серьезными докладами о делах, а скорее для болтовни, что у него в запасе были всегда различные фокусы и штучки, рассчитанные на достижение популярности; будто после бывшего на прошедшей неделе в Гатчине совещания государь сказал, что теперь он прозрел, что Лорис и его единомышленники его опутывают, желая удалить Победоносцева; что они заботятся только о личном преобладании и занимаются преимущественно ссорами и интригами; наконец, будто бы вследствие всего этого государь решился нанести удар Лорису.

Далее, граф П. А. Шувалов рассказывает, что, при проезде через Берлин несколько дней тому назад, он навестил Бисмарка. Последний был чрезвычайно недоволен действиями Лориса и просил Шувалова доложить от его имени государю, что политика последнего времени

и заигрывание с общественным мнением погубят Россию, что нужно надеть на руку железную перчатку и просто-напросто зажать рот всем крикунам, мечтающим о конституции. Когда Шувалов отказался от этого поручения как потому, что он не сочувствует взглядам Бисмарка, так и потому, что не считает себя довольно близким его величеству, чтобы докладывать о подобных вопросах, Бисмарк ужасно рассердился и, обратясь к жене, присутствовавшей при этой беседе, сказал ей: «Tu enteuds, Bismark n'est plus rien!»²⁶.

Быть может, что, ввиду отказа Шувалова, Бисмарк дошел до государя через германского императора. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что падению Бориса рукоплескали в Берлине. Доказательством тому может служить статья «Nord-Deutsche-Allgemeine Zeitung», чрезвычайно превозносящая манифест.

Рассказывают также, что враги Лориса и Абазы довели до сведения государя, будто бы после заседания о «кабинете» они торжествовали победу ужином с шампанским и тостами, не лестными для его величества; понятно, что последнее — наглая ложь. Но торжество, конечно, было, и был ужин у Е. Н. Нелидовой, друга Абазы и Лориса.

Наконец, существует четвертая версия, едва ли не самая правдоподобная. По случаю бывших в обществе и печати толков о конституции, покойный принц Ольденбургский неоднократно писал государю, советуя решительно и твердо заявить свою волю о сохранении самодержавия; к последнему письму своему принц приложил и проект манифеста. Государь послал его Победоносцеву, который, по совещании с Игнатьевым и Островским, воспользовался этим случаем, чтобы нанести Лорису удар смертельный. Сам же государь по неопытности своей и не подозревал, что такой манифест не может быть издан без совещания с первым министром. Просьбы Лориса и Абазы об увольнении были для его величества совершенно неожиданностью. От происшедшей перемены Победоносцев едва ли будет в выигрыше. Он воображает, что Игнатьев пойдет у него на буксире. Я думаю, он сильно ошибается. Игнатьев и по направлению своему, и по приемам — тот же Лорис.

5 мая

Граф Д. А. Милютин в высшей степени недоволен совершившейся переменой. Он говорит, что не просит пока об отставке только потому, что он — человек военный и не считает возможным публично протестовать против изданного манифеста. Он намерен просить об увольнении осенью.

Я напомнил сегодня графу П. А. Шувалову о разговоре нашем в крепости по поводу заседания Совета министров 8 марта и о конституционных воззрениях графа. Он отвечал, смеясь: «Да, покамест вы правы... а все-таки кончится тем же».

<...>

9 мая

Послезавтра, 11 мая, последнее общее собрание Государственного совета. Великий князь Константин Николаевич уезжает в тот же день вечером.

Был у меня Н. Х. Бунге по случаю назначения управляющим министерством финансов. Он очень сожалеет об уходе Абазы и говорит, что принял его наследство после долгих колебаний. Он намерен во всем идти по стопам Александра Аггеевича. Прежде всего он намерен заняться вопросом об отмене подушной подати и замене ее другими налогами²⁷.

Бунге — на мои глаза — умный, вообще — просвещенный и хороший человек. Только не был бы он скорее профессором, чем министром.

10 мая

Мемория Государственного совета по делу об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей возвращена государем с особенною по ней резолюциею. Его величеством подписан указ и утверждено положение об обязательном выкупе; что же касается понижения выкупных платежей, то, утвердив главные основания и по этому вопросу, именно уменьшение платежей на 9 миллионов и сложение недоимок по ним до 14 миллионов, его величество, ввиду спешного рассмотрения этого дела, изволил признать нужным, чтобы оно было пересмотрено вновь министрами внутренних дел, финансов и государственных имуществ, при участии экспертов по их выбору. Заключение этого совещания д[олжно] б[ыть] внесено в Государственный совет к началу осенней сессии.

Резолюцию эту, возбудившую во мне много сомнений относительно возможности ее исполнения, я немедленно представил великому князю Константину Николаевичу, который был ею поражен и счел за глубокое оскорбление себе и Совету*. «Пора убираться под добрую звезду», — сказал он.

Когда я объяснил, что резолюцию государя нельзя исполнить, между прочим, уже потому, что в утвержденном положении о выкупе есть статьи, относящиеся до понижения платежей, и что поэтому нам нужно сообразить, как лучше всего выйти из затруднения, — великий князь сказал: «Это ваше дело. К тому же я уезжаю завтра. Обратитесь, если хотите, к графу Баранову, который за моим отъездом будет временно исполнять обязанности председателя Государствен-

* Хотя учреждение Государственного совета и предусматривает особенные резолюции императора, но на деле их почти никогда не было.

ного совета». Об Игнатьеве, очевидном виновнике происшедшей беды, великий князь отозвался, что никогда бы не ожидал от него подобного поступка.

11 мая

После общего собрания я, в присутствии великого князя, просил графа Баранова сделать тотчас же небольшое совещание из председателей департаментов, которыми обсуждалось выкупное дело, тех министров, на которых государь возложил дальнейшее его соображение, Сольского, как бывшего государственного секретаря, и меня, чтобы обсудить сообща, как лучше исполнить волю его величества по этому делу. Граф согласился, и мы тотчас же собрались. Я изложил все фактические трудности и предложил способы к их устранению. Игнатьев, хотя и не подававший вида, что резолюция последовала по его жалобе на нас, был очень неприятно поражен тем, что ее нельзя исполнить. Совещание, выслушав меня, единогласно признало действительное существование многих встреченных мною затруднений, но, считая себя некомпетентным к их разрешению, нашло наиболее правильным и удобным, чтобы я, по соглашению с министрами внутренних дел, финансов и государственных имуществ, вошел по этому предмету с особым всеподданнейшим докладом.

Тогда мы уговорились с Игнатьевым, Островским и Бунге съехаться на днях у первого для окончательного обсуждения всех возникающих вопросов.

После обеда уехал великий князь. Он желал, чтобы не было никаких официальных проводов. Несмотря на то, на станции железной дороги собралось довольно много близких его высочеству лиц как по морскому ведомству, так и по Государственному совету. Из наших, кроме меня и всех статс-секретарей Совета, были: М. Х. Рейтерн, А. В. Головнин, Д. Н. Набоков, С. А. Грейг, Д. М. Сольский, И. И. Любоцинский и, к общему удивлению, граф Н. П. Игнатьев. Он приехал как ни в чем не бывало и чрезвычайно развязно беседовал со всеми.

С Игнатьевым великий князь был холоден, со всеми нами чрезвычайно любезен, целовал и обнимал каждого из нас и просил всех, а Головнина, Сольского и меня в особенности, почаще писать в Орианду. Его высочество рассказал, что после общего собрания пошел в комнаты покойного императора, а затем поехал в крепость на могилу — проститься. Великая княгиня Александра Иосифовна проводила великого князя до Москвы. Обратись ко мне, ее высочество сказала, между прочим, грустным голосом: «*A départ est bien triste, n'est ce pas?*»²⁸

15 мая

Было совещание у Игнатьева по выкупному делу. Мы во всем согласились без особых споров, порешив, что лучше не издавать теперь отдельно указа и положения об обязательном выкупе, впредь до нового соображения вопроса о выкупных платежах. Министры признали также правильными замечания мои о невозможности с точностью определить цифру в 9 миллионов для понижения выкупных платежей и в 14 миллионов для сложения недоимки по ним.

Весьма интересен был ход совещания.

Мы сидели в кабинете Игнатьева и, за чаем и сигарами, обсуждали один вопрос за другим. Участвуя в наших суждениях, хозяин наш выбегал ежеминутно в другую комнату, отдавал приказания по разным делам, принимал просителей, отправлял ответы на получаемые телеграммы, одним словом, занимался разом многими серьезными делами. При этом он был весел, шутил и сообщал нам получавшиеся им во время заседания наиболее важные известия, между прочим, по вопросу об избиении евреев в городах южной России; к счастью, известия эти были успокоительные — движение против евреев остановилось²⁹.

Нет сомнения, что Игнатьев — человек очень способный, беда только в том, что смекая быстро, он недостаточно обдумывает предметы. Доказательством этого могут служить те промахи, в которые он ввел государя по выкупному делу.

Ввиду состоявшегося между нами соглашения, я должен теперь представить его величеству докладную записку о встретившихся затруднениях. Я буду просить разрешения доложить о них в подробности лично: неудобно прописывать все в докладе, который может огласиться.

18 мая

Граф Д. А. Милютин заявил мне, что он оставляет министерство. Повод к этому подал сам государь, предложив ему место кавказского наместника. Граф не принял этого поста, но воспользовался случаем, чтобы просить об увольнении от должности военного министра. На вопрос мой о том, кто будет его преемником, Милютин отвечал, что, по всей вероятности, будет назначен ген.-ад. Ванновский, которого государь близко узнал во время минувшей войны. Его величество ставит Ванновскому задачей — возможное сокращение в расходах на военному ведомству. Далее Милютин передал мне, что хотя Ванновский не из его друзей, но он считает его человеком основательным. Желательно только, чтобы у него был хороший начальник главного штаба, так как новый министр, хорошо знающий службу и будучи вообще человеком практическим, не имеет серьезного военного об-

разования. Лучше всех был бы Обручев, которого желает и Ванновский. К сожалению, государь не вполне доверяет ему. Впрочем, его величество не высказался еще окончательно.

20 мая

Вчера вечером получил я, через Игнатьева, извещение, что государю угодно принять меня сегодня с докладом по выкупному делу. Приехав в Гатчину, я узнал, что и Игнатьев там. Очевидно, его величество признал нужным принять нас вместе для того, чтобы могущие возникнуть с той или другой стороны обвинения могли тотчас же разъясниться. Игнатьев очень опасался, чтобы я не очернил его: перед тем, чтобы идти к государю, он просил у меня позволения просмотреть мой доклад. Я охотно согласился на это, тем более что в нем не было ни тени обвинений на кого бы то ни было.

Мы были приглашены в кабинет государя одновременно. Его величество принял нас милостиво и сказал мне, что очень сожалеет о происшедших недоразумениях, которые государь просил меня подробно изложить ему.

Я доложил, что основная мысль высочайшей резолюции совершенно ясна: его величеству угодно было утвердить все касающееся обязательного выкупа, а затем, по вопросу о понижении выкупных платежей, утвердить собственно лишь главные основания с тем, чтобы все остальное было вновь пересмотрено тремя министрами, при участии экспертов, и было внесено в Государственный совет будущую осень.

«Совершенно так», — сказал государь.

Тогда я объяснил, что при исполнении этой высочайшей резолюции встретились серьезные затруднения и что, по случаю важности предмета, я счел необходимым просить исправляющего должность председателя Государственного совета графа Баранова предварительно сообразить их коллегиально в совещании из председателей департаментов, трех министров, на которых государем возложено дальнейшее соображение дела, бывшего государственного секретаря Сольского и меня. Совещание это, высказав некоторые общие указания по этому предмету, не признало, однако, себя компетентным к разрешению возникших сомнений и уполномочило меня, по соглашению с министрами, доложить о встреченных затруднениях его величеству, предложив при этом способы к их устранению.

Три министра и я пришли к полному соглашению по всем возникшим вопросам.

Первое и наиболее важное затруднение заключается в том, что государем подписан указ и утверждено положение об обязательном выкупе. Между тем в положении содержатся некоторые статьи,

имеющие непосредственную связь с предположениями, его величеством еще не утвержденными: в них говорится о понижении выкупных платежей в селениях, в которых крестьянские земли до сих пор не выкуплены и будут подлежать выкупу только на основании издаваемого нового положения³⁰. Поэтому впредь до утверждения закона о понижении выкупных платежей вообще, отдельное издание положения об обязательном выкупе в том виде, как оно изложено, оказывается невозможным. Государь понял, в чем дело, и, взглянув искоса на Игнатьева — так, по крайней мере, мне показалось, — сказал: «Вот что выходит, когда дело делается слегка»*.

Затем, обратясь ко мне, его величество спросил: «Как же выйти из этой трудности?»

«К этому представляются два способа, — доложил я. — Во-первых, можно исключить из положения о выкупе все относящееся до понижения выкупных платежей и представить эту редакцию к новому утверждению вашего величества. Во-вторых, можно отложить все дело до осени. Три министра и я отдаем предпочтение последнему способу».

Только что собирался я объяснить, почему именно держимся мы такого взгляда, как государь сказал: «Я с этим совершенно согласен. Осторожнее отложить все до осени. Тогда, по крайней мере, будут целость и единство. Беда не велика; если обязательный выкуп совершится тремя-четырьмя месяцами позднее».

Считая этот вопрос разрешенным, я перешел ко второму затруднению и доложил: «Ваше величество, оно состоит в том, что вам угодно было, согласно заключению Государственного совета, назначить общую цифру среднего понижения выкупных платежей в 9 миллионов рублей. Но, определяя эту цифру, Государственный совет имел в виду одни лишь *нечерноземные* местности; в отношении же к селениям местностей *черноземных* в заключении Государственного совета было особое постановление, которым представлялось министрам внутренних дел и финансов входить о них, в случае надобности, с особыми постановлениями, причем необходимые для понижения суммы должны были отпускаться сверх общей суммы в 9 миллионов. Ввиду этого, при издании, согласно высочайшей воле, *общего для всей России* закона, едва ли желательно оставаться при прежней денежной норме, так как этим были бы стеснены размеры того благодеяния, которое вашему величеству угодно оказать крестьянскому населению».

* Быть может, впрочем, что упрек относился не к Игнатьеву, а к великому князю Константину Николаевичу, которого Игнатьев и К⁰ обвиняли в слишком поспешном ведении дела.

«Вы правы, — сказал государь. — Но на сколько же увеличить сумму? И можно ли сделать это без совещания с министром финансов, без обсуждения столь важного вопроса в департаменте экономии?» — «Ваше величество, — отвечал я, — эти затруднения были бы, действительно, весьма важны, если бы нами предлагалось назначить, вместо 9 миллионов рублей, какую-нибудь другую определенную цифру. Но мы не идем так далеко; мы не считаем даже возможным приступить к увеличению прежней нормы без собрания разных необходимых сведений. Министры и я ходатайствуем только о том, чтобы ваше величество разрешили, не указывая положительно на 9 миллионов рублей, употребить в изложении высочайшего повеления более общее выражение, которое при дальнейшей разработке вопроса не стеснило бы министров и Государственный совет точно определенной цифрой».

«На это я охотно соглашаюсь. Какое же выражение предлагаете вы?»

«Мы полагали бы сказать, что ваше величество изволили утвердить основную мысль о ежегодном понижении выкупных платежей в *принятых Государственным советом общих размерах*, разумея под этим как 9 миллионов, так и те суммы, которые могли бы потребоваться для нуждающихся селений в черноземных местностях».

«Хорошо», — сказал государь.

Игнатьев прибавил по этому поводу: «Ваше величество, это будет благотельно. Из предварительного совещания с управляющим государственным банком Ламанским я пришел к убеждению, что государственный банк может дать, вместо 9 миллионов, 12 миллионов рублей»*.

Государь отвечал: «Очень буду рад, если это окажется действительно возможным». Я продолжал: «Третье затруднение заключается в том, что в резолюции вашего величества назначена сумма сложения недоимок до 14 миллионов рублей. В заключении Государственного совета суммы этой не встречается. Она определена лишь в соображениях его, и притом приблизительно, потому что количество недоимок, подлежащих сложению, может быть определено с точностью только тогда, когда будет известно, в каких именно губерниях, уездах и даже селениях будут понижены выкупные платежи; в тех же селениях, для которых эти платежи будут признаны необременительными и где поэтому они оставлены будут в прежнем размере, сложения недоимок не предполагается. Ввиду этого, казалось бы необходимым,

* По справкам, собранным мною потом, это оказалось неверным. Прибавку к 9 милл. руб. приходилось отпускать из государственного казначейства, так как банк не имел нужных на это сумм.

не определяя точной цифры недоимок, сказать просто, что слагаются недоимки по выкупным платежам, накопившиеся в тех селениях, для которых платежи эти будут понижены».

«Да, это действительно так», — заметил государь. Игнатъев, вероятно, желая оправдать свою опрометчивость, вставил (или, правильнее, бухнул): «Ваше величество, цифра недоимок постоянно изменяется. Мне говорил управляющий министерством финансов, что уже теперь, со времени рассмотрения дела, она изменилась на два миллиона» (!).

Не знаю, заметил ли государь очевидную невозможность подобного возрастания недоимок в какие-нибудь две-три недели, когда за несколько лет они не составляют 15 миллионов. Его величество только посмотрел на Игнатъева и не сказал ни слова.

«Ваше величество, — продолжал я, — мне остается доложить еще об одном обстоятельстве. Независимо от издания положения об обязательном выкупе и правил о понижении выкупных платежей, Государственный совет признавал полезным сделать различные облегчения в законах, касающихся крестьян, так, например, возбуждены были вопросы о том, не следует ли: отменить круговую поруку крестьянских обществ, облегчить отлучки крестьян для заработков, предоставить нуждающимся свободные казенные земли в малоземельных общинах, облегчить им приобретение частных земель посредством доставления доступного кредита, облегчить переселение в многоземельные общины и т. п. Но так как все эти [вопросы?] не могли быть разрешены немедленно, то и [пред]полагалось поручить подлежащим министрам подробную разработку их, для внесения предположений по этим предметам в непродолжительном времени на рассмотрение Государственного совета. В резолюции вашего величества относительно этих вопросов ничего не сказано. Угодно ли вам утвердить заключение Совета?»

«Конечно. Разработка этих вопросов может быть только полезна. Я не знал, что и по этому предмету нужно мое утверждение... Имеете вы доложить еще о чем-нибудь?»

«Я должен еще испросить указаний вашего величества относительно того, какие из принятых вами решений должны быть оглашены в общее сведение и какие нет».

«Этот вопрос меня интересует чрезвычайно, — сказал государь. — Я сам хотел спросить вас, не следует ли обнародовать что-либо по настоящему делу? О нем так много говорили и писали в газетах, даже о том, что оно прошло в Государственном совете, что едва ли возможно не сказать теперь ни слова».

«Ваше императорское величество, совещанием нашим было обращено на эту сторону дела особое внимание. После некоторых

суждений, довольно продолжительных, мы пришли к единогласному заключению, что ничего не говорить — нельзя, по тем самым причинам, на которые ваше величество изволили указывать. Затем, с другой стороны, о последовавшем уже высочайшем утверждении обязательного выкупа и главных оснований понижения выкупных платежей объявлять было бы опасно, так как простой народ мог бы понять это в том смысле, что обе эти благодетельные для него меры, государем подписанные, не приводятся в исполнение вследствие происков помещиков и злоупотреблений со стороны чиновников. При нынешних трудных обстоятельствах и ввиду превратных толков, распространяемых социалистами при всяком сколько-нибудь удобном к тому случае, подобное оглашение могло бы подать повод к серьезным волнениям между крестьянами».

«Справедливо», — сказал государь.

«Вследствие всего этого мы признавали бы с своей стороны полезным огласить в “Правительственном Вестнике”, так сказать, только причину замедления в разрешении настоящего дела. Мы полагали бы сказать, что по внесенным в Государственный совет предположениям о понижении выкупных платежей в некоторых местностях ваше величество, в видах более подробного и всестороннего соображения этого вопроса, изволили повелеть: сообразить его вновь в особом совещании из министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ, при участии экспертов, приглашенных по их выбору, и с тем, чтобы заключение совещания внесено было [в] Государственный совет к 15 сентября. Таким образом, будет ясно для всех, в каком положении находится дело, а между тем публикация эта не может, кажется, подать повода к каким-либо превратным толкованиям».

Государь изъявил на это согласие. Затем его величество спросил меня: «А о поручениях министрам насчет разработки вопросов об отмене круговой поруки, об отводе нуждающимся крестьянам казенных земель, об облегчении переселения и пр. вы не будете говорить из предосторожности, чтобы не возбуждать толков?»

«Совершенно так, ваше величество. Даже Государственный совет, рассуждая об этих вопросах, не признал возможным огласить свои предположения в общее сведение, дабы не породить в народе ожиданий, быть может напрасных и во всяком случае преувеличенных».

«Еще один вопрос, — сказав государь. — Куда будут внесены предположения совещания: в Главный ли комитет сельского состояния или прямо в общее собрание Государственного совета?» Я отвечал, что по учреждению Государственного совета возможно и то, и другое, так как, в случае высочайшего о том повеления, дела могут быть вносимы и непосредственно в общее собрание Совета, но что я позволяю себе

просить его величество не прибегать к этому экстремному способу, довольно опасному в отношении дел, сколько-нибудь сложных. Несравненно лучше обсудить дело в двух инстанциях: сначала в усиленном Главном комитете, т. е. в соединениях его с департаментами законов и экономии, а потом в общем собрании. Тогда дело будет рассмотрено несравненно обстоятельнее. Общему же собранию трудно было бы высказаться по вопросам, предварительно не обсужденным.

Игнатъев поддержал меня.

«Хорошо, — сказал государь, — только позаботьтесь, чтобы дело не затянулось». Я сказал, что приму все зависящие от меня меры к тому, чтобы новый проект доложен был вслед за его внесением.

Доклад мой был кончен. По моей просьбе государь утвердил собственноручно как докладную мою записку, так и представленный мною проект высочайшего повеления. Затем его величество встал, подал мне руку и поблагодарил меня. Обратясь потом к Игнатъеву, государь сказал: «Николай Павлович, доклад ваш по министерству внутренних дел я приму послезавтра, теперь уже поздно (было уже более четверти второго); пойдете со мной».

Игнатъев, разумеется, был очень счастлив приглашению. К крайнему удивлению моему, [он], несмотря на привычку к царям, держал себя в отношении к государю, по крайней мере, на мой взгляд, довольно странно: когда говорил, он постоянно наклонялся вперед, смотрел заискивающим образом в глаза и т. п. Я, человек далеко не столь близкий, держал себя при докладе несравненно свободнее.

Государь во время доклада слушал объяснения наши очень внимательно и, очевидно, старался вникнуть в суть каждого вопроса. При этом заметно было, что его величество не совсем еще вошел в свою роль, — он часто конфузился...

На станции железной дороги встретился я с министрами, также имевшими в это утро доклады у государя: бароном Николаи, Набоковым, Пещуровым (управляющим морским министерством). Последний сообщил нерадостную весть о великом князе Константине Николаевиче. Государь призвал сегодня Пещурова и сказал ему, что, не получая никаких заявлений от самого великого князя, его величество намерен сделать, и без такого заявления, распоряжение по флоту в том смысле, что заведывание им возлагается на великого князя Алексея Александровича. По словам Пещурова, великий князь Алексей Александрович, также прибывший сегодня в Гатчину (по случаю дня своего рождения), был поражен этой вестью и упрашивал государя не делать такого распоряжения или же, если решение его величества неизменное, — соблюсти, по крайней мере, все необходимые формы приличия в отношении к великому князю Константину Николаевичу. После долгих переговоров государь решил

поручить Алексею Александровичу заведывание флотом временно, впредь до возвращения Константина Николаевича, между тем, к нему будет, вероятно, командирован в Орианду Головнин, чтобы убедить его высочество просить самому об увольнении.

<...>

Следующим утром, т. е. в воскресенье, 19 июля, поехал я в Царское Село к А. В. Головнину. Он вновь сообщил мне ход переговоров об увольнении великого князя, который лучше всего виден из переданных мне в копиях следующих бумаг:

1. Донесение статс-секретаря Головнина великом у князю Константину Николаевичу из Петербурга от 24 мая 1881 года*.

«Ваше императорское высочество.

Получив высочайшее повеление явиться 3 мая к государю императору в Гатчину, я был принят в 11½ часов утра. Его императорское величество изволил приказать мне написать вашему высочеству с морским курьером** и, по получении ответа, представить оный его величеству.

Государь изволил сказать мне, что нынешние совершенно новые обстоятельства требуют новых государственных деятелей, что вследствие этого состоялись по высшему управлению новые назначения и что его величество желает, чтоб вы облегчили ему распоряжения, выразив готовность вашу оставить управление флотом и морским ведомством и председательствование в Государственном совете.

Государь находит весьма благородною и достойною уважения мысль, что великие князья должны служить всю жизнь, но полагает, что великие князья не могут проситься в отставку, но, конечно, вправе выражать желание оставить ту или другую должность. Звание генерал-адмирала, как пожизненное, генерал-адъютанта, члена Совета, председателя комитета о раненых и вообще все почетное должно оставаться. По получении ответа на это письмо, государь сам будет писать вам. Его величеству весьма не хотелось бы произвести тяжелое впечатление, не сказав в указе «согласно желанию». Сверх того, государь желал бы, чтоб вы отдохнули, успокоились и чтобы ваше высочество, вполне располагая своим временем, не считали себя обязанным торопиться в Петербург.

Смею надеяться, что ваше императорское высочество поймете чувство покорности и скорби, с которым я исполняю данное мне повеление.

* Донесение это официальное. Оно сопровождалось частным письмом.

** Адъютант вел. кн. Гуляев.

Вашему императорскому высочеству душевно преданный Головнин».

2. Письмо великого князя Константина Николаевича А. В. Головнину из Орианды от 28 мая 1881 года.

«Любезнейший Александр Васильевич.

Письмо твое от 24 мая, в котором ты передаешь мне твой разговор накануне с государем, я получил через моего адъютанта Гуляева сегодня утром. Всем происходившим, начиная с несчастного 1 марта, я уже был подготовлен к этой развязке и успел вполне к ней приготовиться. Если его величество находит, что ввиду теперешних новых обстоятельств нужны и новые государственные деятели, то я вполне преклоняюсь перед его волею, нисколько не намерен ей препятствовать, и поэтому желаю и прошу его ни в чем не стесняться в распоряжениях его об увольнении меня от каких ему угодно должностей. Занимал я их по избранию и доверию покойных двух незабвенных государей, моего отца и моего брата. Морским ведомством я управлял 29 лет, в Государственном совете председательствовал 16½ лет, крестьянское дело вел 20 лет с самого дня объявления манифеста. Если ввиду теперешних новых обстоятельств эта долговременная 37-летняя служба, в которой я, по совести, кое-какую пользу принес, оказывается ныне больше ненужною, то, повторяю, прошу его величество ничем не стесняться и уволить меня от тех должностей, какие ему угодно. И вдали от деятельности службы и от столицы, в моей груди, пока я жив, будет продолжать биться то же сердце, горячо преданное матушке-России, ее государю и ее флоту, с которым я сроднился и сросся в течение 50 лет.

Моя политическая жизнь этим кончается, но я уношу с собою совесть свято исполненного долга, хотя с сожалением, что не успел принести всей той пользы, которую надеялся и желал.

Искренно тебя любящий
Константин».

3. Письмо А. В. Головнина к великому князю Константину Николаевичу из Царского Села от 7 июня 1881 года.

«Настоящее письмо пишу для отправления с Милютиным, в дополнение к посланному сегодня по почте о поездке моей вчера в Петергоф. Государь приказал мне прочесть ваше ответное мне письмо, а потом мое письмо, и, по-видимому, остался доволен; сказал, что понимает, что все это должно быть вам неприятно, но надеется, что обстоятельства изменятся, ваше раздражение успокоится, и вы будете полезны на разных должностях; а что вследствие вашего письма можно будет сказать «согласно прощению». Я доложил, что в моем письме сказано, что государь сам изволит писать вашему высочеству, что я не знал, как его величество полагает писать: письмом или рескриптом, и что

поэтому я привез материалы для последнего, а именно копии с рескриптов покойного государя и описание приема Государственного совета покойным государем, когда его величество назвал ваше высочество своим главным помощником по крестьянскому делу. Государь сказал, что напишет вам теперь сам, и оставил у себя ваше письмо, копию моего письма и материалы и спросил, нужно ли возвращать мне эти *материалы*. Я, конечно, отвечал отрицательно и прибавил, что осмеливаюсь *faire une indiscretion*³¹ — что мне известно давнишнее желание ваше получить в 50-летний юбилей генерал-адмиральства, для ношения в петлице, портрет великого деда его величества, того государя, который пожаловал вам звание генерал-адмирала. Государь как-то оживился и спросил, и прежде ли вы имели это желание, на что я ответил утвердительно.

Затем я сказал, что вашему высочеству неясно выражение в моем письме «не торопиться возвращением» и что вы изволите спрашивать: означает ли это свободу на зиму или намек на то, чтобы не приезжать к юбилею? Государь отвечал, что не может помешать вашему возвращению, но полагает, что вам самим было бы это *в настоящее время* неприятно. Тем аудиенция кончилась. Государь еще говорил, что воротился великий князь Михаил Николаевич, который говорил его величеству, что на «Ливадии» качка нечувствительна, но что неприятны удары и содрогания яхты, которые, впрочем, не мешали его высочеству спать спокойно.

К этому я осмелюсь от себя прибавить, что по собственному опыту знаю, как тяжело министру на первых порах после оставления должности находиться в Петербурге и близко видеть, как ломается все, что он сделал, критикуется то, что сделано, что время успокаивает и дает равнодушие. Поэтому лучше приобрести несколько равнодушия и тогда приехать. Если бы я мог вернуть прошедшее, то поступил бы таким образом и сохранил бы тем самым много здоровья и спокойствия. Мне кажется, что Милютин хорошо делает, что не хочет теперь возвращаться».

4. Записка, посланная Головниным государю 29 июня 1881 года.

«Великий князь генерал-адмирал в письме статс-секретарю Головнину из Орианды от 20–22 июня 1881 года*, которое Головнин получил в Москве 26 июня, выражает желание быть поскорее уволенным и находит ожидание и *неизвестность мучительными*. Он говорит: “Особенно не желал бы я теперь, чтоб мое увольнение приурочили к моему юбилею. Не томите, ради бога, долгим бесполезным ожиданием, а решайте дело скорее”.

Далее, его высочество пишет:

* Письмо это нельзя было представить его величеству в подлиннике.

“Для того, чтобы мне жить в покое, необходимо, чтоб было как-нибудь и где-нибудь выражено, что я имею право жить, где мне угодно, как в России, так и за границей.

Ты ведь знаешь, что у меня денег очень немного, и что при обыкновенной жизни мы едва сводили концы с концами. Теперь же приходится мне очень жутко. Чтоб иметь достаточные средства, необходимо иметь возможность упразднить в Петербурге большую часть двора, прислуги и конюшни, а для этого и необходимо получить право жизни, где мне угодно. Все лето и всю осень я намерен, разумеется, остаться в Орианде, но где жить зиму — that is the question³².

Полагаю остановиться на выборе Ниццы. Об этом мы долго говорили с Ив. Шестаковым, который, кажется, лет девять там прожил и говорит, что там можно жить и дешево, и скромно, но в то же время приятно”.

Головнин не скрыл перед генерал-адмиралом свою нескромность, а именно, что проговорился о желании его высочества получить к юбилею портрет государя Николая Павловича. На это великий князь пишет: “Я желал бы получить портрет двойной — батюшки и брата, потому что при одном я получил звание генерал-адмирала, а при другом его исполнял 26 лет. А ты говорил государю только про портрет его деда. Нет, не одного деда, но непременно и отца. *Tirez moi cela au clair*”³³.

5. Приложение к записке, посланной государю 29 июня 1881 года.

«Если бы угодно было исполнить желания генерал-адмирала, изложенные в прилагаемой записке (выше помещенной), оставалось бы:

1) Ныне же отдать в приказах, что, по желанию великого князя генерал-адмирала, его императорское высочество увольняется от таких-то должностей, с оставлением при прочих должностях и званиях, и разрешается ему отпуск в разные губернии и за границу, с возвращением каждый раз по собственному усмотрению.

2) К юбилею генерал-адмиральства при рескрипте пожаловать двойной портрет императора Николая Павловича и покойного государя.

Может быть, по примеру отправления в Ниццу к юбилею князя Горчакова двух чиновников, признано будет приличным, чтобы несколько представителей флота и морского министерства отвезли его высочеству означенные рескрипты и портрет».

Передав мне все эти бумаги, А. В. Головнин сообщил мне некоторые подробности вторичного свидания своего с государем, когда он привез его величеству ответ великого князя. Как выше было замечено, государь остался ответом доволен. Пользуясь этим, Головнин сказал: «Ваше величество, великий князь Константин Николаевич — глубоко несчастный человек».

«Почему?»

«По двум причинам, государь:

Во-первых, в отношении семейном: его высочество без ума любил и любит своего старшего сына Николая Константиновича и не щадил ни забот, ни личных трудов для хорошего его воспитания. И что же вышло из этого молодого человека? Вышло то, что, отчасти вследствие природной наследственной болезни, он так унизился и пал нравственно, что необходимо было принять относительно него самые строгие меры; меры, небывалые по отношению к члену императорского дома. Ваше величество, разве это не самое ужасное несчастье для отца, любящего своего сына?»

«Ваша правда, это большое несчастье. Хуже его не может ничего быть», — сказал государь с чувством.

«Во-вторых, ваше величество, великий князь чрезвычайно несчастлив и как государственный деятель. Преисполненный лучших намерений, горячо желая добра, его высочество всею душою преданся служению великим видам покойного родителя вашего по освобождению крестьян. Быть может, он был несколько горяч и резок, но, в сущности, был всегда справедлив и желал возможно лучшего разрешения этого жизненного для России вопроса. И что же? В обществе прославили великого князя красным, революционером... Затем, через несколько лет, по случаю возникших в Царстве Польском затруднений разного рода, покойный государь пожелал испытать возможность либеральной политики в Царстве. Считаю долгом обратить внимание вашего величества на то, что великий князь не принимал даже участия в суждениях Совета министров, в котором было решено принять либеральную систему маркиза Велепольского³⁴. Великий князь покорился воле и решению государя, поехал в Варшаву и там, на второй же день, встречен был выстрелом³⁵. Этот прием не смутил его высочество. Он свято выполнил программу, не им предложенную, а ему предписанную. К прискорбию, она не привела к желаемой цели, на достижение которой и сам великий князь не вполне рассчитывал. А кто в глазах общества сделался виновником неудачи?.. Великий князь Константин Николаевич, которого не только в частных разговорах с одного конца России до другого, но даже в печати, — вспомните, ваше величество, яростные статьи “Московских Ведомостей” — почти открыто называли предателем и изменником государю и отечеству. И он не имел возможности оправдаться...

Ваше императорское величество, не глубокое ли это несчастье, могущее в связи с первыми совершенно забыть человека?»

Государь был видимо взволнован и затем стал говорить о великом князе в более мягком и симпатичном тоне.

Прощаясь с Головниным и поблагодарив его, его императорское величество сказал, что он согласен на исполнение всех заявленных им желаний великого князя.

<...>

Головнин полагает, что политическая собственно карьера великого князя, по видимому вероятно, кончена. Но он желает и надеется, что возможно будет возвращение его высочества в Петербург на другое поприще — ученое. Великий князь очень интересуется науками и столь же охотно беседует с учеными людьми. С своей стороны, большая часть этих последних глубоко уважает его и имеет к нему доверие. На должности президента Академии наук и главного начальника разных обсерваторий и тому подобных учреждений великий князь мог бы еще принести большую пользу. Александр Васильевич говорил об этом с ним, и великий князь сказал, что мог бы быть полезным ученому миру.

Сообщая мне об этом, Головнин просил меня распространять эту мысль и, между прочим, доложить о ней при случае великому князю Михаилу Николаевичу.

По возвращении в Петербург, я написал подробное письмо в Орианду, в котором благодарил великого князя за всегдашнее его расположение ко мне и выражал сожаление об оставлении им должности председателя Государственного совета. О многом я должен был, естественно, умолчать, из опасения почтовых нескромностей.

На другой день я возвратился в Гапсаль.

Через несколько дней по возвращении получил я от великого князя следующее письмо, написанное им тотчас по получении указа об увольнении и, следовательно, до получения моего письма:

«Любезнейший Егор Абрамович!

Шестнадцатилетняя связь моя с Государственным советом, по высочайшей воле, ныне порвана. Приходится мне расставаться с тем учреждением, с которым так свыкся, сроднился, сросся. Не могу и не считаю нужным скрывать, как мне это больно и тяжело. Утешаю себя надеждою, что любезный брат мой Михаил, который, по воле государя, меня заступает, так же полюбит Совет и сумеет держать знамя его высоко, в чем, я не сомневаюсь, и вы всеми силами вашими будете ему помогать.

Расставаясь с Советом, не могу не вспомнить, сколь я многим был вам обязан, вашему уму, познаниям и усердию в исполнении ваших трудных обязанностей. Прожили мы с вами много и грустных, и радостных дней и привыкли друг к другу. Знаю, что и вам тяжело будет со мною проститься. Позвольте в последний раз вас горячо обнять и благодарить за все время.

Прошу вас и всей государственной канцелярии передать мое искреннее спасибо за эти 16 лет нашей совместной работы. Сделайте это как-нибудь неофициально, что всегда холодно, — но сделайте так, чтобы все чины государственной канцелярии поняли, что благодарит их не казенным образом их старый начальник, а человек, который в течение 16 лет был, можно сказать, ежедневным свидетелем их неутомимой и добросовестной службы. Спасибо им от души: и статс-секретарям, и их помощникам, и всем и высшим, и низшим труженикам. Рекомендуйте их от меня брату и скажите ему, что все, что он сделает для них, я приму как личную для себя награду.

Желаю Совету полного успеха впереди при исполнении тех важных и трудных задач, которые ему предстоят. Хотя я с ним и разрознен, но и издали, разумеется, буду с горячею любовью следить за его деятельностью.

Прощайте, любезнейший Егор Абрамович, еще раз благодарю вас и обнимаю от всего сердца.

Искренно вас любящий Константин.

Орианда. 22 июля 1881 г.

Не забудьте ваше обещание мне писать *et me tenir au courant*³⁶, разумеется, с полной откровенностью».

Строки эти глубоко тронули меня, и тронули действительно до глубины души. Могу по совести сказать, что я никогда не заискивал в великом князе, а, напротив того, позволял себе иногда откровенно говорить его высочеству вещи, не совсем приятные. Несмотря на то, как доказывают нынешние строки великого князя, он сохранил ко мне большое расположение.

<...>

24 августа

Третьего дня был 50-летний юбилей великого князя Константина Николаевича в звании генерал-адмирала. Я отправил, разумеется, поздравительную телеграмму и получил сегодня следующий ответ: «Сердечно благодарю. Ваша добрая преданность мне вдвойне дорога: по личным моим чувствам и по памяти о нашей долголетней совместной деятельности».

26 августа

К юбилею пожалован его высочеству двойной портрет императоров Николая I и Александра II при очень милостивом рескрипте, на котором государь сделал собственноручную приписку: «Искренно вас любящий».

Это очень много, ввиду прежних их отношений.

Портрет и рескрипт были доставлены в Орианду довольно многочисленной депутациею от флота, морского министерства и гвардейского экипажа.

Составление рескрипта было поручено его величеством Победоносцеву и Игнатьеву, для помощи по части морской Победоносцев пригласил Баранова. Злая насмешка судьбы: в числе составителей милостивого рескрипта великому князю были два злейших его врага.

28 августа

В день юбилея великий князь получил около 200 телеграмм; в числе их была одна за подписью «Саша и Маня» (государь и императрица). Меня это очень обрадовало. Значит, на великого князя смотрят уже иными глазами.

Возвратясь в Петербург, узнал, что государь совершенно неожиданно уехал морем в Данциг для свидания с германским императором. Игнатьев не был в секрете. Следовательно, шансы его на министерство иностранных дел не особенно велики. В Данциге назначение его на эту должность тоже не встретит, конечно, поддержки ни со стороны императора Вильгельма, ни со стороны Бисмарка.

30 августа

На прошедшей неделе, к общей радости, барон Кистер уволен от всех своих должностей.

Уволен также граф А. В. Адлерберг от должности министра двора. Его заменил граф Воронцов-Дашков. Это совершенно в порядке вещей, так как Воронцов находится с нынешним государем в тех же дружеских отношениях, в каких состоял к покойному императору Адлерберг. К крайнему удивлению, последний, при всем своем уме, не сумел заслужить расположение бывшего наследника престола. Ввиду этого, уход его считался всеми вопросом решенным. Но всех поразила несколько крутая форма увольнения Адлерберга. Говорят, государь просто написал ему, что, согласно бывшим весной разговорам, он увольняет его от должности министра и назначает на нее Воронцова³⁷.

Адлерберг очень оскорблен таким недостатком внимания. Я видел его сегодня — на нем лица [не было].

<...>

10 сентября

Предложения Лориса о созыве представителей земства и городов, как кажется, канули в воду. Комиссия, которая должна была обсуждать их, даже не собиралась.

Но если не осуществляют этих предположений, придавая им, к сожалению, значение политическое, то делают, по крайней мере,

все возможное, чтобы проекты законов соображаемы были с практической стороны. К пересмотру правил о понижении выкупных платежей приглашены были двенадцать экспертов из наиболее известных и сведущих практических деятелей разных оттенков и из разных частей государства. Затем, по другому вопросу, о пересмотре правил о продаже питей с целью уменьшить пьянство, вызвано тридцать два эксперта, как говорят, также из людей очень толковых.

<...>

25 октября

Желая ближе ознакомиться с государственным архивом и с порядками, там соблюдаемыми, я поехал сегодня туда, обошел все помещение, потребовал несколько дел из разных эпох законодательной деятельности и, к удовольствию своему, убедился, что дело ведется очень хорошо. Только самое помещение из рук вон плохо. Оно не только чрезвычайно тесно и темно, но даже небезопасно от огня: находясь в здании сената³⁸, оно отделяется простою деревянною переборкою от квартиры смотрителя этого здания. Надеюсь, что мне удастся наконец получить необходимую сумму на постройку отдельного архива, в которой, по случаю военных обстоятельств, несколько раз отказывали моему предместнику.

В числе наиболее замечательных бумаг, хранящихся в архиве, мне показали довольно много рукописей императрицы Екатерины II, известное завещание императора Александра I, массу бумаг, писанных рукою Сперанского, разные записки Кочубея и т. п. Но более всего поразило меня то, что начиная с 1816 года и до конца царствования императора Александра I Павловича на так называемых мемориях Государственного совета* нет собственноручных резолюций императора. Они писаны от имени его величества рукою Аракчеева, причем резолюции не всегда утвердительные: иногда принимается мнение меньшинства, а иногда делаются изменения даже в единогласных постановлениях Государственного совета.

Это обстоятельство, до сих пор мне неизвестное, очень беспокоило меня, ввиду неоднократно доходивших до меня слухов о том, что нынешний государь несколько тяготеет чтением пространных наших меморий. Об этом говорил мне граф Э. Т. Баранов, временно исправ-

* Мемории эти имеют чрезвычайно важное значение, потому что [по] ним разрешаются государем все советские дела. В мемориях излагаются извлечения как из соображений министра, внесшего дело, и из отзывов других министров, если такие были, так и из суждений департаментов и общего собрания Государственного совета. В случае разногласия в общем собрании, происшедшие разные мнения излагаются в мемориях сполна.

лявший должность председателя Государственного совета, а потом говорил и великий князь Михаил Николаевич. Хотя я принял меры к возможно сокращенному изложению меморий, но это достижимо по делам неважным; по проектам же серьезным, особенно когда в Государственном совете произойдет разногласие, мемория не может быть коротка. Это навело меня на мысль о необходимости приискать такой способ, при котором не было бы для государя надобности прибегать для разрешения советских дел к помощи постороннего лица, избави нас бог от нового Аракчеева!

27 октября

Рассказал великому князю о виденном мною в архиве и просил доложить государю или, правильнее, спросить его величество, не следует ли мне в тех случаях, когда мемории наши будут очень обширны, прилагать особую докладную записку с указанием в ней дел и соображений, заслуживающих внимания.

29 октября

Великий князь сказал мне, что докладывал вчера государю о возбуждаемом мною вопросе насчет меморий. Его величество отвечал, что мемории наши действительно бывают иногда очень объемисты, несмотря на то что не содержат в себе особенно существенных дел. Поэтому государь был бы рад, если бы чтение меморий ему было бы облегчено.

3 ноября

Ввиду таких слов государя, я приготовил для великого князя к следующему докладу коротенькую записку, в которой доложил, что на будущее время мы будем стараться излагать дела несущественные по возможности сжато, с соблюдением, однако, того необходимого условия, чтобы монарх мог иметь точное понятие о каждом подносимом к его утверждению законодательном деле.

При этом я буду прилагать к каждой мемории особую всеподданнейшую докладную записку с кратким означением всех изложенных в мемории дел и с указанием страниц, на которых они изложены; засим, если государю императору благоугодно будет разрешить мне это, я буду означать, какие из этих дел заслуживают особого внимания. Во избежание огласки, записки эти я буду составлять и переписывать собственноручно. В тех же видах желательно было бы, чтобы такие записки не были возвращаемы через собственную канцелярию его величества, но разрывались бы государем императором по прочтении или же возвращались бы мне, по приказанию его, в запечатанном пакете на мое имя.

В заключение, я просил снисхождения к тому, что дозволил себе войти во все эти подробности. Они вызываются исключительно желанием предотвратить могущие возникнуть по настоящему предмету превратные толки.

6 ноября

На докладе моем великий князь написал, что государь изволил одобрить все мои предположения. При свидании же великий князь сказал мне, что его величество будет уничтожать мои записки.

<...>

16 ноября

Великий князь Михаил Николаевич сказал мне сегодня, что государь совершенно доволен составленным мною извлечением из мемории Государственного совета. Самую меморию его величество не читал, а только местами перелистывал.

Оказывается, что и управляющий делами Комитета министров представляет государю интимные работы. Все губернаторские отчеты отсылаются к нему для предварительного прочтения, причем он обязан отмечать те места, которые заслуживают внимания.

<...>

А. А. ПОЛОВЦОВ

Дневник государственного секретаря. <1883–1892 годы>

<Фрагменты>

1883 год

1 [января]. Я назначен государственным секретарем. Накануне я зашел к Рейтерну, застал его дома нездоровым, хандрящим и отдающим себе полный отчет в успешном ходе быстро разрушающей его болезни. Разговор между двумя старыми петербуржцами коснулся, разумеется, и служебных передвижений. Рейтерн сообщил мне, что на место Мансурова он назначает управляющим делами Комитета министров Куломзина. Относительно государственного секретаря я выразил весьма искреннюю надежду, что на эту должность назначен будет Марков. Окончив пешеходную прогулку, я по обыкновению зашел в яхт-клуб, куда одновременно со мной приехал мой камердинер уведомить меня, что великий князь Михаил Николаевич¹ прислал звать меня к себе как можно скорее. Я, разумеется, тотчас поехал к великому князю, который повел меня в свой кабинет, и здесь произошел приблизительно следующий разговор.

Великий князь: «Я имею сообщить вам сюрприз, вот телеграмма, полученная мною сейчас из Гатчины от государя». Телеграмма содержала выражение желания государя, чтобы я был назначен на место государственного секретаря, и поручение великому князю предложить мне это место. Подлинных слов я не припомню. Я: «Ваше высочество, это для меня громовой удар. Я решительно ничего подобного не ожидал». *Великий князь:* «Но вы принимаете это предложение?» Я: «Ваше высочество, мы живем в такое время, что если бы государь считал необходимым для пользы отечества назначить меня будочником, то и тогда, по всей вероятности, я бы принял это назначение, но, ваше высочество, позвольте мне сказать вам, что я не гожусь на это место». *Великий князь:* «Почему?» Я: «Потому что я 32 года служу в Сенате²; я привык при разрешении дел иметь в виду только закон, а на посту

государственного секретаря нужно вести политику, это дипломатический пост, не отвечающий моим способностям». Великий князь: «Но ведь и в Государственном совете мы имеем прежде всего в виду закон. Вы хорошо знаете, что Государственный совет был учрежден для того, чтобы установить известный контроль над действиями министров. Министры всячески стараются обойти Государственный совет, но надо отдать справедливость Перетцу в том, что он высоко держал знамя Государственного совета, и я, разумеется, всеми силами ему помогал. Я категорически поставил вопрос государю: хочет ли он сохранить за Государственным советом принадлежащее ему, по мысли основателя, его значение; он отвечал мне утвердительно, но я заметил, что государь не доверяет Перетцу, и потому я счел нужным сказать ему: “Если ты не доверяешь Перетцу, то ты должен избрать человека, которому бы ты вполне верил”, — и вот вы тот человек, которому он вполне верит. Я не скрою от вас, что были произнесены еще другие имена, но, как видите, он остановился на вас». Я: «Я должен еще сказать, ваше высочество, что вот уже десять лет, как я прекратил канцелярскую деятельность, и мои лета и здоровье не позволят вновь приняться за нее, как я это сделал бы, быв моложе». Великий князь: «Действительно, труда вам будет очень много, но, во-первых, у вас обширная и прекрасная канцелярия, так что вам самим не придется быть редактором, а во-вторых, у вас четыре месяца полной каникулярной свободы. Главная обязанность ваша будет заключаться в том, чтобы направлять дела, да еще в том, чтобы писать для государя самые краткие извлечения из посылаемых ему меморий. Это составляет секрет и заведено лишь при нынешнем государе для облегчения его в многочисленных его занятиях. Уговор с государем такой, что эти бумажки он уничтожает по прочтении. Несмотря на то что по делам государь принимал мнения Перетца, я замечал в нем все большее и большее недоверие к государственному секретарю и, признавая, что это имеет вредное влияние на дела, решил сказать ему, что если он не доверяет Перетцу, то должен избрать лицо, которому бы доверял. Впрочем, недоверие к Перетцу не есть выражение личного его расположения, а тут есть нерасположение к брату Константину³, разжигаемое Толстым⁴ и Победоносцевым. Государя уверяют, что по поводу предстоящего рассмотрения в Государственном совете нового университетского устава⁵ Головнин получил письмо от великого князя Константина Николаевича, выдержки из коего развозит по городу⁶. Я предложил государю вызвать Головнина и личным с ним разговором рассеять эту сплетню». По поводу назначения Старицкого председателем Департамента законов великий князь Михаил Николаевич сообщает мне, что при отъезде весной барона Николаи с согласия, выраженного тогда государем, место это предложено было

барону Николаи, теперь же государь не хотел слышать ни о бароне Николаи, ни об Абазе, а предлагал Тимашева и лишь неохотно помирился на назначении Старицкого.

<...>

4 января. Вторник. <...>

В 12 ½ в Аничковом дворце. Ожидают доклада у государя Влангали и Воронцов-Дашков. Меня принимают прежде Воронцова-Дашкова и после Влангали. Государь: «Благодарю вас за то, что вы приняли должность государственного секретаря, до сих пор на эту должность никогда не назначался сенатор». Я: «Государь, я должен благодарить за лестное выраженное мне доверие. Если бы вам угодно было послать меня исправником в Восточную Сибирь, то я и это поручение, конечно бы, принял, надеясь принести пользу отечеству».

Когда мы сели, то государь спросил меня любезно, удался ли наш бал, и затем спросил, что у меня в портфеле; я отвечал, что я привез всеподданнейший отчет о ревизии Черниговской губернии, что отчет этот содержит весьма краткое извлечение о сущности каждого из обсуждаемых мною вопросов, что сущность моего взгляда изложена в пространных записках и материалах, переданных по принадлежности подлежащим министрам и Кахановской комиссии⁷, что ввиду сего я не вижу необходимости передавать его целиком или даже частями в Комитет министров, а достаточно передать его министру внутренних дел, у которого он и может остаться, что независимо от этих общих соображений я находил бы неудобным печатать одну последнюю страницу моего отчета, касающегося духовенства, что негодование, вызванное во мне просмотром дел Черниговской консистории⁸, выразилось в резкой форме, которая служит лишь выражением моей привычки высказывать пред государем правду до конца, иногда утрируя эту самую правду вследствие понимания мною таким образом долга моего в отношении государя.

Государь: «Вы сообщили об этом Победоносцеву?» Я: «Да, государь, я передал ему в подробности ревизию консистории и предварил его о том, что именно доложу вам».

Затем разговор перешел к новому моему назначению. Государь сказал приблизительно следующее: «Я сидел в Государственном совете, будучи великим князем, и уже тогда меня коробило от направления, которое получали дела благодаря стараниям Государственной канцелярии⁹. Я не имел доверия к Перетцу и поэтому сменил его; я надеюсь, что вы дадите делу другое направление и перемените состав Государственной канцелярии. При докладе дел в Общем собрании сидит множество чиновников, которые передают сказанное в журналы; прежде был там сын Краевского, а теперь есть Семевский

и Манн, состоящие в близких сношениях с журналистами. Я нарочно отказал в утверждении в должностях двух статс-секретарей, потому что хотел, чтобы вы их прежде узнали. Необходимо будет переменить теперешний состав канцелярии».

Я: «Ваше величество, я не знаю ни одного из главных делопроизводителей Государственной канцелярии и потому прежде всего считаю долгом ближе с ними познакомиться. Разогнать всегда легко, но организовать весьма трудно, кем заменить теперешних чиновников, начнутся происки, ходатайства для получения этих щедро награждаемых мест, и я могу очутиться с бездарными и негодными к службе лицами. К тому же направление и самая деятельность чиновников во многом зависят от начальника, и на моей обязанности будет лежать это высшее направление. Во всяком случае, я считал бы полезным в этом деле не торопиться, я подожду обстоятельных, фактических сведений, обещанных мне графом Толстым по предмету обвинений, возводимых на Государственную канцелярию».

Государь: «Конечно, торопиться не надо, но необходимо иметь в виду, что Государственный совет есть ближайшее, помогающее мне и правительству учреждение, а не противодействующее ему».

Я: «Точно так, ваше величество, но по мысли учреждения Государственный совет есть высшее контролирующее деятельность министров учреждение, а потому иногда оно бывает им неприятно, поэтому могут быть случаи, где мне представится необходимость независимо от письменного доклада разъяснить что-нибудь лично, позвольте мне просить вас указать мне пути, к которым я в таком случае должен прибегнуть».

Государь: «Как все министры и управляющие отдельными частями, вы можете писать мне прямо, и я немедленно буду назначать вам время приема».

Я: «Вы знаете, государь, по опыту, что я не злоупотребляю этим давно дарованным мне вами правом».

Государь: «Да, знаю».

Таков был общий характер разговора. Между прочим, говоря о Перетце и недоверии к нему, государь рассказал мне предположение о передаче части дел Департамента экономии в особое отделение этого департамента с целью дать пост Абазе. «Предлагали также назначить Абазу председателем Департамента законов, но я отказал, не желая назначать на это место человека, который прямо заявил, что не разделяет моего взгляда на порядок управления».

Между прочим, государь спросил меня о том, намерен ли я продолжать оставаться членом Кахановской комиссии, но я отвечал, что мне кажется весьма неудобным заявлять мнения, которые, будучи

подписаны государственным секретарем, впоследствии придут на об-суждение Государственного совета.

Говоря о недостатках, в коих обвиняются чиновники Государ-ственной канцелярии, я намекнул на то, что эти самые обвинения служат доказательством того, что чиновничество не может почесться элементом, на который может надежно рассчитывать правительство, как силу для своих расчетов. На это государь немедленно возразил, что в других странах, как, например, Бельгии, Пруссии, Франции, чиновничество составляет такую силу, потому что его держат в стро-гой дисциплине.

В заключение я еще раз благодарил государя за оказанное мне доверие и просил сохранить между им и мною те добрые, человече-ские отношения, которые так давно существуют и при коих только возможна плодотворная человеческая деятельность.

<...>

3 марта. Четверг. Пишу журнал вчерашнего заседания и по-казываю вчерне Сольскому, Перетцу, Старицкому, а после их одо-брения посылаю великому князю, который наивно пишет на нем: «Очень хорошо», как будто он — школьный учитель, а я — ученик. В Государственном совете довольно скучное заседание, в котором, впрочем, Департамент экономии, гоняющийся за грошовыми сбе-режениями, разрешает расход в 960 тыс. руб. на окончательную отделку Исторического музея в Москве, потому что Бунге заявля-ет, что этого особенно желает государь. Разговаривая с Перетцем, слышу от него такой рассказ: «То было в январе месяце 1880 года, когда шли приготовления к празднованию 25-летия царствования государя Александра II, я (т. е. Перетц) был с докладом у великого князя Константина Николаевича, когда внезапно приехал государь, и великий князь попросил меня подождать. Когда великий князь вернулся с этого свиданья, то объявил мне с великою радостью, что государь объявил ему, что решил дать ход записке, поданной ве-ликим князем в 1866 году и предлагавшей участие народных пред-ставителей в деле законодательства. Согласно с этим 23 января было собрано чрезвычайное совещание у великого князя Константина Николаевича, но в последнюю минуту цесаревич прислал сказать, что не может быть, и великий князь предложил отложить заседание до 25-го, воспользоваться временем для обмена мыслей. Мысли были высказаны самые единодушно конституционные, и Валуев и Маков го-ворили в одном тоне. 25 января, чрез два дня, собрание возобновилось в присутствии цесаревича. Великий князь Константин Николаевич начал с того, что передал с величайшею точностью все высказанное в предыдущее заседание. Выслушав его, цесаревич категорически

объявил, что держится совершенно противоположного образа мыслей и что не видит необходимости навязывать России все неудобства конституционализма, препятствующего хорошему законодательству и управлению. На этом дело и кончилось»¹⁰.

<...>

20 [апреля]. Среда. <...>

После завтрака чтение с лишком 40 рескриптов и грамот. Полное одобрение и приблизительно следующий разговор. *Великий князь*: «Я испрошу у государя разрешение ехать в Гатчину вместе с вами, и вы прочтете ему все эти рескрипты». *Я*: «Ваше высочество! Я не сомневаюсь несколько, что такой способ представления государю рескриптов будет самый неудачный. В присутствии нас обоих он не решится высказать то, что сказал бы каждому из нас с глазу на глаз, государь прикажет рескрипты эти оставить у него, потом отдаст их Победоносцеву, который их перемарает, обольет постным маслом, и тогда на будущее время я больше писать рескриптов не стану, а вы потеряете то положение, которое теперь приобрели, — положение первого министра, представляющего других министров к наградам». *Великий князь*: «Я уверен, что этого не будет». *Я*: «А я уверен, что будет что-нибудь подобное».

Как я ни старался его убедить, этот ограниченный человек остался непреклонен в своем упрямстве и подозрительности.

<...>

1884 год

13 [марта]. Вторник. <...>

К 12 часам прихожу в приемную государя, где застаю Гирса, ожидающего окончания доклада военного министра. После Ванновского государь принимает меня и начинает так: «Вы хотели меня видеть, чтобы переговорить об исполнении моей резолюции по делу об элеваторах. Я до получения мемории Государственного совета ни с кем не говорил об этом деле, но, прочитав внимательно всю меморию, убедился, что в этом виде дела решать нельзя». *Я*: «Государь, сегодня дело это у меня на десятом плане. Я приехал не для того, чтобы говорить об этом деле, а для того, чтобы просить у вас, как милости, смягчения приговора над Государственным советом». *Государь*: «Как? Почему?» *Я*: «В резолюции вашей вы написали, что дело это опасное для России». *Государь*: «Да, я нахожу весьма опасным связываться с американскою компаниею, главные лица коей совершенно неизвестны, потому что Дурново и Демидов лишь подставные лица, имеющие известные выгоды. Мы должны были заплатить 7 млн.,

чтобы развязаться с одним американцем Вайненсом¹¹; мало ли каких неприятностей мы должны ожидать от целой компании. Я уверен, что это дело дошло до Государственного совета или по проискам, или потому, что было заплачено в Министерстве финансов. Во всяком случае представление Бунге было очень легкомысленное». Я: «Во всяком случае слово “опасное” не будет понято так, как ваше величество его понимаете. Оно будет обращено к графу Баранову, который председательствовал и в департаментах, и в Общем собрании, ко всем почти министрам вашим, к большинству Государственного совета, ко всем тем людям, на коих вы возложили заботы об успехах экономической жизни государства. Люди эти вам всецело преданы, они крайне добросовестно трудились по этому делу, и вдруг вы им объявите, что они в своей близорукости не поняли, что они предлагают вам принятие опасной для отечества меры. Не хотите вы, чтобы предприятие это осуществилось, я вам ручаюсь, что оно исчезнет».

Государь: «Да нет, я очень хорошо знаю пользу, принесенную элеваторами хлебной торговле в Америке. Я хочу только, чтобы устав общества был подробно рассмотрен». Я: «Как вы хотите, государь, чтобы Государственный совет рассматривал такое дело, об опасности коего вы заранее выразили мнение. Свободы обсуждения не будет, и в Совете на будущее время будут составляться мнения, направленные к тому, чтобы вам понравиться. Я здесь скоро полтора года, поверьте мне сегодня на слово, что резолюция ваша опечалит, обидит тех лиц, коих я сейчас упоминал, в частности о министре финансов я вам ручаюсь, что никакого денежного злоупотребления не было. У министра финансов слишком много других государственных забот. Из всех министров он почти один вносит в Совет серьезные дела и подвергается нападкам; это дело ничего серьезного для него не представляло. Недостатки нашей хлебной торговли слишком известны; являются люди с 25 млн. руб. на предприятие, долженствующее улучшить нашу хлебную торговлю. Бунге вносит все это на обсуждение коллегиального учреждения и заранее готов подчиниться решению этого места, не придавая решению особенной важности, но здесь, к сожалению, дело раздувается в подобные размеры, когда рядом среди гробового молчания проходят такие важные дела, как, например, возвышение поземельного налога»¹². *Государь*: «Я не понимаю, почему вообще дело это попало в Совет». Я: «Потому что речь идет об учреждении общества, выдающего варранты¹³, а закона о варрантах еще не существует, так что Государственному совету приходилось в данном случае создавать, так сказать, специальный для этого дела закон. Вот почему я нахожу прекрасною вашу мысль о том, чтобы разрешение дела отложить до тех пор, когда состоится закон о варрантах, и моя нижайшая просьба в том, чтобы ограни-

читься этою резолюциею». *Государь*: «Ну хорошо, так передайте Михаилу Николаевичу, чтобы объявить только первую часть резолюции, а второй части не объявлять». *Я*: «Да ведь это подлог. Я обязан объявить вашу резолюцию сполна». *Государь*: «Но вы не обязаны ее показывать. Положите ее в архив».

Я начинал чувствовать, что все мои усилия разобьются о решимость не уничтожать раз данную резолюцию, и тогда прибегнул к последнему и крайнему средству. *Я* сказал: «Не требуйте от меня, государь, чтобы я сохранил в архиве Совета на память потомству такую резолюцию, которая не безупречна в отношении правил русской речи. Прочитайте внимательно написанное вами, и вы увидите, что вы написали: “Решить предприятие”. Можно решить дело, можно разрешить предприятие, но нельзя решить предприятие». *Государь*: «Да, я заметил это сам, написавши». *Я*: «Я очень хорошо понимаю, что вы были взволнованы порывом негодования, потому что вам казалось, что тут есть денежное злоупотребление; вот вы сгоряча и написали эти слова, но оставить их нельзя». *Государь*: «Ну, так что же делать?» *Я*: «Резолюции этой не видал никто, кроме великого князя Михаила Николаевича, по приказанию коего я рассказал все дело Владимиру Александровичу. *Я* привез вам белый лист со словами, находившимися на листе, на коем изложена ваша резолюция. Напишите мне новую резолюцию, я вошью ее в меморию, и никто ничего не заметит». *Государь* взял мой белый лист и написал слова: «Отложить до рассмотрения общего закона о варрантах», потом вырвал лист с прежнею резолюциею, зажег его на свече и бросил в камин. *Я* встал и низко поклонился, сказав: «Благодарю вас за то, что вы дали мне возможность сослужить вам службу так, как мне велит моя совесть».

Когда резолюция была заменена, то *я* прибавил: «Государь, по этому делу страсти очень натянуты, потому что речь идет о барышах. Железнодорожные компании входят в союзы с банкирами и действительно монополизировали на некоторых линиях хлебную торговлю, выдавая и ссуды и варранты, принимая хлеб на комиссиях для продажи, — все это делается учреждениями, имеющими в руках перевозочные средства, не обязывающимися никакой постройкою элеваторов и поддерживающими агитацию в журналах. *Я* крайне сожалею, что при невозможности вас видеть не мог сказать вам все это заранее. Мне хотелось бы иметь возможность видеть вас ночью в темном углу без всякой претензии на почести всеподданнейшего доклада, тогда по этому делу произошло бы то же самое, что по вопросу об упразднении Комиссии прошений¹⁴; если бы *я* не имел случая узнать вашу мысль, то вам бы представили проект учреждения нового министерского поста, а теперь об этом не будет и речи. Позвольте воспользоваться случаем и узнать мысль вашу и еще по одному делу.

Министр внутренних дел внес представление об ограничении семейных разделов крестьян». *Государь*: «Да, я читал это представление и одобряю его». *Я*: «Но вопрос этот касается семейного крестьянского быта. Неужели его разрешать канцелярским порядком в Государственном совете? Не следует ли пригласить и выслушать людей, ближе стоящих к этому делу, например предводителей дворянства или членов крестьянских присутствий, и притом из различных местностей?» *Государь*: «Конечно». *Я*: «Но если бы я не слышал вашего мнения, то легко могло бы возникнуть опасение услышать в журналах известия о созыве какого-нибудь парламента» и т. д.

<...>

1885 год

<...>

12 [января]. Суббота.

<...>

Затем перехожу к докладу о том, что Мариинский дворец готов принять Государственный совет и Комитет министров¹⁵. Объясняю, что при постановке стола Общего собрания приходится сделать его круглым, сообразно форме залы, что это может подать повод к обвинению меня в нарушении учреждения Государственного совета. Да что же тут делать, нельзя же в круглой зале поставить четырехугольный стол.

<...>

1887 год

<...>

19 [января]. Понедельник. В 11 часов у великого князя Михаила Николаевича. Рассказ о бывшем накануне в Аничковом дворце вечере для детей с примесью взрослых. Государь, который особенно любит детей, веселился больше, чем на каком бы то ни было бале. <...>

26 [января]. Понедельник. <...>

После заседания иду гулять пешком с великим князем Владимиром Александровичем. Говорим о политических событиях. Он утверждает, что государь не хочет войны, будет стараться избежать ее, что до сих пор мы никаких к тому приготовлений не делаем, что трудно понять, кому война могла бы быть выгодной, что во всяком случае России выгодно ждать и по возможности отдалять момент драки и что он, великий князь, всегда в этом смысле говорит с государем. Великий князь жалуется на Гирса, который не имеет мужества говорить государю правду, что он, великий князь, не раз говорил государю, что в разговорах с глазу на глаз правды не узнать, а для узнания ее

необходимо привлекать к участию в деловом разговоре нескольких лиц. Отправляю вечером свою еженедельную меморию без всяких экстренных писаний.

<...>

12 [февраля]. Четверг. <...>

Получаю от государя свою меморию с простою отметкою: «Согласен с мнением 20 членов»¹⁶. Очевидно, он держал меморию три дня, колеблясь относительно того, что делать, и в конце концов был побежден настояниями Победоносцева или его приказчика Манасеина. Предположение мое подтверждается на эрмитажном бале. Шувалов рассказывает, что накануне был дежурным и что Манасеин имел у государя доклад, длившийся около часа, откуда вышел с сияющим лицом. Шувалов поневоле обратил внимание на продолжительность доклада, так как ему надлежало представить государю чуть не 50 человек.

Я очень хорошо понимаю, что мое положение делается невыносимым; я не имею возможности бороться с людьми, постоянно видящими государя, а между тем их торжествующие нашептывания наносят вред ходу дел Государственного совета, к коим я приставлен и за кои я несу нравственную ответственность. Весь вопрос для меня в том, как уйти отсюда, не возбудив особенной против себя злобы.

<...>

1 марта. Воскресенье. Опять воскресенье, первое в этот памятный день с 1881 года, прошло шесть лет, но в ходе дел государственных не видится улучшения; правда, внутри население несколько успокоилось после сумасбродных выходов Игнатьева, но зато извне наше положение совершенно даром ухудшено благодаря необдуманности, не скажу мероприятий, а просто правительственного поведения, у дел стоят все те же не отвечающие высоте своей задачи люди, за исключением двух-трех второстепенных личностей, как, например, Манасеин или Вышнеградский, коих не могу я почесть самостоятельными лицами, а только приказчиками поставивших их разнообразных властителей.

<...>

26 [декабря]. Суббота. <...>

Сию целый день за изготовлением рескриптов и грамот. Писать их составляет ужасную трудность. Прежде всего надо стать на точку зрения государя, потом не хочется говорить пошлостей, не хочется хвалить то, что не заслуживает похвалы, а при этом еще необходимо разнообразие и желательное изящество форм.

<...>

11 ноября. Пятница. В 10½ часов еду в Гатчину и, встретив на станции Посыета, сажусь с ним вдвоем в приготовленный для него вагон. Разумеется, с первых слов начинается повествование о крушении¹⁷. Посыет старается доказать мне, что причиною крушения никак не состояние железнодорожного пути, а бессмысленное составление царского поезда по приказаниям Черевина в качестве главного начальника охраны. Назначенный из инженеров охранный инспектор Таубе не мог делать при этом ничего иного, как повиноваться. На это я возражаю Посыету, что он сам должен был потребовать от государя подчиниться разумным требованиям осторожности и в случае отказа просить увольнения от обязанностей, а отнюдь никак не сопровождать государя в путешествии. С этим Посыет соглашается, говоря, что в этом исключительно считает себя виноватым. Относительно своей отставки Посыет утверждает, что, возвратясь в Петербург, сказал государю: «Я опасаясь, что потерял ваше доверие. В подобных условиях совесть моя запрещает мне продолжать службу министра». На это государь будто бы отвечал: «Это дело вашей совести, и вам лучше, чем мне, знать, что вам следует делать». *Посыет*: «Нет, государь, вы мне дайте приказание, или оставаться, или выйти в отставку». На такую фразу государь ничего не отвечал. «Вернувшись домой и обдумав все это еще раз, я написал государю письмо, прося об увольнении. На это в ответ последовал приказ о моем увольнении».

По приезде в Гатчинский дворец отправляюсь в комнаты императрицы вниз, где застаю множество военных и гражданских чинов, чающих представления. У государыни в это время находится граф А. Мусин-Пушкин, корпусный командир. Вслед за ним вхожу я, к великому неудовольствию сидящего тут бывшего начальника певчих Бахметева, который позволяет себе даже громко высказывать свое порицание, причем дежурящий на случай представлений гофмейстер князь Голицын разъясняет Бахметеву, что я в качестве чина второго класса должен быть принят прежде его.

Императрица принимает меня чрезвычайно любезно. Она не может говорить ни о чем ином, как о железнодорожном своем несчастии, которое и рассказывает мне в подробности. Она сидела за столом против государя. Мгновенно все исчезло, сокрушилось, и она оказалась под грудой обломков, из которых выбралась и увидела перед собою одну кучу щепок без единого живого существа. Разумеется, первая мысль была, что и муж ее, и дети более не существуют. Чрез несколько времени появилась таким же манером на свет дочь ее Ксения. «Она явилась мне как ангел, — говорила императрица, — явилась с сияющим лицом. Мы бросились друг другу в объятия и заплакали. Тогда с крыши разбитого вагона послышался мне голос сына моего Георгия,

который кричал мне, что он цел и невредим, точно так же как и его брат Михаил. После них удалось, наконец, государю и цесаревичу выкарабкаться. Все мы были покрыты грязью и облиты кровью людей, убитых и раненных около нас. Во всем этом была осязательно видна рука Провидения, нас спасшего». Рассказ этот продолжался около четверти часа, почти со слезами на глазах. Видно было, что до сих пор на расстоянии почти месяца ни о чем другом императрица не может продолжительно думать, что, впрочем, она и подтвердила, сказав, что каждую ночь постоянно видит во сне железные дороги, вагоны и крушения. Окончив свое представление в нижнем этаже, я отправился наверх в приемную государя. Здесь были те же генералы, коих я видел внизу.

В кабинете у государя был вновь назначенный министр путей сообщения генерал Паукер. Потом пошли одиночные представления остальных генералов, потом всех военных меньшего чина поставили в одну комнату и отпустили огулом. В заключение я ожидал, что позовут меня, но в первый раз в нынешнее царствование я был принят не отдельно, а вместе со всеми гражданскими чинами. Чтобы еще больше дать мне почувствовать свое неудовольствие (за что, я в первую минуту никак не мог догадаться), государь позвал к себе в кабинет стоявших в ряду представлявшихся того же Бахметева, а затем вышел и очень отрывистым и взволнованным голосом спросил меня, где я был летом, а потом перешел к следующим лицам. Я хотел остаться в комнате, куда кончится представление, но занимавшийся этим представлением гофмаршал князь Владимир Оболенский сделал мне знак, чтобы я удалился в соседнюю комнату, чему я и должен был повиноваться, к крайнему моему удивлению, потому что по моим понятиям вежливость требовала бы оставаться в комнате, доколе в ней находился император, что, впрочем, всегда и соблюдалось в прошлое царствование.

Из разговора с Оболенским я понял причину того неудовольствия, которое выказано мне было в довольно грубой форме. Дело в том, что на великих князей Владимира и Алексея негодуют в Гатчине за то, что они тотчас после боркского несчастья не возвратились немедленно в Петербург, а продолжали жить в Париже, причем тамошние охоты, в коих я принимал деятельное участие, были описаны в несносных французских газетах как ряд каких-то необычайных праздников. Оболенский, предаваясь негодованию относительно такого поведения великого князя Владимира Александровича, заключал так: «Ведь если бы мы все были там убиты, то Владимир Александрович вступил бы на престол и для этого тотчас приехал бы в Петербург. Следовательно, если он не приехал, то потому только, что мы не были убиты». Таким оригинальным логическим выводам трудно дать

серьезный ответ. Я отвечал общими местами и понял, что на меня, как на первого попавшегося представителя парижских праздников, было вылито негодование, которого, вероятно, братьям своим он не решится вовсе выказать.

Такого рода подстреканиями окружающие государя сделают из него Павла Петровича.

<...>

Возвратясь в Петербург, заезжаю к Победоносцеву, с коим приблизительно такой разговор. *Победоносцев*: «Боркское крушение должно бы послужить государю уроком. Нельзя так управлять делами, что ни с кем не говорить, никого не допускать, а только приказывать то, что нравится. Во всем этом деле виноват, конечно, Посыет, в том, что не имел мужества настаивать на исполнении разумных требований своих подчиненных, но главным виновником все-таки является охрана с пьяным Черевиным во главе, который требует беспрекословного исполнения своих приказаний».

<...>

22 [ноября]. Вторник. Разбирая бумаги, полученные накануне, нахожу уведомление от Танеева о том, что государю императору угодно на будущее время предоставить личному своему усмотрению награждение министров и главноуправляющих отдельными частями, а также членов Совета, что поэтому высочайше повелено на будущее время сосредоточить переписку о сем в собственной канцелярии, и для того Танеев просит меня в возможной скорости сообщить ему список членов Совета с обозначением последней полученной награды. Вслед за тем, как первый пример нового порядка, Танеев сообщает мне выписку из приказа по Собственной канцелярии, объявляющую высочайшую благодарность графу Палену за труды по председательствованию в еврейской комиссии¹⁸.

Дело в том, что в предшествовавшее царствование министры всегда награждались по личному усмотрению государя. Когда я был назначен государственным секретарем, то пред отъездом в Москву на коронацию получил от великого князя приказание написать рескрипты лицам, коим государь назначил награды по списку членов Государственного совета, списку, в коем включены были и министры. С тех пор великий князь ежегодно представлял государю список членов Совета, и награды продолжали назначаться, как перед коронацией. Все прежние председатели Государственного совета имели право говорить государю о деятельности членов Совета и, следовательно, о заслуженных ими поощрениях. Лишение этого права будет чрезвычайно чувствительно великому князю, который им дорожит, быть

может, больше, чем иными своими прерогативами. Объявление же высочайшей благодарности члену Совета в приказе собственной канцелярии будет принято членами Совета почти за оскорбление. До сих пор выражение такой благодарности объявлялось прочтением в Общем собрании Совета и письмом председателя.

<...>

1889 год

<...>

26 [января]. Четверг. По приглашению великого князя Михаила Николаевича еду к нему в 8 часов. Он меня встречает словами: «Ну, граф Толстой нас оседлал, слушайте» — и затем читает только что полученную от государя записку такого содержания: «Любезный дядя Миша, посылаю тебе мою окончательную резолюцию на журнал Общего собрания Государственного совета по проекту графа Толстого. Прошу тебя прочесть ее членам Совета в первом общем заседании и принять все зависящие от тебя меры к успешному окончанию этого важного дела.

От души твой племянник *Саша*».

При этом на малой четвертушке почтовой бумаги написана была такая резолюция: «Соглашаясь с мнением 13 членов, я желал бы, чтобы мысль об упразднении в уездах мировых судей была восстановлена для того, чтобы обеспечить нужное количество надежных участковых начальников в уезде и облегчить уезду тяжесть платежей. Часть дел мировых судей может перейти к участковым начальникам и в волостные суды, а меньшая часть, более важные дела, могла бы отойти к окружным судам¹⁹. Во всяком случае, непременно желаю, чтобы эти изменения не помешали окончанию рассмотрения проекта до летних вакаций. *Александр*». Мой великий князь был совершенно сбит с толку и просил меня обдумать все это и на другой день в 11 часов приехать сказать, что, по моему мнению, следует сделать.

<...>

28 [января]. Суббота. В 12 часов приезжаю в Аничков. <...> меня зовут в 12³/₄ [часа] в кабинет, где происходит приблизительно следующее.

Государь: «Я только что хотел за вами послать, когда получил от великого князя записку о том, чтобы вас принять».

Я: «Я привез вам, государь, меморию, переписанную с новым, чистым заглавным листом с тем, чтобы вы могли написать на этом листе ту резолюцию, которую вам угодно было прислать великому князю».

Государь: «Да, я прислал это лишь в дополнение к первой». *Я*: «Но по учреждению Государственного совета высочайшее утверж-

дение должно выразиться в собственноручном вашем написании на мемории, которая составляет законодательный памятник, единственный правильный документ, выражающий вашу волю».

Государь: «Хорошо. Я это сделаю».

Я (вынимая бумаги из портфеля): «Моя обязанность доложить вам при этом, государь, что в резолюции вашей есть фактическая неверность. Там говорится, что вы желали бы возвратиться к первоначальной мысли об упразднении мировых судей, но мысль эта никогда никем заявлена не была».

Государь: «Как не была? Граф Толстой говорил мне, что это было первоначальное его предположение».

Я: «Но это не так. Может быть, об этом были только словесные предположения, но формального представления положительно не было. В доказательство я привез вам печатное представление графа Толстого. Вот оно». Государь читает и убеждается в справедливости мною сказанного.

Я: «Если так, то позвольте, государь, изложить мысль эту (которой я вполне сочувствую) не в виде идей графа Толстого, а в форме вашего державного повеления. Позвольте показать Вам несколько набросанных мною проектов резолюций».

Показываю несколько таких проектов и читаю один: «Я желаю, чтобы должность участкового начальника была соединена с должностью мирового судьи с соответствующим изменением предметов ведомства, пределов подсудности и порядка назначения сего последнего».

Государь берет в руки мою бумагу и, прочитав внимательно, соглашается изменить первоначальную редакцию, но прежде окончательного ее написания останавливается исполнением этого намерения и говорит, что желает еще предварительно переговорить с графом Толстым. Я докладываю, что резолюция должна быть объявлена в понедельник, а потому необходимо поспешить окончательным ее изложением. Тогда государь выражает намерение немедленно вызвать по телефону графа Толстого к 2 часам, а меня приглашает остаться завтракать.

За завтраком сажу по левую сторону императрицы, а Воронцов по правую руку. Возле императора сидят направо княгиня Оболенская (жена гофмаршала), а налево — старшая дочь Ксения, тут же находятся остальные дети и гофмаршал князь Оболенский. Разговор, разумеется, самый поверхностный и пустой. Я как-то мимоходом спрашиваю императрицу, была ли она в Италии. Она отвечает, что никогда не была, а теперь, побывав на Кавказе, и не желает более путешествовать, не считая возможным видеть что-либо лучше.

Государь говорит, что его интересовало бы видеть одну страну — Америку, при этом выражает удивление, что до сих пор я не совершил этого путешествия.

После завтрака докладывают о прибытии графа Толстого. Императрица говорит: «Adieu, je m'en vais»²⁰ — и дает мне поцеловать руку, причем я говорю: «Souhaitez-moi de la chance, madame»²¹.

Императрица: «Je vous la souhaite, ne sachant pas pourquoi»²². Государь стоит рядом и смеется.

Я забыл упомянуть, что я сам просил позволения у государя остаться при разговоре его с графом Толстым. Дозволение мне было дано, но роль моя была пассивная; чтобы изменить эту роль, я сказал государю до входа графа Толстого: «Государь, вы меня поддержите против графа Толстого?» *Государь*, смеясь: «Ага, испугались графа Толстого?» *Я*: «Как же не испугаться, он ваш доверенный министр, а я секретаришка».

При входе в кабинет государя Толстой очень был озадачен моим присутствием, особенно когда мы оба сели у государева стола и я изложил, чего я прошу. Государь начал с того, что упомянул о моей просьбе не говорить в резолюции о волостных судах. Я с своей стороны мотивировал это ходатайство тем, что неудовлетворительность этих судов единогласно признана, а высочайшая резолюция как бы закрепляет их существование и даже выражает намерение расширить их компетенцию.

«Ну что ж, — возражал граф Толстой, — если назначенная мною комиссия под председательством Любощинского признает даже, что волостные суды надо упразднить, слова высочайшей резолюции упадут сами собою».

Я: «Вот именно это я и желаю предотвратить. Я не понимаю, чтобы высочайшие слова могли упасть, а желаю, чтобы они сохранились навсегда».

Чувствуя, что дело принимает кривое направление, я счел необходимым напомнить о главном недостатке резолюции — изложении неверного факта о существовании первоначальной мысли — слиянии мировых судей с участковыми, тогда как этой мысли никогда никем выражаемо не было. Когда я обратился с этим заявлением к графу Толстому, то он сказал мне, что он желал по возможности сузить их компетенцию. По-видимому, он не усматривал большой разницы в этих двух мыслях. Не отрицая правильности моего замечания, он согласился в необходимости изменять согласно сему резолюцию. Продолжая развитие своей идеи, я говорю Толстому, что новая мысль, таким образом, исходит теперь от самого государя, что все дело становится на новую точку, что на первый план выступает теперь державная воля, что при этом мнения большинства и меньшинства исчезают, а потому и редакция должна быть иная.

Граф Толстой со всем этим соглашается, и я вижу счастливую минуту, когда государь изменит свою резолюцию, так что она не будет

больше представлять ни противоречия, ни тех сомнений относительно ее исполнения, кои неизбежно должны возникнуть, но я слишком рано обрадовался.

Государь прежде, чем написать резолюцию на новом листе мемории, объясняет графу Толстому, почему это делается в такой форме.

Тогда граф Толстой выразил сначала желание, чтобы прежняя резолюция, соглашаясь с 13 членами, была оставлена без изменения, а новая резолюция была объявлена в дополнение к прежней, но, не успев в этом, граф Толстой обращается к государю с убедительной просьбою непременно сохранить слова: «Соглашаюсь с 13 членами».

Государь начинает колебаться, и я чувствую, что мое дело портится и мне не удастся уберечь государя от легкомысленной резолюции. Стараюсь доказать, что в таком сопоставлении есть явное противоречие, что нельзя приказать, чтобы земские начальники были простыми крестьянскими попечителями с прибавкою, чтобы они заменили мировых судей. Это все равно, что сказать: пускай стена эта будет белая, но с тем, чтобы она была черная.

Государь берет журнал Государственного совета и перечитывает конец мнения меньшинства, чтобы убедить меня в том, что мнение это не настаивает на необходимости ограничиться исключительно крестьянскими делами. Я представляю, что если этого слова и нет в последних заключительных словах, то оно вытекает из общего смысла всего изложения, а смысл этот получает высочайшее утверждение. Граф Толстой продолжает настаивать и одерживает победу. После такой победы Толстой совершенно переменяется и начинает настаивать на всецелом сохранении резолюции в прежнем ее виде.

Возвращаемся к вопросу о передаче дел в окружные и волостные суды. Я доказываю, что если куда-нибудь передавать дела, то, разумеется, или вверх, или вниз, а следовательно, об этом и говорить не стоит, но Толстой внушает государю подозрение, что если этого не сказать, то в Совете могут выдумать какую-нибудь непредвиденную новую комбинацию. Этот аргумент убеждает государя.

Во время спора об этой приписке, видя мою настоятельность, государь полушутя обращается к Толстому со словами: «Дмитрий Андреевич, Государственный совет что-то очень настаивает на этом. Я думаю, нам следует ее удержать». Тогда я как можно серьезнее и торжественнее говорю: «Государь! Никто из Государственного совета, кроме председателя и секретаря, не видал написанных вами слов, но у меня одна мысль, чтобы державная ваша воля была выражена в кратких, сильных словах и не содержала ничего сомнительного, спорного, могущего быть неисполненным в будущем».

Потом я начинаю просить исключить слова о том, что такая мера даст контингент земских начальников и облегчит тяжесть платежей.

Доказываю, что такие побуждения понятны сами собою, а значит, и нет надобности их повторять.

На это граф Толстой мне говорит: «Да разве вы не знаете истории царствования императрицы Екатерины II? Как писала она свои манифесты с изложением подробно своих политических видов?»

Я: «Она в этом случае обращалась к темному народу, а вы хотите, чтобы государь, высказывая волю свою Совету, вместе с тем высказал пред 50 чиновниками оправдание или извинение в том, что не принял их мнение. Этого я совсем не понимаю».

Такое горячее прение, коего я упомянул здесь лишь весьма немногие моменты, продолжалось ровно два часа — с 2 до 4 часов.

Граф Толстой был бледен от усталости и только упорно повторял те же слова, причем иногда говорил невероятные глупости, так, например, на вопрос мой, куда же я должен буду обратиться с иском в 25 руб. к нему, Толстому, после уничтожения мировых судей, граф Толстой сначала очень категорически отвечал, что в волостной суд, но когда я сказал, что предоставляю ему, графу Толстому, судиться в таком суде, где за стакан вина безграмотные мужики сделают что угодно, то граф Толстой, чувствуя, что сказал большую глупость, поправил ее, сказав другую глупость, а именно что все это подробности, обсуждение коих надлежит предоставить комиссии, созванной из членов Государственного совета.

Когда пробило 4 часа и заседание наше кончилось, а государь выразил намерение оставить у себя меморию и на свободе изложить резолюцию, то мы с графом Толстым удалились, причем, спускаясь по лестнице, я поддерживал под руку этого бездушного, бесчестного искателя почетного благоденствия. Когда мы дошли до низу лестницы, то он сказал мне: «Ведь это мысль самого государя, я никогда бы не имел смелости ее предложить. Резолюцию я вижу сегодня в первый раз!»

Уставив в него взгляд, я сказал: «Вы видели ее в четверг». *Граф Толстой*: «Да, да, ну так сегодня это второй раз!»

На этом мы расстались. Я поехал к великому князю, который ожидал меня в смущенном нетерпении и встретил словами: «Я велел закладывать и хотел ехать к вам, будучи уверен, что государь наговорил вам таких неприятностей, что вы слегли в постель». Передаю ему в общих выражениях происходившее.

<...>

1890 год

<...>

30 [апреля]. Понедельник. У великого князя Михаила Николаевича приблизительно такой разговор.

Я: «Вы знаете, ваше высочество, что я не могу довольно благодарить вас за те отношения, кои вам угодно было установить в отношении меня, но это самое с вашей стороны благорасположение обязывает меня к наибольшему высказыванию правды относительно лежащих на мне служебных дел. За последнее время ведение дел в Государственном совете становится все труднее и труднее.

Разумеется, Совет должен сообразоваться с взглядами государя, но это для него невозможно, потому что он их не знает. В прежнее время председатели обращались прямо к государю, излагали ему то, что считали нужным, вы в нынешнем году ни разу этого не делали, несмотря на мои настояния; между тем происходит вот что: министры, как, например, то сделали в последнее время Делянов и Манасеин, вносят в Совет представления, кои обсуждаются в соединенных департаментах; здесь происходит разногласие, как с Манасеиным, тогда он забегает к государю и сообразно тому, что выпросит, меняет или не меняет свое мнение. С Деляновым еще хуже, он сначала согласился, потом пошел к государю и, как слышно, выпросил, чтобы число латинских уроков было снова увеличено до размера существовавшего в уваровское время. Это согласие, будто бы полученное от государя, сделано известным чрез Дурново, и теперь Делянов после трехдневного труда Государственного совета опять ставит дело в первобытное положение. Вы понимаете, какое это впечатление производит на членов Совета. Когда я начинаю с ними разговаривать и упоминаю о том, что, вероятно, ваше высочество доложите об этом государю, то знаете ли, что мне теперь отвечают? “Да ваш великий князь совсем не то, что был великий князь Константин Николаевич; он никогда не решится ничего говорить”.

В этих условиях становится весьма трудно вести дело, и позвольте мне прибавить еще следующее, я совсем не понимаю вашего образа действий. Вы идете к полному отречению, и я очень опасаясь, что в один прекрасный день вы очутитесь в весьма неприятном положении».

Великий князь: «Что же это доказывает? То, что я совсем непригоден для этой должности. Что я и говорил государю при назначении. Я совсем не имею дара слова».

Я: «Извините, ваше высочество, вы имеете более словесных средств, чем половина членов Совета, но вся беда в том, что вы не решаетесь говорить пред государем. Поверьте, это должно изумлять его самого».

На этом наш разговор и кончился. Я мог бы прибавить, что зло лежит в том, что дела Совета его не интересуют и никаких наслаждений ему принести не могут. Выгоднее говорить о делах семейных, в особенности об устройстве судьбы своих сыновей.

<...>

1891 год

<...>

11 [апреля]. Четверг. По поезду 9½ часа утра еду в Гатчину <...>
В 12 ½ часа зовут меня. Разговор приблизительно следующий:

<...>

Переходя к делам, составляющим предмет моего доклада, испрашиваю дочери члена Государственного совета Редкина 1500 руб. пожизненной пенсии, потом докладываю о пожаловании нескольким чиновникам пособий на воспитание детей и, наконец, излагаю сущность письменного доклада, подписанного великим князем, относительно приглашения в Государственный совет для рассмотрения законопроекта об охоте лиц, специально знакомых с этим вопросом: великого князя Николая Николаевича младшего, сенатора князя Григория Голицына и управляющего Департаментом уделов князя Вяземского.

Государь выражает на это согласие, тогда я говорю ему приблизительно следующее: «Обыкновенно лица, приглашаемые в этих условиях, заявляют только свое мнение относительно технических сторон вопроса и затем в обсуждении дела не участвуют, голосов не подают и журналов не подписывают. Я думаю, государь, что всем предлагаемым здесь лицам могло бы быть предоставлено при обсуждении закона об охоте право голоса. Прежде всего здесь приглашается великий князь, затем позвольте мне высказать вам по обыкновению всю мою мысль с полной откровенностью. Вы изволите припомнить, что прошлою осенью вы разбирали, кого можно бы назначить членом Совета, и убедились, что никого из имевшихся в виду кандидатов нельзя было назначить. Действительно, найти людей, способных к обсуждению всех многочисленных и разнообразных дел, вносимых в Государственный совет, весьма трудно, но почему же не допустить, чтобы на обсуждение определенных вопросов были приглашаемы люди, имеющие специальные сведения, почему, например, если бы Совет был призван обсуждать формы землевладения, пользу замены общинного владения подворным, почему не привлечь к обсуждению каких-либо известных вам, государь, землевладельцев.

Правда, и теперь существует порядок приглашения экспертов, так, например, профессор Менделеев дает свое заключение при рассмотрении таможенных пошлин на химические продукты, но он не участвует в обсуждении вопроса, он не подает голоса, а эта неравноправность с членами Совета не может не отражаться на неза-

висимости и свободе высказываемых мнений. Наконец, не всякий и пожелает быть приглашенным в таких условиях».

Государь: «Ведь уже об этом бывали предположения прежде».

Я: «Да, но вовсе не в том смысле, в котором я говорю вам. Шла речь о приглашении лиц, избранных в среде земства. Я чужд конституционных, парламентских бредней. Я сегодня говорю вам, государь, в таком смысле, чтобы, так сказать, расширить вашу власть в отношении вашего Совета. Почему вы должны слушать советов, только исходящих от чиновников с медными пуговицами? Будто, кроме их, нет в России людей, могущих сказать полезное при обсуждении того или другого законопроекта слово».

Государь: «Хорошо, на этот раз можно будет им дать право голоса».

Я: «Я желал услышать от вас, государь, не имеете ли вы каких-либо указаний по важнейшим делам, ныне в производстве Государственного совета находящимся. У нас теперь идет рассмотрение тарифа».

Государь: «Министр финансов говорил мне, что при рассмотрении последующих статей он не ожидает таких возражений, как были заявлены в первое заседание».

Я: «Возражения предъявляются в особенности по тем статьям, кои, не представляя соображений о покровительстве какой-либо не существующей у нас отрасли промышленности, составляют всецело фискальную пошлину».

У нас есть еще проект об изменении городского положения, но до сих пор не получено заключений от министров, а между тем времени остается весьма мало. Желательно, чтобы в обсуждении этого закона участвовал старший Абаза, а вы знаете, государь, что с его огромными занятиями по Департаменту экономии он ни за что не остается после 1 июня, когда уезжает в Карлсбад».

Государь: «От кого нет заключения?»

Я: «От министров финансов и юстиции».

Государь: «Я им скажу».

Видя, что настаивать ни к чему бы не повело, хочу окончить свидание <...>

Потом разговор снова возвращается к делам Государственного совета, и, не припомню по какому поводу, государь ставит мне вопрос: «Почему же в среде Совета не высказываются такие мнения, как те, кои высказываю я?»

Я: «Потому, государь, что у нас в России всегда будет сильно слово того человека, который имеет к вам личный доступ. Почему в прошлое царствование Совет имел большое значение в делах? Потому, что великий князь Константин Николаевич лично высказывал государю свои взгляды и отстаивал взгляды Совета. Теперь этого нет. Члены Совета люди пожилые, понимающие, что им не по силам одержать

победу над министром, который при личном докладе изображает вам и самый вопрос, и советские прения, как заблагорассудится».

Государь: «Но ведь мнение членов доходит до меня в мемории».

Я: «Но может ли, государь, мертвая бумага бороться с живым словом. Вот почему, государь, я и решаюсь писать вам что мне бог на душу положит о вопросах, даже до меня прямо не касающихся, как, например, о порядке раздачи аренды».

Государь: «То, что вы мне писали об этом, было справедливо, исключая оценки заслуг лиц, коим аренды жалуются. Министр государственных имуществ представляет мне только о сумме, подлежащей раздаче, а оцениваю службу я сам».

Разумеется, на такое заявление отвечать было нечего. <...>

1892 год

<...>

29 [февраля]. Суббота. <...>

В соединенных департаментах рассматривается окончание проекта закона о городском положении. Разногласие происходит по вопросу о допущении евреев к участию в городском управлении. Проект допускает лишь, что в западных губерниях губернаторы будут назначать нескольких гласных из числа благонадежных евреев. Дурново пред заседанием шепчет на ухо каждому члену, что такова воля государя, а на заседании объявляет, что останется при этом мнении, хотя бы был один. Старший Абаза после продолжительных между остальными членами прений говорит, что вопрос получит окончательное решение, как государь решит его, но что здесь каждый из членов обязан высказать свое убеждение с полной откровенностью. Убеждение же его, Абазы, на этот раз противоречит мнению, высказываемому министром внутренних дел, потому что, хотя он, Абаза, и не приверженец, хотя он, напротив, не желает дать им в городском управлении преобладающего влияния, но достигнуть предполагаемых министром внутренних дел целей можно более разумными целями, а невозможно, выгнав евреев из деревень, согнав их в города, где они сосредоточили все свои имущественные интересы, лишить их всякой возможности защищать эти интересы²³.

<...>

3 [марта]. Вторник.

<...>

После заседания Общего собрания по обыкновению великие князья собрались в кабинете председателя, и здесь произошел следующий разговор.

Великий князь Михаил Николаевич, обращаясь к племянникам: «Вот, господа, вы бы послушали, какое у нас произошло разногласие в субботу».

Великий князь Алексей Александрович: «Да, я слышал о том и нахожу весьма нежелательным в этом еврейском вопросе ставить опять государя в такое положение, что он будет иного мнения, чем большинство его советников, министров».

Михаил Николаевич: «Да, говорят, что министр внутренних дел заранее испросил высочайшее повеление о том, как этот вопрос должен быть решен».

Алексей Александрович: «В таком случае он должен был объявить это».

Я, обращаясь к внимательно слушающему цесаревичу: «Да, если допустить такой порядок испрашивания высочайших резолюций прежде внесения дела в Государственный совет, то следует уничтожить самый Совет, который делается излишним».

<...>

12 [апреля]. Воскресенье. Получаю от государя обратно посланное мною ему письмо с надписью: «Могу принять вас сегодня в Зимнем в 2 часа».

Надеваю вицмундир, белый галстук, ленту и отправляюсь в Зимний дворец, куда государь приехал из Гатчины на 4 дня, как говорят, для разбора бумаг покойного своего отца.

Поднимаюсь по лестнице с салтыковского подъезда в самый верхний этаж, прохожу чрез какие-то шкафные уборные комнаты, в коих вижу разложенными предметы одежды, обувь и т. п. Останавливаюсь пред открытою дверью в комнату, в которой стоят государь с наследником и смотрят в окно на Неву. Так как еще до 2 часов не хватает нескольких минут, то я, пользуясь тем, что меня не заметили, не вхожу, а остаюсь в смежном покое. В 2 часа меня зовут к государю. Он встречает меня по обыкновению весьма любезно, и между нами происходит приблизительно следующий разговор.

Я: «Позвольте мне благодарить вас, государь, за то, что вам угодно было при ваших огромных занятиях исполнить частную просьбу одного из 100 млн. ваших подданных и принять меня, как я Вас о том просил». (В это время я вижу в глазах его некоторое беспокойство о том, в чем именно может заключаться моя просьба.)

Я продолжал: «В 9½ лет пребывания моего в должности государственного секретаря я нередко приходил к вам, государь, с весьма стесненным сердцем. То же самое происходит со мною и сегодня. Я не могу довольно благодарить ваше величество за ту снисходительность, с которою вам всегда угодно было меня выслушивать, и потому

мне еще труднее высказать вашему величеству мою просьбу. После 41 года службы, после скоро 10-летнего исполнения обязанностей государственного секретаря я чувствую, что силы мои делаются недостаточными для дальнейшего несения этих обязанностей, и я пришел как милости просить вас освободить меня от них. Связанная с исполнением их механическая работа так велика, что делается для меня решительно непосильною».

Государь: «Да, это весьма ответственная обязанность».

Я: «Я никогда не боялся и не боюсь ответственности, но боюсь недосмотреть, боюсь промаха, которого в течение 10 сессий не было».

Государь: «Я совершенно это понимаю и ничего против не имею».

Я: «Я желал бы лишь одного, чтобы в мыслях ваших не было ни в каком случае подозрения, что я не хочу по каким бы то ни было причинам более служить вам; желал бы, чтобы вы на меня за это нисколько не сердились».

Государь: «Уверю Вас, что я нисколько не сержусь».

Я: «Во всяком случае, я хотел лишь сегодня получить ваше согласие, но, разумеется, не поставлю вас в затруднение заменять меня среди законодательной сессии. Я останусь до наступления каникул, и тогда у вашего величества будет 4 месяца времени для избрания преемника».

Государь: «А вы кого бы мне рекомендовали?»

Я: «Я никого иного не могу рекомендовать, как ближайшего своего сотрудника Шидловского, воронежского помещика, который служит здесь 26 лет, в том числе 10 лет статс-секретарем, провел все самые крупные финансовые законы последнего времени; человек высокодаровитый, благородный. В случае назначения его ничего не изменится в ходе дел Государственной канцелярии и я останусь по-прежнему, коли прикажете, ближайшим участником в направлении дел; изменения не будет никакого, только я освобожусь от непосильного мне физического труда».

Государь: «Не говорите никому о всем этом; иначе я подвергнусь разным проискам и ходатайствам о назначении на ваше место».

<...>

В заключение аудиенции государь спрашивает меня, знаю ли я те комнаты, в коих мы находимся? Отвечаю, что помню, как в них жил великий князь Алексей Александрович.

Государь: «Это была квартира моего деда, и я постарался собрать во всевозможных кладовых мебель, прежде здесь находившуюся».

Мебель эта состоит из тяжеловесных столов, кресел, диванов из карельской березы. Это светлое, почти белое дерево, в столь простых, непричудливых формах, эти невысокие комнаты с большими,

смотрящими на Неву полными света окнами, составляют весьма характерную и согласную с его собственной личностью рамку живущего среди них человека. Он как-то особенно доволен этой обстановкою и, встав с кресла, показывает мне соседнюю комнату (угловую), убранную в том же роде.

Отдавая ему прощальный поклон, говорю: «Ну вот, и еще раз пришел к вам с стесненным сердцем, а уйду исполненный благодарности». Я мог прибавить: «И радости, что отделался от положения, делавшегося невыносимым». Мои предшественники имели в председателе Совета человека, близкого к государю, говорившего о делах и противодействовавшего выходкам министров, неизменно стремящихся сделать из Совета пассивное место регистрации законодательных импровизаций разных директоров департаментов и столоначальников. Великий князь Михаил Николаевич на это неспособен, во-первых, потому, что несведущ в делах и к ним довольно равнодушен, а во-вторых, потому, что его занимают при разговорах с государем преимущественно дела семейные, и в особенности улучшение быта многочисленных его сыновей; если остается минута времени и капля авторитета, то они идут на артиллерию и на спорные между военным министром и товарищем фельдцейхмейстера Софиано артиллерийские вопросы. На долю Совета ничего не остается, я силился писать, но бумага все терпит, не исключая и безмолвного лежания, от времени до времени мне удавалось говорить с государем лично, но все это делалось урывками и сопровождалось весьма ничтожными результатами.

А между тем в это провозглашающее девизом восстановление дворянства царствование, все плотнее и плотнее сколачивается кучка поповичей, семинаристов, бурлаков, жадных проходимцев, которые морочат бедного владыку и добиваются разорения всего, что выше их, добиваются неприкосновенности диких стадных форм существования серой толпы, не желая знать ни истории, ни политической экономии, ни какой бы то ни было науки, развивающей, совершенствующей дух человеческий, ставят идеалом русской политической жизни мнимую самобытность, выражающуюся поклонением самовару, квасу, лаптям и презрением ко всему, что выработала жизнь других народов. Идя по этому пути, разыгрывается травля против всего, что не имеет великорусского образа; немцы, поляки, финны, евреи, мусульмане объявляются врагами России, без всяких шансов на примирение и на совместный труд. Лютая, крошечная в сердце всякого животного вражда обрекает на смерть все иноверное и иноплеменное, все могущее претендовать на превосходство, забывая, что пред всякою смертью бывает предсмертная борьба, и дай бог, чтобы то была война не смертельная.

Облеченные властью представители подобных животных, чуждых культурным влечениям, невежественные в оценке государственных политических идеалов, осуществления коих добивались мудрейшие из правителей русской земли, видят во мне представителя совсем иных взглядов и каждый день более и более на меня наступают. Я не боюсь борьбы, но не безрассуден в такой степени, чтобы кулаками драться против железа.

Благоразумие требует удалиться.

<...>

1 июля. Получаю телеграмму от великого князя Михаила Николаевича, извещающую, что государем подписан указ о назначении меня членом Государственного совета.

<...>

30 [ноября]. Понедельник.

<...>

Как понизился умственный и нравственный уровень этого Совета за те последние 10 лет, что я сижу в стенах его! Невольно вспоминаешь те годовичные бюджетные заседания, когда Бунге в исполненной науки и скромности речи перечислял трудности, с коими приходилось иметь дело, но рядом с тем указывал и на средства, к коим полагал прибегнуть; Абаза с истинно государственным взглядом останавливал внимание на главных чертах бюджета, громил нашу задолженность, проповедовал бережливость; Рейтерн с неподдельной искренностью высказывал истины, не имевшие, правда, ничего блестящего, но кои всегда полезно напоминать людям, власть имеющим; Сольский блестяще, красно, утонченно, вежливо силился малевать розовые картины, преследуя неизменно желание нравиться, но делая это в приличной форме; Головнин, изучив внимательно роспись, выступал с замечаниями не всегда дальновидно политическими, но всегда честными, благонамеренными.

Как все это далеко от легкомысленного подобострастия, от нетесанных выходов, отличающих новых деятелей!

<...>

И. К. ЯНЧЕНКО

Правительственная деятельность Александра III в Гатчине. Исследования и материалы

<Фрагменты>

<...>

Самодержавие Александра III (централизация власти)

С апреля 1881 года Гатчинский дворец становится центром правительственной деятельности: здесь Александр III проводит ряд совещаний, принимает «всеподданнейшие доклады» министров; здесь утверждает новые назначения и подписывает свои решительные резолюции; здесь же Александр III подписывает мемории¹ Государственного совета и журналы Комитета министров.

Значение Государственного совета при Александре III весьма умаляется. По «Учреждению Государственного совета», изданному в 1886 году, из ведения его официально исключаются: дела, предоставленные непосредственному докладу министров, «дела, кои подлежат соображениям Комитета министров» и дела, идущие непосредственно на «высочайшее усмотрение» от Адмиралтейств-совета или Военного совета. Кроме того, в ряде случаев утверждение новых законопроектов проходит помимо Государственного совета под тем или иным предлогом (вроде чрезвычайной спешности дела или временности назначаемых мер), например, циркуляр генерал-губернаторам о возможности применения телесных наказаний в исключительных случаях или утверждение временных правил о печати (см. дальше).

В историческом обзоре деятельности Государственного совета за 100 лет (1801–1901) упоминается о двух случаях, когда Александр III согласился с мнением одного члена. Один из таких случаев произошел в 1892 году: император согласился с «особым» мнением Победоносцева «о преждевременности учреждения женского меди-

цинского института в С.-П-ге» (см. письмо Победоносцева Александру в Гатчину по этому вопросу с пометой Александра III: «Совершенно разделяю Ваше мнение, я всегда был и буду против этого ложного направления высшего женского образования». Письма, I, 347–348)².

Таким образом, Государственный совет при Александре III был чрезвычайно далек от первоначального своего назначения — быть единственным местом рассмотрения законодательных вопросов, так как предлагалось, что никакой законопроект не будет ни утверждаться императором без обсуждения его в Совете, ни представляться государю мимо Совета. Старая формула утверждения императора — «вняв мнению Государственного совета», изъятая еще при Николае в 1842 году, окончательно была позабыта при Александре III, когда зачастую утверждалось мнение меньшинства в форме именного указа. В первые же дни «гатчинского затвора» Александр достаточно ясно продемонстрировал свое отношение к Государственному совету в резолюции по первому же серьезному законодательному вопросу, обсуждавшемуся в Совете по делу об уменьшении выкупных платежей с бывших помещичьих крестьян. «Государь решил согласно с мнением трех членов соединенных департаментов (Игнатьева, Островского и Победоносцева) против большинства и вопреки единогласного мнения общего собрания. Такое решение произвело общее смущение и удивление... Великий князь Константин Николаевич сегодня же вечером уезжает в Крым. Он не скрывает своего негодования, хотя не теряет еще надежды на лучшие времена. — Теперь же, — сказал он мне, — человек, себя самого уважающий, не может оставаться здесь» (Милютин. Дневник. 11 мая 1881 г., стр. 21–22)³. Таким же утверждением мнения меньшинства была, например, резолюция Александра III на мемории общего собрания Государственного совета от 16 января 1889 года по проекту положения о земских начальниках: «Соглашаясь с мнением 3 членов, желаю, чтобы мировые судьи в уездах были упразднены, для того чтобы обеспечить нужное количество надежных земских начальников в уезде и облегчить уезду тяжесть платежей. Часть дел мировых судей может перейти к земским начальникам и в волостные суды, а меньшая часть, более важные дела, могли бы отойти к окружным судам. Во всяком случае непременно желаю, чтобы эти изменения не помешали окончанию рассмотрения проекта до летних вакансий. 12 января 1889 года»⁴ (А. В. П. К. и Б.⁵ фонд Гос. Совета. Дело о введении института земских начальников, стр. 853).

Так состоялось утверждение одного из наиболее мрачных и реакционных законоположений, утверждение «невозможного ни в одном культурном государстве смещения власти административной с властью судебной... принесшего много вреда России. Но самый большой вред заключается в том, что его (инст. земских начальников) в настоящее время

не решаются уничтожить, потому что в этом институте видят опору порядка, опору консерватизма» (Витте. Воспоминания, т. III, стр. 245)⁶.

Утверждение института земских начальников в 1889 году завершило «здание» контрреформ; оно явилось окончательным закреплением реакционных принципов политики Александра III. Вопрос о преобразовании местного управления был поставлен с первых же месяцев нового царствования. 30 октября 1881 года в Гатчине Александр утверждает предложение Комитета министров о передаче материалов ревизии сенатора Шамшина Саратовской и Самарской губернии в специальную новую «Комиссию по составлению проектов преобразования местного управления», под председательством члена Государственного совета статс-секретаря Каханова⁷ (А. В. П. К. и В. Журналы К. М.⁸ Окт. 1881 г. № 4189 «Особый журнал, К. М. 20 октября 1881 г., по внесенным Мин. вн. дел всеподданнейшим запискам Сенатора Шамшина о произведенной им ревизии Саратов. и Сам. губ.»). Каханова, бывшего товарища министра внутренних дел при Лорис-Меликове, люди консервативного лагеря упрекали в излишних либеральных тенденциях. Князь Мещерский (редактор журнала «Гражданин») в своих воспоминаниях рассказывает о своем письме императору, где он предостерегал Александра от злого либерализма в среде Кахановской комиссии, руководящейся стремлением «умалить и ограничить губернаторскую власть посредством усиления прав, влияния и деятельности коллегиальных учреждений и ослабить влияние в местной жизни земельного дворянства». Такое направление работ, конечно, не могло быть одобрено в Гатчине. С первых же шагов деятельности графа Дм. Толстого⁹ (верного выразителя гатчинских настроений) Кахановская комиссия оказалась в немилости — «начала умирать». Очевидно, как противоядие всем либеральным устремлениям комиссии, Толстой вводит в ее состав нового члена — уездного предводителя Симбирской губернии Пазухина, оказавшегося в дальнейшем автором проекта института земских начальников (см. по этому вопросу — Мещерский. «Мои воспоминания», ч. III). Еще до введения нового института земских начальников в 1889 году правительство Александра III провело ряд мер, фактически разрушающих основные положения земской реформы предыдущего царствования. Одним из характерных дел такого порядка является постановление К. М. о пределах власти генерал-губернаторов, подписанное Александром III в Гатчине 22 января 1882 года (А. В. П. К. и В. Журнал К. М. № 4228, январь 1882 г.).

Чрезвычайное значение при Александре III приобретает Комитет Министров, действующий всецело по «гатчинской» указке. Огромное влияние на заседания Комитета в решении вопросов имели Победоносцев — первый обер-прокурор Св. Синода, назначенный членом

К. М., и Толстой. Во многих случаях Комитет из совещательного учреждения для предварительного обсуждения дел превращался фактически в законодательный орган, минуя (как ненужную формальность) Государственный совет и получая непосредственное утверждение императора для всех своих чрезвычайных и «временных» мер. Из дел по текущим вопросам всех частей министерского управления в первую очередь подлежали рассмотрению Комитета дела, «относящиеся до общего спокойствия и безопасности» (сюда же входили с 1872 г. дела по запрещению книг периодических изданий). Особенное значение разбор дел такого содержания приобретает в первые годы царствования Александра III. Огромное большинство дел в журналах К. М., еженедельно доставляемых в Гатчину Александру, занято разработкой предупредительных и карательных мероприятий, предлагаемых представителями министерств для «утверждения» самодержавия.

14 августа 1881 года было издано, разработанное К. М., «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», как чрезвычайная, но временная мера, необходимая после 1 марта для «успокоения умов» и укрепления «законного порядка». Однако фактически мера эта действовала для многих губерний и городов до конца царствования Александра III. Все ежегодные ходатайства министерства внутренних дел и отдельных генерал-губернаторов и градоначальников о продлении срока действия Положения 14 августа 1881 года разбирались и неизменно утверждались на заседаниях К. М. и получали силу действующего узаконения в Гатчине «собственноручной пометкой» Александра на очередном журнале: «Исполнить».

По этому Положению города и губернии объявлялись на положении усиленной или чрезвычайной охраны с предоставлением генерал-губернаторам всей полноты власти; дела о государственных преступлениях слушались при закрытых дверях в судебной палате или в военных судах. 4 ноября 1888 года¹⁰. Александр подписывает трактующий о расширении репрессивных мер Положения «Особый журнал К. М., 10 ноября 1881 г., по представлению Мин. Юстиции, об изменении ст. 17 Высочайше утвержденного 14 августа сего года Положения о мерах к охранению гос. порядка и общ. спокойствия». Резолюция Александра гласит: «Исполнить. 14 ноября 1881 г. Гатчина».

В первую очередь эти чрезвычайные меры были применены в столице и ряде крупных промышленных центров («опасных для распространения социально-революционной пропаганды»). Характерен для содержания заседаний К. М., посвященных этим вопросам, «Особый журнал К. М., 23 августа 1883 г., по представлению Ми-

нистра Вн. Дел., о продлении срока действия исключительных мер, указанных в Положении об охране гос. порядка, и о распространении Положения усиленной охраны на г. Саратов с его уездом». Излагая соображения министра, журнал записывает: «...за сим, Мин. Вн. Дел заявляет, что мероприятия принимавшиеся в течение минувшего года в силу предоставленных местным властям чрезвычайных полномочий, сопровождались последствиями для интересов государственного порядка, так как посредством сих мероприятий представилось возможным в должной мере оградить общественное спокойствие и вселить в неблагонадежных элементах населения убеждение, что правительство твердо решилось положить предел их разрушительной деятельности и что потому всякая попытка с их стороны произвести серьезное нарушение порядка не останется без строгого взыскания. В виду сего... начальства ходатайствуют о продлении на будущее время полномочий, содержащихся в Положении 14 августа 1881 года... Независимо от сего, Саратовский губернатор ходатайствует об объявлении в положении усиленной охраны г. Саратова с уездом и г. Царицына. В оправдание своего ходатайства губернатор ссылается на то обстоятельство, что г. Саратов, как показывают производимые о государственных преступлениях дознания, служил убежищем для лиц, поставивших себе целью действовать на доступные социально-революционной пропаганде классы населения; пригородная же часть Саратовского уезда заставляет обращать на себя особое внимание вследствие легкости для лиц политически неблагонадежных избирать окрестные местности местом для своего жительства или сборищ...» Комитет утвердил представление министра внутренних дел; 27 августа 1883 года Александр подписывает журнал: «Исполнить» (А. В. П. К. и В. Журнал К. М. Август 1883 г. № 4322). В «Особом журнале К. М. 1 июня 1882 г., по представлению бывшего министра вн. дел, об объявлении некоторых местностей Нижегородской губернии в положении усиленной охраны» главным соображением министра и губернатора, представленным в защиту своего ходатайства, оказалось то обстоятельство, что «в расстоянии 5 верст от ярмарки в деревне Сормове (Балахнинского уезда) расположен железодельный и вагоностроительный завод, на котором, как ныне обнаружилось, служат несколько лиц, крайне сомнительных в политическом отношении...» (А. В. П. К. и Б. К. М. Июнь 1882 г. № 4240). Такое же утверждение представлений о продлении срока действия Положения 14 августа 1881 года, или введения его в новых местностях проходит через многие журналы Комитета за годы царствования Александра III. Например, «Особый журнал К. М., 15 марта 1883 г. по представлению М. В. Д., ... о продлении срока действия Положения об усиленной охране в Севастопольском Градоначальстве и Николаевском Военном

Губернаторстве» с резолюцией Александра III: «Исполнить. 18 марта 1883 г. Гатчина» (дело № 4305); или «Особый журнал К. М., 16 апреля 1885 г., по представлению управляющего М. В. Д. об объявлении местностей, подчиненных Кронштадтскому Военному Губернатору, в положении усиленной охраны» с резолюцией Александра III: «Исполнить. 18 апреля 1885 г. Гатчина» и т. п.

Непосредственным продолжением и развитием чрезвычайных мер, предложенных Положением 14 августа 1881 года, является проект «Положения о полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению административных властей», утвержденный К. М. 9 марта 1882 года и подписанный Александром в Гатчине 12 марта 1882 года. В этом деле, исключительно характерном для значения К. М. при Александре, важнейшее законоположение устанавливается помимо Государственного совета под предлогом безотлагательности применения мер, предлагаемых проектом <...>. Собственно говоря, этот проект должен был только узаконить тот ужасающий произвол административной ссылки и незаконный, ничем не ограниченный гнет полицейского надзора, которым правительство Александра III отвечало на рост революционного сознания и революционного движения внутри страны. В этом же смысле чрезвычайно любопытным и колоритным является «Особый журнал К. М., 20 февраля 1885 г., по представлению М. В. Д., с объяснением сведений по высочайшей отметке, последовавшей во всеподданейшем отчете за 1883 год Полтавского губернатора, по вопросу о применении телесного наказания при подавлении народных волнений. В изложении дела министр внутренних дел приводит соображения Полтавского губернатора «по убеждению которого, кроме мер, указанных в законе, было бы целесообразно допустить при усмирении народных волнений применение, по усмотрению и с разрешения губернатора, телесного наказания, как быстро действующего средства устрашения». Сам «действительный тайный советник граф Толстой признает, что при известных условиях времени, места, характера волнующегося населения и самого волнения, телесное наказание может оказаться единственной целесообразной мерой... Поэтому министр внутренних дел, не усматривая необходимости в изменении действующих узаконений согласно предположениям Полтавского губернатора, полагает, однако, полезным дать по этому поводу губернаторам соответствующее циркулярное разъяснение». Комитет «вполне присоединяется к мнению действительного тайного советника графа Толстого»; Александр утверждает мнение Комитета обычным: «Исполнить. 3 марта 1885 г. Гатчина» (А. В. П. К. и Б. Журналы К. М. февраль 1885 г., № 4445, опись № 46; <...>).

Личные воззрения Александра III на возможность применения телесного наказания достаточно хорошо известны; для примера

можно привести его отметку на полях отчета 1884 года о состоянии Тверской области, где губернатор рассказывает о применении военной экзекуции к туземному населению (оправдываясь в незаконном действии): «Это весьма успешно и разумно». После циркуляра, разосланного всем губернаторам в 1885 году, такого рода «успешные и разумные» действия оказались узаконенными.

Используя испытанные средства «усмирения» в случаях стихийного проявления народного возмущения, правительству Александра пришлось задуматься и над новыми формами репрессий для борьбы с развивающимся организованным рабочим движением. «Но рабочее движение продолжало расти, охватывая все новые и новые районы. 80-е годы дают большое количество стачек. За пятилетие (1881–1886 гг.) было более 48 стачек с 80 тысячами бастовавших рабочих» (История ВКПб, 1938 г., стр. 9). Ограничиться в расправах с рабочими после таких стачек одним телесным наказанием оказалось невозможным, хотя пристрастие Александра III к этой мере воздействия заставляло его рекомендовать применение ее в таких случаях: «Если возможно было бы главных зачинщиков хорошенько посечь, а не придавать суду, гораздо было бы полезнее и проще» — пометка Александра III 12 мая 1883 года на докладе министра внутренних дел Д. Толстого о рабочих волнениях в Ростове-на-Дону (приведено в сборнике «Музей революции» 1923 г. № 1). Как известно, в 1886 году правительство вынуждено было издать закон 3 июня о правилах внутреннего распорядка, о штрафах, о расценке и т. д., закон «отвоеванный русскими рабочими у полицейского правительства» — «своего злейшего врага» (Ленин, т. II, стр. 131). Но уже и раньше — еще в самом начале царствования — эта необходимость как-то урегулировать «рабочий вопрос» вставала перед правительством. 17 ноября 1881 года на заседании К. М. слушалось дело «об учреждении временной комиссии по фабричным делам при санкт-петербургском обер-полицмейстере». Журнал Комитета был доставлен Александру в Гатчину и здесь утвержден: «Исполнить. 27 ноября 1881 г. Гатчина», (А. В. П. К. и Б. Журн. К. М. 1881 г. № 4192, ноябрь). Временная комиссия должна была разбирать конфликты между рабочими и фабрикантами, а главное, предупредить их».

Борьба с просвещением

<...>

Главная задача — всевозможными способами сдерживать культурное движение России вперед — была однажды прямо высказана Толстым, сравнившим Россию с четырьмя фигурами коней на Аничковом мосту, которых за узды удерживают «для их же блага» «бла-

городные юноши», иначе они упали бы в пропасть. Первым из этих «благородных юношей» был, конечно, сам Александр.

Больше всего хлопот, после разрешения всех «проблем» по общим вопросам народного образования, доставляли «благородным юношам» периодическая печать и вообще всяческая печать. В этом отношении чрезвычайно любопытный материал дают дела в А. В. П. К. и Б. по «Всепоподданнейшим докладам министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати».

6 августа 1882 года, на маневрах под Гатчиной, Александр утверждает «всепоподданнейший доклад» министра внутренних дел Толстого о временных правилах для печати. В своем докладе, настаивая на «неотлагательной потребности» введения временных правил, Толстой предлагает передать рассмотрение этих правил непосредственно в Комитет министров: «...внесение их в Государственный совет повлекло бы замедление на несколько по крайней мере месяцев, я, по бывшим примерам, имею счастье испрашивать высочайшего вашего императорского величества соизволение на рассмотрение этих правил в Комитете министров для немедленного приведения в исполнение положения, которое по сему последует, Комитета (см. прил. № 5-а). Соизволение последовало 27 августа 1882 года. Положение К. М. вводило в практику исключительные по своей откровенной реакционности правила о печати: было создано особое совещание из министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора св. Синода, которое могло решать вопросы о совершенном прекращении периодических изданий (без передачи в судебные инстанции или на заседания К. М.) после третьего предостережения и могло требовать предварительной цензуры у редакторов, получивших временные взыскания. Эти «временные правила» 1882 года вместе с бесчисленными циркулярными запрещениями фактически совершенно зачеркнули все законоположения поры реформ 60-х годов. Так, в 1884 году, по заключению особого совещания четырех министров, был закрыт журнал «Отечественные записки», казавшийся особенно опасным правительственной реакции с той поры, как во главе редакции стал Салтыков-Щедрин. Наибольшим придиркам и цензурным запретам в этом журнале подвергались произведения самого Салтыкова-Щедрина. <...>

Пожалуй, на втором месте по количеству преследований и цензурных взысканий за «ложное и предосудительное направление мыслей» стояла в эти годы газета «Московский телеграф». 26 марта 1882 года в Гатчине Александр III слушает «всепоподданнейший доклад» министра внутренних дел о третьем предостережении газете «Московский телеграф» с приостановлением издания на четыре месяца. Газете, известной своим, в сущности, чрезвычайно умеренным либеральным

направлением, были поставлены в вину «высказывания, клонящиеся к восстановлению общественного мнения против основных начал нашего государственного строя» и помещение «отзывов по учебному делу, способных вызвать смуту и раздражение в среде учащегося юношества». На докладе министра «собственною его величества рукою начертано»: «Одобряю». Уже в ноябре этого же года, через три месяца по восстановлению, газета снова получает «первое предостережение» за «прежнее предосудительное направление», указывающее «на необходимость у нас представительных учреждений». На «всеподданнейшем докладе» Дм. Толстого пометка Александра: «Жаль, что разрешена была снова эта дрянная газета — 26 ноября в Гатчине». 16 декабря 1882 года, в Гатчине же, Александр «одобряет» всеподданнейший доклад Д. Толстого «о воспрещении розничной продажи газеты “Московский телеграф”» за фельетон, позволивший себе «глумиться над выраженным консервативными органами печати желанием “сильной власти” и над направлением правительственной деятельности по надзору за печатью». Для двухнедельной газеты «воспрещение розничной продажи» было, конечно, равносильно фактическому ее закрытию. В начале 1883 года газета «Московский телеграф» перестала существовать (См. прил. № 6, 7, 8; А. В. П. К. и Б., «Всеп. доклады Мин. вн. дел по Гл. Управл. по делам печати 1882 г., листы 13 и 14, 42, 52).

Не меньшим цензурным гонениям («Одобряемым» в гатчинском кабинете) подвергалась и провинциальная периодическая печать. В октябре 1882 года издание газеты «Самарский справочный листок» приостанавливается на 8 месяцев. В своем докладе Александру министр внутренних дел, объясняя причины столь сурового наказания, обвиняет газету «в предосудительном направлении и вредном влиянии на местное общество». «Такое направление этого издания, — по мнению Толстого, — выразилось с особенной резкостью и определенностью в передовой статье № 226, от 20 текущего октября, в которой проводится мысль, что вся тяжесть и все бедствие переживаемого нами времени проистекают от того, что восторжествовала партия консерваторов, желающих возвратиться едва ли не ко временам царствования Ивана Грозного, когда царили кнут и кулак». Дальше, излагая содержание передовой статьи, Толстой докладывает, что «за образец, по мнению автора, следует брать запад и идти за ним вперед, а не возвращаться к прошлому, якобы самобытному, России, так как последняя сама по себе, для своего обогащения, кроме кнута и самовара, ничего не родила». В конце своего доклада Толстой предлагает, очевидно, как суровейшую меру наказания, после истечения 8 месяцев «перенести цензурование этого опасного издания в Московский цензурный комитет. На полях доклада Толстого пометка Александра: «Какая мерзость — 28 октября 1882 г. в Гатчине» (см. прил. № 9).

Тяжесть цензурного гнета особенно хорошо чувствуется в ряде более мелких инцидентов между периодикой и министерством внутренних дел. Можно только поражаться, как часто мелочные и незначительные эпизоды этой «войны» оказываются содержанием «всепоподданнейших докладов» министра в Гатчине, неизменно «удостаивавших» «высочайшего» одобрения. Интересен в этом отношении доклад Толстого 10 января 1882 года в Гатчине «о приостановлении издания газеты “Порядок” на один с ½ месяц». Газеты не имели права давать какие бы то ни было сведения, касающиеся земских и думских постановлений, «без предварительного разрешения подлежащей власти». «8 января в № 7 газеты “Порядок” помещен не только не разрешенный подлежащей властью, но уже и запрещенный московским губернатором к напечатанию в московских изданиях отчет о заседании Московской городской думы 4 января и постановление этой думы о возбуждении ходатайства об отмене обязательных постановлений московского генерал-губернатора относительно дворников...» На полях доклада пометка Александра: «Совершенно одобряю. 10 января 1882 г. в Гатчине» (см. прил. № 10).

Если таким стеснениям и репрессиям подвергались разрешенные к печати периодические издания, то еще в значительно большей степени от всей этой политики «возвращения к временам Ивана Грозного» страдали отдельные представители русской культуры — живые люди. Все больше люди большой русской культуры того времени казались вредным, сомнительным и ненужным элементом в «законном и истинном» порядке, охраняемом «Гатчинским штабом». Негласный надзор полиции был учрежден почти поголовно над всеми выдающимися деятелями этого периода. Известно, что негласный полицейский надзор над Л. Н. Толстым, учрежденный по распоряжению московского генерал-губернатора в 1882 году был снят только в 1886 году. Но подозрительное отношение к гигантской фигуре Толстого сохраняется, конечно, и в дальнейшем. Особенно обострилось это внимание царской полиции к Л. Н. Толстому в «страшный год» голода¹¹, в связи с деятельностью Л. Н. по помощи голодающим крестьянам (см. статью в журн. «Былое» 1918 г. № 9, кн. 3, март, — «Л. Н. Толстой и департамент полиции» В. Н. — ский). В департаменте полиции хранится большое двухтомное дело «О писателе графе Л. Н. Толстом», которое открывается двумя справками о «происхождении» Л. Н. Толстого по делам департамента полиции, составленными в 1892 году и озаглавленными «Свод разновременно поступивших указаний на вредное в политическом отношении направление писателя графа Льва Толстого». В «деле» Толстого все время чувствуется желание предотвратить «могущие быть нежелательные толки и последствия», которых правительство боялось больше всего. С Л. Н. Толстым нельзя было

не считаться. Хуже приходилось людям с менее известным именем. Короленко, сосланный в Вятскую губернию (а затем в Пермскую) еще при Александре II в 1879 году за подозрение в сношениях с революционными деятелями, в 1881 году сразу почувствовал на себе проявление новой «твердой власти»: из Пермской губернии его услали на далекую окраину Восточной Сибири — в Якутский округ (за отказ давать вторичную присягу «как ссыльному»). Долгий путь якутской ссылки; полное бесправие и жестокие преследования полицейского произвола не сломили писателя; до последних дней самодержавия он остается «личностью неблагонадежной и очень подозрительной в политическом отношении» в глазах департамента полиции и самого царя. Осенью 1889 года Александр, познакомившись с некоторыми очерками Короленко, потребовал сведений о нем. 22 декабря 1889 года министр внутренних дел Дурново представил ему объяснительную записку, составленную по данным департамента полиции. На докладе Дурново Александр написал: «По всему этому видно, что личность Короленко весьма неблагонадежная, а не без таланта». Негласный полицейский надзор тяготеет над Короленко и после окончания ссылки. 1892 год — страшный год русского голода — усилил эту тяжесть полицейского надзора настолько, что в 1893 году «негласный поднадзорный Владимир Короленко просит о выдаче паспорта для следования в Чикаго». Разрешение было дано, но... полицейскому агенту Сергееву при русском консуле Оларовском в Америке сообщалось о приезде писателя Короленко, «отличающегося противоправительственным образом мысли», «так как, может быть, находящиеся в Америке русские эмигранты воспользуются поездкою Короленко для различных противоправительственных демонстраций». По приезде Короленко в Америку, в августе 1893 года, в американской газете «New York Temps»¹² появилась статья, озаглавленная: «Одна из жертв царя». По изложению, сделанному в департаменте полиции, она заключала следующее: «Писатель Короленко рассказывает об испытанных им жестоких преследованиях. Будучи студентом университета, он был арестован и немедленно выслан в Якутск. Что им совершено, ему неизвестно, и никаких объяснений ему не было дано. Полагает, что он бы умер, если бы не крепкое здоровье» (см. статью в журн. «Былое» Ф. Покровского «В. Г. Короленко под надзором полиции. 1918 г. № 13, кн. 7, июль).

В свое время Герцен составил для николаевского царствования длинный мартиролог представителей русской культуры; для периода яркой реакции Александра III список «жертв царя» можно составить не меньший. «Пресекали» всякое новое разумное слово о движении вперед, пытались всеми средствами изгнать воспоминание о былых представителях революционной свободной мысли. В ноябре 1886 года

исполнилось двадцать пять лет со дня смерти Добролюбова. В газете «Биржевые ведомости» в № 314 появилась статья, посвященная памяти Добролюбова. Редакция шла на большой риск — одного упоминания имени Добролюбова было бы достаточно для весьма крупных неприятностей с цензурой, а здесь в статье автор позволил себе призывать именем Добролюбова на организацию всех сил для борьбы: «У всех у нас один и тот же враг, вечный исконный враг народного блага, народного труда, закона, правды и христианской любви». Всеподданнейший доклад министра внутренних дел об этом «возмутительном» событии в периодической печати Александр выслушивает в Гатчине 20 ноября 1886 года. На полях доклада его пометка: «Мерзкая статья, и какое нахальство напечатать такую статью в газете». Газете было объявлено «второе предостережение» (см. прил. № 11. А. В. П. К. и Б. Всеп. доклад мин. вн. дел по Г. Управл. по делам печати 1886 г., листы 8–10). Исключительно характерна для панического страха правительства перед всякой талантливой мыслью, хоть сколько-нибудь критической, судьба Вл. С. Соловьева, задохнувшегося в этом глухом мешке реакционного деспотизма и еще наивно верившего, что обращением к разуму и совести самого императора он может спасти себя от тупого преследования и интриг консервативной партии. Судьба Соловьева тем более характерна, что он и как историк и как философ был защитником монархического начала в истории России — ярким апологетом самодержавия. Но чем безусловнее было его убеждение в величии идеи царской власти, тем болезненнее он относился ко всем вопиющим жестокостям и несправедливостям, творимым в действительности этой властью. Первый удар по убеждению Соловьева и абсолютной истине и справедливости царского «разума» был нанесен ему в первые же месяцы царствования Александра III. В А. В. П. К. и Б., в фонде Мин. вн. дел хранится «дело о воспреещении профессору С.-П. Университета Соловьеву чтения публичных лекций» (опись № 1381, дело № 268, 1861 г.). Дело открывается донесением градоначальника Баранова министру внутренних дел Лорис-Меликову, в котором Соловьев обвиняется «в том, что во время своей публичной лекции» «О ходе просвещения в России», он не только упомянул, вопреки данному слову, о событии 1 марта, но и вдался в весьма неуместные рассуждения относительно значения и смысла смертного приговора над участниками преступления 1 марта». В конце дела приложено письмо Соловьева Александру в Гатчину, где он, предчувствуя все возможные доносы и интриги, последовавшие после его лекции, пытается апеллировать к справедливости царя, являвшегося, по его вере, «выразителем народного духа, носителем всех лучших сил народа». Яркое и страстное письмо Соловьева на Александра, нужно думать, ни в какой степени не подействовало. На листе «всеподданнейшего доклада» Лорис-

Меликова, сделанного в Гатчине, написано рукой министра: «Государь император, по всеподданнейшему докладу высочайше повелеть соизволил, чтобы г. Соловьеву, через посредство министра народного просвещения, сделано было внушение за неуместные суждения, высказанные им в публичной лекции, по поводу преступления 1 марта, независимо от сего, предложено было воздержаться на некоторое время, по усмотрению того же министра, от публичных чтений». «Подписал: Генерал-адъютант Лорис-Меликов 4 апреля 1881 года в Гатчине». <...> Это «некоторое время» продлилось до конца 90-х годов. «Внимание» Гатчины к Соловьеву, после этого первого инцидента, не ослабевает. Его горячие и талантливые проповеди «духовного освобождения» России, гневные, протестующие статьи против грубой принудительной системы прямолинейного обрусения окраин, против всей системы «анти-русского подражательного патриотизма» («христианство сохраняет национальность, но упраздняет национализм») заставляли правительство относиться к нему с особенной подозрительностью. Победоносцев держит Гатчину все время в курсе всех перипетий борьбы Соловьева, задыхающегося в атмосфере интриг, сплетен и притеснений, явно одобряемых кем-то сверху. В «Письмах и записках» Победоносцева опубликованы два письма Победоносцева в Гатчину Александру о «великих нелепостях» «безумного Соловьева» (письмо от 10 окт. 1888 г. на стр. 828 и письмо от 6 дек. 1890 г. на стр. 937–938). Письмо 1890 года Победоносцев начинает сообщением о «лукавой и нелепой агитации, поднятой в Лондоне о защите евреев от мнимого гонения будто-бы на них русским правительством», и дальше пишет о действиях «безумного Соловьева» в Москве, «вздумавшего собирать нечто вроде митинга для протеста против мер, принимаемых относительно евреев». Здесь пометка Александра: «Я уже слышал об этом, чистейший психопат».

Что слышал об этом Александр — можно установить по материалам, хранящимся в А. В. П. К. и В. в бумагах Главного управления по делам печати. Донос Победоносцева запоздал; еще 22 ноября в Гатчине Александр выслушал доклад министра внутренних дел И. Дурново «о действиях историка Соловьева» в связи с его «жалобой», присланной на «высочайшее имя». В своем докладе Дурново доказывает всю основательность и действительную необходимость «стеснения» вредной литературной деятельности Соловьева: «...Что касается Министерства внутренних дел, то по моему распоряжению журнал “Вестник Европы” подвергся административной каре за статьи Соловьева, явно направленные к колебанию основ церковной и государственной жизни России». Заканчивает доклад Дурново рассказом о неуместных действиях Соловьева по «европейскому вопросу», прекрасно зная, что уж в этом-то вопросе император наверняка не станет на защиту

писателя. (Известна знаменитая пометка Александра III на докладе одного губернатора о еврейском погроме: «Я, признаться, и сам люблю, когда их бьют».) «В последнее время дошло до моего сведения, что Соловьев сочинил протест против какого-то мнимого угнетения евреев в России и употребляет все старания, чтобы привлечь к подписанию его как можно более лиц, подвизавшихся на литературном поприще. Не сомневаясь, что подобная демонстрация может причинить только вред и послужить на пользу нашим недоброжелателям в Европе, старающимся искусственно возбудить европейский вопрос, я распорядился, чтобы означенный документ не появился на страницах наших периодических изданий». Против последних слов на полях доклада пометка Александра: «Очень хорошо» (Гатчина, 22 ноября 1890 г.). Письмо Соловьева, прочитанное Александром в Гатчине 18 ноября 1890 года (приложено к тексту доклада), оттаянная мольба о помощи совершенно затравленного человека: «Умоляю ваше величество возвратить мне отнятую возможность служить родине по мере сил на том поприще, к которому имею призвание и способность». «Стеснения», которым подвергался Соловьев, оказались чрезмерно жестокими: он был лишен и права лекций, и фактической возможности как-нибудь публиковать свои работы, он фактически вышел из числа живых, действующих людей. Пометка Александра на его письме — «Сочинения его возмутительны и для русских унижительны и обидны» — окончательно утвердила «законность» травли Соловьева <...>. Для Соловьева обращение к царю было последней надеждой. До письма Александру он обращался несколько раз к Победоносцеву. В письме 1890 года, убеждая обер-прокурора св. Синода отказаться от политики религиозных преследований и насильственного насаждения православия, он защищает правильность положений своего запрещенного реферата: «Вы знаете, что в моем реферате не было ничего непозволительного, и Вы его запрещаете потому только, то он мой. То же самое со статьями Грота и Толстого; когда кто-нибудь другой скажет “здравствуйте”, то это только учтивость, но когда то же самое приветствие произнесем мы с Гротом или Толстым, то это несомненно преступление. Ну, не до явного ли абсурда довели Вы свою систему?» (Письма, Записки. I, 970). К сожалению, Соловьев сам не мог понять, сколь абсурдно убеждать в этом Победоносцева и его ученика Александра. То, что казалось Соловьеву абсурдом в этой системе, было для гатчинского правительства единственным верным средством задержать ход истории и не допустить движения вперед. Насколько тяжело сказалась на Соловьеве вся эта «абсурдная система» травли и разочарование в возможности получить какую-то поддержку от царя, можно судить по возмущенному письму Николая Грота (проф. Моск. университета) Победоносцеву: «...Вл. С. Соловьев опасно заболел.

Если он умрет, то смерть его падет на голову “мошенников пера” и “разбойников слова”, которые приютились в редакции “Московских ведомостей”, бывшей газеты М. Н. Каткова... Смерть Соловьева, конечно, этим господам даром не пройдет, если сраженный интригой падет один из талантливейших писателей России». 5 ноября 1891 г. (Письма, I, 958).

<...>

Приложение № 5-а

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел о временных правилах для печати.

Высочайше утверждено 6 августа 1882 года.

В Красном Селе.

Граф Толстой.

Предместник мой генерал-адъютант граф Игнатъев признал необходимым введение некоторых временных правил для печати, впредь до изменения существующих цензурных постановлений, и входил по этому предмету в сношения с министрами народного просвещения и юстиции и обер-прокурором Святейшего синода, как наиболее заинтересованными в положении печати. Обер-прокурор Святейшего синода признал приведение в исполнение этих правил неотлагательною потребностью. Министр народного просвещения, не встречая никакого препятствия к осуществлению их, присоединил дополнения к ним, а министр юстиции предположил некоторые изменения: 1) к учреждению Высшей комиссии по делам печати из министров внутренних дел, народного просвещения и юстиции и обер-прокурора Святейшего синода...

Сверх того министр юстиции находит нужным рассмотрение этих правил в Государственном совете. Но, принимая в соображение, что правила эти временные и вызываются неотлагательною потребностью, как это признает и обер-прокурор Святейшего синода, а внесение их в Государственный совет повлекло бы замедление на несколько по крайней мере месяцев, я, по бывшим примерам, имею испрашивать высочайшее вашего императорского величества соизволение на рассмотрение этих правил в Комитете министров для немедленного приведения в исполнение положения, которое по сему последует, Комитета.

Граф Дмитрий Толстой.

28 июля 1882 г.

Всеп. доклады за 1882 г.

Гл. Упр. по делам печати.

Листы 30–33

Приложение № 6

Всепоподданнейший доклад министра внутренних дел.

О третьем предостережении газете «Московский телеграф».
«Одобряю».

Собственною Его Величества рукою начертано карандашом:
«Одобряю».

26 марта 1882 г.

Гатчино

Генерал-адъютант граф Толстой.

Принимая в соображение, что газета «Московский телеграф», несмотря на объявленные ей 9 и 10 января сего года предостережения вновь дозволила себе, в передовой статье № 80, высказать суждения, клонящиеся к восстановлению общественного мнения против основных начал нашего государственного строя, и в целом ряде заметок, особенно в фельетоне № 81, напечатать отзывы по учебному делу, способные вызвать смуту и раздражение в среде учащегося юношества и, сверх того, имея в виду, что сделанные в последнее уже время Московским генерал-губернатором личные внушения редактору «Московского телеграфа» не имели никаких последствий, обнаружив нежелание его подчиниться делаемым указаниям, — я, согласно заключению Совета главного управления по делам печати, признал необходимым объявить газете «Московский телеграф» *третье* предостережение, в лице издателя — редактора кандидата прав Игнатия Родзевича, с приостановлением издания на четыре месяца. О таком распоряжении моем долгом поставляю довести до высочайшего его императорского величества сведения.

Генерал-адъютант граф Толстой.

25 марта 1882 г.

Приложение № 7

Всепоподданнейший доклад министра внутренних дел.

О первом предостережении газете «Московский телеграф».
«Жаль, что разрешена была снова эта дрянная газета».

Собственною его величества рукою написано: «Жаль, что разрешена была снова эта дрянная газета».

26 ноября в Гатчине.

Граф Толстой.

Принимая в соображение, что газета «Московский телеграф», несмотря на третье предостережение, объявленное ей 26 марта сего года, с приостановлением издания на четыре месяца, по окончании срока приостановки, позволяет себе держаться прежнего предосудительного направления, за которое она была подвергнута этому взысканию, что

особенно выразилось в статье, помещенной в № 101, под заглавием «Дневник обыкновенного человека», указывающей на необходимость у нас представительных учреждений, — я, согласно заключению Совета главного управления по делам печати, признал необходимым объявить газете «Московский телеграф» первое предостережение, в лице издателя — редактора кандидата прав Игнатия Родзевича. О таком распоряжении моем долгом поставляю довести до высочайшего вашего императорского величества сведения.

Граф Дмитрий Толстой.
25 ноября 1882 г.

Приложение № 8

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел.

О воспрещении розничной продажи номеров газеты «Московский телеграф».

Рассмотрено его величеством 16 декабря в Гатчине.

Граф Толстой.

Газета «Московский телеграф», несмотря на объявленное ей 24 минувшего ноября первое предостережение, дозволила себе напечатать в № 122 фельетон, в конце которого, пользуясь тенденциозным подбором статей из других изданий, глумится над выраженным консервативными органами печати желанием «сильной власти» и над направлением правительственной деятельности по надзору за печатью.

Усматривая из этого, что газета «Московский телеграф», несмотря на только что наложенное на нее взыскание, не намерена вполне изменить своего предосудительного направления, я, согласно заключению Совета главного управления по делам печати, признал необходимым воспретить розничную продажу отдельных номеров этой газеты.

О таком распоряжении моем долгом поставляю довести до высочайшего вашего императорского величества сведения.

Граф Дмитрий Толстой.

15 декабря 1882 г.

По Главному управлению по делам печати.

Приложение № 9

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел.

О приостановлении издания газеты «Самарский справочный листок» на 8 месяцев.

«Какая мерзость».

Собственною Его Вел. рукою написано: «Какая мерзость».

28 октября 1882 г.

В Гатчине.

Граф Толстой.

Газета «Самарский справочный листок» в последнее время приняла предосудительный характер, который может иметь вредное влияние на местное общество. Такое направление этого издания выразилось с особенною резкостью и определенностью в передовой статье № 226, от 20 текущего октября, в которой проводится мысль, что вся тяжесть и все бедствие переживаемого нами времени проистекают оттого, что восторжествовала партия консерваторов, желающих возвратиться едва ли не ко временам царствования Ивана Грозного, когда царили кнут и кулак. Переходя затем к разрешению вопроса, как выйти из настоящего тяжелого положения, автор статьи говорит, что для этого единственный путь — вырвать с корнем и уничтожить в прах те вредные элементы нашей жизни, к установлению и укреплению которых стремятся приверженцы консервативной партии. За образец, по мнению автора, следует брать запад и идти за ним вперед, а не возвращаться к прошлому, якобы самобытному России, так как последняя сама по себе, для своего обогащения, кроме кнута и самовара, ничего не родила.

Ввиду такого вредного направления «Самарского справочного листка», я признал необходимым, на основании ст. 49 прилож. к ст. 4 (прим.) Уст. Ценз. по прод. 1876 г., приостановить издание этой газеты на восемь месяцев, а по истечении этого срока перенести цензирование этого издания в Московский цензурный комитет; независимо же от сего подвергнуть соответствующему взысканию (на полях пометка А. III: «Какому?») чиновника, цензующего «Листок» и дозволившего к печати передовую статью № 226.

О таком распоряжении моем долгом поставляю довести до высочайшего вашего императорского величества сведения.

Граф Дмитрий Толстой.

27 октября 1882 г.

Приложение № 10

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел.

О приостановлении издания газеты «Порядок» на один с ½ месяц.

Совершенно одобряю

Собственной его величества рукою начертано карандашом: «Совершенно одобряю».

10 Января 1882 г.

Гатчино.

Генерал-адъютант граф Толстой.

Распоряжением от 28 мая 1881 года редакторы бесцензурных периодических изданий были приглашены, на основании ст. 56 прилож. к ст. 4 (примеч.) Уст. Ценз. Св. Зак. т. X/V по прод. 1876 года, воздержаться от сообщения каких бы то ни было сведений, касающихся земских и думских постановлений, приговоров, адресов, а равно и отчетов о заседаниях оных, без предварительного разрешения подлежащей власти. Между тем в вышедшем сегодня, 8 января, № 7 газеты «Порядок» помещен не только не разрешенный подлежащей властью, но уже запрещенный Московским губернатором к напечатанию в московских изданиях отчет о заседании Московской городской думы 4 января и постановление этой Думы о возбуждении ходатайства об отмене обязательных Постановлений Московского генерал-губернатора относительно дворников и о сообщении подобных распоряжений на будущее время на предварительное заключение Думы.

Ввиду столь явного нарушения газетою «Порядок» правительственного распоряжения от 28 мая 1881 года и принимая в соображение вообще предосудительное направление этого издания, я признал необходимым, на основании статьи 56 прилож. к ст. 4 Уст. Ценз. по прод. 1876 г., приостановить выпуск в свет газеты «Порядок» на полтора месяца.

О таком распоряжении моем долгом поставляю довести до высочайшего вашего императорского величества сведения.

Генерал-адъютант
граф Толстой.
8 января 1882 г.

Приложение № 11

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел.

О втором предостережении газете «Биржевые ведомости».

«Мерзкая статья и какое нахальство напечатать такую статью в газете».

Собственно его еличества рукою написано: «Мерзкая статья...»
20 ноября.

Толстой.

В № 314 «Биржевых ведомостей» появилась статья по поводу двадцатипятилетия, истекшего со времени смерти Добролюбова, одного из главных представителей социально-демократического направления в нашей литературе. Статья эта явно рассчитана на то, чтобы возбудить сочувствие молодежи к проповедникам революционных учений, пользовавшимся в недавнем прошлом столь губительным влиянием на умы. Газета не находит достаточных по-

хвал для обнаруженной ими энергии. «Все эти люди», говорит она, «не прибегали к самоубийству», как поступают «многие современные бойцы», но все они «жгли своими глаголами человеческие сердца, терпели казни, заушения и все-таки шли вперед не останавливаясь, боролись пока хватало крови в сердце и соков в нервах». По словам «Биржевых ведомостей» деятельность их может служить лучшим примером для общества; преимущественно лица, подвигающиеся на журнальном поприще и руководящие общественным мнением, обязаны в виду могилы Добролюбова задать себе вопрос: «Куда мы идем, к чему стремимся, и куда должны идти и к чему должны стремиться?» «Кажется», продолжает автор статьи, «я выразился ясно и понять меня могут по крайней мере свои». Чтобы не оставалось никаких сомнений относительно его цели, он предлагает всем почитателям памяти Добролюбова сплотиться, организовать свои силы для борьбы. «У всех нас» восклицает он, «один и тот же враг, вечный исконный враг народного блага, народного труда, закона, правды и христианской любви». Можно сказать, что в последние годы наша периодическая печать совсем отвыкла от подобных возмутительных заявлений и тем более непростительна дерзость «Биржевых ведомостей». До сих пор и эта газета не решалась выражать открыто сочувствие революционным доктринам, но общее ее направление было далеко не безупречно и не раз вызывало строгие ей внушения. Поэтому я... признал необходимым объявить газете «Б. В.» второе предостережение...

Граф Дмитрий Толстой.

19 ноября 1886 г.

Приложение № 12

А. В. П. К. и Б.

Дело о воспреещении профессору С.-П. университета Соловьеву чтения публичных лекций. Опись № 38, дело № 268. 1881.

Листы 1 и 2 — Донесение С.-П. градоначальника Баранова министру внутренних дел Лорис-Меликову 30 марта 1881 г. № 6943: «Господину министру внутренних дел.

На днях в зале Кредитного общества состоялись две публичные лекции профессора С.-Петербургского университета Соловьева о ходе просвещения в России в настоящем столетии. Перед началом лекций г. Соловьев дал мне честное слово нисколько не касаться событий последних дней царствования в бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича, между тем, по дошедшим до меня сведениям, он 28 сего марта во вторую лекцию, не только упомянул, вопреки данному слову, о событии 1 марта, но и вдался в весьма неуместные

рассуждения относительно значения и смысла смертного приговора над участниками преступления 1 марта.

2. Соловьев был мною вызван и подал мне письменное объяснение. Находя поступок Соловьева крайне грустным, так как своею бестактностью он вызвал манифестации, хотя и незначительные, со стороны нескольких слушателей, а главное слушательниц, я считаю своим долгом упомянутое объяснение, а так же заявление полковника генерального штаба Андреева, одно из нескольких сделанных мне, представить на усмотрение вашего сиятельства.

Генерал-майор Баранов.

Листы 3 и 4 — письмо Соловьева Баранову.

«Ваше превосходительство,

Когда я просил о разрешении мне лекций, я заявил, что не буду говорить о политике. И я не говорил о политике. Все содержание моих лекций было религиозно-нравственное. Об самом событии 1 марта я не сказал ни слова, и о прощении преступников говорил только в смысле заявления со стороны Государя, что он стоит на христианском начале всепрощения, составляющем нравственный идеал русского народа. Заключение моей лекции было приблизительно следующее: “Решение этого дела не от нас зависит, не нам судить царей. Но мы (общество) должны сказать себе и громко заявить, что мы стоим под знаменем Христовым и служим единому Богу — Богу Любви. Тогда мы возможем духовно воссоединиться с нашим народом — тогда он узнает в нашей мысли свою душу и увидит свою жизнь в нашем свете”. Из 800 слушателей, разумеется, многие могли неверно понять и криво перетолковать мои слова. Я же с своей стороны могу сослаться на многих известных и почтенных лиц, которые, как я знаю, верно поняли смысл моей речи и могут подтвердить это мое показание.

С совершенным почтением имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга Влад. Соловьев.

P. S. После лекции один неизвестный мне господин настоятельно требовал, чтобы я заявил свое мнение о смертной казни, в ответ на это я и сказал, взойдя на эстраду, что смертная казнь вообще, согласно изложенным принципам, есть дело непростительное и в христианском государстве должна быть отменена».

Лист 5 — Донос полковника Андреева на лекцию Соловьева.

Листы 6, 7 и 8 — текст всеподданнейшего доклада Лорис-Меликова по делу о лекции Соловьева:

«Государь Император по всеподданнейшему докладу высочайше повелеть мне соизволил, чтобы г. Соловьеву, посредство министра народного просвещения, сделано было внушение за неуместные суждения, высказанные им в публичной лекции по поводу престу-

пления 1 марта и, независимо от сего, предложено было воздержаться на некоторое время, по усмотрению того же министра, от публичных чтений».

Подписали: Генерал-адъютант граф Лорис-Меликов.

4 апреля 1881 г. в Гатчине.

...Принимая во внимание, что профессор Соловьев дозволил себе в публичном чтении допустить крайне неуместные, при настоящих обстоятельствах, рассуждения, вызвавшие, хотя и незначительные, манифестации со стороны нескольких слушателей, а главное слушательниц, чем возбудил в среде их превратные толкования, он должен был бы подлежать строгому взысканию, заключающемуся не только в лишении носимого им профессорского звания и воспрещении публичных чтений, но и в удалении из С.-Петербурга.

Но имея в виду, что Соловьев сын недавно умершего знаменитого ученого и, по отзыву сведущих людей, отличается строго аскетическим образом жизни и склада убеждений, мне казалось бы возможным на первый раз ограничиться строгим ему внушением, с воспрещением на некоторое время дальнейшего чтения публичных лекций...

<...>

В. Н. ЛАМЗДОРФ

Дневник. 1891–1892

<Фрагменты>

1891 год

Понедельник, 4 ноября

Ходят смутные слухи о даре, который якобы сделал государь из удельных сумм (пятьдесят миллионов), дабы прийти на помощь голодающим. Великий князь наследник¹ будто бы назначен председателем комитета, который будет распределять пособия. Пока пожертвования, притекающие со всех сторон, по-видимому, часто растрачиваются, а с другой стороны, содействуют деморализации народа. Вместо того чтобы работать и заслужить пособие, громадное количество крестьян и рабочих в провинции отказываются от всякой работы, под предлогом, что // «царский паек» //² должен им быть выплачен даром. Благотворительность такого рода может в конечном счете привести к более значительным и еще более непоправимым бедствиям, чем сами последствия неурожая, от которого этим летом пострадала большая часть России.

<...>

Пятница, 15 ноября

<...>

Курс за последние дни очень сильно упал; главными причинами являются политические опасения и неудача нашего последнего трехпроцентного займа³, не говоря о крайне неблагоприятном впечатлении, произведенном запрещением вывоза за границу, в связи с голодом, нашей ржи и даже пшеницы⁴. Моренгейм рассказал министру в Париже, что г. Вышнеградский, ввиду подобных затруднений, будто бы также написал государю, подсказывая необходимость визита в Берлин, но его величество якобы ответил: // «Не такие беды Россия переживала и благодаря бога уцелела!» // Наш посол, надо сказать, в восторге от подобного ответа // «русского царя» //.

<...>

Среда, 20 ноября

<...>

Вчера во время чая ко мне в нижний кабинет зашел г. Шишкин <...> Он приехал из Комитета министров под впечатлением ужасающих известий, которые там слышал. Из 72 миллионов, ассигнованных для борьбы с вызванными голодом бедствиями, 60 миллионов уже истрачено, а получаемые из провинции сведения все более и более тревожны. Как прийти на помощь этой громадной массе несчастных на таком пространстве. Откуда черпать средства, а главное, где найти людей, чтобы с толком делать добро на месте? Было решено учредить два комитета: один — под председательством наследника для собирания и распределения средств, доставляемых благотворительностью, другой — при министерстве внутренних дел для организации общественных работ и изыскания заработков для бедствующего населения. По-видимому, высшее руководство этим делом будет поручено генералу Анненкову.

<...>

Четверг, 21 ноября

<...>

Поступившие из-за границы предложения организовать сбор пожертвований нашим правительством отклонены. Не желают ни принимать денег, ни допускать проникновения внутрь страны иностранных филантропов. Однако предложение американцев нагрузить мукой русское судно, которое было бы послано с этой целью, было принято как практическое и деликатное.

<...>

Понедельник, 25 ноября

<...>

Слухи, которые распространялись осенью по поводу 50 миллионов, будто бы пожертвованных государем из удельных сумм в пользу голодающих, ложны. Ввиду того, что комитет, созданный под председательством наследника, нуждается в средствах для начала своей работы, устроена благотворительная лотерея, о которой объявлено сегодня в «Правительственном вестнике». Применение такого крайнего средства, чтобы добыть мизерную сумму в 5 миллионов, подвергается всеобщей критике. Тот же великий князь, который только что истратил, не стесняясь, миллионы на веселое путешествие⁵, не может теперь добыть несколько миллионов для серьезного дела, которое ему поручено. Если такого рода лотереи обыкновенно имеют деморализующее влияние, то что будет с этой, с купонами в 1 рубль и потому доступной низшим, бедным классам населения? При этом нет никакого контроля над расходом собранных сумм, и в разных местах совершены зна-

чительные растраты. Все, что говорится и передается по этому поводу, конечно, совсем не такого свойства, чтобы вызвать доверие к правительству. Пресловутый граф Николай Павлович Игнатьев <...> иронически заметил, что назначение великого князя наследника председателем комитета, которому поручено помогать населению, пострадавшему от голода, не будет иметь другого практического результата, кроме того, что оно снимает ответственность с министра внутренних дел Дурново с его присными, перекалдывая на голову его императорского высочества значительную часть нареканий, вызываемых недостаточностью помощи, частыми растратами и всякого рода ошибками, наделанными администрацией. Голодающее население, прослышав о сделанных пожертвованиях и о тех мерах помощи, которые предписано ему оказать, и не видя выполнения этого в пределах своих ожиданий, конечно, будет искать виновных. Все это весьма серьезно и мало успокоительно.

<...>

Суббота, 30 ноября

Некоторые утверждают, что наследник принимает весьма близко к сердцу дела благотворительного комитета, находящегося под его председательством; г. Нечаев-Мальцев, которого комитет просил съездить в Казанскую губернию, говорил Оболенскому, что он, наоборот, нашел его императорское высочество весьма безразличным. Протокол первого заседания критикуют за то, что там говорится о менее пострадавшей местности и царит молчание в отношении других, гораздо более потерпевших. <...>

Среда, 4 декабря

<...>

Министр⁶ рассказывает мне, что г. Шишкин вынес из вчерашнего заседания Комитета министров самое тяжелое впечатление. Министр внутренних дел объявил, что почти все суммы, ассигнованные на помощь пострадавшему от голода населению, уже истрачены и что надо отпустить новый кредит, приблизительно в 10 миллионов, чтобы комитет под председательством генерала Анненкова, которому поручено отыскивать работу для бедствующего населения, мог начать свою деятельность. Министр финансов⁷ горячо возражал против этого предложения. Было обращено внимание на серьезное неудобство такого большого расхода без контроля и представления отчетов. Красноречивые доказательства неудовольствия и недоверия проявляются внутри страны все чаще и чаще. Израсходованные миллионы не привели еще к ощутительным результатам; как в обществе, так и в народе носят самые неприятные слухи о больших злоупотреблениях и растратах. Куда может привести подобное положение вещей? Как мог министр внутренних дел ничего

заранее не предвидеть и не подготовить? Одним словом, добавляет Гирс, вчерашнее заседание Комитета министров носило характер двора короля Пето⁸. Положение, надо сознаться, крайне серьезное.

<...>

Воскресенье, 19 января

На телеграмме нашего представителя в Бухаре, сообщающей, что эмир в знак своих чувств к государю и к России только что прислал сто тысяч рублей для благотворительного комитета, находящегося под председательством цесаревича, его величество написал: // «Это любезно, но деньги награбленные» .//

Слухи о второй благотворительной лотерее подтверждаются, и, судя по появившимся в газетах сообщениям, эта прискорбная мера решена месяц тому назад. Тираж первой лотереи назначен на первое февраля.

<...>

Понедельник, 27 января

<...>

Комитет, находящийся под председательством великого князя цесаревича, довольно бесцветен. Чиновничество, и ничего более. По этому поводу министр мне совершенно доверительно рассказывал, что он в ужасе от того, как относится к бедствию государь и интимный круг императорской семьи. Его величество не хочет верить в голод. За завтраком в тесном кругу в Аничковом дворце он говорит о нем почти со смехом; находит, что большая часть раздаваемых пособий является средством деморализации народа, смеется над лицами, которые отправились на место, чтобы оказать помощь на деле, и подозревает, что они это делают из-за похвал, которые им расточают газеты. Эта точка зрения, по-видимому, разделяется всей семьей, и мой министр с сожалением отмечает, что цесаревич тоже слушает эти разговоры с одобрительной улыбкой. Когда в ноябре при своем проезде через Берлин г. Гирс был принят германским императором, то Вильгельм II спросил его, между прочим, каким путем наш государь собирается проехать, возвращаясь из Крыма. «Я бы на его месте, — сказал его величество, — проехал в губернии, постигнутые голодом, взяв с собой всех, кто может оказать помощь голодающим». «Такое же точно незнание неприкрашенной правды, те же иллюзии и предрассудки в отношении того, что происходит внутри страны, как и в отношении внешней политики». Никакие возражения невозможны ввиду определенного ослепления в некоторых вопросах; приходится лишь молчать в доказательство того, что не разделяешь этих взглядов».

<...>

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ

Мемуары

<Фрагменты>

<...>

Закончив дела преимущественно внешнего характера, достигнув общего уважения и доверия, Александр III находил нужным приступить к делам внутренним, на которые по вступлении на престол ему пришлось обратить усиленное внимание. Но сила государства в определенности внешнего положения страны, обозначенной от случайности, как равно и улучшение местного всякого хозяйства страны. Имея в руках своих спокойствие внешнее и обеспеченность средств, можно было приступить к новому делу, и притом просто, скромно, без трескучих фраз и громких манифестов, без всякого изощрения выразиться так, чтобы разнообразные лица могли бы с одинаковым правом примерить и свои отдельные толкования. Да, эти обе стороны были достигнуты.

Покой и уважение извне и крепость положения финансового. При таких двойных данных можно было приступить к правительственной инициативе ничтоже сумняся. И вот созреть начинает план перехода к делам порядка внутреннего и одновременно проявляться стало стремление к нахождению соответствующего человека. Конечно, И. Н. Дурново не мог соответствовать серьезности дела. К тому же он выказался малодушным и мелочным. Он, по выражению П. А. Черевина, был «глуп во весь рост». Ныне охотно говорят, что при Александре III нельзя было дожидаться желанного внутреннего обновления. А мы думаем, что именно при нем-то оно и могло осуществиться органически, традиционно, сознательно и внушительно, конечно, не путем вынужденным и малодушным, сдачею в бою и путем, в то же время лицемерно признаваемым непогрешимым, а путем историческим, единственно потребном для укрепления «новизны», при условии лишь того, чтобы в вводимых новизнах нам «старина»

наша бы слышалась. И, конечно, всякая реформа Александра III как бы пропитана этою идеею, которою он жил, ревниво и чутко оберегая государственный свой корабль от всяческих поползновений и подходов, откуда бы они ни шли. Могу засвидетельствовать, что мы стояли именно на пути этого мирного обновления. Умиравший Александр III еще давал указание на направление дел по вопросам нашей дальневосточной политики. Но преемником и выразителем его идей не являлся князь А. Б. Лобанов-Ростовский. Он первый начал уклоняться от данного пути. Он первый, а нужен лишь «первый шаг»! Теперь шагов сделано бессчетное число, и в результате все царствование, по возможности, сведено «на нет», и притом, по моему убеждению, вполне сознательно и вполне последовательно. Но мы уклонились. Разбирать внешнюю политику Императора Николая II нам не дано, но в доле ответственности за все предшествовавшее — Японская война. Я бы желал освободить от нареканий потомства светлую память Императора Александра III. Но это достояние истории. Она своевременно скажет свое веское слово, когда наступит неизбежное «вещей обличение невидимых».

Не можем мы не признать, что внутреннее обновление при Александре III утвердило бы нас на твердом камне. Он преисполнен был этою мыслью, но смерть уже наложила свою печать на это могучее, сильное тело, на эту светлую, чистую, благородную и честную голову. Еще немного, и 17 октября навсегда оказалось бы несбыточным. Еще немного, и мы бы не дожили до современного позора. Знаменательно и то, что акт 17 октября¹ не истекал даже из созыва депутатов Императрицы Екатерины II², что самый факт этот был совершенно замолчен, как забыто было и все Екатерининское и иное прошлое, не дошедшее, по-видимому, до уразумения автора пояснительной записки к царскому Манифесту. Последний должен был иным лично казаться недоделанным, и вот мы обошли Екатерину всецело и начали с самих себя. Это и не скромно, и не верно. Все это я считаю долгом правды и нелицеприятя ради высказать. Мое дело только указать на нити. Пусть своевременно, кто бы ни был, займутся развитием недоступной нам стороны царствования. Пишущий эти строки ощущает мрачное и тяжелое впечатление.

Александр III дорожил дворянством в смысле древнего служилого сословия и чужд был идеям аристократизма в западном понимании слова. Что пользы от группы аристократов-лендлордов при отсутствии или при угнетенности положения «дворянства поместного», в котором вся жизненная сила, которое так долго еще хранило бытовые предания веков минувших. Увы, теперь оно пошатнулось, но не само по себе, а под напором современного правительства, стремящегося к вытравливанию поместного дворянства и ныне в этой роли столь

процветающего. Наше дело — указать, что Александр III не поддался лукавым советам и соблюл то, что возможно было сохранить для действительной пользы отечества. Но ближайшая к престолу родственная среда пропитана была, как и ныне, такою определенной, последовательной, прочувствованною ненавистью к дворянскому сословию, которая служит лишь лучшим доказательством, что она и кровью с ним не связана, да и не желает даже, чтобы думали о возможности такой связи. С этою ненавистью считался Александр II и отчасти³ ей уступил. Эта ненависть процвела после 1894 года, но при Александре III ненависть эта громко не дерзала высказываться. Она тем не менее существовала и ожидала благоприятного времени. <...> К сожалению, обстоятельства в 1894 году сложились неожиданно неблагоприятно и роковая болезнь подкралась, можно сказать, почти неожиданно. Кто-то выразился тогда: «Прозевали Государя!» — и спохватились, когда было уже поздно, когда болезнь, начавшаяся после Борков⁴, стала выражаться резче и зловещее. Не будь этой болезни, колесо истории повернулось бы иначе, оно избавило бы нас от осложнений «дальневосточных» и приступило бы к работе внутренней очистки. И эта работа была бы свободная, не вынужденная, не навязываемая, а сознательная, спокойная и обстоятельная, сообразуемая с важностью внутреннего обновления на началах русских, исторических, законосовещательных, творческих. «Удерживающего» не стало.

<...>

С. Ю. ВИТТЕ

Воспоминания

<Фрагменты>

Я уже имел несколько раз случай говорить о замечательной и благороднейшей личности императора Александра III. Большое несчастье, что он процарствовал так мало: всего 13 лет; но и в эти 13 лет фигура его как императора совершенно обрисовалась и выросла. Это почувствовала вся Россия и вся заграница в день его смерти.

Но императора Александра III его современники и ближайшее поколение далеко не оценили, и большинство относится к его царствованию скептически.

Это в высокой степени несправедливо.

Император Александр III был великий император. Для того чтобы судить о его царствовании, не следует забывать: 1) что он в юности к царствованию не был подготовлен; наследником был его старший брат Николай, на которого и было обращено все внимание. Будущий же император Александр III был с точки зрения образования и воспитания как бы в загоне; 2) не следует также забывать и те условия, при которых он вступил на престол: когда он сделался наследником, то вырисовались различные неблагоприятные стороны царствования его отца Александра II; эти неблагоприятные стороны в качестве различных брожений в обществе и смут были следствием тех колебаний, которые проявил Александр II в последние годы своего царствования — он не выдержал линию либеральных реформ и в последние годы начал колебаться и идти назад.

Благодаря такому приему явилось ненормальное либеральное течение, или, вернее, не либеральное, а революционное течение.

Наследник Александр Александрович мог отнестись сознательно только к тому, что он видел, к тому периоду, когда он начал интересоваться политическими делами, а это и был именно период, с одной

стороны, правительственной реакции, а с другой — освободительного течения общественных групп, к которым примазалось и революционное движение.

Такое положение не могло не влиять на императора Александра III в том смысле, что ему казалось необходимым с этим революционным течением, со смутой, поступить резко и твердо.

Такое направление ему было внушено, с одной стороны, его учителем, профессором Победоносцевым, который в это время уже был обер-прокурором Святейшего синода, с другой стороны — некоторыми петербургскими сферами, во главе которых стоял Строганов.

Затем на императора Александра III не могли не влиять при его в высокой степени честной натуре те злоупотребления, которые в то время творились в области различных концессий, банков и различных промышленных обществ, к которым всюду примазывались государственные деятели.

Само поведение морганатической жены императора Александра II, княгини Юрьевской — в смысле каких-то отношений ее с различными дельцами, добыча в пользу этих дельцов различных концессий и льгот — не могло не отражаться на психологии цесаревича Александра Александровича.

Наконец, самая свадьба императора Александра II после 60-летнего возраста, когда он уже имел стольких совершенно взрослых детей и даже внуков, — при той высокой степени нравственности, которой отличался цесаревич Александр Александрович и которую он проявлял всю свою жизнь, ибо он жил, можно сказать, как самый чистый, святой человек, — все эти обстоятельства не могли не влиять на его психологию.

Наконец, все это кончилось 1 марта 1881 года, когда император Александр II был убит бомбой. Таким образом, император Александр III, можно сказать, вступил на трон, обогранный кровью его отца. Несомненно, это страшно подействовало на психологию молодого императора!

Наконец, император Александр III вступил на трон после Восточной турецкой войны¹, на которой присутствовал сам император Александр II и на которой командовал отрядом цесаревич Александр Александрович, будущий император Александр III.

Хотя эта война с точки зрения военной не была такой позорной, как оказалась война с Японией², — во время турецкой войны как войска, так и многие из наших военачальников показали замечательную доблесть, замечательные военные способности и военную силу, так что в конце концов мы очутились около Константинополя, — тем не менее все-таки война эта не была ни по своему ходу, ни по результатам такой, как этого ожидали. Мы победили все-таки скорее громадным

численным перевесом над неприятелем, нежели превосходством наших боевых качеств по сравнению с турками.

Наконец, мы должны были на театр военных действий, чтобы одолеть турок и явиться около Константинополя, послать значительную часть наших войск. В России у нас соответствующей армии уже не было, а потому, когда, после того как, не войдя в Константинополь, мы заключили под Константинополем Сан-Стефанский договор — договор тем не менее выгодный и славный для России, — европейские державы, и главнейшим образом Австрия, не согласились признать Сан-Стефанский договор. Для того чтобы сохранить этот договор, нам предстояла новая война с Австрией, но мы к этой войне не были готовы, поэтому был собран Берлинский конгресс, где честным маклером³ явился канцлер Бисмарк и привел нас к Берлинскому трактату, уничтожившему значительную часть тех выгод, которые мы приобрели по договору Сан-Стефанскому.

Это событие в высокой степени неблагоприятно отозвалось на духе и расположении всей России и не могло не отозваться на сердце цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III).

Таким образом, для того чтобы судить беспристрастно об императоре Александре III, о действиях императора в первые 5–6 лет его царствования, когда он вел политику реакционную под влиянием таких выдающихся лиц, как К. П. Победоносцев и др., не следует забывать, при каких нравственных, экономических и стратегических условиях вступил император Александр III на престол.

Не надо забывать также и то, что Восточная война с Турцией уничтожила все плоды управления министерством финансов Рейтерна, который все время стремился водворить в России золотое обращение, т. е. поднять курс кредитного рубля до альпари⁴, после того, когда этот рубль упал со своей серебряной ценности⁵ во время Севастопольской войны⁶.

Таким образом, последняя турецкая война совершенно расстроила наши финансы, отдалила возможность установить правильную денежную систему и потребовалось опять более 20 лет, для того чтобы поправить финансы. Только мне, когда я был министром финансов, удалось установить правильную денежную систему и водворить правильную и устойчивую организацию имперских финансов⁷.

Не нужно забывать, что последние годы царствования императора Александра II сопровождалась целым рядом анархических убийств, целым рядом террористических действий и кончились 1 марта.

Но напрасно лица, не знавшие императора Александра III, рисуют его как человека реакционного, как человека жесткого, как человека ограниченного и тупого.

Император Александр III обладал благороднейшим — мало сказать благороднейшим, — он обладал именно царским сердцем. Такое благородство, какое было у Александра III, могло быть только, с одной стороны, врожденным, а с другой стороны — не испорченным жизнью. И эта неприкосновенность чистоты сердца могла иметь место только при тех условиях, в каких находятся и наследники русского престола и русские цари, т. е. условия, которые не заставляют человека ради своего положения или ради положения своих близких кривить душой и закрывать глаза на то, чего не хотелось бы видеть. У русских императоров и у наследников русского престола нет всех тех интересов, которые имеются у обыкновенного смертного, — интересов эгоистических, материальных, которые так часто портят человеческое сердце.

Я не стану спорить о том, что император Александр III был человеком сравнительно небольшого образования, можно сказать — он был человеком ординарного образования. Но вот с чем я не могу согласиться и что часто мне приходилось слышать, это с тем, что император Александр III не был умным. Надо условиться, что подразумевать под словом ум: может быть, у императора Александра III был небольшой ум рассудка, но у него был громадный выдающийся ум сердца; это — своего рода ум, присутствие которого часто, в особенности в положении лиц, которым приходится умом предвидеть, предчувствовать и предопределять, несравненно важнее ума рассудка. Наконец, у императора Александра III было совершенно выдающееся благородство и чистота сердца, чистота нравов и помышлений. Как семьянин — это был образцовый семьянин; как начальник и хозяин — это был образцовый начальник, образцовый хозяин. У него никогда слово не расходилось с делом. Он мог относительно того, в чем он был не уверен, не высказать, смолчать, ожидать; но если что-нибудь он сказал, то на его слово можно было рассчитывать, как на каменную гору.

Вследствие этого император Александр III пользовался, с одной стороны, общим доверием и уважением всех своих приближенных, а с другой стороны, что гораздо еще важнее, — уважением и доверием всего света.

Я сказал, что он был хороший хозяин: император Александр III был хороший хозяин не из-за чувства корысти, а из-за чувства долга. Я не только в царской семье, но у и сановников никогда не встречал того чувства уважения к государственному рублю, к государственной копейке, которым обладал император Александр III. Он каждую копейку русского народа, русского государства берег, как самый лучший хозяин не мог бы ее бередь.

Будучи при нем два года министром финансов и, наконец, зная его отношение к финансам, еще когда я был директором департамента

министерства финансов, я должен сказать, что, именно благодаря императору Александру III, Вышнеградскому, а затем в конце концов и мне удалось привести финансы в порядок; ибо, конечно, ни я, ни Вышнеградский не могли бы удержать всех порывов к бросанию зря направо и налево денег, добытых кровью и потом русского народа, если бы не могучее слово императора Александра III, который сдерживал все натиски на государственную казну.

В смысле государственного казначея, можно сказать, что император Александр III был идеальным государственным казначеем и в этом отношении облегчал задачу министра финансов.

Точно так же, как он относился к деньгам государственного бюджета, так же он относился и к собственному своему хозяйству. Он терпеть не мог излишней роскоши, терпеть не мог излишнего бросания денег, — жил с замечательной скромностью. Конечно, при тех условиях, в которых приходилось жить императору, часто экономия его была довольно наивна. Так, например, я не могу не сказать, что в его царствование, когда я был министром, при дворе ели сравнительно очень скверно. Я не имел случая часто бывать за столом императора, но что касается так называемого гофмаршальского стола, то за этим столом так кормили, что, можно сказать, почти всегда, когда приходилось там есть, являлась опасность за желудок. И, кажется, император Александр III не мог достигнуть того, чтобы исправить гофмаршальскую часть. Сам император Александр III любил пищу чрезвычайно простую, и когда ему его стол приедался, то он, будучи уже, бедный, больным, в последние полгода его жизни или немного более иногда просил, как лакомства, чтобы ему приносили обед обыкновенный солдатский или охотничий из ближайших казарм или охотничьей команды.

Когда император Александр III вступил на престол, то он сейчас изменил обмундирование, сделав его весьма простым и поэтому сравнительно дешевым. Он любил русский костюм — поддевку с большими широкими панталонами и высокими сапогами, и костюм всего войска во всем он приспособил к этому типу.

Таким образом, обмундирование, введенное императором Александром III, продержалось до последней японской войны. <...>

Император Александр III в значительной мере восстановил нашу армию после той дезорганизации, которая произошла вследствие турецкой войны конца 70-х годов.

Благодаря характеру императора Александра III его министры финансов могли начать организовывать финансы империи. Мне удалось это окончить уже при императоре Николае II только исключительно благодаря тем началам, которые были одобрены еще императором Александром III, и благодаря тому авторитету, которым я как министр финансов пользовался у молодого императора Николая II.

Император Николай II знал, что его августейший отец одобрил мою программу и питал ко мне полнейшее доверие; только благодаря этому, несмотря на всякие подвохи против меня как министра финансов я устоял на этом посту после смерти императора Александра III еще более 8 лет; это произошло, я повторяю, только потому, что молодой император верил не столько мне, сколько тому доверию, которое питал ко мне его отец.

При императоре Александре III, в особенности со времени моего вступления в должность директора департамента железнодорожных дел и потом, когда я был министром путей сообщения и министром финансов, снова начала увеличиваться сеть русских железных дорог, т. е. постройки железных дорог, которые при императоре Александре II в конце его царствования, а в особенности после войны — прекратились.

При императоре Александре III в России круто повернулась таможенная система, и от фритредерства⁸ мы перешли к протекционизму⁹. Этот переход был сделан при Вышнеградском при моем большом участии в качестве директора департамента железнодорожных дел; было это сделано потому, что император Александр III сознавал, что Россия может сделаться великой лишь тогда, когда она будет страной не только земледельческой, но и страной промышленной; что страна без сильно развитой обрабатывающей промышленности не может быть великой. Россия не могла быть великой, не будучи страной не только земледельческой, но и промышленной.

И вот является вопрос, если император Александр III, как многие думают, не был образованным человеком, ни во всяком случае не был ученым (а лица, которые его не понимали и не понимают и не знают, говорят, что он был даже не умным), то чему же, если не уму сердца, уму души приписать такого рода мысли, какие были незыблемы у императора Александра III? Разве не нужно уметь сознавать, уметь понять не от разума, а скорее от царского сердца, что страна, вверенная ему богом, не может быть великой без водворения промышленности? А раз у императора Александра III было это сознание, он твердо настаивал на введении протекционной системы, благодаря которой Россия ныне обладает уже значительно развитой промышленностью и, несомненно, все более и более двигается в этом отношении вперед, и недалеко уже то время, когда Россия будет одной из величайших промышленных стран.

Этим Россия будет обязана исключительно началам, которые решил положить император Александр III.

Чтобы понять это, нужно помнить, что переход от фритредерства к протекционизму всегда встречал громадные затруднения со стороны общественного мнения и правящих кругов.

Нужно было, чтобы явились большие люди, которые могли бы пойти против господствующего настроения, против господствующего мнения и сломили бы его.

У нас, в России, это мог сделать один император, и притом император столь твердый, столь мудрый, каким был император Александр III.

Императору Александру III ставится в дефицит перемена университетского устава 60-х годов на устав 1884 года¹⁰.

Да, я сам нахожу, что это было большой ошибкой. Но это было сделано им под влиянием графа Толстого и вообще под влиянием кучки консерваторов того времени.

Замечательно, что К. П. Победоносцев, как бывший профессор, будучи еще гораздо консервативнее графа Толстого, тем не менее все-таки высказался как в Государственном совете, так и в Особом совещании по этому предмету, которое было под председательством императора Александра III, против устава 1884 года.

Но тем не менее хотя и был введен новый устав в жизнь университетов, в царствование императора Александра III не было никаких эксцессов.

Только в начале царствования императора Александра III несколько известных профессоров, в том числе и знаменитый Мечников, потеряли кафедры, потому что министр народного просвещения граф Делянов считал их весьма либеральными*.

Вообще же университетская жизнь шла довольно спокойно.

А с тех пор, как последовал в августе 1905 года по инициативе генерала Трепова указ об автономии университета, и в особенности последний год при российской конституции и либерально-конституционном правительстве, — в высших учебных заведениях и университетах происходят такие эксцессы, которые были бы немислимы при императоре Александре III, при прежнем реакционном уставе**, именно потому, что император Александр III не был ни либералом, ни реакционером, а был честный, благороднейший, прямой человек.

Но тем не менее я не отрицаю того, что введение устава 1884 года было ошибкой.

Императору Александру III ставится в укор также и перемена земского положения 1864 года на положение 90-го года; введение

* В 1882 г. И. И. Мечников, будучи профессором Новороссийского университета, подал в отставку в знак протеста против реакционных порядков, насаждавшихся в университете. Министерство просвещения с готовностью приняло отставку прогрессивно настроенного профессора, и Мечников покинул университет.

** В действительности, правительство вынуждено было под влиянием революции 1905 г. отменить реакционный устав 1884 г. и издать «Временные правила 27 августа 1905 г.», вводящие университетскую автономию.

земских начальников, вообще введение принципа какого-то патриархального покровительства над крестьянами как бы в предположении, что крестьяне навеки должны остаться таких стадных понятий и стадной нравственности.

Я эти воззрения считаю глубоко неправильными воззрениями, которые уже имели очень большие дурные последствия, выразившиеся в событиях, разгоревшихся в 1905 году; эти воззрения еще будут иметь громадные дурные последствия в жизни России. Может быть, дурные последствия произойдут из-за неустройства крестьян, из-за неустройства их правовых отношений, вследствие того, что на крестьян смотрят как на людей особого рода, не на таких, как мы; например, что для них должны быть какие-то особые нормы, особые порядки, и в этом я вижу в будущем большие пертурбации в жизни Российской империи.

Это была ошибка императора Александра III, но тем не менее я не могу не засвидетельствовать, что это была ошибка не только добросовестная, но ошибка в высокой степени душевная. Император Александр III относился глубоко сердечно ко всем нуждам русского крестьянства в частности и русских слабых людей вообще. Это был тип действительно самодержавного монарха, самодержавного русского царя; а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе-печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах; он связан с идеей христианства, с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих, а не в покровительстве нам, которым бог дал по самому рождению нашему или вообще благодаря каким-нибудь благоприятным условиям особые привилегии, т. е. нам, русским дворянам, и в особенности русским буржуа, которые не имеют того хорошего, того благородного, что встречается во многих русских дворянах, но зато в избытке имеют все то нехорошее, что дают излишества жизни, обесценение ценности чужого труда, а иногда и чужого сердца.

Я убежден в том, что если бы императору Александру III суждено было продолжать царствовать еще столько лет, сколько он процарствовал, то царствование его было бы одно из самых великих царствований Российской империи.

В последние годы, когда он уже имел опыт, видел, что такое Россия, видел, что эта смута, которая была в конце царствования его отца, являлась более наносной и происходила от недостаточно твердого характера его отца, благодаря которому император Александр II часто колебался, а наконец впал и в грех семейный, что Россия такая страна, которая сама по себе совсем не желает каких-бы то ни было

революций, а желает только спокойной тихой жизни, — воззрения его постепенно изменялись.

В последние годы своего царствования император Александр III ко многим вопросам уже относился иначе, нежели в первые годы своего царствования; выражаясь принятыми терминами, он уже сделался значительно более либеральным.

Я уверен в том, что император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма; благодаря этому спокойному либерализму, при внешнем спокойствии, в котором жила Россия и в котором она продолжала бы жить при царствовании Александра III, ибо Александр III никогда не пошел бы на авантюры, подобные той, которая была предпринята и которая закончилась японской войной, Россия двигалась бы постепенно к либеральному пути, т. е. к тому пути жизни государства, когда оно живет не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа. Но император Александр III не успел этого сделать, потому что бог призвал его к себе.

<...>

У

ЦАРЬ-МИРОТВОРЕЦ

С. Ю. ВИТТЕ

Воспоминания

<Фрагменты>

<...>

Главнейшая заслуга императора Александра III в том, что он процарствовал 13 лет мирно, не имея ни одной войны, кроме самой ничтожной экспедиции в Ахалтеке;¹ но он дал России эти 13 лет мира и спокойствия не уступками, а справедливой и непоколебимой твердостью. Он умел внушить за границей уверенность, с одной стороны, в том, что он не поступит несправедливо по отношению к кому бы то ни было, не пожелает никаких захватов; все были покойны, что он не затеет никакой авантюры. Его царствование не нуждалось в лаврах; у него не было самолюбия правителей, желающих побед посредством горя своих подданных, для того чтобы украсить страницы своего царствования. Но об императоре Александре III все знали, что, не желая никаких завоеваний, приобретений, никаких военных лавров, император никогда, ни в каком случае не поступится честью и достоинством вверенной ему богом России.

Император Александр III, как я уже сказал, не любил говорить много, в особенности не любил говорить фраз; это его черта; и его гигантская фигура, представлявшая какого-то неповоротливого гиганта, с крайне добродушной физиономией и бесконечно добрыми глазами, внушала Европе, с одной стороны, как будто бы страх, а с другой — недоумение: что это такое? Все боялись, что если вдруг этот гигант да гаркнет.

Мы все помним то время, когда император Александр III умирал в Ялте, и ближайшие месяцы после этого, когда вдруг вся Европа почувствовала, что уходит сила, которая держала своей нравственной фигурой Европу в мирном и спокойном положении; только тогда все сознали ту громадную роль, которую играл этот император в международном мировом отношении.

Как относился император Александр III к войне, показывает следующий факт. Я припоминаю, что как-то раз по поводу какого-то доклада чуть ли не касающегося пограничной стражи, у нас перешел разговор на войну. И вот что мне сказал император Александр III:

— Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избегать ужасов войны, конечно, если его (правителя) не вынудят к войне его противники, тогда грех, проклятия и все последствия этой войны пусть падут на головы тех, кто эту войну вызвал.

У императора Александра III каждое слово не было пустым звуком, как мы это часто видим у правителей: очень часто правители говорят по тому или другому случаю ряд красивых фраз, которые затем забываются через полчаса. У императора Александра III никогда слово не расходилось с делом. То, что он говорил, было им прочувствовано, и он никогда уже не отступал от сказанного им.

Таким образом, вообще говоря, император Александр III, получив Россию при стечении самых неблагоприятных политических конъюнктур, глубоко поднял международный престиж России без пролития капли русской крови.

Можно сказать, что в конце своего царствования император Александр III был главнейшим фактором мировой международной политики.

<...>

Из всех приездов в Петербург коронованных особ во время царствования императора Александра III наиболее нашумел приезд князя черногорского Николая.

Приезд этот был в первые годы царствования императора Александра III и нашумел он потому, что во время обеда Александр III провозгласил тост за «единственного моего друга князя черногорского».

В то время с первого раза это было понято так, что император Александр III наибольшее уважение из всех иностранных царственных особ отдает черногорскому князю Николаю, что, с одной стороны, весьма подняло черногорского князя, а с другой стороны, поставило в некоторое недоумение коронованных особ Европы.

Я думаю, что этот тост следовало бы толковать совершенно иначе, а именно: его следовало бы понимать в том смысле, что государь провозгласил его не бесцельно, провозгласил, именно чтобы показать, что ему никаких ни с кем политических дружб не нужно, что он считает Россию настолько сильной и властной, что ни в каких подержках ни от кого не нуждается; что он сам стоит на ногах и сам

влияет на общемировую политику, ни от кого не зависит, а, напротив, те, которые желают соответствующего успеха в мировом концерте, должны желать и искать дружбы России и ее монарха, императора Александра III. Поэтому тост этот надо понимать в том смысле, что у меня есть единственный друг, конечно, друг политический, и этот друг князь черногорский, а известно, что Черногория является такой страной, которая по размерам и по количеству населения менее какого-нибудь малочисленного уезда одной из русских губерний.

Может быть, отчасти, провозглашая этот тост, император Александр III хотел отметить личность князя Николая, но я думаю, едва ли он был особо высокого мнения о нем в конце своего царствования, а если бы Александр III прожил до настоящего времени, то, я думаю, наверно, он об этом князе был бы не блистательного мнения, так как не подлежит сомнению, теперь это совершенно выяснилось, что князь Николай в своей политике держался всегда и нашим, и вашим; вообще был дружен с тем, кто ему что-нибудь давал, а потому он заигрывал и искал то при дворе австро-венгерском, то при русском, а в последнее время, с тех пор как выдал свою дочь за итальянского короля, он очень заискивает при дворе итальянском.

<...>

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ

Мемуары

<Фрагменты>

<...>

Беспристрастие Александра III, способность его не только войти в положение другого, но и в чувства его сказались наглядно во время поездки с ним в Варшаву, где тогда находился Государь. Еще свежи были воспоминания 1863 года¹, и пребывание Государя должно было служить признаком некоторого сближения. В Варшаве пребывал фельдмаршал граф Берг, человек, о котором не могло быть двух мнений. Он ознаменовал свое управление онемечением Польши, но почему оно должно было служить русским интересам — этого понять было трудно. В то же время фельдмаршал князь Барятинский жил в Скерневицах и принимал у себя польское общество, ездившее к нему охотно. Близорукие патриоты готовы были признать Барятинского врагом «русскому делу», о котором тогда, казалось, усиленно хлопотали, на самом же деле играя на руку «немецкому делу». Впервые после 1863 года польское общество стало показываться во время пребывания Государя. В замке был бал, на который явились многие представители этого общества. Цесаревич² жил в Бельведерском дворце и по обычаю держался в стороне. Все знали, что сочувствия его были на стороне ф[ельдмаршала] Барятинского. Меня очень заинтересовала Варшава, и меня пригласили в польский охотничий клуб, где я очутился единственным русским. В цесаревиче я не заметил ничего враждебного населению. Он рассуждал о положении с полным сознанием сделанных обоюдно ошибок. На обратном пути в Петербург в вагоне, сидя за ужином и после его, долго говорили о недавних впечатлениях. И здесь, с одной стороны, я не заметил в нем и тени «сентиментальности»³, с другой же — он определенно и чистосердечно высказывался по поводу польских движений и о мечтах их, во многом неосуществимых, но не заслуживающих

презрения. Цесаревич сказал даже, что он вполне понимает чувства иных поляков; что будь он поляк, он был бы, вероятно, в рядах протестующих⁴, но он скорбел о племенном раздоре и об историческом недоразумении, скорбел о многих принятых мерах и особенно в выборе правительственных лиц. Конечно, он не мог выражать никакого сочувствия приемам и деятельности великого князя Константина Николаевича! Определенный характер администрации М. Н. Муравьева был ему ясен, и он признавал вполне его великую, незабвенную заслугу перед Россией. Трудно сказать, что было бы, ежели с 1861 года царствовал Александр III и как началось бы тогда польское движение? Он в свое царствование не делал уступок популярности ради, но нашел возможным и благовременным совершить нечто необъяснимое, чего не могло быть даже при Александре I. Русский царь приехал «жить» в самую сердцевину Польши и жил там как у себя дома! То не были официальные приезды с приемами и речами, со смотрами и праздниками. Он приезжал запросто, по-домашнему, словно в Московскую губернию, и основался среди дремучего бора в м[естечке] Спале, получившем историческое значение. Здесь жил он тихо, но не уединенно, в постоянных сношениях с населением, интересуясь живо особенностями их народности и быта, их песнями, одеждами, обычаями и повериями. Он жил, окруженный в полном смысле слова польским народом, и мало-помалу установились отношения небывалые, на личном уважении основанные. Из Варшавы являлись представители сословий, съезжались многие на охоту, и притом лица самые разнообразные. Один ксендз-каноник оказался хорошим охотником и типичным человеком. Александр III, большой любитель типов, приглашал его постоянно и находил удовольствие в его обществе, он жалел о его кончине. Русский царь в Польше у себя дома и на охоте с ксендзом — разве это не мирное разрешение многих замысловатых вопросов и настолько неожиданное, что к нему не могли приноровиться иные патентованные патриоты. Но напрасно тревожились они за стойкость Александра III. Он себе не изменил ни в чем и только привлекал к себе чувством личного уважения. Здесь опять была простая правда, которая красноречивее всяких неопределенных приемов, как бы они ни были хитро сплетены. Не скажу, чтобы польский вопрос перестал от этого быть тем же сложным и жгучим, но думается мне, что такими людьми творится дело мира, а не вражды, а где нет вражды, там задатки всяких добрых творческих начинаний.

Хорошее воспоминание — это связанная с пребыванием в Варшаве поездка в Вену, на похороны Императора Фердинанда⁵. Во все это время цесаревич был неподобен в своем настроении. Приходилось хоронить неведомого, неинтересного и всеми забытого сумасшедшего

Цезаря! Приличие было соблюдено, но нельзя было проникнуться серьезностью поручения, и цесаревич оттенял эту несерьезную сторону со свойственным ему веселым добродушием и юмором⁶. «Voilà unémentement quim'al 'aivfairegai!»⁷ — сказал мне тогда будущий Фридрих III. Дорогою, не доезжая до Вены, поезда скрестились, и к нашему поезду прицепился ехавший на те же похороны Мекленбургский принц по прозванию «Schnaps»⁸. Прозвище это было вполне им заслужено. Презабавны были его счеты с цесаревичем, присутствие которого расстраивало весь эффект его приезда в Вену. К тому же цесаревич держал его в черном теле и не стеснялся при нас в своих отзывах о нем. Не охотник он был вообще до этих принцев. Встреча в Вене была торжественная. На вокзале император Франц-Иосиф, музыка играла наш гимн и закончила чудным напевом Гайдна: «Gotterchalte Franzde Kaiser»⁹. Музыкальность этого гимна особенно нравилась цесаревичу. Водворены мы были в Hofburg. Когда закончилась официальная сторона встречи, цесаревич расположился по-домашнему, осмотрел по обычаю все наши комнаты и позвал нас ужинать. Принесены были печатные листы церемониала похорон на немецком языке. Цесаревич принялся нам читать вслух, не без труда выговаривая и разбирая немецкие письма. По древнему обычаю на похоронах всем следовало быть одетыми пилигримами. Но цесаревич от этого заранее отказался, и чуть ли не в первый раз была сделана уступка в церемониале и пилигримы отменены. Вся же церемония была сложная: хоронить покойника приходилось в трех местах. Тело его в одном монастыре, сердце в другом, а кишки в третьем. Когда цесаревич дошел до подробностей об Eingeweide¹⁰ (кишках), укладываемых в отдельный сосуд, он не вытерпел и высказался довольно крепко.

<...>

Живо помню вечер в Monplaisir, когда офицеры французской эскадры с адмиралом Жерве были приглашены к чаю на берегу залива. Перед тем, чтобы откланяться, они стали в полукруг, имея Жерве впереди, и, выслушав исторические слова Государя, разом, сняв шляпы, в один голос, порывисто и нервно провозгласили: «Vivel'Empereur!»¹¹ — три раза. И в голосе их прозвучало что-то, что придавало этому привету особую силу и особую выразительность! Государь поклонился им с улыбкой, благодарил и тихо отошел. То была опять историческая минута, но в такие минуты он становился еще тише и проще. Это — резкая противоположность Вильгельму II, всегда ходульно напоминающему о своем величии. В Гатчине за завтраком граф Голенищев-Кутузов, состоявший тогда при германском императоре, рассказывал о его странностях. Импе-

ратрица удивлялась его чудачеству. «Что же удивительного? — простодушно сказал Государь. — Век свой был в стороне, сидел смиренно и вдруг — германский император! Ну, и голова закружилась. Еще бы, германский император!» Он говорил это, точно сам был убежден, что это так и следует. Я взглянул на него. «И это, — мысленно сказал я себе, — говорит “русский Царь”. Нет, у этого человека голова не закружится!» С невольным благоговением смотрел я на него и все не мог прийти в себя от такого краткого простого объяснения характера соседа. Говорят, что Вильгельм с своей стороны пленялся им как противоположностью и искренно уважал его. Сколько раз даже заигрывал он с ним¹², испытывая всячески, но пробить скалу не мог. Последнее его свидание должно служить высоким назиданием, оно же оживляло старую песню:

Царь немецкий, царь пшеничный
И душа вся в пяточок,
Руки фертом под бочок!
Бисмарк не забыл этого свидания!

<...>

Последнее пребывание его в Берлине со временем раскроет его политические приемы. Они были своеобразны и сбивали присяжных дипломатов. Историческое свидание с Бисмарком имело ту особенность, что Государь предупредил его о «шаткости» его положения, чему Бисмарк не поверил! Последствия скоро оправдали эти предположения. О свидании в Киле с императором Вильгельмом я слышал от самого Государя, как он заявил Шувалову (нашему послу в Берлине), что если Вильгельм не согласится на условия встречи, то свидания вовсе не будет, и Вильгельм согласился. С отозванием А. Кутузова прекратились назначения состоящих при особе прусского короля. Отозван был и Вильом. Давно уже существование подобных лиц было анахронизмом, ставившим Петербургский и Берлинский дворы в исключительное положение, ничем не оправдываемое. Как Вильгельму не было неприятно, но он должен был с этим примириться. Он доставил тогда Государю свой «вензель»¹³ и просил взаимности, что было исполнено с улыбкою, но в этой улыбке было опять выражение того взгляда, с которым Государь относился к подобным видимым знакам. Они не раз обменивались подарками, и довольно странными. Так, Вильгельм преподнес Государю «шарабан»¹⁴, а сам принял тройку лошадей в русской упряжке, и эта тройка его разнесла! О различных приключениях Вильгельма Государь отзывался с особым выражением иронии. Он смотрел на него несколько свысока, как на шального баловня, удивлялся его обращению с сановниками. Так

и пробивался юмор Государя, когда разговор его касался Вильгельма! То же приходилось мне слышать и по отношению к английской королеве. Жалею, что не могу запомнить его шуток и изречений, но живо помню ощущаемое чувство удовлетворения. Сравнительно с ним как все они казались мелки.

<...>

Вот еще черта, характеризующая Государя. Принц А. П. Ольденбургский, унаследовавший от отца своего горячность ко благу человечества, написал Государю прекрасное письмо, в котором развивал мысль о необходимости всеобщего разоружения. Он говорил, что инициатива этого вопроса должна исходить от России как сильнейшей державы. Он советовал Государю поднять этот вопрос. Государь, всю жизнь свою посвятивший делу мира и достигший осуществления его без фраз и всякой пышности, не захотел изменять себе, изменять своей скромности. Он благодарил за добрый совет, но оставил его без последствий.

<...>

Когда по прибытии французской морской депутации возбужден был вопрос о французском гимне, то многие находили неудобным, чтобы во дворце игралась Марсельеза, но Государь разрешил недоумения, сказав, что не ему сочинять для французов особого гимна, а пусть играют во дворце тот, который у них принят!

В свое время тост об «единственном друге» переполошил всех и всего более князя Николая, который просто струсил. У Государя, никого не предупредившего об этом тосте, была, очевидно, своя мысль, которую он не высказывал. Одно время его сочувствия склонялись к князю Черногогорскому, но он, по-видимому, его раскусил, хотя сохранял прежние отношения. При мне в Москве Государь подарил князю Николаю серебряный богатый погребец. На простое подношение без всяких фраз кн[язь] Николай ответил театральной выходкою. Он стал в позу, подошел к государю с видом подобострастия и стремительно поцеловал ему руку. Я видел, как Государя передернуло. Судя по этому, можно догадываться о последующем.

<...>

ВИЛЬГЕЛЬМ ПРУССКИЙ

Четыре письма принца Вильгельма Прусского к Александру III

I

Кремль 25/V 1884

Ваше величество
дорогой кузен,

Я не могу покинуть столицу царей и России, не поблагодарив тебя еще раз за твою доброту. Я тронут до глубины души оказанным мне тобой, ее величеством императрицей и всей твоей семьей сердечным и теплым приемом.

Так как мне очень редко представляется случай посещать иностранные дворы и так как я вообще мало видел свет, признаюсь тебе, что сердце у меня сжималось, когда я пускался в путь, и меня все время преследовал страх, как бы не наделать ошибок. Но твоя братская по отношению ко мне доброта и искренность быстро рассеяли все эти призраки.

Я глубоко благодарен за доверие и участие, проявленные тобой во время нашего политического разговора, во время которого я, боюсь, говорил не так, как должен бы был говорить, находясь в обществе монарха. Но — к несчастью или к счастью — я получил воспитание не дипломатическое, а, напротив, чисто военное и прошу тебя извинить меня, если я говорил скорее как солдат, чем как дипломат. Я прошу у тебя только одной милости. Остерегайся своих английских дядей¹. Не пугайся того, что ты услышишь от моего отца. Ты его знаешь, он любит быть в оппозиции, он под влиянием моей матери, которая, руководимая с своей стороны английской королевой, заставляет его видеть все сквозь «английские очки»². Уверяю тебя, что между императором³, князем Бисмарком и мной царит согласие, и я не перестану считать своим высшим долгом везде поддерживать и укреплять «Союз трех императоров»⁴. — Треугольный бастион,

который должен защищать Европу от валов анархии: а именно этого-то и боится больше всего на свете Англия! Впрочем, если у нас случится в политике что-нибудь важное, что могло бы подать повод к неприятным слухам, я позволю себе, если ты разрешишь, предупредить тебя.

Еще раз тысячу и тысячу благодарностей за проявленные тобой доброжелательство и доброту, смотри на меня всегда как на твоего верного друга и кузена

Вильгельма.

II

Мраморный дворец 19/VI 1884

Ваше величество
дорогой кузен,

Пользуясь данным мне тобой разрешением писать тебе, я прошу тебя не отказать принять фотографию, которую я позволяю себе послать тебе. Это, с моей стороны, очень слабое выражение признательности за твою доброту и оказанный мне тобой сердечный прием; но пусть это будет воспоминанием о прекрасных днях, когда я имел честь познакомиться с одним из самых приветливых, обворожительных и очаровательных монархов, каких я знаю.

По оказанному мне дедом и г. Бисмарком приему, я не сомневаюсь, что в своих письмах ты отозвался обо мне очень дружелюбно, потому что оба наговорили мне столько лестных фраз, а дедушка обнял меня так горячо, что я не знал, куда мне деваться. Но, так как у каждой медали есть изнанка, здесь также имеется таковая. «Английская» сторона! То, что я пишу тебе теперь, предназначается для тебя одного; потому что я считаю своим долгом по отношению к тебе действовать прежде всего с искренностью, которую можем себе позволить друг по отношению к другу. Родители мои приняли меня холодно; прежде всего моя мать, сделавшая все возможное, чтобы помешать моему путешествию. Но, главное, сегодня я слышал малоуспокоительные вещи из собственных уст моего отца. Мы говорили о Петербургском гарнизоне, о военных вопросах и о разных политических деятелях. Между прочим, и о болгарском князе, о котором я заметил, что он в настоящий момент не особенно популярен в России⁵. На это мой отец вдруг вышел из себя, с невероятной горячностью обвинял русское правительство за его подлое отношение к этому «прекрасному» (!) князю. Он (отец) осыпал правительство обвинениями во лжи, в предательстве, — одним словом, нет выражающего ненависть прилагательного, к которому бы он не прибег, чтобы обрисовать вас в черном цвете. Напрасно я старался отражать все эти удары и показать, что, судя

по тому, что я узнал, дело обстоит иначе, и что я не могу допустить слова «лгать» по отношению к тебе и твоему правительству. В ответ на это он называл меня русофилом, русифицированным, говорил, что мне свертели голову, и, бог знает, еще что. Затем он обрисовал мне в общих чертах, какую должна бы быть наша политика. Это была неопишная галиматья, кульминационным пунктом которой было заявление, что болгарский князь поставлен Биконсфильдом и «Великими Державами»⁶ для того, чтобы вам угрожать и помешать вам продвигаться в Турции! Великий боже, говорил я, но ведь он получил русские деньги, русских чиновников и офицеров⁷, каким же образом должен он угрожать России при помощи русских?

На это последовал новый взрыв, говорилось, что я ничего не понимаю в политике и ничего не знаю; но что он в этом более сведущ, так как он читал, что тебе писал князь, и что он прав. В общем, дорогой кузен, князь болгарский «и честными и нечестными средствами» вьет веревки из моей матери и, конечно, также и из моего отца. Миссия принца Уэльского⁸ принесла и продолжает приносить необычайные плоды, которые будут все умножаться под руками моей матери и королевы английской. — Но эти англичане случайно обо мне забыли. И я клянусь тебе, дорогой кузен, что сделаю все, что буду иметь возможность сделать, для тебя и для твоего государства, и клятву свою я сдержу. Только это будет продолжаться долго и должно совершаться медленно. Прошу тебя, не упоминай об этом ни при ком, потому что эти известия предназначаются только для тебя, для твоего осведомления, потому что нельзя ничего сделать в этот момент, он слишком полон ненависти (английской!).

Если мой стиль был не всегда достаточно почтителен, прошу тебя извинить меня и принять самые искренние добрые пожелания от твоего любящего тебя кузена

Вильгельма.

III

Берлин 13/III 1885

Ваше величество
горячо любимый кузен,

Живо тронутый добротой, которую ты проявил по отношению ко мне в переданных мне от тебя Муравьевым любезных и лестных словах, я пользуюсь представляющимся благодаря отъезду графа Иорка в Петербург случаем для того, чтобы выразить тебе мою живейшую благодарность. Ты хорошо знаешь, что я сделаю с удовольствием и приложу все усилия к тому, чтобы быть полезным тебе и твоему государству. К счастью, благодаря Скерневицам⁹, мы уже

стоим вне ежедневных колебаний прежних времен, мы уже видели хорошие последствия этого и продолжаем их видеть. Но мы должны постоянно следить за тем, чтобы ничего враждебного не закралось в это согласие. Дорогой кузен, ты разрешил мне говорить с тобой откровенно, и я продолжаю это делать; через несколько дней мы увидим здесь принца Уэльского. Это неожиданное появление нимало меня не восхищает; потому что, прости меня, он твой зять¹⁰, при его фальшивом характере интригана он, без сомнения, будет здесь стараться, то тут, то там или подвинуть вперед дело болгарина — да сошлет его Аллах в ад, сказал бы турок, — или заняться немного политикой за кулисами, с дамами. Я постараюсь как можно лучше наблюдать за ними, но ведь нельзя быть везде. И дал Долгорукому несколько интересных заметок касательно числа и имен индийских и английских полков, которые они концентрируют в Rawul Puidi для того, чтобы произвести смотр перед эмиром 24-го этого месяца. Это для тебя. И все, что мне удастся услышать по этому поводу, я сообщу князю. Надпись и карикатура по поводу России в последнем номере «Punch»¹¹ до крайности дерзки, все это надо сопоставить! Имеющий уши слышать — да слышит! Да сбросит их Махди¹² всех в Нил! Прощай, дорогой кузен, тысячу приветов императрице и всем членам твоей семьи; считай меня, как всегда, на всю жизнь преданным тебе другом и кузеном

Вильгельмом.

IV

Потсдам 4/V 1885

Ваше величество
дорогой кузен,

В своем последнем письме я обещал тебе наблюдать за принцем Уэльским во время его пребывания в Берлине и насколько возможно быть осведомленным касательно его мыслей и речей о положении вещей. Что мне показалось очень важным, так это поручение, возложенное на одного из его камергеров¹³, к г. Блейхредеру с письмом принца, полным более чем вежливыми и дружескими выражениями. Меня уверяют, что в этом письме он просит этого еврея помочь Англии, понизив курс русских денег! Я тотчас же сообщил это известие Долгорукому, который, кажется, тебя предупредил. Все лица из свиты принца, которым, как ты знаешь, внушено говорить то, что он желает, чтобы было услышано и разнесено далее, и которые представляют собой идеи правительства — только и говорили, что о войне. Они говорили, что она совершенно необходима, что рано или поздно оба государства будут воевать, что нет возможности этого избежать.

С этого момента я начал делать себе заметки и наводить справки обо всем, что происходит в Англии в смысле мобилизации, и все, что могло быть тебе полезно знать, я немедленно посылал Долгорукому. Что касается меня — будучи очень близок с английским военным агентом, который говорит мне многое, чего не слышат другие, — я убежден, что г. Гладстон и некоторые из его «дряни» коллег не желают войны и постарались бы избежать ее во что бы то ни стало, но что нация и особенно армия и флот ее желают. Правительство испытывает спасительный страх перед русскими батальонами и эскадронами, которых они боятся в то самое время, как говорят о них пренебрежительно. Больше всего меня удивило то, что моя мать, которая никогда — ни за что на свете — не говорит со мной о политике и которая испытывает ужас перед всем, что называют «войной» или «сражением», сказала мне вчера, когда говорили о видах на мир: «О, ни за что на свете не можем мы теперь поддержать мир, мы должны воевать, это наш долг!» Война во что бы то ни стало! Это замечательно; я думаю, что это мнение королевы и королевской семьи, которые находятся в оппозиции по отношению к правительству, но в согласии с нацией?! С своей стороны, я от всего сердца поздравляю тебя с победой Комарова, которая вызвала здесь и во всей нашей армии чувство живейшего удовлетворения¹⁴. Могу тебя уверить, что симпатии всех моих товарищей на стороне войск, сражающихся за тебя, и я, как русский офицер, желаю, чтобы победа всегда сопровождала знамена царя; я жалею, что не могу им служить лично и своей кровью! Что бы ни случилось, да хранит тебя бог, тебя и все твоё семейство — вот самое горячее пожелание, которое не перестану возносить к небу.

Твой почтительный и любящий кузен *Вильгельм*.

P. S. Во всяком случае, я надеюсь, что все устроится к лучшему!

V

Потсдам 20/V 1885

<На конверте рукой Вильгельма:>

Его светлости князю Николаю Долгорукому.

Берлин, Роонштрассе.

Дорогой князь,

Я прочел с большим интересом присланное мне вами донесение генерала Комарова. Оно вполне соответствует тому, что я думал об этом деле. Его положение было очень трудное, и я нахожу, что очень удачно из него вышел. Он действовал с чисто военной точки зрения и, когда его лагерю грозила опасность быть окруженным, — дав предостережение врагу, — он избавился от этой опасности столь же энергично, сколь и блестяще, и счастливо, что его величество император соизво-

лил пожаловать храброму генералу такую прекрасную и почетную награду. Я еще не верю в мир! В Англии воинственные чувства еще далеко не угасли! Напротив, только министерство боится! Но они хотят выиграть время, потому что приготовления еще не закончены. Представьте себе, я читал секретное донесение из Портсмута, в котором сказано, что стоящие там на рейде новые броненосцы, образующие Балтийскую эскадру, готовы, кроме пушек, которые нового образца и заряжаются сзади, но не имеют еще замков!!! Точно кавалерийский полк без лошадей. Что касается Азии, правительство вам уступит все, чего вы пожелаете, даже Герат, если только вы проявите немного энергии, потому что новый план заключается в том, чтобы защищать Индию и на берегах Инда,¹⁵ и предоставить Афганцам делать, что они хотят¹⁶.

Ваш верный друг
Вильгельм принц Прусский.

VI

Князю Долгорукому Роонштрассе 1 Из Потсдама 26 слов 1885 9-го 4 в 7 ч. 28 м. пополудни. Принята 9-го 4 в 8 часов пополудни.

Мои самые горячие поздравления по поводу кушкинского дела, Бог да хранит ваших солдат, наших товарищей¹⁷.

Вильгельм принц Прусский.

О. БИСМАРК

Мысли и воспоминания

<Фрагменты>

<...>

Перемена в личных отношениях между императорами Вильгельмом II и Александром III вначале оказала на настроение первого такое влияние, которое нельзя было наблюдать без тревоги.

В мае 1884 года принц Вильгельм был послан своим дедом в Россию, чтобы поздравить наследника престола с достижением совершеннолетия¹. Близкое родство и уважение Александра III к своему двоюродному деду² обеспечили принцу благосклонный прием и внимательное отношение, к которому он в то время в своей семье еще не привык; выполняя инструкции деда, он держал себя осторожно и сдержанно; у обеих сторон осталось удовлетворительное впечатление. Летом 1886 года принц снова отправился в Россию, чтобы приветствовать в Брест-Литовске императора, который производил смотр войскам в польских губерниях. Здесь он был принят еще более радушно, чем при первом визите, и имел случай высказать взгляды, которые пришлось по вкусу императору, так как произошел его разрыв с болгарским князем Александром, а влияние русских в Константинополе пришлось поддерживать в напряженной борьбе против влияния англичан. Еще в ранней юности принц с предубеждением относился к Англии и всему английскому, был недоволен королевой Викторией и ничего не хотел слышать о браке своей сестры с [Александром] Баттенбергским. Потсдамские офицеры рассказывали в то время о резких проявлениях антианглийских настроений принца. Было естественно, что в политическом разговоре, в который его втянул император, он выражал свое согласие со взглядами последнего, — при этом выражал, может быть, больше, чем царь этому мог поверить; впечатление [принца], что он завоевал полное доверие Александра III, возможно, не соответствовало действительности.

Намереваясь использовать в политических интересах свои отношения с русским императором, который в ноябре 1887 года, возвращаясь из Копенгагена, проезжал через Берлин, принц ночью выехал ему навстречу в Виттенберг. Император еще спал, и принц увидел его лишь незадолго до прибытия в Берлин, притом в присутствии части свиты. После обеда во дворце, спускаясь с кем-то по лестнице, он сказал, что ему не представилось случая беседовать с русским императором. Сдержанность гостя объяснялась если и не прежними его наблюдениями, то, во всяком случае, тем, что в Копенгагене он в уэльских и вельфских кругах узнал мнение о внуке королевы³, которое тогда господствовало в английской королевской семье. Эта сдержанность, естественно, вызвала недовольство принца Вильгельма; недовольство было замечено окружением [принца], раздувалось и использовалось непрошеными военными элементами, которые считали тогда *уместной* войну против России. Эта мысль завладела генеральным штабом так сильно, что генерал-квартирмейстер граф Вальдерзее обсуждал ее с австрийским послом графом Сечени. Последний донес об этом в Вену, и вскоре после этого император России спросил германского посла фон Швейница: «Зачем вы натравливаете Австрию против меня?»

Об аргументах, которыми воздействовали на принца Вильгельма, свидетельствует его письмо ко мне, написанное 10 мая 1888 года, когда он стал уже кронпринцем. Содержание этого письма я приписываю возрастающему влиянию графа Вальдерзее, который считал момент благоприятным для того, чтобы вести войну и добиваться усиленного влияния генерального штаба на имперскую политику.

«Берлин, 10 мая 1888 г.

Ваша светлость.

Письмо от 9-го сего месяца я прочел с огромным интересом; из содержания его я должен, однако, усмотреть, что ваша светлость придает преувеличенное значение моим пометкам на полях венского донесения от 28 апреля и вследствие этого приходит к выводу, что я стал противником нынешней мирной и выжидательной политики, которую ваша светлость руководили с такой мудростью и осторожностью и, надо надеяться, еще долго будете руководить на благо отечества. В пользу этой политики я неоднократно выступал — Петербург, Брест-Литовск — и во всех решающих вопросах я, как известно, всегда становился на сторону вашей светлости. Какое же событие могло заставить меня внезапно изменить свой образ мыслей? Сделанные мною пометки на полях, в которых ваша светлость усматривает призыв с моей стороны к изменению нашей нынешней политики, имеют лишь целью указать, что по вопросу о необходимости или полезности

войны возникло расхождение между политической и военной точкой зрения, о котором я тем самым намерен довести до вашего сведения. Военные соображения сами по себе не лишены основания. Я полагал, что такое указание будет небезынтересно для вашей светлости, но никогда не думал, что оно может привести к мысли, будто я хочу подчинить политику пожеланиям военных.

Для предотвращения в будущем всякого неправильного толкования моих взглядов, а также ввиду частичного признания выдвинутых вашей светлостью доводов я в будущем воздержусь от всяких пометок на полях политических донесений, но оставляю за собою право другим путем со всей откровенностью доводить мои взгляды до сведения вашей светлости.

Ввиду важности затронутых вашей светлостью вопросов я вынужден подробнее остановиться на них.

Я всецело придерживаюсь мнения вашей светлости, что даже при удачном ходе войны с Россией нам не удастся привести в полное расстройство ее военные средства. Все же я полагаю, что в случае неудачной для России войны, в результате внутренних политических неурядиц, характер бессилия этой страны будет совершенно иным, чем в любом другом европейском государстве, включая Францию. Напомню о том, что после Крымской войны Россия в течение почти двадцати лет была обессилена, прежде чем она настолько оправилась, что оказалась в состоянии воевать в 1877 году.* Военные средства Франции в 1871 году не были в достаточной мере расстроены, так как на глазах, и даже с помощью, благосклонного победоносного противника могла создаваться и формироваться новая армия для того, чтобы победить Коммуну и спасти страну от полной гибели; парижские укрепления, находившиеся в руках победителя, не были сравнены с землей и даже не были полностью разоружены; флот был оставлен Франции, которая не была уничтожена, а только политически унижена⁴. Эти только что приведенные факты с очевидностью доказывают, что мы были далеки от действительного уничтожения врага**, что мы сохранили ему основу для тех огромных военных средств на суше и на море, которые ныне угрожают нам со стороны республики. С военной точки зрения это было неправильно, но с политической вполне соответствовало положению вещей в Европе и для того момента было правильно.

Чем больше крепла республика, тем большую склонность — несмотря на самые лояльные намерения и поведение царя — проявляла Россия, хотя Германия не нанесла ей ни малейшего ущерба,

* Вальдерзее.

** 40 миллионов! и Европа?

воспользоваться удобным моментом, чтобы в союзе с республикой напасть на нас*. Это угрожающее положение возникло и существует не в результате войны, которую мы по собственной инициативе вели с Россией, а вследствие общей заинтересованности панславистов⁵ и республиканской Франции в уничтожении Германии как оплота монархии.

С этой целью обе нации систематически усиливали свои военные средства на решающих границах, не будучи чем-либо спровоцированы с нашей стороны на это неслыханное поведение и не приводя для этого каких-либо веских объяснений.

Отчасти по этой причине руководимая вашей светлостью мудрая политика моего усопшего деда добилась создания союзов, которые весьма содействовали тому, что обеспечили нас от нападений нашего *прирожденного* наследственного врага на Западе⁶. Эта политика сумела также расположить в нашу пользу властелина России. Влияние этого [фактора] сохранится до тех пор, пока теперешний царь действительно обладает властью для осуществления своей воли. Но как только он лишится власти, — а многие признаки этого имеются налицо, — то вполне вероятно, что Россия уже не позволит отделить себя от нашего *прирожденного* врага и вместе с ним начнет против нас войну в момент, когда военные средства обоих покажутся им достаточно сильными, чтобы безнаказанно нас уничтожить.

При таких обстоятельствах ценность наших союзников возрастает: крепко привязать их к нам** и в то же время не допускать сколько-нибудь значительного их влияния на империю будет и останется великой и, должен признать, трудной задачей осторожной германской политики. Но при этом надо принять во внимание, что один из наших союзников принадлежит к романскому племени и его правительственный механизм не обладает такой абсолютной прочностью, как у нас. Поэтому едва ли можно рассчитывать на длительность этого союза, и для нас лучше раньше начать войну, в которой мы рассчитываем на помощь союзников.

Наши враги, несомненно, сделают немало всякого рода попыток изолировать нас и *отвлечь* от нас наших союзников; всякая совершенная нами ошибка, всякий промах германской политики будет содействовать этим стремлениям. К таким ошибкам я должен отнести какое-либо покровительство Баттенбергу; Австрия усмотрела бы в этом нарушение своих специальных интересов, а Россия получила бы удовлетворение, увидев, что мы лишаемся нашего лучшего союзника. Война из-за Баттенберга не может пользоваться в Герма-

* Захватить Босфор.

** Из этой мысли и возникли торговые договоры 1891 г.

нии популярностью, и столь необходимый на войне *furor Teutonicus* [тевтонская ярость] совершенно отсутствовал бы.

Россия легко смогла бы тогда создать отношения, которые привели бы к войне; но общественное мнение, несомненно, назовет виновником войны Германию. Я признаю, что тем самым было бы достигнуто ускорение опасности войны, но какой ценой?

Я далек от намерения добиваться этого*. Так как все время имелась в виду война *на Западе*, и в соответствии с этим велись военные приготовления, и так как война на Западе, как ваша светлость подчеркивает, во всех отношениях обещает больше преимуществ, чем *на Востоке*, то военные авторитеты были бы особенно благодарны за *такую политику*, которая была бы в состоянии действительно обеспечить ведение войны** на Западе, как только война будет признана неизбежной.

Но я также держусь мнения, что если мы *начнем* войну *на Востоке*, то нам придется вести ее на обоих фронтах. Франция лишь в том случае не выступит, если будет переживать внутренний, особенно тяжелый кризис или если она вновь будет испытывать затруднения *военного характера*, как это определено было *прошлой осенью* (неудача с мелинитовыми снарядами⁷, непригодность новой винтовки, удручающее впечатление от результатов обстрела заградительных фортов в Ютербоке). В противоположность этому, нельзя с абсолютной уверенностью предсказать***, что если нам придется вести войну с Францией, то Россия *eo ipso* [тем самым] будет держаться пассивно по отношению к нам.

Всегда, а в особенности при обстоятельствах, сложившихся *прошлой осенью*, обязанность главного генерального штаба**** зорко следить за военным положением своей страны и соседей и тщательно взвешивать как благоприятные, так и неблагоприятные в *военном* отношении моменты. Полученные в итоге выводы предопределяют не направление политики, а военные мероприятия, находящиеся на службе у последней и обусловленные существующим положением. Руководство генерального штаба должно со всей откровенностью довести указанные выводы до сведения руководителя политики, отстаивая при этом военную точку зрения. В этом, по моему мнению, заключается абсолютно необходимая помощь руководству политикой, даже самой миролюбивой.

В таком смысле я и просил бы вас понимать мои злосчастные пометки на полях донесения от 28 апреля; в то же время они имели

* А Вальдерзее?

** Только?

*** «Конечно, нет, но скорее чем наоборот»

**** Политика Вальдерзее! Если бы он ею руководил! И он станет канцлером?

своей задачей указать на то, что хотя германской политикой следует руководить самым миролюбивым образом, но военные авторитеты Германии и Австрии с полным правом должны были осенью прошлого года *обратить внимание на благоприятный с военной точки зрения случай для военного выступления обеих стран.*

Несмотря на мои *Marginalia* [пометки на полях], вызвавшие такое волнение, я все же убежден, что ваша светлость, в случае возможной смены в руководстве государством, и впредь, как и сейчас, будете в состоянии с чистой совестью и с такой же твердостью, как и до сих пор, обеспечивать миролюбивое направление германской политики*.

Вильгельм,
кронпринц Германской империи и Пруссии».

15 июня 1888 года кронпринц стал императором. Ровно через неделю я косвенным путем узнал о высказывании его величества, выражающем крайнее недовольство императора по поводу различных статей в берлинских газетах. Речь шла главным образом о вечернем выпуске «*Berliner Tageblatt*» от 20 июня и о статьях в «*Berliner Zeitung*» и в «*Berliner Presse*» от 21 июня, которые, по-видимому, были написаны с целью уверить в существовании разногласий между его величеством и имперским канцлером по поводу графа Вальдерзее; что, другими словами, и сейчас в руководящих правительственных кругах существовали или намечались трения наподобие тех, которые неоднократно подвергались публичному обсуждению в правление императора Фридриха. Его величество опасается, что заграничная пресса будет комментировать эти статьи, а потому он желает, чтобы правительственная печать дала отпор указанным нападкам и осветила действительное положение вещей. Император остается при тех же взглядах, какие он развивал еще в мае, что, несмотря на свое уважение к графу Вальдерзее, он никогда не предоставит ему необоснованного влияния на внешнюю политику; при его правлении не будет придворной камарильи, наоборот, он убежден, что среди людей, которых он облек своим доверием и которые ему служат, нет никаких группировок, но что все следуют за ним по пути к намеченной им цели.

С 19 по 24 июля император был с визитом в Петергофе. Я только впоследствии получил полные сведения о впечатлении, которое он там произвел. <...> Лишь в июне следующего года, в то время как я был в Варцине, два случая обнаружили, что он сам перенес свое недовольство в область политики.

* Между текстом и подписью Бисмарк вставил: «Было бы несчастьем, если бы...»

Граф Филипп Эйленбург, посланник в Ольденбурге, который за свои светские таланты пользовался особой милостью его величества и часто приглашался ко двору, доверительно сообщил моему сыну, что император считает мою политику слишком «руссофильской», а посему не попытается ли мой сын, или не попытаюсь ли я сам пойти навстречу императору и разъяснениями устранить недовольство его величества. Мой сын спросил, что именуется руссофильством. Пусть ему назовут политические действия, которые являются более чем дружественными по отношению к русским, т. е. приносят ущерб нашей политике. Наша внешняя политика представляет собой тщательно продуманное целое, которое непонято *Amateurs-Politiker* [политиками-любителями] и военными, прожужжавшими его величеству уши. Если его величество не питает доверия ко мне и поддается интриганам, то пусть он отпустит с богом моего сына и меня. Мой сын самым добросовестным образом и не щадя своих сил сотрудничал со мной в политике и расстроил свое здоровье невыносимо нервной обстановкой, в которой он всегда находился. Если от него теперь еще потребуют политики, основанной на «настроениях», то он предпочтет уйти лучше сегодня, чем завтра. Граф Эйленбург, вероятно ожидавший другого ответа, сразу изменил тон и настоятельно просил не делать из его замечаний дальнейших выводов: он просто неудачно выразился.

Через несколько дней, во время посещения Берлина персидским шахом⁸, император дал указание моему сыну, что печать должна выступить против нового русского займа; он не желает, чтобы еще большие суммы немецких денег, затраченные на покупку русских бумаг, попали в Россию, которая оплачивает ими только свои военные приготовления. На эту опасность обратило его внимание одно высокопоставленное военное лицо; как в тот же день было установлено, это был военный министр генерал фон Верди. Мой сын ответил, что дело обстоит не так: имеется в виду лишь конверсия прежних русских займов, следовательно, наилучший случай для немецких держателей бумаг получить наличные деньги и избавиться от русских бумаг, по которым Россия, в случае войны, быть может, перестала бы выплачивать проценты Германии. Россия хотела при этом извлечь выгоду — в будущем платить по одному займу одним процентом меньше; для этого имеется благоприятная конъюнктура на денежном рынке, и, следовательно, мешать этому не следует. Если мы откажемся от русских бумаг, то их возьмут французы, и сделка будет заключена в *Париже*. Его величество настаивал на том, чтобы германская печать выступила против этой русской финансовой операции; он уже вызвал к себе одного из советников министерства иностранных дел, чтобы дать ему соответствующее указание. Мой сын заявил, что

если ему не удалось осветить его величеству положение вещей, то он просит вызвать для доклада министра финансов; официозные статьи в указанном смысле не могут быть написаны, прежде чем будет заслушан рейхсканцлер, так как они оказали бы влияние на политику в целом. В ответ на это его величество распорядился, чтобы мой сын срочно написал мне о желании императора открыть в печати кампанию против русской финансовой операции, и через адъютанта распорядился передать заместителю отсутствовавшего как раз в это время министра финансов, что совету старейшин берлинской биржи следует дать указание воспрепятствовать займу. Несколько месяцев спустя я сам имел возможность убедиться, что значат настроения его величества. <...> Когда в октябре 1889 года закончилось пребывание царя в Берлине и я с императором возвращался с Лертского вокзала, куда мы провожали царя, уезжавшего в Людвигслюст, его величество рассказал мне, что в Губертусштоке⁹ он сел на козлы охотничьей повозки, предоставив гостю возможность полностью наслаждаться охотой. Он закончил словами: «Ну, похвалите же меня, наконец!» Когда я удовлетворил его желание, он продолжал рассказывать, что сделал еще больше, известив русского императора о своем желании сделать ему продолжительный визит, причем он рассчитывает частично провести вместе с ним время в Спала. Я позволил себе выразить сомнение, насколько это будет желательно императору Александру. Последний любит покой, уединение и жизнь в кругу жены и детей; Спала — небольшой охотничий замок и не приспособлен для приема гостей. При этом я мысленно взвесил, что там оба государя будут вынуждены к слишком близкому общению, и при беседах, возникающих во время такого длительного совместного пребывания, имеется опасность затронуть щекотливые темы.

Я поставил себе задачу сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать этому визиту. Быть может, никому из современников не было известно так хорошо, как мне, различие характеров и образа мыслей обоих монархов, и это знание заставляло меня опасаться, что длительное совместное пребывание без всякого делового контроля может повести к трениям, охлаждению и недовольству. Что касается царя, то у него недовольство возникнет уже вследствие продолжительного нарушения его одиночества, хотя он, естественно, вежливо встретил извещение о визите. В интересах сохранения согласия между обоими кабинетами я считал рискованным без нужды допускать длительное соприкосновение сдержанной недоверчивости царя с агрессивной любезностью нашего государя. Я это считал тем более нежелательным, что извещение о визите производило впечатление оказываемой авансом предупредительности, которая едва ли была уместна по отношению к русской политике и еще менее при недоверчивости

императора Александра III. Насколько обоснованы были мои тревоги, показали <...> секретные донесения из Петербурга. Если даже считать их преувеличенными или подложными, то все же они были написаны со знанием положения.

Высказанные мною сомнения, вместо ожидаемого императором одобрения, были ему неприятны; он высадил меня у моей квартиры, вместо того чтобы войти ко мне и продолжать деловую беседу.

Визит, который император сделал царю в Нарве и в Петергофе, длившийся с 17 до 23 августа 1890 года¹⁰, привел к усилению личной неприязни, которой я опасался.

За Нарвой последовали свидание в Ронштоке и торговый договор с Австрией. Поворот его величества в сторону Англии подготовлялся англичанами уже со времени его визита в Осборн в начале августа 1889 года¹¹, был использован ими с тонким расчетом и привел к договору о Занзибаре и Гельголанде¹². Мундир *admiral of the fleet* [адмирала флота]¹³ может рассматриваться как символ целого периода во внешней политике империи.

<...>

В. Н. ЛАМЗДОРФ

Дневник. 1891–1892 годы

<Фрагменты>

1891 год

Среда, 9 января

Самым интересным документом среди бумаг, доставленных нашим последним курьером, является письмо князя Лобанова от 3/15 января из Вены. Наш посол сообщает о надеждах, которые связываются в Австрии с предстоящей поездкой эрцгерцога Франца-Фердинанда в Россию. «Здесь начинают уставать от германского ига и от бремени расходов, вызываемых состоянием вооруженного мира, в котором мы живем», — пишет Лобанов. «Все более и более начинает сознаваться та выгода, которую дало бы Австрии соглашение с Россией, но на этот раз без участия в нем Германии в качестве третьей стороны»¹. «Сечени мне поведал, что единственным серьезным преемником его на посту начальника отдела в министерстве был бы Буриан из Софии и что он не назначен исключительно из внимания к нам, дабы в С.-Петербурге не подумали, что министерство имеет болгарофильские симпатии». Пока что в своем письме от 4/16 января граф Шувалов пишет, что германское правительство очень ревниво охраняет существование тройственного союза², всячески стараясь его укрепить, заявляя о нем при каждом случае и даже стремясь распространить его на Англию, Турцию и т. д. Наш посол думает, что малейший признак сближения между Россией и Австрией или между Францией и Италией поднял бы в Германии целую бурю и что берлинский кабинет применил бы все старания, чтобы помешать этому.

Одно из донесений нашего генерального консула в Будапеште от 2/14 января тоже весьма примечательно. По-видимому, члены оппозиционной партии в венгерском парламенте нисколько не хотят соблюдать данное правительству обещание не возбуждать прений относительно права короны призывать в случае необходимости

босно-герцеговинские батальоны к участию в маневрах армии, расположенной на венгерской территории. Один из членов умеренной оппозиции сказал по этому поводу нашему консулу³: // «Возлагая на Австро-Венгрию обязанность занять две пограничные провинции, с которыми турки не могли справиться, берлинский договор не коснулся державных прав Порты⁴. Естественно, что милиция должна быть собираема и обучаемая по распоряжению австро-венгерских властей ввиду службы, которую она должна нести для пользы местного населения. Но это может иметь место только в пределах занятых провинций. Посылка же местных войск вне сих пределов, под каким бы то ни было предлогом и с какой бы то ни было целью, не согласна с берлинским договором и может быть сочтена за нарушение оного. Факт, что Порта не опротестовала появления боснийских батальонов в Вену под глазами⁵ турецкого посла, ничего, мол, не доказывает, ибо другая держава, более бдительно относящаяся к охранению международных обязательств, может, пожалуй, воспользоваться их нарушением венским кабинетом в видах своей собственной политики». // Это рассуждение напоминает мне тот принцип, который я защищал в дни отказа от нашего секретного тройственного договора с Австрией в 1887 году. Ничто нас больше формально не обязывает признать аннексию Боснии и Герцеговины Австрией⁶. Я провожу весь день за изготовлением проектов ответных писем к отъезду курьера, который едет в четверг.

Пятница, 11 января

Вчера уехал очередной курьер, и это дает мне немного больше свободного времени. Отвечая князю Лобанову, я выразил мысль, что обнаруживающиеся признаки желания венского кабинета освободиться от берлинского ига в целях сближения с нами могут в будущем стать важным фактором, но что он был прав, отвечая Сечени, что в данное время Россия не имеет никакого основания сожалеть о занимаемой ею до сих пор выжидательной (expectant) позиции. Мы очень хотели бы видеть в предстоящем приезде эрцгерцога Франца-Фердинанда первый шаг к соглашению, которое нам отнюдь не представляется невозможным, если Австро-Венгрия перестанет покровительствовать создавшемуся в Болгарии положению и признает необходимость удаления принца Кобургского, присутствие которого в Софии никогда не может быть признано нами законным.

Вечером меня посещает г. Греч, который приносит мне из цензуры две неприятных телеграммы, которые я не допускаю к печати. Первая — из Софии; она сообщает, будто бы Стамбулов, в ответ на представления держав по поводу проявляемого им избытка терпимости в отношении укрывшихся в Болгарии анархистов, собирается выслать

до 200 неприятных ему русских подданных под предлогом, что они являются подозрительными. Признаюсь, что наше выступление мне показалось с самого начала мало практичным и даже не очень достойным⁷. <...>

Воскресенье, 13 января

Между бумагами, возвращенными государем, находится депеша нашего посланника в Токио от 21 ноября/3 декабря 1890 года. В ней сообщается о враждебных демонстрациях толпы студентов, бросавших камни в беседку сада императорской миссии, где собралось у супруги посланника несколько дам, желавших посмотреть на процессию по случаю открытия японского парламента. Его величество написал на полях: // «Подобные неприязненные действия против иностранцев меня немного беспокоят в случае посещения цесаревичем Японии». // В этих строках снова сказывается нежная отеческая заботливость, а слова // «в случае» // свидетельствуют о колебании, подтверждающем слухи о возможности досрочного возвращения вследствие болезни великого князя Георгия⁸.

Среда, 16 января

Когда к 11 часам я прихожу к моему министру, он показывает мне среди бумаг, возвращенных государем, адрес, присланный лондонскими гражданами, собравшимися на митинг 28 октября 1890 года: лорд-мэр Джозеф Савари решил послать его почтой нашему монарху вместе с письмом, весьма впрочем почтительным, где он выступает в защиту живущих в России евреев. Его величество препровождает оба эти документа г. Гирсу со следующей запиской: // «Я этого письма ни адреса⁹ от лорда-мэра Лондона принимать не желаю. Прикажите отослать ему обратно или через Морьера, или через нашего посла. Это слишком нахально, так как я уже отослал присланную через Рихтера меморию, а теперь он уже прямо посылает официально ко мне. А[лександр]. 15 января 1891 г.» //

Министр просит меня написать нашему послу в Лондоне, чтобы возложить на него это щекотливое поручение. Влангали, которому я после рассказываю об этом, резко критикует это решение государя.

<...>

Возвращение великого князя Георгия решено⁹. Его императорское высочество вернется на «Адмирале Корнилове» в Грецию. Постоянная лихорадка, которую предпочитают называть «малярией», но которая, может быть, обусловлена легочным заболеванием, заставляет сильно беспокоиться о молодом человеке. Министр мне говорил, что императрица показалась ему вчера крайне озабоченной. Наследник

возвращается в Бомбей, чтобы проститься с братом и продолжать свое путешествие.

Четверг, 17 января

Предстоящий приезд эрцгерцога Франца-Фердинанда в Россию вызывает сенсацию в политическом мире. Интересно отметить берлинские и венские телеграммы по этому поводу. «Hamburger Nachrichten», которая считается органом князя Бисмарка, в соответствии с постоянным убеждением бывшего канцлера, развивает мысль о целесообразности более тесного сближения с Россией наряду с существованием тройственного союза.

Поверенный в делах в Пекине сообщает, что китайский император приказал одному из самых высокопоставленных сановников из числа принцев Небесной империи торжественно принять и приветствовать великого князя наследника в китайских портах, какие его императорское высочество может посетить. Государь пометает: // «Для китайцев это очень любезно». // Я должен привести еще одну довольно характерную помету нашего монарха. Наш посланник в Брюсселе телеграфировал, что все дворы выразили или непосредственно, или через своих представителей соболезнование бельгийскому королю по случаю смерти принца Болдуина, сына графа Фландрского; г. Гирс ответил ему телеграммой, в которой, поручив ему выразить чувства их величеств, добавил: «Я уже имел случай выразить г. бельгийскому посланнику тотчас после смерти принца Болдуина живое участие, принимаемое в этом печальном событии нашим августейшим монархом и императорским правительством». Эта телеграмма была послана в виде проекта его величеству; государь вернул ее, подчеркнув слова «и императорским правительством» с пометкой на полях: // «Разве у нас конституционное правление?» // Таким образом, его самодержавные взгляды не допускают ни соболезнования со стороны правительства, ни даже самого существования последнего. «Государство — это я!» — и это накануне XX века!

<...>

Понедельник, 21 января

Вчера вечером во время концерта мы получили сразу две телеграммы из Рима. Одна, подписанная послом, сообщает о падении кабинета г. Криспи¹⁰; другая, подписанная советником бароном Мейендорфом, извещает, что его начальник барон Иксуль, после вторичного апоплектического удара, находится в очень опасном положении. Это известие сильно взволновало моего министра. Государь неоднократно говорил с ним о назначении нового посла в Рим, выражая желание, чтобы туда был послан Влангали; г. Гирс не спешил с этим назначе-

нием, чтобы оттянуть замешательство, которое неизбежно последует вслед за уходом товарища министра. Его тяготят вопросы, связанные с переменами в личном составе, за исключением удаления Зиновьева, чего, по-видимому, он горячо желает. Так как султан в течение нескольких лет настаивает, и притом очень решительно, на отзывании Нелидова, я предложил назначить последнего в Рим, а Зиновьева на его место — в Константинополь; но во время разговоров с государем министру пришлось убедиться, что его величество весьма решительно стоит за предоставление места посла в Риме Влангали, который давно хочет получить этот пост, причем ему удалось при помощи своих многочисленных друзей привить эту мысль в высших сферах. Что же касается нового поста для барона Иксуля, то государь категорически высказывается за его полную отставку. Его величество того мнения, что назначение его членом Государственного совета, при том состоянии умственной слабости, в котором он находится, было бы оскорблением для этого учреждения. По этому поводу наш монарх вообще выражает свое удивление распространенной в России мании добиваться почетных званий или должностей с громкими наименованиями, не имея возможности выполнять связанные с ними обязанности: // «Послужил и удалился просто на покой» // — вот чего желает государь. Но его величество упускает из виду, что большинство честных сановников и чиновников, уходя на покой после полувековой службы, находится в самом плачевном материальном положении, и наши пенсионные правила не предоставляют им достаточно средств, чтобы дожить свои дни; таким образом, сплошь и рядом те звания и должности, которых добиваются, уходя со службы, являются вопросом не только тщеславия, но и нужды.

<...>

Пятница, 25 января

Массаж. В обычное время поднимаюсь к министру. Возвращая посланные в среду вечером бумаги, государь надписал на маленькой записке, сообщающей о смерти брата г. Гирса: // «Очень печально, царство ему небесное». // Ни малейшего слова соболезнования ни от него, ни от имени императрицы; надо признаться, что их величества «сегодняшнего дня» совершенно лишены сердца и, во всяком случае, манер. Я вспоминаю об обаятельной телеграмме, которую в 1880 году покойный государь послал из Царского Села г. Гирсу, в то время товарищу министра, по поводу смерти его старшего брата. А обворожительные записки императрицы Марии Александровны! Иные времена, иные нравы!

<...>

Воскресенье, 27 января

Я встал немного позже обычного; работаю у министра. Наш монарх в некоторых отношениях — странная личность, и приписываемая ему прямота характера далеко не всегда оправдывается. Нашим генеральным консулом в Португалии состоит некто Лаксман. Он, по-видимому, очень стар, так как насчитывает более 50 лет службы, но эта служба, по крайней мере за последнее время, просто скандальна. Игнорируя миссию и своего непосредственного начальника, взимая в свою пользу своего рода налог со всех нештатных консулов и совершая ряд всякого рода беззаконий, Лаксман, наконец, взял за обыкновение посылать почтой непосредственно государю невозможные прошения, прося то об увеличении жалования, то о пособии и т. д. 20 августа 1890 года одно прошение такого рода было прислано министру его величеством с пометой: // «Давно пора уволить его совершенно от службы и назначить туда более порядочную личность». // 22 декабря 1890 года Гирс получил от государя новое прошение Лаксмана с надписью на полях: // «Давно пора уволить этого недостойного чиновника и нахала от службы». // В силу этих высочайших резолюций было отправлено составленное департаментом личного состава, но подписанное министром отношение г. Фонтону, посланнику в Лиссабоне; согласно этому отношению, Фонтону предлагалось поставить Лаксмана в известность о неодобрении его поведения государем, советуя ему подать в отставку. По-видимому, Фонтон дал этот совет Лаксману от имени его величества, дабы он ему подчинился, так как консул привык не обращать никакого внимания ни на своего непосредственного начальника, ни на министерство; посланник хотел таким образом избежать сопротивления, которое вызвало бы увольнение в отставку // не по прошению // и лишило бы столь престарелого чиновника пенсии. Эти добрые намерения были плохо вознаграждены; Лаксман послал прошение в министерство, а его жена одновременно послала государю длинную жалобу, начинавшуюся словами: // «Высочайшая резолюция вашего императорского величества, заключающая повеление уволить моего мужа от службы». // Его величество подчеркнул эти несколько слов, поставил на полях громадный вопросительный знак и послал 25 января эту бумагу моему министру с пометой: // «Как было написано ему, чтобы он подал в отставку? Пришлите мне копию». // Государь, вероятно, подумал, что его замечательная резолюция была сообщена текстуально. В действительности этого не было, и к тому же на отношении на имя г. Фонтона было помечено «доверительно». После того как министр послал государю копию с небольшой объяснительной запиской, его величество вернул эти бумаги вчера вечером с пометой: «Совершенно напрасно Фонтан показал или

передал ему ваше отношение. Можно было бы осторожнее и умнее действовать». // Вот каков наш // прямолинейный царь //: он ищет ширму! Уже не первый раз он проявляет странное влечение к этой мебели, но в отношении супругов Лаксман слишком! // Не так бы поступил рыцарский¹¹ дед его! //

<...>

Понедельник, 29 апреля

Министр, по-видимому, вполне одобряет изменения, внесенные мною в проект письма нашему послу в Париже, и хочет при случае показать их министру финансов до представления проекта на утверждение государю на своем завтрашнем // докладе //. Г. Гирс отправляется в 11 часов к великому князю Сергею; сегодня день рождения великого князя, и у него собираются к обеду, а затем к завтраку вся императорская семья и двор.

К чаю Капнист появляется сияющим; по-видимому, он добился своего рода «modus vivendi»¹² с Палестинским обществом¹³ и сегодня был приглашен к завтраку, причем с ним были очень любезны. Он сидел слишком далеко, чтобы расслышать слова, сказанные государем, но его уверили, что, подымая бокал, его величество пил за здоровье // «новорожденного московского генерал-губернатора» //.

У министра обед, на который приглашено несколько иностранных представителей. В 7½ часов я отправляюсь в баню; спускаясь с лестницы, я встречаю ген. Безака, начальника Главного управления почт и телеграфа; он крайне взволнован и возбужден. Ему необходимо, говорит он, повидать министра хотя бы на одну минуту по поводу известия, которое он только что получил и в связи с которым не знает, что предпринять. Я ему замечаю, что если министр будет вынужден выйти из-за стола, то это произведет большое впечатление на присутствующих дипломатов, и приглашаю его зайти ко мне, чтобы помочь ему справиться, какой пост занимает в Японии г. Биландт; по-видимому, знать это для него всего необходимее. Когда мы справились в «Готском альманахе»¹⁴, то оказывается, что г. Биландт является нидерландским посланником в Токио, где он также представляет шведский и датский дворы. При этом известии ген. Безак проявляет еще большее беспокойство и говорит мне: «В таком случае это серьезно. Вот телеграмма, которую я счел нужным задержать; г. Биландт ее адресовал в Стокгольм и Копенгаген». Я читаю: «Великий князь, русский наследник, опасно ранен в лоб сегодня утром в Отсу, поблизости озера Вива, ударом сабли, нанесенным ему в голову полицейским. Подробностей нет». Я очень потрясен этим известием; оно не может быть ложным, если дипломат клэрор¹⁵ передает его правительству, им представляемому. Я тотчас же осведомляюсь, получены ли в министерстве какие-либо

шифрованные телеграммы, но никаких телеграмм не приходило, а г. Безак утверждает, что на центральном телеграфе таковых тоже не было получено — ни на имя государя, ни на имя японского посланника. Я советую генералу во всяком случае задержать телеграммы г. Биландта, которые могут и запоздать в Стокгольм и Копенгаген, а самому — вернуться к 9½ часам, чтобы посоветоваться с министром после того, как он встанет из-за стола. Я глубоко взволнован и потрясен, размышляя о случайно ставшем мне известным событии, последствия которого не поддаются никакому учету.

Узнав, что мой министр только что встал из-за стола, я начинаю с того, что пишу ему несколько слов, дабы сообщить ему о посещении ген. Безака по поводу «тревожной телеграммы из Японии», а затем, немного подготовив его таким образом, я в запечатанном конверте посылаю ему сообщение об ужасной новости. Перепуганный г. Гире пишет мне несколько слов, прося меня подняться к нему наверх, но в это время приезжает ген. Безак, и я дождался его отъезда, прежде чем отправиться к моему начальнику. Министр совершенно подавлен; он одобряет мое решение задержать телеграммы Биландта; министр уже просил главного начальника телеграфа задержать их до завтра. Совсем неверным известие быть не может. Во время обеда г. Гирсу подали записку от графа Воронцова с вопросом, получили ли мы что-либо из Японии, но он мог лишь указать на полученные за последние дни телеграммы с описанием великолепного приема, оказанного великому князю наследнику. Мы тотчас же запрашиваем нашего посланника в Токио. В это время приносят новую телеграмму, равным образом задержанную ген. Безаком; это телеграмма испанского посланника в Токио, который сообщает своему правительству, что русский наследник ранен сегодня утром в лоб. Мы теряемся в догадках. Министр очень беспокоится по поводу завтрашнего доклада, но успокаивается, увидя случайно в окне месяц с правой стороны: «Все кончится благополучно, в этом отношении я суеверен!» Приходится ожидать прямых известий; я даю указание дежурному чиновнику расшифровывать в первую очередь всякую телеграмму из Японии, если даже она придет глубокой ночью. В тот момент, когда я ложусь спать, в 11½ часов, мне сообщают, что меня желает видеть Капнист, только что вышедший от министра, и я тотчас же выхожу в гостиную. Капнист меня предупреждает, что японский посланник только что сообщил о своем желании переговорить с г. Гирсом, находящимся в крайнем беспокойстве. Я решаюсь дождаться результатов этого ночного посещения, которое должно выяснить положение. Капнист меня покидает, а японский посланник приезжает лишь к 12½ часам. После его ухода я спешу к министру, который уже успел послать за мной. Перед ним лежит официальное сообщение японского правительства,

подтверждающее тревожное известие, которое мы узнали из телеграмм, задержанных на центральном телеграфе. Сообщение таково: «Токио, 8 часов 30 минут вечера 11 мая. На русского наследного принца было сегодня в полдень в Отсу совершено нападение фанатиком Шигакемом; принцу нанесена была рана в голову. Все подробности еще не получены. Рана довольно серьезна, но наследник находится в полном сознании. Спешим выразить наше глубокое соболезнование через г. Гирса»¹⁶ и т. д., и т. д.

Мой бедный старый начальник, будучи переутомлен и крайне обеспокоен, не знает, что предпринять и на что решиться: «Как сообщить подобное известие родителям?», «Как я появлюсь завтра в Гатчине?», «Какое несчастье!», «Именно на великого князя наследника я возлагал лучшие надежды, помышляя о будущем России», «Что будет, если он погибнет» и т. д., и т. д.

Наконец, ввиду того, что отложить сообщение столь печального известия невозможно, я советую г. Гирсу тотчас отправить государю с ночным фельдъегерем, ранним утром выезжающим завтра в Гатчину, соответствующее письмо вместе с официальной телеграммой, переданной японским посланником. Самому же, вместо того чтобы выезжать по обыкновению с поездом, выходящим в 10½ часов, отбыть в императорскую резиденцию девятичасовым поездом. В конце концов министр соглашается на этот план и садится за письменный стол, чтобы написать следующие строки:

// «Только что явился ко мне японский посланник, чтобы передать представляемую у сего телеграмму. Глубоко потрясенный заключающимся в оной известием и повергая у сего означенную телеграмму, я буду ожидать приказаний вашего величества в Гатчине, куда отправлюсь с девятичасовым утренним поездом.

Не получив до сих пор никакого известия от Шевича, я немедленно сделал ему запрос по телеграфу. Гирс.

30 апреля 1891. 1 час утра». //

Когда я спустился вниз и передал этот пакет в //фельдъегерскую//, а также послал телеграмму //гоф-фурьеру//, сообщающую, что министр приедет в Гатчину девятичасовым поездом, было уже около 2 часов утра. Я не могу заснуть, мне едва удастся задремать на несколько минут. К 6 часам я встаю, одеваюсь и иду в канцелярию узнать, не получено ли чего-нибудь ночью. Оказывается, ничего.

Вторник, 30 апреля

Когда я иду к г. Гирсу к 8 часам утра, приносят пакет с бумагами, возвращенными государем. Этот пакет не содержит ничего нового. На письме графа Муравьева, где говорится о возобновлении тройственного союза, его величество написал: // «Этого, конечно, можно

было ожидать» //; на депешах князя Лобанова, сообщающих о соборезнованиях, которые были ему выражены эрцгерцогом Альбрехтом по поводу смерти великого князя Николая-старшего, и о демонстрациях 1 мая, государь пишет: // «Кажется, можно было бы написать по-русски? Что тут политического?!» // Очевидно, запечатывая этот пакет вчера поздно вечером, монарх не имел еще никаких известий о том, что случилось с его сыном и наследником. Г. Гирс уезжает с девятичасовым поездом, я ему советую убедиться по приезде в Гатчину в том, было ли его письмо, посланное ночью, своевременно передано его величеству и вскрыто им. Сегодня же утром я послал короткую записку за подписью г. Гирса, чтобы предупредить ген. Безака, что известие о покушении официально подтверждено японским посланником и что он может отправить задержанные телеграммы по их назначению.

Министр возвращается к 2 часам. Государь сегодня утром получил его пакет одновременно с телеграммой цесаревича на имя императрицы. Его императорское высочество уведомил свою августейшую мать, что ему было нанесено «оскорбление» («insulted»), но добавил, что рана незначительна, а [состояние] здоровья очень хорошее. Эта телеграмма, полученная непосредственно от великого князя, смягчает тревожное впечатление; государь не показывает сразу государыне японского сообщения, представляющего положение в гораздо менее благоприятном свете. Монарх остается твердым и спокойным, хотя и очень встревожен. Он принимает г. Гирса лишь на минуту и извиняется, что он не может заняться его докладом; министр оставляет ему срочные бумаги и возвращается в город, пообещав, что немедленно в Гатчину перешлет по телеграфу или с нарочным все, что мы получим из Японии. Однако день проходит в тщетном ожидании, и, отправляя пакет в четыре часа в Гатчину, министр ограничивается несколькими строками, сообщающими, что никаких известий из Японии к нам не поступало. Решено хранить событие в совершенной тайне до получения ожидаемых сведений от Барятинского и нашего посланника в Токио Шевича, который в данный момент должен находиться при наследнике. Государь сказал, что официальное сообщение появится завтра утром в «Правительственном вестнике». Наконец после обеда, в 7½ часов, приносят шифрованную телеграмму из Киото, но ни одному из находящихся налицо чиновников не удается сразу ее расшифровать; я им советую взять дешифрант Барятинского, и дело налаживается; в это время появляются вызванные по телефону барон Гревениц и Оболенский, которому я пишу несколько слов в дом Протасова. Телеграмма расшифрована к 9½ часам, а в 10 часов отправлена с нарочным в Гатчину.

Телеграмма Шевича, полученная в министерстве во вторник 30 апреля в 7½ вечера и отправленная в Гатчину в 10½ часов:

«Киото, 29 апреля/11 мая 1891 года. // «Сегодня на улице, в г. Отсу, полицейский нижний чин бросился на цесаревича и ударил его саблей по голове. Рана до кости, но, по словам наших докторов, благодаря бога, неопасна. Его высочество весел и чувствует себя хорошо. Хочет продолжать путешествие, привел всех в восторг своим хладнокровием. Японцы в совершенном отчаянии, злоумышленник задержан, тяжело раненный другим полицейским. Мотив покушения пока неизвестен. Князь Барятинский доносит подробно. Я выразил по телеграфу министру иностранных дел мое негодование». //

Эта телеграмма нас ободряет. Итак, серьезной опасности нет. Начинают прибывать со всех сторон телеграммы с просьбой о сообщении сведений; я предлагаю министру послать нашим послам циркуляр, чтобы их успокоить. Из Токио сообщают, что микадо выезжает к наследнику. Г. Гирс думает, что это недоразумение, но вторая телеграмма Шевича подтверждает это; он передает, что министры иностранных и внутренних дел прибудут в Киото завтра утром, а японский император завтра вечером. Работая в канцелярии, я не ложусь до 1 часа ночи. Министр вызывает меня несколько раз; в момент, когда мы расстаемся, после часа ночи, приносят пакет от государя; на записке, которой министр в четыре часа его уведомил, что из Японии от Шевича еще ничего не получено, его величество писал: // «Я думаю, что он вместе с Барятинским шифровал телеграмму ко мне»; «при этом посылаю вам телеграммы, полученные мною от Барятинского». //

// Деша князя Барятинского из Киото 11 мая/29 апреля 1891 г. в 11 ч. п. пд.¹⁷/12 ч. п. пд. // (Копия переписана женской рукой):

// «Сегодня, во время проезда по городу, полицейский нижний чин из самураев внезапно ударил цесаревича саблей по голове; рана около 2 дюймов длины, кожа рассечена до кости. Опасности нет. Вернулся в Киото. Чувствует себя весьма удовлетворительно, весел, не ложился, желает продолжать путешествие. Цесаревич привел всех в восторг своим хладнокровием и добротой по отношению к японцам, которые в полном отчаянии, как власти, так и народ. Сам император приезжает завтра из Токио. Буду ежедневно доносить о состоянии здоровья. Злоумышленник задержан, принадлежит, по предположениям, к партии, враждебной иностранцам».

От князя Барятинского из Киото 12 мая/30 апреля 1891 г. 12 ч./4 ч. //

(Почерком государя): // «2-я телеграмма получена в 6 часов»: // «Цесаревич встал сегодня утром, проспав непрерывно 9 часов, температура и пульс нормальны, головных болей нет, ни на что

не жалуется, сделанная вчера перевязка раны не беспокоит; слава богу, общее состояние очень хорошо. Дополнительные подробности к моей вчерашней телеграмме: негодяй хотел вторично броситься на великого князя, но был опрокинут ударом палки, нанесенным принцем Греческим, а затем тяжело ранен полицейским агентом».

(Почерком государя): // «От Бяратинского, в 10 часов вечера»:

«Рана неопасна, состояние здоровья весьма удовлетворительно. Доктора спокойны. Усложнений¹⁸ не предвидится». //

Это любезное сообщение доставляет моему министру большое удовольствие и трогает его; нам кажется, что женский почерк, которым переписаны две первые телеграммы, принадлежит императрице или великой княжне Ксении Александровне; третья, короткая телеграмма переписана целиком государем.

Под этим впечатлением я перехожу из апреля месяца, который был для меня переполнен столькими волнениями, в прекрасный месяц май. Да поможет нам милостивый Бог!

Среда, 1 мая

Появившийся сегодня номер // «Правительственного вестника» // дает на первом месте сообщение о покушении на цесаревича.

Телеграммы с соболезнованиями и поздравлениями начинают приходиться со всех сторон, и государь пересылает их министру с обычной пометой: // «Приготовить ответ» //. В числе их находится весьма трогательная телеграмма от японского императора, но я совершенно не знаю, в каком тоне наш монарх пожелает на нее ответить. Мне кажется, что было бы невеликодушно и неуместно выказать малейшее неудовольствие, и я заготавливаю следующую ответную телеграмму: «Искренно благодарю ваше величество за выраженные вами чувства и за знаки внимания, которые вы оказали моему сыну. Я льщу себя надеждой, что несчастный случай, происшедший, к большому прискорбию, в Отсу, не лишит великого князя цесаревича всего удовольствия, которое он предполагал себе доставить посещением вашего величества». Мне приходит мысль заготовить для нашего очередного курьера, уезжающего завтра, в четверг, циркуляр, который разъяснил бы нашим представителям, как императорское правительство относится к покушению в Отсу, с приложением копий всех официальных телеграмм, сообщивших нам подробности этого покушения. Министр одобряет это предложение и все представленные мною проекты. Он отправляется к великому князю Сергею, выразившему желание перед своим отъездом в Москву согласовать с министром позицию, которую он должен занять по отношению к консульскому корпусу во второй столице.

Государь возвращает вечером вторую телеграмму Шевича из Киото от 30 апреля 1891 года, посланную ночью в Гатчину. // «Император Японии будет здесь сегодня вечером. Министры иностранных и внутренних дел приехали сегодня и выразили мне свою несказанную скорбь и смущение, прося о милостивом прощении. Я отвечал виконту Аохи (министру иностранных дел), что ожидаю от вас сообщения касательно удовлетворения, которое государю императору угодно будет требовать за нанесенное ему и русскому народу оскорбление. Цесаревич здоров и бодр, великодушные его поражает всех». //

Его величество надписал: // «Потребовать от правительства самое полное и тщательное следствие, а главное, узнать как можно скорее, действовал ли убийца по своему желанию или это заговор и есть еще сообщники. От этого будет зависеть дальнейшее пребывание сына в Японии». «Конечно, никакого удовлетворения нам не нужно». //

Министр получает также вечером записку от графа Воронцова-Дашкова, в которой спрашивается, нет ли возможности узнать через японского посланника, какова национальность и личность преступника из Отсу. По-видимому, начинают опасаться, что это был переодетый русский и что существовал целый заговор.

Я начинаю сомневаться в том, что государь одобрит проекты телеграммы микадо и циркуляра нашим послам, которые были ему посланы сегодня утром.

<...>

Суббота, 4 мая

Телеграмма Шевича из Киото от 2/14 мая, посланная вчера, гласила следующее: // «Кроме визита цесаревичу и торжественных проводов до Кобе, император издал рескрипт, повелевающий кабинету немедленно предать преступника, покусившегося на жизнь возлюбленного цесаревича, в руки правосудия, дабы дружественные и близкие отношения с Россией не были нарушены, а также ввиду¹⁹ личного успокоения императора, донельзя пораженного ужасным преступлением. Сверх того, император повелел, чтобы чрезвычайное посольство с принцем крови во главе отправилось тотчас же в Петербург для принесения от имени его величества извинений перед государем императором. Вследствие того, что торжественность и овационный до сих пор характер приема здесь цесаревича вызвали, по-видимому, ныне негодование со стороны фанатиков патриотизма, я считаю дальнейшее пребывание его высочества в Японии небезопасным. К тому же сам цесаревич расположен, кажется, через несколько дней отбыть во Владивосток». //

Его величество возвращает сегодня утром эту телеграмму с пометой: // «Я тоже полагаю, что при таких обстоятельствах пребывание

сына в Японии невозможно, и буду ему телеграфировать об этом». // Помимо того, на отдельной записке государь пишет: // «Если возможно, весьма желательно было бы отклонить в самых вежливых выражениях приезд сюда японского принца с свитой и сказать, что мы вполне удовлетворены личной любезностью императора, императрицы и всех принцев. А[лександр]». //

Я немедленно заготовляю телеграмму Шевичу в этом смысле и почту в этих же самых выражениях. Совет последнего об отказе великого князя цесаревича от дальнейшего путешествия мне кажется совершенно неправильным. Его императорское высочество не должен продолжать свои экскурсии внутрь страны, но посещение Иокогамы и Токио является, по-моему, обязательным. Принятое ныне решение находится в противоречии с пожеланиями, выраженными наследником немедленно после покушения и в телеграмме нашего государя на имя императора Муцухито. // Чего испугались? // Злые языки буквально смогут сказать, // что из Японии по шапке прогнали! // Ведь двор и все классы общества в Японии сделали все возможное, чтобы достойным образом встретить наследника, и вот небольшая царапина заставляет его возвращаться обратно, не отдав долга вежливости монарху и не посетив его. «Положение обязывает!» Нельзя принимать столь жалкий и трусливый вид.

В общем надо признаться, что путешествие сыновей государя с образовательной целью удалось довольно плохо. Великий князь Георгий вернулся с самого начала этого путешествия чахоточным; наследник присутствовал на многих охотах, быть может, развлекался в веселом обществе, окружающем его, но весь этот спорт лишь весьма мало мог пойти на пользу его развитию, а что касается впечатления, произведенного его появлением на Дальнем Востоке, то оно было далеко не благоприятно. Английские газеты в Индии назвали его // «молокососом» // и высмеивали его; некоторые старались распространить легенду, что царь послал своего сына, чтобы оказать почтение вице-королю Индии; банальная и невзрачная фигура великого князя не может оказать внушительного впечатления на восточных людей и на туземцев Индии; как говорил Ону, им нельзя было не испытать некоторого разочарования, видя, как сын и наследник великого и могущественного императора всероссийского садится за стол со ставленниками английской короны, которых они ненавидят. Они не допускали и возможности, что наследник русского престола может обращаться с последними, как с равными себе. Наконец, для завершения всего, великому князю наносятся удары японским полицейским, а он убегает домой до наступления срока, назначенного для возвращения, и, по-видимому, покрытый шрамами. По появившимся в газетах описаниям, великий князь играл весьма

пассивную роль в Отсу, а потом, как только исчезла трагическая и тревожная сторона всего этого несчастного дела, успокоительные известия придали покушению обидный характер простого оскорбления, а поспешному отъезду его императорского высочества придали вид весьма нерыцарственного бегства.

Когда я увидел моего министра, то мне показалось, что он разделяет мое мнение, но было бы трудно возобновить путешествие наследника по Японии; ответственность в этом случае представляется здесь слишком серьезной без знания положения вещей на месте. Тем не менее г. Гирс надеется, что великий князь, отказавшись от предполагаемого путешествия внутрь страны, не откажется от посещения Токио. Посмотрим!

Сегодня уезжает в Москву великий князь Сергей, чтобы вступить в исполнение своих генерал-губернаторских обязанностей. По-видимому, ему готовится весьма блестящая встреча, и Зиновьев, проезжавший случайно мимо дворца великого князя в тот момент, когда последний садился в экипаж, направляясь на Николаевский вокзал, рассказывает, что против бывшего дома Белосельских собралась даже небольшая группа крикунов, оглашавших воздух криками //«ура»//. Не был ли к этому причастен милейший ген. Гресеер?

Полученная вечером телеграмма Шевича сообщает подробности о личности преступника, совершившего покушение в Отсу; это японец дворянского происхождения, принадлежащий к одной из самых фанатических сект и служащий в местной полиции. Мы сообщаем эти сведения графу Воронцову-Дашкову.

<...>

Четверг, 16 мая

Государь вернул сегодня утром //докладную записку//, к которой был приложен текст весьма секретного письма г. Гирса от 21 февраля 1890 года и при которой ему были препровождены весьма секретные депеши г. Нелидова. Государь сделал следующую помету: // «Одобрю все эти предположения. Я бы желал прибавить одно, что, если возможно, желательнее выбрать князя православного, и если это не удастся, то тогда только лютеранина» // Это пожелание суживает нашу программу прошлого года, и я сожалею об этом; министр говорит, что Капнист совсем не умеет редактировать и сам отдает себе в этом отчет; он меня просит составить проект ответной телеграммы, и я тотчас же набрасываю его тут же у него. Министр в восторге от моего проекта и хочет его отложить, дабы иметь два-три часа на размышление и чтобы посоветоваться с Капнистом. Я только настаиваю на совершенной необходимости, по моему мнению, сослаться на наше

письмо от 21 февраля и на нашу телеграмму от 8 марта минувшего года на имя Нелидова.

Письмо от 21 февраля 1890 года я составил на основании разговора, который имел с моим министром в субботу 17 февраля, возвращаясь из церкви после причастия. Это письмо гласит: «Государь не думает, что предложение, которое было вам сделано великим визирем, дает много шансов на практическое разрешение болгарского вопроса. Но раз, по вашим словам, симпатии Киамиль-паши к правительству князя Кобургского, по-видимому, уменьшаются, то нам никоим образом не следует обескураживать его в его попытках прийти с нами к соглашению. Вы были правы, снова повторяя великому визирю формальное и категорическое заверение, что мы не преследуем никаких собственных выгод в Болгарии, но что мы никогда не согласимся ни на признание принца Фердинанда, ни на признание независимости Болгарии, которую он попытался бы провозгласить в целях сохранения своей власти в стране. Мы уверены, что, открыто став на эту точку зрения, Турция будет содействовать крушению нынешнего болгарского режима, который нам, впрочем, и без того не представляется прочным; этот режим непременно уступил бы перед силой обстоятельств, оказавшись перед непоколебимой и ясной позицией как своего сюзерена, так и российского правительства. Ввиду того, что Киамиль-паша вам высказал предположение, что “если мы можем сговориться о назначении другого князя и предоставим это избрание самим болгарам, упрощая избирательные формальности, то нынешнее правительство, *может быть, согласится отказаться от принца Фердинанда*, который понял бы сам, что ему нечего больше ждать”, вы можете сказать великому визирю, что мы согласны договориться с Портой относительно приемлемого для всех и могущего быть одобренным болгарскими кандидатами кандидата, но не станем брать на себя инициативу в деле выдвижения какой-либо определенной кандидатуры.

Великодушная и бескорыстная точка зрения нашего августейшего монарха вам известна. Она остается ясной, точной и неизменной: мы не могли бы потерпеть ни реставрации принца Баттенбергского (графа Гартенау), ни избрания кого бы то ни было из членов семьи принца Кобургского или другого католического кандидата. Но, за этими исключениями, мы не станем возражать ни против каких выборов, согласных с условиями берлинского трактата²⁰, стремясь прежде всего положить конец ненормальному положению, столь тяжело отзывающемуся на Болгарию и являющемуся элементом постоянного беспокойства и тревоги во всей Европе. Это — единственная цель, которую мы преследуем в этом злосчастном болгарском вопросе в общих интересах. Если Турция пожелала бы присоединиться к этой цели, она всегда встретила бы у нас искреннее желание прийти

к соглашению, польза которого так очевидна, что ее не стоит и доказывать. Примите и проч.».

Ввиду того, что великий визирь²¹, в целом хорошо приняв тогда это предложение, заметил, что для успеха переворота в Болгарии было бы абсолютно необходимо использовать Стамбулова и успокоить его относительно судьбы, ожидающей нынешних министров, я отредактировал проект ответа на письмо от 1/13 марта 1890 года, в котором Нелидов нам сообщал ответ Киамиля. Составленная мною телеграмма была одобрена министром и отправлена 8/20 марта 1890 года.

Эта телеграмма гласит: «Отношение великого визиря к вашему предложению представляется довольно удовлетворительным. Наш августейший монарх с интересом ожидает результатов. Если Киамиль настаивал на необходимости использовать Стамбулова с целью удаления Кобурга и правомерного избрания законного князя, то мы не встречаем препятствий к тому, чтобы Порта²² прибегла к этому способу, если она его считает наиболее целесообразным. Вы были правы, указывая, что для нас важно договориться между собою об избрании нового князя, а не заниматься вопросами о составе министерства, которое в будущем князь будет иметь полную возможность назначить по собственному усмотрению».

Несколько дней спустя князь Бисмарк покинул свой пост; при том неопределенном положении, в котором Европа оказалась после этого события, турки и болгары прекратили переговоры.

Тем не менее является вероятным, что Стамбулов был осведомлен обо всем, что Нелидов должен был по этому случаю сообщить Киамиль-паше, и если он действительно намеревается в ближайшем будущем избавиться от принца Кобургского, то он мог пожелать справиться через посредство экзарха²³, по-прежнему ли мы расположены прийти в этом случае к соглашению. После завтрака я отправляюсь на небольшую прогулку; вернувшись, я нахожу записку от министра; последний, обдумав вопрос и поговорив со своим сыном и с Капнистом, внес небольшую перестановку в составленный мною проект телеграммы. Третий абзац должен занять место второго, а последний — место третьего. Это несколько искажает текст; последний абзац перередактирован: он усилен словами «само собой разумеется» и «такового», которые мне представляются не очень живописными, но так как в сущности смысл нисколько не изменен, то я одобряю эти поправки, и, кажется, все остаются довольны. Вот телеграмма, которую мы тотчас же посылаем в Константинополь и проект которой был послан в 4 часа государю:

«Ваши совершенно секретные депеши были прочитаны государем, который одобряет ваш ответ экзарху, как вполне соответствующий принципам, изложенным в моем секретном письме от 21 февраля

и в моей телеграмме от 8 марта 1890 года, которым его величество остается верен.

Если бы экзарх пожелал назначить, *сговорившись со Стамбуловым* (эти три слова были добавлены министром), вполне заслуживающее доверия лицо, могущее служить посредником для доверительного обмена мнений по болгарским делам с нами, то мы в Петербурге не возражали бы против подобной миссий.

Что касается кандидатов в болгарские князья, о которых говорит ваша депеша, то наш августейший монарх, само собой разумеется, предпочел бы православного и лишь за отсутствием такового был бы приемлем и лютеранин».

Если шаг Стамбулова неискренен, то такой ответ нас ничем не скомпрометирует, — напротив, он докажет еще раз, насколько мы корректны и верны усвоенным нами принципам. Мне кажется, что телеграмма от 8 марта такова, что она может даже склонить болгарского диктатора на нашу точку зрения. Опасения, которые он, по-видимому, высказал митрополиту, являющемуся посредником между ним и экзархом, сводятся главным образом к тому, что Россия не пожелает допустить каких бы то ни было выборов князя и попытается учредить в Болгарии своего рода генерал-губернаторство, чтобы самой распоряжаться внутренними делами страны. Он хотел бы иметь уверенность, что не будет сделано никакого покушения на независимость княжества и что мы не помешаем закономерному и быстрому приходу к власти нового князя. Если Стамбулов начинает, и притом небезосновательно, не доверять принцу Кобургскому, то он опасается также и слишком долгого междуцарствия и анархии, которая могла бы стать роковой и лично для него.

Хотя экзарх никогда не принадлежал к друзьям Стамбулова, но он думает, что замена его кем бы то ни было была бы для страны несчастьем. Стамбулов, несомненно, патриот, другие же были бы лишь приниженными слугами западных держав, и даже поддались бы католической пропаганде. Ионин и Зиновьев приходят ко мне к чаю в 4 часа. Обмениваемся воспоминаниями из времен нашей борьбы с Катковым²⁴.

<...>

Вторник, 4 июня

Как только министр уехал, принесли пакет от государя, заключающий выдержки из иностранных газет, касающиеся по преимуществу возобновления тройственного союза и франко-русского союза, как его противовеса. На этих выдержках его величество пометил: //«Как всем этим канальям желательно расстроить хорошие отношения

наши с Францией! Доказательство, как эти отношения их тревожат и неприятны им». // Невелико открытие!

<...>

Понедельник, 24 июня

По пути в Левашово [написал проект письма князю Лобанову]: «Г. посол, объяснения, которые граф Кальноки и г. Сечени дали вам касательно аудиенции, предоставленной императором Францем-Иосифом принцу Фердинанду Кобургскому, в известной мере удовлетворительны, но самый факт этого свидания остается тем не менее весьма прискорбным, и вы были совершенно правы, не скрыв этого от венского кабинета.

Шум, поднятый в связи с декларацией маркиза ди-Рудини²⁵, подтвержденной приписываемыми германскому императору словами по поводу возобновления тройственного союза, несколько нас не удивляет. Все эти выступления свидетельствуют не столько о действительной удовлетворенности, сколько о народившихся сомнениях в прочности и практической пользе возобновленного союза. Мы не менее центральных держав желаем сохранения мира, и, твердо решив со своей стороны ничего не делать такого, что может его нарушить, не имеем никакого основания беспокоиться по поводу продолжения соглашения, которое, по-видимому, имеет ту же цель. Помимо того, мы можем в этом случае лишь поздравить себя с тем, что, пользуясь всеми выгодами полной свободы от всяких обязательств, — мы можем направлять наши усилия исключительно на постепенное внутреннее развитие страны, благодетельное для ее интересов и благосостояния.

Конечно, Европа представляет необычайный вид, будучи разделена на две вооруженные до зубов группы, в то время как она стремится исключительно к миру. Это положение, столь не благоприятствующее благодетельному успокоению умов, могло быть вызвано лишь чувствами зависти и страха, которые России чужды и разорительную тщету коих время не замедлит выявить.

Ввиду того, что государь находится в данное время в финляндских шхерах, я посылаю ему туда вашу интересную экспедицию от...²⁶; пока я пользуюсь отъездом нашего двухнедельного курьера, чтобы доставить вам пакет с литографиями за последние две недели, среди которых вы найдете бюллетень, дающий общее резюме политического положения в данный момент. Примите и проч.»

<...>

Понедельник, 8 июля

[Из дворца] возвращается депеша г. Нелидова от 27 июня/9 июля 1891 года № 80, по поводу возобновления тройственного союза и влияния его на Порту. Его новое расширение, вызванное присоединением Англии, состоявшимся на неизвестных и сохраняемых в тайне условиях, близко затрагивающее сферу наших интересов и нашего законного влияния и дающее союзникам способ верного воздействия [на Турцию], — в этом г. Нелидов видит «самую большую опасность новой группировки». Он заканчивает свою депешу словами: «Я не могу поэтому скрыть от себя и обойти молчанием перед вашим превосходительством беспокойство, вызываемое у меня этим положением». Государь пишет на депеше сверху: // «Меня это вовсе не беспокоит».

<...>

Пятница, 12 июля

Говорят, что встреча французской эскадры была великолепна и трогательна²⁷.

Суббота, 13 июля

Государь должен ехать сегодня на французскую эскадру и принимать моряков на «Державе». <...>

Воскресенье, 14 июля

<...>

Письмо Греча от 15 июля 1891 года²⁸

«Дорогой граф!

В течение нескольких дней я засыпан телеграммами; я не выходил из дому, но вы увидите из конца письма, что можно было бы дорого заплатить, чтобы Кронштадт был в Петербурге²⁹. Все это не трогало бы меня, если бы телеграммы и описания не становились все более лаконичными, а тосты г. Жерве все более определенными. Я вам присылаю при сем его последний тост, произнесенный в Кронштадте. Что касается лично меня, то я получил полное отращение к этой “народной” манифестации. Тут так мало контроля, что в будущем, возможно, в этом придется раскаться. Официальные чествования были почти обойдены молчанием. Агентство [телеграфное] своей пассивностью очень мало содействовало этому энтузиазму. Англичане и немцы тоже признают “совершившийся” факт, не предаваясь сетованиям; “мы увидим, сколько это продлится”, добавляет “Таймс”. Г. Рансен, по-видимому, в фаворе, и такие фразы, как, например: “Сегодня утром за завтраком у Куба великий

князь Алексей мне сказал” и т. д., мною вычеркнуты. Я также, конечно, выбросил в той же телеграмме предполагаемый гост его величества государя, который гласит: “Я думал, что имею в Европе одного друга, а оказывается, их два”³⁰. Телеграмма заканчивается словами русского генерала (названного в телеграмме по имени): “Я надеюсь, что дело вышло”. В то же время смеются над публикой, производящей все эти манифестации, говоря, что лица, знающие французский язык лишь наполовину, спрашивают “митральезу” вместо “Марсельезы”³¹.

<...>

Пятница, 2 августа

Приходит письмо от министра с одобрением телеграммы, составленной мною для государя на имя сербского короля. Г. Гирс просит меня заготовить еще другую на имя австрийского императора. Государь возвращает письмо нашего поверенного в делах в Вене от 24 июля/5 августа, в котором князь Кантакузен дает отчет о разговоре с австро-венгерским министром иностранных дел. Граф Кальноки, скрывая неприятное впечатление, которое на него произвело посещение Кронштадта французской эскадрой, толкует его как новую гарантию мира; по его мнению, французы найдут в овациях, полученных их моряками, успокоительное удовлетворение своего самолюбия. Он, между прочим, заметил, что «раз Россия не предпочла стать на сторону мирного союза среднеевропейских держав, о чем венский кабинет искренно сожалеет, то понятно, что она не желала остаться слишком продолжительное время в положении, подвергающем ее опасностям полной изоляции». Но «что его, несмотря на все, озабочивает, так это воинственная позиция, занятая державами в отношении друг друга и принимающая все более угрожающую форму. Может наступить момент, когда это тягостное положение станет невыносимым, и в этом случае опасность будет велика». Эти слова мне напоминают мысли, высказанные мной в моей небольшой записке от 6 июля.

«В течение разговора граф Кальноки выразил несколько раз глубокое удивление, отмечая, что форма правления, отличающая Францию от остальной монархической Европы, не явилась большим затруднением для императорского кабинета. Он не мог себе представить улицы С.-Петербурга и даже залы дворца его величества государя оглашаемыми хорошо известными революционными песнями. Я ответил, что мне неизвестны слова «Марсельезы», равно как и других иностранных национальных гимнов, и я думаю, что большинство подданных государя находится в том же положении, но что, конечно, никто из тех, кто слушал звуки «Марсельезы» в присутствии нашего монарха и его французских гостей, не старался найти в этой музы-

ке что-либо иное, кроме как звуки национального гимна великой державы, делающей все возможное для выражения почтения его императорскому величеству и своих симпатий России».

Это место письма князя Кантакузена удостоилось высочайшей пометы: // «Совершенно верно».

Наш поверенный в делах заканчивает свое письмо следующими словами: «Тем не менее я узнал из весьма авторитетного источника, что впечатление, произведенное здесь кронштадтскими событиями, было серьезно и глубоко. Согласно сведениям моего осведомителя, то же имело место и в Берлине, Лондоне и Риме, только, — добавил он, — там с самого начала оказались достаточно сообразительными, чтобы этого не высказывать».

<...>

Вторник, 6 августа

Государь возвращает телеграмму Бахметева по поводу тревожных известий с Крита, которые ставят греческое правительство в положение еще более трудное, чем два года назад. Афинский кабинет желал бы добиться, чтобы одна из великих держав, а быть может, Россия и Франция сообща, предприняли шаги перед Портой. В Греции предполагают, что Англия подстрекает и поддерживает волнения на Крите в неизвестных еще пока целях. Его величество пометил наверху этой телеграммы: // «Весьма желательно было бы остановить эти безобразия вовремя». // Еще одно свидетельство греческих симпатий! Газеты полны описаний ярких проявлений самого рьяного русофильства во Франции. Великий князь Алексей сделался предметом их в еще большей мере, чем при своем приезде в Париж и в Виши. Русский народный гимн раздается по всякому поводу во всех уголках Франции, но весьма прискорбно, что все эти вначале совершенно невинные манифестации в последнее время принимают неосторожный, чтобы не сказать вызывающий, оборот. Упоминание об Эльзас-Лотарингии³² в некоторых речах и процессии перед статуей Страсбурга³³ достаточно неуместны; наши дорогие друзья начинают нас компрометировать. <...>

Суббота, 10 августа

Я нахожу министра гораздо более бодрым; он чувствует себя лучше; государь вполне одобрил его ответ военному министру относительно генерала Куропаткина, который стал вести собственную политику в Афганистане. Обыкновенно его величество стоит на стороне военных. Проект письма барону Моренгейму равным образом возвращается одобренным, и я его представляю на подпись министру; вот это письмо, помеченное 9/21 августа.

«Г. посол,

Положение, создавшееся в Европе, в силу открытого (*manifeste*) возобновления тройственного союза и более или менее вероятного присоединения Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом, вызвало во время недавнего пребывания здесь г. де-Лабулэ обмен мнений между французским послом и мною с тем, чтобы установить позицию, которая при нынешних условиях в случае возникновения известных обстоятельств была бы наиболее целесообразной для обоих наших правительств, которые, оставшись вне какого-либо союза (*en dehors de toute ligue*), тем не менее искренно желают создать самые действительные гарантии для сохранения мира. Таким образом, мы пришли к формулированию нижеследующих двух пунктов:

1) В целях определения и утверждения сердечного согласия, объединяющего их, и желая сообща способствовать поддержанию мира, который является предметом их самых искренних желаний, оба правительства заявляют, что они будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру.

2) В случае, если мир оказался бы действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны уславливаются (*conviennent*) договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий настоятельным для обоих правительств.

Доложив государю об этих переговорах, а равно и текст принятых заключений, я имею честь вам сегодня сообщить, что его величеству угодно было полностью одобрить означенные принципы соглашения и благосклонно согласиться на принятие их обоими правительствами.

Сообщая вам об этой высочайшей воле, я прошу вас довести ее до сведения французского правительства и уведомить меня о тех решениях, на которых, со своей стороны, оно остановится. Примите и проч. Гирс».

Министр выражает мне еще раз свое полное удовлетворение этим документом, находя его лаконичным, ясным, достойным и не могущим ни в коем случае причинить нам вреда, даже в случае его опубликования. Пока государь требует соблюдения по этому поводу полнейшей тайны и просит г. Гирса скрыть эти переговоры даже от г. Шишкина, товарища министра, который будет управлять министерством в его отсутствие. Его величество приказывает также, чтобы только один старший перлюстратор³⁴ г. Витепаж был допущен к расшифровке французских телеграмм, касающихся этих переговоров. В сущности, г. Гирсу все это сближение с Францией несимпатично;

я отмечаю, что тем не менее оно является неизбежным результатом нынешней обстановки и логическим следствием событий, развернувшихся в течение последних лет. Во всяком случае, это доказывает отсутствие у министра предвзятого взгляда и личных симпатий. «Вы симпатизируете и отдаете ваше предпочтение тому, кто в данный момент может и хочет предоставить наибольшие выгоды России».

<...>

Вторник, 17 декабря

На телеграмме Бюцева от 15 декабря против: // «Напустив на себя спокойное настроение, шах не хотел признать основательности моего заявления» // [государь написал: // «Упряма же, бестия!»//, а затем в конце [после слов:] // «Сомневаюсь в возможности народного взрыва теперь, но опасаясь, что возбуждение против шаха и первого министра может развиться и перейти в движение, с которым они бессильны будут совладать», // [помета:] // «При этом нам не надо оставаться простыми зрителями, а стараться добиться первенствующего влияния в Персии».

<...>

1892 год

<...>

Пятница, 31 января

Директор Дворянского банка граф Кутузов указал вчера Оболенскому на очень интересный факт. Отчеты, представленные министру финансов за 1891 год, отмечают, что сберегательные кассы собрали вкладов более обыкновенного и что налоги были собраны без особенно большого дефицита. Отсюда он делает вывод, что обеднение, вызванное плохим урожаем прошлого года, не было столь значительным, как этого можно было опасаться, а также отнюдь не повсеместным в России. <...>

Виделся с моим министром в обычное время. Он разговаривал вчера с морским министром адмиралом Чихачевым, которого считает очень разумным человеком. В качестве такового он всячески возражает против демонстративной встречи наших судов с французской эскадрой в одном из портов Средиземного моря, в особенности на о. Крите или в Пирее. Он также не одобряет проекта Нелидова о появлении наших моряков в Константинополе и просит министра умерить неразумный пыл наших послов в Париже и Константинополе. Мы не надолго задержались в Александрии и совершили // «практическое плава-

ние» // в доказательство нашей готовности идти навстречу французам, но пока не следовало бы предпринимать ничего большего. Мы располагаем лишь незначительным количеством свободных судов, которые нужны для неизбежных экспедиций на Дальнем Востоке, где истребляют котиков и выдр и т. д. Содержание эскадры в Средиземном море обошлось бы нам очень дорого и было бы бесполезно. // Тем, что имеем, никак не запугаем, а вызовем, быть может, со стороны Англии и других держав мероприятия гораздо более действительные. // Даже французы, по-видимому, понимают, что опасно бросать вызов англичанам, демонстрируя русские или французские суда в водах о. Крита, где спокойствие теперь восстановлено. Но зло заключается в том, что государь относится сочувственно к мысли о появлении двух-трех наших судов в Средиземном море и очень желает, чтобы это подобие эскадры отправилось в Безику. Подобная мысль, может быть, отчасти внушена его величеству великим князем Александром Михайловичем, который очень хорошо принят в царской семье и мечтает, в качестве молодого моряка, об активном и воинственном флоте. Это все громкие слова // о русской чести, о нашем достоинстве // и традиционное // «шапками закидаем» //. Чихачев и Гирс решили серьезно переговорить с государем при своих будущих докладах: первый — в понедельник, а второй — во вторник. Адмирала Чихачева очень покорило посещение французского морского агента, который с ним говорил, как о решенном деле, о встрече русских и французских судов в Пирее. В перлюстрированной телеграмме г. Рибо г. Монтебелло выражается та же мысль. Французы, по-видимому, желают располагать нами со всей бесцеремонностью навязчивых друзей. У них все тот же тайный умысел — скомпрометировать нас демонстрациями, столь же бесполезными, сколь и неосторожными; они также собираются осаждать нас предложениями заключить соглашение о совместных военных действиях обеих держав в случае нападения какой-либо третьей стороны. И, совершенно запутавшись в их сетях, мы будем преданы и проданы при первом удобном случае. Кто может поручиться за прочность нынешнего правительства? А его преемники захотят, может быть, испробовать новую политику. Я говорю министру, что наше сближение с Францией, как ответ на возобновление тройственного союза, мне кажется очень удачным и весьма ловким. Кронштадтские демонстрации, наше соглашение по некоторым принципиальным вопросам, его поездка в Париж — все это хорошо, нам нельзя было оставаться изолированными и неподготовленными, надо было восстановить хотя бы подобие равновесия сил в Европе, но зачем злоупотреблять хорошими вещами? Нам нужны мир и спокойствие ввиду бедствий голода, неудовлетворительного состояния наших финансов, незаконченности наших вооружений, отчаянного

состояния наших путей сообщения и, наконец, возобновляющегося брожения в лагере нигилистов. Для общего успокоения, по крайней мере на некоторое время, необходимо выправить насколько возможно наши отношения с Германией; единственным действительным средством для этого является визит государя Вильгельму II.

<...>

Воскресенье, 15 марта

[Из дворца возвращена депеша из Пекина об]³⁵ // «образе действий германского правительства в Китае. Если отношения к нам берлинского кабинета в Европе за последнее время уже далеко не те, какими были прежде, то, во всяком случае, они не имеют еще того характера открытого недоброжелательства и враждебности нашим интересам, какой счел нужным придавать им германский представитель здесь». // [Государь на этой депеше написал:] // «Это, к сожалению, нам давно известно, и это не только в одном Китае!» //

Понедельник, 16 марта

Был у министра. Телеграммы из Вены от 14/26 марта 1892 года. Буриан вызван в Пешт для отчета о своей деятельности. На Буриана сильно нападают за то, что он ошибся в своей оценке жизнеспособности и силы нынешнего болгарского режима и тем самым ввел свое правительство в заблуждение. [На этой телеграмме царская помета:] // «Болваны, только теперь догадались!» //

<...>

Понедельник, 30 марта

От государя возвращаются бумаги. В письме от 26 марта/7 апреля барон Моренгейм описывает печальное зрелище, которое представляет Париж, и происходящие там ужасы. Динамит; слабость правительства. Министерский кризис ожидается в мае.

«Независимо от того, пойдут ли здесь дела хуже или лучше, я смею думать, что всего осторожнее было бы ограничиться дружественной, но благоразумной выжидательной позицией, так как в первом случае заключение более тесного соглашения, которое недобросовестные люди могли бы использовать нам во вред, представляло бы для нас большую опасность, а во втором случае мы никогда не опоздаем возобновить переговоры в условиях гораздо большей безопасности».

[Против этого абзаца письма Моренгейма] государь написал: // «Да» //, отчеркнув весь этот абзац.

«Гг. Фрейсинэ и Рибо выказывают определенное нетерпение по поводу задержки, и я уверен, что Монтебелло, уезжающий со своей

супругой сегодня же обратно, везет с собой инструкцию, которой он будет следовать с величайшим рвением.

Кабинет крайне старается вновь приобрести престиж и авторитет путем каких-либо успехов, вроде кронштадтских, которые могли бы ему вернуть популярность, приобретенную, надо признаться, главным образом за наш счет».

В письме от 26 марта/7 апреля граф Шувалов дает отчет о положении, которое он застал при своем возвращении в Берлин. Он делает обзор событий, развернувшихся со времени вступления Вильгельма II на престол: международная рабочая конференция, отставка Бисмарка, отказ от школьного закона, который едва не привел к отставке Каприви. Император мешается во все дела; общее потрясение. Разделение функций канцлера и прусского министра-президента между Каприви и Эйленбургом³⁶. Министерский кризис обошелся императору в крейцер³⁷. Стоит лишь вспомнить престиж и моральное влияние, которыми когда-то располагал Вильгельм II! Опасение диверсий по линии внешней политики. «Возможно, что, не заходя так далеко, здесь прибегнут к приему, который применяли уже во времена Бисмарка, — представить внешнее политическое положение в угрожающем виде, чтобы отвлечь общественное мнение от жгучих внутренних вопросов, раздуть военный шовинизм и тем самым оттачивать страшное оружие военной мощи, которое можно будет таким образом пустить в ход как против внешних, так и против внутренних врагов».

Против этого абзаца государь надписал: // «На это надо было быть Бисмарком, а теперешнему императору вряд ли это удастся». //

«Более важным представляется мне то, что крайнее напряжение ресурсов страны, вызываемое все растущими военными потребностями как в Германии, так и в Австрии, даже в Италии, привело к тому, что и помимо военной партии многие разумные и рассудительные люди спрашивают себя, не приведет ли большая война, каков бы ни был ее исход, к разрешению нынешнего совершенно невыносимого положения, которое скорыми шагами ведет к еще более страшной катастрофе: социальному перевороту».

Император делает помету: // «Об этом и я часто думаю». //

«Впрочем, это вопросы будущего. В настоящее время, повторяю, ничто, по-видимому, не оправдывает пессимистических толков, на которые я только что указал.

Для нас неважно, пострадал ли престиж генерала Каприви внутри страны или нет после последнего министерского кризиса в Пруссии; факт его оставления у власти в качестве канцлера является гарантией того, что германская политика *не сойдет* в настоящее время с пути умеренности. Это всего существеннее».

Против этих слов государь, подчеркнув слова: «не сойдет», пишет на полях: // «Не такое положение, чтобы сойти; никто этого не желает». //

<...>

Среда, 3 июня

Оболенский показывает мне письмо Шишкина, — надо признаться, довольно плохо средактированное, — в котором наш товарищ министра 27 мая сообщил государю, что, вопреки выраженному им желанию, второй секретарь в Афинах Катков не может быть назначен первым секретарем в Лиссабоне, так как это последнее место было уже предоставлено г. Бахерахту, бывшему второму секретарю императорского посольства в Берлине. Его величество вернул сегодня утром это письмо с пометой: // «Бахерахта перевести в Афины, а Каткова в Лиссабон. Исполнить немедленно». Kurz und biindig!³⁸ Но как выйти из этого положения? Бахерахт — примерный чиновник, имеющий свыше 20 лет службы, и занимает уже около 10 лет место второго секретаря посольства в Берлине, где его, конечно, очень ценит его начальство. Катков начал службу лишь 6–7 лет назад и очень плохо выдержал свой дипломатический экзамен, никогда себя ничем не проявил, кроме бесконечной лени и крайней неспособности, но зато он женат на княжне Лобановой; с одной стороны, ей удалось приобрести благосклонность молодой королевы греческой, а с другой — к ней расположена великая княгиня Елизавета Федоровна, ввиду того что сестра Катковой была фрейлиной у покойной великой княгини Александры Георгиевны. По просьбе графа Шувалова и во внимание к продолжительной службе Бахерахта, последний был назначен приказом от 21 мая первым и единственным секретарем нашей миссии в Лиссабоне. Но Катковы стремились получить это же назначение по соображениям здоровья. Великий князь Сергей требовал этого в настойчивой телеграмме; министр ответил ссылкой на невозможность исполнить просьбу, так как пост уже несвободен. Затем предпоследний фельдъегерь привез короткое письмо государя Шишкину; в нем говорилось, что королева Ольга просила место секретаря в Лиссабоне для //Каткова//, в настоящее время — второго секретаря в Афинах, и добавлялось: //«Я думаю, что это можно бы сделать»:// Шишкин ответил на это довольно неловко, указывая в своем письме, что *назначение секретарей предоставлено законом министру* и что г. Гирс уже заметил место секретаря в Лиссабоне, назначив туда Бахерахта еще до получения письма от государя, но что он будет иметь Каткова в виду при первой открывшейся вакансии, соответствующей годам

его службы. Это письмо вернулось обратно с громоносной пометой. Но только зачем же было говорить с нашим нынешним монархом о праве и законе? Он не злой, но он опьянен властью и слишком ограничен, чтобы судить о вещах по существу; он не может признать, что есть пределы произволу. Говорят, что генерал Банковский часто его сравнивает с Петром Великим: // «Это Петр Великий со своей дубинкой», // — говорит военный министр. // Нет, это одна дубина, без великого Петра, // чтобы быть точным.

Я опасаясь, как бы эта глупая история не испортила много крови моему бедному министру, так как он окажется в необычайно затруднительном положении. Как разжаловать г. Бахерахта и послать его на место второго секретаря в Афины, чтобы назначить Каткова в Лиссабон? Как можно при этих условиях поддержать хоть малейшую дисциплину? А к тому же это является «хорошим» примером для служащих! Служебные годы, преданность своим обязанностям больше не принимаются в расчет. Все зависит от фавора; все дело в том, чтобы заручиться протекцией кого-либо из членов императорской семьи. Зиновьев приходит к чаю в 3 часа; я рассказываю ему все это; он возмущен: // «Вся Россия в какую-то вотчину обратилась, а государь — помещик, нигилист». //

<...>

VI
ИМПЕРАТОРСКАЯ
ФАМИЛИЯ

В. Е. АНДРЕЕВ

**Семейный конфликт
(к вопросу о взаимоотношениях
императора Александра III
и великого князя Константина Николаевича)**

Имена этих двух представителей императорского дома в 1860 — начале 1880-х годов XIX века, были у всех на слуху. Один — с 1865 года являлся наследником престола, другой — брат и сподвижник императора Александра II. Помимо всего, эти люди были близкими родственниками. Великий князь Константин Николаевич приходился родным дядей цесаревичу. Но, как это часто встречается в жизни, их политические взгляды на развитие страны были различны, да и взаимоотношения желали быть лучшими. Они являлись почти полной противоположностью друг другу: и внешне, и по характеру, и по своим политическим убеждениям. Их противостояние началось еще при жизни императора Александра II, а после его смерти достигло своей кульминации.

Еще в годы юности своего племянника великого князя Константина Николаевича раздражало в нем то, что он является «тугодумом», и, будучи человеком «прямолинейным», дядя не считал, что должен скрывать свое отношение к нему. В своих мемуарах С. Д. Шереметев отмечает это: «Понятно, что именно в среде окружающих государя и императрицу находились люди, не сочувствующие цесаревичу. Они распространяли о нем известные слухи, хотя невольно должны были с ним считаться. Всех язвительнее и ожесточеннее был царский брат — Константин Николаевич. Он не щадил самолюбия, не стеснялся отзываться презрительно о цесаревиче. Впрочем, он и ранее того, с детства его относился вообще с племянником пренебрежительно. Это я слышал от самого государя Александра III»¹.

И Александр III, и великий князь Константин Николаевич обладали сильным характером, решимостью отстаивать свою точку зрения до конца. В этом плане показательна одна фраза наследника

престола, сделанная в январе 1869 года. Великий князь Александр Александрович присутствовал у императора на докладе, который делал военный министр Милютин. Цесаревич доказывал окружающим, что ему только «мешают, вместо того, чтобы помогать... Я решился идти теперь напролом и не останавливаться ни перед кем»². Вот это решение «идти напролом» и будет во многом определять действия и поступки будущего монарха.

Исследуя биографию великого князя Константина Николаевича, нельзя обойти вниманием такой вопрос, как его внезапное увольнение со всех государственных должностей вскоре после воцарения нового императора. Но неожиданным уход великого князя из политики может показаться лишь на первый взгляд. Обычно это обстоятельство просто объясняют сложными взаимоотношениями нового императора и его дяди. Все это так. Вместе с тем возникает много вопросов: почему Александр III, очень трепетно относившийся к родственным связям, испытывал антипатию к своему дяде? Почему он, любя отца и зная, как тот высоко ценил своего помощника — брата, всегда испытывал чувства неприятия к великому князю? Для ответа на эти и другие вопросы, касающиеся взаимоотношения государя Александра Александровича и его великокняжеского родственника, необходимо рассмотреть целый комплекс как политических, так и общечеловеческих проблем. В исторической науке прочно укоренилось мнение, что любовь к отцу совсем не мешала великому князю Александру Александровичу не понимать реформы, проводимые им. Когда же в результате террористического акта 1 марта 1881 года был убит император Александр II, то всю ответственность за произошедшее новый император решил возложить на «Константиновскую» парию. Иначе говоря, на тех реформаторов во главе с великим князем, «навязавших» в свое время эти реформы. Главным виновником случившейся трагедии он считал великого князя Константина Николаевича.

«...Говоря о смерти отца, великий князь Владимир рассказывает, что одним из первых явился к смертному одру и был свидетелем жестокой сцены: стоявший на коленях Константин громко рыдал, а нынешний государь в припадке нервного раздражения кричал: “Выгоните отсюда этого человека (указывая на Константина), он сделал несчастье моего отца, омрачил его царствование” и т. д. Владимир схватил за руки своего старшего брата и тщетно старался его успокоить»³.

Конечно, смерть императора Александра II потрясла всех без исключения представителей царствующего дома, и в первую очередь своей внезапностью. Поэтому нервное напряжение, эмоциональные срывы оказались своего рода естественной человеческой реакцией. Но кончина государя не сблизила и не примирила этих людей, а, напротив, способствовала дальнейшему их противостоянию.

Вывод, к которому пришел Александр III, был таким: именно следствием либеральных реформ явились разгул террора и то сложное положение, в котором оказалось правительство. Подводя итог правлению отца, новый монарх с горечью констатировал, что император Александр II слишком много «нареформировал».

Говоря о взаимоотношениях великого князя Константина Николаевича и императора Александра III, для начала попробуем посмотреть на это через призму реформ 1860–1870-х годов, наделавших так много шума. Эти реформы получили неоднозначную оценку даже у современников. Радикальные революционеры-демократы считали их недостаточными, половинчатыми и даже грабительскими (особенно крестьянская реформа)⁴. Консерваторы, наоборот, были убеждены, что реформы разрушили прежние устои общества и являются опасными для государства. Позиции революционного и консервативного лагерей предельно ясны и предсказуемы. Но оказывается, что в самом лагере либералов не было единства. В качестве подтверждения этого тезиса можно привести высказывание известного общественного деятеля Б. Н. Чичерина, который сразу после убийства Александра II написал, что трагическая судьба этого государя не может не произвести потрясающего впечатления на всякого, в «ком не иссякло человеческое чувство... но еще более политический мыслитель смущается при виде того наследия, который этот благородный государь, сеятель свободы на русской земле, оставляет своему преемнику... Россия представляет какой-то хаос, среди которого решимость проявляют одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы...»⁵. Под «разрушительными элементами» здесь, естественно, понимаются представители народолюбцев и другие радикальные элементы.

Чичерин не был противником реформ, но, видимо, он, не без основания считал, что определенные неблагоприятные их последствия можно объяснить стремительной быстротой преобразований в обществе и следствием является потеря им равновесия.

Обратим внимание, что эта оценка положения страны исходит от представителя либерального лагеря. Что же тогда мы хотим услышать от человека, который потерял отца в результате трагических событий 1 марта 1881 года? Как видим, точка зрения Чичерина в определенной степени совпадает с точкой зрения Александра III. В оценке личности императора Александра III историки до сих пор не могут отказаться от стереотипов, сложившихся в советский период. Это касается как уровня образования и воспитания императора, так и его личных качеств и способностей как государственного деятеля. Эти стереотипы хорошо известны: малообразованность, недалекий ум, сквернословие, пристрастие к алкоголю, стремление к подавле-

нию любого проявления свободы и т. п. К счастью, в последнее время такая упрощенная трактовка личности этого российского императора встречается все реже.

Если говорить о политических взглядах Александра III, то он был приверженцем абсолютной монархии отнюдь не по причине недостатка ума или образования, а в силу своего убеждения, что конституционные преобразования приведут к серьезным общественным потрясениям. Эти убеждения, затем переросшие в уверенность, он вынес из опыта правления своего отца, чьи преобразования лишь способствовали усилению революционного движения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что главной своей задачей император считал подавление революционного, а также любого другого оппозиционного движения и по возможности укрепление самодержавного строя.

В первые дни своего царствования новый монарх приходит к выводу, что главное в настоящее время — это положение внутри страны. В этом с самых первых дней его царствования поддерживал К. П. Победоносцев, который обладал большим влиянием на нового императора. Обер-прокурор Святейшего синода, взяв на себя функцию советника государя, при любой возможности подчеркивал, что сейчас главное — положить конец политическим шатаниям и укрепить власть. Реализацию своего плана император решил начать с обсуждения проекта представительного совещательного органа. Дело в том, что 26 января 1881 года Лорис-Меликов предоставил Александру II доклад, намечавший дальнейшее преобразование государственного управления. План предусматривал создание временных подготовительных комиссий. Помимо чиновников, в комиссии предполагалось ввести представителей земств от крупнейших губерний. В задачу комиссий должна была входить выработка новых законопроектов, а также корректировка крестьянской, земской и других реформ, решение насущных финансовых проблем. Подготовленные проекты должны были передаваться в Общую комиссию, также состоявшую из представителей чиновничества и земств. После ее одобрения проекты предполагалось направлять на утверждение в Государственный совет и императору. Таково в общих чертах было содержание этого документа. Некоторые историки считают, что идеи, изложенные в докладе Лорис-Меликова, вполне могли бы способствовать появлению в России конституции. В действительности данный проект мало походил на реальную конституцию, так как предложенные в нем меры навряд ли могли существенным образом повлиять на политическое устройство Российского государства. Дальнейшая судьба проекта зависела от очень многих обстоятельств, в том числе и от соотношения сил при дворе

и в обществе. Император Александр II проект одобрил, а обсуждение его Комитетом министров было намечено на 4 марта. Стронник этого проекта великий князь Константин Николаевич опасался, что входящий в состав комитета Победоносцев будет составлять оппозицию Лорис-Меликову и, естественно, будет препятствовать его принятию. Наследник престола, присутствовавший при этом разговоре отца и дяди, хоть и высказался за этот документ, но, тем не менее, заметил: «Что за беда, — тем лучше. Разные взгляды могут только способствовать разъяснению вопроса»⁶. Таким образом, мы видим, что цесаревич накануне 1 марта 1881 года не считал вопрос о представительстве разъясненным. И это после различных заседаний, где данный документ был единогласно, в том числе им самим поддержан, и одобрен императором Александром II.

8 марта в Зимнем дворце император Александр III собирает у себя влиятельных высших сановников государства. Стронники проекта были спокойны: во-первых, их было большинство; а во-вторых, они надеялись, что воля покойного императора является для его наследника законом, а посему — совещание, скорее всего, пройдет формально. Но, даже если дискуссия возникнет, тем не менее, документ будет утвержден и передан в печать. Заседание длилось несколько часов. Как и предполагалось, мнения выступающих разделились. Одним из последних слово взял К. П. Победоносцев. «Глаза его блестели, голос вначале дрожал, но это скоро прошло, зазвучал металл. Он смотрел на государя и, когда речь достигла особой обличительной ноты, впивался взглядом в великого князя Константина Николаевича, который оцепенел под взором обер-прокурора»⁷. Его выступление оказалось роковым. Неожиданно для многих император поддержал меньшинство во главе с Победоносцевым. Это было тем более странно, что изначально, до трагедии 1 марта, будущий император, как мы помним, поддержал проект Лорис-Меликова. К единому мнению заседавшие так и не пришли, решение по предложению императора Александра III было отложено. Однако нового обсуждения так и не состоялось.

Почему государь изменил свое мнение? В этом проекте он увидел шаги, которые могут привести к принятию конституции и введению народного представительства. Он считал, что главным его оппонентом является не Лорис-Меликов, что за всеми этими «реформаторами» стоит их высокий покровитель, великий князь Константин Николаевич. Как ни странно, но император был не так уж далек от истины. Конечно, о конституции великий князь не помышлял, но после гибели своего венценосного брата задумывался над идеей созыва «Земского собора как единственного средства, которое может теперь спасти бедную нашу растерзанную Матушку Россию»⁸.

Великий князь Константин Николаевич понимал, что над ним «сгущаются тучи». Он прекрасно знал об отношении к себе императора. Это видно из дневниковых записей:

«18 марта 1881. <...> в 2 часа у меня Владимир и важный с ним разговор... Признался, что Государь меня не любит и враждебно ко мне относится, и желал бы, чтоб я от всего своего положения отказался и уехал бы из Петербурга. Я отвечал, что отказываться от службы не считаю себя вправе, яко родившийся на и для службы, но предоставляю вполне Государю себя уволить и заместить более достойным и полезным, если он считает службу старого дяди, который 37 лет служил отцу и брату, 29 лет управляет Морским ведомством, 20 лет управляет крестьянским делом и 16 лет председательствует Государственным советом, если продолжение этой службы он считает для себя бесполезным и вредным... в первую минуту мое удаление будет в высшей степени популярно, но что как потом отзовутся о нем, вспомнив, что одним из первых актов его царствования было удаление своего дяди, старого и верного слуги двух царей, и который в своей более чем полувековой жизни какую-нибудь пользу да принес. Вот о чем я советую Государю подумать, не обо мне, а о себе и о последствиях, которые из этого для него воспоследовать могут...»⁹.

Как видим, великому князю не чуждо было некое тщеславие. Он прекрасно понимает, что своей деятельностью уже вошел в историю, и надеялся, что симпатии будущих историков будут на его стороне. Именно поэтому он предупреждал императора о будущем суде истории и намекал, что, пока еще не поздно, государю следует одуматься.

Скорее всего, содержание этого разговора своего брата с дядей стало известно императору. Упреки, угрозы в будущем со стороны беспристрастного суда истории не могли способствовать налаживанию их взаимоотношений, а, наоборот, лишь усиливали конфликт. Но никаких попыток встретиться с великим князем Константином Николаевичем он не предпринимает. Великий князь продолжает оставаться на своих постах.

«27 апреля 1881. В 1 час Совет, в котором слушалось дело о понижении выкупных платежей и об обязательном выкупе... Ужасно я счастлив этому результату. Это моя лебединая песнь по крестьянскому делу... И в такую именно минуту меня удаляют от всех дел!!! Больно!»¹⁰

Положение крестьян было действительно тяжелым. Крестьянские хозяйства были обременены всякого рода сборами: выкупные платежи, государственные земельные налоги и т. п. По подсчетам экономистов, в среднем на каждую крестьянскую семью приходилось около 30 рублей различных платежей, что для большинства было разорительной суммой.

После долгих колебаний и размышлений к концу марта у императора созрело твердое решение, что никакие новации в настоящий момент не нужны. В первую очередь надо наладить работу государственного аппарата, продолжить борьбу с врагами, и только после этого, когда наступит более спокойное время, только тогда можно будет вернуться к политическим реформам. О том, что эти колебания действительно имели место, говорит хотя бы тот факт, что манифест о восшествии на престол, утверждавший незыблемость самодержавного правления, появился не сразу после занятия трона, а только 29 апреля 1881 года.

Автором манифеста был К. П. Победоносцев — наставник и советчик нового монарха.

«Посреди великой нашей скорби глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правое, с упованием на Божественный промысел, с верой в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного, от всяких на нее поползновений»¹¹.

Главной задачей своего царствования Александр III провозглашал сохранение самодержавной власти «для блага народного, от всяких на нее поползновений». Это означало, что все идеи реформаторов о возможном введении даже некоего подобия конституции рухнули.

В этот же день Победоносцев пишет императору письмо: «...А теперь для вас, по крайнему моему разумению, всего важнее, чтоб у власти были люди, которым вы верите... если они заговорят о желании отойти от дел, ради бога, ваше величество, не удерживайте их, вы им сделаете уступку и тем самым ослабите нравственное свое положение... Если не будет на ту минуту готовых людей на их место — это не беда: можно подождать и удовольствоваться на первый раз временным состоянием. Важнее всего, чтобы поле было расчищено, чтоб не было людей с раздраженным самолюбием, преследующих свои цели... Нельзя забывать, что в этой игре остается еще до сих пор еще человек с раздраженным властолюбием, — великий князь Константин Николаевич... Время, в которое мы живем, — смутное время. Опасно оставлять у кормила правления людей, потерявших голову»¹².

Как принято говорить: «Комментарии излишни». Конечно, нельзя сказать, что своей твердой рукой Победоносцев направляет деятельность императора — Александр III был самостоятельным человеком. Но, то, что в отстранении великого князя обер-прокурор сыграл немалую роль, — очевидный факт.

Победоносцев с первых дней марта 1881 года оказывал на нового государя сильное давление. Пользуясь правом бывшего воспитателя, он, как видим, не стесняется в выражениях. Для него главное — это

любыми средствами изолировать нового монарха от людей, которые являются политическими противниками консервативных устоев общества. И одним из главных противников нового режима является великий князь Константин Николаевич.

Нельзя также сказать, что коронационный манифест великий князь принял спокойно. Он прекрасно отдает себе отчет, что теперь ничего нельзя исправить. И опять великий князь высказывает мысль о собственном отражении в зеркале истории:

«29 апреля 1881... получил Манифест от сегодняшнего числа... Просто громкие фразы и самодержавие. Убежден, что это произведет самое грустное и глупое впечатление и будет понято как поворот назад»¹³.

В своем письме Победоносцев Александру III от 4 мая 1881 года констатирует: «Ваше величество, не извольте обманываться: с 29 апреля эти люди — это враги ваши. Они хотят доказать во что бы то ни стало, что они правы... Верьте, ваше величество, эти люди могут быть только опасны в настоящую минуту... Время тяжкое. Я не успокоюсь, покада здесь граф Лорис-Меликов, и Абаза, и великий князь Константин Николаевич. Дай бог, чтобы все они ушли и разъехались как можно скорее. Толки в обществе улягутся, как скоро сделано будет решительное действие, не допускающее возврата»¹⁴.

Обер-прокурор Святейшего синода торопит императора, не стесняясь навязывать ему свое мнение. Он как будто боится, что государь может передумать и пойти на компромисс. Изучение жизни и деятельности великого князя Константина Николаевича затруднено огромным количеством всевозможных сплетен, домыслов, клеветы, наговоров. За что же великосветское общество так нападало на этого представителя императорского дома? Отчасти в этом повинен сам великий князь, порой позволявший себе резкие высказывания в отношении некоторых высокопоставленных чиновников. Но главное все же заключалось в той позиции, которую он занял в проведении реформ своего августейшего брата. Это подтверждается дневниковыми записями Д. А. Милютина, сделанными в марте 1881 года: «Такое предубеждение против великого князя можно отчасти приписать его резкому тону и бестактным выходкам; но существенная причина заключается в той злобе, которую навлек он на себя со стороны крепостников своим постоянным и горячим участием в великом деле освобождения крестьян и дальнейшего их устройства. В среде многочисленных наших ретроградов явных и скрытых великий князь Константин Николаевич считается главным противником всех ненавистных им либеральных мер и узаконений... В этом отношении великий князь Константин Николаевич оказал России такие заслуги, за которые, конечно, можно простить ему многие личные недостатки»¹⁵.

Тайм-аут, который взял император в отношении своего дяди, закончился. Он переходит в решительное наступление на всех высокопоставленных чиновников, помогавших его отцу в проведении реформ.

Опасения Победоносцева не оправдались, компромисса не последовало, все произошло по заранее спланированному сценарию: 4 мая ушел в отставку Лорис-Меликов, 6 мая — Абаза, 21-го — Милютин.

«5 мая 1881. В газетах сегодня — увольнение Лорис-Меликова и замена его Игнатьевым! Куда мы теперь пойдем и что станет с Россией и со всей династией?! Ужасно все черно и темно впереди...»¹⁶

В советской исторической литературе внутренняя политика императора Александра III часто называлась политикой «контрреформ», т. е. отказ от реформ и преобразований предыдущего царствования. Примерно так же оценивал ее и великий князь Константин Николаевич. Действительно, внешне их оценки совпадают, но только внешне. Если у великого князя в его понимании политики своего венценосного племянника лежало личное неприятие этого человека и его окружения, то у марксистских историков этот прием использовался не только для доказательства реакционности курса императора Александра III, а в большей степени для принижения усилий российского самодержавия, направленных на развитие России.

Император Александр III в отношении дяди придерживается выработанной линии: он принимает решения, которые касаются судьбы своего родственника, не ставя того в известность до последнего момента. О своем снятии с поста председателя Государственного совета и назначении на эту должность великого князя Михаила Николаевича узнает не лично от императора, а через посредников.

Последним ударом, который нанес племянник своему дяде, была резолюция императора, которой он своим решением отменял постановление о понижении выкупных платежей, принятое Советом 27 апреля. Этот документ был возвращен для повторного рассмотрения, но уже новым, им самим выбранным чиновникам.

Это был полный крах. Как умный человек, много лет занимавшийся политикой, великий князь Константин Николаевич не питал никаких иллюзий по поводу своей дальнейшей судьбы. Он понимал, что ему, скорее всего, придется покинуть занимаемые должности, но хотелось уйти, завершив дело великой крестьянской реформы, ради которой они с братом столько лет трудились не покладая рук! Ведь не случайно в дневниковой записи от 27 апреля это решение по крестьянскому делу он называет «моя лебединая песня».

Великий князь Константин Николаевич обладал взрывным характером, он мог «взорваться», поэтому его иногда называли «паровик».

«10 мая 1881. Вот те, матушка, и Юрьев день!!! Единогласное мнение Государственного совета не утверждено! Дело неслыханное!! Нет, пора мне отсюда убираться. В такой атмосфере жить мне невозможно!»

«11 мая 1881 г. С Владимиром серьезно* говорил про самодурство и ребячество его брата-Государя и про страшные последствия, которые оно неминуемо должно произвести. Он сам все сознает и понимает, но ничего сделать не может. Говорил ему, как эта резолюция глубоко оскорбительна для меня, старого и старейшего работника крестьянского дела, и как я счастлив при этих обстоятельствах бросить Питер»¹⁷.

Даже сейчас, спустя 125 лет после этих событий, в строках, написанных тогда великим князем Константином Николаевичем, ощущается его гнев и раздражение. Он не скрывает своих чувств, ни о какой деликатности в отношении государя-императора не может быть речи («самодурство», «ребячество»). Согласитесь, что употребить такие выражения в отношении царственной особы в спокойном, уравновешенном состоянии великий князь себе явно не позволил бы. Да и по отношению к себе он употребляет достаточно грубое и просторечное слово: «убираться». Что касается племянника, то ему все стало окончательно ясно: «...я счастлив при этих обстоятельствах бросить Питер».

Великий князь покидает столицу, уезжая в свое имение в Крыму — Ореанду.

28 мая 1881 года живший в своем крымском имении Ореанда великий князь Константин Николаевич получил письмо от А. В. Головина:

«Ваше императорское высочество!

Получив высочайшее повеление явиться 23 мая в Гатчину, я был принят в 11½ утра. Его императорское величество изволил приказать мне написать вашему высочеству с морским курьером и по получении ответа предоставить оный его величеству.

Государь изволил сказать, что нынешние совершенно новые обстоятельства требуют новых государственных деятелей... и что его величество желает, чтобы Вы облегчили ему распоряжение, выразив готовность Вашу оставить управление Морским ведомством и председательствование в Государственном совете... Звание генерал-адмирала как пожизненное, генерал-адъютанта, члена Совета, Председателя комитета о раненых и вообще почетные звания должны остаться... Его величеству весьма не хотелось бы произвести тяжелое впечатление, не сказав в указе “согласно

* Так в тексте.

желанию». Сверх того Государь желал бы, чтобы Вы отдохнули, успокоились... и чтобы ваше высочество, вполне располагая своим временем, не считали себя обязанным торопиться приездом в Петербург»¹⁸.

Добившись своих целей — отстранения из политики великого князя Константина Николаевича — и фактически «выдворив» его из Петербурга, император должен сделать только один шаг — официально отправить в отставку великого князя. Но, как видим, государь тоже хочет остаться «чистым» перед историей: «...Его величеству весьма не хотелось бы произвести тяжелое впечатление, не сказав в указе “согласно желанию”». И далее — явный намек на нежелательность появления великого князя в столице.

В ответном письме великий князь выполняет «просьбу императора» и соглашается просить отставки. Конечно, ему эти строки дались нелегко. Текст письма содержит завуалированные упреки и чувство обиды на своего племянника, но он прекрасно понимает, что другого пути нет.

«Любезный Александр Васильевич!

Письмо твое от 24 мая... я получил... Всем происходящим, начиная с несчастного 1 марта, я уже был подготовлен к этой развязке и успел к ней приготовиться. Если его величество находит, что ввиду теперешних новых обстоятельств нужны и новые государственные деятели, то я вполне преклоняюсь перед его волей, нисколько не намерен ей препятствовать и поэтому желаю и прошу его ни в чем не стесняться в распоряжении его об увольнении меня от каких ему угодно должностей... Если долговременная 37-летняя служба, в которой я по совести кое-какую пользу принес, оказывается ныне ненужной, то, повторяю, прошу его величество ничем не стесняться и уволить меня от всех должностей, какие ему угодно. И вдали от деятельной службы и от столицы в моей груди, пока я жив, будет продолжать биться то же сердце, горячо преданное Матушке-России, ее Государю и ее флоту, с которым я сроднился в течение 50 лет»¹⁹.

В своем дневнике Половцов, ссылаясь на рассказ Шестакова (когда-то служившего адъютантом у великого князя), записывая о решении Константина Николаевича подать в отставку, расставляет совсем другие акценты: «...Шестаков рассказывает, что был в Крыму, когда великий князь Константин Николаевич получил от государя через Головнина предписание подать в отставку. Будучи крайне раздражен, он сказал, между прочим, Шестакову, что не послушается такого приказа, и при этом прибавил: “Ну, что со мною сделает государь? Ничего он сделать не может”. На что Шестаков ему возразил: “Il vous sera fait violence, et tous les hommes bien pensants

seront contre vous”* Поразмыслив, Константин Николаевич струсил и послал требуемую просьбу об отставке»²⁰.

Трусом великий князь Константин Николаевич, конечно, не был. Вообще, читая дневник государственного секретаря Александра Александровича Половцова, невольно обращаешь внимание, что практически всегда, как только автор касается личности этого человека, он обязательно упоминает о нем с негативной точки зрения. То великий князь показан вспыльчивым, неуравновешенным человеком, то невежественным и бескультурным, порой мстительным, придирчивым, а то и вовсе самодуром. При этом следует учитывать, что Половцов являлся своего рода политическим противником великого князя и от него трудно ожидать объективной характеристики. Не лишним будет заметить, что, отдавая должное уму этого государственного секретаря, С. Ю. Витте отмечал его надменность, напыщенность и непомерное честолюбие. Что же касается приведенной выдержки из дневника Половцова, то следует помнить, что автор пересказывает событие, свидетелем которого он не являлся, а преподносит это, так сказать, «из вторых рук».

Итак, выполняя «директивы» своего главного советчика Победоносцева, Александр III достаточно быстро провел ротацию деятелей предыдущего царствования. Император даже не захотел лично встречаться с великим князем, а через посредников передал в категоричной форме свое желание получить прошение об отставке от своего дяди. Пост председателя Государственного совета занял младший брат Константина Николаевича — великий князь Михаил Николаевич, а во главе морского ведомства оказался великий князь Алексей Александрович. Монарха не смущало то обстоятельство, что первый из этих новых ставленников был человеком абсолютно несведущим и неподготовленным к роли председателя этого законосовещательного органа, не интересовавшийся законодательством, а скорее предпочитавший военное поприще и сферу придворной жизни.

В высшем свете «доброжелатели» нашептывали императору, что великий князь Константин Николаевич занимался не только политикой, но и финансовыми махинациями, которые принесли ему солидную прибыль. В действительности же, финансовое положение великого князя было очень сложным. Об этом он вскользь упоминает в своем письме к Головнину: «Ты же знаешь, что у меня денег не очень много и что при обыкновенной жизни мы едва сводили концы с концами. Теперь же приходится мне очень жутко. Чтобы иметь достаточные средства, необходимо иметь возможность упразднить в Петербурге большую часть двора, прислуги и конюшни...»²¹ На такие крайние

* «Вас принудят, и все благомыслящие люди будут против вас» (фр.).

меры можно было пойти только в том случае, если действительно не было иного выхода.

В июле 1881 года был опубликован Высочайший именной указ Государственному совету: «Снисходя просьбе его императорского высочества Государя великого князя Константина Николаевича, всемилостивейшие увольняем его высочество от должностей председателя Государственного совета, главного начальника флота и морского ведомства, председательствующего в Главном комитете сельского состояния и председателя Особого присутствия о воинской повинности с оставлением в званиях генерал-адмирала и генерал-адъютанта, а также в прочих званиях»²².

В тот же день был опубликован Высочайший рескрипт, отмечающий все заслуги великого князя. На подлинном император написал: «Искренне любящий Вас Александр»²³.

А как сам великий князь оценивал происшедшее с ним? В чем он видел причину яростных нападок и прямой клеветы? Для него все это объяснялось одним — желанием отстаивать дело реформ и в первую очередь реформы отмены крепостного права: «Оттого-то я и сосредоточил на себе столько ненависти и нелюбви. Чтоб отделаться, всякая клевета была хороша, не исключая ни социализма, ни нигилизма, и даже называли меня братоубийцей, называли так и в глаза (получал сам безымянные письма), и за спиною, и на улицах, и в гостиных, и даже во дворцах»²⁴. Что же, сказано предельно четко и ясно. Если судить по этой записи, то получается, что тогда за него взялись всерьез и основательно. А ведь прошел уже год, и великий князь наверняка успокоился и без раздражения должен был оценивать прошедшие события. Но есть еще один очень любопытный момент. Доктор исторических наук В. Г. Чернуха в своей вступительной статье к сборнику²⁵, ссылаясь на дневники Д. А. Милютина, констатирует: «Осенью 1882 года, собравшись как-то в Крыму, великие князья Константин Николаевич и Михаил Николаевич принялись рассуждать о “настоящем ненормальном положении дел”, “о ломке” всего сделанного Александром II и пришли к выводу о чисто эмоциональных, в детстве коренящихся причинах: обидах Александра III на свою обойденность родительским вниманием; отсюда безотчетное желание переиначивать все существующее, хотя бы только для того, чтобы возвратиться к существовавшему когда-то и уже забытому»²⁶. Здесь братья ни словом не обмолвились о политической позиции великого князя Константина Николаевича. Причину всех новых перемен они видят только в психолого-эмоциональном аспекте. Возникает вопрос: почему, спустя несколько месяцев после апреля 1882 года, Константин Николаевич не говорит брату о своих мыслях по поводу тех «яростных нападков»? Что это: недоверие к брату, занявшему

его председательское место в Государственном совете? Или боязнь поставить того в неловкое положение?

Судя по всему, окружение императора Александра III пристально наблюдало за великим князем, находящимся далеко за пределами столицы. Ему никто не запрещал приезжать в Петербург. В апреле 1883 года «опальный» князь собирается посетить невские берега. Его приезд если и не наделал шуму, то вызвал беспокойство в определенных кругах. Своим назначением великого князя Михаила Николаевича на пост председателя Государственного совета император поставил своего другого дядю в затруднительное положение: «Много... было говорено о предстоящем приезде великого князя Константина Константиновича. Государь опасался, что великий князь сделается центром недовольных. Как я ни доказывал, что недовольство тех, кто будет видеть великого князя Константин*, не представляет ничего опасного для правительства, мне не удалось убедить своего президента (имеется в виду великий князь Михаил Николаевич. — *Примеч. В. А.*) Он в особенности опасался, что великий князь Константин приедет в Государственный совет, а когда я выражал мысль, что это было бы очень хорошо, то великий князь отвечал: “Ну, извините, я не разделяю вашего мнения. Он мой старший брат, сколько времени я сидел под его председательством, а теперь вдруг он будет сидеть под моим председательством”»²⁷.

О том, что окружение императора было в курсе всех дел великого князя Константина Николаевича, красноречиво говорит следующая запись, сделанная Половцовым в своем дневнике: «Решено было вызвать Головнина, чтобы внушить ему не возбуждать великого князя, как он это доселе делал своими постоянными ему записочками — “par sa diarrhee d’écriture”**, как выражается великая княгиня Александра Иосифовна, намеревающаяся ехать навстречу своему мало нежному супругу и сопровождать его в Гатчинский дворец для того, чтобы своим присутствием по возможности смягчить резкость свидания с государем»²⁸.

Как уже отмечалось, великий князь опасается, что новый император под влиянием собственных убеждений и советов со стороны своего окружения, в частности известного своими консервативными взглядами Победоносцева, будет проводить политику, которая может быть охарактеризована как контрреформы. Как человек, много лет занимавшийся политикой, он опасается за судьбу государства: «...Куда мы теперь пойдем и что станет с Россией и со всей династией?! Ужасно все черно и темно впереди...» К этому времени у великого князя, есте-

* Так в тексте.

** «его слюнтяйными записями» (*фр.*).

ственно, все его пристрастия, привычки, взгляды на окружающую действительность уже давно сложились в определенную систему, которой он руководствовался в своих действиях. Краеугольным камнем в этой системе было понятие «долг». Это понятие тесно связано с осознанием причастности к судьбе России. Отступать от нее — значит изменять себе и памяти покойного императора Александра II, что для него невозможно. Но и император Александр III тоже любит Россию, ему тоже не безразлична ее судьба. Он тоже хочет процветания своего государства и осознает, какой груз ответственности ложится на его плечи перед Богом и историей. Александр III прекрасно понимает, что реформы его покойного родителя были направлены на развитие капиталистических отношений. Более того, ему было ясно, что попытка затормозить этот процесс приведет к ослаблению России, столкнет ее с пути социально-экономического прогресса. Но ни о каком парламентаризме или народном представительстве не может быть и речи. Опорой своей политики император считал дворянство, а не набирающую силу буржуазию. Дело здесь было не только в традиции, хотя этот момент тоже имел место, а в том, что операторская власть и институт дворянства не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы. Поэтому укрепить и по возможности усилить самодержавную власть можно было лишь при условии определенной «модернизации» дворянства, его приспособления к новым историческим условиям. Император Александр III рассматривал свою политику не как попытку ликвидации реформ своего отца (в чем его обвинял великий князь Константин Николаевич и его сторонники), а как попытку их соответствующей корректировки. И в этом есть определенная логика: даже самые взвешенные разработки проектов реформ не гарантируют их от необходимости последующего вмешательства в ходе реализации. Согласитесь, крайне редко бывает, чтобы реформа воплощалась в жизнь в точном соответствии с первоначальным замыслом, особенно в такой стране, как Россия.

Взгляды императора Александра III и великого князя Константина Николаевича на развитие российской государственности были различны. Так уж случилось, что именно консерваторы в наибольшей степени почувствовали и осознали надвигающуюся опасность революционных потрясений и попытались, объединив свои силы во главе с государем, противостоять им. Консерваторы опасались, что дальнейшее развитие либеральных реформ, которые планировали осуществить «константиновцы», усилит раскол в обществе и приведет к росту революционного движения. Поэтому, желая сохранить и укрепить российскую государственность, император Александр III, Победоносцев, Катков и другие деятели не собирались полностью сворачивать реформы. Свою задачу они видели в необходимости вне-

сти определенные поправки, направленные на исправление необдуманных и поспешных шагов предыдущего царствования. И именно поэтому им приходилось поступать столь радикально в отношении своих оппонентов.

Но не только политика являлась камнем преткновения в отношениях между великим князем Константином Николаевичем и его венценосным племянником. Есть еще одна сторона этой проблемы — частная жизнь. (Хотя какая частная жизнь может быть у людей, занимающих такое высокое положение в обществе? Здесь тайное почти всегда становится явным. И как определить ту грань, за которой частная жизнь переходит в политику и наоборот.)

Император Александр III был примерным семьянином, он любил свою жену и даже не помышлял о каких-либо интрижках или невинном флирте. Но трое из четверых сыновей «железного» императора Николая I: император Александр II и его братья — великие князья Константин Николаевич и Николай Николаевич в этом вопросе занимали иную позицию. Великий князь Константин Николаевич был женат на принцессе Саксен-Альтенбургской, которую в семейном кругу называли «тетя Сани». В начале их семейной жизни чувства его к супруге были очень сильные, а затем постепенно стали угасать. Более того, великий князь увлекся балериной Анной Васильевной Кузнецовой (побочная дочь знаменитого актера Каратыгина). От этой любовной связи у них родилось пятеро детей: Сергей, Марина, Анна, Измаил, Лев. Император Александр III, очень щепетильно относящийся к родственным связям, не мог понять своего родственника и, естественно, одобрить его поведение. Он возмущался тем, что великий князь, не стесняясь, многим своим знакомым, представляя свою пассию, открыто говорил: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь — законная!» Следует обратить внимание, что великий князь, очень высоко ценивший положение представителя императорского дома в обществе, в этом вопросе не считает эту любовную связь чем-то из ряда вон выходящим явлением, а говорит об этом как о предмете совершенно естественном и, можно сказать, нормальном.

В своем дневнике Половцов касается и этой деликатной темы: «Нерасположение к нему государя поддерживается в особенности презрением к нему, к его характеру, его частной жизни, в которой есть неизгладимые черты; так, например, в последний день жизни покойной императрицы Марии Александровны государь Александр Николаевич объявил, что возвращается в Царское Село, откуда в тот день приехал и где проживал с Долгорукою. Все сыновья, во главе их нынешний император, стали умолять отца своего не уезжать в Царское Село ввиду отчаянного положения здоровья матери, но Константин Николаевич выступил со словами: “Что вы его мучаете, вы

не понимаете, что тут вопрос не частной, семейной жизни, а отдохновения от государственных трудов на государственную пользу” и т. п. Обрадованный такой поддержкой, император уехал в Царское Село, а императрица в ту же ночь скончалась, и долгое время весть о ее смерти оставалась без сообщения детям для того, чтобы государь успел приехать. Такие сцены не прощает честное сыновнее чувство ныне царствующего государя»²⁹. Если верить Половцову, наследника престола возмущала не только двойная семейная жизнь великого князя, но и то, что он толкает к этому и своего брата-императора и берет его под свою «защиту».

Цесаревича раздражало и то, что Константин Николаевич вместе со своими единомышленниками осуществляет давление на императора Александра II, побуждая его к продолжению реформ, «оказывает неповиновение государю», часто навещает княгиню Юрьевскую. Некоторые сановники из ближнего окружения цесаревича высказывали ему свои опасения, что там ведутся не только светские беседы, но и вынашиваются далеко идущие планы. Например, ходили такие слухи, что в последние недели жизни императора Александра II великий князь Константин Николаевич и его единомышленники желали короновать княгиню Юрьевскую. А это можно рассматривать как шаг к оттеснению от трона законного наследника престола. Но, скорее всего, это были просто слухи: великий князь Константин Николаевич вряд ли поддерживал такие планы. Он прекрасно понимал, что такой шаг не будет служить укреплению положения императорской фамилии в обществе. «Доброжелатели» сообщали цесаревичу о его высказываниях в адрес «примитивного» племянника, называя его то «мальчишкой», то — «Сашкой».

Вполне естественно, что это все «накапливалось» в душе Александра Александровича.

Конечно, император Александр III осуждал личную жизнь своего дяди, его политические взгляды и убеждения, но, добившись его отставки, не преследовал его.

В мае 1883 года состоялась официальная коронация императора Александра III. Как водится, по традиции, она сопровождалась раздачей царских милостей: наград, титулов, подарков, орденов и т. п. 17 мая 1883 года государь пожаловал незаконнорожденным детям великого князя отчество «Константиновичи» и фамилию «Князевы» вместе с личным дворянством. Трудно сказать, чем руководствовался государь, совершая этот поступок? Возможно, просто царской милостью, связанной с коронацией, и этот шаг императора следует рассматривать в неразрывной связи с другими благодеяниями. А может быть, добившись своей «победы» над дядей, августейший племянник проявил акт «доброй воли», показав, что он не держит на него зла.

Не исключен вариант, что Александр III просто, вспомнив всю их борьбу, захотел сделать приятное этому человеку, который теперь не был опасен для него. В 1892 году незаконнорожденные дети великого князя Константина Николаевича получают потомственное дворянство.

Последняя встреча императора и великого князя состоялась в Павловске, когда Константин Николаевич был уже тяжело болен. Вот как государь описывает это свидание в письме к своему сыну Николаю в октябре 1889 года:

«Поехали в Павловск к тете Сани, и, к нашему удивлению, дядя Костя пожелал нас видеть. Мы нашли его мало переменившимся. Он очень, по-видимому, обрадовался нас видеть, несколько раз обнимал и принимался плакать, а когда мы прощались, он вдруг вскочил и непременно хотел нас проводить до дверей. Говорить он ничего не может, правая рука и нога совершенно без движения, и вообще он делает страшно тяжелое впечатление»³⁰.

Итак, примирение состоялось незадолго до смерти великого князя Константина Николаевича.

Подводя итог, можно сказать, что суть конфликта между императором Александром III и великим князем Константином Николаевичем заключалась в тесном переплетении двух аспектов данной проблемы:

1. В личном неприятии друг друга.
2. В различной оценке политического пути развития России.

Причем первоосновой — «ядром» — данной проблемы являлись, скорее всего, именно личностные отношения, на которые «наслаивалось» все остальное.

По своим политическим взглядам великого князя нельзя причислить ни к западникам, ни к славянофилам. Хотя точек соприкосновения с первыми у него было больше. С западниками его сближало стремление преодолеть сословную раздробленность русского общества, наделить разные слои населения необходимыми социально-экономическими гражданскими и, в некоторой степени, политическими правами, добиться перехода к сословному, а затем и бессословному общественному устройству. Он разделял взгляды славянофилов на то, что народ имеет право на выражение своего мнения, которое доводится до царя совещательным Земским собором, созванным по примеру сословно-представительного донского органа.

Императора Александра III можно было бы назвать славянофилом, но только до тех пор, пока не затрагивался вопрос о форме правления. Здесь он твердо стоял на позициях абсолютной монархии. Эти политические разногласия также сказывались на взаимоотношениях этих людей.

Естественно, что внутри императорского дома всегда существовали определенные противоречия, распри, соперничество. Так что случай с великим князем Константином Николаевичем не был единственным. Все это так, но следует иметь в виду, что всех представителей династии объединяла и сплачивала идея самодержавной власти, обеспечивающая им высокие посты, привилегии, положение в обществе. Именно поэтому, несмотря на определенные разногласия, они поддерживали существовавший режим и лично государя императора. Например, многие великие князья были возмущены законом 1885 года, согласно которому титул великого князя сохранялся лишь за детьми и внуками императора, а правнуки императора становились «князьями императорской крови», с сокращением выплат и урезанием привилегий. Но это недовольство не переросло в конфликт с императором. (Кстати, первым, кто пострадал от этого закона, был род «Константиновичей», когда у великого князя Константина Николаевича родился внук Иоанн.) А великий князь Константин Николаевич оказался «чужим», так как ставил под сомнение неизменность существования абсолютной власти, во всяком случае, пытался говорить о ее «модернизации», пусть даже чисто внешней.

Истории было угодно «примирить» наших героев еще раз. Это случилось 9 ноября 1994 года, когда в курдонере Мраморного дворца, хранящего память о великом князе Константине Николаевиче, бывшем его владельцем с 1832 по 1892, был установлен памятник императору Александру III, работы Павла (Паоло) Трубецкого³¹. Видимо, символично, что памятник этому российскому императору был установлен именно перед дворцом того человека, с которым на протяжении всей жизни государя у него были очень сложные отношения. Суд истории, которым так «пугал» императора Александра III великий князь Константин Николаевич, расставил все по своим местам. Здесь нет ни победителя, ни побежденного, есть две значительные личности, сыгравшие важную роль в развитии нашего Отечества.

Переписка цесаревича Александра Александровича и великого князя Михаила Николаевича <1875 год>

<Фрагменты>

<...>

№ 3

*Цесаревич Александр Александрович —
великому князю Михаилу Николаевичу*

Ст.-Петербург. 3 января 1875 г.

Наследника. 13 января. Тифлис¹

Милый дядя Миша, благодарю тебя от души за твое письмо и надеюсь, что теперь наша корреспонденция установилась на твердых началах. Желаю тебе и тете² от всего сердца счастливого года и продолжения на долгие годы вашего семейного счастья. Детей³ тоже поздравь от меня, и желаю им быть тебя достойными, и тогда можно быть уверенным, что из них выйдут люди дельные и честные.

Начну теперь отвечать на сделанные тобою вопросы. Королева Виктория⁴ действительно только раз виделась с мамá в Лондоне, и именно в день крестин. Она была все время в Шотландии и для крестин приехала в Лондон из Виндзора, куда и отправилась обратно сейчас после церемонии, и, таким образом, виделась с мамá только раз. Она вообще шалая и делает, что ей угодно, и не думает, учтиво ли это или нет, и несмотря на то, что все ее ругают и кричат, ей решительно все равно! Я полагаю, что никакого предварительного соглашения между ней и мамá не было по этому поводу, а было решено, что мамá будет жить в Eastwell у Мари и Алфреда⁵, но так как это не удалось, а пришлось остановиться в Лондоне в Buckingham Palace, то королева не нашла нужным что-либо изменить из своей решенной программы и осталась преспокойно в Шотландии.

<...>

Владимир и Михен живут⁶, слава Богу, очень хорошо, и положительно она с каждым днем становится веселее и привыкает, но одно еще меня пугает, это то, что она немка в душе, с *германско-бисмаркскими* идеями, и вряд ли откажется от них когда-нибудь, а живя в России и бывши великой княгиней русской, это не может нравиться здесь, и долго еще будут на нее смотреть как на немку, а не как на русскую великую княгиню! Я с ней очень хорош и не могу на нее жаловаться, и с Минни⁷ она очень мила и откровенна... <...>

Ёжени, слава Богу, здорова и весела, и Алек совершенно поправился, и нервы положительно успокоились, и он совершенно такой же, каким всегда был⁸.

<...>

Я посылаю это письмо с твоим адъютантом Барановым, который едет завтра, я его самого не видал, потому что он не был у меня на приеме, а Минни его видела позже.

Погода стоит у нас отличная, постоянный мороз и сухо; санный путь великолепный, как я давно не помню, и оттепелей не было уже более месяца.

Нынешний год мы балов давать не будем, так как Минни танцевать не может⁹, но будут у нас спектакли любителей¹⁰. Вообще еще балов больших не было нигде; маленькие танцы бывают в разных домах.

<...>

Надеюсь, что ты доволен мною и аккуратностью моею для корреспонденции. Обнимаю крепко тебя и тетю и целую детей. Минни целует тебя и тетю и ответит ей, как поспеет.

Искренно любящий тебя племянник *Саша*.

№ 4

*Великий князь Михаил Николаевич —
цесаревичу Александру Александровичу*

Тифлис. 21 января 1875 г.

Спасибо тебе от души, милый Саша, за твое любезное письмо от 3-го сего месяца, привезенное Барановым 13-го числа. Он не был в твой приемный день, ибо, живя все время в Ревеле у родных, не знал, что ты принимаешь в особые дни.

Весьма рад, что наша регулярная корреспонденция установилась, и надеюсь только, что так же будет продолжаться. Особенно благодарю тебя за милую фразу насчет моих детей по случаю поздравления

с новым годом. Признаюсь, их воспитанье очень меня озабочивает, и страшно подумать, что из них выйдет! Трудно надеяться, чтобы все пять сыновей, если Бог их сохранит в живых, чтобы все они удались; и вдруг на старость лет вместо утешения и радости они только будут доставлять нам горе и разочарованье!

Спасибо, что не побрезгал добросовестно ответить на мои многочисленные ? знаки; кажется, в этом письме их будет поменьше!

<...>

Что ты пишешь о немецко-бисмаркских чувствах Михен, очень грустно! Конечно, ей труднее привыкнуть к новой родине, чем было всем нашим женам, ибо она гораздо позднее вышла замуж; но главная помеха, я опасаясь, составляет религия, и я продолжаю думать, что была сделана *величайшая ошибка*, что ей позволили остаться лютеранкой! Надобно много такта и умения со стороны Владимира, много взаимной любви с обеих сторон, чтобы заставить Михен, несмотря на религию, привязаться к России и к русским; а со временем, Бог даст, она сама поймет и убедится, что русской великой княгине следует быть русской и по вере!

Вполне понимаю, почему вы эту зиму не будете давать балов, а принуждены пробавляться спектаклями! Мы уже дали два бала, маленьких, ибо здесь так мало дам высшего общества, что трудно давать большие; не скажу, чтобы нас это забавляло, напротив, но молодежь усердно отплясывала и, кажется, не скучала.

Из газет я видел, что фрегат «Светлана» изготавливается для дальнего плавания с Алексеем¹¹; куда и когда он собирается и надолго ли? Как он проводит время и продолжает ли находить утешенье во французском театре?!

<...>

Ничего давно не слыхал о дяде Низи и Петровне¹²; что они поделывают? Вероятно, все по-старому!

Видаете ли вы тетю Санни¹³ в Павловском? Несчастливая написала крайне грустное письмо жене моей! Нам ее так искренно жаль! Хорошо бы, чтобы семья ее не слишком забывала в ее одиночестве.

Ну, до свиданья, друг мой; сердечно обнимаю тебя с милой Минни и кланяюсь всем братьям.

Да хранит вас Господь!

Душевно тебя любящий дядя и друг *Михаил*.

№ 5

**Цесаревич Александр Александрович —
великому князю Михаилу Николаевичу**

Петербург. 1 февраля 1875 г.

Наследника. 9 февраля. Тифлис

Сердечно благодарю тебя, милый дядя, за твое последнее письмо с курьером. Я опять чуть не опоздал писать тебе благодаря этих глупых фельдъегерей, которые приходят объявить в последнюю минуту, что они едут; к счастью, папá отложил отъезд курьера до понедельника, а то бы он уехал сегодня утром. <...>

Наш первый спектакль удался отлично, и все играли и пели очень хорошо. Может быть, тебя поинтересует иметь афишку спектакля и вместе с тем меню, которые посылаю тебе при этом письме. <...>¹⁴

Алексей получил назначение с фрегатом «Светлана» идти в мае месяце нашим станционером на год в Средиземное море на смену броненосного фрегата «Князь Пожарский», который возвращается домой после 2-летнего пребывания там. Алексею хотелось бы остаться долее в плавании и идти потом в Австралию, но до сих пор это еще не решено окончательно, потому что Морское министерство скупится и уверяет, что недостаточно у них сумм на это большое плавание! Что же относится до утешения, которое он находит в французском театре, то оно продолжается по-старому.

<...>

Дядя Низи и тетя Саша живут по-старому, не лучше и не хуже! Он почти никуда не ездит, даже в театре никогда не бывает, и что всего удивительнее, перестал ездить в балет, а бывает, только когда г-жа Ч...¹⁵ кривляется на сцене. Зато дядя Костя¹⁶ не пропускает ни одного балета, что бывает всегда по воскресениям, т. е. единственный день, когда он ездит смущать и делать неприятности своей жене в Павловске, и поэтому спешит после обеда на экстренном поезде в Петербург обратно и летит в свой родной балет, его новое и любимое семейство! Тетю Сани мы давно не видали; сюда она не ездит, потому что ей нечего делать, и ее милый муж ей всякий раз наговорит столько приятностей, что она спешит вернуться в свое уединение.

<...>

Сердечно целую тетю и детей и обнимаю тебя от души. От мамá, слава Богу, известия хорошие, но об отъезде *еще не слышно ничего.*
Любящий тебя племянник Саша.

*Великий князь Михаил Николаевич —
цесаревичу Александру Александровичу*

Тифлис. 11 февраля 1875 г.

Спасибо тебе, милый Саша, за твое любезное письмо от 1-го числа и за афишку вашего спектакля, который, как все пишут, так прекрасно удался. Сама афишка тоже очень мило нарисована; никогда не слышал об этом Богданове; должно быть, совершенно новый, юный артист.

<...>

Поздравляю Алексея с предстоящим годичным плаванием; так как я очень уважаю моряков, но *слишком уважаю море*, то и не завидую ему, особенно если его мечта идти в Австралию сбудется!

<...>

Что за грустную и гнусную картину представляют отношения Кости и Санни!!! Удивляюсь и не понимаю первого; искренно и глубоко соболезную о ней! Если у Кости мало сердца, то казалось бы, что его ум должен был ему внушить более приличия и такта, и в этом случае пример отношений Низи с Петровной заслуживает предпочтения и подражания, хотя и эти два тоже сильно меня огорчают! Хуже всего то, что я не предвижу исхода из этого положения для обоих couple¹⁷ и радикального исцеления и улучшения! Как родной их брат, бывший прежде с каждым из них в самой близкой дружбе, мне часто из-за них так и хочется *горько поплакать*! Но слезы эти горю не помогут, предпочитаю поэтому их удерживать...¹⁸

Нам пишут про Николу¹⁹, что в Крыму он проводит время почти как здоровый человек, часто бывал в Алушке у Воронцовых, посетил даже в Ялте театр с благотворительною целью и т. д. Правда ли, что ему возвращен мундир и сабля? Все это очень странно, особенно после указа Высочайшего, недавно о нем состоявшегося!

<...>

Прошу доложить коротко тебе знакомой бывшей принцессе Дагмар, что ее два соотечественника, ею и королем Датским²⁰ мне рекомендованные, представлялись мне на прошлой неделе. К сожаленью, они прибыли несколько дней спустя моей охоты в Караязе, которую я не могу возобновить ранее второй недели поста; к тому же один из них заболел, так что в воскресенье не мог быть к нам к обеду вместе с своим товарищем. Тем не менее я приказал устроить для них охоту в окрестностях, но не могу ручаться за успех. С датчанином

обедал у нас английской офицер Sartorius, отправляющийся через Персию в Индию с женою *верхом*; какова решимость! Он очень милый и любезный господин.

<...>

Поздравляю тебя, дорогой Саша, с приближающимся днем твоего рождения²¹; да благословит тебя Господь и сохранит вам ваше счастье на всю жизнь! И тебе, старик, уже стукнет 30 лет; это ужасно! Поразительно быстро и незаметно летит время, проходит год за годом! С твоего разрешения мысленно обнимаю милую твою Минни с тобою и деток ваших.

Да хранит вас Господь!

Душевно тебя любящий дядя и друг *Михаил*.

Писал сегодня на бумаге сего формата, ибо много дела и тороплюсь отправить фельдъегера, дабы он поспел 19-го числа.

№ 7

*Цесаревич Александр Александрович —
великому князю Михаилу Николаевичу*

Петербург. 27 февраля 1875 г.

Наследника, 12 марта, Тифлис

Благодарю тебя от души, милый дядя, за твое последнее письмо, которое я получил 19 февраля. <...>

Про Николу я слышал то же самое, что и вы, и вообще не разделяю систему, принятую для обращения с ним. Я бы совершенно иначе обращался и поступал с ним, но так как меня не спрашивают и это не мое дело, то я и молчу. Что ему вернули саблю и мундир, это совершенно правда, и выпросил это опять же сам дядя Костя, чтобы умаслить своего сыночка перед его отъездом в Крым, когда впервые отец виделся с сыном и так этого трусил и боялся, что выпросил у Государя позволение отвезти ему саблю, думая этим угодить своему милому сыночку и сделать приятным их первое свидание. Говорят, он и 5 минут не пробыл с сыном и сейчас же пошел беседовать с докторами и уехал обратно в Петербург. Это происходило еще в Койрове. Тетя Сани просила тоже видеться с сыном, но ей не позволили.

<...>

Минни очень благодарна за твое внимание к ее соотечественникам и надеется, что они не слишком тебе надоедят. Благодарю тебя, милый дядя, за твое поздравление и желанья ко дню моего рождения, который мы провели совершенно скромно по случаю 1-ой недели

поста и говения. Утром вся фамилия собралась к нам к преждеосвященной обедне²², а потом был большой завтрак, и тем и кончилось, а остальной день мы провели спокойно и тихо дома.

Вчера, 1 марта, мы причащались в нашей милой церкви с Минни, детьми и Владимиром. В четверг едем на охоту в Лугу, где и останемся, чтобы встретить мамá, которая в пятницу должна приехать.

Вот пока и все. Обнимаю тебя, милый дядя Миша, от всего сердца. Целую милую тетю и детей. Минни вас всех целует.

От души любящий тебя племянник *Саша*.

<...>

№ 9

Цесаревич Александр Александрович — великому князю Михаилу Николаевичу

Петербург. 29 марта 1875 г.

Наследника. 10 апреля. Тифлис

Начинаю письмо, как всегда, с благодарности за твое милое письмо, милый дядя, полученное на другой день рождения нашей первой дочери Ксении. Ты, конечно, понимаешь нашу радость и счастье, которое я не стану описывать, так как оно слишком понятно. Слава Богу, все сошло так благополучно и хорошо, как нельзя лучше. Первое поздравление по телеграфу я получил от тебя в 10 ч. утра в тот же день. Как это событие пришло кстати именно в день Благовещения в 4 ч. утра с благовестом Исаакиевского собора к заутрене, который я так люблю слышать, а в эти минуты оно было еще более приятно и как благословение Божие на новорожденную!

Слава Богу, мамá перенесла путешествие очень хорошо и теперь чувствует себя очень порядочно, хотя, конечно, ни разу не выезжала из дома.

Как я был благодарен милой тете, что она написала Минни письмо не по-немецки, а по-французски, и я читал его Минни на другой же день родов. Мне, однако, пришлось читать одно письмо и не по-немецки, а еще хуже, по-датски, а именно письмо от матери жены, которое пришло в самый день рождения дочери.

<...>

Минни благодарит очень тетю за письмо. Надеюсь, что дети твои поправляются. Прости, если письмо это недостаточно интересно. Целую тетю и детей. Мой поклон всем твоим²³.

От души любящий тебя племянник *Саша*.

<...>

№ 11

*Цесаревич Александр Александрович —
великому князю Михаилу Николаевичу*

С.-Петербург. 29 апреля 1875 г.

Саши, 8 мая. Тифлис

Начинаю снова, милый дядя Миша, с благодарности за твое милое последнее письмо.

<...>

Ты спрашиваешь, почему мы вспомнили про имя Ксении. Я давно желал назвать, если у меня будет дочь, Ксениею, потому что мне это имя так нравится, и в особенности я не хотел называть опять по какому-нибудь имени, уже существующему в семействе, потому что это так скучно, все то же самое.

<...>

Минни очень благодарна тете за письмо и хочет написать по почте, потому что она еще устает писать, и благодарит тоже очень милую Анастасию. Вот пока и все. От души обнимаю тебя, милый дядя Миша, и целую милую тетю и детей.

Искренно любящий тебя племянник *Саши*.

<...>

В. С. КРИВЕНКО

В Министерстве двора. Воспоминания

<Фрагмент>

<...>

В былое время великокняжеские дворы пользовались разными материальными добавками от Большого двора, пользовались добрососедскими одолжениями богатого помещика-барина к мелкопоместным. Понадобился лишний экипаж, не хватает прислуги, мебели, цветов, посуды — посылали гонца в Зимний дворец и получали желаемое. Воронцов все это обрезал; великие князья гневались на него, но жаловаться Александру III не решались, боялись.

Сейчас вспоминается маленький эпизод. Во дворце великого князя Михаила Николаевича¹ большой прием, не хватает стульев. Управляющий великокняжеским двором Муханов послал к заведовавшему Зимним дворцом полковнику Гернету; тот спрашивает по телефону министра. Ответ — «Не давать». Через час по телефону передают ту же просьбу от лица самого великого князя. Ответ: «Государь повелел без его личного ведома никому дворцовой мебели не выдавать. Угодно его высочеству, чтобы я доложил?» Слышится быстрый ответ: «Нет! Нет! Ничего, пожалуйста, не говорите».

Александр III не любил Царское Село, редко посещал тамошний дворец. Великий князь Владимир Александрович, ближе других членов императорской фамилии стоявший к царю, стал [занимать?]² царскосельский Александровский дворец для игры в большой теннис. Когда об этом узнал Александр III, то заведовавший царскосельскими дворцами полковник Ионов получил большой нагоняй. Игра в теннис круто оборвалась.

<...>

С. Ю. ВИТТЕ

Воспоминания

<Фрагменты>

Император Александр III был действительно главой царской семьи; он держал всех великих князей и великих княгинь в соответствующем положении; все его не только почитали, уважали, но и чрезвычайно боялись. Александр III был настоящим патриархом, главой императорской семьи; при нем были бы немыслимы в императорской семье различные эпизоды, происшедшие после его кончины.

Государь умом своего сердца понимал, что многочисленная императорская семья, состоящая из десятков лиц различных характеров и различной нравственности, должна служить своей частной, общественной и государственной жизнью примером для его подданных, так как несомненно, что каждая неловкая вещь, происшедшая в императорской или великокняжеской семье, делается известной публике и обществу и служит предметом всевозможных толков, преувеличений и легенд.

Император понимал, что от обыкновенных смертных нельзя требовать такого поведения, которому не следуют лица царствующего дома.

<...>

При императоре Александре III были бы немыслимы постоянные поездки великих князей за границу и тот образ их жизни за границей, который обращал на себя всеобщее внимание. Великий князь, который допустил бы это, получил бы такую встряску, что ему бы не поздоровилось, — ныне же это самое обыденное явление.

Одной из причин некоторого нерасположения со стороны императора Александра III к великим князьям Константину Николаевичу и Николаю Николаевичу было то, что эти великие князья обзавелись

побочными семьями, побочными женами из балета, и с этими балетчицами они жили совершенно *maritalement*¹. Но, конечно, не одно это обстоятельство было причиной того, что император относился неблагосклонно к этим двум великим князьям, были и другие причины.

Великий князь Константин Николаевич был в свое время весьма либерального направления, и я должен сказать, что в этом направлении он оказал значительную пользу России, так как и освобождение крестьян, и другие реформы императора Александра II связаны с именем его брата, великого князя Константина Николаевича.

Но тот же либерализм проявил великий князь Константин Николаевич и будучи наместником в Царстве Польском, и едва ли это наместничество его в Царстве Польском соответствовало интересам империи. Вот по этой причине император Александр III также не благоволил к Константину Николаевичу; но, конечно, если бы великий князь Константин Николаевич в семейном отношении вел себя достойно, то отношения между ним и императором Александром III так бы не обострились. Между тем великий князь Константин Николаевич ездил со своей танцовщицей Кузнецовой и по России, и за границей совершенно *maritalement*, к чему, конечно, император Александр III относился вполне отрицательно; достаточно хоть немного знать императора Александра III, чтобы понять, что он этого терпеть не мог. Поэтому, несмотря на то, что великий князь был гораздо старше его, был его дядей, он тем не менее не мог приезжать в Петербург, а проживал или за границей, или в Ялте.

Только когда перед своей смертью великий князь приехал в Петербург и поселился в Павловске в настоящей своей семье — император Александр III, приехав к великому князю, отнесся к нему чрезвычайно благосклонно и почтительно, как к своему дяде. Тогда только, за несколько дней до смерти, великий князь понял всю доброту и честность государя, и, мне известно, когда к нему подошел император, Константин Николаевич, уже не будучи в состоянии говорить, взял его руку и поцеловал в знак своего преклонения перед главой царской семьи.

Отношения императора Александра III к великому князю Николаю Николаевичу также несколько затемнились тем, что когда император Александр III, еще будучи наследником, командовал отдельным отрядом, находившимся под командой великого князя Николая Николаевича, то, командуя этим отрядом, он (т. е. император Александр III) относился критически не столько к распоряжениям великого князя Николая Николаевича, как к его свите и в особенности к различным злоупотреблениям <...>

Но тем не менее эти деловые отношения не были главной причиной не особенно благожелательного отношения со стороны императора

Александра III к великому князю Николаю Николаевичу. Главная же причина заключалась в том, что великий князь Николай Николаевич жил совершенно *maritalement* с танцовщицей Числовой. От этой танцовщицы он имел детей, которым была дана фамилия Николаевы. Из детей великого князя одна Николаева, очень красивая, по типу напоминавшая собой императора Николая I, замужем за князем Кантакузеном.

Великий князь Николай Николаевич очень побаивался императора Александра III; во время царствования императора Александра III он до самой своей смерти был не у дел.

<...>

Как-то раз меня удивило следующее обстоятельство. Однажды, когда я пришел в пятницу к императору Александру III с одним из докладов, прием в это время еще не был кончен, я услышал такого рода разговор. Император Александр III спрашивал одного из представлявшихся.

— А что, в Биаррице много русских?

Это лицо (статский — кто это был, я не помню) ответило:

— Да, ваше величество, там есть довольно много русских и в том числе принц Георгий Лейхтенбергский.

Тогда император Александр III со свойственной ему несдержанностью в выражениях (что часто проявлялось и в его резолюциях) сказал этому господину:

— Что же, принц моет свое поганое тело в волнах океана?

Меня очень удивила грубость этой фразы, и я не мог понять, почему она была сказана?

Я просил разъяснения у Черевина, который мне сказал, что император Александр III потому так относится к принцу Георгию, что тот, женившись на княжне черногорской, дочери черногорского князя Николая, продолжал жить со своей любовницей француженкой (с которой, между прочим, он живет и в настоящее время). Вот это-то обстоятельство и послужило причиной раздражительной фразы государя.

Кстати, говоря о Лейхтенбергских, я вспомнил, что, будучи министром финансов, я участвовал в решении одного семейного дела, касающегося Лейхтенбергских.

Старший Лейхтенбергский, Николай, был женат морганатическим браком на Акинфьевой. От этого морганатического брака он имел детей, а именно: двух сыновей, из которых один служит ныне в Преображенском полку и женат на графине Граббе, а другой, кажется, в Конногвардейском полку. Когда этот Николай Лейхтенбергский умер, то явился вопрос о майорате² Лейхтенбергских, т. е. майорате

великой княгини Марии Николаевны, сестры императора Александра II, которая была замужем за иностранным принцем, князем Лейхтенбергским. Жили они в так называемом Мариинском дворце, который ныне занимает Государственный совет.

Майорат этот достался старшему сыну Лейхтенбергского, Николаю, а затем, когда он умер, то братья его, Евгений и Георгий Лейхтенбергские*, заявили претензию на этот майорат.

Дело в том, что Евгений Лейхтенбергский был женат также морганатическим браком на Скобелевой, а, следовательно, в конце концов майорат этот должен был достаться Георгию Лейхтенбергскому и его детям, так как дети его — от принцессы крови.

Между тем принц Николай Лейхтенбергский, умирая, оставил императору просьбу о том, чтобы майорат был передан его детям.

Прежде всего, император Александр III, согласно желанию умершего Николая Лейхтенбергского, дал его детям титул *высочества* и признал их принцами Лейхтенбергскими, а затем по докладу министра двора графа Воронцова-Дашкова было предreshено, чтобы майорат из драгоценных камней и главным образом из бриллиантов остался семье принца Николая Лейхтенбергского.

Тогда еще был жив брат Николая Лейхтенбергского, Евгений Лейхтенбергский, который считал, что это решение неправильно, что имущество должно достаться ему.

Было подано государю прошение о том, что имущество это должно перейти к нему (т. е. к Евгению Лейхтенбергскому), а после его смерти — к брату его, Георгию.

Вследствие этого императору Александру III было угодно назначить комиссию, для того чтобы рассмотреть это дело. В этой комиссии участвовали: граф Воронцов-Дашков — министр двора, обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев, я, как министр финансов, и бывший в то время министром юстиции Николай Валерианович Муравьев.

Мы решили, что имущество это должно остаться в семействе Николая Лейхтенбергского, так как его сыновья признаны императором Александром III герцогами Лейхтенбергскими, а затем еще и по следующим основаниям.

В России майората, так сказать, «драгоценных камней» — такого майората по закону не существовало и не существует. Этот майорат признавался не в силу существующих законов, а в силу высочайшего повеления императора Александра II. По нашим гражданским законам такого майората существовать не может; следовательно, если дело

* Евгений был женат вторым браком на сестре знаменитого генерала Скобелева, а о Георгии Лейхтенбергском я говорил ранее.

довести до суда и если император в это дело не будет вмешиваться, то тогда суд, несомненно, признает, что это имущество принадлежит сыновьям принца Николая, потому что такого рода майоратного имущества, как я уже сказал, по русскому закону не существует, а поэтому на основании общих законов дело будет решено в пользу, как это удостоверил и министр юстиции и К. П. Победоносцев, наследников Николая Лейхтенбергского.

Затем самый этот майорат в семействе Лейхтенбергских был признан императором Александром II. Но признание этого майората — этот акт царя — это дело семейного порядка, а поэтому, если император Александр III считает, что этот майорат, как акт семейного порядка, должен быть почему-либо уничтожен, то препятствий к этому в гражданских законах не существует и быть не может.

Государь это решение комиссии утвердил, и имущество это перешло к сыновьям Николая Лейхтенбергского.

Спрашивается, почему Александр III отнесся так благосклонно к принцу Николаю Лейхтенбергскому и несколько неблагосклонно к другим его братьям?

Мне это было разъяснено следующим образом.

Великая княгиня Мария Николаевна жила со своим мужем в хороших отношениях только первое время, и — по мнению двора, и по мнению Александра III — Николай Лейхтенбергский и принцесса Евгения Лейхтенбергская (которая замужем за принцем Ольденбургским) — они действительно дети принца Лейхтенбергского; что же касается двух остальных братьев, то они в отношении природного родства с Лейхтенбергским находятся под знаком сомнения; в особенности это относится к Георгию Лейхтенбергскому, который считался сыном Строганова, а известно, что Мария Николаевна, после смерти своего мужа, сейчас же вышла замуж за Строганова, очень красивого мужчину.

С другой стороны, государь не особенно благоволил к Георгию Лейхтенбергскому вследствие его семейного поведения, а к Евгению, за то, что он был легкомыслен, и жена его вела себя также не особенно достойно: она большей частью всюду показывалась с великим князем Алексеем Александровичем, а не со своим мужем.

Вообще всякая такая некорректность в царской семье сейчас же шокировала императора Александра III и всегда служила главной причиной неблаговоления государя к тому или другому члену царского дома.

К принцу же Николаю Лейхтенбергскому император относился благосклонно именно потому, что хотя он был женат морганатическим браком, но в семейном отношении он держал себя безукоризненно.

Сам император Александр III, как я уже говорил, вел образцовую семейную жизнь; семейство его могло служить образцом благочестивой русской семейной жизни.

Старший сын императора Александра III, Николай — ныне благополучно царствующий император; второй сын — Георгий, умерший от чахотки на Кавказе (в Абастумане). Затем великая княгиня Ксения Александровна и великая княгиня Ольга Александровна. (Кажется, был еще один ребенок, который вскоре умер³.)

При жизни император Александр III выдал замуж свою старшую дочь, Ксению Александровну, за великого князя Александра Михайловича. Государь император очень любил отца Александра Михайловича, Михаила Николаевича, своего дядю; это был единственный из его дядей, к которому он относился вполне благосклонно и любовно, главным образом именно потому, что великий князь Михаил Николаевич был образцового поведения как в семейной жизни, так и вообще как великий князь.

Но к сыновьям его, к детям великого князя Михаила Николаевича, император Александр III относился уже не так благосклонно; к жене великого князя, великой княгине Ольге Федоровне, император также относился не вполне благосклонно, вероятно, потому, что, во-первых, великая княгиня Ольга Федоровна не была вполне образцовой супругой, а затем, во-вторых, главным образом потому, что она имела еврейский тип, ибо, как это известно в Бадене, она находилась в довольно близком родстве с одним из еврейских банкиров в Карлсруэ.

Этот еврейский тип, а пожалуй, и еврейский характер в значительной степени перешел и к некоторым из ее детей.

Однажды император Александр III, обратись ко мне, говорит:

— Вы вчера видели детей ...зонов? (император произнес одну еврейскую фамилию).

Я не понял, о каких детях с еврейским именем он мне говорит.

После мне объяснили, что он мне говорил о некоторых из Михайловичей.

Великий князь Александр Михайлович был очень красивый молодой человек; он и до сих пор красивый мужчина, несколько еврейского, хотя и красивого типа.

<...>

Но великая княгиня Ксения Александровна была страшно влюблена в великого князя Александра Михайловича и в конце концов император Александр III выдал ее замуж за Александра Михайловича, хотя он очень не любил этого великого князя.

Когда великий князь Александр Михайлович был еще женихом, как-то раз он поехал с государем в шхеры*.

Во время этой поездки что-то случилось с ванной императора Александра III, и великий князь Александр Михайлович предложил ему свою гуттаперчевую ванну. Выкупавшись в этой ванне, государь ее очень хвалил, и великий князь Александр Михайлович сказал, «что наконец хоть что-нибудь император нашел у него хорошего!»

В первый раз он похвалил хоть ванну Александра Михайловича, так как до этого времени ко всему, что касалось великого князя, Александр III всегда относился критически, всегда все ему не нравилось.

Я думаю, что император Александр III, как я уже говорил, умом своего сердца предвидел и понимал, что великий князь Александр Михайлович все-таки не такой великий князь, какой был бы желателен для дочери такого императора, как Александр III.

Затем, перед самой своей смертью, император Александр III женил наследника престола.

Нынешняя императрица Александра Федоровна, дармштадтская великая княгиня Алиса, несколько лет ранее приезжала в Россию как одна из великих княжен, которая может быть невестой будущего русского императора. Но, как кажется, она тогда успеха не имела; будущему же императору Николаю II она, по-видимому, нравилась, и поэтому через несколько лет, перед самой смертью императора Александра III, женитьба эта состоялась.

Великого князя Георгия Александровича я совсем не знал.

Будущего императора Николая II я знал, когда он был наследником; имел с ним дела, когда он был председателем комитета Сибирской дороги, о чем я скажу несколько слов после.

Великую княгиню Ксению Александровну я помню, когда она была еще девочкой-подростком.

Я помню, мне пришлось с нею как-то завтракать за отдельным столом; завтрак был чисто семейный, посторонних было очень мало. Помню, что великая княжна Ксения Александровна стеснялась и не знала, о чем со мною говорить. Мне было очень трудно наводить ее хоть на какой-нибудь разговор. Про эту великую княжну, нынешнюю великую княгиню, ничего, кроме самого хорошего, сказать нельзя. Она женщина безусловно образцовая во всех отношениях.

* Александр III всегда летом ездил в шхеры и останавливался около берегов Финляндии, причем финны всегда и всюду его очень добродушно встречали и весьма почитали как его, так и его супругу, императрицу Марию Федоровну.

Больше всех император Александр III любил своего сына, Михаила Александровича.

Почему человек любит того или другого, — это тайна души, а потому трудно было бы объяснить, почему император Александр III больше всего любил своего Мишу. Но факт тот, что он его любил больше всех.

Все дети императора Александра III, не скажу, чтобы боялись отца — нет, но стеснялись перед ним, чувствуя его авторитет.

Михаил Александрович был чуть ли не единственным, кто держал себя с отцом совершенно свободно.

Как-то раз, когда я приезжал в Гатчину, камердинер Михаила Александровича рассказывал мне, что вот какого рода история случилась.

Император Александр III утром очень любил ходить гулять со своим Мишей, и во время прогулок он с ним играл. Вот как-то они проходили около цветов, которые садовник поливал водопроводным рукавом. Неизвестно почему, вероятно, Михаил Александрович лез в воду, не слушался императора, но кончилось тем, что император Александр III взял этот рукав — это было летом — и окатил Михаила Александровича водой из рукава. Затем они вернулись домой, Мишу сейчас же переодели.

— Затем, — рассказывал мне камердинер, — после завтрака император обыкновенно занимался у себя, так и в этот раз. Он занимался в своих комнатах, которые как раз находились внизу, под комнатами, в которых жил Михаил Александрович.

В перерывы между занятиями император Александр III несколько высунулся за окошко, оперся на локти и так стоял и смотрел в окно.

Михаил Александрович это заметил, сейчас же взял целый рукомыльник воды и всю эту воду вылил на голову государя.

Ну, с императором Александром III сделать безнаказанно такую штуку мог только его Миша, потому что, если бы это сделал кто-нибудь другой, то ему здорово бы досталось.

<...>

А. А. ПОЛОВЦОВ

Дневник государственного секретаря. <1884–1892 годы>

<Фрагменты>

1884 год

<...>

27 [октября]. Суббота. <...>

В заключение я напомнил еще раз о необходимости пересмотреть законы об императорской фамилии. Я настаивал на том, что это следует сделать именно теперь, когда еще нет правнуков императора, пользующихся правами, предоставляемыми учреждением, а этот момент может настать ежедневно со дня вступления в брак сына великого князя Константина Николаевича. После того придется дать одинаковые права всем детям многочисленных внуков императоров Николая I и Александра II. Государь повторил мне то, что уже говорил прежде о том, что работа эта поручена им графу Адлербергу. Я возразил, что из разговора с Адлербергом я убедился, что он не хочет ничего сделать, опасаясь возбуждения семейной вражды.

Государь сказал: «Оставить все так — значит пустить по миру свое собственное семейство. Я знаю, что все это поведет к неприятностям, но у меня их столько, что одною больше нечего считать, я не намерен все неприятное оставлять своему сыну».

Я: «Граф Адлерберг имел еще в виду, что мера эта падет прежде всего на великого князя Константина Николаевича». *Государь*: «А это и кстати, он любит либеральничать, а это будет либеральная мера». Я: «Я говорил с великим князем Владимиром Александровичем и высказывал ему мнение, что, взяв на себя председательствование в этом совещании, он окажет вам большую услугу, направив на себя неудовольствие остальных членов семейства». *Государь*: «Надо будет пригласить и великого князя Михаила Николаевича». Я: «Тогда вели-

кая княгиня Ольга Федоровна будет знать каждое слово. Я думал бы, лучше его пригласить к окончательному обсуждению выработанных правил, но писать их без его участия».

<...>

8 [ноября]. Четверг. <...>

Еще рассказ великого князя¹: «6 ноября я был в Царском Селе на гусарском празднике² и при этом заметил, что Владимир Александрович необыкновенно рассеян. Помня, что в день моего приезда государь выразил намерение телеграфировать Владимиру Александровичу о том, чтобы он вернулся к этому празднику, я спросил великую княгиню Елизавету Федоровну, как произошло свиданье обоих братьев. Она сообщила мне, что государь советовался с императрицею о редакции своей телеграммы и окончательно написал, что Владимиру следует вернуться, памятуя, как их родители не любили продолжительных пребываний за границу. Владимир Александрович, приехав, начал с того, что от сердца благодарил своего брата за ту откровенность, с кою он выразил желание по предмету возвращения Владимира из-за границы, прося на будущее время всегда выражаться с тою же прямою». <...>

11 [декабря]. Вторник. В 11 часов еду в Царское Село. <...> Читаю Владимиру Александровичу составленную мною записку о необходимости изменения закона об императорской фамилии³. «Я совершенно с запискою согласен и готов сделать все, что от меня зависит». Завтрак, по обыкновению несколько чресчур обильный, проходит в веселом настроении. Вернувшись в Петербург, заезжаю к Воронцову, прочитываю ему свою записку и посылаю государю при следующем письме: «Ваше императорское величество, Вам угодно было высказать мне несколько мыслей относительно входящего в заботы Ваши вопроса о невозможности дальнейшего сохранения ныне действующего закона об императорской фамилии.

Приемлю смелость представить Вам, государь, несколько строк, отвечающих, как кажется, Вашему взгляду. Если бы записка эта удостоилась Вашего внимания, то она могла бы послужить исходною точкою рассмотрения и разрешения этого важного дела.

Считаю долгом присовокупить, что записка эта была мною прочитана великому князю Владимиру Александровичу, который не только выразил полное к ней сочувствие, но даже и искреннее желание стать во главе этого дела и с полным сознанием его важности сослужить службу Вам, Вашему семейству и государству.

Равным образом записка была сообщена мною графу Воронцову-Дашкову, как касающаяся предметов ведомства управляемого им министерства. Более о содержании записки никому не известно

и не будет известно, ввиду того неизбежного раздражения, которое толки о мере этой неминуемо произведут».

Самая записка такого содержания: «Учреждение об императорской фамилии, изданное 5 апреля 1797 года, в день коронации императора Павла I, было составлено в то время, когда не только не существовало постоянного закона о престолонаследии, но когда все семейство императора ограничивалось двумя бездетными и одним малолетним сыновьями. Сознывая всю опасность неопределенности в столь важном деле, как преемство в государстве прав верховной власти, император Павел не ограничился изданием подробного закона о престолонаследии, но дабы при отсутствии преемников ближайших не могло быть недостатка в заместителях трона, определил в широкой степени круг лиц, постоянно составляющих императорскую фамилию.

По действующему с тех пор закону все потомки, происходящие по прямой линии от царствовавших государей до праправнуков включительно, носят титул императорского высочества и “считаются по рождению своему яко сыновья государевы”. Последующие за тем поколения признаются происшедшими от императорской крови и пользуются присвоенным им титулом высочества и правами князей и княжон императорской крови в отдаленнейшем потомстве, независимо от степени родства их с царствующим императором.

После целого почти столетия, протекшего со дня издания приведенного закона, обстоятельства существенно изменились. Изволением всевышнего промысла род императорский умножился и, несмотря на то, что нисходящее по прямой линии от каждого из царствовавших императоров потомство достигло двух лишь поколений (внуки), общий состав членов императорской фамилии, восприявших начало от государя Николая Павловича, достиг 37 лиц, носящих титул императорских высочеств. Вследствие того в теперешнем составе императорской фамилии имеется достаточный залог для непрерывного преемства в замещении престола.

При таком положении естественно возникает сомнение: представляется ли надобность распространять на не возникшие еще поколения правнуков и праправнуков царствовавших императоров права, одинаковые с членами их ближайшего потомства? Вопрос этот требует серьезного, всестороннего, неотложного соображения именно теперь, когда состав императорской фамилии в боковых своих линиях замыкается пределами двух поколений и когда поэтому самое его решение не может ни затронуть существующих прав, ни установить несправедливого неравенства в положении лиц, одинаково рожденных.

Соображая этот вопрос, нельзя не убедиться, что государственная цель, руководившая законодателем при предоставлении правнукам и праправнукам императоров одинакового титула и прав с их ближай-

шими потомками, утратила значение. По наличному составу теперешних членов императорской фамилии нельзя ожидать, чтобы к таким потомкам приблизилось наследство престола. Напротив, следует опасаться, что с умножением рождений в боковых линиях число лиц, включаемых законом в состав полноправных членов императорской фамилии, примет размеры, не оправдываемые ни близостью родства их с царствующим монархом, ни материальной возможностью поддержать для всех сих лиц условную пышность внешнего существования. В таком случае высокие прерогативы членов царствующего дома могут сделаться достоянием слишком многих, а это, конечно, не будет содействовать к поддержанию в народе того благоговейного уважения, с которым он доселе относился к семейству своего монарха. Ввиду изложенного казалось бы необходимым:

I. Подвергнуть действующее учреждение об императорской фамилии пересмотру на следующих главных основаниях:

а) титул великого князя, великой княжны и императорских высочеств, а равно сопряженные с этими титулами преимущества присваиваются только сыновьям, дочерям, а в мужском поколении и внукам императора;

б) правнукам императора, по прямой линии от мужского поколения рожденным, присваиваются титул высочества, князя и княжны крови императорской.

II. Образовать особую комиссию из лиц по высочайшему избранию для всестороннего соображения и разработки вопроса об изменениях, которые должны быть сделаны в действующем учреждении об императорской фамилии согласно изложенным в статье 1 главными основаниям, и о тех мерах, которые должны быть приняты для надлежащего обеспечения и упрочения положения потомков императорской фамилии, начиная от праправнуков императора»⁴.

12 [декабря]. Среда. Получаю от государя посланные накануне бумаги с следующей надписью: «Я вполне одобряю составленную Вами записку, о дальнейшем ходе этого дела переговорю с братом Владимиром и графом Воронцовым. Но надо не терять времени».

<...>

1885 год

<...>

12 [января]. Суббота. Получив накануне от государя⁵ приехать в Аничков, считаю необходимым предварить о том великого князя⁶.

Еду к нему в 11 часов, по обыкновению с пустыми руками. Рассказывает, что, вернувшись в четверг с большого придворного бала, захворал и до сих пор чувствует себя нехорошо; озабочен известием, что я вызван к государю; внимательно прочитывает полученную мною записку и категорически настаивает на том, чтобы я вернулся из Аничкова дворца к нему рассказать подробности оказанного мне приема.

В Аничковом дворце: в приемной дожидаются Рихтер, Воронцов и дежурные генерал и флигель-адъютанты. От государя выходит Ванновский, потом государь принимает Рихтера, а после него меня. Разговор приблизительно такой.

Я: «<...> Если позволите, я начну с того дела, которое вы назвали спешным. Я разумею изменения в учреждении об императорской фамилии. Мне кажется необходимым решить этот вопрос именно теперь, пока все в сборе; уедете вы в Гатчину, разъедутся другие члены вашего семейства, а между тем в течение года вдруг появится правнук императора и тогда вы, государь, очутитесь в гораздо более затруднительном, чем теперь, положении для разрешения этого дела».

Государь: «Да, это так, я решил покончить с этим, но несколько останавливаюсь пред вашим предположением собрать предварительно семейный совет из трех дядей и трех братьев. В этом совете я должен буду изложить все соображения; если я что-нибудь пропущу, на меня нападет прежде всех Константин Николаевич, и тогда цель совета не будет достигнута. Я думаю лучше составить подробную записку с изложением всех побуждений, соображений, предположений; записку эту я передам каждому из дядей и попрошу их представить свои замечания, взяв с каждого слово никому об этом не говорить».

Я: «Мне кажется, что этот способ представляет неудобства. Несмотря ни на какие обещания, секрет не будет соблюден. Каждый великий князь посоветуется с приближенным ему лицом; это приближенное лицо будет стараться возвысить, а не понизить важность и значение того великого князя, при коем служит; найдутся части проекта, подлежащие критике, и тогда возникнет гораздо больше несогласия, чем без предварительного прочтения записки».

Государь: «Всего лучше этот вопрос о порядке проведения меры обсудить в Особом совещании, которое я сделаю во вторник в 2 часа, пригласив Владимира, вас и графа Воронцова».

<...>

15 [января]. Вторник. Желая, чтобы совещание у государя прошло как можно более мирно, еду к Воронцову и беру его в свою карету до Аничкова. Так как он написал мне накануне, что не соглашается на отнятие императорского титула у будущих внуков императора,

в потомстве ныне царствующего, то показываю ему, что эта мысль принадлежит инициативе самого государя, который в первоначальной моей записке поставил красным карандашом вопросительный знак возле моего предположения о сохранении за его внуками титула императорского высочества.

Этот аргумент убеждает Воронцова. По приезде в Аничков дворец узнаем, что у их величеств завтракает министр иностранных дел Гирс. В 2 часа нас вводят в кабинет государя; здесь мы находим государя в обычном коротеньком сером военном пальто и великого князя Владимира Александровича в сюртуке при шпаге; садимся к письменному столу, стоящему у окна, что выходит в сад.

Государь начинает с того, что высказывает свое предположение о предварительной рассылке своим дядям записки, которая ознакомила бы их с существом вопроса, побуждениями, служившими к принятию известных заключений.

Великий князь Владимир Александрович горячо сопротивляется этому плану, доказывая, что такой метод может повлечь весьма горячие и неуместные возражения. Государь замечает, что нет основания ожидать возражений ни со стороны Алексея, ни Сергея Александровичей, ни от Николая Николаевича, ни даже от Михаила Николаевича, если дело не будет заранее известно Ольге Федоровне, но что оппозиция может явиться от Константина Николаевича, хотя подобная мера должна бы, напротив, быть в смысле подобного ему либерала.

Убеждаясь замечаниями Владимира Александровича, Воронцова и моими, государь решается созвать своих дядей для того лишь, чтобы объявить им прежде других об этой мере. Я настаиваю на том, чтобы с самого начала этого свиданья на столе лежал подписанный уже государем указ по сему предмету. С этим соглашаются все присутствующие.

Государь читает вслух составленный мной проект указа. Он останавливается на одном лишь выражении, а именно: «Изволением промысла царствующее семейство умножилось и *ныне* упрочилось преемство в государстве прав верховной власти». Такой оборот, по мнению государя, дает окраску, как будто в последние годы произошло что-то особенное.

Я изменяю это так: вместо слов «и ныне» предлагаю слова «*а вместе с тем*».

По прочтении указа Владимир Александрович высказывает, что он, безусловно, разделяет высказанный тут взгляд и одобряет делаемые предположения. Он придает почти исключительную важность тому, как будет поставлено дело материального обеспечения. Он находит совершенно неправильным, что потомки приехавших в Россию

иностранцев Ольденбургских, Мекленбургских, Лейхтенбергских⁷ будут получать больше, чем потомки коренных членов царствующего дома, и если этого невозможно изменить в настоящем, то желательно предотвратить это в будущем. Лучшим, по его мнению, средством предотвращения будет назначение членам императорской фамилии не денежных окладов, а земель, ценность коих не колеблется, а почти постоянно возвышается.

Государь замечает, что это дело расчета средств Департамента уделов, средств ныне еще весьма обширных, но, разумеется, не безусловно неистоцимых.

Как всегда бывает в подобных заседаниях, разговор касается случайных и второстепенных сторон вопроса, а именно: присутствующих особенно занимает⁸, что герцог Георгий Максимилианович в силу специального указа императора Николая не только сам пользуется титулом императорского высочества, но может распространить это пользование на всех могущих родиться от него детей. Теперь он вдов и имеет одного лишь сына, но если женится, то случай этот может возникнуть. Я разъясняю, что будущие дети его по силе настоящего указа не будут иметь права на титул императорского высочества, а от живущего уже сына, разумеется, отнять этого титула нельзя.

Государь останавливается на этом неудобстве, но Владимир Александрович настаивает на том обстоятельстве, что в столь многочисленном, как их, семействе неудобства эти могут только умножиться, и поэтому необходимо спешить разрешением этого важного дела. На вопрос государя, какое положение будет сделано праправнукам императорским, я отвечаю, что это будет подлежать рассмотрению назначаемой одновременно особой комиссии.

На замечание государя о том, что следовало бы упомянуть в указе, какие статьи учреждения об императорской фамилии подвергаются изменению, я отвечаю, что такое перечисление статей потребовало бы обширного и обстоятельного кодификационного труда. Редакция моего указа представляет ту выгоду, что сохраняет полную в будущем свободу действий, удовлетворяя лишь ныне сознанной, настоятельной необходимости изменить поскорее теперешнее положение.

На вопрос государя о более отдаленных вслед за праправнуками поколениях Воронцов высказывает предположение выделять им майораты⁹, которые предотвращали бы возможность полного разорения и в случае пресечения потомства возвращались в удельную массу¹⁰.

Когда исчерпаны были эти второстепенные вопросы, то я обратился к государю и сказал: «Итак, во избежание всякого недоразумения я позволю себе еще раз спросить ваше величество, действительно ли таково ваше желание, чтобы, сохраняя внукам императора Алек-

сандра II титул императорского высочества, не давать этого титула внукам императора Александра III?» Ответ был самый категорический. Обращаясь к великому князю Владимиру Александровичу, я прибавил: «Такое решение, положенное мною в основание указа, ставит государя в весьма выгодное относительно родственников своих положение. Он начинает с того, что заявляет им, что происшедших от него внуков императорских ставит в менее выгодное положение, чем потомков, от них происшедших и занимающих ту же ступень в лестнице императорского родства».

Когда все обсуждение было окончено (а продолжалось оно ровно час), то государь выразил желание, чтобы редакция указа была предварительно одобрена графом Александром Владимировичем Адлербергом, и хотел возложить это поручение на Воронцова, который попросил, чтобы это было поручено мне.

Владимир Александрович выразил желание ехать вместе со мною, но заговорился с государем, и я уехал один. Адлерберга не оказалось дома (на Фонтанке, рядом с домом гр. Левашова); мне сказали, что он вернется к обеду, а обедает в 7 час. К 6½ часам я снова приехал к Адлербергу и, прождав его несколько минут, увидел его удивленным моим появлением; удивление было тем значительнее, что накануне он завтракал у их величеств и более двух часов провел в интимной с ними беседе, причем, однако, ни единого слова не было сказано относительно порученного мне дела. Очевидно, государь опасался оппозиции со стороны Адлерберга.

Разумеется, я объявил ему, что воля государя непреклонна и что нам остается говорить лишь о редакции. В этом отношении Адлерберг сделал мне весьма справедливые и меткие замечания, например: 1) нашел излишним говорить о том, что император Павел установил права членов императорской фамилии *на твердых основаниях*, когда основания эти ныне подвергаются изменению, 2) нашел правильное говорить, что [не] почитаются императорскими высочествами, а *признаются* высочествами и т. п.

В начале нашего разговора он, к удивлению моему, настаивал на том, что все лица царствующего дома считают свое родство от одного родоначальника, императора Николая, но потом мне удалось со сводом в руках доказать ему, что родство считается от царствовавшего императора, от коего лицо происходит. Адлерберг выражал еще сомнение о том, не лучше ли все это сделать не указом Сенату, а всенародным манифестом, но вскоре убедился сам, что в этом вопросе надо как можно менее разглагольствовать, манифест же должен главным образом быть выразителем чувства царствующего монарха по поводу крупного государственного события; вообще много гово-

рить народу о неудобствах слишком многочисленной царской семьи, разумеется, нежелательно.

<...> По возвращении домой послал Воронцову исправленный по замечаниям Адлерберга проект указа, а государю описал все мое свидание.

<...>

22 [января]. Вторник. В 12 часов в Аничковом дворце. В кабинете у государя. За столом сидят: государь, великий князь Владимир Александрович, граф Адлерберг, граф Воронцов и я. Государь начинает с того, что выражает возникшее в нем сомнение о том, успокоит ли его родственников написанная мною фраза: «Сохраняя за лицами, составляющими ныне императорскую фамилию, принадлежащие им права, сделать некоторые ограничения в имеющих возникнуть поколениях». Сомнение заключается в том: не признают ли они неприкосновенным правом титулы, ныне присвоенные их потомству. Сомнение это рассеивается категорическим утверждением графа Адлерберга.

Вслед за тем великий князь Владимир, а с ним граф Адлерберг и граф Воронцов настаивают на невозможности отнять у внуков нынешнего государя титул императорского высочества. Государь настаивает на этой мысли, находя привлекательною, при издании этой меры, поступить в отношении собственного своего потомства суровее, чем в отношении потомства своих братьев и дядей. Ему выставляют неудобство, заключающееся, например, в том, что его внуки не будут более императорскими высочествами, тогда как сыновья брата его Павла, гораздо далее отстоящие от трона, будут пользоваться этим титулом, государь не видит в том неудобства и настаивает на своей мысли, соглашаясь в крайнем случае, чтобы сыновья наследника имели титул императорских высочеств. Я читаю 84-ю статью первого тома, устанавливающую, что старшие в старшем поколении государственного потомства всегда почитаются наравне с наследником престола. Владимир Александрович настаивает на том, что подобного ограничения не существует ни в Пруссии, ни в Австрии, ни в Англии. Вследствие таких настояний государь соглашается не распространять на своих внуков и вообще на внуков императора ограничение в титуле. Тогда возникает необходимость изменить редакцию указа, слив в один пункт то, что было изложено в двух. Беру карандаш и занимаюсь изложением.

В это время граф Адлерберг заявляет, что необходимо обсудить еще два вопроса: 1) о старшинстве членов нашего царствующего дома сравнительно с членами других царствующих домов; 2) о морганатических браках. По второму вопросу государь высказывает мнение, что вслед-

ствии ограничения, вызванного браком великого князя Константина Павловича и перешедшего в свод законов, ныне не представляется необходимости делать новые постановления. По первому вопросу о старшинстве граф Адлерберг утверждает, что в этом отношении действуют правила, установленные на Венском конгрессе¹¹. Я утверждаю, что на Венском конгрессе ничего по этому предмету установлено не было. В проекте протокола 10 декабря 1814 года сделана была попытка установить определительно старшинство европейских держав, но протокол этот был отвергнут представителями Англии и Франции — Кестльри и Талейраном. Последний, чтобы выйти из затруднения, предложил не говорить о старшинстве самих монархов, а ограничиться рассмотрением порядка старшинства их представителей. Постановлено в ряду представителей коронованных глав (*têtes couronnées*) учредить старшинство послов над посланниками, а сих последних над поверенными в делах. На этом вопрос и остановился, что еще подтверждается тем, что он вновь возбуждался на Аахенском конгрессе. Такое разъяснение очень не понравилось Адлербергу. Вслед за тем был еще возбужден им же вопрос о мorganатических браках, как имеющих сократить число лиц, могущих сохранить права на престолонаследие.

Все это обсуждение заняло более часу времени. Государь во все время сохранял свою обычную простоту, доброту, искренность, естественность речи и приемов. Владимир Александрович от времени до времени горячился и был весьма неровен в прении, то, обращаясь к государю, говорил: «Ваше величество, вы», то: «Саша, ты». Подчас обсуждение принимало форму самой интимной беседы, так, например, Владимир Александрович, выражая опасение, чтобы вся мера не была принята под впечатлением о слишком большом размножении императорского семейства, высказывал мысль, что весьма легко может создаться совсем иной факт; при этом он сказал: «У меня, конечно, не будет более детей; потомство Константина Николаевича пресекается потому, что один сын умер, другой сын почти что умер, у третьего я ручаюсь, что детей не будет, а четвертый с гвоздем в голове» и т. п.

Адлерберг держал себя очень сдержанно, как бы давая чувствовать свое превосходство над всею этою молодежью; говорил он по возможности мало и как бы только ввиду очевидной на то необходимости.

Воронцов также немного говорил, но не останавливался высказывать свое мнение при каждом представлявшемся случае. Я старался по возможности говорить меньше, но поневоле приходилось вмешиваться в прения, чтобы отстаивать указ, мною написанный и подвергавшийся жестокой и подчас весьма неосновательной критике.

Совещание окончилось в 1¼. Государь пригласил нас завтракать; мы взошли в столовую, где императрица сидела за завтраком с детьми. Государь приказал принести маленький стол для трех младших

детей и при этом прибавил: «Наш завтрак всегда принимает размеры табльдота»¹². <...>

<...> Мы расстались с тем, чтобы в 5 часов снова собраться у Адлерберга и прочитать указ, измененный мною согласно тому, что было сказано на совещании.

Здесь произошла очень потешная сцена: Адлерберг продолжал критиковать каждое из моих слов, не предлагая ничего взамен. Такой маневр мне надоел, и я предложил ему написать самому. Воронцов, видя, что дело портится, взял мою черновую и, выпустив одну из критикованных Адлербергом фраз, переписал остальное лежавшим на столе карандашом. Адлерберг выслушал эту копию и заявил, что в такой редакции он не имеет ни прибавить, ни убавить единого слова.

Мы сели в карету с Воронцовым и от души расхохотались над тем, как Адлерберг по опыту знает, какого уважения заслуживает министр двора.

<...>

26 [января]. Суббота. <...> В «Правительственном вестнике» напечатан наш пресловутый указ¹³.

<...>

28 [января]. Понедельник. У великого князя Михаила Николаевича с первых слов разговор об указе. Негодование на то, в какой форме великому князю было объявлено об этом распоряжении.

В пятницу вечером Михаил Николаевич получил от великого князя Константина Николаевича конверт со вложением подписанного государем указа с весьма любезной запискою его же к старшему из дядей, содержавшею просьбу прочесть указ и сообщить его для прочтения остальным двум дядям, Николаю и Михаилу. Вслед за этим государь приехал на танцевальный вечер, бывший у великой княгини в тот день, и был очень любезен, не сказал об указе ни единого слова. Такой образ действий великий князь Михаил Николаевич находит неискренним и по меньшей мере нелюбезным. Прежде чем издать указ, следовало дядей пригласить и меру эту с ними обсудить.

Я: «Ваше высочество, я не сомневаюсь, что так и было бы поступлено, если бы в числе дядей не было Константина Николаевича. Его необузданность вам известна. Государь, конечно, опасался вспышки с его стороны, а я не знаю, как эта вспышка могла бы окончиться; я предпочитаю такой ход дела, чем совещание, которое, может быть, привело бы Константина Николаевича к шлиссельбургскому заточению».

Великий князь: «Мы с братом Николаем остановили бы его, если бы он зашел слишком далеко».

Я: «Это бы никак не удалось Вам». *Великий князь*: «Во всяком случае то, что было сделано, приближает к подобного рода сцене, потому что если мы с Ольгою Федоровною сожалеем только о том, что наши внуки, которых нам, вероятно, еще удастся видеть, не будут носить одного с нами титула, то в Мраморном дворце совсем иное; там и великий князь Константин Николаевич и Александра Иосифовна положительно в бешенстве.

Все это исходит от графа Воронцова, мы все видели, как в день рождения Ксении Александровны он вышел от государя с портфелем. Этот человек предан государю, но ненавидит все его семейство. Это он распорядился нынче летом запереть нам в Александрии нижнюю дорожку, по которой ездили все члены императорской фамилии. Теперь будет назначена комиссия, в которой граф Воронцов со своими чиновниками, Петровым и т. п., станет резать нас на мелкие куски».

Я: «Ваше высочество, это невозможно, чтобы комиссия состояла из иных лиц, как весьма высоко поставленных».

Великий князь: «В этой комиссии должен председательствовать граф Адлерберг; если бы он участвовал в этом деле, то оно приняло бы для нас совсем иной оборот».

Я: «Вот вы и просите государя, чтобы комиссия была организована так, как вы того желаете. Я не сомневаюсь, что государь на все согласится».

В заключение разговора великий князь попросил меня зайти к великой княгине.

Великая княгиня: «De qui est l'initiative dans cette idée?»

Я: «Madame, c'est un motu proprio impérial. J'ai entendu parler de cela il y a 7 ans». *Великая княгиня*: «Mais quel en est le but, c'est de nous avilir. Il déteste sa famille. C'est la meme chose que la route qu'on nous a fermée à Alexandrie cet été». *Я*: «Je crois que le but est de concentrer sur le souverain et ses plus proches parents le prestige que Ton ne saurait dans un pays aussi attardé que le nôtre impunément distribuer sur un trop grand nombre de personne». *Великая княгиня*: «Au fond cela m'est bien indifférent. Je n'aime que mon man et mes enfants; le reste du monde n'existe pas pour moi, y compris mes petits enfants, mais avec des oukases pareils on n'est plus sûr de rien. Cela n'aurait été que trop juste de consulter le grand due avant de faire paraître l'oukase». *Я*: «Madame, je ne doute pas que c'est ce qui serait arrivé, s'il n'y avait pas le danger d'une sortie violente de la part du grand due Constantin».

Великая княгиня: «On est furieux au palais de marbre. Ал[ександра] Иосифовна m'a écrit une enorme lettre remplie d'expressions de mûcontentement». *Я*: «Madame, je vous répéterai ce que j'ai dit au Brand due, que j'avais la certitude que l'empereur avait les meilleures dispositions pour son altesse et qu'il en aurait la preuve s'il voulait provoquer la

moindre explication, en allant a Anitchkoff mercredi». *Великая княгиня*: «C'est ce qu'il fera». *Я*: «Mais non, madame, il n'aura pas le courage». *Великая княгиня*: «Мария Максимилиановна qui est intelligente et nous est devouee a donne au grand due le même conseil»¹⁴.

В это время взошел великий князь и позвал нас завтракать, прося не говорить об этом за завтраком. Но запрещение это не имело никаких последствий. Великая княгиня не переставала метать молнии, причем доставалось всем без исключения, например: «Si l'impératrice me demande un bal, je dirai que je n'en ai pas les moyens devant faire des économies pour mes petits fils... Et que disent à cela Wladimir et Michen?»¹⁵ Je vous dirai ce qu'ils disent... Ils croient qu'ils regneraient beaucoup mieux par ce qu'ils sont plus intelligents et de plus W[ladimir] ne peut pas oublier qu'après la mort de l'héritier l'empereur d'aujourd'hui étant amoureux de la princesse Metchersky avait voulu abdiquer et épouser la princesse M[etchersky]»¹⁶ и т. п.

После заседания Государственного совета великий князь, уходя, сказал мне: «А вы заметили, что Александр Владимирович (Адлерберг) уехал тотчас после заседания, чтоб избежать разговоров со мною; я не сомневаюсь, что он участвовал в указе».

29 января. Вторник. Воронцов рассказывает, что на бале к нему подошел Набоков и сетовал на то, что министр юстиции не был приглашен к обсуждению этого указа, сказав в заключение: «Когда я докладываю государю, то всегда предлагаю привлечь к обсуждению того или другого министра». На что Воронцов отвечал: «А я этого не делаю».

30 [января]. Среда. Великий князь, вернувшись от государя, пишет мне записку: «С государем был сегодня весьма откровенный и интересный разговор, весьма меня успокоивший. Вы были снова правы». <...>

23 [декабря]. Понедельник. <...>

<...> Потом сообщаю великому князю, что великая княгиня Елизавета Маврикиевна беременна и что, следовательно, необходимо как можно скорее Положение ввиду имеющего родиться ребенка, так чтобы новое Положение не изобреталось при наличном существовании этого неимператорского высочества, а было уже готово ко времени появления его на свет. Великий князь совершенно со мною согласен. <...>

28 [декабря]. Суббота. В 9½ часов приезжает ко мне граф Воронцов; объявляет, что государь желает, чтобы ввиду беременности Елизаветы

ты Маврикиевны комиссия, председательствуемая великим князем Владимиром Александровичем, приступала к своим занятиям, и что я буду назначен членом, как о том уже было говорено. Я настаиваю на том, что мое участие в этом деле было бы совершенно лишнее, потому что теперь предстоит решить два вопроса: первый — денежный, который разрешается исключительно имеющимися в Министерстве двора суммами, второй — о личных преимуществах, титулах, правах и т. п. Этот вопрос вовсе не входит в мою компетентность, и столь авторитетная власть, как граф Адлерберг, будет, конечно, вполне достаточна, а по тому, что происходило в прошлом году при обсуждении указа 24 января, я не сомневаюсь, что Адлерберг будет смотреть на Воронцова и меня как на мальчишек, всячески стараясь критиковать наши мнения. Воронцов настаивает на необходимости иметь представителя юридического элемента и невозможности пригласить к участию в деле нового министра юстиции. Я указываю на то, что гораздо лучшим, чем я, представителем юридического элемента был бы Победоносцев, доктор гражданского права да к тому же и архипоп — специалист по вопросам о церковных обрядах, церемониях и т. п. К тому же при отсутствии Победоносцева на комиссию посыплются нападки «Московских ведомостей», коими Воронцов не может пренебрегать. Доводы эти, по-видимому, кажутся ему убедительными. Делопроизводство Воронцов хочет поручить Петрову, причем я противлюсь лишь мысли дать Петрову право голоса, так как это не прибавит ему нисколько влияния, а между тем раздражит всю императорскую фамилию.

<...>

1886 год

<...>

20 [февраля]. Четверг. <...> В 1½ первое заседание комиссии у великого князя Владимира Александровича, собираемся внизу, в его приемной. Он сам жалуется на сильную головную боль, Адлерберг, по обыкновению нахмуренный, несколько сгорбившийся, смотрит на всех нас как на мальчишек и процеживает от времени до времени несколько слов, имеющих преимущественно значение традиций или архивной справки, потому что как скоро обсуждение приближается к почве юридической, так немедленно чувствуется отсутствие самых элементарных в этой сфере познаний. Воронцов молчит как можно больше, а в случае разногласия примыкает ко мне, зная, что я всегда буду держать его сторону, потому что его личные качества безусловной честности, благородства мне давно известны

и я их высоко ставлю, несмотря на все его недостатки, и прежде всего бесхарактерность по отношению к государю. Победоносцев, несмотря на все то, что говорил о затруднительности для него принимать участие в трудах комиссии, радехонек, что сюда попал, и при каждом случае готов пуститься в длинные всем нам наставления на ту тему, что видит опасность, неудобства, невозможность и т. д.

Манасеин осторожно молчит и высматривает позицию, как волк, подвигающийся от загонщиков и опасющийся попасть под выстрел. Я стараюсь не задевать ничьего самолюбия и говорить только тогда, когда вопрос имеет существенную важность. Докладчик Рихтер (председатель Департамента уделов) очень польщен тем, что попал в такую чиновную компанию. Записка, им составленная, на темы, о коих я неоднократно говорил Воронцову, изложена весьма ясно и отчетливо.

Заседание начинается с того, что великий князь просит всех нас обещать безусловное молчание относительно всего, что будет говорено в комиссии. (Я в особенности ему за это благодарен, так как иначе мне не было бы житья от великого князя Михаила Николаевича.) Затем обсуждается порядок занятий. Решают прежде всего рассмотреть записку Воронцова, потом пройти по статьям все учреждение об императорской фамилии и на основании высказанных при этом замечаний составить новый закон об императорской фамилии; редакцию этого закона поручить совокупно министру юстиции и государственному секретарю и по изготовлении ее вновь рассмотреть весь текст в комиссии.

Установив ход занятий, переходят к записке Воронцова, которую читает Рихтер. При чтении этом делаются кой-какие замечания. Я почитаю главными два замечания, мною сделанные. Первое — относительно наименования «удел», данного имениям, которые будут выделяться на майоратном праве праправнукам императора. Я предпочитаю назвать их удельными имениями, или заповедными. Второе — записка предлагает давать праправнукам право избирать или капитал или имение, при этом купленное, или землю, выделенную из массы удельных земель. Я желал бы изложить это постановление так, чтобы на первом плане было вступление во владение поземельным владением, а на последнем — получение капитала.

Позволяю себе высказать побуждающую меня к тому [мысль] несколько определительнее. До сих пор все великие князья имели лишь одно поприще — государственную службу. Не называя никого, я могу заверить, что некоторые великие князья тяготятся исключительностью этой карьеры и были бы вовсе не прочь посвятить себя жизни в деревнях. Разумеется, когда император Павел писал свое учреждение об императорской фамилии, то об этом не могло быть

речи, — и число членов императорской фамилии, и условия русской деревенской жизни были совершенно иные. Теперь создалась местная, провинциальная земская служба, в коей желательно участие влиятельных, преданных правительству единиц; отчего не открыть отдаленным родственникам императора и это поприще деятельности и даже поставить его на первый план, а пользование капиталом и более или менее праздную жизнь в столицах отодвинуть на второй план. Выслушав мое объяснение, Победоносцев предлагает высказать мою мысль категорически, но я предпочитаю ограничиться редакционным намеком, опасаясь затруднений и неудовольствия при слишком категорической постановке вопроса.

Эти две поправки составили единственное изменение, сделанное в записке Воронцова.

После заседания посылаю великому князю сделанный мною краткий отчет о происходившем в заседании.

Великий князь посылает мой отчет государю при такой записке: «Препровождаю тебе, любезный Саша, краткий отчет нашего первого заседания по пересмотру учреждения об императорской фамилии, составленный, по моему поручению, А. А. Половцовым. Если ты на это соизволишь, будут тебе представляться подобные же отчеты после каждого из последующих заседаний. Искренно твой Владимир».

Записка эта возвращается с надписью: «Совершенно одобряю составление подобных кратких отчетов».

<...>

27 [февраля]. Четверг. В 1½ час. заседание комиссии. Захожу пред заседанием к Владимиру Александровичу и сообщаю ему о том, что великий князь Михаил Николаевич выразил мне за себя и за братьев своих желание, чтобы труд комиссии прежде представления в комиссию был показан им. Владимир Александрович справедливо думает, что для удовлетворения этого желания лучше всего пригласить великих князей в среду комиссии, а я советую в таком случае пригласить и братьев императора — Алексея, Сергея, Павла, которые окажут поддержку великому князю Владимиру Александровичу против натиска дядей.

В комиссии обсуждаются 82–140-я статьи учреждения. Статьи, возбуждившие сомнение, таковы: 1) 102-я о том, давать ли кому иному, кроме наследника престола, титул цесаревича, как это было сделано в отношении великого князя Константина Павловича; 2) 109-я о том, что вдовствующая императрица имеет старшинство над царствующею, чего, по засвидетельствованию графа Адлерберга, никогда не бывало; 3) о том, давать ли Андреевские ленты *не* великим князьям. Об остальных статьях были незначительные прения,

интересные преимущественно как выражение принимавших в том участие личностей. Адлерберг хотел непременно побольше говорить и, несмотря на обширность природного ума и многолетнюю опытность, постоянно путался, когда вопросы на сколько-нибудь входили в юридические сферы. Победоносцев все осуждал, но когда приходилось делать заключения, то высказывался неопределенно, темно. Воронцов осторожно молчал и заявил лишь одно мнение о 102-й статье. Манасеин, чувствуя свою некомпетентность, продолжал хранить выжидательное положение. Я говорил не стесняясь, стараясь не задевать никого, но желая сделать полезное дело, а не только бессодержательную и безрезультатную композицию. Великий князь говорил мало, но всегда умно, метко и подвигая обсуждение.

Вернувшись домой, излагаю все заседание для государя и посылаю свое изложение великому князю Владимиру Александровичу.

<...>

1 марта. Суббота. <...>

В 3 заседание комиссии у великого князя Владимира Александровича, который сообщает, что государь не желает предрешать своею властью никакого вопроса, а предпочитает по выработании всего проекта прослушать в комиссии под собственным своим председательством все возбужденные ныне сомнения.

Вследствие такого заявления разрешаются эти сомнения так: а) включается новый титул светлости; б) уничтожается статья о том, что царствующий император может жаловать по своему усмотрению титул цесаревича членам своего семейства; в) сохраняется председательство вдовствующей императрицы пред царствующею; г) предоставляются Андреевские ленты великим князьям при рождении, а князьям — при совершеннолети.

Прежде чем перейти к статьям, определяющим имущественные права, я обращаю внимание комиссии на то, что, кроме личных прав, перечисленных в статьях учреждения, есть еще известная категория привилегий, выражающихся или в некотором этикетном, церемониальном преимуществе, в отдании известного почета, или в освобождении от известных платежей и расходов, как, например, право даровой телеграфной и почтовой корреспонденции, освобождение имений от некоторых налогов, получение экстренных поездов по уменьшенному тарифу. Без сомнения, не только желательно, но и возможно, чтобы всеми этими преимуществами пользовалась не вся совокупность лиц, составляющих царствующий дом, а исключительно ближайшие к царствующему императору родственники. Полезно было бы если не выразить, то наметить мысль о таком различии между императорскою фамилиею и семьею императора, хотя,

конечно, подробный пересмотр этих преимуществ, и в особенности установление правил о пользовании ими, разумеется, не может быть сделан комиссией, а должен быть исполнен министром двора или чинами этого министерства. Вся комиссия, и в особенности граф Адлерберг, присоединяется к моему заявлению.

Глава о содержаниях согласовывается с предложениями по сему предмету записки графа Воронцова.

<...>

4 [марта]. Вторник. <...> В 1 час заседание комиссии у великого князя Владимира Александровича. В главе о браках разрешаются браки с иноверными для всех, кроме наследника престола и старших в его поколении. Если престол достанется лицу в боковой линии, то его иноверная жена должна принять православие или он сам должен отказаться от престола. Спорю с Победоносцевым относительно устарелой и неуместной статьи, запрещающей иностранным принцам, женившимся на русских великих княжнах, сохранять поземельную собственность в России в случае пребывания вне пределов империи. В 1797 году все это писалось с точки зрения крепостного права и существовавшего запрещения иностранцам владеть поземельною в России собственностью; теперь все изменилось, и если бы подобный случай возник, то принцы эти очутились бы в худшем против своих подданных положении, но как скоро говорится об иностранце, так Победоносцев закусывает удила. Разумеется, его поддерживает Манасеин. Слушая их, вспоминаю виденную на какой-то станции лубочную картинку, изображавшую разные виды адских мучений, коим подвергаются разнovidные грешники. В центре картины изображен самый крупный греховодник, повешенный на железной цепи и пекущийся в самом сильном огне. Он одет во фрак с круглою на голове шляпою, вина же его выражается одним словом: немец.

Заседание наше длится до 5½ часов, и последние статьи просматриваются весьма бегло. Великий князь хочет непременно освободить Воронцова, уезжающего завтра в деревню. <...>

10 марта. Понедельник. В 11 часов у великого князя Михаила Николаевича. Он обижен тем, что накануне в Гатчине было катанье с гор и прогулка в саях, причем приглашены были три кавалергардских офицера, но в числе их не было старшего сына великого князя — Николая Михайловича.

Отсюда разговор принимает такой оборот. Великий князь: «Да, мы, дяди государя, часто помышляем о том, что будет с нашими детьми после нашей смерти. Покойный государь их выдвигал и поощрял их службу, а нынешний производит их наравне со всеми остальными

офицерами, даже в прошлом году по поводу представления одного из великих князей к награде он написал на докладе, что запрещает на будущее время представлять великих князей к наградам, предоставляя себе самому заботиться о их повышении. Старший сын великого князя Николая Николаевича вследствие повышения, полученного при покойном государе, теперь имеет чин генерала и командует гусарским полком, а младший, Петр, служит в уланском полку и, как мы вчера рассчитывали с его отцом, по теперешним порядкам не получит генеральского чина прежде, как чрез 22 или 23 года. Точно так же и мои сыновья. Что же удивляться, если, не имея никакого поощрения, молодые люди со временем сделаются недовольными и примкнут к числу таких же недовольных из общества». Я: «Но как же это делается в Пруссии?» Великий князь: «Там принцы крови, которые хорошо служат, получают поощрение».

<...>

В 4 часа у Победоносцева. Хочу убедить его отстать от бессмысленно заявленного им в нашей комиссии о том, чтобы иностранные принцы, женившиеся на русских великих княжнах, при выезде за границу были поставлены в необходимость продавать купленные ими недвижимые имущества. Правило это было постановлено императором Павлом, когда существовало крепостное право, и притом никакому иностранному подданному не разрешалось покупать земли в России. Теперь через столетие, когда крепостное право в России уничтожено, а приобретение поземельной собственности разрешено всем иностранцам, было бы непоследовательно установить изъятие для одной лишь категории иностранцев, и притом тех только, кои, принадлежа к владетельным домам, будут состоять в родстве с нашим царствующим домом.

Притом новое учреждение об императорской фамилии предполагается издать в виде целого памятника, а не в виде отдельных поправок к закону Павла I. В этой форме новый закон, подписанный Александром III, содержал бы ограничения в отношении иностранных принцев, ограничения, кои подали бы справедливый повод не только к журнальным нареканиям, но и, быть может, к международным, дипломатическим недоразумениям. Победоносцев убеждается этими доводами. Рихтер является к Победоносцеву для прочтения журнала последнего заседания.

11 [марта]. Вторник. <...>

В 3 часа заседание у великого князя Владимира Александровича. Рихтер читает журнал предшествовавшего заседания. Я возбуждаю вопрос об иностранных принцах, Победоносцев выражает готовность отказаться от прежде заявленного им мнения. Ставлю вопрос о том,

не надо ли подробнее предусмотреть возможность морганатических браков. На это великий князь отвечает, что предусмотреть все подробности, могущие возникнуть при совершении подобных браков в отдаленных степенях родства императорского, почти невозможно сегодня, но что государь неоднократно повторял ему, что он при жизни своей для великих князей таких браков позволять не будет. При обсуждении вопроса о дворцовых имениях и переходе их от одного лица к другому предположено возложить разработку этого вопроса на министра двора. Адлерберг останавливается на неопределенности понятия о дворцовом имуществе и несоблюдении законного порядка при переходе этих имуществ, особенно по духовным завещаниям. Как пример он указывает на духовное завещание великого князя Михаила Павловича, на коем нет иного утверждения, как собственноручная надпись самого завещателя о том, что завещание его утверждено императором Николаем. Очень любопытно завещание императрицы Александры Федоровны. Она завещала Александрию (в Петергофе) императрице Марии Александровне; Орианду — Константину Николаевичу; сыну своему, Николаю Николаевичу, она завещала Знаменское, упустив из виду, что имение это было куплено на деньги великого князя Николая Николаевича и только из сыновней предупредительности оставлено во владении императрицы, матери его.

В конце завещания императрица сказала: «Je regrette de n'avoir rien à léguer à Michel, à moins qu'il ne se contente de Douderhof»¹⁷. При этом оказалось, что Дудергоф — единственное имение, дающее доход. Любопытно еще и то, что завещательница забыла о существовании принадлежавшего ей под Москвою имения Нескучное, которое вследствие того и поступило в раздел трем ее сыновьям, братьям царствовавшего императора, причем император Александр II выплатил цену имения братьям и сохранил самое имение.

<...>

13 [марта]. Четверг. Отправляюсь в Гатчину по поезду в 10½ и застаю в приемной у государя Абазу и Лобанова. <...>

После Абазы, весьма, впрочем, недолго, у государя сидит Лобанов, а потом зовут меня. Разговор приблизительно следующий.

<...>

Я: «<...> Позвольте мне, государь, спросить ваших указаний относительно возложенной на меня редакции труда комиссии об учреждении императорской фамилии. Не прикажете ли при изложении текста закона обратить на что-либо особенное внимание?»

Государь: «Нет, особенного я ничего сказать не имею. Владимир говорил мне о намерении пригласить дядей, которые жела-

ют представить свои замечания. Я против этого ничего не имею, но не допускаю рассуждений о существе меры, а только разъяснение подробностей».

Я: «Я должен рассказать вашему величеству, как это сделалось. Великий князь Михаил Николаевич потребовал от меня, чтобы я передал великому князю Владимиру Александровичу его желание, чтобы труд комиссии не был представлен вам, государь, без выслушания замечаний дядей. Передавая это заявление Владимиру Александровичу, я высказал мысль, что целесообразнее было бы для великого князя пригласить не только дядей, но и братьев, и притом не наедине, а в присутствии комиссии, где пред всеми нами дяди не решатся высказать Владимиру Александровичу тех неприятностей, кои ему пришлось бы выслушать с глазу на глаз. Надо отдать справедливость великому князю Владимиру Александровичу, что он своим председательствованием провел все это дело отлично; то шуткою, то молчанием, то категорическим высказыванием взгляда он вел все так дружелюбно, что легко было достигнуть успешного конца».

<...>

17 [марта]. Понедельник. <...> После заседания Общего собрания в нашей комиссии прочитывается текст нового учреждения об императорской фамилии. Замечаний никаких. Положено отпечатать, а затем пригласить дядей и Алексея Александровича, так как Сергей и Павел уезжают в Крым с величествами. <...>

24 [марта]. Понедельник. В 11 часов у великого князя продолжительный разговор относительно учреждения об императорской фамилии. Великий князь был и у Константина Николаевича, и у Михаила Николаевича и обоих уговорил на полное согласие; у Николая Николаевича он не был потому, что, как мне говорил Владимир Александрович, этот дядя думает только о том, как бы поскорее умерла его жена, чтобы в тот же день жениться на Числовой.

Великий князь Михаил Николаевич не находит никаких поводов к неудовольствию и только возвращается к указу 24 января, соболезнуя о том, что у его потомства отнят титул императорского высочества; при этом снова слышу ссылку на то, что все потомство Марии-Терезии сохраняет этот титул. Отвечаю, что в этом потомстве есть такие эрцгерцоги, кои подобно эрцгерцогу Иоанну имеют всего 10 тыс. государственного дохода, а потому лишены возможности жить в Вене, что у нас такие императорские высочества немислимы. По обыкновению великий князь не может представить никаких возражений против того, что ему говорят. Великая княгиня Ольга Федоровна просит моего совета о том, как поместить капитал великого князя Александра

Михайловича 600 тыс. руб., получаемый им в день совершеннолетия. Советую купить государственных займов в металлической валюте.

<...>

26 [марта]. Среда. Посылаю государю мемории в Крым. Пишу при этом уведомление о том, что его дяди довольны составленным нами новым учреждением об императорской фамилии.

28 [марта]. Пятница.

О своем свидании с великим князем Константином Николаевичем он рассказывает, что Константин Николаевич против теперь вновь выработанного учреждения никаких замечаний не имеет, но весьма недоволен прошлогодним указом 24 января. Его очень озабочивает то, что возле собора в крепости строится вновь семейная усыпальница¹⁸, и он очень опасается, что будет похоронен там, а не в самой церкви, где, по его словам, его родители обещали сохранить ему место возле его сестры Александры Николаевны. Константин Николаевич просит Владимира ходатайствовать, чтобы его похоронили на этом, а не на другом месте. На другой день Константин Николаевич присылает ездового лакея сказать своему племяннику, что не имеет замечаний по переданной ему записке.

<...>

6 [июня]. Четверг. Получаю от Победоносцева такую записку. «Был сегодня у великого князя Владимира. Он получил от государя обратно проект учреждения императорской фамилии. Государь вообще доволен и велел благодарить участвовавших. Сделал два замечания, и не важных. Завтра хочу быть в Петергофе и объясню ему. Государь пишет великому князю, что желал бы иметь чистый экземпляр проекта. Я искал у себя, но не нашел. Итак, прошу тебя, прикажи достать и отправить государю в собственные руки.

Относительно порядка обнародования государь тоже ставит вопрос — полагает, что при именном высочайшем указе. По этому вопросу, если увидишься с великим князем, объяснись с ним.

Государь остановился на статье о взыскании с удельных повинностей и спрашивает, прежде так ли было.

И еще спрашивает, почему не округлены содержания? Это, полагаю, потому, что деньги идут из Государственного казначейства».

Получив эту записку, посылаю государю печатный экземпляр проекта учреждения при письме, в коем объясняю, что повинности сохранены в прежнем виде, а суммы не были округлены на том основании, что без участия Министерства финансов комиссия не сочла себя вправе изменять размер платежей, лежащих на Государственном

казначействе, но что, по моему мнению, коль скоро проект лежит на столе государя императора, то его карандаш может легко исправить это несовершенство работы комиссии.

При письме посылаю на всякий случай проект указа Сенату, наскоро мною набросанный:

«Установив твердый порядок престолонаследия, блаженные памяти император Павел I одновременно издал 5 апреля 1797 года учреждение об императорской фамилии, непрерывность престолонаследия обеспечивающей.

Изволением божественного промысла фамилия наша со времени первоначально изданного о ней учреждения умножилась, чем и дарован отечеству нашему надежный залог к отвращению не раз угнетавшего Россию бедствия.

Признав соответственно сему за благо сделать в учреждении 5 апреля 1797 года некоторые изменения, мы возложили задачу, согласно преподанным нами указаниям, на особую под председательством любезнейшего брата нашего великого князя Владимира Александровича комиссию.

Ныне рассмотрев труд особой комиссии и признавая его вполне отвечающим желанию нашему постановить относительно фамилии нашей правила, обеспечивающие для нее и в будущем существование и деятельность, направленные к пользе дорогой сердцу нашему родины, все милостивейше утверждаем учреждение об императорской фамилии, по указаниям нашим начертанное.

Правительствующий сенат не оставит к обнародованию сего сделать надлежащее распоряжение».

7 [июня]. Пятница. <...>

Разговаривая о труде нашей комиссии, великий князь показал мне записку, полученную им от государя, такого содержания: «Я собственно никаких серьезных замечаний не имею, отметил только примечание к ст. 120 об удельных имениях и потом ст. 125. На краях я сделал свои отметки, но это не должно задерживать опубликование нового закона, и я не настаиваю на изменении. Насчет способа опубликования я не решаюсь высказаться окончательно, но полагал бы достаточным указ Сенату. Об этом я переговорю с Победоносцевым и Половцовым, которые на этой неделе будут у меня.

Собирать комиссию у себя не предполагал, так как я согласен с выработанным ею проектом закона, да притом некоторые члены отсутствуют или больны.

При этом случае благодарю тебя сердечно за добросовестную и не легкую работу, и передай всем членам мою искреннюю благодарность за их труды.

О Ванновском я не забыл, и уже он получил субсидию на лечение.

От души твой брат *Саша*.

Желал бы иметь у себя один из печатных проектов этих новых законов для справок. Прикажи прислать ко мне».

<...>

1889 год

<...>

23 [января]. Понедельник. <...> Великий князь Михаил Николаевич рассказывает, что в прошлую среду государь долго говорил с ним о том, что великие князья должны жениться исключительно на православных, и в доказательство неудобства противного ссылался на то, что могло произойти в случае иного исхода боркской катастрофы. Если бы все они были убиты, то, по мнению государя, на престол должен бы вступить не Владимир Александрович, отказавшийся от престола при женитьбе на лютеранке, а старший сын его — Кирилл. Какую бы все это произвело путаницу! Великий князь Михаил Николаевич собирается переговорить обо всем этом с министром двора Воронцовым, но я убедительно прошу его сохранить этот разговор с государем в глубокой тайне. Михаил Николаевич настаивает на том, что переговорит об этом с Алексеем Александровичем, что и делает по приезде в Совет.

Алексей Александрович говорит мне, что слышал уже этот разговор от императрицы, что, по его мнению, государь не прав, потому что ни Владимир, ни Сергей, женись на лютеранках, никаких отречений не подписывали, что закон ясен: ни наследник престола, ни император не могут быть женаты на лице неправославном, но из этого не следует, чтобы лицо, женатое на неправославной, не могло вступить на престол, причем жена его немедленно примет православие.

<...>

25 [января]. Среда. <...>

Встречаю на набережной великого князя Михаила Николаевича, который передает сегодняшний разговор свой с государем, когда они остались вдвоем после завтрака и ухода лиц, в завтраке участвовавших. Начали говорить о наследовании престола для лиц, женатых на неправославных. Михаил Николаевич заявил государю, что взгляд его об отречении, будто бы подписанном великими князьями Владимиром и Сергеем, несправедлив, как они оба то ему высказали. Государь утверждал, что он понимал это иначе и что в этом его утвердил Воронцов. Великий князь настаивал на своем мнении. Хотели прочитать текст статьи учреждения об императорской фамилии, но,

как обыкновенно в этих случаях бывает, книги под рукою не оказалось, и государь окончил разговор тем, что высказал намерение смысл этого постановления выяснить.

<...>

19 [июня]. Понедельник. <...>

Говорим о новом указе относительно браков великих князей с иноверками. Великий князь находит, что, кроме формы, которая во всех отношениях неудовлетворительна, сущность указа неудобноисполнима, в чем государь должен будет убедиться на своих собственных сыновьях.

<...>

1890 год

<...>

27 [февраля]. Вторник. Застаю великого князя Михаила Николаевича и великую княгиню Ольгу Федоровну в большом расстройстве. Из совокупности их сообщений и других, полученных мною из верных источников сведений оказывается, что произошло следующее: великий князь Михаил Михайлович, уже два года влюбленный в дочь графа Игнатьева, отправился к государю, бросился на колени и стал умолять его разрешить ему этот брак. Разжалобленный своим двоюродным братом, государь сказал, что постарается это устроить. Разумеется, Михаил Михайлович просил об этом разрешении под условием выезда за границу и даже полного отречения от всех своих великокняжеских прав и преимуществ.

После такого, хотя и несколько уклончивого, но, без сомнения, весьма знаменательного в устах самодержца ответа, влюбленный князь прождал несколько дней и, не видя ни малейшего осуществления данного ему обещания, послал своего брата Александра (*persona grata*¹⁹ в Аничкове) напомнить государю о данном обещании. Ответ был такой же. Чрез несколько новых дней цесаревич со слов государя повторил то же самое. Так прошло дней десять, после коих 26 февраля, пред разездом из Аничкова дворца после выхода, государь пригласил к себе великого князя Михаила Николаевича и объявил ему, что по здравом размышлении он полагает всего лучше отправить Михаила Михайловича служить в отдаленный угол империи!..

Такое неожиданное решение Михаил Михайлович передал великим князьям Владимиру и Алексею, кои вознегодовали на поведение старшего брата, причем последний решился высказать ему всю правду.

Семейство полагает, что такое изменение произошло под влиянием императрицы, которая опасается морганатических браков для своих сыновей. Что за чудовищное во всех отношениях ничтожество изображает из себя эта датчанка!

Завтрак рядом с Ольгой Федоровною, которая еле может удерживать слезы.

<...>

1892 год

<...>

6 [мая]. Среда. <...> В воскресенье был в Гатчине у государя семейный совет по поводу сватовства великого князя Георгия Михайловича к дочери герцогини Эдинбургской Марии Александровны. С обеих сторон есть расположение к заключению этого брака и препятствие лишь одно — требуемое государем обращение невесты в православие.

На совет были приглашены: императрица, наследник, Владимир и Алексей Александровичи, Михаил Николаевич. Всех больше говорил сам государь, который настаивал на том, что ни в каком случае ни один великий князь не должен иметь права жениться на иноверной. Это мнение поддерживали, приводя аргументы, Воронцов и в особенности Победоносцев. Цесаревич молчал, и у него никто ничего не спрашивал. Владимир Александрович находился в фальшивом положении, так как великая княгиня Мария Павловна была первая, подавшая пример сохранения [неправославного вероисповедания] после вступления в брак. Владимир Александрович сказал, между прочим, что не видит, какой вред принесло это обстоятельство, что никто из его детей никогда не был ни в какой иной, как православной, церкви, а что его жена, напротив, аккуратно посещает русскую церковь во всяких торжественных случаях. Алексей Александрович, будучи холостым, относился к этому вопросу равнодушнее других, но тем не менее заявлял о невозможности безусловного проведения такого начала. Михаил Николаевич, поддерживая последнее мнение, считал возможным сохранить правило о вступлении в супружество исключительно с православными только для сыновей государя. На это государь ему возражал, что если допустить отступление для остальных членов, то и его собственные сыновья не найдут более невест. (Ему следовало бы, напротив, по этому поводу провести резкую черту между сыновьями императора и остальными членами семейства.)

Отстаивая свою тему, государь сказал даже, что он предпочтет разрешать морганатические браки, чем браки с иноверными. Тогда великий князь Михаил Николаевич справедливо возразил ему, что три года тому назад Михаилу Михайловичу, хотевшему жениться на графине Игнатьевой, запрещено было о том и думать. Теперь он женился на честной девушке, племяннице царствующего принца, перешедш[ей] в православие, о ней также не хотят слышать. Рядом с ним великий князь Николай Николаевич открыто живет с какою-то потаскушкой и продолжает пользоваться внимательностью государя, а в силу заявления, сейчас сделанного, не сегодня завтра получит разрешение жениться. Где же тут логика и что должны принимать в руководство младшие члены семейства?

В конце концов совет ни к какому результату не привел. Решено отправить Георгия Михайловича к герцогине Эдинбургской с письмом от государя и с тем, чтобы он постарался понравиться девушке и уговорить ее перейти в православие!..²⁰

<...>

**<Письма миссис Лотроп,
жены чрезвычайного посланника
Соединенных Штатов в России. 1886 год>**

<Фрагменты>

<...>

6 февр[аля] 1886 года

Знаменательным событием прошлой недели был первый придворный бал, на котором присутствовало более двух тысяч человек. Газета, которая, как ни странно, поместила заметку о бале¹, говорит о двух тысячах четырехстах гостях и о том, что около двух тысяч сели ужинать². Приглашения были к девяти часам вечера, так что мы постарались оказаться в Зимнем дворце в этот час. Мы поднялись по лестнице и прошли через залы, заполненные слугами в придворных ливреях, военными с обнаженными шпагами, неподвижными, как статуи, группами офицеров и чиновников и ярко одетыми дамами. Пройдя анфиладу роскошных залов, мы вошли в бальный зал, в одном из углов которого было место, предназначенное для дипломатического корпуса. Это длинный зал, украшенный прекрасными растениями и освещенный электричеством³. Лампы накаливания были только что введены в употребление и подключены к огромным люстрам, призмы которых сверкали подобно бриллиантам. Свет был очень ровным и подобающим обстановке, присутствующие не выглядели мертвенно-бледными. Напротив нас за проходом располагались первые дамы русской империи. Они, конечно, были прекрасно одеты и все в великолепных драгоценностях, что делало эту группу чрезвычайно блестящей. Офицеры, сановники и дипломаты, все кроме нас, были в форме. Мундиры весьма красивые, негнущиеся от золотого шитья, и все, как помню, украшенные орденами, иные были покрыты ими — широкими лентами и орденскими знаками с драгоценными камнями. Осмотревшись, поговорив с людьми, которых мы знали, ощутили приглушенную атмосферу ожидания — каждый, казалось,

знал, что Император и Императрица прибыли⁴. Я пришла к заключению, что их величества для народа здесь подобны солнцу для земного шара; я не надеюсь, что ты это поймешь — необходимо это увидеть и почувствовать.

Когда громадные двери около нас распахнулись, вошли высшие сановники, обер-церемониймейстер князь Долгорукий⁵, обергофмейстерина Императрицы княгиня Кочубей; за ними Император об руку с Императрицей, их сопровождали несколько высших чинов двора и пажи, далее следовал цесаревич⁶ с великой княгиней Serge, великие князья и великие княгини, князья и т. д. Оркестр заиграл полонез из «Жизни за царя», и они сделали тур по залу. Вернувшись, они построились снова⁷. Императрица танцевала со своим сыном, а Император с мадам Аппер, женой французского посла, которая в отсутствие мадам Швейниц является первой дамой дипломатического корпуса. На третий тур Император пригласил леди Мориер⁸, жену британского посла⁹. Императрица танцевала с генералом Швейницем, а цесаревич протянул руку мадам Аппер. Затем прозвучали кадрили и контрдансы, которые Императрица танцевала с послом Турции и другими послами¹⁰. После этого Императрица прошла в следующую гостиную, где ей были представлены несколько человек, а Император прогуливался, перебрасываясь парой слов с разными лицами. Он попросил вашего отца представить меня ему, и я удостоилась нескольких слов. Много вальсировали, но публика так толпилась, что для танца оставалось мало места. Императрица прошла затем в другой конец зала и танцевала мазурку, но толпа не позволила мне хорошо ее разглядеть.

Император высокий, крупный мужчина, величественный и властный. Не похоже, чтобы он был опечален, испуган или подавлен заботами и величием своего положения. Я вообще не верю, что он живет в состоянии тревоги — люди говорят, что он не знает чувства страха. Мне было весьма интересно увидеть человека, являющегося правителем более одной шестой части земного шара, чье желание закон. Я пыталась представить, что он чувствует, но не думаю, что мне это удалось. На нем нарядная форма кавалергардского полка — красный мундир с темными шароварами и медная каска с орлом наверху¹¹. Голубая лента Св. Андрея и, я полагаю, богато украшенная орденская цепь, другие награды. Императрица, как всегда, прекрасна. На ней белое платье с небольшим шлейфом — газовое с серебряными полосами. Широкая голубая лента Св. Андрея. Она единственная дама, имеющая этот орден; он был вручен ей во время коронации. Платье с большим декольте и драгоценности, казавшиеся связками огромных бриллиантов, большие алмазы в ушах. Верх платья украшен несколькими брошами — одна с бриллиантом столь огромным, что

он казался не особенно красивым, и диадема из великолепных бриллиантов¹². Она выглядела так молодо, что трудно было представить, что она мать пятерых детей, старшему из которых более семнадцати лет¹³. Ее фигура такая же стройная и такая же красивая, как у молоденькой девушки; она совершенно очаровательна. Царевич похож на нее, но очень мал для юноши своего возраста¹⁴. Для него будет большим несчастьем, если он не вырастет. Члены императорской семьи такие крупные, высокие, хорошо выглядящие мужчины, что русским будет трудно связать идею величия с тем, кто мал ростом.

Так как обворожительная великая княгиня Vladimir¹⁵ уехала в Канны для поправления здоровья, великая княгиня Serge, внучка королевы Виктории, имеет старшинство над другими женами дядей или кузенов Императора. Она очень хороша, с прекрасной шеей и руками. На ней ожерелье из красивых изумрудов, оправленных бриллиантами. Великая княгиня Constantine¹⁶ в великолепных драгоценностях — жемчугах, бриллиантах, рубинах и др. На ней ожерелье из больших не ограненных изумрудов, оправленных превосходными бриллиантами¹⁷. Сплошное великолепие. После мазурки Император и Императрица, сопровождаемые их императорскими высочествами, отправились ужинать.

Зал, где мы ужинали, большой и высокий; он весь опоясан балконом, и в каждом конце зала выступают хоры, на которых попеременно играли два оркестра. Две тысячи человек уселись ужинать и обслуживались одновременно без помех; ужин был великолепный. В центре зала с одной его стороны располагался императорский стол, за которым сидели их величества, императорская семья и послы с женами¹⁸. Справа был стол дипломатического корпуса. На столах в ряд были расставлены огромные, длиною, возможно, три фута¹⁹ серебряные изделия с изображением лошадей или рыцарей, затем серебряные вазы с пальмовыми ветками и цветами, затем предметы с другими рисунками, потом серебряные канделябры с пятнадцатью свечами, далее другие прекрасные предметы — все из чистого серебра и стоявшие вплотную. Если ты попытаешься представить, как много серебра требуется для двух тысяч человек, то получишь представление о количестве серебра во дворце²⁰. Большие предметы имели цветочный бордюр у основания. Для каждого двух персон полагался серебряный судок для специй различных форм. Мой был в виде медведя; с каждой стороны два сосуда — один для соли, другой для перца. Вилки, ножи и ложки очень красивые, большинство из позолоченного серебра. Фарфор также превосходный. Я никогда не видела таких широких столов, кажется, они были шириною более шести футов²¹.

Здесь щедро угощают: в центре одного прекрасного зала огромный круглый стол, со всех сторон уставленный чаем, пирожными

и т. п. Другой буфет в коридоре был длиною, должно быть, 150 или 200 футов²². Повсюду было шампанское, чай, лимонад (или то, что они так называют), пирожные, мороженое — всего очень много. На протяжении вечера разносили мороженое, имевшее форму и цвет фруктов. После ужина все вернулись в бальный зал, где вальсировали какое-то время²³, около часа ночи их величества удалились, и гости тотчас же разошлись.

Вчера был занятый день; к нам приходили люди, так как был наш очередной приемный день. Несколько джентльменов так засиделись, что нам пришлось поспешно переодеваться на обед у г-на Сименса²⁴ — изрядный обед на тридцать шесть персон. После того как мы приняли приглашение на этот обед, нас пригласили на бал в доме князя Юсупова²⁵. Говорят, он самый богатый человек в России, и его дом самая блестящая частная резиденция в Петербурге²⁶. Так как Императора и Императрицу ожидали к десяти часам, мы должны были прибыть до этого времени. Приезжать позже их величеств — нарушение этикета. Так что мы были вынуждены уехать сразу же по окончании обеда и прибыли во дворец Юсупова после десяти часов, но вовремя, так как их величества отправились в театр на новую пьесу, которую они хотели посмотреть. Дом замечательный, с огромными залами, богато украшенный. Особенно красивы потолки, я думала, что мы видели в доме столько, сколько никто другой, но сегодня мне сказали, что большой театр и зимний сад не были открыты. Танцы в бальном зале начались незадолго до прибытия Императора с Императрицей, великой княгиней Serge и некоторыми другими великими князьями. Императрица выглядела прекрасно в бледно-голубом атласном платье, вышитом спереди, и тонкой набивкой над треном, который, между прочим, был не длинным. Из драгоценностей на ней были, главным образом, великолепные жемчуга. Она много танцевала. Когда она стояла или танцевала или когда танцевала великая княгиня Serge, все стояли. Вначале все низко кланялись Императору и Императрице. Но позже нет, если только не обращались к ним. Императрица танцевала мазурку и вальсировала. Она превосходно танцует и, говорят, очень любит танцевать. Столовая огромная. Я думаю, что, по меньшей мере, пятьсот персон обслуживались одновременно, сидя за столами. После отъезда Императора и Императрицы большинство гостей последовало их примеру, но молодежь осталась на котильон.

<...>

Мар.[та] 10-го, 1886 года

Последний придворный бал был самым прекрасным. Ни секретари, ни атташе не получили приглашений, только главы миссий, что существенно сказалось на численности дипломатического корпуса.

Мы были приглашены к половине десятого, и в десять их величества вступили в зал. Эрмитаж, в котором давался бал, связан с Зимним дворцом²⁷. Он был дворцом Екатерины Великой. Танцевали в ее бальной зале. Войдя и поднявшись по лестнице, мы вступили в просторный зал, в котором стояла огромная малахитовая ваза²⁸ с прекрасной пальмой в ней. Двигаясь налево в сторону Зимнего дворца, мы прошли через большой салон с буфетом у стены, затем через коридор, уставленный растениями, в большую залу, оказавшуюся очаровательной. Зала длинная, около одной ее трети отделено арками и колоннами²⁹. Танцующие не заходят в меньшую часть, покрытую коврами и обставленную креслами и диванами красного цвета. Освещение было самым прекрасным из когда-либо мною виденных, таким ярким и все же мягким и приятным. Сверху галерея, со всех сторон окруженная рядом ламп. Зала декорирована белым и золотым; окна очень большие и арочные, тяжелые занавеси из прочного белого шелка. За этой залой находилась выходявшая в нее и казавшаяся ее частью оранжерея³⁰. Оранжерея великолепная. Она квадратная; деревья, главным образом, пальмы и высаженные в клумбы распустившиеся цветы, в особенности гиацинты и тюльпаны. Освещалась она дневным светом через большие шары, которые делали освещение похожим на лунное; я вспомнила волшебную страну фей. Фонтан в центре оранжереи освещался электрическим светом, над которым ниспадали струи воды, и под водой в бассейне было несколько ламп. Фонтан этот был декорирован виноградной лозой и цветами. В оранжерее также находилась большая позолоченная клетка с певчими птицами. Дорожки были покрыты коврами, так что наши платья не пострадали. На одной из стен оранжереи портретная галерея. Мы прошли вдоль нее более чем 500 футов³¹; на другой стороне галерея, которую я опишу. С каждой ее стороны горки резного дерева, заполненные всем редким и ценным из ювелирной области (я не имею в виду драгоценности короны, а исторические, драгоценные вещи) из золота и серебра: веера из слоновой кости, часы, табакерки и много других вещей. В этой галерее стояли в ряд карточные столы, за ними играла публика, и, тем не менее, оставалось пространство, чтобы гулять и рассматривать эти изделия³². В конце галереи находились забавные часы в огромной стеклянной клетке. Золотой павлин в натуральную величину поднимает свой хвост, изгибает шею, поворачивает ее, ерошит перья, поворачивается кругом; петух машет крыльями и кричит³³. Рядом галерея, посвященная Петру Великому³⁴: его одежда, инструменты и им сделанные вещи; но она закрыта в вечер бала.

Императрица прекрасна. На ней белое газовое платье, расшитое серебром. Тиара из двух рядов бриллиантов, расположенных на не-

большом расстоянии друг от друга, была обвита снова и снова лентой с рубинами. Вокруг горла два ряда огромных бриллиантов и в ушах солитеры такого же размера. На шее превосходное ожерелье из рубинов и бриллиантов прекрасной работы и поверх ее корсажа украшение из рубинов, такое огромное, что поражало любого. По краям ее юбки два банта с узлами из рубинов и бриллиантов. Великая княгиня Alexandra была великолепна в рубинах и бриллиантах. Её тиара была из бриллиантовых листьев и рубиновых цветов. На великой княгине Serge также были рубины и бриллианты. Очень многие дамы были в прекрасных драгоценностях, но, конечно, никакие из них не могли сравниться с драгоценностями императорской семьи. На ужин мы шли через залы, которыми проходили на бал, и через зал с прекрасной вазой. Столы были расставлены в нескольких залах, в одном было два стола, один — для Императрицы, другой — для дипломатического корпуса. Ужин был превосходный. После него танцевали котильон, и мы вернулись домой около трех часов ночи.

Мы намерены теперь часто ходить в Эрмитаж смотреть картины. Я была там только три раза, и дважды он был закрыт. Я ощущала себя варваром, находясь так близко и не бывая более часто; но летом они чинятся и красятся и многие картины тщательно прикрывают или снимают; затем дни были такие короткие, и было так много дел.

14 мар.[та] 1886 года

Я прекратила считать выстрелы орудий крепости³⁵, которые салютовали ста залпами и сотрясали дом, так что дребезжали стекла. В прошлый четверг был день рождения Императора³⁶, а сегодня годовщина его вступления на трон³⁷, которая отмечается повсеместным вывешиванием флагов, особыми службами в церквях и непрерывной орудийной канонадой. Вчера была годовщина убийства его отца³⁸, и утром в церкви крепости³⁹ прошла служба для императорской семьи, а в полдень для народа. Дама, посетившая службу, рассказывала мне, что много бедного люда переполнило церковь, и клали венки на могилу. Сама она занимает высокое положение и была в трауре; так что, я думаю, все были одеты подобным образом.

<...>

31 июля 1886 года

В городе сейчас очень много выдающихся особ, но поднятый ими переполох проходит мимо нас, так как большая часть императорской семьи и их гости находятся в Петергофе. Среди гостей королева Греции и ее дети, герцогиня Эдинбургская⁴⁰ с детьми, герцог и герцогиня Австрийские⁴¹. Я слышала, что Императрица приглашала королеву Греции навестить их величества в их собственном личном

дворце⁴². Она кузина Императора и невестка Императрицы. Император и Императрица предпочитают жить в таком маленьком дворце, что кровать королевы Греции пришлось поставить в гардеробную Императрицы, ведущую в спальню их величеств. Гардеробная Императора с другой стороны спальни. Как ее величество Императрица и другое ее величество королева Греции совершают свой туалет, я не знаю. Я слышала, что последняя говорила, что ей недостает места повернуться. Я постоянно слышу, что Император и Императрица очень счастливы в своей семейной жизни и что они любят вести скромный образ жизни, когда могут. Так как он самодержец, единственный предел тому, что он имеет, его желание. Множество людей ездят в Петергоф посмотреть фонтаны и иллюминации, скачки и т. д., а также чтобы увидеть катающимися этих великих людей, но мы не ездили.

<...>

Р. С. УОРТМАН

<Публичная и частная сферы>

<Фрагменты>

<...>

Именно личность великой княгини Марии Федоровны компенсировала угрюмый характер ее мужа и позволила царской паре добиться народной любви. У нее был магнетизм, необходимый для того, чтобы привлечь к ней элиту, сердечность и ласка, свойственные европейским монархам. Как и в случае с Николаем I и Александром II, эмоциональная связь устанавливалась благодаря глазам. Ф. А. Оом, начальник канцелярии Николая Александровича, впервые встретив ее в 1866 году, записал: «Глаза поразили нас всех выражением ласки и кротости, и между тем взор пронизывал человека, на которого они были обращены»¹. Князь Вяземский написал к ней несколько стихотворений. Первое, написанное при получении известия о ее помолвке, говорит о голосе народа, «слившемся» «в одну любовь», в «исповедь любви народной»². По случаю ее прибытия в Петербург Вяземский написал:

Ты отныне нам родная
Перед Богом и людьми:
Чувствам нашим отвечая,
Дань родных сердец прими.
Сердцем наш народ умеет
Сердцу весть любви подать:
Где любовь цветет и зреет,
Там и Божья благодать³.

Великая княгиня поддержала ритуалы снисходительности и дружелюбия, которые были частью сценария любви. В 1867 году великокняжеская чета прибыла в Москву, чтобы представиться древней столице. Визит прошел более чем успешно; обаяние великой княгини вызвало восторг. В 1869 и 1870 годах Александр Александрович пред-

принял большое путешествие по империи — первая и единственная поездка такого рода, в которую наследник русского престола отправился с супругой. Александра Александровича сопровождали Победоносцев, Бабст, а также Мещерский и Перовский. Они следовали по маршруту путешествия Николая Александровича 1863 года — вниз по Волге и Дону. Перед тем как компания отправилась, император приказал, чтобы по пути ей не устраивали встреч и сопровождений и не организовывали балов и званых обедов, если на то не будет специального соизволения их высочеств. Нижегородский губернатор отметил, однако, «всю трудность» своей «задачи» отказывать людям в подобных просьбах; и действительно, в нескольких городах такие балы и обеды все же состоялись⁴.

Присутствие великой княгини вливало жизнь в эти приемы⁵. Анонимное описание путешествия, опубликованное в московской типографии Каткова, содержит обычные описания народных приветствий и сцены встреч Марии с крестьянами, которые «говорят, как любят ее, говорят со слезами». Она улыбается им в ответ и обнимает их детей. Крестьяне несут рыбу и посуду — «дары простой любви, которая чувствует потребность чем-нибудь заявить себя». <...>

* * *

Александр Александрович относился к своей семье как к священной личной сфере, не зависимой от придворных и государственных обязанностей. Его постоянство в браке развилось в противовес отцовскому легкомыслию и непостоянству. С момента заключения брака он вступил в тесные и нежные взаимоотношения с великой княгиней. После свадьбы он писал: «Такое грустное и вместе с тем необыкновенное чувство было думать, что я наконец женат и самый главный шаг в жизни сделан». Свою первую ночь он описывает с редким чувством — запираение двери, радость объятий, затем долгая беседа и ночь без сна⁶.

Дагмара стала той родственной, сочувствующей душой, которой ему так недоставало в жизни. Его семья отражает романтический викторианский идеал алтаря нежных человеческих чувств. В день Нового 1867 года он записал в дневнике, что вспоминает чувство счастья, которое охватило при посещении Дании, когда он встретился со своей будущей невестой. «Я думал, что больше не могу любить или по крайней мере не так страстно, но увидел и почувствовал совершенно другое. Я понял благословение и милость Божию, тогда я почувствовал, что значит истинное счастье»⁷.

По возвращении в Санкт-Петербург Александр замкнулся в своей семье, по возможности максимально дистанцируясь от родительского несчастья и придворной жизни. Александр с великой княгиней

Марией Федоровной поселились в Аничковом дворце, ставшем с начала века резиденцией наследника; уютные окрестности дворца и небольшие апартаменты пришлись им более по вкусу, чем обширные пространства Зимнего. Кроме того, Аничков дворец хранил воспоминания о старшем брате, который любил здесь жить. На стенах двух залов, выходящих в сад, сохранилась та же самая желтая шелковая обивка, которую Николай Александрович заказал в Москве⁸. Еще Александр испытывал ощущение настоящего счастья, выезжая за город — в Царское Село, Петергоф и Гатчину. Эти места он называет «милыми», а о Зимнем дворце с его утомительными социальными обязанностями отзывается: «Котильон без конца!!!»⁹

В эти годы Мария Федоровна поощряла интерес Александра к искусству. В Копенгагене они знакомились с художественными собраниями, а также посещали фабрики по изготовлению фарфора и стекла. Александр начал собирать живопись, собирать антикварное серебро, в значительной степени следуя вкусам своей жены. Он украсил стены Аничкова дворца картинами и выделил две дворцовых комнаты под галерею для своего собрания, которое быстро увеличивалось. В то же самое время он начал поддерживать русское искусство и остался верен этому делу до конца жизни. Во время пребывания в Париже в 1870-х годах он встречался с художниками-реалистами оппозиционного движения передвижников и начал покупать их работы¹⁰.

Он развивал вкус к морским пейзажам, заказывая многочисленные картины с изображениями судов и давая художникам точные инструкции насчет деталей. Он любил море, которое предоставляло ему наилучшую защиту от суматохи и опасностей, поджидавших его на суше. Заказывая себе новую виллу, он попросил расположить ее на острове. «Далеко ли имение от городов, это все равно и даже предпочтительнее, потому что спокойнее», — написал он А. А. Штюлеру в 1876 году. Он начал продолженную позже его сыном Николаем практику длительных круизов на яхте в Финском заливе. Яхта была не только формой отдыха, но и метафорой удаленности от русской действительности. В дневниках он пишет о своих судах с любовью, отмечая пройденные расстояния и описывая подробности путешествий. Если излюбленной реальностью для Николая I был плац-парад, выразивший политическую солидарность посредством дисциплины и субординации, для Александра II — охотничье угодье с его дружелюбием и бравадой, то для Александра III их место заняли море и природа, символы одиночества и отдаленности от подданных¹¹.

А. А. МОСОЛОВ

При дворе последнего императора

<Фрагменты>

<...>

Несколько слов насчет родителей Николая II

Александр III, сын Александра II и императрицы Марии Александровны, принцессы Гессен-Дармштадтской, получил воспитание домашнее, как это тогда водилось. От отца и деда он приял чувство громадного могущества русских императоров, которое вызывало, как логическое последствие, необходимость всячески поддерживать престиж царской власти. В этом отношении традиция, восходившая к целому ряду весьма властных государей, оставалась неприкосновенною и грандиозною. Будущему императору не переставали повторять, что русские цари поставлены самим Богом, что русские цари, как защитники и носители национального духа страны, должны являться для народа последним оплотом отеческой доброты и бесконечной справедливости.

От матери Александр III получил заветы семейного, строгого уклада жизни. Само собою разумеется, что ему были внушены все тонкости светского воспитания; он знал, что царь должен быть неизбытним рабом этикета и церемониальной части.

Личные симпатии Александра III сближали его не с отцом, Александром II, а с дедом, Николаем I. С ранних лет Александр III считал, что быстрая эволюция политических учреждений может быть опасною для страны. Он полагал, что поспешное проведение политических реформ может вызвать взрыв того бессознательно-анархического духа, который искони свойствен был русскому народу и всем славянским племенам вообще. Он боялся, что проведение политических реформ вызовет кровавые беспорядки.

Мы все знаем, с каким чувством князь Трубецкой изобразил эти особенности душевного склада Александра III в том монументе, кото-

рый и по сие время украшает Знаменскую площадь. Железной рукою массивный и колоссальный Александр III затягивает поводья своей лошади, не менее тяжелой и внушительной, чем сам царь. Сколько раз я проходил мимо замечательного произведения искусства, повторяя каждый раз:

— Надо отпустить поводья: если слишком затягивать удила, лошадь сначала бессмысленно потопчется на месте, а потом потеряет голову, встанет на дыбы и опрокинется.

Второю особенностью Александра III было его несомненное пристрастие ко всему тому, что является типично русским. Император Вильгельм I Германский и некоторые мелкие немецкие князья пользовались при дворе Александра II слишком большим и совершенно незаслуженным влиянием. Реакция в душе Александра III оказалась чрезвычайно энергичною: он буквально ненавидел все немецкое. Он стремился быть русским и проводить это во всем, что касалось его личной жизни; отчасти вследствие этого манеры его оказались менее аристократичны, чем манеры его братьев. Он, может быть, этого сам не сознавал, но во всем том, что делал, ясно виднелась мысль: чтобы быть русским, не надо быть чересчур лощеным. Он, конечно, склонялся пред придворным этикетом, но ненадолго; достаточно было ему оказаться в тесном кругу семьи или любимых приближенных, чтобы все искусственные формулы церемониальной части летели на ветер; и неоднократно он говорил, что подобного рода пустяками могут заниматься только умирающие немецкие династии, коим нечем более оправдать свое существование.

Мать Николая Александровича, принцесса Датская, воспитана была при одном из самых патриархальных дворов Европы; от нее Николай II унаследовал бесконечное уважение к принципу семьи; она же дала ему тот личный «шарм», которого у нее самой было так много. Все дети принцессы Дагмары Датской были менее высоки ростом, чем предшествующие поколения Романовых. Поколение Николая II не имело той величественной осанки, которою славилось поколение Александра II. Может быть, поэтому граф Фредерикс, министр двора, всегда настаивал, чтобы Николай II показывался толпе преимущественно на лошади. Несмотря на свой небольшой рост, Николай Александрович был замечательным кавалеристом и верхом производил, действительно, более величественное впечатление, нежели пешком. Однажды Николай II смеясь сказал при мне:

— Граф Фредерикс сам любит гарцевать на лошади: наверное, он руководится эгоистическими соображениями, когда зачастую меня уговаривает показываться верхом даже там, где можно бы ехать в коляске.

Воспитание

Два лица, близких мне, хотя много меня старших, рассказывали мне подробно о воспитании детей Александра III. Я имею в виду покойного генерал-адъютанта Васильковского и мистера Хиса, впоследствии учителя английского языка наследника цесаревича. По словам этих лиц, дети Александра III росли почти без надзора. Манеры их не отличались тем изяществом, которое обращает на себя внимание у детей, за которыми постоянно следили. Даже в присутствии своих родителей дети перебрасывались за столом шариками хлеба, если знали, что им удастся остаться непойманными. В физическом отношении дети были крепкого, здорового сложения; один только Георгий Александрович, второй сын, страдал туберкулезом и умер в раннем возрасте.

Детей учили особенно усиленно иностранным языкам; учителя старались главным образом добиться правильного и чистого произношения. Надо сказать, что все дети обладали очень хорошей памятью, в особенности на лица и имена. Отчасти вследствие этого Николай II приобрел очень большие исторические познания.

Когда я ближе узнал государя, его нельзя было не считать очень культурным и образованным человеком. Что же касается его братьев и сестер, то на их образование обращали мало внимания.

Воспитателем будущего императора был генерал-адъютант Данилович. Мой приятель Васильковский никогда иначе не обозначал его, как словом «иезуит». Говорят, что Данилович, когда еще был директором корпуса, имел то же самое почтенное прозвище. Даниловичу император Николай II обязан всем своим моральным обликом: та необычайная сдержанность, которая была основным отличительным признаком характера Николая II, несомненно имеет своим источником влияние Даниловича. Надо сказать, что Александр III был суров даже по отношению к своим детям: решительно ни в чем не сносил ни малейшего противоречия. Потому не только дети, но и сама императрица часто оказывались в таком положении, что надо было от отца скрывать то, что произошло, что было содеяно. Именно вследствие этого в семье Александра III образовался дух скрытности. Все это оставалось живым и после смерти отца. Сколько раз мне приходилось слышать, как Николай II отзывался в самых резких выражениях про тех лиц, которые не сумели сдержать данного ими обещания и разболтали какой-нибудь веренный им секрет.

<...>

Разъединение императорской фамилии

Первый удар по солидарности царской семьи был нанесен вторым супружеством императора Александра II. Брак с княжной Долгорукою, впоследствии княгиней Юрьевскою, был вторым морганатическим союзом в семье. Первым явилась свадьба великого князя Константина Павловича, косвенно повлекшая за собою восстание декабристов, первое русское освободительное движение.

Супружество государя Александра Николаевича вызвало единодушное осуждение всей царской семьи, лишь выигравшее в силе оттого, что его не осмеливались открыто проявлять при императоре. Две сцены особенно отчетливо врезались мне в память.

В Петергоф прибыли с визитом к Александру II германские владетельные принцы. Это было весною 1877 года. Время было тревожное. Ожидалась со дня на день война с Турцией. Государь пожелал, чтобы наследник устроил в честь гостей бал. Цесаревич, по-видимому, считал, что время для балов было неподходящее; но подчинился желанию своего августейшего родителя.

На бал была приглашена, вероятно по желанию царя, княжна Долгорукая. Помню, как сейчас, величественно-красивую фигуру Александра II, стоящего под колоннадою, ведущей в гостиную, и впереди него, в нескольких шагах, княжну.

После ужина танцы продолжались, и был объявлен котильон. В это время государь уехал, провожаемый до экипажа наследником. Вернувшись в зал, цесаревич прямо между танцующими парами прошел к эстраде, на которой играл оркестр лейб-гвардии Преображенского полка. Несмотря на то, что среди танцующих была и цесаревна Мария Федоровна, он громким голосом крикнул:

— Спасибо, преображенцы! Домой!

Танцы резко оборвались. Наследник удалился с цесаревною во внутренние покои; смущенные гости поспешно разъехались.

Этот инцидент был первым мне известным, как очевидцу, проявлением разлада, намечавшегося в это время между Зимним и Аничковым дворцами¹. Причин было несколько, но главной являлось увлечение Александра II княжной Долгорукою. Эта, ставшая общеизвестной, связь, а особенно последовавший затем брак царя, оскорбляли наследника. Он считал их несовместимыми с достоинством русского императора. Свое отношение к браку отца Александр III проявил и тем, что по вступлении на престол немедленно сменил министра двора и все ближайшее окружение почившего императора.

Второй инцидент произошел после кончины Александра II.

В феврале 1881 года я приехал в Петербург в отпуск из Софии, где состоял флигель-адъютантом и командовал конвоем князя Болгарского². Накануне 1 марта я сговорился с моим товарищем по полку,

флигель-адъютантом, но отбывающим свой ценз за командира полка³ в Белостоке, С. И. Бибиковым вместе позавтракать в ресторане Дюссо. Последний помещался на углу Большой Морской и Кирпичного переулка, где был затем меховой магазин Лелянова. До 1876 года, когда было устроено офицерское собрание полка в казармах, офицеры конной гвардии там постоянно завтракали, обедали и ужинали в одном из больших кабинетов. Напротив был ресторан Бореля, где преимущественно бывали кавалергарды; затем его хозяином стал Кюба, всем петербуржцам известный.

В конце нашего завтрака вбежал к нам взволнованный хозяин, француз Танти. Он только что разговаривал с лицом, видевшим раненого государя, которого везли в Зимний дворец.

Мы выскочили и побежали к дворцу. На площади уже собирался народ. В подъезде его величества знакомый нам швейцар подтвердил, что только что привезли раненого государя. Бибиков как флигель-адъютант, имеющий всегда доступ к императору, решил подняться наверх и уговорил меня идти с ним. Мы вошли в фельдмаршальскую галерею. Там у дверей в кабинет государя несколько человек свиты, в том числе генерал-адъютант Салтыков, и прислуга растерянно бегали взад и вперед. Бибиков спросил Салтыкова, можно ли войти, и затем вошел в кабинет. Я не решился последовать за ним, но видел, как он приблизился к группе лиц, стоявших, очевидно, вокруг места, где лежал умирающий государь. Среди них я узнал графа Адлерберга, который заслонял мне лицо царя. Когда Бибиков вышел, мы вместе отправились из дворца. На углу Невского и Морской мы остановились, чтобы решить, куда идти дальше. В это время с Невского показались парные сани, в которых сидел в генеральском пальто наследник цесаревич Александр Александрович с цесаревной Марией Федоровной. Они ехали медленно, так как Невский был запружен народом.

Мы успели повернуться и приложить руку к козырьку. Будущий император отдал нам честь, его супруга поклонилась. Сани повернули к арке Главного штаба и медленно, среди толпы приближались к Зимнему дворцу. Мы с Бибиковым вернулись туда. На площади пришлось уже проталкиваться. Народ стоял безмолвствуя. Лишь время от времени слышались негромкие проклятия убийцам, «скубентам». Какая-то баба, сторонясь, крикнула нам вслед:

— Эх вы, военные! Не сумели сберечь царя.

Мы вошли во двор. Он тоже был полон людей всякого звания. На входящих и выходящих из дворца, видимо, никто не обращал внимания. Мы все еще надеялись на спасение жизни государя, хотя Бибиков и говорил мне, что, судя по виду раненого государя, надежды нет. Едва мы вышли из ворот, чтобы снова подняться наверх, как вся

толпа и мы с нею опустились на колени... Штандарт на дворце был приспущен в знак траура.

Я послал телеграмму князю Александру Болгарскому и получил ответ ждать его в Петербурге, куда он в тот же вечер выезжает. Его величество был близким родственником императорской фамилии как сын принца Александра Гессенского, родного брата покойной государыни Марии Александровны.

На другой день я узнал, что для князя приготовили помещение в Зимнем дворце, со стороны набережной, то самое, где год тому назад он жил. Тогда же из-за опоздания поезда, в котором ехал его высочество, отложили обед в его честь, и это спасло государя от взрыва в Зимнем дворце. Народовольцы надеялись заложенной там бомбой уничтожить большую часть членов императорской фамилии.

3 марта в сопровождении одного лишь адъютанта прибыл князь Болгарский. Он участвовал в торжественной перевозке тела Александра II в Петропавловскую крепость. Чтобы присутствовать в соборе, князь спустился из своих апартаментов к салтыковскому подъезду. Тут у широкой лестницы в ожидании появления их величеств собрались с правой стороны все великие князья и княгини, с левой — небольшая траурная группа: княгиня Юрьевская с тремя малютками детьми.

Она была в черном, с опущенной вуалью, дети — две девочки и мальчик — тоже в траурном платье. Распахнулись двери, вошли их величества и направились здороваться к высочайшим особам. Государь затем обернулся, в тот самый момент, когда княгиня Юрьевская приподняла свою вуаль.

Царь уверенными мерными шагами подошел к ней. Императрица сделала несколько шагов за государем и остановилась. Его Величество, обменявшись несколькими словами с княгинею, обернулся, видимо, думая, что Мария Федоровна стоит за ним. Императрица опять двинулась вперед и опять остановилась. Тогда княгиня Юрьевская быстрыми уверенными шагами подошла к ней. Мгновение они стояли друг против друга. Затем ее величество быстро обняла княгиню и обе заплакали. Юрьевская кивнула детям. Те подошли и поцеловали руку императрицы. Государь тем временем был уже в дверях. Царица, видя это, быстро пошла за ним. Начался отъезд высочайших особ.

Когда князь Александр выходил со мною, траурная группа Юрьевской с детьми стояла как окаменелая в углу громадного почти опустевшего вестибюля. Для них была заказана отдельная панихида.

Хотя с тех пор прошло более 50 лет, но картина, длившаяся всего несколько минут, запечатлелась на всю жизнь в моей памяти. Она произвела такое же впечатление на князя, особенно то мгновение,

когда императрица и Юрьевская стояли друг против друга, миг нерешительности Марии Федоровны, подать ли руку княгине или обнять ее. Если бы она подала ей руку, княгиня, жена ее свекра, Александра II, должна была по этикету поцеловать ее.

Высочайшие особы, но не великие князья

Второй удар по целостности царской семьи относится к царствованию Александра III. Видя разрастание императорской фамилии и боясь за престиж великокняжеского сана, его величество принял меру, которую он считал необходимою, но которая не всеми членами семьи была одинаково оценена.

«Учреждение об императорской фамилии» было изменено в том смысле, что отныне участвовали в уделах одни дети и внуки императора. Первые два поколения потомков государя носили титул великих князей и получали ежегодно сумму в 280000 рублей от уделов. Правнуки, с титулом князей крови, получали при совершеннолетиимущество стоимостью в один миллион рублей, движимое и недвижимое, по выбору. Оно переходило по первородству, и обладатель его имел звание высочества. Остальные потомки были лишь светлостями и имуществом не обеспечивались вовсе.

Эта мера закрепила деление высочайших особ на две категории. Против нее в царствование Александра III и при министре двора графе Воронцове трудно было ожидать открытого протеста. Со сменой государя императорская фамилия надеялась получить и большую свободу действий. Новый царь был молод, и старшие родственники рассчитывали влиять на него.

Когда эти чаяния не оправдались, молва возложила вину на императрицу. Выросши в англо-германской среде, где вся энергия, не находившая внешнего проявления из-за конституционных преград, обращалась на вящее наблюдение за родственниками, ее величество была сторонницею строжайшей дисциплины.

<...>

В. Н. ЛАМЗДОРФ

Дневник. 1891–1892 годы

<Фрагменты>

1892 год

Четверг, 30 января

<...>

Так мы начали говорить об императорской семье. Министр замечает, что императрица не играла до сих пор благотворной роли; с ее появлением семья, обладавшая прекрасными качествами, выродилась как физически, так и морально; ее ненависть к немцам поставила нас политически в неблагоприятное положение, так как именно датские счета, несомненно, привили и государю и наследнику чувства и поведение, приведшие к постоянной натянутости наших отношений с соседними империями. Я говорю, что, пожалуй, можно было бы порой подумать, что у нашей государыни дурной глаз; цесаревич Николай Александрович умер, став ее женихом; когда она была объявлена невестой его младшего брата, с которым должна была утешиться после потери того человека, в которого она, казалось, была влюблена, начались у нас покушения; новое направление, принятое царствованием Александра II после покушения Каракозова 4 апреля 1866 года, почти что совпало с ее приездом в Россию; отношения между покойным государем и покойной императрицей изменяются также в это время; начинается несчастная связь Александра II с княжной Екатериной Долгорукой (впоследствии княгиней Юрьевской). Наступают сумерки великого царствования Александра II, колеблющегося между прекрасными стремлениями и противоположным им течением; несчастная война 1877–1878 годов и неопределенная политика, едва не приведшая нас в 1879 году к ссоре с Германией и впервые вызвавшая тесное сближение последней с Австрией. Затем идут зловещие годы нигилистического движения¹; затем смерть Марии Александровны в 55-летнем возрасте и трагический конец

Александра II 62 лет. Одним словом, с момента, когда принцесса Мария-Дагмара Датская появилась на нашем русском горизонте, дела бесспорно не пошли лучше.

Правда, в очень тесном кругу семьи она с буржуазной точки зрения безупречна; говорят, она даже добра, когда все идет так, как она хочет, но она ни в чем не проявляет влияния государыни, поставленной в исключительно благоприятные условия. Наследник², 24 лет от роду, представляет из себя странное явление: наполовину ребенок, наполовину мужчина, маленького роста, худощавый, незначительный — хотя, как говорят, он упрям — и проявляет удивительное легкомыслие и бесчувственность. Когда он начал службу в Преображенском полку, то говорили, что он хороший товарищ, но лишь только он был переведен в гусары, он порвал с прежними товарищами; теперь он не поддерживает никаких отношений с товарищами по последнему полку. Он предпринял с легким сердцем продолжительное увеселительное путешествие, не думая, какое горе причинил его отъезд родителям; думали, что он сильно привяжется к спутникам, выбранным для его сопровождения, но со времени возвращения он их вовсе не видит и ограничился тем, что удержал при себе князя Кочубея чем-то вроде денщика³. Я был поражен в сентябре при погребении молодой великой княгини Александры Георгиевны, стоявшей особенно близко к семье государя, видя, что цесаревич, как всегда, бесчувственен и улыбается в то время, когда почти все, начиная с его августейшего отца, испытывали глубокую и вполне естественную при этих печальных обстоятельствах скорбь. Говорят, что великий князь очень хорошо умеет собой владеть; может быть, — но зачем принимать позу для того, чтобы подавлять самые симпатичные движения сердца, в то время как в своих обычных манерах он слишком склонен к распущенности? Дай бог, чтобы он таил в себе великие и прекрасные неожиданности для будущего, но пока ничто в нем не говорит о чем-либо значительном. Министр признается, что его мнение о великом князе сильно изменилось, и рассказывает, что Шувалов, вновь видевший осенью его императорское высочество в Данциге, был тоже поражен предвзятостью суждений, предубеждениями и ребячеством, проявляющимся в его разговорах. Он не узнал в нем больше того юношу, который показался ему симпатичным при его визите в Берлин в 1888 году. Еще одна довольно любопытная подробность: в самый день приезда цесаревича в Красное⁴ в начале августа, после почти годовой разлуки с семьей, он вечером отправился один в театр! Это мне рассказал Оболенский, не желавший однако признать, что молодой человек бессердечен.

<...>

VII

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Н. А. КАЧАЛОВ

Из «Записок»

<Фрагмент>

<...>

Путешествие по Волге было однообразно, и, чтобы его закончить, я опишу, что после 17 лет могу припомнить особенного, обрисовывающего личности цесаревича и цесаревны. Представительное положение их, несмотря на радушный прием народа, чрезвычайно было для них тягостно. Действительно, постоянно быть на виду, постоянно быть сдержанным, что необходимо, т[ак] к[ак] тысяча глаз ловят каждое слово, каждое движение, должно быть чрезвычайно тяжело. На этом основании высшее наслаждение наших принципалов было остановить пароход на пустом, необитаемом берегу Волги, выйти на берег, побегать, набрать хворосту, зажечь большой костер и при этом перепачкаться, т. е. испытать все противоположное обычной их жизни¹. Желая исполнить подобную прогулку, в один хороший вечер, с парохода понравилось одно место, ровное по берегу, а недалеко лесок и небольшая деревенька с деревянной сельской церковью, и приказано было остановить пароход. Все, кроме цесаревича, вышли на берег, и ровная полоса берега оказалась сыпучим песком, так что ноги вязли. Было предложено возвратиться, но цесаревна не согласилась, и мы побрели, утопая в песке, причем все дамские ботинки наполнились песком, а юбки и платья, хотя и приподнятые, перепачкались. Песчаная полоса оказалась более версты, но наконец мы добрались до деревушки порядочно измученные. Деревня оказалась очень маленькая, и главных жителей составлял причт церкви. Все мужчины и большая часть женщин были на полевой работе, и нас встретила молодая попадья, которая и не подозревала, каких она принимает гостей. По нашей просьбе матушка отворила церковь, и все опустили в сборную кружку свои приношения, и, конечно, в этой церкви никогда не бывало и не будет подобного сбора. Мы прошли по деревне, и так как смотреть было нечего, то мы собрались

возвращаться, но матушка просила нас зайти к ней в дом. Попадья оказалась прейбойкая и болтунья, обращалась со своими гостями без всякого стеснения, рассказала все, до ее жизни относящееся, и до того расходилась, что вздумала напоить нас чаем и отправилась ставить самовар. Цесаревич оставался на пароходе. Цесаревна дала мне серьги и кажется 100 руб[лей] для подарка попадье, которую я встретил с кипящим самоваром. Роскошь подарка ее поразила, и когда я сказал ей, кто ее гости, то матушка совершенно потерялась, самовар полетел на пол, а когда она опомнилась, то бросилась целовать у цесаревны ноги. Мы же без поповского чая возвратились на пароход. Событие это будет навеки памятно для этих скромных людей. Припоминаю одно обстоятельство, обрисовывающее характер цесаревны. Для путешествия цесаревича был составлен подробнейший маршрут с определением не только дней, но и часов прибытия и отбытия из каждого пункта, и было назначено, что мы должны прибыть в Ялту 6 августа в час пополудни. Император Николай был замечательно аккуратен по этому предмету и не позволял себе, чтобы его ожидали, и эта привычка перешла к императору Александру Николаевичу, который в свою очередь требовал такой же аккуратности от детей своих, и цесаревич был очень озабочен точным исполнением маршрута. По окончании путешествия мы могли прийти в Ялту 6 августа около 11 часов утра, но так как прибытие было назначено в час, то мы 2 часа продержались в море и ровно в час вошли в Ялтинскую бухту. Государь, не имея известий, где находится наш пароход, но уверенный в исполнении маршрута, без пяти в час сидел уже на катере и ровно в час выехал на рейд, где действительно встретил наш пароход.

На этом основании цесаревич мог останавливаться только в попутных городах, но в больших селах тысячные толпы ожидали цесаревича с хлебом-солью, украшенными пристанями и подарками. Толпа кричала ура и жестами приглашала остановиться, но злосчастный маршрут не позволял утешить приглашающих, и приходилось откланиваться и проходить мимо. Распоряжение это сильно неполитичное и было сделано по непрактичности создателей маршрута, а не по вине цесаревича.

Одним ясным утром мы проходили мимо богатого торгового уездного города Саратовской губернии Вольска, где по маршруту не было назначено остановки. Около пристани, чрезвычайно украшенной, вся местность была залита народом, которого собралось на глазомер тысяч 20, а может быть, и более. Тут же было видно духовенство и строй войска. Вся эта тысячная масса, многие на коленях, кричали, махали руками и умоляли остановиться. Окружающие просили цесаревича пристать к Вольску, но он, указывая на злосчастный маршрут, находил положительно это невозможным и даже наконец рассердился². Тогда окружающие направили меня, и на мои представления цеса-

ревич с раздражением отвечал, что вы очень хорошо знаете, почему я не могу остановиться, зачем же вы меня мучаете?

На это я отвечал, что мне очень тяжело сердить его, но я знаю дурное впечатление, которое произведет на всю так радушно приглашающую его народную массу отказ остановиться, и что подобный отказ — дело весьма неполитичное. На это цесаревич сказал: «Извольте, я остановлюсь, но не сойду с парохода, приму рапорты и депутатов и сейчас же отвалить».

Цесаревна все слушала, но ни одним словом не высказала своего мнения. Вообще, во время этого путешествия выставился превосходный характер цесаревны и большая практическая выдержка, данная ей при воспитании. Во время всего путешествия цесаревна не выказала ни одного каприза, не доставила малейшего стеснения и не заставила секунды себя ждать. Она всегда была вовремя одета, всегда всем довольна, и исключительно ей мы были обязаны, что в нашем обществе было весело и не было [ни] малейшего стеснения.

Продолжаю Вольский рассказ. Пароход пристал к пристани. Положили сходню, по которой вошли местное начальство и депутаты. На пароходе, при самом входе, стояла впереди цесаревна, за ней цесаревич, а представлявшиеся на сходне. По приеме хлеба-соли, цесаревна, разговаривая с депутатами, делала шаг за шагом вперед и постепенно заставляла отступать депутатов, а цесаревича за собой следовать, что он исполнял улыбаясь, вероятно, поняв маневры цесаревны. Таким образом, все перешли на пристань, где на одной половине была устроена выставка местных произведений, а на другой сервирован роскошно чай и десерт. Только что вошла на пристань цесаревна, ее окружила толпа разряженных, в бриллиантах, купчих, и чрез секунду мы увидели цесаревну усаженною и кушающей чай. Цесаревича очень заинтересовала выставка, потом он обошел войска, посетили собор и какие-то благотворительные заведения, и, употребив на это около 2 часов, всех удовлетворили и отправились дальше.

Я упоминал выше, что мы днем собирались на крыше рубки. Так и в этот раз цесаревич с цесаревной ушли вниз в каюту, и мы уселись вокруг стола на рубке, и мне пришлось сидеть спиной ко входному трапу. Я почувствовал, что кто-то положил мне сзади руки на плечи. Я оглянулся и увидел, что это цесаревич. Я хотел встать, но он удержал меня и проговорил с доброй улыбкой: «Довольны ли вы, толстый мучитель?» На это, конечно, отвечал, что чрезвычайно доволен и глубоко благодарен.

<...>

В. С. КРИВЕНКО

В Министерстве двора. Воспоминания

<Фрагменты>

<...>

Со вступлением на престол Александра III Воронцов был назначен главноуправляющим государственным коннозаводством и главным начальником охраны его величества. На посту министра двора оставался еще граф Адлерберг 2-й, но ясно было, что это лишь временно, и вскоре его место должен занять граф Илларион Иванович.

Для продолжения моих секретарских обязанностей пришлось мне поселиться в Гатчине, куда вместе со двором переехал Воронцов. <...> Поселился я в дешевеньком номерке гатчинской «*Старо-Веревкинской*» гостиницы на Петербургской улице, откуда и ходил во дворец к Воронцову, занимавшему маленькое помещение в арсенальном каре.

Дворец выглядел укрепленным замком, повсюду виднелись часовые, дворцовые городовые, казацьи разъезды. На place d'honneur¹ гордо стоял на часах бронзовый Павел I. В начале 50-х годов, при открытии этого памятника, Александр III, тогда еще маленький мальчик, стоял в форме павловского солдата почетным часовым. Думал ли он в то время, что ему придется впоследствии царствовать и резиденцией своей избрать именно этот заброшенный многие годы дворец.

Всем приезжавшим во дворец приходилось проходить через кухонное каре и оттуда уже по длинному коридору, стены которого густо увешаны были картинами мифологического содержания, проникать в главный корпус. Здесь, за площадкой перед церковью открывался красивый Белый зал, а за ним, по Греческой галерее, уставленной мраморными бюстами, мимо комнат с чудными гобеленами, путь шел на площадку парадной лестницы арсенального каре; налево виднелась роскошная Китайская галерея, охраняемая казаками собственного

[е. и. в.] конвоя, там находились парадные царские апартаменты, а жилые их комнаты помещались в низеньких сводчатых антресолях. Александр III, несмотря на свою богатырскую фигуру, не любил больших комнат, ютился в крохотных сравнительно каморках.

Комнаты Воронцова, генерал-адъютанта Рихтера и гофмаршала князя Оболенского находились направо от площадки парадной лестницы, если считать направление от Белой залы и Греческой галереи. Канцелярия Воронцова помещалась в кухонном каре, и мне в течение дня приходилось не раз проходить через длинную дворцовую анфиладу и никогда, ни единого раза, я не встречал кого-либо из царской семьи, видимо, все они тесно держались антресольного помещения, мало соблазнялись истинно царскими покоями главного корпуса дворца.

В Гатчине замечалась растерянность, боязнь новых революционных выступлений. Слухам самым невероятным не было конца, меры охраны принимались разрозненно, каждый из отдельных начальников действовал на свой лад. Не обошлось и без досадных недоразумений. Гатчину оцепили зачем-то кольцом сторожевых постов, не пропускали местных городских жителей и подгородних крестьян, направлявшихся по тракту с молоком, с сеном, с дровами. В городе и в деревнях ропот, посыпались жалобы.

<...>

В народе ходили слухи о недостижимой роскоши царской жизни, а на самом деле царская семья, как это не покажется странным, не пользовалась в некотором отношении тем комфортом, какой был доступен просто состоятельным людям. В массовом дворцовом хозяйстве невольно терялась, расплывалась исключительность личных потребностей. На обстановке чисто семейных царских помещений лежал отпечаток какой-то казенной сухости, трафаретности, отсутствия уюта и художественной домовитости.

В величавом Зимнем дворце, но совершенно не подходящем для частной жизни, Александр II, больной эмфиземой легких, страдал [от] амосовского отопления², от сухого нагретого сильно воздуха, от плохой вентиляции; в спальне его форточки плохо затворялись, по ночам комната выстывала. Александр III жил в Гатчине в низеньких антресольных помещениях, а в Петербурге — в Аничковом [дворце], крайне неудобном; здесь у императрицы не было особой ванной комнаты, приходилось, как передавали, ванную вносить в спальню. В Петергофе царская семья проводила [время] в маленьком сыром коттедже на даче «Александрии».

Придворные экипажи, лошади, упряжь по своим достоинствам уступали истинно любительским, спортсменским. Придворная кух-

ня, кондитерская и булочная также не могли удовлетворять вкусам заправских gourmets³.

Быть может, некоторым из читателей небезынтересно будет познакомиться со способами довольствия двора. В 1881 году продолжало действовать «положение», выработанное еще в 1857 году обер-гофмаршалом⁴ графом Шуваловым. Кухня сдавалась метрдоателям (обыкновенно иностранцам), в их распоряжение бесплатно предоставлялись: помещение, дрова, освещение, посуда, повара, кондитеры и всякого рода работники. Провизию метрдоатели приобретали за свой счет, а оплату получали поперсонно: за завтраки для членов императорской семьи (взрослых), а также для иностранных принцев и принцесс — по 1 руб. 50 коп. с персоны, за обед — 4 руб. 65 коп., за ужин — 3 руб. 20 коп. Для малолетних великих князей и княжон — завтрак 1 руб. 20 коп., обед — 3 руб., ужин — 2 руб.

Лица, получавшие довольствие от двора, были разделены на пять разрядов, с уплатой за персону за завтрак, обед и ужин вместе: 1-го разряда — 4 руб. 05 коп., 2-го — 2 руб. 85 коп., 3-го — 2 руб. 45 коп., 4-го — 1 руб. 10 коп., 5-го — 85 коп.; с прибавкой же отпусков по тафельдеккерской, кофешенкской, мундшенкской⁵ и кондитерской стоимость ежедневного довольствия по разрядам возвышалась в общем до 7 руб. 88 коп., 5 руб. 33 коп., 3 руб. 50 коп., 1 руб. 77 коп., 85 коп. [соответственно]. Служители, не вошедшие в разряды, получали порционные от 27 до 50 коп. в день.

В 1882 году введены были некоторые изменения собственно для царской семьи. Завтрак обыкновенный на четыре персоны из четырех блюд 12 руб., за каждую лишнюю «персону» приплачивалось по 3 руб.; обед обыкновенный на четыре персоны из пяти блюд (за всех) — 16 руб., за каждую лишнюю персону — по 4 руб.; за ужин обыкновенный из одного блюда на четыре и менее особ за каждую по 1 руб. 50 коп., свыше четырех особ за каждую по 1 руб.; за ужин, состоящих из трех обыкновенных блюд с персоны по 3 руб.; сэндвичи за штуку [по] 5 коп. Завтраки, обеды и ужины «экстра» — по особому соглашению с заведующим кухней.

В «положении о довольствии» предвидены были разные мелочи: гарнир, из чего бы он ни состоял, хотя был бы подан отдельно, считается за одно блюдо с главным продуктом; приплата полагалась лишь за трюфели. За обед, отказанный до 12 часов дня, ничего не уплачивалось, до 4 часов дня — половина стоимости, а после 4 часов — полностью. За отказанный завтрак не уплачивалось лишь в случае отказа накануне. Если ее величество завтракала отдельно от его величества, но в одном дворце, то стоимость завтрака не менялась. Однако если в состав завтрака входили блюда, которые два раза подать невозможно, то уплачивалась полуторная цена, т. е.

18 руб., но тогда за лишних персон, до 8 лиц, особой платы уже не производилось.

Во время путешествий и на охоте уплачивалось с персоны за завтрак по 4 руб., за обед по 5 руб. и за ужин по 3 руб. «при гарантии за десять персон». Для несовершеннолетних тогда великих князей Николая и Георгия Александровичей — завтрак и обед на четыре персоны, с платою за первый по 3 руб. (с каждой персоны) и за второй по 4 руб., а за каждую приглашенную сверх того особу по 2 руб. за завтрак и по 3 руб. за обед. Для малолетних тогда Михаила Александровича и Ксении Александровны завтрак и обед — по 5 руб.

Для лиц, пользовавшихся столом от двора: 1-й разряд — завтрак 2 руб., обед 3 руб., 2-й — [соответственно] 1 руб. и 2 руб., 3-й — 75 коп. и 1 руб. 25 коп., 4-й — 40 коп. и 40 коп., 5-й — 25 коп. и 25 коп.

Сверх уплаты за персону заведовавший кухней получал на покрытие своих расходов по временному вздорожанию цен, по доставке провизии, а также на покупку «сит, решет, метел, деревянной посуды» и непредвиденные расходы по 50 руб. в сутки.

В 1885 году был сделан опыт отмены платы «по персонам». Все продукты для кухни стали приобретать непосредственно за счет двора в количестве, действительно необходимом для фактического довольствия. Несмотря на усиленные старания генерала К. К. Гернета (начальника Главного дворцового управления) организовать при этой системе правильный контроль хранения и распределения продуктов, результаты в экономическом отношении получились неудовлетворительные. Личный интерес у камер-фурьера⁶ если [и] не отпал, то направился в другую сторону — соглашения с подрядчиками, а повара и работники стали смотреть на провизию как на доставшуюся на их долю добычу. Пришлось теоретикам-экономистам признать себя побежденными жизненной практикой и вернуться к поварской антрепризе, к оплате по персонам.

<...>

В. К. МАКАРОВ

**Гатчина. Исторический очерк. Описание дворца.
1944 год**

<Фрагмент>

<...>

В низких сводчатых «антресолях» Арсенального каре был ряд интимных комнат Александра III и его семьи. Петербург, ставший на путь революции, был ненавистен Александру III, последнему крупному представителю русской монархии. Отсюда, из родового замка, царь правил Россией, как вотчиной. Николай II в Гатчине не жил.

Комнаты эти были переполнены бытовыми мелочами, чего не было ни в комнатах Николая I, ни в комнатах Александра II. Это объясняется тем, что революция 1917 года застала комнаты антресолей Гатчинского дворца обитаемыми. Там жила вдовствующая императрица Мария Федоровна.

В них для нас погиб еще малоизученный исторический памятник и единственный по полноте бытовой комплекс.

Приемные комнаты Александра III были расположены вдоль Китайской галереи — окнами на Голландский сад. Здесь было много хорошей мебели XVIII века, классических форм, красного дерева, с бронзой. Ряд вещей, несомненно, вышел из мастерской знаменитого Давида (Ф) Рёнтгена¹. Повсюду была видна бронза лучших французских мастерских. Часы, канделябры, вазы. Все это прибыло сюда из петербургских дворцовых складов и запасных дворцов — Таврического и других еще в середине XIX века.

<...>

С. Ю. ВИТТЕ

Воспоминания

<Фрагмент>

<...>

И вот я помню, когда я первый раз представлялся государю по случаю назначения меня директором департамента¹, то, конечно, я представился ему в общий прием, потому что лиц, которые занимали такое маленькое положение, как я, государь не принимал отдельно, а принимал их в общий прием.

Государь жил в Гатчине; был назначен определенный час, когда отходил в Гатчину поезд. Туда я ехал с другими представляющимися, которых было человек 10; в числе представляющихся был один полковник. По приезде в Гатчину по принятому в то время порядку всех приезжающих повезли в гатчинский дворец; там нам отвели несколько комнат, в которых мы и привели себя в порядок. Затем нас всех повели через весь дворец, с правого крыла на левое, где жил государь, в приемную комнату. Причем, так как император Александр III ужасно любил жить скромно, то он не жил в верхнем этаже (который был лучшим), а занимал средний этаж, — в сущности, не целый этаж, а пол-этажа. Дворец так устроен: нижний этаж — сравнительно очень хороший, средний — совсем низкий, с маленькими комнатами, и верхний этаж — собственно говоря, роскошный; в нем находятся: приемная зала, бальная и концертная.

Так вот, император Александр III занимал этот средний этаж с низкими небольшими комнатами, которые напоминают собою антресоли. Там была большая зала, в которой государь принимал. Нас всех заперли в зале; вышел император один, по обыкновению очень скромно одетый, конечно, в военной форме, но форма эта была уже более или менее поношенная. Он своей тяжелой поступью, потому что он был человек очень полный и большого роста, но тем не менее величественной поступью последовательно подходил к каждому

по порядку. Сначала он прошел мимо всех военных и когда дошел до того полковника, о котором я упоминал, то, сказав с этим полковником несколько слов, проговорил: «Подождите, не уходите, я с вами хочу еще поговорить». Затем император подошел к каждому из нас и каждому сказал несколько слов. Мне он сказал, что очень рад меня видеть, рад, что я согласился исполнить его желание и принял место директора Департамента железнодорожных дел. Затем он подошел к полковнику и снова начал с ним говорить, но сравнительно очень тихо.

Потом дежурный флигель-адъютант подошел к нам и сказал, что мы все можем уйти. Мы пошли обратно, для чего мы должны были совершить довольно большое путешествие, идя с левого крыла на правое, где по обыкновению были приготовлены столы для завтрака.

Во время завтрака полковник должен был сидеть около меня (что я видел по билету), но его что-то все не было. Наконец в середине завтрака приходит этот полковник и садится около меня. Мне неловко тогда было его спросить: почему вас государь задержал? Так я его и не спросил. После, когда мы поехали обратно — причем обыкновенно делается так, что те экипажи, которые привозят во дворец, поджидают и увозят на вокзал (в каждый экипаж садятся двое), — сев с полковником, я решил его спросить:

— Простите, если это нескромно, но можно вас спросить: почему вас император задержал, что он вам говорил?

Полковник улыбается и говорит:

— Видите ли, государь меня знал, когда я был очень полный, а теперь я худой, вот он меня все время и расспрашивал, каким образом я сделал, что так похудел? Я ему рассказал, какую я вел жизнь, что я ел. Расспросив меня тщательно, он сказал, что очень мне благодарен, что это он тоже попробует, потому что ему неудобно быть таким толстым.

А я, с непривычки, подумал, что он расспрашивает о каком-нибудь государственном секрете.

<...>

В. К. МАКАРОВ

Первые работы Зичи в Гатчине

Ни один дворец не богат так работами Зичи, как Гатчинский. Правда, здесь представлены далеко не лучшие плоды его значительного дарования....

Но в нескольких сотнях рассеянных по Арсенальному каре работам Зичи можно отыскать образцы акварельной виртуозности, острой наблюдательности художника и хроникера придворной жизни, каким он стал в царствование Александра II.

Большая часть работ его помещена при Александре III в Арсенальном зале — это, по преимуществу, охотничьи сцены времени Александра II, снабженные подписями великого князя Александра Александровича, с которым Зичи связан был родом дружбы и придворным живописцем которого он официально стал с 1880 года. Много его работ в комнатах Александра III в антресолях и бельэтаже Арсенального каре. Много не выставлено.

Из всей этой массы работ можно воспринять образ художника и человека наблюдательного, беспринципного, услужливого, насмешника и циника; это такое многогранное зеркало, ловящее краски и очерки проходящих мимо событий и лиц, отражение иногда ироническое, иногда — патетическое.

Самая ранняя из его работ здесь относится к осени 1854 года (в Петергофе есть акварель пом. 1853 г. «Николай I на постройке Бельведера»). Это сепия в Арсенальном зале: молодые великие князья Николай и Михаил Николаевичи летят на конях, охраняемые ангелом, на помощь Севастополю.

«Да хранит вас Господь всемилосердный. Исполняйте долг ваш верно, помня, что вам мной завещано, что бы то ни было: и чтобы всякий русский, глядя на вас, мог сказать: “Царские дети молодцы”».

Засим буди воля Божья, а вот мое благословение»¹, — писал Николай 19 октября 1854 года из Гатчины к детям в Севастополь после известия, что они были под обстрелом.

Сеция должна была понравиться. Она верно передавала патетический тон, царивший в царской семье в ту пору.

Другому рисунку, представленному Николаю в Гатчине в декабре того же 1854 года, не так посчастливилось. Война, вызванная нашим вмешательством в балканские дела, перешла в нападение на нас почти всей Западной Европы. Напоминание о первых днях войны, полных веры в торжество русского оружия, мечтаний об изгнании турок из Европы, — было неприятно.

«Великая княгиня Мария Николаевна, — рассказывает фрейлина великой княгини Марии Александровны, Тютчева, в своем дневнике², — принесла показать государю рисунок венгерского художника Зичи, изображавшего государя стоящим, опираясь на крест³ и протягивая шпагу, поднятую над славянами, распростертыми у его ног, как бы для защиты их. Но так как рисунок сделан плохо, выходит, будто государь тяжело налегает шпагой на славян, молящих его о помощи, и сильно теснит их. Не намеренная ли эпиграмма этот рисунок... Великая княгиня Мария Николаевна спросила отца, намерен ли он принять картину и что передать от него художнику. — “Скажите ему, что он лучше сделает, занявшись другим делом”, — ответил император».

Рисунок все-таки был принят и поступил в Эрмитаж.

Карьера Зичи⁴ была упрочена лишь в следующее царствование. До смерти Александра III, в продолжение сорока лет, он был действительно историком придворной жизни. В царствование Николая II он не работал для двора.

Зичи не раз обращался к символам двух указанных рисунков.

В Гатчине из подобных вещей находятся еще «Мессия» (комнаты Александра III. Антрес. этаж) за дровяным ящиком во второй уборной и «_____»⁵ (бельэтаж Арсенального каре).

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ

Мемуары

<Фрагменты>

<...>

Гапсаль в 1880 году это — целая эпоха, и как далеко тогда казалось пребывание 1871 года, а теперь все это время отошло куда-то «страшно» далеко. Тяжкий был этот 1880 год. Княгиня Юрьевская открыто водворилась во дворце. Когда она с Государем поехала в Крым, то заняла помещение покойной Императрицы. Понятно, почему так доволен был цесаревич удалиться в Гапсаль. Все печальное, оскорбительное, все тревожное и злое доходило до него издалека. Он не мог не следить за течением дел, но положение его было щекотливо и трудно. Тем счастливее он чувствовал себя на воле среди своей семьи, на чистом приморском воздухе, в том самом Гапсале, о котором сохранил столько добрых воспоминаний еще с 1871 года. Здесь вел он жизнь здоровую и не бездеятельную. Он много ходил, наслаждался прогулками с семьею, словно помещик в своей усадьбе. Прогулки по окрестностям и пикники в лесу были особенно приятны и даже оживленны. Но оживление это было не светское, а особого свойства, особенно ему любезного. Оживление придавали дети, уже достигшие того возраста, когда они всего забавнее и веселее. Совершенно случайно состоялась встреча и знакомство детей. Цесаревич задумал прогулку в лесу и пригласил нас с детьми, а также и жившего с нами Володю Пушкина. В нескольких экипажах двинулись в лес, захватив с собою провизию. Цесаревич и цесаревна с детьми в линейке, опять-таки старого, помещичьего образца. На всех этих прогулках цесаревич бывал всегда в самом лучшем расположении духа. Ему дышалось легко вдали от грязи и волнений, вдали от дрязг и всяческой суеты. Въехали мы в густой сосновый бор, неподалеку от морского берега. Пахло смолою, и воздух был свежий и подбадривающий. Мы также захватили с собою кое-что из провизии, к великой радости детей. Об-

любовав хорошенькое местечко, цесаревич остановился. Все вышли и расположились на траве, под тенью густых елей и сосен. Цесаревич сам распоряжался всеми приготовлениями. Натаскали хворосту, разложили посуду, причем дети ему исправно помогали. Зажгли костер, откуда-то появился таган, и принялись готовить кушанье. Никакой прислуги тут не было. Мало-помалу дети стали оживляться, легко и непринужденно перешли в бурное веселье, смеялись, резвились, боролись и, наконец, запели. Совершенно неожиданно пикник оживился необычайно, все были довольны невольным подъемом духа, все были радостны. Конечно, это одно из лучших воспоминаний того времени. Пели хором, не совсем стройно, но смело. Цесаревич всех подбадривал и, видимо, радовался от души. На обратном пути все поехали уже вместе. Начинало смеркаться, и дети были в неопisanном восторге и в сильном возбуждении. Володю Пушкина цесаревич посадил на козлы, дорогой продолжали петь и чего только не припоминали. Вдруг Володя Пушкин в полном азарте с козел затынул где-то наслышанную им песенку, далеко не из изящных:

Ах, маменька, маменька,
Приведи мне писаря,
Белова-румянова,
Голова расчесана!...

При этом он как-то залихватски старался подражать напеву. «Это что такое? Откуда?» — подхватил цесаревич и залился своим звонким, чистым смехом. «Повтори, повтори», — говорил он Пушкину, подчеркивая пошлость напева и слов. И уже не давал он прохода Пушкину с его пошлой песенкой. Впечатление прогулки было самое радостное. Цесаревич был в восхищении и вскоре затем повторил ее, и не один раз. Так проходило время, и много сохранило оно отрадных впечатлений. По вечерам собирались у цесаревны, иногда мы обедали, и на этих вечерах цесаревич иногда делился полученными им известиями. Так, на одном из вечеров объявил он о назначении Лорис-Меликова. Уничтожение III Отделения его радовало потому, что он давно этого желал. Он говорил по поводу назначения, что если Лорис не будет гоняться за популярностью, то, как человек умный и честный, да притом с авторитетом, он может провести много полезного. О министрах он отзывался вообще небрежно, раз даже назвал их «коровами».

<...>

Отличительная черта Государя — это его любовь к детям. Не было ему лучшего удовольствия, как возиться с детьми, можно сказать, что дети вообще были его друзья. Чего только не выкидывал он с ними

и сам играл с ними, как ребенок. Детские воспоминания должны сохранить не одну черту его неисчерпаемого добродушия, его неизменной ласки, его сердечного привета.

Гатчинская жизнь, как он ее себе устроил, вполне согласовывалась с его вкусами и характером. Она могла казаться однообразной и скучной для других, но он этого не замечал потому, что день его был полон. Находили, что он слишком уединяется, что мало было разнообразия в посетителях вне приемных дней. И в этом была своя доля правды. <...>

Он очень не любил, когда у него в комнате производили беспорядок или что-либо ломали, от чего не уберешься с детьми. В Аничковом он обыкновенно после завтрака садился у зеркального окна с видом на Невский проспект. Другое окно тут же рядом выходило в сад. В этом светлом углу сходились и дети, а Императрица, как и прежде цесаревною, садилась в обычное свое кресло. Тут же лежали папиросы, которыми они угощали, и разложены были афиши. Сюда обыкновенно приносили кофе. Все те же неизменные портреты на столах и в подоконниках и ваза cloisone¹, дети подходили к окну, а когда были моложе, садились на него. Любил он рассматривать проходящих и едущих по Невскому и делал свои замечания. Он следил за переменою вывесок и магазинов и осенью всегда сообщал об этих переменах. У этого заветного окна припоминается многое в разное время. Менялись люди, менялось время, а уютный уголок этот с своими приветливыми хозяевами оставался все тем же. Перемена положения ничем на них не отразилась, и это явление редкое. Сколько интересных разговоров у этого окна, сколько моментов исторических и психологических. Разговор обыкновенно кончался: «Miniilerttemps — jedoisrecevoir», или «jeroison 'occuper», или «jedoisfairedesvisites»², — и он подходил к письменному столу и трогал звонок в конюшню, по которому подавали ему экипаж, смотря по тому, как он прижимал кнопку. Иногда по поводу родственных визитов громко заявлял, насколько они ему надоели. Императрица любила кататься по Невскому проспекту. «Madamevousallez»³ хлыще». У него был свой глагол, который он производил от слова хлыщ (хлыщить), т. е. уподобиться катающимся хлыщам.

Трудно ему было угодить по части мундиров⁴. Он всегда возился с портными и спорил с ними, рассматривал их счета. Но гардероб его сравнительно был очень немногосложен. У него были только необходимые мундиры и сюртуки, и он терпеть не мог мундирных коллекций, которыми наслаждался Александр II. Носил он преимущественно все то же и занашивал платье, дома ходил в тужурке. Колеса никогда никаких не носил, одно только венчалное, и то к концу растрескалось, так что опасно было его носить.

За столом у него был всегда свой особый серебряный прибор устюжской работы и свои кружки и стаканы. Особенно памятен он мне за закусочным столом. Большею частью довольный после продолжительного доклада или приема и чувствуя аппетит, он любил и других угощать. «Рекомендую», — говорит то и другое, но советует ту или другую водку. Какая-то старуха из Новгорода доставляла ему пастилу, какой-то князь Аникеев подносил продукты домашнего изделия. Ряд серебряных чарочек окружал закусочный стол. Появлялась уральская икра, которою он любил угощать и даже присылал на дом. Иногда придет и осетра исполинских размеров.

<...>

Другим годовым сборищем, кроме ужинов 30 ноября, служили заседания Императорского Исторического общества⁵. Оно возникло по мысли цесаревича при ближайшем участии князя П. А. Вяземского, но с самого основания попало в руки секретаря Половцова. Собственно говоря, то, о чем сожалел цесаревич, могло бы быть достигнуто путем Исторического общества, и эта сторона составляла, конечно, одну из целей общества. Печатание исторических документов должно было идти параллельно с живым обменом мыслей членов общества, собираемых вокруг своего почетного председателя. <...>

И несмотря на все неблагоприятные условия, все же благодаря последовательности Государя, общество сделало многое, и заседания его под гостеприимным кровом высокого председателя отличались тем своеобразным оттенком, который ложился на все, в чем участвовал лично Государь. Память об заседаниях в аничковской библиотеке останется незабвенною. Присутствие его сразу придавало всему жизнь. Непринужденно допускались рассуждения, в которых он сам принимал участие со свойственною ему величественною скромностью, и впечатление присутствия его было чарующее. Перед ним читалась русская история, его семейная хроника, по выражению князя Петра Андреевича Вяземского, и сам он — воплощение «русского» царя казался среди всех нас таким простым, доступным, приветливым и в то же время внушительным в своей простоте. Величавый образ его не замрет в сердцах присутствующих, как не замрет он в летописях созданного им общества, отныне неразрывно связанного с именем мудрого царя Александра III.

Невольно мысль переходит к другому учреждению, обязанному своим существованием инициативе цесаревича Александра Александровича. Я говорю об Историческом музее в Москве⁶. В свое время немало слышалось отзывов, возражений, сомневались в пользе такого музея. Для чего музей, говорили иные, собирать какие-то черепки? На что? Мысль о таком учреждении всецело принадлежит цесаревичу

под впечатлением виденного им в Копенгагене. Там непосредственным продолжением Музея скандинавских древностей служит замок Rosenborg — этот образцовый исторический музей Дании. Душою этих учреждений был известный датский ученый Ворсо (Worsae), которого цесаревич близко знал и с которым любил беседовать. Я помню, с какою любовью показывал мне Ворсо Rosenborg и объяснял его значение. Перед вами в каждой зале проходят различные века и наглядно представляется величественная картина исторического прошлого страны. Конечно, Ворсо с особым вниманием и увлечением показывал все это цесаревичу, к которому он чувствовал большое влечение. Не раз бывал Ворсо и в России и всегда был дорогим гостем цесаревича. Понятно, что плодом посещения Розенборга явилось желание упрочить нечто подобное у нас, не касаясь существующих собраний. Понятно, что [центром] этим избрана была Москва и что вопрос этот цесаревич принял горячо к сердцу. Но время, когда возник этот вопрос, было крайне неблагоприятно. Мы всего менее тогда стремились оберегать и сохранять. Для покойного Государя древности, как и искусство, были мертвою буквой. На мысль цесаревича посмотрели как на затею. С одной стороны, равнодушие и непонимание истинного значения дела, с другой — желание воспользоваться случаем для личных целей и отсутствие всякого руководства передало это дело в руки случайные. Отсутствие средств явилось главным препятствием. В голову не приходила необходимость поддержать и поставить прочно то дело, с которым связано имя цесаревича. Скорее всего, именно в силу того, что имя это было прикосновенно к нему, относились к делу пренебрежительно. Неудаче и неудаче его в начале иные даже радовались. С самого начала дело переходило из одних случайных рук в другие, пока не примкнул к нему граф А. С. Уваров. Но музей не должен был служить какой-либо специальности, как бы ни была она почтенна. Отсутствие руководства ощущалось все время, как и отсутствие лица, стоящего вне пристрастных течений и имеющего задачей своею быть помощником цесаревичу в этом деле. Собственно говоря, настоящей, здоровой, серьезной помощи ни с какой стороны у него не было, и никто не думал о том, что нужна эта помощь. Только личным участием, посещениями, вкладами, последовательностью удалось цесаревичу оградить все дело от застоя.

С вступлением на престол явилось, конечно, сознание в необходимости его упрочить. Не стало графа Уварова (не имевшего, впрочем, организаторского дара), и наследство раздробилось, органические недостатки учреждения сказались красноречиво.

Конечно, заслуги музея налицо, но так ли они велики, как бы подобало? Музей налицо, но жизни в нем нет... Не совсем ясно: служащие для музея или музей для служащих? Но самое существование

его в Москве, как ни прекрасно по мысли, на деле, при наличии генерал-губернаторов помимо⁷ великого князя Сергея Александровича, вряд ли благоприятно.

<...>

Со времени воцарения его Аничков дворец отходил уже на второй план, центральным местом стала Гатчина. Различные приезды мои связаны с различными приемами в Аничкове, в Петергофе и в Гатчине. И всего дороже мне стала Гатчина и давно знакомые комнаты в антресолях дворца. С переездом Государя они приняли иной вид. И между этими комнатами одна — крошечный кабинет Императрицы — всего дороже мне по воспоминаниям.

Эта комната находилась между столовой и спальней, и в ней с трудом можно было повернуться. Кто из близких посетителей Гатчины не знает этой комнаты? И здесь, у самых дверей в спальню, стояло кресло, приложенное к пианино, перед которым стоял табурет. На это кресло после завтрака неизменно садился Государь и пил кофе. В это время Императрица, сидя на кушетке, разговаривала с кем-либо из присутствующих. Я имел обыкновение садиться на табурете, у самого пианино, наискосок от Государя, и это было лучшее время для разговора. Хотя он и участвовал в общем разговоре, но почти всегда, когда он был заведен, то обращался ко мне и давал возможность говорить. Под шумок дамского разговора иногда бывало особенно удобно с ним говорить, и так проходило около получаса. Эти разговоры у пианино для меня незабвенны. Когда же нужно было говорить о каком-нибудь деле, то прием мой к тому был самый обыкновенный. Бывало, спросишь: «Мне нужно бы доложить вашему величеству об одном деле. Когда прикажете?» И он тотчас же назначал день и час, и почти никогда не бывало отмены. В этих случаях прием происходил в его рабочем кабинете, причем он всегда придвигал стул, чтобы я мог сесть. Так бывало в Гатчине, в Аничкове и в Петергофе, в верхнем его кабинете с чудным видом на залив. Особенно памятен мне один из таких приемов в Петергофе. Он сидел на диване, а меня посадил насупротив, перед столом, на кресле. Я уже не был тогда предводителем. Разговор был как-то особенно прост, на вопросы его я отвечал, и, отвечая, мысленно невольно говоришь себе: ведь все, что говорится теперь так просто, кому это говорится?словно забудешь-ся, думая, что это простой разговор вовсе не с Царем, но на меня эта простота и безыскусственность действовала сильнее всякой официальности. Смотришь ему в глаза, и он глядит на вас с такою доброю улыбкой, таким доверчивым взглядом, ясным и пронизательным, перед которым, что несомненно, должен разрушиться всякий хитросплетенный подход. Привет и ласка его были неизменны. Иной

раз скажет словцо по пословице — словно рублем подарит, и легко было этому человеку говорить. Он умел слушать, и простота его была особенно внушительна. Прием почти всегда кончался приглашением: «Приходите позавтракать». И большею частью с ним же идешь в столовую, где все его ожидали.

То же добродушие и на воскресных гатчинских обедах в Арсенале. «Господа генералы, пожалуйста к закуске», — говорил он шутливо. За столом был разговорчив и особенно любил, когда около него сидела княгиня Голицына, которой он очень сочувствовал. За обедом играл придворный музыкальный оркестр, и нередко сам Государь назначал ту или другую пьесу и обращал на нее внимание других. Обеды эти происходили в Гатчинском арсенале ввиду сцены и деревянной детской горы. Не успевали встать, как стол быстро исчезал, уносимый как бы по мановению жезла. И все оставались в той же комнате. Пюристи опять-таки находили это неправильным, что все оставались в той же комнате, но зала была настолько велика, что неудобства не замечалось. Около биллиарда и вокруг одной из колонн расположены диваны, тут же стол и кресла. На столе появлялись графинчики с ликерами, коньяк, кюрасо и анизет. Императрица тотчас же садилась; а Государь прохаживался, разговаривая с игравшими в биллиард, или же подходил к столику с графинчиками. Сколько раз, бывало, подойдет, нальет вам в рюмку того или другого, большею частью кюрасо, или же спросит: «Граф, не хотите ли пердунца?» — и сам нальет рюмочку анизету.

Он не любил, когда замечали его исчезновение, еще менее, когда его в это время останавливали. Он испарялся и делал это незаметно. Однажды после обеда, это было уже в 1893 году, он был как-то особенно музыкально настроен и потребовал, чтобы сыграли одну из пьес Чайковского. Он был большой поклонник Чайковского. Хор играл в этот день особенно хорошо, и впечатление было сильное. Государь пожелал повторения и слушал с видимым наслаждением, да и нельзя было иначе. Все разошлись несколько позднее обыкновенного и под чудным настроением, а на другой день узнали, что в то самое время, когда все это происходило в Гатчине, умирал Чайковский. Казалось, мы слышали его лебединую песнь. И тот, кто слушал ее так внимательно и так наслаждался ею, недолго пережил его. Мог ли кто из нас тогда это предчувствовать? В этот день Государь меня особенно поразил. Он слушал как-то особенно задумчиво и грустно, дивная гармония была ему доступна, и весь он был проникнут красотой этих звуков, весь отдался этому чувству, и ясно было, как сильно в нем самом сказалось художественное чутье.

Вообще, он очень любил музыку, но без всяких предвзятых, партийных мыслей, без всякой претензии на музыкальность. Конечно,

он восторгался Глинкой и знал многие его романсы. Особенно любил он: «В крови горит огонь желанья». Рубинштейна он не переваривал как человека, его корбило его самомнение, его самодовольство и самоуверенность. Раз даже он передавал свой разговор с ним и ответы Рубинштейна, не замечавшего тонкой иронии Государя. К Балакиреву относился сочувственно и снисходительно к его невменяемости. Римского-Корсакова ценил не столько как композитора, а как знатока оркестровой части. Он многому восхищался у Вагнера и любил, когда его исполняли, но не терпел музыкальных завываний его поклонников, к тому же большею частью деланных — ради позы. Церковную музыку очень любил, ценил Бортнянского, но предпочитал Львова за его задушевность. Любимая его Херувимская была Львова. Он назначил ее петь в день своей коронации. Любил он очень известный в свое время романс дяди Бориса Сергеевича Шереметева — «Я вас любил», — и особенно нравилась ему *ritournelle*⁸ в конце. Легкая музыка ему также нравилась, вальсы Штрауса, и вообще интересовался новинками, всегда знакомился со всеми новыми произведениями, и отзывы его были осторожны, никогда не судил он по первому впечатлению. Вижу его на репетиции «Пиковой дамы» перед первым ее представлением. Опера эта ему нравилась. Жаль, что, кроме него, не было в ближайших к нему лицах музыкального чутья. Этим объясняется бедность и однообразие обычного общества, составлявшего «кружок». Но центром этого кружка был, конечно, не Государь. Он не прочь был послушать и цыган, когда они были хороши. Помнится мне вечер во дворце великого князя Николая Николаевича, у старшего его сына. Пели соединенные хоры цыган; общество было небольшое, но оживленное (Государь был тогда еще цесаревичем). Почему-то нравилось ему, когда пели:

Всему на свете мера,
Всему есть свой конец.
Да здравствует мадера,
Веселье всех сердец.

Зашла как-то речь о цыганах, и Владимир Шереметев расхвалил одну певицу, дочь цыганки княгини Голицыной, живущую в Москве. (Это было уже после воцарения.) Я подтвердил, что знаю ее и что у нее действительно хороший голос. Государь поручил мне пригласить ее в Гатчину, куда она и прибыла и пела в арсенале в небольшом кружке слушателей, между которыми была и Императрица.

<...>

В Петербурге в аничковском кабинете на письменном столе стояла у него фигура пожарного, держащего факел, об этот факел зажигал он свою папироску. Курил он большею частью папиросы, которые впо-

следствии стал ему доставлять султан. Курил иногда и сигары, но был бережлив и почти никогда сигарами не угощал. Вообще в нем сильно было чувство порядка и домовитости. И все это проявлялось как у частного человека, не любил он пышности и роскоши. Нота бережливости в нем сказывалась всегда. Он даже из серебра своих галунов заказывал серебряный сервиз. В Аничкове устроил он себе по воцарении рабочий кабинет на вышке третьего этажа, куда он уединялся для занятий. Всего два окна, небольшой стол и скудная мебель. Перед иконой в углу горела лампада. Бывало, едешь поздно вечером по Невскому во втором или в третьем часу ночи, всюду в окнах Аничкова дворца темно. Огни давно погашены, лишь одно окно на вышке светится, и поэтому знали, что Государь еще не спит и работает. В Зимнем дворце он себе устроил чудное помещение, опять наверху, в бывших комнатах Алексея Александровича. У него было большое умение устраиваться уютно и удобно. Тотчас же накладывался на все его своеобразный отпечаток. Коридоры Гатчинского дворца наполнены картинками, вырезками из иллюстраций, фотографиями, большею частью с собственноручными его подписями. То же в Гатчинском арсенале. Там развешана большая коллекция старых акварелей Зичи. Под каждую из них его рукою помечено, кого они изображают. В Аничкове в переходе из кабинета его в комнаты Императрицы стояла издавна большая клетка, наполненная птицами, но самыми простыми. Тут были малиновки, чижики, снегири в большом количестве, он их кормил и забавлялся их движениями, а в Благовещенье все они выпускались им на волю. Чудный кабинет его в Аничковом дворце. На стенах развешаны отборные картины и между ними прекрасный портрет цесаревны работы Angely. Он освещался боковой лампой. Над камином портреты Государей — Императора Павла в детстве. Между картинами всегда бросался в глаза мне одна современной французской школы — портрет женщины в круглой шляпе. Она повернулась профилем, и профиль этот мне что-то напоминал. Мне казалось в нем отдаленное впечатление, что-то напоминавшее княжну М. Э. Мещерскую. В дверях из туалетной комнаты в кабинет висела фотография Р. Лукки⁹ (Pauline Lussa † в 1908 году). Он когда-то ею¹⁰ восхищался. Выбор гравюр в туалетной комнате также не был случайный. Вообще, глядя на его обстановку, всегда можно было дополнять междустрочия. И я всегда удивлялся, до каких оттенков доходили у него эти тонкости. Но они меня привлекали.

<...>

Вспоминается еще эпизод из прошлого. К сожалению, все это я пишу после его кончины и не прощу себе, что не записывал при его жизни. Столько исчезло в памяти бесед и положений! В субботу на Пасхе 11 апреля 1892 года отправился я в Зимний дворец, чтобы

представиться Государю и благодарить за пожалованный шифр Анне и за производство в егермейстеры¹¹. Поездка в Зимний дворец, где со дня отъезда Императрицы (на Кавказ?) поселился Государь, была для меня совершенно необычною. С Салтыковского подъезда я поднялся на самый верх, на третий этаж, где в бывших комнатах Императора Николая устроил себе помещение Государь. С ним вместе переехал и цесаревич и занял смежные помещения Императрицы, отделенные только приемной, заставленной мебелью и шкафами из карельской березы. Дежурный флигель-адъютант, словоохотливый полковник Прежбяно (побочный сын Киселева), почему-то он нашел нужным мне сказать: «Мне только бы в генералы и тогда цилиндр!» Около 12½ окончились доклады, и я сказал камердинеру Гемпелю, чтобы обо мне доложил. К удивлению, меня не позвали к завтраку, а ввели в кабинет. Государь был один и встретил меня приветливо. Спросил, скоро ли уезжаю и куда и не собираюсь ли на осмотр монастырей? Я сказал, что явился благодарить за дочь и за назначение. Государь спросил, знаю ли я эти комнаты, и сам повел меня показывать в подробности. Сказал, что мебель карельской березы принадлежала Императору Николаю, что остальную мебель он собрал из Таврического дворца. Мне бросился в глаза прекрасный портрет царя Алексея Михайловича как изображение, необычное для Зимнего дворца. Он повел меня в спальную комнату в одно окно: на стенах висят акварели, а над кроватью рисунок Зичи, «Спуск броненосцев» Беггрова, — и он пояснял. Повел и в угловую комнату с чудным видом на Неву в обе стороны. Здесь, говорил он, была комната Императрицы Александры Федоровны, ее *boudoir*¹², и потому он приказал вернуть сюда ее прежнюю мебель. «Здесь жил Алексей, — говорил он, — и комната была безобразно устроена». Сказал, что любит жить высоко, чтобы был простор и широкий вид. Сам раздвинул занавеску и показал вид на площадь. Сожалел, что погода хмурилась. «Не хотите ли позавтракать?» — сказал он, и мы вошли в крошечную столовую в два окна.

К завтраку пришел Александр Кутузов, и мы сели втроем: Кутузов, Государь и я. На боковых столах стояла пасха, кулич, телятина, ветчина и красные яйца с четверговой солью. Закуска обильная. Я припомнил изречение Горбунова: «Эта закуска большой водки требует!» Государь был особенно благодушен, припомнил «Тенериф братьев Змиевых». С ним чувствовалось как-то легко, витая где-то в пространстве на вышке третьего этажа. Говорил он о новых наслоениях и о новых людях, о молодежи. Вспомнил многих умерших: В. В. Зиновьева, графа А. К. Толстого. «Сколько ушло, как чувствуются эти утраты и с годами еще более, чем в первое время. Другие люди, другой образ мыслей, другие приемы. С молодежью

следует сходиться, входить в их жизнь, но они к вам дойти не могут, молодежь не заменит современников, товарищей, друзей!» Кутузов упомянул об Императоре Вильгельме I, что он легко переносит утраты. Государь сказал: «Да, в эти годы другое; за известным пределом становишься равнодушнее, но в средние годы, в 50, в 60 лет утраты тяжелы», тут Государь заметил, что старики большею частию, покидая службу, разом слабеют и не выдерживают: «Вот Владимир Андреевич!» — «Зато Бисмарк все бодрится», — сказал Кутузов. Государь с этим не согласился. «Да, — сказал он, — но ему нельзя жить без политических интересов». — «А дела ему поубавилось», — сказал я, обращаясь к Государю. «И очень», — отвечал Государь слегка иронически. Спросил он о Дмитрие, говорил о Карданахе¹³. Я сказал откровенно, что побуждает меня продать это имение. «Вы писали сыну, он охотно готов купить Карданах». Говорил подробно о неудобствах ведения хозяйства. Легко с ним говорить. Разговор зашел о современной роскоши, о нелепых требованиях времени. «С этим нужно считаться», — заметил Кутузов. «Да, но не уступать», — сказал я. Государь пожалел Фредерикса Штутгартского, сказав, что Гирсу «слава Богу лучше». Припомнил Государь один из любимых рассказов В. В. Зинovieва, который уверял, что при производстве вина, когда требовалось смешение сортов, рабочие приговаривали: «Лей на пуп!» В столовой висела картина «Петр Великий, посещающий Madamede Maintenon». Кутузов сообщил, что умерла в Лиссабоне графиня Толстая (Бахметева), вдова поэта. Государь сказал, что видел ее только раз. Почему-то Кутузов заговорил о католических монахинях, о красивом их наряде. Я заметил, что когда монахини красивы, то все наряды хороши. Государь вспомнил, что в Петербургском Воскресенском женском монастыре много красивых лиц, и рассказал, какой был случай (и даже в мое командование, но я об этом узнал после): один очень молодой офицер надел женскую рясу и поступил в монастырь в виде крылошанки. Никто и не догадывался, и так он прожил в монастыре с монахинями целую неделю, пока не заметили. Конечно, его уволили от службы. Я сказал, что, вероятно, он начитался сказок Лафонтена, где рассказывается о подобном же случае. «Рассказ не совсем приличный», — добавил я. «Действительно», — возразил Государь шутливо... «А что ваш Иван?», — спросил Государь и начал говорить Кутузову об Иване, какой он чудак, как строго ко всем относится. «Я его у вас не видел». Я объяснил, что он на льготе и что уже не путешествует со мною по собственному заявлению. Почему-то Кутузов заговорил о графине Сальяс, которую Государь назвал Евгения Тур. Отсюда разговор перешел на сына ее Сальяса. Кутузов говорил о стесненном его положении. Я заметил, что у него прекрасное место. Государь меня поддержал: «У него есть

талант, — говорил он, — вот “Пугачевцы”, но затем?» — «Он пишет к сроку», — говорил я. «Потому что нуждается», — сказал Кутузов. — «Ведь и Пушкин и Гоголь нуждались, а так не писали», — возразил Государь.

В комнатах было довольно душно. Государь не торопился. Он сказал, что идет смотреть на чертежи и карты, разложенные в залах Зимнего дворца, и, когда встал из-за стола, простился. Уходя, я взглянул в верхнее внутреннее окно в концертную залу. Там сновали генералы, штаб- и оберофицеры. Промелькнула фигура Обручева. Я вышел от Государя как-то особенно настроенный. Простота и здравомыслие, что-то отрешенное от земной суеты, теплота и участливость — все это давно знакомо, но все что здесь в Зимнем дворце, в обстановке прежних царствований, над кабинетом Николая I, перед окнами Императрицы Марии Александровны, в виду бывшего помещения княгини Юрьевской, в этом Зимнем дворце, где каждый шаг напоминал Александра II, — мне вдруг показалось необыкновенно странно и то, что я сижу здесь с Александром III, который все тот же, что и прежде, внимательный, вдумчивый, и теперь, быть может, еще проще и доступней, еще «хрустальнее» как Самодержец всея Великия и Малыя и Белыя России... Сила великая в этом человеке!

Случайно Императрица неожиданно поехала в Данию на короткое время. Государь взял с собою великого князя Михаила Александровича и столь же неожиданно поехал в Московскую губернию, в Ильинское. Здесь провел он целую неделю в полном уединении. Случилось и мне быть в Ильинском в это время. Государь наслаждался вполне. Глядя на него в Ильинском, вспоминались невольные слова князя П. А. Вяземского:

На нем лежит судеб народных бремя,
И он в твое приволье хоть на время
Пришел от царства отдохнуть.

Уезжая, с сожалением он записал в книге посетителей Ильинского: «Прекрасная, тихая, теплая неделя». В этой книге все расписываются. Дали ее и мне для подписи с тем, чтобы я что-нибудь прибавил. Я записал: «O Rus, o Русь!» Это была действительно чудная неделя; погода теплая, но не жаркая, настроение светлое, разговоры живые. Я любовался Государем, давно не видал я его таким благодушным, веселым. Бывало, встанет рано утром. «Мишкин!» — громко зовет он сына и вместе отправляются в дальнюю прогулку. Днем они повторялись, где только не бывали мы в окрестностях Ильинского и на прогулках о чем не говорилось, и так легко все говорилось. Иногда заходил он к окну моей комнаты или заходил, чтобы проверить, где и как все помещаются и что делают. Он любил иногда заставить

врасплох. «Поезжайте, — говорит он мне, — в Архангельское, стоит посмотреть». Тут он говорил о прекрасной обстановке Архангельского, о редкостях дома и о малом понимании хозяев. «Да скажите Сумарокову, чтобы все вам показал, решительно все, и что я вас к нему для этого прислал». При этом он забавно рассказывал о князе Юсупове и о его скарденности. На одном из балов князя Юсупова в Петербурге в его старинном доме на Мойке присутствовал Государь. Его интересовало видеть дом и все редкости чудесного собрания. За ужином для него было приготовлено торжественное место за отдельным столом, но Государь, предоставив это место Императрице, по обычаю своему уклонился и сел случайно к одному из незначительных столиков близ выхода. Оказалось, что кушанье было распределено по разрядам столов так, что не все гости получали одно и то же, и ради экономии провизия была различного качества. Стол, выбранный Государем, оказался последнего разряда, и сам он говорил, что ему предлагали такую дрянь, что он поспешил вернуться домой и заказал себе холодный ужин...

Государю хотелось, чтобы великий князь Павел купил бы себе имение по соседству от Ильинского, но почему-то этому не сочувствовал Сергей Александрович. Государь ходил осматривать заброшенные усадьбы; так, зашел в Степановское, и по этому поводу был разговор о запущенности дворянских имений, о сложных к тому причинах. Государь говорил сочувственно, здраво и толково. Он вообще сочувствовал покупке имений в центре России для своих сыновей. Так, куплено было Брасово в Орловской губернии для великого князя Георгия. Во время моего предводительства дал он мне оригинальное поручение — съездить в Серпуховской уезд и осмотреть имение некогда Нащокиных [село] Рай-Семеновское с тем, чтобы доложить ему, каково это имение, предлагаемое в покупку великому князю Михаилу Александровичу. Самой мысли покупки в Московской губернии он сочувствовал. Поручению этому столько же удивились в Москве, как и в Министерстве двора. В Петергофе я представил личный и письменный доклад об этой поездке. К сожалению, требования владелицы были слишком велики, прямо безумны, и дело не состоялось. Сидя на широком балконе Ильинского, Государь наслаждался летним вечером, привольем заливных лугов, простором и тишиною полей. Все это он любил, как любил он и предания московские, и охотно говорил о временах прошедших, стародавних.

<...>

Мне случилось быть в Гатчине тотчас после полученного известия о покушении на жизнь цесаревича в Японии (Гатчина, 3 мая 1891). Поехал в Гатчину на другой день после возвращения из Москвы и по-

спешил, чтобы поздравить с счастливым исходом грозного события в Японии, покушения на жизнь цесаревича. <...>

Государь вошел в 1¼ в сопровождении Победоносцева. <...>

Говорил о письмах Закревского и Ермолова¹⁴, напечатанных в Историческом обществе, о Куракинском архиве, сожалел, что он в руках Семевского. Говорили о армии.

Вошли дети, и Государь встал. Императрица почти все время молчала. Видно было, что все ей надоели <...> Во время разговора [Государь] был до того прост, что казалось даже смешным, как это люди рассуждают так с царем и он с ними. Так говорить можно, сидя в глухой деревне, о том, что делается в столице, скорбя о том, что делается. <...> Когда нас отпустили, было почти три часа.

<...>

Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу. <1875–1885 годы>

<Фрагмент>

1

Ливадия. 8 окт<ября> 1876 г.

Благодарю тебя, милый Ники, за твои письма и Жоржи¹ тоже, я очень рад, когда я их получаю. Теперь ты хорошо пишешь и можешь мне писать чернилами, а не карандашом. Сегодня у нас дурная погода и дождь. Музыка совсем не играет и только приходит в воскресенье за завтраком. Ан-Папа, Ан-Мама² вас целуют и дяди Гег и Пиц³ тоже. Обнимаю вас, мои душки, от всего сердца. Целуй хорошенько мамá⁴ от меня и Ксению⁵, Христос с вами.

Твой Папа

2

Кишинев⁶. 1877 г. 16 апреля

Благодарю тебя, милый Ники, за твое письмо; скажи Жоржи, что я его тоже благодарю за его два письма. Кролик очень смеялся, читая это письмо Жоржи. Мы ездили сейчас верхом с дядей Владимиром⁷ и Володей Куртошкин нос. Сегодня у нас тепло и на солнце жарко. Что делает каток⁸, хорошо ли вы работаете в саду?

Скажи Сапрак⁹, что стыдно пить квас перед супом, а еще хуже так не слушаться.

Целую крепко тебя, Жоржи и Ксению. Христос с вами, мои душки.

Твой Папа

3

2 октября 1877 г. *Село Брестовец*¹⁰

Благодарю вас, мои душки Ники и Жоржи, за ваши письма. Мне очень скучно и грустно без вас, и я часто думаю о вас и душе Ксении. Как давно мы не видались, и я думаю, вы меня совершенно уже забыли. Дядя Гег постоянно живет у меня, а недавно приезжал тоже дядя Пиц и провел здесь 2 дня. Надеюсь, что лошадь, которую Володя подарил Ники, пришла. Я хочу тоже подарить Жоржи турецкую лошадку и пришлю ее в Царское Село. Теперь, наконец, у нас отличная погода и дождь перестал.

Как мне хочется скорее приехать к вам, назад домой. Целуйте от меня крепко мамá и не *забывайте* вашего Папа, *молитесь* за него и за всех наших *молодцев солдат*. Обнимаю и целую вас крепко, мои душки. Постоянно думаю и молюсь за вас!

Христос с вами, мои душки!

Ваш Папа

Мой поклон Григорию Григорьевичу и М^е Флоттов¹¹.

4

Село Брестовец. Болгария. 13 декабря 1877 г.

Благодарю тебя, милый мой Ники, за твое письмо. Очень рад, что ты хорошо учишься и что тобой довольны. Мне страшно скучно без вас и так тянет домой, но нечего делать. Когда служишь, так думать о своих не приходится и надо исполнять свой долг! Благодарю милого Георгия за его последние письма и напишу ему, когда успею.

Теперь у нас тоже настоящая зима, снегу очень много и мороз сильный.

У меня решительно ничего нет для вас на елку; мамá вам подарит от меня, а здесь ничего достать нельзя. Дай Бог до скорого свидания и чтобы можно было мне вас скорее обнять всех троих. Поцелуй крепко, крепко от меня душку мамá, Георгия и Ксению. Христос с вами, мои душки!

Крепко целую тебя, милый мой Ники; не забывай твоего Папа и молись занего.

Твой Папа

5

Царское Село. 1879 г. 29 июня

Благодарю тебя, милый Ники, за твое письмо, которое я получил вчера. Я рад, что вы все здоровы и веселитесь в Дании¹².

Мне очень скучно здесь без мамá и вас всех, но дай Бог и я приеду наконец к вам, но, к сожалению, еще не скоро. Сегодня именины дяди Пица и мы были у обедни в большом Дворце¹³ и там завтракали. Я надеюсь, что вы начнете скоро купаться с Георгием в море. Я живу в Красном Селе¹⁴, бываю часто на учениях, езжу верхом и играем много в кегли. Погода часто портится и часто идет дождь, но бывают и хорошие дни.

До свидания, мои милые душки, целую вас очень крепко; не забывайте меня. Христос с вами. Целуй от меня мамá, Георгия, Ксению и Мишу¹⁵.

Твой Папа

6

Красное Село. 1879 г. 17 июля

Благодарю тебя, душка мой Ники, за твои два последних письма, которые я прочел с удовольствием. Стихи Андреева¹⁶ очень хороши. Умеешь ли ты и Георгий теперь плавать и выучил ли вас M<iste>r Heath?¹⁷ У нас все еще погода не поправляется и каждый день идет дождь. По воскресениям я езжу в Царское Село, и там гуляем с дядей Алексеем¹⁸ пешком и делаем большие прогулки в Павловск. Я всякий раз вижу в Царском Селе твоего друга Киашку, который всегда встречает меня в мундире и подымает на мачте мой флаг. Мне так хочется скорее приехать к вам и надеюсь, что 8 августа лагерь кончится.

Целуй крепко от меня милую мамá, Георгия, Ксению и Мишу. Кланяйся от меня M<iste>r Heath.

Обнимаю вас всех моих милых душек и еще раз благодарю тебя и Георгия за ваши письма. Христос с вами, мои душки! Не забывай твоего

Папа

7

Gmunden¹⁹. 30 октября 1879 г.

Благодарю тебя, милый Ники, за твое письмо, которое я получил, еще когда мы были в Gannes. Благодарю от меня милого Георгия за его второе письмо, которое я получил здесь.

Сюда мы приехали из Парижа, где оставались всего 3 дня. Здесь очень холодно и несколько раз шел снег, так что все горы белы и очень красивы. Вчера мы охотились и убили 56 зайцев. Тетя Тюра²⁰ здорова и вас целует. Апапа и Амама²¹ вас обнимают и очень сожалеют, что вас нет здесь. Хочется очень скорее быть дома и обнять вас всех.

Кланяйся Григорию Григорьевичу от меня. Обнимаю тебя крепко. Христос с вами, мои душки.

Твой Папа

8

Царское Село. 1880 г. 1 июля

Благодарю тебя, милый Ники, за твое длинное и милое письмо, которое я получил сегодня вечером.

Мы отлично плавали на милой «Царевне»²², погода была отличная, и только один день покачало, да и то только несколько часов. В шкерах мы каждый день съезжали на острова, гуляли, ловили рыбу, и я стрелял и убил одну тетерку.

Пришли в Петергоф 29 июня в 1 час дня; заехали с мамá в наш милый Коттедж²³, а потом отправились по жел<езной> дороге в Царское Село.

Вчера вечером мы поехали в Красное Село и там ужинали у дяди Владимира и ночевали в нашем домике. Сегодня утром был парад Кавалергардскому полку и завтрак всем офицерам у Ан-Папа. К обеду мы вернулись снова сюда и обедали у Ан-Папа. Бедный д<ядя>Гег заболел тоже корью, а д<ядя>Пиц поправляется. Жду с нетерпением нашего возвращения в милый и тихий Гапсаль²⁴ и радуюсь вас всех увидеть. Целую крепко милых Георгия, Ксению и Мишу. Всем нашим мой поклон. Крепко целую тебя, душка Ники.

Твой Папа

9

Ливадия. 1880 г. 28 октября

Благодарю тебя, милый Ники, за твое милое письмо и радуюсь, что вы здоровы; надеюсь, что и уроки идут у вас хорошо и что вами довольны Григорий Григорь<евич> и учителя. Мамá писала тебе, что вначале погода была у нас чудная, совершенно лето, а с 20 октября совершенно испортилась, постоянный туман, дождь и солнца не видать, так досадно и скучно. Мы провели четыре дня на охоте, на горах и жили в маленьком монастыре в домике настоятеля. Убили 2 оленей, 7 коз и 1 зайца.

Ездим верхом почти каждый день, но постоянно нас мочит дождем или туманом и гор совсем не видать. Ксения страшно скучает без вас и говорит, что Миша совсем не интересный и играть с ним нельзя.

Оследующим фельдъегерем я напишу Георгию, а теперь целую вас крепко, мои душки. Мама, Ксения и Миша вас тоже целуют. Христос с вами!

Твой Папа

10

В<еликому> к<нязю> наследнику цесаревичу.

При сем 11 яиц.

Посылаю тебе, милый Ники, еще 11 яиц больших, малых у меня больше нет. Не понимаю, как мы так дурно считали, что не хватило всем; значит, яиц было не 51, а 43, иначе вышло бы верно.

Благодарю тебя очень за твое письмо с Романом Николаевичем. Целую.

13 апр<еля> 1884 г. Твой Папа

11

28 марта 1885 г. Аничков

Спасибо тебе, милый Ники, за твое письмо и отчет об христосовании с гатчинскими жителями. Завидую страшно вам, что вы наслаждаетесь в милой Гатчине. Сегодня в 2 ч<аса> я христосовался с Павловским караулом, который стоял в Аничкове в ночь на Пасху, а потом был смотр новобранцам на обоих дворах Аничкова, который продолжался 1½ часа. Всего новобранцев было 4979 человек.

После этого я уныло гулял с Камчаткой и Типом в нашем саду и ковырял, от скуки, снег палкой. Теперь жду от тебя отчет об состоянии озер и парка, много ли стаяло и грязно ли еще. От души вас всех целую. До свидания. Христос с вами, мои душки.

Папа

<...>

А. А. ПОЛОВЦОВ

Дневник государственного секретаря. <1885–1889 годы>

<Фрагменты>

1885 год

<...>

4 [января]. Пятница. Рано утром получаю от государя записку с уведомлением, что он намерен посетить наше Рисовальное училище¹. Спешу уведомить обер-полицмейстера и поехать для распоряжений на место. В 2 часа приезжают их величества с двумя старшими сыновьями. Осмотр выставки ученических произведений и музея занимает более двух часов времени. Императрица, а в особенности император выказывают не только интерес к нашему делу, но и близкое с ним знакомство. Уезжают, наговорив комплиментов жене моей, почетной попечительнице, мне — председателю училищного совета, Месмахеру — директору. Выражают желание приехать еще раз, чтобы посмотреть на учеников во время их занятий. Милые, любезные, человечнее быть невозможно. Подношу императору ружье и пару пистолетов хорошей тульской работы прошлого столетия; императрице — китайскую вещицу; цесаревичу — французскую книгу начала XVIII века: «L'exercice de l'infanterie française»²; великому князю Георгию — фаянсовое блюдо (майолику), особенно понравившееся государю.

<...>

12 [января]. Суббота. <...> Разговор касается еще коллекции Базилевского и ее размещения³, и в заключение сообщая о печатающихся томах сборника Исторического общества. Государь выражает желание собрать у себя общее собрание членов в Аничковом дворце на второй неделе поста. <...>

18 [февраля]. Понедельник. <...> Заседание общего собрания⁴. Решено говорить с мест. Заседание продолжается несколько минут.

Великие князья отправляются к 2 часам в крепость слушать панихиду по императоре Николае. Я спешу домой, чтобы окончить мемориальное для государя обычное еженедельное извлечение и окончить приготовления к годичному собранию Исторического общества, потому что мой Штендман⁵ хотя преисполнен учености и всяких качеств, но ничуть не распорядителен. В 8½ часов мы отправляемся с ним в Аничков дворец, где уже находим десяток собравшихся к заседанию членов. Всего с императором, цесаревичем и великим князем Владимиром Александровичем присутствуют 26 лиц. Государь, выйдя в 9 часов, здоровается со всеми и замечает, что никогда еще не бывало столь многочисленного собрания. Я замечаю, что в наличности находятся москвичи: Бартенев, Бюлер, Карпов, граф Шереметев. Я представляю цесаревичу всякого, кто попадетя из наличных членов. Лакей Куломзин говорит ему, что имел счастье видеть его в Москве.

Государь, посадив возле себя великого князя Владимира Александровича, приказывает цесаревичу сесть между мною и Штендманом. Я открываю заседание чтением своего отчета. Потом А. Ф. Бычков читает отрывки из неизданных и отчасти неизвестных писем Петра Великого, причем весьма бестактно охарактеризовывает одно письмо, представляющее весьма верную (т. е. нелестную) оценку характера поляков. Грот читает весьма скучную статью о переговорах во время шведской войны 1788 года. Дубровин прочитывает премилое сообщение об исторических трудах императрицы Екатерины и попытке ее при участии графа А. Шувалова создать под своим председательством историческое общество. Мартенс душит нас рассказом, достойным сельского школьного учителя, о сношениях России с Пруссией во время Отечественной войны. С трудом прерываю этот педантический, бездарный рассказ и перехожу к переизбранию выходящих из Совета по очереди членов. В это время Куломзин вытаскивает из кармана рукопись и хочет приступить к чтению, но я останавливаю его, так как он не заявил мне о том заблаговременно. После каждого чтения государь очень любезно говорит несколько слов читателю, цесаревич восхищается совершенно новым для него препровождением времени и сообщает мне, что уже 4 года ведет дневник, куда внесет и все слушанное сегодня. Заседание оканчивается в 10¾ часов. Государь очень милостиво выражает еще каждому из наличных членов свое удовольствие.

<...>

27 [февраля]. Среда. Тщетно ожидаем в училище приезда их величеств. Вместе с нами дожидаются обер-гофмаршал⁶ Трубецкой и гофмаршал Оболенский. Государь позабыл сообщить о своем намерении императрице, которая назначила у себя прием в 2 часа.

Воронцов зовет на вечер вместе с величествами, но отказываюсь за множеством дел.

28 [февраля]. Четверг. В 2 часа приезжают в Рисовальное училище император с императрицею, великий князь Владимир с Мариею Павловною, великий князь Сергей Александрович с великой княгиней Елизаветою Федоровною и великий князь Михаил Николаевич с великой княгиней Ольгою Федоровною. Государь и великий князь Владимир любят и понимают рисование и его воплощение, остальные считают обязанностью вторить и подражать. Восхищаются вещами, каталогом, библиотекою, спешат на выставку Академии художеств. Государь сетует на неудовлетворительность рисунков в произведениях русских серебряников, как Овчинников, Сазиков и пр.

<...>

1886 год

<...>

13 [марта]. Четверг. <...>

После Абазы, весьма, впрочем, недолго, у государя сидит Лобанов а потом зовут меня. Разговор приблизительно следующий.

Государь: «Извините, что я заставил вас так долго дожидаться».

Я: «Помилуйте, государь, я думал, что это раз навсегда установлено, что вы принимаете меня после всех, не церемонясь со мной и тем доказывая мне свое расположение».

Государь: «Это новые темы сборника».

Я: «Точно так, государь, вот пять томов. За последние два года мы напечатали их одиннадцать. Вот перечень их содержания. Вся заслуга этого труда принадлежит Штендману, и я прошу у вашего величества позволения благодарить вас за пожалованную ему награду — чин действительного статского советника, хотя при этом считаю необходимым настаивать на том, что я ходатайствовал о том в коронацию, находя, что тогда было своевременно выражение вашего одобрения, то теперь это сделал Делянов по своей собственной инициативе».

Государь: «Вы мне писали о материалах для истории императора Николая. Я желаю, чтобы вы напечатали их для того, чтобы изменить существующее до сих пор мнение, что император Николай был только солдат и больше ничего. Ознакомьтесь ближе с его деятельностью, увидят его качества души и ума».

Я: «Очень благодарю ваше величество за оказываемое мне вами доверие, но для исполнения этого поручения я просил бы вас дать

мне и те средства, кои дарованы были покойным государем барону Корфу, а именно доступ в архив и право досылки туда лиц, которые могли бы списывать отмеченные мною бумаги. Это необходимо, ибо издавать собранный материал в теперешнем виде невозможно. Я знаю, что в иных ведомостях он собирался довольно неразборчиво и поверхностно, так что необходимо сверить его с подлинником, прежде чем выпускать в свет».

Вследствие выраженного на то государем согласия читаю доклад, который он и утверждает.

Я: «Может быть, я в этом году несколько поздно обратился к вам, государь, с докладом об общем собрании членов Общества, но это всегда делалось на второй неделе поста, так я поступил и в нынешнем году; прибавлю, впрочем, что я не считал нужным обременять вас таким собранием каждый год среди ваших занятий».

Государь: «Нет, отчего же, мы это так давно делаем, что я желаю продолжать и впредь, только на будущий год напомните мне пораньше, покуда я буду в Петербурге».

<...>

1887 год

<...>

1 [февраля]. Воскресенье. <...>

После этого характерного разговора мы перешли к делам Исторического общества. Государь выразил желание созвать общее собрание у себя в Аничковом дворце в понедельник на второй неделе поста. Потом я упомянул о своем намерении поместить государственный архив в здании, выстроенном для архива Государственного совета. Поговорили и о бумагах императора Николая. Государь высказал убеждение, что их нельзя печатать позже 1830 года, обещал еще порыться в сундуке, где хранятся бумаги императрицы Марии Федоровны, и прибавил, что поручит это жене, которая менее занята.

<...>

23 [февраля]. Понедельник. <...>

В 9 часов вечера годичное собрание Исторического общества. Всего 25 человек, в том числе государь, наследник и великий князь Владимир Александрович. Собираются все в той же библиотеке Аничкова дворца. Я читаю свой отчет, потом прочитываются образчики биографических статей дляготавливаемого нами к изданию биографического словаря⁷. Бычков читает весьма скучную тенденциозную,

критическую, а не биографическую статью о С. М. Соловьеве, Веселого — наполненную анекдотами и характерными чертами статью о Нахимове, Дубровин — весьма живой очерк Ермолова, Грот — единственную, вполне отвечающую назначению биографическую заметку о Пушкине. Все это продолжается два с половиной часа, государь очень заинтересован и дважды благодарит за интересный вечер; сидя возле него, я говорю ему: «Но ведь вам придется лечь двумя часами позже, сидя за чтением бумаг». Он говорит, что действительно почти каждый день ему приходится работать до третьего часа и что балы очень в этом отношении тягостны. Я замечаю: «Хотел бы я посмотреть на те массы бумаг, что вам присылают, я уверен, что много бы из них можно было сократить».

Государь: «Я [и] так очень много сократил». Цесаревич восхищается чтениями и заявляет моему Штендману, что если бы был частным человеком, то посвятил бы себя историческим трудам.

<...>

1889 год

<...>

12 [июня]. *Понедельник.* Посылаю государю составленную по моим указаниям записку о Комитете 1826 года.⁸ На Николая Павловича привыкли смотреть как на деспота, но из записки этой явствует, что серьезные законодательные предположения рассматривались разностороннее и основательнее, чем дело о земских начальниках, переменяющее весь строй низших органов административного и судебного управления. Посылаю записку при письме, в коем прошу позволения напечатать записку тем же порядком, каким печатаемы были подобные записки бароном М. А. Корфом⁹.

<...>

23 [декабря]. *Суббота.* <...>

Окончив свой деловой доклад, я присовокупил, что мною окончены разбор бумаги графа Закревского, присланные из Италии Друцким-Соколинским, что бумаги эти не представляют первостепенного интереса и что я представляю письменный доклад с предложениями о том, что с этими бумагами делать¹⁰.

По поводу архивных бумаг государь вспомнил, что я писал ему о разрешении рассматривать секретные бумаги государственного архива для написания биографии Николая Павловича, и сказал, что дал на то разрешение Гирсу. Я отвечал, что Гирс передал мне это

и что я весьма за то благодарен, но что в государственном архиве находится мало материалов для истории юности и молодости Николая Павловича и что располагаю поискать о сем материалов в собственной библиотеке государя¹¹.

И на это последовало согласие. Заговорив об архиве, я не мог не упомянуть о том, что выстроенное по моей инициативе здание для государственного архива стоит пустое, потому что никто из министров или, скорее, из их чиновников не хочет отдавать туда хранимых ими дел, опасаясь с делами лишиться поводов к улучшению личного своего благосостояния.

<...>

АЛЕКСАНДР III

Письма императрице Марии Федоровне. <1891–1892 годы>

№ 1

Гатчина. 26 мая 1891 г. Воскресенье.

Моя милая душка Минни!

Жду с нетерпением твоего первого письма, но не знаю, когда получу его. Скучно и пусто без тебя здесь и весь день как-то иначе, все не то; отвратительно оставаться одному и опять быть в разлуке с тобой, милая душка Минни. Комнаты Ксении¹ тоже наводят на меня тоску, каждый день прохожу по ним к Мише и Ольге², и так все пусто и безмолвно; несмотря на то, что у меня теперь больше свободного времени, я не могу покончить с массой бумаг и чтения и ложусь спать почти всегда в $\frac{1}{2}4$, часто с чудным восходом солнца прямо в мои комнаты. Кроме бумаг и дел я не успеваю прочесть решительно ничего, и даже мой «Кронштадтский вестник»³ остается нечитанным, и набирается по 3 и 4 номера. Жоржи⁴, я думаю, счастливее меня и успевает все прочесть.

Доклады министров тоже длиннее обыкновенных, и часто только $\frac{1}{2}2$ успеваю садиться за завтрак. Мы обедаем и завтракаем в нашей маленькой столовой, а потом курим и болтаем немного в твоей маленькой комнате. Завтракаем с Alix⁵ и детьми, а к обеду приглашаю княжну Лобанову (Фафка)⁶, Черевина⁷, и был на днях Шереметев (дежурный)⁸, а вчера Николай Михайлович⁹.

Сегодня были у обедни с Alix, Павлом¹⁰ и детьми и завтракали одни. К обеду приехали Владимир¹¹ и Алексей¹², который остался ночевать. Вчера ходили с Alix и детьми на Егерскую слободу и показали ей все, в особенности она была довольна всеми дикими зверями; тоже смотрели всех 17 собак, подаренных князем Ширинским-Шихматовым; есть очень хорошие и милые, но лают страшно и такой шум, что нельзя говорить, ничего не слышно.

Что за погода стоит у нас вот уже 5 дней; холод страшный, днем всего 5–7 градусов, а ночью 1–2 градуса. Был и снег, и град, и дождь, солнце мало показывается, а если и есть, то не греет; всего 10–11 градусов. Это, впрочем, очень хорошо, потому что к вашему приезду, наверное, будет чудная погода, а вся гадость пройдет теперь.

Сегодня с утра получил я твою телеграмму, и [мы] совершенно сошлись в мыслях; я именно утром еще думал о грустном сегодняшнем дне, который только раз был радостный и счастливый, и ты именно то же самое мне пишешь. Да, это рана, которая во всю нашу жизнь вылечивается и с каждым годом более и более раскрывается и ноет! Да, когда подумаешь, что нашему ангелу Александру¹³ было бы теперь уже 22 года, когда подумаешь, что все три старших мальчика были бы вместе, почти одних лет, и никогда его больше не видеть с нами в сей жизни, просто душа разрывается от отчаяния и грусти! Но и за то как не благодарить Господа, что Он его младенцем взял к себе обратно, т. е. прямо в рай, где, конечно, он молится за нас и вместе с тем нашим ангелом-хранителем. Все же грустно и тяжело! Да будет воля Твоя, Господи!

27 мая. Понедельник.

Сегодня получил я твое милейшее и длинное письмо из Ливадии, за которое благодарю от всей души; оно мне доставило огромное удовольствие, наконец, услышать от тебя новости после 7 дней нашей разлуки в Москве. Я так рад, что ты подробно все описываешь, и так все меня интересует. Да, мне страшно жаль, что я не с вами в Ливадии, не мог разделить с тобой радость и счастья свидания с Жоржи!

Я вполне понимаю и разделяю все, что ты испытываешь на месте крушения в Борках¹⁴ и как это место должно быть нам всем дорого и памятно. Надеюсь, когда-нибудь нам удастся всем вместе со всеми детьми побывать там и еще раз возблагодарить Господа за чудесное счастье и что Он нас всех сохранил.

Благодарю тоже очень за телеграммы, которые я жду с нетерпением каждый день и радуюсь за вас, что вы наслаждаетесь милой нашей Ливадией. Я очень рад, что Жоржи живет в моих комнатах, которые так уютны и я их очень люблю, да и воспоминания хорошие и счастливые. Отчего вы не ездите верхом, это было твое любимое занятие в Крыму? Ксения, я уверен, в отчаянии, что не может ездить, но Жоржи, я думаю, неособенно сожалеет.

Миша часто ездит верхом и очень радуется. Мы гуляем каждый день с Alix и детьми, но она уходит работать домой, а мы с детьми продолжаем. На этой неделе я показывал Alix нашу охоту, всех собак, конюшни и зверей, которые в особенности ее забавляли: волки, лисицы и медвежата, но уж довольно злые, есть много маленьких лисиц, прелесть какие миленькие.

Погода до того отвратительная и так холодно, что мы Гатчиной вовсе не наслаждаемся, и мне кажется все, что это уже осень, а на весну вовсе не похоже, да и парк вовсе не прельщает; ничего не цветет, все остановилось, весеннего запаха вовсе нет, просто отчаяние. Бедные ласточки так мерзнут, что сидят целыми кучами на одной ветке, плотно прижавшись друг к другу, чтобы хоть этим немного согреться, но, к счастью, мертвых нет и все до сих пор летают, хотя очень низко. Сегодня, наконец, слава Богу, немного теплее, и днем было до 11 градусов и солнце грело.

Какой страшно печальный случай в Петергофе с бедными де-Рибас, Перелешиным и 2 матросами. Двое матросов, которых спасли, говорили, что Перелешин успел снять сюртук и плыл, но пропал, а бедный де-Рибас держался с ним долго за лодку, и уже вельбот с лодки «Щит» подходил к ним, когда вдруг он бросил лодку и исчез под воду, выбившись из сил. К сожалению, их опрокинуло далеко от лодки «Щит», около версты, а от пристани было еще дальше. У де-Рибас осталась вдова с 3 маленькими детьми. Перелешин не был женат.

Теперь пора кончать, уже 2½ часа ночи. Еще раз от всей души благодарю за милейшее письмо. Сердечный поклон дяде Мише¹⁵, целую крепко Жоржи и Ксению.

Крепко и от всего сердца обнимаю тебя, моя милая душка Минни. Христос с вами, мои дорогие!

Твой верный друг навсегда

Саша.

№ 2

Коттедж. 1 июня 1891 г. Суббота.

Моя милая душка Минни!

Сегодня уже 9 лет, что в этом милом и дорогом Коттедже¹⁶ родилась наша душка Ольга. Благодарю Господа от всей души за это счастье и радость, которое было первым после ужасного события 1 марта! Беби была так довольна своим днем и счастлива бесконечно; просто радость смотреть, как дети довольны такими простыми и наивными удовольствиями.

Игрушки составляли главную радость дня, а потом ее гости: сын Юрия¹⁷, дочь Шереметева, а у Маши Сережа Шереметев, и они возились весь день. Тоже привезли младшего сына Юрия; он замечательно поправился и похорошел, и беби ужасно нравится, и она сердится, когда говорят, что он урод: Oh! no his is such a mic baby!¹⁸

В 12½ мы поехали в церковь к молебну, были все наши и семейства, живущие в Петергофе. После молебна я смотрел казаков кубанцев и терцев — прибывших в конвой; прежних очень мало, но новые отличный народ и рослый. Из офицеров прибыли вновь командир Терской сотни Федюшкин, офицер Золотарев, командир Кубанской

сотни Денежников и офицеры Бабич, Скакун, Перепеловский (новый). Казаков всего прибыло 154 человека.

Потом мы завтракали. Были: Алих, Ежени¹⁹, Алек²⁰, Юрий, Стана²¹ Елена с мужем²², Рихтер²³, Миша, беби и сын Юрия. Покурили, поболтали и разошлись, а я занимался и отвечал на телеграммы, потом гулял один 2 часа и все время накрапывал дождь. К обеду приехал Павел из Красного Села и остается до завтрака.

2 июня. Воскресение.

Сегодня были у обедни в нашей милой церкви. Завтракали с Павлом, Алих, Юрием и детьми. Гулял один, так как у детей были их товарищи, они возились на сетке и на качелях. Ясная, хорошая погода, но холодно, всего 10 градусов и сильный ветер. Обедали: Алексей, Павел, Алих, княгиня Лобанова, Черевин и Филосов²⁴. Алексей приехал только для завтрашнего доклада.

Алих рисует чудные цветы; в Гатчине мы выбирали с ней в оранжереях различных цветов и форм орхидей, и она очень удачно сделала их, а здесь еще разные другие цветы; все это будет тебе показано по приезду. Фазаны гуляют целый день перед домом, и петухи часто дерутся; очень смешно. Есть чудные новые фазаны, с очень красивыми перьями и красной головой и ушами. Птиц вообще масса.

Какой скандал этот процесс в Лондоне из-за карточной игры в бакара и, с позволения сказать, этот глупый Берти, который тоже замешан в этой грязи²⁵. К чему он сунулся в суд, оставался бы в стороне, подумал ли он, как приятно должно было быть бедной Алих и детям, что отец их, наследник престола, и замешан в эту мерзость! Подробности процесса возмутительны. Нет, слава Богу, подобные истории могут быть только в Англии, чтобы замешаны были наследник и высшее общество Лондона! Бедная Алих²⁶, через что она только не проходит благодаря ее безмозглому и развращенному мужу! Ей-богу противно. Но довольно об этой гадости.

Я очень рад, что ваша поездка на Ай-Петри удалась и что погода была хороша; страшно сожалею, что не был с вами.

Продолжаю мое письмо. Утро было отличное; тихо, ясно и 15 градусов в тени; гулял и наслаждался. Потом доклад Алексея, Островского, графа Протасова-Бахметева²⁷ и Победоносцева²⁸, который за завтраком смешил нас страшно новыми историями о тете Кате²⁹. Алих помирала со смеху и очень удивлена была, когда Победоносцев просто называл Тинхен³⁰, а не говорил «принцесса», и всякий раз по-английски спрашивала меня, зачем он называет ее просто Тинхен. Алексей, в свою очередь, рассказывал тоже истории невозможные, и Алих смеялась до слез. Погода к завтраку испортилась и часто шел дождь. Мы даже-таки гуляли с детьми и работали на речке у моря.

Сегодня вернулась из плавания милая «Царевна» и встала на свое обычное место. Фредерикса³¹ я еще не видел; завтра он будет ко мне. К обеду, кроме Алих, пригласили княгиню Лобанову, Шереметева, Елену, Черевина и Озерова (дежурный)³². Вечером Алих поехала к Ежени, которая пригласила ее когда ей угодно приезжать вечером, но Алих предпочитает оставаться дома и весьма нехотя отправилась к Ежени. Вообще Алих не скучает, хотя, конечно, Павла ей страшно недостает, но она очень довольна оставаться дома одна и распоряжаться своим днем как хочется и занимается постоянно чтением и рисованием. Очень неохотно принимает приглашения к Юрию, Ежени или Елене и сердится, когда они воображают, что ей скучно и надо ее увеселять.

Сегодня узнал о смерти нашего друга каноника Жмудовского, он умер от удара. Жаль его, старика, его будет не доставать нам в Спале³³.

На фрегате «Минин» инфлюэнца уменьшается; самое большое число больных было до 108 человек, и по 15 человек заболевает в сутки. Из офицеров было больных всего 6 человек.

Сегодня получил я от харьковского фотографа две фотографии на стекле вашего приезда в Борки, и одна очень удачна, а на другой глупая фигура Ширинкина³⁴ на первом плане испортила все.

Сирень и ландыши до сих пор окончательно не распустились — это курьезно. Вообще же зелень и трава в нынешнем году гораздо лучше прошлого года.

Ворон окончательно рамоли; влюбился в собачку Алих Бут и целый день бегает, суетится и плачет!

Я полагаю послать еще одного фельдъегеря в пятницу или субботу и надеюсь, что он будет последний. Становится очень грустно без тебя, моя милая душка Минни, и пора вам вернуться домой. Так хочется скорей увидеть и обнять наконец дорогого Жоржи, которого вместе с Ксенией крепко целую. Тоже Ольгу, Минерле³⁵ и дядю Мишу.

Обнимаю тебя, моя собственная милая душка Минни, от всего сердца. До свидания.

Христос с вами, мои дорогие!

Навсегда твой верный друг

Саша.

№ 3

Гатчина. 23 февраля 1892 г. Четверг.

Моя милая душка Минни!

Наконец получил твое письмо из Абас-Тумана³⁶. Я ждал его с большим нетерпением и страшно благодарю за него; такое длинное и интересное и оно доставило мне огромное удовольствие. Я вижу, что путешествие было довольно утомительно в колясках и сидеть так

долго очень скучно, а в особенности еще в скверную погоду и холод, но теперь зато ты наслаждаешься с милым Жоржи хорошей погодой, а в особенности спокойной жизнью и чудесным горным воздухом. Мы не можем жаловаться на погоду; вообще было тепло, ясно и тихо; были и дожди, но теплые и очень полезные для зелени, которая начинает показываться: трава зеленеет и появились разные цветы.

В твоих комнатах все устроено как будто ты здесь; масса цветов и чудесных роз. На грядках перед нашими окнами все покрыто крокусами, что очень мило, но утки решили, что это совершенно излишнее украшение, вырывают из земли и съедают, несмотря на энергичное сопротивление городского, который их отгоняет. Миша в восторге от своей новой собаки, назвал ее Шуйка, так как ее старое имя Окшей ему не нравится; она гуляет всегда с нами, послушна, спокойна и так привыкла к Мише, что от него не отходит; спит всегда с ним в спальне под столом на матрасе из ковра.

Был три раза ночью на озере, но рыбы еще мало, ночи холодноватые, и я возвращался домой уже в 1¼ и занимался. Сегодня приехали ко мне обедать Владимир и Михень³⁷, я пригласил еще Кутузова, Озерова и Бенкендорфа (дежурного)³⁸. Черевин, как и Ники³⁹, пропадает в Петербурге и здесь бывает редко. Жена и дети Кутузова приехали вчера из Берлина.

25 апреля. Суббота.

Вчера не успел писать, так как были на охоте с Ники с ½4 вечера до 5 часов утра. Охота неудачная, каналы-глухари не хотели петь, я ранил одного, он упал, но отыскать не могли; то же самое и Ники, но он стрелял по двум и, как всегда, ничего не убил; ему не везет на глухарей, до сих пор ни одного глухаря еще ни разу не убивал. Погода тоже была неприятная, серая, и моросил дождь почти все время.

Ники явился вчера утром, пропадав в Петербурге 4 дня, и был тоже в Царском Селе у гусар на карусели. Вечером был дежурным Георгий Михайлович⁴⁰, но я его видел только за завтраком и так как не обедали и уехали на охоту, то отпустил его в Петербург. Сегодня дежурным Митя⁴¹, завтракал, пил чай и обедал у нас, а вечером был у Ники. Читал письмо Ксении к Ники, видно, как она довольна, счастлива и в восхищении от дороги, Кавказа и всего виденного. Завтра рождение нашего милого Жоржи, как грустно проводить этот день без него уже второй год, а теперь еще и без тебя, милая душка Минни, тоже и 29 апреля, после этого страшного кошмара в прошлом году⁴². Так грустно, что мы не вместе проводили эту годовщину и не вместе можем горячо благодарить Господа за все Его милости к нам и за спасение нашего дорогого Ники.

Я постараюсь написать еще одно письмо или в Харьков или в Москву. С нетерпением ожидаю вашего возвращения; слишком грустно

и пусто в доме и не люблю я расставаться с тобою, душка Минни, хотя и на короткое время!

Обнимаю тебя от всей души и крепко целую вместе с Ксенией. Всем спутникам мой поклон. Счастливой дороги и до скорого свидания.

Христос с вами, мои дорогие.

Твой верный друг

Саша.

№ 4

Зимний дворец. С.-Петербург. 11 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Как скверно было вчера, простившись с тобой, вернуться в твои комнаты в Гатчине, как пусто и разом все изменилось. Мы еще пошли с детьми гулять и работали на террасе, а Ники катался по озеру на байдарке к великому отчаянию Ворона, который не знал, что делать и куда бежать. Пили чай в 5½ с Ники вдвоем у меня в кабинете. Обедали Черевин и Котя Оболенский⁴³. Вечер я провел у себя, занимаясь.

10 апреля поехали с Ники поздравить Владимира и был семейный завтрак. Прием и большой завтрак были отказаны по случаю кончины бабушки Михень; она была очень опечалена этой смертью и со слезами на глазах говорила о ней.

В ½2 был смотр новобранцам в манеже, потому что неособенно тепло: всего 6 градусов и сырой туман. В ¾4 я вернулся домой, т. е. в Зимний дворец и занимался, а Ники отправился похлыщить в коляске. В 5 часов пили чай с Ники и Сергеем Михайловичем (дежурный)⁴⁴, а потом приехал еще Сандро⁴⁵, и они втроем отправились осматривать военную картинную галерею Зимнего дворца. В 8 часов мы обедали с Ники у Шереметевых с Николаем Михайловичем⁴⁶ и Куропаткиным⁴⁷, было очень хорошо. В 10 часов я вернулся домой заниматься, а Ники отправился с Сандро в оперу «Фауст» с Фигнер⁴⁸, но, видно, еще куда-нибудь поехали, так как теперь ½ 2 и его еще дома нет!

Получил телеграмму от Сергея⁴⁹ из Москвы о твоем проезде и от Фридриха⁵⁰ из Канн о кончине его бабушки. Сегодня же получили известие о внезапной кончине бедного Фредерикса⁵¹ в Штутгарте от разрыва сердца, бедная жена и дети!

Нева начинает вскрываться, и местами совершенно чисто; Троицкий мост уже разведен, а между Дворцовым и Николаевским мостами лед почти весь прошел, а впереди Зимнего дворца все еще стоит.

Сегодня 11 числа утром были доклады и приехал Бунге, замечательно поправился и не слаб. Завтракал с графом Шереметевым и Кутузовым⁵² втроем, Ники поехал раньше в Аничков в свой комитет⁵³. В 2 часа

я пошел в залы на смотр карт Военного и Морского министерства; это продолжалось более 2 часов. Потом осматривал коллекцию Ники, привезенную из путешествия, 8 комнат набиты вентами, и есть весьма хорошие и интересные. Оттуда отправился с Кутузовым, Сперанским⁵⁴ и Аничковым⁵⁵ по сервизным кладовым; серебро, фарфор, бронза и пр., были тоже на большой кухне, в пекарне, в кондитерской и пр. Вернулся домой только в $\frac{3}{4}$ 6 ипил чай с Ники. Погода отвратительная, утром только 2 градуса, туман и мокрый снег, а потом весь день дождь и темнота, просто уныние наводит, чистый сплин!

Закуска в 8 часов вдвоем с Ники. В 9 часов он уехал с Михайловичами в цирк, а оттуда к Воронцовым⁵⁶. Я занимался, а теперь $\frac{1}{4}$ 2 — пишу тебе, моя душка Минни, и вспоминаю именно эти ужасные и печальные часы 27 лет тому назад в Ницце!⁵⁷ Боже, сколько времени прошло, а воспоминания столь же свежи и грусть все та же. Что за перемена произошла во всей моей жизни в эти часы, и какая страшная ответственность разом свалилась на мои плечи, и вместе с тем решалась дальнейшая моя судьба и счастье всей моей семейной жизни.

Как мне странно жить теперь снова в Зимнем дворце, из которого я выехал 25 лет тому назад, проживши в нем со дня моего рождения 21 год до самой нашей свадьбы! Спальню я себе устроил в маленькой угловой комнате, там уютно и хорошо. Ники живет в твоих комнатах и спит в твоей уборной; Ворон тоже здесь и страшно не в духе.

Вот пока и все, завтра снова буду писать. Крепко от всей души обнимаю тебя, моя милая душка Минни, и целую Жоржи и Ксению.

Христос с вами, мои душки!

Твой верный друг

Саша.

№ 5

Зимний дворец. С.-Петербург. 12 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Благодарю от всего сердца за твое милейшее письмо, которое я получил сегодня; оно мне доставило огромное удовольствие и было чудным сюрпризом, а в особенности, что ты подумала сделать мне это удовольствие.

Сегодня утром в 11 часов была заупокойная обедня в крепости и я горячо молился вместе с тобой у дорогих могил. Чудная была служба, я так люблю пасхальную службу и «Христос Воскресе» и прочее пасхальное пение. Погода тоже сегодня отличная, ясная и теплая. Пришлось ехать кругом, так как Троицкий мост разведен, а потом развели и Дворцовый. Нева левым берегом почти вся прошла, но против Зимнего дворца лед стоит. Завтракали с Алексеем и Ники.

В 3 часа поехали с Ники в Аничков смотреть всю сибирскую коллекцию вещей, привезенную из его путешествия; она разложена в комнатах бедного В. В. Зиновьева⁵⁸. Оттуда Ники отправился хлыщить, а я заехал к тете Сани⁵⁹, которую застал лежащей в розовой комнате в полутьме на диване, весьма неудобном, с каким-то белым чепчиком на голове. Несмотря на все это, она была очень в духе, много говорила, хотя и жаловалась на здоровье. Потом я поехал домой, и на набережной была такая масса народу и экипажей, как положительно я в Петербурге ничего подобного не видел. Экипажи ехали в два ряда и все время шагом; к счастью, я мог проехать рысью посередине. Пешеходов такое множество, что ни одного пустого места не было, а просто сплошная стена. Я подумал о Ксении, как бы она наслаждалась прохлыщить по набережной в такой день!

В ½5 я пригласил Елену с мужем пить чай, она никогда не видала наших комнат и очень просила показать ей и пришла в такой телячий восторг и от комнат, и от картин, и от идеального вида. Действительно, освещение вечернего солнца и вид Невы были восхитительны. В ½6 уехали, а я поспал. В 7 часов обедали с Ники, Сандро и Сергеем, а в 8¼ они поехали в балет, а я принялся за свои бумаги и 1 часу ночи кончил все и сел писать тебе это письмо, но мало интересного о чем писать. От Владимира получил телеграмму из Шверина, там тоже не тепло: он пишет, что Фридрих и Анастасия⁶⁰ не будут к похоронам⁶¹. Что Фридрих не приезжает — это не удивительно с его здоровьем, но что Анастасия не может потрудиться приехать, это более чем странно.

Миша и Ольга просили пригласить гостей в Гатчину на воскресенье. Владимировичи ночевали там, и Елена Владимировна и Соня Шереметева тоже.

Скучно здесь, в Петербурге, так и тянет обратно в милую Гатчину, так странно мне жить в Зимнем дворце; все кажется, что это в путешествии, и совсем нет чувства, что дома, хотя я очень люблю эти комнаты и они действительно чудные, а все-таки моя маленькая комнатка в Аничкове куда как лучше для меня. Надеюсь, что погода на Военно-Грузинской дороге была хороша и что вы могли любоваться видами гор и в особенности Казбеком. Интересно знать, какое впечатление сделал Кавказ на Ксению и мадемуазель Escail⁶².

Теперь пора кончить, уже прошло 2 часа и пора есть простоквашу и ложиться спать. Еще раз благодарю от всего сердца за милейшее письмо. Целую Ксению и Жоржи и поклон дяде Мише. От всей души обнимаю тебя, моя милая душка Минни! Христос с вами, мои душки!

Твой верный друг Саша.

№ 6

Гатчина. 14 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Вот опять я в нашей милой Гатчине, и ты не можешь себе представить, до чего я рад и как наслаждаюсь вырваться из этого кошмарного Петербурга. Я приехал вчера сюда в 3½ часа; Миша и беби встретили меня на лестнице, и мы сейчас же отправились гулять втроем; я наслаждался, погода отличная, теплая, воздух чистый, и главное — тишина и нет этой несносной городской суеты!

Я пил чай один, а обедал с Черевиным, Кутузовым, Белосельским⁶³ и Озеровым. Ники остался в Петербурге на 3 дня еще и приглашен вчера в Царское Село к гусарам на карусель, а завтра тоже в Царское Село на спектакль любителей в Стрелковом батальоне Императорской Фамилии.

Бедного Гирса⁶⁴ я не мог видеть, он слишком еще слаб, чтобы принимать, но, слава Богу, поправляется, хотя и медленно. Вчера в Петербурге принимали депутацию от французского общества «Друзей России», которые поднесли доску с гербами всей нашей фамилии, отличная работа: серебро с эмалью. Я их пригласил посмотреть парад и потом на большой завтрак, и они были в восторге от всего.

Парад лейб-гренадер перед Зимним дворцом был отличный, были тоже уральские казаки, и Ники был в их форме, малиновом мундире. Большой завтрак был в концертном зале; князь Трубецкой⁶⁵ сидел против меня как обер-гофмаршал, и я ему передал новости о твоём путешествии. Стюрлер⁶⁶, как нарочно, сидел рядом с Глинкой⁶⁷, но был приличен. Из семейства были только Алексей, Николаша⁶⁸, Георгий, Сандро и Ежен⁶⁹. Старички после завтрака обступили меня, чтобы передать их сожаление о твоём отсутствии и что без дам праздник плохой!

Ники обедает сегодня у Черевина, который, кстати, вчера был не в духе и прескучный за обедом, да и все общество небольшое, но прескучное, так что сегодня я воздержался кого-либо приглашать, а была закуска у меня в кабинете, и я ел один. В подобных случаях страшно недостает хотя собаки; все же не так одиноко себя чувствуешь, и я с таким отчаянием вспоминаю моего верного, милого Камчатку, который никогда меня не оставлял и всюду был со мной; никогда не забуду эту чудную и единственную собаку! У меня опять слезы на глазах, вспоминаю про Камчатку, ведь это глупо, малодушие, а что же делать — оно все-таки так! Разве из людей у меня есть хоть один бескорыстный друг; нет и быть не может, а пес может быть, и Камчатка был такой.

Сегодня завтракал с Мишей и беби втроем, а потом они были у меня в кабинете и смотрели картинки. Это такая радость и утешение иметь их при себе, и они так милы со мной и вовсе мне не мешают, в 3 часа мы

поехали с Мишей верхом, воспользовавшись отличной погодой, и сделали прогулку в 1½ часа, а потом еще гуляли пешком. Беби принесла мне утром фиалки, они чудно пахнут; как жаль, что ты не можешь ими наслаждаться, да и вообще, что уехала как раз в лучшее время года для Гатчины; и так пусто и грустно без тебя, моя милая душка Минни; я был в твоих комнатах, был в спальне, так все тихо, пусто, помолился перед нашими образами у постели и грустный вернулся к себе!

А у вас теперь радость свидания с милым Жоржи, и воображаю, как вы наслаждаетесь вместе. От всего сердца обнимаю тебя, моя милая душка Минни, и радуюсь искренне за тебя. Христос с вами, мои дорогие.

Твой верный друг Саша.

№ 7

Гатчина. 16 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Как скучно и грустно оставаться так долго без писем от тебя; я до сих пор не получил твоего письма, которое ты послала из Владикавказ. Из телеграмм твоих я вижу, что ты очень довольна Абас-Туманом и что вы весело и приятно проводите время; радуюсь за вас, но грустно не быть вместе там!

Здесь мы живем тихо, скромно, но невесело. Два раза я приглашал к обеду Черевина, Кутузова и Озерова, а раз Белосельского, но обеды эти хуже горькой редьки, и в особенности Черевин невыносимо скучен; я не знаю, что с ним, болеет ли он, или какие неприятности у него, но он ничего не говорит, скучен, руки трясутся так, что насилу может положить из блюда к себе на тарелку, а по временам чистейший рамолик! Я предпочитаю есть у себя в кабинете один и ограничиваюсь холодным блюдом, холодными пирожками и кофе. Шереметев⁷⁰ ни разу не удостоил меня своим присутствием и в Гатчине не показывается. Хорош командир моего конвоя!

Ники все еще в Петербурге, что он делает, не знаю, он ничего не телеграфирует, не пишет и не спрашивал у меня какие-либо известия от тебя. Я должен сознаться, что для меня лично это приятно, так как здесь он скучает, не знает, что делать, а знать, что он останется здесь только по обязанности, и видеть скучающую фигуру для меня не весело, и с маленькими детьми гораздо лучше, и они и я довольны и нам отлично вместе.

Вообще, когда дети подрастают и начинают скучать, дома невесело родителям, да что делать? Так оно в натуре человеческой. Да и Ксения теперь меня вполне игнорирует, я для нее совершенно лишний; разговоров никаких, никогда ничего не спрашивает, ничего не попросит, а я рад был бы так сделать ей удовольствие хоть в чем-нибудь. Напри-

мер, в прошлом году зимою, когда Ники не было, я ездил с нею раза два-три кататься в санях и сказал ей, что если и когда она захочет, чтобы сказала мне и я с удовольствием возьму ее с собой; она ни разу не попросила меня. В эту зиму я надеялся, что она хоть раз сделает мне удовольствие и попросит покататься с ней; нет, я так и не дождался. Наконец, я сам ей предложил раз поехать со мной, но неудачно, так как она должна была поехать с тобой в этот день. Я надеялся, что она мне скажет хоть что-нибудь потом, что ей жаль, что не удалось, и что она попросит меня поехать с ней в другой раз, но не слыхал от нее ни одного слова, как будто я ей ничего не предлагал и ничего не говорил. Меня это очень, очень огорчило, но я не хотел об этом говорить, потому что мне было слишком тяжело, а главное — к чему? Если этого чувства ко мне у нее нет, это, значит, я виноват: не сумел внушить ей доверия и любви ко мне. Если бы я ей сказал об этом, она, может быть, и попросила меня в другой раз поехать с ней, но это шло не от нее самой, и мне было бы еще тяжелее. Кроме того, ты ей позволила ездить, когда она захочет, с Ники, чем она и пользовалась почти каждый день и веселилась очень, так что ездить со мной было невесело и не нужно. Я должен сказать, что постоянно радовался и ждал того времени, когда она подрастет, чтобы с ней кататься, ездить в театр, увеселять ее, но ничего этого нет; я ей не нужен, со мной ей скучно и ничего общего между нами нет, только утром поздравуемся, а вечером — спокойной ночи и все! Умоляю тебя ей ничего об этом не говорить, будет еще хуже, так как будет ненатурально, а для меня еще тяжелее, и окончательно это ее оттолкнет от меня. Я бы ни за что не сказал тебе об этом, да так уж с сердца сорвалось, слишком долго держал в себе, и теперь, так как я один и далеко, невесело мне, все это и вырвалось из груди!

Тоже и Жоржи меня ужасно огорчил за эту зиму, написал только одно письмо, и это еще в ноябре, после Крыма. К моему рождению я не получил ни одной строчки от него, мало того, он пишет тебе одно письмо из Абас-Тумана в самый день 26 февраля⁷¹, говорит, что едет в церковь, и ни одного слова поздравления или пожелания тебе и мне. Все это меня мучило за эту зиму, которая и без того была невеселая, но я не хотел об этом говорить, слишком тяжело было, ну а теперь все равно сорвалось, так уж нечего делать!

Вот из всего этого и выходит, что для меня только утешение и радости от Миши и беби, и дай Бог, чтобы это было всегда и на будущее время, хоть дети мои будут любить своего Папа и будут его утешением и радостью. Но довольно об этих грустных впечатлениях, что раз пропало, того не вернешь!

Получил сегодня твою телеграмму с разными поручениями, постараюсь исполнить, хоть времени немного и прислать все с фельдъегерем в Абас-Туман к именинам Жоржи.

Был я два раза на озере, ловил рыбу, но все еще холодно по ночам и рыбы мало. Завтра собираюсь в первый раз на охоту, до сих пор нельзя было из-за снега и воды.

Теперь пора кончить, прости за это скучное и невеселое письмо. Обнимаю тебя, моя милая душка Минни, от всего сердца.

Поцелуй от меня Жоржи и Ксению, если они меня еще помнят и любят! Христос с вами, мои дорогие.

Твой верный друг *Саша*.

№ 8

Гатчина. 18 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Вчера я получил твоё милейшее письмо из Владикавказа, за которое от всей души благодарю, так рад был, наконец, получить его, но шло оно 5 дней, слишком долго.

Вчера, 17 апреля, мы были с Ники в Царском Селе на параде стрелковых батальонов и двух конных батарей. Погода, к счастью, была отличная, и за молебном солнце порядком пекло. После парада смотрел всех новобранцев частей Царскосельского гарнизона, около 1000 человек, и твоих кирасир, отличный народ. Завтрак был, как всегда, в средней зале, и столы были покрыты чудными розами и везде в комнатах тоже, пахло отлично. После завтрака оставались все время на балконе, где курили и разговаривали, и было так тепло, как в комнате, и даже старички нашли, что хорошо.

Из семейства были, кроме Ники, только Алексей, Николаша и Сергей Михайлович во фронте с батареею. Наш милый Александровский дворец был так весел и светел, прелесть, и так опять напомнило мне то счастливое, хорошее, чудное время, когда мы жили в нем тихо, спокойно, не имея еще больших забот и обязанностей. Мне всякий раз делается так невыразимо грустно, и так переносишься в то давно и безвозвратно прошедшее время, но вместе с тем какое-то особенное чувство испытываешь, приятное и успокоительное.

В 3 часа я отправился обратно в Гатчину, а Ники в Петербург на свадьбу гусарского офицера Кириякова. Я гулял с Мишей и беби, катались на новой финляндской лодке, которую я купил на выставке в Вильманстранде, она идет замечательно скоро и легко.

Снег уже сошел совсем, и все озеро чисто, а сегодня уже видна в некоторых местах свежая трава; фиалки цветут отлично и много лиловых цветов. Сегодня день серый, но просто тепло, 15 градусов в тени, и ходить было даже жарко. Ники поехал с утра в Петербург на артиллерийское учение. Завтракали мы с детьми и Николаем Михайловичем (дежурный). Вчера собирались мы с Ники на охоту

на тетеревов, но пошел проливной дождь и шел всю ночь, так что отказались. Сегодня опять хотели ехать, но с 9 часов вечера и до половины первого была сильнейшая гроза с проливным дождем и с ударами грома один за другим без перерыва; я давно не припомню такой сильной грозы, а в особенности так рано, 18 апреля.

Теперь наступила эпоха свадеб: Волкова и Свечиной была на днях; вчера Кириякова и Вельяминовой. На будущей неделе — Кочубея и Белосельской; Карагеоргиевича и Демидовой и кавалергарда Манергейма с Араповой.

У детей Владимира, кажется, начинается краснуха; Андрей⁷² уже в постели, а Елена⁷³ тоже больна; впрочем, это можно было ожидать после болезни их матери. Надеюсь только, что они не завезли краснуху в Гатчину, так как все четверо были здесь в прошлое воскресенье. Владимир и Михень возвращаются из Шверина завтра.

19 апреля. Воскресенье.

Продолжаю письмо сегодня. Были с детьми у обедни, молился за вас троих отсутствующих от всего сердца. Дай Бог, опять нам быть всем вместе и видеть дорогого Жоржи совершенно здоровым между нами, как бывало прежде, о какое было бы это счастье! Поздравляю от души с его рождением и радуюсь за него и за тебя, что проводите этот день вместе; грустно очень не быть с вами в этот день, но уезжать отсюда было мне невозможно, без Гирса и Вышнеградского⁷⁴ дела вести трудно, а тут как раз весьма важные дела набрались, и не знаешь, как быть и что делать. Теперь кончаю, постараюсь писать еще по почте.

Крепко обнимаю тебя, целую тебя, моя милая душка Минни, и детей тоже. Христос с вами, мои дорогие!

Твой верный друг *Саша*.

№ 9

Гатчина. 30 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Еще одно маленькое письмо до твоего возвращения. Сегодня к чаю получил твое милейшее письмо, за которое благодарю от всего сердца, так как рад был читать его и знать, что вы делали за эти дни в Абас-Тумане; это большое утешение получать письма, когда в разлуке!

Что за горе смерть бедного Грессера⁷⁵, не могу свыкнуться с мыслью, что его больше нет, не могу себе представить Петербурга без Грессера. Это огромное несчастье — потерять подобную личность; умный, скромный, распорядительный, честный и спокойный, — где отыскать хоть что-либо ему подобное, и именно подобные люди умирают, а другие остаются!

Вот уже вторая тяжелая, грустная весна. В прошлом году: тетя Ольга⁷⁶, дядя Низи⁷⁷. Теперь Гирс чуть не умер, Вышнеградский почти что инвалид, болезнь Бунте⁷⁸ и, наконец, смерть бедного Грессера, а кроме того, масса дел и забот. Нет спокойствия ни физического, ни морального, нет больше и ничем насладиться спокойно нельзя, даже природой, да и она у нас на севере подгуляла, собственно говоря, ни одного настоящего теплого дня не было, на солнце хорошо, а в тени все еще холодно. Все скучно и грустно, да, кажется, никогда и не будет иначе; забот с каждым годом будет все больше и больше, а радостей, утешительного все меньше!

Вчера вечером Ники отправился в Петербург ночевать, а сегодня утром выступил с батареей в Красное Село; там завтракал в офицерской артели и к 6 часам вечера приехал в Гатчину очень довольный и походом, и своим новым домом в деревне Михайловке.

Получил ваши телеграммы из Боржома, твою и Жоржи, слава Богу, благополучно проехали. Бедный Жоржи, много думал о нем сегодня, какой грустный для него день разлуки с тобою и Ксенией, а завтра возвращение в пустой Абас-Туман после столь весело и счастливо проведенных дней с вами! Что за горе и испытание послал нам Господь, быть столько времени в разлуке с дорогим сыном, и именно теперь, в его лучшие годы жизни, молодости, веселости, свободы! Как мне его недостает, выразить не могу, да и говорить об этом слишком тяжело, поэтому я и молчу, а в душе ноет постоянно, неутешно! Тяжело, слишком тяжело!

Вижу, что пригрустное письмо вышло, как раз к твоему возвращению, да что же делать. Теперь я много бываю один, поневоле много думаешь, а кругом тебя все невеселые вещи, радости почти никакой! Конечно, огромное утешение дети, только с ними и отдыхаешь морально, наслаждаешься ими и радуешься, глядя на них. Бедный Сергей и Элла⁷⁹, часто о них думаю; на всю жизнь лишены они этого великого утешения в жизни и великого благословения Господня.

Теперь кончаю. Какая радость твое возвращение и с каким нетерпением жду я свидания с вами! Благодарю еще раз от всей души за милейшее письмо и от всего сердца обнимаю тебя, моя милая душка Минни. Крепко целую Ксению. Поклонись всем.

До свидания, моя дорогая! Христос с вами!

Твой верный друг *Саша*.

<...>

VIII
БОЛЕЗНЬ И КОНЧИНА

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ

Мемуары

<Фрагменты>

<...>

Был важный момент в жизни Государя, о котором довелось только слышать, но свидетелем которому я не был. Это было в тот мрачный год, когда повсеместный недород давал уже себя чувствовать тревожными признаками¹. Это был и год смерти великой княгини Александры Георгиевны, сильно огорчившей государя. Императрица с возрастающею настойчивостью стремилась в Данию. Государь сознавал несвоевременность отъезда и решил остаться в России. Императрица настойчиво стояла за его отъезд и объявила, что в таком случае и она останется. Зная, насколько ей это тяжело, он колебался, но внутренняя борьба отразилась на нем первыми зловещими признаками. В Петропавловской крепости во время панихиды с ним сделался обморок. Его скрыли, и он поехал в Данию. Отъезд Государя распустил руки беспечному Дурново. Голод подкрался и застал всех врасплох. Возвращение из Дании соединялось с празднованием в Ливадии 25-летия свадьбы². Мы все туда направились и поднесли складень³. Время это — одно из самых тяжких для меня воспоминаний. Присутствие датской королевской четы и семьи Валлийских⁴ придавало всему празднованию односторонний семейный характер. Все мы вернулись из Крыма под тяжким и безотрадным впечатлением чего-то неладного. Лично я бежал оттуда, несмотря на припадок инфлюэнцы⁵, но оставаться там было невыносимо. Тяжко отразился этот год на государе... Прошло еще некоторое время, и новое событие — катастрофа с «Русалкой»⁶ выяснила несостоятельность и недобросовестность там, где всего менее имел Государь право ее ожидать. Беспечность и легкомыслие генерал-адмирала⁷, недобросовестность министерства заслужили общее порицание (увы, будущее показало в яве). Говорят (это мне передавали, но за точность не ручаюсь), будто

Алексей Александрович был призван и между братьями произошла бурная сцена, слышали возгласы Государя сквозь закрытые двери. Ничего подобного не могли запомнить. Но если это так было, что весьма правдоподобно, то как же подействовала эта сцена на потрясенный уже организм? Государь уязвлен был в самое больное место. Кто знал его добросовестность, тот должен был понять его страдание.

<...>

В течение последней зимы 1893–1894 годы здоровье Государя, несомненно, пошатнулось. Он показывался на приемах и на балах и все замечали необыкновенный, странный, восковой цвет его лица. Страдая бессонницами во время припадка инфлюэнцы, он всех напугал. То вскакивал он на кровати, задыхаясь, и страшно было на него смотреть. Приезд Захарьина временно успокоил. Он явился со своими причудами и продолжал блажить. Но с Государем эта блажь не удавалась. На Государя находила сонливость, какое-то постоянное утомление. Последняя поездка в шхеры⁸ была безотраднa. Временами на него находила какая-то небывалая забывчивость, временами апатия. Во всяком случае, тревожных признаков было довольно, чтобы обратить внимание на его состояние. Правду сказал кто-то, что Государя «прозевали». Конечно, такая болезнь не излечивается, но если бы все захвачено было раньше, быть может, и борьба была [бы] иная. Возвращаться к этому бесплодно. Сильно упрекали официальные сообщения за их неточность и противоречивость. Но упреки, которым ради этого подвергался Воронцов, были несправедливы⁹. Об этом времени в Ливадии в 1894 году передавал мне Н. Оболенский (по проз[вищу] «Котик»), впоследствии процветший. Время покажет, кто здесь главное ответственное лицо. Недомыслие, которое в течение всего царствования пробивалось и тормозило иной раз лучшие начинания, с особенной силой давало себя чувствовать в критическую, серьезную минуту и только усиливало трагизм положения. Много будет говорено и написано об этих днях. Раздадутся голоса и послышатся отзывы и обвинения. К ним придется относиться с крайнею осторожностью. Дружная семейная и придворная лига, направленная против человека, которого столько лет преследовала зависть, дала себя почувствовать самым неприглядным и презренным образом. Но нужно быть справедливым. Среди всей этой оравы, семейно-придворного ничтожества, один человек ни минуты не терял сознания великой ответственности, исполнял свой долг до конца и взял на себя чужую вину со всем благородством души возвышенной и неподкупной. И этот человек был единственным из приближенных, которого умирающий Государь призвал в роковую минуту и с которым вел последнюю, предсмертную беседу. Дружба, соединявшая

их всю жизнь, не прервалась до последнего дня. И этот человек был Воронцов! Когда будет писаться история Александра III, неизбежно придется коснуться и этого человека. Каков он был, с достоинствами и со слабостями, присущими каждому, все же он головою выше всего, что окружало Государя, и понятна та дружба, которая соединяла их в течение всей жизни.

Я был свидетелем первого выхода Государя в столовую, к завтраку, после инфлюэнцы зимой 1893–1894 годов. Тревожные признаки уже смущали тогда многих, но слова Захарьина слишком были успокоительны: «Сердце, как у молодого человека», — повторяли охотно слова Захарьина и успокаивались. Но вид Государя был не хорош. Какой-то восковой цвет лица и сон был дурен. Когда сели за стол в аничковской столовой, Императрица с удовольствием указала на радостное впечатление его присутствия среди всех. Государь был сумрачен, и эта радость императрицы его словно раздражала. Он оглянулся и сказал, не обращая ни к кому: «Опять каторжная жизнь начинается!» Голос, которым эти слова были сказаны, произвел на меня тяжкое впечатление. В нем было столько убеждения, и слова эти звучали горькой правдой. На Святой неделе, когда после завтрака все сидели в кабинете у обычного окна, он вдруг принес тарелку с пасхальными яйцами и, подавая мне, сказал, чтобы я выбрал себе яйцо. Я просил его о том же, но он настаивал на своем. Тогда я выбрал себе яйцо, но просил его все-таки, чтобы он мне его бы передал в руки. Это он исполнил особенно приветливо. Никогда он не давал мне пасхального яйца, это было в первый и в последний раз.

<...>

В день свадьбы в[еликой] к[няжны] Ксении Александровны¹⁰ я был в церкви, но Государя мне не было видно. Видел я только, как по окончании церемонии молодые подошли к родителям, как Государь поцеловал своего зятя, и мне показалось, что привет не был особенно горяч. На самом деле ему было особенно тяжело решиться на этот брак Ксении Александровны именно с в[еликим] к[нязем] Александром Михайловичем, которому не особенно сочувствовал. Но из худших зол это было лучшее, все же не отъезд за границу, все же оставалась она в России. Несчастных примеров было достаточно, чтобы отвратить его от всякого желания отдать ее за границу. Но разлука с дочерью была для него особенно тяжела уже по личному свойству характера Государя и по личным отношениям его к дочери. Он был человек крепких привязанностей и крепких привычек. В иных случаях он мог казаться иногда маньяком. Все, что нарушало известный привычный строй жизни, ему было неприятно и тяжело. В нем должна была происходить сложная борьба чувств в ожидании двух решительных

событий, двух перемен в жизни семейной: брака в[еликой] к[няжны] Ксении и предстоящего брака цесаревича¹¹. К страданиям физическим присоединились и нравственные. Он боролся с собою, хотел победить себя, как побеждал он себя всю жизнь, но тихий, плавный строй его внутренней домашней жизни был нарушен, а силы были надломлены. И все же показывал он себя улыбающимся, словно довольным ожидаемой свадьбой дочери. Кто знает, не промелькнуло ли у него и тут сравнение с положением частного лица, у которого и в данном случае больше простора.

<...>

В. Н. ЛАМЗДОРФ

Дневник. 1894–1896 годы

<Фрагменты>

1894 год

<...>

Суббота, 15 января.

Шишкин, с которым я вижуь около половины одиннадцатого, сообщает мне, что государь болен; уже вчера он не смог принять министров финансов и государственных имуществ. <...> Утром спускаюсь в канцелярию рано; туда пришло телефонное распоряжение подготовить копию телеграммы, которая должна быть послана сегодня кайзеру Вильгельму нашим монархом; вскоре является // скороход//¹ с карандашной запиской, написанной рукой наследника, с требованием прислать //немедленно государыне императрице копию с проекта телеграммы государя императора императору Вильгельму на сегодняшний день//. Это кажется странным, что же творится в Аничковом дворце? Оболенский через свою невестку знает, что вчера вечером государь вынужден был слечь в постель; неужели он настолько болен, что его не хотят беспокоить по поводу телеграммы кайзеру Вильгельму, которая в полностью готовом виде находится у государя двое суток?

<...>

Воскресенье, 16 января.

Вот уже три дня, как государь не возвращает ни одного пакета с бумагами! <...> В городе еще ничего не знают о серьезном заболевании государя <...>

Понедельник, 17 января.

Газеты поместили на видных местах бюллетени о здоровье государя, которое внушает опасения. Как сообщают, ввиду появления

некоторых тревожных симптомов граф Воронцов-Дашков с согласия государыни телеграфно вызвал из Москвы профессора Захарьина. Состояние государя оказалось весьма серьезным, и вчера вечером профессор составил бюллетень, опубликованный сегодня в печати. Вчера около часа дня великий князь Владимир, выйдя из комнаты государя, расплакался и ужасно напугал детей его величества, сказав, что все кончено и остается только молиться о чуде; потом он пошел и отменил свой танцевальный праздник в тот момент, когда приглашенные уже начали съезжаться. Между тем в субботу вечером люди видели наследника-цесаревича в Михайловском театре! Все эти подробности, абсолютно достоверные, поскольку большая часть из них дошла ко мне от Оболенского, осведомленного из самых лучших источников, еще раз показывают, какое легкомыслие и разброд царят в нашем августейшем доме. В 11 часов меня вызывает министр. Он также взволнован неожиданным и тревожным бюллетенем о здоровье государя, который только что опубликован. Иду помолиться в Казанский собор и дохожу до самого Аничкова дворца. Снаружи ничего примечательного нет. Экипажи катятся перед дворцом как обычно, будто ничего не случилось. Нет ни подстилок из соломы для уменьшения шума, ни каких-либо заграждений. Нет и скоплений народа, одним словом, нет ничего, что свидетельствовало бы о таком весьма существенном событии, как заболевание самодержца России, опасное для его жизни! Испытываю большое беспокойство и озабоченность за государя, при мысли потерять его понимаю, насколько я к нему привязан, хотя и не всегда находил возможным быть сторонником некоторых его действий. При сложившейся обстановке кончина государя может привести к непредсказуемым последствиям! <...>

Вторник, 18 января.

<...>

Короткое чаепитие. Присутствуют Оболенский, Капнист, Шишкин. Последний был на Комитете министров, куда пришел наследник трона, улыбающийся и спокойный. За последние 5 дней мы не получили из Аничкова дворца ни одного обратного пакета. Министр внутренних дел рассказал Шишкину, что некоторые из направленных им самим государю срочных пакетов вернулись к нему с пометами наследника-цесаревича: // «По высочайшему повелению утверждается» // или же // «Велено отложить до выздоровления государя императора» // и т. п. Братья государя, а также великий князь Михаил на сегодняшнем Комитете министров не появлялись.

Четверг, 20 января.

Вести о здоровье государя становятся все более успокоительными. Министр также чувствует себя довольно хорошо, но его беспокоит разрыв всякой связи с Аничковым дворцом. <...> В 6 часов меня вызывают к министру. Он очень смущен: получил в пакете // от ее величества // телеграмму шаха с поздравлениями государю по случаю обручения великой княжны Ксении. Государыня сделала внизу карандашную помету: «Государь Вас просит подготовить ответную телеграмму. М.». Я высказываю министру свое мнение, что подобная приписка не очень-то уместна для возобновления обычной работы после имевшего место перерыва. Советую тотчас же послать государыне требуемый проект телеграммы. Вскоре доставляют еще один пакет, на котором детским почерком надписан адрес: // «Министру иностранных дел» // . В пакете вторая телеграмма персидского шаха, запрашивающая о состоянии здоровья государя. Я предлагаю министру не спешить с посылкой проекта ответа на вторую телеграмму. Нужно проявить выдержку: не мешало бы одернуть нескромного шаха, но нет смысла беспокоить больного государя. <...>

Пятница, 21 января.

В 11 часов меня вызывают к министру; он по-прежнему в большом недоумении, что ему делать со второй телеграммой шаха и вообще со всеми бумагами, поступившими за последнюю неделю. Я не без некоторого труда уговариваю его занять выжидательную позицию. Не успеваю вернуться домой, как министр вновь просит меня зайти ненадолго к нему и показывает письмо от государыни, которое только что принесли. Я говорю ему, что в письме государыня явно предлагает ему заботиться о своем собственном здоровье и беречь здоровье ее августейшего супруга; поэтому впредь до новых распоряжений нужно вести себя спокойно, ничего не предпринимать. Выходя от господина Гирса, сталкиваюсь с //фельдъегерем²//, доставившим письмо; он рассказывает мне, что некоторые сановники продолжают посылать пакеты на имя государя, но тот пока ими заниматься не может, и бумаги возвращаются обратно с резолюциями наследника, который продолжает забавляться с балериной //Кшесинской//; один из молодых людей нашей канцелярии как-то на днях вечером был у этой танцовщицы, когда ей принесли записку от наследника-цесаревича; он сообщал, что сейчас задерживается у больного отца, но обязательно придет, как только представится возможность.

Суббота, 22 января.

Завтракаю вместе с Оболенским. Он рассказывает о разногласиях в придворных кругах. В то время как некоторые хватают через край, Черевин недоволен тем, что великий князь Владимир отменил свой бал в прошлое воскресенье, считая, будто подобная отмена способна вызвать чрезмерное волнение и привести к беспорядкам!³ Визит Шварца, потом Греча по поводу одной из телеграмм агентства Гавас⁴. Греч мне рассказывает, что министр внутренних дел //Иван Николаевич Дурново//, опираясь на будто бы полученный им приказ государыни, запретил всякое упоминание в печати о молебнах за выздоровление государя и в то же время стремится сообщать о молебствиях, совершаемых в подчиненной ему администрации. Поистине государственный деятель на уровне требований сегодняшнего дня.

Воскресенье, 23 января.

Министр вызывает меня к себе только в половине двенадцатого. Он нервничает и страдает от удушья; его беспокоит отсутствие связи с государем; наследник-цесаревич ничего не ответил на нашу вчерашнюю почту. Господин Гирс никак не может привыкнуть к мысли о застое в делах. Завтракаю с Оболенским. Потом отправляюсь к Марии; моя славная сестра, очень общительная и встречающаяся с большим количеством людей, говорит, что общая печаль по случаю болезни государя свидетельствует о малой популярности наследника; даже те, у кого настоящее не вызывает восторга, опасаются будущего! Вернулся домой около половины четвертого. Оболенский пьет у меня чай, в этот момент его вызывает министр. У Оболенского тоже сложилось впечатление, будто министр очень беспокоится и не знает, что делать; одна дама, которую он считает хорошо осведомленной, рассказала ему, будто у государя случился удар и он сейчас находится в состоянии полной расслабленности, будучи неспособным на какое-либо проявление воли. Оболенский постарался успокоить министра, доказывая, что подобные известия не более чем новая выдумка в добавление ко всем тем, которыми занимается наша несчастная столица за неимением более достойного времяпрепровождения. Вскоре к министру вызывают меня. Министр только что получил пакет от графа Воронцова; в нем содержится телеграмма от господина Карно, которую граф Монтебелло просил Воронцова доложить его величеству; государь поручил министру подготовить ответ. Это переходит все границы, дальше идти некуда; министр взбешен и говорит мне: «Остается лишь закрыть нашу лавочку». Мы воздерживались от представления больному государю вы-

ражений симпатии, поступивших от большей части монархов. В частности, кайзер Вильгельм лично посетил графа Шувалова и выразил ему, как сообщил наш посол, самые трогательные чувства. А теперь оказывается, что этот интриган Монтебелло, которого наш министр просил немножко подождать и потерпеть, обращается к графу Воронцову, а тот, чтобы придать себе больше важности, дает ход некорректному демаршу. При этом любопытно отметить тон полученного республиканского послания, которое я переписываю себе полностью:

«Президент Французской Республики Его величеству императору Александру, государю всея Руси.

Париж, 1 февраля 1894 г.

Считаю долгом принести Вашему величеству живейшие поздравления по случаю обручения дочери великой княжны Ксении с его высочеством великим князем Александром Михайловичем. Присоединяю к этому выражение своих чувств искренней и постоянной дружбы. Карно».

Кому же следует, в конце концов, направить требуемый проект ответа? Я советую министру первым делом отослать обратно почту, полученную от Воронцова, с пометой //«Ответ пришлют»//, а затем без особой спешки написать Воронцову несколько строк, в которых поручить ему доложить государю затребованный проект, а также попросить его, если можно, дать разъяснения по поводу судьбы трех пакетов, посланных нами после 15 января и остающихся без ответа из Аничкова дворца. Министр садится писать. Я ненадолго спускаюсь в канцелярию и застаю там Вакселя и Оболенского. Здесь мне приходит мысль лично отнести министру свой собственный проект ответа; едва я успеваю войти к министру, как тому приносят толстый пакет с бумагами, возвращаемыми государем. //Ура!// Итак, прямые связи восстановлены, и теперь нет никакого смысла писать Воронцову. Пометы, сделанные на бумагах, рассеивают опасения министра за здоровье государя. Его величество приглашает господина Гирса явиться на //доклад// послезавтра, во вторник; на просьбах о представлении иностранных дипломатов имеется помета государя //«На балу»//. Это доказывает, что намечаются балы и что государь рассчитывает на них присутствовать. <...> Вечером приходит еще один пакет от государя; теперь все посланные ему бумаги возвращены полностью. На письме графа Шувалова от 13 (25) января, в котором посол высказывает убеждение, что Вильгельм II, идя на примирение с Бисмарком, отнюдь не намечает советоваться с ним, а продельывает все это лишь в расчете на восстановление своей собственной популярности, государь сделал помету: //«Полагаю, что догадки Шувалова довольно верны»//.

<...>

Воскресенье, 30 января.

Мы с г-ном Гирсом составляем телеграмму в адрес Персиани, поручая довести до сведения сербского правительства, что успех миссии Симича в Петербурге зависит от удаления бывшего короля Милана из Белграда. На некоторое время меня охватывает тревога, так как нигде не могу найти своего дорогого Оболенского. Однако он достаточно точно является к 12 часам 30 минутам, и мы мирно завтракаем вместе, прежде чем заняться вскрытием малоинтересной почты, прибывшей с очередным курьером. Из донесений всех наших представителей бросается в глаза одно обстоятельство — глубокое впечатление, произведенное вестью о болезни государя, а также весьма искренняя всеобщая радость в связи с его выздоровлением. После 13 лет царствования по крайней мере ясно, какой линии придерживаться, и никто больше не сомневается в намерениях государя, незыблемо мирных. Впрочем, нужно признать, что влияние и деятельность моего дорогого министра, в особенности в начальный период царствования, внесли значительный вклад в дело установления доверия и приобретения нашим монархом той репутации, которой он сейчас пользуется. <...> Благоразумие, настойчивость, возвышенные взгляды моего старого и уважаемого начальника ставят его вне всяких подозрений в склонности к авантюрам.

Отправляюсь повидаться со своей сестрой Марией; застаю ее вместе с моим племянником Броком; до сестры дошли слухи, что у государя опять небольшое недомогание на почве бурных объяснений с цесаревичем; последнего начинают именовать в обществе // «дрянным мальчишкой» //.

<...>

Воскресенье, 20 февраля.

<...> Пообедав в одиночестве, немного отдыхаю, потом занимаюсь туалетом, а в 9 часов спускаюсь к Оболенскому, с которым мы вместе отправляемся в Зимний дворец. Это первый бал в Концертном зале; хотя в приглашении говорится о 9 часах, их величества в сопровождении всех находящихся в добром здравии членов императорской семьи появляются лишь в 10 часов под звуки вальса, открывающего бал. Как обычно, государь приближается к дипломатам, выстроившимся в порядке старшинства у входа в Малахитовый зал. Наш монарх выглядит похудевшим, главным образом лицом, его кожа стала дряблой, он сильно постарел. Сербский посланник Пашич спустя некоторое время рассказал Капнисту, как, приблизившись к нему, его величество нашел в себе достаточно любезности, чтобы сказать: // «Когда же скот Милан покинет Сербию?» // <...>

Понедельник, 4 апреля.

После завтрака ко мне заходил Деревницкий; он близок с несколькими молодыми людьми, бывающими у балерин Кшесинских; рассказывают, будто бы та из сестер, которой покровительствует наследник-цесаревич, упрекала его, что он отправляется к своей // «подлой Алиске»⁵//, и что будто бы его императорское высочество применил тот же самый изящный эпитет, протестуя против намерения женить его. В 2 часа меня вызывает министр. Мы разговариваем, в частности, о том, что произойдет в Кобурге; г-н Гирс тоже сомневается, чтобы великий князь наследник-цесаревич решился на женитьбу; ему известно из надежных источников, что начальник полиции Валь жалуется на трудности, возникающие у полицейских при ночных посещениях балерины наследником-цесаревичем. Великий князь предпочитает возвращаться от нее пешком и инкогнито. Заметив, что за ним ведется наблюдение во время таких прогулок, он пожаловался генералу Валью; тот попробовал оправдать принимаемые меры, доказывая, что они имеют целью заботу о безопасности, а не слежку; в ответ наследник-цесаревич будто бы заявил: // «Если я еще раз замечу кого-нибудь из этих наблюдателей, то я ему морду разобью — знайте это»//. Если услышанное мною соответствует действительности, то будущее многообещающе! Впрочем, некоторые из молодых людей, близких к наследнику, считают, что он представляет собой подрастающего Павла I. <...>

Пятница, 8 апреля.

В 11 часов виделся с министром; ничего особенного нет. Газеты повествуют о пышном приеме, оказанном в Кобурге королеве Виктории, а затем кайзеру Вильгельму, прибытие которого было ознаменовано колокольным звоном и артиллерийскими залпами. <...> Однако все шире распространяется слух, что у него произошло очень откровенное объяснение с их величествами и они в конце концов сумели побудить наследника ехать в Кобург⁶. Сегодня говорят, что балерина //Кшесинская// только что получила 100000 рублей и дом в качестве окончательного расчета за отношения с августейшим любовником. Ну и ну! Вечером, примерно в 8 часов, мне приносят телеграмму от нашего посланника Коцебу, который сообщает из Кобурга: «Сегодня утром состоялась помолвка великого князя наследника-цесаревича с принцессой Алисой Гессенской»⁷. Тотчас же пересылаю телеграмму г-ну Гирсу, и тот вскоре вызывает меня к себе. Он в затруднении, не зная, может ли послать телеграмму тотчас или же должен ждать официального сообщения. В конце концов министр решает сегодня же вечером передать полученное

от Коцебу телеграфное сообщение в Гатчину, слегка изменив его текст и приложив следующую //докладную записку: «Дерзаю повергнуть к стопам Вашего императорского величества и государыни императрицы мои верноподданнические, глубоко прочувствованные поздравления по случаю радостного события, сообщаемого прилагаемой при сем телеграммой посланника Коцебу»//. «Тут вопрос такта», — говорит мне министр, чрезвычайно довольный, что ему удалось найти решение. Министр, видимо, не особенно очарован подбором будущей супруги наследника; возможно, что не совсем уверен и в том, будут ли довольны их величества.

<...>

Суббота, 9 апреля.

В пакете с бумагами, возвращенными государем сегодня утром, имеется телеграмма от черногорского князя, который приносит поздравления по случаю помолвки великого князя наследника-цесаревича. Государь написал на телеграмме: //«Приготовить ответ»//. Фрейлины, молодые графини Кутузовы, вчера в 5 часов вечера получили из Гатчины телеграмму государыни, где говорится о помолвке наследника и выражается по этому поводу живейшая радость; в городе все говорят о том же, а между тем в газетах пока нет абсолютно ничего — ни официального сообщения, ни выражения общественного мнения. Подобное молчание, наверное, произведет довольно своеобразное впечатление за границей. При нашем дворе все воспринимается на мещанский манер, никто даже не знает, как должны разворачиваться подобные события. В 11 часов вижу с министром; он очень доволен, что отправил вчера пакет, включив туда и собственные поздравления; теперь с его стороны все в полном порядке. Наконец получаю официальное уведомление о помолвке; министр просит меня немедленно сообщить обо всем этом нашим представителям в форме циркулярной телеграммы; он посылает также поздравительную телеграмму наследнику-цесаревичу. Государь возвращает обратно пакет, посланный ему вчера вечером. На поздравлении г-на Гирса его величество написал: //«Искренне Вас благодарим. Большая радость и утешение»//. Начинают отовсюду поступать поздравительные телеграммы от монархов и членов августейших фамилий; я в большом количестве готовлю для государя проекты ответов.

<...>

Понедельник, 11 апреля.

В 11 часов виделся с министром. Несколько дней тому назад разрешили продажу фотографий принцессы Алисы, теперь их можно

найти в витрине любого магазина, где продаются открытки и гравюры. Г-н Гирс, когда я ему показываю одну из таких фотографий, не находит будущую царевну красивой. Он рассказывает, что во время своего первого появления при нашем дворе, в 1889 году, она даже показалась ему уродливой. В те времена наследник-цесаревич избегал встречаться с ней, государыне она тоже не нравилась; в очертании ее рта находили какие-то признаки цельного, но неприятного характера. Министр тогда сказал германскому послу генералу Швейницу, что вряд ли с их стороны было ловким ходом демонстрировать здесь, чтобы выдать замуж, такую принцессу, которая столь некрасива и неуклюжа; посол возразил: она сейчас еще подросток⁸, подождите немного и увидите, какой она станет. Теперь уверяют, будто наследник влюблен в нее целых пять лет, будто он все эти годы постоянно носил с собой ее портрет и т. д., и т. п. Все это не соответствует действительности, а вот радость их величеств действительно искренна. Государь и государыня, видимо, раскрыли лишь совсем недавно связь их августейшего сына с балериной Кшесинской, а его затянувшееся холостячество уже начинало их беспокоить.

<...>

Вторник, 3 мая.

Министр возвращается только в 4 часа; вид у него утомленный; государь заставил себя ждать, а у него снова появились признаки удушья, когда пришлось вести длительный разговор. Это не помешало его величеству пригласить г-на Гирса являться лично по вторникам, а о каждом случае, когда не сможет, сообщать письменно. Впрочем, никаких особых дел нет. Государь считает, что нам удастся в конце концов договориться с англичанами относительно Памира, не делая им никаких существенных уступок. <...>

Среда, 4 мая.

<...> Траурный кортеж начинает движение около половины одиннадцатого, когда государь и великие князья выносят гроб⁹. У государя вид не очень хороший; он показался мне постаревшим, цвет лица бледный, впечатление утомленности. <...> Государыня выглядит молодо, она небольшого роста, изящная, стройная, производит впечатление беззаботной. Я видел, как она с улыбкой на устах делала какие-то знаки наследнику-цесаревичу, который стоял на одной линии со своими дядями. У наследника вид сегодня несколько лучше, чем обычно, борода и усы подросли, взгляд стал более уверенным. Про него рассказывают, будто он влюблен в свою невесту: однако не далее как три дня тому назад нельзя было

проникнуть в ресторан «Фелисьен» на //Каменном острове//, поскольку его императорское высочество устроил там обед в веселой компании офицеров и дам. Как уверяют, наследник явился домой лишь после 3 часов утра!

<...>

Воскресенье, 4 сентября.

Вести о здоровье государя не отрадны. Как рассказывают, дворец в Беловежской пуще, на строительство которого было затрачено 700000 рублей, получился сырым; Захарьин пришел к выводу, что пребывание в нем было очень вредным как для его величества, так и для великого князя Георгия, который ходил там на охоту, снова простудился и чувствует себя очень плохо.

<...>

Воскресенье, 9 октября.

Из Ливадии все еще идут довольно тревожные вести, но, видимо, за последние дни появились некоторые признаки улучшения. Принцесса Алиса только что проехала через границу, направляясь в Ливадию, где собирается вся императорская фамилия. В городе начинают поговаривать о свадьбе или по меньшей мере об обручении великого князя наследника-цесаревича; это должно произойти в ближайшем будущем, поскольку здоровье государя, видимо, восстанавливается. Тоскливая неопределенность.

Среда, 12 октября.

Поздно вечером доставляют бюллетень, где сообщается, что в прошлое воскресенье государь причастился; это производит на меня большое впечатление.

Четверг, 13 октября.

Министр <...> говорит, что вчера ему нанес визит генерал Вердер, настроенный весьма пессимистически относительно здоровья нашего государя под влиянием сведений из Берлина. Генерал Вердер, обычно хорошо информированный, рассказал г-ну Гирсу, что министр внутренних дел по телеграфу запросил наследника-цесаревича, находящегося в Ливадии, не должен ли и он прибыть туда, учитывая складывающуюся обстановку; в ответ министр внутренних дел будто бы получил от его императорского высочества следующую телеграмму: //«В настоящее время министры должны оставаться на своих местах»//. В городе ходят всякие слухи, речь идет даже о том, что свадьба наследника-цесаревича будто бы будет сыграна в ближайшие дни.

Пятница, 14 октября.

На сегодняшнем молебне в нашем посольстве в Берлине присутствуют кайзер Вильгельм, принцы, высокие сановники двора и т. п. Кайзер, как и все другие присутствующие, становится на колени во время произнесения молитвы о здоровье нашего монарха. <...> Министр внутренних дел г-н Дурново наносит визит г-ну Гирсу. Опираясь на имеющиеся у него сведения, он заявляет, что нет никакой надежды спасти государя, дни которого сочтены. Начиная с момента ухудшения состояния, наступившего десяток дней тому назад, вскрытие и отправку почты, циркулирующей между Петербургом и Крымом, взял на себя великий князь наследник-цесаревич. Государь ограничивается тем, что ставит подпись и накладывает резолюции на тех бумагах, где это совершенно необходимо. В пакетах с бумагами, возвращаемыми государем, содержатся большей частью такие документы, на которых не видно больше твердых помет красным карандашом, а лишь скромные пометы синим карандашом. Как рассказал министр внутренних дел, приняты решительные меры по предотвращению беспорядков, возникновение которых было вероятным, судя по некоторым признакам. Так, например, на Юге были сделаны попытки распространять слухи, будто государя лечат почти исключительно врачи-евреи (Лейден, Захарьин, Гирш), с целью вызвать в случае катастрофы один из тех //еврейских погромов//, которые в дальнейшем послужат отправной точкой внутренних беспорядков. Министр Дурново считает также, что в Ливадии состоится в недалеком будущем если не свадьба, то обручение наследника. <...>

Суббота, 15 октября.

Говорят о предстоящем обручении и свадьбе великого князя наследника-цесаревича, который будто бы вернется в столицу в роли регента, в то время как их величества отправятся на Корфу или же в Каир. <...>

Четверг, 20 октября

В 10 часов являюсь к министру; нужно быть готовым ко всему. В 12 часов министр вызывает меня снова; застаю его в кресле на колесиках, на полпути к комнатам г-жи Гирс. Он держит только что дошедший до него 9-часовой бюллетень и говорит мне, плача: «Конец». Отправляюсь в Казанский собор; на улицах развешивают два утренних бюллетеня; кое-где публика останавливается возле них, чтобы прочитать, но я не замечаю никакого особого впечатления. Может быть, люди уже привыкли к подобным новостям сверху и снизу или же это просто довольно обычное для нас

безразличие и равнодушие. Шишкин, придя к 4-часовому чаю, рассказывает о каком-то движении, которое будто бы готовится в войсках, склонных присягнуть скорее великому князю Владимиру, чем наследнику-цесаревичу, столь малоизвестному¹⁰. Один из сыновей Шишкина, моряк, даже сказал ему о подобных же настроениях среди его товарищей в Кронштадте; быть может, тамошние хотят высказаться за великого князя Алексея? Все эти слухи, видимо, лишены всякого основания, но момент тем не менее серьезный, а будущее весьма неопределенное. Мрачная новость о смерти государя поступает к нам в 6 часов по телефону из министерства двора на основании телеграммы, присланной великим князем Владимиром своим детям. Мы тотчас же приступаем к рассылке телеграмм и извещений членам дипломатического корпуса, аккредитованным в Петербурге, и нашим представителям за границей. Ваксель проявил исключительную бдительность, все составлено и подготовлено заранее, так что мы заканчиваем нашу печальную работу к 10 часам вечера; министр может поставить подпись, и пакеты разойдутся по назначению. Бедный Ваксель не успевает пообедать; он приходит ко мне выпить чаю; по его словам, пересекая проспект, он был поражен мрачным молчанием толпы, среди которой полицейские раздавали крошечный бюллетень Воронцова, где сообщалось о причащении государя в 10 часов утра. Весть о смерти распространилась уже после этого; однако все осталось спокойным, и, по свидетельству друзей и знакомых, которым довелось побывать на улицах вечером, не наблюдалось никаких сцен безутешной скорби, вроде тех, которые описываются газетами.

В самом деле, внутри страны смерть государя оплакивается главным образом только по причине проистекающей отсюда неопределенности положения, в связи с незаметностью наследника-цесаревича, которого почти до самого последнего времени держали в детской комнате; наследник не проявил себя ничем, он известен только кое-какими слабыми сторонами и увлечениями молодости, отнюдь не способными внушить к нему какое-либо доверие.

Хорошей стороной прошлого царствования была, безусловно, внешняя политика, восстановившая мир в умах и путем весьма ловких и подходящих средств сумевшая препятствовать всему, что было бы способно этот мир нарушить. Весь цивилизованный мир в конечном счете проникся доверием к огромной империи, которая, сохраняя верность программе, возвещенной при восшествии на престол Александра III, трудилась над развитием собственного процветания и силы, делая из них орудие умиротворения, а не разрушения и авантюры. Лояльный и твердый характер покойного

государя бесспорно играл в этом большую роль, однако было бы несправедливо приписывать все исключительно одному государю, не учитывая заслуг его единственного в своем роде министра иностранных дел. Если даже министр был, как любят говорить, лишь инструментом, то и в качестве такового он должен был бы дожидаться искреннего «спасибо» более чем за 14 лет службы непрерывной, верной и безупречной. Несколько дней тому назад британский посол сказал: «Какова судьба! Император Александр III, бывший для Европы страшилищем при восшествии на престол и в первые годы царствования, исчезает как раз в тот момент, когда ему обеспечены всеобщие симпатии и доверие».

Прибыв сюда в среду, 12 октября, генерал Вердер в глубокой тайне советовался с г-ном Гирсом по поводу выраженного кайзером Вильгельмом желания лично присутствовать на похоронах Александра III в случае, если случится беда. Лично Вердер против такого плана, опасаясь, что его монарх, никогда не знающий меры, сумеет все испортить с самого же начала нового царствования. Г-н Гире считает, что его величество кайзер мог бы приехать только непосредственно на церемонию похорон и сразу же уехать.

<...>

Пятница, 21 октября.

Газеты публикуют на первых страницах манифест Николая II о вступлении на престол. Придворные приглашены явиться в 11 часов в большую церковь Зимнего дворца для принятия присяги; предупреждаю об этом министра; он собирается идти к тому же часу на присягу в Государственный совет. Отправляюсь в Зимний дворец пешком; мы, т. е. сыновья Гирса и я сам, входим через //Комендантский подъезд//. В церкви находится военная свита во главе с генерал-адъютантами принцем Александром Ольденбургским, генералом Глинкой-Мавриным и адмиралом графом Логгином Гейденем. Двор держится справа. Во время молебна отбирают обратно листки, которые нужно подписать, поскольку сенат обнаружил в тексте ошибку в отношении великого князя Георгия¹¹; ожидание нового издания листков задерживает нас на добрых полчаса. Утром прибыла шифрованная телеграмма от генерала Рихтера, отправленная вчера вечером; она гласит:

//«Государь поручил Победоносцеву написать Вам, чтобы приготовили циркуляры иностранным дворам, в которых выразить, что он намерен неуклонно следовать политике мира покойного отца, идеал который¹² он всеми силами постарается осуществить. Просил предупредить. Письмо с курьером».

Я предлагаю министру, и он соглашается, ответить немедленно: //«Проект циркуляра готов. Будет доставлен в Ливадию к высочайшему утверждению сегодняшним фельдъегерем»//. Немножко неприятно, что молодой государь пользуется посредничеством при обращении к старейшему из своих министров; однако надо еще ознакомиться с содержанием упоминаемого в телеграмме письма Победоносцева.

<...>

НИКОЛАЙ II

Дневники

<Фрагмент>

1894

Начато в Виндзоре¹.

21 сентября. Среда.

После холодной ночи настало теплое ясное утро. В 10 часов прибыли в Севастополь, где на пристани была обычная встреча и почетный караул от 49-го Брестского полка. Пересели на «Орел» и в 11 пошли в море. Вся эскадра стояла вытянутая в одну линию и выглядела прекрасною. Сели завтракать у Херсонеса. Когда повернули, засвежело. Ровно в 2 часа подошли к Ялтинскому молу, на котором первыми увидели Ксению и Сандро². Та же встреча, как и в прошлые года, с тою разницею, что везде попадались знакомые. Тут же стоял почетный караул от 52-го Виленского полка, а в *Ливадии* — от 16-го Стрелк[ового] его величества полка. Погода стояла холоднее чем утром в Севастополе. Папá устал и чувствовал себя хуже. Георгий, Ники³ и я живем в другом доме, мы в своих старых комнатах. Обедали одни с папá и мамá у них наверху. Грущу ужасно, что писем нет от моей Аликс⁴.

22 сентября. Четверг.

День был ясный, но дул свежий О⁵ и прибой был слышен наверху. Папá спал немного больше и поэтому днем чувствовал себя все-таки бодрее! После кофе у мамá пошел с Ники и Георгием к морю, где любовались волнением! Завтракали в 12 часов Ксения и Сандро приехали к самому концу, думая, что мы начнем завтракать в час! Отправились верхом в Орианду, на любимое *plage*⁶, куда папá и мамá приехали в коляске на короткое время. Вернулись домой в 4 часа. Читал до обеда. Ксения и Сандро сидели у нас. Папá принял первую соленую ванну. Вечером разошлись раньше 11 часов по домам.

23 сентября. Пятница.

Ночь папá провел лучше, поэтому он утром вышел погулять и затем сидел около часу на скамейке недалеко от дома. Погода, к счастью, была теплее и ветер слабее вчерашнего. Завтракали снова одни в 12 часов. Затем отправились к морю и долго сидели на берегу. Наконец получил три письма зараз от моей дорогой Аликс! Это было для меня радостным событием дня! Котя Оболенский приехал сюда. Вечером сидели у мамá недолго!

24 сентября. Суббота.

Чудный летний день — облеклись в кителя! После breakfast^{a7} пошли втроем с Ники в виноградник, где вкушали от сего прекрасного плода лозы. Завтракали одни по обыкновению с Ксенией и Сандро только. Поехали верхом за папá и мамá на Эриклик, откуда спустились на ферму и пили молоко, кофе и ели простоквашу. Все напомнило прежние счастливые годы! Писал и получил два слезных письма от моей дорогой Аликс, по поводу отмены моего приезда к ней!

25 сентября. Воскресенье.

День был такой же как вчера. В 11 часов пошли к обедне: папá слушал ее, как в прошлом году в кабинете Анпапа⁸.

За завтраком играла стрелковая музыка. Смотрели на спуск почтовых голубей, которые полетели в Севастополь. В 2 часа поехали верхом в Айтодор, куда папá и мамá приехали раньше. Смешно было осматривать апартаменты Ксении в новом доме, в котором она как хозяйка принимала нас и поила чаем! Она и Сандро выглядят такими счастливыми, что большего и желать нельзя! Душа радуется, глядя на них обоих! Но при виде их счастья, невольно думаешь о своем — о том, например, что могло бы быть, если б я тоже женился летом? Были дома в 5 ч.

«Двенадцать Апостолов» проходил, вероятно, испытывая свои механизмы. Папá был бодрее! Получил три чудных письма от моей ненаглядной милой Аликс!

<...>

29 сентября. Четверг.

Утро было ясное, но к полудню небо затянуло тучами, хотя было совершенно тепло. Опять дрался с Ники шишками на крыше. Завтракали, как всегда, в 12 часов. У дорогого папá вид как будто лучше, но самочувствие скверное по-прежнему — его мутит и опухоль в ногах мешает движению ног! Поехали верхом через Орианду вниз на рlage. Видели яхту «Форос», которая проходила совсем близко, идя в Севастополь. Ночь была чудная и лунная.

30 сентября. Пятница.

Теплый серый день. После breakfast'a прогулялись втроем по «горизонталке»⁹ и осмотрели внутренность Ориандской церкви. После завтрака отправились верхом на ферму и по большой дороге в Айтодор, чрез который спустились к маяку. Тут Сандро производит раскопки; с их приезда после свадьбы найдено 60 греческих монет. Вернулись домой к чаю. Папá проспал более двух часов на балконе. Обедали без него, т. к. в 9 часов он принял ванну. Получил два письма душки Аликс.

<...>

3 октября. Понедельник.

Сегодня подъехало еще двое эскулапов. Грубе и Захарьин; так что всего их теперь набралось в Ливадии пятеро, те двое, Лейден, Вельяминов и Попов. Ночью было очень свежо, в море, вероятно, ревело сильно. День стоял ясный и теплый. Гулял с Ники по оранжереям. В 2 часа отправился верхом в Айтодор; спустились к морю и прошли пешком до купальни Ксении и Сандро. Волны катились громадные. После чаю по обыкновению читал и писал.

4 октября. Вторник.

Невеселый день! Дорогой папá почувствовал себя настолько слабым, что сам захотел лечь в постель. Это случилось после грустного томительного завтрака! Погода стояла, как нарочно, чудная — совершенно летняя. Уехал, скрепя сердце, верхом по дороге к Учансу и затем через Аутку и Ялту домой. Папá поспал часок и благодаря этому выглядел бодрее! Обедали без него — он был в постели! Второй день, что не имею писем от моей Аликс!

5 октября. Среда.

Вчера поздно вечером пришла почта и привезла с собою два письма от Аликс! Был ясный день, но с гор дул очень свежий ветер — вроде боры!¹⁰ После breakfast'a, за которым был и папá, пошел гулять с мамá. Она мне прочла длинное письмо т. Аликс¹¹. После завтрака отправились верхом на Чаир, проехали к чайному домику и вернулись к 4 часам к себе. Папá и мамá позволили мне выписать мою дорогу Аликс из Дармштадта сюда — ее привезут Элла и д. Сергей!¹² Я несказанно был тронут их любовью и желанием увидеть ее! Какое счастье снова так неожиданно встретиться — грустно только; что при таких обстоятельствах.

6 октября. Четверг.

Целый день получал и отвечал на телеграммы от родных со всех концов. Погода была хорошая. Папá утром был на ногах, но лег после

завтрака, его одолевала сонливость. Читал за него бумаги. Пошли гулять впятером с Ксенией и Сандро. Влезли на Крестовую гору в Орианде. После чаю продолжалась переписка по телеграфу. Вечером Георгий и я переехали в дом папá и мамá — все-таки спокойнее! Я в наших прежних комнатах внизу.

7 октября. Пятница.

Сегодня было как будто маленькое улучшение: хотя папá спал мало, но у него аппетит, в особенности к вечеру, увеличился и самочувствие поправилось! Телеграммы продолжали сыпаться. Читал бумаги, привезенные фельдъегерем, которые папá передал мне. Погода стояла хорошая. После завтрака пошли осматривать комнаты, очищенные дамами в свитском доме для Аликс, Эллы и пр. Жду ее приезда с страшным нетерпением! Получил два милых письма. Завтра она должна встретиться с Эллой в Александрове! В первый раз в России после того, что она стала моей невестой! Обедали в 8 часов, все мы чувствовали себя бодрее, так как папá хорошо кушал и был веселее!

<...>

9 октября. Воскресенье.

Дорогой папá, хотя спал побольше, но чувствовал себя слабым; доктора были довольны его состоянием. Несколько раз кровь принималась идти из носу. После обедни Янышев зашел к папá и приобщил его Святых Тайн! После этого он совсем успокоился. Нас заставили завтракать со всеми и даже с музыкой, что было совсем неуместно! Когда вернулись к себе, только узнали о том, что милый папá приобщался! Около 2 часов он лег в постель и заснул на полтора часа. Познакомился и разговаривал с о. Иоанном. День стоял чудный; пошел гулять с дядей Сергеем. Осмотрели церковь в Орианде, спустились к морю и так вернулись в Ливадию. Получил хорошие вести с пути от дорогой Аликс, а также письмо из Дармштадта!

10 октября. Понедельник.

Проснулся с чудным жарким днем! Дядя Владимир и тетя Мишень¹³ прибыли рано утром на «Саратове» из Одессы. В 9½ отправился с дядей Сергеем в Алушту, куда приехали в час дня. Десять минут спустя, из Симферополя подъехала моя ненаглядная Аликс с Эллой. Сели завтракать в доме отставного генерала Голубова. После завтрака сел с Аликс в коляску и вдвоем поехали в Ливадию. Боже мой! Какая радость встретиться с ней на родине и иметь близко от себя — половина забот и скорби как будто спала с плеч. На каждой станции татары встречали с хлебом-солью; на границе Массандры ждали Лазарев, Олив и Вяземский. Вся коляска была запружена

цветами и виноградом. Мною овладело страшное волнение, когда мы вошли к дорогим родителям. Папá был слабее сегодня и приезд Аликс, кроме свидания с о. Иоанном, утомили его! У дворца стояли стрелки его величества в почетном карауле. Вошли в церковь, где был отслужен краткий благодарственный молебен. Сидел с моей Аликс до обеда. Вечер провели как всегда. Отвел ее до ее комнат!

11 октября. Вторник.

Ночью дядя Алексей¹⁴ пришел на «Орле» из Одессы! Дорогой папá спал всю ночь и чувствовал себя утром лучше: но днем он все-таки устал и лег в постель. Утром пил кофе с милой Аликс вдвоем. Не могу нарадоваться ее присутствию среди нас! Гулял с нею и занимался бумагами в ее комнате, пока она работала. Завтракали наверху, как всегда, в 12 часов. Поехали вчетвером в Орианду-Витт на берег моря. День стоял чудный — жара тропическая — позже нашел туман. Пили чай опять вдвоем! Обедали в 8 часов и играли по обыкновению в карты. Сидел у нее недолго.

<...>

13 октября. Четверг.

Папá мало спал, но чувствовал себя недурно; вид у него был бодрее. В 11½ я с Аликс и остальными отправился в Айтодор по случаю дня рождения дяди Миши¹⁵. Завтракали только семейством. Николай тоже был! Вернулись в 3 часа, когда все гуляли. После чаю сидел у моей дорогой Аликс; помогал ей вышивать воздуха¹⁶ для Святых Даров в день, когда она будет причащаться в первый раз. Обедали в 8 часов и затем играли в secretaire¹⁷. Все дяди и тети пришли к вечернему чаю. Папá спал в своей уборной!¹⁸

14 октября. Пятница.

Дорогой папá ночь провел недурно, но после завтрака чувствовал себя опять слабее. Погода была серая, но теплая. С нами наверху завтракал Николай. В 2 часа отправились большим обществом в Массандру. Дошли пешком до строящегося дома в Верхней М[ассандре]. Аликс ехала в коляске, так как надо беречь ее ноги, чтобы боли не возобновились! Вернулись домой в 5 часов и после чаю опять читал у милой Аликс дела, пока она работала. Вечер провели по обыкновению все вместе!

15 октября. Суббота.

Папá чувствовал себя немного лучше! День стоял чудный. После завтрака с дядей Мишей отправились на Эриклик, откуда Аликс и я пришли пешком на ферму. Пили там кофе и ели простоквашу

с другими. Дядя Владимир тоже подошел в это время. Сидел у своей дорогой Аликс до обеда и вечером до 12½ часов.

16 октября. Воскресенье.

Встал поздно с чудным днем. Папá себя чувствовал лучше, но во время посещения докторов его вырвало. В 11 часов пошли к обедне — молился вместе с Аликс.

Завтракали семейно на балконе в большом доме. Гулял с моей душкой невестой; были у моря и вернулись через вертоград¹⁹. Вечер провели как всегда.

17 октября. Понедельник.

Утром папá причастился Святых Тайн у отца Иоанна. От волнения он себя чувствовал слабым, кроме того, он ночью мало спал. В 11 часов пошли к панихиде и молебну по случаю годовщины крушения²⁰. После завтрака отправились вчетвером с Эллой и дядей Сергеем в Алупку, где осматривали дом и сад с террасы.

День стоял чудный и теплый. Вернулись домой с темнотой. Сергей прибыл с Алексеем проездом в Вену: у того, бедного, оказывается чашотка! После обеда провел вечер у папá — его сильно мучает кашель горловой. Сидел, как всегда, у моей милой дорогой душки Аликс!

18 октября. Вторник.

Тяжелый, грустный день! Дорогой папá вовсе не спал и почувствовал себя худо утром, так что нас разбудили и позвали наверх. Что за испытание? Потом папá немного успокоился и дремал днем с перерывами.

Не смел долго отлучаться из дому. Такое утешение иметь дорогую Аликс; она целый день сидела у меня, пока я читал дела от разных министров. Около 11 часов у дяди Владимира было совещание докторов — ужасно! Завтракали внизу, чтобы не шуметь! Немного походил с Аликс около дома. После чаю опять читал. Вечером казалось, что милый папá чувствует себя бодрее — но слабость страшная! Одно упование и надежда на милосердного Господа: да будет воля Его святая!

19 октября. Среда.

Утром дорогой папá проспал четыре часа подряд и посидел днем в кресле. Беспокойства наши опять начались под вечер, когда папá переехал в спальню и лег в постель: опять слабость сделалась страшная! Все бродили по саду вразброд — я с Аликс был у моря, так что побоялся за ее ноги, чтобы она не устала влезть наверх: коляски не было. После чаю и вечером читал бумаги. Сидел у моей ненаглядной Аликс!

20 октября. Четверг.

Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого папá. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобным ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины третьего он причастился Святых Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Эта была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая мамá!.. Вечером в 9½ была панихида — в той же спальне! Чувствовал себя как убитый. У дорогой Аликс опять заболели ноги! Вечером исповедался²¹.

21 октября. Пятница.

И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 часов в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была *миропомазана*²² и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой мамá и Эллой. Аликс поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы! После завтрака была отслужена панихида, в 9 часов вечера — другая. Выражение лица у дорогого папá чудное, улыбающееся, точно хочет засмеяться! Целый день отвечал на телеграммы с Аликс, а также занимался делами с последним фельдъегерем. Даже погода и та изменилась: было холодно и ревели в море!

22 октября. Суббота.

Вчера вечером пришлось перенести тело дорогого папá вниз, потому что, к сожалению, оно быстро начало разлагаться. Поэтому и утренняя и вечерняя панихиды были отслужены в малой церкви. Слава Богу, милая мамá совсем спокойна и героически переносит свое горе! Только и делал, что отписывался от туч телеграмм. Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу; мамá, некоторые другие и я находили, что всего лучше сделать ее здесь спокойно, пока еще дорогой папá под крышей дома; а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться в Питере после похорон. Это мне кажется совершенно неудобным! Днем ходили к морю — прибор был громадный. Погода потеплела и стала ясная. Вечером ожидали прихода дяди Берти²³ и тети Аликс из Одессы, но ночью узнали, что они зашли в Севастополь.

23 октября. Воскресенье.

Погода поправилась — стало снова тепло. В 10¼ прибыли тетя Аликс и дядя Берти из Севастополя на «Орле». Были на заупокойной обедне. Какое громадное утешение стоять в церкви рядом с дорогой

Аликс и молиться с нею вместе! Завтракали отдельно от мамá и тети Аликс. В 2½ поехал с моей невестой в Орианду, зашли в церковь, осмотрели мозаичные образа и отправились на plage. Сидели у моря, на том месте, где еще недавно были вместе с незабвенным папá! Вернулись домой к чаю. Писал телеграммы без конца; милая Аликс помогает мне в этом! После обеда пошли в церковь на панихиду.

Вечер провели вместе по обыкновению.

24 октября. Понедельник.

День простоял серый — так же было и на душе! Утром походил немного с дорогой Аликс, затем писал и читал. После завтрака, в 2 часа была панихида в церкви, вечером в 9 часов. Все не решаюсь зайти в угловую комнату, где лежит тело дорогого папá — оно так изменилось после бальзамировки, что тяжело разрушить то дивное впечатление, которое осталось от первого дня! Днем катался с Аликс, гуляли у берега моря в Орианде. Вечером сидел у нее.

25 октября. Вторник.

Утро было занятое: после кофе с моей ненаглядной Аликс принимал генерал-лейтенант Дена по делам о Финляндии. Долго беседовал с дядей Владимиром о том, торжественно ли или частным образом сделать мою свадьбу после похорон? Опять приехал фельдъегерь, читал урывками до вечера. После панихиды катался с Аликс до Айтодора. В 6½ началась тяжелая церемония переноса тела дорогого папá в гробу в большую церковь. Казаки несли гроб на носилках. Уже третий раз подряд приходится бывать на панихидах в этой церкви — по Оболенском, Басаргине и теперь по нашем незабвенном Отце! Вернулись в пустой дом разбитые нравственно! Тяжелое испытание послал нам всем Господь!

26 октября. Среда.

Утром большая часть семейства уехала вперед в Москву и Питер. День стоял серый, но совсем тихий. В 2 часа и в 7 часов были панихиды в большой церкви; гроб не открывали! Доканчивал последние бумаги. Поехал кататься с милой Аликс в последний раз. Осматривали место раскопок у Айтодорского маяка. Все уложено — комнаты смотрят грустными. Все легли спать пораньше — посидел у своей Аликс!

27 октября. Четверг.

К счастью, погода была хорошая и море спокойное. В 8½ покинули наш дом, который теперь так горестно осиротел, и поехали в церковь. Там кончалась обедня. Вынесли гроб и передали его казакам, которые, чередуясь со стрелками и гребцами с катера его величества донесли его до пристани в Ялте. Мамá и все мы провожали гроб пешком. По-

сле литии перешли на «Память Меркурия», где гроб был поставлен на шканцах под тентом из Андреевского флага. Полное дежурство стояло вокруг. Чудная, красивая, но грустная картина. Завтракали внизу отдельно от других. Подходя к Севастополю, начало покачивать. «12 Апостолов» и «Орел» шли за нами. Вся эскадра стояла выстроенная в одну линию, совершенно как месяц тому назад. Но Боже! Какая ужасная разница с того раза, каким веселым смотрел тогда Севастополь? В 4½ подошли к пристани. После литии гребцы перенесли гроб в вагон, и траурный поезд с полным дежурством (от Преображ. и Конного полков) ушел 20 минутами раньше нас. И в этом горе было еще грустное расставание с дорогим Георгием. Он снова возвращается на «Орел» в Батум и оттуда в Абастуман; при нем капитан II ранга Штакельберг. Ники и Минни²⁴ тоже уходят в Грецию на «Эриклик». Выехали из Севастополя в 5.20. В Симферополе вышли на станцию к траурному вагону к панихиде.

28 октября. Пятница.

День свадьбы дорогих папá и мамá! Сколько страданий для нее — ужасно! Помогите, Господь! Останавливались в Борках и Харькове для панихид. Везде такие же встречи — почетные караулы, все начальство, учебные заведения и пр.

29 октября. Суббота.

Окончательно попали в зиму. Останавливались три раза: в Курске, Орле и Туле. Для меня присутствие моей милой ненаглядной Аликс в поезде — громадное утешение и поддержка! Сидел с ней целый день.

30 октября. Воскресенье.

В 9½ пересели в салон траурного поезда и так доехали в нем до *Москвы*. На платформе встретили дядя Сергей, Элла и дядя Миша. Мы вынесли гроб и поставили его на колесницу. По улицам стояли войска и тысячи народа — порядок был замечательный. До Кремля было 10 остановок для литий против церквей. В Архангельском соборе был поставлен гроб, и после панихиды я пошел поклониться мощам в Успенском соборе и Чудовом монастыре. Приехал во дворец к завтраку. Сколько светлых воспоминаний здесь в Кремле — и как тяжело теперь мне все проделывать вместо дорогого папá! Читал, принимал и сидел между занятиями у милой моей Аликс. Обедали в 8 часов и разошлись рано спать.

31 октября. Понедельник.

Утром встал с ужасными эмоциями, так как в 9¾, идя с мамá в Арханг[ельский] собор через залы, должен был сказать несколько слов

собранным сословиям в Георг[иевской] зале. Это сошло, слава Богу, благополучно! После литии гроб вынесли и поставили на колесницу и мы снова тронулись тою же дорогою к станции. Таяло — идти было совсем тепло. В 12 часов поезд тронулся. Пересели в Николаев[ский] поезд в Химках и поехали дальше. Отдыхали в вагоне. В Твери была отслужена панихида. Все время сидел у своей дорогой Аликс.

1 ноября. Вторник.

Пересели на станции Обухово в траурный поезд и в 10 часов прибыли в *Петербург*. Горькое свидание с остальными родственниками. Шествие от вокзала до крепости продолжалось 4 часа, благодаря тому что мосты на Неве были разведены. Погода стояла серая — таяло. После панихиды приехали в Аничков [дворец]. Каким он кажется опустевшим. Я больше всего боялся этой минуты для дорогой мамá. Тетя Аликс и дядя Берти живут внизу — на Невский. Моя Аликс временно у Эллы. Порядочно устали за этот день! В 8 часов поехал с Мишей²⁵ на вечернюю панихиду. Обедали по приезде домой. Милая Аликс провела у меня часть вечера — так странно видеть ее здесь — это напоминает 1889 год.

<...>

7 ноября. Понедельник.

Второй раз пришлось пережить те часы скорби и печали, какие выпали на нашу долю 20 октября. В 10½ началась архиерейская служба и затем отпевание и похороны дорогого незабвенного папá! Тяжело и больно заносить такие слова сюда — все еще кажется, что мы все находимся в каком-то сонном состоянии и что вдруг! *он* опять появится между нами! Вернувшись в Аничков, завтракал наверху с милой мамá, она удивительно берет на себя и не падает духом. Погулял в саду. Сидел со своей Аликс и пили чай со всеми. Обедали в 8 часов и вечер провели в кабинете папá.

<...>

Письмо Греческой королевы Ольги Константиновны великому князю Константину Константиновичу

Ливадия. 19/31 октября 1894 г.

Радость моя!

Вчера я получила твое дорогое письмо, за которое благодарю тебя от всей души. Да, тяжело, страшно тяжело, и невольно спрашиваешь себя, что будет, неужели все эти молящиеся миллионы не вымолят царя, не испросят ему исцеление!!! Нет, нет, я не могу верить, что он умрет! Воображаю, что вы переносите вдали, как вы жаждете постоянных известий. Мамá вам сообщит все подробности; часто телеграфировать нельзя; много таких резких перемен¹.

Мы было вздохнули свободнее, как вдруг состояние Государя значительно ухудшилось, и в ночь с 17 на 18 бедная Минни думала, что дело идет к концу: в 4 часа утра она послала за Лейденом², который дал какое-то средство, но прошло два часа, пока не улучшилась деятельность сердца, и весь вчерашний день (вторник, 18-го) был нехорош; зато ночь была лучше. Государь спал спокойно 4 часа целых и чувствовал себя лучше и бодрее. Конечно, он встал, переменял белье, вышел в соседнюю комнату, как он всегда делает, когда чувствует себя чуточку покрепче и на это израсходовал весь малый запас сил.

25 октября 1894 г.

«Закатилось солнце земли русской!»³.

Я пошлю этот отрывочек, как он есть, — мы скоро увидимся и тогда тебе расскажу о страшных минутах, через которые мы прошли, — надо только удивляться, что сердце человеческое может выносить подобные волнения! Императрица убита горем; с каждым днем это горе становится тяжелее, потеря ощущается все больше, пустота

ужасная! Конечно, один Господь может утешить, исцелив такую душевную боль. Перед ее скорбью как-то не решаешься говорить о своей, а ведь нет души в России, которая бы не ощущала глубокой этой скорби, это собственная боль каждого русского человека! Он умер как он жил: просто и благочестиво; так умирают мои матросики, простой русский народ... Он был в полной памяти до последней минуты (2 часа 20 минут, кажется).

В 10 часов утра, когда он причащался, он повторял каждое слово молитв: «Верую Господи и исповедую» и «Вечери Твоей тайный» — и крестился. Всем нам он протягивал руку, и мы ее целовали... Я все это тебе расскажу. Никогда я не забуду минут, когда Ники позвал меня под вечер посмотреть на выражение его лица. Оно почти смеялось, такое было просветлевшее, счастливое выражение на этом добром лице — мы долго с Ники стояли на коленях и не могли оторваться, все смотрели на это чудное лицо. Я ему говорила, что восшествие на престол его отца не имело ничего примиряющего, как его, — на его отце пятнышка не было. После тихой, мирной жизни Бог послал тихую, мирную, праведную смерть.

После этого пошел ряд надрывов, и это будет продолжаться вплоть похорон. Я дошла уже до такого состояния, что я ничего не чувствую, а двигаюсь как заведенная машина. Элла и Минулина чувствуют то же самое! Мне очень нездоровится сегодня, я теперь лягу, потому что завтра предстоит тяжелый день. Императрица хочет идти пешком от Ливадии до Ялты, за гробом, который будут нести конвойные, гребцы его величества и солдаты попеременно, как несли вчера из дома в большую ливадийскую церковь; вчера это происходило в 7 часов вечера при освещении факелов — оно было великолепно и ужасно! Ах ты, Боже мой, до чего мы дожили, что он умер, именно он! Христос с тобой, моя радость.

До свидания, и до какого свидания!!!

Твоя Ольга

В. С. КРИВЕНКО

Болезнь и смерть Александра III

<Фрагменты>

Могучая фигура Александра III ярко свидетельствовала о физической его силе. По рассказам графа Воронцова-Дашкова, в близком кружке к императору несколько человек отличались незаурядно развитыми мускулами, упражнялись в поднятии тяжестей и в других гимнастических манипуляциях. Только один Владимир Алексеевич Шереметев мог соперничать с Александром III в этом спорте. Жизнь вел царь в гигиеническом отношении правильную, излишествам никогда не предавался, женился рано и семьянин был примерный, алкоголем никогда не увлекался — вина пил немного, ежедневно делал пешком большие прогулки и, кроме того, нередко пилил дрова, разгребал в парке снег. Однако ни могучая структура, ни правильный режим не гарантировали здоровья. На сорок девятом году от рождения Александр III стал заметно таять. Летом 1894 года в Петергофе отпраздновали свадьбу великой княжны Ксении Александровны с [великим князем] Александром Михайловичем; в местном театре, художественно декорированном снаружи трельяжем, состоялся парадный спектакль. Когда император вошел в ложу, то соседи мои и я были поражены его болезненным видом, желтизной лица, усталыми глазами. Заговорили о нефрите.

Лечил царя профессор Захарьин, причем он только наезжал из Москвы, при дворе же постоянно оставался ассистент его Попов. В бытность Александра III наследником, а затем и по воцарении, постоянным домашним врачом состоял лейб-хирург¹ Гирш, весьма почтенный человек, но мало популярный доктор. Уверяли, будто император дал ему такую аттестацию: «Он знает, когда нужно позвать врача». Осенью 1894 года двор предполагал задержаться в Беловеже, но Захарьин настоял на переезде в Крым, в Ливадию, откуда зимой намечен был дальнейший южный этап — Корфу.

Болезнь почек, однако, развивалась усиленным темпом. Граф Воронцов-Дашков вызвал меня по делам в Крым в самом начале октября. В Ливадии ходили повеся нос, толковали о поездке в Корфу и о сопряженных с этим неудобствах в ходе государственных дел, предполагалось организовать нечто вроде регентства. Я остановился у Плена в Ореанде и пробыл всего три дня.

<...>

Перед самым моим отъездом Воронцов как-то нерешительно сказал мне: «Все в руках Божиих, быть может, государь и не поправится, надо бы подумать о манифесте... Вы в Петербурге займитесь этим и по телеграмме немедленно выезжайте сюда». При императоре не было и признака какой-нибудь организации в виде секретариата, хотя бы для регистрации докладов, поступавших в обилии ежедневно. Он сам должен был разбираться в куче бумаг, наблюдать за тем, чтобы не залеживались, запечатывать в конверты и через камердинера отдавать фельдъегерю, который и доставлял по назначению пакеты. Неудобство такой системы особенно давало себя чувствовать при долговременных отсутствиях императора из Петербурга; не было лица, к которому можно было обратиться за справками по докладом. Видимо, и цари, и министры боялись учреждения должности активного статс-секретаря его величества, боялись потому, что при самодержавии он силою вещей легко мог превратиться во временщика. Существовала Собственная его величества канцелярия. Казалось бы, это учреждение специально предназначено было для выполнения секретарских функций, но в действительности она занималась совершенно непроизводительным делом проверки представлений к наградам гражданских чинов, являлась Инспекторским департаментом гражданского ведомства. Статс-секретари его величества, вместо исправления на деле секретарских обязанностей, занимали различные видные государственные посты, и самое звание статс-секретаря обратилось в почетный титул, и только².

Аккуратный Александр III, несмотря на тяжкую болезнь, продолжал заниматься докладами, разбирал бумаги до поздней ночи, некому было помочь ему. Некому было в экстренном случае составить указ или манифест общего государственного значения, а не узко дворцового.

17 октября получена была мною срочная телеграмма о выезде в Крым. В тот же день с курьерским поездом я выехал, захватив с собою бумаги, о которых говорил министр. Не доезжая Тулы, наш поезд застрял в снегу. Пронеслась по центральным губерниям ранняя снежная буря, захватила врасплох железные дороги, навалила огромные кучи снега. Сутки стояли мы в поле. <...>

Когда мы, наконец, выбрались из снежного заноса, наш скорый южный поезд обратился в тихход, так как выбился из расписания. На одной из станций Лозово-Севастопольской железной дороги мы узнали о смерти Александра III. Ночью наш поезд задержали, чтобы пропустить экстренный, на котором из Харькова летели университетские профессора для бальзамирования. В Симферополе меня ждали лошади. В Ливадию я приехал 21 октября, когда манифест, составленный князем Леонидом Дмитриевичем Вяземским, уже был подписан.

Одним из первых мне встретился в Ливадии статс-секретарь по делам Финляндии генерал-лейтенант Ден. Русские министры или стеснялись караулить смерть государя, или мало задумывались о важности момента в жизни государства; а чуткие в политических делах финляндцы не пропустили удобного случая, дабы постараться вклеить в манифест о вступлении на престол хотя бы одно словечко, которое поддерживало [бы] их притязания на автономию.

Встретил я и принцессу Алису, будущую императрицу Александру Федоровну. Она возвращалась с катанья по Ливадии со своим женихом-императором.

Воронцов огорчен был неудачей с манифестом, но куча мелочных распоряжений, сопряженных с перевозом тела и похоронами, захлестнула быстро. Его ежеминутно приглашали к государю, видимо, он нуждался в близком советнике.

Александр III желал при жизни своей женить сына, и потому-то принцесса спешно и вызвана была в Ливадию. После смерти его, казалось, свадьбу надо было отложить до конца траура, но не тут-то было. Жених и невеста не желали ждать, стали торопить под видом выполнения воли скончавшегося, считали [это] возможным. Граф Воронцов пробовал возражать, но Николай II закинулся, остался недоволен. Весьма возможно, что это выступление министра послужило первопричиной охлаждения отношений к нему царя. Он почувствовал в нем опекуна, человека, знавшего его с пеленок, относившегося к нему как бы по-отечески, покровительственно. Именно слабые натуры и не выносят кажущийся им над собою контроль.

Увидел я двух новых флигель-адъютантов — князя Кочубея и графа Воронцова-Дашкова, старшего сына министра, оба они были раньше адъютантами наследника. Камердинер государя в день восшествия его на престол приготовил ему мундир с генеральскими эполетами, предусмотрительно заготовленными на случай бракосочетания, когда предполагалось производство наследника в генералы; но Николай не захотел надеть жирных эполет и до конца своей жизни остался полковником.

Во время перевезения тела в Петербург мне пришлось сопровождать Воронцова и убедиться в полной неорганизованности секре-

тарской части при главе государства. Со всей России и из-за границы летели телеграммы и с соболезнованиями о потере отца, и с приветствиями о вступлении на престол. Кто должен был отвечать на град телеграмм? Государь передавал их министру двора. Я, случайный спутник, помогал ему в составлении ответов, написал их в поезде не одну сотню.

Перевезение тела Александра III по Москве и в Петербурге в Петропавловский собор обставлено было торжественно. Канцелярия министра двора, снесясь с Главным управлением по делам печати и с Министерством иностранных дел, собрала богатую коллекцию оригинальных статей русских и иностранных, помещенных в газетах, журналах и брошюрах с характеристикой Александра III и его царствования. Собран был богатый материал в виде иллюстраций и разнообразных отзывов о покойном, как в дружелюбном тоне, так и во враждебном. Вся эта груда печатных страниц систематизирована была по папкам и помещена в отдельный, специально для этого заказанный черный шкаф, который был поставлен в собственной его величества библиотеке в Зимнем дворце, где, вероятно, и теперь находится и может представить известный интерес для лиц, работающих над исследованием дореволюционной эпохи.

<...>

В новое царствование после обычных докладов императору граф Воронцов-Дашков возвращался домой не в духе. Решения по некоторым делам стали откладываться под предлогом: «Надо спросить Маман...»³ Вдовствующая императрица всегда была в самых лучших отношениях с воронцовской семьей, поэтому, казалось бы, нечего было тревожиться от передачи дела на ее рассмотрение; но она, не привыкшая при жизни мужа к такого рода деятельности, надо полагать, руководствовалась советами и подсказываниями тех, кто был поближе в данный момент. Выходило не совсем ладно. С течением времени обращения к «Маман» почти прекратились, но трещина, показавшаяся при протесте министра относительно неуместности торопливой свадьбы после смерти отца, стала все увеличиваться. Главная же причина такого расхождения заключалась в той стеснительности, которую ощущал Николай II от выявления своей слабой воли по адресу человека, так близко стоявшего к отцу, пользовавшегося полным его доверием, больше того — дружбой. Николаю II казалось, будто его собираются [водить] на помочах, как маленького, когда он считал себя большим. Приблизительно так объяснял Воронцов натянутость отношений.

<...>

Смирно сидевшие при жизни Александра III великие князья теперь свободно и громко заговорили. Владимир Александрович не вмешивался во внутреннюю политику, но в сфере внешнего представительства выдвинул себя далеко вперед. Сергей Александрович стал особенно близким советником, представителем московской консервативной партии. Постепенно стал забирать в свои руки нити управления военным делом Николай Николаевич, а за ним, попожже, появился еще новый претендент на власть — Сергей Михайлович, сумевший восстановить если не звание, то традиции генерал-фельдцейхмейстера⁴.

Появление на арене государственных дел этой группы безответственных лиц, за спиной которых могли работать всякого рода и порядочные, и непорядочные дельцы, не предвещало ничего доброго впереди.

С новым царствованием в делах Министерства двора заметно обозначилась линия не предпринимать каких-либо решительных актов до коронации, точно после этого традиционного акта откроется новая эра. По существу дела, устройство коронационных торжеств ничего особенного по трудности выполнения не представляло, если бы каждому из постоянных органов министерства поручено было, сообразно с потребностью момента, временно усилить свой личный состав; но, по старому завету, считали нужным специально организовать: коронационную комиссию, коронационную канцелярию, коронационного маршала со штатом церемониймейстеров, особую комиссию по устройству народного празднества.

<...>

Письмо императрицы Марии Федоровны великому князю Георгию Александровичу

Императорский поезд

Николаевской железной дороги. 31 октября 1894 г.

Мой милый дорогой Георгий!

Ты не знаешь, как мне тяжело опять быть в разлуке с тобой, особенно теперь, в это ужасное время!¹ И это путешествие в том самом вагоне, где только пять недель назад наш ангел папá был еще вместе с нами! Видеть его место на диване всегда пустым! Повсюду-повсюду мне кажется, что в любой момент он может войти. Мне чудится, что я вижу, как сейчас появится его дорогая и обожаемая фигура. И я все еще не могу осознать и заставить поверить в эту страшную мысль, что все кончено, правда кончено, и что мы должны продолжать жить на этой грустной земле уже без него!

4 ноября

С того момента как началась для меня эта чернота, мы пережили тяжелые и душераздирающие моменты, и главным образом это был приезд сюда, в наш любимый Аничков (дворец), где мы были так счастливы в течение 28 лет. А теперь все мне кажется таким пустым и страшным. Любимые комнаты, когда-то такие родные и симпатичные, а теперь пустые и грустные. Я чувствую себя в них абсолютно потерянной. Я ощущаю, что душа их покинула. Никогда я не могла ни подумать, ни поверить, что должна буду испытать такое страшное горе, как пережить Папу. Всю свою жизнь я радовалась, что у нас такая небольшая разница в возрасте², и я всегда надеялась, что умру раньше него. Но Бог захотел иначе, и надо подчиниться, не ропща, Его воле и нести этот тяжелый и страшный крест со смирением и христианской покорностью. Я говорю себе все это, а сама все время ощущаю свое страшное

отчаяние. Я никак не могу себе внушить, что это во благо Бог посылает нам подобные испытания. Мне кажется совершенно необъяснимым, что он, который был так нужен, должен был уйти так рано.

И ты, мой бедный Георгий! Мысль о том, что ты так одинок в этой страшной печали, сжимает мне сердце! К счастью, Георгий Михайлович рядом с тобой, по крайней мере, с ним ты можешь поговорить открыто о твоей боли, он тебя поймет, потому что тоже имел несчастье потерять свою мать³. Мои мысли тебя никогда не покидают, мой бедный Георгий, ты это знаешь. И какая же двойная боль для меня быть разлученной с тобой в этот самый жуткий и мучительный момент всей моей жизни. Да поддержит тебя Бог, мой любимый Георгий, и пусть твое здоровье не ухудшится от этого невообразимого горя, я надеюсь, что ты хорошо лечишься, как ты мне обещал, не правда ли, мой Георгий? Ты должен постараться полностью выздороветь, чтобы вернуться и оставаться рядом со мной, которая так нуждается, чтобы вы все были вокруг меня, особенно сейчас, когда я чувствую себя такой одинокой без моего ангела Папы!

Мое единственное утешение сознавать, что он покоится в мире, что он счастлив и больше не страдает. Мы смогли это увидеть по экспрессии и лучезарной улыбке, которую отражало его дорогое лицо. Сейчас он молится за нас и готовит нам дорогу. Мы должны стараться следовать его хорошему примеру, который он показал здесь, и жить так, как Бог считает достойным, а затем присоединиться к нему, когда настанет наш час.

Я с нетерпением жду твое первое письмо. Это ужасно, что почта ходит так медленно. Это письмо будет тебе доставлено твоим дорогим Зеленцовым⁴, который только что взял отпуск.

Тетя Аликс⁵ тебя обнимает. Она живет внизу с дядей Берти, но спит у меня. Ее Георгий⁶, который приехал вчера, живет в салоне Ксении; Вальдемар⁷ с толстым Георгием⁸ живут вместе в спальней комнате Ксении, а Апапа⁹ — в большой угловой комнате под папиным кабинетом. Так все заполнено. Извини, что письмо не очень длинное, но я не могу больше писать. Мне это так трудно!

Дорогой Апапа только что приехал, и я должна спуститься по-видать его. Какие эмоции вновь увидеть его, и какое отчаяние, что это при таких ужасных обстоятельствах. Я пока даже не отдаю себе отчета в том, что это по случаю погребения!!

Ники и Ксения напишут тебе в другой день. Сегодня у них нет времени. Теперь я должна тебя покинуть. Да поддержит тебя Бог и благословит тебя, мой ангел Георгий. Обнимаю тебя от всей глубины моей души и моего растерзанного сердца.

Господь с тобой.

Твоя любящая тебя, но несчастная старая мамá.

Л. А. ТИХОМИРОВ

<Дневник>

<Фрагменты>

<...>

Третье и самое скверное, что можно было выдумать, это *болезнь государя*.

5 октября.

Официальная телеграмма: по решению консилиума «*страдание почек не улучшилось. Силы уменьшились*». Известие прямо отчаянное.

Это почти заявление о безнадежном состоянии государя.

Теперь, стало быть, так и жди телеграмму о кончине. Но что же будет с Россией и даже с Европой?

Наши господа либералы уже готовят действовать. Говорят, у них образуется «национально-либеральная» партия.

6 октября, четверг.

1 час ночи. Только что из редакции.

День отчаянный. Утром был даже слух о смерти государя. Но во всяком случае телеграммы не оставляют *никакой* надежды.

Положение ужасное. Какой-то кошмар на всех. И это не у нас только. То же самое по городу.

У государя, по частным известиям, уже уремия. Исхудал, говорят, так, что мундир Сергея Александровича висит на нем, как мешок.

Боже мой, какое мерзкое время. И что только будет с Россией?

7 октября, пятница.

Еще один тоскливый день. Целый день *никаких* бюллетеней. Сейчас из редакции. Получена телеграмма, что бюллетень в СПб получится в 11 часов ночи (теперь половина одиннадцатого). Значит, мы узнаем только утром.

По городу ужасно ругаются за редкость бюллетеней. Это действительно ни на что не похоже. Тут нужно бы 5 раз в день извещать, а они оставляют без вестей с прошлых суток. Последний бюллетень был от 7 часов вечера вчерашнего дня, т. е. уже 28 часов назад, и мы еще должны ждать часа 4–5.

8 октября, суббота.

Утро. Бюллетень вчера, в 7 часов вечера, который только что напечатан, сравнительно лучше.

<...>

10 октября, понедельник.

Бюллетени о состоянии здоровья государя — все лучше. А частные сведения (от начальства) говорят, что нет никакой надежды и что он проживет не более недели.

11, вторник.

Бюллетени все хуже. Частные известия не оставляют *никакой тени* надежды, никакого самообмана.

Сегодня должно было произойти миропомазание принцессы Алисы. Что же дальше?

Тоска ужасная... В какую переломную, ни на чем не утвердившуюся минуту отнимает у нас Господь эту твердую руку! За 13 лет все *успокоилось*, т. е. затихло, все прониклось доверием к прочности существующего порядка. Враги его привыкли к мысли, что бесполезны попытки ниспровержения его. В таком спокойствии за последние 5–6 лет начинало уже кое-что и расти, но это самые ничтожные ростки. Уничтожить их — легко...

Если бы государь прожил еще 10 лет, он составил бы эпоху в России. Но теперь?

Ничего хорошего не чувствуется мне. Россия очень мало воспользовалась временем. Но, не осмеливаясь роптать, все же как не сказать, что это время, России данное, было ужасно коротко, чересчур коротко.

Мы имели буквально 5–6 лет. Возможно ли что-либо вырастить за такое время, после 30-летнего периода почти революционного шатания?

Бедная Россия!

И какие потери. Все, что ни есть крепкого или подававшего надежды — все перемерло: Катков, Д. Толстой, Пазухин, К. Леонтьев, П. Астафьев. Ничего кругом: ни талантов, ни вожаков, ни единой личности, о которой бы сказал себе: вот центр сплочения. А остатки прошлого, либерально-революционного, пережили 13 лет, тихо и без

успехов, но в строжайшей замкнутости и дисциплине сохранили все позиции, сохранили даже людей, фирмы, знамена, около которых завтра же могут сплотиться целые армии.

Теперь все зависит от наследника. Поможет ему Бог взять верный тон — может все хорошо сложиться. Но малейший ложный шаг, с самого начала, может воскресить 70–80-е годы.

Новое царствование... Стало быть, и *амнистия*. Но одна амнистия дает десятки вожаков, против которых мы не имеем ни единой «равносильной» души.

Ой, нехорошо! Помоги, Господи...

18 октября.

Конец быстро подходит.

«Ливадия, 18 октября, 11 часов утра. В состоянии здоровья государя императора произошло значительное ухудшение. Кровохаркание, начавшееся вчера при усиленном кашле, ночью увеличилось, и появились признаки ограниченного воспалительного состояния. “Инфаркт” в левом легком. Положение опасное.

Профессор Лейден. Профессор Захарьин. Лейб-хирург Гирш. Доктор П. Попов. Почетный лейб-хирург Вельяминов»¹.

Итак, не помогли молитвы... Вероятно, теперь (вечер) государя уже нет в живых...

Господь ведет куда-то не по-нашему, а по-своему.

Сегодня сдал статью «Знамение времени»². Пусть будет — мое приношение на гроб тому, за кого я бы отдал жизнь, если бы мог.

20 октября.

Вот и вечер 20 октября, а могучий организм государя все борется со смертью. Был даже один момент улучшения. Сегодня с утра было объявлено, что положение «крайне опасное». К вечеру ждали роковой вести... Но вот 11-й час ночи, а ничего не получается.

Ходим сами нервные, издерганные...

Сейчас пришел сторож с известием:

В 2 часа 15 дня 20 октября великий государь почил от мук и забот³.

Ночь, два часа. Вернулся из редакции. Толпа. Известия. В Ливадии уже присягнули. Государь скончался тихо, окруженный семьей, в сознании до последней минуты, еще раз приобщившись св. тайн.

.....⁴

26, среда.

Не прошло и недели, а событий так много, что нет времени записывать.

Громадная популярность почившего государя много утешила всех. Панихиды были трогательны. О нем плакали как о самом близком родном. Его называют прямо своим. Общее чувство так велико, что ему не воспротивилась и «дрянная» пресса. Ее отклики были единодушно полны горя. Исключение — «Русские ведомости», а в провинции «Волжский вестник» и «Смоленский вестник»⁵. Остальные 30–40 газет единодушны.

Принесли присягу. Тоже все очень хорошо⁶.

<...>

А. А. ИГНАТЬЕВ

Пятьдесят лет в строю

<Фрагмент>

<...>

20 октября 1894 года, то есть через несколько дней после принесения мною военной присяги, произошло событие, потрясшее наш пажецкий быт: в полном расцвете сил умер в Крыму Александр III. В корпусе в ту же ночь состоялась торжественная панихида, и даже новоиспеченные камер-пажи¹, высочайший приказ о производстве которых пришел из Крыма как раз в этот день, держали себя прилично; они показались мне великолепными в своих расшитых золотом мундирах, при шпагах вместо тесаков и шпорах с серебряным звоном. Погоны и каски затянулись на целый месяц черным крепом.

На нас в срочном порядке пригоняли придворную форму, состоявшую из мундиров с грудью, сплошь расшитой золотым галуном, и белых штанов навывпуск. На каски вставлялись тяжелые белые султаны из конского волоса.

Камер-пажи были еще наряднее — в белых лосинах, лакированных высоких ботфортах и со шпагами на старинных золотых портупнях.

Все готовились заранее к торжественным похоронам.

Через несколько дней, с флером через плечо² и большой свечой в руках, я шел у правого переднего колеса катафалка.

Я впервые увидел царя Николая II, великих князей, свиту и величественное зрелище гвардейских полков, стоявших шпалерами от Николаевского вокзала вдоль Невского до Петропавловской крепости.

За шпалерами войск на тротуарах стояла молчаливая толпа. Шествие подвигалось в торжественном и мрачном молчании.

И вдруг за полицейским мостом в суженной части Невского из толпы послышался выкрик: «Кукареку!»

Я, вздрогнув, встретился взглядом с шагавшим рядом со мной статным юнкером Павловского училища, и оба мы сделали вид, что ничего особенного не произошло.

В крепости нас поставили на дежурство при гробе. Сменялись каждые два часа в течение недели, показавшейся нам вечностью. Утомительная монотонность стояния на посту усугублялась заунывным гимном «Коль славен», который играли крепостные часы.

Мне рассказывали, что эта музыка доводила до сумасшествия заключенных в крепости, служившей одновременно местом упокоения царей и темницей для их врагов.

Это была для меня первая тяжелая придворная служба.

А через год мои учебные успехи при переходе в старший класс автоматически открыли мне блестящую дорогу к тому верховному существу, которым представлялся в то время для нас всех русский царь.

Торжественный день первого представления монарху в Александровском дворце Царского Села, по случаю производства в камерпажи, был омрачен для нас всех: начальство до самого входа в большой зал скрыло от нас почему-то наши придворные назначения, хотя мы твердо знали, что по праву при государе будет состоять фельдфебель Мандрыка, а при молодой императрице — я и Потоцкий как первые ученики в классе.

Но когда, построенные по ранжиру, мы вытянулись перед директором корпуса, из строя вызвали графа Апраксина, стоявшего по успехам где-то в середине выпуска и даже с трудом изъяснявшегося на французском языке. Ему предложили стать рядом со мной, и я успел лишь увидеть, как покраснел до слез мой сосед по строю — Сережа Потоцкий, сын скромного артиллерийского генерала, нашего корпусного профессора.

Куда ему было до Апраксина, находившегося в родстве со всемогущим тогда министром Иваном Николаевичем Дурново, да и к тому же — графа.

Оставалось лишь скрыть свое негодование, так как через несколько минут стук палки церемониймейстера известил о входе царя.

После общего представления он подошел к Мандрыке, и я мог за эти минуты побороть в себе какой-то особый трепет, который овладевал мною, как и всеми пажами, при всякой встрече с царем.

И этот трепет, объяснимый сознанием величия звания русского царя, совершенно не соответствовал впечатлению, производимому этим невзрачным полковником небольшого роста, то подымавшим на нас свои, унаследованные от матери, красивые глаза, то теребившим аксельбант и искавшим слов, подобно ученику, не знающему, как ответить на поставленный вопрос.

Со мной он сразу блеснул своим самым сильным качеством — памятью, вспомнив, что его отец сделал для меня исключение, решив окончить Киевский корпус взамен общих классов Пажеского корпуса.

После приема адъютант корпуса, распомаженный и нарядный капитан Дегай, провел нас с Апраксиным в гостиную к императрице Александре Федоровне, при которой с этой минуты должна была протекать вся моя дворцовая служба.

Посреди большой комнаты, утопавшей в цветах и наполненной запахом придворных духов, стояла в светло-сером платье из крепдешина высокая, стройная белокурая красавица. Я должен был подойти к ней первым и поцеловать протянутую руку; но то ли она сама вовремя не подняла руку, то ли я от смущения недостаточно нагнулся, но в результате поцелуй остался в воздухе, и я заметил, как лицо ее покрылось некрасивыми, красными пятнами, что еще более меня смутило. Я с большим трудом разобрал еле слышную фразу по-французски о том, что она очень счастлива с нами познакомиться.

«Моя царица» — вот чем была для меня в течение нескольких месяцев эта женщина. Не проходило недели, чтобы нас не высылали в полной форме в Царское Село, где нас встречала придворная карета с кучером и лакеем в золоченых треуголках, запряженная парой великолепных англазированных рысаков³. Во дворце скороход в шляпе с плюмажем⁴ из страусовых перьев провожал нас до зала, в котором собирались петербургские дамы высшего света для представления императрице своих взрослых дочерей.

Через несколько минут личный камергер⁵ императрицы, седеющий надушенный красавец, граф Гендриков, шел с нами в знакомую уже нам гостиную; мы, как и в первый раз, целовали руку и вместе с Тендряковым сопровождали «ее величество» в зал, где обходили гостей императрицы. В этом состояла вся служба. Такой же примерно характер она носила и на дворцовых церемониях, так называемых «высочайших выходах», по случаю Нового года, крещенского водосвятия, пасхальной заутрени, на большом балу в Зимнем дворце и т. п. При всех подобных случаях царская семья, вплоть до принца Ольденбургского, собиралась заранее в Малахитовом зале Зимнего дворца, откуда выходила парами — кавалер с дамой, в порядке старшинства, то есть прав на престолонаследие; это приводило к тому, что двоюродный брат царя Борис Владимирович в мундире простого юнкера шел выше фельдмаршала русской армии старика Михаила Николаевича, брата Александра II. Этот великан с седеющей бородой и красно-сизым носом был младшим братом Александра II и знал из рода в род весь военный и служивый петербургский мир. В последние годы жизни он сиживал у окна нижнего этажа своего дворца

на Набережной и очень бывал доволен, когда прогуливающиеся его замечали и отдавали честь.

Замыкал колонну «высочайших особ» принц Людовик-Наполеон, племянник Наполеона III, командир улан, шедший в одиночестве, со светло-голубой лентой Андрея Первозванного через плечо. Орден этот в России имели двадцать — тридцать высших государственных сановников, но лица царской фамилии обоего пола получали его при рождении.

За первой парой — царем и царицей — шли их камер-пажи, дежурные генералы и флигель-адъютанты, а за остальными парами — личные камер-пажи; к каждой великой княгине или княжне был прикреплен свой камер-паж на весь год по старшинству переходных баллов за учение.

Колонна медленно двигалась через все залы Зимнего дворца, отвечая на поклоны съехавшихся на высочайший выход во дворец сановников и офицеров гвардии. Дамы, допускаясь во дворец, были в придворных платьях в виде стилизованных русских сарафанов и в кокошниках.

Никаких темных предчувствий ни у кого в эту зиму 1895/96 года не было: все мы с трепетом ждали лучшего от нового молодого царя и радовались каждому его жесту, усматривая в этом если не начало новой эры, то во всяком случае разрушение гатчинского быта, созданного Александром III.

Царь перенес резиденцию в солнечное, веселое Царское Село, царь открыл заржавленные двери Зимнего дворца, юная чета без всякого надзора, попросту, на санках, разъезжает по столице. И даже слова о «несбыточных мечтаниях», произнесенные царем при приеме тверского дворянства, были приняты как временное недоразумение⁶.

Только моя «фрондирующая»⁷ тетушка, жена опального сановника Николая Павловича, удивляла меня своим скептицизмом. «Ах, — говорила она, — я ведь его знала, — ну полковничек, и больше ничего. А что до твоей “царицы”, так это гордячка, никого знать не хочет: куда ей до Марии Федоровны (вдовствующей императрицы)!» Но эти слова отражали лишь то глухое соперничество между матерью Николая II и его женой, которое, разрастаясь, сделало из него простую игрушку в руках этих двух женщин.

Нашей военной молодежи не было дела до придворных интриг, и мы попросту были на седьмом небе, когда однажды, заканчивая «вольт»⁸ в корпусном манеже, услышали команду штаб-ротмистра Химца: «Смена — стой! Смирно!» и голос самого царя из ложи манежа: «Здравствуйте, господа!» Я, как обычно, лихо заломив бескозырку набекрень, ехал на красивом гнедом коне Игривом — во главе смены, и мне казалось, что глаза царицы устремлены только на ее камер-пажа.

А через несколько дней, опять-таки как необычайное новшество, нашей роте, вместе с другими училищами, была поручена охрана самого Зимнего дворца, и прохожие с удивлением увидели юнкеров, заменивших гвардейских солдат на Дворцовой набережной.

Поздно ночью, стоя парным часовым на внутреннем посту у подъезда «ея величества», я был взволнован появлением царской четы, обходившей караулы по возвращении из театра.

Замерев на приеме «на караул по-ефрейторски», то есть отклонив на вытянутую руку верх винтовки, мы вполголоса ответили на приветствие царя, заговорившего с моим товарищем по посту Потоцким. Царица подошла ко мне, впервые поздоровалась со мной на русском языке и, вероятно по наущению царя, попросила меня показать ей винтовку. Я твердо ответил, что передать оружие имею право только одному человеку на свете — самому государю императору.

Все эти маленькие события казались нам, придворной молодежи, жившей интересами двора и гвардии, исполненными особого смысла и значения. Никто не предполагал, что преклонение перед царской четой у многих из нас рассеется когда-нибудь в прах.

<...>

IX РЕЗЮМЕ

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

Памяти в бозе почившего Государя императора Александра III

*Речь, произнесенная в заседании
Императорского Общества истории и древностей российских
при Московском университете 28 октября 1894 г.
председателем Общества В. О. Ключевским*

Оплакивая вместе с Россией, вместе со всей Европой кончину Императора Александра III, наше Общество имеет и свои особые побуждения усиленно скорбеть об этой тяжкой утрате. Мы сейчас молились об упокоении души почившего Государя, державного покровителя нашего Общества. Назвать его покровителем обществ, занимающихся изучением истории и археологии России, значит слишком слабо выразить его отношение к этой отрасли знания. Он не только благоволил к трудам в этой отрасли: он возбуждал и поощрял их средствами материальными и нравственными. В числе обществ, пользовавшихся обильными пособиями от державной руки почившего, и наше удостоено было им усиленной поддержки и вот уже 10 лет пользуется сим царственным даром. Можно быть уверенным, что еще не получили общей известности многие случаи, когда его державная рука щедрой помощью поддерживала и поощряла труды по изучению и восстановлению памятников отечественной старины. Многим ли, например, известна великодушная и просвещенная помощь, оказанная им при реставрации дворца царевича Димитрия в Угличе?

Еще благотворнее было его прямое участие в изучении родной старины. Государь, который сосредоточивал в своих руках много-сложные нити управления необъятной Империи, направлял или сдерживал разносторонние течения мировой международной жизни, которому, казалось, необходимо было удвоенное число суточных часов для решения многообразных государственных вопросов, ежеминутно на каждом его шагу выроставших из земли, — этот Государь умел

находить досуг для скромной ученой работы, особенно по изучению отечественной истории и древностей, и был глубоким знатоком в некоторых отделах русской археологии, например, в иконографии. Все мы знаем его постоянное и близкое участие в заседаниях и издательских трудах Русского исторического общества, председателем которого он был с самого его открытия, глубокий научный интерес, приданный Сборнику этого Общества содействием и покровительством Государя, живое внимание, с которым Государь относился к предпринятому Обществом изданию громадного Биографического русского словаря: высокий пример поощрял и ободрял ученые общества, будил и поддерживал энергию отдельных исследователей.

Оживление русской исторической мысли, поддержанной и ободренной просвещенным вниманием и прямым личным участием почившего Государя, переживет его царственную деятельность, прервавшуюся столь преждевременно, и долго будет находить животворное питание в обильных исторических плодах его царствования, выращенных для России его 13-летними державными заботами. Еще не настало время всестороннего суждения о царствовании Императора Александра III: перед незакрывшимся еще гробом молчит суд истории. Мы теперь едва ли в состоянии понять все историческое содержание и значение переживаемого нами момента, созданного деятельностью и кончиной почившего Государя: пока еще не остывшая печаль застилает глаза, люди больно чувствуют и тускло видят ее причину. Но иные впечатления современников складываются так последовательно и отчетливо и высказываются таким внушительным и вещим языком, что предупреждают и предрекают суд потомства. Прислушиваясь к голосам, вызванным болезнью и кончиной почившего у нас и особенно за границей, вдумываясь в свои собственные ощущения, каждый из нас почувствовал, что в историческом сознании образованного мира совершается глубокий перелом, в высшей степени важный для судеб цивилизации: этот перелом изменяет взаимные отношения народов, прежде всего отношения западно-европейских народов к русскому и русского к ним.

Кто не знает и к чему скрывать, что эти отношения, правда, не исключительно, но, к сожалению, в значительной мере направлялись доселе одним вековым закоренелым предубеждением, видевшим в России авангард азиатского варварства, вечную угрозу европейской цивилизации. Мы отвели от западной Европы и вынесли на своих плечах ряд нашествий, угрожавших миру поработением, начиная с Батгя и кончая Наполеоном I, а Европа смотрела на Россию, как на переднюю Азию, как на врага европейской свободы. В царствование Императора Александра II мы на глазах одного поколения мирно совершили в своем государственном строе ряд глубоких реформ в духе

христианских правил, следовательно, в духе европейских начал, — таких реформ, какие стоили западной Европе вековых и часто бурных усилий, а эта Европа все продолжала видеть в нас представителей монгольской косности, каких-то навязанных приемышей культурного мир. Под гнетом такого взгляда и Россия привыкала косо и недоверчиво смотреть на Западную Европу.

Прошло 13 лет царствования Императора Александра III, и чем торопливее рука смерти спешила закрыть его глаза, тем шире и изумленнее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования. Наконец и камни возопияли, органы общественного мнения Европы заговорили о России правду и заговорили тем искреннее, чем непривычнее было для них говорить это. Оказалось, по этим признаниям, что европейская цивилизация недостаточно и неосторожно обеспечила себе мирное развитие, для собственной безопасности поместилась на пороховом погребе, что горящий фитиль не раз с разных сторон приближался к этому опасному оборонительному складу и каждый раз заботливая и терпеливая рука русского царя тихо и осторожно отводила его. Тогда историческое сознание Европы сделало над собою одно из тех великих усилий, какие не раз поднимали его в минуты ослабления и в которых сказывается его сила, воспитанная строгим научным знанием и добросовестной мыслью, — его способность при встрече с истиной отрешаться от своих вековых предрассудков. Европа признала, что царь русского народа был и государем международного мира и порядка, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России по ее политической организации в воле царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью его царя. Европа призналась, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на ее страже, понимает, ценит и оберегает ее основы не хуже ее творцов; она признала Россию органически необходимой частью своего культурного состава, кровным, природным членом семьи своих народов. Это признание само собой, невольно, вырвалось из души европейского общества под впечатлением известий о последних минутах жизни почившего Императора и не замрет с его последним вздохом: октябрьские дни ливадийских страданий¹ были для Западной Европы днями нравственного сближения с Европой Восточной и, провожая в могилу гроб русского царя, она впервые оплакивает в нем своего европейского государя.

Кто знает, — может быть, это признание даст новое направление всему течению международной жизни Европы. Во всяком случае путь русской исторической мысли становится ровнее и светлее. Теперь, когда каждый европейский народ светлой страницей занесет царствование Императора Александра III в свою историю, эта мысль

в усиленном сознании признанного значения своего отечества почерпнет для себя новые силы, при окрепшем международном доверии встретить на пути своем меньше предубеждений, ввиду открытого признания своих помыслов о культурном отношении России к Европе почувствует себя менее обособленной и дружнее примкнет для совместной работы к мысли западноевропейской. Смерть, смежившая очи почившего Государя, ярким лучом озарила исторический смысл жизни его народа и воскресила чувство нравственного единения европейского мира: скорбный отклик Европы на русское народное горе — это ответ на скорбь, с какою много веков назад старинный русский летописец оплакивал неудачу третьего крестового похода, как общую беду всего христианства, называя павших крестоносцев «мучениками святыми»².

Наука отведет Императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что он одержал победу в области, где всего труднее достаются победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное сознание и сделал все это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уж нет, Европа поняла, чем он был для нее.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Царствование Александра III

Официальная Россия в трауре. Не стало Александра III. Николай II является теперь государем всея Руси и «республиканской» буржуазии Франции.

Что представляет собой новый монарх? Это — прежде всего слабый душой и телом юноша, болезненный отпрыск вырождающегося рода.

Что он думает делать? Как он будет распоряжаться судьбой по меньшей мере 100 миллионов более или менее верных ему подданных?

Мы покамест подождем и не будем строить никаких предположений. Наша задача состоит в том, чтобы бросить беглый взгляд на наследие, оставленное ему отцом.

Александр III вступил на престол в столь тяжелой обстановке, труднее которой вряд ли можно себе представить. Революционное движение достигло своего апогея. В опубликованном после смерти Александра II письме к Александру III *Исполнительный Комитет террористической партии* в спокойной, полной достоинства форме объявил, что он отнюдь не намерен сложить оружие и поведет борьбу с еще большим ожесточением, если новый царь сохранит самодержавную форму правления¹. Даже «легальная» пресса, несмотря на свое порабощение, все же явным образом намекала на необходимость реформ, разумея, конечно, реформы в области политической свободы². Таким образом, было очевидно, что требования нигилистов³ поддерживаются по крайней мере частью населения. Правительство должно было либо уступить, либо вооружиться для борьбы.

Александр III *не пошел на уступки*. Часто высказывалось мнение, что отказ Александра III от уступок служит доказательством его необычайной смелости. Для нас же два года его *добровольного*

заточения в Гатчине скорее являются доказательством его слишком большой осторожности.

Формально считалось, что новый монарх самодержавно управляет всем, фактически же он не управлял ничем, ибо должен был скрываться. Пользуясь этим, реакционная партия составила свой план действий, который она с удивительной настойчивостью проводила в течение тринадцати лет.

С первого же взгляда ясно, что весь план этот сводился к простому отказу от реформ Александра II. «Встаньте, господа; правительство идет» — возвестил Катков в «Московских ведомостях». И правительство пришло и воскресило теорию и практику Николая I. Реформы предшествовавшего правительства, несмотря на всю их недостаточность и поверхностность, объявлены были вредными, опасными и разрушительными. И поэтому необходимо было их в самом спешном порядке отменить одну за другой. Дело дошло до того, что часто достаточно было одного лестного слова по поводу реформаторской деятельности Александра II, чтобы автор стал неблагонадежным в глазах реакционеров. Александр II, прозванный «Освободителем», представлялся чем-то вроде жирондиста или даже чуть ли не якобинцем⁴. Самодержавие, православие и народность, — те три кита, к которым постоянно взывали при Николае I, — стали теперь опять девизом всех, кто так или иначе трудился на пользу «порядка», но ничего не мог добиться, наталкиваясь на противодействие «жирондиста» — Александра II Романова, и «якобинца» — Андрея Желябова.

Эта «николаевщина» характеризует, однако, только поверхность явлений, в действительности же реакция как нельзя лучше понимала невозможность вернуть опять добрые, старые времена Николая I.

С 1881 года у нас началась настоящая «реставрация»⁵, а всякая реставрация неизбежно носит незаконный характер. Это лучше всего проявилось в правительственной политике «гатчинского пленника».

Для того, чтобы привлечь на свою сторону «общество», правительство прежде всего должно было щедрой рукой удовлетворить его материальные интересы и осуществить его надежды. Между тем интересы и надежды «общества» сильно изменились уже со времени Крымской войны⁶.

Пресловутое «освобождение» крестьян 1861 года произведено было таким образом, что оно разорило не только крестьян, но и помещиков-дворян. Объявить себя противником реформ для нового правительства прежде всего означало объявить себя покровителем дворянства. Делалось все возможное для того, чтобы восстановить его былой блеск. Еще более ограничив и без того весьма скромное представительство

мелких землевладельцев в земствах и предоставив решительный перевес крупным землевладельцам, усилили таким образом значение дворянства, в руках которого в настоящее время находятся две трети земель⁷. С установлением должности земских начальников⁸, крестьяне опять отданы были в руки их прежних господ, к которым они питают глубоко укоренившуюся и вполне заслуженную ненависть. С точки зрения тех, против кого эти «контр-реформы» были направлены, это было уж очень много, но это было далеко не достаточно для тех, в чью пользу они проводились.

Дворянству нужны были *деньги, деньги и еще раз деньги*. Чтобы пленить Данаю, Юпитер обернулся в золотой дождь⁹. Обласканное новым царем, русское дворянство спешило в самых недвусмысленных выражениях просить о такой же метаморфозе¹⁰ по отношению к себе. Правительство учредило Дворянский банк, из которого дворяне-помещики могли получать ссуды на исключительно выгодных условиях¹¹. Даная торжествовала, с торговли сняты были последние путы.

Но, к сожалению, подписать квитанцию и взять деньги из кассы — это еще не все. Надо платить проценты или погашать долг. А между тем благородные должники не проявляли никакого желания подчиниться этой печальной экономической необходимости. Дело приняло плохой оборот. Золотой дождь принес с собой бурю наложенных арестов за неуплаченные долги. И снова ропот Данаи, и снова дары Юпитера. В 1889 году неуплаченные дворянами проценты объявлены были их новым долгом. Таким образом, дворяне должны были платить только проценты на проценты. Исполненные благодарности, они с удвоенной силой стали проявлять свою «верность», но одновременно еще более возросла их жажда новых денежных ссуд. В настоящее время, спустя 13 лет после начала нашей реставрации, мы имеем дворянство более «лояльное», более задолженное, чем когда бы то ни было.

Правительство Александра III привело «первое сословие» к экономическому краху и к полнейшей деморализации. Полученные из Дворянского банка деньги не только не улучшили, а, напротив, ухудшили его экономическое положение. В чьи руки попали эти деньги? Частью они были истрачены за границей, частью прокучены в увеселительных заведениях русских столиц, наконец, часть их попала в руки буржуазии и купечества, которые вообще только выиграли от распродажи с молотка дворянской «верности».

Но купечество было слишком практично, чтобы ограничиваться такими пустяками: оно тоже склонно было продать свою «верность» и было уже настолько влиятельно, что правительству нельзя было мешкать с тем, чтобы поскорее купить эту драгоценную «верность».

Уже со времени Крымской войны правительство всячески старалось расчистить путь буржуазии, которая ускоренным темпом стремилась к экономическому господству. Рост русской промышленности при Александре III был сравнительно очень велик, но экономическая политика того времени с точки зрения купечества оставляла желать еще многого. Вопреки своим самым лучшим намерениям, Александр III часто нарушал интересы буржуазии, главным образом вследствие своей неопытности, а также и потому, что его окружало дворянство, которое рассматривало экономическую политику только под углом зрения *потребления* богатств. На *Берлинском конгрессе* русские дипломаты Горчаков и Шувалов в буквальном смысле слова *забыли* поставить вопрос о торговом договоре России с «освобожденной при помощи русского оружия» Болгарией¹². Поэтому торговые отношения по-прежнему продолжали регулироваться *Парижским договором*, который был чрезвычайно невыгоден для побежденной союзниками (западноевропейскими державами) России. Негодованию московского купечества не было границ¹³. Оно вылилось в статьях «Руси», славянофильского органа И. Аксакова¹⁴, который со свойственным ему риторическим пафосом обвинял бюрократию в равнодушии к священным интересам родной страны. Подобного рода нападки повторялись потом и в других случаях, а также и в газетах, не имевших ничего общего с славянофильством. Одна петербургская газета в энергичных выражениях сообщала о крахе железнодорожного проекта, выработанного какой-то акционерной компанией, который точно так же забыт был чиновниками. Статья заканчивалась заявлением, что *необходимо начать борьбу за права человека и гражданина*. Чтобы успокоить недовольство, неограниченное правительство Александра III вынуждено было сверху октроировать¹⁵ те права человека, которые в данный момент были наиболее ценны для буржуазии, т. е. дать ей *право обогащаться более ускоренным темпом, чем это возможно было раньше*.

Реакционная камарилья¹⁶ объявила беспощадную войну всем «западно-европейским идеям», или, выражаясь более удобопонятным языком, всяким конституционным стремлениям. А русское купечество угрожало уже войной не на жизнь, а на смерть, против ввоза западно-европейских *товаров*. Этим создавался такой удобный пункт для прочного сближения с правительством, лучше которого нельзя было и желать. «Вы поддерживайте нас против конституционалистов, мы же, с своей стороны, будем охранять вас от конкуренции западно-европейских товаров». *Do ut des!* (Давай, чтобы и тебе давали.)¹⁷

Эта сделка вскоре была заключена. «Россия для русских» — стало лозунгом доморощенных «славянофилов». Лозунг этот означал, с одной стороны, передачу всех внутренних и внешних государ-

ственных дел в руки реакционной клики, а с другой — передачу внутреннего рынка в руки русских фабрикантов. В то время как наши государственные деятели вели борьбу против «реформ» предыдущего правительства, купечество опустошало карманы русских потребителей.

Очень высокий таможенный тариф, существовавший уже и до этого времени, был теперь так сильно повышен, что превратился почти в запретительный. Прибыли русских капиталов достигали ежегодно 30, 40, 50 и даже 60% (по официальным сведениям)¹⁸.

Но, как известно, аппетит приходит во время еды. После того, как иностранный конкурент был почти совершенно вытеснен с внутреннего рынка, купечество затеяло войну против ста с лишком предпринимателей, — русских подданных, — либо не принадлежавших к православной церкви, либо не коренного русского происхождения. Евреи, поляки, финляндцы должны были один за другим вкушать прелести нового режима. А спекулянты патриотических чувств все еще не были довольны. Было очевидно, что они будут довольны только тогда, когда будет совершенно разрушена *промышленность Польши и Финляндии*.

А почему бы не попытаться завоевать иностранные рынки? Разве «Россия для русских»¹⁹ не означает, что *персидский* рынок должен быть предоставлен москвичам, что им же должен быть предоставлен рынок *Бухары*, а также и *китайский* рынок? Но как быть с английской конкуренцией? Что же, разве правительство его императорского величества не прекрасное, отеческое правительство, которое думает только о том, чтобы служить интересам своих верных сынов, не останавливаясь ни перед какими расходами? Была построена закаспийская железная дорога, и взялись за постройку закавказской и великой сибирской дороги²⁰. В этом отношении существовало такое полнейшее единодушие между идеологами реакции и паразитами буржуазии, что в том или ином отдельном случае нельзя было решить, кому принадлежала инициатива того или иного «спасительного и благодетельного мероприятия»: наши купцы постоянно говорили о «стратегии», а наши полководцы об «интересах торговли».

Но это еще не все. Русское купечество великолепно знает, что представляют собою чиновники, эта орда самых скверных мошенников, казнокрадов, бездельников и невежд.

Чтобы оградить свои интересы от бессовестных и глупых чиновников «обожаемого монарха», русская буржуазия энергично заявила желание диктовать законы министру финансов и контролировать его деятельность. Правительство тотчас же уступило — и ежегодно ко времени Нижегородской ярмарки²¹ министр финансов собирал сведения о нуждах господ капиталистов. Сговорившись с ними о ме-

рах, которые необходимо предпринять, он возвращался в Петербург, чтобы именем самодержца всея Руси проводить в жизнь пожелания купечества. Это тоже своего рода конституция, только, конечно, не похожая на конституции «гнилого Запада».

Но это опять-таки еще не все. Купечеству было совершенно безразлично, кто был самым близким приближенным царя: был ли то министр двора граф Воронцов-Дашков, или какой-нибудь другой князь или граф, — оно относилось к этому совершенно равнодушно. Зато оно с величайшей бдительностью ревнивым взором следило за всеми назначениями на посты, имевшие отношение к интересам буржуазии. Это особенно касалось министерства финансов. И надо ему отдать справедливость: правительство Александра III прекрасно это понимало и назначало «подходящего человека на подходящее место». О таких людях, как Вышнеградский, Витте и им подобные, можно говорить что угодно, но им нельзя отказать в том, что они по характеру своему не имели ничего общего с той расточительной и невежественной аристократией, которая всегда окружает русских царей.

Для нас ясна теперь тайна «верности» русской буржуазии в царствование Александра III. Но из «ничего» ничего и не создашь. Посмотрим же, во что обошелся нам этот союз политических реакционеров с экономическими эксплуататорами нашей страны.

В то время как именитое купечество, благодаря экономической политике своих союзников, загребало неслыханные барыши, вся тяжесть налогов тяжким бременем ложилась на беднейшие классы: на рабочих, ремесленников и крестьян.

При восшествии на престол Александра III наш бюджет составлял 650 миллионов рублей, — в настоящее время он составляет *свыше миллиарда*. Чтобы показать свои заботы о крестьянстве, Александр III отменил подушную подать и снизил выкупные платежи, которые освобожденные от крепостной зависимости крестьяне должны были выплачивать за свою землю. Но, несмотря на все это, платежи эти так велики и ежегодная выплата их так тяжела, что во многих местах крестьяне отказываются от земли, чтобы избавиться от притеснений сборщиков налогов. Что же касается подушной подати, то отмена ее осталась совершенно незамеченной ввиду появления новых налогов²². Правительство учредило *Крестьянский банк* с целью облегчить крестьянам покупку мелких участков земли. Однако условия, на которых давались ссуды крестьянам, были гораздо менее благоприятны, чем для помещиков в *Дворянском банке*²³. Но это не могло остановить крестьян: они буквально осаждали новый банк. Задолженность крестьян до такой степени возросла, что многие из них вскоре абсолютно не в состоянии были покрывать платежи по своим

долгам. В результате получилось, что на сохи, приобретенные с помощью банка, учрежденного для улучшения положения крестьян, тем же банком накладывался арест. Комедия с «Народным банком» (Крестьянский банк назывался также «Народным банком») привела к обогащению кулаческих элементов деревни, сильному взвинчиванию цен на землю, что было на руку помещикам-дворянам, продававшим крестьянам по *баснословно высоким ценам* мелкие, совершенно бесполезные для их собственных хозяйств, участки земли.

Александр III охотно разрешил называть себя «*мужицким царем*». Он был *мужицким царем* в том смысле, что ему было бы очень приятно, если бы все его подданные отличались такой же политической покорностью и таким же невежеством, как и крестьяне. *И этим исчерпывалось его благоволение к крестьянству*. Правительство же Александра III разоряло этих столь преданных монарху мужиков с такой беспощадной, систематической жестокостью, которую трудно встретить даже в России, где на крестьянина издавна смотрят как на илота²⁴ и где как с илотом с ним и обращаются.

Вследствие все усиливающегося обнищания крестьян, главным занятием которых в России является земледелие, русское сельское хозяйство *совершенно разрушено*. Ужасный голод 1891 года был естественным последствием бедственного положения нашего крестьянства²⁵.

Старинная пословица гласит: *бедны крестьяне — бедна страна*. Наши государственные деятели знают это так же хорошо, как и мы. Но они надеются помочь бедности *государства* путем *займов за границей*. Министры финансов времени Александра III — гг. Вышнеградский и Витте — все свое время и силы употребляли на то, чтобы пустись простакам пыль в глаза своими финансовыми спекуляциями, которые под стать были самым опытным «рыцарям промышленности». Дураки таращили от изумления глаза. Между тем государственный долг все рос да рос, и в настоящее время в одной только Франции накопилось *на 800 миллионов рублей русских долговых обязательств*. Дружба Франции начинает, однако, колебаться, и парижские капиталисты полагают, что они *достаточно* дали. А что будет с нами, если от нас «откажутся» даже наши дорогие «союзники»?²⁶

Иностранные дипломаты постоянно ухаживали за правительством Александра III. Оно гордилось тем, что благодаря этому другие державы еще больше считались с Россией. Политическое положение России было действительно необычайно благоприятно, но правительство Александра III было в этом так же неповинно, как новорожденный младенец. *Оно лишь пожинало плоды франко-германской войны 1870–1871 годы, бросившей Францию в объятия русского царя*²⁷. Франция

возлагает большие надежды на дружбу с «северным колоссом». Она не замечает только того, что глиняные ноги этого колосса с каждым днем все больше и больше начинают подкашиваться²⁸.

Русский деспотизм, как и все восточные деспотии, покоился на невежестве и консерватизме русских крестьян, живших в пресловутых (коммунистических!) *сельских общинах* и не интересовавшихся тем, что происходило за пределами их околиц. *В настоящее время эта старая основа русского деспотизма разрушена, разрушена самим же деспотизмом*²⁹.

Русская сельская община отошла в прошлое. Разоренный дотла крестьянин оставляет свою исконную работу, отказывается от своих старых привычек и отношений. *Со времени Крымской войны Россия пережила экономическую революцию*, и эта революция с естественной необходимостью, — что бы ни делали реакционеры, — должна иметь свои *политические последствия*.

«Что бы ни делали наши реакционеры!» Что я говорю? Ведь они как раз являются у нас самыми большими *революционерами*. Это именно они всеми силами старались форсировать экономическое развитие, которое должно положить предел их господству. С разоренным, нищим дворянством больше не приходится считаться, а что касается верноподданной буржуазии, — преданной, поскольку «преданность» приносит ей доход, — то она первая обернется против своего старого союзника, когда у него *больше нечем будет ей платить*.

Целых тринадцать лет Александр III *сеял ветер*.

Николаю II предстоит помешать тому, чтобы *буря разразилась*. Удастся ли ему это?

К. К. АРСЕНЬЕВ

Царствование императора Александра III

Царствование императора Александра III, так неожиданно закончившееся 20 октября¹, еще не сделалось и не скоро делается достоянием истории. Миновало, однако, первое впечатление, под гнетом которого находилась месяц тому назад вся Россия и которое позволяло ей видеть в усопшем только безвременно почившего человека; наступило время если не для оценки, то для общего обзора важнейших мер, ознаменовавших минувшее четырнадцатилетие, и для сравнения России, какую она была в момент кончины Александра II, с Россией, которую мы видим перед собою накануне 1895 года.

О последних годах царствования Александра II, как и о многих других недавних исторических моментах и исторических деятелях, сложилась, на наших глазах, целая легенда. Трудно поверить, чтобы о времени столь близком, столь хорошо памятном громадному большинству наших современников, столь ярко отразившемся в целой массе всем известных фактов, могли образоваться представления, прямо противоречащие действительности. Невероятное, однако, оказывается несомненным; наиболее ходячее мнение является, вместе с тем, наиболее фальшивым. Фраза об «отсутствии правительства», произнесенная лет десять тому назад с целью доказать необходимость его «возвращения», повторялась так часто, с такою уверенностью, на столько различных ладов, что получила для многих значение аксиомы. Вошло в привычку утверждать, что Россия конца семидесятых и начала восьмидесятых годов, отданная на жертву «нестроению и самоуправству», зависимая извне, быстро шедшая к распадению внутри, стояла на краю гибели, а государственная власть, «усвоившая себе западные доктрины и преклонившаяся перед западной культурой», ступсевалась и потеряла веру сама в себя.

Перед судом потомства, быть может весьма близкого, не устоит — мы в том глубоко убеждены — ни одно из этих положений, основанных отчасти на тенденциозном, намеренном, отчасти на бессознательном, наивном извращении истины. Легко будет доказать, путем простой исторической справки, что правительство императора Александра II, в продолжение всей эпохи его мнимого бездействия и безвластия, ни на минуту не переставало заявлять о своем «присутствии», и заявлять весьма осязательно, не оставляя без сурового отпора ни одной попытки, направленной или хотя бы только казавшейся направленною против целости государства или неприкосновенности государственного строя. Легко будет доказать, что затруднения, с которыми правительству того времени приходилось бороться, обуславливались не уступчивостью или нерешительностью его, не «преклонением» перед западной культурой, а отчасти внешними осложнениями, отчасти незаконченностью реформ, отчасти, наконец, разрушительными стремлениями небольшой группы, преследуемой с величайшею строгостью, но не поддававшейся сразу уничтожению именно вследствие малочисленности и неуловимости ее членов. Уверению, что инородцы — *все* инородцы — были полновластными хозяевами занятых ими окраин, достаточно будет противопоставить документальную историю царства польского и западного края, начиная с восстания 1863 года. Уверению, что государственная власть *все более и более* поступалась тогда своими правами, достаточно будет противопоставить ряд мер, принятых правительством в 1878 и 1879 годах и завершившихся чрезвычайными полномочиями сначала генерал-губернаторов, потом верховной распорядительной комиссии. Сквозь массу выдумок, нагроможденных одна на другую, и теперь, впрочем, ясно виднеются главные черты положения дел, существовавшего накануне 1 марта 1881 года. *Избыток* репрессии, а отнюдь не ее *недостаток*, логически привел к вопросу о том, завершена ли великая преобразовательная работа, предпринятая в конце пятидесятых годов, ослабевшая в половине следующего десятилетия и заглохшая в начале семидесятых годов? Этот вопрос был разрешен в ту эпоху отрицательно. Признано было необходимым возобновить прерванное дело — возобновить его в двух направлениях, с целью поднять благосостояние народа и самодеятельность общества. Отмена соляного налога² была только первым шагом, за которым должно было последовать дальнейшее облегчение крестьянской массы: пересмотр постановлений о печати должен был идти рука об руку с приисканием других форм «общественного содействия». Сенаторские ревизии³, до тех пор служившие только средством раскрытия частных злоупотреблений, впервые были возведены на степень *исследования* существующих условий, пролагающего путь к их улучшению. Таково было наследство, полу-

ченное новым государем и сохранившее большую ценность, несмотря на неизбежный *contresour*⁴ катастрофы 1 марта.

Первый период царствования императора Александра III был во многих отношениях непосредственным продолжением предшествовавшей эпохи. Из двух течений, ею созданных, в особенности посприятствовало тому, которое сосредоточивалось в области финансовой и экономической. Понижение выкупных платежей (1882), отмена подушной подати (1882), налог на наследства (1882) и на процентные бумаги (1885), повышение промыслового обложения (1884), учреждение крестьянского поземельного банка и фабричной инспекции (1882), ограничение фабричной работы малолетних (1882) и ночной работы подростков и женщин (1885), устройство тех категорий сельских обывателей (чиншевиков, вольных людей и др.), поземельный быт которых оставался еще необеспеченным (1882 и позже), совокупность мер, направленных к облегчению для крестьян арендования казенных земель (1881, 1884) — все это было прямым исполнением программы, начертанной в 1880 году. И не случайно, конечно, главным исполнителем ее явился министр (Н. Х. Бунге), именно в 1880 году призванный из мира науки в сферу высшего государственного управления⁵. Последние волны могучего течения достигают берега много лет спустя (закон 3 июня 1886 г. о фабричной работе⁶, закон 13 июля 1889 г. о переселениях⁷) — но чем дальше от источника, тем слабее волна, тем больше в ней количество посторонних примесей... Не сразу исчезло и другое течение, завещанное последним годом царствования Александра II: непосредственно связаны с ним двукратный призыв сведущих людей (1881)⁸, учреждение так называемой кахановской комиссии (1881)⁹, узаконение школ грамоты (1882)¹⁰, учреждение комиссий для составления уложений уголовного и гражданского (1881 и 1882)¹¹, новые льготы раскольникам (закон 3 мая 1883 г.)¹².

Одновременно с осуществлением некоторых из числа задач, стоявших на очереди в момент воцарения нового государя, ставятся и быстро выдвигаются на первый план другие цели, идущие вразрез не только с эпохой «диктатуры сердца»¹³, но и с «эпохой великих реформ». Прежде всего, как это всегда бывает, перемена настроения отражается на печати. Вместо облегчений, проектированных в 1880 году, она подвергается, в силу *временных* правил 1882 года (действующих, однако, и по настоящую минуту), новым, весьма существенным ограничениям, влекущим за собою не только прекращение многих изданий («Голос», «Страна», «Отечественные записки»), но и сужение области, доступной для всех остальных. Временными (ни в чем до сих пор не измененными) правилами о публичных библиотеках и кабинетах для чтения (5 января 1884 г.) создается новая категория книг и изданий, *отчасти* запрещенных.

Положение о чрезвычайной и усиленной охране, также имеющее временный характер и также с лишком десять лет остающееся в полной силе, распространяется, на практике, далеко за пределы той сферы, которая имела в виду при его издании. В 1883 году закон о дворянских выморочных имуществах¹⁴ и речь, обращенная к волостным старшинам¹⁵, открывают собою длинный ряд мер, направленных к расширению дворянских прав и преимуществ. «Сведущие люди», приглашенные министерством внутренних дел (летом 1882 г. перешедшим в руки графа Д. А. Толстого) в состав кахановской комиссии, стоят за преобразование местного управления в духе сословности и соединения властей; в том же смысле высказываются некоторые дворянские собрания; кахановская комиссия, большинство которой не поддавалось новым веяниям, сходит со сцены (май 1885 г.) и продолжение неоконченной ею работы возлагается на министерство внутренних дел. Вместо проектированного Н. Х. Бунге государственного поземельного банка, общего для всех сословий, учреждается, в то же время (апрель 1885), государственный *дворянский* земельный банк, открывающий, на льготных основаниях, долгосрочный кредит для одних только дворян-землевладельцев¹⁶. Принцип опеки над крестьянами находит для себя первое выражение в законе 18 марта 1886 года о крестьянских семейных разделах¹⁷; в положении о найме сельских рабочих (12 июня того же года)¹⁸ к этому принципу присоединяется усиленное попечение об интересах землевладельцев. Оба начала осуществляются вполне в узаконениях 12 июля 1889 года, отменяющих одну из основ судебной реформы 1864 года — разделение властей административной и судебной — и одно из главных учреждений, ею созданных — выборный мировой суд¹⁹. Новым земским положением (12 июня 1890 г.) сословное земство ставится в зависимость от администрации; новым городовым положением (11 июля 1892 г.) та же зависимость распространяется на городские думы и управы. Рядом последующих узаконений уменьшается, с одной стороны, круг действий и самостоятельность органов самоуправления (закон 8 июня 1893 г. о земских оценках²⁰, больничные уставы 10 июня того же года²¹, закон 6 июня 1894 г. о страховом комитете²²), с другой — самостоятельность крестьянской общины (закон 8 июня 1893 г. о переделах²³), и на ближайшую очередь ставятся законопроекты, направленные к тем же целям (напр., продовольственный устав²⁴, закон о составе сельских сходов²⁵).

Преобразования, связанные с новым устройством местного суда и управления, — далеко не единственные, коснувшиеся судебных уставов 1864 года. Принцип несменяемости судей поколеблен законом 20 мая 1885 года²⁶. Ограничение судебной гласности предоставлено, законом 12 февраля 1887 года²⁷, усмотрению судебной администрации.

Законом 7 июля 1889 года²⁸ значительно сужен круг действий суда присяжных, в пользу одной из наименее удачных форм суда — суда с сословными представителями. Еще раньше обратное движение совершается в области народного просвещения; университетский устав 1863 года — первый из крупных законодательных актов предыдущего царствования — уступает место противоположному порядку (23 августа 1884 г.)²⁹. Хотя многие из числа мер, принятых в дополнение и развитие нового университетского устава, берутся назад или обращаются в мертвую букву, но в положении университетов происходит, тем не менее, коренная перемена, обусловливаемая отменой университетского самоуправления. Не вполне осуществившимися, но весьма знаменательными представляются министерские циркуляры (1887 г.), имевшие в виду затруднить доступ в среднюю школу³⁰. Правилами 13 июня 1884 года, вновь организующими церковно-приходскую школу, только что узаконенная школа грамотности отдается всецело в ведение духовенства³¹. Льготы по образованию при отбывании воинской повинности уменьшены законом 10 февраля 1886 года; в настоящее время проектировано новое их ограничение³².

Финансовая политика, со второй половины восьмидесятых годов, разрывает связь с стремлениями предшествовавшего периода. Мысль о подоходном налоге откладывается в сторону; новые налоги упадают преимущественно на предметы первой необходимости; возникает мысль о восстановлении соляного акциза; протекционизм находит крайнее выражение в тарифе 1891 года³³. Некоторый поворот в другую сторону становится заметным только в самое последнее время (квартирный налог³⁴, торговый договор с Германией³⁵). Конверсии³⁶ не приносят с собою никакого облегчения податного бремени для массы народа. Крестьянский поземельный банк³⁷ все более и более уклоняется от своей первоначальной задачи. Фабричная инспекция³⁸ теряет свою первоначальную энергию, деятельность ее — свою первоначальную гласность. Усиленным вниманием пользуются, кроме фабрикантов, более крупные землевладельцы, в особенности землевладельцы-дворяне, в интересе которых пересматривается едва вошедший в силу устав дворянского банка и заключается новый заем с выигрышами (1889)³⁹. В железнодорожной политике новую эру открывает общий железнодорожный устав 1885 года⁴⁰ — прямой результат работ так называемой барановской комиссии, учрежденной еще в царствование Александра II. Параллельно с переходом многих железных дорог в руки казны, другие железнодорожные линии переходят, наоборот, из рук казны в руки частных обществ. Во всяком случае, однако, в области железнодорожного хозяйства совершилась большая перемена к лучшему. Полезными представляются, бесспорно, меры против совместительства (1884)⁴¹ и законы об акционерных

и городских банках (1883)⁴², усилившие правительственный контроль над банковым делом; необходимо только помнить, что они состоялись в то время, когда произведены все прогрессивные финансовые реформы первых годов минувшего царствования. Тогдашнему финансовому управлению принадлежит и заслуга учреждения податной инспекции, во многом с тех пор отклоненной от ее первоначального назначения, но задуманной совершенно правильно и необходимой как орудие дальнейших преобразований... Бесспорно ценными приобретениями являются, наконец, закон о лесоохранении (1888)⁴³, закон о промышленных училищах (1888)⁴⁴, закон об узаконении и усыновлении (1891)⁴⁵, закон о ростовщичестве (1893)⁴⁶, закон о неотчуждаемости крестьянских наделов (1894)⁴⁷.

Длинный ряд мер, относящихся к нашим «инородцам» и «иноверцам», начинается с *временных* (в известном уже нам, весьма условном смысле этого слова) правил 3 мая 1882 года о евреях⁴⁸. Вместе с последующими узаконениями и распоряжениями, они могут быть сформулированы так: сосредоточение евреев в городах и местечках внутри черты оседлости — устранение их от приобретения и аренды поземельной собственности и вообще от всяких занятий, кроме промышленных и торговых — фактическое закрытие перед ними государственной службы и адвокатуры — затруднение для них доступа к образованию. В остзейских губерниях⁴⁹ восстановлено, прежде всего, не действовавшее при Александре II правило о смешанных браках⁵⁰; в связи с непрочными обращениями к православию, это влечет за собою массу дел об отпадении в лютеранство или так называемых пасторских процессов⁵¹. Не обошлось без обращения к суду и введение русского языка в управление и в школу, коснувшееся в последнее время и Дерптского (Юрьевского) университета. Введение в остзейском крае новых полицейских, административных и судебных учреждений (1888 и 1889)⁵² составляет несомненную перемену к лучшему; уцелела, однако, вотчинная полиция, суд присяжных заменен судом коронным, туземные языки, вопреки закону 1880 года, сохранили некоторое место только в судах крестьянских. В западном крае и губерниях привислянских обрусение менее заметно лишь потому, что оно было начато здесь еще при императоре Александре II; стеснение народного языка, закрытие католических монастырей и костелов, включение в число православных по имени католиков на самом деле — все это не имело здесь характера новизны. На дальнем востоке — за Волгой, в Сибири — формальная принадлежность к православной церкви, идущая рука об руку с внутреннею преданностью язычеству или магометанству, приводит к последствиям аналогичным с теми, какие мы видим на Западе в среде католиков и лютеран. Внутри России принимаются строгие меры против

пашковцев и штундистов⁵³. В Финляндии, наконец, распространение прав сейма (дарование ему законодательной инициативы в 1886 г.)⁵⁴ уступает место их ограничению (манифест 1890 г. о финляндской почте и другие аналогичные меры)⁵⁵.

Систематические оптимисты, которых так много в нашей печати — и в особенности много именно теперь, — затрудняются найти достаточно красок для изображения блестящего состояния, достигнутого Россией в минувшее царствование. Черные очки, сквозь которые они смотрят на конец семидесятых и начало восьмидесятых годов, уступают место ярко-розовым, как только они переходят к ближайшему прошлому и к настоящему. Прежде всего обыкновенно указывают на финансы, четырнадцать лет тому назад до крайности расстроенные, теперь вполне упорядоченные и уравновешенные; подчеркивается громадный рост государственных доходов, экономия в расходах исчезновение дефицитов. В основании этих указаний лежат, отчасти, бесспорные факты — но едва ли они имеют то значение, которое им приписывается. Положение финансов можно рассматривать с двоякой точки зрения — государственного и народного хозяйства. Первое может считаться удовлетворительным, когда доходы поступают исправно и расходы не превышают доходов; второе процветает только тогда, когда налоги уплачиваются из избытков народного богатства, когда экономическое благосостояние массы обеспечено от внезапных невзгод и способно выдержать, не разрушаясь, целый ряд более или менее тяжелых испытаний. То ли мы видим у нас в настоящее время? Одног неурожайного года было достаточно, чтобы привести наиболее плодородные области России на край гибели. Пережить неурожай 1891 года население центральных губерний, несмотря на крупную государственную и частную помощь, могло только ценою полного хозяйственного разорения. Острая болезнь застигла его ослабевшим и изнуренным, вследствие долгого хронического недомогания. Если голодный год оставил его почти ни с чем, то именно потому, что у него и перед тем было очень мало. Недоимки, и раньше достигавшие весьма значительных размеров, увеличились до колоссальных цифр. Что же значит, в сравнении с этим, равновесие между доходом и расходом или даже перевес первого над последним?.. Неустойчивость крестьянского хозяйства, неурожаями 1891 и 1892 годов обнаруженная ничуть не в меньшей мере, чем неурожаями 1879 и 1880 годов, ясно свидетельствует о том, что пересмотр нашей податной системы, предпринятый в начале восьмидесятых годов, но не доведенный до конца, требует безотлагательного продолжения. Крестьянский вопрос, в экономическом смысле этого слова, напрашивается на очередь с такой же неотразимой силой, как и в момент включения его в программу сенаторских ревизий 1880–1881 годов. Малоземелью не по-

могли ни переселения, в тех микроскопических размерах, в каких они допускались до сих пор, ни покупки при содействии крестьянского банка, связанные доплатами, парализованные быстрым повышением цен на землю и все меньше и меньше в последнее время доступные именно для тех, кто всего больше нуждается в земле. Арендование земли, по-прежнему не регулируемое законом, является, сплошь и рядом, не столько подспорьем для крестьян, сколько источником новых затруднений. Мирские сборы⁵⁶ растут и тяготеют по-прежнему над одними крестьянами, хотя значительная их часть идет на покрытие расходов общегосударственного свойства. Дополнительным бременем ложится на крестьян протекционизм, поднимая цену покупаемых ими товаров. А между тем потребности народа растут, и росли бы при других, более благоприятных условиях еще быстрее, поднимая тем самым умственный его уровень. Крестьянину нужно и более удобное и здоровое жилье, и лучшее освещение, и книга для него самого или для его грамотных детей. В последнем выводе благосостояние массы можно скорее считать понизившимся, чем повысившимся — и это положение чувствуется ею с каждым годом все сознательнее и живее.

Только последнее десятилетие — продолжают наши оптимисты — дало России истинно народную школу, в которой она давно нуждалась, которой давно желала: школу церковно-приходского типа. Не вдаваясь на этот раз в сравнение между церковной и земской или вообще светской школой, заметим только одно: образование и даже грамотность все еще распространены в народе до крайности слабо, затраты казны на этот предмет не увеличились за последние пятнадцать лет почти вовсе. Чем угрожает умственная отсталость масс — это показали с ужасающей ясностью всенародные бедствия 1891 и 1892 годов. Неурожай обнаружил неуменье массы приспособляться к изменяющимся условиям, обнаружил ее хозяйственную косность, зависящую, конечно, не от одного умственного мрака, но значительно им увеличиваемую; холерные беспорядки раскрыли всю глубину легковерия и предрассудков, поддерживаемых вдобавок давнишнею сословною рознью. Перед такими уроками должно было бы, по-видимому, исчезнуть всякое сомнение в необходимости общей и дружной борьбы против старинного врага — народного невежества. Почин борьбы по праву принадлежал государству — но для дальнейшего ее ведения требовалось участие всех наличных сил, общественных и частных, с сохранением за ними той *самостоятельности*, которая составляет лучший залог успеха. После печальных событий 1892 года прошло более двух лет — и все остается в прежнем положении. Для министерства народного просвещения народная школа по-прежнему принадлежит к числу тех *minima*, о которых поп

curat praetor⁵⁷. Ходатайства земских собраний о разрешении земству открывать школы грамоты и заведовать ими на том же основании, как и земскими школами, оставляются без удовлетворения и даже, если мы не ошибаемся, без ответа. Число школ растет, но иногда больше на бумаге, чем на самом деле. Существует ли в правительственных сферах мысль о подготовке к введению всеобщего обучения — с достоверностью сказать нельзя. Как бы то ни было, умственная бедность народа так же велика, как и материальные его нужды.

Когда, в 1880 году, поставлен был на очередь вопрос о преобразовании местного управления, со всех сторон слышались голоса в пользу устройства такой мелкой территориальной единицы, которая, соединяя в себе все сословия, могла бы служить самой удобной почвой для осуществления всех мер, направленных к поднятию народного благосостояния. Идут ли эти меры сверху или снизу, от высшего правительства или от самого населения, от администрации или от земства — к желанной цели они могут привести только тогда, когда встречаются на месте постоянную, живую, гибкую организацию, способную отнестись к ним не механически, а как к своему собственному делу, близкому и дорогому. Что крестьянская волость такой организацией служить не может, что волостной сход — учреждение мертворожденное, а волостное правление — не что иное, как присутственное место, со всеми слабыми сторонами бюрократии, но без ее достоинств, — это было довольно ясно и пятнадцать лет тому назад; теперь, после опыта голодных годов, в этом едва ли может оставаться хотя бы малейшее сомнение. Попечение о продовольствии населения, охранение его здоровья, призрение бедных, предупреждение пожаров, улучшение путей сообщения — все это и многое другое требует общих усилий, общих затрат, от которых не оставался бы в стороне ни один житель, ни один владелец данной местности. Отсутствие всесословной волости (употребляем это выражение, как наиболее привычное и понятное) ведет к тому, что для борьбы с бедой — с эпидемией или эпизоотией, с неурожаем — нужно каждый раз все создавать вновь, страшно много теряя при этом и времени, и сил. Напрасно было бы думать, что *самоуправление* в этой области может быть заменено *управлением*, что попечителем о населении может явиться должностное лицо, назначенное извне и держащее в своей власти значительную часть уезда. Такое лицо слишком далеко от каждой отдельной деревни, слишком мало знакомо с каждой отдельной группой деревенских жителей; чем шире его административно-судебные полномочия, тем меньше у него остается места для заботы о нуждах населения. В его распоряжении притом нет и не может быть тех средств, личных и материальных, которые способна доставить самоуправляющаяся и самооблагающаяся всесословная волость. Задача, давно выдвинутая жизнью, остается,

таким образом, неразрешенною, и положение крестьянства, с точки зрения организации, оставляет желать столь же многого, как и со стороны материальной обеспеченности и умственного развития.

Всего ярче обособленность сельских обывателей от остальных сословий выражается в том специальном подчинении их администрации, которое создано узаконениями 12 июля 1889 года⁵⁸. Менее, чем когда-либо со времени отмены крепостного права, может быть теперь речь о гражданской равноправности всех классов населения. Один из них, самый многочисленный, поставлен в совершенно исключительные условия и взят под опеку, многими признаваемую все еще недостаточно; мы еще недавно имели случай говорить о новых ограничениях, проектируемых по отношению к сельскому сходу... Самым резким признаком различия между массой населения и привилегированным меньшинством служат телесные наказания, налагаемые по приговорам волостных судов. Они существовали и прежде, но тогда ответственность за них лежала всецело на крестьянском сословном суде, действовавшем безапелляционно и почти бесконтрольно; теперь исполнение их (а практически — и самое их назначение) зависит от должностных лиц, входящих в состав общего управления. Быть может, это и уменьшило число случаев телесного наказания — но значение его изменилось далеко не к лучшему... Поколебалось в то же самое время и положение, принадлежавшее крестьянам в земских учреждениях: уменьшилось, и абсолютно, и относительно, число гласных от сельских обществ — и, что еще важнее, они сделались ставленниками администрации, действующими, вдобавок, на глазах своих ближайших начальников.

Создание «властной руки» над крестьянами не обошлось и не могло обойтись без целого ряда нововведений, отражающихся на положении всех сословий. Не одних только крестьян касается соединение властей судебной и административной, изъятие громадной массы судебных дел из чисто судебной сферы, возведение министерства внутренних дел *de facto* на степень второго министерства юстиции, раздробление кассационных функций⁵⁹ между несколькими десятками административных учреждений (губернских присутствий), почти ничем не связанных с верховным кассационным судом — Сенатом. Введение сословного начала в земские учреждения сопровождалось, с другой стороны, такими переменами в их компетенции, в их отношениях к администрации, которые делают их тенью старого земства. Можно быть того или другого мнения о прежнем земстве, можно подводить тот или другой баланс его активу и пассиву — но едва ли можно отрицать, что оно обладало инициативой, открывало новые пути, на которые вслед за ним вступала и администрация. Оно заботилось преимущественно о массе населения; вспомним земскую медицину, земскую школу, земские меры к подъему земледелия и кустарной

промышленности, земские системы оценки поземельной собственности. Сохранятся ли эти черты в деятельности преобразованного, сословного земства, если оно останется зависимым от администрации и будет терять одну функцию за другую — в этом позволительно сомневаться. Свобода действий — необходимое условие предприимчивости; уравновешенность составных элементов, устраняющая преобладание одного над всеми другими, — необходимое условие предприимчивости, направленной на *общую* пользу... В преобразованные городские учреждения *сословное* начало не введено, но они отданы всецело в руки немногочисленного *класса*; недостатки этой системы обнаружались уже с большою ясностью, особенно в столицах...

Выдвинутое на первый план в земстве, наделенное значительными правами в области местного управления, одаренное дешевым кредитом, довольно ли дворянство — и как оно воспользовалось своим новым положением? На первый вопрос можно ответить только отрицательно. Из дворянских сфер постоянно слышатся жалобы и просьбы — жалобы на упадок хлебных цен, на дороговизну рабочих рук, на недисциплинированность рабочих, просьбы о новых льготах для одних, о новых мерах строгости по отношению к другим. Второй вопрос разрешается простою справкой с ходатайствами дворянских собраний. В 1889 году восстановлена была прежняя редакция ст. 163 закона о сост., исчезнувшая было в издании 1876 года: дворянским собраниям вновь предоставлено было право ходатайствовать перед высшим правительством не только о нуждах дворянства и о прекращении местных злоупотреблений, но и об устранении неудобств в местном управлении, *хотя бы они и происходили от общего какого-либо постановления*. Несмотря на это, дворянские ходатайства, за весьма редкими исключениями, оставались и остаются замкнутыми в тесный круг специально-дворянских интересов, часто не имеющих ничего общего с интересами всего народа или даже прямо им противоположных (напр., ходатайства об отмене для дворян налога на наследства, о нераспространении на дворянские имения закона о лесоохранении). Дворянство, как сословие, очевидно не хочет или не может взять на себя передовую роль в движении русского общества. Как землевладельческий класс, оно и после залога массы имений в дворянском земельном банке, и после выигрышного займа 1889 года продолжает чувствовать себя стесненным в ведении хозяйства и необеспеченным против новых потерь, т. е. против дальнейшего уменьшения дворянского землевладения. Для предупреждения этих потерь составляются проекты срочно-заповедных имений, несовместные с указаниями нашей истории и с лучшими традициями самого дворянства, да едва ли и осуществимые на практике.

Перейдем от сословий к обществу, т. е. к той части народа, которая привыкла следить за событиями и судить о них на основании

более или менее верных понятий о прошедшем и более или менее ясных представлений о будущем. Сравнительно недавно начав жить сколько-нибудь самостоятельной жизнью, русское общество столь же недавно приступало к выработке в самом себе основных условий правильного развития, немислимых при господстве крепостного права: уважения к законности и уважения к человеку. Подвинулась ли эта работа за последнее время? Едва ли. Разрешение законодательных вопросов *вне* законодательного порядка, многочисленные отступления от действующих постановлений, распространение и обострение дискреционной власти, в разных ее видах и формах, широко практикуемые административные взыскания, начиная с денежного штрафа и кратковременного ареста до ссылки в Сибирь (даже за общие преступления, напр. за ростовщичество) и непредусмотренных никакими правилами телесных наказаний, — все это не могло укрепить в нашем обществе *уважение к закону*, как к непоколебимой, для всех одинаково обязательной норме государственной и частной жизни. Уважение к личности подрывалось, с одной стороны, воскресающими взглядами на крестьян как на низший род людей, с другой — возрастающей нетерпимостью ко всему инородному и иноверному. Национальное самосознание превращалось у многих в национальное самомнение и самовосхваление. Стремление к внешнему единообразию развивалось в ущерб внутреннему сближению. Весьма может быть, что между поверхностью общества, резко бросающейся в глаза, и его глубиной, менее доступною для исследования, существует в этом отношении значительное различие; весьма может быть, что намеченные нами явления вовсе не так распространены и не так интенсивны, как кажется с первого взгляда. Безошибочно судить об этом можно будет только тогда, когда различные оттенки общественного мнения получат бóльший простор, когда право высказываться вполне и до конца перестанет быть монополией немногих. Большим шагом вперед, с этой точки зрения, было бы даже простое восстановление закона 6 апреля 1865 года, т. е. отмена «временных» правил 1882 года⁶⁰ и других новелл, еще раньше парализовавших действие основного законодательства о печати. Само собою разумеется, что голос печати, более или менее свободный, — только одна из форм общественного содействия, необходимого для прочного успеха преобразовательной работы. А такой работы предстоит, очевидно, очень много: чтобы убедиться в этом, стоит только вспомнить о пересмотре судебных уставов, предпринятом министерством юстиции, о пересмотре положений 1861 года, предпринятом министерством внутренних дел, о приближающемся к концу составлении нового уголовного уложения, о быстро подвигающейся вперед подготовке нового гражданского уложения. Для всех этих трудов, затрагивающих самые насущные интересы русского народа,

недостаточно одной технической разработки, недостаточно обычного прохождения по иерархической лестнице инстанций. Содействие общества, признававшееся — и оказавшееся — существенно важным тридцать пять лет тому назад, при осуществлении крестьянской реформы, тем менее может считаться излишним теперь, после того как Россия выросла из старых бюрократических рамок. Относительно способов содействия мы можем только повторить сказанное нами тринадцать лет тому назад, в самом начале прошлого царствования, когда производился опрос земских собраний по вопросу о местном управлении. «Действуя отдельно друг от друга, — говорили мы в апрельском обозрении 1881 года, — земские собрания могут или прийти к односторонним заключениям, непроизводительно повторив несколько десятков раз одну и ту же работу, или впасть в разноречие между собою, обусловливаемое преимущественно невозможностью взаимной проверки взглядов и взаимного их соглашения. Можно сказать утвердительно, что мнение, высказанное отдельным земским собранием, не есть его окончательное мнение, что оно существенно изменилось бы при соприкосновении с другими, в свою очередь существенно повлияв на них. Отсюда следует заключить, что совещание с земством должно быть облечено в другую форму, более удобную и простую, которая допускала бы свободный обмен мыслей и заменяла бы массу бесконечно разнообразных заключений мнениями большинства и меньшинства, основанными на всестороннем обсуждении предмета... Преобразовательная работа, совершенная с участием общества, представляет еще одно преимущество: прочности, устойчивости. Параллельно с потребностью в реформах растет потребность в гарантиях для лиц и для учреждений. Гарантия — это уверенность в завтрашнем дне, необходимая в общественной жизни не меньше, чем в частной; это залог правильного, бесповоротного развития, это ручательство в том, что обществу не придется, как Сизифу⁶¹, постоянно повторять одну ту же работу, и как Танталу — никогда не пользоваться ее плодами...»

Если модный оптимизм построен на самых шатких основах, если в положении русского народа и всех отдельных групп, его составляющих, многое требует коренных и безотлагательных изменений, то это еще не значит, чтобы будущее России представлялось мрачным или безнадежным. Говоря словами поэта, «в ее груди бежит поток живых и чистых, еще немых народных сил: так под корой Сибири льдистой золотоносных много жил»... Эти силы легко могут быть призваны к жизни нашим молодым Государем, в короткое время видевшим уже столько доказательств народной любви и народного доверия...

С. П. ПЕТРАШКЕВИЧ

Тургенев об императоре Александре III

<...>

Тем более интереса может представить одна дошедшая до нас публицистическая статья Тургенева, напечатанная в «La Revue Politique et Littéraire»¹, в 1881 году*. Напечатана она там, конечно, без подписи Тургенева и до сих пор оставалась неизвестной исследователям.

<...>

Александр III

Не только в России, но и в Западной Европе с беспокойством ждут первых шагов нового государя, чтобы постараться предугадать, какую он займет позицию, каковы будут в дальнейшем его намерения и весь образ его правления.

Много надежд. Много и опасений. Перетолковывают все, что знают о его жизни, выводят свои заключения, наконец спрашивают: «Не изменит ли в корне ужасная смерть его отца его сложившиеся взгляды, насколько они нам известны ныне».

Мы попытаемся наметить, сколько возможно правильно, истинный характер этого государя, проникнуть в него, заглянуть в его сердце, которое вовсе не двойственно и не коварно; и, исходя из этого, мы постараемся определить его поведение, которого он будет держаться на троне, по крайней мере до тех пор, пока непредвиденные события не заставят его вступить на дорогу, противную его природе.

* См. № 13, 26 марта н. с., 1881 г.

I

Александр III обладает многими из тех могущественных качеств, которые делают если не великими, то добрыми и истинными государями. Всякий человек родится с какими-нибудь особыми способностями к той или другой профессии; этот государь кажется рожденным с несомненными способностями к власти.

Он в расцвете сил, здоров духом и телом, с величественными манерами, с царственным видом. Его характер холодный, рассудительный, энергичный и уравновешенный. Господствующая нота в нем, качество, так сказать, покрывающее собою все другие, это честность, честность щепетильная, абсолютная, без компромиссов и без примеси. Достаточно его увидеть, чтобы почувствовать, как он лоялен с ног до головы, без изгибов в мыслях, с суровой искренностью; но эта чрезвычайная прямота не без оттенка упрямства, которое из нее вытекает как следствие.

Его прошлое известно. Призванный к наследованию империи по смерти своего брата, получив до тех пор только чисто военное образование, он принялся за работу с замечательной силой воли и упорством, стараясь стать достойным великого трона, на который ему предстояло вступить; надо сказать, впрочем, что новый царь скорее склонен сомневаться в себе, в своих знаниях и уме — род истинной скромности перед лицом положения государя, на которое возводит его судьба, — скромности, не исключаяющей, однако, ни умственной последовательности, ни волевой энергии...

Люди, воспитанные с ним, уверяют, что даже ребенком он никогда не лгал...

Много говорили о симпатии, которую он, по-видимому, испытывает к одним нациям, и антипатии, которую ему приписывают в отношении других. Распространялись также разные легенды, история о разбитом стакане и т. п., которые представляют чистейшую выдумку. Все, что о нем можно сказать, это то, что он русский и только русский. Он представляет даже особенный пример влияния среды согласно теории Дарвина: в его жилах течет едва несколько капель русской крови и, однако, он до того слился с этим народом, что все в нем, язык, привычки, манеры, даже самая физиономия отмечены отличительными чертами расы. Везде, увидя его, назовут его отечество.

Утверждают, что он ненавидит немцев. Но при этом смешивают немцев из Германии с русскими немцами: этих последних он действительно совсем не любит.

Уверяют, что Францию он ставит выше всех других наций. Этот французский шовинизм, быть может, преувеличен. Правда об этой симпатии, которую ему приписывают, такова.

Перед 1870 годом он выказывал весьма либеральные чувства, он, казалось, был связан сердечными узами с французскими ре-

спубликанцами. Сюда входило главным образом явное отвращение к императору Наполеону², двойственность которого, привычки к коварству и интригам оскорбляли все его лояльные инстинкты. Но когда наступила коммуна³, на него нашел яростный гнев против всех делателей кровавых революций; и он повторял на разные лады с некоторой досадой по поводу своих минувших убеждений: «Вот до чего доводят эти вещи!»

И только после того, как республика начала проявлять благо-разумие, новый возврат симпатии к Франции, казалось, произошел в нем.

В общем, и Франция, и Германия занимают мало места в его сердце. Он только русский. Он любит и покровительствует только русскому искусству, русской музыке, русской литературе, русской археологии. Он основал в Москве большой национальный музей⁴. Из тех же мотивов он ревностный православный; его благочестие — искренне и непритворно.

В своей стране большую часть своей любви он отдает крестьянам; и на крестьян падут его самые широкие милости; о крестьянах думал он даже в день смерти своего отца, в момент издания своего первого указа, напоминая, чтобы впервые поселяне, ставшие свободными, были призваны принять присягу.

Но если его благодеяния должны коснуться крестьян, то его строгости неизбежно постигнут всю, снизу доверху, лестницу русской бюрократии, о хищениях и гнилости которой ему не безызвестно. Во время своего командования*, которое ему было поручено, его возмущенная честность не могла сдержаться перед хищениями, свидетелем которых он был... По-видимому, он твердо решил положить этому конец; эта чистка червивых чиновников даже началась уже.

II

Спрашивают с понятным беспокойством, какова будет его политика, как внутренняя, так и внешняя.

Что касается внутренней, уже поговаривали о конституции; надежды увеличиваются, баюкают; уверяют, что он всегда носил в себе призвание сделаться монархом согласно европейским идеям. Что касается внешней политики, предполагают, что он все более и более будет удаляться от Германии и снова станет проводить политику панславизма.

Те, кто ожидают от нового царя парламентской конституции, скоро потеряют свои иллюзии, мы, по крайней мере, убеждены в этом. Его

* В кампанию 1877–78 он командовал Рущукским отрядом. — С. П.

почти интимные сношения с ультранациональной партией, кажется, указывают, напротив, на известное недоверие по отношению к конституционалистам. Общепринятые в Европе идеи об ограничении власти, предоставляемой монархам, были и останутся долго еще чуждыми России. Императорская власть предпочтет проводить важные реформы, жалуя их сверху путем указов, чтобы мало-помалу добиться заметного улучшения участи своих подданных, в особенности крестьян.

Эти реформы, впрочем, уже намечены, вполне подготовлены и давно уже стоят на очереди. Александр II был уже готов сам провести их, когда революционное движение, обострившись, остановило его проекты и отсрочило на неопределенное время его либеральные намерения.

Вот каковы эти меры:

1) Значительное уменьшение крестьянских выкупных платежей.

Известно, что этот выкуп в условиях, в которых он производится, грозит крестьянам неизбежным разорением.

2) Коренное изменение системы налогов.

3) Уничтожение подушной подати.

4) Облегчение переселений из одной губернии в другую.

Эта мера может дать земледелию в России значительный простор. Действительно, некоторые губернии, где население густо, остаются непроизводительными по причине бесплодности почвы. В других же местах, наоборот, земля плодородна, но недостает рабочих, и чрезвычайные трудности, с которыми сопряжено переселение, угрожают удержать надолго такой порядок вещей.

5) Большие облегчения в отношении паспортов.

Эта мера относится к той же области реформ, что и предыдущая. Крестьянин не может переместиться, пойти работать в соседний район без того, чтобы его не остановили формальности паспортной системы, сложные и дорого стоящие.

6) Основание земельных банков.

Это последнее учреждение должно избавить деревню от хищнического бича, от мелких ростовщиков, которые поедают крестьянина и разоряют деревню, как туча саранчи.

Совокупность этих реформ принесет, несомненно, значительное облегчение земледельцу. Они неотложны, абсолютно неотложны, и возможно, что они будут приведены в исполнение ранее конца этого года.

Возможно также, что щепетильная честность нового императора побудит его вслед за тем произвести и значительные финансовые реформы. Без сомнения, они распространятся также на военный

бюджет; они же остановят скандальное расхищение удельных земель, которое производится посредством фиктивных продаж и тысячью других мошеннических приемов.

Сверх того, Александр III примет, конечно, меры к поднятию положения духовенства, дав в то же время большую свободу староверам, которые, как это известно, очень многочисленны.

Что же касается собственно конституции, было бы довольно удивительно, если бы он согласился на нее. Все его уступки в этом направлении ограничатся, без сомнения, предоставлением большей свободы местному управлению; а именно он согласится сделать страну в лице земств весьма ограниченной участницей в заведывании местными нуждами.

Во всех этих случаях нельзя думать, что он согласится на большее, чем простой созыв депутатов с совещательным голосом по определенному вопросу, единственному предмету их собрания. Собрание такого рода было созвано по вопросу об освобождении крестьян. Нечто подобное может быть созвано и для нового распределения налогов и по другим финансовым вопросам, с ним связанным. Но царь-самодержец не сочтет себя связанным ни в чем советами выборных страны, он сохранит за собой во всей неприкосновенности свободу действий.

Что же касается других вопросов, а именно: свободы печати, завершения судебной реформы, народного образования, упразднения административной ссылки, уничтожения бесславного института полевых жандармов и т. д., то трудно предположить, чтобы он отклонился от системы либеральных повелений, исходящих с высоты трона. Он сможет даровать широкие милости, но никогда не признает за народом права на них. Нельзя даже предположить, чтобы по этим вопросам могли быть созваны какие-либо собрания для обсуждения и совета.

Сильно интересуются предупредительными мерами, которые он может принять против нигилистов, и репрессиями, которые он применит к ним. Надо думать, что сами обстоятельства определяют его поведение. Он не захочет мстить, но он сумеет предупредить и наказать.

III

Что касается внешней политики, можно утверждать, что царь сохранит вполне мирную политику, почти уже налаженную в духе чрезвычайной осторожности.

Он постарается сохранить свои добрые отношения с Германией, для которой его политика будет в той же мере значительна, как

и политика его отца. Франция может рассчитывать, без сомнения, на симпатию, более подчеркнутого оттенка, между тем как в сношениях с Австрией появится, вероятно, налет недоверия. Во всяком случае с так называемым тройственным союзом⁵ покончено, вполне покончено. Ему не суждено более возродиться. Новые отношения России с Англией примут, почти наверно, характер большей сердечности, что обнаружится, главным образом, прекращением попыток наступательного движения России в глубь Азии. Соображение (всегда очень веское), дающее нам возможность предсказать эту предупредительность Александра III к Англии, сводится к очень живой дружбе, которая соединяет его с принцем Уэльским⁶.

Стараются уже теперь угадать, какие влияния будут воздействовать на ум молодого правителя. Все предположения напрасны. Его независимый нрав поможет ему сбросить с себя всякие давления, откуда бы они ни исходили. Есть, может быть, только одно лицо, советы которого будут всегда выслушаны, если не выполнены, это господин Победоносцев, сын профессора Московского университета, человек весьма образованный, бывший наставник царевича, в настоящее время прокурор Святейшего синода. Он обладает возвышенным характером, его эрудиция очень обширна, но преувеличенное благочестие Победоносцева делает его почти фанатиком православия.

В последний год царствования Александра II новый император сильно сблизился с графом Лорис-Меликовым и графом Милютиным, высокие достоинства которых он оценил. Можно думать, что эти два лица сохранят свои посты. Все чиновники, принадлежащие к немецкой партии, будут удалены почти наверно

Великий князь Владимир, брат Александра III, который назначается шефом всей гвардии и главнокомандующим Петербургского военного округа, займет в начинающемся царствовании могущественное положение, гарантией чего является большая дружба к нему его брата.

IV

Резюмируя в нескольких словах положение вещей, можно сказать, что мы увидим, вероятно, такое царствование, которое в известном смысле оправдывает прозвище «крестьянского императора», какое уже ныне дали царю. Мы будем присутствовать при значительных улучшениях современного порядка, улучшениях, направленных, главным образом, в пользу земледельческого населения, но распространяющихся и на другие классы. Эти последние реформы в особенности коснутся области финансов, народного образования и управления, децентрализация которого весьма вероятна.

Но все эти меры, мы это повторяем, придут сверху, как проявление доброй воли, от щедрот правителя, который в лучшем случае может согласиться принять совет представительного собрания, сохраняя за собой в полной неприкосновенности свое право решения в последней инстанции.

Во внешней политике — миролюбие, уступчивость, прекращение покушений на Азию, более или менее благожелательные, но в общем холодные отношения со всей остальной Европой. Столь же вероятно, что царь не поддастся той радикально-панславистской политике, на которую попытается его толкать тесно с ним связанная национально-славянофильская партия.

Что касается нигилистов, которые предполагают, что император будет доведен страхом до того, что согласится на самые большие уступки, даже на конституцию, они жестоко ошибаются, не считаясь совершенно с его характером и энергией. Их покушения запугать только могут остановить его на том пути либерализма, куда ведет его натура; и если он сделает несколько шагов в этом направлении, это будет вовсе не потому, что они его запугали, а не смотря на то, что они угрожали ему.

Поставленные между ультранационалистической партией и нигилистической, либералы-конституционалисты постараются и, может быть, сумеют доказать императору, что либеральные реформы, далекие от потрясения трона, только укрепили бы его. Смогут ли они убедить его (ибо ум его широк и светел), что их толкает на это не простое желание подражать Европе, а назревшая необходимость глубоких изменений в политической организации управления? Русские — той же расы как и все остальные европейские народы, их образование и цивилизация аналогичны, их нужды тождественны, их язык подчинен той же грамматике, так почему бы политической жизни русского народа не укрепиться на тех же конституционных основах, как и у ее соседей.

Социально-политическое и финансовое положение России несомненно серьезно, и недаром в первом своем манифесте Александр III⁷ говорит о тяжелой задаче, выпавшей ему на долю. И гениальный самодержец мог бы здесь запнуться, но, опираясь на живые силы нации и призвав их себе на помощь, всякий честный правитель может рассчитывать на успех.

Приведенная статья заслуживает, несомненно, более серьезного исторического комментария, чем тот, который мы можем дать в настоящее время. Но позволим себе все же сделать несколько, быть может, не лишним указаний.

Как видно из содержания статьи, автор ее был хорошо осведомлен и обладал большим политическим чутьем. В области внешних

отношений он верно предугадал неизбежное наступление тесного сближения с Францией, закончившегося формальным соглашением 1891 года. Столь же удачно им была оценена роль Победоносцева в новом царствовании. Проекты внутренних реформ, о которых говорит автор, очень скоро действительно стали предметом обсуждения правительственных комиссий и частью были проведены в жизнь.

Так, по вопросу о переселении уже 10 июня 1881 года издаются первые временные правила о переселении крестьян на пустопорожные земли, а 13 июня 1889 года издается новый закон, который был дальнейшим шагом в этом направлении.

28 декабря 1881 года были понижены нормы выкупных платежей, установленных по положению 19 февраля 1861 года, на 20%.

18 мая 1882 года учрежден государственный крестьянский поземельный банк, а спустя 3 года основан и дворянский земельный банк.

С 1 января 1883 года отменена подушная подать для некоторых категорий крестьян на сумму 19 миллионов рублей, а по закону 28 мая 1885 года и вовсе уничтожена для всей Европейской России.

Других более радикальных реформ, как известно, в это царствование не последовало. Впрочем, автор статьи и сам был чужд особенных на этот счет иллюзий, но и ему пришлось разочароваться во многом. Уже в январе 1882 года, по свидетельству Лаврова, Тургенев так мрачно смотрел на события в России, что говорил: «Прежде я верил в реформы сверху, но теперь в этом решительно разочаровался; я сам с радостью присоединился бы к движению молодежи, если бы не был так стар и верил в возможность движения снизу»*.

<...>

* Вышеуказ. ст. Лаврова, стр. 143⁸.

А. А. КОРНИЛОВ

Курс истории России XIX века

<Фрагмент>

Император Александр III. — Отношение к нему общества до вступления его на престол. — Его действительные взгляды. — Первые шаги императора Александра III. — Борьба двух направлений в высших правящих сферах. — Совещание 8 марта 1881 г. — Коллебанья. — Катков и Аксаков. — Агитация Победоносцева. — Манифест 29 апреля 1881 г. — Отставка Лорис-Меликова и некоторых других министров. — Министерство Н. П. Игнатъева. — Его программа. — Меры к улучшению экономического положения народа. — Обязательный выкуп. — Дворянская агитация. — Сведущие люди. — Понижение выкупных платежей. — Политика Бунте. — Отмена подушной подати. — Введение податной инспекции

Император Александр III был, как известно, вторым сыном императора Александра II. Старшим его сыном был цесаревич Николай Александрович, который умер от чахотки в 1865 году, уже будучи взрослым молодым человеком. Александр Александрович поэтому не предназначался к царствованию и воспитывался как обыкновенный великий князь, которому предстоит главным образом военная карьера. Поэтому до 1865 года никаких мер к тому, чтобы подготовить его к делу правления великой страной, принимаемо не было, и только когда умер старший его брат, стали заботиться о том, чтобы расширить полученное им до тех пор образование. Был приглашен более или менее удовлетворительный состав профессоров, среди которых одно из важных мест занимал известный наш историк С. М. Соловьев, а еще раньше приглашен был и тот К. П. Победоносцев, который впоследствии, в царствование Александра III, сыграл такую видную реакционную роль. Тогда Победоносцев не считался

реакционером; он, напротив, принимал в свое время ближайшее участие в разработке судебной реформы и, несомненно, был одним из самых блестящих русских профессоров-цивилистов; его курс гражданского права очень долго признавался — да признается и до сих пор — одним из классических пособий этого рода. Были приглашены и другие профессора более или менее прогрессивного направления, но тем не менее никакого либерального настроения, либеральных заветов и принципов от этого преподавания у молодого цесаревича не сложилось. По своему личному и семейному быту он представлялся довольно оригинальным лицом в придворных сферах. Женился он очень рано на невесте своего покойного брата, датской принцессе Дагмаре, и, женившись, повел жизнь частного человека; очень скоро он приобрел репутацию хорошего семьянина, скромного и не любящего пышной придворной обстановки человека; занимался на досуге в своем тесном кругу музыкой и русской историей... Русскую историю он любил особенно, и, между прочим, ему обязано своим возникновением нынешнее императорское Русское историческое общество, которого он был первым председателем.

Отчасти благодаря такой обстановке жизни цесаревича Александра и еще более благодаря тому, что общество очень мало имело о нем сведений, создалась легенда о нем как о весьма либеральном человеке.

Но, как мы уже видели, за несколько месяцев до своего воцарения цесаревич Александр Александрович, наоборот, проявил себя определенным консерватором и не обещал никакого сочувствия каким бы то ни было преобразованиям в либеральном духе. С таким настроением он и вступил на престол.

2 марта 1881 года, принимая членов Государственного совета и высших чинов двора, приносивших присягу, император Александр III заявил, однако, что, вступая в трудный момент на престол своего отца, он надеется следовать во всем его заветам и политике. Таким образом, этот первый шаг обещал как будто либеральное и гуманное царствование. Затем в циркулярной депеше от 4 марта, разосланной представителям России при иностранных державах, было объявлено, что государь император, вступая в столь трудное время на прародительский престол, желает сохранить мир со всеми державами и особенно свое внимание сосредоточить на внутренних делах и на тех социально-экономических задачах, которые выдвигаются новым временем. И эта депеша также производила на общество благоприятное впечатление.

Между тем возник вопрос, как быть с докладом относительно предложенных реформ, которые должны были быть начаты открытием проектированных Лорис-Меликовым комиссий. Доклад этот

был одобрен покойным императором Александром II утром 1 марта, в тот самый день, когда он был убит. Императору Александру III было известно, что покойный государь приказал на 4 марта собрать в Зимнем дворце особое совещание с тем, чтобы обсудить, опубликовывать ли правительственное сообщение об открытии комиссий или не опубликовывать, причем самый вопрос об открытии комиссий считался во всяком случае уже решенным.

Лорис-Меликов в своем докладе, естественно, представил новому государю этот вопрос как своего рода завещание, оставшееся от покойного императора, и император Александр III в первую минуту так на это и посмотрел, принимая состоявшееся ранее решение о созыве комиссий как завещание отца, и притом завещание, кладущее, несомненно, последнюю черту на общий характер его царствования, — царствования, в котором были произведены самые важные преобразования новейшего времени, коснувшиеся быта всех сословий России и всего ее социального и гражданского строя.

Однако по вопросу о том, публиковать или нет об этом решении в особом правительственном сообщении, император Александр III решил созвать специальное совещание, собственно, заседание Совета министров, дополненного только графом С. Г. Строгановым, который сделался уже давно признанным главой придворной консервативной партии. 8 марта совещание это состоялось в Зимнем дворце, и тотчас же на нем обнаружилась борьба двух противоположных, враждебных, исключаящих друг друга направлений — одного прогрессивного, во главе которого стоял Лорис-Меликов и к которому принадлежали из числа министров министр финансов А. А. Абаза и в особенности военный министр Д. А. Милютин, а также и великий князь Константин Николаевич, в то время глава морского ведомства и председатель Государственного совета. Противоположное направление — направление ярко реакционное — представлялось прежде всего К. П. Победоносцевым, бывшим еще незадолго перед этим членом той верховной распорядительной комиссии, которая руководима была Лорис-Меликовым в 1880 году. По представлению же Лорис-Меликова Победоносцев был назначен и обер-прокурором Святейшего синода вместо графа Д. А. Толстого в апреле того же 1880 года. Победоносцев, читавший ранее лекции Александру Александровичу и его старшему брату, пользовался его особым доверием. До вступления на престол императора Александра III он не считался, однако, как уже сказано, представителем ярко реакционного течения, потому что являлся одним из составителей Судебных уставов Александра II. Тем не менее в 1881 году именно он явился главой реакционного направления в описываемом совещании, и по его предложению был туда приглашен и граф Строганов, который в этом случае и явился главной ему поддержкой.

К этим двум лицам присоединился бывший министр внутренних дел Маков, совершенно ничтожный человек, а промежуточную позицию заняли двое остальных великих князей, участвовавших в совещании, Владимир Александрович и Михаил Николаевич, и из министров — министр юстиции Д. Н. Набоков, который склонен был к либеральному курсу, но нерешительно поддерживал Лорис-Меликова, и, наконец, председатель Комитета министров, граф Валуев, который сам, как вы видели, выступал с quasi-конституционными предложениями в 1880 году, но из ненависти к великому князю Константину Николаевичу и Лорис-Меликову и так как теперь обсуждался проект не его, Валуева, а Лорис-Меликова, то он поддерживал его весьма слабо.

В этом совещании вновь обнаружилось, в сущности говоря, довольно ясно, что император Александр III совершенно сочувствует тем речам реакционеров, которые тут были произнесены, и очень несочувственно относится к тем заявлениям, которые были сделаны со стороны либеральной части совещания, особенно ярко это сказалось по поводу заявления, сделанного Д. А. Милютиным, который очень сильно поддерживал выступление Лорис-Меликова, настаивая на необходимости пойти навстречу общественному мнению страны, указывая на то, что опубликование предложенного правительственного сообщения даст сразу симпатичный для общества тон прогрессивности новому царствованию, и в то же время доказывая, что в обсуждаемом докладе Лорис-Меликова не содержится никаких элементов конституции и ограничения самодержавия, а на этом именно пункте и сосредоточились главным образом нападки представителей противоположного направления, реакционеров, которые старались доказать, что вся эта мера направлена к конституции, пагубной для России. Строганов уверял, что при введении подобного строя, подобного «парламента», пойдут в ход «шалопай», которые захватят в свои руки власть, а Победоносцев говорил, что это будет окончательным завершением режима тех «говорилен», как он выражался, которые уже проведены в жизнь в предшествующее царствование в виде земских учреждений, новых судов и органов разнузданной печати, которые, по его мнению, ничего не стоили, предлагаемая же Лорис-Меликовым комиссия будет «верховой говорильней», которая подготовит гибель России. Свою речь Победоносцев и начал крайне возбужденным тоном, утверждая, что, как поляки кричали в свое время *finis Poloniae*¹, так и тут надо, сказать *finis Russiae*². Император Александр III тут же, между прочим, сослался на определенные советы императора Вильгельма I, с которыми тот обращался по этому поводу к его покойному отцу, и заявил, что Вильгельм указывал на опасность конституционного режима в России, потому что до него

дошли смутные слухи о том, что что-то готовится, и что если есть еще возможность, то советовал отступить, а если этой возможности уже нет, то конституцию дать по возможности урезанную. Кроме того, император Александр III ссылался и на датских министров, которые указывали ему на дурное влияние конституционных учреждений в Дании.

Однако как ни очевидно проявлялись здесь вновь ультраконсервативные взгляды Александра и склонность прислушиваться к советам русских и иностранных реакционеров, тем не менее здесь не было постановлено определенного решения по существу дела, как не было постановлено и опубликовать обсуждавшееся сообщение, и оно так и не было опубликовано, хотя мысль о нем и не была еще формально отвергнута³.

Колебания продолжались и дальше. С одной стороны, они зависели от того, что императора Александра III смущала та мысль, что тут замешано как бы завещание его покойного отца, его предсмертная воля, которой император не решался прямо противодействовать; с другой стороны, его смущали те слухи, которые до него доходили о настроении общества и даже народа. Ему передавали приближенные к нему лица, что простой народ смущен толками о том, что после смерти царя-освободителя может быть восстановлено крепостное право; ему говорили придворные либералы, такие, как флигель-адъютант граф П. П. Шувалов, стремившийся направить дело в сторону конституции, что общественное мнение в стране чрезвычайно приподнято и что единственной мерой для успокоения возбужденного общества является объявление новым правительством либерального курса⁴. Несмотря на свои собственные консервативные убеждения, император Александр III был настолько смущен этим заявлением, что продолжал колебаться и даже как будто обнаруживал иногда склонность последовать этим либеральным советам. Победоносцев со своей стороны старался всячески разуверить императора Александра в наличности и силе того прогрессивного настроения общества, на которое ему указывали либералы придворных кругов.

В этом отношении Победоносцев нашел опору в московских публицистах, Каткове и отчасти Аксакове, на которых он мог указать царю как на весьма влиятельных представителей общественного мнения страны, небезызвестных и самому императору Александру. Катков в это время был уже вполне определенным представителем крайней реакции и писал тогда в своих «Московских ведомостях», что революционное движение, несомненно, идет не извне и не изнутри страны, а что оно «свило себе гнездо в преддверии власти», метя в бюрократические сферы — в графа Лорис-Меликова и других представителей либерального направления в правительстве и при дворе.

Ив. Аксаков в это время, не будучи, в сущности, реакционером, был, однако, чрезвычайно потрясен самим актом 1 марта. Вскоре после этого события он явился в Петербург и произнес громовую речь в Славянском обществе не только против революционеров, но и вообще против всякого западного либерализма, в духе не только славянофильском, но и в значительной мере реакционном. При таком его настроении он тоже явился хорошей опорой для Победоносцева, который спешил указать императору Александру, что вот главные представители московской печати, являвшиеся в глазах государя выразителями общественного мнения страны, показывают, что никакого стремления к конституционному строю у благомыслящей, по крайней мере, части общества вовсе нет. Этим Победоносцев тем легче попадал в цель, что император Александр III и сам был очень склонен к такому заключению, так как оно совпадало с его собственными симпатиями.

В результате Победоносцев успел получить от императора поручение составить в соответственном духе манифест, по секрету от остальных министров, и государь решился 28 апреля его подписать. Таким образом, 29 апреля 1881 года совершенным сюрпризом для Лорис-Меликова и других министров явился этот знаменательный акт, долженствовавший положить предел продолжавшимся до того времени колебаниям.

В манифесте этом было, между прочим, сказано:

«Посреди великой нашей скорби глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».

Эти слова в манифесте 29 апреля 1881 г., естественно, рассматривались как определенное указание свыше на то, что ни о какой конституции думать не следует и что принцип самодержавия ставится на будущее время определенно во главу угла правительственного режима.

Как только этот манифест стал известен, перед самым его опубликованием, Лорис-Меликову, то он сейчас же решил подать в отставку, а вместе с Лорис-Меликовым подали в отставку министр финансов А. А. Абаза и военный министр Д. А. Милютин, который играл такую выдающуюся роль в правительственных сферах при покойном императоре Александре II. Когда император Александр III спросил Милютина, что же он теперь намерен делать, то Милютин, как говорили в то время, будто бы ответил, что из Петербурга уедет и будет писать историю своего государя...

Из очередного хода всех этих обстоятельств можно заключить, что к 29 апреля решительную победу одержало реакционное направление

над прогрессивным. Однако же на самом деле это было не вполне еще так: хотя представители прогрессивного направления и потерпели несомненное поражение, но, в сущности говоря, власть не перешла еще в руки реакционеров. Это можно видеть из того выбора, который был сделан государем для замены ушедших министров, и из той программы, которая была намечена в манифесте непосредственно после только что приведенной мною фразы.

На места ушедших министров были назначены не реакционеры: министром внутренних дел был назначен Н. П. Игнатъев, заявлявший себя в то время поборником славянофильских идей и вместе с И. С. Аксаковым мечтавший, как он это потом довольно определенно и выразил, о созыве земского собора, совещательного, конечно, характера. Затем, на пост министра финансов вместо Абазы был назначен его товарищ Н. Х. Бунге, который являлся человеком хотя, в общем смысле слова, пожалуй, и консервативного образа мыслей, но вместе с тем бывший искренним сторонником и участником реформ 60-х годов, заявивший себя человеком с определенными демократическими взглядами, стремившимся, во всяком случае, к возможному облегчению участи народных масс, так что в общем он также далеко не мог считаться реакционером.

Наконец, вместо министра народного просвещения А. А. Сабурова, который подал в отставку несколько раньше в связи с тем скандалом, который был ему устроен революционерами на университетском акте 8 февраля, был назначен вовсе не реакционно настроенный человек, барон Николаи, который стал тотчас же весьма определенно проводить головнинскую политику, возобновленную его предшественником Сабуровым, и деятельно боролся с Победоносцевым.

В манифесте 29 апреля наряду с фразой о неограниченном самодержавии было определенно выражено полное уважение великим реформам минувшего царствования и сказано было, что эти реформы не только будут укрепляемы и поддерживаемы, но и развиваемы дальше. Следовательно, в общем манифест этот опять-таки не означал еще безусловно реакционного направления. И это еще ярче было подчеркнуто циркуляром нового министра внутренних дел в самый день его назначения — 6 мая 1881 года. Здесь Игнатъев указывал, что правительство примет меры к установлению живого общения правительства со страной, живого участия местных деятелей в государственных делах в исполнение высочайших предначертаний. Это опять-таки знаменовало намерение найти известную, правда, очень скромную, форму участия представителей общества в центральной государственной деятельности, т. е. приблизительно то же самое, что хотел в этом отношении сделать и Лорис-Меликов.

Затем в циркуляре указывалось, что права земских и городских учреждений останутся неприкосновенными и будут даже восстановлены в прежнем объеме, на основах Положения 1864 года. Наконец, указывалось, что крестьянство, которое предостерегалось здесь, кстати, от прислушивания ко всяким ложным толкам, будет предметом особого внимания со стороны правительства, причем крестьянам будут не только гарантированы все ранее дарованные права и свободы, но и приняты будут меры к облегчению тех тяжестей, которые на крестьянах лежали, главным образом податных, к удовлетворению их нужд, земельных в особенности, и к улучшению сельского общественного устройства и управления.

Таким образом, вы видите, что в этом циркуляре Игнатьева как будто воспринимались и намечались к исполнению все намерения Лорис-Меликова, все те меры улучшения экономического положения народа, которые тот обещал провести. Вместе с тем те сенаторы, которые были отправлены ревизовать губернии, теперь ожидались с тем, чтобы результаты их ревизий положить в основу предполагаемых преобразований. Мы, действительно, видим, что очень скоро, именно через месяц после издания этого циркуляра, граф Игнатьев как будто и начал осуществлять обещанное им живое участие представителей местного общества в правительственных делах, потому что в июне 1881 года была уже созвана первая сессия так названных тогда «сведущих людей» с мест, причем хотя эти сведущие люди и не были избраны земствами, а приглашены самим правительством, но надо сказать, что они были избраны им из среды прогрессивных элементов земства, и многие выдающиеся земцы, вроде князя Васильчикова, Колюпанова и других, были приглашены в состав этой сессии. Им были предложены на обсуждение не какие-нибудь пустые вопросы, а вопросы, которые действительно ставились тогдашнюю жизнью на очередь и имели весьма серьезное значение для широких народных масс. Так, первой сессии сведущих людей был предложен вопрос о понижении выкупных платежей; второй сессии был предложен вопрос об урегулировании переселений, которые являлись одним из главных паллиативных средств для поправки положения крестьян в мало-земельных местностях, и, кроме того, питейный вопрос, который являлся также очень важным, так как, во-первых, представлялся вопросом о сокращении пьянства, а с другой стороны, это был существенный вопрос государственного бюджета, так как от питейного дела казна получала огромную часть своих доходов.

Вместе с тем получили движение и дальнейшую разработку в самих правительственных местах и вообще вопросы об улучшении положения народных масс, выдвинутые печатью в 70-х годах и признанные подлежащими неотложному разрешению в эпоху «диктатуры серд-

ца». Среди них в первую очередь стал вопрос об обязательном выкупе, т. е. вопрос о замене еще существовавших до тех пор оброков «временнообязанных» крестьян обязательным для помещиков выкупом. Тогда $\frac{6}{7}$ всех имений были уже на выкупе, а $\frac{1}{7}$, которая выражалась в 1400 тыс. душ крестьян, платила помещикам оброки, и их уплата могла продолжаться без срока. В самом Положении 19 февраля, как вы помните, была статья, которая указывала, что через 20 лет может быть пересмотрен вопрос о размерах оброков «временнообязанных» крестьян и, разумеется, не в смысле их сокращения, так как предполагалось, что оброки зависят от доходности земли, которая должна была с течением времени повышаться. Между тем правительство, которому уже известна была после исследований 70-х годов несоответственность этих оброков с доходами и чрезвычайное обременение народных масс всякого рода податями, решилось, наконец, провести некоторые облегчения крестьян в этом отношении.

При Лорис-Меликове вопрос об обязательном выкупе быстро пошел в ход; в январе 1881 года состоялось заседание Государственного совета, в котором вопрос этот был принципиально решен в положительном смысле; именно, сперва в соединенных департаментах экономии и законов решено было установить обязательный выкуп крестьянских оброков в тех имениях, которые не приступили еще к выкупу добровольному, а затем и в общем собрании Государственного совета тот же вопрос был решен положительно.

Здесь необходимо отметить, что именно по этому вопросу впервые в начале 80-х годов мы сталкиваемся с начавшейся реакционной дворянской агитацией, которая, как только были затронуты существенные материальные интересы дворянства, немедленно пробудилась. Первым голосом со стороны этой реакции, раздавшимся в общем собрании Государственного совета, был голос бывшего министра внутренних дел Тимашева, который являлся еще и в эпоху крестьянской реформы ярким крепостником и который здесь выступил с заявлением, что в этом обязательном выкупе он усматривает нарушение священных прав собственности, тем более что помещикам предполагалось выдавать выкупную ссуду в размере лишь 80% той суммы, которая должна была бы выдаваться, если бы выкуп совершался по добровольному соглашению. Тимашев кончил свою речь такими словами:

«Да не будет упрека впоследствии в том, что в Государственном совете не нашлось ни единого голоса в защиту собственности, в защиту права, которое защищено ныне действующим Положением 19 февраля и которое предполагаемой министром финансов мерой будет поколеблено!»

На эту выходку, однако, ему тогда же очень удачно ответил министр финансов Абаза, указав, что генерал-адъютант Тимашев, веро-

ятно, забыл свою прежнюю позицию, когда двадцать лет тому назад он являлся врагом Положения 19 февраля, пока оно не сделалось законом, и когда он именно был в числе тех, которые усматривали в самом Положении 19 февраля меру, колеблющую собственность. Теперь же он, Тимашев, очевидно, отказавшись от прежнего своего заблуждения, указывает, что это Положение защищает интересы собственности; очевидно, он и теперь делает такую же ошибку, когда уверяет, что престиж собственности будет поколеблен введением обязательного выкупа.

И действительно, когда происходило голосование, то Тимашев сказал, что он не будет делать разногласия, и в общем собрании Государственного совета вопрос об обязательном выкупе прошел, таким образом, единогласно.

Но, несмотря на единогласное решение Государственного совета, конечно, утвержденное и императором Александром III, все-таки дворянская агитация началась, и очень скоро она выразилась в постановлениях некоторых дворянских собраний (тамбовского, московского и др.), которые указывали на несправедливость по отношению к помещикам этой меры. Они утверждали, что у помещиков как бы $\frac{1}{5}$ часть той выкупной суммы, которая должна бы им причитаться по капитализации крестьянских оброчных платежей, будет отнята совершенно произвольно. Эти заявления дворянства подействовали на императора Александра III, и хотя Игнатьев очень стойко поддерживал в этом случае решение Государственного совета, доказывая, что, собственно говоря, нет никакой рациональности в том, что дворянство заявляет, и что те помещики, которые уже перевели своих крестьян на выкуп почти повсеместно без добровольных сделок с крестьянами, а по одностороннему требованию владельцев и, следовательно, также без крестьянских доплат, тоже потеряли пятую часть причитавшейся им выкупной суммы; те же помещики, которые до сих пор не вошли в добровольную сделку с крестьянами, как раз дольше других пользовались высокими оброками и, следовательно, меньше других заслуживают поддержки со стороны правительства, но император Александр III, согласившийся на издание закона, который и вышел 28 декабря 1881 года, тем не менее продолжал и после издания его прислушиваться к жалобам, раздававшимся в среде реакционного дворянства. Между прочим, ему было доставлено пространное письмо графа А. А. Бобринского, губернского предводителя петербургского дворянства, который прямо утверждал, что дворянство, в сущности, ограблено и что правительство, если желает восстановить справедливость, должно из государственных средств не только выдать дворянству удержанную по закону 28 декабря 1881 года пятую часть выкупной суммы, которая, кстати сказать,

по расчету Рейтерна, представляла около 44 млн. руб., но что оно должно выдать вознаграждение также и тем помещикам, которые еще раньше перевели своих крестьян на выкуп по собственному желанию с лишением $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{4}$ выкупного вознаграждения. Однако после нового рассмотрения вопроса это письмо осталось без последствий, и та дворянская агитация, которая в это время только еще начиналась, на этот раз не привела к цели⁵.

Таким образом, уже при новых министрах Игнатъеве и Бунге вопрос этот был разрешен довольно благополучно. Затем началась целая серия новых законоположений, которые в литературе известны под именем реформ Бунге, хотя значительная часть их была подготовлена еще в эпоху «диктатуры сердца».

На первом плане стоял вопрос об облегчении положения тех крестьян, которые уже раньше перешли на выкуп, т. е. вопрос о понижении выкупных платежей. Этот вопрос, как уже сказано, отдан был на решение тем «сведущим людям», которые собрались впервые в июне 1881 года. Надо сказать, что правительство представило по этому вопросу собранию «сведущих людей» детально разработанный проект: оно полагало жертвовать ежегодно 9 млн руб. из общей суммы выкупных платежей; причем это общее понижение в 9 млн руб. оно полагало разделить между отдельными губерниями таким образом, что на первый план поставлены были наиболее обремененные 23 губернии, из числа которых особенно большая сумма назначалась на губернии нечерноземные и в то же время непромышленные, где крестьяне были в особенно тяжелом положении, так как там и земля была плоха, и заработков не было. Наибольшую сумму предполагалось, совершенно справедливо, ассигновать на Смоленскую губернию. В общем из этих 9 млн руб. на указанные 23 губернии намечено было отделить около 7,5 млн руб., а остальные 1,5 млн руб. предполагалось распределить между остальными губерниями.

«Сведущие люди» все отнесли к этому предложению сочувственно; большинство, однако же, не вполне согласилось с правительством, признав представленные правительством статистические данные недостаточно точными; указывая на необходимость общего понижения платежей во всей России, совещание предлагало все выкупные платежи повсеместно понизить на 1 руб. с каждого надела, а затем уже сверх того произвести специальное понижение платежей в тех местностях, которые особенно были переобременены ими, и на это специальное понижение ассигновать сумму в 5 млн руб., считая, таким образом, общую сумму понижения выкупных платежей не в 9 млн, а в 12 млн руб.

Правительство согласилось с этим мнением, и в вышеупомянутый закон 28 декабря 1881 года на основании именно этого заклю-

чения «сведущих людей» было включено также и постановление о понижении всех выкупных платежей на 1 рубль повсеместно, а затем ассигновано еще 5 млн руб. на дополнительное специальное понижение в тех губерниях, которые заслуживали особого внимания, причем предварительное обсуждение вопроса о самом распределении этих 5 млн руб. между отдельными губерниями было предоставлено земствам. При этом надо заметить, что в некоторых губерниях, очень немногочисленных, впрочем, опять раздалась реакционные голоса со стороны дворянства, хотя понижение выкупных платежей делалось не за его счет, а за счет казны или, точнее говоря, за счет выкупной операции за прошлые годы, ибо вычислено было, что выкупная операция в общем шла для казны так удачно, что скопились большие прибыли, и в главном выкупном учреждении оказалось до 14 млн руб. излишков еще на 1 января 1885 года, за покрытием всех расходов по операции. Из этих-то излишков и оказалось возможным осуществить признанное необходимым понижение выкупных платежей. Несмотря на это, в симбирском губернском земском собрании тогда впервые раздался голос одного (впоследствии сыгравшего крупную роль в истории русской реакции) дворянина — А. П. Пазухина, который пытался тогда убедить симбирское земское собрание сказать, что симбирское крестьянство ни в каком понижении платежей не нуждается. Однако все же и здесь было признано, что и для Симбирской губернии следует принять специальное (ничтожное) понижение, которое было предположено правительством.

Следующей реформой, которая была проведена при Бунге, была отмена подушной подати. Вы помните, какую важность этот вопрос имел, по общему признанию, еще начиная с 1870 года, когда он впервые был поставлен перед земствами, был ими обсужден и так или иначе разрешен, но не получил никакого дальнейшего движения в правительственных сферах.

Теперь, когда во главе Министерства финансов стал Бунге, он решил в 1882 году окончательно приняться за разрешение этого вопроса. Надо сказать, что Бунге являлся в сфере финансовой политики в тесном смысле продолжателем Рейтерна, а именно: он являлся его продолжателем в стремлении поднять курс нашего рубля и утвердить равновесие бюджета прежде всего. Отсюда, конечно, у него важное значение получили и протекционизм в таможенной политике, и экономия в расходах отдельных ведомств; впрочем, в отношении этой последней надо признать, что удавалась она ему плохо, потому что он не был настолько влиятелен, чтобы обуздывать аппетиты других министерств, и кроме того, ему приходилось вести государственное хозяйство в тяжелые годы, наступившие после войны, когда ре-

зультаты ее вконец расстроили то, что было сделано Рейтерном для поддержания курса кредитного рубля.

Несмотря на это и уже в прямую противоположность Рейтерну Бунге старался идти навстречу народным нуждам даже тогда, когда это было сопряжено с некоторыми пожертвованиями для казны. В этом отношении он продолжал политику Лорис-Меликова и Абазы, изворачиваясь с большим или меньшим искусством в своем, несомненно, весьма трудном положении и принимая иногда поневоле и противоречивые меры. Так, при отмене подушной подати ему пришлось встретиться с большими трудностями именно по вопросу о равновесии бюджета в то время. Ведь подушная подать давала бюджету около 40 млн руб. ежегодно, следовательно, поступиться такой суммой при общих еще скромных размерах тогдашнего бюджета было довольно затруднительно, а между тем Бунге хорошо понимал и несправедливость этой подати, и все те тяжелые правовые последствия для населения, которые из нее возникли. Ведь вы помните, что вследствие именно существования подушной подати существовала круговая порука, потому что иначе нельзя было обеспечить подать, наложенную на отдельных лиц, а эта круговая порука влекла за собой и ограничение свободы передвижения крестьянства, и фактическое ограничение крестьян в праве выбора занятий.

Поэтому вопрос об отмене подушной подати был вопросом большой важности и в отношении правового положения народа. Бунге это прекрасно понимал и деятельно стремился непременно так или иначе разрешить этот вопрос; когда же перед ним встала задача, чем же заменить подушную подать, как покрыть ежегодный убыток в доходах в 40 млн руб., то он решился часть этого убытка покрыть усилением налога на спирт, т. е. налога, который, в сущности говоря, падал на наиболее пьющие слои того же податного населения, остальную же часть убытка ему приходилось взять уже прямо с того же податного населения, только разложив ее на слои крестьянства, более обеспеченные и менее обремененные податями.

Бунге так откровенно и хотел поставить дело, увеличив оброчную подать государственных крестьян, но в Государственном совете высказаны были опасения, что это может вызвать неблагоприятное впечатление в народе и что лучше поэтому прикрыть как-нибудь сущность дела. В качестве прикрытия был изобретен способ, который едва ли можно признать удачным, а именно: было внезапно признано необходимым перевести государственных крестьян с оброка на обязательный выкуп, т. е. заставить выкупать свою землю тех крестьян, которые, в сущности, платили под названием оброчной подати простую поземельную подать. В этом случае Государственный совет внезапно стал на ту точку зрения, что надо сделать их «полны-

ми собственниками» своих наделов, какими они, в сущности говоря, не стали и после выкупа; но под этим «благовидным» предлогом признано было возможным повысить их подати за землю, и они были повышены в общем на 45 %, и это повышение пошло на покрытие убытка от уничтожения подушной подати, что, конечно, явилось большим минусом в деле осуществления податной реформы. Надо сказать еще, что эта реформа была проведена с некоторой рассрочкой: именно в два срока — с 1 января 1883 и 1 января 1884 года подушная подать была сложена только с наиболее переобремененных крестьян, а с крестьян остальных местностей она была сложена только с 1 января 1886 года.

Наряду с этим следует упомянуть серьезную попытку Бунге произвести значительное упорядочение в самом взимании податей, которое до тех пор производилось полицией с применением тяжелых и безобразных форм взыскания, причем часто распродавалось самое необходимое в крестьянском быту имущество и нередко крестьянам приходилось до получения нового урожая продавать для внесения податей хлеб на корню. Таким образом, самая уплата податей разоряла то население, от которого зависело и благосостояние государства. Бунге как ученый финансист и экономист хорошо понимал бессмысленность этого порядка и поэтому настоял, чтобы были введены податные инспекторы, на которых и возложено как взыскание податей, так и собирание сведений о зажиточности и платежеспособности населения в целях дальнейшего урегулирования податной системы.

Меры, принятые в начале царствования Александра III к облегчению земельной тесноты крестьян. — Крестьянский банк и его первые шаги при Бунге. — Облегчение аренды казенных земель крестьянами. — Упорядочение крестьянских переселений. — Правила 1881 г. — Закон 13 июля 1889 г. — Введение фабричной инспекции и закон о защите малолетних и женщин на фабриках. — Налоги на наследства и на процентные бумаги. — Вопрос об административной крестьянской реформе. — Кохановская комиссия. Ее состав и ликвидация ее работ. — Крушение игнатъевского режима

В прошлой лекции я рассказывал вам довольно подробно первые шаги царствования императора Александра III и остановился в конце ее на тех податных реформах, которые были проведены при Абазе и Бунге.

В это же время разработан и проведен был ряд мер, направленных к борьбе с крестьянским малоземельем. В этом отношении следует указать три главные меры: во-первых, учреждение Крестьянского

банка, при помощи которого крестьяне могли бы иметь дешевый кредит для покупки земель; во-вторых, облегчение аренды казенных земель и оброчных статей, которые отдавались или могли отдаваться в аренду, и, наконец, в-третьих, урегулирование переселений.

Все эти задачи были совершенно определенно намечены еще в эпоху «диктатуры сердца» и были переданы в наследство новому правительству.

Что касается до проекта учреждения Крестьянского банка, составленного Бунге и внесенного Бунге, Игнатьевым и Островским в Государственный совет за общей их подписью, то в представлении об этом указывалось, что ввиду ограниченности тех средств, которые казна может на это дело дать, необходимо наблюдать, чтобы эти средства шли на помощь лишь наиболее малоземельным крестьянам и чтобы ссуды давались не в произвольном размере, а только в том, который нужен для приобретения земли, необходимой для того, чтобы владение каждого получившего ссуду крестьянина достигало лишь максимальной нормы, установленной по Положению 1861 года, когда дело касалось крестьян-общинников; если же дело шло о приобретении отдельными крестьянами подворных участков, то чтобы весь покупаемый или округляемый при содействии банка надел доводился до максимального размера подворного участка, определяемого в законе или по обычаю для каждой местности.

Государственный совет не согласился с такой постановкой вопроса главным образом ввиду того весьма сильно действовавшего тогда жупела⁶, что будто бы в народе циркулируют толки о «черном переделе» и что народ будто бы ждет, что правительство само даст к этому сигнал. Государственный совет счел нужным бороться с этими толками и в постановке вопроса о Крестьянском банке. Поэтому было постановлено, что Крестьянский банк должен вообще помогать крестьянам независимо от того, какие крестьяне и в каком размере покупают землю. Бунге пришлось с этим помириться ввиду тех политических условий, которые тогда были учтены Государственным советом, и, таким образом, явилась такая постановка дела, которая, в сущности говоря, должна была значительно исказить самый характер нового учреждения.

Надо, впрочем, сказать, что, несмотря на то что правительство в первое время могло ассигновывать на Крестьянский банк не более чем по 5 млн руб. ежегодно, тем не менее в первые три года, пока Бунге был министром и пока действовал первый состав администрации Крестьянского банка, подобранный самим Бунге, деятельность банка регулировалась теми соображениями, которые были выражены Бунге в его первоначальном проекте, и ссуды банка выдавались действительно наиболее нуждающимся в земле крестьянам. Но через

три года направление деятельности банка изменилось; правительство испугалось накопившихся недоимок и в результате стало усердно продавать земли крестьян, оказавшихся неисправными плательщиками, так что в конце концов вся деятельность банка в конце 80-х годов свелась к весьма ограниченным, ничтожным оборотам и случайной весьма нерациональной покупке земель зажиточными крестьянами. В результате после десяти лет существования Крестьянского банка было вычислено, что размеры крестьянского землевладения благодаря банку увеличились лишь на 1,2%, т. е. едва на 0,12% в год, между тем как при содействии частных кредитных учреждений и без их содействия в предшествующее время крестьянское землевладение увеличивалось ежегодно в среднем на 0,3%.

Что касается вопроса об аренде земель, то в этом отношении уже в то время в общем сознании пробивалась мысль, что ввиду необычайного роста арендных цен следовало бы, по возможности, регулировать не только аренду казенных земель, но и аренду земель частновладельческих. Такое течение отражается в тогдашней прогрессивной печати. Так, например, в программе, опубликованной в «Вестнике Европы» в это время, на первый план ставилась борьба с малоземельем и стремлением к передаче в руки крестьян, по возможности, необходимого количества земли⁷.

С другой стороны, и правительственным сферам не чужда была мысль о том, что следует как-нибудь урегулировать как казенную, так и частную аренду земли крестьянами. Так, в одной из правительственных комиссий, обсуждавших поземельный вопрос в 1881 году, а именно в комиссии, состоявшей под председательством П. П. Семенова, был возбужден вопрос о том, чтобы крестьяне, арендующие у частных владельцев землю, арендовали бы ее по условиям, заключенным не меньше чем на девять лет, и чтобы им представлено было право выкупать эти земли по цене, представляющей капитализацию средней арендной платы за эти девять лет⁸.

На такой же приблизительно позиции стояли и «сведущие люди» второй сессии, которые также сочли необходимым урегулировать частновладельческие арендные цены и сами условия найма земель. Но Государственный совет и здесь стал на почву различных опасений, и все эти предположения остались без движения. Урегулирование условий аренды коснулось одних только казенных имуществ; но, конечно, и в этом случае оно имело все-таки некоторое значение, потому что таких казенных имуществ было несколько миллионов десятин. До 1881 года огромная часть этих угодий арендовалась частными лицами, различными предпринимателями и кулаками, а вовсе не сельскими обществами и не крестьянами, нуждавшимися в земле. И вот впервые в апреле 1881 года, по инициативе Игнатьева, который

был еще тогда — при Лорис-Меликове — министром государственных имуществ, было установлено, что казенные земли в аренду отдаются прежде всего окружным крестьянам, на каком бы расстоянии от них они ни владели своей землей. Это сразу значительно изменило положение, ибо вместо 23% крестьянской аренды на казенных оброчных статьях до 1881 года теперь стало арендоваться крестьянскими обществами 66% всех казеннооброчных статей.

В 1881 году правила об аренде казенных земель были несколько изменены; а именно, по закону 1881 года земли отдавались в 24-летнюю аренду, а тут срок аренды был сокращен до 12 лет, и притом без торгов впредь могли их брать только те крестьяне, которые живут не далее 12 верст от арендуемой оброчной статьи. Таким образом, действие этой скромной, но благожелательной меры 1881 года в 1884 году было несколько ограничено.

Что касается до переселенческого вопроса, который стал в это время заявлять о себе в довольно острых формах, то следует заметить, что, вообще, переселенческое движение являлось делом не новым. При крепостном праве переселения могли совершаться лишь в двух формах: путем вывода крестьян помещиками на купленные ими пустопорожние земли или в форме самовольного бегства крестьян. Надо сказать, что эта вторая форма вовсе не была исключительной при крепостном праве; так, например, по отрывочным сведениям, которые имеются в литературе предмета, в 1838–1840 годах из Тамбовской губернии выселилось самовольно около 8 тыс. душ помещичьих крестьян; затем в 40-х гг. из Полтавской губернии выселилось тоже самовольно около 3 тыс. душ. Таким образом, мы видим, что значительное количество душ крестьян при крепостном праве переселялось самовольно на свободные места, и правительство, в значительной части случаев не имея возможности их возвращать, смотрело на это сквозь пальцы, приписывало их к ближайшим к месту их водворения обществам и вводило в казенный оклад. Казенные крестьяне переселялись на более правильных условиях еще со времен Киселева, который деятельно занимался, как вы помните, еще с 40-х годов вопросом расселения казенных крестьян. Здесь дело шло гораздо правильнее: законом предусматривались различные, частью даже денежные, пособия, которые, впрочем, редко выдавались в полном объеме ввиду отсутствия средств. Между 1831 и 1866 годом казенных крестьян переселялось примерно по 9 тыс. душ в год, а были годы, когда размеры этого переселения достигали 28 тыс. душ.

С уничтожением крепостного права движение переселенцев, конечно, не прекратилось. Хотя в Положении 1861 года было указано, что в первые девять лет крестьяне не имеют права оставлять наделы без согласия помещиков, тем не менее самовольные переселения до-

стигли значительных размеров. При этом, несмотря на то что новые переселения в Амурский и Уссурийский края были обставлены вскоре после приобретения этих территорий большими льготами, крестьяне предпочитали действовать на свой страх и переселялись в менее отдаленные местности Сибири, а отчасти и на окраины Европейской России без разрешения и без содействия правительства.

К концу 70-х годов размеры такого самовольного переселенческого движения подходят к 40 тыс. душ в год. Правительство признало наконец своевременным обсудить этот вопрос, и на основании соглашения между министрами внутренних дел, государственных имуществ и финансов были выработаны особые Правила 10 июня 1881 года, которые, впрочем, не были объявлены во всеобщее сведение, а были лишь предназначены для руководства местных начальств. Было признано желательным допускать переселения крестьян только с разрешения правительства, причем такие разрешения должны были выдаваться по соглашению министров внутренних дел и государственных имуществ. Разумеется, это опять-таки создавало огромную процедуру и волокиту, которой крестьяне не желали подчиниться. Поэтому и после принятия этой меры по-прежнему шли самовольные переселения крестьян.

Когда Игнатьев созвал вторую сессию «сведущих людей» (в сентябре 1881 г.), то работой, предложенной им на обсуждение, был именно переселенческий вопрос. Эта комиссия «сведущих людей» сильно раскритиковала Правила 10 июня 1881 года и признала, что переселенческое движение не должно подвергаться никакой регламентации, что вообще переселения должны признаваться целесообразными и допустимыми в том объеме, в каком они происходят, и что правительством должны быть принимаемы только меры по отношению к водворению переселенцев, но что при этом отнюдь не следует стеснять их в выборе места переселения; что им должны быть при этом даваемы известные льготы, именно воспособления на первое время, если возможно, — денежные и натуральные пособия, последние, например, в форме выдачи леса на постройку.

В конце концов, хотя этот план «сведущих людей» не получил утверждения, а продолжали «действовать» или, точнее сказать, бездействовать Правила 10 июня 1881 года, тем не менее переселенческое движение продолжало по-прежнему совершаться в форме самовольных переселений. Но правительство и в эти годы вынуждено было мириться с этим фактом, и эти самовольные переселенцы, вопреки закону, не только не возвращались назад, а их и формально в конце концов «устраивали» на местах, иногда даже давая им (в виде исключения) известные льготы и ссуды. В конце концов в 80-х годах, уже при полном разгаре реакции, при графе Д. А. Толстом, который

сделался министром внутренних дел в 1882 году и, как известно, во все не был склонен содействовать облегчению каких бы то ни было народных нужд, тем не менее правительство не могло бороться с этим переселенческим движением и мало-помалу должно было, в сущности, принять почти все меры, которые рекомендовались «сведущими людьми»; и вот в 1889 году — в эпоху полной реакции — был проведен через Государственный совет первый опубликованный закон о переселениях 13 июля 1889 года, которым разрешение переселений несколько было облегчено, именно: оно зависело по этому закону уже не от соглашения двух министров, а только от министра внутренних дел, и при этом сами переселения обставлялись очень значительными льготами — на три года переселенцы освобождались от всяких податей и воинской повинности, а на следующие три года подати взимались с них в половинном размере. Были оказываемы и различные денежные и натуральные воспособления, первые, впрочем, до середины 90-х годов в очень ничтожных размерах.

Чтобы покончить с политикой Бунге по отношению к народным массам, следует упомянуть о тех законах по рабочему вопросу, которые были изданы впервые при Бунге, начиная с 1882 года. Впервые русское правительство стало с этого времени на путь защиты — если не всех рабочих, то, по крайней мере, малолетних и женщин — от произвола фабрикантов. Законом 1882 года впервые ограничена была продолжительность рабочего времени малолетних и женщин и более или менее поставлены под контроль правительственных властей условия их работы, а для надзора за исполнением этих постановлений были учреждены первые должности фабричных инспекторов. Рядом последующих узаконений 1884–1886 годов закон о фабричной инспекции был еще несколько развит.

Затем следует еще упомянуть о попытках, которые были сделаны при Бунге, к привлечению более имущих классов к несению доли податного бремени. Первой такой попыткой был закон о налоге на наследства, изданный 15 июня 1882 года, а затем и другой закон — о налоге на процентные бумаги — 20 мая 1885 года.

Таковы были эти, все-таки немаловажные в общем счете, хотя, конечно, и вполне паллиативные, мероприятия правительства начала, или даже первой половины 80-х годов, направлявшиеся к улучшению экономического положения народных масс.

Что касается вопроса об упорядочении крестьянского общественно-го устройства и управления, то этот вопрос, как я вам говорил раньше, был передан циркуляром Лорис-Меликова от 22 декабря 1880 года на обсуждение земствам, и земства очень охотно воспользовались тогда этим приглашением правительства. При обсуждении этого важного вопроса многие земства его значительно расширили и не-

которые из них поставили даже вопрос об изменении всего местного управления в стране. Наиболее передовые земства при этом, естественно, стали на точку зрения необходимости установления связи между крестьянским самоуправлением и земством, признав в то же время безусловно необходимым освободить крестьянское самоуправление от тех элементов административно-полицейской опеки, которая была установлена над ним законодательством 19 февраля 1861 года.

Вместе с этим в некоторых земствах вновь возникает и вопрос о всесословной волости. Земства признавали довольно единодушно, что прежде всего крестьян надо избавить от той сословной исключительности, которая ставила их под особую полицейско-административную опеку, а затем объединить крестьян с другими сельскими жителями или сословиями, причем первой единицей самоуправления некоторые из земств предполагали сделать всесословную волость.

Но надо сказать, что и в самих земских кругах эта постановка вопроса вызвала тогда возражения, притом с двух противоположных сторон: некоторые наиболее народнически настроенные земцы боялись установления всесословной волости в том отношении, что в ней помещики получат большое преобладание над крестьянами в силу своего большего развития, а крестьяне будут повиноваться барину ввиду тех бытовых условий и навыков, которые еще остались от крепостного права; с другой стороны, некоторые представители земства, даже довольно прогрессивные, — как, например, князь С. В. Волконский и А. И. Кошелев в рязанском земстве, — полагали, что в такой всесословной волости крестьянская масса задавит интеллигентных представителей и что может случиться так, что даже прогрессивные начинания, — как, например, вопрос об ассигновании денег на земскую школу, — погибнут от преобладания невежественной массы в первой инстанции всесословного земства.

Таким образом, и в земствах вопрос этот не получил единодушного разрешения в то время.

В разрешении вопроса о преобразовании крестьянского общественного управления и всего местного самоуправления большое значение имели сенаторские ревизии, которые собрали по этому предмету довольно большой материал. Когда же осенью 1881 года сенаторы вернулись из своих объездов, то, по всеподданнейшему докладу Игнатьева, решено было учредить особую вневедомственную комиссию под председательством статс-секретаря Коханова, бывшего товарища министра при Лорис-Меликове, комиссию, которая потом так и называлась по имени своего председателя кохановской. В ее состав были назначены кроме ревизовавших различные губернии сенаторов некоторые из лиц, принимавших участие в предварительной разработке вопроса о реформе местного управления, затем, в качестве

членов-экспертов, разные земские деятели в очень небольшом числе, причем Коханову было предоставлено право их число впоследствии увеличить.

Эта комиссия, созданная, таким образом, как бы для осуществления некоторых идей эпохи «диктатуры сердца», начала свои работы с осени или, вернее, даже с зимы 1881 года и в трех первых своих заседаниях установила общий план своих работ, который представлен был на высочайшее утверждение, а затем выделила из своего состава особую подкомиссию, названную почему-то «совещанием», во главе с тем же Кохановым, причем в нее были включены и ревизовавшие сенаторы. На эту подкомиссию и была возложена подробная разработка реформы. Совещание это работало в течение 2,5 лет и проектировало целый ряд весьма важных преобразований. Оно разработало реформу не только крестьянского общественного устройства, но и всего местного управления. При этом оно стало на несословную или, вернее, даже на бессословную точку зрения и во главу угла своих работ положило мысль, что крестьяне должны быть освобождены наравне с другими сословиями от всякой административной опеки и что сельские общества должны включать в свой состав всех сельских обывателей данного околотка без различия сословия, причем все они должны на равных правах принимать участие в сельском самоуправлении. Характер чисто крестьянской единицы должен был быть сохранен лишь за крестьянской поземельной общиной, которая являлась бы единицей чисто хозяйственной без всяких полицейских обязанностей. Такие общины могли, однако, существовать лишь там, где сохранилось общинное землевладение. Наоборот, бессословные сельские общества, учрежденные для целей общественно-административных, должны были существовать повсюду.

Эти бессословные сельские общества являлись бы, таким образом, первой и низшей единицей самоуправления и непосредственно должны были быть связаны с уездным земством. Волость совершенно исключалась из числа самоуправляющихся единиц и, по идее кохановской комиссии, должна была получить значение лишь территориального подразделения уезда для земских административно-хозяйственных целей, причем во главе каждой волости должен был быть поставлен особый земский приказчик — «волостель», который и избирался бы из местных жителей уездными земскими собраниями.

В таком виде был разработан проект изменения земского и крестьянского самоуправления к концу работ «совещания» кохановской комиссии; но конец работ этого «совещания» (конец 1884 г.) совпал с полной победой реакции в правительственных сферах, когда мини-

стром внутренних дел был уже Толстой и когда он уже успел вполне ориентироваться во вверенном ему министерстве. Толстой решил так или иначе ликвидировать всю ту работу кохановской комиссии, которая была произведена, а для того, чтобы эта ликвидация прошла до некоторой степени в благовидной форме, как будто бы в согласии с мнением большинства местных сведущих людей, то решено было вызвать в состав кохановской комиссии таких «сведущих лиц», которые могли бы безусловно отвергнуть все выводы «совещания». Выбор их был произведен, разумеется, помимо Коханова: в состав их были приглашены некоторые губернаторы и ряд известных представителей реакционного дворянства, и они-то и подвергли все работы кохановской комиссии своей реакционной критике.

Собственно, крах игнатъевского режима произошел еще в мае 1882 года — ровно через год после того, как Игнатъев сделался министром внутренних дел. Крушению Н. П. Игнатъева содействовал главным образом все тот же Е. П. Победоносцев, который вызвал за год перед тем падение граф Лорис-Меликова. Воспользовался для этого Победоносцев моментом, когда Игнатъев решился, под влиянием своих московских единомышленников славянофилов, предложить созыв во время коронации земского собора в Москве. В состав этого собора должны были быть призваны лица разных сословий в числе более 3 тыс. человек. Очевидно, это было бы довольно нелепое собрание, отнюдь не похожее на законодательные или даже законосовещательные учреждения цивилизованных государств. Про такой собор Катков мог, конечно, выразиться, как он это сделал в одной из статей того времени, что это было бы просто такое же «ура», «какое недавно раздавалось в Кремлевском дворце на слова государя, возвещавшего войну».

В недавнее время опубликована переписка г-жи Голохвастовой с И. С. Аксаковым, которая рисует весь ход этого дела⁹. Проект, разработанный одним московским славянофилом, Голохвастовым, и представленный государю Игнатъевым, по-видимому, уже получил одобрение императора Александра, когда в это дело вмешался Победоносцев, который действовал против Игнатъева опять-таки путем закулисных интриг и устроил ему своего рода *d'état*. Когда Игнатъев узнал, что Победоносцев едет с докладом по этому вопросу в Гатчину, он просил Победоносцева назначить ему накануне доклада свидание, но Победоносцев ответил, что он поздно встает, а доклад начинается рано, и уехал, нарочно не повидавшись с Игнатъевым, а тот получил уже непосредственно от императора Александра, которого Победоносцев успел-таки убедить разорвать окончательно со всеми системами уступок общественному мнению, уведомление, что его проект неприемлем.

Игнатьеву оставалось подать в отставку. На его место был призван граф Д. А. Толстой, тот самый, который в 1880 году был уволен от поста министра народного просвещения по инициативе Лорис-Меликова к ликованием всей мыслящей России.

Лишь с этого момента стал явственно определяться правительственный курс, которого император Александр III придерживался уже до конца жизни и который сообщил ярко реакционную окраску всему его царствованию.

Решительный поворот к реакции. — Роль Победоносцева. — Гр. Д. А. Толстой. — Реакция в Министерстве народного просвещения. — Дворянская реакционная политика во внутренних делах. — Юбилей жалованной дворянской грамоты в 1885 году и связанное с ним дворянское реакционное движение. — Программа Пазухина. — Ликвидация вопроса о преобразовании крестьянских учреждений после закрытия кохановской комиссии. — Закон 12 июля 1889 г. о земских начальниках. — Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. — Судебные новеллы. — Новый закон о печати 1882 г. и ее положение. — Преследование иноверцев и инородцев. — Еврейский вопрос. — Новые порядки в армии и в военно-учебных заведениях

В двух прошлых своих лекциях я охарактеризовал вам два первых, весьма кратковременных, но в то же время и весьма знаменательных, периода царствования Александра III, имевших, в сущности, оба вступительный, переходный, и в зависимости от этого весьма колебательный характер.

С крушением министерства Игнатьева и переходом власти в руки графа Толстого в мае 1882 года начинается окончательный резкий поворот к реакции — поворот, опиравшийся на определившуюся к тому времени вполне уже реакцию в части русского общества. С момента этого поворота, можно сказать, началась истинная эпоха императора Александра III, окрашенная в свой настоящий цвет. Наряду с упразднением славянофильского министерства Игнатьева были упразднены очень скоро вслед за тем и те придворные тайные организации «Священная дружина» и «Добровольная охрана», в недрах которых обнаружили тоже своеобразные конституционные течения и попытки, организованные молодым графом Шуваловым при некотором участии тогдашнего министра двора графа Воронцова-Дашкова. Относительно этих попыток теперь дает очень много нового вышедшая в минувшем году книга В. Я. Богучарского, которая вызвала значительную полемику, главным образом со стороны крити-

ковавшего ее Б. А. Кистяковского, полемику весьма плодотворную, причем вся эта эпоха была в значительной мере заново выяснена¹⁰.

После коронации, благополучно отпразднованной в мае 1883 года, правительству удалось захватить остатки революционной организации «Народная воля» при содействии предателя революционера Дегаева и при помощи того внутреннего разлада, который в тот момент наступил в революционной среде, и затем Толстому была отдана в руки «вся полнота власти», выражаясь современным нам языком.

Впрочем, и Толстому пришлось потратить немало усилий и времени на окончательную ликвидацию наследия «диктатуры сердца»: при нем в течение трех лет, как вы могли заметить, продолжал свою деятельность Н. Х. Бунге; при нем в течение двух лет работала еще кохановская комиссия, и для работ этой комиссии правительству пришлось в конце концов приготовить особые похороны по первому разряду, пригласив предварительно в помощь к себе для полного аннулирования ее предначертаний особых экспертов из «общества», которые были подобраны из числа наиболее реакционно настроенных дворян, громко о себе заявлявших в то время в разных местностях России, да из местных администраторов «крепкой руки», вроде черниговского губернатора Анастасьева. На все это, повторяю, пришлось Толстому затратить не менее двух-трех лет.

Ранее всего Толстому удалось восстановить реакционное течение дел в старом своем ведомстве, в Министерстве народного просвещения, которым он заведовал в течение 16 лет в царствование Александра II и где в это время, именно в мае 1882 года, либерального министра барона Николаи сменил также считавшийся либералом, но теперь рабски покорный Толстому и Победоносцеву И. И. Делянов. Здесь уже в 1884 году оказалось возможным провести новый университетский устав, изготовленный по идеям Каткова, Леонтьева и Любимова, так что Катков мог, наконец, ликуя, провозгласить свой знаменитый торжествующий окрик: «Встаньте, господа, правительство идет, правительство возвращается».

По новому уставу, университетские советы были лишены всех остатков автономии, и министерство получило возможность по-своему составить программу юридического и филологического факультетов, так что университетам пришлось вспомнить времена Ширинского-Шихматова. Студентов решено было взять, так сказать, в ежовые рукавицы, уничтожив в их среде всякие зачатки корпоративных организаций, а при малейших попытках к протесту отдавать их в солдаты. И несколько случаев применения этой суровой меры действительно было в царствование императора Александра III.

Таков был новый режим в высшей школе; о средней школе можно сказать, что относительно ее явилось стремление вернуть ее в по-

ложение николаевской сословной гимназии, сохранив при этом все черты толстовской классической системы. Характернейшим документом деляновской системы именно по отношению к средней школе является известный циркуляр о «кухаркиных детях», как его называли сокращенно в публике, относившийся вообще к детям низших сословий, которые должны были безусловно быть устранены из гимназий, причем, чтобы это облегчить, предположено было уничтожить приготовительные классы, дабы тем самым затруднить возможность для людей малосостоятельных готовить детей в первый класс. Тут снова была воскрешена идея, провозглашенная императором Николаем еще в 1827 году в его известном рескрипте Шишкову.

Низшие школы предположено было окончательно передать в духовное ведомство, согласно домогательствам Победоносцева, и если *de facto* в 90-х годах этого не случилось, то в значительной мере, может быть, благодаря дворянской оппозиции, которая, даже и будучи реакционной, не желала, однако, выпустить дело начального образования из своих рук; главным же образом не удалось это потому, что у правительства не было необходимых денежных средств. Ведь земства в огромном большинстве не соглашались передавать свои земские школы духовному ведомству; эти школы можно было, конечно, отнять у земства, но тогда надо было бы ассигновать на них казенные средства, а именно средств-то и не хватало; и, таким образом, благодаря этому — и благодаря тому, что огромное большинство земств не согласилось на предложение графа Толстого передать добровольно школы в духовное ведомство, — школы эти остались и дальше в руках земства.

Но надо сказать, что самый низший тип народных школ, а именно так называемые школы грамоты, школы, которые устраивались часто самими крестьянами и для которых не требовалось даже учителей, получивших специальные учительские права, — эти школы, по закону 13 июня 1884 года, проведенному Победоносцевым при поддержке Делянова, были переданы целиком в ведомство Святейшего Синода. Это последнее обстоятельство, впрочем, оказалось в конце концов не особенно вредным в деле развития начального народного образования, так как этот тип школ чрезвычайно плох сам по себе, и земства склонялись к нему только в тех случаях, когда у них не было средств на сколько-нибудь правильно устроенные школы, а то обстоятельство, что школы грамоты были переданы в духовное ведомство, оттолкнуло от них земства и тем самым принудило их давать иногда большие ассигновки на народное образование и основывать новые школы более высокого типа. Таково было положение народного образования в эту реакционную эпоху.

Новое дворянское реакционное направление, которое проводилось правительством при графе Толстом во внутренних делах, всего яснее отразилось на судьбе крестьянского вопроса и на реформе земского управления. И то и другое имело ближайшую связь с работами кохановской комиссии. Первые проявления дворянской реакционной агитации, как вы уже видели в прошлый раз, обнаружались еще в 1881 году, при обсуждении вопросов об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей. Как только задеты были серьезно материальные интересы дворянства, тотчас же дворянской реакционной агитацией пущены были в ход слухи о весьма тревожном настроении крестьян и о проникновении в крестьянскую среду крамольных идей, которые получили там развитие в форме толков о близком полном или так называемом «черном» переделе земли. И вот эти слухи, имевшие, может быть, некоторое основание, но, несомненно, чрезвычайно раздутые, произвели весьма сильное впечатление на императора Александра III. Уже в речи государя, которую он произнес в 1883 году на коронации волостным старшинам, прозвучало первое резкое предостережение крестьянам — не слушать крамольных толков и во всем подчиняться, как выразился государь, «своим» предводителям дворянства. На первый взгляд, это кажется простою обмолвкой — казалось бы, предводители дворянства и были предводителями только дворянства, но императору Александру представлялось, что предводитель дворянства есть глава всякой власти и общества в уезде.

Дальнейшее сближение правительства с реакционными видами дворянства проявилось в способе ликвидации работ земств, которым поручено было обсуждать крестьянский вопрос еще Лорис-Меликовым, и работ кохановской комиссии, а также в ряде весьма значительных актов, связанных со столетним юбилеем дворянской жалованной грамоты в 1885 году.

По этому именно случаю в 1885 году был открыт особый Дворянский банк, специальной задачей которого было поддержание ссудами на льготных условиях дворянского землевладения. В манифесте, изданном по этому случаю, было выражено пожелание, *чтобы впредь «дворяне российские сохраняли первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования».*

В благодарственных адресах дворян, которые последовали в ответ на этот манифест, именно со стороны наиболее реакционно настроенного дворянства некоторых губерний, особенно в адресе дворянства Симбирской губернии, где во главе этого течения стал алатырский предводитель дворянства Пазухин, было указано, что дворянство

возлагает свои надежды на правительство, именно на крепкую правительственную власть, усиление которой позволило бы дворянству спокойно жить в деревнях. На эти заявления дворянства правительство отвечало, что в этом духе и будет направляться законодательная работа. Это было чрезвычайно показательно и совершенно кончало со всеми демократическими и либеральными идеями, которые находили себе еще некоторую поддержку в министерстве Игнатьева и Бунге; над всем этим окончательно был поставлен крест. И мы видим, что, действительно, ликвидация тех работ и проектов, которые были приготовлены кохановской комиссией, возложена была именно на Пазухина, являвшегося наиболее ярким и последовательным представителем этого дворянского реакционного течения. Пазухин изложил довольно ярко свои идеи в 1885 году в статье, напечатанной им в «Русском вестнике», а потом появившейся в виде отдельной брошюры под заглавием «Современное состояние России и сословный вопрос». Здесь Пазухин открыто объявлял причиной всех язв современной России тот бессословный строй, который создан был реформами 60-х годов, из которых он особенно ненавистными считал реформы земскую и судебную.

«Социальная нивелировка, начавшаяся, — по мнению Пазухина, — не с крестьянской, а с земской реформы, лишила дворянство всех служилых прав как по местному, так и по государственному управлению. Утрата служебных привилегий имела последствием ослабление связи дворянства с правительством, распадение дворянства как корпорации и постепенное падение его авторитета среди населения. Это ненормальное политическое положение отозвалось неблагоприятно на дворянской собственности».

Те же условия распатали, по мнению Пазухина, и другие сословия. Одновременно с постепенным разрушением сословий нарождается и разрастается «бессословное общество, недавно получившее название интеллигенции». В это понятие, по Пазухину, «входит все то, что находится вне сословного быта. Это есть то бесформенное общество, которое наполняет собою все щели, образовавшиеся в народном организме в эпоху реформ, и которое лежит теперь довольно толстым пластом вверх России».

Антипатия Пазухина к этому слою безгранична. Отличительная черта его — беспочвенность, отчужденность от народа.

«Утрачивая все сословно-бытовые особенности, русский человек утрачивает и все национальные черты».

Пазухин огульно обвиняет всю интеллигенцию в своекорыстном стремлении к потрясению основ. Установив, таким образом, диагноз болезни, причиненной России реформами Александра II, Пазухин указывал в своей статье и путь к исцелению.

«Если, — писал он, — в реформах прошлого царствования мы усматриваем великое зло в том, что они разрушили сословную организацию, то задача настоящего должна состоять в восстановлении нарушенного».

Немудрено, что при таком настроении дворянства, довольно резко проявившемся в провинции, в то время и между крестьянами распространялись слухи о близящемся восстановлении крепостного права.

Эти идеи Пазухина пришлись чрезвычайно по вкусу министру внутренних дел графу Толстому, и он, пригласив Пазухина в правители своей канцелярии, поручил ему выработать проект возможной реставрации утраченного. Результатом этой работы явились впоследствии, правда, в значительно измененном виде, Положение о земских начальниках 12 июля 1889 года и Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 года. Руководящей мыслью в обоих этих Положениях явилось, с одной стороны, стремление создать на местах «крепкую и близкую к народу власть», — как тогда определенно выражались в правительственных кругах, — власть, которая была бы в состоянии осуществлять всемогущую административную опеку, а с другой стороны, признание необходимости обеспечить и помещикам-дворянам возможность не только выгодно вести свое хозяйство, но и занимать в местной жизни почетное и влиятельное положение. И этому, действительно, соответствовало Положение о земских начальниках, которые были облечены сильной властью и имели право опеки над отдельными крестьянами и над органами крестьянского самоуправления и суда. Эта власть сосредоточивалась, действительно, в руках поместного дворянства, так как эти земские начальники должны были назначаться именно из его среды; в то же время они являлись агентами, подчиненными губернской администрации. Вскоре была уничтожена и та степень самостоятельности и независимости от правительственной власти земских учреждений, которая им обеспечивалась по Положению 1864 года. По Положению 1890 года, земское управление введено было в систему общегосударственных установлений. В этом случае Толстой очень ловко воспользовался господствующей в государственном праве теорией, по которой органы земского самоуправления должны быть признаваемы органами государственной власти и земское самоуправление осуществляет не какие-нибудь чисто общественные права и обязанности, а именно часть государственной власти; и вот, положив эту идею в основу своего проекта и придав ей, конечно, соответственную своему настроению окраску, правительство Толстого из этого положения сделало такой вывод, что раз земства суть органы государственной власти, то, следовательно, прежде всего их надо одеть в мундир Министерства внутренних дел и подчинить

вышестоящим органам этого ведомства. Поэтому управы должны были быть подчинены губернаторской власти, председатели управ должны были быть по назначению правительства и все решения земских собраний должны были быть поставлены не только под контроль губернаторской власти, но и должны были получать силу только после утверждения их губернатором. Эта сторона дела удовлетворяла Толстого. По идеям же Пазухина, который являлся главным творцом этих проектов, сделавшихся, с некоторыми изменениями, Положениями в 1889 и 1890 годах, главной задачей являлось именно уничтожение бессословного или сословного строя, введенного земским Положением 1864 года, и замена его чисто сословным строем с тем, чтобы при этом дан был полный перевес дворянству. Соответственно этому изменена была избирательная система в земствах и изменено было распределение числа земских главных тем куриями, которые были теперь перестроены на сословный лад. Больше всего избирательная система изменена была по отношению к крестьянству. Крестьяне составили особую курию, как и в Положении 1864 года, но, во-первых, они лишены были права избирать лиц, не принадлежащих к их курии, чем была усилена сословность курий; затем, так как число гласных от крестьян было чрезвычайно уменьшено и везде было значительно меньше числа волостей в каждом уезде, а выбор гласных предоставлялся именно волостям, то поэтому было положено, что волости должны будут избирать только кандидатов в гласные, а из них уже губернатор должен будет определять, кто должен быть гласным. Таким образом, в конце концов гласные из крестьян являлись гласными по назначению губернатора и, разумеется, по рекомендации земского начальника.

Число гласных от дворян было чрезвычайно увеличено во всех уездах при абсолютном уменьшении общего числа гласных, и, таким образом, по Положению 1890 года земские уездные собрания сделались, в сущности говоря, почти дворянскими собраниями, потому что представители дворянства здесь были почти во всех уездах в подавляющем большинстве. Надо сказать, однако, что собственно проект Толстого Министерству внутренних дел не удалось провести вполне. Граф Толстой скончался раньше доведения этого дела до конца, и хотя на его место был назначен И. Н. Дурново, бывший при нем товарищем министра и считавшийся воодушевленным теми же принципами, но, не обладая ни его талантами, ни его характером, ни его влиянием в особенности, он не мог отстоять в Государственном совете проектированного Толстым Положения в полном виде. Таким путем часть этого Положения, касавшаяся обращения органов земского самоуправления в совершенно подчиненные губернаторам присутственные места, не была проведена в полной мере. Государ-

ственный совет во многом изменил проект, и то Положение, которое вышло из Государственного совета, не являлось в такой степени уничтожающим всякое самоуправление, как можно было бы ожидать, судя по первоначальному проекту Толстого.

Тем не менее, это было совершенное искажение Положения 1864 года, особенно по отношению к крестьянству. Ограничение крестьян, которое выразилось в том, что в конце концов гласные от крестьян назначались губернатором, отменено только в 1906 году по закону 5 октября, о чем вы знаете из курса крестьянского права. Я не буду подробно по этой же причине вам характеризовать и Положение 12 июля 1889 года о земских начальниках; скажу только, что введению в действие этого Положения предшествовала еще разработка некоторых других законов, совершенно так же стремившихся к установлению административной опеки над крестьянами в интересах поместного дворянства и к регулированию таким путем положения крестьянства. Тут следует назвать два закона, выработанных при содействии того же Пазухина, именно Закон о найме на сельскохозяйственные работы крестьян, который был отредактирован совершенно в интересах помещиков, и затем Закон о крестьянских семейных разделах, который явился одним из типичнейших образцов применения идеи опеки к крестьянскому законодательству.

Разумеется, в это реакционное время продолжались в усиленном виде и те искажения судебных уставов, которые начались, как вы видели, еще в предыдущее царствование. Эти искажения касались, конечно, прежде всего все большего и большего сужения роли суда присяжных. Но и помимо того, именно Законом 12 июля 1889 года, сильно нарушен был один из коренных принципов судебных уставов: именно принцип разделения судебной и административной властей. Нарушен он был по отношению к делам, правда, второстепенного значения — по отношению к менее важным преступлениям и менее ценным гражданским искам, — но зато и более часто встречающимся в жизни. Я говорю об уничтожении мировой юстиции. В самый момент обсуждения в Государственном совете Закона о земских начальниках император Александр — в связи с тем, что в Государственном совете была высказана бывшим министром финансов А. А. Абазой мысль заменить земских начальников мировыми судьями на английский образец, — решил, что параллельное существование этих властей, действительно, потребует у нас слишком больших расходов и, может быть, будет мерой, противоречащей идее сильной и близкой к народу власти, а потому указал, что мировые судьи должны быть вовсе уничтожены, а та судебная власть, которая им по закону вверена, должна быть разделена: частью — по некоторым более важным делам — она должна быть передана окружным судам, а по более маловажным

проступкам — земским начальникам в сельских местностях, для городов же должны быть учреждены особые городские суды с более упрощенными формами судоговорения и менее стоящие, причем второй инстанцией и по отношению к ним должен быть съезд земских начальников. Это смешение административной и судебной властей и было проведено в Положении о земских начальниках.

Затем, разумеется, в это реакционное время и даже раньше, чем последовали все эти изменения реформ 60-х годов, чрезвычайно, конечно, ухудшилось и без того тяжелое положение печати. В этом отношении, как только Толстой вступил в должность, уже в 1882 году он озаботился изданием новых дополнительных Временных правил 27 августа 1882 года, которые прибавляли целый ряд в высшей степени стеснительных по отношению к печати мер к тем мерам, которые были установлены Временными правилами 1865 года и тимашевскими к ним добавлениями. По этим новым Правилам, во-первых, вводилось такое положение, что те органы печати, которые были временно приостановлены после трех предостережений, могли вновь начать выходить исключительно только под особого рода предварительной цензурой, именно: для газет устанавливалось, что каждая подвергшаяся этой каре газета вновь может выходить только с таким условием, чтобы каждый ее номер накануне выхода в свет, не позже 11 часов вечера, представлялся в цензуру. Это, разумеется, было почти совершенно неосуществимо для ежедневных газет, потому что, как вы знаете, газеты, на обязанности которых лежит именно сообщать самые последние новости, печатаются ночью, вплоть до самого момента рассылки, и, таким образом, не могут быть готовы к 11 часам вечера накануне или же должны поступаться новизной сведений. Поэтому, как только это правило было применено к «Голосу» Краевского и «Стране» Полонского, которые выходили в Петербурге и являлись тогда наиболее резкими либеральными газетами, то этим газетам пришлось прекратить свое существование. Вторым правилом, которое было вновь введено, являлось учреждение особого ареопага из четырех министров: министра народного просвещения, министра внутренних дел, министра юстиции и обер-прокурора Святейшего Синода, которым предоставлялось право в случае обнаружения вредного направления какого-нибудь журнала или газеты навсегда прекращать это издание, причем они могли вместе с тем и совершенно лишать права также навсегда редактора этой газеты или журнала издавать какие бы то ни было органы печати.

С особенной строгостью применялись к журналам и газетам, в особенности в первые годы толстовского режима, все те драконовские меры, которые устанавливались и новым и прежним законодательством о печати. Так, на органы печати сыпались такие кары, как лишение

права печатать объявления, как многочисленные предостережения, которые вели в конце концов к приостановке и затем, по новому закону, к отдаче под предварительную цензуру, как лишение права розничной продажи, что больно било газеты в экономическом отношении. Очень скоро применен был и новый способ окончательного прекращения журнала по решению четырех министров: именно таким образом были прекращены «Отечественные записки» с января 1884 года и некоторые другие либеральные органы печати того времени.

В конце толстовского режима, именно в 80-х годах, в последние два-три года жизни Толстого число таких кар значительно уменьшилось, и можно было, как замечает К. К. Арсеньев, даже подумать, что это являлось симптомом смягчения режима; но такое уменьшение числа кар на деле, как объясняет тот же историк цензуры, зависело от того, что не на кого и не за что было их налагать, так как значительное число либеральных независимых органов печати было или совершенно прекращено, или поставлено в такое положение, что они не смели пикнуть, и в случаях сомнения сами редакторы наперед объяснялись с цензорами и выторговывали себе ту небольшую область свободы, которая им представлялась самой цензурою. В таких обстоятельствах выжили в этот трудный момент лишь немногие из либеральных органов печати, как, например, «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Русские ведомости», которые, впрочем, постоянно чувствовали над собой дамоклов меч, и их существование висело также все это время на ниточке.

Особенно тяжело в эту мрачную эпоху русской жизни, как вы сейчас увидите, было положение различных иноверцев, инородцев и вообще населения окраин России.

Правда, что касается вопросов веротерпимости, то в начале царствования императора Александра III, 3 мая 1883 года, был издан закон, как будто обеспечивающий некоторую веротерпимость, по крайней мере по отношению к раскольникам и сектантам. Но уже в ближайшее за тем время возбужденные этим законом надежды должны были быть совершенно оставлены; именно по отношению к сектантам правительство, руководимое в этом случае Победоносцевым, проявляло особую суровость, а подчас даже, можно сказать, и свирепость, преследуя сектантов наиболее чистых и нравственных по своему характеру сект, как, например, пашковцев, толстовцев, духоборцев, штундистов.

Эти секты преследовались не потому, чтобы в них, как в сектах скопцов или хлыстов, развивались какие-нибудь вредные и в нравственном отношении нетерпимые учения, а просто потому, что секты эти признавались наиболее опасными для господствующего вероисповедания. Преследовались в особенности штундисты и духоборцы,

и правительство доходило при этом иногда даже до отнятия детей у родителей, так что дальше идти уже было некуда. В 1894 году, в самом конце царствования императора Александра III, штундистам были даже вовсе запрещены молитвенные собрания.

С этим вполне гармонировали и меры против униатов в Западном крае и Царстве Польском, а в отдельных случаях и против лютеран в Остзейском крае. В это время вообще все более и более расцветал воинствующий национализм в России, и на окраинах он достиг своего апогея. Более всего преследовались в это время евреи и поляки-католики, последние в Западном крае и даже в самом Царстве Польском. Подвергались преследованиям и ламаиты, калмыки и буряты — им запрещалось строить храмы, отправлять богослужения, причем иные из них испытывали особенные гонения в тех случаях, когда они официально числились обращенными в православие, а затем в действительности оказывалось, что они продолжают исповедовать прежнее вероисповедание.

Евреи в особенности подверглись разного рода ограничениям. Так, временными правилами 3 мая 1882 года у евреев отнято было право селиться в пределах даже самой черты оседлости вне городов и местечек; им запрещено было приобретать недвижимое имущество в сельских местностях. В 1887 году Ростов-на-Дону и Таганрог с уездом были изъяты из черты оседлости; таким образом, и та черта оседлости, в которой евреи издавна обладали правом жить, была сокращена. В 1891 году было запрещено селиться в Москве евреям-ремесленникам, которые имели это право по закону 1865 года, дозволявшему селиться вне черты оседлости евреям, получившим высшее образование, и ремесленникам. И вот вследствие воспрещения ремесленникам селиться в Москве и в Московской губернии в 1891 году был произведен ряд выселений, причем эти выселения нередко производились в самых возмутительных формах: всего было выселено около 17 тыс. евреев, и выселялись они куда попало, с полным разорением, так как это были наименее обеспеченные слои еврейского населения.

В 1887 году была введена для еврейских детей процентная норма в учебных заведениях, последствия которой всем хорошо известны. В 1889 году фактически был приостановлен прием евреев в присяжные поверенные, и без всякого законного основания они стали оставаться помощниками присяжных поверенных до конца жизни. В этом отношении некоторое изменение наступило только в последние годы.

Поляки были сильно ограничены в правах государственной службы в Царстве Польском и Западном крае, но в остальных местностях России они особенных стеснений не испытывали.

Реакционный дух, который повсеместно и многообразно давал себя в это время чувствовать, отразился и на порядках в армии.

Здесь те гуманные принципы, которые стремился ввести и укрепить Д. А. Милютин в течение своего двадцатилетнего управления военным министерством, мало-помалу исчезали. Правительство, которое во многих отношениях старалось улучшить материальный быт офицерства, которое устанавливало для офицеров льготные условия получения билетов в театры и т. п., в то же время стремилось воспитать офицерство в духе определенно кастовом, так, чтобы оно чувствовало себя совершенно отделенным от остального населения. Чтобы сильнее развить в офицерстве этот дух, для него издаваемы были даже особые законодательные нормы. Так, специально для офицеров отменено было действительное для всего населения запрещение уголовным законом дуэлей. Вообще участие в дуэли у нас наказывается довольно существенной карой; между тем для офицеров дуэли в известном порядке не только были разрешены между собой, но по новому закону им разрешалось прибегать к дуэлям даже в их столкновениях с лицами гражданского звания; в известных случаях кодекс чести, установленный в это время для офицеров, даже требует вызова на дуэль.

Стремясь воспитывать в кастовом духе лиц, предназначенных их родителями к офицерской карьере с малолетства, военное министерство вновь перестроило и те военно-учебные заведения, которые были преобразованы при Милютине в духе гуманности и разумных педагогических приемов: при Ванновском, новом военном министре, они были вновь преобразованы из военных гимназий в кадетские корпуса и начальство старалось вновь восстановить в них тот режим закрытых военно-учебных заведений, который царил в них при императоре Николае I.

Финансовая политика во вторую половину царствования императора Александра III. — И. А. Вышнеградский и его система. — Крайнее развитие протекционизма в таможенной политике и в железнодорожном тарифном законодательстве. — Результаты этой системы. — Внешняя политика императора Александра III. — Завоевание Туркмении. — Русско-английские отношения в Средней Азии. — Балканские дела. — Болгарские замешательства. — Франко-русский союз и его значение. — Сибирская железная дорога и начало новой политики на Дальнем Востоке

В прошлой лекции я охарактеризовал развитие той реакционной политики, которая во второй половине царствования императора Александра III последовательно распространилась на все отрасли правительственной деятельности и резко дала себя чувствовать во всех областях народной и общественной жизни.

Единственные послабления реакционного курса, которые мы видели еще в середине 80-х годах, как я вам уже говорил, чувствовались в Министерстве финансов, где до 1 января 1887 года во главе ведомства стоял если не безусловный либерал, то, во всяком случае, гуманный, честный и демократически настроенный человек — Н. Х. Бунге. Но его до такой степени в это время травили всякими интригами и инсинуациями в придворных сферах и в реакционной печати, что он, будучи к тому же уже в преклонном возрасте, решил, наконец, оставить пост министра финансов и с 1 января 1887 года был уволен в отставку и заменен новым министром, И. А. Вышнеградским. И. А. Вышнеградский был человеком, несомненно, отчасти подготовленным к этой должности, но совершенно иного типа, нежели Бунге. Он также был ученым профессором, но не теоретиком-экономистом, а ученым технологом и практиком, несомненно весьма даровитым, проявившим свои таланты как в некоторых изобретениях военнотехнического характера, так и в весьма хорошо поставленных академических курсах, которые он, будучи профессором, читал студентам в Петербургском технологическом институте и в Михайловской артиллерийской академии. В частности, прикосновенность его через артиллерийскую академию к военным сферам создала ему важное для министра финансов преимущество: он успел познакомиться хорошо с военным хозяйством и военным бюджетом, который является у нас такой важной составной частью общего государственного бюджета.

Таким образом, Вышнеградский явился на посту министра финансов человеком, несомненно, отчасти подготовленным и осведомленным, — в этом ему нельзя отказать. К тому же, рано успев составить себе некоторое состояние благодаря своим техническим изобретениям, он участвовал затем очень удачно в различных биржевых спекуляциях и биржевых делах, и эта сфера, таким образом, была ему также хорошо знакома. Но вместе с тем нельзя не признать, что в своем заведовании Министерством финансов и в особенности в своей финансово-экономической политике Вышнеградский обнаружил полное отсутствие сколько-нибудь широких взглядов и дальновидности; для него важнейшей и даже единственной, по-видимому, задачей являлось видимое улучшение русских финансов в ближайшее время. В своей финансовой политике он поставил себе ту же самую цель, которую когда-то ставил себе Рейтерн, — именно цель восстановить курс кредитного рубля, т. е. цель, которую в значительной мере, как вы знаете, должны были преследовать все министры финансов в России XIX в. Но не все они преследовали ее одинаковыми мерами и не все считали ее своей единственной задачей.

Как бы там ни было, курс Министерства финансов с заменой Бунге Вышнеградским изменился достаточно резко. Главной и непо-

средственной задачей министерства сделалось при Вышнеградском скопление больших денежных запасов в кассах государственного казначейства и широкое участие при помощи этих запасов в зарубежных биржевых операциях с целью оказывать давление на иностранный денежный рынок и этим путем поднять наш курс. Вместе с этим и в таможенной политике русское правительство стало с новой энергией двигаться по пути протекционизма, достигшего при Вышнеградском своего апогея. В 1891 году был издан новый таможенный тариф, в котором эта система была доведена до крайности. В то же время, считая для успеха своих мер весьма важным делом усиление русской обрабатывающей промышленности, Министерство финансов начинает с чрезвычайным вниманием прислушиваться ко всяким жалобам и пожеланиям представителей крупной фабричной промышленности и предпринимает по их инициативе пересмотр того, в сущности, еще весьма мало развитого фабричного законодательства, которое выработано было в интересах рабочих при Бунге. При Вышнеградском права учрежденных при Бунге фабричных инспекторов чрезвычайно умалются не столько новыми законодательными нормами, сколько при помощи циркулярных разъяснений, которые очень скоро отражаются и на составе фабричной инспекции, потому что в этих условиях наиболее преданные делу и независимые представители этой инспекции, видя совершенную невозможность действовать сообразно со своею совестью и даже сообразно с точным смыслом закона, уходят в отставку. Таким образом, институт фабричной инспекции сильно изменяется к худшему. Российская крупная промышленность благодаря ряду протекционных мер — и в особенности заботливому отношению Министерства финансов к вопросу о выгодном для отечественной обрабатывающей промышленности направлении железнодорожных линий и о таких железнодорожных тарифах, которые строго соответствовали бы интересам крупной промышленности, в особенности центрального, московского района, становится в это время в особенно благоприятные условия. Можно сказать, искусственно для нее создаются эти благоприятные условия; она становится излюбленным детищем Министерства финансов, нередко вопреки интересам прочих слоев населения и в особенности вопреки интересам всего сельского хозяйства, на состоянии которого особенно невыгодно отражался протекционный таможенный тариф 1891 года, чрезвычайно удороживший такие важные в сельскохозяйственном быту предметы, как, например, железо и сельскохозяйственные машины.

Между тем в это время мы не видим не только улучшения положения народных масс, несмотря на все паллиативные меры, принятые при Бунге, но, напротив, наблюдаем все продолжающееся разорение

крестьянства, которое я характеризовал вам в одной из прошлых лекций. В конце концов, однако же, тем самым подрываются условия внутреннего сбыта продуктов обрабатывающей промышленности, удовлетворяющей потребность широких народных масс, например, условия для сбыта произведений бумаготкацкой промышленности. Оскудевший внутренний рынок скоро становится для нее тесным. До некоторой степени компенсацией является для нее внешний рынок на восток, приобретенный завоеваниями в Средней Азии, но вскоре оказывается, что и этого недостаточно, и вот мы видим, что к концу царствования императора Александра III создается мало-помалу новая идея — продвинуть сбыт продуктов нашей промышленности как можно дальше на восток. В связи с этим является идея постройки Сибирской железной дороги — идея, которая развивается весьма широко; является вопрос о выходе к Восточному морю, о приобретении незамерзающего порта на Дальнем Востоке, и в конце концов вся эта политика, уже на наших глазах, приводит к зарождению и развитию тех предприятий на Дальнем Востоке, которые уже в министерство С. Ю. Витте в самом начале XX в. привели к японской войне и к тому краху, который за ними последовал.

Чтобы покончить с финансовыми и экономическими отношениями в рассматриваемый период, я скажу еще два слова о расширении нашей железнодорожной сети, которое сыграло здесь чрезвычайно важную роль. К концу царствования Александра II железнодорожная сеть не превышала 22,5 тыс. верст, а за тринадцатилетний период царствования Александра III она развилась уже до 36662 верст, причем из них 34600 было ширококолейных. В деле постройки железных дорог старая политика Рейтерна поддерживалась в том отношении, что эти железные дороги по-прежнему направлялись так, чтобы, с одной стороны, способствовать подвозу сырья к портам и таким образом именно усилением вывоза создавать благоприятный момент для нашего торгового баланса и для улучшения денежного курса, а с другой стороны, как я упомянул, министерство стремилось при помощи установления железнодорожных дифференциальных тарифов создать наиболее льготные условия провоза для продуктов фабричной промышленности центральных губерний. Для этого в составе Министерства финансов было создано даже особое учреждение — тарифный департамент, во главе которого был поставлен С. Ю. Витте, тогда еще молодой человек, которому уже на наших глазах пришлось сыграть выдающуюся роль, сперва в качестве министра финансов, а затем и на более широкой арене, в разрешении общих политических проблем нашего времени.

Другой чертой новой железнодорожной политики, чертой, противоположной политике Рейтерна, была постройка дорог казной и выкуп

в казну старых частных железнодорожных линий. В царствование императора Александра III протяжение казенных железных дорог увеличилось на 22 тыс. верст, тогда как протяжение частных дорог, несмотря на постройку новых частных линий, благодаря выкупу старых линий в казну уменьшилось на 7600 верст.

Вот общие черты финансовой политики, которой, несомненно, подготовлялось и углублялось новое обострение русских социально-экономических условий в начале XX в. Эти условия развивались рука об руку с тем кризисом, который русскому населению пришлось пережить после неурожая 1891–1892 годов, вызвавшего чрезвычайную нужду и даже голод в целых двадцати, по преимуществу черноземных, губерниях. Этот кризис составил, так сказать, последний штрих в той общей картине России, которую мы видим в конце царствования императора Александра III, и явился вместе с тем могучим фактором тех изменений в последующие годы, которые уже составят, быть может, когда-нибудь предмет следующей части моего курса о заключительном периоде истории России XIX в.

Теперь я остановлюсь несколько на внешней политике императора Александра III. Надо сказать, что в этом отношении император Александр III был или, по крайней мере, считал и показывал себя наиболее самостоятельным и независимым от всяких влияний своих сотрудников; здесь он, во всяком случае, стремился проводить свои личные взгляды. В 1882 году как раз умер старый руководитель нашей иностранной политики, почти уже впавший в детство от старости, сверстник и со товарищ Пушкина светлейший князь А. М. Горчаков, и на его место назначен был не какой-нибудь новый выдающийся государственный человек, а скромный и весьма исполнительный чиновник статс-секретарь Гирс, который и являлся, в сущности, не столько министром, сколько личным секретарем императора Александра III в сфере иностранной политики. Это обстоятельство не мешало, однако, в тех случаях, когда распоряжения по иностранному ведомству не соответствовали взглядам наиболее нетерпимых патриотов и националистов, во главе которых по-прежнему стоял М. Н. Катков, обрушивать на Гирса всевозможные нападки, которые должны бы были, собственно говоря, падать на политику самого императора Александра.

Но император Александр III последовательно вел ту линию, которую он себе усвоил. В первую половину его царствования иностранные конъюнктуры складывались не особенно благоприятно для России; ей постоянно грозила война — то со стороны Англии, то со стороны Австрии — и постоянно являлись частью общемировые, частью специально русские обострения в международных отношениях: целый ряд обострений, в особенности на востоке. Во-первых, при императоре

Александром завершилось то стремление захватить в наши руки всю Среднюю Азию, которое началось в 70-х годах и которое я излагал вам в одной из прошлых лекций. Здесь еще в царствование Александра II в связи с недовольством, которое вызывала наша политика в Англии, и с теми неудачами, которые наша дипломатия испытала на Берлинском конгрессе, подготовлен был некоторый реванш в отношении Англии, при помощи доведения наших владений в Средней Азии до такого положения, чтобы мы серьезно могли угрожать индийским владениям Великобритании.

По плану генерала Скобелева, им самим в значительной мере осуществленному, было решено еще в 1879 году уничтожить последний оплот полукучевых племен в Туркмении, Геок-Тепе, который еще не входил в наши владения, чтобы продвинуть нашу границу до Афганистана и даже в одном пункте до северных границ английских владений в Индии.

Первая попытка завоевать этих туркменок окончилась при императоре Александре II неудачей, но в самые последние месяцы царствования Александра II Скобелев весьма обстоятельно подготовил новый поход, причем стянуты были сравнительно большие военные силы, проложена даже на некотором расстоянии железная дорога за Каспийским морем для подвоза войск и припасов, и в результате всех этих приготовлений Скобелев действительно успел осадить и после упорного и кровопролитного сопротивления взять главный опорный пункт непокорных текинцев, Геок-Тепе. После этого племена эти потеряли всякую возможность противиться русской вооруженной силе, и в первую половину царствования Александра III дело пошло не только к окончательному подчинению этих текинцев, но и к отодвиганию русской границы до самого Афганистана. Тут наши войска уже столкнулись с афганцами, до тех пор дружественно к нам расположенными, и в 1885 г., после довольно кровопролитного сражения с афганскими войсками при р. Кушке, завоевали последний клочок этой части Средней Азии — г. Мерв. С присоединением Мерва наша граница вплотную подошла к границе Афганистана и в одном пункте — к границе северной Индии, причем весь пограничный вопрос разрешился на весьма выгодных для нас условиях. Это, разумеется, вызвало большую тревогу в Англии, но император Александр III, вовсе не желавший воевать с Англией, довольно удачно давал ответы на постоянные запросы английских дипломатов и благополучно успел избежать вооруженного столкновения с Англией — в значительной мере, конечно, благодаря тому, что в Англии в это время проводилась миролюбивая политика либерального министерства, во главе которого стоял Гладстон.

Другой опасностью, грозившей нам тогда, была война с Австрией, и, может быть, даже с Германией. Надо сказать, что втянуть нас

в войну с Австрией и занять этим наше внимание особенно старался тогда Бисмарк, которому очень хотелось приобрести себе этим путем свободу действий в отношении Франции. Однако личные связи императора Александра III с германским императором, старым Вильгельмом I, несмотря на то что сам Александр не был расположен к немцам, связи, унаследованные им от отца и деда, помешали Бисмарку втянуть нас в эту войну. Император Александр и здесь удачно уклонился от тех осложнений, которые желал навязать ему Бисмарк, несмотря на то что на Балканах обстоятельства становились очень неблагоприятными. Румыния и Сербия, не получив того, чего они домогались в 1878 году, и приписывая свою неудачу России, были настроены враждебно по отношению к России. Болгария, которая создана была Россией в виде независимого княжества и в которой, согласно желаниям русского правительства, был избран князем Александр Баттенбергский, родственник русского императора по Гессенскому дому, переживала в это время большие внутренние неурядицы. Она получила в 1879 году очень демократическую конституцию, и когда при действии этой конституции Александр Баттенбергский попробовал довольно самостоятельно править страной, то оказалось, что это ему давалось не особенно легко; ему приходилось иметь дело с ответственным перед парламентом министерством, которое очень часто не разделяло ни его взглядов, ни тех, которые при помощи специально поставляемых из России военных министров старалось ему внушить русское правительство.

Поставленный в такое положение Александр Баттенбергский попробовал в начале 1882 года произвести государственный переворот. Тырновская конституция была им уничтожена и введена новая укороченная конституция, причем Александр Баттенбергский на семь лет обеспечил себе возможность диктаторского управления страной. Однако на деле это привело к сильным внутренним потрясениям, которые кончились тем, что Александру Баттенбергскому пришлось совершенно расстроить свои отношения со страной, причем в то же время он не умел или не хотел удовлетворить и тем требованиям, которые ему предъявлялись русской дипломатией. В 1885 году, желая поправить свои обстоятельства, он, вопреки желанию русского правительства, или не получив, по крайней мере, от него на то полномочий, воспользовался беспорядками в южной Болгарии, в которой управлял генерал-губернатор, назначаемый с одобрения великих держав Портой, и присоединил эту провинцию к Болгарскому княжеству. Впрочем, несмотря на то что Россия не признала этого акта, присоединение это было условно признано самой Портой, по крайней мере, в виде личной унии: Порта признала Баттенберга как бы генерал-губернатором, ею назначенным в южную Болгарию.

Событие это привело Болгарию прежде всего к войне с Сербией, а затем обстоятельства так сложились в самой Болгарии, что Александр Баттенбергский не только должен был прекратить свой диктаторский режим, но даже должен был бежать из Болгарии. Здесь образовалось временное правительство во главе с Каравеловым, и в конце концов это временное правительство решило на известных условиях вновь предложить болгарский трон тому же самому Баттенбергу; но когда Баттенберг, видя, что без поддержки России ему в Болгарии не удержаться, запросил, сочувствует ли русское правительство его возвращению, то император Александр в резкой форме дал отрицательный ответ.

Таким образом, и с Болгарией отношения России сделались резко обостренными. Тем не менее Бисмарку все-таки не удалось натолкнуть Россию на более деятельное вмешательство в балканские дела, что и вызвало бы войну России с Австрией, а может быть, и окончательную порчу наших отношений со всей Европой. Император Александр III правильно это понял и поэтому предоставил Болгарии управляться собственными своими средствами, отозвав оттуда русских офицеров, служивших инструкторами в болгарских войсках, и вычеркнув Александра Баттенбергского из списков русской армии; но на прямое вмешательство в болгарские дела не пошел.

Положение императора Александра в Европе было в это время совершенно уединенным; но Александр III, видя это, высказал, что русскому правительству и нет надобности искать чьего бы то ни было союза и незачем мешаться в дела Европы. Однажды он демонстративно выразил это, подняв гост за здоровье князя Черногорского, которого назвал единственным своим другом в Европе.

Во вторую половину царствования императора Александра III, начиная с 1887 года, открылась, однако, возможность более выгодно устроить международные отношения России благодаря тем обстоятельствам, которые произвело обострение отношений между Францией и Германией. В 1887 году едва не вспыхнула новая война между этими государствами, причем Бисмарку, несомненно, этого и хотелось; но тогда императору Александру III удалось оказать Франции существенную услугу: личным обращением к германскому императору Вильгельму I ему удалось удержать Германию от объявления войны, к которой Франция не была готова. Это и послужило началом сближения России с Францией. Это сближение в 1889 году завершилось заключением союза; союз этот до поры до времени оставался негласным, но когда новый германский император Вильгельм II, вступивший на престол после кратковременного царствования своего отца Фридриха III, торжественно объявил о существовании союза Германии, Австрии и Италии, направленного, в сущности, против

России, то император Александр III решил объявить во всеуслышание и о своем союзе с Францией. Это вызвало во Франции ряд изъятий восторга, целый ряд манифестаций, посылку французского флота в Кронштадт и затем ответную посылку русского флота в Тулон.

Это русско-французское сближение явилось важным фактом международной политики конца XIX в. Именно этим путем положен был конец стремлениям Бисмарка нанести окончательный удар Франции, так что, несомненно, за императором Александром III в этом отношении правильно признается немаловажная заслуга, заключающаяся в том, что он дипломатическим путем, путем заключения прочного союза с Францией, успел установить такую форму международных отношений, которая на сравнительно долгий промежуток времени утвердила европейский мир.

Именно благодаря этому после смерти императора Александра III, да еще и при жизни его, в России и даже в Европе некоторые историки и публицисты называли его царем-миротворцем.

В самые последние годы царствования Александра III развивается, как я уже упомянул, все большее и большее стремление нашей дипломатии к влиянию на Дальнем Востоке, и это стремление, в связи с постройкой Сибирской железной дороги и в особенности с попыткой приобрести незамерзающий порт на Тихом океане, привело впоследствии к тому столкновению, которое разыгралось уже в нынешнее царствование. Но развитие этой новейшей политики уже выходит за пределы этой части моего «Курса».

В. С. КРИВЕНКО

В Министерстве двора. Воспоминания

<Фрагмент>

<...>

Я не собираюсь выявлять личность Александра III как правителя государства. При изложении своих впечатлений о службе в Министерстве двора, однако, невольно на фоне дворцовой декорации мелькает фигура этого физического колосса, выступают рельефно и разные мелочи жизни, которые помогают разобраться в характеристике самодержца огромной империи.

Не одаренный талантами, не выказавший выдающихся способностей, Александр III выказал трудолюбие, работал, в меру своего понимания, усердно над государственными делами. По натуре он был правдивый, порядочный, что называется, человек. На его слово можно было твердо положиться, эта черта не так часто встречается. Он не хитрил, не избегал смотреть прямо в глаза и напрямки высказывать свое убеждение. Не стеснясь никакими дипломатическими хитросплетениями, он громко, на весь мир заявил в своем знаменитом госте, что у России существует единственный друг и союзник — Черногория, иначе говоря, никого. Сказал он эти слова обдуманно, с целью, с тем, чтобы его дипломатический диагноз стал известен, кому знать надлежит. Ввиду значения произнесенных им слов, отчет о торжестве представлен был ему, и он, подчеркнув свои слова, выразил желание, чтобы их предали гласности. Своим прямодушием, своей определенностью он импонировал иностранные дворы. Не анекдот, что Вильгельм¹ побаивался Александра III, заискивал перед ним.

Многое можно сказать в укор правителю государства, не умевшему считаться с потребностями времени, отгородившемуся от народной массы каменной стеной бюрократии, но, тем не менее, нельзя забывать, что именно он, Александр, самостоятельно, без помощи

дипломатов, укрепил пошатнувшееся при Александре II международное положение России. Благодаря ему, врагу каких-либо авантюр, не посягавшему на чужое, но умевшему вовремя сказать «руки прочь от нашего!» даже такому умелому игроку, как Англия, царствование его не омрачилось войной. Теперь же мы можем оценить все великое благодеяние мирного периода. Наименование «Миротворца», данное ему, теперь уже забыто, а титул этот заслужен им по справедливости, и многое за это ему простится.

В Москве и в Петербурге Александру III воздвигнуты были памятники². Московский вышел крайне неудачный и по замыслу, и по исполнению: представлена была огромная фигура с полной, вызывающей, можно сказать, выставкой императорских регалий, идейности в композиции не чувствовалось. Другое дело — петербургский памятник Трубецкого. На мой взгляд, произведение это гениальное, характеризующее ярко русское самодержавие. Как Фальконет сумел показать миру могучего Петра Великого, вздыбившего Россию, заставившего сделать скачок в направлении западноевропейского прогресса, так Трубецкой выявил грузного царя, самодержца-консерватора, осадившего бесформенную русскую массу.

При открытии памятника мне довелось видеть торжество со ступенек подъезда Николаевского вокзала. Николай II парадировал перед отрядом войск, когда он поравнялся с монументом, завеса, покрывавшая его, упала, и внушительный бронзовый богатырь обрисовался во всей своей силе. Мне показалось, что Николай II вздрогнул, шашка его, обнаженная и поднятая для салюта, заметно заколебалась...

Памятник стеснил движение по оживленной Знаменской площади, но зато вид его издали, по оси Невского проспекта, поразительный. Удивляться приходится, как такое изображение императора, как символ, могло выдержать благополучно цензуру царской семьи. Зато после открытия памятника посыпались нарекания на автора. Одно время неумеренные почитатели Александра III добивались того, чтобы его, как карикатурное произведение, вовсе снять. При Николае его не сняли, а теперь же, думается, по недоразумению, заколотили досками. Напрасно.

Возвращаюсь к чисто дворцовой сфере. Александр III относился внимательно к предположениям о разного рода новых расходах по Министерству двора, причем обрисовывалась его натура, бережливая в расходах, стремившаяся закрепить старое, не любившая новшества. Приведу для примера несколько его резолюций на докладах. По поводу предположения об устройстве калориферного отопления в некоторых комнатах Гатчинского дворца он отметил: «Для чего? Я не понимаю, отопление отличное и чудная тяга». В ведомости работ, предположенных в гатчинском парке: «Тоже совершенно

лишняя работа». Предположено было в Петергофе перестроить обветшавшую царскую купальню. Отметка: «Это почему? Оставить и не трогать». По поводу укрепления берега и очистки пруда Морли в Петергофе — отметка: «Надеюсь, что они не уничтожат рыбу». Предполагалось сделать новые рамы в коттедже в Петергофе: «Возобновить совершенно как было; медные приборы оставить старые». По поводу предположения о замене гатчинского Горбатого моста железным — отметка: «Горбатый мост возобновить совершенно в том же виде». Сделано было представление о постройке новой оранжереи. Отметка: «Новую не строить, а перестроить одну из более ветхих фруктовых в оранжерею для припуска розанов». Предполагалась постройка новой прачечной с гладильной. Отметка: «Приспособить существующее здание». На представлении о новой отделке Помпеевской галереи в Зимнем дворце отметка: «Не стоит». При таврических оранжереях предположено было выстроить сарай для сена. Отметка: «Исключить». По поводу восстановления мраморной площадки на террасе при Александровском дворце в Царском Селе — отметка: «Я не помню — зачем?» В гатчинском зверинце предполагалось устроить проволочную изгородь на протяжении 1130 погонных саженей. Отметка: «Это, должно быть, ошибка, тут нет и 300 сажен». По поводу возобновления мебелировки в Зимнем дворце: «По-моему, не нужно». Над подъездом Большого Петергофского дворца спроектирован был навес, на что последовала царская отметка: «Не нужно». По поводу исправления решетки у так называемого «Собственного садика» — отметка: «Я еще увижу сам». По поводу перестилки паркетов в помещении малолетних певчих (Певческой капеллы) в недавно отстроенном здании у Певческого моста: «Так скоро!»

Император любил старину. Так, например, он со вниманием следил за реставрацией живописи в московском Благовещенском соборе, лично осматривал [ее] до приступа к работам, а затем на докладе написал: «Чтобы при восстановлении живописи открытые древние изображения были возможно менее записаны». Дальше указывалось: «Не употреблять ни лака, ни мастики». По поводу обновления раки св. Стефана Пермского в храме Спаса на Бору два раза отметка: «По старому рисунку».

Александр III воздерживался от расходов на чисто дворцовые постройки. При нем выстроен дворцовый павильон-башня в петергофской Александрии, «сельский дом» в Спале, дворец в Беловежской пуще³. Кроме того, в крымской Ливадии был разобран до основания Малый дворец, давший опасные трещины от оползней грунта. Приказано было: «Здание снести, углубить фундамент и выстроить вновь по размерам, расположению и обстановке точную копию старого». Так и было буквально исполнено. Заведовал тогда Ливадией пол-

ковник Плец, слывший в Ялте за большого оригинала, которому чрезвычайно по сердцу пришлось это царское указание. Он собрал образчики раскраски и обоев со всех уголков дворца, снял фотографии с расположения мебели и развески картин. Когда дворец был выстроен и убран, то лицам, не знавшим об этих работах и ранее жившим в нем, не могло бы и в голову прийти о том, что они находятся в новом здании.

К слову сказать, вся постройка Малого Ливадийского дворца обошлась в 65 тыс. руб. Всего два дворца-дачи построил Александр III, и судьбе угодно было распорядиться, чтобы именно в них ему пришлось закончить жизнь: в Беловежском дворце болезнь почек приняла угрожающий характер, а в Малом Ливадийском дворце царь умер.

<...>

С. Ю. ВИТТЕ

Воспоминания

<Фрагмент>

<...>

Император Александр III, хотя и относился к великой княгине Екатерине Михайловне очень благосклонно, но, тем не менее, он был очень гневен на К. П. Победоносцева за следующий случай.

Когда великая княгиня Екатерина Михайловна умерла, то она оставила завещание, которое составлял Победоносцев. Между прочим, в этом завещании было написано, что великая княгиня оставляет Михайловский дворец старшему сыну (или, кажется, сыновьям).

Великая княгиня жила в Михайловском дворце, потому что этот дворец принадлежал ее отцу, но, собственно говоря, этот дворец — императорский, принадлежащий вообще царскому дому; великая княгиня имела только право в нем жить, но дворец этот ей не принадлежал. По праву же, если можно так выразиться, «давности», так как великая княгиня давно уже в нем жила и была особенно всеми уважаема, и так как в составлении этого завещания участвовал К. П. Победоносцев, с которым она была в очень хороших отношениях, т. е. Победоносцев был близок с ее семейством, то в этом завещании был помещен пункт, что дворец она оставляет своим сыновьям (кажется, сыновьям, а не сыну).

Когда великая княгиня Екатерина Михайловна была уже на смертном одре, перед смертью она просила к себе приехать императора Александра III. И вот, будучи уже совсем больной, лежа, она сказала ему, что скоро она умрет, что у нее составлено завещание и что она просит Императора это завещание утвердить.

Император поинтересовался узнать: кто составил завещание?

Великая княгиня ответила, что составлял К. П. Победоносцев; так как император доверял Победоносцеву (который был юрист, профес-

сор гражданского права), он, не читая из корректности завещания, прямо его подписал.

Впоследствии, когда великая княгиня умерла и оказалось, что дворец, принадлежащий императорскому дому, должен перейти этим принцам, католикам или лютеранам (из которых один в прошлом году умер, а другой в настоящее время, будучи генералом от артиллерии, командует какой-то артиллерийской бригадой), то государь был очень возмущен тем, что императорский дворец перешел к этим принцам.

Как-то раз я имел разговор с императором, и он сказал мне, что ему очень неприятно, что этот исторический дворец, который принадлежит императорскому дому, перешел по какому-то недоразумению в руки этих принцев. Государь сказал, что его подвел К. П. Победоносцев и что он очень желает, чтобы этот дворец был все-таки выкуплен, а поэтому просил меня войти как-нибудь в переговоры относительно выкупа Михайловского дворца.

Раз уже завещание подписано, он не хочет его переменить, так как сам его утвердил, но вообще, — говорил государь, — он очень недоволен Победоносцевым и был бы очень рад, если бы мне удалось как-нибудь этот дворец выкупить, причем сказал, что если в этом дворце никто из императорского семейства не будет жить, то, может быть, можно будет устроить там Ксениинский институт, т. е. институт имени его дочери Ксении Александровны.

Это был просто разговор. Затем вскоре император умер.

Но мысль эта, это желание императора Александра III у меня запало в сердце, и я как-то раз, когда император Николай II вступил на престол, говорил с ним об этом.

Из слов императора Николая II я увидел, что и он точно так же слышал о том, что его покойный отец был недоволен тем, что Михайловский дворец перешел в руки принцев. Я рассказал ему весь разговор с его батюшкой, рассказал о желании императора Александра III выкупить этот дворец и о том, что государь меня тогда просил это устроить.

Император Николай II тоже сказал, что он просит меня это дело докончить. Тогда я переговорил с одним из принцев и вошел с ним в соглашение.

Он согласился продать мне этот дворец, если я не ошибаюсь, кажется, за 4 млн руб. Я на эту сумму согласился; доложил императору, который в свою очередь изъявил согласие.

Итак, было решено, что мы этот дворец покупаем. Я сказал, что когда принц получит деньги, то он должен через столько-то месяцев очистить дворец. Это происходило как раз летом. Дворец был очищен, причем оказалось, что при очистке дворца были сняты все ценные

двери, камины, вообще все украшения, которые, в сущности, у нас не признаются движимым имуществом, а считаются принадлежностями недвижимого имущества. Но, тем не менее, принц все это ободрал, забрал все ценные двери, камины и т. д.

Таким образом, когда дворец перешел в собственность государя (хотя за него заплатила казна), император спросил меня: что, по моему мнению, следует делать с этим дворцом?

Я сказал государю, что его отец желал сделать из этого дворца институт и назвать его «Ксенинским», но что мне казалось бы, что было бы очень хорошо, если бы государю было угодно там поселиться, потому что в Аничковом дворце живет его матушка императрица Мария Федоровна, а Михайловский дворец, очень удобный, имеет хороший сад и если восстановить этот дворец, возобновить парк, то можно пользоваться воздухом, так как там большое место.

Но государь от этого уклонился, сказав:

— Я не вижу, почему я должен жить не в тех помещениях, в которых жили мой отец и мой дед?

Государь поселился в Зимнем дворце. Я еще ранее обращал внимание на то, что при Зимнем дворце нет сада, где бы мог гулять государь и его дети.

Когда император Николай II поселился в Зимнем дворце, то я не имел с ним об этом разговора. Он отчудил себе часть Дворцовой площади (вследствие чего вышло недоразумение с городом), сделал превосходную решетку, которая теперь составляет украшение площади; там разведен парк.

В этом парке, окруженном превосходной решеткой, представляющей вместе с тем и отличную защиту, император до 1904 года (т. е. до всей этой истории с революцией) постоянно гулял; там же резвились и его дети.

Таким образом, вопрос о том, что делать с Михайловским дворцом, не был решен.

Затем, когда я снова возбудил вопрос о том, что же делать с этим дворцом, и напомнил о Ксенинском институте, то император сказал, что он желал бы, чтобы Ксенинский институт был в Николаевском дворце, а этот Николаевский дворец после смерти великого князя Николая Николаевича перешел к его сыновьям: великому князю Николаю Николаевичу (которого, в отличие от его отца Николая Николаевича «старшего», называли «младшим») и Петру Николаевичу.

Эти великие князья запутались в долгах и просили этот дворец купить. Государь опять поручил мне купить этот дворец на счет казны и повторил, что он желал бы, чтобы Ксенинский институт был устроен в Николаевском дворце.

После того как этот дворец был мною, по приказанию государя, куплен, я дал мысль устроить в Михайловском дворце «Музей императора Александра III» в память того, что покупка этого дворца была сделана по инициативе покойного императора; хотя он и предполагал устроить институт, но я, питая благоговение к его памяти, хотел, чтобы, кроме памятника, который предполагалось поставить, а ныне поставлен на Знаменской площади, был еще какой-нибудь другой памятник его имени. Поэтому я и подал эту мысль, которая была очень благосклонно воспринята нынешним императором Николаем II.

Теперь там устроен музей имени императора Александра III, который разрастается и со временем, конечно, составит громадный памятник искусства — памятник великий, соответствующий величю самого покойного императора.

<...>

С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ

Мемуары

<Фрагменты>

<...>

Императора Александра III труднее было понять многих других. Наблюдательность его была чрезвычайная, а сознание, что вы поняты, что вас видит он насквозь, для многих могло быть тяжело и неудобно. Тот, кто хотел бы к нему примениться, весьма скоро бы сбился и остался бы неудовлетворенным. Отрешенный от всего суетного, мишурного, он не понимал этого чувства и в других. Он не мог придавать значения даже тем видимым знакам отличия, которыми располагал. Отсюда относительная скудость наград, почти не раздававшихся, кроме очередных, по представлениям. Быть может, на практике нужна некоторая суетность для поощрения тех, которые к тому падки. Когда князь В. В. Барятинский, назначенный с его охоты, остался без вензелей и хлопотал о получении их, то Государь, говорят, выразился так: «Не все ли ему равно?» Тогда для него этот вензель не мог служить признаком чего-либо отличного, и он не хотел понять, как и почему другие могли дорожить такими безделицами. Я слышал, что, когда К. П. Победоносцев благодарил его за статс-секретарство, Государь выразился ему так: «Очень рад, если это может доставить вам удовольствие!» Всякие подобные счета ему были непонятны, и он удивлялся, как люди могли придавать известное значение таким ничтожествам. Но человечество судит иначе, и немало упреков раздавалось ему ради этой самой черты его характера. Так, он запретил ношение «иностраннных орденов», которыми многие щеголяли, как брелочками. Вид развешанной такими знаками груди его коробил. Если бы он вошел во вкус внешних отличий, то сам бы должен был поддаваться этому и изменять себе, но его натура была цельная, не допускавшая компромиссов. С таким же пренебрежением относился он и к чинам, не почитая себя призванным судить о нравственных качествах человека по табели о рангах и еще менее исправлять

должность «рога избылиа». После похода 1877 года он никого из нас не представил к награде. На коронации своей он ограничился самым ограниченным числом наград и словно с умыслом не делал того, что от него ожидали по обычаю прежних царствований.

Его награда была совершенно другого свойства и не имела ничего общего с внешним одеянием. Награда — желание наградить и чувство, испытываемое при получении награды, принадлежит к области невидимой, ощущаемой особым, иным путем и иными приемами. И он щедр был на такие невидимые награды. Доверие, сочувствие, привет, уважение — вот те награды, которым он действительно придавал значение и в силу опять-таки лишь того, что человек в нем всегда приветствовал царя. Тем хуже для тех, которые этим не довольствовались. Иной раз они получали желаемое, но зато навсегда лишались чего-то, что выше всяких почестей и знаков отличия. Повторяю, для верховной власти это быть может не всегда практично. Но неужели же возможно было требовать этой «практичности» от человека подобного закала? Вольному воля, но сетования и брюжжания «малконтентов» не возбуждали в нем иного чувства, кроме жалости о суетности человеческой. Быть может, Государь был и неправ, ибо людей не переделаешь, но таков уж был он. По представлению графа Д. А. Толстого мне пожалована была Анненская лента. Я отправился в Гатчину, чтобы представиться и благодарить Государя. Императрица меня приняла в своем крошечном кабинете. Взошел Государь и, поздоровавшись, тотчас же спросил: «Отчего вы в мундире?» Я отвечал, что явился благодарить за ленту. Тогда Государь стал передо мною в позе, подобной полковнику Скалозубу, и, шаркнув ногой, поклонился с поднятием плеч. Он был очень комичен в это время, я не ожидал подобной шутки.

Пишу не панегирик Александру III. Он в нем не нуждается. Да и панегирики не по моей части, найдутся люди, которые лично или принципиально будут сгущать иногда краски на личности неудобного для них царя. Имея в виду именно подобные голоса, я стараюсь по возможности объяснить те именно черты, которые могут показаться сбивчивыми. У кого нет недостатков, и у И[мператора] Александра III были эти недостатки, но не следует забывать, что он развивался случайно, без зрело обдуманного плана, скорее наоборот, с предвзятою мыслию не давать ему желанного развития. Последним он главным образом обязан самому себе, но он должен был сознавать пробелы и при добросовестности своей он не мог не тяготиться ими. Жизнь научила его многому, что не дали бы ему книги, и трудности, им перенесенные в молодости, должны были закалить его характер. Что он не считал себя непогрешимым, это мы знаем уже по известному его решению, взятому им обратно, несмотря на указ Сенату, причем он откровенно сознался в своей ошибке. На это не все способны.

<...>

В церкви он обыкновенно становился так, что его заслоняла занавес перегородки. Но со стороны его было видно. Стоял он сосредоточенно, никогда ни с кем не разговаривая, становился на колени, когда пели «Отче наш» и диакон возглашал: «Со страхом Божиим» и священник: «Всегда ныне и присно». Неизменно крестился большим крестом, когда диакон читал прошение: «Заступи, спаси и помилуй и сохрани нас Боже Твоею благодатию». Умилителен был день причастия, когда Государь со всею семьею, со всем домом и прислугою, с кучерами, с старыми солдатами и с народом подходил к Св. Тайнам. Это бывало в церкви Аничкова дворца. В Гатчине помню я, как он каждое воскресенье отдавал просфору дежурному вестовому. Как дорожил он службою Страстной седмицы и как любил вообще обрядность, символизм нашей православной церкви, красоту которой понимал, видя в ней глубокую и возвышенную поэзию. <...> Его православие было твердо и несомненно, но проявлялось оно так же просто и правдиво, как и все в его жизни, без рисовки, без напускной набожности, без щегольства, без нетерпимости. Его православие было исповеданием русского человека старого закала. Без него он жить не мог. Он чувствовал и сознавал, что без него нельзя быть всецело русским человеком, что отречение от православия равносильно отречению от России, ее духа, ее истории, ее преданий, ее силы. Но он не был православным потому, что желал быть русским. Его православие вошло ему в плоть и в кровь, как вошло оно каждому русскому человеку. Инославы могли быть, по мнению его, и верными подданными, и полезными деятелями, но русскими по духу они быть не могли, и с этой точки зрения едва ли он не первый царь XIX столетия. Казенное, батальное, правительственное православие было ему чуждо. Проявления последнего, к сожалению, обнаруживающиеся в его царствование в иных случаях, не было отражением его духа. Он не был ни Caesar, ни Basuleus¹. Он был человек! К нему можно отнести слова поэта не менее, нежели к отцу его:

Величие и власть ему не нужны,
 Ни Царский сан, ни блеск его наружный,
 Ни ратных сил могучий строй.
 Ему легко господствовать над светом
 И кротостью, и ласковым приветом,
 И сердца теплой добротой.

(Кн[язь] П. А. Вяземский.

Ст[ихотворение] «Красивый Эмс»).

Конечно, он был царем «Божиию милостию», потому что без милости Божией для верующих нет ничего на свете. Но он же — и носитель идеи царя — избранника всенародного «множества» всяких чинов людей,

каким исторически выразился Михаил Романов. «Божиею милостью» Александр III стал законным преемником избранника всей земли. И было в нем живо чувство служения долгу и родине не столько по праву своему, сколько по обязанности, по чувству преемственности того жизненного начала, которому Россия обязана умиротворением после великой смуты, которая, даровав нам Петра, привела к Александру III, самому «ответственному» из русских самодержцев. Он был ответствен не в силу хартии и договора, не по измышлению известной доктрины, а в силу внутреннего сознания правоты этой ответственности, без которого недействительны самые замысловатые ограждения всяческого произвола. Где сознание этой ответственности, и не «платоническое», а вошедшее в жизнь, там произвол огражден. Но 13-летнее царствование пресеклось в то самое время, когда умиротворенная и возвеличенная извне Россия приступила к сложной работе «внутренней».

<...>

И вот почему, когда узнали зимою 1894 года о начинавшейся его болезни, когда вдруг заговорили о ее серьезности, раздались голоса, которые из глубины России простодушно, но метко выражали, что чувствовал каждый русский человек: «Дай Бог ему здоровья, нам так спокойно за его широкой спиной» (это — слова одного из скромных и почтенных пастырей Москвы). Эта физическая спокойная сила, соединенная с силою духа, и создавала в понятии народном тот образ царя-богатыря, образ столь дорогой и издревле любимый, о котором поется в былинах и сказаниях древнейших времен. И вот почему этот Великий Молчальник не умрет в памяти народной, как не умрет образ Ильи Муромца и Микулы Селяниновича! Он наш. Александра II называли крестьянским царем. Александра III хотели признать «дворянским» царем. Это совершенно не верно в том смысле, который этому хотят придать. Но что со вступлением Александра III дворянство почувствовало опору и сочувствие, которого было лишено во все предшествующее царствование, это верно. Я помню, однако же, когда впервые Государь прибыл в Москву, и губернский предводитель граф А. В. Бобринский во главе дворянства сказал приветствие, в котором назвал Государя «московским дворянином» по примеру Александра Николаевича, который так себя называл, то Александр III ответил: «Да, мой отец родился в Москве!» — и тем дал понять, что лучше было бы этого вовсе не говорить. Но Александр III не мог относиться к дворянству как к партиям и понимал, что травля дворянства — прикрытие иной травли, ибо где «монархия», там и дворянство, и одно без другого немислимо. Я слышал и такое суждение: «Это не царь, это помещик!» В словах этих слово «помещик» было совсем не лестно. Да, Александр III сочувствовал дворянину-помещику, скорбел о частом отсутствии помещиков из своих

имений и придавал жизни его у себя дома в деревне известное значение. Шатанию по чужим краям он не сочувствовал и одному молодому человеку сказал по поводу службы на месте: «Это лучшая деятельность». И сам он подавал тому пример. Его поездки за границу ограничивались Копенгагеном и имели лишь частный семейный характер. Для удовольствия же своего или для лечения он не ездил за границу. В Дании близ замка Fredensborg он поставил домик, в котором и жил, получая отдельные счета по хозяйству этого домика. Среди местного населения он оставил добрую память и можно было бы собрать ряд рассказов и анекдотов о его датском пребывании.

Он обратил особое внимание на наши заграничные церкви, и при нем осветили каменную новую церковь в Копенгагене. Точно так же и в Вене он содействовал постройке нынешнего великолепного храма, причем участие его доходило до мелочей и носило истинно задушевный характер, чуждый обычной сухой формальности. Таковое же было его личное свойство, что он всегда и везде вносил свойственное ему добродушие и участливость. К чему ни прикасался он, тотчас же исчезал всякий оттенок какой-либо banalité², потому что свойство это несовместимо было с самобытной личностью человека, чуждого общих мест и малейшего стремления рисоваться перед галереєю в искании какой-либо популярности...

<...>

Жизнь в деревне была всего более по нем. Всегда расспрашивал он участливо о том, что делается, либо об ожидаемом урожае, о местных нуждах, и эта сторона всего более привлекала его внимание. Не любил он заносчивости и самомнения даже в людях близких и которым он сочувствовал. Одному из таковых в ответ на воркотню служебной неудовлетворенности он сказал: «А вы себя высоко цените?» Тяжело было это выслушать, и слова эти произвели удручающее впечатление и вселили уныние, но когда лицо, которому это было сказано, передал мне часть разговора, то я понял нетерпение Государя, вынудившее его вылить ушат холодной воды на расхоронившегося и несколько возбужденного винными парами сановника. То был П. А. Черевин. <...>

Всего строже относился Государь к неточности денежной. Люди, заподозренные в этой слабости, не могли уже рассчитывать на его сочувствие. Без лицепрятия относился он и к членам своей собственной семьи. Он строго отличал государственную собственность от личной и в подобных вопросах был особенно щекотлив и чуток.

<...>

Редко допускал Государь себе давать прозвища и говорить в полшутливом тоне с придворными. Исключение делал он только для

Ивана Петровича Новосильцова, которого давно, с ранней молодости, привык видеть застывшим в положении светского кавалера. Он называл его в глаза и за глаза «Жано» (Jeannot) и относился к нему сочувственно, хотя и знал его слабость жить нашаромыжку. Он любил наводить его на разговоры о своем орловском имении с[еле] Воин и подтрунивал над его чрезмерною расчетливостью. Впрочем, Новосильцов, сочувственно называвший Государя «Русопетом», преимущественно пламенел к Императрице.

К числу определенных «антипатий» Государя принадлежал князь Михаил А. Горчаков — посол наш в Испании. Он держал его ради памяти отца, но не скрывал своего мнения об нем. На одной из его депеш, как мне говорили, Государь даже начертал такую помету: «Душка!» Вообще резолюции и пометы Государя достойны особого внимания своею неожиданностью, меткостью, а иногда и неудобствами откровенного изложения мысли.

<...>

Александр III особенно сильно чувствовал поэзию морской службы с ее оттенками простора и свободы и с теми чертами, которые при известном призоре создавали тех моряков, что прославили Черноморский флот, им восстановленный <...> Когда Александр III совершал плавания, он окрылялся и чувствовал себя в своей стихии. Самое отдаление от берегов и сознание широкого и свободного простора при известной отрешенности от земного праха склоняло его к возвышенным мыслям и к благому созерцанию красот природы при непринужденности, сдерживаемой стройностью и порядком. <...> Военно-морской сентиментальности к матросикам, к солдатикам вовсе не было у Александра III, но все сознавали, что он свой и что общие их нужды ему понятны и сочувственны. <...>

Говорят, что на одной из пешеходных прогулок Александра III по утрам по финскому побережью случилось ему встретить одного известного в крае лодмана или рыбака и спросить его, кто он. Тот, несколько удивленный, что его не знают, несколько обиженно ответил, подчеркивая свою известность. Александр III, не любивший самомнения, сказал: «Вот так штука!» В свою очередь финн спросил его, кто он будет, и после некоторой заминки Государь сказал: «Русский Государь!», — а финн ответил: «Вот так штука».

<...>

Н. Н. ФИРСОВ

Александр III. Личная характеристика частью по его неизданным дневникам

I

Родился Александр III в 1845 году, 26 февраля. Он был вторым сыном наследника, впоследствии императора Александра Николаевича и его супруги Марии Александровны. Поэты не воспели его рождения, не наделили высокими добродетелями, не сулили ему всяких благ и не делали пожеланий ему быть человеком или не забывать об этом «святейшем звании», ибо второй сын не предназначался для «высочайшего звания» быть царем.

Его и не готовили царствовать, как готовили его старшего брата Николая Александровича, как когда-то готовили его отца и двоюродного деда (см. Александр II). На «чреду высокую» Александр Александрович вступил неожиданно для всех и самого себя, когда ему было 20 лет, когда, вследствие смерти великого князя Николая Александровича (12 апр. 1865 г.), он получил от него в наследство не только звание наследника-цесаревича, но и его невесту, датскую принцессу Софию Фредерику Дагмару, превращенную у нас в Марию Федоровну, с которой он и повенчался в 1866 году, 28 октября. Учиться было уже поздно, и Александр Александрович единственно, что успел сделать для пополнения своего образования, это прослушать в 1865 и 1866 годах, курс русской истории у приглашенного к нему московского профессора С. М. Соловьева. Этот добавочный образовательный экскурс имел, вероятно, то значение, что возбудил у Александра Александровича некоторый интерес к русскому прошлому, преимущественно «патриотическому».

Пробелы первоначального образования были, однако, настолько велики, что профессорские лекции не могли поправить дела. Александр Александрович на всю жизнь остался полуграмотным человеком. Орфография его вызывает невольную улыбку. Он упорно

некоторые слова делил, из одного делал два и смело писал: «при ния», «при дерзкие», «а ось». На подобное словопроизводство у Александра Александровича, вероятно, были свои основания, нам неизвестные. В других случаях можно догадываться, что писавший руководствовался учительским советом. Так на уроках русского языка Александр Александрович, по-видимому, слышал, что запятую надо ставить перед придаточными предложениями, а что всякое предложение, начинающееся со слова «который», «что» — есть придаточное предложение, поэтому пред этими словами должна быть непременно запятая. Ученик твердо усвоил последний совет и с изумительным постоянством пред «который» и «что» ставил запятую, пиша: «при, котором», «за, что» (вместо «при котором» и «за что»). Да и вообще нередко он затруднялся в изложении и разрешался лишь ему свойственными стилистическими перлами. Так, однажды в своем дневнике (1869 г.), высказав свое огорчение по поводу незаслуженно оказываемого ему «недоверия», наследник российского престола присовокупил с благородным негодованием: «Я могу это заявить всем и *не побоюсь сказать не правды*»*.

Очевидно, не на русскую грамоту было обращено внимание, когда Александр Александрович волею судеб стал «наследником», а на политику. В этом отношении о нем, как о будущем самодержце, судьба позаботилась: он попал в цепкие педагогические руки профессора К. Д. Победоносцева. Государственная мудрость Победоносцева, противоположная государственной мудрости М. М. Сперанского, и создала для Александра III, а потом и для его сына катехизис государственного порядка и управления. Общий смысл этого политического катехизиса мог быть характеризован тою стереотипною надписью, которую читаем в «списке лиц, разыскиваемых по делам Департамента полиции», пред фамилией каждого из этих лиц: обыскать, арестовать и препроводить в распоряжение начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления, уведомив о сем Департамент полиции». Во всяком случае политический катехизис Победоносцева далеко отстоял от слова «правда», рекомендованного Сперанским в его руководстве для самодержавия (см. Александр II).

Победоносцев возвращал своего воспитанника очень далеко назад, когда царской неограниченной властью не клалось никаких моральных пределов, когда она считалась непогрешимой и, нимало не боясь за «неправду» прослыть самовластием, могла жаловать и казнить по своему усмотрению, вдохновленному свыше, от бога. Простому, не отягченному знаниями, достаточно свежему уму вос-

* Дневник 1869 г., стр. 261; также дневник 1870 г., стр. 103 и др.

питанника эта наивная, самим богом данная, неограниченность царской власти — «что и как хочу, то и так сделаю» — пришлась по вкусу, а недоверие к общественным силам и презрение к народу, преподававшиеся Победоносцевым, превратили это архаическое представление о царской власти прямо в известную политическую формулу: «тащить и не пущать».

Победоносцев был настойчивым человеком; но в данном случае настойчивость его едва ли была особенно нужна, ибо политическое зерно попадало на благоприятную почву, хорошо подготовленную всей историей «самодержавия» в России: Александр Александрович по всем традициям династии и не мог думать как-нибудь иначе, а не так, как учил Победоносцев. Сверх того, исключительно военное воспитание, которое получил Александр Александрович, тоже как нельзя лучше располагало его крепко верить в означенную формулу и считать ее спасительной для Российской империи. Он сам про себя говорил, что из него вышел «исправный полковой командир», а известно, что чаще всего именно такой полковник оказывался наиболее подходящим для явных и тайных полицейских должностей. Но будучи «наследником», Александр Александрович не скоро нашел свое настоящее призвание — быть розыскных дел мастером. Очень долго он посвящал свое время другим интересам и другим делам. И как подобает «наследнику», одно время недовольный своим «папá» находился как бы в оппозиции правительству отца, а в обществе возбуждал неосновательные надежды.

II

Семейные интересы были одними из самых существенных, которыми жил Александр Александрович, будучи наследником российского престола. В дневнике цесаревича, или «журнале», как он сам его называет, проглядывает большая чувствительность, когда он говорит о семейных событиях и своей «Мини», как он именовал свою жену Марию Федоровну. В первое время их супружества чувствительность цесаревича бьет ключом, соединяясь постоянно с широким потоком благодарности по божественному адресу. Семейные радости в глазах Александра Александровича покрывали все, и если год для него и его семьи был счастливым, то он и следующий год желал бы иметь таким же, забывая, что для России восхваляемый год был совершенно иного характера — наоборот — очень несчастливый. Таков был 1868 год, когда разразился над русским крестьянством столь частый для него голод, как результат значительного недорода во многих губерниях. Но в этом же году у цесаревича родился сын первенец, названный Николаем, «которого», пишет Александр Александрович,

«мы ждали с таким нетерпением». «Ожидание» чета считала для себя «испытанием, которое господь посылает» ей, и когда это «ожидание» исполнилось, то все в представлении счастливого отца окрасилось в розовый цвет, и Александр Александрович 31 декабря 1868 года желал только одного, «чтобы и новый год был бы столь же счастливым для нас, родных и Матушки России»*. Сначала — для семьи и родных, а потом уже счастья, хотя бы даже с голодом пополам, можно пожелать и для родины, почтенной наименованием «Матушки» и еще с заглавной буквой; он так сильно желал нового «счастливого» года, что слово «аминь», которым он нередко скреплял свои записи, в этот раз написал с тремя восклицательными знаками. Александр Александрович был, как видно, недурной патриот, но, несомненно, еще лучший он был семьянин; по крайней мере, репутация его, как отличного семьянина, приобретенная им еще в пору наследничества, затем держалась за ним и в течение всего его царствования. С каким восторгом он приветствовал появление на свет своих детей! Прошло 10 лет с рождения первого ребенка, у Александра Александровича было уже два сына и дочь, но вот в 1878 году 22 ноября (2 декабря) родился еще сын — Михаил, и отец в своем дневнике не нарадуется на новое, ниспосланное ему свыше, счастье. Он отмечает все главные моменты радостного события. «Около ½ (половины) 9-го вечера», торопливо заносит он в свой дневник, «боли усилились и *уащились* (sic!) так что я уговорил Минни лечь в постель». Нежность мужа очень скоро получила вознаграждение сторицею: «через час» свидетельствует Александр Александрович, «все было кончено и в ½10-го родился Михаил Александрович. Минни и я были страшно счастливы и благодарили господа за его милость к нам и что он благословил мою милую душку жену». Счастливый муж и отец испытывал не в первый раз такое «счастье», но тем не менее оно не сделалось привычным, не производящим первоначального острого впечатления; наоборот, он по-прежнему реагирует на «событие» очень остро, преклоняясь пред пережитой счастливой «минутой». «Эта минута», пишет он, «всегда торжественная и оставляет глубокое и сильное впечатление и подобные минуты в жизни не забываются». Не были забыты и «родные»; уведомлен был немедленно и «папа», телеграфировано было и «мама», находившейся в Ливадии. «Папа» не заставил себя ждать, в ¼11-го явившись приобщиться к счастью сына самолично — «и был тоже счастлив», свидетельствует в «дневнике» Александр Александрович. Все были довольны, не исключая и лейб-акушера Красовского, ибо «славу Богу», говорит Александр Александрович, «все шло отлично». И финал был «отличный»: «К 12½ часам ночи, сообщает тот же

* Дневник 1868 г., стр. 183.

очевидец, «все было кончено и Минни заснула и спала очень хорошо». Как же не ликовать автору «дневника» и в заключении записи об этом счастливом «дне» не воскликнуть: «Я счастлив. Очень счастлив»*. Такова семейная идиллия Александра Александровича, — по его собственным показаниям. Но не все шло у него так гладко, как рождение детей. Уже в 60-х годах наследник в известной мере привлекался к государственным делам, присутствовал на докладах министров и других высокопоставленных лиц у своего «папа», и вот в этой-то сфере Александра Александровича тогда же постигли некоторые неудачи, заставлявшие его, вообще весьма уравновешенного человека, впадать то в раздражение, то в некоторого рода меланхолию, от которой он, впрочем, быстро отряхивался.

Эти настроения тоже нашли себе место в его дневнике. Так, однажды в 1869 году (18/30 янв.) на докладе отцу военного министра Милютина, услышав о снова «сочиненной самой нелепой истории на наше ружейное дело», «наследник», как он сам пишет, «объявил, что все, что говорят и сочиняют о нем (т. е. о ходе «ружейного дела»), вздор» и что ему, наследнику, «постоянно мешают вместо того, чтобы помогать». Дело это близко его касалось, оно находилось под его наблюдением и очень сильно задевало его. По сообщению Александра Александровича, он решился даже «идти на пролом, потому что», поясняет он, «все артиллерийское правление мошенники и подлецы, которые желают испортить нам дело и, значит, повредить всей России». Александр Александрович упражнялся в патриотизме и ему такого соображения было достаточно, чтобы действовать «самым энергическим (sic!) образом и довести», говорит он, «мое дело до конца»**. Но, по-видимому, это не так-то легко было сделать, как записать в дневник. «Папа» оказывался более склонным следовать указаниям военного министра Милютина, а не своего сына. По крайней мере, Александр Александрович был очень недоволен Милютиным, который 1/13 марта (того же 1869 г.), докладывая императору «о ружейном деле и о последней комиссии, прибавил много своего и вообще», по мнению «наследника», «представил вовсе не так, как было». «Наследник» сидел тут же и молчал. Как он признается в дневнике, он «не хотел возражать, потому что это было слишком долго и к тому же оно совершенно лишнее». Александр Александрович поясняет, почему «лишнее»: «мне», говорит он с горечью, «никто не верит и говорят, что я только путаю и завел сумбур с моим оружейным делом». «Заведение сумбура», конечно, не могло аттестовать сообразительность сына пред отцом с особенно

* Дневник 1878 г., стр. 182.

** Дневник 1869 г., стр. 201.

хорошей стороны, но сын не сдавался и, после одного из следующих докладов, уже не министра Милютина, а другого лица, решился объяснить с отцом: «Я хотел, — пишет он, — воспользоваться поговорить с «папа» о моей записке и о всем ходе ружейного дела». Он был уверен, что «папа» заинтересуется его объяснениями. Но не тут-то было. Сын, как он сам свидетельствует, «жестоко ошибся». «Папа» просто не захотел слушать своего «наследника», заявив ему, что он «сам слишком пристрастен», что царское «спасибо» уже сказано кому следует, а что ему, царю, «теперь нет времени и что он должен писать». Это было для «наследника» большим ударом, и он «не успел даже ни одного слова выговорить»: не удалось не только оправдаться, но и разъяснить «некоторые вещи». Огорченный и даже оскорбленный (по его собственному признанию), наследник вышел вон. Отсюда понятна та лирика, которой Александр Александрович заканчивает описание этого прискорбного для него дня (10/22 марта). «Мне тем более грустно», поясняет он свое настроение, «потому что (?) это не раз, а почти на каждом шагу оказывают полное недоверие, которое все больше и больше становится мне тяжелее, потому что (?) это не заслужено с моей стороны». Пусть читатель не смущается несколько нескладным изложением: автор был очень расстроен отцовским приемом и потому говорит как дореволюционный русский солдат, обычно начинавший свою фразу с классического — «так-что», к тому же не забудем, что Александр Александрович был только военного воспитания и не был тверд в русской грамоте. Но зато он, как гоголевский городничий, был «в вере тверд», что блистательно и проявляет в своих лирических излияниях. Неудача в попытке «оправдаться» пред отцом вызвала в сыне такое душевное смятение, на какое только была способна его холодно-спокойная натура: он терзался, вспоминая, как это произошло, и видя, «что мог бы все поправить разговором с папá», а не вышло этого, он впал в уныние. «Мне это никогда не удастся», жалуется он, «и мне решительно не хотят дать случая оправдаться. Грустно, очень грустно, и даже обидно». Но Александр Александрович не хочет окончательно падать духом и подбадривает себя самовнушением о чистоте своих целей, надеждой на справедливую оценку кем-нибудь его деятельности впоследствии и, особенно, покорностью божественной воле... «Меня это (то, что “не хотят дать оправдаться”) вовсе не останавливает, — пишет он, — на моем пути к добру, пользе и правде *a vosь* (sic) отыщется один хоть человек на родине, который отдаст мне справедливость и не помянет меня лихом. *Да будет воля твоя господи*». (Последние слова подчеркнуты*.)

* Дневник 1869 г., стр. 260.

Неповоротливый человек все-таки находил выход своему «оскорбленному чувству».

Александр Александрович серьезно считал себя большим патриотом, и это сознание, кажется, было для него важнейшим утешением во всех претерпеваемых им невзгодах и неприятностях. «Мое искреннее желание, — писал он позднее (31 дек. — 12 янв. 1870 г.), — это приносить больше пользы моему милому душе «папá» и моей милой родине». Но, по-видимому, отец не особенно доверял умственным силам своего сына-наследника и не слишком торопился допускать его к важным государственным делам.

Поэтому и приносить пользу двум своим «милым», хотя бы даже одному первому из них, отмечаемому всюду с заглавной буквы, не представлялось большого простора, и Александр Александрович с сокрушением сознавался самому себе, что, «до сих пор» (т. е. до 1870 г.) он «ничего почти не мог сделать» и что ему «редко когда удается». Это он приписывал тому, что у него «нет никакой должности и постоянного занятия», тем самым как бы свидетельствуя, что он все еще в глазах «милого душе папа» и других, может быть, более влиятельных лиц, продолжал оставаться недорослем. Но патриот наш и тут не унывал, хотя, по-видимому, и волновался, делая описки, совершенно извращающие то, что он желал сказать: «а если хочешь быть полезным», наставительно для себя пишет он, «но (не?) надо самому навязываться на дело и поэтому это так трудно и больших усилий мне стоит, (тут запятая, ибо перед «что») что-нибудь провести истинно полезное для России. А вась (sic!) с каждым годом все больше и больше будет это мне удаваться. Аминь»*. «Аминь» — истинно так, унывать не стоило: еще много предстояло Александру Александровичу случаев послужить «милой родине», да и пожить сообразно со своими благочестивыми буржуазными наклонностями, о которых тоже нелицемерно свидетельствует каждая страница его откровенного дневника.

III

Началась русско-турецкая война, — и патриот-наследник под 7/19 мая (1877 г.) записывает: «Взятие Ардагана. Ура! ура! ура!» Несколько дней спустя Александру Александровичу пришлось принять участие на дунайском театре, и он прервал усердное писание дневника, по причинам, которые он не преминул изложить в дневнике, когда снова вернулся к нему по возвращении из «действующей армии» в Петербург. «С 21 мая 1877 года до 6 февраля 1878 года, — пишет

* Дневник 1877 г., стр. 165.

он, — мы были с Владимиром и Алексеем в действующей армии на Дунае. Журнала своего я не писал, не было времени и кроме того я подробно писал жене в письмах почти каждый день и повторять то же самое еще раз каждый день невозможно. Что было пережито, перечувствовано и передумано за это время и писать нечего, если вспомнить, что было и что происходило за это время. Вернувшись наконец домой, пошла снова (?) наша обыкновенная жизнь в Петербурге, но еще более тревожная благодаря всем политическим делам. Едва мы заключили мир с Турцией и мир почетный для России, как начались переговоры о Европейском Конгрессе в Берлине для окончательного решения так называемого восточного вопроса и неразрывно соединенного с ним общеевропейского интереса. На четвертой неделе поста мы говеем» и пр. Пошли «дела семейные»*. «Политические» же «дела», прежде всего, это те, неожиданные для русской дипломатии и царского правительства, неприятности, которыми огорчила нас в Берлине европейская дипломатия, в особенности английская. Англией наследник российского престола был сильно недоволен, и свое чувство крайнего раздражения поверял дневнику: «Англичане вмешиваются», с негодованием записал он 7/19 марта 1878 года, «самым нахальным образом в наши дела с Турцией и страшно затягивают дело»**. Много досадных минут доставили коварные англичане Александру Александровичу. Прошла неделя, а «дело» не улучшалось. «Все еще вопрос о конгрессе, — пишет «наследник», — не решен, а Англия мутит всех и не соглашается ни на что»***. Понятна повышенная раздражительность в данном случае этого вообще спокойного человека: ведь он сам был участником русско-турецкой войны и потому мог считать себя сугубо заинтересованным в «пользе» для «родины», а тут вместо «пользы» надвигалось несомненное посрамление.

Война и без того не оставила в бывшем начальнике Руцукского отряда особенно радостных воспоминаний, ибо и тут Александр Александрович «путал» и чуть было не попал, вместе со вверенным ему войском, в большую беду. Но все-таки, в конце концов, за испытанное беспокойство и другие неприятности войны и ответственного командования можно было утешиться «почетным миром», в достижении коего и «мы работали», претерпевая для «милого папа» и для «милой родины», и вдруг невежливые англичане «нахально» вознамерились уничтожить это утешение. Поневоле пришлось тревожиться и раздражаться, хотя, по-прежнему, вполне бессильно.

* Дневник 1878 г., стр. 172.

** Дневник 1878 г., стр. 174.

*** То же, стр. 176. Пунктуация подлинника.

Но у Александра Александровича в те же времена, незадолго до его собственного воцарения, бывали огорчения и более острые, это — огорчения не политического, а династического характера. Его «милый папа́», как известно, не был безгрешным папашей. Еще при жизни своей супруги Марии Александровны он имел побочную семью от княгини Долгорукой, нареченной потом, когда он с ней тайно повенчался, княгиней Юрьевской. В 1880 году Мария Александровна, давно болевшая, наконец умерла, и «милый папа» новую семью свою начал вводить в близкое соприкосновение со старой семьей, допуская княгиню Юрьевскую одну и даже со старшим сыном к совместным семейным обедам в Зимнем дворце. Это очень волновало Александра Александровича и его супругу Марию Федоровну. Зима 1880 года вообще была не из приятных для этой четы. Вследствие смерти императрицы, был установлен траурный режим, действовавший на жизнерадостных супругов, далеко равнодушных к развлечениям, угнетательно. Мария Федоровна увлекалась танцами, любила балы, вечера, Александр Александрович был большой любитель театра, но, увы, все это лицемерно прекратилось, и «наследник», отражая в дневнике, вероятно, не только свое настроение, но и своей маленькой, бойкой жены, писал: «Эту зиму здесь в Петербурге мы положительно не живем, а прозябаем, потому что никаких театров и балов по случаю траура нет, да и прочих вечеров совсем нет». Но главная неприятность — это княгиня Юрьевская и «юное семейство» папа. «В особенности что тяжело, — говорит Александр Александрович, — это до сих пор ненормальное положение жены папа и его юного семейства, и все еще мы тяготимся и очень этим новым положением». Княгиня Юрьевская сделалась как бельмо на глазу у наследника с его супругой, каждый день приносит им новые и новые огорчения: «каждый день», жалуется Александр Александрович, «что-нибудь нового, то княгиня Юрьевская появляется на семейных обедах, то даже показывается публично; возит старшего сына к нам обедать и с нашими детьми, и все это раздражает семейство, а в особенности Минни и Михен, и ставит их в еще более фальшивое положение с княгиней Юрьевской, а отчасти и с бедным папа́». «Семейство» наследника забило тревогу. Появился призрак династического вопроса, испугавший прежде всего женскую половину. У страха, разумеется, всегда глаза велики, но все-таки это «юное» отцовское «семейство», при дальнейшей жизни Александра II, не могло не внушать семейству наследника опасений. Во всяком случае, это было неприятно и огорчительно, и потому под пером любящего сына «милый папа» превратился в «бедного папа». Даже послушного и почтительного сына сильно задевало «юное семейство» отца, хотя сын и старался «сколько мог», по его словам, «успокаивать всех». Однако при этом

чувствовал себя тоже нехорошо: «Но признаюсь, — пишет он, — что самому иногда невтерпеж, потому что положительно заходит иногда слишком далеко и, конечно, шокирует всех». Бедный сын-наследник! Как испытывалось его стоическое терпение! Особенно когда княгиня Юрьевская со старшим сыном, тоже с «наследником» «бедного папа», стала появляться в дворцовой церкви. В первый раз семейство старшего наследника было прямо-таки потрясено этим событием. «На днях, — рассказывает в дневнике Александр Александрович, — все были сильно потрясены и неприятно удивлены появлением княгини со старшим сыном у обедни в малой церкви в воскресенье 21 декабря (1880 г.)»*.

Неприятный был этот год для Александра Александровича и его жены, почему и «простились не с особенным сожалением с 1880 годом», пишет встревоженный «наследник» и поясняет: «Столько было грустного, тяжелого в этом прошедшем году, даже вспоминать не хочется, так тяжело».

На следующий «наступающий» год этому человеку, наклонному к спокойной и «безмятежной жизни», хотелось иных перспектив, полного спокойствия. Новый 1881 год был встречен ими, «как всегда с Минни вдвоем в ее уборной», по собственному удостоверению Александра Александровича. Никакого «празднества» при этом не было. Была зато молитва от обоих супругов, о которой одним из них в дневнике записано так: «Молим господа, чтобы он благословил наступающий 1881 год и даровал бы нам мир и тишину и чтобы, наконец, можно было нам всем с дорогой Россией вздохнуть свободно и наконец пожить безмятежно»**. Ясно — человек очень утомился неприятностями и всей душой стремился к «безмятежной» жизни.

Но прошло всего два месяца следующего 1881 года, как судьба поразила Александра Александровича новым «испытанием» — событием 1 марта. «Бедного папа» не стало, и огорченный «наследник» наконец получил свое наследство, превратившись в императора, «самодержца всероссийского». От сердца его отлегла, по крайней мере, одна забота — касательно княгини Юрьевской и ее старшего сына... Но в виде страшного призрака появилась другая забота, еще более обременительная для не слишком геройского сердца — забота касательно самого себя, своей личной безопасности.

Он пережил целый ряд покушений на своего «милого», потом «бедного папа» и научился их бояться, если только ему надо этому учиться. В тяжелом воспоминании о 1880 годе, которому итог он подводил в «уборной» своей Минни, почему-то не нашлось места

* Дневник 1880 г., стр. 108. Пунктуация подлинника.

** Дневник, стр. 109.

о предпоследнем покушении — о взрыве Зимнего дворца: очевидно, «не хотелось вспоминать» об этом ужасном моменте, не захотелось вспоминать о неприятностях, навешаемых «юным семейством». Вообще же, если он и научился бояться «покушений», особенно увидав воочию, как и чем они могут заканчиваться, то справедливость требует сказать, что во время покушений на своего отца он держался достаточно твердо и спокойно, не переставая и в эти моменты брать от жизни то, что ему казалось интересным и приятным.

IV

Александр Александрович с юности до конца дней своих был человеком самых ортодоксальных привычек. «Имя божие», как мы уже видели выше, повторялось им по всякому поводу. Так, начиная 5-ю книгу своего «журнала», он писал в ней: «Дай бог, чтобы в ней было столько же отрадного, как в *последней*»*. Это было написано 29 июня / 11 июля 1868 года. Находясь еще под свежим впечатлением рождения старшего сына (16 мая 1868 г.), вероятно, «отрадным» последней книги он считал прежде всего это событие, за которое впоследствии, при окончании 1868 года, он, как мы видели, благодарил «господа» и обещался и впредь благодарить.

О себе, как о человеке, Александр Александрович был довольно скромного мнения и потому рассудительно умерял иногда возникавший у него позыв воспарить мыслью в своем «дневнике». «Хотел бы», говорит он, «иногда писать еще обширнее, в особенности мои впечатления, мысли, желания, но решительно иногда нет времени, а кроме того, мало кого будет интересовать». Значит, человек хотел бы писать для потомства, но, здраво оценивая свои умственные силы, не надеялся в будущем иметь читателя. В настоящем же, при своей жизни, он делал интимно-семейную тайну из всего им записанного, что опять-таки подчеркивало его семейные добродетели. Человек основательный, увесистый физически и духовно, он и свой «журнал» писал не в изящных записных книжечках календарных, как его отец, и не в простеньких «общих тетрадах», как его сын, а в толстых и больших in quarto книгах-фолиантах, в основательных кожаных, под старинный пергамент, переплетах с застежками, запиравшимися на замок. «Журнал» буквально запирался, как секретная камера, указывая, что особым доверием к окружающим Александр Александрович не отличался уже с молодости. Впрочем, может быть, тут играла некоторую роль и та застенчивость, которая бывает свойственна и медведям: своих записей Александр Алек-

* Подчеркнутое слово так написано в подлиннике.

сандрович как бы немного стыдился, что, разумеется, делает честь не только его скромности, но и литературному вкусу. «При моей жизни, — писал он, — я никому не покажу кроме жены*, а после смерти, я уверен, никто не поинтересуется посмотреть в эти книги. Итак, с Богом *вперед*»**.

Своей «Мини» он не стыдился, от нее у него не было никаких тайн. В «дневнике» его она могла бы, с его разрешения, прочитать и о маленьком увлечении, которое Александр Александрович, как можно догадываться, испытывал совсем незадолго до его собственной свадьбы, в том же 1866 году, когда он сочетался законным браком с бывшей невестой своего старшего брата. Была весна, апрель месяц. Отца его постигло первое, каракозовское «покушение», описанное Александром Александровичем в «дневнике»***.

Но наследник проявил большую твердость, и после разных торжественных выходов и радостных молебнов «по случаю спасения», спокойно продолжал свою обычную жизнь, не упуская случая в бесконечных коридорах Зимнего дворца подстеречь и некую таинственную М. Э., по-видимому, фрейлину, к которой он был неравнодушен. Рассказав о «высочайшем» приеме в «белом зале», где говорились речи — верноподданическая одного из вельмож и ответная спасенного «папа», — Александр Александрович продолжает: «После этого я пошел домой. В коридоре встретился с М. Э. и А. В., которые тоже ходили смотреть прием. Бедная М. Э. сильно простудилась и хотела даже лечь в постель». Даже такую встречу с М. Э. в коридоре Александр Александрович счел нужным занести в дневник, как событие, далеко для него не безразличное; очевидно, М. Э. задела сердце этого фундаментального человека, нашедшего и слово сочувствия «по поводу» мимолетной болезни очаровательницы. Александр Александрович, по-видимому, искал этих встреч в «коридоре». Прошло всего два дня — опять встретились там же, в коридоре. Состоялись проводы до дверей. Время было уже позднее. «В коридоре», сообщает Александр Александрович, «не было ни души, все уже спали. Поболтали еще немного. Я, между прочим, упрекал М. Э. за то, что она не хотела христосоваться со мной на пасхе, и сказал ей, что можно теперь поправить это». Произошло милое препирательство, впрочем, для просителя успешно: «...она долго не соглашалась, — говорит он, — и наконец подставила мне щеку». Победитель не заставил себя ждать: я, свидетельствует он, «поцеловал, потом она повернулась другой, опять поцеловал». На этом дело и кончилось. Провожаемая

* Так в подлиннике.

** Так в подлиннике. Дневник 1868 г., кн. V, стр. 2.

*** См. мою статью «Александр II». Былое, № 20.

исчезла за дверями. Отворялись ли они в другое время для сорвавшего благочестивые поцелуи — неизвестно. Кажется, нет. Да и в этот момент обольстительница допустила поцеловать себя под предлогом запоздалого христосования — при свидетелях. Кроме А. В. тут был Владимир Александрович. Таково было безгрешное увлечение наследника, который, добившись щечек дамы своего сердца, — счастливый, сейчас же, как он сам сообщает, «лег спать и заснул скоро»*. Совесть его была спокойна.

«Покушения» на его отца не выбивали его из колеи. Когда папа, после посещения Смольного, вернулся домой, началось семейное чаепитие, с участием и «наследника», который разговаривал и курил с отцом, потом пошел к себе, писал «журнал», принимал то того, то другого, опять «пили чай, курили и болтали». Это было в первый день после первого покушения. Под конец этого дня наследник оказался еще более благоразумным: он «разделся и, помолившись и поблагодарив бога за сегодняшний день», по его собственному сообщению, «лег и заснул скоро». На следующий день он тоже вел себя молодцом, не отступая ни на шаг от своих привычек и исполняя свои текущие обязанности: встал рано, в 7 часов, «и, одевшись, пошел пить кофе, потом курил и занимался». Занятия были подготовкой к лекции Победоносцева, который явился в 8 часов утра; выслушав этого профессора, наследник «пошел к папа и мама»**. Словом, паинька был этот крупный мальчик, примерный сынок своих папаши и мамаша.

Человек ввевшейся в его почти первобытный мозг традиции и установленного жизненного порядка, Александр Александрович проявлял и значительную для него пытливость мысли. В то время (1871 г.), когда Париж был облит красным заревом Коммуны, «наследник» российского престола, счастливый муж «душки Мини» и отец семейства, глубокомысленно высчитывал, «сколько раз» «в течение зимы» они «были в нашей церкви в Аничковом дворце»: оказалось 37 раз. Интересовался он и другим важным вопросом, сколько он сделал верст по царско-сельской железной дороге в 1869 и 1870 годах; высчитал и нашел, что в первом из этих годов — 195 верст, а во втором — 132 версты, а всего 327 верст. Но, конечно, как благочестивый семьянин и верный представитель феодально-крепостнической монархии, он важнее железнодорожного вопроса считал церковный, и потому статистика посещения дворцовой церкви велась целый ряд лет (1871–1881 гг.), так что, при своем воцарении, он мог бы отпраздновать десятилетний юбилей этого рода деятельности.

* Ibid., стр. 15.

** Дневник 1866 г., стр. 21 и 22.

Но при всех своих образцовых достоинствах, Александр Александрович не был человеком внутренне деликатным. В истинном своем отношении к людям он был грубоват и если далеко не всегда проявлял это свое чувство, то лишь потому, что в то же время он был трусоват, и потому сдерживался, когда показать себя в настоящем виде было почему-либо неудобно и могло повредить ему самому. Когда же ему приходилось иметь дело с человеком, с которым без ущерба для себя можно было и не стесняться, то Александр Александрович пред ним совершенно разоблачался и появлялся во всей природной своей красоте.

Еще не будучи женатым, но уже будучи «наследником», он однажды, как он сам рассказывает, пришедшего к нему в гости какого-то знакомого «князя» «без церемонии попросил уйти»; он видел, что князь был оскорблен, «вышел безмолвным», но что же делать — можно этим пренебречь, по отношению к просто князю, ибо он, великий князь и цесаревич «очень устал и хотел спать». А спать он и вообще очень любил. Так, внешней его топорности соответствовала и внутренняя, психологическая топорность.

Тяжелый, малоподвижный, флегматичный, Александр Александрович, однако, любил не только спать, но и повеселиться вволю. Любил он весело провести время в театре на каком-нибудь забавном водевиле, хохоча до упаду; посещал и умел ценить и русскую драму*; любил и веселую оперетку вроде «Прекрасной Елены», не оставаясь равнодушным к пикантным прелестям не только музыки, но и самой исполнительницы заглавной роли.

Впрочем, любителем музыки он себя считал по преимуществу, унаследовав эту склонность, как и некоторые другие черты характера, может быть, от своего деда Николая Павловича, и если тот играл на трубе, то этот внук его специализировался на тромбоне. Александр Александрович, кажется, считал себя знатоком русской музыки и, слушая оперу Рубинштейна «Купец Калашников» вскоре после взрыва в Зимнем дворце (25 февраля — 8 марта 1830 г.), нашел, что «музыка очень хороша и в особенности финал»**. Но, по-видимому, еще более русской оперы Александр Александрович любил цыганское пение. Немного позднее «Калашникова» он вместе с женой наслаждался таким пением на вечере у графини Шереметовой (12/24 марта 1880 г.): «были цыгане», занес он в дневник, «и мы

* В 1870 г. 15/27 декабря в дневнике Александра Александровича записано: «Вечером были с Минни в русском театре, где давали “Испорченную жизнь” и пр. маленькие пьесы. Самойлов играл великолепно и вообще русский театр вовсе не так плох, как думают об нем» (стр. 93).

** Дневник 1880 г., стр. 330.

очень веселились». «Потом ужинали, а после еще слушали цыган и до того увлеклись, что остались до 4 часов, и вообще вечер очень удался и все были в духе»*.

Если же к цыганам присоединялась хорошая выпивка, то было совсем хорошо, «дух» поднимался и входил в свои права еще больше, а в таком состоянии Александр Александрович предпочитал веселиться без жены: «простившись с Мини», рассказывает он, «отправился на вечер к Николаше; были цыгане (последнее слово в подлиннике написано через ять), потом ужинали, кутили с цыганами до 5 час. Было очень весело и оживленно, и я очень веселился. Лег спать только в ½6-го утра!!!»** Последнему можно было бы поверить и без трех восклицательных знаков, энергично поставленных высокопоставленным кутилой. «Николаша» это — великий князь Николай Николаевич, чуть было не занявший Константинополь в русско-турецкую войну; кажется, устройство вечеров с цыганами ему удавалось лучше, чем командование действующей армией, и потому неудивительно, что он зачастил с этими вечерами. Прошло всего каких-нибудь три дня после столь пришедшегося по душе «наследнику» кутежа, — опять вечер с цыганами (22 марта — 3 апреля 1880 г.), — и Александр Александрович вновь «веселится». На этот раз он начал вечер очень благочестиво: побывал с «Минни и детьми» у всенощной, не желая пропускать «выноса креста», затем покатился к неблагочестию. Так как царская фамилия приобрела уже похвальную привычку от церковных служб переключиваться к театральным представлениям, то неудивительно, что после «всенощной» с ее «выносом креста», супруги, «простившись с детьми, поехали во французский театр». Но в этот момент не французы были на уме Александра Александровича, а цыгане, и он поспешил оставить свою «Минни» в театре, «а сам отправился на вечер к Николаше». Там уж были цыгане (опять в дневнике наследника написанные через ять): они пели «большим хором», а гости слушали и пили. «В ½1-го ночи», сообщает Александр Александрович, «ужинали очень весело». Но этим весельем не удовлетворились. После ужина «перешли в турецкую комнату», по-видимому, существовавшую для веселия в самых высоких градах, ибо здесь «слушали снова цыган и очень веселились и порядочно пили». Можно поверить и последнему свидетельству, ибо веселие с цыганами само говорит за себя. У гостеприимного «Николаши» без цыган дело не обходилось. И когда, вскоре после описанного вечера, он пригласил Александра Александровича на обед, то и тут оказались цыгане (опять буква ять), и обед затянулся до 3 ½ часов утра, когда

* Дневник 1880 г., стр. 7.

** Стр. 9.

ничего уже больше не оставалось нашему весельчаку, как «вернуться домой и лечь спать». Разумеется, компания была на обеде избранная, а именно, по сообщению «наследника», следующие, кроме него, лица: Владимир, Алексей, Алекс., Кони, Ежен, Воронцев, Черевин, Шереметов, Витгенштейн, Клейнмихель, Ростовцев, Галл и Юрий. И тоже разумеется — «очень веселились» (2/14 апреля)*.

«Но потехе час, а делу — время». И готовившийся в цари любитель непринужденного веселья, как мы знаем, стремился и к делу. «Милый папа» его все-таки приучал к делу, хотя и с известной осторожностью, так как, при всей своей склонности к математическим вычислениям, «наследник» не обнаруживал особой остроты ума. В 1868 году он состоял председателем особого комитета, на обязанности которого лежит сбор и распределение пожертвований на голодающих, затем в бытность же свою «наследником» он участвовал в заседаниях и Государственного совета и Комитета министров, не говоря уже о военном командовании и о таких почетных должностях, как атаманство над казачьими войсками и канилерство в Гельсингфорском университете.

Он даже был председателем Русского исторического общества, названного императорским и основанного при его ближайшем содействии, ибо он считал себя любителем не только музыки, но и русской истории и вообще старины. В последние годы царствования своего отца он привлекался также к участию в особых комитетах и совещаниях, в которых вырабатывались меры борьбы с террористами. К этого рода деятельности Александр Александрович особенно пристрастился. Он, не очень бойкий человек, быстро вошел во вкус всяких запрещений и охран, самым внимательным образом интересуясь организацией борьбы с революцией. Даже когда, после второго спектакля, сняли «Купца Калашникова» с репертуара, Александр Александрович, одобрявший музыку этой оперы, одобрил и запрещение ее, «так как сюжет», поясняет он, «весьма грустный (т. е. не поддерживающий, а роняющий то, что ревностно охранялось) и несвоевременно давать теперь подобные представления»**.

Зато «своевременно» было устраивать диктатуру для борьбы с террором, который, добравшись до Зимнего дворца, чуть было не уничтожил всю царскую семью (5 февраля 1880 г.). Учреждением особой верховной распорядительной Комиссии с генералом Лорисом-Меликовым во главе и была в сущности установлена диктатура, в шутку названная «диктатура сердца», за помесь обычной полицейщины с обычным же фальшивым либерализмом, приправленным еще восточною хитростью и лукавством. Александр Александрович

* 10 и 15.

** Дневник 1880 г., стр. 330.

встал в довольно близкие отношения с диктатором. Из дневника «наследника» видно, что Лорис-Меликов часто посещал его, и они вместе толковали о мерах к подавлению революционной крамолы. 3/15 марта собеседники более часа рассуждали на полицейские темы, и Александр Александрович вывел следующее заключение о деятельности Лориса-Меликова: «Дельно и энергично принялся он за дело, — говорит он в дневнике, — и дай Бог ему успеха»*. Благочестие наследника, по обыкновению, заставило его и бога впутать в полицейский розыск, но это не помешало ему все-таки едва ли не большую надежду возложить на самую организацию высшей полицейской власти. «Вчера папа», сообщает он (27/15 февраля 1880 г.), «решил подчинить графу Лорису — 3-е Отделение. А. Р. Дрентелья оставляет совершенно место и назначается членом Государственного совета, а заведывать делами 3-го Отделения будет Черевин». «Наследник» одобрил эту реформу, как скорее ведущую к цели, как «первый опыт к объединению полиции», вследствие чего, по его мнению, «дело может только выиграть»**. «Дело» не «выиграло»: 1 марта 1881 года опрокинуло лорисовскую диктатуру. Наследник стал царем. Он был человеком более чем зрелым (36-ти лет) и к политическому розыску считал себя достаточно подготовленным. И вообще характер Александра Александровича уже вполне определился к моменту воцарения: медлительно соображающий, но упрямый, он был устойчив в своих привычках, взглядах и поведении и твердо знал, что царствовать — это значит всякими средствами стремиться к покою и безмятежной тишине с веселием и выпивкой в тесном кружке удостоенных особым царским доверием лиц. Спокойный и хладнокровный, он, однако, способен был и выходить из себя и, не привыкнув уважать личности зависимых лиц, становился резким и грубым, и это было в полном соответствии с природой его души, наклонной лишь к простейшим, элементарным эмоциям и почти совершенно чуждой тонкому сочувствию по отношению к другим, не близким ему людям.

V

Сделавшись царем, Александр Александрович изменил отношение к своему «журналу». В качестве «наследника» он записывал события, мысли и чувства подробно, нередко даже очень подробно, не опуская даже курения и славословий; теперь на царском положении он стал очень скуп на сообщения и слова, ограничиваясь лишь весьма краткими заметками, а впоследствии и совсем забросил свой «журнал».

* Дневник 1880 г., стр. 2.

** Дневник 1880 г., стр. 331.

Неприятные для него события он, видимо, совсем избегал отмечать. Столь тароватый на рассказы о «покушениях» на своего отца, он совершенно обошел покушение на него самого, и только в словословии «богу», что 1 марта 1887 года «уехали благополучно» из Петербурга «в милую Гатчину», можно усмотреть как бы намек на пережитое в этот день, тоже несомненно «чудесное спасение». Но в «журнале» ни в этот день, ни в следующие дни ни о «злодеях», ни о «спасителях», не только о полицейских, но и о Боге как о спасителе ничего не говорится. Очевидно, это неприятно было вспоминать, и 1 марта (1887 г.) Александр Александрович в своем дневнике кратко отметил только «дела семейные»: «Приводил в порядок комнаты. Пил чай с Минни и детьми. Поспал. Обедали в 8 ½ с детьми. Занимался, и Минни писала у меня. В 1 час легли с Минни спать». И была пора, ибо поутру приходилось снова приняться за самодержавное управление «милой родиной», как он когда-то писал, будучи наследником. Но не мила была ему Россия теперь, если от нее он спрятался в Гатчину, которая, как убежище от врагов, и стала ему «милой». Отсюда и исходила «государственная деятельность» Александра III, проникнутая полицейзмом. Она и могла быть только такой. Трагические условия воцарения Александра III, уstraшенного убийством его отца террористами, навсегда определили линию государственного поведения этого царя, направив все силы его ума на охрану себя от возможной гибели.

Попытки революционеров покончить с ним могли только укрепить его на полицейской стезе, на которую он вступил в последние дни царствования «бедного папа». И мы в течение всего его 13-летнего царствования видим на российском престоле как бы отставного военного человека, променявшего военное дело на дело полицейского сыска, преследования и пресечения, и невольно вдохновившего некоторых высокопоставленных лиц, уловивших главный нерв внутренней политики, к созданию тайной и добровольческой полицейской и провокаторской организации под названием «священной дружины». Несмотря на то, что Александр III считал себя «исправным полковником» он не любил военного дела так, как оно было любимо его предками. В качестве начальника так называемого Рушукского отряда во время кампании 1877–1878 годов он познал на практике дело войны, не обнаружив при этом ни талантов стратега, ни личной храбрости, и оно, это дело, ему не понравилось. Не нравилась ему и столь милая его отцу, дедам и прадедам игра в войну и в военную службу. Уже самая физическая организация этого царя большого роста с тучным тяжелым телом и потому с неуклюжими, неповоротливыми движениями, не располагала его к воинским маневрам, смотрам, парадом, обыкновенно соединявшимся с переодеваниями

в разные мундиры, иной раз и совсем не подходящие к его более чем солидной фигуре, напоминавшей средних размеров медведя; а главное, все эти воинские операции часто требовали появления перед фронтом на коне, что едва ли более было приятно Александру Александровичу, чем тем лошадям, на которых ему приходилось садиться. И из него вышел, в сущности, не исправный полковник, а разве исправник из полковников, любивший сидеть дома и отсюда управлять Россией. Словом, вышел царь-домосед. И он засел в своей Гатчине. Опасность, которую он постоянно чувствовал над собой, заставляла его сторониться от «большого света», избегать всякого многочисленного собрания людей, будь то на придворном балу, на военном смотре или на разводе, с одного из которых его отец сошел прямо в могилу. Даже коронацию, столь необходимую для царя, мнительно боясь появляться пред толпой, он откладывал сколько было возможно. Неудивительно, что потом и из Гатчины он выезжал в Петербург лишь в редких и неотложных случаях, считая эти выезды тяжелой и неприятной для себя повинностью. Гатчина сделалась его убежищем от «мирской суеты и докуки». Здесь он замыкался в простой и однообразной жизни, с текущей повседневной работой и со скромными домашними развлечениями. То устраивался вечер с партией царя в тесном кругу особо доверенных лиц, чаще всего с другом и шутом его, генералом Черевиним. То царь, как известно, большой любитель музыки, раньше никогда не избегавший случая послушать «императорскую оперу», устраивал музыкальный вечер, причем и сам принимал участие в квартете, играя на тромбоне. Хороший семьянин, он любил такого рода радости в семейном кругу, особенно если они соединялись с возможностью хорошо выпить. Тогда царь впадал в полное благодушие, ложился на пол на спину и, заливаясь веселым смехом, начинал ловить проходящих за ноги, предпочитая мужчин и бегавших вокруг царя детей. Это доставляло Александру III много удовольствия и означало, что он уже очень много позволил себе угоститься; в этой наивной резвости распалившегося медведя только и проявлялось повышенное выпивкой настроение царя. Обращаться за подкреплением к живительной и возбуждающей влаге Александр III вообще любил и никогда не хотел помириться с указанием врачей, что ему это вредно, когда у него от настойчивости в упомянутом обращении и от ушиба при крушении поезда обнаружилась хроническая болезнь почек, тоже настойчиво дававшая о себе знать и грозившая преждевременно довести этого сильного и крепкого от природы человека до могилы. Устоять от соблазна на домашних вечерах Александр III не мог и не желал; но за ним зорко следила «милая душка Мини», апеллировавшая к медицинскому запрещению, — и было неловко, несмотря на самодержавие, игнорировать это

запрещение слишком откровенно. Тогда царь вместе с постоянным собутыльником Черевиным пустился на хитрость. Как сообщал потом последний, были сшиты для каждого из них сапоги с более широкими, чем обыкновенно, голенищами, дабы можно было засунуть туда довольно большую фляжку вместимостью в бутылку, — и дело выпивания пошло как по маслу. Фляжки за голенищами у того и у другого были наполнены коньяком и вынимались оттуда в те моменты, когда царица, обходившая целый вечер игравших в карты с целью наблюдения за супругом, не заметив ничего подозрительного, успокоенная удалялась из той комнаты, где играл царь; в эти счастливые моменты царь и подданный, молча, переглядывались и, вынув из-за голенищ свои плоские фляжки, наскоро глотали коньяк, боясь как бы не быть застигнутыми «августейшей» соглядатайшей. И, действительно, когда она появлялась вновь, за царским столом все «было спокойно»: муженек невозмутимо был погружен в свою карточную партию. Эта проделка у софляжников шла под лозунгом: «Голь на выдумки хитра», и заговорщикам бывало очень весело, что она шла так хорошо, с выразительным перемигиванием друг другу и в три несложных приема, вроде ружейного — «на караул». «Раз, два, три!, — вспоминал впоследствии благоговевший пред Александром III Черевин, — вытащим фляжки, пососем, и опять как ни в чем не бывало... Раз, два, три! — Хитра голь, Черевин?» — «Хитра, ваше величество. Раз, два, три!» — И счастливые друзья снова «сосут». Пред нами и в царском звании громадный, медведеобразный младенец. Так и кажется, что у него непочатый край беспечности и благодушия, и всякий, смотря на него за карточным столом или потом, когда он, раскрасневшись и блистая лысиной, к удивлению Марии Феодоровны, бдительно надзиравшей за его поведением, под конец вечера опять радостно барахтался на спине и забавлялся ловлей за ноги проходящих, всякий сказал бы: вот человек, наслаждающийся прекрасным здоровьем и полным душевным равновесием, чуждый ненависти и гнева... Сказал бы и ошибся. Здоровье этого силача в 40 с небольшим лет было подорвано, внутренний смертельный недуг, маскируемый размерами тела этого человека, неуклонно вел его к гробу. Душа его, едва заметная среди такого количества мяса и жира, тоже была подавлена и угнетена сознанием постоянной опасности, в коей находилась его жизнь, и наблюдательные люди замечали, что в его равнодушном взгляде — нет-нет да и промелькнет грустная тень скрываемого страха. Выдержкой, мы знаем, обладал этот с холодным обращением и отрывистой речью человек. Это сказывалось уже в том, что он позволял себе приходить в беззаботное настроение «голи, на выдумки хитрой» лишь после того, как отбывал деловую часть дня.

VI

Дела Александр III не чуждался, даже напротив: он ежедневно работал очень много, не допуская в эти часы к себе без доклада даже свою почитательную супругу и состоя в это время под охраной неизменного Черевина, располагавшегося в комнате подле царского кабинета и имевшего исключительное право войти туда для доклада. У Александра III было упорство в труде, как в физическом, к которому его мощный организм наиболее тяготел, настолько, что однажды в Аничковом дворце царь единолично произвел всю работу обойщика по уборке комнат и развешиванию картин, так и в умственном, к которому направляло его положение самодержца. Оно обязывало работать по управлению государством с величайшим усердием, и Александр III это усвоил твердо, а усвоив, осуществлял на деле с тем упорством, на какое только была способна его элементарная натура. Многого в этой работе Александр III не понимал, по-своему приводя в недоумение даже своих, выдавших виды, министров. При разъяснении дела он не прочь был иногда и поступиться своими слишком поспешными решениями. Но в чем был убежден, на том стоял твердо. К бедствиям народным, о которых ему сообщали, он относился спокойно, лишь отмечая на докладах словом: «неутешительно». Узнав из одного показания революционера, что тот в юности имел своими героями Лопухова и Базарова, царь о последних любознательно осведомился: «Кто это»? — отрывисто спросил он и, по получении ответа, что это — герои романов Чернышевского и Тургенева, спокойно-меланхолично перешел к очередным делам, не оспаривая разъяснения. По отношению только к одному вопросу он способен был оставлять свою обычную мину спокойного и несколько меланхолического равнодушия, это по вопросу о его позиции помазанника божия. С нее нельзя было бы сбить Александра III никакими силами; он свято верил в свое помазанничество по стародавней традиции, подкрепленной змеиными устами Победоносцева и рабски-преданными гимнами Каткова. На этой позиции Александр III держался крепко, иногда, в необычном положении, обнаруживая оригинальный выверт мысли, не лишенный топорного, как и вся его личность, юмора. Когда однажды надо было дать ответ на какой-то запрос, в котором были заинтересованы европейские державы, а Александр III в это время занимался в Финляндии ужением рыбы, то, как рассказывают, помазанник божий лицу, докладывавшему о спешности общеевропейского дипломатического дела, нимало не усумнился ответить так: «Когда русский князь удит рыбу, Европа может подождать!» Это похоже на Александра III: он именно так, употребляя стародавнее слово, «высокоумничал» о своем самодержавии. Оно-то и было в его представлениях тем центром, откуда выходили и куда возвращались все его мысли и чувства. Это была его основная и, пожалуй, единственная общая идея, с точки зрения

которой он оценивал дела и людей. Но быть самодержцем и узником в одно и то же время, хотя и добровольным, в своем гатчинском или ливадийском монрепо, — это такое противоречие, которое не могло не вызывать в Александре III злобы и ненависти к тем, кто убил его «милого папа», кто покушался на него самого и заставил его уединиться и быть постоянно под охраной и в вечном страхе. И в уединении злоба и ненависть росли и крепили, внушая этому затворнику мысль, что важнейшее государственное дело, у которого он должен стоять, это вывод из России революционной «крамолы». Этим делом Александр III занимался самостоятельно и весьма внимательно, лишь вдохновляемый своим главным политическим пестуном Победоносцевым. В ученике отражался учитель, но надо сказать, что и сам ученик в означенном отношении был не хуже учителя и твердо стоял на своих собственных ногах. На докладе об аресте Цебриковой за ее брошюры — «Письмо к Александру III», «Каторга и ссылка», царь написал: «Брошюры предерзкие». Это было еще сравнительно мягкое выражение по отношению к политическому врагу, в данном случае обратившемуся к царю с словами убеждения. Вообще же Александр III совсем не церемонился в выражениях, дабы выразить ненависть и презрение к революционным деятелям, для коих в его лексиконе не находилось других слов, кроме — «каналья, дрянь, негодяй, дурак, скотина, скот, ослы» и т. п. слов, украшающих его резолюции на докладах о разных «государственных преступниках». Иногда в этих резолюциях чувствуется раздражение на сильных и стойких людей: «Порядочная скотина, ничего не доказывает», «Дрянь мальчишка и дерзкий», досадливо в разное время писал царь, но иной раз как будто бы он входил во вкус розыскного дела и приходил в то природное «благодарное» настроение, за которое в молодости он слыл «добрым малым», а в таком настроении он клал и милостивую резолюцию: «Хорошо пишет каналья», написал царь на одном из полицейско-политических докладов. Так внимательно относясь к расследованию политических преступлений, Александр III сам вводил свое правительство к беспощадному преследованию революционеров, и ему лично, а не кому иному принадлежала инициатива наиболее суровых кар по отношению к ним.

VII

Смягчить Александра III было невозможно; достаточно вспомнить, что его нимало не тронуло даже кровью сердца написанное ему письмо матери А. И. Ульянова, письмо, на котором царь написал до цинизма жестокою резолюцию*. А. И. Ульянов был одним из главных орга-

* См. мою статью — «Победоносцев» в Былом, 1924 г. № 24.

низаторов покушения 1 марта 1887 года, и Александр III, счастливо избежавший смерти, был не в состоянии отнестись к просьбе матери за обреченного на смерть сына иначе, чем он отнесся. Это дело близко его касалось, и он решительно принялся за него сам. Прежде всего он занялся, как это делал и его отец, «спасителями». На докладе о «событии» он написал: «на этот раз бог спас» и прибавил меланхолично: «но надолго ли?» Потом «повелел» благодарить «всех чинов и агентов полиции, что не дремлют и действуют успешно», а также «присылать» ему все данные дальнейшего розыска. Своих спасителей, полицейских агентов и городских, участвовавших в арестовывании на улице 5 террористов с бомбами, Александр Александрович отблагодарил и более существенно. 9 марта, как рассказывает один из них в прошении на высочайшее имя об усилении данной ему за «государственный подвиг» пенсии, все «спасители» 11 человек были вызваны в гатчинский дворец и приняты царем «в присутствии всего августейшего семейства». Тут Александр III благодарил их «за верную и преданную службу» и сказал: «Поберегите меня и впредь». Но сухая ложка рот дерет, и царь, «обходя каждого отдельно», выдал «верной» охране «из собственных рук», говорит один из нее, «по золотой медали с надписью “За усердие” на Александровской ленте и по 1000 р. денег в пакетах». «В скором времени, после этого, — пишет дальше один из “спасителей”, — было нам сообщено через г. министра внутренних дел графа Толстого, бумагою под наши расписки, что его величество еще раз благодарит нас и желает, чтобы мы еще послужили на этой службе»*. Обстоятельно вел Александр III розыскное дело. Взывая, чтобы «поберегли его», он ласкал полицию тайную и явную; желая устрашить и образумить «крамольников», он придумывал для них самые чувствительные «наказания». По поводу 2-го первого марта он начертал: «По моему мнению, — пишет он, — лучше было бы, узнавши от них все, что только возможно, не предавать их суду, а просто без всякого шума отправить в Шлиссельбургскую крепость. Это самое сильное и неприятное наказание». Но, однако, не «смертная казнь», которой в конце концов были преданы 5 первоапрельцев второго призыва. В некоторой мере Александру III было тоже свойственно то бессердечное лукавство, которым отличались все Романовы XIX века. Недаром он придумал для осужденных к смерти особое смертное томление, которое они должны испытать, когда секретно было предписано смертный приговор не приводить в исполнение; осужденный не знал этого долго и в смерт-

* Дело Канц. Комиссии Прошений на Высочайшее имя. 3-е Отделение, 2-й стол. Нач. 26 мая 1906 г. Кончилось в 1909 г. 1-е Отд. Юридич. Секции ЕГАФ (Архив бывш. Государственного совета).

ной тоске ждал исполнения... Это было особо изысканное мучительство, и для очень многих лиц, ибо военному суду тем же «благодусным» монархом, как называли его современники, было «словесно» повелено «объявить» обвиняемым только смертную казнь и ничего не сообщать до поры до времени о возбужденном ходатайстве о смягчении их участи*. Простой ум царя естественно тяготел к простоте во всем, в том числе и в наказаниях; так, на докладе министра внутренних дел о беспорядках во время холеры 1892 года, Александр III начертал: «Телесное наказание единственное средство покончить с этим брожением». И по царскому слову захваченные крестьяне и рабочие были разложены, и спасительная розга засвистела, не освобождая, однако, главных «виновников и подстрекателей» от тюрьмы и «от предания затем военному суду»**. Это действительно «просто», хотя и немилостиво. Но не так просто смотрел Александр III на политических, которых считал своими личными врагами. Тут он пускался на придумывание «самого неприятного» наказания, из-за действительно простых и неуклюжих фраз царя пред нами выглядывает мрачно насупившееся лицо озлобленного и испугавшегося человека, упорно готового на самые «сильные» средства, лишь бы отстоять свою жизнь и позицию самодержавного монарха. Еще в самом начале царствования Александр III дал своего рода обет в этом смысле: «Я, — писал он тогда своему брату, великому князю Владимиру Александровичу, — никогда не допущу ограничения самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной для России». Также поступать он внушал и своему сыну Николаю, умирая: «Не уступай ничего, потому что, если дать палец, то они захватят всю “руку”»***. Выказанный Александром III взгляд на самодержавие это не мнение его, это его основной догмат, не подлежащий критике. Этот догмат делал его маньяком, не видевшим иной цели своего царствования, кроме обороны и укрепления самодержавной власти. Когда дело доходило до покушения на эту последнюю, то он становился непримиримым и доходил до состояния настоящей ярости, в которой, действительно, мог напоминать быка, завидевшего красное. В таком состоянии не рассуждают, и вот, дабы поддержать то, что, казалось бы, должно было само держаться, — самодержавие, Александр III объявил лютую войну всем действительным и мнимым врагам его, всем неблагонадежным и всякой неблагонадежности, в разряд которой было поставлено и стремление к просвещению. Читая соболезнующее сообщение Тобольского губернатора, что в губернии мало распространена

* Былое, 1924 г. № 24, стр. 147.

** Архив Истории труда в России, кн. 3-я. Петербург, 1922, стр. 111.

*** Былое, № 20, стр. 88.

грамотность, Александр III вздыхал облегченно и писал на докладе: «И слава Богу». Полагая вместе со своим учителем Победоносцевым, что основная опора самодержавной власти — православная церковь, царь не терпел неправославных и объявил смертельную войну сектантам (особенно штундистам) и евреям, которых считал главными застрельщиками русского революционного движения. Русский немец, но православный и сам всю жизнь старавшийся обрусеть, подгонявший всю свою внешность под русский тип, начиная с бороды лопаткой и кончая придуманным им обмундированием с круглой шапкой набекрень и шароварами в сапоги бутылками, Александр III мечтал обрусить всех своих подданных нерусского происхождения, но наткнулся на остзейских баронов и спасовал, ибо за ними стояла «воинственная», побрякивавшая тогда от времени до времени оружием, фигура другого европейского императора — Вильгельма, который нашему русскому немцу Александру III был ненавистнее всех немецких немцев. Однако личная неприязнь не делала Александра III воинственным. Зная, что нет ничего сомнительнее военного успеха, он избегал войны; простым здравым смыслом своим он понимал, что она-то всего скорее и может повести к внутренней катастрофе, к ниспровержению столь ревниво им оберегаемой «самодержавной» власти. В этом, впрочем, он и не обманывался. Боязнь европейской войны и вовлекла его, самодержца милостью божьей, в союз с республиканской Францией, что, разумеется, его сильно шокировало, но что было уже совсем неизбежно, дабы, при изменившихся международных отношениях в Европе, не попасть в опасную изоляцию. Быстрый рост капитализма в России, власть которого неудержимо подчиняла себе абсолютистскую дворянско-бюрократическую монархию, вызвал образование этого, на первый взгляд, изумительного союза, но лишь на первый взгляд, ибо, при ближайшем рассмотрении, становится ясным, что это был союз буржуазии, которой волей-неволей принужден был служить и «благочестивейший, самодержавнейший император всероссийский». Так Александр III и стал сторонником общеевропейского мира, воздержался от внешней войны в течение всего своего царствования и приобрел репутацию царя-миротворца. Войну он признавал только внутреннюю, да и то «без шума», простыми средствами, вроде виселицы, Шлиссельбурга, Сибири и розги. Последняя предназначалась для так или иначе непослушного низшего брата, как лучшая общественно-педагогическая мера, и она применялась к мужику, недостойному, по мнению царя, тянуться вверх, к лучшей жизни, к свету, а долженствующему знать свое место внизу, — долу, в грязи, в темноте, прилагалась к мужику, для которого «царь-миротворец» учредил попечительных земских начальников из промотавшихся дворян

и тем самым частично восстановил крепостное состояние, прилагалась весьма часто в царствование Александра III и у шутников доставила ему другое прозвище «царя-миропорца». Миротворец или миропорец, но историческая справедливость требует сказать, что это был царь не без достоинств, хотя и непредугаданных поэтами. Прямота его суждения иногда обезоруживала. Высокого он был мнения о своей власти и, следовательно, обо всем, что от нее исходило, но вот, когда Государственный совет, к которому Александр III относился более чем презрительно, однажды уже слишком обиделся на резолюцию царя по адресу государственных мужей: «они думают надуть меня, но это им не удастся», обиделся и испрашивал чрез одного из своих членов у царя милости повелеть не увековечивать этой «исторической» резолюции, т. е. не покрывать ее лаком, то Александр III сказал: «Какой вздор — пусть их просто вычеркнут!» Действительно, это было тоже «просто», но в данном случае царская простота была похвальной и не походила на ту, которая «хуже воровства». Жесткий в «резолюциях» и в гневе, но обычно конфузливый, а потому и холодно-односложный в разговоре с чужими, Александр III был скромнен и прост в обращении с близкими людьми, а с детьми так неизменно бывал ласков. Скромность и простота его вполне гармонировали со всем непритязательным обиходом личной жизни Александра III, вообще не любившего царской пышности. Не любил он и не по разуму усердных слуг своих и поступал по отношению к ним тоже похвально-просто. Он очень боялся бомб террористов и выезжал с великими предосторожностями, но излишество охраны, переходившее всякие границы здравого смысла, которого отнюдь нельзя отрицать в Александре III, его раздражало, и он, спасая себя не только от бомбы, но и от смешного положения человека, преследуемого целой сворой назойливых наблюдателей, настойчиво запрещал выпускать ее за ним: «Я не знаю, — писал он генерал-адъютанту Черевиву, — ваши ли это люди или Грессера (градоначальника), но прошу, чтобы более этого не было... Я разрешаю Грессеру, когда он находит нужным, самому иногда следовать за мной, когда известно, когда я еду, но, кроме него, я не разрешаю никому, потому что считаю эту меру глупую и весьма неприглядную». Здравый смысл, благодаря которому Александр III «гораздо проницательнее судил о Бисмарке, чем все его сотрудники» (оценка проф. Тарле)*, несомненно предохранял этого царя от исключительного подчинения кому-либо из его министров, в том числе и его бывшему политическому воспитателю и ментору Победоносцеву: Александр Александрович, стараясь быть самостоятельным, выбирал из указаний разных «сотрудников» то,

* «Былое», № 14.

которое, по его мнению, было более целесообразно, при наличных реальных условиях жизни «дорогой России»*, — и Победоносцев далеко не всегда мог похвалиться, что царь согласился с ним**. А то так и прямо Александр III высказывал, как мы видели, свое мнение и на нем настаивал.

В двух отношениях здравый смысл изменял Александру III, во 1) в отношении к его упорству, с каким он настаивал на своей самодержавной позиции, и во 2) в отношении настойчивости, с какой он продолжал до конца разыгрывать сочиненную им пьесу — «голь на выдумки хитра». Но за все это едва ли можно его винить. В первом случае причиной была его природная ограниченность, не позволявшая ему шире взглянуть на вопрос, встать выше своих советников, прислушаться к насущным требованиям жизни, удовлетворить их и таким образом предотвратить неизбежную гибель не только самодержавия, но и династии под грозными справедливо-карательными ударами революции. Во втором случае причиной была страсть, может быть, наследственная, против которой был не в силах устоять массивный царь, внешнее богатырство которого далеко не соответствовало его внутреннему содержанию, тусклому и сумрачному, лишь искусственно — вином, прояснявшемуся, и на его долю не выпало долголетия, на какое ему давала право рассчитывать его физическая сила, позволявшая ему в молодости сгибать подковы и плечом высаживать двери. Александр III умер («смертью святого», пишет сын его, Николай II) всего на 49-м году жизни и на 14-м году его царствования (20 октября 1894 г.).

* Сюда, напр., надо отнести рабочее законодательство 80-х годов, не принесшее, впрочем, большой пользы русским рабочим, так как, в сущности, оно было лишь проявлением свойственной царизму демагогии.

** См. упомянутую выше мою статью о Победоносцеве.

И. И. КОЛЫШКО

Имп[ератор] Александр III

С луны щей не хлебают...
Из письма цесаревича Николая¹

Царь-супруг

Личность Александра III настолько скульптурна, что исключается возможность крупных ошибок даже при схематическом ее очертании. Прежде всего — внешность царя.

Каким чудом в складной семье Романовых уродился этот обломок? Физическое вырождение династии началось лишь с Николая II. Даже дети уродливого Павла Петровича были на редкость красивы (победила, очевидно, более сильная кровь матери). Трудно сказать, кто из них был представительнее: Александр I или Николай I, Михаил или Константин Павловичи? А семья Николая I: Александр, Константин, Николай Николаевичи? А потомство Александра II: Николай (цесаревич), Владимир, Алексей, Павел — один пригожее другого. Пригожи и дети этих детей — Владимировичи, Михайловичи, Константиновичи, Павловичи. Только Александр III в этом романовском выводке — это утенок среди цыплят — вырос почти уродом.

В юности он вечно спотыкался. Все опрокидывал, был крайне застенчив, нелюдим, антиобщественен.

Его дяди, особенно Константин Николаевич, третировали его, как невоспитанного (этого он не забыл после). С одним лишь старшим братом цесаревичем Николаем у него была нежная дружба².

Выхоленный красавец цесаревич, по внешности, — полная противоположность брату, — был исключительным явлением в семье Романовых. При дворе на него молились. А он прильнул сердцем к своему незадачливому брату и всюду, где мог, внедрял к нему симпатию.

— У Саши золотое сердце, и он вовсе не глуп, — уверял Николай. — Беда одна — влюбчив...

Неуклюжий гигант, впоследствии образцовый семьянин, был в свое время подлинным Дон-Жуаном. Особенно серьезно было его увлечение красавицей княжной Мещерской, на которой он хотел жениться. Это увлечение сблизило его с кузеном ее, кн[язем] В. П. Мещерским, а сближение это наложило глубокий след на царствование не только его, но и его сына.

Уже будучи мужем бывшей невесты покойного брата, цесаревич Александр продолжал посещать молодого автора «Женщин Петербургского большого света» и на шумевшей «точки»³. (Мещерский — точка.) В собраниях на Почтамтской ул[ице] (где жил кн[язь] Мещерский), затягивавшихся до поздней ночи, участвовали наставник цесаревича К. П. Победоносцев и друзья его детства — графы Шереметев и Воронцов. На этих литературно-политических радениях Александр III получил свое политическое крещение, давшее характер его царствованию. Радения эти и дружбу с кн[язем] Мещерским прекратил Александр II, по просьбе своей невестки Марии Федоровны, скандализированной, как и весь тогдашний Петербург, предпочтением, которое цесаревич оказывал своему политическому другу перед молодой женой. Оборванная на целых 16 лет, эта дружба возобновилась лишь по вступлению Александра III на престол, когда кн[язь] Мещерский написал царю покаянное письмо, а царь ответил своему бывшему (и будущему) ментору: «Кто старое вспомянет, тому...»

Женитьба на прелестной Дагмаре, о которой ее покойный жених цесаревич Николай писал: «Разве я с моей нечистой жизнью достоин этого ослепительного счастья?...»⁴, женитьба эта резко изменила моральный облик Александра III. Трудно было представить себе по внешности более несхожие существа, как этот суровый, шутя гнувший подковы, нелюдимый и необщительный гигант, и крошечная, хрупкая, как фарфор ее родины, всем улыбающаяся и всех озарявшая взглядом своих прекрасных очей, общительная датчанка. Но гигант подчинился крошке, а крошка полюбила неладного гиганта, как когда-то любила его ладного брата. В истории Романовых, да и всех европейских династий, не было примера столь чистого и прочного брачного союза. Женившись, Александр III стал однолюбом, и все сплетни об его супружеских неверностях лишены малейшего основания. И это тем страннее, что среди его предков однолюбов не было (не исключая и Павла). А отец его на этом поприще стяжал особую известность. Трогательные отношения между супругами ни в чем не меняли основных черт их характеров. Царица обожала танцы и устраивала у себя вечеринки, на которых, ворча и скучая, терпеливо высиживал царь. Рассказывали, что когда царица особенно увлекалась вальсами, царь подзывал капельмейстера, шептал ему на ухо, и музыканты один за другим, прекращая игру, уходили, пока не оставался один тромбон, и спохватившаяся царица,

топая ножкой, не прекращала танца. Безмерно снисходительный ко всем женским склонностям своей жены, царь был непреклонен в отстаивании своих мужских прав и обязанностей. К политике он свою жену и близко не подпускал. Во все его царствование не было случая, чтобы он решился на что-нибудь в области управления страной под влиянием жены. Он предоставил ей принять или не принять ко двору жену министра м[ада]м Витте (бывшую м[ада]м Лисаневич)⁵, но, вопреки ее антипатии к кн[язю] Мещерскому, возобновил свои политические уроки у князя-точки. Да и в интимной жизни доминировал муж, а не жена.

Рассказывали такой случай: гигант любил крошечные комнаты, засиженную мебель, был рабом самых обывательских привычек. Чтобы удалиться от царственного великолепия Зимнего, Петергофского и Царскосельского дворцов, он поселился в скромной резиденции своего прадеда, Павла Петровича. И занял там верхние, самые маленькие и низкие комнаты. Ложем супругов служила старая, чуть ли не со времен Павла не отремонтированная кровать. Вследствие разницы в весе, матрас ее скоро перекосялся, и Мария Федоровна с ее воздушностью скатывалась к супругу. Все просьбы ее о перемене матраса не имели успеха. И вот, однажды, в отсутствие мужа, она приказала заменить матрас. Вернувшись, улеглись и, очутившись не на привычной высоте, царь рассвирепел. Как смогли? Гофмаршала! Убрать! Давай старый! Царица плачет, царь бушует. Занимают прежние высоты. Инцидент исчерпан.

Царь-националист

У Александра III были два резко выраженные фобства: юдофобство и немцефобство⁶. Кто внушил ему первое — неизвестно. Во всяком случае, не кн[язь] Мещерский, ратовавший в своем «Гражданине» против погромов, черты оседлости и за еврейскую бедноту. В этом единственном пункте, да еще в вопросе о франко-русском союзе, ментор расходился со своим царственным учеником. Но сломить упрямство Александра III было невозможно. Русское революционное движение он приписывал еврейству. И хотя погромов не одобрял, но смотрел на них сквозь пальцы. После крушения у ст[анции] Борок⁷, чудесно спасшийся, он схватил обломок подгнившей шпалы, и, сунув ее под нос оторопевшего тогдашнего министра путей сообщения Посьета⁸, проворчал:

— Вот вам ваши жидовские дороги!..

(Сеть южных дорог тогда принадлежала евреям бр[атьям] Поляковым⁹.)

Юдофобство Александра III (переданное им сыну) было тем страннее, что он вверил свою жизнь еврею доктору Захарьину и чутко

прислушивался к голосу Каткова, связанного дружбой с Поляковыми¹⁰. При нем не мог иметь места Союз русского народа, как и все, выросшее из юдофобства и черносотенства. Остается предположить, что эта черта, наложившая тень на все его царствование, явилась следствием сгущенного, в противовес царствованию Александра II, национализма.

Этот сверхнационализм, как единственная самобытная опора царствования, лежал в основе и его германофобства.

В пору франко-прусской войны Александр III, тогда еще юный наследник, не называл пруссаков иначе, как «свиньями», предсказывал близкий реванш французов и стал в антагонизм с тогдашним русским правительством и особенно с военным министром Милютиним, опасаясь воинской поддержки немцам. Став царем, он не замедлил изменить внешний вид онемеченных русских войск, удалил от дворца немецких выходцев и повел антинемецкую политику. Отдавая дань уважения своему дяде Вильгельму I, Александр III не выносил Вильгельма II и не мог простить Берлинского трактата Бисмарку. Чтобы не встречаться с железным канцлером, он ездил в Данию морем, а когда вынужден был проезжать через Берлин, на все ухаживания Бисмарка отвечал суровой холодностью. В Эймсе, куда Вильгельм I послал своего внука поухаживать за русским царем, царь наговорил юному Вильгельму дерзостей¹¹. И если Бисмарку не удалось *signer en blanc*¹² [у] французов, как он об этом мечтал, то лишь благодаря окрику царя: «Руки прочь».

Таким же окриком, подчеркнутым ударом кулака по столу, Александр III остановил и вождедения Англии в Афганистане. К англичанам как к расе он был равнодушен, но не прощал им вмешательства в нашу турецкую войну, в нашу политику вообще. Вот почему, когда Гирс в шхерах, где царь удил рыбу, доложил ему однажды, что Европа в ожидании решения России волнуется, царь, нанизывая червяка на удочку, проворчал:

— Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать¹³.

А немного спустя, в один из приездов в Петербург (за обычной подачкой) кн[язя] Черногорского, пил здоровье «своего единственного друга»...

Невысокого был мнения этот русак и о французах. Из Парижа, куда он ездил с отцом с визитом к Наполеону III¹⁴, он писал кн[язю] Мещерскому: «Удивительная раса, — вы ему слово, он вам десять. Наполеон любезен... Евгения¹⁵ красива... Париж — Вавилон... Умоляю государя поскорее уехать»... и т[ак] д[алее]¹⁶.

И тем не менее он заключил франко-русский союз, заключил его наперекор своим симпатиям и своей внутренней политике, исключительно с целью утереть нос Бисмарку и Солсбери. И, держа руку

под козырек, выслушал гимн с проклятьем самодержавию и призывом к революции¹⁷. А когда «Гражданин» кн[язя] Мещерского назвал французского посла парикмахером (или чем-то в этом роде), царь утвердил наложенную на него цензурную кару и в записке к своему ментору начертал: «Легче на поворотах!»

Волевой царь

Александр III был, несомненно, волевой и типичный повелитель, и не один Витте в царствование Николая II вздыхал о «лучезарном» прошлом.

Александр III был честен, правдив и ему органически была противна ложь и интрига. (Назначая, напр[имер], государственным контролером известного Тертия Филиппова, сказал, что делает это лишь потому, что против Филиппова была интрига (Половцова)¹⁸.) Ему были дороги интересы России, и ради них он ломал, как подковы, бюрократическую и царедворческую рутину. Назначив, против всех традиций, на место Бунге Вышнеградского, когда его пугали репутацией последнего, отвечал:

— Пусть украдет 10 миллионов и даст России сто...

Когда забастовало путейское ведомство, и жел[езные] дороги представляли собой картину, близкую к теперешней в СССР, царь послал разгромить это ведомство инженерного полковника Вендриха (по указанию кн[язя] Мещерского), дав ему полномочия, которых не имел министр¹⁹. Когда придворные на него насели с кандидатурой на пост министра путей сообщения таких столпов режима, как креатура вел[икого] кн[язя] Владимира Половцов, принц Ольденбургский, св[етлейший] князь Имеретинский и другие звезды петербургской аристократии и бюрократии, он призвал к себе надворного советника Витте (опять-таки по указанию кн[язя] Мещерского), только что обвиненного во взяточничестве, и, вручая ему власть, советовал «начхать на врагов». А когда Витте просил его разрешения на брак с м[ада]м Лисаневич, не скрыв, что она еврейка, юдофобский царь сказал:

— Женитесь хоть на козе, только приступайте к делу!²⁰

И велел Победоносцеву в три дня развести с мужем м[ада]м Лисаневич.

Александр III доверил армию военному министру Ванновскому, не прошедшему Академии Генер[ального] штаба (что было тогда явлением небывалым). Но когда кн[язя] Мещерский стал обличать порядки военного ведомства, и Ванновский просил государя обуздать подрывающего дисциплину журналиста, царь посоветовал своему министру доказать журналисту, что тот неправ.

Александра III к царствованию не готовили. Высшего образования он не получил. Но не он был автором мер против «кухаркиных детей» (как о том теперь пишут)²¹. Да и были ли эти меры? Насколько помнится, официального запрета к доступу в университеты для лиц податного сословия не было — была лишь «политика» Министерства нар[одного] просвещения. Эту политику создал, еще при Александре II, высокообразованный гр[аф] Д. А. Толстой, поборник классицизма²². Высшее образование в России было аристократизировано еще тогда, когда гремела слава Менделеева, Ключевского, Пирогова и друг[их]. Александр III не помешал, а помог Каткову в основании в Москве известного Катковского лицея²³. Он же одобрил проект Витте к основанию в Петербурге знаменитого Политехникума²⁴. И он же всячески поощрял московское купечество к основанию всякого рода клиник. Его министр народн[ого] просвещения (Деянов) был самым доступным из министров, и университетских волнений в царствование Александра III не было. Наконец, и вся земская деятельность по народн[ому] просвещению была стеснена не по указаниям, а как следствие грызни между Победоносцевым и гр[афом] Д. Толстым (тогдашним министром вн[утренних] дел). Эта грызня между двумя столпами самодержавия, людьми просвещеннейшими по тому времени, привела к тому, что Толстой, чтобы утопить церковноприходскую школу, науськивал земства чинить ей всякие препятствия, а Победоносцев науськивал царя против школ земских. Немного спустя, когда Толстой учредил институт земских начальников, Победоносцев, обучавший Александра III гражданскому праву, публично называл затею гр[афа] Толстого «правовым кретинизмом» и величайшей ошибкой самодержавной власти. И если царь в этом вопросе присоединился к мнению Толстого, против огромного большинства членов Госуд[арственного] совета, списав в своей резолюции очередной дневник кн[язя] Мещерского, причиной тому было не столько его невежество, сколько плохо усвоенная забота о приближении власти к народу.

Реформу земских начальников гр[аф] Толстой поручил разработать симбирскому помещику, бывшему ярко-красному, Пазухину²⁵. В проекте этой реформы вначале предполагалось создать агентов исключительно административной, близкой к народу власти — нечто вроде уездных начальников. Присоединение к функциям этой власти функций судебных совершилось в последнюю минуту, по совету кн[язя] Мещерского и под влиянием борьбы гр[афа] Толстого с министром юстиции Манасеиным²⁶. Гораздо более странно в этом случае то, что его допустил либеральный Пазухин, чем то, что склонился к нему мало сведущий в вопросах юриспруденции царь.

Царь-миротворец

Когда еще жил цесаревич Николай, и юный кн[язь] Мещерский старался поднять в нем интерес к России, «лучезарный» юноша отвечал:

— С луны щей не хлебают...

Тот же кн[язь] Мещерский с тем же советом обращался впоследствии к цесаревичу Александру. Но угрюмый юноша только мучительно кряхтел. Познать Россию не дано было ни одному из русских венценосцев. Но у Александра III была почти мужицкая сметка, и он проявлял ее каждый раз, когда приходилось защищать русскую вотчину от иноземных поползновений.

Александр III и впрямь был «миротворец». Но не по рецепту Александра I и Бриана²⁷. Он не мечтал о пан-Европе. Решив, что сермяжной безграмотной России не по пути с культурной Европой, он замкнулся в блестящем одиночестве. Неблагодарность «братушек»²⁸, цинизм Европы, вырвавшей из наших рук плоды победы 1877 года, — жертвы, принесенные Россией для чужого счастья, обиды, нанесенные немецким насилием близким ему датчанам, а главное — чувство собственной силы, опиравшейся на силу 180-милл[ионного] народа²⁹, внушили ему своеобразную кротость. Так кроток у Толстого Пьер Безухов, так в русской истории были кротки Илья Муромец и Добрыня Никитич.

Миролюбие — не заслуга Александра III, как не заслуга его отвращение к авантюре. Если при нем не было ни черносотенства, ни дворцовой камарильи, то лишь потому, что мозг его работал медленно, что желудок его прекрасно варил, что жена его была маленькой, покорной женой, что дети его играли в детской, что террористы его не травили, что загадка России была загадкой не только для него, но и для русского гения, что при всех опасностях этой загадки к ней тянулись жадные руки и перед ней трепетали могущества.

И когда подкравшаяся к гиганту болезнь грозила осиротить и страну, и семью, движением могучих плеч гигант пытался сбросить ее. А не осилив, покорно склонился и ушел, столь же тихо, как пришел, решительно ничего и никому не завещая. Смерть Александра III была столь же скромной и застенчивой, как и его жизнь.

И все же, в этой сравнительно короткой жизни и, особенно, в этом коротком царствовании (всего 13 лет) проявилась черта, сыгравшая решающую роль в истории российского царизма и делающая незамысловатую фигуру Александра III до некоторой степени загадочной и, во всяком случае, сугубо исторической. Не столько моральная чистота, правдолюбие и миролюбие отличают этого царя-гиганта от его часто лукавых, воинственных и аморальных предков, а некая измена основному принципу царизма, засаженному в русскую

почву Владимиром Мономахом и, казалось, навеки закрепленному там Грозным.

Принцип этот выражен поэтом в словах, вложенных в уста Грозного: «То только царство крепко и велико, где ведает народ, что у него один владыка, как в едином стаде — единый пастырь...»

Когда 1 марта 1881 года над Петербургом раздался зловеющий взрыв, и полчаса спустя Зимний дворец окружил народ, когда из подъезда этого дворца вышел престарелый внук Суворова³⁰ с вестью о смерти царя-освободителя, когда от этого подъезда отъехал в слезах новый царь, а вслед за ним отхлынул и мутными потоками разлился по городу удивленный (но не ошеломленный) народ, а к вечеру этот народ устроил по Невскому и Морской нечто, близкое к масленичному гулянию, всматриваясь в мутное петербургское небо, где, по слухам, гуляла зловеющая комета (никакой кометы не было), — уже тогда можно было понять, что ни чувства, ни сознания «единого владыки» в русском народе нет. Не было их и в русском правящем аппарате. На торжественном выходе новый царь, обращаясь к этой верхушке русской власти, зарыдал. Рыдали и его приближенные. Но не рыдала необъятная страна, потерявшая «владыку». Старое царствование народ проводил с недоумением, новое встретил с любопытством. К тому, что совершилось и имело совершиться в далеком Петербурге, народ отнесся как к семейной хронике династии по закону правившей этим народом. Народ любопытствовал. В Петербурге было восшествие на престол, в стране — ожидание милостей и реформ. *Le roi est mort — vive le roi!*³¹ Во Франции этим возвещали незыблемость идеи. В России — зыблемость практики. Не «единого владыку» провожала и встречала Россия конца XIX века, а запутанный во влияниях и настроениях, в случайностях и роковых сплетениях комплекс власти, названный самодержавием.

К приходу Александра III комплекс этот ощущался Россией почти болезненно. Самодержавие как державность висело на ниточке. Если в народной толще в этом еще не разбирались, то разбирались в этом слои третьего сословия и вся русская интеллигенция. Трещину между самодержавием и державностью пыталась замазать «диктатура сердца». И не успела.

Если бы Александр III после рыданий над прахом отца возвестил о принятии к исполнению воли покойного, расшатанная двуликостью российская державность была бы, может, восстановлена. И народ ведал бы, что у него «один владыка», — один не в смысле единоличности, а в смысле идейной преемственности. Но Александр III понял царскую власть как личную прерогативу, державность как орудие этой прерогативы, а вверенную ему промыслом страну как вотчину, границы и мирное житье коей он призван охранять. Менее всего

этот честный хозяин всероссийской вотчины заботился об идейной преемственности русской власти и более всего — о ее практической сущности.

Державность и приватность

То, что называют реакционностью царствования Александра III, выявлялось постепенно, по мере того, как испарялась из этого царствования державность. А державность испарялась не параллельно сгущению деспотизма, в котором обвиняют этого монарха. И Петр, и Александр I были деспотами, не говоря уже о Николае I; но при них не чувствовалось такого падения российской державности, как при последних Романовых. Николай I не вынес геройского падения Севастополя, а его правнук не прекратил партии в теннис при вести о позоре Цусимы³². Кучу ошибок наделали Павел и три его преемника, но царствования их были все же до известной степени державными. И это чувствовал Запад. Обаяние российской державности не могли затушевать вдохновенные, проникнутые ненавистью лекции Мицкевича³³ в первой половине XIX века и псевдонаучное русофобство Каутских и Рорбахов во второй его половине³⁴. Несколько жестов Александра III, напоминавших о былой русской державности, приводили в трепет Бисмарков и Солсбери и весь насторожившийся перед восточным колоссом Запад. Но, увы, это были лишь отблески тех молний, что сверкали под стенами Севастополя, на Шипке и у врат Царьграда. Когда русский царь братался с черногорским авантюристом, когда он удил рыбу в финских шхерах, а в Дании упражнялся в цирковой борьбе со своими кузенами, Запад с тревогой на него косился. Но тревога эта исчезла после заключения франко-русского союза. Не потому ли, что этот, казалось бы, серьезнейший акт царствования Александра III сорвал с него ореол державности?! ...

Союзом с Францией, т[о] е[сть] Востока с Западом, манили русских царей и Наполеон I, и Наполеон III. Перспективы этого союза тогда, на заре XIX века, были шире, чем в конце его, — тогда ведь дело шло о мировой гегемонии. Но она не соблазнила ни Александра I, ни Александра II, — не соблазнила, кажется, потому, что российская державность, не будучи ни у кого под сомнением, не нуждалась в подтверждении. Франко-русский союз Александра III разубедил Запад в самодовлеющей мощи русской державности. Трепетавший при тосте Александра III за князя Черногорского, Запад остался спокойным при тосте его за Францию. Мало того: в ответ на франко-русский союз Австрия развернула свои планы на Ближнем Востоке, Англия — на Дальнем, а Германия — и тут и там. Ведь только после тостов Кронштадта и Тулона выглянул впервые призраком мировой войны.

Франко-русский союз был расценен человечеством не только как признак слабости России, но и как вульгарная денежная сделка³⁵.

Вопрос этот еще не назрел для истории. Но, кажется, и теперь уже можно сказать, что сила России в ее одиночестве. А это одиночество подсказывалось державностью русских царей.

Если державность в управлении страной идентична идейности и преемственности, знаменуя собой некое сращение воли одного с волей коллектива, некое растворение настоящего в прошлом и будущем, проникновение в историю своей страны и просочение ее философией, то такой державности в Александре III было не только меньше, чем у его отца Александра II, но даже меньше, чем у его деда Николая I.

Александр III был типичным индивидуалистом, не впитывавшим соки своего народа и не воплощавшим собой его истории, а, наоборот, посылавшим соки своей личности возглавлявшемуся им народу, — был царем, делавшим историю России. И это при всей его честности, прямоте и благожелательности. Рисунок этот повторился в его сыне Николае II. Но первые штрихи его наложил Александр III.

Отвергнув психологию своего народа (стремление к свободе), он стал на страже его физиологии — т[о] е[сть] этнографического и географического единства. Александр III ни в каком случае не допустил бы Россию до войны; да при нем никто бы и не решился ее начать. Но этим и ограничивалась державная воля этого венценосца. Что делать с миром, как использовать капитал русского величия, нажитый мирным трудом, он не знал. Да и знать не хотел. Ибо — «с луны щей не хлебают».

С гораздо большей рельефностью приватность царствования Александра III проявилась в его внутренней политике. Преднамеренной реакционности, как уверяют левые круги России и Европы, в нем не было, — была только инертность доброго, хотя и заблуждавшегося хозяина, был уклон физически сильного и морально уравновешенного семьянина к довольствованию тем, что Бог послал. Лишенный личного честолюбия, в отличие от своего сына, Александр III не был честолюбив и для России.

Православие, самодержавие и народность

В царствование Александра III эти три устоя царизма потерпели, в той или иной степени, значительный сдвиг.

Реформы Александра II православия не коснулись. Фундамент русской гражданственности осторожно (умышленно или нет) обошел церковную ограду. Вслед за гражданственностью обошла эту ограду и русская культура. Об этом возвестили из зала министерства народ-

ного просвещения первые бунтари русской церковности — участники религиозно-философских собраний (Розанов, Мережковский и Ко)³⁶. На одном из последних собраний этого общества один из его столпов заявил:

— Церковь перестала себя чувствовать госпожой мира. И вступила в борьбу с культурой, несущей положительную концепцию жизни, но уже не религиозную...

Открытие это было сделано при сверхреакционном управлении Россией Сипягиным, под благословением высших иерархов православия (тогда же Розанов прочел свой доклад, высмеивавший «Сладчайшего Иисуса», а Мережковский возвестил эру «оплотнения духа»).

Русская революция началась с церковной ограды. И спасовал перед ней сам Победоносцев, — спасовал после того, как сдвинул русскую политику от Лориса к гр[афу] Толстому. Восприняв из рук Победоносцева самодержавие, Александр III потерял православие. От первого звена уваровской формулы остались лишь внешние его атрибуты, с канцелярией в стенах Св[ятейшего] Синода и сонмом чиновников в клобуках и без оных. Православие как «устой» русской государственности было к концу XIX века изжито. Да и весь этот век прошел для православия в ряде компромиссов с самодержавием. Кое-как перевалив за схизму Влад[имира] Соловьева, за «паралич» Достоевского, за толстовство и всякого рода церковные бунты, православие стало привеском к самодержавию. Выветренная от церковности, неограниченная власть представляла собой нечто вроде топи, по которой в поисках выхода Александр I бросался от Сперанского к Аракчееву, от Татариновой к Фотию³⁷. На эту топь вступил Николай I с дубиной, а Александр II — с реформами.

Александр III не решился ни на дубину, ни на реформы. Понадеявшись на свои сильные плечи, этот гигант захотел протащить на них оба «устоя» русской государственности, решительно ничем тогда уже, кроме свода законов, не спаянные. А его непосредственной заботой стало самодержавие. Чем же оно оказалось в руках, гнувших подковы?

Рычаг неограниченной власти не был при Александре III укреплен ни на одной прочной точке. Власть лежала возле царя, как его корона и скипетр. Александр III любил домашний уют. К этому домашнему уюту он приладил и самодержавие. Будучи добрым хозяином доставшейся ему бескрайней вотчины, он обходил и объезжал эту вотчину со сворой приближенных и с кремневым ружьем — не решаясь проникнуть вглубь ее. Девиз брата «С луны щей не хлебают» был и его девизом. Щи он заменил московским калачом. Познание России — русским кафтаном. Самодержавие как идею и историческую фазу он вместил в два слова: «быть по сему».

Один из братьев Поляковых, получив звезду и чин тайного советника³⁸, восклицал:

— Ах, самодержавие, что это за сила! Европа может сгнить, пока ее парламент раскачается, а у нас — «быть по сему!» Указ в десять строк, и вся деревянная Россия перестроится в каменную, соломенные крыши сменяются железными, и каждая изба потонет в цветнике.

Под самодержавием Поляков подразумевал державность. Но именно ее-то в самодержавии Александра III и не было, ибо если бы она была, то раньше соломенных крыш следовало бы сменить весь внутренний строй России, вместо цветов насадить гражданственность, а вместе с грамотностью дать продолжение и увенчание реформ Александра II. Александр III стоял перед дилеммой: продолжать дело своего отца, т[о] е[сть] пожертвовать самодержавием ради державности, или пожертвовать державностью ради внешних форм самодержавия? Послушав своих советников, он выбрал второе и, будучи честным, старался пронести эти формы сквозь недоступные ему загадки русского сфинкса.

И, наконец, — народность! Внешность Александра III, его сила и простота давали повод считать его в полном смысле слова царем народным. Репутация эта укрепилась за ним и на Западе. Но в чем же после раскрепощения 120 мил[лионов] рабов, когда открылось необозримое поле для превращения этих рабов в свободных граждан, в чем проявилось народничество этого царя? Мы не склонны здесь нанизывать меры, продиктованные царю дурными советниками. Ошибались и правители Запада. Однако при всех ошибках Людовика XVI, Филиппа Эгалитэ³⁹, Гогенцоллернов, Габсбургов и других западных владык их стремление к повышению народного благосостояния и поднятию гражданственности с целью опоры власти на народ было несомненным. Революции на Западе делались не народами, а скорее вопреки воле народов — третьим сословием. Что сделано при Александре III для укрепления в народе его гражданских и имущественных прав, т[о] е[сть] для создания в нем прочного фундамента царской власти? Если не считать института земских начальников и учреждения Крестьянского банка как орудия борьбы Витте с дворянством — не было сделано решительно ничего⁴⁰. Зато — водочная монополия, отравившая народ, и церковно-приходское обучение, скомпрометировавшее земское, наряду с эксцессами произвола земских начальников, отшвырнула 120 мил[лионов] бывших рабов к временам его рабства. Достаточно прочесть книгу одного из бывших земских начальников — Родионова («Наше преступление»), чтобы осознать, чем стал русский народ, «осенивший себя крестным знаменем», под дланью правдолюбивого и трудолюбивого хозяина русской вотчины⁴¹. И самые экономические реформы Витте, начав-

шие в России эру государственного коллективизма, разве они были направлены к поднятию народного благосостояния, а не к оборудованию денежной силой никшего самодержавия?!

У Александра III были: чувство власти, чувство миролюбия и чувство народной стихийной силы. Но эти чувства, не будучи переработаны в горниле сознания во всепоглощающий долг, в основу мировоззрения, в логику бытия, ни к чему его не обязывали. И консервативность, и самобытность этого венценосца были явлениями случайными, не имевшими корней в прошлом и не устремленными в будущее: как ни молод он был в эпоху великих реформ, он не только против них не протестовал, но, вместе с братом своим Николаем, разделял преклонение перед ними. Как ни антипатичны были ему немцы, он сознавал, что без них русскому материальному прогрессу не сдвинуться. Приходится допустить, что и консерватизм, и национализм этого царя были явлениями, не связанными с державностью и народолюбием, а со свойствами личности. Более чем Людовик-Солнце, Александр III мог сказать, да и говорил себе: «Государство — это я»⁴².

В. Г. ЧЕРНУХА

Император Александр III: его жизнь и характер, политика и ее оценка

Для судеб России большое значение имели особенности характера и деяния российских монархов конца XIX — начала XX века, поскольку в это время с особой остротой встала проблема приспособления страны к меняющимся глобальным условиям существования государств. Именно поэтому споры вокруг фигуры и политики императора Александра III, на правление которого пришлось время политической стабильности и отсутствия войн, с одной стороны, а с другой — нарастание внутренних и внешнеполитических сложностей, оказались в центре внимания историков и читателей.

Император Александр III родился 26 февраля 1845 года от брака наследника престола великого князя Александра Николаевича (будущего Александра II) с немецкой (дармштадтской) принцессой Максимилианой-Вильгеминой-Августой-Софией-Марией, принявшей при крещении имя Марии Александровны. Но в отличие от своего отца, Александра II, великий князь Александр Александрович в течение 20 лет вовсе не был наследником престола. Он был вторым сыном цесаревича, а первенцем был его брат — Николай Александрович, родившийся полутора годами ранее. Для родителей и деда Николая I эта очередность многое значила. Николай I, понимавший всю важность наличия наследника престола как гарантии государственной стабильности, был просто счастлив. Сам он много занимался своим преемником Александром II, и его подготовленностью к государственной деятельности. В отличие от своего отца Александр II был слишком занят, особенно на первых порах после воцарения, государственными обязанностями, обусловленными неудачной Крымской войной, падением в связи с этим престижа царствующей династии России на международной

арене, финансовым кризисом, давно осознанной необходимостью отмены крепостного права и т. д. Заниматься воспитанием многочисленных детей он не мог, и эта обязанность легла на императрицу Марию Александровну. Однако и она не могла в полной мере заниматься детьми, которые были отданы в руки многочисленного обслуживающего персонала. Император Александр III в детстве не получил семейного внимания, что оказало на него заметное воздействие. В детстве Александр Александрович не был ни красивым, ни забавным ребенком. Его считали упрямым, неумным, неловким и необразованным мальчиком. Очевидно, это сказалось впоследствии на характере мальчика, не добравшего семейной ласки и родительского внимания. Его кумиром был старший брат, цесаревич великий князь Николай Александрович, а к матушке он сохранил навсегда наибольшую привязанность. Два старших брата были очень дружны, но воспитывались по-разному.

Александр II воцарился после смерти Николая I в феврале 1855 года, когда старшему сыну, родившемуся в 1843 году, еще не исполнилось и 12 лет, и встал вопрос о его целенаправленном образовании. В связи с необходимостью спешного заключения мира в обстановке проигранной войны на первый план стал выдвигаться российский дипломат А. М. Горчаков¹. На него и возложили составление «программы» обучения наследника престола, а в качестве его наставника он предложил В. П. Титова, известного своей деятельностью на дипломатическом поприще. Все внимание императрицы было приковано к старшему сыну. Она была озабочена его теоретической и практической подготовкой к будущему царствованию, и этим отчасти объясняется ее отход от воздействия на российскую внутреннюю политику, тем более что Александр II был настроен очень ревниво к собственной репутации. Александр II относился гораздо консервативнее к проблемам политическим и к собственным детям, нежели императрица, был довольно суров к наследнику престола, которого называл «молокососом»², и именно из-за несогласия с царем В. П. Титов лишился своей должности наставника. Александр II отверг новаторские идеи практической подготовки Николая Александровича.

Наследник престола, дважды дававший (по достижении 16-ти и 21-го года) присягу верности Отечеству и царю, в России играл обычно небольшую роль, поэтому интерес представляет тот факт, что князь В. П. Мещерский пытался оказать воздействие на двух старших сыновей императора, принимая их в своем салоне («кружке»), где собирались люди славянофильско-националистического толка: И. С. Аксаков, Н. С. Лесков, М. Н. Катков, В. П. Мещерский, Ф. М. Достоевский. По воспоминаниям современников, цесаревич Николай Александрович был человеком скорее либерально-

западнического склада, но, очевидно, на великого князя Александра Александровича эта обстановка оказала свое влияние.

Наследник — цесаревич Николай Александрович — скончался в Ницце в апреле 1865 года, где намеревался вместе с заболевшей чахоткой императрицей провести зиму. К этому времени он уже был помолвлен с датской принцессой Дагмарой и был болен церебро-спинальным менингитом, который российские лейб-медики не сразу распознали. В Ниццу была вызвана вся активная часть российской правящей династии, включая императора и следующего брата — Александра Александровича. Прибыли в Ниццу и Дагмара со своей матерью. На руках родственников наследник Николай Александрович скончался³.

С апреля 1865 года начинается новый этап в жизни Александра III — наследнический. Изменение в его судьбе и переход к нему статуса наследника престола означало перестановку в правительственных кругах и вызвало усиленные стремления огорченных родителей наверстать пробелы в образовании наследника-цесаревича.

Смерть Николая Александровича была ударом для Александра Александровича, который не любил школьных занятий, не готовился к царствованию, считая (справедливо!) его бременем, и признавался, что его беззаботная жизнь кончилась и что на него свалилась тяжкая «ноша»⁴. Смерть наследника Николая Александровича изменила статус и жизнь следующего мальчика из царствующей семьи. Александр Александрович был тут же объявлен наследником престола, царская семья, отправив тело Николая Александровича морем в Петербург, вернулась в столицу.

К тому же при самодержавии существовало стойкое убеждение, что наследник обретает основательность и зрелость, понятные подданным, лишь вступив в брак, обеспечивающий устойчивое семейное положение и наличие наследника престола. Великий князь Александр Александрович сразу испытал на себе давление отца, решившего женить его на невесте старшего брата. Положение осложнялось тем, что этот увалень, крупный и грузный человек, переживал юношескую влюбленность в хрупкую фрейлину княжну Марию Элимовну Мещерскую и готов был отречься от престола, о чем сообщил отцу. Однако тот категорически отверг кандидатуру Марии Элимовны.

Следуя воле императора, Александр Александрович уже в 1866 году женился на невесте брата датской принцессе Дагмар. Возможно, смягчению его позиции в деле женитьбы способствовало присущее ему чувство долга и нежная привязанность к покойному брату. Со свойственной ему прямоотой наследник престола признался Дагмаре в своем чувстве к Марии Элимовне, а Дагмара, в свою очередь, рассказала, что была влюблена в его брата Николая Александровича. Возможно, это способствовало сближению молодых людей. Визит Алек-

сандра Александровича в Копенгаген пришлось на первую половину 1866 года, а уже в октябре в Петербурге Мария Федоровна (такое имя получила принцесса Дагмара) обвенчалась с наследником престола. П. А. Валув, участвовавший в церемонии еще в качестве министра внутренних дел, записал в дневнике за 28 октября 1866 года: «В начале 2-го часа состоялось по обычному чину бракосочетание цесаревича и новой цесаревны <...> Все обошлось чинно и благополучно и порядок соблюден <...> Никогда я не видел дворца <...> так наполненным. Одна императорская семья состояла сегодня из 8 великих князей, 6 великих княгинь, 3 великих княжен (считая невесту), 5 принцев и 1 принцессы, а всего с их императорскими величествами 25 особ <...> Великую княгиню Марию Федоровну я сегодня видел в первый раз утомленною и как будто утратившую ту силу воли, которая до сих пор брала верх над всем, что она испытывала <...> Видел из окон моего дома дальний блеск того церемониального поезда, который в 11 часов вечера из Зимнего дворца следовал в Аничков»⁵. Аничков дворец, куда отвезли новобрачных, был в то время резиденцией наследника и стал обиталищем этой семейной пары на долгое время, включая и период его правления.

Мария Федоровна оказалась удачным выбором для наследника, а затем и царствующего императора Александра III. Она умело держалась, не вмешивалась в дела государственного управления, следила за домом и детьми. В семье цесаревича родилось шестеро детей: только один из них, Александр, умер во младенчестве, не достигнув и месячного возраста. Остальные пятеро: Николай, Георгий и Михаил и дочери Ксения и Ольга составили царскую семью. Мария Федоровна часто смягчала резкости мужа, Александр III снисходительно относился к такой ее слабости, как страсть к танцам (она самозабвенно плясала на балах, устраиваемых и в Аничковом дворце и в аристократических домах), была строга к семейной неверности и не скрывала своего осуждения, когда Александр II после смерти императрицы Марии Александровны обвенчался тайно со своей давней фавориткой, даровав ей и их детям титул светлейших князей Юрьевских.

Мария Федоровна пользовалась любовью и почтением следующего императора Николая II, который часто навещал ее в Гатчине, считавшейся собственностью семьи. Там же бывали при Николае II и другие члены императорской фамилии.

Кончина сына Николая заставила императора Александра II внимательнее отнестись к следующему сыну, ранее находившемуся в небрежении. Император как будто осознал зыбкость надежд на стабильность. Он начал с того, что попытался возместить пробелы в обучении сына: к нему были приглашены в качестве учителей Н. Х. Бунге, Б. Н. Чичерин, А. И. Чивилев, назначенный настав-

ником, К. П. Победоносцев, С. М. Соловьев. Хотя процессу теоретического обучения нового наследника престола и препятствовал его ранний брак, на этот раз отношение к учебе у великого князя Александра Александровича было гораздо более осмысленным, ибо он стал взрослее и, кроме того, увидел настоятельную потребность в знаниях, в том числе и российских законов.

Александр II, кроме того, назначил нового наследника престола членом высших государственных учреждений: Государственного совета, Комитета министров, Совета министров. Здесь цесаревич знакомился с министрами, административной и законосовещательной практикой, приемами и правилами управления. Император брал наследника с собой в поездки по России, что обеспечивало последнего и необходимыми сведениями в области местного управления и самоуправления. Заботясь о преемнике, Александр II назначил его во главе комиссии, занимающейся организацией помощи крестьянству, пострадавшему от неурожая 1867 года. Наследник собирал пожертвования, имел доступ к казенным средствам, закупал зерно по твердым ценам. Цесаревич удостоился одобрительного рескрипта и монаршей благодарности на этом посту, зато действия Министерства внутренних дел были осуждены как недостаточные, и министр П. А. Валуев вышел в отставку, поскольку, как считалось, не принял своевременных мер поддержки крестьянства.

Заслуживает упоминания и роль будущего императора Александра III в создании ученого Исторического общества. К 1865 году в правящих кругах России созрело убеждение в необходимости противопоставить критической точке зрения российской публицистики в ее взгляде на отечественную историю — официальные материалы, которые бы доказывали заслуги самодержавия в историческом прошлом России. Государственная власть видела свою задачу в том, чтобы публиковать такие документы и материалы, которые бы свидетельствовали о прогрессивной роли самодержавия и его институтов особенно в освобождении страны от иноземного ига, в установлении дипломатических отношений с государствами Западной Европы, о заботах самодержавия в отношении российского населения. Поскольку дипломатические документы были труднодоступны для историка-исследователя, находясь в ведомственных архивах, либо в сундуках царской семьи, то новое научное Историческое общество должно было сосредоточить в себе и историков и тех лиц, которые могли бы способствовать как обнаружению, так и публикации исторических документов. Формой такой публикации должны были быть «Сборники», а самое общество стало называться Императорским Русским историческим обществом (вдобавок к Вольному экономическому и Географическому обществам, носившим в своем названии

определение «императорское»). Почетным председателем общества, рабочий элемент которого составляли российские историки, стал наследник престола — цесаревич Александр Александрович. Он обнаруживал склонность к историческим знаниям и занятиям делами Общества, добросовестно и в период своего царствования посещал заседания, устраивая их зачастую в Аничковом дворце. Его преемником в деле председательствования в Обществе стал император Николай II, а при Александре III фактическим двигателем издательской деятельности был А. А. Половцов, избравший себе Г. Ф. Штендмана в качестве помощника. За полувековое существование Императорское Русское историческое общество опубликовало более 100 обширных томов, для которых Александр Александрович извлекал бумаги из семейных архивов.

В конце 1870-х годов наследник престола получил дополнительную управленческую практику, так как отец оставлял его вместо себя, покидая столицу. Тем самым Александр Александрович довольно хорошо познакомился с предстоящим ему «царственным ремеслом». 15 лет наследничества оказалось для него истинной школой практического освоения (к чему он был более склонен) управления страной. Будучи человеком, наделенным «здравым смыслом» (по его собственному выражению), он совершенно сознательно относился к опыту обучения управления Российской империей. Но самым ответственным делом наследника престола стала все же война 1877 года.

В середине 1870-х годов обострилась обстановка на Балканах — территории Османской империи, куда входили и славянские народы: сербы, болгары, черногорцы. Для турецких чиновников территория и население славянских областей традиционно считалась районами, которые можно усиленно грабить. Когда турецкие башибузуки начали обирать христианское население Балкан, там поднялось движение сопротивления, всегда тлевшее в этих областях. Славянские народы с надеждой смотрели на соседнюю сильную Россию.

В Российской империи мнение о формах участия в балканском конфликте раскололось. Снизу шел сбор средств и отправка добровольцев в помощь христианскому населению. Российское правительство занимало сдержанную позицию, опасаясь столкнуться с коалицией западноевропейских держав и финансовыми последствиями дорогостоящей войны. Однако вмешательство в балканские события было России и удобным предлогом для решения традиционных политических задач: захвата Константинополя и проливов из Средиземного моря в Черное. У императора Александра II все время шли совещания о формах участия России в событиях на Балканах. Александр II, как и министры внутренних дел, финансов, военный, зная сложность ситуации, осторожничали, зато наследник-цесаревич и императрица

Мария Александровна настаивали на военном вмешательстве страны в события на Балканах, жизненно важные для христиан Балканского полуострова.

В итоге Александр II решился на войну с Турцией и обратился к ней с жестким ультиматумом, настаивая на облегчении участи славянского населения. Поддерживаемая европейскими государствами Османская Турция отвергла российские условия, и, чтобы отстоять важную для империи репутацию сильной военной державы, Александр II объявил войну. На театр военных действий он отправился и сам, взяв с собою наследника престола. Главнокомандующим был назначен брат императора великий князь Николай Николаевич-старший, вся военная часть императорской фамилии отправилась на популярную в обществе войну во имя освобождения христиан от гнета «неверных». Сам он решил оставаться на Балканском театре военных действий до победного конца, который для России мог состоять в решении давно поставленного вопроса о проливах, чему воспрепятствовала Англия, не желавшая военного усиления России.

В войне наследник командовал так называемым Руцукским отрядом, который должен был воспрепятствовать обходному маневру турок с целью зайти в тыл российским армиям, которые осаждали проходы через Балканы, прежде всего крепость Плевну и перевал Шипку. На русско-турецкой войне 1877 года, которую очень осуждала часть российской администрации, Александр Александрович получил возможность проявить себя в качестве воина, практически познакомиться с военной службой и военной частью командной элиты. Возможно, именно с этих лет идет его неприязнь к военным действиям, ибо турецкая кампания для России обернулась большими потерями и тяжелыми боями.

Александр Александрович на войне обнаружил себя как человек неробкого десятка, гостеприимный хозяин и ответственный военачальник, который сделал все, от него зависящее, чтобы не оставить в тяжелую минуту войска своего отряда, когда на Балканы была вызвана гвардия. В глазах великого князя Николай Николаевич-старший был повинен в том, что он неудачно руководил военными действиями. Наследника наградили боевым орденом Георгия 2-й степени и золотым оружием. На войне он сошелся с рядом военных деятелей (И. И. Воронцовым-Дашковым, П. С. Банковским), которые играли большую роль в последующее время.

Александр II, приняв на себя ультиматум, который означал фактическое начало русско-турецкой войны, вернулся в Петербург лишь после того, как русские войска взяли Плевну. Вернулся он в нелегкую пору развития террористической деятельности народовольцев, недовольства российского общества итогами войны, которые оказались

сведены к минимуму на Берлинском конгрессе, не решив проблем захвата проливов и Константинополя, гарантирующих России власть не только над Черным, но и отчасти над Средиземным морем. Александр Александрович вернулся в Петербург уже после императора, к тяжело больной и доживавшей свои последние дни матери — императрицы Марии Александровны. Из-за матери отношения наследника с отцом в 1870-е годы обострились, Александр Александрович был привязан к императрице Марии Александровне, ее чахотка прогрессировала, она должна была лечиться. Между тем Александр II вскоре после смерти великого князя Николая Александровича вступил в долговременную семейную связь с княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой. Эта связь, принеся императору четверых детей (один из них скончался вскоре после рождения), была очень прочной и глубоко ранила императрицу. Александр II после войны 1877 года, все более старел и уставал от государственных дел, становясь со временем частным человеком. Александр Александрович так и остался в несогласии с новой избранницей отца. Поездка наследника в Ливадию, где император надеялся примирить его с Юрьевской, не достигла цели. В мае 1880 года Александру Александровичу пришлось пережить смерть любимой матери, скончавшейся в одиночестве, так как император предпочел уединиться в Царском Селе с гражданской семьей⁶. Связь императора была темой многих пересудов, отношения наследника с мачехой по-прежнему не налаживались. Сохранялась и угроза коронации Е. М. Юрьевской, с которой император тайно обвенчался в июле 1880 года, как только прошел 40-й день со дня кончины императрицы, и Александр II даже намекал на возможность объявления, в случае оформления законного брака, наследником сына от брака с княгиней Е. М. Юрьевской. Российское высшее общество раскололось, и взрыв брошенной народовольцами бомбы 1 марта 1881 года положил предел такой неопределенности положения⁷.

Александр III приехал из Аничкова дворца и застал истекающего кровью отца еще в живых. Смерть монарха означала немедленное вступление на престол нового императора: так требовал обычай и правила наследственной монархии.

Первые дни нового императора Александра III были заняты теми самыми чисто формальными ритуалами, которые Александр Александрович очень не любил: произнесением традиционных слов, выслушиванием официальных соболезнований и поздравлений с воцарением.

Воцарение для него было совершенно неожиданным и, видимо, сильно выбило из колеи. Ему спешно пришлось обучаться манерам монаршего поведения, с чем он быстро справился; скорее всего, в это время он еще не определил главное направление царствования, но до-

вольно скоро ему пришлось этим заняться. М. Т. Лорис-Меликов, занимавший пост министра внутренних дел и лидирующее положение, взял курс на либеральные уступки и довольно успешно осуществлял его. Окружение императора больше ориентировалось на «премьера» и готово было поддержать его либеральные инициативы. В то же время в дни смены монархов резко возросло влияние и значение К. П. Победоносцева, взявшего на себя роль наставника и защитника консервативных начал⁸.

Несмотря на то что, вступив на престол, Александр III сразу оказался занят многими текущими делами, включая наказание террористов, организацию похорон, удаление из Петербурга столь ненавистной ему семьи Юрьевских и т. д., «молодой монарх», как его называли, счел нужным решить наиболее острый вопрос — о проекте М. Т. Лорис-Меликова, предусматривавшем преобразование Государственного совета в представительное учреждение. Для этого 8 марта 1881 года был собран Совет министров, куда были приглашены С. Г. Строганов и К. П. Победоносцев. Они выступали наиболее непримиримыми оппонентами проекта министра внутренних дел. В этом заседании Александр III не проявил себя в качестве консерватора, оговорив необходимость вернуться к обсуждению вопроса о реформировании верховной власти. Очевидно, в это время он еще проявлял колебания в выборе правительственного курса. Однако, — возможно, уже под влиянием К. П. Побеносцева и других противников каких-либо уступок — новый император издал манифест (29 апреля 1881 г.), где заявлялось о намерении сохранить самодержавие, причем неизбежно. Тем самым высочайшие склонности были проявлены уже откровенно. За этим последовали и отставки М. Т. Лорис-Меликова и его окружения: А. А. Абазы, Д. А. Милютин. Александр III отправил в отставку председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича, затем — в соответствии со своими амбициями — П. А. Валуева (председателя Комитета министров). Он оставил своего прежнего учителя Н. Х. Бунге министром финансов. 1881–1882 годы — это время формирования высшего административного слоя. В 1882 году, после того как министр внутренних дел Н. П. Игнатъев, назначенный на этот пост как «истинно русский человек», следуя либеральному курсу М. Т. Лорис-Меликова, предложил собрать Земский собор как наиболее умеренную форму общественного представительства, император вместо него назначил недавно (в 1880 г.) отставленного графа Д. А. Толстого.

Что касается общего направления политики нового императора, то его никак нельзя характеризовать одним каким-либо термином. В его царствовании, как и в назначениях, отразились сложности переживаемого страной времени. Россия после буржуазных преоб-

разований Александра II довольно быстро оказалась в положении страны, выдерживающей экономическую конкуренцию со странами Западной Европы. Но взгляды самого императора Александра III, воспринимавшего собственную власть как наследие абсолютистского режима в его наиболее откровенной форме, заставляли его вести себя не только в качестве современного главы европейского государства, но одновременно еще и как непререкаемого главы Российской империи (недаром его кумиром стал император Николай I). Значит, его политика должна была носить и носила черты как вполне современного государства, так и архаичные черты средневековой державы.

Особое место в курсе Александра III заняла военная и внешнеполитическая деятельность, он недаром получил номинацию «Царь-миротворец». На протяжении 13-летнего правления этого императора Россия не знала дорогостоящих войн. Традиционно Российский монарх смотрел на внешнюю политику как на сферу личных отношений с главами европейских держав. Не было исключением и правление Александра III. Он вел личную переписку с главами государств, очень сердился, если они (как и вообще государственные деятели) поступали не так, как ему хотелось, не стеснялся называть их хлесткими именами: «скот», «обер-скот», «дурак», «идиот», «подлец». Российскому дипломатическому ведомству, издавна озабоченному обеспечением благожелательных отношений с соседними державами, император доставлял много хлопот. Недаром В. Н. Ламздорф называл Александра III «августейший дурень», правда, доверив это прозвище только частному дневнику⁹. В сфере внешней политики Александр III сменил традиционный союз России и Германии, обусловленный в очень большой степени родственными отношениями, на связь с Францией и Англией. Союз с Францией сложился в результате неприязни монарха к бисмарковской решительной и националистической политике, к заключенному в 1879 году Германией союза с Австрией, к агрессивному курсу немецкого военного ведомства. Известную роль в этой переориентации должно было сыграть и окрашенное в личную неприязнь отношение к Германии императрицы Марии Федоровны после прусско-датской войны 1864 года, отобравшей у Дании часть ее территории.

В внутриполитическом курсе Александра III можно найти как консервативные, так и либеральные черты, что объясняется ситуацией, сложившейся в России в 1880-е — первую половину 1890-х годов. О его консервативных и даже реакционных мерах во внутренней политике разносторонне и полно писали С. Н. Валк и П. А. Зайончковский¹⁰. Но политика Александра III была намного сложнее, чем только консервативная или либеральная. Действительно, черты консерватизма в его политике найти очень легко: это и университетский

устав 1884 года¹¹, отобравший те научные и учебные свободы, которые были предоставлены российским университетам по уставу 1863 года. Это и неудачные попытки пересмотреть военную и судебную реформы. Зато правление Александр III демонстрирует и продолжение реформ, которые были намечены, но не осуществлены в предшествующее царствование: отмена подушной подати, паспортная реформа, новое учреждение об императорской фамилии¹². Этим и объясняется запись в мемуарах А. Н. Куломзина, что политика Александра II не ясна для императора в ее магистральном направлении¹³.

Александр III не боялся сохранять в министерском корпусе антиподов — Н. Х. Бунге и Д. А. Толстого, ибо был совершенно уверен в своем праве и назначать и отстранять министров, несколько не боясь, как его преемник, что кто-либо из бывших бюрократов может «заслонить» фигуру самодержца. Авторитаризм Александра III выразился и в том, что он предпочитал проводить дела через Комитет министров вместо длительного обсуждения их в Государственном совете. Для Государственного совета, заседавшего ранее в залах Зимнего дворца, было куплено здание Мариинского дворца.

Александр III не затруднял себя куртуазностью. Он откровенно выражал свои взгляды и намерения. Он, как натура прямая, не любил придворных формальностей и приемов, и очень рано (уже в марте 1881 г.) отказался от пышности Зимнего дворца в качестве постоянной императорской резиденции. После вступления на престол Александр III продолжал жить в более скромном Аничковом дворце, а загородной резиденцией избрал Гатчину, с ее отдаленностью от столицы, самой слабой подготовленностью к приему должностных лиц и как резиденции с неопределенным статусом полуказенной, получастной, переходящей по частному завещанию. Гатчина после Павла I в качестве летней резиденции монарха и дворца использовалась мало. Обычно ее населял двор на одну или две недели перед возвращением двора после летнего сезона в столицу, к зимним занятиям.

Александр III был хорошим семьянином, любящим отцом и мужем. Он сравнительно быстро усвоил особенности управления Россией с помощью высшей бюрократии и не терпел возражений. В его царствование Россия столкнулась с необходимостью все более считаться с наличием в стране «пролетариата», существование которого еще недавно ставилось под сомнение. В общий круг его представлений легко вписывается точка зрения на неравноправие женщин, что выдало закрытие высших частных женских курсов, кроме Бестужевских¹⁴. Монарх слишком надеялся на особенности России, которые позволят ей продержаться в режиме неограниченного самодержавия, но допускал некоторые неизбежные поновления. При нем (и он поставил свою подпись под принятыми законами) были приняты акты,

регламентирующие детский и женский труд, а также деятельность фабричной инспекции¹⁵.

В тесной связи с его «рабочей» политикой находились и его взгляды на российскую экономику и государственную власть: Александр III считал нужным заниматься благоустройством крестьян как наиболее надежного для власти сословного слоя. Возможно, его представления о необходимости что-либо сделать для крестьянства шли еще с тех времен, когда он наследником находился во главе Рущукского отряда и видел тяготы солдатского положения, вызывавшего его симпатии. Его крестьянская политика (1880-х гг.) предусматривала и осуществляла: понижение выкупных платежей, создание Крестьянского банка, отмену подушной подати и паспортную реформу — все они с легкостью вписались бы в либеральные преобразования Александра II. Однако в переселенческом вопросе его законы свелись лишь к упорядочению актов, уже существующих, в деле же создания института «земских начальников» Александр III пошел против умеренных возражений И. И. Воронцова-Дашкова, считая необходимым вернуть крестьянство под надзор помещиков. Он же обратил внимание на необходимость освоения Сибири и поручил С. Ю. Витте обеспечить ускоренное строительство Сибирской железной дороги, в ходе которого была освоена территория вдоль магистрали и облегчен процесс переселения крестьян, разрешение на которое давалось министерствами государственных имуществ, внутренних дел и финансов, а позже утверждалось Комитетом министров¹⁶.

В его правление процветали идеи государственничества, что вызвало стремление сосредоточить в своих руках находившиеся в частном владении железные дороги и грузоперевозки¹⁷. Следствием этого стало приглашение С. Ю. Витте в Министерство финансов, где был учрежден особый Железнодорожный департамент. С. Ю. Витте возглавил департамент в 1889 году, вскоре после железнодорожной катастрофы под Борками, когда ехавшая на юг императорская семья прошла через крушение, обусловленное превышением скорости «царского» состава, о чем окружение монарха не смело и заикнуться, но чему воспротивился служивший на Одесской ветке С. Ю. Витте¹⁸.

Согласно закону 1886 года¹⁹ число членов императорской семьи было ограничено внуками императора Николая I: они теряли свои правовые привилегии и причитающееся им финансовое обеспечение из Удельного ведомства. Вообще, как писал верный почитатель Александра III С. Ю. Витте, Александр III умел держать великих князей «в респекте»²⁰. Российские великие князья составляли особую группу высшего российского общества. Они, отражая противоречивость нового времени, все более освобождали себя от обязанностей, налагаемых на них принятым еще во времена Павла I, в 1797 году,

Указом об императорской фамилии, в частности соблюдения права о заключении браков, и все чаще вели себя не считаясь с условностями. Зато они требовали особого отношения к себе, надеялись на семейную близость к императору, стремились жить по-царски, иметь дворцы, почет, важные должности. Александр III действительно умел им отказывать. Он ограничил заботу своими братьями, из которых Алексей стал генерал-адмиралом, т. е. главой российского флота, вместо уволенного императором со всех занимаемых постов великого князя Константина Николаевича²¹. Брат Сергей Александрович был им назначен московским генерал-губернатором. Владимир был им поставлен во главе Академии художеств, а его заместителем и реальным работником был назначен граф И. И. Толстой²².

Все это не отменяет того выясненного усилиями предшествующих поколений историков факта несоответствия императора Александра III требованиям времени. Оно нуждалось в сложных и многочисленных решениях, а император с его нравом дореформенного помещика тяготел к поступкам простым и проверенным временем. Тем самым за основу бралась не политика нового времени, а средневековая архаика, с каждым днем обнаруживавшая свою несостоятельность и одновременно неотвеченность власти, стремящейся все сосредоточить в своих руках.

КОММЕНТАРИИ

I

ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ

А. В. Никитенко

Дневник
<Фрагмент>

Впервые дневник А. В. Никитенко с сокращениями был опубликован на страницах журнала «Русская старина» в 1888–1892 гг., отдельное трехтомное издание вышло в 1893 г., полный текст издан: *Никитенко А. В. Дневник*. В 3 т. Т. 1, 2. Л., 1955. Т. 3. Л., 1956 / Подготовка текста И. Я. Айзенштока. Фрагменты из дневника А. В. Никитенко печатаются по: *Никитенко А. В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 233.*

Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) начал вести дневник с четырнадцатилетнего возраста. Сын крепостного крестьянина, стараниями отца получивший образование, он еще в юности оказался в центре общественно-политической жизни. Судьба свела молодого человека с будущими декабристами, благодаря хлопотам К. Ф. Рылеева он получил свободу. Так Никитенко смог продолжить учебу и окончить в 1828 г. университетский курс. Александр Васильевич остался преподавать в Петербургском университете, посвятив себя российской словесности, а затем стал сочетать преподавательскую и научную деятельность (вершиной которой явилось звание академика) с обязанностями чиновника цензурного ведомства.

Дневник Никитенко отличают не только значительный временной период (1826–1877), но и аналитичность мышления автора, способность трезво оценивать происходящее, передать дух эпохи. Служебные занятия и научные интересы сводили А. В. Никитенко с литераторами, учеными, чиновниками, давали возможность одним из первых узнавать новости общественной и политической жизни, быть в курсе событий, происходивших при императорском дворе и в семье монарха.

Не очень пространный, но эмоционально насыщенный дневниковая запись А. В. Никитенко отражает положение младших братьев наследника престола

в 1860 г. — великих князей Александра Александровича (будущего императора) и Владимира Александровича, находившихся на «втором плане» императорской фамилии. В центре внимания царской семьи и ее окружения находился старший сын Александра II, цесаревич Николай Александрович. Родители, относившиеся к своему первенцу с особой любовью (особенно императрица Мария Александровна), и наставники, восхищавшиеся способностями великого князя Николая Александровича, видели в нем будущее страны. Младших братьев сознательно держали в стороне. Одной из причин было стремление императрицы избежать соперничества, какое существовало в общественном мнении между Александром II и его младшим братом великим князем Константином Николаевичем, казавшимся многим современникам способнее императора.

Более пристальное внимание к воспитанию великих князей Александра Александровича и Владимира Александровича в императорской семье стали проявлять, когда будущему Александру III минуло пятнадцать лет, характер его уже сложился, и исправление недостатков воспитания представляло очень сложную задачу. В 1860 г. произошла смена воспитателей великих князей Александра и Владимира: вместо генерал-адъютанта Н. В. Зиновьева был назначен гр. Б. А. Перовский. Эта кадровая перестановка означала смену педагогической системы, в которой значительное место стало отводиться не только военному делу, но и научному образованию и нравственному развитию. Общее руководство научным образованием стал осуществлять доктор политической экономии А. И. Чивилев, в число преподавателей были приглашены историк С. М. Соловьев, филологи Ф. И. Буслаев и Я. К. Грот, экономист И. К. Бабст, правед К. П. Победоносцев и др.

Н. П. Литвинов

<Дневник. 1861–1862 годы>

<Фрагменты>

Впервые: Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 443–536 / Публикация С. С. Атапина и В. М. Лупановой. Печатается по этому изданию. С. 448–465, 474–479, 482–486, 492–499, 502–527, 530–536.

Литвинов Николай Павлович (1833–1891) — генерал-лейтенант. Входил в состав лиц, опекавших царских детей. Когда они достигали школьного возраста, у них появлялись учителя, сменявшие один другого, люди временные. Но при царских детях еще до учителей складывался круг постоянных воспитателей — из людей военных. Воспитатели заменяли обычных гувернеров, как правило, приставляемых в то время к дворянским отпрыскам. Воспитатели находились при своих подопечных неотлучно, следя за их здоровьем, играми, занятиями, сопровождая во всех поездках, обеспечивая игры, учебные занятия и т. п. Они наказывали провинившихся и поощряли отличившихся, объясняли, рассказывали, отвечали на вопросы, советовали, наставляли. Н. П. Литвинов был даже не воспитателем, а, по молодости лет, помощником воспитателя второго и третьего сыновей Александра II — Александра (будущего Александра III) и Владимира.

Н. П. Литвинов не самая заметная фигура среди воспитателей Александра III, но зато он оставил дневниковые записи за 1860-е гг. Николай Павлович искренне переживал за нравственное развитие великих князей, стремясь исправить их недостатки, действовал не окриком или морализаторством, а мягким, но неуклонным наставлением и собственным примером. Поставив перед собой цель нравственного совершенствования великих князей, Н. П. Литвинов подчинил ей все свои занятия, в том числе и ведение дневника. Николай Павлович не столько фиксировал события, сколько анализировал успехи и промахи питомцев, отмечая, что удалось сделать, а над чем предстоит работать.

Со страниц дневника Н. П. Литвинова перед читателем встает образ шестнадцатилетнего подростка — будущего императора Александра III, немного взбалмошного, эмоционального, но добродушного и отходчивого, не слишком задумывающегося о жизни, но безапелляционно изрекающего свои суждения, что свойственно этому возрасту. В характере великого князя Александра Александровича проступают черты будущего императора: преподавателям удалось восполнить пробелы в его образовании, однако склонность к грубоватым шуткам и эпатажным выходкам, которые без восторга воспринимались окружающими, осталась у Александра III на всю жизнь, также как сохранилась проявившаяся в юношестве любовь к истории, игре на корнете и физическим упражнениям.

¹ Поэма «Песнь о моем Сиде» — средневековый эпос, памятник испанской литературы.

² *Буфонствовать* — паясничать (от итал. *buffonata* — шутовство, паясничанье).

³ Имеется в виду сочинение историка Н. И. Костомарова «Богдан Хмельницкий».

⁴ Господин Реми (*фр.*).

⁵ Поэма французского писателя Ф.-О. Шатобриана «Мученики» о первых веках христианства.

⁶ 19 августа великие князья выехали в Москву, где пробыли до 27 августа.

⁷ Великие князья остановились в Большом Кремлевском дворце, построенном по проекту архитектора К. А. Тона в 1838–1849 гг.

⁸ Речь идет о Палатах бояр Романовых — постройке конца XV–XVII вв., сохранившейся от городской усадьбы бояр Юрьевых-Романовых в центре Москвы. В 1856 г. по решению императора Александра II в старинных палатах начались работы по созданию музея.

⁹ Воскресенский Ново-иерусалимский монастырь был основан патриархом Никоном в 1656 г. недалеко от Москвы как воссоздание комплекса Святых мест Палестины.

¹⁰ *Игумен* — настоятель монастыря.

¹¹ *Ризница* — помещение в церкви для хранения риз (облачений священников) и церковной утвари.

¹² *Придел* — особый алтарь в храме. Храм Гроба Господня в Иерусалиме разделен между шестью конфессиями христианской церкви — греко-православной,

католической, армянской, коптской, сирийской и эфиопской, — каждой из которых выделен свой придел.

¹³ Старший сын Александра II великий князь Николай Александрович.

¹⁴ *Чичероне* (от итал. *cicerone*) — проводник, показывающий туристам достопримечательности и рассказывающий о них.

¹⁵ Так в тексте. Очевидно: Иван Михайлович (примеч. С. С. Атапина и В. М. Лупановой).

¹⁶ *Литургия* — название главнейшего из христианских богослужений.

¹⁷ Речь идет об отъезде царя Петра Алексеевича из Москвы в Троице-Сергиев монастырь в 1687 г., поводом к которому стало известие о заговоре стрельцов во главе с Шакловитым с целью возведения на престол царевны Софьи. Заговор провалился, перевес сил оказался на стороне Петра Алексеевича. В результате Шакловитый был казнен, власть сосредоточилась в руках Петра I.

¹⁸ С XV в. село Коломенское было царской вотчиной. Во второй половине XVII в. в селе Коломенском для царя Алексея Михайловича был построен деревянный дворец, разобранный в 1767 г. Перед окнами дворца стоял небольшой каменный столб с прикрепленным к нему ящиком для жалоб и просьб — челобитных грамот. В 1649–1653 гг. в честь столетия взятия Казани в Коломенском был возведен храм с колокольной в шатровом стиле, соединявшийся переходом с царским дворцом.

¹⁹ *Всенощная* — церковное богослужение, совершаемое накануне воскресных дней и отдельных праздников. Объединяет вечернюю и утреннюю службы.

²⁰ Иверская часовня в Москве была построена в 1791 г. при Воскресенских воротах Китай-города архитектором Матвеем Казаковым для списка Иверской иконы Божьей Матери (оригинал находится в Иверском монастыре на Афоне в Греции). После Отечественной войны 1812 г. часовня была восстановлена как памятник победы над Наполеоном.

²¹ Все простые времена и формы (примеч. С. С. Атапина и В. М. Лупановой).

²² Т. е. Николая Александровича (примеч. С. С. Атапина и В. М. Лупановой).

²³ Барон Шиллинг (примеч. С. С. Атапина и В. М. Лупановой).

²⁴ Так в тексте (примеч. С. С. Атапина и В. М. Лупановой).

С. Д. Шереметев

<Воскресные собрания у великих князей в Петербурге>

Впервые мемуары С. Д. Шереметева увидели свет в 2001 г.: Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001 / Составление, подготовка текста и примечания Л. И. Шохина. Печатается по этому изданию. С. 19–22. Примечания Л. И. Шохина.

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) — граф, представитель древнего боярского рода, человек очень богатый. Шереметев был историком-

любителем, чрезвычайно много сделавшим в этой области знаний. Он увлекался археологией, состоял председателем Археографической комиссии, призванной заниматься сбором древних рукописей и публикацией их, почетным членом Академии наук, председателем основанного в 1896 г. Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Общество издавало сборники «Старина и новизна», где были опубликованы некоторые источники к биографии Александра III. Хорошо известен Шереметев и как мемуарист, автор многочисленных очерков о родственниках, малоизвестных членах многолюдной семьи Шереметевых, автор описаний родовых поместий, очерков о поездках по историческим и святым русским местам.

Не сразу Сергей Дмитриевич стал историком, общественным деятелем, государственным мужем (а он был и членом Государственного совета). Начинал он, как большинство молодых людей его времени, с военной службы, считавшейся самым достойным поприщем для лиц благородного происхождения. Шереметев был сверстником Александра III, еще ребенком играл с ним, а в 1868 г. был назначен его адъютантом и несколько лет ежедневно с ним общался. Но и потом они сохранили не просто дружеские отношения. Они были то, что называется, «знакомы домами», и Александр III не раз гостил у Шереметева в его поместьях, в том числе и в кавказском — Карданахе. Словом, предлагаемые читателю воспоминания Шереметева — это мемуары очень осведомленного, близкого и, добавим, очень преданного человека, восхищающегося всеми особенностями государя, даже теми, которые он порицает в других людях. С. Д. Шереметев как представитель старинной российской аристократии был сторонником сохранения вековых сословных традиций, и у него Александр III в канун XX в. ассоциировался с образом именно такого монарха, который олицетворяет и будет защищать любезную ему старину и ее традиции.

¹ Год не указан, оставлено пустое место.

² *Шепелевский дворец* — запасной дом Зимнего дворца (*примеч. сост.*).

³ Речь идет об императоре Николае I (1825–1855) (*примеч. сост.*).

⁴ Крымская война (1853–1856) (*примеч. сост.*).

Н. Н. Фирсов

Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче
и императоре Александре III в юности
<Фрагмент>

Впервые: *Рускин Л.* (Фирсов Н. Н.). Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и императоре Александре III в юности // Исторический вестник. 1909. Т. 115. С. 44–75. Печатается по этому изданию. С. 65–75.

Несхожесть великого князя Александра Александровича с остальными членами императорской фамилии подмечали все близко знавшие его лица. Как в юности, так и в зрелом возрасте император Александр III не терпел ни фамильярности, ни чиновничества. Ему претили церемонии царского двора, в частности, ритуал целования руки, он предпочитал простоту и искренность отношений. Высокое положение всегда было для Александра III тяжким бременем.

Все это отметил в своих воспоминаниях предводитель дворянства Белозерского уезда и земский деятель *Николай Николаевич Фирсов* (1839 — после 1914?), опубликовавший мемуары в журнале «Исторический вестник» под псевдонимом Л. Рускин. По долгу службы ему довелось встречаться с великим князем Александром Александровичем на разных этапах биографии последнего: в ранней юности, когда наследником престола был старший сын Александра II великий князь Николай Александрович, и в молодости, в период наследничества. Записки Н. Н. Фирсова, с одной стороны, свидетельствуют о переменах, которые произошли в Александре Александровиче вследствие изменения его положения, а с другой — отмечают черты характера, оставшиеся неизменными, например, упрямство, нежелание признавать свою неправоту.

¹ Великий князь Николай Александрович, старший сын Александра II.

² Свободны (*фр.*).

³ Мой мужичок (*нем.*).

⁴ Визави (*фр.*) — тот, кто находится напротив.

⁵ Уездный предводитель дворянства — избравшийся на три года глава дворянства уезда. Должность была почетной, так как никакого денежного вознаграждения за службу предводитель дворянства не получал.

⁶ Т. е. председателем губернской земской управы. Должность была выборной, однако председатель управы утверждался в должности министром внутренних дел и считался состоящим на государственной службе. Созданные по реформе 1864 г. земские учреждения были органами местного самоуправления, выполнявшими хозяйственные функции.

⁷ Помещение перед главным залом.

⁸ *Камер-лакей* — придворный лакей.

⁹ *Гофмаршал* — придворный сановник, наблюдающей за порядком во время торжественных собраний при дворе.

¹⁰ Речь идет о музейном городке в Южном Кенсингтоне (South Kensington). После Всемирной Лондонской выставки 1851 г. по инициативе принца-консорта Альберта, супруга английской королевы Виктории, в Южном Кенсингтоне стали создаваться культурно-просветительские учреждения (Политехнический музей, Альберт-холл, Музей Виктории и Альберта, Горная академия) из которых постепенно вырос музейный городок Альбертополь.

¹¹ Альберт-холл (*англ.*) — Лондонский королевский зал искусств и наук имени Альберта.

¹² Оскорбление величества (*фр.*).

¹³ Я должен идти или стоять (*нем.*).

В. П. Мещерский

Письма к великому князю Александру Александровичу, 1865–1867
<Фрагменты>

Впервые: *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М., 2011 / Сост., публ., вступ. ст. и коммент.

Н. В. Черниковой. Печатается по этому изданию. С. 99, 103–104, 113–114, 116–122, 127–128, 152–156, 160–161, 253, 391–392.

Смерть великого князя Николая Александровича означала перемещение следующего по старшинству великого князя Александра Александровича в ранг-наследника цесаревича. Между тем последний не был к этому подготовлен и нуждался в поддержке близкого человека. Таким человеком попытался стать князь В. П. Мещерский.

Князь *Владимир Петрович Мещерский* (1834–1914) — очень колоритная фигура трех последних царствований. При воцарении Александра II он был уже взрослым человеком, а при Александре III и Николае II играл заметную роль в общественной жизни. Более всего В. П. Мещерский известен потомкам как реакционный публицист, редактор-издатель еженедельника «Гражданин». Это была личность настолько одиозная, что писатель Н. С. Лесков, человек весьма умеренных взглядов, писал о нем в 1875 г., в самом начале его журналистской карьеры, И. С. Аксакову: «При его заступничестве за власть хочется чувствовать себя бунтарем, при его воспевании любви помышляешь о другом, даже при его заступничестве за веру и церковь я теряю терпение и говорю чуть ли не безумные речи во вкусе атеизма и безверия» (*Лесков Н. С. Соч. Т. 10. М., 1958. С. 393*). И еще: «Это какой-то литературный Агасфер» (Там же.) Но не все и не всегда так к нему относились.

Юрикович, князь, состоявший в родстве с лучшими фамилиями России, выпускник Училища правоведения, он был беден и должен был поэтому служить, добывая себе хлеб насущный, что и делал десятки его современников из обывшей аристократии, прокладывая путь наверх трудолюбием и терпением. Но не таков был князь Мещерский. Княжеский титул давал весьма обширные связи, честолюбие заставляло искать быстрых путей к высокому положению, бедность в соединении с беззастенчивостью подталкивала к обеспечению себя таким занятием, которое создало бы возможность черпать средства из государственной казны. Первоначально он сблизился с великими князьями Николаем и Александром Александровичами, бывал у них, принимал их у себя. Они с Мещерским переписывались и находили в общении с ним удовольствие, князь Владимира Петровича за его осведомленность по поводу многих дел и интриг, от которых сами были ограждены. Однако бесцеремонность князя в обращении с чужими деньгами, настойчивость в финансовых просьбах, да к тому же еще и нетрадиционная сексуальная ориентация, сопровождавшаяся скандалами, обеспечили Владимиру Петровичу множество недоброжелателей, включая и жену Александра III Марию Федоровну. Хотя сам Александр III относился к В. П. более терпимо и зачастую буквально «снисходил» к его просьбам о встречах или о денежных выдачах, все же он исключил князя, и довольно рано, из круга своих близких знакомых.

Сверх того, В. П. Мещерский был плодовитым автором светских романов (их скорее можно назвать памфлетами), прототипы героев которых были легко узнаваемы. Он оставил замечательные мемуары, целых три тома, построенные по хронологическому принципу и являющиеся чем-то вроде летописи второй половины XIX в.

Письма князя В. П. Мещерского к великому князю Александру Александровичу за 1865–1867 гг. содержат не только наставления юному наследнику

престола, но и отражают эволюцию мировоззрения последнего, приоткрывают его внутренний мир, потрясенный сменой положения, потерей близкого человека, вынужденного отказаться от своих планов на будущее.

¹ Наследник престола, старший брат Александра Александровича, выехал на лечение за границу еще в 1864 г. Однако зимой 1864–1865 гг. его состояние ухудшилось. (Подробнее см.: *Татищев С. С.* Детство и юность Великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 394–442). 4 апреля Александр Александрович выехал к брату в Ниццу. О последних днях жизни Николая Александровича см. также: *Литвинов Н. П.* Из дневника // Исторический вестник. 1907. № 1).

Время написания письма установлено на основе надписи Александра Александровича, позволившей соотнести упоминаемое Мещерским горестное событие со смертью наследника Николая Александровича (12 апреля 1865 г.). Наследник умер вскоре после полуночи, в 10 минут первого 12 апреля. В 1865 г. это был понедельник, выходной день для большинства газет. Тем не менее утром редакция была выпущены особые прибавления с телеграммами за вечер 10 апреля, двумя телеграммами за 11 апреля, а также телеграммой, полученной министром императорского двора в 2 часа 17 мин. утра 12 апреля о смерти наследника. Очевидно, Мещерский сразу же написал соболезнующее письмо, т. к. иначе покинувший Ниццу 17 апреля Александр Александрович не смог бы получить его до отъезда.

² Над текстом рукой Александра Александровича: «Получ[ено] в Ницце 1865 года».

³ См. коммент. 1 (*примеч. сост.*).

⁴ Манифестом 19 апреля 1865 г. великий князь Александр Александрович был объявлен наследником престола и цесаревичем.

⁵ Это и следующее письмо датированы по дневнику Александра Александровича, который приехал в Петергоф из Царского вечером 23 июня. Уже 24 июня вечером он записал: «...прочел письмо В. П., на которое было поздно отвечать, а кроме того, он сам будет сегодня в Сергиевку, и я могу ему на словах сказать больше, чем написать» (ГАРФ.Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 24). На следующий день, в пятницу 25 июня, в дневнике появляется новая запись: «Мещерский мне писал вчера письмо и просил очень ответа, но так как он приезжает сам в Сергиевку, то я нашел совершенно лишним писать ему теперь, а выжду его возвращения в Царское. Впрочем, надеюсь его видеть завтра у себя в Александрии» (Там же. Д. 298. Л. 25).

⁶ Прозвище «Сфинкс» было дано Александру Александровичу в 1865 г., очевидно, из-за его замкнутости, задумчивости и закрытость внутреннего мира от окружающих. В древнегреческой мифологии сфинкс — таинственное, загадочное существо (*примеч. сост.*). Смерть старшего брата произвела в душе Александра Александровича переворот, привела к переосмыслению жизненных целей, отношению к миру, а положение наследника престола накладывало многочисленные обязанности. Неудивительно, что от природы немногословный юноша, не привыкший распространяться о своих переживаниях, стал серьезен и задумчив (*примеч. сост.*).

⁷ Мещерский имел в виду любовь Александра Александровича к фрейлине императрицы Марии Александровны Марии Элимовне Мещерской, дочери известного поэта и дипломата и троюродной сестре самого князя Мещерского.

⁸ Возможно, речь идет о решении Александра Александровича расстаться с М. Э. Мещерской, что потребовало от великого князя немалого мужества (*примеч. сост.*).

⁹ Судя по дневнику Александра Александровича, Мещерский имеет в виду катание вечером 22 июня, о котором сохранилось упоминание в дневнике наследника: «Читали с В. П. в последний раз свой журнал и его тоже. Потом пошли с В. П. на озеро, катались вдвоем на лодке, вечер был великолепный» (Там же. Д. 298. Л. 20 об.).

¹⁰ Год установлен по упоминанию прозвища Александра Александровича «Сфинкс» и его дневнику, где отражена поездка наследника с Н. М. Лейхтенбергским, И. И. Воронцовым-Дашковым и В. П. Мещерским на яхте «Увалень» в Кронштадт накануне, в воскресенье 27 июня: «На дороге мучили страшно бедного поэта с Колей и И. И. в каюте. На дороге завтракали и пили кофе. Вообще провели время очень приятно и весело» (Дневник. Д. 298. Л. 26 об.).

¹¹ Мечтательность (*нем.*).

¹² Здесь и далее в этом письме выделенные курсивом слова подчеркнуты Мещерским красным карандашом.

¹³ В 1865–1866 гг. в дневнике Александра Александровича неоднократно встречаются записи о том, что в ходе возни «мучили нещадно» Мещерского, «помяли» Мещерского и т. п.

¹⁴ Далее зачеркнуто: «требуют».

¹⁵ *Козьма Прутков* — коллективный псевдоним и пародийный персонаж Алексея М. Жемчужникова, В. М. Жемчужникова и А. К. Толстого (при участии Александра М. Жемчужникова). Упомянутый Мещерским Д. С. Арсеньев был известен в придворном кругу как автор стихотворных сатир.

¹⁶ Живя в Царском Селе, Александр Александрович постоянно встречался с М. Э. Мещерской. Последний раз они виделись в Павловске в субботу, 19 июня. На этом свидании было решено, что сидеть вместе на вечерних собраниях у императрицы им больше нельзя. 23 июня Александр Александрович переехал в Петергоф. Однако там встречи на вечерних собраниях возобновились (Дневник. Д. 298. Л. 16 об. — 17, 23, 36 об.).

¹⁷ Эта фраза подчеркнута Мещерским красным карандашом, двумя чертами.

¹⁸ Со слов «то тогда только» подчеркнута красным карандашом двумя чертами.

¹⁹ Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840).

²⁰ Это слово подчеркнута Мещерским чернилами.

²¹ 29 июня (ст. ст.) — в день апостолов Петра и Павла именинниками были младший брат Александра Александровича Павел и отец В. П. Мещерского Петр Иванович.

²² Как прежде (*лат.*).

²³ Подчеркнуто двумя чертами красным карандашом.

²⁴ Вечером 4 июля Александр Александрович записал в дневнике: «Читал письмо к [н]язя В. П., которое заставило меня много подумать о себе. Много правды он пишет, но не все. Мне надо переменить свои отношения к окружающим меня, я это сам чувствую, но трудно переломить себя» (Дневник. Д. 298. Л. 32 об.).

²⁵ С глаз долой, из сердца вон (*фр.*).

²⁶ Это несерьезно (*фр.*).

²⁷ Здесь и далее в этом письме слова, выделенные курсивом, подчеркнуты Мещерским (синим карандашом).

²⁸ Имеется в виду присяга Александра Александровича, назначенная на вторник, 20 июля. Согласно законам Российской империи, великие князья приносили ее в 20 лет, наследник престола — в 16. Александр Александрович стал наследником в 20 лет.

²⁹ Ниже Мещерский оставил место для ответа — примерно для двух строк.

³⁰ Представления о бессмертии души были широко распространены в древнегреческой философии. Наиболее ярко они были сформулированы Платоном в сочинениях «Тимей», «Федр», «Федон». В художественной форме учение о загробной жизни изложил римский поэт Вергилий в VI песне поэмы «Энеида», где описывается сошествие Энея в ад, чтобы повидаться с отцом. Изучение «Энеиды» входило в гимназическую программу, и именно Вергилия, очевидно, имел в виду Мещерский.

³¹ Датировано по содержанию. 11 июня 1866 г. состоялась помолвка вел. кн. Александра Александровича и датской принцессы Дагмар, 28 июня цесаревич выехал из Дании в Россию. Соответственно, чтобы письмо было им получено, оно должно было быть отправлено не позднее 24 июня. Это не единственное письмо Мещерского в Данию. В дневнике Александра Александровича есть упоминание и о других посланиях. 22 июня он записал: «Потом читал записку и письма В. П. Страшно бесился, потому что он пишет сущую неправду и воображает, что хорошо меня знает и может давать советы. Прочитав все, я был так раздражен, что разорвал все письма и сжег их в камине» (Дневник. Д. 299. Л. 123–124).

³² «Дышат счастьем» (*фр.*).

³³ Роке (*лат.*).

³⁴ Датировано по предыдущему письму (№ 66, где Мещерским высказывается намерение написать письмо из Твери) и следующему письму (№ 68), вступлением или дополнением к которому оно является.

³⁵ Цифра «1» в тексте пропущена.

³⁶ Письмо написано на бумаге с черной каймой.

³⁷ С красноречием преданности (*фр.*).

³⁸ Медовый месяц (*фр.*).

Р. С. Уортман

<Формирование русского царя>

<Фрагменты>

Впервые: *Richard S. Wortman. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. II. Princeton, 2000* / Перевод на русск. яз. Впервые: *Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004* / Пер. с англ. И. А. Пильщикова. Печатается по этому изданию. С. 225–271. Примечания автора.

Уортман Ричард С. — американский историк, в середине XX в. проходивший стажировку в Московском университете под руководством выдающегося советского ученого П. А. Зайончковского. В 1980-х гг. Уортман получил возможность продолжить исследовательскую деятельность в советских архивах. Результатом стала двухтомная монография «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии», изданная Принстонским университетом и практически сразу же переведенная на русский язык. Автор руководствовался стремлением выявить причины устойчивости российского самодержавия, изучить «способы, какими возбуждались и поддерживались» верноподданнические чувства. Труд Р. С. Уортмана появился на фоне спада интереса американской историографии к политической истории, на смену которой пришла история культуры. Исследователь сосредоточил свое внимание на семиотическом анализе церемоний, рассматривая императорский двор как своеобразное представление, главным назначением которого была презентация правителя и наделение его сакральными качествами. По мнению историка, у каждого российского императора был свой индивидуальный способ презентации, для обозначения которого Уортман ввел понятия «императорский миф» и «сценарий власти».

Издание работы Р. С. Уортмана в России положило начало переносу акцентов в исследованиях отечественных историков с позитивистского поиска причинно-следственных связей на культурологическое объяснение исторического процесса (в первую очередь, процесса государственного управления).

¹ *Татищев*. Император Александр III. С. 8; Письмо Марии Александровны к Елизавет от 6 сентября 1854 г. (Darmstadt Staatsarchiv. D23–32/5).

² *Толстая*. Записки фрейлины. С. 43 примеч.

³ *Головин К.* Мои воспоминания. СПб., 1910. Т. 1. С. 38.

⁴ *Половцов А. А.* Из дневника // Красный архив. 1929. № 2 (33). С. 187; Половцов передает разговор, состоявшийся в марте 1878 г. См. также: *Перец Е. А.* Дневник (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 46.

⁵ *Lowe C.* Alexander III of Russia N. Y., 1895. P. 18–20; *Kleinmichel M.* Memoirs of a Shipwrecked World. N. Y., 1923. P. 25.

⁶ Дневник Александра III, 1867 г. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 300. Л. 53); Дневник Александра III, 1868 г. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 301. Л. 129); Дневник Александра III, 1869–1870 гг. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 303. Л. 128).

⁷ *Фирсов Н.* Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и императоре Александре III в юности // Исторический вестник. 1909. Январь. С. 68;

Каменский Е. От детства до присяги: из жизни августейших детей императора Александра II // Исторический вестник. 1917. Февраль. С. 431.

⁸ Когда Александра приветствовали отцы города, он беседовал с ними, «хотя и было заметно, что он чувствовал себя в неловком положении». Но в конце концов, замечает Литвинов, его доброта и «счастливая наружность» завоевали их благосклонность (*Каменский*. От детства до присяги // Исторический вестник. 1917. Февраль. С. 436).

⁹ Письма Марии Александровны к Елизабет от 8 мая и от 15 июля 1853 г. (Hesse Staatsarchiv, D23–32/5); *Фирсов Н. Н.* Александр III: личная характеристика, частью по его неизданным дневникам // Былое. 1925. № 29. С. 85–86; *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX века. М., 1970. С. 36.

¹⁰ *Татищев*. Император Александр III. С. 419–422.

¹¹ *Каменский*. От детства до присяги // Исторический вестник. 1917. Февраль. С. 430.

¹² *Каменский*. От детства до присяги // Исторический вестник. 1916. Январь. С. 100.

¹³ *Юрьевич С. А.* Письма об августейших сыновьях императора Александра II (Рукопись. New York Public Library. P. 2, 62–63, 138; *Зайончковский*. Российское самодержавие. С. 36; *Каменский*. От детства до присяги // Исторический вестник. 1916. Январь. С. 100.

¹⁴ Письма Александра III к матери, 1864–1879 (ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 7, 9, 11, 15).

¹⁵ *Каменский*. От детства до присяги // Исторический вестник. 1916. Январь. С. 104, 123; *Грот К. Я.* Император Александр III в отношениях своих к наставнику своей юности. СПб., 1906. С. 1.

¹⁶ *Литвинов Н. П.* Из дневника // Исторический вестник. 1907. Январь. С. 42, 47, 50; *Каменский*. От детства до присяги // Исторический вестник. 1917. Февраль. С. 452–453.

¹⁷ Записная книжка Александра III, 1861–1862 г. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 20, 22, 24).

¹⁸ Письма Александра III к матери, 1864–1879 (ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 21).

¹⁹ Письма Александра III в. к. Николаю Александровичу от 21 июля, 21 ноября, 27 ноября и 11 декабря 1864 г. (ГАРФ. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 22).

²⁰ Письма Александра III к матери, 1864–1879 (ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 49); Запись в дневнике Александра III от 12 апреля 1866 г. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 27).

²¹ Письма Александра III к матери, 1864–1879. Л. 95.

²² *Перовский Б. А.* Краткий очерк слов моих Государю Наследнику Цесаревичу // Старина и новизна. 1903. Кн. VI. С. 344–346.

²³ *Грот*. Император Александр III. С. 1–2; *Мещерский В. Л.* Мои воспоминания. СПб., 1898. Т. 2. С. 1–2.

²⁴ Этой церемонией ознаменовалось его совершеннолетие как наследника, приходившееся, в соответствии с Законом о престолонаследии, на возраст шестнадцати лет и праздновавшееся в день шестнадцатилетия наследника. Церемонии по случаю совершеннолетия других великих князей проводились после их двадцатилетия в праздник ордена Св. Георгия, 26 ноября. Если бы Николай Александрович не умер, Александр принял бы присягу 26 ноября 1865 г. (см.: О присяге Е. И. Высочества Наследника и Великого Князя Александра Александровича // РГИА. Ф. 473–1–1080, 4).

²⁵ Цит. по: Русский инвалид. 1865. 20 июля. С. 2.

²⁶ *Валуев*. Дневник. Т. 2. С. 60.

²⁷ Императрица имела в виду пророчество пятилетнего Николая Александровича, что править будет Владимир Александрович, потому что имя Владимир значит «владелец мира» (письмо Марии Александровны к Елизабет от 17 июля 1865 г. // Hesse Staatsarchiv, D23–32/5; Тютчева. При дворе двух императоров. Т. 2. С. 12).

²⁸ *Мецкерский*. Мои воспоминания. Т. 2. С. 57; *Шевелев А. А.* Путешествия по России его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Александровича // Русское обозрение. 1897. Июль. Т. 46. С. 59; *Каменский*. От детства до присяги // Исторический вестник. 1917. Февраль. С. 458; *Каменский Е.* Наследник Цесаревич Александр Александрович // Исторический вестник. 1917. Февраль. С. 364–365.

²⁹ Дневник Александра III, 1865–1866 гг. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 16–17, 25, 186); этот том дневника содержит любовные стихи и рисунок — очевидно, автопортрет Марии. См. также: Дневник Александра III, 1866 г. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 36–37, 77).

³⁰ См.: Сценарии власти. Т. I. С. 483–485.

³¹ Дневник Александра III, 1866 г. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 77–81).

³² Там же. Л. 83, 92–93.

³³ Там же. Л. 109.

³⁴ *Франк Б.* Из неизданной переписки императора Александра III и Николая II с В. П. Мецкерским // Современные записки. 1940. Т. 70. С. 179; *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 2. С. 197; *Vinogradoff I.* Some Russian Imperial Letters to Prince V. P. Meshcherskii (1839–1914) // Oxford Slavonic Studies. 1962. Vol. 11. P. 113.

Н. А. Качалов

Из «Записок»

<Фрагменты>

Мемуары Н. А. Качалова частично были впервые опубликованы в журнале «Голос минувшего»: Записки Николая Александровича Качалова. I. Детство // Голос минувшего. 1916. № 5/6. С. 5–23; Записки Николая Александровича Качалова. II. В морском корпусе // Голос минувшего.

1916. № 7/8. С. 218–246; Записки Николая Александровича Качалова. III. Служба во флоте // Голос минувшего. 1916. № 11. С. 92–98; Записки Николая Александровича Качалова. IV. Во время Крымской кампании // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 112–137. Фрагменты записок Н. А. Качалова печатаются по: Из «Записок» Н. А. Качалова // Наше наследие. 2010. № 95. С. 60–63 / Подготовка текста и примечания А. В. Мельникова.

Воспоминания тех, кто входил в ближайшее окружение наследника престола, представляют для историков особый интерес. Они свидетельствуют о необычайно серьезном отношении великого князя Александра Александровича к своему новому положению, переосмыслению своей роли в судьбе страны. На смену «легкости бытия» пришло осознание «бремени власти», ответственности будущего монарха за каждый шаг и понимание неразрывной связи своей жизни с судьбой страны. Эта внутренняя эволюция отразилась в участии цесаревича в решение политических и экономических проблем, он не остался в стороне ни от одного мероприятия, предпринимавшегося правительством для их разрешения, причем часто проявлял собственную инициативу. Так случилось и во время голода, охватившего север России в 1868 г., когда под председательством великого князя Александра Александровича работала комиссия по оказанию помощи населению северных губерний, пострадавших от неурожая 1867 г. Этот сюжет нашел отражение в мемуарах Н. А. Качалова.

Качалов Николай Александрович (1818–1891) — выпускник Морского кадетского корпуса, после службы во флоте занимался вопросами его обеспечения и хозяйственными делами своего имения. В 1865–1869 гг. он был председателем Новгородской губернской земской управы, первого земского учреждения, возникшего в период великих реформ. В 1868 г. Н. А. Качалов вошел в комиссию под председательством наследника престола и принял деятельное участие в ее работе. С. Д. Шереметев так писал об этом в своих воспоминаниях: «Прибыл и бывший председатель Новгородской земской управы Качалов. Последний считался тогда образцовым земским деятелем и недавно был назначен директором Таможенного департамента. Под предлогом осмотра стражи объявился он в Гапсале как *persona grata* — принят был с обычным радушием и гостеприимством. Он представлял из себя тип доброго и дельного помещика степняка, “un home tout rond” [Любитель посидеть за столом (*фр.*) — пер. Л. И. Шохина], как говорят французы; говорил он громко, уверенно, казался простым и опять-таки простодушным русским человеком, но себе на уме. Впечатление производил он человека живого, не чиновника, и в нем видели будущую силу. Цесаревич к нему отменно благоволил, разговор их был живой и содержательный!» (Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 434).

После участия в делах комиссии карьера Николая Александровича стала стремительно расти: в 1869 г. он занял пост архангельского губернатора, в 1870 г. вступил в должность директора таможенного департамента Министерства финансов, которую занимал до 1882 г.

Оставив службу, Качалов посвятил свое время написанию мемуаров, фрагменты которых увидели свет в 1916 г. Эти обширные записки, охватывающие весь жизненный путь Н. А. Качалова, содержат немаловажные для историков сведения о деятельности императора Александра III в период наследничества и после вступления на престол.

¹ Дом на Большой Морской, 55.

² Судя по дневнику цесаревича, описываемая встреча на вечере у князя В. П. Мещерского состоялась 5 января: «<...> я поехал к В. П. Мещерскому <...> У В. П. был маленький вечер для меня. — Были К. П. Победоносцев, И. К. Бабст и Н. А. Качалов, председатель земской управы Новгородской губернии, человек очень приятный, знающий свое дело и отлично ведущий земство. — Он был прежде моряком и товарищем: Посыета, Бока, Зеленого и проч. — Мы очень приятно провели вечер и много говорили о вещах весьма интересных и относящихся до России и до милого отечества. — Качалов рассказывал много интересного про Новгородскую губернию. Я оставался до ½ 12 и с удовольствием остался бы еще более <...>» (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. Л. 99 об.).

³ К участию в деятельности Комиссии, кроме упомянутых лиц, привлечены были московский губернский предводитель дворянства князь Л. М. Гагарин и московский городской голова князь А. А. Щербатов (представлявшие московское отделение Комиссии), коммерции советник рыбинский купец Н. М. Журавлев, старшина Санкт-Петербургской общей думы Аверин и др.; приглашались к заседаниям архангельский губернатор князь С. П. Гагарин, Никольский 1-й гильдии купец В. И. Грибанов, связанный торговыми операциями с Архангельском, и другие заинтересованные лица. См.: Северная почта. 1868. 8 (20) февр.

⁴ В дневнике цесаревича записано: «14-го/26-го февраля. В 10 ч[асов] [вечера] пришли ко мне Козлов и Качалов. — Мы сели пить чай и занялись делом, которое, если удастся, будет весьма благое дело. — Вот в чем это дело: мы хотим просить у государя 1000000 рублей в ссуду с тем, чтобы получивши этот 1 млн мы можем сейчас же частным образом закупить огромный запас хлеба, который с открытием навигации мог бы быть подвинут во все места, где в нем нуждаются и, таким образом, продавая этот хлеб, мы можем получить весь 1000000 обратно и вернуть его казне. — За это взялся с большой охотой Милютин, череповский голова, и его брат. — Качалов обещал мне помочь в этом деле, насколько он может. Козлов и говорить нечего из кожи лезет для меня, а я в трепете, но с надеждой». (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. Л. 122 об. — 123). Надежды цесаревича вскоре полностью оправдались, 15-го февраля он написал письмо отцу, приложив к нему и пояснительную записку, «которая была очень хорошо составлена Козловым и Качаловым» (Там же. Л. 123), и 1 млн рублей был получен.

⁵ В 1862–1878 гг. министром финансов был М. Х. Рейтерн (*примеч. сост.*).

⁶ *Милютин Василий Андреевич* (1831–1903) — предприниматель, потомственный почетный гражданин Череповца, брат И. А. Милютина.

⁷ См., к примеру, публикации в газете Министерства внутренних дел «Северная почта» (1868. № 30, 35, 40, 53, 84, 119, 176, 199, 222), перепечатанные из «Русского инвалида». Здесь же помещались списки жертвователей на нужды голодающих, статьи по земским вопросам с мест о мерах к улучшению народного продовольствия и др.

⁸ Вероятно, имеется в виду *Блинов Федор Андреевич* (1811–1882) — нижегородский 1-й гильдии купец, ведший торговые операции с солью, а потом

и с хлебом. Им была предложена безвозмездно в распоряжение Комиссии 1 тыс. кулей ржаной муки, находящихся на его складах в Нижнем Новгороде. См.: От комиссии, учрежденной под председательством его величества государя наследника цесаревича // Северная почта. 1868. 23 февр. (6 марта). С. 15/.

⁹ Дворец в Петергофе, выстроенный императором Николаем I для своей супруги Александры Федоровны и названный в ее честь.

Великий князь Александр Александрович

<Письма К. П. Победоносцеву>

<Фрагменты>

Впервые: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. I, п/т 2-й. М., 1923. Печатаются по: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: В 2 т. Т. II. Мн., 2003. С. 556, 559–561, 568–570, 576–577, 579, 580, 584, 586–587, 589, 593, 595–596, 598–599.

В 1860–1865 гг. профессор гражданского права Московского университета Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) был приглашен в качестве преподавателя к старшим сыновьям императора Александра II. Основное внимание он уделял наследнику престола великому князю Николаю Александровичу, которого сопровождал в путешествии по России в 1863 г., а после его кончины стал одним из главных наставников великого князя Александра Александровича. В период наследничества между ними завязалась переписка, которая стала после воцарения Александра III почти ежедневной.

Приводимые здесь фрагменты писем цесаревича Александра Александровича К. П. Победоносцеву очерчивают круг интересов наследника престола, его занятия и образ мыслей, позволяют представить участие великого князя в государственной жизни.

¹ *Георгиевский праздник* — чествование георгиевских кавалеров в Зимнем дворце в день Св. Георгия (26 ноября по старому стилю). Праздник был учрежден в 1769 г. в царствование императрицы Екатерины II. Георгиевским крестом отмечали особые боевые заслуги, эта награда считалась символом мужества и воинской доблести. Ежегодно 26 ноября в Парадных комнатах Зимнего дворца происходило торжественное шествие членов императорской фамилии и кавалеров ордена, которое заканчивалось в Георгиевском зале. Затем в Николаевском зале устраивался торжественный обед.

² Речь идет о рождении второго сына великокняжеской четы, прожившего всего год.

³ *Ильинское* — подмосковное имение императрицы Марии Александровны.

⁴ В 1869 г. великий князь Александр Александрович с супругой и младшим братом Алексеем Александровичем отправился в ознакомительное путешествие по Поволжью и югу России, практически повторив маршрут путешествия цесаревича Николая Александровича в 1863 г. Его также сопровождали наставники К. Н. Посьет, В. В. Зиновьев, К. П. Победоносцев, И. К. Бабст, Ф. А. Оом, врач Г. И. Гирш, художник А. П. Боголюбов, проиллюстрировавший путешествие рисунками, и архангельский губернатор Н. А. Качалов, оставивший подробное

описание этого путешествия (Из «Записок» тайного советника Н. А. Качалова // Наше наследие. 2010. № 95. С. 64–71).

⁵ Младшие братья великого князя Александра Александровича.

⁶ Наследник имеет в виду напряженную ситуацию накануне русско-турецкой войны. Осенью 1876 г., когда двор находился в Крыму, военные настроения придворных кругов достигли максимума и подтолкнули императора Александра II к более решительным действиям.

В 1875 г. на Балканском полуострове вспыхнуло антитурецкое восстание, вызванное угнетенным положением славянского населения. Сербия и Черногория объявили Турции войну, надеясь на поддержку российского правительства. Однако император Александр II полагал, что Россия не готова к участию в военных действиях из-за незавершенности внутренних преобразований и финансовой нестабильности. Российское правительство пыталось оказать славянским народам дипломатическую поддержку. Между массы добровольцев из России отправлялись в сербскую армию, начался сбор пожертвований в помощь воюющим славянским государствам. Окружение императора настаивало на вступлении в войну, наследник престола также разделял эту позицию. Александр II вынужден был уступить давлению «военной партии». 20 октября 1876 г. он потребовал, чтобы Турция в течение 48 часов заключила перемирие с Сербией и Черногорией и объявил частичную мобилизацию. Турецкое правительство согласилось выполнить требования российского ультиматума.

В декабре 1876 г. по инициативе России собралась конференция европейских государств для обсуждения условий мира. Когда стало ясно, что турецкое правительство не намерено идти на уступки, Россия предъявила Турции новый ультиматум, предлагая принять выработанный европейскими государствами проект реформ. После отказа турецкого султана принять российский ультиматум, 12 апреля 1877 г. Александр II объявил Турции войну.

⁷ Наследник стоял во главе создания Добровольного флота, начало которому было положено в период русско-турецкой войны. К. П. Победоносцев был назначен на должность председателя правления.

⁸ Черноморское общество пароходов было создано в 1833 г. для морских перевозок между Россией и Османской империей.

⁹ Великий князь Константин Николаевич, брат императора Александра II.

¹⁰ Морской министр Лесовский Степан Степанович.

¹¹ Великий князь Михаил Николаевич, брат императора Александра II, с 1862 по 1881 г. был наместником Кавказа.

¹² «К сожалению, контракт с Черноморским обществом пароходов уже подписал, их цены дешевле, чем на “России”» (*фр.*).

¹³ Скорее всего, великий князь Александр Александрович имеет в виду «поповки» — военные суда особой конструкции, в просторечии так называвшиеся по имени их конструктора — адмирала А. А. Попова. Эта конструкция считалась многими (в том числе и наследником престола) неудачной, но генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич поддерживал Попова и его суда.

¹⁴ Гапсаль (Хаапсалу) — город на северо-западе Эстляндской губернии (современная Эстония), где находилась летняя императорская резиденция.

¹⁵ «Ливадия» — императорская яхта, «поповка», во время плавания явно обнаружила недостатки конструкции.

¹⁶ Молодой Добровольческий флот нуждался в правительственной субсидии.

II

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

М. К. Соколовский

Военная служба императора Александра III
(26 февраля 1845 г. — 2 марта 1861 г.)

Впервые: Русский архив. 1906. № I. С. 156–159. Печатается по этому изданию.

Соколовский Михаил Константинович (1867–1941) — военный историк, воспитанник Второго кадетского корпуса, член Общества ревнителей военной истории. Обычно он печатался в военных журналах, но в 1906 г. опубликовал в старейшем русском историческом журнале, предназначенном для широкой публики, справку о военной службе императора Александра III. Правильнее говорить о службе великого князя, наследника престола, ведь наследник числился на военной службе только до вступления на престол. Эта справка — сжатое изложение послужного списка Александра III. Поскольку обычно внимание на военных сторонах жизни цесаревича не акцентируется, в данном издании было решено воспроизвести этот документ, чтобы читатель получил представление о том, какое большое место занимала военная подготовка, военная служба и руководство армией в жизни будущего императора.

С. Манассеин

В Руцукском отряде
(Воспоминания И. И. Венедиктова)
<Фрагменты>

Впервые: Русская старина. 1903. Т. 115. № 8. С. 281–297. (В конце текста: «Сообщил Сергей Манассеин».) Печатается по этому изданию. С. 285–297.

Участие в военных действиях русско-турецкой войны 1877–1878 гг. занимало особое место в послужном списке наследника престола. Ему было поручено командование Руцукским отрядом, образованным в составе 12-го и 13-го армейских корпусов. Перед соединением была поставлена задача, взяв крепости Руцук и Никополь, занять важнейший горный проход через Балканы у Шипки. Наступление Руцукского отряда было начато 10 июля, однако неудачные попытки русских войск взять Плевну приостановили его. Отряд вынужден был занять оборонительную позицию и сдерживать турецкие войска на протяжении 128 км. Такая ситуация сохранялась до 14 ноября, когда про-

тивник предпринял атаку на части 12-го корпуса, в результате у сел Трестеник и Мечка произошел решительный бой, атака турок была отбита. 30 ноября турки снова перешли в наступление у Мечки, и снова были отброшены. За этот бой наследник был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. Оборонительную линию Руцукский отряд покинул лишь после падения Плевны. (Подробно см.: Александр III Александрович // Военная энциклопедия. Изд-во И. Д. Сытина. М., 1911. С. 278.)

Будни командования Руцукским отрядом воссозданы в воспоминаниях *Ивана Ивановича Венедиктова* (ум. 1901), офицера 46-го пехотного Днепровского полка, ординарца командира 12-го армейского корпуса и начальника штаба Руцукского отряда П. С. Ванновского, опубликованных сотрудником журнала «Русская старина» Сергеем Манассеиным.

¹ *Понтон* (от лат. *ponto* — плоскодонное судно) — простейшее судно с плоским днищем. Понтоны используются для наведения переправы: из них путем соединения их между собой с помощью сцепных устройств образуются мосты-ленты.

² *Литографские станки* — печатные станки, в основе действия которых лежал принцип получения изображения путем литографии (перенос краски с печатной формы на бумагу под давлением).

³ Брат императора Александра II великий князь Николай Николаевич во время русско-турецкой войны был главнокомандующим действующей армией на Балканах.

⁴ Военным министром в 1861–1881 гг. был Д. А. Милютин.

⁵ *Лафет* — станок, на котором закрепляется ствол артиллерийского орудия.

⁶ *Рекогносцировка* — визуальное изучение противника и местности представителями командования с целью получения необходимых данных для принятия решения или его уточнения.

⁷ Толмазов переулоч — в настоящее время переулоч Крылова в Петербурге.

⁸ *Санджак* — административно-территориальная единица в Османской Турции.

⁹ *Гоф-фурьер* — должность придворного служителя.

<Без подписи>

Из Руцукского отряда

<Фрагмент>

Впервые: Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. Т. 2. СПб., 1879. С. 282–304. (В конце текста: «Н. Л.».) Печатается по этому изданию. С. 296–304.

Автор этих воспоминаний, пожелавший остаться неизвестным, — артиллерийский офицер, принимавший участие в сражениях между русскими войсками, под начальством великого князя Владимира Александровича, и турецкой армией, предводимой Сулейманом-пашой, 14 и 30 ноября 1877 г.

у болгарского селения Мечка, расположенного к западу от Рущука. Эти сражения были ключевыми в боевых действиях Рущукского отряда, в память о них Александр III ежегодно собирал боевых товарищей (см. ниже «Мемуары графа Шереметева»). Описание, оставленное артиллеристом, свидетельствует о том, что участие наследника престола в военных действиях меньше всего напоминало увеселительную прогулку и требовало от него немалого мужества.

¹ *Ложементы* — рвы для стрельбы лежа или с колена.

² *Люнет* — укрепление, состоявшее обычно из 1–2 фронтальных валов (фасов) с рвом впереди и боковых валов

³ *Орудийная прислуга* — группа (5–7 человек) военнослужащих, обслуживающая артиллерийское орудие.

⁴ *Хобот орудия* — задний конец лафета (см. коммент. 5 к «Воспоминаниям И. И. Веедиктова»).

⁵ *Унтер-италмейстер* — младший придворный конюшенный чин (нем. предлог *unter* *нижний*, *под* прибавляется к званию для обозначения его низкой степени).

<Переписка цесаревича Александра Александровича
с великим князем Николаем Николаевичем. 1877–1878 годы>

Впервые: «*Буду свято исполнять Свой долг*» // Источник. 1993. № 1. С. 39–50. Публикация В. Степанова. Печатается по этому изданию. Примечания В. Степанова.

Письма наследника престола к великому князю Николаю Николаевичу, с одной стороны, представляют переписку цесаревича с дядей, а с другой — являются посланиями командира военного подразделения к главнокомандующему. Великий князь Николаем Николаевичем (1831–1891), младший из братьев императора Александра II и дядя цесаревича Александра Александровича, в ноябре 1876 г. был назначен главнокомандующим действующей армией на Балканах. Родственное начало в этой переписке уступает место воинскому долгу. Наследник престола разделяет общее беспокойство об отце, императоре Александре II, пожелавшем принять личное участие в военных действиях и отправившегося на Балканы вместе с тремя старшими сыновьями. Такое положение дел ставило под угрозу представителей правящей династии. Однако этим проявление родственных чувств в переписке ограничивается.

В переписке в большей степени отражены военные будни Рущукского отряда и размышления цесаревича Александра Александровича о ситуации на фронте и своем месте на этой войне. Наследник престола оказался не только добросовестным подчиненным, но и способным командиром, принимающим верные решения и заботящимся о подчиненных. Ухудшение ситуации на фронте и в тылу постепенно меняло его отношение к вел. кн. Николаю Николаевичу, но письма цесаревича не отражают этих перемен. В первую очередь он — военный, выполняющий приказ. Строки писем Александра Александровича являются яркой иллюстрацией его понимания своей роли как служения Отечеству и (в период наследничества — императору).

¹ Имеется в виду *Милютин Дмитрий Алексеевич* (1816–1912) — граф (1878), генерал-фельдмаршал (1898), военный министр (1861–1881).

² Александр II выехал из Петербург в действующую армию 21 мая 1877 г. в сопровождении цесаревича Александра Александровича и великого князя Сергея Александровича (см.: *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. II. СПб., 1903. С. 386).

³ *Красное Село* — поселок в Царскосельском уезде Петербургской губернии в 24 верстах от столицы. В летнее время здесь располагался лагерь гвардейского корпуса и других войсковых частей Петербурга и его окрестностей.

⁴ 29 апреля 1877 г. навесным огнем русских батарей, располагавшихся в г. Браилове, на левом берегу Дуная, был взорван турецкий броненосный корвет «Лютфи Джелиль». 15 мая 1877 г. русские минные катера «Царевич» (командир лейтенант Ф. В. Дубасов) и «Ксения» (командир лейтенант А. П. Шестаков) атаковали и потопили турецкий монитор «Сельфи» (см.: Русско-турецкая война 1877–1878. М., 1977. С. 89–91).

⁵ *Дубасов Федор Васильевич* (1845–1912) — в 1877 г. командир флотилии мелких судов, занимавшихся установкой минных заграждений на Дунае. Впоследствии адмирал, генерал-адъютант, командир Тихоокеанской эскадры (1897–1899), председатель Морского технического комитета (1901–1905), московский генерал-губернатор (1905–1906), руководил подавлением декабрьского восстания в Москве в 1905 г., с 1906 г. член Государственного совета, с 1907 г. член Совета государственной обороны.

⁶ *Адлерберг Александр Владимирович* (1818–1888) — граф, генерал-адъютант, министр императорского двора и уделов (1872–1881), ближайший советник и друг Александра II.

⁷ В ночь с 9 на 10 июня 1877 г., чтобы отвлечь внимание турок от направления главного удара, части 14-ю армейской корпуса генерала А. Е. Циммермана начали форсирование Дуная в районе румынского города Галаца и к исходу дня заняли Буджакский полуостров на правом берегу. Ранним утром 10 июня Александр II прибыл в Галац и посетил в местном госпитале раненных при переправе солдат и офицеров (см.: *Татищев С. С.* Указ. соч. Т. 11. С. 390).

⁸ Цесаревич прибыл в село Павло 26 июня 1877 г. К этому времени здесь был сформирован штаб Руцукского отряда (см.: Журнал военных действий Руцукского, впоследствии Восточного отряда в войну 1877–1878 годов. СПб., 1883. С. 4).

⁹ 6 июля 1877 г. штаб отряда переместился из села Павло в город Белу (см.: Журнал военных действий... С. 22).

¹⁰ 7 июля 1877 г. штаб отряда и войска общего резерва переместились из города Белы в село Обретеник (см.: Журнал военных действий... С. 24).

¹¹ 8 июля 1877 г. войскам авангарда отряда и 12-й пехотной дивизии было приказано занять позиции на реке Кара-Лом (см.: Журнал военных действий... С. 28).

¹² 3 июля 1877 г. Александр II и Главная императорская квартира переправились из города Зимницы, расположенного на левом берегу Дуная, в село Царевницу — на правом берегу (см.: *Татищев С. С.* Указ. соч. Т. II. С. 394).

¹³ В ночь с 3 на 4 июля 1877 г. в болгарском городе Систове, на правом берегу Дуная, где находилась основная переправа русской армии, распространились слухи о движении турецких войск от крепости Никополь. Это вызвало панику среди болгарского населения и тревогу у русского командования. По приказу Главной императорской квартиры три полка 1-й пехотной дивизии из состава Руцукского отряда, которые дислоцировались в селе Павло, двинулись к Систо-ву. Когда выяснилась ложность слухов, приказ о стягивании войск к Систо-ву был отменен (см.: Журнал военных действий... С. 18–19).

¹⁴ *Игнатъев Николай Павлович* (1832–1908) — граф (1877), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, посол в Турции (1864–1877), министр государственных имуществ (1881), министр внутренних дел (1881–1882).

¹⁵ *Тырново* — город в Северной Болгарии, древняя столица Второго болгарского царства. 25 июня 1877 г. освобожден передовым отрядом генерала И. В. Гурко. С этого момента вплоть до начала января 1878 г. являлся главной операционной базой русской армии в Северной Болгарии.

¹⁶ *Денн А. Ф.* — генерал-майор, начальник инженеров русской Дунайской армии.

¹⁷ Турецкая крепость Никополь на правом берегу Дуная была взята 4 июля 1877 г. войсками Западного отряда генерала Н. П. Криденера.

¹⁸ *Гурко Иосиф Владимирович* (1828–1901) — генерал-адъютант (1877), генерал-фельдмаршал (1894), в период русско-турецкой войны командовал передовым отрядом русских войск, временный петербургский генерал-губернатор и помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа (1879–1880), временный одесский генерал-губернатор (1882–1883), генерал-губернатор Привисленского края и командующий войсками Варшавского военного округа (1883–1894), член Государственного совета (1886).

¹⁹ *Ванновский Петр Семенович* (1822–1904) — генерал-адъютант (1878), генерал от инфантерии (1883), в период русско-турецкой войны начальник штаба Руцукского отряда, военный министр (1881–1897), министр народного просвещения (1901–1902).

²⁰ Штаб отряда находился в селе Хеджекикой с 14 августа 1877 г. (см.: Журнал военных действий... С. 72).

²¹ 18 августа 1877 г. в результате атаки превосходящих сил турецких войск передовые части Руцукского отряда были вынуждены оставить села Карахасанкой и Хайдаркой и отступить за реку Кара-Лом (см.: Журнал военных действий... С. 76–79).

²² 19 августа 1877 г. штаб отряда переместился из села Хеджекикой в село Ковачицу, где находилась сильно укрепленная позиция (см.: Журнал военных действий... С. 79).

²³ *Ган Александр Федорович* — генерал- лейтенант, командир 13-го корпуса.

²⁴ *Ильяшевич* — полковник, начальник штаба 13-го корпуса.

²⁵ *Дризен Александр Федорович* — барон, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, командир 12-й кавалерийской дивизии; *Мартынов Андрей Дмитриевич* — генерал-майор свиты.

²⁶ *Дохтуров* — полковник, через некоторое время генерал-майор, командир 2-й бригады 33-й пехотной дивизии.

²⁷ *Леонов* — генерал-майор, командир бригады 8-й кавалерийской дивизии.

²⁸ В результате сражения 10–11 августа у села Аяслар части Рущукского отряда отступили с занимаемых позиций (см.: Журнал военных действий... С. 78).

²⁹ Части Рущукского отряда отступили с позиции у села Попкиной после взятия турками сел Карахасанкиой и Хайдаркиой 18 августа 1877 г. (см.: Журнал военных действий... С. 78).

³⁰ Штаб отряда размещался в селе Дольный Монастырь с 28 августа 1877 г. (см.: Журнал военных действий... С. 98).

³¹ Горный Студень (Горна Студена) — село в Северной Болгарии, где со 2 августа по 13 октября 1877 г. находилась Главная императорская квартира.

³² 19 июля 1877 г., на следующий день после второго неудачного штурма Плевны, Александр II приказал объявить о мобилизации гвардейского корпуса, отдельные части которого начали подходить к Плевне во второй половине сентября 1877 г.

³³ *Плевна* (Плевен) — город в Северной Болгарии, где с 8 июля по 28 ноября 1877 г. русские войска осаждали многочисленный турецкий гарнизон под командованием Осман-паши. Падение Плевны имело решающее значение для победоносного завершения Россией войны с Турцией.

³⁴ *Дондуков-Корсаков Алексей Михайлович* (1820–1893) — князь, генерал-адъютант (1869), генерал от кавалерии (1878), в период русско-турецкой войны командир 13-го армейского корпуса, в феврале-апреле 1878 г. командир Восточного отряда, Верховный русский комиссар в Болгарии (1878–1879), временный харьковский генерал-губернатор и командующий войсками Харьковского военного округа (1880–1882), главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа (1882–1890), член Государственного совета (1890).

³⁵ Имеется в виду *Кароль I Гогенцоллерн-Зигмаринген* (1839–1914) — князь (1866–1881) и король Румынии с 1881 г. Лично возглавлял 40-тысячную румынскую армию, с августа 1877 г. принимавшую участие в боевых действиях против турецких войск. 16 августа 1877 г. по соглашению с Александром II стал командиром Западного отряда, осаждавшего Плевну.

³⁶ *Владимир Александрович* (1847–1909) — великий князь, третий сын Александра II, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного совета, президент Академии художеств, в период русско-турецкой войны командир 12-го армейского корпуса в составе Рущукского отряда, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905).

³⁷ В селе Брестовец штаб отряда находился с 11 ноября 1877 г. (см.: Журнал военных действий... С. 183).

³⁸ Александр II отбыл из действующей армии 5 декабря 1877 г. 4 декабря, накануне отъезда, он предложил великому князю Александру Александровичу

сопровождать его в Петербург, сдав командование отрядом инженер-генералу Э. И. Тотлебену. Однако цесаревич отказался покинуть армию до окончания войны (см.: *Татищев С. С. Указ. соч. Т. II. С. 415*).

³⁹ *Тотлебен Эдуард Иванович* (1818–1884) — граф (1879), генерал-адъютант (1855), инженер-генерал (1869), герой обороны Севастополя в 1854–1855 гг., в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. помощник начальника Западного отряда (сентябрь–октябрь 1877), командир отряда обложения Плевны (ноябрь 1877 г.), командир Восточного отряда (февраль 1878 г.), командующий действующей армией до заключения мирного договора и эвакуации русских войск (апрель 1878 — январь 1879 г.), член Государственного совета (1879), одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа (1879–1880), с 1880 г. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа.

⁴⁰ Инженер-генерал Э. И. Тотлебен прибыл в село Брестовец, где размещался штаб отряда, 8 декабря 1877 г. (см.: *Журнал военных действий... С. 220*).

⁴¹ Великий князь Николай Николаевич был награжден орденом св. Георгия I степени на следующий день после взятия Плевны, 29 ноября 1877 г. (см.: *Татищев С. С. Указ. соч. Т. II. С. 412*).

⁴² *Адрианополь* — греческое название турецкого города Эдирне, взятого русскими войсками 8 января 1878 г.

⁴³ На основе перемирия, заключенного в Адрианополе 19 января 1878 г., спустя месяц, 19 февраля 1878 г., в Сан-Стефано под Стамбулом был подписан прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией.

⁴⁴ Части Восточного отряда заняли Руцук 8 февраля 1878 г.

⁴⁵ *Разград* — город в Северо-Восточной Болгарии на реке Белый Лом, рядом с которым находился укрепленный лагерь турецких войск. Взят частями Восточного отряда 16 января 1878 г.

⁴⁶ В прощальном приказе по армии, данном 5 декабря 1877 г. в Бухаресте, Александр II высоко оценил боевые заслуги Руцукского (Восточного) отряда (см.: *Татищев С. С. Указ. соч. Т. II. С. 415–416*).

⁴⁷ Александр III был женат на дочери датского короля Христиана IX Марии Софии Фридерике Дагмаре, принявшей в России имя Марии Федоровны (император ласково называл ее «Минни»), и имел от нее детей: Николая (1868–1918), Георгия (1871–1895), Ксению (1875–1933), Михаила (1878–1918) и Ольгу (1882–1924).

⁴⁸ *Ольденбургский Александр Петрович* (1844–1932) — принц, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в период войны 1877–1878 гг. командир 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, командир 1-й гвардейской пехотной дивизии (1880–1885), командир гвардейского корпуса (1885–1889), член Государственного совета (1896).

⁴⁹ Цесаревич Александр Александрович и великий князь Владимир Александрович отбыли в Петербург 1 февраля 1878 г. Командование Восточным отрядом принял инженер-генерал Э. И. Тотлебен. Однако спустя несколько дней он был вызван Александром II в Петербург и 8 февраля сдал свою долж-

ность командиру 13-го армейского корпуса князю А. М. Дондукову-Корсакову (см.: Журнал военных действий... С. 289, 293).

⁵⁰ Этот абзац цитируется в книге: История Лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883. Т. III. Ч. I. СПб., 1888. С. 667.

Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Федоровны

Впервые: Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 117–135. Печатается по этому изданию.

Военные письма являются особым видом эпистолярного жанра. Солдат, оторванный от дома и своих близких, оказавшийся в экстремальной обстановке, находящийся на грани жизни и смерти, в письмах старается вернуть ощущение мирной жизни, перенестись, хотя бы мысленно, в домашний уют и покой. Родные, в свою очередь, с нетерпением ожидают вестей с фронта, расспрашивают корреспондента о его военном быте. Не все могло быть рассказано в переписке, военная цензура строго следила за тем, чтобы лишняя информация не просочилась с фронта в тыл. Переписка из действующей армии на Балканах также подвергалась перлюстрации, поэтому отправители были достаточно сдержаны в своих эмоциях и оценках действий командования.

Переписка великого князя Александра Александровича и Марии Федоровны несет, с одной стороны, типичные черты фронтовой корреспонденции. Наследник престола тяжело переживал разлуку с семьей, живо интересовался успехами детей, успокаивал жену надеждой на свое скорое возвращение, живописал курьезные или трогательные случаи из фронтовой жизни. Этим его письма схожи, например, с «Походными письмами» Н. П. Игнатьева. Но в отличие от рядовых корреспондентов, переписка цесаревича не подлежала перлюстрации, поэтому он мог высказываться в своих письмах достаточно резко. Несмотря на то что великий князь Александр Александрович вступил в брак с Марией Федоровной не по любви, а повинувшись чувству долга, супруга стала для него самым близким человеком. В письмах к ней наследник престола был наиболее откровенен. В этой переписке предстает «апофеоз войны»: гибель и страдания людей, зачастую не просто знакомых, а близких наследнику, просчеты командования, бытовые трудности.

Военные неудачи и плохое снабжение армии постепенно меняли отношение цесаревича к главнокомандующему — своему дяде великому князю Николаю Николаевичу, — в последних его письмах сквозят откровенная неприязнь и презрение. Александр Александрович близко к сердцу принимал все, происходящее на театре военных действий и в армейском тылу: беспокоился о раненых, заботился о довольствии солдат, переживал за положение Православной Церкви на освобождаемых территориях. Мария Федоровна являлась понимающим корреспондентом, сочувствующим своему супругу и поддерживающим его. Участие в военных действиях навсегда определило негативное отношение будущего императора к войне и его стремление избегать военных конфликтов.

¹ Домашнее прозвище Марии Федоровны, супруги Александра Александровича.

² Домашнее прозвище великого князя Николая Николаевича, дяди Александра Александровича, главнокомандующего действующей армией на Балканах в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

² Сыновья Александра Александровича и Марии Федоровны — Николай Александрович (будущий император Николай II) и Георгий Александрович.

³ В 1874 г. Александр Александрович был назначен командиром гвардейского корпуса, но взять его на Балканы наследнику престола не удалось из-за возражений военного министра Д. А. Милютина.

⁴ Очевидно, речь идет об оркестре Преображенского полка.

⁵ Александр Александрович перечисляет популярные музыкальные произведения того времени: опера Р. Вагнера «Лоэнгрин» (1850), венгерские рапсодии Ф. Листа (1840–1847), вальс «Калиостро» И. Штрауса (1875), марш в честь датского короля Кристиана IX (отца Марии Федоровны) датского композитора Х. Х. Лумбье.

⁶ Гапсаль (Хаапсалу) — город на северо-западе Эстляндской губернии (современная Эстония), где находилась летняя императорская резиденция.

⁷ Гвардейский экипаж был сформирован из команд придворных гребцов и яхт, моряков Балтийского и Черноморского флотов, принимал участие в военных действиях на Балканах.

⁸ Одна из самых известных общин сестер милосердия Общества Красного Креста, созданная в 1870 г.

⁹ *Ксения Александровна* — дочь Александра Александровича и Марии Федоровны.

¹⁰ Император Александр II отнесся к русско-турецкой войне как своему личному делу и отправился в действующую армию 21 мая 1877 г., которую покинул только через полгода, 3 декабря 1877 г. после взятия стратегически важного пункта — Плевны.

¹¹ Императорская главная квартира — учреждение, состоявшее при государе императоре для принятия его личных приказаний или для исполнения специальных поручений, входившее в состав военного ведомства.

¹² Речь идет о франко-прусской войне 1871–1871 гг.

¹³ Оборона Шипкинского перевала, длившаяся с июля по декабрь 1877 г., была ключевым событием русско-турецкой войны. Перевал имел стратегическое значение: в случае овладения Шипкой турецкие войска получали возможность подкрепления. Самым тяжелым временем в обороне Шипки для русских войск стала осень-зима 1877 г., когда снег завалил перевал. Суровость условий и мужество защитников перевала передают картины художника-баталиста В. В. Верещагина из цикла «На Шипке все спокойно».

¹⁴ Город Плевна (Плевен) был стратегически важным пунктом, упорные бои за него шли с 8 (20) июля по 28 ноября (10 декабря) 1877 г.. Три штурма русских и румынских войск в июле-августе были неудачны, после чего Плевна была взята в кольцо блокады. 28 ноября (10 декабря) 1877 г. турецкие войска во главе с Осман-пашой после неудачной попытки прорыва сдались.

¹⁵ *Драгоман* — переводчик при европейском посольстве или консульстве в странах Востока.

¹⁶ *Пилигрим* — странник, паломник.

¹⁷ *Интендантская часть* — военное подразделение, занимающееся обеспечением армии продовольствием и вещевым довольствием.

¹⁸ Мария Федоровна возглавляла Российский Красный Крест и занималась сбором вещей для отправки в действующую армию.

¹⁹ Герцог Лейхтенбергский Сергей Максимилианович, двоюродный брат великого князя Александра Александровича, сражался в Рущукском отряде и погиб во время рекогносцировки 12 октября 1877 г. (см. выше «Воспоминания И. И. Венедиктова»). Похоронен в великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора.

²⁰ *Фельдгегерь* (нем. *Feidjager*) — военный или правительственный курьер для доставки важных, преимущественно секретных, документов.

²¹ На Балканском фронте сражались трое старших сыновей императора Александра II: Александр Александрович, Владимир Александрович и Сергей Александрович.

²² Георгий Александрович, второй сын Александра Александровича.

²³ Александр Александрович пишет о семье своего дяди великого князя Николая Николаевича. Тетя Саша — Александра Петровна, супруга Николая Николаевича. Николаша — Николай Николаевич (младший), сын Николая Николаевича и Александры Петровны.

²⁴ Бесстыжий (*англ.*).

²⁵ 30 ноября 1877 г. за сражение при Мечке наследник престола был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени — высшей российской военной наградой за заслуги на поле боя. Орден имел четыре степени (самая высокая — первая).

²⁶ *Михень* — великая княгиня Мария Павловна, жена великого князя Владимира Александровича.

²⁷ Дядя Ганс (*англ.*)

²⁸ Букв.: За заслуги (*фр.*). 3 декабря 1877 г. цесаревич был награжден германским орденом «Pourlemerite».

²⁹ Церковный обряд освящения воды накануне Крещения.

³⁰ *Иордан* (Иордань) — название проруби в водоеме, сделанной к христианскому празднику Крещения Господня для совершения обряда водоосвящения.

Великий князь Александр Александрович

<Письма К. П. Победоносцеву>

<Фрагменты>

Печатается по: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: В 2 т. Т. II. Мн., 2003. С. 571–574.

В письмах к К. П. Победоносцеву наследник престола был критичен по отношению к командованию действующей армией на Балканах. Если в письмах к главнокомандующему великий князь Александр Александрович выступает в первую очередь как военный, исполняющий свой долг, то в переписке со своим наставником он сетует на просчеты командования как в стратегии и тактике ведения войны, так и в снабжении воинских частей. Александр Александрович пытался повлиять на императора, чтобы тот отправил великого князя Николая Николаевича в отставку, но безуспешно. В то же время он интересовался общественной и политической жизни столицы, мимо его внимания не прошел процесс над Верой Засулич, всколыхнувший российское общество и зарубежную прессу.

¹ Речь идет о процессе над народницей Верой Засулич, которая 24 января 1878 г. ранила петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, унизившего политического заключенного Боголюбова (А. С. Емельянова) наказанием розгами. По решению министра юстиции графа К. И. Палена, дело было передано в суд присяжных. Суд, состоявшийся 31 марта 1878 г., вызвал широкий общественный резонанс. Процесс всколыхнул антиправительственные настроения, вызванные неудачами на Балканском фронте. Общественное мнение было на стороне подсудимой, в результате присяжные вынесли оправдательный приговор.

² Вел. кн. Николай Николаевич, брат императора Александра II.

³ См. выше коммент. 19 к «Переписке Александра Александровича Романа и его супруги Марии Федоровны».

С. Д. Шереметев

Мемуары

<Фрагменты>

Печатается по: Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 434–436, 438–440, 441–445, 448–452, 458–463, 470–471, 588–593. Примечания Л. И. Шохина.

¹ Красное Село под Петербургом, где проходили летние военные лагеря и учения (*примеч. сост.*).

² *Коттедж* — загородный дворец в петергофском парке Александрия (*примеч. сост.*).

³ Зачеркнуто: довольный.

⁴ Ах, добрый день, господин Граф! (*нем.*).

⁵ Экипаж четверкой (*англ.*).

⁶ Вписано С. Д. Шереметевым на полях.

⁷ Зачеркнуто: в сомнительное общество.

⁸ *Фальшфейер* (от нем. *falsch* — фальшивый и *feuer* — огонь) — пиротехническое сигнальное устройство в виде картонной гильзы, наполненной горючим составом (*примеч. сост.*).

⁹ *Бивуак* — расположение войск для отдыха во время похода (*примеч. сост.*).

¹⁰ Зачеркнуто: бессильное.

¹¹ Зачеркнуто: ничем не [оправдывалось].

¹² Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг. (*примеч. сост.*).

¹³ Осиновая Роща — мыза под Петербургом вдоль Выборгского тракта, владельцами которой во второй половине XIX в. были графы Левашовы (*примеч. сост.*).

¹⁴ См. выше коммент. 10 к «Переписке Александра Александровича Романова и его супруги Марии Федоровны» (*примеч. сост.*).

¹⁵ См. выше коммент. 13 к «Переписке Александра Александровича Романова и его супруги Марии Федоровны» (*примеч. сост.*).

¹⁶ Вписано на полях С. Д. Шереметевым.

¹⁷ Зачеркнуто: пикантных.

III ВОЦАРЕНИЕ

Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин

Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 года

Впервые: Дом Романовых в истории России: [Материалы к докл. конф., 19–22 июня 1995 г. / Редкол.: И. Я. Фроянов (отв. ред.) и др.]. СПб., 1995. С. 204–213. Печатается по этому изданию.

Ананьич Борис Васильевич — главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук, академик РАН; *Ганелин Рафаил Шоломович* — главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН.

¹ См.: *Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865–1881* // Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Сборник II. М., 1928. С. 107–134. Здесь и далее мы опираемся на эту статью.

² *Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник. С. 112.*

³ Там же. С. 115.

⁴ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полутом II. М., 1923. С. 1005.

⁵ *Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник... С. 118.*

⁶ Подробнее об этом см.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг.* // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1972. С. 300–301; *Чернуха В. Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.)* // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 167–184.

⁷ Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник... С. 118.

⁸ Там же. С. 119.

⁹ Здесь и далее мы пользуемся записками А. А. Толстой, опубликованными в журнале «Октябрь», № 5 и 6 за 1993 г. (Перевод с французского и публикация Л. В. Гладковой, предисловие Н. И. Азаровой).

¹⁰ Толстая А. А. Печальный эпизод из моей жизни при дворе. Записки фрейлины // Октябрь. № 5. 1993. С. 156.

¹¹ Запискам А. А. Толстой, конечно, свойственна тенденциозность. В 1882 г. в Париже, вскоре после гибели Александра II, была опубликована книга о нем некоего Лаферте (*Laferté*. Alexandre II. Details inédits sur la vie intime et sa mort), написанная с очевидной целью возвысить княгиню Юрьевскую. Современники восприняли это сочинение как продиктованное ею, или даже как ее собственные мемуары. Появление этой книги, как признавалась А. А. Толстая, привело ее в ярость и она написала ответ г-ну Лаферте, напечатанный затем отдельной брошюрой (см.: Октябрь. № 6. 1993. С. 151–152; см. также: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 38).

¹² Толстая А. А. Печальный эпизод из моей жизни // Октябрь. № 5. 1993. С. 126.

¹³ Там же. С. 108.

¹⁴ Там же. С. 118.

¹⁵ Там же. С. 130.

¹⁶ Там же. С. 123.

¹⁷ Там же. № 6. С. 139.

¹⁸ Там же. С. 146.

¹⁹ Там же. С. 152–153.

²⁰ Там же. С. 147.

²¹ Там же.

²² *Воспоминания А. Н. Куломзина* остаются неопубликованными. Подробнее см.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей». С. 304.

²³ См.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С. 233.

²⁴ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. I. Комментарий 28. М., 1960. С. 521–522. Л. А. Милютин — военный министр, Б. Вердер — германский военный атташе. Ср.: «некоторые высказывали прямо, что в событии 1 марта видят руку провидения: оно возвеличило императора Александра, послав ему мученическую кончину, но вместе с тем послужило спасением для России от страшных бедствий, угрожавших ей, если бы еще несколько лет оставался на престоле несчастный монарх, который давно уже утратил всякую руководящую нить для своих действий, а в последнее время очутился в рабском подчинении княгини Юрьевской» (Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848–1898. М., 1991. С. 195–196).

²⁵ А. И. Дворжицкий был начальником Первого отделения петербургской полиции.

²⁶ *Спасский-Одынец А. А. Manuscript I. С. 34 и сл.* // Бахметьевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке.

²⁷ Там же. С. 36.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: 1 марта 1881 г. Казнь императора Александра II. Документы, воспоминания / Сост. В. Б. Кельнер. Л., 1991. С. 195.

³⁰ *Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 312–313.* Спасский-Одынец ошибочно указал т. 3.

³¹ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей».* С. 309.

³² *Бурцев В. Л. Протоколы сионских мудрецов. Доказанный подлог. Paris, 1938. С. 43.*

Е. А. Перетц

Дневник государственного секретаря

<Фрагмент>

Впервые: Дневник Е. А. Перетца (1880–1883). М.; Л., 1927. Печатается по тому изданию. С. 23–47, 50–54, 56–57, 60–71, 73–80, 87–93, 95–97, 104–107, 111–113.

Автор воспроизводимых здесь дневниковых записей *Егор Абрамович Перетц* (1833–1899), чей карьерный взлет пришелся на последние годы царствования императора Александра II. В 1878–1883 гг. он занимал должность государственного секретаря, — так именовался тогда секретарь высшего законосовещательного учреждения России — Государственного совета. Его патроном — председателем Государственного совета — был великий князь Константин Николаевич. В состав этого учреждения включались обычно самые опытные высокопоставленные чиновники, в частности министры, настоящие и бывшие. Хотя в самодержавной России существовали и иные пути принятия законов, минуя Государственный совет, все же самые крупные законодательные предположения проходили именно через него. Поэтому понятна ценность сведений, сообщаемых этим в высшей степени осведомленным человеком.

Е. А. Перетц был юристом по образованию, выпускником Петербургского университета. Долгое время он служил в так называемом II Отделении собственной Его величества канцелярии — ведомстве, занимавшемся кодификацией, то есть сведением законов в кодексы — своды и сборники, а также правовым обеспечением законодательного процесса. На посту государственного секретаря он вполне успешно сотрудничал со своим патроном, разделяя его либеральные взгляды. Но это предопределило и его отставку: Александр III, неприязненно относившийся к своему дяде, сразу же по воцарении сместил его с поста председателя Государственного совета, а вслед за ним был уволен и Перетц. В начале 1883 г. его сменил А. А. Половцов.

В 1920-е гг. в советской России публиковалось много документов, дневников и мемуаров по дореволюционной ее истории. Тогда-то и увидела свет часть дневника

Перетца, относящаяся к периоду острейшего внутреннего кризиса империи. В его записях отразились и политическая жизнь страны, и драматическая семейная жизнь Александра II, его трагическая гибель и коллизии смены царствований.

¹ 1 марта 1881 г. император Александр II был смертельно ранен народо-вольцами. На престол вступил император Александр III.

² Вел. кн. Константин Николаевич, председатель Государственного совета.

³ *Княгиня Юрьевская* — титул морганатической жены императора Александра II княгини Екатерины Михайловны Долгоруковой, с которой он тайно обвенчался 6 июля 1880 г.

⁴ Манифест 1 марта 1881 г. о восшествии на престол императора Александра III: «Господу Богу угодно было в неисповедимых путях своих поразить Россию роковым ударом и внезапно отозвать к себе ее благодетеля государя императора Александра II. Он пал от святотатственной руки убийц, неоднократно покушавшихся на его драгоценную жизнь, потому что в ней видели оплот и залог величия России и благоденствия русского народа. Смирясь пред таинственными велениями Божественного промысла и вознося к Всевышнему мольбы об упокоении чистой души усопшего родителя нашего мы вступаем на прародительский наш престол Российской империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого княжества Финляндского с твердым упованием на его всемогущую помощь.

Подъемлем тяжкое бремя Богом на нас возлагаемое. Да благословит он труды наши ко благу возлюбленного нашего Отечества и да направит он силы наши к устройению счастья всех наших верноподданных.

Повторяя данный родителем нашим священный пред Господом Вседержителем обет посвятить по завету наших предков всю жизнь нашу попечениям о благоденствии, могуществе и славе России, мы призываем наших верноподданных соединить их молитвы с нашими мольбами пред алтарем Всевышнего и повелеваем им учинить присягу в верности нам и наследнику нашему, его императорскому высочеству, цесаревичу великому князю Николаю Александровичу» (ПСЗ. Собрание 1881–1913. Т. I. С. 1).

⁵ По сложившейся традиции, молодой монарх должен был передать каждому члену Государственного совета слова благодарности, произнесенные на смертном одре его предшественником. Так поступил Александр II при вступлении на престол в 1855 г. Однако покушение исключило всякую возможность для находящегося без сознания императора вспомнить о высокопоставленных чиновниках. Поэтому Александру III пришлось ограничиться краткой речью к членам Государственного совета.

П. Е. Щеголев

Событие 1-го марта и В. С. Соловьев

<Фрагменты>

Впервые: Былое. 1906. № 3. С. 48–55. Печатается по этому изданию. С. 48–49; 52–55.

Молодой самодержец, вступая на престол, испытывал воздействие различных политических и общественных сил. Сторонники решительных действий

из консервативного лагеря настаивали на ужесточение режима, но вместе с тем в обществе звучали обращения к монарху с просьбой о милосердии. Л. Н. Толстой передал Александру III письмо, в котором убеждал молодого императора помиловать цареубийц. Писатель взывал к религиозному чувству верующего человека, напоминая о христианских заповедях милосердия. С подобным обращением выступал и религиозный философ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900), сын историка С. М. Соловьева, преподававшего курс русской истории Александру III в период наследничества. Убежденный монархист, В. С. Соловьев дважды призывал молодого монарха помиловать убийц Александра II. Он обращался к нравственным основам христианства, догматы которого осуждают любые покушения на человеческую жизнь. Эти лекции, прочитанные 26 и 28 марта, стали важным событием в общественно-политической жизни России. Они вызвали широкий отклик среди молодежи и были восприняты правительством как угроза общественному порядку. По-видимому, Александр III снисходительно отнесся к выступлению философа, ограничившись внушением и ограничением лекторской деятельности, однако его призыву не последовал.

Содержание лекций В. С. Соловьева и общественный резонанс, который получили выступления философа, переданы в публикации историка общественного движения и издателя журнала «Былое» Павла Елисеевича Щеголева (1877–1931), поместившего свой очерк под псевдонимом «П. Щ.».

¹ *Высшие женские курсы* — высшие женские учебные заведения, возникшие в 1860–1870-х гг. В 1872 г. были открыты Высшие женские медицинские курсы при Медико-хирургической академии в Петербурге и Высшие женские курсы профессора Московского университета В. Н. Герье в Москве.

² *Кредитное общество* — Санкт-Петербургское общество взаимного кредита, первое российское кредитное учреждение. Размещалось в здании на набережной Екатерининского канала (в настоящее время — канал Грибоедова), дом 13.

³ Наиболее крупные политические процессы рассматривались Особым присутствием Правительствующего Сената, учрежденным в России по закону 7 июня 1872 г. для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах. Особое присутствие состояло из 6 сенаторов (председателя — первоприсутствующего и 5 членов), а также трех сословных представителей (предводителя дворянства, городского головы и волостного старшины). Передача дела В. С. Соловьева Особому присутствию говорит о том, что правительство со всей серьезностью отнеслось к факту его выступления.

⁴ В. С. Соловьев не записал текст лекции, он подготовил тезисы «Программа публичных чтений о ходе русского просвещения в настоящем столетии».

⁵ *Madame* — мадам (*фр.*), вежливое обращение к замужней женщине.

⁶ М. Т. Лорис-Меликов — министр внутренних дел.

⁷ Лорис-Меликов намекает на возможность ссылки в Сибирь.

⁸ Ученый комитет Министерства народного просвещения рассматривал различные педагогические вопросы.

⁹ На всеподданнейшем докладе министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова, сделанного по поводу лекции В. С. Соловьева, написано рукой министра: «Государь император, по всеп. докладу высочайше повелеть соизволил,

чтобы г. Соловьеву, через посредство мин. нар. просв., сделано было внушение за неуместные суждения, высказанные им в публичной лекции, по поводу преступления 1 марта, независимо от сего, предложено было воздержаться на некоторое время, по усмотрению того же министра, от публичных чтений» (*Янченко И. К.* Правительственная деятельность Александра III в Гатчине. Исследования и материалы // ОР РНБ. Ф. 1135. Д. 521. Л. 38).

А. А. Савельев

<Восшествие на престол Александра III>

<Фрагменты>

Впервые: Николай П. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С. 91–104. Печатается по этому изданию. С. 91–93.

Смена царствований в Российской империи всегда порождала в обществе надежды на обновление. Вступление на престол нового монарха ассоциировалось с демократизацией общественно-политической жизни. Отстраненность Александра III от светской жизни в период наследничества, активное участие в деле помощи голодающим в 1868 г. и создании Добровольческого флота создали ему в обществе репутацию приверженца либерального образа мыслей. Принимая 2 марта 1881 г. членов Государственного совета, император заявил о намерении продолжать политику своего отца и следовать его заветам. Все это в глазах общества свидетельствовало о готовности воплотить в жизнь преобразования, намеченные накануне гибели Александра II и тем самым вывести страну из внутривнутриполитического кризиса.

Фрагмент воспоминания видного земского деятеля *Александра Александровича Савельева* (1848–1916), будущего депутата Государственной думы первых созывов, отражает надежды либеральной части общества, связанные с воцарением Александра III.

¹ *Мировой судья* — выборная должность, созданная в ходе судебной реформы 1864 г. для разбора мелких уголовных проступков и для решения несложных гражданских дел.

² *Мировой съезд* — съезд мировых судей, апелляционная инстанция для мирового суда, организованного по реформе 1864 г. в России.

³ *Окружной суд* — одно из основных звеньев системы общих судов по судебной реформе 1864 г. Создавался обычно на территории нескольких уездов и являлся судом первой инстанции при рассмотрении уголовных и гражданских дел.

⁴ См. ниже главу «Корректировка курса».

<Без подписи>

Речь депутата тверского дворянства, обращенная к Александру III

<Фрагменты>

Печатается впервые. Этот документ находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 231. На л. 2 об. надпись карандашом «Должно быть, речь тверского дворянства».

В январе 1881 г. министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов предложил Александру II созвать административно-хозяйственную и финансовую комиссии для разработки проектов преобразований политической и экономической жизни страны. Эти учреждения предполагалось сформировать по такому же принципу, что и Редакционные комиссии, действовавшие накануне отмены крепостного права, включив в их состав как представителей чиновничества, так и общественных деятелей, в том числе земских. Окончательное обсуждение законопроектов до представления их в Государственный совет предполагалось провести в общей комиссии, в которую также призывались «сведущие люди» от местных учреждений. Проект, названный в исторической литературе «конституцией» Лорис-Меликова, позволял либеральному течению надеяться на создание высших представительных учреждений. Утром 1 марта Александр II одобрил проект правительственного сообщения о созыве общей комиссии. Его окончательное обсуждение в Совете министров было назначено на 4 марта. После убийства Александра II судьбу проекта предстояло решить его преемнику. Воцарение Александра III вселяло в сторонников реформ надежды на их проведение.

Тверское дворянство в царствование императора Александра II было одной из самых активных политических сил в стране. Его представители неоднократно обращались к императору с адресами, в которых говорилось о необходимости создания представительных учреждений. В первые дни правления нового монарха тверское дворянство решило напомнить ему о необходимости реформ, выражая чаяния либеральной части общества.

Аналогичные требования выдвигали и деятели революционного движения. 10 марта 1881 г. из подпольной печати вышло письмо Исполнительного комитета Народной воли, адресованное Александру III. Основная цель письма сводилась к тому, чтобы убедить нового императора пойти на уступки, на которые не решился Александр II. Помимо угрозы нового цареубийства в нем содержались следующие требования:

1. общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;
2. созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями» (цит. по: Исполнительный комитет Александру III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 129).

Ответом Александра III был манифест 29 апреля 1881 г.

К. П. Победоносцев

<Письма императору Александру III>

<Фрагменты>

Впервые: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. М., 1923. Т. I, п/т 1-й. Печатается по: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: В 2 т. Т. I. Мн., 2003. С. 36–39; 41–42.

Самым трудным временем жизни нового императора были первые месяцы царствования, когда на него буквально обрушилась гора проблем. Новые

сложные обязанности могли быть облегчены только способностями государственного человека, не часто встречающимися, навыками правления и кругом помощников, справляющихся с повседневными делами. У Александра III не было ни того, ни другого, ни третьего. На него со всех сторон давили люди и обстоятельства: либералы подавали записки, пытались убедить, что реакция опасна, и надо продолжить либеральные преобразования; консерваторы твердили, что спасти страну могут только крутые меры, расправа с революционерами и либералами, демонстрация силы, то есть дееспособности, власти. Все говорили о необходимости придерживаться в политике какой-то единой системы. И в это время роль основного советника и помощника взял на себя Константин Петрович Победоносцев. Он писал новому монарху почти ежедневно, советуя, рекомендуя новых помощников и образ действий. В 1881 г. роль и значение К. П. Победоносцева особенно велики. Здесь приводятся лишь некоторые наиболее выразительные послания Победоносцева молодому императору, тут же отзывавшиеся правительственными мерами.

¹ Мраморный дворец был резиденцией великого князя Константина Николаевича, фигура которого ассоциировалась в общественном мнении с либеральным течением.

² Упомянутое К. П. Победоносцевым заседание Комитета министров 21 марта — в действительности происходило 21 апреля.

³ К. П. Победоносцев говорит о манифесте, который появился 29 апреля и окончательно определил политику нового царствования. Черновой проект манифеста был написан самим Победоносцевым.

⁴ В этом письме изложены вопросы, которые предполагалось рассмотреть 28 апреля на совещании у министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова. Программа совещания была разослана всем членам Комитета министров.

⁵ На программе совещания 28 апреля К. П. Победоносцев составил набросок разгоревшейся дискуссии о выборе политического курса. Сторонники реформ, полагавшие, что речь идет об их продолжении, испытали настоящее потрясение, когда в конце совещания был прочитан проект Манифеста о незыблемости основ самодержавия, составленный К. П. Победоносцевым. Манифест был опубликован на следующий день, 29 апреля и положил конец конституционным ожиданиям либеральных министров.

<Высочайший манифест 29 апреля 1881 года>

Впервые опубликован 29 апреля 1881 г. Текст манифеста помещен в Полном собрании законов Российской империи, собрание 3-е (1881–1913). Т. 1. Печатается по: Высочайшие манифесты, воследовавшие по случаю некоторых важнейших событий государственной жизни в царствование императоров Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и Николая II (Справочное издание Канцелярии Совета министров). СПб., 1914. С. 164–165.

Высочайший манифест являлся торжественным актом, которым от имени монарха объявлялось о самых значительных событиях в жизни российского

государства и императорской семьи. При этом сам император не принимал непосредственного участия в написании текста, документ создавался в ближайшем окружении самодержца или в Канцелярии Комитета министров. Высочайшие манифесты оглашались в церквях после службы, на городских и торговых площадях, печатались в губернских ведомостях, а затем входили в Полное собрание законов Российской империи.

Как правило, манифесты оповещали о рождении императорских детей, вступлении на престол нового монарха, объявлении войны и мира. Во второй половине XIX в. лишь несколько манифестов коренным образом меняли жизнь страны. В царствование императора Александра II высочайшими манифестами в 1861 г. отменялось крепостное право и в 1874 г. вводилась всеобщая воинская повинность. Такое же значение имел и манифест, появившийся в первые дни правления императора Александра III.

Александр III взошел на престол в тот момент, когда российской государство оказалось перед развилкой исторического пути. Молодой император был поставлен перед выбором между продолжением реформ и консервацией режима. После колебаний в выборе политического курса, продлившихся почти два месяца, 29 апреля 1881 г. появился манифест, провозгласивший неизбежность самодержавия. Общественное мнение дало этому манифесту ироническое название «ананасный» (из-за фразы «А на нас возложить священный долг самодержавного правления»).

Выбор политического курса молодым императором совершился под сильным влиянием К. П. Победоносцева, который составил проект манифеста и ознакомил с его содержанием участников совещания у министра внутренних дел 28 апреля. Текст манифеста явился для них полной неожиданностью, после совещания 21 апреля сторонники реформ рассчитывали на продолжение намеченных накануне гибели императора Александра II преобразований. 30 апреля министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов подал в отставку. Вслед за ней последовали отставки министра финансов А. А. Абазы и военного министра Д. А. Милютина, сторонников либерального курса.

С. Д. Шереметев

Мемуары
<Фрагменты>

Печатается по: Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 545–547.

Приводимый здесь фрагмент мемуаров графа С. Д. Шереметева описывает коронацию императора Александра III в Успенском соборе Московского Кремля 15 мая 1883 г.

¹ На Соборной площади московского Кремля находятся три собора — Успенский (в котором с 1547 г. венчались на царство все русские цари, начиная с Ивана Грозного, и российские императоры), Архангельский (усыпальница московских великих князей и русских царей до 1725 г.) и Благовещенский (домашний храм русских царей) — а также колокольня Ивана Великого.

Н. Х. Бунге

«Загробные заметки»

<Фрагменты>

Впервые несколько экземпляров записки Н. Х. Бунге были напечатаны для ознакомления представителей императорской фамилии и высшей бюрократии после кончины министра в 1895 г. Один из предварительных вариантов текста опубликован: Река времен. Кн. 1. Государь. Государство. Государственная служба. М., 1995. С. 198–254. Окончательный вариант впервые опубликован: Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX вв. Документы и мемуары государственных деятелей / Подготовил Л. Е. Шепелёв. СПб., 2007. С. 216–255.. СПб., 2007. С. 216–255. Печатается по этому изданию.

Сочетание чиновничьей карьеры и научной деятельности было типичным явлением в среде российской профессиональной бюрократии второй половины XIX в. Тем не менее фигура *Николая Христофоровича Бунге* (1823–1895) выделяется из общего ряда. Как правило, крупные чиновники начинали свои научные занятия, уже достигнув вершин политического Олимпа, что открывало для них новые возможности знакомства с архивными документами и служебными материалами. Н. Х. Бунге, наоборот, получил пост министра финансов в 1882 г., будучи известен как профессор политической экономии и финансов Киевского университета, где он преподавал в течение 30 лет и даже занимал должность ректора. Его путь в верхние эшелоны власти начался с приглашения в качестве преподавателя политической экономии в 1863–1864 гг. старшему брату Александра III — великому князю Николаю Александровичу, являвшемуся в то время наследником престола. В 1880 г. Бунге был назначен товарищем министра финансов.

Корректировка политического курса, начавшаяся с воцарением императора Александра III, привела к смене политических элит. Последовали отставки либеральных министров предыдущего царствования, в том числе и министра финансов А. А. Абазы, преемником которого и стал Н. Х. Бунге. Он оставался на этом посту до 1886 г. и затем еще почти десять лет возглавлял Комитет министров (до своей кончины в 1895 г.)

Благодаря Бунге произошло переосмысление сущности финансовой политики на государственном уровне, ее назначением стало не только преумножение финансов, но и забота об экономическом развитии страны. Н. Х. Бунге настойчиво доводил до сведения монархов проблемы экономики России и предлагал пути их решения в своих записках. Самую большую известность получило его политическое завещание — «Загробные заметки» — адресованные сначала Александру III, а затем Николаю II. Работа над ними заняла почти десять лет (с 1885 по 1895 г.). В этих заметках Бунге подвел итоги политического и экономического развития страны в XIX столетии, уделив большое внимание достижениям политики Александра III и задачам будущего царствования. (Подробно см.: *Шепелёв Л. Е.* «Загробные заметки» Н. Х. Бунге // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 242–246.)

¹ *Крестьянские сходы* — органы крестьянского самоуправления, созданные в ходе отмены крепостного права, когда на смену административно-хозяйственной власти помещика пришло сельское общество. Несколько обществ

составляли волость. Сельские общества несли коллективную ответственность за уплату налогов, в первую очередь, подушной подати. Все насущные вопросы сельское общество решало на сельских сходах.

² *Земства* — органы местного самоуправления, создававшиеся на выборной основе в уездах и губерниях по Земскому положению 1864 г. Ведению земств подлежали хозяйственные вопросы (строительство школ, больниц, благоустройство дорог и т. п.). Земские деятели выступали за участие земств в решении политических вопросов и призывали власть «увенчать здания народного представительства» парламентским учреждением. (Подробно о земской реформе см.: *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957.) Земская контрреформа 1890 г. существенно ограничила полномочия земств.

³ По Городовому положению 1870 г. городские думы наделялись теми же полномочиями, что и земства. (Подробно см.: *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60–90-х годах XIX в. Правительственная политика. Л., 1994.)

⁴ Институт мировых посредников был создан для урегулирования отношений между помещиками и крестьянами, получавшими по реформе 1861 г. земельный надел. В 1889 г. вместо мировых посредников был учрежден институт земских начальников. В отличие от мировых посредников земские начальники не избирались, а назначались и обладали административной властью.

⁵ Речь идет об учреждении суда присяжных в 1864 г., действовавшего на принципах гласности, открытости и состязательности судебного процесса, а также независимости и несменяемости судей.

⁶ *Питейные сборы* — налог на продажу алкогольных напитков. Право торговать спиртными напитками при этом принадлежит государству, а производитель или продавец уплачивают за получение этого права акцизный сбор. Акцизная система была введена в 1863 г., в 1895 г. на смену ей пришла винная монополия.

⁷ В 1871 г. министр народного просвещения граф Д. А. Толстой провел реформу образования, введившую вместо классических и реальных гимназий, подразумевавших всесловное обучение, классические гимназии и реальные училища, введившие сословный принцип. Первые предназначались для детей дворян и открывали путь в университет, во вторые предполагалось принимать представителей низших сословий. Поступление в университет требовало от них дополнительных занятий и финансовых затрат.

Е. А. Перетц

<Дневник государственного секретаря. 1881–1883 годы>

<Фрагменты>

Печатается по: Дневник Е. А. Перетца (1880–1883). М.; Л., 1927 / Предисловие А. Е. Преснякова. Подготовка текста к печати А. А. Сергеева. С. 26–107. Пер. издателей дневника.

¹ См. коммент. к письмам великого князя Александра Александровича К. П. Победоносцеву, коммент. 12.

² Вел. кн. Константин Николаевич, возглавлявший Морское министерство с 1855 г., был ближайшим сподвижником своего старшего брата императора Александра II в период проведения крестьянской реформы и последовавших за ней преобразований. В 1865 г. он был назначен председателем Государственного совета. После воцарения Александра III был уволен со всех должностей в отставку, что символизировало изменение правительственного курса.

³ Речь идет о проекте Лорис-Меликова, поданного на рассмотрение императору Александру II накануне гибели монарха. Александр II намеревался подписать проект публикации о созыве комиссии с участием избранных обществом представителей в «Правительственном вестнике» после возвращения в Зимний дворец 1 марта 1881 г., но этому помешало цареубийство (см. комментарии к речи депутата тверского дворянства, обращенная к Александру III). Колебания Александра III по поводу подписания этого проекта и его отказ от преобразований иллюстрируют процесс корректировки политического курса.

⁴ Закон о печати 6 апреля 1865 г.

⁵ В царствование императора Александра II неоднократно разрабатывались проекты усовершенствования государственного устройства. Авторами документов, ставших предметом обсуждения на правительственном уровне, были П. А. Валувев, изложивший идеи народного представительства во всеподданнейшем докладе 13 апреля 1863 г., и вел. кн. Константин Николаевич, подавший свой проект императору 22 декабря 1866 г. (обсуждение происходило в январе 1880 г.). (Подробно см.: *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. Л., 1978; Александр II: Proetcontra. СПб., 2012.)

⁶ Конец Польше (*лат.*).

⁷ Конец России (*лат.*).

⁸ *Генеральные штаты* — французский парламент, собрание представителей всех сословия, созывавшийся с 1204 по 1789 г. В 1789 г. представители третьего сословия отказались подчиниться королевскому указу о роспуске Генеральных штатов, развитие событий привело к Великой французской революции, в ходе которой была провозглашена республика, а королевская семья казнена.

⁹ К. П. Победоносцев говорит о крестьянской реформе 1861 г., земской и судебной реформах 1864 г.

¹⁰ «Надеюсь, что Вы были мной довольны». — «Вполне. Но я не сказал бы того же о Вашем питомце; это лакей» (*фр.*).

¹¹ Речь идет о будущем германском императоре Вильгельме II.

¹² «Я счастлив, что приехал. Для меня императора — открытие» (*фр.*).

¹³ 4 апреля 1866 г. произошло первое покушение на жизнь императора Александра II. Участник народнической организации Дмитрий Каракозов стрелял в монарха недалеко от ворот Летнего сада. М. Н. Муравьев был назначен председателем Верховной комиссии по делу Каракозова, которому был вынесен смертный приговор.

¹⁴ См. комментарии к письмам великого князя Александра Александровича К. П. Победоносцеву, коммент. 1.

¹⁵ Вел. кн. Константин Николаевич возглавлял Главный крестьянский комитет в 1860–1861 гг. и был наместником Царства Польского в 1862–1863 гг.

¹⁶ 19 марта 1881 г. по предложению петербургского градоначальника Н. М. Баранова был создан Временный совет при градоначальстве, получивший в публике ироническое название «бараний парламент».

¹⁷ «Я его просил предложить, но не просить моей отставки» (фр.).

¹⁸ *Ореанда* — дворец вел. кн. Константина Николаевича в Крыму.

¹⁹ См. комментарии к письмам великого князя Александра Александровича К. П. Победоносцеву, коммент. 18 и 20.

²⁰ *Мемория* (от лат. *memoria* — память) — выписка из документа, представляемая на утверждение.

²¹ 21 апреля 1881 г. в Гатчине было заседание Комитета министров под председательством Александра III. Лорис-Меликов, Милютин и Абаза говорили о введении представительного начала в России. Вел. кн. Владимир Александрович упорно возражал. Александр III писал в этот день Победоносцеву: «Мой брат Владимир правильно смотрит на вещи и совершенно, как я, не допускает выборного начала». Победоносцев отвечал Александру III, что нужно «обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия». Это заявление Александр III и сделал в манифесте 29 апреля 1881 г. (*примеч. издателей дневника*)

²² *Штунда* (нем. *Stunde* — час молитвы) — религиозная секта, возникшая на юге России в середине XIX в. среди зажиточных крестьян под влиянием протестантизма.

²³ «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», подписанные Александром II 19 февраля 1861 г., определяли порядок выкупа земельного надела: 20% выплачивали помещику непосредственно крестьяне, 80% — государственная казна, предоставлявшая крестьянам ссуду на эту сумму сроком на 49 лет под 6% годовых. Таким образом, крестьяне переплачивали за землю в 3 раза. До перехода на выкуп крестьяне считались временнообязанными. 28 декабря 1881 г. были изданы «Положение» о переводе временнообязанных крестьян на обязательный выкуп, начиная с 18 января 1883 г., и указ о понижении выкупных платежей на 16%.

²⁴ *Янки* (англ. *yankee*) — кличка, которую английские солдаты дали жителям Североамериканских колоний во время войны за независимость 1775–1783 гг. Во время Гражданской войны между Севером и Югом — презрительное наименование северян. Позднее распространилось на всех жителей США.

²⁵ «Я ухожу, по крайней мере, в хорошей компании» (фр.).

²⁶ «Ты слышишь: Бисмарк — уже ничто» (нем.).

²⁷ Подушная подать была введена Петром I в 1724 г. и представляла собой налог, которым облагалось мужское население податных сословий. С 1 января 1883 г. началось постепенное прекращение взимания подушной подати. С 1 янв. 1887 г. отменялось взимание подушной подати со всех разрядов населения империи, кроме Сибири, где подушная подать взималась до 1899 г.

²⁸ «При отъезде всегда очень грустно, не правда ли?» (фр.).

²⁹ 15 апреля 1881 г. в Елисаветграде произошел еврейский погром, который охватил семь южных губерний и продолжался около трех недель (*примеч. издателей дневника*).

³⁰ Указом 28 декабря 1881 г. выкупные платежи для крестьян, ранее перешедших на выкуп, понижались на 12%.

³¹ «Сделать нескромность» (*фр.*).

³² «Вот в чем вопрос» (*англ.*) — цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет» (*пер. сост.*).

³³ «Выясни мне это» (*фр.*).

³⁴ Александр Велепольский в 1862–1863 гг. занимал пост начальника гражданской администрации и вице-председателя Государственного совета Царства Польского. Велепольский был влиятельной фигурой польского освободительного движения и польской администрации.

³⁵²¹ июня 1862 г. в Варшаве в великого князя Константина Николаевича стрелял поляк Ярошинский.

³⁶ «И держать меня в курсе» (*фр.*).

³⁷ Неприязненное отношение императора Александра III к А. В. Адлербергу было отчасти обусловлено тем, что министр двора принимал участие в подготовке тайного венчания Александра II с княжной Долгоруковой, состоявшегося 6 июля 1880 г., и не поставил наследника в известность.

³⁸ Государственный архив помещался в здании Сената на Сенатской площади. В 1925 г. на его базе был основан Ленинградский центральный исторический архив (в 1961 г. получил название Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ), в 1999 г. — Российский государственный исторический архив (РГИА)). До 2006 г. архив занимал исторические здания Сената и Синода, в настоящее время в этих помещениях располагаются Конституционный суд РФ и Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. РГИА переехал на Заневский пр., д. 26.

А. А. Половцов

Дневник государственного секретаря.

<1883–1892 годы>

<Фрагменты>

Впервые: Дневник государственного секретаря А. А. Половцова в 2 т. Т. I. 1883–1886. Т. II. 1887–1892 гг. М., 1966 / Редакция П. А. Зайончковского. Печатается по: *Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Комментарии Г. И. Щетининой, Г. П. Павчинской, З. А. Кудрявцевой с уточнениями В. А. Благово и С. А. Сапжникова. Т. I. С. 23–24, 28–30, 62–63, 89–90, 212–215, 296–302. Т. II. С. 12, 15, 26, 32–33, 69–70, 104–107, 117, 162–168, 296–297, 386–388, 460–461, 475–478, 487, 495–496.*

Половцов Александр Александрович (1832–1909) — юрист по образованию, выпускник Училища правоведения, что позволяло ему быть «на ты» с К. П. По-

бедоносцевым, окончившим то же училище, был человеком образованным, умным и трудолюбивым. Он регулярно вел дневник, выдержки из которого неоднократно публиковались. В 1966 г. были опубликованы два тома его дневников за десятилетие 1883–1893 гг. — время, когда он занимал должность государственного секретаря. Государственный секретарь — главный двигатель работы Государственного совета, высшего законодательного учреждения России. Государственный секретарь готовил повестку дня заседания, бумаги к рассмотрению, вел записи происходившего на заседаниях, оформлял итоговые документы, шедшие на утверждение монарху, осуществлял переговоры с председателем и членами Государственного совета. Он выполнял всю огромную организационную работу для августейшего председателя совета — вел. кн. Михаила Николаевича, совершенно для этой должности не подготовленного, и потому свысока смотрел на патрона. Однако докладывал монарху — согласно процедуре — именно председатель, а не секретарь. Тем не менее Александр III и А. А. Половцов встречались и раньше, и в годы его секретарства: во-первых, Половцов был крупным чиновником, обязанным являться ко двору во всех торжественных случаях; во-вторых, он получил от Александра III право непосредственно обращаться к императору, каковое и использовал, правда, не злоупотребляя им; в-третьих, Половцов был председателем Императорского Русского исторического общества, почетное руководство которым осуществлял Александр III. Половцов был к тому же и богатым человеком, что являлось следствием его женитьбы на приемной дочери придворного банкира А. Л. Штиглица, оставившего семье Половцовых свое состояние. Это обеспечивало Половцову возможность принимать у себя и участвовать в раутах петербургского высшего света, включая великих князей. Регулярные встречи Половцова с императором повторялись из года в год и были однотипны. Поэтому для публикации выбраны характерные дневниковые записи, дающие представление о будничной деятельности российской государственной машины.

¹ Великий князь Михаил Николаевич сменил своего старшего брата Константина Николаевича на посту председателя Государственного совета в 1881 г. Подробно об этом см. выше фрагменты из дневника Е. А. Перетца.

² Правительствующий Сенат был высшим судебным учреждением Российской империи.

³ Е. А. Перетц был назначен государственным секретарем в царствование императора Александра II, когда председателем Государственного совета был великий князь Константин Николаевич.

⁴ Д. А. Толстой, министр внутренних дел в 1882–1889 гг.

⁵ В 1884 г. был утвержден новый университетский устав, существенно ограничивающий университетскую автономию.

⁶ А. В. Головин был министром народного просвещения в 1861–1866 гг., при нем были проведены либеральные реформы в области образования. Он был близок к великому князю Константину Николаевичу, в 1850-х гг. занимал должность его секретаря.

⁷ Кахановская комиссия, или, точнее, Особая комиссия для составления проектов местного управления под председательством М. С. Каханова, была

образована 20 октября 1881 г. на основе доклада министра внутренних дел Н. П. Игнатьева Александру III от 4 сентября 1881 г. В докладе ставился вопрос о необходимости преобразования местных учреждений, приведении их в соответствие с осуществленными в 60-х гг. реформами. В состав комиссии были включены представители различных ведомств, сенаторы, ревизовавшие губернии в 1880–1881 гг., а также «местные сведущие люди», т. е. представители местного дворянства и земства.

Гр. Д. А. Толстой, сменивший Игнатьева на посту министра внутренних дел, всячески игнорировал работу комиссии. 22 февраля 1885 г. он представил Александру III доклад о деятельности комиссии, в котором подчеркивалась ее либеральная направленность. Доклад этот и предопределил ее закрытие.

«Мне все кажется, — писал в резолюции Александр III, — что Кахановская комиссия работает безрезультатно. Все эти вопросы должны исходить от Мин[истерства] внутренних дел и слишком важны, чтобы предоставлять рассуждать об них такой громадной комиссии. Не пора ли подумать, каким образом прекратить ее деятельность?» (ЦГИА СССР. Ф. Канцелярии министра внутренних дел. Оп. 1. Д. 1190. Л. 228).

1 мая 1885 г. Кахановская комиссия прекратила свое существование. Ее деятельность не имела практического значения (Материалы высочайше учрежденной Особой комиссии статс-секретаря Каханова для составления проектов местного управления. СПб., 1884. Архив ее хранится в ЦГИА СССР. Ф. Кахановской комиссии. См. также: *Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. М., 1964. Гл. V*) (*примеч. издателей дневника*).

⁸ *Консистория* — в православной церкви учреждение по церковным делам в епархии (церковном округе) при епархиальном архиепископе.

⁹ Государственный совет состоял из общего собрания, Государственной канцелярии, департаментов и постоянных комиссий. Государственная канцелярия состояла из отделений, во главе каждого стоял статс-секретарь. Кроме того, при Госсовете действовали различные временные особые совещания, комитеты, присутствия и комиссии.

Все дела поступали в Госсовет только через Государственную канцелярию на имя возглавлявшего ее государственного секретаря. После определения, принадлежит ли данное дело ведению Госсовета, государственный секретарь распределял его в соответствующее отделение канцелярии, которое готовило его к слушанию в соответствующем департаменте Госсовета. Срочные дела по повелению императора могли сразу передаваться в общее собрание Госсовета, но обычно дело сначала проходило соответствующий департамент, а потом уже попадало в общее собрание.

¹⁰ Январские совещания 1880 г. освещаются Перетцем весьма подробно в неизданной части его дневника, сохранившейся в машинописной копии (ЦГАОР. Ф. Александра III. Д. 134; *Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. Гл. I*) (*примеч. издателей дневника*).

¹¹ Претензии американских предпринимателей Уайненса (Вайненса) и Гаррисона, заключивших в начале 50-х гг. контракт с правительством на ремонт подвижного состава и паровозов Николаевской железной дороги, были предъявлены еще в 1856 г. Они потребовали уплаты 4 млн руб., причем 2,5 млн руб. из этой суммы им было уплачено. В 60-х гг. они предъявили новые претензии. 23 сентября

1886 г. Комитет министров за давностью прекратил дело (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, Д. 4535. Ст. 690. Л. 199–203; Ф. Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. Оп. 1. Д. 1698) (*примеч. издателей дневника*).

¹² По-видимому, речь идет об увеличении государственного поземельного налога в связи с отменой подушной подати. На 1884 г. он увеличивался с 7640 тыс. руб. до 11650 тыс. руб. Соединенные Департаменты рассматривали этот вопрос 3 декабря 1883 г., Общее собрание — 2 января 1884 г. (ЦГИА СССР, Ф. Департамента государственной экономии, 1883 г. Д. 544) (*примеч. издателей дневника*).

¹³ 26 августа 1883 г. Департаментом торговли и мануфактур было внесено в Государственный совет предложение «Об учреждаемом русско-американском обществе товарных складов с зерноподъемами». Общество ставило своей целью сооружение и эксплуатацию зерноподъемов (элеваторов) и складов для хранения зерна. При этом общество должно было производить весьма обширные торгово-банкирские операции. Так, на сданные на хранение товары оно предполагало выдавать warrants (особого рода квитанции, учитываемые в банке подобно векселям, а также гарантирующие сбыт данного товара). Капитал общества устанавливался в 25 млн руб.; правление должно было находиться в Америке.

Вопрос об учреждении этого общества рассматривался соединенными Департаментами законов и государственной экономии 6, 15, 17 октября 1883 г. и 19 января 1884 г. с участием экспертов — представителей купечества. При рассмотрении дела были высказаны различные суждения. Большинство членов признало представленные департаментом предложения общества неудовлетворительными и рекомендовало составить новые, более конкретные.

В Общем собрании, рассматривавшем этот вопрос 13 февраля 1884 г., мнения также разделялись: 8 членов (Новосильский, Клушин, Философов, Победоносцев, Воронцов-Дашков, Шестаков, Галаган, Гюббенет) высказались за отклонение предложения американского общества, 33 члена, внося в проект ряд уточнений, — за утверждение его. Александр III не утвердил предложение большинства, первоначально написав в резолюции, что создание общества «опасно для России» <...>. Подобная резолюция, обидная, по мнению Половцова, для членов Государственного совета, была по его настоянию заменена другой: «Отложить до рассмотрения закона о warrants» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1884 г., д. 11) (*примеч. издателей дневника*).

¹⁴ В 1810 г. для рассмотрения жалоб и прошений, приносимых на Высочайшее имя, при Государственном совете была образована Комиссия прошений, которая в 1835 г. выделена была в самостоятельное учреждение, состоявшее в непосредственном ведении его императорского величества. Кроме жалоб на высшие судебные и административные места и лица, в комиссию могли поступать прошения о каких-либо наградах или милостях и прошения с представлением проектов. Жалобы и прошения вносились на рассмотрение комиссии статс-секретарем у принятия прошений; через него же шли представления комиссии государю императору. В 1884 г. комиссия прошений была упразднена и на ее базе 9 июня 1884 г. сформирована Канцелярия прошений, на Высочайшее имя приносимых при Императорской Главной квартире. В 1895 г. Канцелярия в очередной раз была реформирована в Канцелярию его императорского величества по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых, просуществовавшую

до 6 декабря 1917 г. (Подробно о реорганизации Канцелярии по принятию прошений см.: Ремнев А. В. Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. 1997. С. 17–35.)

¹⁵ Государственный совет с 1810 по 1885 г. располагался по соседству с Зимним дворцом в здании Старого Эрмитажа, где до сих пор на первом этаже сохранился зал заседаний Госсовета и Советская лестница. В 1885 г. Государственный совет переехал в Мариинский дворец, построенный в 1839–1844 гг. по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера для великой княгини Марии Николаевны, дочери императора Николая I.

¹⁶ Имеется в виду рассмотрение в Государственном совете вопроса об ограничении публичности судебных заседаний <...> (*примеч. издателей дневника*).

¹⁷ Речь идет о крушении императорского поезда около станции Борки 17 (29) октября 1888 г.

¹⁸ В 1883 г. была учреждена Особая комиссия под председательством члена Государственного совета гр. К. И. Палена «для всесторонней разработки еврейского вопроса». Причины создания этой комиссии, по-видимому, заключались в затруднениях, возникших в области финансов. Так, министр финансов Бунге во всеподданнейшей записке от 27 октября 1883 г. по поводу выпуска ренты на сумму 50 млн руб., характеризуя состояние кредита на международном рынке, писал: «Заграничному нашему кредиту вредят главным образом два обстоятельства: во-первых, постоянные слухи о враждебных для России союзах, о возможности европейской войны и, во-вторых, неопределенное положение еврейского вопроса, которое поддерживает нерасположение к России в самой крупной и влиятельной группе заграничных капиталистов» (ЦГИА СССР. Ф. Комитета финансов. Оп. 2. Д. 254. Л. 4).

Комиссия проработала пять лет и представила записку, в которой указывалось, что «высшая комиссия могла совершить лишь весьма небольшое из своей программы». Наиболее общие выводы комиссии таковы:

1. Главная задача законодательства об евреях заключается в возможно большем объединении евреев с общим христианским населением.

2. Не следует формулировать новое законодательство в виде особого положения или устава, что принципиально противоречило бы усилиям правительства ликвидировать обособленность евреев.

3. Система репрессивных и исключительных мер должна быть заменена системой постепенных уравнивательных и освободительных законов.

4. При разрешении еврейского вопроса должны быть соблюдаемы величайшая осторожность и постепенность (Обзор деятельности высшей комиссии, учрежденной под председательством гр. Палена для пересмотра действующих об евреях в империи законов. ЦГИА СССР. Библиотека. Печатные записки. Д. 300. Л. 3–4).

19 ноября 1888 г. комиссия была закрыта. Ее материалы дальнейшего движения не получили, коренной пересмотр всех законов о евреях не состоялся (см.: Гессен Ю. История евреев в России. СПб., 1914) (*примеч. издателей дневника*).

¹⁹ Речь идет о Положении о земских участковых начальниках (см. в наст. издании фрагменты исследования И. К. Янченко).

²⁰ «Прощайте, я уйду» (*фр.*) (*примеч. издателей дневника*).

²¹ «Ваше величество, пожелайте мне удачи» (фр.) (примеч. издателей дневника).

²² «Желаю ее вам, не зная, о чем речь» (фр.) (примеч. издателей дневника).

²³ В заседании соединенных Департаментов 29 февраля 1892 г. по инициативе Н. И. Стояновского был поставлен вопрос об участии евреев в городском общественном управлении. Большинство выступавших, как указывается в протоколе, высказывалось за предоставление евреям, проживающим вне черты оседлости, права принимать участие в городском общественном управлении. За это предложение голосовало 20 членов, за предложение министра внутренних дел — 4 (ЦГИА СССР. Ф. Департамента законов, 1892 г. Д. 38. Приложение. Л. 347–360). Однако Александр III этому категорически воспротивился. В журнале соединенного присутствия содержание протокола не отражено (примеч. издателей дневника).

И. К. Янченко

Правительственная деятельность Александра III в Гатчине. Исследования и материалы <Фрагменты>

Печатается впервые. 46 машинописных листов рукописи И. К. Янченко хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Печатается по: *Янченко И. К.* Правительственная деятельность Александра III в Гатчине. Исследования и материалы // ОР РНБ. Ф. 1135. Д. 521. Л. 11–17, 21–28, 36–42.

Основной идеей внутренней политики императора Александра III стало охранительное направление. С этой позиции правительство пересматривало реформы предыдущего царствования: крестьянскую, земскую, судебную, школьную, цензурную. Главной задачей было укрепление основ самодержавия, и на этом пути неизбежной мерой явилось ужесточение режима и усиление централизации власти.

Способы воплощения охранительных начал в жизнь Российской империи 1880-х гг. рассматриваются в исследовании сотрудника Гатчинского музея Ирины Константиновны Янченко, занимавшейся в 1930-х гг. разработкой экскурсий по дворцовым помещениям. В 1940 г. она приступила к работе над сбором материала по теме «Гатчина — штаб реакции 80–90 гг. XIX в.». Александр III предпочитал Гатчинский дворец столичной резиденции и поселился в нем сразу после воцарения. (См. раздел «Частная жизнь» в наст. издании и комментарии к ней.) Здесь находился рабочий кабинет самодержца, интерьеры которого остались нетронутыми после революции 1917 г. и были сохранены сотрудниками музея. И. К. Янченко имела уникальную возможность непосредственного изучения обстановки, в которой рождались на свет официальные документы, определявшие внутривластный курс царствования императора Александра III. В 1940-х гг. эти документы оказались в Архиве внутренней политики, культуры и быта (РГИА). И. К. Янченко планировала «составление достаточно полного свода всех данных и материалов (указы, рескрипты, законы, приемы, заседания и т. д.) по деятельности правительства

в Гатчине». В 1940 г. первая часть исследования вошла в бюллетень научной части Гатчинского дворца-музея (№ 7–8), машинописные экземпляры которого выпускались под руководством директора музея В. К. Макарова. Великая Отечественная война помешала продолжению работы. В блокаду И. К. Янченко оказалась в Ленинграде и погибла в 1942 г. во время обстрела.

К теме внутренней политики Александра III обращались многие советские и российские историки, однако исследование И. К. Янченко (несмотря на ссылки на сочинения В. И. Ленина и некоторый идеологический пафос) не потеряла своей ценности как работа, основанная на документах и передающая атмосферу эпохи. Материалы, собранные и исследованные историком, освещают жесткость и непримиримость власти по отношению к любой попытке критически оценить действия правительства, будь то публичное выступление или публикация в печати.

¹ См. выше коммент. 20 к дневнику Е. А. Перетца.

² Имеется в виду издание «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», Т. 1, п/т. I. М.; Пг., 1923.

³ См. в наст. издании фрагменты дневника Е. А. Перетца, запись от 27 апреля 1881 г.

⁴ См. в наст. издании фрагменты «Загробных заметок» Н. Х. Бунге.

⁵ Архив внутренней политики, культуры и быта был выделен в 1934 г. из Ленинградского отделения Центрального исторического архива. В 1941 г. вошел в Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ), в 1992 г. переименованный в РГИА.

⁶ Институт земских начальников был введен *Положением о земских участковых начальниках*, высочайше утвержденным 12 июня 1889 г. Согласно этому Положению вместо выборной должности мирового судьи учреждалась должность земского участкового начальника, являвшегося по сути чиновником, утверждавшимся либо назначавшимся министром внутренних дел и обладавшим судебно-административной властью. Таким образом, Положение 12 июня 1889 г. ограничивало местное самоуправление.

⁷ В октябре 1881 г. была учреждена так называемая Кахановская комиссия — *особая комиссия для составления проектов местного управления под председательством* статс-секретаря М. С. Каханова. Поводом к учреждению комиссии стала необходимость рассмотрения сенаторских отчетов о ревизиях, затрагивавших всю систему местного управления и самоуправления. В ее состав вошли ревизовавшие сенаторы (М. Е. Ковалевский, С. А. Мордвинов, А. А. Половцев и И. И. Шамшин) и представители министерств. Комиссия должна была выработать законопроекты о преобразовании губернских и уездных административных учреждений, а также о соответственном изменении учреждений земских, городских и крестьянских. К 1884 г. комиссия наметила основные направления преобразований и приступила к обсуждению вопроса о местном самоуправлении, полагая необходимым усиление позиций дворянства. Одни члены выступали за упразднение местного крестьянского самоуправления, другие настаивали на его сохранении под контролем местной административной власти. Однако правительство сочло деятельность комиссии неэффективной, и Кахановская комиссия была закрыта 1 мая 1885 г. Один из «сведущих людей», принимавших участие в работе комиссии, уездный

предводитель дворянства А. Д. Пазухино опубликовал в том же году брошюру «Современное состояние России и сословный вопрос». Выдвигавшиеся в ней идеи легли в основу законопроектов, выработанных Министерством внутренних дел и послуживших основой для Положения о земских начальниках 1889 г., а также для Положений земского 1890 г. и городского 1892 г.

⁸ Комитета министров.

⁹ Министром внутренних дел в 1882–1889 гг. был Дмитрий Андреевич Толстой. Александр III остановил свой выбор на Д. А. Толстом за его последовательность в действиях и верность однажды принятой позиции. От будущего министра даже не потребовали представить программу будущих действий, сама его фигура олицетворяла охранительное направление. Д. А. Толстой стал первым — по значению — министром Александра III. В своих всеподданнейших докладах императору министр внутренних дел давал оценку направлению отдельных изданий, доводя до сведения монарха содержание статей, за которые выносились предостережения или принималось решение о приостановке газет и журналов. Складывается впечатление, что Александр III смотрел на печать глазами министра внутренних дел. Однако это была лишь видимость. Самодержавный монарх сосредоточивал все нити управления в своих руках, и Александр III не был исключением. Министр внутренних дел был еще одним исполнителем монаршей воли. Влияние этого сановника являлось следствием совпадения его взглядов с позицией императора. Исследователь деятельности Министерства внутренних дел в этот период, П. Ю. Мельников, полагает, что «целью цезурной политики МВД было не просто устранение либерального инакомыслия, а подчинение периодической печати политическому курсу» (*Мельников П. Ю. Деятельность Министерства внутренних дел Д. А. Толстого: избранные аспекты. Автореф. дисс. ... к. и. н. Саратов, 2000. С. 11*). Цель, безусловно, была определена монархом, и средства ее достижения, избранные МВД, разделялись императором, ставившим во главу угла охранительные начала. Содержание всеподданнейших докладов влиятельного министра в глазах Александра III служило лишь подтверждением правильности избранного им направления.

¹⁰ Так в подлиннике. Очевидно, 14 ноября 1881 г.

¹¹ В 1891–1892 гг. страшный голод охватил Черноземье и Среднее Поволжье.

¹² Так в подлиннике. Очевидно, «New York Times».

В. Н. Ламздорф

Дневник. 1891–1892

<Фрагменты>

Впервые: *Ламздорф В. Н. Дневник. 1891–1892* / Под ред. и с предисловием Ф. А. Ротштейна. Подготовил к печати В. М. Хвостов. Пер. с фр. Ю. Я. Соловьева. Печатается по этому изданию. С. 195–254. Примеч. издателей Дневника.

Ламздорф Владимир Николаевич (1837–1907) в 1881–1896 гг. был ближайшим помощником министра иностранных дел Н. К. Гирса, а в 1900–1906 гг. сам

возглавил Министерство иностранных дел. Весь первый период деятельности чиновника отражен в дневнике, страницы которого освещают явления как внешней, так и внутренней политики. Граф Ламздорф критически относился не только к своему патрону, но и к членам императорской фамилии, и к самому монарху. Публикуемые здесь фрагменты дневника В. Н. Ламздорфа воспроизводят один из самых напряженных эпизодов внутренней политики императора Александра III — борьбу с голодом, поразившим Российскую империю в 1891–1892 гг. Голод охватил 17 губерний, наиболее пострадавшим районом было Поволжье. Борьба с бедствием была затруднена неразвитостью сети железных дорог и их малой пропускной способностью — в то время как Западная часть страны страдала от недостатка продовольствия, за Уралом скопились вагоны с хлебом. На помощь голодающим пришли представители общественности: так, сбор средств организовал писатель В. Г. Короленко. Самодержавная власть в борьбе с голодом пошла тем же путем, что и в предшествующее царствование, создав специальную комиссию под председательством наследника престола.

¹ *Наследник цесаревич* — старший сын Александра III великий князь Николай Александрович, будущий император Николай II (*примеч. сост.*).

² Две черты — // // — обозначают, что заключенные между ними слова в подлиннике написаны по-русски.

³ В начале мая банковский консорциум, в который входили парижский Ротшильд, берлинский банкирский дом Блейхредер и Disconto-Gesellschaft (один из шести крупнейших берлинских банков), отказался от уже заключенного им с русским правительством контракта на выпуск русского трехпроцентного займа в 500 млн франков, мотивируя это преследованиями евреев в России. В сентябре составил новый консорциум из Credit Foncier в Париже, Варшауера и Мендельсона в Берлине, но вскоре оба немецкие банка опять отказались от этого дела. Тем не менее номинальная сумма займа при подписке на облигации была покрыта на французских биржах семь раз; этот блестящий успех оказался, однако, иллюзорным, так как вскоре выяснилось, что подписчики колеблются брать облигации, на которые подписались. Курс займа (отчасти под влиянием понижительной кампании враждебных банковских групп) начал падать. До известной степени его удалось поддержать благодаря, во-первых, тому, что русское казначейство начало окупать облигации займа, бросив на это определенную сумму; во-вторых, благодаря воздействию французского правительства на французские банковские круги. Неудача займа отразилась на курсе рубля.

⁴ В конце июля 1891 г., когда выяснился катастрофический характер неурожая, специальным указом был запрещен вывоз ржи. В октябре запрет был распространен на картофель и на все виды хлебов, кроме пшеницы, а в ноябре — и на эту последнюю.

⁵ В 1891–1892 гг. великий князь Николай Александрович совершил образовательное путешествие, маршрут которого проходил не по Европе, как у его предшественников, а по странам Юго-Восточной Азии (*прим. сост.*).

⁶ Министр иностранных дел К. Н. Гирс (*прим. сост.*).

⁷ Министром финансов в 1887–1892 гг. был И. А. Вышнеградский (*прим. сост.*).

⁸ Королем Пето именовался предводитель, которого в Средние века выбирали себе нищие. Иносказательное выражение: «двор короля Пето» — место, где царствует беспорядок, неразбериха.

С. Д. Шереметев

Мемуары
<Фрагменты>

Печатается по: Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 609–612.
Примеч. Л. И. Шохина.

¹ Речь идет о Манифесте 17 октября 1905 г., впервые в истории России провозгласившем политические права (свободу слова, собраний, избирательное право), а также объявлявшем о выборах в представительный орган власти — Государственную думу. После издания этого манифеста в период выборов в первую Государственную думу стали создаваться легальные политические партии (*примеч. сост.*).

² В 1767–1768 гг. в Москве по указанию Екатерины II была созвана Уложенная комиссия, в состав которой вошли депутаты от дворянства. Задачей Комиссии была разработка нового Уложения — свода законов. По замыслу Екатерины II депутаты должны были сами прийти к мысли об отмене крепостного права. Идея о равенстве всех перед законом была заложена императрицей в Наказе Уложенной комиссии. Однако сословные интересы оказались сильнее идей Просвещения, помещики не могли представить себе жизнь без крепостных. Поти через год бесплодных дискуссий Комиссия была распущена (*примеч. сост.*).

³ Зачеркнуто: вполне.

⁴ 29 октября 1888 г. около железнодорожной станции Борки произошло крушение царского поезда. Императорская семья уцелела благодаря физической мощи Александра III, удержавшего на своих плечах крышу вагона. С этого времени началось обострение нефрита, которым страдал монарх (*примеч. сост.*).

С. Ю. Витте

Воспоминания
<Фрагменты>

Впервые: *Vitte С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. I. Печатается по этому изданию. С. 404–451.

Российские императоры, с одной стороны, остро нуждались в государственных деятелях крупного масштаба, способных проводить политику в такой большой и сложной стране, как Россия, с другой — если таких деятелей находили, то начинали тяготиться ими, опасаясь, что они заслоняют императора, дискредитируют самую идею самодержавия, при котором власть нераздельно осуществляется верховным ее носителем. Поэтому императоры всегда с готовностью устраняли таких заметных и властных реформаторов и политиков, демонстрируя свою способность обходиться собственными силами. В 1906 г.

Николай II удалил с поста председателя Совета министров С. Ю. Витте, назначенного премьер-министром в разгар революционных событий. Надежды на возвращение в политику для Витте оказались тщетными, и он принялся за составление мемуаров, призванных объяснить все значение его действий и несправедливость поведения лиц, его сместивших и заменивших.

Началом своей политической карьеры, ее стремительным взлетом С. Ю. Витте был обязан Александру III, который как раз менее других монархов боялся того, что кто-либо из министров оттеснит его от власти хотя бы в глазах общественного мнения. Витте, накануне известного крушения императорского поезда под Борками в 1888 г. предупредивший о риске ведения царского состава с повышенной скоростью и нарушения правил эксплуатации дороги, понравился Александру III, и он вспомнил о Витте в начале 90-х гг., назначив его сначала директором департамента Министерства финансов, а затем и министром финансов. Знавшие и императора, и министра люди находили своеобразную гармонию в их характерах. При Александре III, писал историк и политик П. Н. Милюков, эти особенности Витте лишь укрепляли его положение. «Грубоватый тон и угловатая речь импонировали императору и отвечали его собственной несложной психике. Упрощенные объяснения Витте были ему доступны, настойчивость убедительна, а оригинальность и смелость финансово-экономической политики оправдывалась явным успехом» (Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 322). Александр III был и остался для Витте образцом российского императора. Ему посвящены самые доброжелательные страницы его мемуаров, к которым следует подходить именно с учетом вышесказанного, с точки зрения личной преданности С. Ю. Витте монарху, ценившему своего министра и не стеснявшему его в действиях.

¹ Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

² Русско-японская война 1904–1905 гг.

³ Честный маклер — ироничное прозвище О. Бисмарка, немецкого министра иностранных дел. Бисмарк так сам характеризовал себя на Берлинском конгрессе 1878 г., где оформлялись итоги русско-турецкой войны. Условия Берлинского договора в России считались неблагоприятными для державы-победительницы.

⁴ *Альпари* — равенство номинального и рыночного курсов валюты.

⁵ В 1839 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин ввел серебряный рубль.

⁶ Речь идет о Крымской войне 1853–1855 гг., одним из главных эпизодов которой была героическая оборона Севастополя (1854–1855).

⁷ В 1897 г. С. Ю. Витте ввел золотой рубль.

⁸ *Фритредерство* (от англ. *freetrade* — свободная торговля) — невмешательство государства в частную хозяйственную деятельность.

⁹ *Протекционизм* (от лат. *protectio* — защита, покровительство) — политика поддержки отечественной промышленности (например, путем введения высоких таможенных пошлин на ввоз импортной продукции).

¹⁰ Университетский устав 1884 г. существенно ограничивал автономию университетов.

V
ЦАРЬ-МИРОТВОРЕЦ

С. Ю. Витте

Воспоминания

<Фрагменты>

Печатается по: *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. I. С. 410–411, 420–421.

¹ *Экспедиция в Ахалтеке* — операция русских войск 1880 г. в ходе присоединения к России Средней Азии.

С. Д. Шереметев

Мемуары

<Фрагменты>

Печатается по: Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 459–462, 542–543, 581–582. Примеч. Л. И. Шохина.

¹ В царствование императора Александра II в 1863–1866 гг. в Польше произошло восстание под лозунгами борьбы за независимость от Российской империи (*примеч. сост.*).

² В 1865 г. великий князь Александр Александрович получил титул цесаревича (*примеч. сост.*).

³ Зачеркнуто: Александра I.

⁴ Зачеркнуто: мятежников.

⁵ Этот раздел мемуаров опубликован в более подробном изложении: «Воспоминания о поездке Цесаревича Александра Александровича в Варшаву и в Вену 1875 года. Графа С. Д. Шереметева» // Старина и новизна. СПб., 1901. Кн. 4. С. 433–443.

⁶ Вписано на полях С. Д. Шереметевым.

⁷ Вот похороны, которые веселят (*фр.*).

⁸ *Шнапс* (по-немецки — водка).

⁹ Боже, храни Императора Франца (*нем.*).

¹⁰ Внутренности, кишки (*нем.*).

¹¹ Да здравствует Император! (*фр.*).

¹² «Когда впервые И[мператор] Вильгельм II посетил И[мператора] Александра III, то был приглашен участвовать на маневрах. Садясь, Государь обронил свою шинель, и она упала на землю. Это было на виду у войска. Тогда Вильгельм выскочил из коляски, демонстративно поднял шинель и надел ее на Царские плечи. Это было тогда замечено и послужило к восхищению Вильгельмом.

В другой его приезд ему дана была у нас провизия на дорогу. С пути он в игривом настроении телеграфировал гофмаршалу Князю Оболенскому: “Es gruesst dich die reiseschaft mit Kulibak und Kaviar” — “Тебя приветствует дорожная компания с кулебякой и с икрой”» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5274. Л. 3).

¹³ Личный вензель, подаренный монаршей особой, считался проявлением высшей степени признательности (*примеч. сост.*).

¹⁴ *Шарабан* — открытый экипаж с несколькими поперечными сидениями (*примеч. сост.*).

Вильгельм Прусский

Четыре письма принца Вильгельма Прусского к Александру III

Впервые: Красный архив. 1922. Т. II. С. 118–129 / Публикация и пер. с фр. А. А. Савина. Печатается по этому изданию.

Несмотря на отсутствие военных конфликтов в царствование Александра III во внешней политике Российской империи завязывался узел противоречий. Первые три четверти XIX в. постоянным партнером России на международной арене выступала Пруссия (с 1871 г. — Германская империя), оказывая либо непосредственную поддержку, либо соблюдая нейтралитет. В 1870–1880 гг. эти отношения стали давать трещину: начиналась борьба за сферы влияния, в которой тесным образом переплелись интересы ведущих мировых держав. Однако распад устоявшихся связей происходил не сразу, долгое время противоречия вызревали в лагере союзников. Этот аспект внешнеполитических связей России освещен в письмах кронпринца Вильгельма Прусского (будущего императора Вильгельма II) императору Александру III.

Вильгельм Прусский (1882–1951) приходился внуком германскому императору Вильгельму I. В мае 1884 г. он был послан в Россию на придворные торжества по случаю совершеннолетия наследника российского престола великого князя Николая Александровича (будущего императора Николая II). Германский император снабдил своего внука соответствующими инструкциями, которые предписывали ему, во-первых, сдержанность в изъятии чувств, а во-вторых, сбор сведений о состоянии России. Однако почет и сердечный прием, оказанный принцу Вильгельму при русском дворе, способствовали его расположению к Александру III. Уезжая из России, Вильгельм отправил российскому императору четыре письма: одно из Москвы и три из Берлина. В этих посланиях отражаются российские симпатии прусского принца, передающего Александру III интриги германской и английской дипломатии и взгляды германского двора на отношения с Россией.

Публикуя эти письма в 1922 г., сотрудник журнала «Красный архив» историк А. А. Савин дополнил их письмом и телеграммой, адресованными военному представителю России в Берлине князю Долгорукову. Эти документы связаны по смыслу, поэтому также воспроизводятся в данном издании.

¹ Сестра Александра III, великая княгиня Мария Александровна, вышла замуж за принца Альфреда герцога Эдинбургского, второго сына английской королевы Виктории.

² Будущий император Вильгельм II был сыном Фридриха Вильгельма Прусского и принцессы Виктории, старшей дочери английской королевы Виктории.

³ Германский император Вильгельм I, дед Вильгельма II.

⁴ Отношения, сложившиеся между Германией, Австро-Венгрией и Россией после свидания трех императоров в Берлине в сентябре 1872 г. В мае 1873, во время визита в Петербург Вильгельма I, была выработана русско-германская военная конвенция; в свою очередь Австрия заключила с Россией 6 июня 1873 г., во время визита Александра II и Горчакова в Австрию, лишь соглашение типа консультативного пакта. Германия 23 октября 1873 г. присоединилась к русско-австрийскому соглашению.

Союз трех императоров неоднократно возобновлялся и продлевался: он был возобновлен 18 июня 1881 г. сроком на три года и продлен 27 марта 1884 на следующее трехлетие. Фактически Союз трех императоров перестал существовать в 1885–1886 гг. в связи с обострением австро-русских отношений из-за болгарского вопроса (см. ниже коммент. 5).

В 1887 г., когда срок действия договора истек, распавшийся Союз был заменен *«Перестраховочным договором»* между Россией и Германией.

⁵ Речь идет об Александре Баттенберге, ставшем болгарским князем после освобождения Болгарии от власти Турции в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Александр Баттенберг, сын Александра Гессенского, приходился племянником императрице Марии Александровне, проходил службу в российской армии и с начала русско-турецкой войны рассматривался Александром II как претендент на болгарский престол. Однако первого князя освобожденной Болгарии больше беспокоил личный статус, чем забота о благе государства. Он начал правление с выяснения вопроса о своем титуле.

Постепенно в его действиях стала проявляться прогерманская направленность. В начале 1880-х гг. Баттенберг инициировал в болгарском правительстве вопрос о пересмотре Тырновской конституции — основном законе государства, разработанном при непосредственной участии России. В 1883 г. последовал приказ об увольнении с болгарской службы всех состоявших на ней русских офицеров, который был отменен под давлением России. Затем Баттенберг, получив поддержку Великобритании, ввел войска в Восточную Румелию, принадлежавшую Сербии, что вызвало неодобрение российского правительства. Последовала телеграмма Александра III, воспрепятствовавшая российским офицерам участвовать в военных действиях, и приказ об исключении Александра Баттенберга из списков русской армии. 9 августа 1886 г. в результате заговора офицеров софийского гарнизона Баттенберг был свергнут с престола и после подписания отречения от престола был выслан из пределов княжества.

⁶ Понятие «великие державы» стало складываться в международной политике после Венского конгресса 1814–1815 гг., на котором страны, одержавшие победу над Наполеоном, решали судьбу послевоенной Европы. С тех пор так называют страны, играющие ведущую роль в международных отношениях. В конце XIX в. на статус «великих держав» претендовали Великобритания, Россия, Франция, Германская империя, Италия и Австро-Венгрия.

⁷ В период правления Александра Баттенберга в болгарское правительство входили представители России, один из них занимал пост военного министра, а в болгарской армии служили российские офицеры.

⁸ Сын английской королевы Виктории, будущий Эдуард VII.

⁹ *Скерневицы* — город недалеко от Варшавы, где в 1884 г. состоялся съезд трех императоров — русского, австрийского и германского.

¹⁰ Эдуард VII был женат на датской принцессе Александре, сестре императрицы Марии Федоровны.

¹¹ Панч (*нем.*) — немецкий журнал.

¹² Махди (*араб.* — ведомый истинным путем) — мусульманский мессия, спаситель. Часто так называли себя предводители восстаний.

¹³ *Камергер* — придворный чин или придворное звание высокого ранга.

¹⁴ Речь идет о присоединении г. Мерв вместе с Мургабским оазисом. Присоединение произошло мирным путем: начальник Закаспийской области А. В. Комаров отправил в Мерв штабс-ротмистра Максуда Алиханова и текинца майора Махмут-Кули-хана, которым удалось уговорить местных жителей сложить оружие. 25 января 1884 г. депутация мервцев и поднесла Комарову прошение на имя императора о принятии Мерва в русское подданство и принесла присягу. Мервским окружным начальником был назначен М. Алиханов-Аварский.

¹⁵ Индия являлась крупнейшей колонией Британской империи, в состав которой вошла в 1858 г.

¹⁶ Продвижение России в Средней Азии вызывало опасения английского правительства. Российские и английские интересы столкнулись в Афганистане. По англо-русской договоренности 1869–1873 гг. афганско-русская граница была установлена по верхнему и среднему течению р. Амударья. Самым южным городом Российской империи стала Кушка.

¹⁷ Подстрекательства английского правительства привели к вторжению афганцев на спорные территории южнее Мерва. 18 марта 1885 г. в долине р. Кушки произошло военное столкновение. Этот инцидент мог поставить Россию на грань войны с Великобританией.

О. Бисмарк

Мысли и воспоминания

<Фрагменты>

Впервые: *Otto Fürst von Bismarck. Gedanken und Erinnerungen*, Neue Ausgabe, Erster Band, Stuttgart und Berlin, 1924. Русский перевод впервые опубликован: *Бисмарк О. Мысли и воспоминания*. В 3 т. М., 1940–1941. Печатается по этому изданию. Том III. М., 1941 / Пер. Г. Б. Гермаидзе. Примеч. В. В. Альтман. С. 106–114.

В царствование Александра III в российской внешней политике, традиционно ориентировавшейся на союз с Германией (Пруссией), произошел поворот в сторону Франции. Эти перемены были обусловлены как политическими, так и экономическими (выгодными займами, предоставленными России французски-

ми банками), и личными факторами (императрица Мария Федоровна не могла простить Германии отделение Шлезвига и Гольштейна от Дании в 1864 г.) Последствия этого поворота привели к изменениям расстановки сил на международной арене и складыванию военных блоков накануне Первой мировой войны. Во внутренней политике Германии также не обошлось без изменений — был отправлен в отставку рейхсканцлер *Отто фон Бисмарк* (1815–1898) — один из крупнейших государственных деятелей Европы второй половины XIX в.

Более сорока лет О. Бисмарк стоял у руля прусской, а затем имперской германской политики. Он сыграл видную роль в объединении Германии, предпочитая действовать «железом и кровью». Полагая, что на пути к этой цели все средства хороши, способствовал началу франко-прусской войны в 1870 г. Один из этапов политической карьеры Бисмарка был связан с Россией, где он был посланником в 1859–1862 гг. Российская империя представлялась Бисмарку непростым политическим соперником, с которым он предпочитал иметь союзнические отношения, избегая вооруженных конфликтов.

Выйдя в отставку в 1890 г., Бисмарк посвятил свое время работе над мемуарами, размышляя о событиях, участником которых он был, и анализируя последствия своих действий. Особое место в его воспоминаниях занимают рассуждения о причинах перемен в отношениях между Германией и Россией, главным виновником которых он считал императора Вильгельма II.

¹ В 1884 г. Вильгельм II (в то время еще принц) посетил Петербург для вручения ордена Черного орла тогдашнему наследнику русского престола (впоследствии Николай II) по случаю достижения им совершеннолетия. Попутно будущий германский император посетил Кронштадт и в секретных докладах Вильгельму I подробно описал вооружение крепости. В своих мемуарах, написанных уже после отречения и бегства в Голландию, Вильгельм II сам приводит некоторые из своих отчетов (*Kaiser Wilhelm II. Aus meiner Leben 1859–1888. Berlin. 1927*).

² Императрица Александра Федоровна (урожденная прусская принцесса Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, дочь короля Фридриха-Вильгельма III) приходилась Александру III бабкой и сестрой германскому императору Вильгельму I (*примеч. сост.*).

³ Внук королевы, т. е. Вильгельм II; его мать была старшей дочерью королевы английской — Виктории.

⁴ Речь идет о событиях франко-прусской войны 1870–1871 гг., в ходе которой Франция потерпела поражение, должна была заплатить контрибуцию Пруссии и отдать области Эльзас и Лотарингия. Французский император Наполеон III отрекся от престола, во Франции власть перешла к республиканскому правительству. В январе 1871 г. в Версальском дворце король Пруссии Вильгельм I был провозглашен императором Германии. 18 марта 1871 г. в ответ на соглашательскую политику французского правительства в Париже началось восстание и была провозглашена Парижская коммуна — городское самоуправление рабочих, просуществовавшее 72 дня.

⁵ *Панславизм* — идея объединения всех славянских народов.

⁶ Вильгельм имеет в виду Францию, территориальные споры которой с Германией уходят вглубь средневековья.

⁷ *Мелинит* — сильное взрывчатое вещество.

⁸ *Шах Наср-эд-Дин* посетил Берлин во время своего путешествия по Европе, в июне 1889 г.

⁹ *Губертуситок* — дворец в охотничьем заповеднике близ Потсдама.

¹⁰ Вильгельм II в сопровождении канцлера Каприви 17 августа 1890 г. посетил Александра III в Нарве, где в это время происходили маневры русской армии, а затем посетил Петергоф.

¹¹ В августе 1889 г. Вильгельм II во главе германской эскадры посетил Англию и был принят английской королевой Викторией в Осборнском дворце на острове Уайт.

¹² В июне 1890 г. канцлер Каприви заключил с Англией договор о разграничении английской и германской сфер влияния в Восточной и Юго-Западной Африке. Германия сделала Англии значительные уступки, передав последней территории Виту и Сомали. Кроме того, по договору Германия соглашалась на установление английского протектората над владениями занзибарского султана. В обмен Германия получила от Англии остров Гельголанд в Северном море, ставший позднее важной военной базой Германии. В одной из своих многочисленных интервью Бисмарк резко высказался против англо-германского договора, заявив, что Гельголанд можно было бы получить дешевле и что приобретение Гельгоlanda вызвано просто личным желанием Вильгельма II. Свои взгляды по этому вопросу Бисмарк излагает в следующей главе.

¹³ При посещении Англии в августе 1889 г. Вильгельм II получил титул почетного адмирала британского флота.

В. Н. Ламздорф

Дневник. 1891–1892

<Фрагменты>

Печатается по: *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1891–1892 / Под ред. и с предисловием Ф. А. Ротштейна. Подготовил к печати В. М. Хвостов. Пер. с фр. Ю. Я. Соловьева. С. 5–9, 11, 13, 14–15, 111–119, 12–123, 131–135, 147. Примеч. издателей дневника.

Тринадцать лет внешней политики Александра III отмечены неучастием России в войнах, а сам монарх вошел в историю как «Царь — Миротворец». Тем не менее, международная обстановка в этот период была напряженной, в Европе происходило формирование двух военных блоков — Тройственного союза, созданного Германией, Австрией и Италией в 1882 г. — и Антанты, которая начала складываться в 1891 г. и окончательно оформилась в 1907 г. в результате соглашений между Англией, Россией и Францией. Подготовка к противостоению в будущей мировой войне началась в Европе в последние десятилетия XIX в.

Помимо поиска союзников России приходилось бороться за влияние на Балканском полуострове, отстаивать свои сферы влияния на Ближнем Востоке, продвигаться на Дальний Восток. Российской дипломатии не раз приходилось искать выход из сложных ситуаций, окончательное же решение всегда зависело от императора. Именно он был фактическим министром иностранных дел, а МИД

представлял всего лишь его канцелярию, направление деятельности которой монарх задавал посредством своих маргиналий — помет на министерских докладах и отчетах. Зачастую эти пометы были резкими — император не стеснялся в выражениях, так же как и в юности не желая сдерживать свои эмоции.

Страницы дневника В. Н. Ламздорфа отражают не только коллизии внешней политики Российской империи, но и специфику властных взаимоотношений в этой сфере. Красноречивые пометы Александра III передают его характер и отношение к своим подчиненным, европейским дипломатам и монархам.

¹ Лобанов имеет в виду договор «трех императоров», заключенный между тремя упоминаемыми здесь державами в 1881 г. По этому договору участники его взаимно гарантировали друг другу «благожелательный нейтралитет» в случае, если бы кто-либо из них «оказался в состоянии войны с четвертой великой державой» или с Турцией. Далее договором устанавливалось, что всякие перемены на Балканах могут производиться не иначе, как по взаимному соглашению сторон, и наконец все три стороны обязывались оказывать в случае необходимости давление на Турцию в целях соблюдения принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл.

Договор этот просуществовал до 1887 г., когда ввиду осложнений между царской Россией и Австро-Венгрией из-за болгарского вопроса он возобновлен не был.

² Тройственный союз между Германией, Австро-Венгрией и Италией был подписан 20 мая 1882 г. Его создателем был Бисмарк. Согласно договору 1882 г., в случае нападения Франции на Италию Германия и Австрия обязались оказать Италии полную военную поддержку. То же самое гарантировала Италия. Германии в случае нападения Франции на эту последнюю. Та же гарантия давалась каждой из трех сторон друг другу в случае, если кто-нибудь из них подвергнется нападению и окажется «в состоянии войны с двумя или более великими державами». В случае же войны кого-либо из членов союза с одной великой державой остальные два члена его обязывались соблюдать доброжелательный нейтралитет. Это не относилось к Франции, в случае нападения которой, как уже сказано, Германия и Италия гарантировали друг другу не нейтралитет, а вооруженную поддержку. Одновременно с подписанием союзного договора его участники обменялись декларациями, в которых указывалось, что все его пункты, «как это было предварительно условлено, ни в коем случае не могут быть рассматриваемы как направленные против Англии».

В 1887 г. тройственный союз был возобновлен (до 1892 г.), причем в дополнение к договору Австрия и Италия обещали употребить все усилия к поддержанию status quo на Балканах, а в случае, если это окажется невозможным и кто-либо из них оккупирует там ту или иную территорию, другая сторона получает право на соответствующие компенсации.

Германия со своей стороны обещала Италии оказывать ей помощь в сохранении status quo в Северной Африке. В случае, если Франция оккупирует там Триполи или Марокко, а Италия решится оказать ей сопротивление, Германия должна оказать Италии вооруженную помощь точно так же, как она обязывалась это сделать по основному договору в случае нападения Франции на Италию непосредственно.

³ Две черты — // // — обозначают, что заключенные между ними слова в подлиннике написаны по-русски.

⁴ Босния и Герцеговина до 1878 г. находились под властью Турции. После русско-турецкой войны, по постановлению берлинского конгресса (на основании предварительной договоренности с другими державами, в том числе с Россией), Австро-Венгрия оккупировала эти турецкие провинции, и турецкая администрация была в них заменена австрийской. § 25 берлинского трактата гласит следующее: «Провинции Босния и Герцеговина оккупируются и управляются Австро-Венгрией». Об аннексии и формальном отторжении их от Турции там, так же как и в протоколах конгресса, ничего не говорится.

⁵ Так в подлиннике.

⁶ По договору «трех императоров», прекратившему в 1887 г. свое существование, Россия в особом дополнительном протоколе обещала не возражать против превращения оккупации Боснии и Герцеговины в аннексию.

⁷ Русское правительство потребовало в январе 1891 г. (в декабре 1890 г. по старому стилю) высылки русских революционеров из Болгарии. Болгарское правительство ответило согласием.

⁸ Великий князь Георгий Александрович сопровождал старшего брата цесаревича Николая Александровича в заграничном путешествии, конечной точкой которого должна была стать Япония. Георгий Александрович страдал от туберкулеза легких, и его родители надеялись, что морской воздух пойдет ему на пользу. Однако примерно на полпути, в Бомбее, с Георгием случился приступ, и он был вынужден вернуться обратно. Цесаревич продолжил путешествие без брата (*примеч. сост.*).

⁹ Так в подлиннике.

¹⁰ Кабинет Криспи пал 31 (19) января; 9 февраля (28 января) был сформирован новый кабинет маркиза Рудини. Криспи являлся решительным сторонником тройственного союза и вел политику, резко враждебную Франции. Наоборот, Рудини, не порывая с тройственным союзом, взял по отношению к Франции более примирительную линию.

¹¹ Так в подлиннике.

¹² *Modus vivendi* (лат.) — способ существования (*примеч. сост.*).

¹³ Императорское православное палестинское общество было основано в 1882 г. при содействии императора Александра III для поддержки православных святынь и паломников на Востоке (*примеч. сост.*).

¹⁴ «Готский альманах» — дипломатический и статистический ежегодник, издаваемый в немецком городе Готе с 1763 г. (*примеч. сост.*).

¹⁵ *Передать клэром* — передать информацию открытым текстом, без шифровки (*примеч. сост.*).

¹⁶ Сообщение написано по-английски.

¹⁷ По полудни (*примеч. сост.*).

¹⁸ Так в подлиннике.

¹⁹ Так в подлиннике.

²⁰ Условия Сан-Стефанского мирного договора, завершавшего русско-турецкую войну 1877–1878 гг. были пересмотрены в 1878 г. на Берлинском

конгрессе в ущерб России и славянским народам. Российское правительство было вынуждено пойти на уступки под давлением германской и английской дипломатии. Берлинский трактат 1879 г. объявлял Болгарию автономным княжеством, выборный глава которого утверждался султаном с согласия великих держав. Антирусская политика представителя немецкой династии Александра Баттенберга, занимавшего болгарский трон в 1787–1886 г., вызвала недовольство болгарского населения и привела к его свержению. С тех пор политическая ситуация в Болгарии оставалась нестабильной, создавая опасность возникновения европейского конфликта (*примеч. сост.*).

²¹ Великий визирь был первым министром при дворе турецкого султана (*примеч. сост.*).

²² Великой Портой (от лат. *portae* — ворота) в Европе и России называли Турцию (Османскую империю) в XVI — начале XX вв., подчеркивая, что ее территория является воротами из Европы в Азию, из Средиземного моря в Черное через проливы Босфор и Дарданеллы. Каждая европейская держава стремилась к получению контроля над этими проливами, но Османская империя сохраняла свое влияние до Первой мировой войны (*примеч. сост.*).

²³ *Экзарх* (греч. — правитель) — высокопоставленный священник, управляющий крупной церковной областью — экзархатом, как правило, лежащей за пределами страны, в которой расположен патриархат. Болгарский экзарх почитался константинопольскому патриарху (*примеч. сост.*).

²⁴ В 80-х гг. Катков вел большую кампанию против Гирса, требуя более активной балканской политики, сближения с Францией и резко германофобской линии. Несмотря на большое влияние, в частности на Александра III, которым пользовались как Катков, так и стоявшие за ним славянофильствующие и протекционистские круги, Гирс сохранил портфель и провел в 1887 г. возобновление договора с Германией.

²⁵ 29 (17) июня Рудини объявил в итальянском сенате о продлении тройственного союза. В тот же день Вильгельм II лично выступил с публичным сообщением об этом событии.

²⁶ Пропуск в подлиннике.

²⁷ Складывающийся союз между Россией и Францией, которому не мешало различие государственного устройства двух государств — республиканского и монархического — был отмечен прибытием французской эскадры в порт Кронштадта, где на торжественную встречу прибыл сам император Александр III (*примеч. сост.*).

²⁸ Письмо от Греча вложено в дневник между июльскими черновыми записками.

²⁹ Так в подлиннике.

³⁰ Слова об «одном друге» представляют намек на тост Александра III в честь Николая Черногогорского, «единственного друга России».

³¹ *«Марсельеза»* — государственный гимн Французской республики, созданный Руже де Лилем за одну ночь в период Великой французской революции (*примеч. сост.*).

³² *Эльзас и Лотарингия* — французские провинции, отошедшие к Германии по итогам франко-прусской войны 1870–1871 гг., в которой Франция потерпела поражение. Стремление французов получить реванш предопределило их участие в Первой мировой войне (*примеч. сост.*).

³³ *Страсбург* — историческая столица Эльзаса (*примеч. сост.*).

³⁴ *Перлюстрация* — вскрытие и чтение частной и дипломатической переписки (*примеч. сост.*).

³⁵ В квадратные скобки — [] — заключены слова, вставленные в текст редакцией.

³⁶ После отставки Бисмарка Каприви был назначен вместо него как канцлером, так и прусским министром-президентом. В марте 1892 г. на этой последней должности он был заменен гр. Бото Эйленбургом. Эта замена явилась результатом интриг, ведшихся против Каприви, главным образом со стороны аграриев, и сопровождалась острым правительственным кризисом. Одним из его результатов было отклонение рейхстагом кредитов на постройку крейсера «К».

³⁷ Игра слов: «*обошелся в рейцер*» значит и «*обошелся в копейку*» (*Kreuzer* — мелкая монета) и «*стоил крейсера*».

³⁸ Кратко и решительно (*нем.*).

VI

ИМПЕРАТОРСКАЯ ФАМИЛИЯ

В. Е. Андреев

Семейный конфликт

(к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича)

Впервые: Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Материалы научной конференции. Сб. статей. СПб., 2006. С. 3–22. Печатается по этому изданию. Комментарии В. Е. Андреева.

¹ Государственные деятели России глазами современников. Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда». 2001. С. 313.

² ГЛРФ. ф. Александра III 677. Д. 74. Л. 201.

³ Дневники Половцова. Т. II. 1887–1892. С. 148.

⁴ Подробнее см.: Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978. С. 253–258.

⁵ Цит. по: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. Т. 1. М.; Пг.: 1923. С. 104–105.

⁶ Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880–1883 гг.). М., 1927. С. 33.

⁷ *Боханов А. Н.* Император Александр III. М.: Русское слово, 2001. С. 277.

⁸ Дневник вел. кн. Константина Николаевича. Запись 4 марта 1881 г. // ГАРФ. ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1165. Л. 124.

⁹ Дневник вел. кн. Константина Николаевича. Запись 18 марта 1881 г. // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1165. Л. 133 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ ПСЗ-III т. 1. №118.

¹² Цит. по: Государственные деятели России глазами современников. Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001. С. 137.

¹³ Дневник вел. кн. Константина Николаевича. Запись 18 марта 1881 г. // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1165.

¹⁴ Цит. по: Государственные деятели России глазами современников. Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001. С. 139.

¹⁵ Дневник Д. А. Милютина. Т. 4. М., 1950. С. 44.

¹⁶ Дневник вел. кн. Константина Николаевича. Запись 18 марта 1881 г. // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1165.

¹⁷ Там же. С. 305.

¹⁸ *Коршунов Ю. Л.* «Генерал-адмиралы российского императорского флота». Издательский дом «Нева». СПб., 2003. С. 208.

¹⁹ Там же. С. 208–209.

²⁰ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. М.: Наука, 1966. С. 189.

²¹ Там же. С. 209.

²² Там же. С. 209–210.

²³ Там же. С. 210.

²⁴ Вел. кн. Константин Николаевич — Головнину А. В. 3 (15) апреля 1882 г. // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1119. Л. 124 об.

²⁵ Государственные деятели России глазами современников. Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Из-во «Пушкинского фонда», 2001.

²⁶ Государственные деятели... С. 30.

²⁷ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. М.: Наука, 1966. С. 82.

²⁸ Там же.

²⁹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. М.: Наука, 1966. С. 189.

³⁰ Цит. по: *Боханов А. Н.* Романовы. Сердечные тайны. М.: АСТ-Пресс, 2000. С. 123.

³¹ Конная статуя «царя-миротворца» была отлита из бронзы в 1909 г. и установлена на Знаменской площади в Санкт-Петербурге. В 1937 г. она была демонтирована и затем поступила в Государственный Русский музей. Следует сказать, что памятник установлен здесь временно и если будет найдено более подходящее место, то музей готов будет ее еще раз переместить.

Переписка цесаревича Александра Александровича
и великого князя Михаила Николаевича. <1875 год>
<Фрагменты>

Впервые: «Любящий тебя племянник Саша...». Переписка цесаревича Александра Александровича и великого князя Михаила Николаевича. 1874–1878 гг. // Исторический архив. 2012. № 5. С. 153–178. Публикацию подготовил В. А. Астанков. Печатается по этому изданию. Комментарии В. А. Астанкова.

В XIX в. императорские семьи были многодетными, и у монархов, начиная с Александра II, была возможность в управлении страной опереться на своих родственников. Ближайшим помощником и доверенным лицом Александра II стал его младший брат вел. кн. Константин Николаевич, остальные братья занимали ответственные государственные посты: вел. кн. Николай Николаевич возглавил русскую армию на Балканах во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., вел. кн. Михаил Николаевич был наместником на Кавказе. Александр III также привлекал к управлению своих братьев, но с дядьями у него были сложные отношения. Исключение составлял вел. кн. Михаил Николаевич (1832–1909), младший из сыновей императора Николая I. Между ним и племянником сложились доверительные отношения, возможно, этому способствовала небольшая, по сравнению с другими дядьями, разница в возрасте — тринадцать лет. Безусловно, Александру III импонировало, что Михаил Николаевич, в отличие от своих братьев, был хорошим семьянином.

После воцарения Александр III назначил Михаила Николаевича на первую по значению государственную должность — 14 июля 1881 г. вел. кн. стал председателем Государственного совета, сменив на этом посту своего старшего брата Константина Николаевича.

В 1894 г. дядя и племянник породнились: дочь Александра III, Ксения, вышла замуж за сына Михаила Николаевича, Александра Михайловича. Императорская чета долго сопротивлялась этому браку, однако влияние Михаила Николаевича на племянника было так велико, что император поддался разговорам своего дяди.

Доверительные отношения сложились между дядей и племянником, когда Александр III стал наследником престола. Очевидно, молодому человеку была необходима поддержка внутри семьи в тяжелый момент, когда так резко изменилась его жизнь. Родители не видели в нем достойной замены умершему сыну, сам он тосковал о брате, с которым делился своими переживаниями. Тогда и завязалась переписка между ним и вел. кн. Михаилом Николаевичем, находившемся на Кавказе. Дядя и племянник делились семейными и политическими новостями, обсуждали реформы, в первую очередь, военные. Предлагаемые фрагменты этой переписки относятся к семейным событиям и воссоздают эпизоды частной жизни императорской фамилии, взаимоотношения между ее членами.

¹ Здесь и далее пометы в начале писем цесаревича принадлежат великому князю Михаилу Николаевичу.

² *Ольга Федоровна* (урожд. принцесса Баденская; 1839–1891) — вел. кн., супруга вел. кн. Михаила Николаевича.

³ Имеются в виду: *Николай Михайлович* (1859–1919) — вел. кн., старший сын вел. кн. Михаила Николаевича и вел. кн. Ольги Федоровны, впоследствии известный историк; *Анастасия Михайловна* (1860–1922) — вел. кн.; *Михаил Михайлович* (1861–1929) — вел. кн.; *Георгий Михайлович* (1863–1919) — вел. кн.; *Александр Михайлович* (1866–1933) — вел. кн.; *Сергей Михайлович* (1869–1918) — вел. кн.

⁴ *Виктория* (1819–1901) — с 1837 г. королева Великобритании, с 1876 г. носила также титул императрицы Индии.

⁵ *Мария Александровна* (1853–1920) — вел. кн., дочь императора Александра II, с 1874 г. замужем за *Альфредом* (1844–1900) — герцогом Эдинбургским, сыном английской королевы Виктории. *Альфред* (1874–1899) — принц, сын вел. кн. Марии Александровны.

⁶ *Владимир Александрович* (1847–1909) — вел. кн., третий сын императора Александра II, генерал-адъютант, с 1874 г. начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, с 1881 г. командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. *Мария Павловна* (1854–1920) — вел. кн., жена вел. кн. Владимира Александровича, дочь великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха Франца II.

⁷ *Мария Федоровна (Минни)* (урожд. принцесса Дакара) (1847–1928) — дочь короля Дании Христиана IX, с 1866 г. жена цесаревича Александра Александровича, с 1881 г. российская императрица.

⁸ Имеются в виду *Ольденбургский Александр Петрович* (1844–1932) — принц, троюродный брат цесаревича Александра Александровича, сын принца П. Г. Ольденбургского, и его супруга *Евгения Максимилиановна (Ёжени)* (1845–1925), урожд. герцогиня Лейхтенбергская, двоюродная сестра вел. кн. Александра Александровича.

⁹ Цесаревна была беременна дочерью Ксенией (1875–1960), родившейся 25 марта 1875 г. в день праздника Благовещения.

¹⁰ В петербургской резиденции цесаревича Аничковом дворце с 1869 по 1875 г. регулярно устраивались любительские спектакли и живые картины с участием членов императорской фамилии и ближайшего окружения семьи цесаревича. Репетиции спектаклей в 1875 г. начались 8 января, а 27 января состоялось первое представление (Подробно см.: *Локотникова И. Г.* Любительский театр Наследника престола в Аничковом дворце // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Материалы научной конференции. Сб. статей. СПб., 2006. С. 55–72) (*примеч. сост.*).

¹¹ *Алексей Александрович* (1850–1908) — вел. кн., четвертый сын императора Александра II, генерал-адмирал, в 1881–1905 гг. главный начальник флота и Морского ведомства.

¹² *Александра Петровна* (в иночестве — Анастасия; 1838–1900) — вел. кн., дочь принца П. Г. Ольденбургского, супруга вел. кн. Николая Николаевича (Старшего).

¹³ *Александра Иосифовна* (урожд. принцесса Саксен-Альтенбургская; 1830–1911) — вел. кн., супруга вел. кн. Константина Николаевича.

¹⁴ Подробное описание спектакля, состоявшегося в Аничковом дворце 27 января 1875 г., см.: *Локотникова И. Г.* Любительский театр Наследника престола в Аничковом дворце // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Материалы научной конференции. Сб. статей. СПб., 2006. С. 62 (*примеч. сост.*).

¹⁵ Отточие подлинника. Речь идет о *Числовой Екатерине Гавриловне* (1845–1889) — артистке петербургского балета, возлюбленной вел. кн. Николая Николаевича (Старшего).

¹⁶ *Константин Николаевич* (1827–1892) — вел. кн., второй сын императора Николая I, генерал-адмирал, в 1855–1881 гг. управляющий Морским министерством, в 1865–1881 гг. председатель Государственного совета.

¹⁷ Супружеских пар (*фр.*).

¹⁸ Отточие подлинника.

¹⁹ *Николай Константинович* (1850–1918) — вел. кн., старший сын вел. кн. Константина Николаевича, двоюродный брат цесаревича Александра Александровича. О «деле» вел. кн. Николая Константиновича, похитившего семейные драгоценности, и отношении к этому наследника см.: *Милютин Д. А.* Дневник. 1873–1875. М., 2008. С. 118–119, 190–191, 288–290, 306–307, письма цесаревича к отцу от 23 апреля и 22 июня/4 июля 1874 г. (ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 2–2об., 16, 18–18об), и к матери от 20 декабря 1874 г. (ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 189–190).

²⁰ *Христиан IX* (1818–1906) — с 1863 г. король Дании, отец цесаревны Марии Федоровны.

²¹ Цесаревич Александр Александрович родился 26 февраля 1845 г.

²² Литургия преждеосвященных даров (по чину Григория Великого), совершаемая лишь Великим постом.

²³ В подлиннике последние два предложения вписаны в перевернутом виде в начале письма.

В. С. Кривенко

В Министерстве двора. Воспоминания

<Фрагмент>

Впервые: *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006 / Подготовка текста: С. И. Григорьев, С. В. Куликов, Д. Н. Шиллов. Печатается по этому изданию. С. 165–166. Примеч. С. В. Куликова.

Из всех правительственных структур Российской империи Министерство императорского двора было лучше других осведомлено о частной жизни императорской фамилии. Это архаичное учреждение имперская система управления унаследовала от средневековой Руси, где существовали специальные ведомства, отвечавшие за устройство быта великокняжеской и царской семьи. В течение всего XIX в. Министерство двора ощущало на себе влияние Нового времени, пребывая в состоянии реформирования. В царствование Александра III также разрабатывались проекты реформ этого ведомства с целью его модернизации и сокращения расходов. Деятельность Министерства в этот

период описал в своих мемуарах *Василий Силович Кривенко* (1854–1931), заведующий Канцелярией министра двора гр. И. И. Воронцова-Дашкова и его ближайший помощник. По долгу службы В. С. Кривенко был осведомлен о многих подробностях жизни императорской фамилии и взаимоотношениях Александра III с его младшими братьями. В. С. Кривенко получил известность и как незаурядный литератор, его мемуары отличаются прекрасным слогом и представляют увлекательное чтение.

¹ Дворец для великого князя Михаила Николаевича был возведен на Дворцовой набережной по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера в 1861 г. и получил название Ново-Михайловский (в отличие от Михайловского дворца, построенного по проекту К. Росси). Современный адрес — Дворцовая наб., д. 18 (*примеч. сост.*).

² Синим карандашом, по смыслу правильнее «использовать».

С. Ю. Витте

Воспоминания

<Фрагменты>

Печатается по: *Vitte С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. I. С. 422–432.

¹ *Maritalement* — как супруги (*фр.*)

² *Майорат* (от лат. *major* — старший) — правило наследования, по которому все недвижимое имущество переходило старшему сыну.

³ См. коммент. 2 к письмам великого князя Александра Александровича К. П. Победоносцеву.

А. А. Половцов

Дневник государственного секретаря

<1884–1892 годы>

<Фрагменты>

Печатается по: *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. Мемуары и дневники. В 2 т. М., 2005. Т. I. С. 275, 280, 286–288, 296–302, 305–307, 308–311, 402–403, 427–445, 471–473. Т. II. С. 160–161, 225, 278–279, 480–481.

Одним из главных преобразований в государственном управлении Российской империи в царствование императора Александра III стало издание нового закона об учреждении императорской фамилии. Порядок наследования престола в Российской империи получил законодательное воплощение в 1722 г., когда Петр I издал устав о наследии престола. Согласно этому документу правящий монарх по своему выбору назначал себе преемника. Этот указ стал одной из предпосылок дворцовых переворотов второй четверти XVIII в. Разработка закона об учреждении императорской фамилии, изданном Павлом I в 1797 г., была продиктована желанием императора избежать новых дворцовых

переворотов. Закон 1797 г. устанавливал наследование престола по мужской линии. Женщина могла занять российский престол лишь в случае пресечения всего мужского потомства как по прямой, так и побочных линий. Изменение этого закона в 1886 г. было вызвано ростом императорской фамилии, все члены которой находились на государственном обеспечении. По новому закону, утвержденному 2 июля 1886 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3851), круг лиц императорской фамилии был сужен до 100 человек. Отныне великими князьями считались только внуки императора.

Процесс разработки этого закона, занявший два года, подробно освещен в дневнике государственного секретаря А. А. Половцова, принимавшего непосредственное участие в его разработке. Половцов также не обошел вниманием реакцию братьев и дядюшек Александра III на положения нового учреждения, а также отношение самодержца к императорской фамилии.

¹ А. А. Половцов передает рассказ великого князя Михаила Николаевича.

² Речь идет о полковом празднике л.-гв. Гусарского полка (*примеч. издателей дневника*).

³ Указанная записка Половцова в фонде Александра III не сохранилась (ЦГАОР) (*примеч. издателей дневника*).

⁴ Предложение Половцова легло в основу нового учреждения об императорской фамилии от 2 июля 1886 г. (*примеч. издателей дневника*).

⁵ Так в подлиннике. По-видимому, пропущено слово: приглашение (*примеч. издателей дневника*).

⁶ Речь идет о великом князе Михаиле Николаевиче.

⁷ *Ольденбургские* — потомки *Георга-Людвига Голитинского*, двоюродного дяди императора Петра III, который пригласил его на русскую службу. *Ольденбургский Петр Георгиевич* (1812–1881) — сын принца Георгия и великой княжны Екатерины Павловны, дочери Павла I, был известным благотворителем. Представители династии Романовых, начиная с племянницы Петра I Екатерины Иоанновны, неоднократно связывали себя узами брака с Мекленбургским домом. Великая княжна Екатерина Михайловна, племянница императора Александра I и дочь его младшего брата Михаила, в 1851 г. стала женой герцога *Георга Августа Мекленбург-Стрелицкого*. Потомкам от этого брака принадлежали Михайловский дворец и дворцы в Ораниенбауме. *Лейхтенбергские* — потомки дочери Николая I Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского.

⁸ В подлиннике ошибочно заметит (*примеч. издателей дневника*).

⁹ См. коммент. 2 к воспоминаниям С. Ю. Витте.

¹⁰ То есть снова поступали бы в ведение Министерства Императорского двора, которое ведало всем дворцовым хозяйством императорской фамилии (было учреждено в 1826 г. как Министерство двора и уделов).

¹¹ *Венский конгресс* (1814–1815) — совещание глав и представителей государств, одержавших победу над Наполеоном, основным вопросом которого было устройство послевоенной Европы. На этом конгрессе был создан Священный союз, призванный противодействовать попыткам свержения монархии. Первый конгресс Священного союза состоялся в 1818 г. в Аахене.

¹² *Табльдот* (от фр. *table d'hôte* — хозяйский стол) — название общего обеденного стола по единому меню в пансионатах, гостиницах, на курортах.

¹³ Половцов не точен. Указ от 24 января 1885 г. об изменении учреждения об императорской фамилии от 5 апреля 1797 г. опубликован в «Правительственном вестнике» от 27 января 1885 г. В указе говорится, что великими князьями и княжнами, носящими титул «императорских высочеств», считаются потомки императора по прямой линии, включая внуков. Правнуки же считались князьями «императорской крови» и получали титул «высочеств». Указ отмечал необходимость создания комиссии для пересмотра учреждения об императорской фамилии.

¹⁴ *Вел. княгиня*: «Кому принадлежит инициатива в этом вопросе?»

Я. «Ваше высочество, это делается по собственному побуждению императора. Я слышал такие разговоры уже семь лет тому назад». *Вел. княгиня*: «Но какова цель, нас желают унижить. Он ненавидит императорскую фамилию. Это то же самое, что закрытие летом дороги в Александрию». *Я*: «Я думаю, что цель заключается в том, чтобы сосредоточить на государе и самых его близких родственниках весь тот престиж, который нельзя безнаказанно в такой отсталой стране распространять на слишком большое число лиц». *Вел. княгиня*: «В сущности, мне это совершенно безразлично. Я люблю только своего мужа и детей; остальное для меня не существует, включая и внуков, но при подобных указах нельзя быть уверенным ни в чем. До издания указа было бы более чем правильно посоветоваться с вел. князем». *Я*: «Я не сомневаюсь, ваше высочество, что это было бы сделано, если бы не опасение резкой выходки со стороны вел. кн. Константина».

Вел. княгиня: «В Мраморном дворце негодуют. Александра Иосифовна прислала мне огромное письмо, полное выражениями недовольства». *Я*: «Ваше высочество, я повторю вам то, что я сказал вел. князю: я убежден, что император расположен к нему самым лучшим образом и что вел. князь мог бы убедиться в этом, если бы вызвал малейшее объяснение, отправившись в среду в Аничков дворец». *Вел. княгиня*: «Он это делает». *Я*: «Нет, ваше высочество, у него не хватит мужества». *Вел. княгиня*: «Мария Максимилиановна умна и предана нам, и она дала вел. князю такой же совет».

¹⁵ Жена вел. кн. Владимира Александровича, вел. кн. Мария Павловна (*примеч. издателей дневника*).

¹⁶ «Если императрица попросит меня дать бал, то я отвечу, что у меня нет средств для этого, так как я должна делать сбережения для своих внуков... А что говорят по этому поводу Владимир и Михен? Я скажу вам, что они говорят... Они думают, что царствовали бы гораздо лучше, потому что они умнее; кроме того, Владимир не может забыть, что после смерти наследника царствующий теперь государь был влюблен в княжну Мещерскую, он хотел отречься и жениться на ней» (*пер. с фр. издателей дневника*).

¹⁷ «Я жалею, что у меня нет ничего, что бы завещать Михаилу, если он не удовлетворится Дудергофом» (*фр.*) (*пер. с фр. издателей дневника*).

¹⁸ Великокняжеская усыпальница была построена на территории Петропавловской крепости рядом с Петропавловским собором в 1896–1908 гг. (архитектор Д. И. Grimm, при участии архитекторов А. И. Томишко, Л. Н. Бенуа).

До этого местом погребения великих князей был Петропавловский собор — императорская усыпальница.

¹⁹ Высокопоставленная особа (лат.) (пер. с лат. издателей дневника).

²⁰ В 1900 г. великий князь Георгий Михайлович женился на православной греческой принцессе Марии Георгиевне.

<Письма миссис Лотроп,
жены чрезвычайного посланника Соединенных Штатов
в России. 1886 год>
<Фрагменты>

Впервые: The Court of Alexander III. Letters of Mrs. Lothrop, wife of the Late Honorable Georg Van Ness Lothrop Former Minister Plenipotentiary and Envoy Extraordinary of the United States to Russia. / Ed. by William Prall. Philadelphia. 1910. P. III. На русском языке впервые: Американцы при дворе Александра III. Письма миссис Лотроп, жены покойного distinguishedного посланника Соединенных Штатов в России. Публикация, перевод с английского и комментарии В. Н. Плешкова. СПб., 2010. Печатается по этому изданию. С. 47–52, 55–58, 67–68. Комментарии В. Н. Плешкова.

Среди многочисленных отзывов современников об императорском дворе и императорской фамилии особое место занимают свидетельства иностранных путешественников и дипломатов. Их описания — это взгляд со стороны, останавливающийся на деталях, ставших привычными для наших соотечественников и потому прошедших мимо их внимания. Алмира Лотроп, супруга посланника США в России Джорджа Ван Несс Лотропа, пробывшего в Петербурге с 1885 по 1888 г., оказалась именно такой внимательной зрительницей, воспринимавшей происходящее при торжественных приемах российского императорского двора как захватывающее представление. Все его детали она скрупулезно описывала своим родным, оставшимся в Соединенных Штатах. Эти письма передают парадную сторону жизни императорской фамилии, позволяя увидеть Александра III и его семью глазами тех, на кого были рассчитаны презентации российской власти.

¹ Не совсем понятно удивление А. Лотроп публикацией в газете придворной хроники, что было обычным явлением. Отчет о бале, состоявшемся в четверг 23 января 1886 г., см.: Новости и биржевая газета. № 25. 25 января 1886. С. 3. Полное описание бала см.: (Камер-фурьерский журнал 1886 г. РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 62. Л. 52 об — 65).

² Было «приглашено 3111 человек», но «на бал вошло 2035 п (ерсон)», а «кушало 1863 п (ерсоны)» (Камер-фурьерский журнал 1886 г. РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 62. Л. 60.).

³ «Николаевский зал и примыкающий к нему концертный зал были впервые освещены электричеством» («Новости и биржевая газета. № 25. 25 января 1886. С. 3.». Об этом же писал и еще один очевидец (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. С. 380).

⁴ Александр III с семьей проживал в Собственном Его Императорского Величества *Аничковском дворце* (Невский пр., 39), построенном в 1741–1750 гг. по проекту арх. М. Г. Земцова и Ф. Б. Растрелли и перестроенном в 1778–1779 гг. А. И. Старовым.

⁵ *Долгоруков Александр Сергеевич* (1841–1912) — князь, российский дипломат и придворный. После окончания Пажеского корпуса служил в МИДе церемониймейстер (1883), обер-церемониймейстер двора (1890), обер-гофмаршал двора (1899), член Гос. совета (1905), д. т. с. Жена урожд. гр. Ольга Петровна Шувалова. «Камер-фурьерский журнал» сообщает, что первыми шли исполняющий должность обер-гофмаршала кн. Трубецкой и министр Императорского двора гр. Воронцов-Дашков. (РГИА. Ф. 516. Оп. 206/ 2703. Д. 62. Л. 52 об.).

⁶ Вел. кн. *Николай Александрович*, с 1881 г. наследник цесаревич, впоследствии император Николай II.

⁷ «Бал открыли князь Долгорукий и княгиня Кочубей, а за ними следовала императорская чета» (Камер-фурьерский журнал 1886 г. РГИА. Ф. 516. Оп. 206/2703. Д. 62, Л. 52 об.). «Придворный полонез, — по словам начальника канцелярии Министерства двора генерала А. А. Мосолова, — являлся настоящим священнодействием. Государь шел в первой паре под руку с женой главы дипломатического корпуса <...>. После первого тура происходил обмен дамами, причем строго соблюдался ранг каждой из них. Количество туров зависело от того, сколько дам приглашено Его Величеством, приглашенные, кроме перечисленных мною лиц, в полонезе участвовать не имели права» (Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 200).

⁸ *Мориер*, леди Элис, урожд. Пил (ум. 1903).

⁹ *Мориер* (Robert David Burnett Morier), *сэр Роберт Дэвид Барнет* (1826–1893) — британский дипломат. С 1852 г. служил на дипломатических должностях (включая секретаря посольства, поверенного в делах) при германских дворах, затем был посланником в Португалии (1876–1881) и Испании (1881–1884). В 1884–1893 гг. — посол Великобритании в России.

¹⁰ «После полонеза начался вальс, во время которого Их Величество беседовать изволили с Особами Дипломатического Корпуса <...> после вальса начались и прочие танцы» (Камер-фурьерский журнал 1886 г. РГИА. Ф. 516. Оп. 206/2703. Д. 62. Л. 53 об.). «Полонез очень короток, не так как в прошлое царствование, — отмечал очевидец. — Императрица идет польским с Швейницем, а затем танцует два кадрили с Шакир-пашою и датским посланником» (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. С. 10).

¹¹ Ср.: «Новости и биржевая газета». № 25. 25 января 1886. С. 3.

¹² Ср.: «Ожерелье из крупных бриллиантов, бриллиантовая диадема на голове, а зади, пониже диадемы, бриллиантовые снурки с кистями довершали головной наряд» (Там же).

¹³ Мария Федоровна к этому времени была матерью шестерых детей, один из которых вел. кн. Александр Александрович (1869–1870) умер в младенчестве, что могло стать причиной ошибки А. Лотроп. См. стихотворение вел. кн. Константина Константиновича (К. Р.), посвященное Марии Федоровне (см.: *Боханов А.* Судьба императрицы. 2-е изд. М., 2005. С. 212).

¹⁴ «Несмотря на то, что ему уже 19-й год, он выглядит еще совсем ребенком» (Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890) / Под ред. Ф. А. Ротштейна. М.; Л., 1926. С. 22).

¹⁵ То есть вел. кн. Мария Павловна.

¹⁶ *Александра Иосифовна* (урожд. принцесса Александра Фредерика Генриетта Антуанна Марианна Саксен-Альтенбургская; 1830–1911) — супруга с 1848 г. вел. кн. Константина Николаевича (1827–1892) — ген.-адм. (1831), председателя Гос. совета (1865–1881). В. Н. Ламздорф не без оснований считал, что она «более других носит на себе отпечаток высшего общества — это обломок блестящего двора прежних лет» (Дневник В. Н. Ламздорфа. С. 139–140).

¹⁷ Согласно газетному отчету, вел. кн. Елизавета Федоровна «при светлом платье, имела на голове диадему из изумрудов», а вел. кн. Александра Иосифовна «была в светлом платье шитом серебром и отделанном бриллиантами, на шею ожерелье из крупных изумрудов, и из тех же драгоценных камней головной убор» (Новости и биржевая газета. № 25. 25 января 1886. С. 3).

¹⁸ «Ужин был сервирован в гербовой, георгиевской залах и на запасной половине. Особенно изящно был декорирован цветами Императорский стол на особом возвышении, в гербовом зале, в форме продолговатого полукруга» (Там же).

¹⁹ Т. е. 91,44 см.

²⁰ «...Ужин великолепен по числу ужинающих и по богатству старинного серебра» — отмечал после аналогичного бала 1883 г. А. А. Половцов. Он же при подготовке выставки старинных серебряных вещей, открытой в феврале 1885 г. в Центральном училище технического рисования А. Л. Штиглица, имел возможность выбирать экспонаты в Зимнем дворце и пришел к выводу: «Серебра массы, но часть, имеющая художественную ценность, не велика» (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. С. 32, 290).

²¹ Т. е. более 1,8 м.

²² Т. е. 4,5 или 6 м. Эти столы были накрыты в Ротонде и аванзале.

²³ «По окончании ужина государь брал императрицу под руку и отводил ее в Николаевский зал, где начинался котильон» (*Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. С. 202). «После ужина бал продолжался до 25 мин. 2 часа» (*Камер-фурьерский журнал* 1886 г. РГИА. Ф. 516. Оп. 206/2703. Д. 62. Л. 54 об.). При описании подобных торжеств в камер-фурьерские журналы помещались меню обеда или ужина, а также программы произведений, которые исполняли «хоры музыки» различных полков лейб-гвардии (см.: Там же. Л. 55–59).

²⁴ *Сименс Карл Федорович* (1829–1906) — немецкий предприниматель, младший брат основателя фирмы «Siemens AG» Эрнста Вернера Сименса. В 1853 г. принял финское подданство, что дало возможность вступить в купеческое сословие России. Купец 1 гильдии, в 1883 г. получил российское подданство. Владелец заводов «Сименс и Гальске» и «Сименс и Шуккерт», осуществил в России строительство телеграфных линий. «Акционерное общество электрического освещения Санкт-Петербурга Сименс и Гальске», основанное в 1886 г., сконструировало систему освещения Невского проспекта и Зимнего дворца, внесло большой вклад в электрификацию городов России. «Постав-

щик Двора Его Императорского Величества» (1882). В России постоянно жил в 1853–1869 гг. и 1880–1890 гг. В 1889 г. приобрел усадьбу Гостиницы.

²⁵ *Юсупов Николай Борисович* (1827–1891) — князь, российский придворный. Гофмейстер двора, почетный опекун С.-Петербургского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии Федоровны. Последний представитель рода Юсуповых, после его смерти император Александр III разрешил мужу его дочери Зинаиды Николаевны (1861–1939) гвардейскому поручику графу Ф. Ф. Сумарокову-Эльстону (1856–1928) именоваться также князем Юсуповым. Описываемый бал состоялся 25 января см.: (Камер-фурьерский журнал 1886 г. РГИА. Ф. 516. Оп. 206/2703. Д. 62. Л. 69 об.).

²⁶ Речь идет о дворце кн. Б. Юсупова (наб. р. Мойки, 94), перестроенном в 1766-е гг. по проекту арх. Ж. Б. Валлен-Деламота. В 1830 г. со стороны Мойки пристроен флигель с белоколонным залом.

²⁷ В 1764–1775 гг. по проекту арх. Ю. М. Фельтена и Ж. Б. Валлен-Деламота рядом с Зимним дворцом был построен Малый Эрмитаж (Дворцовая наб., 36). В 1771–1787 гг. по проекту архитектора Ю. М. Фельтена было сооружено здание Старого (Большого) Эрмитажа (Дворцовая наб., 34), а в 1783–1787 гг. по проекту архитектора Дж. Кваренги было возведено здание Эрмитажного театра (Дворцовая наб., 32). В 1851 г. было завершено строительство по проекту архитектора Л. фон Кленце здания Нового Эрмитажа (Миллионная ул., 35), специально приспособленного под музей. Все здания дворцового комплекса были соединены переходами. Указана современная нумерация домов.

²⁸ Малахитовая ваза-кратер «Медичи» (высота 184 см, диаметр 80 см) была изготовлена по рисунку И. И. Гальберга на Екатеринбургской гранильной фабрике в 1839–1842 гг. взамен вазы, отосланной в подарок королеве Англии Виктории.

²⁹ Бал проходил в Эрмитажном павильоне. Из 418 человек, приглашенных на бал, присутствовало 365 (Камер-фурьерский журнал 1886 г. РГИА. Ф. 516. Оп. 206/2703. Д. 63. Л. 50–50 об.).

³⁰ Оранжерея была устроена в 1850-е гг. для чего часть Висячего сада Малого Эрмитажа была отгорожена стеклянной перегородкой и перекрыта стеклянной крышей.

³¹ Т. е. примерно 15,2 м.

³² «Галерея драгоценностей», в которой экспонировались ювелирные изделия, часы, резные камни и т. п., была размещена вдоль Висячего сада в середине XIX в. До этого они выставлялись в зале, примыкавшем к Лоджиям Рафаэля. «В галерее драгоценных вещей ставились карточные столы (9) и один шахматный» (Камер-фурьерский журнал 1886 г. РГИА. Ф. 516. Оп. 206/2703. Д. 63. Л. 50 об.).

³³ Часы «Павлин» были изготовлены из позолоченной меди в XVIII в. английским механиком Дж. Коксом. В 1780 г. часы были приобретены Г. А. Потемкиным и находились в Таврическом дворце. Первое упоминание о них приведено в книге Г. Георги «Описание российско-императорского и столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом 1794–1796» (1790). В рабочее состояние часы были приведены И. П. Кулибиным в 1790 г. к празднику в честь Екатерины Великой 21 апре-

ля 1791 г., а затем в 1799 г., когда по приказу императора Павла I они были перевезены в Эрмитаж. В настоящее время часы установлены в Павильонном зале Малого Эрмитажа. Часы находятся под огромным стеклянным футляром и представляют собой фигуры петуха, совы и белки, а также сидящего на стволе дуба павлина. После заведения механизма часов колокольчики, находящиеся в их основании начинают отбивать четверти часа и часы. Во время боя часов всё приходит в движение: павлин поворачивается к зрителям, распускает хвост и кланяется, сова крутит головой и хлопает глазами, петух кукарекает.

³⁴ Речь идет о Петровской галерее, Императорском кабинете или Кабинете Петра Великого, переведенном в Эрмитаж в 1851 г. из Кунсткамеры.

³⁵ Имеется в виду Петропавловская крепость.

³⁶ Император Александр III родился 26 февраля 1845 г.

³⁷ На российский престол Александр III вступил 1 марта 1881 г.

³⁸ Император Александр II скончался от ран, вызванных взрывом бомбы, брошенной народовольцем И. Гриневицким на Екатерининском канале 1 марта 1881 г.

³⁹ Петропавловский собор (Собор во имя первоверховных апостолов Петра и Павла) Петропавловской крепости возведен в 1712–1733 гг. по проекту архитектора Д. Трезини.

⁴⁰ *Эдинбургская* (урожд. вел. кнж. Мария Александровна; 1853–1920) — герцогиня, единственная дочь императора Александра II и императрицы Александры Федоровны. В 1874 г. вышла замуж за герцога Эдинбургского Альфреда Эрнеста Альберта, графа Ольстерского и Кентского (1844–1900) — второго сына королевы Виктории и принца-консорта Альберта Саксен-Кобург-Готского. С 1893 г. герцог Саксен-Кобург-Готский. Служил на флоте, к.-адм. (1878), адм. флота (1893). Их дети: наследный принц Альфред (1874–1899), принцесса Мария (1875–1938), принцесса Виктория Мелита (1876–1936), принцесса Александра (1878–1942) и принцесса Беатриса (1884–1966).

⁴¹ *Карл Людвиг Иосиф Мария* (1833–1896) — эрцгерцог Австрии, брат императора Франца-Иосифа и императора Мексики Максимилиана I, отец эрцгерцога Франца Фердинанда. В июне 1886 г. вместе с супругой Марией Терезой Браганса (1855–1949) находился в России с частным визитом.

⁴² «Королева Эллинов с Августейшими детьми и свитой» прибыла в Санкт-Петербург 27 июня и с 18 августа поселилась в Петергофе в Новом дворце при даче «Александрия».

Р. С. Уортман

<Публичная и частная сферы>

<Фрагменты>

Печатается по: *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004 / Пер. с англ. И. А. Пильщикова. С. 241–247. Примечания автора.

¹ *Оом.* Воспоминания // Русский архив. 1896. Кн. 3. С. 548.

- ² *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1896. Т. 12. С. 254–256.
- ³ Там же. Т. 12. С. 269. См. также «Две весны» (Т. 12. С. 270–271).
- ⁴ О путешествии Их Императорских Высочеств в 1869 г. (РГИА, Ф. 1339. Оп. 1. Ед. хр. 28а. Л. 45–47, 88–89, 93–94).
- ⁵ *Каменский.* Наследник Цесаревич Александр Александрович // Исторический вестник. 1917. Март. С. 633–640; *Шевелев.* Путешествия по России // Русское обозрение. 1898. Февраль. С. 821–832.
- ⁶ Дневник Александра III, 1866 г. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 287–289).
- ⁷ Дневник Александра III, 1867 г. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 300. Л. 23).
- ⁸ *Боголюбов А. П.* Воспоминания о в Бозе почившем Императоре Александре III. СПб., 1895. С. 17.
- ⁹ 19 ноября 1875 г., перед возвращением в столицу на зиму, он записал в дневнике: «Грустно расставаться с милым Царским Селом и после нашей тихой и мирной жизни здесь попасть снова в Петербург и, как Владимир называет: котильон без конца!!!» (Дневник Александра III, 1875–1880 гг. // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 307. Л. 34).
- ¹⁰ *Norman J. O.* Alexander III as a Patron of Russian Art // New Perspectives on Russian and Soviet Artistic Culture: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, 1990. N. Y., 1994. P. 26–27; *Боголюбов.* Воспоминания. С. 10–15, 24–29, 35–39. Александр начал коллекционировать живопись после того, как отец подарил ему коллекцию, приобретенную у московского откупщика В. А. Кокорева (*Неверов.* Александр II. С. 17).
- ¹¹ Письмо Цесаревича Александра Александровича А. Н. Штюлеру // Старина и новизна. 1903. Кн. VI. С. 1; Письма Цесаревича Александра Александровича к профессору А. П. Боголюбову // Старина и новизна. 1900. Кн. 111. Ч. I. С. 5–7; *Боголюбов.* Воспоминания. С. 14.

А. А. Мосолов

При дворе последнего императора
<Фрагменты>

Впервые: *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора // Для вас. Рига. 1937. №№ 1–5; 7–32. Печатается по изданию: *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора СПб., 1992. С. 69–71.

Александрович Мосолов Александр (1854–1939) занимал пост начальника Канцелярии Министерства императорского двора в царствование Николая II. В 1916 г. он получил назначение посланником в Румынию. После 1917 г. А. А. Мосолов остался в эмиграции, где занялся написанием мемуаров. Для многих эмигрантов оставался неразрешенным вопрос о том, какие обстоятельства привели к революции в России? Ответ многие искали в фигурах последних императоров. В своих воспоминаниях Мосолов стремился воссоздать ушедшие в прошлое церемонии императорского двора и характеры главных участников этих действий. Обраща-

ясь к личности Николая II, мемуарист не мог обойти вниманием императорскую фамилию: родителей императора — Александра III и императрицы Марии Федоровны, воспитание детей, взаимоотношения в императорской семье.

¹ Имеется в виду охлаждение между императором Александром II и цесаревичем. Зимний дворец был императорской резиденцией (там же были отведены комнаты для Е. М. Долгорукой), Аничков дворец занимала семья наследника престола.

² Князь Александр Баттенберг.

³ В русской армии для получения продвижения по службе обязательно было пребывание в командной должности. Для получения назначения на пост командира полка необходимо было пройти четырехмесячное цензовое командование батальоном.

В. Н. Ламздорф

Дневник 1891–1892 годы

<Фрагмент>

Печатается по: *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1891–1892 / Под ред. и с предисловием Ф. А. Ротштейна. Подготовил к печати В. М. Хвостов. Пер. с фр. Ю. Я. Соловьева. С. 257–260.

¹ *Нигилисты* (лат. *nihil* — ничто) — представители молодого поколения 1860-х гг., в основном разночинцы, отрицавшие традиционные устои, сторонники революционных взглядов. Понятие «нигилист» впервые прозвучало на страницах романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

² Великий князь Николай Александрович, будущий император Николай II.

³ *Деничик* — солдат, назначавшийся к офицеру в качестве прислуги.

⁴ Красное Село под Петербургом традиционно в императорской России служило местом летних военных маневров и лагерей.

VII

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Н. А. Качалов

Из «Записок»

<Фрагмент>

Печатается по: Из «Записок» Н. А. Качалова // Наше наследие. 2010. № 95. С. 66–67. Подготовка текста и примечания А. В. Мельникова.

Н. А. Качалов после участия в работе комиссии по оказанию помощи населению северных губерний, пострадавших от неурожая 1867 г. (см. фрагменты записок Качалова в разделе I) был назначен архангельским губернатором и принял участие в поездке цесаревича и Марии Федоровны по Волге и Дону в 1869 г. Путешествие по Волге вошло в программу подготовки будущего наследника престола после поездки, совершенной великим князем Александром Николаевичем в июне 1837 г.

Будущий император Александр III предпринимал путешествие по Волге в августе 1866 г., но оно было прервано в Нижнем Новгороде из-за угрозы холеры. В июле 1869 г., цесаревич Александр Александрович снова отправился в путешествие по маршруту, которым следовал его старший брат Николай Александрович. Наследника престола сопровождали: К. Н. Посьет, В. В. Зиновьев, К. П. Победоносцев, И. К. Бабст, Ф. А. Оом, Г. И. Гириш, А. П. Боголюбов и др. Жизнь на пароходе, на котором передвигались путешественники, приобрела частный характер, и эти детали частной жизни нашли отражение в рисунках художника А. П. Боголюбова и записках Н. А. Качалова. Стеснял цесаревича лишь строгий регламент поездки, не позволявший ему делать остановки по своему усмотрению, и необходимость принимать изъяснение верноподданнических чувств местного населения.

¹ Из записи в дневнике цесаревича 19/31 июля: «К обеду мы остановились и бросили якорь почти у самого берега, совершенно пустынного и необитаемого <...> В ½ 8 мы отправились все на берег и взяли с собою топоры. — Нарубили дров, сучьев и разожгли огромный костер, и все помогали, даже Победоносцев приносил сучья. — Гуляли и пели по берегу и до того напотелись мы с Алексеем, что все белье, панталоны и кителя были пропитаны потом насквозь. — Мы оставались на берегу до ½10 и провели время самым приятным образом, и вечер был замечательно теплый, ветра никакого» (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303. Л. 4 об.)

² 23 июля/4 августа цесаревич отметил в дневнике: «В ½6 сели все обедать, и я был все время не в духе, потому что нездоровилось и потом страшно надоело все эти остановки по городам. — После обеда курили и сидели на рубке, где наслаждались видами и воздухом, но к вечеру стало очень свежо. — В 8 ч. мы еще останавливались в Вольске, где была страшная толпа и мы вышли принять хлеб-соль, а потом прошлись по мосткам поклониться народу и нас просили непременно поехать в город, но я отклонил, и все наши были недовольны мною, но я решительно не мог решиться и чувствовал себя совершенно нехорошо» (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303).

В. С. Кривенко

В Министерстве двора. Воспоминания

<Фрагменты>

Печатается по: *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006 / Подготовка текста: С. И. Григорьев, С. В. Куликов, Д. Н. Шиллов. С. 147–148, 167–170. Примеч. С. В. Куликова.

¹ Почетное место (*фр.*).

² *Амосовское отопление* — пневматическая система отопления, разработанная генералом Н. А. Амосовым в 30-х гг. XIX в. В стенах здания прокладывались духовые (жаровые) каналы, по которым от печей, расположенных в подвалах, в жилые помещения поднимался горячий воздух. По вентиляционным каналам воздух удалялся из помещений. (Подробно см.: *Дмитриева И.* Инженерное оснащение Зимнего дворца: Пляшем от печки // Технологии строительства. 2008. № 1 (56). С. 106–113.) Впервые амосовское отопление появилось в здании

петербургского Института инженеров путей сообщения. Во второй половине 1840-х гг. амосовская система отопления широко распространилось по Европе как «система русского отопления». Негативной стороной амосовского отопления была сухость воздуха (*примеч. сост.*).

³ Гурманы (*фр.*).

⁴ *Обер-гофмаршал* — один из первых придворных чинов. Распоряжался всем придворным хозяйством и придворными служителями (*примеч. сост.*).

⁵ *Тафельдекер* — придворный служитель, накрывающий и убирающий стол. *Кофешенк* — придворный, отвечавший за приготовление кофе, чая, шоколада. *Мундшенк* — служитель при дворе, заведующий напитками (*примеч. сост.*).

⁶ *Камер-фурьер* — должность при высочайшем дворе, в обязанности которой входило заведование придворными служителями и ведение камер-фурьерских журналов, в которых ежедневно отмечались все события при дворе (*примеч. сост.*).

В. К. Макаров

Гатчина. Исторический очерк. Описание дворца. 1944 год
<Фрагмент>

Печатается впервые. Текст является черновым вариантом описания Большого Гатчинского дворца, подготовленного В. К. Макаровым для исторического очерка Гатчины. Подлинник находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Гатчина. Исторический очерк. Описание дворца. 1944 г. 64 л. Черновик // ОР РНБ Ф. 1135 (Макаров В. К.). Д. 101. Печатается по этому изданию. Приложение. Л. 32.

Если парадная, официальная сторона жизни императорской фамилии была связана с Зимним дворцом, то частная жизнь проходила в Аничковом дворце, ставшем резиденцией Александра III в период наследничества, и в Гатчине, куда император с семьей отправился сразу после воцарения в целях безопасности. Гатчина стала любимой загородной резиденцией Александра III. Его привлекала уединенность Гатчинского дворца и возможность представить себя частным человеком вдали от Петербурга.

После кончины императора жилые помещения дворца не претерпели изменений, и революция 1917 г. застала их почти в том же виде, в каком они остались в 90-х гг. XIX столетия. Сразу же была начата работа по созданию музейной экспозиции, которую возглавил первый директор гатчинского музея В. П. Зубов (фрагмент его очерка см. ниже). В мае 1918 г. дворец впервые открыл двери для посетителей.

Макаров Владимир Кузьмич (1885–1970) — выпускник историко-филологического факультета петербургского университета, после революции входил в состав комиссии по приемке и охране дворов Петергофа, был хранителем гатчинского музея, а с июня 1918 г. сменил В. П. Зубова на посту директора. Основной заботой В. К. Макарова в 1920-е гг. стало сохранение целостности коллекций, наиболее ценную часть которых советское правительство, нуждавшееся в деньгах, намеревалось продать за границу. В. К. Макаров противостоял этим намерениям, рискуя собственной жизнью и свободой, так как попал в разряд «неблагонадеж-

ных». Несмотря на его усилия гатчинский дворец «потерял» за это время свыше 100 тысяч экспонатов. Часть предметов была передана в Эрмитаж.

Тем не менее в музее шла насыщенная научная работа и создание экспозиций. Было решено воссоздать жилые помещения разных эпох: личные комнаты Павла I, Николая I, Александра II и Александра III. Сотрудники музея разработали экскурсионные маршруты «Павловская Гатчина», «Комнаты Николая I и Александра II», «Парадные приемные Александра III», «Комнаты семьи Александра III» и «Выставки из фондов Гатчинского дворца», а фотограф М. А. Величко создал фотогалерею экспозиций. (Подробно см.: *Астаховская С. А., Шукурова А. Э.* Гатчинский дворец. Страницы истории музея. Фотоальбом. СПб., 2007.)

В довоенное время Гатчинский дворец называли «пригородным Эрмитажем» за богатство коллекций и насыщенность экспозиций.

В. К. Макаров был уволен с поста директора музея в 1928 г. и выслан в Череповец на три года. После возвращения в Ленинград он был принят на работу в Эрмитаж. После начала Великой Отечественной войны Владимир Кузьмич остался в блокированном городе и работал над историко-художественным очерком Гатчинского дворца-музея и парка.

Гатчина была оккупирована немецкими войсками с 9 сентября 1941 г. по 26 января 1944 г. Отступая из Гатчины, гитлеровцы подожгли Большой Гатчинский дворец, большинство помещений было уничтожено пожаром. В 1944 г. казалось, что восстановить дворец невозможно, поэтому очерк был призван донести до потомков художественную и историческую ценность утраченного наследия. Очерк не был завершен, черновики хранятся в настоящее время в Российской национальной библиотеке.

В конце жизни В. К. Макаров вернулся к этой работе, начав в соавторстве с А. Н. Петровым книгу «Гатчина». Монография была завершена и опубликована в 1974 г. уже после кончины В. К. Макарова, сразу же стала библиографической редкостью и выдержала несколько переизданий (см.: *Макаров В. К., Петров А. Н.* Гатчина. Изд. 3-е. СПб., 2007).

Интерьеры Гатчинского дворца-музея были торжественно открыты для посетителей в 1985 г. Восстановительные работы продолжаются во дворце и в настоящее время. Однако жилые помещения Александра III и его семьи в музее не представлены. Черновые записи В. К. Макарова (в отличие от публикации, появившейся спустя тридцать лет) передают непосредственные впечатления посетителя, оказавшегося в этих интерьерах и соприкоснувшегося с частной жизнью монарха.

¹ *Рёнтген Давид* (1743–1807) — знаменитый европейский мебельный мастер XVIII в.

С. Ю. Витте

Воспоминания
<Фрагмент>

Печатается по: *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. I С. 213–215.

Воспоминания С. Ю. Витте о посещении Гатчинском дворце дополняют очерк В. К. Макарова, передавая впечатления человека, оказавшегося в интерьерах приемной Александра III.

¹ С. Ю. Витте совершил поездку в Гатчину по случаю назначения начальником только что образованного при Министерстве финансов Департамента железнодорожных дел.

В. К. Макаров

Первые работы Зичи в Гатчине

Впервые: Старая Гатчина. 1923. № 12. 6 декабря. Печатается по: *Макаров В. К.* Первые работы Зичи в Гатчине // ОР РНБ. Ф. 1135 (Макаров В. К.). Д. 65. Машинопись. 4 л. Примеч. В. К. Макарова.

По инициативе В. К. Макарова с 1923 г. стал издаваться машинописный бюллетень «Старая Гатчина». Макаров был его основным автором и редактором, привлекал к публикациям рядовых сотрудников музея и известных искусствоведов. В одном из выпусков он поместил статью о работах венгерского художника Михая (Михаила Александровича) Зичи, который приехал в Россию по приглашению Николая I, работал в царствование Александра II и стал придворным художником Александра III.

¹ Копия письма Николая в Севастополь в Гатчинском дворце-музее.

² Неизданная копия с части (1854–1855 гг.) в Гатчинском дворце-музее. Оригинал на французском языке.

³ Николай Павлович поддерживает пошатнувшийся крест вместе с раненым русским солдатом.

⁴ Михаил Александрович Зичи род. в 1820 г. в Венгрии, умер в 1906 г. в России, где работал с 1847 по 1874 г., когда уехал во Францию. В 1880 г. возвратился в Россию. Большая статья о нем помещена во «Всемирной иллюстрации» за 1869 г. № 34 и дальше (Библ. Дворца-музея). Статья подписана буквой С. В том же журнале за 1874 г. № 300 напечатаны дополнительные сведения о Зичи и поправки к статье 1869 г. за подписью Супруненко.

⁵ Название пропущено (*примеч. сост.*).

С. Д. Шереметев

Мемуары

<Фрагменты>

Печатается по: Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 473–475, 484–05, 563–565. Примеч. Л. И. Шохина.

¹ Ячеистая (*фр.*).

² Время делать визиты (*фр.*).

³ Мадам, Вы собираетесь (*фр.*).

⁴ Зачеркнуто: туалета.

⁵ Подробно об Императорском русском историческом обществе см. ниже коммент. к дневнику А. А. Половцова.

⁶ В 1872 г. в Москве был основан Музей имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. Первоначальную коллекцию музея составили экспонаты Политехнической выставки, организаторы которой и ходатайствовали о создании музея. В 1875–1881 гг. шло строительство здания музея в «русском стиле» на Красной площади (архитектор В. О. Шервуд). Императорский Российский исторический музей имени Императора Александра III был открыт 27 мая 1883 г. В настоящее время собрание Государственного исторического музея отражает развитие культуры и истории российского государства.

⁷ Зачеркнуто: закала.

⁸ *Риторнелло* — предначатие музыки в песне (*фр.*).

⁹ Вписано С. Д. Шереметевым на полях.

¹⁰ Зачеркнуто: очень.

¹¹ С. Д. Шереметев состоял в должности егермейстера, в 1892 г. произведен в егермейстеры; его дочь Анна Сергеевна Шереметева (1873–1919) пожалована в фрейлины. *Шифр* — вензель особы царствующего дома, пожалованный как знак отличия.

¹² Будуар (*фр.*) (*примеч. сост.*).

¹³ Имение С. Д. Шереметева (*примеч. сост.*).

¹⁴ Письма А. П. Ермолова и А. А. Закревского 1812–1828 гг. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 188–459 (Бумаги Графа А. А. Закревского, под ред. Н. Ф. Дубровина).

Письма императора Александра III
к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу
<1875–1885 годы>
<Фрагмент>

Впервые: Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. IX. М., 1999. С. 213–250. Подготовка к публикации Л. И. Тютюнник. Печатается по этому изданию. С. 213–219. Комментарии Л. И. Тютюнник.

Многие из тех, кто знал Александра III, отмечали его любовь к детям. Он был нежным и заботливым отцом, находившим отраду в детских играх, тосковавшим в разлуке с детьми. Находясь далеко от семьи, он использовал любую возможность, чтобы написать детям. Строки писем к старшему сыну, наследнику престола Николаю Александровичу, наполнены любовью и вниманием к мельчайшим деталям детской жизни. Подлинники писем хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 1–71).

¹ *Георгий Александрович* (1871–1899) — вел. кн., сын Александра III.

² Александр II (1818–1881). Мария Александровна (урожд. принцесса Мария Гессен-Дармштадская; 1818–1881) — российская императрица с 1885 г., мать Александра III.

³ *Сергей Александрович* (1857–1905) — вел. кн., сын Александра II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, член Государственного совета, командир лейб-гвардии Преображенского полка (1887–1891), московский генерал-губернатор (1891–1905), командующий войсками Московского военного округа (1896–1905).

Павел Александрович (1860–1919) — вел. кн., сын Александра II, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир л.-гв. Конного полка (1890–1896), командир гвардейского корпуса (1898–1902).

⁴ *Мария Федоровна* (урожд. принцесса София Фредерика Дагмара; 1847–1928) — дочь датского короля Христиана IX, и королевы Луизы, Российская Императрица (1881–1894).

⁵ *Ксения Александровна* (1875–1960) — вел. кн., дочь Александра III.

⁶ С 11 по 19 апреля 1877 г. цесаревич Александр Александрович вместе с Александром II были в Кишиневе, где размещался Главный штаб действующей армии.

⁷ *Владимир Александрович* (1847–1909) — вел. кн., сын Александра II, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного совета, президент Академии художеств (1876–1909), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905).

⁸ Так в тексте.

⁹ *Апраксина Александра Александровна* (Сапрак, Апракс) — графиня, впоследствии княгиня Оболенская, жена князя В. С. Оболенского, фрейлина Императрицы Марии Александровны, а затем Марии Федоровны.

¹⁰ В Брестовице (Восточная Болгария) находился штаб Рущукского отряда, которым командовал цесаревич Александр Александрович в 1877–1878 гг.

¹¹ *Данилович Григорий Григорьевич* (1825–1906) — военный педагог, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Главного военно-учебного комитета, воспитатель вел. кн. Николая Александровича и Георгия Александровича.

Флотов Мария Петровна фон — камер-фрау Цесаревны, а затем императрицы Марии Федоровны.

¹² С 1870 г. цесаревич Николай Александрович почти каждое лето гостил в Дании у деда и бабки.

¹³ Екатерининский (Большой) дворец в Петергофе.

¹⁴ Здесь располагался летний лагерь гвардейского корпуса, которым с 1874 г. командовал наследник цесаревич Александр Александрович.

¹⁵ *Михаил Александрович* (1878–1918) — вел. кн., сын Александра III, в 1899–1904 гг. наследник Российского престола, генерал-майор, член Государственного совета, командир 17 Черниговского полка (1909–1911) и лейб-гвардии Кавалергардского полка (1912), командовал Кавказской туземной дивизией и 2 кавалерийским корпусом (1914–1917). 3 марта 1917 г. вслед за отречением Николая II отказался от престола.

¹⁶ *Андреев Александр Николаевич* (1830–1891) — поэт и прозаик, автор популярных цыганских песен и романсов.

¹⁷ *Хис Чарльз* (1826–1900) — английский дворянин, выпускник Кембриджского университета, преподаватель английского языка в Александровском лицее, учитель английского языка у детей Александра II и Александра III.

¹⁸ *Алексей Александрович* (1850–1908) — вел. кн., сын Александра II, генерал-адъютант, генерал-адмирал, главный начальник флота и Морского министерства (1881–1905).

¹⁹ Водолечебный курорт в Северной Австрии на берегу Траунского озера.

²⁰ *Ти́ра Амалия Каролина Кумберлендская* (1853–?) — герцогиня, дочь датского короля Христиана IX, младшая сестра императрицы Марии Федоровны, жена герцога Эрнста Августа Кумберлендского.

²¹ *Христиан IX* (1813–1898) — король Дании (с 1863 г.) и Луиза (1817–1898), королева Дании, родители Императрицы Марии Федоровны.

²² Императорская яхта.

²³ Дворец в петергофском парке «Александрия».

²⁴ Грязевой и климатический курорт в Эстляндской губернии.

А. А. Половцов

Дневник государственного секретаря

<1885–1889 годы>

<Фрагменты>

Печатается по: *Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. Мемуары и дневники. В 2 т. М., 2005. Т. I. С. 293–294, 297–298, 318–319, 321–322, 437–439. Т. 2. С. 20, 30–33, 223,*

Интерес Александра III к отечественной истории, возникший в отрочестве, получил развитие в его покровительстве деятельности Императорскому русскому историческому обществу. Общество было учреждено в 1866 г. под почетным председательством наследника престола и находилось в ведении Министерства народного просвещения. Собрания проходили в Аничковом дворце; наследник, а затем император Александр III принимал непосредственное участие в деятельности Общества. Первым председателем Общества был поэт П. А. Вяземский, которого в 1879 г. сменил на этом посту А. А. Половцов.

Задачей Общества была публикация неизвестных документов, имеющих отношение к отечественной истории, которые помещались в «Сборниках Русского Исторического Общества» (Сборники РИО). С 1866 по 1917 г. вышло 50 томов сборников РИО. Другим известным изданием общества был Русский биографический словарь. А. А. Половцов деятельно участвовал в подготовке выпусков этого словаря. Сюжеты, связанные с деятельностью Русского исторического общества и участия в нем императора Александра III, нашли отражение в дневнике государственного секретаря, обсуждавшего дела Общества наряду с текущими государственными проблемами.

¹ *Рисовальное училище* — Центральное училище технического рисования, основанное в 1876 г.) вместе с начальной школой рисования, черчения и лепки по инициативе и на средства мецената барона А. Л. Штиглица. Училище готовило

преподавателей рисования. В 1895 г. первый директор училища М. Е. Месмахер открыл в залах училища музей, в котором была представлена история развития основных отраслей прикладного искусства. Располагалось училище по адресу Соляной переулоч, д. 13 и 15. В 1945 г. на его базе было создано Высшее художественно-промышленное училище имени В. И. Мухомой. Н. М. Половцова, супруга А. А. Половцова, была приемной дочерью барона Штиглица.

² «Упражнения французской пехоты» (*фр.*).

³ Речь идет о коллекции А. П. Базилевского, действительного члена Императорского Московского Археологического общества. Его коллекция, располагавшаяся в парижском особняке собирателя, насчитывала 550 предметов, относящихся к истории христианской церкви I–XVI вв. В 1867 г. во время визита в Париж Александр III (в то время еще наследник престола) осматривал экспонаты коллекции. В конце жизни, испытывая финансовые трудности, А. П. Базилевский решил выставить коллекцию на аукцион. Об этом А. А. Половцов сообщил Александру III. Для ведения переговоров в Париж был послан художник Боголюбов, которому удалось уговорить Базилевского продать коллекцию за 5448125 французских франков Александру III, купившему ее на свои личные средства. В настоящее время коллекция Базилевского находится в Эрмитаже.

⁴ Речь идет об Общем собрании Государственного совета.

⁵ *Штендман Г. Ф.* (1836–1903) — секретарь Императорского Русского исторического общества с 1879 г.

⁶ *Обер-гофмаршал* — старший гофмаршал, придворный чин II класса по Табели о рангах.

⁷ Речь идет о «Русском биографическом словаре», издававшемся Русским историческим обществом под наблюдением А. А. Половцова. Первый том словаря вышел в 1896 г., последний — в 1918 г. под ред. Б. Л. Модзалевского. Всего опубликовано 25 томов, причем издание осталось незаконченным. Предварительный список лиц, предполагаемых к включению в биографический словарь, помещен в «Сб. РИО» (Т. 60, 62) (*примеч. издателей дневника*).

⁸ По-видимому, речь идет о хранившихся в Государственном совете материалах Комитета 6 декабря 1826 г. В настоящее время они составляют особый фонд (ЦГИА СССР. Ф. 1167), в котором содержатся различные проекты государственных реформ первой трети XIX в. (записки М. М. Сперанского, В. П. Кочубея, Н. С. Мордвинова и др.). Часть материалов, относящихся к Комитету, опубликована в «Сб. РИО» (Т. 74. СПб., 1891; Т. 90. СПб., 1894). В фонде В. К. Плеве (ЦГАОР. Ф. 586. Д. 63) имеется доклад А. А. Половцова о деятельности Комитета 6 декабря 1826 г., составленный на основе этих материалов. На первом листе помета рукою Александра III: «Читал» (*примеч. издателей дневника*).

⁹ Речь идет о книге М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». Половцов допускает некоторую неточность. Кроме изданных в 1848 г. 25 экземпляров, в 1854 г. было издано столько же. В 1857 г. было предпринято три издания — третье, четвертое и пятое (первое, второе и третье «для публики»). Общий тираж этих трех изданий установить не удалось (*примеч. издателей дневника*).

¹⁰ Эти бумаги были изданы (Сб. РИО. Т. 73. СПб., 1890). Бумаги состоят из переписки А. А. Закревского с П. М. Волконским, А. П. Ермоловым, М. С. Воронцовым, Д. В. Давыдовым и И. П. Сабаневым (1812–1852). В следующем году был издан второй том бумаг А. А. Закревского (Там же. Т. 78. СПб., 1891). Том содержит переписку с П. Д. Киселевым, К. Я. Булгаковым, А. С. Меншиковым и другими лицами с 1814 по 1840 г. Кроме того, в томе опубликованы различные бумаги официального содержания (приказы, воззвания, записки и т. д.) (*примеч. издателей дневника*).

¹¹ ЦГАОР. Ф. Библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Ч. 2. (*примеч. издателей дневника*).

Александр III

Письма Александра III императрице Марии Федоровне.
<1891–1892 годы>

Впервые: «Нет спокойствия ни физического, ни морального»: Письма Александра III императрице Марии Федоровне. 1891–1892 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 149–167. Публикацию подготовил А. Н. Боханов. Печатается по этому изданию. С. 149–162. Комментарии А. Н. Боханова.

Брак, который был заключен цесаревичем Александром Александровичем с датской принцессой Дагмарой (в православии Марией Федоровной) по воле родителей, оказался счастливым. Между супругами возникла искренняя привязанность, которую укрепило рождение детей. Императорская чета являла редкий пример супружеской верности. В дневнике А. В. Богданович, супруги Е. В. Богдановича, члена Совета министра внутренних дел, есть интересная запись от 13 марта 1888 г.: «...Считали, кто из мужей верен своей жене. Про государя до сих пор ничего не говорят...» (*Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 84*).

Александр III не любил расставаться с детьми и женой, а если и был вынужден это сделать, то прибегал к переписке. В письмах к своим домочадцам император мог проявить чувства частного человека, быть самим собой. Письма домашним служили ему отдушиной в рутине государственной работы, бремя которой с каждым годом он ощущал все сильнее. Император испытывал беспокойство за здоровье своих близких и тревожился о судьбе детей. Чувства беспокойство и нарастающей усталости стали лейтмотивом последней переписки императора и его супруги.

Автографы писем Александра III к императрице Марии Федоровне хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде № 642 — императрицы Марии Федоровны Романовой.

¹ *Ксения Александровна (1875–1960)* — вел. кнж., старшая дочь Александра III, жена (с 1894 г.) вел. кн. Александра Михайловича.

² *Михаил Александрович (1878–1918)* — вел. кн., младший сын Александра III. Ольга Александровна («беби») (1882–1960) — вел. кнж., младшая дочь и единственный «порфирородный» ребенок в семье Александра III.

³ «*Кронштадтский вестник*» — газета, выходила с 1861 г. два-три раза в неделю.

⁴ *Георгий Александрович («Жоржи»)* (1871–1899) — вел. кн., третий сын Александра III, наследник-цесаревич в 1894–1899 гг. В начале 90-х гг. заболел туберкулезом и почти безвыездно жил на Кавказе на климатическом курорте Абас-Туман (Абастуман), где его навещали родственники и где подолгу жила мать императрица Мария Федоровна.

⁵ *Alix* — вел. кн. *Александра Георгиевна* (1870–1891), урожденная греческая принцесса Александра, дочь греческого короля Георга I и Ольги Константиновны; жена (с 1889 г.) младшего брата Александра III, вел. кн. Павла Александровича.

⁶ *Лобанова-Ростовская А. Н.* («Фафка») — княжна, фрейлина вел. кн. Александры Георгиевны.

⁷ *Черевин П. А.* (1837–1896) — генерал-адъютант, товарищ министра внутренних дел (1880–1883), начальник охраны Александра III.

⁸ *Шереметев В. А.* (1847–1893) — флигель-адъютант, полковник, командир императорского конвоя.

⁹ *Николай Михайлович* (1859–1919) — вел. кн., старший сын вел. кн. Михаила Николаевича, внук императора Николая I. Флигель-адъютант, председатель Императорского исторического общества.

¹⁰ *Павел Александрович* (1860–1919) — вел. кн., младший сын Александра II, брат Александра III. Женат (с 1889 г.) на греческой принцессе Александре Георгиевне.

¹¹ *Владимир Александрович* (1847–1909) — вел. кн., третий сын императора Александра II. Флигель-адъютант, командующий войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа в 1884–1905 гг., президент Императорской Академии художеств.

¹² *Алексей Александрович* (1850–1908) — вел. кн., четвертый сын Александра II.

¹³ *Александр Александрович* (1869–1870) — вел. кн., второй сын Александра III, умерший в возрасте одиннадцати месяцев.

¹⁴ *Борки* — станция Курско-Харьковской железной дороги под Харьковом, где 17 октября 1888 г. произошло крушение царского поезда, в результате которого погиб 21 человек. Царская семья чудом осталась жива.

¹⁵ *Михаил Николаевич* (1832–1909) — вел. кн., младший сын императора Николая II, генерал-фельдцейхмейстер, наместник на Кавказе (1863–1881), председатель Государственного совета (1881–1905). Женат (с 1857 г.) на Ольге Федоровне, урожденной принцессе Цецилии Баденской.

¹⁶ *Коттедж* — небольшой дворец в английском стиле, построенный архитектором А. А. Менеласом в Петергофе в конце 20-х гг. XIX в. Здесь, 1/13 июня 1882 г., родилась младшая дочь Александра III.

¹⁷ *Лейхтенбергский Георгий (Юрий) Максимилианович* (1852–1912) — герцог, князь Романовский, сын старшей дочери императора Николая I и герцога Максимилиана Лейхтенбергского. Женат (с 1890 г.) на Анастасии Черногорской. Их сын Сергей родился в 1890 г. от первого брака с принцессой Терезией Ольденбургской (ум. 1883), имел сына Александра (1881).

¹⁸ О, нет, это такое кроткое дитя (англ).

¹⁹ *Ольденбургская Евгения Максимилиановна* («Эжени») (1845–1925) — жена принца Александра Петровича Ольденбургского, урожденная принцесса Лейхтенбергская, княжна Романовская, внучка императора Николая I.

²⁰ *Ольденбургский Александр Петрович* («Алек») (1844–1932) — принц, генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, член Государственного совета, сенатор.

²¹ *Анастасия Николаевна* («Стана») (1868–1935) — урожденная княжна Черногорская, в первом браке (с 1890 г.) — за Ю. М. Лейхтенбергским, во втором (с 1907 г.) — за вел. кн. Николаем Николаевичем (младшим).

²² *Елена Георгиевна* («Елена», «Тинхен») — принцесса Саксен-Альтенбургская, урожденная принцесса Мекленбург-Стрелицкая, жена герцога Альбера (Альберта) Саксен-Альтенбургского.

²³ *Рихтер О. Б.* (1830–1908) — генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, в 1881–1895 гг. заведовал делами Комиссии прошений на высочайшее имя, член Государственного совета.

²⁴ *Философов А. А.* — гофмейстер, управляющий двором вел. кн. Павла Александровича.

²⁵ *Альберт-Эдуард* («Берти») (1841–1910) — принц Уэльский, старший сын английской королевы Виктории, наследник престола, вступил на престол в 1901 г. под именем Эдуарда VII. Женат (с 1863 г.) на старшей сестре императрицы Марии Федоровны, урожденной датской принцессе Александре.

²⁶ *Александра* («Аlix») (1844–1925) — урожденная датская принцесса, старшая сестра императрицы Марии Федоровны, английская королева с 1901 г.

²⁷ *Пратасов* (Протасов) — *Бахметьев Н. А.* (1866–1918) — граф, генерал-адъютант, член Государственного совета, председатель опекунского совета ведомства учреждений императрицы Марии.

²⁸ *Победоносцев Константин Петрович* (1826–1907) — юрист, статс-секретарь, обер-прокурор Святейшего Синода (1880–1907), член Государственного совета

²⁹ *Екатерина Михайловна* («тетя Катя») (1827–1894) — вел. кн., дочь вел. кн. Михаила Павловича, внучка Павла I. С 1851 г. замужем за герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким.

³⁰ См. коммент. 22.

³¹ *Фредерике В. Б.* (1838–1927) — барон, граф (с 1913), генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, член Государственного совета, министр императорского двора (1897–1917). В 1891–1893 гг. шталмейстер и управляющий придворной конюшенной частью.

³² *Озеров С. С.* — генерал-майор свиты.

³³ *Спала* — охотничья резиденция русских императоров недалеко от Варшавы, бывшая резиденция польских королей.

³⁴ *Ширшинкин Е. Н.* (р. 1843) — генерал-лейтенант, начальник дворцовой полиции.

³⁵ *Мария Георгиевна* («Минерле») (1876–1940) — урожденная греческая принцесса, жена (с 1900 г.) вел. кн. Георгия Михайловича.

³⁶ *Абас-Туман* (Абастуман) — см. коммент. 4.

³⁷ *Мария Павловна* («Михень») (1854–1920) — вел. кн., урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская, жена (с 1874 г.) вел. кн. Владимира Александровича.

³⁸ *Бенкендорф Павел Константинович* (1853–1921) — граф, генерал-адъютант, обер-гофмаршал Высочайшего двора (1893–1917).

³⁹ *Николай Александрович* («Ники») (1869–1918) — вел. кн., старший сын Александра III, цесаревич (1881–1894), император Николай II (1894–1917).

⁴⁰ *Георгий Михайлович* (1863–1919) — вел. кн., третий сын вел. кн. Михаила Николаевича, внук Николая I. Генерал-адъютант, генерал-лейтенант.

⁴¹ *Дмитрий Константинович* («Митя») (1860–1919) — вел. кн., третий сын вел. кн. Константина Николаевича, внук Николая I. Генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии.

⁴² Речь идет о покушении на цесаревича Николая Александровича 29 апреля 1891 г. во время его посещения Японии.

⁴³ *Оболенский Николай Дмитриевич* («Котя») (ум. 1912) — князь, флигель-адъютант, генерал-майор лейб-гвардии Конного полка. Состоял при императрице Марии Федоровне.

⁴⁴ *Сергей Михайлович* (1869–1918) — вел. кн., пятый сын вел. кн. Михаила Николаевича, внук Николая I. Генерал-адъютант, генерал-от-артиллерии.

⁴⁵ *Александр Михайлович* («Сандро») (1866–1933) — вел. кн., четвертый сын вел. кн. Михаила Николаевича, внук Николая I, друг юности Николая II. В 1894 г. женился на дочери Александра III великой княжне Ксении Александровне.

⁴⁶ См. коммент. 9.

⁴⁷ *Куропаткин Алексей Николаевич* (1848–1925) — генерал-адъютант, военный министр (1898–1904).

⁴⁸ *Фигнер Николай Николаевич* (1857–1918) — певец (лирико-драматический тенор). Солист Императорского Мариинского театра (1887–1907).

⁴⁹ *Сергей Александрович* (1857–1905) — вел. кн., пятый сын Александра II. Генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Московский генерал-губернатор (1891–1905).

⁵⁰ *Фридрих-Карл* (1822–1892) — король Вюртембергский, муж (с 1846 г.) дочери Николая I, вел. кнж. Ольги Николаевны.

⁵¹ *Фредерикс Владимир Александрович* (1837–1892) — барон, шталмейстер, чрезвычайный посланник и полномочный министр при дворах великого герцога Баденского и короля Вюртемберга (Штутгарт),

⁵² *Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич* (Кутузов) (1848–1913) — граф, гофмейстер, управляющий Дворянским и Крестьянским поземельными банками (1889–1895), поэт. Его стихи очень нравились Александру III.

⁵³ Речь идет о Комитете сибирской железной дороги, учрежденном 10 декабря 1892 г. для руководства по сооружению Сибирского железнодорожного пути, председателем которого был назначен цесаревич Николай Александрович.

⁵⁴ *Сперанский Сергей Иванович* (1845–1914) — генерал-лейтенант, начальник Дворцового управления (1891–1914).

⁵⁵ *Аничков Милий Милиевич* (1848–?) — генерал-лейтенант, заведующий гофмаршальской частью Министерства императорского двора.

⁵⁶ *Воронцов-Дашков Илларион Иванович* (1837–1916) — граф, генерал-адъютант, министр Императорского двора и уделов (1881–1887), друг юности Александра III. С детьми И. И. Воронцова-Дашкова в молодости дружил цесаревич Николай Александрович.

⁵⁷ 12 апреля 1865 г. в Ницце скончался от болезни почек старший брат Александра Александровича наследник престола Николай Александрович. У постели умирающего, помимо родителей и братьев, находилась и датская принцесса Дагмар, с которой Николай Александрович был помолвлен.

⁵⁸ *Зиновьев Василий Васильевич* (1814–1891) — генерал-адъютант, с 1868 г. гофмаршал двора наследника Александра Александровича, член Государственного совета.

⁵⁹ *Александра Иосифовна* («Тетя Сани») (1830–1911) — вел. кн., урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, жена (с 1848 г.) вел. кн. Константина Николаевича.

⁶⁰ *Анастасия Михайловна* (1860–1922) — вел. кнж., дочь вел. кн. Михаила Николаевича, внучка Николая I. Жена (с 1879 г.) герцога Фридриха-Франца Мекленбург-Шверинского.

⁶¹ Речь идет о годовщине со дня смерти и похорон жены вел. князя Михаила Николаевича вел. кн. Ольги Федоровны — матери Анастасии Михайловны, скончавшейся 31 марта 1891 г.

⁶² *Эскаль Л.* — бельгийка, гувернантка датской принцессы Дагмары, у которой она оставалась в качестве компаньонки и после переезда ее в Россию.

⁶³ *Белосельский-Белозерский Константин Эсперович* (1843–1920) — князь, офицер лейб-гвардии Кирасирского полка.

⁶⁴ *Гирс Николай карлович* (1820–1895) — статс-секретарь, министр иностранных дел (1882–1896).

⁶⁵ *Трубецкой А. Н.* — князь, полковник лейб-гвардии Преображенского полка.

⁶⁶ *Стюрлер Александр Николаевич* (1825–1901) — генерал-майор свиты, член Государственного совета.

⁶⁷ *Глинка-Маврин Борис Григорьевич* (1810–1895) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии.

⁶⁸ *Николай Николаевич* (младший) («Николаша») (1856–1929) — вел. кн., старший сын вел. кн. Николая Николаевича (старшего).

⁶⁹ *Лейхтенбергский Евгений Максимилианович* («Ежен», «Эжен») (1847–1901) — герцог, князь Романовский, второй сын старшей дочери Николая Марии Николаевны. Генерал-адъютант.

⁷⁰ См. коммент. 8.

⁷¹ 26 февраля — день рождения Александра III.

⁷² *Андрей Владимирович* (1879–1956) — вел. кн., сын вел. кн. Владимира Александровича, племянник Александра III.

⁷³ *Елена Владимировна* (1882–1957) — единственная дочь вел. кн. Владимира Александровича.

⁷⁴ *Вышнеградский Иван Алексеевич* (1831–1895) — профессор, министр финансов (1888–1892).

⁷⁵ *Грессер Петр Аполлонович* (1832–1892) — генерал-адъютант, петербургский градоначальник (1883–1892).

⁷⁶ *Ольга Федоровна* («тетя Ольга») (1839–1891) — вел. кн., урожденная принцесса Цецилия Баденская, жена (с 1857 г.) вел. кн. Михаила Николаевича.

⁷⁷ *Николай Николаевич* (старший) («дядя Низи») (1831–1891) — вел. кн., сын Николая I, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий армией во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

⁷⁸ *Бунге Николай Христианович* (1823–1895) — экономист, профессор, ректор Киевского университета, министр финансов (1881–1886), председатель Комитета министров (1887–1895).

⁷⁹ *Елизавета Федоровна* («Элла») (1864–1918) — вел. кн., урожденная принцесса Гессен-Дарштадтская, жена (с 1884 г.) вел. кн. Сергея Александровича.

VIII

БОЛЕЗНЬ И КОНЧИНА

С. Д. Шереметев

Мемуары

<Фрагменты>

Печатается по: Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 566–567, 596–599. Примеч. Л. И. Шохина.

¹ Речь идет о неурожае и голоде 189–1892 гг. (*примеч. сост.*).

² С. Д. Шереметев имеет в виду 25-летие свадьбы императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, вступивших в брак 26 октября 1866 г. (*примеч. сост.*).

³ *Складень* — складная икона, состоящая из нескольких частей (*примеч. сост.*).

⁴ Имеется в виду семья старшей сестры императрицы Марии Федоровны Александры, вышедшей замуж за наследника британской короны принца Уэльского Альберта Эдуарда. *Валлийцы* — название жителей полуострова Уэльс в Великобритании (от устаревшей передачи названия Уэльса — Валлис) (*примеч. сост.*).

⁵ *Инфлуэнца* (от лат. *influo* — распространяюсь) — устаревшее название гриппа (*примеч. сост.*).

⁶ Осенью 1893 г. броненосец береговой охраны «Русалка» затонул во время бури в Финском заливе по пути из Ревеля (Таллина) в Гельсингфорс (Хельсинки). Погибла вся команда. По предположениям, причиной гибели стало плохое состояние судна; было проведено расследование. Этот сюжет со слов великого князя Константина Константиновича передал в своих воспоминаниях Н. А. Епанчин:

«Государь, так сильно любивший морское дело, много сделавший для усиления нашего флота, воскресивший, так сказать, Черноморский флот, принял гибель «Русалки» близко сердцу, следил за ходом следствия и настаивал, чтобы место гибели было тщательно протралено, чтобы корпус броненосца был найден и осмотрен водолазами. Специалисты считали, что все это было возможно, а после тщательного осмотра судна можно было бы судить, действительно ли морское начальство пустило его в плавание без должного ремонта.

И вот государь с большим волнением стал рассказывать великому князю о докладе, бывшем утром в тот же день. Доклад был составлен в том смысле, что все было благополучно и что гибель «Русалки» есть несчастье, в котором никто не виноват, и что «Русалку», несмотря на все усилия, найти не удалось.

Государь подвел великого князя к большой карте Финского залива, висевшей на одной из стен кабинета, и с раздражением говорил, что решительно не согласен с заключением доклада и что он убежден, что расследование было произведено не так, как следует.

Указывая на курс, по которому шел броненосец, государь говорил с волнением, что траление было произведено намеренно неправильно. «Ты подумай, — говорил государь, указывая на карту, — они должны были тралить здесь, а тралят тут, где «Русалки» не могло быть».

Долго, с волнением, с раздражением объяснял государь, как ему представлялось дело, и затем сказал: «Так вот в чем я убежден — и что же? После долгого доклада мне не оставалось ничего другого, как утвердить его; ты понимаешь ужас моего положения!»

Великий князь был глубоко потрясен рассказом государя, тем беспомощным положением, в котором оказался неограниченный самодержец России, вынужденный против своего убеждения утвердить доклад, который он считал неверным.

В этом случае, с одной стороны, поражало горячее желание государя узнать истину, а с другой — недостаток воли настоять на своем.

Объяснить это можно было только тем болезненным состоянием, в котором он находился и которое через восемь месяцев привело его к преждевременной кончине, ранее 50 лет» (*Епанчин Н. А. На службе трех императоров // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 199–200*) (*примеч. сост.*).

⁷ Ответственность за состояние морских судов лежала на брате императора великом князе Алексее Александровиче, являвшемся генерал-адмиралом флота (*примеч. сост.*).

⁸ Александр III с семьей ежегодно совершал морские путешествия в финские шхеры (*примеч. сост.*).

⁹ Вписано на полях С. Д. Шереметевым.

¹⁰ Бракосочетание вел. кн. Ксении Александровны и вел. кн. Александра Михайловича (сына вел. кн. Михаила Николаевича, дяди Александра III) состоялось 25 июля 1894 г. (*примеч. сост.*).

¹¹ Бракосочетание Николая II с принцессой Алисой Гессен-Дармштадской (императрицей Александрой Федоровной) состоялось 14 (26) ноября 1894 г., уже после кончины императора. Александр III не одобрял выбор сына, но был вынужден согласиться на этот брак, чувствуя ухудшение здоровья и предвидя, что в скором времени вел. кн. Николаю Александровичу придется взойти на престол. Создание семьи являлось своеобразным признаком зрелости монарха и его готовности к управлению страной (*примеч. сост.*).

В. Н. Ламздорф

Дневник. 1894–1896

<Фрагменты>

Впервые: *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1894–1896 / Пер. с фр., нем. и англ., введение, составление и комментарии И. А. Дьяконовой. М., 1991. Печатается по этому изданию. С. 21, 23–29, 34, 38, 53–54, 57–59, 61–62, 70, 72–77. Комментарии И. А. Дьяконовой.

¹ Текст, написанный в подлиннике по-русски, в данном издании помещен между двумя чертами (//...//).

² *Фельдъегерь* (нем. *Feidjager*) — военный или правительственный курьер для доставки важных, преимущественно секретных, документов (*примеч. сост.*).

³ Российское правительство всегда стремилось во избежание беспорядков не распространять информацию о болезни монарха. Поэтому для народа кончина императора всегда представлялась внезапной. Зачастую недостаток информации порождал слухи о насильственной смерти государя (Николая I) или о его таинственном уходе (Александр I). Болезнь императора Александра III не стала исключением из традиций российской правительственной системы (*примеч. сост.*).

⁴ Гавас — французское информационное агентство, основанное в 1835 г. Ш. Гавасом. Первоначально занималось распространением рекламы для печати. Затем стало производить обмен информацией с крупнейшими зарубежными информационными агентствами. В 1879 г. превратилось в крупное акционерное общество. В 1944 г. на базе Гаваса, прекратившего свое существование в 1940 г. после оккупации Франции фашистской Германией, было создано информационное агентство Франс Пресс.

⁵ Накануне знакомства с будущей невестой принцессой Алисой Гессен-Дармштадской вел. кн. Николай Александрович пережил бурный роман с балериной Матильдой Кшесинской. В. Н. Ламздорф передает ходившие в обществе слухи о том, что Александр III был вынужден согласиться на брак своего сына с немецкой принцессой для того, чтобы положить конец этому роману. На самом деле наследник был искренне испытывал к своей невесте глубокое чувство любви и сохранил его до самого конца (*примеч. сост.*).

⁶ Имеется в виду состоявшееся 7 (19) апреля 1894 г. в Кобурге бракосочетание старшего брата Алисы Гессенской принца Эрнста Людовика Гессенского и принцессы Саксен-Кобургской Виктории Мелиты. Здесь же состоялась помолвка Алисы Гессенской и наследника-цесаревича.

⁷ Алиса Гессенская родилась в 1872 г. в германском городе Дармштадте. Ее мать была принцессой Великобритании и Ирландии, а сестра Алисы принцесса Ирена была замужем за принцем Генрихом Прусским, братом императора Вильгельма II.

⁸ В дневнике немецкое слово «Backfisch».

⁹ Речь идет о похоронах великой княгини Екатерины Михайловны (1827–1894), двоюродной тетки Александра III, в замужестве герцогини Мекленбург-Стрелицкой (*примеч. сост.*).

¹⁰ Великий князь Владимир Александрович, третий сын императора Александра II, был объявлен наследником престола при воцарении Александра III до совершеннолетия вел. кн. Николая Александровича в 1884 г. (*примеч. сост.*).

¹¹ При вступлении на престол нового императора было принято объявлять имя наследника. Поскольку Николай II еще не был женат и не имел детей, наследником был объявлен его младший брат Георгий Александрович (*примеч. сост.*).

¹² Так в тексте. Следует читать «которого».

Николай II

Дневники
<Фрагмент>

Впервые: Дневники императора Николая II / Составление, комментарии, примечания: В. П. Козлов, Т. Ф. Павлова, З. И. Перегудова. М., 1992. Печатается по этому изданию. С. 37–56. Примеч. В. П. Козлов, Т. Ф. Павлова, З. И. Перегудова.

Сравнительно недавно российская мемуаристика обогатилась еще одним томом дневников: в 1992 г. увидели свет дневниковые записи императора Николая II. Он вел свой дневник и наследником престола, и правящим монархом, и низложенным главой государства. Но догадаться о том, что этот документ принадлежит царю и фиксирует события самых драматических, самых кризисных месяцев и лет, можно только по упоминанию в нем имен министров, послов, генералов и т. п. Николай II (1868–1918) не был похож ни на отца, ни на деда. Частный человек преобладал в нем над государственным уж слишком явственно. Его тетради с поденными записями откровенно это выявляют. Дневник опубликован не полностью, но записи 1894 г. воспроизведены, и для данного тома они представляют большой интерес. Только императрица Мария Федоровна и наследник престола вел. кн. Николай Александрович неотлучно находились все последние дни возле умирающего Александра III и металась между надеждой и отчаянием. Воспроизводимые здесь записи фиксируют события октября 1894 г.: угасание и смерть всемогущего монарха и немедленное, согласно закону и обычаю, вступление

на престол следующего. Николай II не был подготовлен к царствованию, считался в семье, при дворе и в российском обществе человеком очень юным, полуробенком. Стремление родителей придать ему в глазах подданных вид человека достаточно взрослого, способного управлять огромной страной, объясняет форсирование уже стоявшим на пороге смерти Александром III и императрицей Марией Федоровной помолвки с царевича и принцессы Алисы Гессенской. Похороны отца и приготовления к свадьбе шли в конце 1894 г. рядом, символизируя преемственность и непрерывность самодержавной власти в России.

¹ *Виндзор* — главная летняя резиденция английских королей (*примеч. сост.*).

² *Сандро* — вел. кн. Александр Михайлович. *Ксения* — вел. кн. Ксения Александровна, его супруга, сестра Николая II (*примеч. сост.*).

³ *Георгий* — вел. кн. Георгий Александрович, младший брат Николая II. *Ники* — греческий королевич Николай Георгиевич (*примеч. сост.*).

⁴ *Аликс* — принцесса Алиса, будущая императрица Александра Федоровна (*примеч. сост.*).

⁵ *О* — «Ост» (восточный ветер) (*примеч. сост.*).

⁶ *Пляж* (*фр.*).

⁷ *Завтрак* (*англ.*)

⁸ Дедушка Александр II.

⁹ «*Горизонталка*» — специально проложенная для Александра III прогулочная дорожка (*примеч. сост.*).

¹⁰ Сильный холодный ветер.

¹¹ *Т. Аликс* — тетья Аликс, королева английская, сестра императрицы Марии Федоровны (*примеч. сост.*).

¹² *Элла* — Елизавета Федоровна, вел. кн., жена вел. кн. Сергея Александровича и сестра Алисы.

¹³ *Т. Михень* — тетья Михень, Мария Павловна, вел. кн., жена вел. кн. Владимира Александровича (*примеч. сост.*).

¹⁴ *Д. Алексей* — дядя Алексей, вел. кн. Алексей Александрович (*примеч. сост.*).

¹⁵ *Д. Миша* — дядя Миша, вел. кн. Михаил Николаевич (*примеч. сост.*).

¹⁶ *Воздухи* — покрывало крестообразной формы из дорогого материала. Назначение — для покрытия чаши и просвиры, то есть святых даров в день причастия.

¹⁷ *Секретер* — секретер, игра, заключающаяся в угадывании фразы по начальным буквам слов (*примеч. сост.*).

¹⁸ *Уборная* — комната, в которой одеваются, приводят в порядок свой внешний вид; туалетная комната (*примеч. сост.*).

¹⁹ *Виноградник* (*церк.*)

²⁰ *Крушение* — крушение императорского поезда возле ст. Борки в 1888 г. (*примеч. сост.*).

²¹ Запись за 20 октября подчеркнута вертикальной линией, с левой стороны текста отмечен день смерти Александра III.

²² *Миропомазание* — одно из христианских таинств, у православных совершается над младенцами после крещения. Обряд выполнялся также при принятии в православие (*примеч. сост.*).

²³ *Д. Берти* — дядя Берти, Эдуард VII, английский король.

²⁴ *Минни* — вел. кн. Мария Георгиевна, жена вел. кн. Георгия Михайловича, урожд. принцесса греческая.

²⁵ *Миша* — вел. кн. Михаил Александрович, младший брат Николая II (*примеч. сост.*).

Письмо Греческой королевы Ольги Константиновны великому князю Константину Константиновичу

Впервые: «Нет спокойствия ни физического, ни морального»: Письма Александра III императрице Марии Федоровне. 1891–1892 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 149–167. Публикацию подготовил доктор исторических наук А. Н. Боханов. Печатается по этому изданию. С. 162–163.

Кончина императора Александра III стала ударом для всех членов императорской фамилии. Ощущение тяжелой утраты отражено в переписке детей великого князя Константина Николаевича: вел. кн. Ольги Константиновны (1851–1926), вышедшей замуж за короля Греции Георга I, и вел. кн. Константина Константиновича. Автографы писем хранятся в ГАРФ, ф. 660 — вел. кн. Константина Константиновича Романова.

¹ Вдова вел. кн. Константина Николаевича, Александра Иосифовна.

² *Лейден Эрнст* (1832–1910) — врач, профессор Кенигсбергского и Берлинского университетов (*примеч. А. Н. Боханова*).

³ Слова митрополита Кирилла о смерти князя Александра Невского в 1263 г.

В. С. Кривенко

Болезнь и смерть Александра III <Фрагменты>

Печатается по: *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006 / Подготовка текста: С. И. Григорьев, С. В. Куликов, Д. Н. Шиллов. С. 236–240. *Примеч. С. В. Куликова.*

¹ *Лейб-хирург* — придворно-медицинское звание. Наряду с ним существовали звания лейб-медика (почетного и действительного), лейб-акушера, лейб-дантиста, лейб-офтальма и т. д. Александр III, вспоминал Н. А. Вельяминов, «был вообще очень скуп на пожалование своих вензелей и придворных званий, и при нем лейб-медиков, носивших его вензеля, т. е. им в это звание пожалованных, было всего 4 врача». Все они «носили звание почетных лейб-медиков; в звание действительных

лейб-медиков при государе Александре III никто пожалован не был» (Воспоминания Н. А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и док. XVIII–XX вв. М., 1994. Вып. 5. С. 254).

² На свою перегруженность делами обращал внимание сам император. Так, 9 июня 1890 г., сообщив А. А. Половцову, что он принимает доклады «с утра» «вплоть до завтрака», Александр III заметил: «После завтрака иду гулять и потом опять принимаюсь за бумаги. В 5 часов иду пить чай к жене, это единственное время, когда ее вижу. После обеда хочется что-нибудь почитать, а там опять бумаги до третьего часу» (*Половцов А. А. Дневник государственного секретаря*. М., 1966. Т. 2. С. 295). Показательно, что привычку работать без секретаря воспринял от своего отца Николай II. По свидетельству преемника В. С. Кривенко, А. А. Мосолова, Николай II «никогда не имел частного секретаря». «Помазанник Божий, — писал по этому поводу А. А. Мосолов, — царь держался сознательно и систематически высот, куда не мог проникнуть простой смертный» (*Мосолов А. А. При дворе последнего императора*. С. 76). Николай II, вспоминала в свою очередь статс-дама баронесса С. К. Буксгевден, «не имел личного секретаря» (*Буксгевден С. К. Император Николай II, каким я его знала: Отрывки воспоминаний // Возрождение*. 1957. Тетр. 67. С. 30). «Ведь личного секретаря даже не было, — подразумевая Николая II, подчеркивал бывший управляющий МВД князь Н. Б. Щербатов. — Способ ведения дел был вообще чрезвычайно своеобразный» (Допрос князя Н. Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима: Стеногр. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайн. следств. комис. Врем. правительства. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 211). Объясняя причины отсутствия у царя личного секретаря, А. А. Мосолов писал: «Он не имел секретарей. Впрочем, официальные документы, письма не строго частного характера писались канцеляриями. Танеев составлял “рескрипты” сановникам, министр двора — официальные письма членам царской семьи, министр иностранных дел по должности ведал корреспонденцию с иностранными монархами и т. д. Секретарь государя мог бы иметь и другие задачи: классифицировать корреспонденцию, наблюдать за ходом дел, принимать входящие и т. п. Достаточно работы для двух-трех доверенных приближенных. Но тут-то и заключалась трудность. Надо было бы довериться кому-либо. А царь недолюбливал доверять свои мысли посторонним. Вдобавок была и другая опасность: секретарь стал бы расти в значении, сделался бы необходимым, влиял бы на монарха. Влиять на того, кто желал слушаться лишь своей совести! Одна эта возможность должна была сама по себе встревожить Николая II». «Императрица, — свидетельствовал А. А. Мосолов, — имела частного секретаря, графа Ростовцова. Царь — никого. Он желал быть одним. Одним пред своею совестью» (*Мосолов А. А. При дворе последнего императора*. С. 76–77). Крайне ревнивое отношение самодержца к собственной роли приводило не только к отсутствию у него личного секретаря, но и к ситуации, при которой царь готов был тратить свое время на исполнение чисто канцелярских обязанностей — лишь бы не оказываться даже в минимальной зависимости от лица, исполнявшего бы эти обязанности с гораздо большим успехом. Николай II, вспоминала С. К. Буксгевден, «делал всю работу сам, даже накладывал государственные печати на конверты перед тем, как их передавать для отправки» (*Буксгевден С. К. Император Николай II*. С. 30). Имея в виду данную особенность Николая II, А. А. Мосолов писал: «Он был до такой

степени педантичен в исполнении своих обязанностей, что сам ставил печати па свои письма. Только при большой спешке бывало, что государь поручал эту второстепенную обязанность своему камердинеру. Последний, впрочем, должен был представлять свою работу, чтобы царь мог самолично убедиться в ее исполнении» (*Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. С. 76). Давая показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, начальник канцелярии Совета министров И. Н. Лодыженский припомнил о пакетах, содержащих бумаги от царя и имевших личную печать императора и даты, проставленные фельдъегерем, «когда он получал пакет для отправки». «Обыкновенно эти даты, — отмечал И. Н. Лодыженский, — заносились в соответственные журналы. Иногда вновь поступающие председатели, которые не знали всей силы этой даты, рвали конверт, и мне приходилось в Фельдъегерской части узнавать, когда он был отправлен; это не имело само по себе никакого значения, но для нас в Канцелярии этим числом датировалось утверждение, привезенное фельдъегерем, и затем они заносились в журналы» (*Допрос И. Н. Лодыженского.* 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 154, 155). Следовательно, Николай II, подобно отцу, общаясь с фельдъегерями наедине, затруднял работу канцелярии Совета министров, поскольку самолично накладывая на конверты печать, не оставлял в этих конвертах никакой информации о датах их отправки, представление о которых основывалось на таком явно ненадежном фундаменте, как пунктуальность фельдъегеря.

³ По наблюдениям С. Ю. Витте, Мария Федоровна не имела на Александра III политического влияния, хотя граф и признавал, что поворот внешней политики России от Германии к Франции произошел именно под ее воздействием. В начале царствования Николая II он, по мнению С. Ю. Витте, находился «под полным влиянием» матери, следствием чего в 1895 г. были создание военного порта в Либаве и уход И. Н. Дурново с поста министра внутренних дел, а также то, что царь относился «враждебно» к князю В. П. Мещерскому. Вместе с тем в 1895 г. Д. С. Сипягин не стал преемником И. Н. Дурново, хотя Мария Федоровна и желала этого. Тогда же она воспротивилась назначению министром путей сообщения кандидата С. Ю. Витте А. П. Иващенко и одобрила другого его кандидата — князя М. И. Хилкова, который и был назначен. «Громадное влияние» Марии Федоровны, полагал С. Ю. Витте, привело к тому, что в 1896 г. расследование Ходынской катастрофы было поручено графу К. И. Палену, не сумевшему, впрочем, добиться у Николая II полного одобрения результатов расследования. Ослабление политической роли Марии Федоровны началось после 1899 г., когда определилось стремление Николая II ограничить автономию Финляндии. Вдовствующая императрица, которую финны «весьма почитали», была противницей антифинляндского курса, проводившегося военным министром А. Н. Куропаткиным и министром статс-секретарем по делам Великого княжества Финляндского В. К. Плеве, и уговаривала царя «не травить финляндцев». Кроме того, ее «немало смущали» встречи Николая II с адептом французского Ордена мартинистов Филиппом. В результате Мария Федоровна начала терять «всякое влияние» на сына, хотя в январе 1903 г. вдовствующая императрица предотвратила подписание Николаем II указа об увольнении С. Ю. Витте с поста министра финансов и способствовала изданию милостивого по отношению к нему высочайшего рескрипта. Впоследствии Мария Федоровна «не имела никакого влияния» на сына, так что к 1907 г. их отношения были даже «самые натянутые» (*Куропаткин Л. Н.* Дневник // Красный архив.

1922. Т. 2. С. 59, 60; Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. С. 264, 320, 336, 337, 414, 415, 416, 423, 453, 454; Т. 2. С. 8, 14, 17, 28, 35, 73, 81, 97, 133, 284).

⁴ *Генерал-фельдцейхмейстер* — главный начальник артиллерии в России, Франции и Пруссии. В России в XIX — начале XX в. заведовал личным составом артиллерии, строевой подготовкой, учебной частью. Эту должность обычно занимал один из членов императорской фамилии, и она носила почетный характер (*примеч. сост.*).

Письмо императрицы Марии Федоровны
великому князю Георгию Александровичу

Впервые: «Нет спокойствия ни физического, ни морального»: Письма Александра III императрице Марии Федоровне. 1891–1892 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 149–167. ГА РФ. Ф 675. Оп. 1. Д. 45. Л. 109–114. Подлинник на франц. языке. Перевод М. Ц. Арзаканян. Публикацию подготовил А. Н. Боханов. Печатается по этому изданию. С. 163–164. Комментарии А. Н. Боханова.

Письмо императрицы Марии Федоровны своему среднему сыну передает горечь утраты, которую испытывала вдова Александра III и его дети.

¹ Тело императора Александра III было доставлено в Петербург 1 ноября 1894 г., а похороны состоялись в Петропавловской крепости 7 ноября.

² Эта разница составляла два с половиной года.

³ Очевидно, имеется в виду вел. кн. Николай Михайлович, находившийся на Кавказе. Его мать, вел. кн. Ольга Федоровна, умерла в 1891 г.

⁴ Адъютант вел. кн. Георгия Александровича.

⁵ «*Тетя Аликс*» — Александра, старшая сестра Марии Федоровны (см. коммент. 25). Вместе с мужем приехала на похороны Александра III.

⁶ *Георг* (1865–1936) — герцог Йоркский, старший сын наследника английского престола Альберта-Эдуарда и Александры, племянник Марии Федоровны. С 1910 г. — английский король Георг V.

⁷ *Вальдемар* (1858–?) — принц Датский, младший брат императрицы Марии Федоровны.

⁸ *Георгий* (1869–?) — принц греческий, сын короля Георга I и королевы Ольги Константиновны, племянник Марии Федоровны.

⁹ *Анапа* — отец Марии Федоровны, датский король Христиан IX (1818–1906), король с 1863 г.

Л. А. Тихомиров

<Дневник>

<Фрагменты>

Впервые: Тихомиров Л. Воспоминания. М.; Л., 1927. Фрагменты дневника Л. А. Тихомирова печатаются по: Тихомиров Л. Воспоминания. М., 2003. С. 492–495. Комментарии под ред. Ш. М. Левина.

Тихомиров Лева Александрович (1852–1923) был одним из немногих представителей общественного движения, переживших внутренний кризис, душевный перелом, заставивший по-новому взглянуть на свою деятельность и кардинально изменить жизнь. В молодые годы Тихомиров, подобно многим радикально настроенным юношам своего поколения, с энтузиазмом включился в революционное движение. Он в 19 лет вступил в кружок Н. В. Чайковского, главным делом которого была пропаганда революционных идей среди рабочих. В 1873 г. Тихомиров был арестован, четыре года провел в Петропавловской крепости. В 1877 г. он оказался на скамье подсудимых по «процессу 193-х» вместе с А. Желябовым, С. Перовской, Н. Морозовым и др. После окончания процесса и вынесения оправдательного приговора Тихомиров становится идеологом и теоретиком народнического движения. Он входил в руководящий орган возникшей в 1879 г. «Народной воли» и принимал активное участие в подготовке покушений на Александра II.

После царевубийства, повлекшего за собой аресты и казни народовольцев, Тихомиров был вынужден эмигрировать в Европу. Уровень европейской культуры, размеренная жизнь французов и швейцарцев потрясла Тихомирова. Он постепенно стал осознавать тщетность разрушительных намерений русских революционеров, все больше приходил к осознанию христианских заповедей. Результатом духовного перерождения стал в 1888 г. выход книги «Почему я перестал быть революционером», экземпляр которой Тихомиров направил товарищу министра внутренних дел Российской империи В. К. Плеве вместе с личным письмом. Через год еще одно письмо было отправлено Александру III. В своих письмах Тихомиров рассказывал о произошедшем в его душе переломе и просил разрешения вернуться на родину. Власти не стали отталкивать раскаивавшегося революционера, и в 1889 г. он получил высочайшее соизволение возвратиться в Россию. Лев Александрович стал сотрудничать с консервативной газетой «Московские ведомости», со временем возглавив ее редакцию. В последние десятилетия своей жизни Тихомиров проявил себя как блестящий публицист, философ и социолог, затрагивая в своих статьях проблемы внутренней и внешней политики, семьи и религии, культурной жизни и быта. Венцом его творчества стал фундаментальный труд «Монархическая государственность».

Среди рукописного наследия Л. А. Тихомирова остались 27 тетрадей дневников, записок и воспоминаний. Среди них два дневника — № 1 и № 2 — относятся к царствованию императора Александра III. Второй дневник содержит записи о болезни и кончине монарха. Они передают непосредственное впечатление частного человека, для которого смена царствований была своеобразным рубежом, знаменовала окончание одной эпохи и начало другой. В этот период сильны были монархические настроения Л. А. Тихомирова, поэтому болезнь и кончина императора воспринимались им особенно остро.

¹ Вырезка из газеты.

² Статья «Болезнь государя и знаменья времени», отмечающая как знаменательное явление, что народы Европы будто бы с великой тревогой следят за болезнью царя, боясь потерять в его лице правителя, при котором «Европа чуть ли не первый раз за 100 лет ощутила себя спокойной, выше страха угрожающих ей бедствий и смут» («Моск. вед.» от 19 окт. 1894 г.).

³ Последние строки заключены в рамку.

⁴ Точки в подлиннике.

⁵ «Русские ведомости» — одна из наиболее солидных газет предреволюционной России, влиятельный орган русского либерализма, издавались в Москве, с 1863 до 1918 г. (Первые годы — 3 раза в неделю, с 1868 г. — ежедневно). Основатель и первый редактор (в течение нескольких месяцев) — Н. Ф. Павлов, дальнейшие редакторы: Н. С. Скворцов, В. М. Соболевский, А. С. Посников, Д. Н. Анучин и т. д.

«Смоленский вестник» — либеральная газета, издававшаяся в 1878–1917 гг. (сначала 2 и 3 раза в неделю, затем ежедневно).

⁶ В подлиннике вклеен печатный текст «клятвенного обещания», который здесь опущен.

А. А. Игнатьев

Пятьдесят лет в строю

<Фрагмент>

Впервые: *Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю*. Т. 1–2. М., 1941. Печатается по: *Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю*. Книги первая — третья. М., 1989. С. 64–69.

Потомственный военный, *Алексей Алексеевич Игнатьев* (1877–1954) оказался среди тех, кто приветствовал свержение самодержавия, а затем и установление Советской власти. После революции он продолжил карьеру дипломата, помогая молодой Советской республике сохранить накопления Российской империи, лежавшие во французских банках. Его воспоминания о пятидесятилетней службе Отечеству охватывают рубеж веков, переломное время российской истории. Мемуарист оглядывается на прошлое уже из другой страны, на многое смотрит иным взглядом. Публикуемый фрагмент относится к периоду смены царствований, связанному с разочарованием общества в надеждах на перемены в политической жизни, которые могли бы последовать за воцарением молодого императора. Царствования Александра III и Николая II являются редким примером в истории Российской империи, когда новый монарх продолжил политику своего предшественника, а не оказался в оппозиции к его курсу.

¹ *Камер-паж* — придворный чин для несения специальной придворной службы, при Высочайшем дворе. В него возводились отдельные воспитанники Пажеского Его Императорского Величества корпуса (размещался в Петербурге в Воронцовском дворце на Садовой ул. — в настоящее время в этом здании располагается Суворовское училище).

² *Траурный флер* — тонкая шелковая материя темного цвета.

³ *Англизированные* (англизированные) *рысаки* — лошади с укороченными и высоко поднятыми хвостами. *Англизирование* — обычай укорачивать хвосты лошадям, возникший в Англии.

⁴ *Плюмаж* (от фр. *plumage* — «оперение») — украшение на головном уборе из перьев.

⁵ *Камергер* — придворный чин, в обязанности которого входило дежурство при монаршей особе.

⁶ А. А. Игнатъев имеет в виду речь Николая II 17 января 1895 г. на торжественном приеме депутатов от дворянства по случаю бракосочетания с Алисой Гессенской. Молодой император заметно волновался и подглядывал в текст речи. Сущность речи сводилась к продолжению курса Александра III на сохранение незыблемости самодержавия. Однако вместо слов о «беспочвенных мечтаниях» представителей земства об участии в управлении, стоявших в тексте, Николай II случайно или намеренно произнес «бессмысленные мечтания».

⁷ *Фронда* (франц. *Fronde* — праща) — общественное движение 1648–1653 гг. во Франции против абсолютизма. В переносном значении — оппозиция.

⁸ *Вольт* — манежная фигура при верховой езде: поворот по кругу диаметром 6 м.

IX РЕЗЮМЕ

В. О. Ключевский

Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III

Впервые: Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь, произнесенная в заседании Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете 28 октября 1894 г. Председателем Общества В. О. Ключевским. Б. г., б. д. Печатается по этому изданию.

Традиционно кончина монарха сопровождалась появлением многочисленных некрологов и произнесением надгробных речей. Среди них выделяется речь, произнесенная выдающимся русским историком Василием Осиповичем Ключевским (1841–1911) в заседании Императорского общества истории и древностей российских. Ключевский, занимавшийся изучением Древней Руси, встречался с императором в неофициальной обстановке и отдавал дань его интересу к истории страны. В 1893–1895 гг., по поручению императора, он читал курс русской истории его сыну великому князю Георгию Александровичу.

В. О. Ключевскому удалось в своей речи избежать излишнего пафоса, но при этом определить роль императора Александра III в российской и европейской истории. Историк подчеркнул не только государственные заслуги императора (во внутренней и внешней политике), но и его содействие развитию российской исторической науке.

¹ Александр III скончался в Ливадийском дворце, расположенном недалеко от Ялты.

² В Третьем крестовом походе (1189–1192) приняли участие император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса, французский король Филипп II Август и английский король Ричард Львиное Сердце. Поход с самого начала преследовали неудачи: при переправе через реку в Малой Азии утонул Фридрих Барбаросса, Филипп II и Ричард в течение двух лет не могли взять крепость Акру из-за возникших между ними разногласий. В итоге Акра была взята, но Иерусалим у турок-сельджуков крестоносцам отвоевать не удалось, они добились лишь права христиан на посещение святого города.

Киевский летописец, автор статей Ипатьевской летописи о событиях 80–90-х гг. XII в., поведав о неудаче III Крестового похода и гибели императора Фридриха I Барбароссы, убежденно заключил, что павшие немецкие рыцари сопричтутся к лику мучеников за веру: «Сии же немци, яко мученици святии, прольшая кровь свою за Христа со цесари своими, о сих бо Господь Бог наш знамения прояви... и причте я ко избраньному Своему стаду в лик мученицкыи...»

Г. В. Плеханов

Царствование Александра III

Впервые опубликовано на немецком языке: *Vorwärts*. №№ 264 и 265 от 11 и 13 ноября 1894 г. Печатается по: *Плеханов Г. В.* Сочинения. Т. XXIV. М.; Л., 1927. С. 161–168.

Государственная деятельность императора Александра III получила оценку от представителей различных течений российского общественного движения. Не обошел ее вниманием и революционно-демократический лагерь. Аналитический обзор царствования этого императора был помещен *Георгием Валентиновичем Плехановым* (1856–1918) в немецкой газете «*Vorwärts*» через месяц после кончины монарха. Эта статья — в своем роде некролог, написанный представителем оппозиции.

Г. В. Плеханов, выпускник военной гимназии и студент Горного института, со студенческой скамьи ушел в народническое движение. Он стал одним из руководителей революционной организации «Земля и воля», а после ее раскола в 1879 г. возглавил «Черный передел». Причиной разногласий Плеханова с народовольцами стало неприятие им идеи индивидуального террора и общинного социализма. В 1880 г. Плеханов эмигрировал в Швейцарию, где в 1883 г. основал марксистскую группу «Освобождение труда». Г. В. Плеханов увлекся идеями марксизма, став его теоретиком и пропагандистом в российском общественном движении.

Несмотря на то что Плеханов принимал активное участие в подготовке и проведении II съезда РСДРП в 1903 г., он разошелся с В. И. Лениным, выступая против принципа жесткой партийной дисциплины. После 1903 г. В. Г. Плеханов оказался в лагере меньшевиков.

Вооруженное восстание 24–25 октября 1917 г. еще больше усилило противоречия между лидером партии большевиков и Г. В. Плехановым, считавшим, что захват власти большевиками несвоевременен и предупреждавшим об опасности установления однопартийной диктатуры. Однако ему не удалось увидеть последствий Октябрьской революции. Плеханов скончался в 1918 г. на территории Финляндии и был похоронен на Литераторских мостках в Петрограде.

Г. В. Плеханов был автором многочисленных работ по теории марксизма и истории российского общественного движения. Его сочинения отличаются аналитичностью, что проявилось и в некрологе Александра III. Особый интерес представляют его рассуждения о союзе самодержавной власти и российской буржуазии, которые автор называет «октроированной конституцией». Знание российской действительности и анализ внутривластных процессов, направленных на консервацию монархического режима и пришедших в противоречие

с процессом модернизации, позволил теоретику марксизма сделать вывод о непрочности самодержавного строя. Этот вывод был подтвержден исторической реальностью.

¹ После удавшегося покушения 1 марта 1881 г. на Александра II, перед немногими оставшимися на свободе народовольцами встал вопрос, как вести себя дальше, на следующем этапе деятельности Народной воли. Они опубликовали, напечатав в подпольной типографии, три документа, обращенные к гражданам, с извещением о произошедшем событии. Письмо новому императору было четвертым такого рода документом. Это послание революционеров требовало особой обдуманности, поэтому так долго готовилось и датировано 10 марта 1881 г. Это плод полуторанедельных раздумий, споров на фоне утрат товарищей, ежедневно арестовываемых полицией. Письмо было напечатано 12 марта и тогда же распространено. Основная цель его сводилась к тому, чтобы убедить нового императора пойти на уступки, на которые не решился Александр II. В письме народовольцы выглядят вполне умеренными общественными деятелями, вовсе не жаждущими рукопашной, а пытающимися «достучаться» до сознания монарха, их политического противника, убедить его в необходимости диалога с обществом. Автор текста письма — Л. А. Тихомиров. (Подробно см.: Исполнительный комитет императору Александру III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 126–129.)

² Требования реформ либеральной частью общества приведены в разделе 4 наст. издания.

³ *Нигилист* (от лат. *nihil* — ничто) — понятие, появившееся в 60-е гг. XIX в. и обозначавшее человека радикально-демократического образа мыслей, отрицавшего традиции и общественные устои. Впервые понятие «нигилист» появилось на страницах романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Постепенно стало синонимом понятия «революционер» (см., например, рассказ Н. С. Лескова «Нигилист»).

⁴ *Жирондисты* — одна из политических партий во время Великой французской революции 1789–1794 гг., представители департамента Жиронда. Выступали за умеренные действия.

Якобинцы — участники политического клуба, возникшего в период Великой французской революции и получившего название по церкви Св. Якова, где проходили собрания. Сторонники радикальных действий.

⁵ Под «реставрацией» в данном контексте понимается восстановление старых порядков.

⁶ Крымская война (1853–1856) была вызвана борьбой за сферы влияния на Балканском полуострове европейских держав, России и Турции. В итоге Россия оказалась в дипломатической изоляции и потерпела поражение. По условиям Парижского мирного договора 1856 г. Россия теряла право держать Черноморский флот и военные крепости на Черноморском побережье. Поражение в Крымской войне привело к проведению серии либеральных реформ в царствование Александра II, начавшихся с отмены крепостного права. Статьи Парижского трактата были отменены только в 1870 г.

⁷ Земским положением 12 июня 1890 г. вводились сословные курии для избирателей, усиливалось представительство дворянства, выборность крестьян-

ской курии была заменена назначением губернатором гласных от крестьян из числа избранных крестьянами кандидатов.

⁸ См. выше коммент. 4 к запискам Н. Х. Бунге.

⁹ Г. В. Плеханов ссылается на сюжет древнегреческого мифа, повествующего о любви верховного бога Зевса (в римской мифологии — Юпитера) к красавице Данае, которую отец держал в заточении под неусыпным надзором. Зевс сумел проникнуть в темницу в виде золотого дождя. От союза Зевса и Данаи родился греческий герой Персей.

¹⁰ Метаморфоза (*греч.*) — превращение.

¹¹ Дворянский земельный банк был открыт в 1885 г. и выдавал ссуды помещикам под залог их имений под 5–6% годовых на срок около 50 лет.

¹² Речь идет об итогах русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Берлинский конгресс, созванный по настоянию Англии и Австро-Венгрии в июне 1878 г., пересмотрел и урезал ряд условий Сан-Стефанского договора: Южная Болгария осталась под властью Турции, хотя и получила административную автономию; территория Сербии и Черногории была значительно урезана; подтверждалось право Австро-Венгрии оккупировать Боснию и Герцеговину; Англия вводила войска на Кипр. Решения Берлинского конгресса вызвали недовольство в общественных кругах России, считавших, что она как держава-победительница могла продиктовать свои условия европейским государствам.

¹³ Ст. 12 Парижского трактата, объявлявшая черноморскую торговлю «свободной от всяких препятствий», фактически запрещала российскому правительству устанавливать таможенные пошлины на ввоз товаров.

¹⁴ «Русь» — московская газета, основанная известным славянофилом И. С. Аксаковым и выражавшая его взгляды.

¹⁵ Октроировать (от фр. *octroyer*) — предоставить.

¹⁶ Камарилья (от исп. *cámara* — палата, двор монарха) — группа влиятельных придворных.

¹⁷ «Даю, чтобы и ты мне дал» — формула римского права, устанавливающая одно из отношений между двумя лицами: «Я даю тебе при том условии, что и ты мне дашь».

¹⁸ Тариф 1891 г. был основан на принципах протекционизма и способствовал развитию российского промышленного производства. Новый тариф установил высокие ввозные пошлины на продукты обрабатывающей промышленности. К участию в его разработке были привлечены Д. И. Менделеев и С. Ю. Витте.

¹⁹ Н. Х. Бунге в «Загробных заметках» выделил отдельную часть под названием «Россия должна принадлежать русским», в которой дал объяснение этому аспекту внутренней политики Александра III: «Император Александр III справедливо признавал, что в русском государстве должны господствовать: *русская государственность*, т. е. русская государственная власть и русские учреждения (конечно, примененные к бытовым условиям инородцев и окраин), *русская народность*, т. е. освобождение последней от иноплеменного преобладания, *русский язык* как общий государственный и, наконец, *уважение к вере*, исповедуемой русским народом и его государем».

Но смею думать, что по мысли его величества:

Во 1-х, государственная власть должна владычествовать над иноплеменниками не как власть завоевателя, но что иноплеменники должны сделаться сынами, а не оставаться вечными приемышами страны. Многие из них, рассеянные по территории государства, а равно не имеющие исторического прошедшего и развитой общечеловечности, должны слиться с коренным населением.

Во 2-х, государственные русские учреждения и законы не должны насильственно ломать во что бы то ни стало исторически сложившийся строй иноплеменников в ущерб их благосостоянию и без пользы для всего государства, но должны способствовать сближению инородцев и иноплеменников с коренным населением, упрочивать единство государственное, укреплять уважение к правительству и его авторитет.

<...>

В 3-х, государственный язык должен быть господствующим, но это господство должно быть последствием существующей в нем общей потребности...

В 4-х, господствующая церковь должна быть ограждена и уважаема, не стесняя притом свободы совести иноверцев и даже сектантов... <...>» (РГИА. Коллекция печатных записок. П/з № 4. Л. 16–18).

²⁰ Закаспийская военная железная дорога, соединяющая восточный берег Каспийского моря с Самаркандом, строилась в 1880–1888 гг.

Строительство Закавказской железной дороги было начато в 1865 г. В 1872 г. была открыта Потти — Тифлисская линия. Развитие Бакинских нефтяных промыслов обусловило продолжение дороги, в 1883 г. было завершено строительство участков Самтредиа — Батум и Тифлис — Баку.

Строительство Великого Сибирского пути началось в 1891 г. К 1897 г. был открыт участок Уссурийской железной дороги от Владивостока до станции. В настоящее время Сибирская железная дорога является частью Транссибирской магистрали.

²¹ Нижегородская ярмарка, расположенная на середине волжского торгового пути, была напрямую связана со всеми крупными ярмарками России и с крупнейшей в Европе Лейпцигской ярмаркой, ежегодно проходила с 15 июля до 25 августа. Управление ярмаркой осуществлялось губернатором, собрание уполномоченных ярмарочного купечества, ярмарочным комитетом и ярмарочной конторой на основании правил, утвержденных 14 июня 1888 г.

²² О понижении выкупных платежей и отмене подушной подати см. фрагменты дневника Е. А. Перетца в разделе 4 наст. издания.

²³ Крестьянский поземельный банк был учрежден в 1882 г. для выдачи ссуд как целым крестьянским обществам, так и товариществам и отдельным крестьянам на покупку земель.

²⁴ *Илот* — раб в древней Спарте, использовавшийся на сельскохозяйственных работах.

²⁵ Засушливое лето 1890 г. и ранняя весна 1891 г. с заморозками, вновь сменившаяся летней засухой, привели к катастрофическому неурожаю в 29 губерниях России. Вместе с голодом пришла эпидемия холеры. Голод и болезни унесли жизни более 500 тысяч человек. (*Ананьич Б. В.* Торжество нового курса... // Власть и реформы. С. 357).

²⁶ Н. Х. Бунге в период руководства Министерством финансов разработал план упорядочения государственных долгов России, который был осуществлен его преемником И. А. Вышнеградским. В 1889–1891 гг. была произведена конверсия (переоценка) российских 5–6% заграничных займов с понижением процента и продлением срока погашения. В результате конверсионных операций значительная часть российских ценных бумаг была переведена из немецких во французские банки, что заложило основу для союза России и Франции, оформленного в 1894 г.

²⁷ Во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Франция потерпела поражение, что способствовало переориентации ее внешней политики на союз с Россией, противником которой она была в Крымской войне 1853–1856 гг.

²⁸ *Колосс Родосский* — одно из семи чудес света, древнегреческая статуя (высотой около 32 м) бога солнца Гелиоса, покровителя о. Родоса. Статуя была изготовлена из глины и покрыта бронзовыми листами. Через 65 лет во время землетрясения колосс рухнул. «Колоссом на глиняных ногах» называют могущественное с виду, но раздираемое внутренними противоречиями государство.

²⁹ Основой российской крестьянской общины, сложившейся в период формирования древнерусского государства и просуществовавшей до начала XX в., был коллективизм и круговая порука. На основании этого сторонники теории общинного социализма видели в общине ячейку коммунистического общества. Мероприятия, проведенные Н. Х. Бунге, подрывали устои общинного землевладения и тем самым способствовали превращению крестьян в земельных собственников.

К. К. Арсеньев

Царствование императора Александра III

Впервые: Вестник Европы. 1894. Декабрь. Внутреннее обозрение. Печатается по: *Арсеньев К. К. За четверть века (1871–94)*. Сборник статей. Пг., 1915. С. 600–615.

Подробный разбор мероприятий внутренней и внешней политики царствования Александра III со стороны либерального лагеря был дан *Константином Константиновичем Арсеньевым* (1837–1919). Выпускник Училища правоведения, получивший известность как юрист и публицист, К. К. Арсеньев начал свою общественную деятельность в годы великих реформ. Он сотрудничал с «Отечественными записками», был председателем совета присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты, издавал сочинения по адвокатской практике. В 1880–1881 гг. он участвовал в сенатской ревизии Саратовской и Самарской губерний как помощник сенатора И. И. Шамшина, изучая деятельность школьных и земских учреждений.

В 1880-х гг. К. К. Арсеньев сотрудничал с «Вестником Европы», где и поместил статью о царствовании Александра III. С первых же строк это произведение обращает на себя внимание привлечением огромного пласта фактического материала, иллюстрирующего выводы автора о несостоятельности политики «народного самодержавия». Однако критический настрой статьи не помешал публицисту подметить положительные аспекты мероприятий, проведенных Александром III.

¹ Император Александр III скончался 20 октября 1894 г.

² Соляной налог (акциз на соль) был отменен в 1880 г.

³ *Сенаторские ревизии* — форма надзора Сената за деятельностью местных органов управления. Осуществлялись в ходе командировок сенаторов в губернию или провинцию.

⁴ Последствия (*фр.*).

⁵ До назначения на пост товарища министра финансов в 1880 г. Н. Х. Бунге читал курс экономики в Киевском университете.

⁶ Закон 3 июня 1886 г. состоял из двух частей: общие правила найма, распространяющиеся на всю Российскую империю, и «особые правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». Закон ограничивал размер штрафов, взимаемых с рабочих, определял форму оплаты их труда (запрещались натуральные платежи). Устанавливалась ответственность фабрикантов за нарушение правил (штрафы или судебное разбирательство). На фабричную инспекцию возлагались задачи контроля за соблюдением всех правил, регулирующих трудовые отношения, рассмотрения жалоб рабочих и урегулирования конфликтов, а также рассмотрение и утверждение такс, табелей, расписаний и правил внутреннего распорядка на фабриках и заводах.

⁷ Закон 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время», облегчавший переселение (Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 9. СПб., 1891. С. 535–538).

⁸ Имеется в виду призыв в 1881 г. «сведущих людей» от земств для содействия по вопросу о понижении выкупных платежей, а затем по вопросам питейному и переселенческому. Включение подобных представителей в работу государственных органов было традиционным для российской системы управления.

⁹ Подробнее о Кахановской комиссии см. фрагменты дневника А. А. Погодина в разделе 4 наст. издания.

¹⁰ Школы грамоты создавались в России в порядке личной инициативы, в 1882 г. были узаконены как начальная ступень обучения (1–2 года).

¹¹ В 1881 г. был создан Комитет для разработки проекта нового Уголовного уложения, который образовал из состава своего Редакционную комиссию. Работа комиссии была завершена лишь в следующем царствование — новое Уголовное уложение было утверждено в 1903 г.

Кодификационные работы пересмотра действующих гражданских законов и составления проекта гражданского Уложения в 1882 г. были сосредоточены в Министерстве юстиции, при котором учрежден особый комитет из лиц, «близко знакомых с судебной практикой и теорией гражданского права». Из среды комитета должна была быть избрана редакционная комиссия для составления проекта и объяснительной к нему записки. Комиссии и комитету предоставлено приглашать на свои совещания, с правом голоса, посторонних лиц, мнения которых будут признаны полезными для дела. Проект граждан-

ского уложения разрабатывался в течение длительного времени, в 1905 г. был внесен в Государственную думу, но так и не был утвержден.

¹² Законом 3 мая 1883 г. раскольникам были даны значительные гражданские льготы и право свободного отправления богослужений. В гражданском отношении старообрядцы были уравнены с населением Российской империи; в религиозном — были разрешены богослужения, но без внешнего проявления.

¹³ *Диктатура сердца* — ироническое название политики М. Т. Лорис-Меликова, назначенного 14 февраля 1880 г. начальником Верховной распорядительной комиссии для борьбы с революционным движением. 6 августа 1880 г. комиссия прекратила свою работу, а М. Т. Лорис-Меликов получил пост министра внутренних дел. Он предпринял попытку преодолеть внутриполитический кризис путем созыва народного представительства, разработав проект создания комиссий для рассмотрения проектов преобразования государственного устройства (подробно об этом см. коммент. к разделу 4 наст. издания).

¹⁴ В 1880-х гг. принят ряд законодательных мер, направленных на сохранение дворянского землевладения и упрочения положения дворянства как краеугольного камня самодержавной монархии. Первый шаг на новом пути сделан был законом 1883 г. о дворянских *выморочных имуществ* (*имущество умерших лиц, на которые не объявлялись наследники*). По закону 1883 г. выморочные имущества после потомственных дворян обращаются в собственность дворянского общества.

¹⁵ Встреча Александра III с крестьянскими старшинами состоялась 21 мая 1883 г. в Петровском дворце под Москвой сразу после коронации. В своей речи император подтвердил неприкосновенность крестьянской и помещичьей собственности на землю, призвав крестьян к тому, чтобы они оставили мысли о переделе земли и прирезках и следовали советам и руководству предводителей дворянства.

¹⁶ См. выше коммент. 8 к статье Г. В. Плеханова.

¹⁷ 18 марта 1886 г. был издан закон, ограничивающий выход крестьян из общины. Семейный раздел (раздел дома и надела) мог состояться только с согласия главы семьи и с разрешения не менее чем 2/3 домохозяев на сельском сходе. Община несла коллективную ответственность за повинности, и выход крестьян из нее перекладывал налоговое бремя на остальных общинников.

¹⁸ Положении о найме сельских рабочих 12 июня 1886 г. определяло порядок найма рабочей силы и расчетов между нанимателем и работником как в деревне, так и в городе. Фабричные рабочие должны были при найме предоставлять рабочие книжки и паспорта или виды на жительство.

Сельские рабочие могли заключать договор в устной или письменной форме. При заключении письменного договора договорной лист оставался у нанимателя, расчетный хранился у рабочего.

Положение устанавливало обязанности сторон: нанимателя — по лечению и содержанию рабочих, работника — за прогулы и самовольный уход.

¹⁹ Имеется в виду закон о земских начальниках (подробно см. коммент. 6 к фрагментам рукописи И. К. Янченко в разделе 4).

²⁰ Закон 8 июня 1893 г. о земских оценках устанавливал правила оценки недвижимого имущества, которым располагало земство. Оценка имущества

должна была производиться губернскими и уездными оценочными комиссиями, в которые входили государственные чиновники и представители земств, причем численный перевес был в пользу государственных органов.

²¹ Больничный устав 10 июня 1893 г. выделял две категории лечебных заведений: государственные и частные. К государственным были отнесены лечебные заведения земских и городских управлений, приказов общественного призрения, а также лечебные заведения, состоящие в ведении советов общественного призрения Царства Польского. К частным были отнесены лечебные заведения, находящиеся «на попечении частных лиц, а также благотворительных, ученых и иных обществ».

²² Согласно закону 6 июня 1894 г. о страховом комитете создан первый российский орган страхового надзора — Комитет по надзору за страховой деятельностью при Хозяйственном департаменте министерства внутренних дел и принято Положение о надзоре за деятельностью страховых обществ и учреждений.

²³ Отличительной чертой российского общинного землевладения были постоянные переделы земли, целью которых было уравнивание условий землепользования. В результате частной собственности на землю у крестьян не было — они получали новый надел каждые три года. Закон 8 июня 1893 г. о переделах постановлял, что приговоры о переделе поверяются на месте земским начальником и утверждаются уездным съездом. Общиннику гарантировалось сохранение старого надела при переделе, если им произведены улучшения на своем участке. С 1893 г. переделы проводились не чаще, чем один раз в 12 лет.

²⁴ Продовольственный устав определял порядок создания продовольственных запасов. После 1864 г. создание общественных продовольственных капиталов относилось к ведению земств. Временные правила для земских учреждений 1864 г. предоставляли земским собраниям устанавливать особые сборы со всех предметов обложения для усиления продовольственного капитала. После неурожая и голода 1891 г. по распоряжению правительства при министерстве внутренних дел была образована комиссия для пересмотра продовольственного устава. Хозяйственный департамент МВД на основании суждений комиссии разработал проект устава, но утвержден он не был.

²⁵ В сельском сходе участвовали все домохозяева (главы семейств), принадлежащие к сельскому обществу. Имущественный ценз в Центральной России при этом не устанавливался. Если женщина владела усадьбой оседлостью, то она могла принимать участие в сельском сходе. Решения сельского схода считались законными тогда только, когда на нем присутствовали сельский староста или заступающий его место и не менее половины всех крестьян, имеющих право участвовать в сходе. Решения принимались большинством голосов крестьян, участвующих в сходе, а при равенстве голосов большинство считался на той стороне, с которой соглашался староста.

²⁶ Закон 20 мая 1885 г. «О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» учредил Высшее дисциплинарное присутствие Сената, правомочное смещать или перемещать судей по усмотрению и представлению министра юстиции.

²⁷ Закон 12 февраля 1887 г. провозглашал право суда рассматривать дела при закрытых дверях. Таким образом, подвергся пересмотру принцип гласности и открытости суда.

²⁸ Закон 7 июля 1889 г. изъял из юрисдикции суда присяжных обширный круг дел, в частности, все дела о насильственных действиях против должностных лиц.

²⁹ Университетский устав 1884 г. ликвидировал автономию университетов, отменив выборность должностей ректора, декана, профессора.

³⁰ Речь идет о циркуляре министра народного просвещения И. Д. Делянова, известного под названием циркуляра «о кухаркиных детях», введший принцип сословности в обучение и закрывавший доступ в гимназии «детей кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников и т. п.».

³¹ Правила 13 июня 1884 г. «О церковно-приходских школах» подчиняли церковному ведению школы грамоты.

³² Реформа 1874 г., вводившая всеобщую воинскую повинность, устанавливала сокращение сроков службы в зависимости от образовательного ценза: для окончивших курс шести классов гимназий и реальных училищ, или второго класса духовных семинарий, или же курс других учебных заведений второго разряда на действительной службе — год и шесть месяцев и в запасе армии — тринадцать лет и шесть месяцев. Закон 10 февраля 1886 г. «Об увеличении сроков действительной военной службы для лиц, получивших высшее и среднее образование», увеличивал для этой категории срок действительной службы до двух лет, однако в запасе они состояли 13 лет.

³³ См. выше коммент. 16 к статье Г. В. Плеханова.

³⁴ Квартирный налог был введен 14 мая 1893 г. Налогом облагались находящиеся в собственности и съёмные помещения, причем не только жилые, но и занимаемые правительственными, общественными и сословными учреждениями, учеными и учебными заведениями, больницами, лечебницами, торговыми и промышленными заведениями и другими т. п. Размер налога зависел от стоимости помещения. Законом была установлена определенная норма, при стоимости помещения ниже ее налог не взимался. Введение квартирного налога было одной из мер на пути к установлению прогрессивной шкалы налогообложения.

³⁵ Тариф 1891 г. повлиял на российско-германские отношения. Между странами началась таможенная война, в результате которой обе они несли убытки. После переговоров 22 января 1894 г. был заключен русско-германский торговый договор сроком на 10 лет. Россия снижала пошлины на немецкие промышленные товары на 18–65%, а Германия распространяла на Россию льготный тариф, что означало понижение ставок на 15–33%. Кроме того, договор распространял на обе стороны принцип наибольшего благоприятствования.

³⁶ В 1894 г. была произведена конверсия (переоценка) 5-процентных банковских билетов 1 и 2 выпусков и восточных займов 2 и 3 выпусков. Взамен конвертированных бумаг выпущена 4-процентная государственная рента на сумму 1200 млн руб. с более длительным сроком погашения. Подробно см. выше комент. 23 к статье Г. В. Плеханова.

³⁷ См. выше коммент. 21 к статье Г. В. Плеханова.

³⁸ *Фабричная инспекция* — орган надзора за исполнением фабричного законодательства, учрежденный в 1882 г. в системе министерства финансов. В конце 1880-х гг. были пересмотрены некоторые положения закона 3 июня 1886 г. (см. выше коммент. 6). Был разрешен ночной труд подростков и женщин, прием на работу малолетних, изменен состав фабричной инспекции. В результате фабричная инспекция утрачивала свою роль.

³⁹ *Выигрышные займы* — 5-процентные займы 1864 и 1866 гг. по 100 млн руб. каждый, рассчитанные на погашение в течение 60 лет, их тиражи производились советом Госбанка в присутствии депутатов Петербургской городской думы от всех сословий и представителей Петербургской биржи и сопровождались лотереей выигрышей на общую сумму в 600 тыс. руб. по каждому займу, наиболее крупный выигрыш — 200 тыс. руб. (1 в каждом тираже), наименьший — 500 руб. (250 в тираже). Под названием «третьего выигрышного займа» были известны 5-процентные закладные с выигрышами листы Государственного Дворянского банка 1889 г. (на 80 млн руб., срок погашения 36,5 лет).

⁴⁰ 12 июня 1885 г. императором Александром III был подписан первый Общий устав российских железных дорог и Положение о Совете по железнодорожным делам, устанавливавший единые юридические нормы эксплуатации железнодорожного транспорта.

⁴¹ *Барановская комиссия* — см. фрагменты дневника Е. А. Перетца за 1881 г. в разделе 4 наст. издания.

⁴² Закон 3 декабря 1884 г. устанавливал меры против совместительства государственной службы с какой-либо частной профессией, в особенности с участием в администрации крупных, и именно акционерных, торгово-промышленных предприятий.

⁴³ Законы об акционерных и городских банках (1883) были приняты в связи с банкротством некоторых городских банков. С 1883 г. они были подчинены государственному надзору.

⁴⁴ 4 апреля 1888 г. было издано Положение о сбережении лесов (Закон о лесоохранении), которое предусматривало меры по ограждению лесов от истребления и меры по ведению правильного лесного хозяйства и разведение новых лесов.

⁴⁵ Согласно Основным положениям о промышленных училищах (1888) создавались средние учебные заведения трех типов: средние технические училища (готовили помощников инженеров) и низшие технические училища (готовили «непосредственных руководителей труда рабочих»), а также ремесленные училища («практическое обучение приемам какого-либо производства»). Обучение в средних технических училищах длилось четыре года, в низших технических и ремесленных училищах — три года.

⁴⁶ Закон от 12 марта 1891 г. «О детях усыновленных и узаконенных» разделял узаконение внебрачных детей и усыновление чужих детей. Вводились ограничения усыновления по конфессиональной принадлежности (исключалась возможность усыновления христиан нехристианами, и наоборот), по возрасту (разница не менее 18 лет между усыновляемым и усыновителем), по полу (женщины практически не имели возможности усыновлять детей).

⁴⁷ Закон о ростовщичестве (1893) устанавливал наказание за ростовщичество при денежных займах. Под ростовщической сделкой понималась выдача денег займа за более высокий, чем 12% годовых, при условии, что: 1) она заведомо для кредитора является крайне тягостной для должника и 2) если виновный, занимаясь отдачей капиталов в рост, скрыл чрезмерность процентов. За ростовщичество следовало лишение свободы на срок от 2 месяцев до 1 года и 4 месяцев.

⁴⁸ Закон о неотчуждаемости крестьянских наделов (Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских наделов» 14 декабря 1893 г.) ограничивал продажу земли крестьянами в целях предотвращения обезземеливания. Так, продажа земли сельским обществом была возможна, если за это решение проголосовало не менее 2/3 сельского схода, а затем оно было утверждено Губернским присутствием.

⁴⁹ Правила 3 мая 1882 г. о евреях устанавливали ограничения для еврейского населения в выборе места жительства, аренде земли и торговле. Им было запрещено селиться и приобретать недвижимое имущество вне городов и местечек, торговать в воскресные дни и православные праздники. Эти правила действовали в черте оседлости.

⁵⁰ *Остзейские губернии* — Прибалтийские губернии (территория современных Латвии и Эстонии).

⁵¹ *Правило о смешанных браках* — при вступлении в брак с лицом православного исповедания «неправославная сторона» должна была дать подписку о том, что дети будут воспитаны в православной вере.

⁵² *Пасторские процессы* — привлечение к суду католических или протестантских священников по обвинению в удовлетворении религиозных нужд людей, отпавших от православия. В 1870–1880-е гг. в Прибалтике активно шел процесс перехода католического и протестантского населения в православие. Однако смена вероисповедания была вызвана не религиозными убеждениями, а материальными причинами или вступлением в брак с православными. Постепенно начался обратный процесс — отпадение от православия. При этом наказаниям подвергались как верующие, так и пасторы. К 1894 г. общее число «пасторских процессов» достигло двухсот. Чаще всего такие процессы заканчивались отстранением виновного пастора от должности на несколько месяцев, в отдельных случаях — высылкой из Прибалтики или лишением права заниматься пастырской деятельностью. Эти приговоры могли быть смягчены решением Сената.

⁵³ Полицейская реформа 1888 г. сохранила вотчинную полицию. Владелец мызной земли следил за общественным порядком, над ним стояло губернское правление. По судебной реформе 1889 г. уголовные дела рассматривались без участия присяжных заседателей, все разбирательство шло на русском языке.

⁵⁴ *Пашковцы* — участники «Общества поощрения духовно-нравственного чтения», учрежденного в 1876 г. В. А. Пашковым, последователем протестантского проповедника лорда Редстока. Главной идеей учения пашковцев был протестантский постулат об оправдании верой, из которого следовало отрицание церковной обрядности и иерархии, почитания икон и таинств. Пашковцы занимались изданием и распространением религиозной литературы. В 1884 г.

деятельность пашковцев была запрещена, Общество закрыто, В. А. Пашков уехал за границу.

Штунда — см. выше коммент. 22 к дневнику Е. А. Перетца в разделе 4.

⁵⁵ В 1886 г. финский сейм получил право возбуждения законодательных вопросов.

⁵⁶ Манифест 1890 г. о финляндской почте подчинял финляндское почтово-телеграфное ведомство министерству внутренних дел.

⁵⁷ *Мирские сборы* — налоги, которые платила община (мир) и которые раскладывались на всех ее членов.

⁵⁸ Не заботится претор (*лат.*). *Претор* — в Древнем Риме высшее должностное лицо.

⁵⁹ Закон о земских участковых начальниках (см. выше коммент. 19).

⁶⁰ *Кассация* — обжалование решений.

⁶¹ Временные правила о печати 1882 г. восстанавливали предварительную цензуру, которая была отменена законом 6 апреля 1865 г.

⁶² *Сизиф* и *Тантал* — герои древнегреческих мифов, несшие наказание в царстве Аида (загробном мире). Сизиф должен был катить в гору камень, который постоянно скатывался вниз. «*Сизифов труд*» — трудное, но бесполезное дело. Тантал постоянно испытывал жажду и голод, стоя по горло в воде под свисавшими гроздьями плодов. Как только он пытался утолить свои желания, все исчезало. «*Танталовы муки*» — нестерпимые бесконечные страдания.

С. П. Петрашкевич

Тургенев об императоре Александре III

Впервые: Тургеневский сборник. Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова. Пг., 1915. С. 12–20. Печатается по этому изданию.

В 1915 г. в очередном выпуске «Тургеневского сборника», издававшегося Тургеневским кружком при Петроградских Высших женских курсах под руководством филолога и литературоведа *Николая Кирьяковича Пиксанова* (1878–1969), была помещена «новооткрытая статья» И. С. Тургенева. В предисловии слушательницы Высших женских курсов и участницы Тургеневского кружка С. П. Струмилиной-Петрашкевич говорилось о том, что эта статья была опубликована на французском языке без указания авторства в «*La Revue des cours littéraires*». Авторство было установлено публикатором на основании статьи П. Л. Лаврова о «И. С. Тургенев и русское общество», опубликованной в «Вестнике Народной воли» в 1884 г., и заявления Д. Гревия в выпуске «*La Revue des cours littéraires*» от 8 сентября 1883 г. В «Тургеневском сборнике» был напечатан как французский текст, так и его перевод на русский язык.

Текст был написан в связи с воцарением Александра III и выражал чаяния и надежды либерально настроенной части общества (аналогичные настроения выражены в опубликованных в разделе 3 наст. издания фрагментах воспоминаний А. А. Савельева и речи депутата тверского дворянства, обращенной к Александру III.) Четкость формулировок и их императивный характер сбли-

жают этот текст с публикациями А. И. Герцена в «Колоколе» при воцарении Александра II, в которых настоятельно говорилось о необходимости отменить крепостное право, телесные наказания и цензуру. В 1881 г. задачи нового царствования звучали как уменьшение выкупных платежей, реформа налоговой системы, смягчение паспортного режима и основание земельных банков.

Интерес представляет сравнение этих задач, обозначенных в статье, отнесенной к авторству И. С. Тургенева, и итогов царствования, подведенных в заключительной части публикации С. П. Петрашкевич, на основании которой можно сделать вывод, что задачи, стоявшие перед Александром III, были выполнены.

¹ «Политическое и литературное обозрение» (*фр.*) — еженедельное французское литературное издание, выходившее в 1863–1870 гг. под названием «La Revue des cours littéraires» («Обозрение литературных течений»), после 1871 г. — под названием «La Revue politique et littéraire» («Политическое и литературное обозрение»), а затем, благодаря цвету обложки, названное «La Revue bleue» («Голубое обозрение»).

² Император Наполеон III (1808–1873). Отрекся от престола в результате поражения, которое он потерпел от прусской армии во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. После его отречения во Франции 4 сентября 1870 г. была провозглашена Вторая республика.

³ *Парижская Коммуна* — самоуправление рабочих Парижа, установившееся в результате восстания и продержавшееся 72 дня — с 18 марта по 28 мая 1871 г. Причиной восстания послужило поражение Франции в войне с Пруссией в 1870–1871 гг., вторжение прусской армии во Францию и нежелание правительства предпринимать решительные действия для оказания сопротивления.

⁴ Исторический музей. Подробно об основании музея см. фрагменты мемуаров гр. С. Д. Шереметева в разделе 7.

⁵ Речь идет о Союзе трех императоров (1872–1886). Подробнее см. раздел 4.

⁶ Имеется в виду *Альбер-Эдуард, принц Уэльский* (1841–1901) — старший сын английской королевы Виктории, английский король с 1901 г. Был женат на датской принцессе Александре, сестре императрицы Марии Федоровны.

⁷ Подробно о манифесте Александра III 1 марта 1881 г. см. коммент. 4 к дневнику Е. А. Перетца в разделе 3.

⁸ Вестник Народной воли. 1884. № 2. С. 121.

А. А. Корнилов

Курс истории России XIX века

<Фрагмент>

Впервые: *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. В 3 ч. М., 1912–1914. Фрагмент лекций А. А. Корнилова печатается по: *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 2004. С. 731–781. Комментарии А. А. Корнилова.

Начало XX в., события которого явились закономерным следствием нерешенных проблем второй половины XIX в., заставило историков по-новому

взглянуть на эту эпоху. Одним из первых попытку аналитической оценки преобразований 1860-х гг. и контрреформ царствования Александра III предпринял Александр Александрович Корнилов (1862–1925), либеральный историк, член партии кадетов, посвятивший себя исследованиям крестьянской реформы и общественного движения XIX в. Три лекции А. А. Корнилов посвятил подробно обзору царствования Александра III. В рассуждениях историка явственно прослеживается влияние его политических взглядов. Курс лекций по истории России XIX в., ставший для Корнилова итогом научной деятельности, выдержавший несколько переизданий при жизни историка и на рубеже XX–XXI вв., до настоящего времени не утратил своего значения.

¹ Конец Польше (лат.). (примеч. сост.).

² Конец России (лат.). (примеч. сост.).

³ Отчет об этом совещании, записанный очень подробно одним из его участников, был напечатан в журнале «Былое» за 1906 г., в № 1, стр. 189–194, затем перепечатан полностью в книге В. Я. Богучарского «Из истории политической борьбы». М., 1912, стр. 259 и след.

⁴ О роли гр. Шувалова и других его единомышленников в это время см. в той же книге г. Богучарского и в целом ряде статей, вызванных появлением этой книги, перечень которых мы приводим в библиографии царствования Александра III, напечатанной в конце этой части «Курса».

⁵ Вся эта история подробно рассказана по документам в интересной статье г. Кованько «Освобождение крестьян и обязательный выкуп» в июньской книжке «Русской мысли» за 1912 г.

⁶ *Жупел* — в церковнославянском языке — горящая сера. Здесь: нечто внушающее ужас (примеч. сост.).

⁷ Программа эта была формулирована в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1882 г. Она цитирована у Б. Б. Веселовского «История земства за 40 лет», т. III, стр. 286.

⁸ Сведения о предположениях комиссии П. П. Семенова, работавшей в 1881 г., имеются в «Обзоре законоположений по переселенческому вопросу», составленном канцелярией Комитета министров. Выписки из этого «Обзора» приведены мною в книге моей «Крестьянская реформа» (СПб., 1905), стр. 230.

⁹ В «Русском архиве» за 1913 г., №№ 1 и 2.

¹⁰ Литература этого вопроса указана ниже в библиографии царствования императора Александра III. (См. Курс истории России XIX века. С. 857–863 (примеч. сост.).)

В. С. Кривенко

В Министерстве двора. Воспоминания
<Фрагмент>

Печатается по: *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006 / Подготовка текста: С. И. Григорьев, С. В. Куликов, Д. Н. Шиллов. С. 236–240. Примеч. С. В. Куликова.

¹ Прусский принц Вильгельм, будущий император Вильгельм II (*примеч. сост.*).

² Памятник Александру III в Москве был открыт в 1912 г. возле храма Христа Спасителя. Разрушен в 1918 г.

Памятник Александру III в Петербурге (автор П. Трубецкой) был установлен в 1909 г. на Знаменской площади (площадь Восстания) напротив Николаевского вокзала (Московский вокзал). В настоящее время памятник находится во дворе Мраморного дворца (*примеч. сост.*).

³ Отказ Александра III от строительства дворцов объяснялся не только его экономностью, но и тем, что из всех изящных искусств он предпочитал живопись, в ущерб архитектуре и всему, что с ней связано. Первоначально царь интересовался только западноевропейской живописью, в основном датской и французской. Однако уже в начале 1870-х гг. относится зарождение сильного интереса цесаревича к отечественному искусству. Так, в 1870 г. он приобрел коллекцию московского купца В. М. Кокорева, которая включала в себя произведения русских живописцев XVIII — первой половины XIX в. Впоследствии еще больший интерес Александр проявлял к современной ему живописи, покупая картины мастеров-академистов. Под влиянием художника-мариниста А. П. Боголюбова и своего брата, великого князя Владимира Александровича, в середине 1870-х гг. цесаревич начал отдавать явное предпочтение членам Товарищества передвижных художественных выставок. Близкие отношения, существовавшие между А. П. Боголюбовым и Александром III, завязались еще в 1860-е гг., когда А. П. Боголюбов давал уроки живописи жене цесаревича, будущей императрице Марии Федоровне. Именно А. П. Боголюбов содействовал переориентации художественного вкуса Александра с западноевропейских на русских художников, и прежде всего — на передвижников. В октябре 1875 г., при посещении Парижа, цесаревич общался с А. П. Боголюбовым, который познакомил высокого гостя с передвижниками, работавшими в это время в столице Франции. Цесаревич купил у передвижников и заказал им несколько картин. С этого времени Александр играл роль покровителя Товарищества. По инициативе А. П. Боголюбова и при поддержке цесаревича в 1876 г. в Париже было основано Общество взаимного вспомоществования русских художников, почетным покровителем которого до вступления на престол являлся Александр III. В дальнейшем попечителем общества был великий князь Владимир Александрович, а почетным президентом — посол России во Франции барон А. П. Моренгейм. Общество субсидировалось из личных средств Александра III. Когда в 1878 г., из-за невозможности для передвижников организовывать свои выставки в залах Академии художеств, возник вопрос о постройке для них выставочного павильона в Александровском саду в Петербурге, цесаревич оказал им поддержку перед городским головой столицы. Тем не менее петербургское городское самоуправление идею постройки выставочного павильона провалило. С 1881 г., после вшествия на престол, Александр III выказывал свои симпатии к передвижникам еще более откровенно, давая им крупные заказы, скупая их картины и посещая передвижные выставки в Петербурге. На одной из них, в 1885 г., он заявил, что «всегда смотрел на товарищество как на представителей передового русского искусства». Общим у императора и передвижников являлось и мнение о пагубности характерного для академизма стремления к «чистому искусству», равно как и о воспитательном значении искусства для общественной и государ-

ственной жизни. «Не должно ограничивать свои заботы одним Петербургом, — сказал как-то Александр III, — гораздо больше следует заботиться о всей России: распространение искусства есть дело государственной важности» (*Прахов А. В.* Александр III как деятель русского художественного просвещения // Художественные сокровища России. 1903. Т. 3. С. 148, 149–150). Взаимоотношения царского двора и движения передвижников охарактеризовал Я. Д. Минченков. «Двором отпускалось ежегодно пятнадцать тысяч рублей на приобретение картин для музеев, — отмечал он. — Из членов Академии художеств создавалась комиссия, которая и тратила эту сумму по назначению. Меценатом являлся сам царь. Народившееся национальное искусство ему желательно было использовать при проведении общей политики, для укрепления идей самодержавия и православия. Передвижники заказов от двора с его установкой на искусство не принимали. Напрасно Александр III старался подкупить передвижников, предлагая им постройку выставочного здания у Исаакия — с двуглавым орлом и титулом “императорское”. Охраняя свою самостоятельность и независимость, передвижники отказались от подарка и выполняли прежнее свое постановление — не вступать на царскую службу. Когда же в силу условий, создавшихся в кругу искусства, явилась необходимость войти в Академию художеств и передвижникам, общее собрание Товарищества передвижников дало на это разрешение своим членам с условием, чтобы они не участвовали на академических выставках и сохраняли неразрывную связь с Товариществом. Передвижники — профессора Академии, получая по службе чины и ордена, не признавали их и никогда не носили ни формы, ни орденов, ни каких-либо значков, которые выделяли бы их из общего круга художников. Царю приходилось приобретать на передвижных выставках то, что было свободно выполнено художниками, насколько последние могли свободно выражать себя при классовом воздействии на искусство. Александр III покупал для себя и для музеев произведения часто большого значения и большой стоимости, вещи, мимо которых просто нельзя было пройти, не заметив их значимости. Из приобретений Александра III составилась, как известно, музей, носивший его имя. На первой неделе поста царь говел, в субботу причащался и после завтрака с семьей ехал на передвижную выставку, накануне ее открытия для публики. Здесь он беседовал с художниками и приобретал их вещи» (*Минченков Я. Д.* Воспоминания о передвижниках. Л., 1959. С. 287). По повелению Александра III при реформировании Академии художеств в 1893 г., к которому был причастен В. С. Кривенко, передвижники получили карт-бланш, потеснив академистов и заняв в Академии лидирующее положение.

С. Ю. Витте

Воспоминания

<Фрагмент>

Печатается по: *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. I. С. 444–447.

В воспоминаниях С Ю. Витте помещен эпизод, относящийся к основанию музея имени императора Александра III. Для размещения коллекций музея был выбран Михайловский дворец, построенный по проекту архитектора К. России для вел. кн. Михаила Павловича, младшего брата императора Ни-

колая I. Во второй половине XIX в. владельцами Михайловского дворца были потомки Михаила Павловича — князя Мекленбург-Стрелицкие. Великая княжна Екатерина Михайловна, дочь вел. кн. Михаила Павловича, в 1851 г. стала женой герцога *Георга Августа Мекленбург-Стрелицкого*.

Музей имени императора Александра III (Русский музей) был основан в 1895 г., а открыл свои двери для посетителей в 1898 г. Это первый в России государственный музей русского изобразительного искусства.

С. Д. Шереметев

Мемуары
<Фрагменты>

Печатается по: Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 579–580, 595–596, 602–605. Примеч. Л. И. Шохина.

¹ Цезарь, Басилевс (*англ.*).

² Затасканности (*фр.*).

Н. Н. Фирсов

Александр III

Личная характеристика частью по его неизданным дневникам

Впервые: Былое. 1925. № 1. С. 85–108. Печатается по этому изданию.

Октябрьская революция 1917 г. открыла для историков архивы, дав им возможность исследовать документы государственные и личные, в том числе членов царской семьи. Воспользовался этой возможностью и *Николай Николаевич Фирсов* (1864–1934) — выпускник, а позднее профессор Казанского университета, в 1929–1931 гг. возглавлявший Музей пролетарской революции, располагавшийся в Зимнем дворце (преемником этого музея является Музей политической истории в Санкт-Петербурге). Н. Н. Фирсов неоднократно обращался к личностям монархов, предпринимая опыт их характеристик. В 1922 г. в журнале «Былое» он поместил характеристику Александра II (Былое. 1922. № 20. С. 125–128), в 1925 г. — Александра III. Несмотря на тенденциозность, обусловленную эпохой, в которой появились эти публикации, статьи Фирсова, благодаря выдержкам из дневниковых записей, освещают скрытое от мемуаристов личное отношение императоров к событиям, в центре которых они находились.

И. И. Колышко

Имп[ератор] Александр III

Впервые: *Колышко И. И.* Великий распад: Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Лукоянова. СПб., 2009. Печатается по этому изданию. С. 26–36.

Свержение монархии в 1917 г. и последовавшие за этим приход к власти большевиков и Гражданская война вызвали в противоборствующих лагерях размышления о причинах падения самодержавия. В мемуарах, появившихся в 1920–1930-х гг. в среде русской эмиграции, этот вопрос поднимался неоднократно. Публицист *Иосиф Иосифович Кольшко* (1861–1938) посвятил проблеме внутривосточного кризиса записки под названием «Великий распад», поставив задачу показать причины краха самодержавной России.

Выходец из польской дворянской семьи, получивший военное образование и помешавший свои публикации в журнале «Гражданин», И. И. Кольшко сумел сделать в начале 1880-х гг. головокружительную служебную карьеру. Стремительный взлет молодого чиновника, не имевшего состояния и влиятельных родственников, современники и биографы объясняли взятками и покровительством В. П. Мещерского, известного своей нетрадиционной сексуальной ориентацией. Протекция, составленная князем Мещерским, способствовала назначению в 1883 г. И. И. Кольшко чиновником для особых поручений при министре внутренних дел Д. А. Толстом. В 1892 г. он начал службу в министерство путей сообщения под началом С. Ю. Витте. С 1894 по 1917 г. карьера Кольшко была связана с министерством финансов.

Одновременно с продвижением по служебной лестнице росла слава Кольшко как драматурга. Сюжеты его произведений были построены на знании бюрократического мира, что привлекало публику. Так, в шедшей с большим успехом на российской сцене пьесе «Большой человек» под именем главного героя В. А. Ишимова был выведен бывший патрон Кольшко С. Ю. Витте.

И. И. Кольшко был также известен как авантюристическая личность, в биографии которой имелись темные страницы. До сих пор не выяснена его роль в тайных переговорах о заключении сепаратного мира с Германией, которые велись в 1916–1917 гг., положение в эмигрантских кругах после 1918 г. и наличие связей с советскими спецслужбами. В 1930-х гг. Кольшко, перебиваясь случайными заработками, публиковал очерки о России в эмигрантских изданиях, сотрудничал с берлинской фашистской газетой «Новое слово». Кончина публициста и авантюриста 10 апреля 1938 г. в Ницце прошла незамеченной.

В середине 1930-х гг. И. И. Кольшко подготовил рукопись воспоминаний под названием «Великий распад», которая оказалась в Гуверовском институте войны, революции и мира и была опубликована лишь в 2009 г. Катастрофа, постигшая Россию в 1917 г., по его мнению была следствием «великого распада» — внутривосточного кризиса, нараставшего в стране со середины XIX в. В воспоминаниях Кольшко представил свое видение внутренней политики Российской империи, закулисные стороны которой были ему хорошо известны. В записках выведены образы крупных государственных деятелей второй половины XIX — начала XX в., не обойдены вниманием и последние Романовы — Александр II, Александр III и Николай II. Выводы мемуариста зачастую субъективны, но при этом подмечены главные черты характера и политики монархов. В главе, посвященной Александру III, Кольшко выделил разделы — «Царь-супруг», «Царь-националист», «Волевой-царь», «Царь-миротворец», «Державность и приватность», «Православие, самодержавие, народность», которые при всей тенденциозности отражают главные аспекты политической деятельности и частной жизни императора.

¹ И. И. Кольшко неточно цитирует письмо вел. кн. Николая Александровича В. П. Мещерскому, б/д. [февраль-март 1864 г.]. В действительности фраза выглядит так: «С луны не хлебают на земле уши» ([Франк В. С.] Из неизданной переписки имп[ератора] Александра III и Николая II с кн[язем] В. П. Мещерским // *Современные записки*. Т. 70. Париж, 1940. С. 176).

² *Вел. кн. Николай Александрович (1843–1865)* — старший сын Александра II, брат Александра III, наследник престола. Скончался в Ницце от туберкулеза спинного мозга.

³ Роман В. П. Мещерского «Женщины из петербургского большого света» впервые был издан в 1874 г., имел продолжение в виде трех других романов.

⁴ Скорее всего, это неточная цитата. Среди писем вел. кн. Николая Александровича В. П. Мещерскому есть одно, из Флоренции 10 (22) ноября 1864 г., где звучат схожие по смыслу фразы: «Я знаю, что любим существом, которого я почти недостойн, я чувствую, что это счастье мне не по плечу, а это мысль тяжелая» ([Франк В. С.] Из неизданной переписки имп[ератора] Александра III и Николая II с кн[язем] В. П. Мещерским // *Современные записки*. Т. 70. Париж, 1940. С. 177). Такие мысли охватили цесаревича после его помолвки с принцессой Дагмарой в Копенгагене 20 сентября 1864 г.

⁵ Речь идет о М. И. Витте, второй жене С. Ю. Витте.

⁶ Об этом см.: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 40–41.

⁷ Правильнее было бы склонять название — Борки. Катастрофа царского поезда произошла 17 октября 1888 г. на 277 версте между станциями Тарановка и Борки Курско- Харьковско-Азовской железной дороги. Царский поезд на полном ходу сошел с рельс. Несколько вагонов были полностью разрушены, погибло 19, ранено 14 человек. Согласно описанию А. Ф. Кони, царская семья спаслась благодаря тому, что крыша в вагоне-столовой, где во время крушения они находились, одним концом упала на пирамиду тележек высотой в 2,5 аршина (около 180 см). Расследование показало, что главной причиной катастрофы стали нарушения правил движения: тяжелый царский поезд должен был двигаться не быстрее 40 верст в час, реальная же его скорость составляла примерно 60 верст в час (нагоняли график движения, так как отставали на полтора часа). Попутно выяснился еще целый ряд дефектов и неисправностей, способствовавших аварии. Прежде всего, это некачественная прокладка пути, произведенная летом 1886 г. (т. е. за два года до катастрофы), и низкое качество шпал. К осени 1888 г. на 277 версте 8 из них пришлось заменить, в том числе — 6 непосредственно на месте крушения, причем вместо новых использовали бывшие в употреблении. Специальное исследование показало, что некоторые из шпал уже по внешнему своему виду были явно не годны для дороги и что «не только дерево, из коего сделаны эти шпалы, слабое, но и дерево новых шпал имеет весьма посредственные качества». Сопротивление раздроблению испытуемых шпал оказалось в 2–3 раза ниже, чем у хорошей сосны, а сопротивление на вытягивание костьюлей — в 3–15 раз (подробнее см.: *Кони А. Ф.* Крушение царского поезда в 1888 г. // *Кони А. Ф. Собрание сочинений*. Т. 1. М., 1966. С. 420–495).

⁸ Катастрофа царского поезда близ станции Борки в октябре 1888 г. послужила причиной отставки К. Н. Посьета.

⁹ И. И. Колышко, вероятно, имеет в виду *Самуила Соломоновича Полякова* (1837–1888), одного из трех сыновей Соломона Лазаревича Полякова. К 1880-м гг. в его руках находилось более десятка железных дорог, построенных южнее Москвы.

¹⁰ В октябре 1894 г. А. Захарьин присутствовал в Крыму во время последней болезни Александра III, но был не единственным врачом, приглашенным для консультаций. Г. А. Захарьин с самого начала не скрывал смертельный характер заболевания самодержца (*Вельяминов Н. А.* Воспоминания об императоре Александре III // Российский архив. Кн. V. М., 1994. С. 291–305).

«Дружба» М. Н. Каткова с С. С. Поляковым состояла в том, что последний субсидировал издание «Московских ведомостей» и пожертвовал крупную сумму на Катковский лицей. По слухам, целью С. С. Полякова было получение баронства.

¹¹ С. Ю. Витте, будучи свидетелем этой встречи, в своих мемуарах поведал лишь о том, насколько почтительно юный принц относился к российскому монарху: когда он потребовал у конвойного казака подать ему плащ, Вильгельм бросился и сам подал Александру III одежду (Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 161; Т. 2. Рукописные заметки. С. 81).

¹² Подписать чистый лист (*фр.*).

¹³ Обычно считается, что эта история произошла в Гатчине.

¹⁴ *Наполеон III Бонапарт* (1808–1873) — последний монарх Франции. Наполеон III стал императором в 1851 г. после переворота, до этого в 1848 г. был избран президентом республики. Потерял власть, попав в ходе франко-прусской войны 1870–1871 гг. в плен после поражения французской армии под Седаном.

Визит Александра II во Францию состоялся в мае 1867 г., в Париже в него стрелял поляк А. И. Березовский.

¹⁵ Евгения, супруга императора Наполеона III с 1853 г., мать наследника Эжена Наполеона (1856–1879), погибшего в Африке в ходе войны англичан с зулусами, славилась красотой и была законодательницей мод в Европе.

¹⁶ И. И. Колышко частично пересказывает письмо вел. кн. Александра Александровича В. П. Мещерскому 7 (19) июня 1867 г. из Фреденсберга: «К чоргу все, лишь бы наш государь был невредим и вернулся бы в матушку Россию поскорее. <...> Странное было чувство попасть вдруг в Париж и сидеть возле такого человека, хотя он был любезен как нельзя больше и в особенности к русским. Императрица мне очень понравилась. Разговорчива и весела; она еще очень хороша собою и совсем не так переменялась, как я думал. Вообще, знакомиться, и разговаривать с французами было легко, потому что они умеют говорить. Вы скажете слово, а они Вам ответят 20, так что разговор идет как по маслу» ([*Франк В. С.*] Из неизданной переписки имп[ератора] Александра III и Николая II с кн[язем] В. П. Мещерским // Современные записки. Т. 70. Париж, 1940. С. 185). В цитате сохранена орфография оригинала.

¹⁷ 13 июля 1891 г. французская военная эскадра прибыла в Кронштадт, Александр III не только лично встречал гостей, но и с непокрытой головой выслушал гимн французской республики «Марсельезу».

¹⁸ Против назначения Т. И. Филиппова выступал прежде всего К. П. Победоносцев, относившийся к Филиппову резко негативно за его вмешательство в церковные дела, а также Д. М. Сольский, государственный контролер, чьим товарищем Филиппов был в течение 11 лет (считал его «неподходящим»). Оба они рекомендовали на место уходящего Д. М. Сольского А. А. Половцова ([Половцов А. А.] Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. 1887–1892 гг. М., 1966. С. 220–224). Похоже, что это была не интрига Половцова, а интрига против назначения Филиппова. Половцов записал в дневнике: «Я очень хорошо понял, что Победоносцев говорил обо мне [царю] только с отчаяния видеть Филиппова на контролерском месте» (С. 224).

¹⁹ По поручению Александра III военный инженер А. А. фон Вендрих ездил по различным дорогам, предъявляя их руководству часто неисполнимые требования. Во время голода 1891–1892 гг. Вендрих своими распоряжениями вызвал дезорганизацию железнодорожного сообщения, нанеся государству ущерб в 12 млн руб. По заключению С. Ю. Витте, его деятельность приносила некоторую пользу, «но в общем он скорее запутывал дело». Однако Александр III питал к Вендриху доверие, требовал исполнять его распоряжения, несмотря на протесты управляющего МПС Г. А. Евреинова, даже рассматривал его как кандидата в министры путей сообщения. Однако на это место был назначен С. Ю. Витте, который настоял на удалении Вендриха. Он продолжил службу как член Инженерного совета министерства путей сообщения (07.03.1893–01.01.1907). С 28 июня 1907 по 8 октября 1908 г. А. А. Вендрих — товарищ министра путей сообщения. Здесь он также успел «отличиться»: получила известность история с представлением им Николаю II в обход министра путей сообщения плана милитаризации персонала железных дорог (который должен был быть ему подчинен, а он сам введен в состав Совета государственной обороны). С 8 октября 1908 г. А. А. Вендрих — сенатор. Подробнее о Вендрихе и его деятельности см.: Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 220–223, 224–226.

²⁰ В. М. Вонлярлярский в своих воспоминаниях сослался на доклад профессора Николаевской Академии Генерального штаба генерала А. М. Золотарева, сделанный в 1901 г. во время торжественного заседания в память императора Александра III в зале Дворянского собрания. На докладе он сообщил, что С. Ю. Витте подал прошение на высочайшее имя о женитьбе на М. И. Лисаневич, на котором царь сделал помету: «Хоть бы на козе». В. М. Вонлярлярский объясняет причину такой реакции самодержца: он понимал, что в случае положительной резолюции супруга С. Ю. Витте автоматически получила бы право приезда ко двору. Этого явно не желали (*Вонлярлярский В. М. Мои воспоминания 1852–1939 гг.* Берлин, [1939]. С. 173).

²¹ Циркуляр о «кухаркиных детях» был издан 1 июля 1887 г. министром народного просвещения И. Д. Деляновым. Согласно ему, предписывалось при приеме в гимназии воздержаться «от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей», делая исключение лишь наиболее талантливым из них. Следствием циркуляра стало массовое исключение из гимназий «кухаркиных детей». П. А. Зайончковский приписал инициативу циркуляра И. Д. Делянову (*Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов)*. М., 1970. С. 347–354).

²² В 1871 г. Д. А. Толстой провел реформу среднего образования в России, которая состояла в пересмотре учебных планов в гимназиях (усиление изучения классических языков и древней истории). Кроме того, отныне доступ в университеты получали лишь выпускники классических гимназий, реальные же гимназии в 1872 г. были понижены до статуса реальных училищ.

²³ *Катковский лицей* (в память цесаревича Николая) основан в 1868 г., в 1893 г. получил статус императорского.

²⁴ Политехнический институт в Петербурге был основан в 1899 г., а открыт 1 октября 1902 г.

²⁵ А. Д. Пазухин участвовал в качестве эксперта в работе кахановской комиссии для составления проекта реформы местного управления, затем — правитель канцелярии министра внутренних дел. Его проекты легли в основу законов о земских начальниках (12 июля 1889 г.) и нового положения о земстве (12 июня 1890 г.). Первая его записка, излагавшая проект введения земских начальников, не сохранилась. Подробнее об этом см.: *Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х гг.)*. М., 1970. С. 366–372.

²⁶ Придача земским начальникам судебных функций была едва ли не главным предметом споров вокруг этой реформы. Решение оказалось неудачным, в 1912 г. мировой суд как низшая инстанция был восстановлен.

²⁷ Рецепт Александра I — «Священный Союз», заключенный в 1815 г. между Австрией, Пруссией и Россией, предназначался в том числе для поддержания в Европе status quo после низвержения Наполеона и для борьбы с революциями.

В 1928 г. А. Бриан стал инициатором заключения международного пакта Келлога — Бриана, участники которого осуждали войну. Впоследствии число стран, подписавших этот пакт, увеличилось до 65, однако многие страны его не исполняли. В 1930 г. А. Бриан подготовил меморандум с идеей Соединенных штатов Европы, но и эту идею никто не принял.

²⁸ После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. устройство освобожденной Болгарии практически всецело находилось в руках России. Но избранный в 1879 г. болгарским князем Александр Баттенбергский отдалялся от Петербурга, русско-болгарские отношения постепенно охладелись и дошли в 1886 г. до полного разрыва.

²⁹ Население Российской империи достигло 180 млн человек к 1915 г. В царствование Александра III его средняя численность составила 115,9 млн человек.

³⁰ Имеется в виду А. А. Суворов — человек, весьма близкий Александру II, присутствовал при его венчании с Е. М. Долгорукой.

³¹ Король умер — да здравствует король! (*фр.*)

³² Дневник Николая II, запись 16 мая 1905 г.: «После трех докладов приняли вдвоем 30 раненых и ампутированных солдат. Завтракали: д[ядя] Алексей и Кирилл (деж[урный флигель-адъютант]). Ездил верхом, гулял и катался в байдарке. Сегодня стали приходить самые противоречивые вести и сведения о бое нашей эскадры с японским флотом — все насчет наших потерь и полное умолчание о их повреждениях. Такое неведение ужасно гнетет! Ольга, Пета

и Кирилл обедали. Ездил в Павловск с ними» (Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 261).

³³ А. Мицкевич, в 1840–1845 гг. профессор в Колледж де Франс, был отстранен от преподавания за проповедь польского мессианства.

³⁴ Имеются в виду один из лидеров германской социал-демократии К. Каутский и П. Рорбах, идеолог расчленения России (уподоблял ее апельсину, который следовало бы разделить на дольки), сторонник отделения Украины.

³⁵ В основе русско-французского сближения, а затем и военного союза, заключенного в 1891 г., лежали не только финансовые интересы (выход на парижскую биржу), но и опасения перед резко усилившейся после 1870 г. Германией.

³⁶ Религиозно-философские собрания проходили под председательством ректора Петербургской духовной академии епископа Сергия (Страгородского) в ноябре 1901 — апреле 1903 гг. Собрания возникли по инициативе Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosofova, В. В. Розанова, В. С. Мирялобова, А. Н. Бенуа, В. А. Тернавцева и других, с согласия обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и митрополита Антония (Вадковского). На многочисленных собраниях обсуждались многочисленные проблемы взаимоотношения церкви, общества и государства. После 22 заседаний собрания прекращены по личному распоряжению К. П. Победоносцева.

³⁷ Имеется в виду основательница религиозно-мистической секты Е. Ф. Татаринова (урожд. Буксгевден). Смысл обрядности и «радений» в секте был в доведении участников действа до экстаза (современники отмечали схожесть с приемами скопцов). В секту входило несколько десятков человек, в том числе представители придворных кругов, высокопоставленные чиновники и военные. Среди посетителей Е. Ф. Татариновой был министр духовных дел князь А. Н. Голицын. Александр I однажды дал ей аудиенцию, затем с уважением отзывался о Е. Ф. Татариновой. Секта была ликвидирована в 1837 г., а ее основательница помещена в монастырь. Через 10 лет ее выпустили под подписку не создавать тайных обществ и не участвовать в их деятельности.

Фотий — архимандрит, борец с сектами, мистикой, масонством. Рескрипт Александра I министру внутренних дел В. П. Кочубею 1 августа 1822 г., запрещавший в России тайные общества и масонские ложи, приписывают успешной аудиенции Фотия у императора 5 июня 1822 г. Влиянию Фотия приписывают также отставку министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына 15 мая 1824 г. Фотий сыграл важнейшую роль в том, что в последние годы своего царствования Александр I принял сторону ортодоксов православия.

³⁸ Чин тайного советника получил Самуил Соломонович Поляков.

³⁹ *Людовик XVI* (1754–1793) — последний король из династии Бурбонов. В 1789 г. созвал Генеральные штаты, вслед за чем началась Великая французская революция, признал конституцию 1791 г., казнен на гильотине 21 января 1793 г.

Филипп Эгалитэ, герцог Орлеанский (1747–1793) — либерал, с 1771 г. великий магистр масонской ложи Великий восток Франции, поддержал французскую революцию, отказавшись от титула и приняв фамилию «Эгалитэ» (равенство). Казнен за измену революции его сына.

⁴⁰ Крестьянский банк учрежден в 1882 г. для того, чтобы быть одним из посредников при приобретении крестьянами помещичьей земли (другим был открытый в 1885 г. Дворянский банк). Он выдавал ссуды земледельцам (до 90% стоимости) на срок до 51 года под 7,5–8,5% годовых. При этом цена на землю, покупаемую у банка, была примерно в два раза выше рыночной. Тем не менее в 1883–1915 гг. свыше 1 млн крестьянских дворов приобрели через банк более 17,6 млн десятин земли.

⁴¹ Книга И. А. Родионова «Наше преступление» выдержала в России около десятка изданий.

⁴² *Людовик «Солнце»* — Людовик XIV, король Франции в 1643–1715 гг.

В. Г. Чернуха

Император Александр III:
его жизнь и характер, политика и ее оценка

Впервые: *Чернуха В. Г.* Император Александр III: Его жизнь и характер, политика и ее оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. СПб., 2012 (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III). С. 599–613. Печатается по этому изданию.

¹ О нем см.: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. М., 1998.

² *Мещерский В. П.* Мои воспоминания: в 3 ч. Ч. 1. СПб., 1897.

³ Недавно опубликованная С. С. Атапиным и Н. А. Малевановым рукопись С. С. Татищева послужила автору настоящей статьи своими доброкачественными материалами из личных архивов и библиотек Романовых: *Татищев С. С.* Цесаревич Александр Александрович: сб. документов. СПб., 2002. С. 26–442.

⁴ *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. Ч. 1. С. 269–270.

⁵ *Валуев П. А.* Дневник: в 2 т. Т. 2. М., 1961. С. 162.

⁶ *Толстая А. А.* Записки фрейлины // Октябрь. 1993. № 5. С. 93–134.

⁷ *Куломзин А. Н.* Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 189. Л. 32 об. — 33.

⁸ *Готье Ю. В.* Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 года // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Т. 2. М., 1938. С. 240–299.

⁹ *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 29–61.

¹⁰ *Валк С. Н.* Внутренняя политика царизма в 80-х — начале 90-х годов: Материалы к обсуждению. М., 1951; *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

¹¹ *Щетинина Г. К.* Университеты в России и университетский устав 1884 г. М., 1976.

¹² ПСЗ III. Т. IV. № 2404; ПСЗ III. Т. VI. № 3851.

¹³ *Куломзин А. Н.* Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 149. Л. 116.

¹⁴ *Федосова В. П.* Бестужевские курсы — первый женский университет в России (1878–1918 гг.). М., 1980. С. 54–58.

¹⁵ *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 186–190.

¹⁶ *Романов Н. Р.* «Реформы нужно доводить до конца» // Родина. 1993. № 1. С. 12.

¹⁷ *Лаверычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974. С. 195–219.

¹⁸ *Соловьева А. М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 178–192.

¹⁹ *Щетинина Г. К.* Университеты в России...

²⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1960. С. 404–451; Т. 2. М., 1960. С. 447.

²¹ *Андреев В. Е.* Семейный конфликт (К вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Федоровна: сб. материалов науч. конф. СПб., 2006. С. 3–22.

²² *Ананьич Б. В. И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции.* СПб., 2007. С. 15.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
<i>В. Г. Чернуха</i> Александр III (1845–1894)	7

I

ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ

<i>А. В. Никитенко</i> Дневник <Фрагмент>	47
<i>Н. П. Литвинов</i> <Дневник. 1861–1862 годы> <Фрагменты>	48
<i>С. Д. Шереметев</i> <Воскресные собрания у великих князей в Петербурге>	80
<i>Н. Н. Фирсов</i> Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и императоре Александре III в юности <Фрагмент>	84
<i>В. П. Мещерский</i> Письма великому князю Александру Александровичу. 1865–1867 годы <Фрагменты>	95
<i>Р. С. Уортман</i> Формирование русского царя <Фрагменты>	112
<i>Н. А. Качалов</i> Из «Записок» <Фрагменты>	120
<i>Великий князь Александр Александрович</i> <Письма К. П. Победоносцеву> <Фрагменты>	131

II

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

<i>М. К. Соколовский</i> Военная служба императора Александра III (26 февраля 1845 — 2 марта 1881 года)	143
---	-----

С. Манассеин

В Руцукском отряде (Воспоминания И. И. Венедиктова)

<Фрагменты> 147

<Без подписи>

Из Руцукского отряда <Фрагмент> 157

<Переписка цесаревича Александра Александровича
с великим князем Николаем Николаевичем. 1877–1878 годы> 165Из переписки Александра Александровича Романова
и его супруги Марии Федоровны 175*Великий князь Александр Александрович*

<Письма К. П. Победоносцеву> <Фрагменты> 202

С. Д. Шереметев

Мемуары <Фрагменты> 206

III

ВОЦАРЕНИЕ

Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин

Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 года 219

Е. А. Перетц

<Дневник государственного секретаря> <Фрагмент> 228

П. Е. Щеголев

Событие 1 марта и В. С. Соловьев <Фрагменты> 232

А. А. Савельев

<Восшествие на престол Александра III> <Фрагменты> 236

<Без подписи>

Речь депутата тверского дворянства,
обращенная к Александру III <Фрагменты> 238*К. П. Победоносцев*

<Письма императору Александру III> <Фрагменты> 239

<Высочайший манифест 29 апреля 1881 года> 243

С. Д. Шереметев

Мемуары <Фрагменты> 245

IV

КОРРЕКТИРОВКА КУРСА

Н. Х. Бунге

«Загробные заметки» <Фрагменты> 249

Е. А. Перетц<Дневник государственного секретаря. 1881–1883 годы>
<Фрагменты> 254*А. А. Половцов*Дневник государственного секретаря. <1883–1892 годы>
<Фрагменты> 315*И. К. Янченко*Правительственная деятельность Александра III в Гатчине.
Исследования и материалы <Фрагменты> 341

<i>В. Н. Ламздорф</i>	
Дневник. 1891–1892 <Фрагменты>	363
<i>С. Д. Шереметев</i>	
Мемуары <Фрагменты>	367
<i>С. Ю. Витте</i>	
Воспоминания <Фрагменты>	370

V

ЦАРЬ-МИРОТВОРЕЦ

<i>С. Ю. Витте</i>	
Воспоминания <Фрагменты>	381
<i>С. Д. Шереметев</i>	
Мемуары <Фрагменты>	384
<i>Вильгельм Прусский</i>	
Четыре письма принца Вильгельма Прусского к Александру III ..	389
<i>О. Бисмарк</i>	
Мысли и воспоминания <Фрагменты>	395
<i>В. Н. Ламздорф</i>	
Дневник. 1891–1892 годы <Фрагменты>	404

VI

ИМПЕРАТОРСКАЯ ФАМИЛИЯ

<i>В. Е. Андреев</i>	
Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича)	435
Переписка цесаревича Александра Александровича и великого князя Михаила Николаевича <1875 год> <Фрагменты>...	454
<i>В. С. Кривенко</i>	
В Министерстве двора. Воспоминания <Фрагмент>	462
<i>С. Ю. Витте</i>	
Воспоминания <Фрагменты>	463
<i>А. А. Половцов</i>	
Дневник государственного секретаря. <1884–1892 годы> Фрагменты>	471
<Письма миссис Лотроп, жены чрезвычайного посланника Соединенных Штатов в России. 1886 год> <Фрагменты>.....	498
<i>Р. С. Уортман</i>	
<Публичная и частная сферы> <Фрагменты>	505
<i>А. А. Мосолов</i>	
При дворе последнего императора <Фрагменты>.....	508
<i>В. Н. Ламздорф</i>	
Дневник. 1891–1892 годы <Фрагменты>	515

VII ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Н. А. Качалов</i>		
Из «Записок» <Фрагмент>.....	519	
<i>В. С. Кривенко</i>		
В Министерстве двора. Воспоминания <Фрагменты>	522	
<i>В. К. Макаров</i>		
Гатчина. Исторический очерк. Описание дворца. 1944 год <Фрагмент>.....	526	
<i>С. Ю. Витте</i>		
Воспоминания <Фрагмент>.....	527	
<i>В. К. Макаров</i>		
Первые работы Зичи в Гатчине	529	
<i>С. Д. Шереметев</i>		
Мемуары <Фрагменты>	531	
Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу. <1875–1885 годы> <Фрагмент>		545
<i>А. А. Половцов</i>		
Дневник государственного секретаря. <1885–1889 годы> <Фрагменты>	550	
<i>Александр III</i>		
Письма императрице Марии Федоровне. <1891–1892 годы>	556	

VIII БОЛЕЗНЬ И КОНЧИНА

<i>С. Д. Шереметев</i>		
Мемуары <Фрагменты>	573	
<i>В. Н. Ламздорф</i>		
Дневник. 1894–1896 годы <Фрагменты>	577	
<i>Николай II</i>		
Дневники <Фрагмент>.....	591	
Письмо Греческой королевы Ольги Константиновны великому князю Константину Константиновичу.....		601
<i>В. С. Кривенко</i>		
Болезнь и смерть Александра III <Фрагменты>.....	603	
Письмо императрицы Марии Федоровны великому князю Георгию Александровичу		608
<i>Л. А. Тихомиров</i>		
<Дневник> <Фрагменты>	610	
<i>А. А. Игнатьев</i>		
Пятьдесят лет в строю <Фрагмент>.....	614	

**IX
РЕЗЮМЕ**

<i>В. О. Ключевский</i>	
Памяти в бозе почившего Государя императора Александра III . . .	621
<i>Г. В. Плеханов</i>	
Царствование Александра III	625
<i>К. К. Арсеньев</i>	
Царствование императора Александра III	633
<i>С. П. Петрашкевич</i>	
Тургенев об императоре Александре III	646
<i>А. А. Корнилов</i>	
Курс истории России XIX века <Фрагмент>	654
<i>В. С. Кривенко</i>	
В Министерстве двора. Воспоминания <Фрагмент>	696
<i>С. Ю. Витте</i>	
Воспоминания <Фрагмент>	700
<i>С. Д. Шереметев</i>	
Мемуары <Фрагменты>	704
<i>Н. Н. Фирсов</i>	
Александр III. Личная характеристика частью по его неизданным дневникам	710
<i>И. И. Кольшко</i>	
Имп[ератор] Александр III	737
<i>В. Г. Чернуха</i>	
Император Александр III: его жизнь и характер, политика и ее оценка	750
Комментарии	763

Учебное издание

Александр III: pro et contra

Антология

Составители:

И. Е. Барыкина, В. Г. Чернуха

*Директор издательства Р. В. Светлов
Заведующий редакцией В. Н. Подгорбунских
Корректор С. А. Авдеев
Верстка О. М. Кукушкиной*

Подписано в печать 21.09.2013. Формат 60×90 1/16
Бум. офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 56,00. Тираж 1500 экз.
Зак. № 123

Издательство Русской христианской гуманитарной академии.
Тел.: (812) 310–79–29; факс: (812) 571–30–75;
e-mail: books@rhga.ru. URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано в типографии ООО «Супервэйв Групп»,
188681, Ленинградская обл., Всеволожский р-н, пос. Красная Заря, д. 15